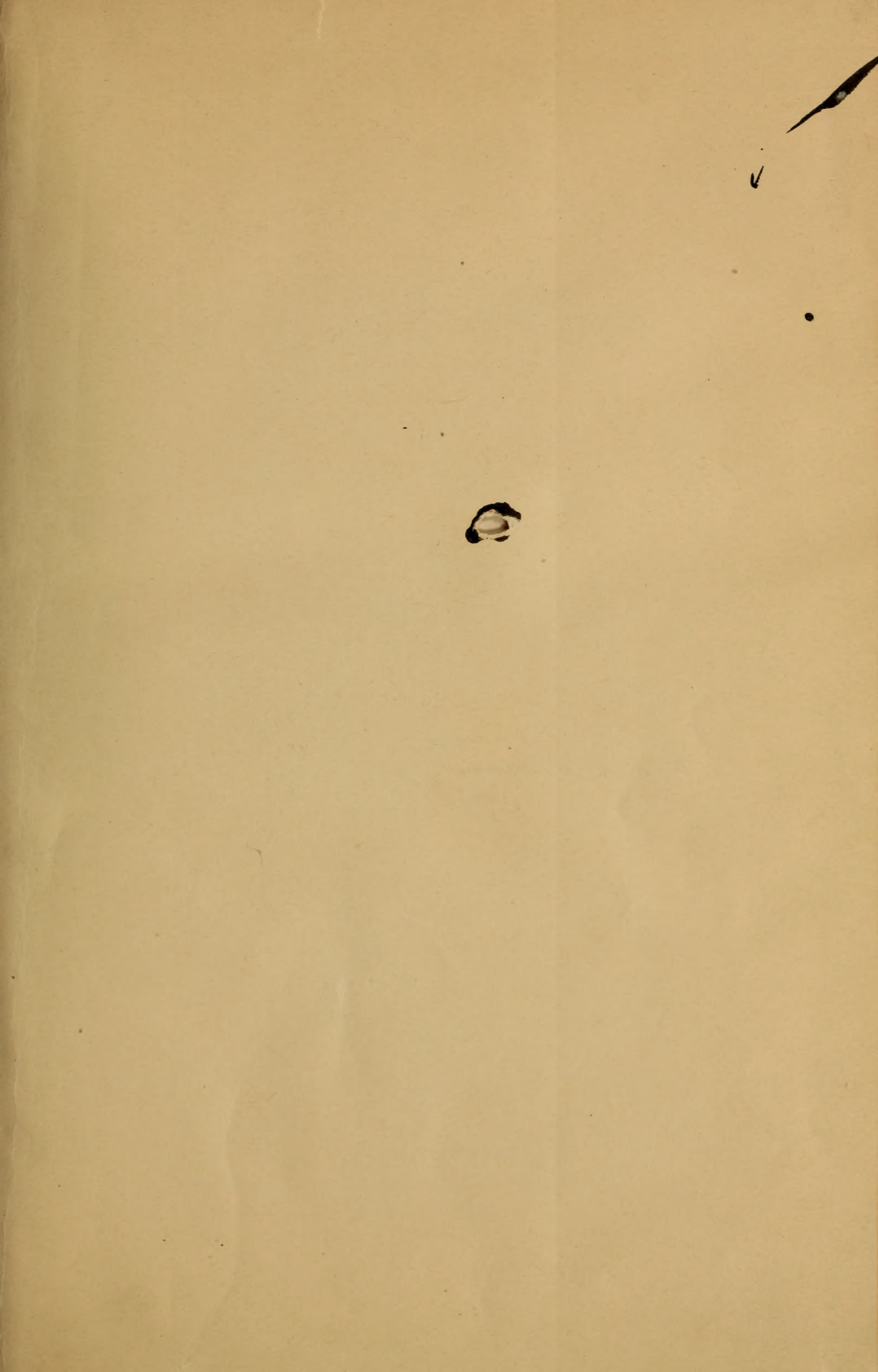

Russkaia istoricheskaia

РУССКАЯ

khristomatiia

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРИСТОМАТІЯ

(862—1850)

СЪ ТЕОРЕТИЧЕСКИМЪ УКАЗАТЕЛЕМЪ.

СОСТАВИЛЪ

Petrov, Konstantin Petrovich

К. Петровъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ МОРСКАГО МИНИСТЕРСТВА,

ВЪ ГЛАВНОМЪ АДМИРАЛТЕЙСТВѢ.

1866.

Всякій, кто будетъ пользоваться изданной нами книгой, легко увидитъ, что мы пошли по проложенному пути: пользовались прекрасными трудами благородныхъ дѣятелей на этомъ поприщѣ Г.г. Буслаева и Галахова (*). Имена ихъ съ благодарностью вспоминаетъ каждый, кто принимается за подобный же трудъ. Впрочемъ коечто принадлежитъ и намъ самимъ. Составленный нами въ 1863 году „Курсъ исторіи русской литературы съ библіографическими указаніями“ появился въ продажѣ раньше „Исторіи русской словесности“ Г. Галахова, и слѣдовательно написанъ не подъ ея руководствомъ. Въ изданной теперь книгѣ намъ самимъ принадлежатъ: 1) выборъ нѣкоторыхъ статей и отрывковъ; 2) краткое изложеніе содержанія двадцати шести сочиненій, чтобы нѣсколько облегчить пониманіе приведенныхъ изъ нихъ отрывковъ; 3) теоретическій указатель. Хотя составленіе этого указателя было дѣломъ несовсѣмъ легкимъ, но мы не приписываемъ своей работѣ большаго значенія, особенно потому, что сами видимъ въ ней значительные недостатки. Это была съ нашей стороны слабая попытка до нѣкоторой степени выполнить справедливое требованіе современной педагогики, чтобы теорія словесности выводилась изъ примѣровъ. Хорошо ли сдѣлано то, что принадлежитъ намъ самимъ, объ этомъ предоставляемъ судить людямъ, болѣе насъ опытнымъ.—Очень жаль, если наша книга нарушила чьи-нибудь литературныя права!

К. П.

С. П. Б. 1866 года Мая 3 дня.

(*) По словесности народной и древней мы были облегчены превосходнымъ сборникомъ Г. О. Миллера.

ОГЛАВЛЕНIЕ.

НАРОДНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

А. ДОИСТОРИЧЕСКIЙ ПЕРIОДЪ.

Стран.

1. Пѣсни.

а. Обрядныя.

За рѣкою, за быстрою . 1

Коляда, коляда . . . . —

Винотрадье красно. . . . —

И я золото хороню, хороню 2

А мы просо сѣяли, сѣяли . —

Плетень . . . . —

Ай во саду, саду, люблю садовую 3

б. Свадебныя.

Что во свѣтлой во свѣтлицѣ . . . . . . —

Кормилецъ мой, батюшка . 4

Перекатно красно солнышко . . . . —

Не лежи, черный бобръ . —

Съ рѣченьки утушка слетывала. . . . . . —

в. Богатырскiя (былины).

Олегъ Святославичъ . . 5

Микула Селяниновичъ . . 7

Илья Муромецъ 8

Добрыня Никитичъ I. . . 15

— — II. . . 16

Ставръ Бояринъ . . . 19

Садко купецъ, богатый гость 22

Василiй Буслаевичъ. . . 26

Отчего перевелись богатыри 28

2. Сказки.

Иванъ Царевичъ и Марѳа Царевна 29

Баба-Яга 32

Сказка о трехъ царствахъ . 33

Котъ, козелъ и баранъ . 35

Лиса, волкъ, медвѣдь и заяцъ 36

Солнце, Мѣсяцъ и Воронъ Вороновичъ 38

3. Пословицы 39

ИСКУСТВЕННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

А. ДРЕВНІЙ ПЕРІОДЪ.

		Стран.
XI вѣкъ.	Поученіе Архіепископа Луки	40
	Иларіонъ, митрополитъ Кіевскій. Похвала князю Владиміру	41
	Ѳеодосій Печерскій. Поученіе о казняхъ Божіихъ	43
	Несторъ. Лѣтопись. Вступленіе	45
	Начало Руси	46
	Крещеніе Славянъ	47
	Ольга и Святославъ	48
	Гибель Святослава	52
	Русскіе первомученики	53
XII вѣкъ.	Владиміръ Мономахъ. Поученіе	54
	Кириллъ Туровскій. Слово въ новую недѣлю по Пасхѣ	58
	Слово о Полку Игоревѣ	61
XIII вѣкъ.	Кириллъ II Митрополитъ. Изъ Слова на Соборѣ Владимірскомъ	70
	Серапіонъ. Четвертое слово	72
	Изъ Слова о кончинѣ міра	73
	Слово о мятежи житія сего	74
	Слово нѣкоего Христолюбца, ревнителя по правой вѣрѣ	75
XIV вѣкъ.	Посланіе игумена Кирилла къ В. кн. Василію Дмитріевичу	76
	Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ	78
	Сказаніе о Муромскомъ Князѣ Петрѣ и супругѣ его Февроніи	85
XV вѣкъ.	Сказаніе Іосифа Волоцкаго о Новгородской ереси	89
	Посланіе Архіепископа Вассіана о законности войны съ Ханомъ Ахматомъ	94
XVI вѣкъ.	Максимъ Грекъ. Слово отвѣщательное о исправленіи книгъ русскихъ	96
	Сильвестръ. Домострой. Главы VII, XV, XVII, XXXI, XXXIV	101
	Іоаннъ Грозный. Изъ посланія Игумену Козмѣ съ братіею	104
	Изъ отвѣтнаго посланія кн. Курбскому	114
	Грамота кн. Курбскому	117
	Кн. Курбскій. Эпистолія первая къ царю московскому	119
	Второе посланіе Курбскаго къ Іоанну Грозному изъ Полоцка	121
XVII вѣкъ.	Жалостная комедія объ Адамѣ и Еввѣ	123
	Симеонъ Полоцкій. Изъ Псалтиря въ стихахъ	132
	Комедія о Навуходоносорѣ	135
	Св. Димитрій Ростовскій. Розыскъ	139
	Вирши XVII и XVIII в. в.	144

НАРОДНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Б. ИСТОРИЧЕСКІЙ ПЕРІОДЪ.

Стран.

1. Историческія пѣсни.
Романъ Дмитріевичъ и Марья Юрьевна 145
Свадьба Грознаго 147
Былина объ Иванѣ Грозномъ 149
Ермакъ Тимофѣевичъ 150
Пѣсня объ осадѣ Солов. Монастыря 151
Украинскія думы: 1) Побѣгъ трехъ братьевъ изъ Азова . . . . —
2) Черноморская буря . . 153
3) Походъ на Поляковъ . 154
Пѣсни о Петрѣ Великомъ I и II 156

2. Духовные стихи.
а. Голубиная книга . . . 157
б. Стихъ о великомъ страшномъ судѣ 160
в. Алексѣй человѣкъ Божій . 162
г. Егорій Храбрый . . . 166
д. Стихъ о Борисѣ и Глѣбѣ . 172
е. О двухъ Лазаряхъ . . . 173
ж. О Лазарѣ 175
з. Стихъ о прекрасномъ Іосифѣ 176

3. Семейныя пѣсни: а. Соколы мои, соколы 177
б. Ты Иванъ, сударь, Петровичъ . . . . —
в. Какъ у Ефима ли въ свѣтличкѣ 178
г. Не былинушка въ чистомъ полѣ . . . . . —
д. Калину съ малиной вода поняла . . . . —
е. Ахъ вы горы, горы крутыя. —
ж. Ахъ ты поле мое, поле чистое 179
з. Ни въ умѣ было ни въ разумѣ . . . . —
і. Ахъ кабы на цвѣты да не морозы . . . . —
и. Свѣтелъ мѣсяцъ, родимый батюшка. 180
к. Ужъ какъ палъ . . . . . —
л. Ты рябинушка. . . . . . —
м. Выдавала меня матушка . 181
н. Отдавали молоду . . . —
о. Мимо моего садика . . —
п. У насъ было въ новомъ городѣ 182

4. Историческая сказка. Про Мамая-безбожнаго . . . —

5. Сатирическія сказки.
а. Шемякинъ судъ. . . . 186
б. Правда и Кривда . . . 187
в. Сказка объ Ершѣ Ершовичѣ 189

6. Повѣсть. Горе - Злочастіе . 194
Письменная словесность.
Исторія о Фролѣ Скобѣевѣ . 201

ИСКУСТВЕННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Б. НОВЫЙ ПЕРІОДЪ.

XVIII ВѢКЪ.

I. Ѳеоѳанъ Прокоповичъ.
Изъ слова въ день рожденія В. К. Петр. Петр. . . . 207
Изъ слова въ недѣлю осмуюнадесять 209

II. Кантемиръ.
Сатира вторая: Филаретъ и Евгеній. 211

III. Ломоносовъ.
Утреннее размышленіе . . . 218
Вечернее размышленіе . . . 219
На день восш. на прест. Елисаветы . . . . —
Изъ письма къ Шувалову о пользѣ стекла 222
Письма къ И. И. Шувалову . 223

Стран.

Изъ похв. слова Имп. Елисаветѣ 225

IV. **Амвросій Юшкевичъ.**

Изъ слова въ д. рожд. Имп. Елисав. 227

V. **Кирилъ Флоринскій.**

Изъ слова въ день рожд. Имп. Елисаветы. 229

VI. **Димитрій Сѣченовъ.**

Изъ слова въ день Благовѣщенія 230

Слово въ день Каз. Б. Матери 234

VII. **Сумароковъ.**

Хоревъ, трагедія 237

Эпистола къ неправедн. судьямъ 239

Четыре отвѣта . . . . . . —

Басни. а. Протоколъ 240

б. Совѣтъ боярской. . 241

VIII. **Фонвизинъ.**

Бригадиръ. Комедія . . . . —

Недоросль. Комедія 249

IX. **Новиковъ.**

Живописецъ, журналъ 1772 г. . 263

X. **Екатерина II.**

О время! комедія 269

Были и небылицы. 274

XI. **Княжнинъ.**

Хвастунъ. Комедія 277

XII. **Аблесимовъ.**

Мельникъ, комическая опера . . 286

XIII. **Херасковъ.**

Россіада 289

XIV. **Богдановичъ.**

Душенька. Древняя повѣсть . . 297

XV. **Хемницеръ.**

Басни: а. Умирающій отецъ . . 303

б. Гадатель. . . . . —

в. Богачъ и бѣднякъ. . —

г. Попугай 304

д. Пчела и курица . . —

е. Метафизикъ . . . 305

XVIII—XIX в. в.

XVI. **Державинъ.**

На смерть кн. Мещерскаго . . —

Фелица 306

На счастіе 309

Водопадъ 312

Вельможа 314

Павлинъ. 316

Памятникъ 317

XVII. **Елагинъ.**

Опытъ повѣствованія о Россіи . —

XVIII. **Щербатовъ.**

Исторія Россійская 322

XIX. **Карамзинъ.**

Письма русскаго путешественника 323

Бѣдная Лиза. 327

Что нужно автору? 330

Отъ чего въ Россіи мало авторскихъ талантовъ? . . 331

Мысли объ уединеніи. . . 333

Исторія Государства Россійскаго 335

XX. **Дмитріевъ.**

пѣсни: Стонетъ сизый. . . 341

Ахъ, когда бъ я прежде знала 342

Всѣхъ цвѣточковъ болѣ . . . . . . —

басни: Мышь, удалившаяся отъ свѣта. . . . —

Царь и два пастуха . 343

Лиса проповѣдница. . 344

сказки: Воздушныя башни. . —

XXI. **Мерзляковъ.**

Разборъ трагедіи Сумарокова Димитрій Самозванецъ . . 347

XXII. **Шишковъ.**

Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ. 351

XXIII. **Озеровъ.**

Димитрій Донской. Трагедія . 356

XXIV. **Гнѣдичъ.**

Рыбаки. Идиллія. 365

XXV. **Кн. Шаховскій.**

Пустодомы, комедія . . . 371

XXVI. **А. Измайловъ.**

басни и сказки.

Приказные синонимы 379

Пьяница. . . . 380

Лгунъ. 381

Дворянка-буянка . . —

Стран.

XIX ВѢКЪ.

XXVII. Жуковскій.
Ивиковы журавли 382
Жалоба 384
О милый другъ! теперь съ тобою радость.. . . . . . . —
Путешественникъ 385
Пловецъ . . . . —
Теонъ и Эсхинъ 386
Голосъ съ того свѣта . . . 387
Эолова арфа . . . . . . —
Рыцарь Тогенбургъ . . . 390
Вѣрность до гроба 391
Таинственный посѣтитель . . —
Жалоба Цереры 392
Ундина 393
XXVIII. Батюшковъ.
Элегія изъ Тибулла 398
Тибуллова элегія третья . . 400
Вечеръ 401
Изъ Греческой антологіи:
а) Въ обители ничтожества 402
б) Свидѣтели любви . . . —
в) Яворъ къ прохожему . —
XXIX. Загоскинъ.
Юрій Милославскій, романъ . —
XXX. Лажечниковъ.
Ледяной домъ. Романъ . . 413
XXXI. Крыловъ.
Почта духовъ 422
Похвальная рѣчь дѣдушкѣ . 425
Басни: Музыканты 431
Ларчикъ . . . . —
Василекъ 432
Волкъ и ягненокъ . —
Волкъ на псарнѣ . 433
Ручей . . . . . —
Крестьянинъ и работникъ 434
Слонъ на воеводствѣ . —
Волкъ и лисица . . 435
Мірская сходка. . . —
Слонъ въ случаѣ. . —
Оселъ и мужикъ . . 436
Волкъ и журавль . —
Лисица и оселъ. . —
Крестьянинъ и овца. —

Стран.
Оселъ 437
Пастухъ. . . . . . —
Волки и овцы . . —
Кукушка и пѣтухъ. . 438
XXXII. Пушкинъ 4.
Возрожденіе . . . . —
Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда. . . . . —
Муза . . . . —
Цыгане. 439
Борисъ Годуновъ 441
Стансы 446
Поэтъ . . . . —
Чернь . . . . —
Вельможѣ 447
Для береговъ отчизны дальной 449
Поэту. . . . . —
Евгеній Онѣгинъ . . . . . —
Пиръ Петра Великаго . . . 454
Памятникъ . . . . —
XXXIII. Лермонтовъ.
На смерть Пушкина . . . —
Пѣсня про царя Ивана Васильевича 455
Дума 459
Бэла 460
Послѣднее новоселье . . . 466
Не смѣйся надъ моей пророческой мечтой 467
Родина . . . . —
Выхожу одинъ я на дорогу 468
XXXIV. Кольцовъ.
Урожай . . . . —
Косарь 469
Лѣсъ 470
Горькая доля 471
Лихача Кудрявича: Первая пѣсня . . . —
— — Вторая пѣсня . . . 472
Ахъ зачѣмъ меня . . . . . —
Путь 473
Что ты спишь, мужичокъ? . —
XXXV. Грибоѣдовъ.
Горе отъ ума . . . . . . —
XXXVI. Гоголь.
Старосвѣтскіе помѣщики . . 485

	Стран.
Тарасъ Бульба	489
Ревизоръ	496
XXXVII. Князь Вяземскій.	
Старое поколѣніе	505
У страха глаза велики	—
Фонвизинъ	506
XXXVIII. Н. Полевой.	
Московскій Телеграфъ 1825 года	515
Русскій Вѣстникъ 1842 года	518
Аббаддона, романъ	522
Исторія русскаго народа	525
XXXIX. Надеждинъ.	
Отрывокъ изъ статьи экс-студента Никодима Надоумки	528
XL. Майковъ.	
Октава	532
Раздумье	—
Сонъ	—
Вхожу съ смущеніемъ	—
Искуство	533
На мысѣ семъ дикомъ	—
Муза, богиня Олимпа	—
Дитя мое, ужъ нѣтъ благословенныхъ дней	534
Ангелъ и демонъ	—
Клермонтскій соборъ	—
Дурочка Дуня. Идиллія	536
Приговоръ	538
XLI. Огаревъ.	
Старый домъ	540
Обыкновенная повѣсть	—
Изба	—
Когда встрѣчаются со мной	—
Дорога	541
Монологи I, II, III.	—
XLII. Достоевскій.	
Бѣдные люди. Романъ	542
XLIII. Григоровичъ.	
Антонъ Горемыка. Повѣсть.	550
XLIV. Тургеневъ.	
Хорь и Калиничъ	561
Малиновая вода	568
XLV. Гончаровъ.	
Обыкновенная исторія, романъ	573
XLVI. Боткинъ.	
Письма объ Испаніи	588
XLVII. Бѣлинскій.	
Литературныя мечтанія (1834)	601
Горе отъ ума, комедія Грибоѣдова. (1840)	605
Взглядъ на русскую литературу 1847 г. (1848)	608
Теоретическій указатель 4.	

НАРОДНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

А. ДОИСТОРИЧЕСКІЙ ПЕРІОДЪ.

---

1. ПѢСНИ.

а) обрядныя.

1. За рѣкою, за быстрою,
Ой коліодка! ой коліодка!
Лѣса стоятъ дремучіе,
Во тѣхъ лѣсахъ огни горятъ,
Огни горятъ великіе,
Вокругъ огней скамьи стоятъ,
Скамьи стоятъ дубовыя,
На тѣхъ скамьяхъ добры молодцы,
Добры молодцы, красны дѣвицы,
Поютъ пѣсни коліодушки.
Ой коліодка! ой коліодка!
Въ срединѣ ихъ старикъ сидитъ,
Онъ точитъ свой булатный ножъ.
Котелъ кипитъ горючій,
Возлѣ котла козелъ стоитъ;
Хотятъ козла зарѣзати.
Ой коліодка! ой коліодка!
Ты, братецъ, Иванушко,
Ты выди, ты выпрыгни!
Я радъ-бы выпрыгнулъ:
Горючь камень
Къ котлу тянетъ,
Желты пески
Сердце высосали,
Ой коліодка! ой коліодка!

---

2. Коляда, коляда!
Пришла коляда
Наканунѣ Рождества;
Мы ходили, мы искали
Коляду святую
По всѣмъ по дворамъ, по проулочкамъ.
Нашли коляду
У Петрова-то двора;
Петровъ-то дворъ желѣзный тынъ:
Среди двора три терема стоятъ,
Въ первомъ терему свѣтелъ мѣсяцъ,
Въ другомъ терему красно солнце,
А въ третьемъ терему частыя звѣзды.
Свѣтелъ мѣсяцъ—Петръ, сударь,
Свѣтъ Ивановичъ;
Красно солнце—Анна Кириловна;
Частыя звѣзды—то дѣти ихъ.
Здравствуй хозяинъ съ хозяюшкой,
На долгіе вѣки, на многія лѣта.

---

3. Виноградье красно, почему спознать:
Что Устиновъ домъ Малафеевича.
Что у его двора все шелкова трава,
Что у его двора все серебряный тынъ;
Ворота у него дощатыя,
Подворотички рыбья зубья;
На дворѣ у него да три терема:
Во первомъ терему да свѣтелъ мѣсяцъ,
Во второмъ терему красно солнышко,
Во третьемъ терему часты звѣзды;
Что свѣтелъ мѣсяцъ, то Устиновъ домъ,
Что красно солнце, то Улита его,
Что часты звѣзды, малы дѣтушки;
Да, дай Боже, Устину Малафеевичу,

Съ борзыхъ коней сыповей женить,
Да, дай Боже, Улитѣ Хавроньевнѣ,
Съ высока терема дочерей выдавать.
Подари, государь, колядовщиковъ!
Наша коляда ни рубль, ни полтина,
А всего полъ-алтына.

---

4. И я золото хороню, хороню,
Чисто серебро хороню, хороню,
Я у батюшки въ терему, въ терему,
Я у матушки во высокомъ, во высокомъ.
Палъ, палъ перстень
Въ калину, въ малину,
Въ черную смородину.
Гадай, гадай, дѣвица, отгадывай красная!
Въ коей рукѣ былица?
И я рада бы гадала,
И я рада бъ отгадала,
Кабы знала, кабы вѣдала.
Черезъ поле идучи,
Русу косу плетучи,
Шелкомъ перевиваючи,
Златомъ приплетаючи,
Ахъ, вы все, кумушки, вы голубушки!
Вы скажите, не утайте,
Мое золото отдайте;
Меня мати хочетъ бити,
По три утра, по чѣтыре,
По три прута золотые,
Четвертымъ жемчужнымъ.
Еще дѣвицы гадали,
Еще красныя гадали,
Да не отгадали.
Палъ, палъ перстень
Въ калину, въ малину,
Въ черную смородину.
Очутился перстень
Да у боярина, да у молодаго,
На правой на ручкѣ,
На маломъ мизинцѣ.
Еще дѣвицы гадали,
Да не отгадали,
Еще красныя гадали,
Да не отгадали.
Наше золото пропало,
Призаиндевѣло, призаплеснивѣло.
Молодайка, отгадай-ка!

5. А мы просо сѣяли, сѣяли;
Ой Дидъ, Ладо, сѣяли, сѣяли!
А мы просо вытопчемъ, вытопчемъ;
Ой Дидъ, Ладо, вытопчемъ, вытопчемъ!
А чѣмъ же вамъ вытоптать, вытоптать?
Ой Дидъ, Ладо, вытоптать, вытоптать!
А мы коней выпустимъ, выпустимъ;
Ой Дидъ, Ладо, выпустимъ, выпустимъ!
А мы коней переймемъ, переймемъ;
Ой Дидъ, Ладо, переймемъ, переймемъ!
А чѣмъ же вамъ перенять, перенять?
Ой Дидъ, Ладо, перенять, перенять!
Шелковымъ поводомъ, поводомъ;
Ой Дидъ, Ладо, поводомъ, поводомъ!
А мы коней выкупимъ, выкупимъ;
Ой Дидъ, Ладо, выкупимъ, выкупимъ!
А чѣмъ же вамъ выкупить, выкупить?
Ой Дидъ, Ладо, выкупить, выкупить!
А мы дадимъ сто рублей, сто рублей;
Ой Дидъ, Ладо, сто рублей, сто рублей!
Не надо намъ тысячи, тысячи;
Ой Дидъ, Ладо, тысячи, тысячи!
А что же вамъ надобно, надобно?
Ой Дидъ, Ладо, надобно, надобно!
Намъ-то надобно дѣвицу, дѣвицу;
Ой Дидъ, Ладо, дѣвицу, дѣвицу!
А нашего полку убыло, убыло;
Ой Дидъ, Ладо, убыло, убыло!
А нашего полку прибыло, прибыло;
Ой Дидъ, Ладо, прибыло, прибыло!

---

6. Плетень.

Заплетися, плетень, заплетися;
Ты завейся, труба золотая,
Завернися, камка крущатая!
Изъ-за горъ дѣвица утей выгоняла:
Тига утушка домой!
Тига сѣрая домой!

Я сама гуськомъ,
Сама сѣренькимъ.
Ой свѣтъ, сѣра утица!
Потопила малыхъ дѣтушекъ
Во меду, да во патокѣ,
Да во яствѣ сахарномъ,
Да во питьѣ медяномъ.
Я старымъ старикамъ
Киселя съ молокомъ;
Молодымъ молодкамъ
Шелковую плетку;
А краснымъ дѣвицамъ
Бѣлилъ да румянъ.
Расплетися, плетень, расплетися;
Ты развейся, труба золотая,
Ты развернися, камка крущатая!
Изъ-за горъ дѣвица утей выгоняла:
Тига утушка домой!
Тига сѣрая домой!
Я сама гуськомъ,
Сама сѣренькимъ.
Ой свѣтъ, сѣра утица!
Вынимала малыхъ дѣтушекъ,
Изъ меду, изъ патоки,
Изъ яствъ сахарныхъ,
Изъ питья медянаго.

---

7. Ай во саду, саду, люблю садовую,
Люблю, люблю садовую, грушу зеленую,
Грушу, грушу зеленую, дѣвку веселую.
Надъ рѣкой дѣвка стоитъ, сама рѣчи говоритъ:
Аль я безчастна, дѣвка безталанна!
Сговорила меня мать за крестьянина отдать.
Нейду, нейду, матушка, нейду осударыня,
Нейду, осударыня, замужъ за крестьянина.
Крестьянинъ, родимая, много пашни пашетъ,
Много пашни пашетъ, много засѣваетъ,
Борозды глубокія, полосы широкія,
Серпы-то тупые, жнецы-то глупые.
Ай во саду, саду, люблю садовую, и т. д.
Сговорила меня мать за боярина отдать;
Нейду, нейду, матушка, нейду, осударыня,
Нейду, осударыня, замужъ за боярина.
Бояринъ охотникъ, много собакъ держитъ,
Собаки борзыя, холопи босые,
Что бояринъ воевать, а я горе горевать,
Что бояринъ въ Москву, а я кануся въ тоску.
Ай во саду, саду и проч.
Сговорила меня мать за земскаго отдать.
Иду, иду, матушка, иду, осударыня,
Иду, осударыня, замужъ за земскаго.
Что земской-то міромъ кутить,
А я млада, младешенька, посулы считать.

б) свадебныя.

1. Что во свѣтлой во свѣтлицѣ,
Подъ косящетымъ окошечкомъ,
Сидѣла красна дѣвица, душа,
Похвалялась похвальбой своей,
Похвальбой своей великою:
Что не взять, не взять Алексѣю меня,
Что не взять, не взять Васильевичу?
Что ни стомъ рублей, ни тысячей,
Ни помѣстьемъ, большой вотчиной?
Какъ услышалъ Алексѣй, господинъ,
Похвальбу ея великую:
Не хвалися, красна дѣвица, душа,
Свѣтъ Ефросинья Васильевна!
Я возьму тебя за себя,
И безъ ста рублей, безъ тысячи,
Безъ помѣстьевъ, большой вотчины;
Я самъ-семъ пріѣду съ боярами,
Я восьмую возьму свашеньку,
И девятую присватаю,
А десятую тебя за себя;
Я возьму тебя за праву руку,
Поведу тебя къ суду Божьему,
Къ суду Божьему, ко злату вѣнцу,
Отъ злата вѣнца къ себѣ на дворъ.
Еще вотъ тебѣ, батюшка,
Вѣковѣчная ключница!

Еще вотъ тебѣ, матушка,
Вѣковѣчная платьемойница!
Ужь, какъ мнѣ ли, молодцу,
Вѣковѣчная молода жена!

---

2. Кормилецъ мой, батюшка,
Кинулся ты, мой батюшка,
На злато, на серебро!
Кормилица моя, матушка,
На цвѣтно платье!
Запоручили вы меня, горькую,
За поруки за крѣпкія,
Молодехоньку, зеленехоньку!
Ахъ, кормилецъ мой, батюшка!
Ахъ, кормилица моя, матушка!
Не примайте вы винной чарочки;
Не посолъ вашъ, винная чарочка,
Не посолъ, не перемѣнушка;
Своего посла вы избываете,
Посла вольнаго, слугу вѣрнаго,
Безотвѣтнаго.

---

3. Перекатно красно солнышко,
Ты звѣзда перекатная,
За облакъ звѣзда закатилася
Прочь отъ свѣтлаго мѣсяца.
Перешла наша дѣвица
Изъ горницы въ горницу,
Изъ столовой во новую;
Перешедъ, она задумалася,
А задумавшись, заплакала,
Во слезахъ слово молвила:
Государь мой, родный батюшка,
Не возможно-ль того сдѣлати,
Меня дѣвицу, не выдати?

---

4. Не лежи, черный бобръ, у крутыхъ береговъ,
Черная куна возлѣ быстрой рѣки;
Не сиди, Севастьянъ, во чужомъ пиру,
Севастьянъ господинъ и Созонтовичъ;
Снаряжай ты свадьбу Ѳедосьину,
Что Ѳедосьину Севастьяновнину.
Глупые люди, неразумные!
Ужь у меня свадебка снаряжена:
Девять печей хлѣба испечено,
Десятая печь тертыхъ калачей;
Девять четвертей пива наварено,
Десятая четверть зелена вина.
Ужь у меня приданое изготовлено:
Девять городовъ съ пригородками.

---

5. Съ рѣченьки утушка слетывала,
Съ тихой сѣрая вспархивала,
Прилетала утушка,
Прилетала сѣрая
На бурное, на сине море;
Не знала утушка,
Не знала сѣрая:
Гдѣ ей опуститися?
Отъ вихоря уклонитися?
Гуси стали щипати,
А утушка громко кликати:
Ой ты, рѣчка моя, рѣченька,
Ты, рѣчка ли моя, тихая!
Кабы знала я, да вѣдала
Такую надъ собой невзгодушку,
Разстаться бы съ тобой не подумала.
Сходила съ терема Машенька,
Сходила съ высокаго Ефимовна,
Пріѣзжала ко свекру въ домъ;
Свекоръ-батюшка не ласковый,
Не ласковый, не какъ родной.
Входила къ свекрови во теремъ;
Свекровь-матушка угрюмая,
Угрюмая—не какъ родная.
Деверья по свѣтличкѣ похаживаютъ,
Объ ней все поговариваютъ:
Ужъ какъ наша ли невѣстка
Нехороша, непригожа,
Неласкова, непривѣтлива;
Золовушки перешептываютъ:
Ужь какъ наша ли невѣстка
Не горазда ни къ чему:
Ни ткать, ни прясть,
Ни золотомъ шить,
Ни щей сварить, ни пирога испечь,
Ни пѣсенку запѣть,
Ни во дудочку, ни поплясать,
А словечушко промолвитъ,
За другимъ въ карманъ пойдетъ.
Ужъ не знала Машенька,
Ужъ, не вѣдала Ефимовна,
Куда ей дѣваться,
Куда ей укрытися,
Отъ насмѣшекъ, отъ зависти?
Что всплачетъ, что возгорюется,
Что возгорюется, что встоскуется:
Ой ты теремъ мой у батюшки

Ой ты, высокій мой у матушки!
Кабы знала я да вѣдала
Здѣсь себѣ таково житье,
Разстаться бы съ тобой я не подумала,
Выдти бы изъ тебя не помыслила;
Я жила бы въ тебѣ смирнешенько,
Я была бы въ тебѣ веселешенька,
Не знала бы я тоски и горести.

в) богатырскія (былины).

1. Олегъ Святославичъ.

Закатилось красное солнышко
За горушки высокія, за моря широкія,
Разсаждалися звѣзды частыя по свѣтлу небу:
Порождался Вольга́ сударь Буслаевичъ
На матушкѣ на святой Руси.
Росъ Вольга́ Буслаевичъ до пяти годовъ,
Пошелъ Вольга́ сударь Буслаевичъ по сырой земли:
Мать сыра земля сколыбалася,
И звѣри въ лѣсахъ разбѣжалися,
И птицы по подоблачью разлеталися,
И рыбы по синю морю разметалися.
И пошелъ Вольга́ сударь Буслаевичъ
Обучаться всякихъ хитростей, мудростей,
И всякихъ языковъ разныихъ.
Будетъ Вольга́ семнадцати лѣтъ
Прибираетъ дружину хоробрую:
Тридцать молодцевъ безъ единаго,
Самъ Вольга́ былъ во тридцатыихъ (*),
«Дружина, скаже, моя добрая, храбрая!
«Слушайте большаго братца, атамана-то:
«Вейте веревочки шелковыя.
«Становите веревочки во темну лѣсу,
«Становите веревочки по сырой земли,
«И ловите вы куницъ и лисицъ,
«Дикихъ звѣрей и черныхъ со́болей,
«И ловить по три дня и по три ночи.»
Слушали большаго братца, атамана-то,
Дѣлали дѣло повеленое:, и т. д.
Не могли добыть ни одного звѣрка.
Повернулся Вольга́ сударь Буслаевичъ левымъ звѣремъ (львомъ),
Поскочилъ по сырой земли, по темну лѣсу,
Заворачивалъ куницъ, лисицъ,
И дикихъ звѣрей, черныхъ соболей,
Большихъ поскакучіихъ заюшекъ,
Малыхъ горностаюшекъ.
И будетъ во градѣ во Кіевѣ
Со своею дружиною со доброю,
И скажетъ Вольга́ сударь Буслаевичъ:
«Дружинушка ты моя добрая, хоробрая!
«Слушайте большаго братца, атамана-то:
«Вейте силышки шелковыя,
«Становите силышка на темный лѣсъ,
«На темный лѣсъ, на самый верхъ,
«Ловите гусей, лебедей, ясныхъ соколей,
«И малую птицу пташицу.
«И ловите по три дни и по три ночи.»
И слушали большаго брата, атамана-то,
Дѣлали дѣло повеленое; и т. д.
Не могли добыть ни одной птички.
Повернулся Вольга́ сударь Буслаевичъ Науй-птицей (*),
Полетѣлъ по подоблачью,
Заворачивалъ гусей, лебедей, ясныхъ соколей,
И малую птицу пташицу.
И будутъ во городѣ во Кіевѣ, и т. д.

(*) Эти четыре стиха взяты изъ другого варьянта, такъ какъ соотвѣтствующіе имъ въ варьянтѣ, принятомъ за основаніе, темны и служатъ, съ другой стороны, только повтореніемъ предшествующихъ. Къ числу варьянтовъ этой древней былины относится и почитавшаяся у насъ въ прежнее время совершенно отдѣльною былина о *Волхѣ Всеславичѣ* (испорчено изъ *Олега Святославича*, подобно тому какъ въ другихъ варьянтахъ *Святославичъ* испорчено въ *Буслаевичъ*). Тамъ раннее развитіе Олега описывается слѣдующимъ образомъ:

А и будетъ Волхъ во полтора часа,
Волхъ говоритъ, какъ громъ гремитъ:
А и гой еси, сударыня матушка,
А не пеленай во пелену червчатую,
А не пояси во пояса шелковые,—
Пеленай меня, матушка,
Въ крѣпки латы булатные,
А на буйну голову клади златъ шеломъ,
Во праву руку палицу,
А тяжку палицу, свинцовую,
А вѣсомъ та палица въ триста пудъ.

(Слова Г. Ореста Миллера въ его Христоматіи, стр. 1).

(*) *Науй*, иначе *ногъ* или *нога*, является и въ другихъ произведеніяхъ: въ стихѣ о Егоріѣ Храбромъ и въ сказкѣ объ Александрѣ Македонскомъ.

Скажетъ Вольга́ сударь Буславичъ; и т. д.
«Возьмите топоры дроворубные,
«Стройте суденышко дубовое,
«Вяжите путевья шелковыя,
«Выѣзжайте вы на сине море,
«Ловите рыбу семжинку и бѣлужинку,
«Щученку и плотиченку,
«И дорогую рыбку осетринку,
«И ловите по три дни, и по три ночи.»
И слушали большаго братца, атамана-то, и т. д.
Не могли добыть ни одной рыбки.
Повернулся Вольга́ сударь Буславичъ рыбой щучиной
И побѣжалъ по синю морю,
Заворачивалъ рыбу семжинку и бѣлужинку,
Щученку и плотиченку,
Дорогу рыбу осетринку.
И будутъ во градѣ, во Кіевѣ, и т. д.
И скажетъ Вольга́ сударь Буславичъ,
«Дружина моя добрая, хоробрая,
«Кого бы намъ послать во Турецъ-землю,
«Провѣдати про думу, про царскую,
«Что царь думы думаетъ,
«Думаетъ ли ѣхать на Святую Русь?
«Стараго послать,—будетъ долго ждать;
«А середняго послать-то,—винномъ запоятъ.
«А малаго послать,—заиграется;
«Будетъ, видно, Вольгѣ самому пойти!»
Повернулся Вольга́ сударь Буславичъ
Малою птицею, пташицей,
Полетѣлъ енъ по подоблачью.
И скоро будетъ во Турецъ-землѣ,
Будетъ у царя турецкаго,
Противъ самыхъ окошечекъ,
И слушаетъ онъ рѣчи тайныя,—
Говоритъ царь со царицею:
«Ай же ты, царица Панталоновна!
«Я знаю про то, вѣдаю:
«На Руси-то трава растетъ не по старому,
«Цвѣты цвѣтутъ не по прежнему,
«А видно, Вольги-то живого нѣтъ.»
Говоритъ царица Панталоновна:
«Ай же ты, царь, Турецъ-Санталъ!
«На Руси трава все растетъ по старому, и т. д.
«А ночесь спалось,—во сняхъ видѣлось:
«Бывъ (будто) сподъ восточныя, сподъ сторонушки
«Налетѣла птица, малая пташица,
«А сподъ западней сподъ сторонушки
«Налетѣла птица черный воронъ;
«Слеталися они во чистомъ полѣ,
«Промежду собой подиралися;
«Малая-то птица пташица
«Чернаго ворона повыклевала,
«По перушку она повыщипала
«И на вѣтеръ все повыпускала.»
Проговоритъ царь Турецъ-Санталъ:
«Ай же ты, царица Панталоновна!
«А я думаю скоро ѣхать на Святую Русь.
«Возьму я девять городовъ
«И подарю своихъ девять сыновей,
«Привезу себѣ шубоньку дорогую.»
Говоритъ царица Панталоновна:
«А не взять тебѣ девяти городовъ,» и т. д.
Проговоритъ царь Турецъ-Санталъ:
«Ахъ ты старый чортъ!
«Сама спала, себѣ сонъ видѣла!»
И ударитъ онъ по бѣлу лицу,
И повернется,—по другому (по другой щекѣ)
И кинетъ царицу о кирпиченъ полъ,
И кинетъ ю во второй-то разъ:
«А поѣду я на святую Русь,» и т. д.
Повернулся Вольга́ сударь Буславичъ
Малымъ горносталюшкомъ:
Зашелъ во горницу во ружейную;
И повернется онъ добрымъ молодцемъ:
И тугіе луки переломалъ,
И шелковыя тетивочки перервалъ,
И каленыя стрѣлы всѣ повыломалъ,
И у оружей замочки повывертѣлъ,
Въ боченочкахъ порохъ перезалилъ.
Повернулся Вольга сударь Буславичъ сѣрымъ волкомъ:
Поскочилъ онъ на конюшенъ дворъ,
Добрыхъ коней перебралъ,
А глотки у всѣхъ у нихъ перервалъ.
Повернулся Вольга́ сударь Буславичъ
Малою птицею пташицей,—
И будутъ во градѣ во Кіевѣ,
Со своею со дружиною, со доброю:
«Дружина моя добрая, хоробрая!
«Пойдемъ-те мы во Турецъ-землю!»

И пошли они во Турецъ-землю,
И силу турецкую во полонъ брали.
«Дружина моя добрая, хоробрая!
«Станемъ-те теперь полону подѣлять!»
Что̀ было надѣлу дорого?
Вострыя сабли по пяти рублей,
А оружье булатное по шести рублей,
А добрые кони по семи рублей....

(Пѣсни, собранныя Рыбниковымъ, ч. I стр. 1—6.)

---

2. Микула Селяниновичъ.

Молодой Вольга̀ Святославичъ
Со своею дружинушкой хороброю
Онъ поѣхалъ къ городамъ за получкою (данью).
Выѣхалъ въ раздольице чисто̀-поле,
Онъ услышалъ во чистомъ полѣ ра̀тая:
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Сошка у ратая поскрипываетъ,
Омѣшки по камешкамъ почеркиваютъ (*).
Ѣхалъ Вольга до ратая,
День съ утра онъ до вечера,
Со своею дружинушкой хороброей,
А не могъ онъ до ратая доѣхати.
Ѣхалъ Вольга̀ ещѐ дру̀гой день,
Дру̀гой день съ утра до вечера,
А не могъ онъ до ратая доѣхати.
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ, и т. д.
Ѣхалъ Вольга̀ ещѐ третій день,
Третій день съ утра до па̀бѣдья,
Наѣхалъ онъ въ чистомъ полѣ ратая:
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Съ края въ край бороздки пометываетъ;
Въ край онъ уѣдетъ, другаго не видать;
Коренья, каменья вывертываетъ,
А великія-то всѣ каменья въ борозду валитъ;
Кобыла у ратая соловая,
Сошка у ратая кленовая,
Гужики у ратая шелковые,
Говорилъ Вольга̀ таковы слова:
«Божья ти помощь, оратаюшко!
«Орать, да пахать, да крестьянствовати,
«Съ края въ край бороздки пометывати,
«Коренья, каменья вывертывати!»
Говорилъ оратай таковы слова:
«Подитко, Вольга̀ Святославовичъ
«Со своею со дружинушкой хороброю,
«Мнѣ-ка надобна Божья помощь крестьянствовати!
«Далеко ль, Вольга̀, ѣдешь, куда путь держишь
«Со своею со дружинушкой хороброю?»
—«Ай же ты, ратаю, ратаюшко!
«Ѣду къ городамъ за получкою:
«Ко первому городу ко Гурчевцу,
«Ко другому ко городу къ Орѣховцу,
«Ко третьему ко городу ко Крестьяновцу (*).»
«Говорилъ оратай таковы слова:
«Ай же, Вольга̀ Святославовичъ!
«А недавно я былъ въ городни, третьёго дни,
«На своей кобылкѣ соловой,
«Увезъ я оттоль соли только два мѣха,
«Два мѣха соли, по сороку пудъ.
«И живутъ-то мужики все разбойники,
«Они просятъ грошевъ подорожныихъ;
«А былъ я съ шалыгой (**) подорожною,
«Платилъ имъ гроши подорожные:
«Который стоя стоитъ, тотъ и сидя сидитъ,
«А который сидя сидитъ, тотъ и лежа лежитъ.»
Говорилъ Вольга̀ таковы слова:
«Ай же оратай, оратаюшко,
«Поѣдемъ со мною въ товарищахъ!»
Этотъ оратай оратаюшко
Гужики шелковеньки повыстегнулъ,
Кобылку изъ сошки повывернулъ,
Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали.
Говоритъ оратай таковы слова:
«Ай же Вольга̀ Святославовичъ!
«Оставилъ я сошку въ бороздочкѣ,
«И не для-ради прохожаго, проѣзжаго,

(*) Эта былина записана со словъ крестьянина Олонецкой губерніи, гдѣ почва, особенно въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, совершенно каменистая.

(*) Этими тремя городами пожаловалъ Олега Владиміръ стольно-кіевскій, безъ котораго дѣло не обходится ни въ одной былинѣ (кромѣ новгородскихъ): народная фантазія сдѣлала Олега племянникомъ Владиміра.

(**) *шалыга* - тоже, что *шелепуга:* плеть съ обвязанной пулей, кистень.

«А для-ради мужика деревенщины.
«Какъ бы сошка съ земельки повыдернути,
«Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнути
«И бросить бы сошка за ракитовъ кустъ?»
Молодой Вольга̀ Святославовичъ
Посылаетъ онъ съ дружинушки хоробрыя
Пять молодцевъ могучіихъ,
Чтобы сошку съ земельки повыдернули, и т. д.
Пять молодцевъ могучіихъ
Пріѣхали къ сошкѣ кленовыя:
Они сошку за обжи вокругъ вертятъ,
А не могутъ сошки съ земельки повыдернуть, и т. д.
Молодой Вольга̀ Святославовичъ
Посылаетъ онъ цѣлыимъ десяточкомъ и т. д.
Они сошку за обжи вокругъ вертятъ:
Сошки отъ земли поднять нельзя, и т. д.
Посылалъ онъ всю дружинушку хоробрую, и т. д.
А не могъ сошки съ земли повыдернути, и т. д.
Подъѣхалъ оратай-оратаюшко
На своей кобылкѣ соловенькой
Ко этой ко сошкѣ кленовоей:
Бралъ-то онъ сошку одной рукой,
Сошку съ земельки повыдернулъ,
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнулъ,
Бросилъ сошку за ракитовъ кустъ.
Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали.
Оратая кобылка-то рысью идетъ,
А Вольгинъ-отъ конь и поскакиваетъ;
У оратая кобылка-то грудью пошла,
А Вольгинъ-отъ конь оставается.
Сталъ Вольга̀ тутъ покрикивати,
Колпакомъ Вольга̀ сталъ помахивати:
«Постой-ка ты, ратай, ратаюшко!
«Этая кобылка конькомъ бы была,—
«За эту кобылку пятьсотъ бы дали.»
Говорилъ оратай таковы слова:
«Глупый Вольга̀ Святославовичъ!
«Взялъ я кобылку жеребчикомъ сподъ матушки
«И заплатилъ за кобылку пятьсотъ рублей:
«Этая кобылка конькомъ бы была,—
«За эту кобылку смѣты бы нѣтъ.»
Говорилъ Вольга̀ Святославовичъ:
«Ай же ты, ратаю-ратаюшко!
«Какъ то тебя именемъ зовутъ,
«Какъ звеличаютъ по отечеству?»
Говорилъ оратай таковы слова:
«Ай же, Вольга̀ Святославовичъ!
«А я ржи напашу, да во скирды сложу,
«Во скирды складу, домой выволочу,
«Домой выволочу, да дома вымолочу,
«Драни надеру, да и пива наварю,
«Пива наварю, да и мужиковъ напою.
«Станутъ мужички меня покликивати:
«Молодой Микулушка Селяниновичъ!»
(Пѣсни, собр. Рыбниковымъ, ч. 1, стр. 18—22).

3. Илья Муромецъ.

Ктобы намъ сказалъ про старое,
Про старое, про бывалое,
Про того Илью про Муромца?
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Онъ въ сидняхъ сидѣлъ тридесять три года;
Пришли къ нему нища братія,
Самъ Іисусъ Христосъ, два Апостола:
«Ты пойди, Илья, принеси испить!»
—Нища братія, я безъ рукъ, безъ ногъ!—
«Ты вставай, Илья, насъ не обманывай!»
Илья сталъ вставать, ровно встрёпанный;
Онъ пошёлъ принёсъ чашу въ полтора ведра,
Нищей братіи сталъ поднашивать;
Ему нищи отворачиваютъ;
Нища братія у Ильи спрашивали:
«Много ли, Илья, чуешь въ себѣ силушки?»
—Отъ земли столбъ былъ да до нёбушки,
Ко столбу было золото̀ кольцо,
За кольцо бы взялъ, святорусску поворотилъ!—
«Ты поди, Илья, принеси другу чашу!»
Илья сталъ имъ поднашивать,
Они Ильѣ отворачиваютъ:
Выпивалъ Илья безъ отдыха
Большу чашу въ полтора ведра;
Они у Ильи стали спрашивать:
«Много ли, Илья, чуешь въ себѣ силушки?»
—Во мнѣ силушки половинушка.
«Проводи Илья насъ во чисто̀ поле,
«Во чисто̀ поле, къ высову̀ бугру,

«Къ высоку́ бугру, ко раскатисту.»
На бугрѣ Илья отдохнуть прилёгъ,
Богатырскій сонъ на двѣнадцать дёнъ.
(Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ, вып. 1, стр. 1 и 2).

Не сырой дубъ къ землѣ клонится,
Ни бумажныи листочки разстилаются,
Разстилается сынъ передъ батюшкомъ;
Онъ и проситъ себѣ благословеньица:
«Охъ ты гой еси, родимой, милой батюшка!
«Дай ты мнѣ своё благословеньицо,
«Я поѣду въ славной, стольной Кіевъ градъ,
«Помолиться чудотворцамъ кіевскимъ,
«Заложиться за князя Володиміра,
«Послужить ему вѣрой-правдою,
«Постоять за вѣру христіянскую.»
Отвѣчаетъ старой крестьянинъ Иванъ Тимоѳеевичъ:
«Я на добрыя дѣла тебѣ благословенье дамъ,
«А на худыя дѣла благословенья нѣтъ.
«Поѣдешь ты путемъ и дорогою,
«Ни помысли зломъ на татарина,
«Ни убей въ чистомъ полѣ христіанина.»
Поклонился Илья Муромецъ отцу до земли,
Самъ онъ сѣлъ на добра́ коня,
Поѣхалъ онъ во чисто поле.
Онъ и бьетъ коня по крутымъ бёдрамъ,
Пробиваетъ кожу до черна́ мяса;
Ретивой его конь осержается,
Прочь отъ земли отдѣляется,
Онъ и скачетъ выше дерева стоячаго,
Чуть пониже оболока ходячаго.
Первый скокъ скочилъ на пятьнадцать верстъ;
Въ другой скочилъ, колодезь сталъ;
У колодезя срубилъ сырой дубъ,
У колодезя поставилъ часовенку,
На часовнѣ подписалъ свое имячко:
«Ѣхалъ такой-то сильной, могучой богатырь,
«Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ;»
Въ третій скочилъ подъ Черниговъ градъ.
Подъ Черниговымъ стоитъ сила смѣты нѣтъ;
Подъ Черниговымъ стоятъ три царевича;
Съ каждымъ силы сорокъ тысячей.
Богатырско сердце разгорчиво и неуёмчиво;
Пуще огня огончика сердце разыграется;
Пуще плящаго (палящаго) мороза разгорается.
Тутъ возговорилъ Илья Муромецъ таково слово:
«Не хотѣлось было батюшку супротивникомъ быть,
«Ещезнать-то его заповѣдь переступить.»
Беретъ онъ въ руки саблю боёвую,
Учалъ по силушкѣ погуливать:
Гдѣ повернется, дѣлалъ улицы,
Поворотится—часты площади;
Добирается до трехъ царевичовъ.
Тутъ говорилъ Илья таково слово:
«Ой вы гой есте три царевича!
«Во полонъ ли мнѣ васъ взять,
«Аль съ васъ буйны головы снять?
«Какъ въ полонъ мнѣ васъ взять,
«У меня дорогизаѣзжія и хлѣбы завозные;
«А какъ головы снять—царски *сѣмяна* погубить.
«Вы поѣдьте по своимъ мѣстамъ,
«Вы чините вездѣ такову славу,
«Что святая Русь не пуста стоитъ,
«На святой Руси есть сильны, могучи богатыри.»
Увидалъ его воевода черниговскій:
«Что это Господь сослалъ намъ за сосальника!
«Очистилъ нашъ славный Черниговъ градъ.»
Возговоритъ воевода свымъ князьямъ-боярамъ:
«Подите, позовите добра молодца
«Ко мнѣ хлѣба соли кушати.»

—«Нейду я къ воеводѣ вашему,
«Не хочу у него хлѣба соли кушати;
«Укажите мнѣ прямую дороженьку
«На славной стольной Кіевъ градъ.»
(Пѣсни, собр. Кир., вып. 1, стр. 34—36.)
Ѣхалъ удалый по чисту полю,.......
Стоитъ столбъ бѣлодубовый,
На столбѣ есть подпись подписана:
«Прямо ѣхать, только пятьсотъ верстъ,
«А на околъ-то ѣхать, семьсотъ верстъ.»
Смотритъ Илья на эту подпись-то:
«Какъ прямо ѣхать, живу не бывать;

«Нѣтъ пути ни проѣзжему, ни прохожему, ни пролетному,
«Сидитъ Соловей-разбойникъ на семи дубахъ,
«Захватываетъ воръ-собака на семи верстахъ.»
Стоитъ Илья, пораздумался:
«Прямоѣзжая дорога переломана,
«Калиновы мосточки переворочены.
«Не честь мнѣ, хвала молодецкая
«Ѣхать той дорожкой окольноей;
«А лучше поѣду дорожкой прямоѣзжею.»
Скоро спущался онъ съ добра коня,
Рукой онъ коня повелъ,
А другой началъ мосты мостить,
Тыи мосточки калиновы:
Наладилъ онъ дорогу прямоѣзжую.
Пріѣзжаетъ Ильюша къ сырымъ дубамъ:
Сидитъ Соловей-разбойникъ на семи дубахъ, и т. д.
Закричалъ какъ Соловей по звѣриному,
Засвисталъ злодѣй по соловьиному,
Замызгалъ собака по собачьему:
Тутъ-то у Ильи у Муромца
Его добрый конь на колѣнки палъ
Отъ того отъ крику отъ звѣринаго, и т. д.
Бьетъ онъ коня промежу уши;
По тыимъ еще по тугимъ ребрамъ:
«Ахъ ты волчья сыть (*), травяной мѣшокъ!
«Развѣ не слыхалъ ты крику звѣринаго, и т. д.
Самому молодцу не дойдетъ сидѣть:
Скоро натянулъ онъ тугой лукъ,
Кладывалъ-то онъ стрѣлочку каленую,
Стрѣлилъ-то онъ Соловья разбойника;
Стрѣлилъ-то онъ его во правой глазъ,
А вышла стрѣла во лѣво ухо:
Палъ тутъ Соловей на сыру землю.
Взималъ-то онъ Соловья разбойника,
Пристегивалъ ко стремени черкасскому,
Повезъ-то онъ Соловья съ собой его.

Илья проѣзжаетъ съ Соловьемъ мимо соловьева помѣстья; увидѣвъ ихъ, жена Соловья посылаетъ дѣтей къ Ильѣ съ богатымъ выкупомъ. «Онъ будетъ опять разбой держать,» отвѣчаетъ Илья, и не даетъ имъ ихъ батюшки.—Пріѣзжаетъ Илья съ Соловьемъ въ Кіевъ,—но уже поздно къ заутренѣ! Въѣзжаетъ онъ на широкій дворъ князя Владиміра. Вотъ возвращается князь изъ церкви, и разсказываетъ Илья князю, какъ удалось ему поймать Соловья-разбойника. (О. Мил.).

«А видно, ты, удалый добрый молодецъ,
«А былъ на царевомъ большомъ кабакѣ!
«Не напился ли зелена вина,
«Не пустымъ ли, добрый молодецъ, хвастаешь?
—«Ахъ же, дурень, князь стольно-кіевскій!
«У меня Соловей разбойникъ у стремени у черкасскаго.»
Тутъ-то они всѣ пометалися,
Пометалися всѣ, покидалися,
Бѣжатъ да трутъ промежу собой;
Прибѣжали какъ къ Соловью-разбойнику,
Сами говорятъ, кричатъ ему:
«Ахъ ты, Соловей-разбойникъ сынъ Рахматовичъ!
«Кричи-тко, Соловей по звѣриному.» и т. д.
Говоритъ Соловей-Разбойникъ сынъ Рахматовичъ:
«Не ваше я пью-ѣмъ-кушаю.
«И не васъ хочу и слушати.»
Скоро они поворотъ держатъ,
Приходятъ къ Ильѣ Муромцу,
Клонятся всѣ они, молятся:
—«Ай же ты, Илья Муромецъ!
«Позволь ты Соловью-то разбойнику
«Закричать Соловью по звѣриному» и т. д.
Онъ говоритъ, промолвитъ таково слово:
«Ай же ты князь стольно-кіевскій!
«Теперь у него уста запечатаны,
«Запеклись уста кровью горючею:
«Стрѣленъ у меня во правый глазъ,
«Вышла стрѣла во лѣво ухо.
«Налейте ему чашу зелена вина,
«Вѣсомъ чашу въ полтора пуда,
«Мѣрой чашу полтора ведра.»
Налили ему чашу зелена вина, и т. д.
Принесли къ Соловью-разбойнику.
Принималъ онъ чашу единой рукой,
Выпивалъ чашу за единый вздохъ,

(*) Т. е. волчій кормъ (чѣмъ волкъ сытъ)—волкъ тебя ѣшь.

Самъ говорилъ таково слово:
«Другу чашу налейте пива пьянаго,
«Чтобы вѣсомъ чаша въ полтора пуда,
и т. д.
«Третью чашу налейте меду сладкаго,
и т. д.
Наливали ему чашу пива пьянаго
И наливали ему чашу меду сладкаго,
Принималъ онъ чашу единой рукой,
и т. д.
Тутъ соловей пьянъ сталъ.
Проговоритъ Илья Муромецъ:
«Ай же ты, Соловей сынъ Рахматовичъ!
«Кричи, разбойникъ, по звѣриному,»
и т. д.
Закричалъ Соловей по звѣриному, и т. д.
Князи, бояре всѣ мертвы лежатъ;
А Владиміръ князь стольно-кіевскій
Заходилъ раскорякою,
Ходитъ князь, Ильѣ молится:
«Уйми Соловья-разбойника,
«Чтобы не свисталъ по соловьиному!
«Оставь мнѣ бояръ хоть на сѣмена!»—
(Пѣсни Рыбникова, ч. I, стр. 47—54).
Какъ далече, далече во чистомъ полѣ,
Что ковыль трава во чистомъ полѣ шатается,
А и ѣздилъ въ полѣ старъ матеръ человѣкъ.
Старой ли козакъ Илья Муромецъ.
Не бѣлые то снѣжки забѣлѣлися,
Забѣлѣлася у стараго сѣдая борода.
А и конь ли подъ нимъ кабы лютый звѣрь,
А самъ на конѣ, какъ ясенъ соколъ.
Со старымъ вѣдь денегъ не годилося,
Только червонцевъ золотыхъ съ нимъ семь тысячей,
Дробныхъ денегъ сорокъ тысячей;
Коню вѣдь подъ старымъ цѣны не было.
Почему-то ему цѣны не было?
Потому-то коню цѣны не было:
За рѣку-то онъ броду не спрашивалъ,
Котора рѣка цѣла верста,
А скачетъ онъ съ берега на берегъ.
Наѣхали на стараго станишники,
По нашему русскому разбойники:
Кругомъ его стараго облавили,
Хотятъ его ограбити,
Съ душой, съ животомъ его разлучить хотятъ.
Говоритъ Илья Муромецъ Ивановичъ:
«А и гой есть вы, братцы станишники!
«Убить меня стараго вамъ не за что,
«А взяти у стараго нечего.»
Вымалъ онъ изъ налушна тугой лукъ,
Вынималъ онъ вѣдь стрѣлку каленую,
Онъ стрѣляетъ не по станишникамъ.—
Ему жалко ихъ до смерти убить,
Стрѣляетъ онъ старой по сыру дубу;
А спѣла тетивка у туга лука,
Угодила стрѣла въ сыръ кряковистый дубъ,
Изломала въ черенья въ ножевые дубъ.
Отъ того-то вѣдь грому богатырскаго
Станишники съ коней попадали,
А и пять они часовъ безъ ума лежатъ.
«Охъ вы гой еси, добры молодцы, станишнички!
«Полноте лежать на сырой землѣ,
«Полноте спать высыпатися:
«По дорогѣ много прошло конныхъ и пѣшихъ,
«У себя вы много добраго упустили.»
Встали добрые молодцы
На свои рѣзвы ноженьки,
И пали ему въ рѣзвы ноги:
«Ты гой еси, добръ удалый молодецъ!
«Поди ты къ намъ во товарищи,
«И будь ты у насъ атаманушкой.»
Возговоритъ добрый молодецъ
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ:
Не хочу я съ вами стада пасти,
А ѣду въ Кіевъ градъ,
Къ Володимеру Князю на вспоможеніе,
На его сбереженіе.
(Пѣсни Кирѣевск., вып. I, стр. 23, 24, 27, 28),
Что по край было синя моря,
На богатырской на заставѣ,
Стояли тутъ пять богатырей:
Первой: Илья Муромецъ,
Второй: Колыванъ сынъ Ивановичъ,
Третій: Самсонъ Васильевичъ,
Четвертый: Добрыня Никитичъ младъ,
А пятый: Алёша Поповичъ.
Не пропускали они ни коннаго,
Ни коннаго, и ни пѣшаго,
Ни царскаго, ни боярскаго;
Ни звѣря рыскучаго,
Ни птицы летучей.
Младъ ясенъ соколъ летитъ —

Перо выронитъ;
Добрый молодецъ бѣжитъ—
— Головой вершитъ. (*)
На зарѣ-то было, зарѣ утренней,
На разсвѣтичкѣ свѣту бѣлаго,
На восходѣ-то солнца яснаго,
Ото сна Илья пробуждается.
Выходилъ Илья изъ бѣла шатра,
Пошелъ Илья на Днѣпръ рѣку,
На Днѣпръ рѣку умыватися,
А самъ смотритъ—во чисто́ поле́.
Завидѣлъ онъ добра мо́лодца,
Подъ мо́лодцемъ конь какъ бы лютый звѣрь,
На конѣ молодецъ, какъ ясенъ соколъ;
Хороша управа молодецкая,
Хороши доспѣхи богатырскіе,
По праву руку летитъ ясе́нъ соколъ;
Въ рукахъ держитъ мо́лодецъ третра— перо (**),
Сквозь пера невидно лица бѣлаго.
Не могъ признать Илья добра молодца.
Приходилъ Илья ко бѣлымъ шатрамъ,
Выходилъ Илья середи круга̀,
Говорилъ онъ таковы слова:
«Братцы вы мои, товарищи!
«Кто изъ васъ удалѣе всѣхъ?
«У кого конь порыскучѣе
«Бѣжать за удалымъ добрымъ молодцемъ,
«Распросить его о дѣдинѣ, отчинѣ,
«И чей такой добрый мо̀лодецъ?
«Царь или царевичъ,
«Король или королевичъ,
«Или русскій могучій богатырь?
«Если русскій богатырь—то побрататься,
«А невѣрный—поразвѣдаться.»
Отвѣтъ держитъ Алеша Поповичъ:
«Я братцы, поудалѣе всѣхъ,
«У меня конь порыскучѣе.»
Побѣжалъ Алеша за добрымъ молодцемъ;
Бѣжалъ онъ день до вечера,
Темную ночь до бѣла̀ свѣта.
Догоняетъ онъ добраго мо̀лодца
На разсвѣтѣ свѣту бѣлаго,
На восходѣ солнца яснаго;
Кричитъ Алеша зычнымъ голосомъ:
«Ты постой, постой, добрый молодецъ!
«Ты или русскій богатырь,
«Или засельщина-деревеньщина;
«Ты или коня укралъ, или мужика убилъ,
«А сюда заѣхалъ, хвастаешь,
«Чужимъ именемъ называешься?»
Тутъ-то Бориску за бѣду стало,
За великую досаду показалося;
Поворачивалъ коня какъ люта̀ звѣря,
На встрѣчу къ Алешѣ Поповичу;
Беретъ Алешу за бѣлы̀ руки,
Снимаетъ его съ добра коня,
Вынимаетъ шелепугу (*) подорожную,
Стегалъ онъ Алешу Поповича
И садилъ его на добра̀ коня,
Ѣдетъ Алеша пьянъ, шатается,
Къ сѣдельной лукѣ приклоняется.
Завидѣлъ Алешу Илья Муромецъ:
«Говорилъ я тебѣ, Алеша, наказывалъ,
«Не пей ты зелена вина,
«Не ѣшь сладки кушанья.»
Отвѣчаетъ Алеша Ильѣ Муромцу:
«Радъ бы я не пить зелена вина,
«И не ѣсть сладки кушанья:
«Напоилъ-то меня добрый мо̀лодецъ до пьяна,
«Накормилъ онъ меня до̀ сыта
«Той шелепугой подорожною.»
Хваталъ тутъ Илья своего коня,
Побѣжалъ онъ за добрымъ мо̀лодцемъ;
Бѣжалъ онъ день до вечера;
Нагналъ его на разсвѣтѣ свѣту бѣлаго,
На восходѣ солнца яснаго.
Ударились они палицами боевыми;
Палицы ихъ разгоралися,
Въ рукахъ изломалися.
Скакали они съ добрыхъ коней,
Схватывались они за бѣлы̀ руки.
Тутъ-то Бориско на посокъ востёръ (**)
Сшибалъ Илью на сыру̀ землю
И садился ему на бѣлы̀ груди,

(*) *Вершить*—кончить начатое дѣло; *головой вершить* жизнь покончить.

(**) Подъ этимъ должно разумѣть или *опахало*, или *вабило*, *чѣмъ манятъ сокола*. (Пѣсни, собр. Кирѣевск., вып. 1, стр. 8, выноска *).

(*) Отъ *шлепать*—плеть; плеть съ обвязанной пулей; кистень палица. (Пѣсни Кир., вып. 1, стр. 9, выноска).

(**) Ловкій въ борьбѣ на носокъ. (Пѣсни Кир., в. 1, стр. 10, выноска.*).

Говорилъ Ильѣ таковы слова:
«Ты базыга, базыга (*) старая!
«Зачѣмъ ты на малаго отрока напущаешься?»
Беретъ его Илья на бѣлы руки,
Стаетъ на рѣзвы ноги,
Металъ его выше дерева стоячаго,
Ниже облака ходячаго,
Подхватывалъ его на руки.
Тутъ-то Бориско пріужахнулся,
Говорилъ онъ таковы слова:
«Ты охота, охота молодецкая!
«Полетай-ко, охота, къ моей матушкѣ,
«Спроси-ко у ней, какъ съ Ильей перевѣдаться?»
—«Говорила я тебѣ, дитя, наказывала,
«Гдѣ ты съ Ильей съѣдешься,—
«Только ты ему низко кланяйся:
«По-роду тебѣ онъ отецъ родной». (**)

—

(Пѣсни Кирѣевск., вып. 1, стр. 7—10).

Пріѣзжалъ идолище поганое въ стольно-Кіевъ градъ
Со грозою, со страхомъ со великіимъ
Ко тому ко князю ко Владиміру,
И становился онъ на княженецкій дворъ,
Посылалъ посла ко князю Владиміру,
Чтобы князь Владиміръ стольно-кіевскій
Ладилъ бы онъ ему поединщика,
Супротивъ его силушки супротивника.

—

Тутъ Владиміръ князь ужахнулся,
Пріужахнулся, да и закручинился.
Говоритъ Илья таковы слова:
«Не кручинься, Владиміръ не печалуйся:
«На бою мнѣ-ка смерть не написана,
«Поѣду я въ раздольице чисто поле
«И убью-то я идолища поганаго.»
Обулъ Илья лапотики шелковые,
Подсумокъ одѣлъ онъ черна бархата,
На головушку надѣлъ шляпку земли греческой
И пошелъ онъ ко идолищу ко поганому.
И сдѣлалъ онъ ошибочку не малую:
Не взялъ съ собой палицы булатнія,
И не взялъ онъ съ собой сабли вострыя,
Идетъ-то дорожкой—пораздумался:
«Хоть иду-то я къ идолищу поганому,
«Ежели будетъ не пора мнѣ-ка, не времячко,
«И съ чѣмъ мнѣ съ идолищемъ будетъ поправиться?»
На ту пору на то времячко
Идетъ ему въ стрѣту каличище Иванище,
Несетъ на рукахъ клюху девяноста пудъ.
Говорилъ ему Илья таковы слова:
«Ай же ты, каличище Иванище!
«Уступи тко мнѣ клюхи на времячко,—
«Сходить мнѣ къ идолищу къ поганому?»
Не даетъ ему каличище Иванище,
Не даетъ ему клюхи своей богатырской.
Говорилъ ему Илья таковы слова:
«Ай же ты, каличище Иванище!
«Сдѣлаемъ мы бой рукопашный:
«Мнѣ на бою вѣдь смерть не написана,—
«Я тебя убью, мнѣ клюха и достанется.»
Разсердился каличище Иванище,
Здынулъ эту клюху выше головы,
Спустилъ онъ клюху во сыру землю,
Пошелъ каличище—заврыдалъ.
Илья Муромецъ едва досталъ клюху изъ сырой земли.
И пришелъ онъ во палату бѣлокаменну,
Ко этому идолищу поганому.
Пришелъ къ нему и проздравствовалъ.
Говорилъ ему идолище поганое:
«Ай же ты калика перехожая!
«Какъ великъ у насъ богатырь Илья Муромецъ?»
Говорилъ ему Илья таковы слова:
«Толь великъ Илья, какъ и я.»
Говорилъ ему идолище поганое:
«По многу ли Илья вашъ хлѣба ѣстъ?
«По многу ли Илья вашъ пива пьетъ?»
Говорилъ Илья таковы слова:
«По стольку ѣстъ Илья какъ и я.
«По стольку пьетъ Илья какъ и я»
Говоритъ ему идолище поганое:
«Экой вашъ богатырь Илья:
«Я вотъ по семи ведръ пива пью,

(*) Хрычь. (Пѣсни Кир., в. 1, стр. 10, вын.**)

(**) Борисъ, видя до чего довела его *охота* мѣриться силою съ богатырями, и догадываясь, что такой могучій богатырь никто иной какъ Илья Муромецъ, посылаетъ свою роковую *охоту* спросить у матери (говорившей ему про Илью): каково имѣть дѣло съ Ильей? И тутъ же Борисъ какъ бы получаетъ отъ матери *черезъ охоту* отвѣтъ. Въ другихъ варьянтахъ Борисъ называется то молодымъ Соловниковымъ, то просто татарченкомъ. Но вездѣ онъ сынъ Ильи Муромца.
(Прим. О. Милл.).

«По семи пудъ хлѣба кушаю.»
Говорилъ ему Илья таковы слова:
«У нашего Илья Муромца былъ крестьянинъ,
«У него была корова ѣдучая:
«Она много пила и ѣла, и лопнула.»
Это идолищу не слюбилося:
Схватилъ свое кинжалище булатное
И махнулъ онъ въ калику перехожую
Со всея со силушки великія.
И пристанился Илья Муромецъ въ сторонушку малешенько,
Пролетѣлъ его мимо-то булатный ножъ,
Пролетѣлъ онъ на войную сторону съ простѣночкомъ.
У Ильи Муромца разгорѣлось сердце богатырское,
Схватилъ съ головушки шляпку земли греческой,
И ляпнулъ онъ въ идолище поганое,
И разсѣкъ онъ Идолище на̀ полы.
(Пѣсни Рыбникова ч. 1, стр. 85—87)
Сдѣлалъ князь Владиміръ почестенъ пиръ
На князей, на бояръ, на русскихъ богатырей
И на всю поленицу удалую,
А забылъ позвать стараго казака Илью Муромца.
Тутъ Ильюшенкѣ стало зарко:
Скоро онъ натянулъ тугій лукъ,
Кладываетъ стрѣлочку каленую,
Стрѣлилъ онъ тутъ по божьимъ церквамъ,
По божьимъ церквамъ, да по чуднымъ крестамъ,
По тымъ маковкамъ золоченымъ.
Вскричалъ-то Илья во всю голову,
Во всю голову зычнымъ голосомъ:
«Ахъ вы голь кабацкая, доброхоты царскіе!
«Ступайте пить со мной за одно зелена вина,
«Обирать-то маковки золоченыя.»
Тутъ-то пьяницы, голь кабацкая,
Бѣжатъ прискакиваютъ, радуются:
«Ахъ ты отецъ нашъ, родный батюшка!»
Пошли обирать о царевъ кабакъ,
Продаваютъ маковки золоченыя,
Берутъ золоту казну безсчетную
И начали пить зелена вина.
Видитъ князь Владиміръ стольно-кіевскій,
Что пришла бѣда неминучая,
Сдѣлалъ другожды почестенъ пиръ
Для того для стараго казака Ильи Муромца.
Тутъ они думу думаютъ,
Кого послать Илью позвать,
Стараго казака Илью Муромца.
Тутъ-то они думу думали;
Послать то Добрыню Никитича:
Они были братьица крестовые,
У нихъ крестами побраталось,
Кладена была заповѣдь великая,
Подписки были подписаны,—
Слушать большему брату меньшаго,
А меньшему брату большаго.
Приходитъ Добрыня Никитичъ;
«Ай же братецъ крестовый названый.
«Старый казакъ Илья Муромецъ?
«У насъ кладена заповѣдь великая,
«У насъ подписи были подписаны,—
«Слухать большему брату меньшаго,
«А меньшему брату большаго,
«А дружка за дружку обѣмъ стоять.»
Тутъ Ильюша воспроговоритъ:
«Ай же, братецъ крестовый названый,
«Молодой Добрынюшка Никитиничъ?
«Ка-бы не ты, никого бы не послушалъ.
«Не пошелъ бы на почестенъ пиръ,
«А нельзя законъ переступить.»
Тутъ они сокрутилися (одѣлися),
Тутъ они снаряжалися,
Пришли тутъ ко князю, ко Владиміру
Во тую во гридню, во столовую.
Тутъ даваютъ Ильѣ мѣсто не меньшее,
Даваютъ Ильѣ мѣсто большее,
Сажаютъ молодца въ больно-уголъ,
Да несли они чару зелена вина,
Другую рядили къ нему меду пьянаго.
Говоритъ Илья таково слово:
«Ай же ты, Владиміръ стольно-кіевскій!
«Зналъ кого послати меня позвать!
«Кабы не братецъ крестовый названый,
«Никого я не послушалъ бы.
«А было намѣреніе наряжено:
«Натянуть тугой лукъ разрывчатый,
«А класть стрѣлочка каленая,
«Стрѣлить во гридню во столовую,
«Убить тебя князя Владиміра.
«А нонѣ тебя Богъ проститъ
«За этую за вину за великую!»
(Пѣсни Рыбник., ч. 1, стр. 95—97)

———

4. Добрыня Никитичъ.

I.

Доселѣва Рязань она селомъ слыла,
А нынѣ Рязань слыветъ городомъ.
А жилъ во Рязани тутъ богатой гость,
А гостя-то звали Никитою;
Живучи-то Никита состарѣлся, переставился.
Послѣ вѣку его долгаго
Оставались житье-бытье, богатство,
Осталась его матера жена
Амелѳа Тимофеевна,
Осталось чадо милое,
Какъ молодой Добрынюшка Никитичъ младъ.
А и будетъ Добрыня семи годовъ,
Присадила его матушка грамотѣ учиться:
А грамота Никитѣ (—ичу) въ наукъ пошла:
Присадила его матушка перомъ писать.
А будетъ Добрынюшка въ двѣнадцать лѣтъ,
Изволилъ Добрыня погулять молодецъ
Со своею дружиною хороброю,
Во тѣ жары Петровскіе;
Просился Добрыня у матушки:
«Пусти меня, матушка, купатися,
«Купатися на Сафатъ-рѣку.»
Она, вдова многоразумная,
Добрынѣ матушка наказывала,
Тихонько ему благословеніе даетъ:
«Гой еси ты, чадо милое,
«А молодой Добрыня Никитичъ младъ!
«Пойдешь ты, Добрыня, на Израй рѣку,
«На Израѣ рѣкѣ станешь купаться,—
«Израй рѣка быстрая,
«А быстрая она сердитая:
«Не плавай, Добрыня, за перву струю,
«Не плавай ты, Никитичъ, за другу струю.—
Добрыня-то матушки не слушался.
Надѣлъ на себя шляпу земли греческой,
Надъ собой онъ Добрыня невзгоды не вѣдаетъ,
Пришелъ онъ Добрыня на Израй на рѣку,
Говорилъ онъ дружинушкѣ хоробрыя:
«А и гой еси вы, молодцы удалые!
«Не мнѣ вода грѣть, не тѣшити ее»
(Не мнѣ первому идти въ воду).
А всѣ молодцы разболокалися (раздѣвались);
И тутъ Добрыня Никитичъ младъ,—
Никто молодцы не смѣетъ, никто нейдетъ,—
А молодой Добрынюшка Никитичъ младъ
Перекрестясь Добрынюшка въ Израй рѣку пошелъ.
А поплылъ Добрынюшка за перву струю,
Захотѣлось молодцу и за другую струю;
А двѣ-то струи самъ переплылъ,
А третья струя подхватила молодца,
Унесла во пещеры бѣлокаменны;
Ни отколь взялся тутъ лютой звѣрь,
Налетѣлъ на Добрынюшку Никитича,
А самъ-то говоритъ Горынчище,
А самъ онъ, змѣй, приговариваетъ:
«А стары люди пророчили,
«Что быть змѣю убитому
«Отъ молода Добрынюшки Никитича:
«А нынѣ Добрыня у меня самъ въ рукахъ!—
Молился Добрыня Никитичъ младъ:
«А и гой еси, змѣище, Горынчище!
«Не честь, хвала молодецкая,
«На нагое тѣло напущаешься!»
И тутъ змѣй Горынчище
Мимо его пролетѣлъ.
А стали его ноги рѣзвыя,
А молода Добрынюшки Никитьевича,
А грабится онъ ко желту песку,
А выбѣжалъ добрый молодецъ,
А молодой Добрынюшка Никитичъ младъ,
Нагребъ онъ шляпу песку желтаго;
Налетѣлъ на его змѣй Горынчище,
Хочетъ Добрыню огнемъ спалить,
Огнемъ спалить, хоботомъ ушибить;
На то-то Добрынюшка не робокъ былъ,
Бросаетъ шляпу земли греческой
Съ тѣми пески желтыми
Ко лютому змѣю Горынчищу:
Глаза запорошилъ и два хобота ушибъ.
Упалъ змѣй Горынчище
Во ту во матушку во Израй рѣку;
Когда ли змѣй исправляется,
Во то время и во тотъ же часъ
Сваталъ (схваталъ) Добрыня дубину, тутъ убилъ до смерти,

А вытащилъ змѣя на берегъ,
Его повѣсилъ на осину на согнутую:
«Сушися ты, змѣй Горынчище,
«На той-то осинѣ на согнутой!»
А поплылъ Добрынюшка
По славной матушкѣ по Израй рѣкѣ,
А заплылъ въ пещеры бѣлокаменны,
Гдѣ жилъ змѣй Горынчище,
Засталъ въ гнѣздѣ его малыхъ дѣтушекъ,
А всѣхъ прибилъ, по поламъ перервалъ;
Нашелъ въ пещерахъ бѣлокаменныхъ,
У лютаго змѣища Горынчища,
Нашелъ онъ много злата-серебра,
Нашелъ въ палатахъ у змѣища
Свою онъ любимую тетушку,
Тоя-то Марью Дивовну, —
Выводитъ изъ пещеры бѣлокаменны,
И собралъ злата-серебра,
Пошелъ къ матушкѣ родимыя своей:
А матушка дома не годилася,
Сидитъ у князя Владиміра;
Пришелъ, де, онъ во хоромы свои,
И спряталъ онъ свою тетушку,
И пошелъ ко князю явитися.
Владиміръ князь запечалился,
Сидитъ онъ, ничего свѣту не видитъ.
Пришелъ Добрынюшка
Къ великому князю Владиміру,
Онъ Спасову образу молится;
Владиміру князю поклоняется;
Скочилъ Владиміръ на рѣзвы ноги,
Хватя Добрынюшку Никитича,
Цѣловалъ его во уста сахарныя;
Бросилася его матушка родимая,
Схватала Добрыню за бѣлы руки,
Цѣловала его во уста сахарныя,—
И тутъ съ Добрынею разговоръ пошелъ,
А стали у Добрыни выспрашивати:
А гдѣ побывалъ, гдѣ ночевалъ?
Говоритъ Добрыня таково слово:
«Ты гой еси, мой сударь дядючка,
«Князь Владиміръ, солнце Кіевско!
«А былъ я въ пещерахъ бѣлокаменныхъ
«У лютаго змѣища Горынчища,
«А всю породу змѣиную его я убилъ
«И дѣтей всѣхъ погубилъ,
«Родимую тетушку повыручилъ».
А скоро послы побѣжали по ее,
Ведутъ родимую его тетушку,
Привели ко князю во свѣтлу гридню.
Владиміръ князь свѣтелъ, радошенъ,
Пошла-то у нихъ пиръ-радость великая;
А для ради Добрынюшки Никитича,
Для другой сестрицы родимыя—Марьи Дивовны.

II.

Въ стольномъ въ городѣ во Кіевѣ,
У славнаго сударь-князя у Владиміра
Три года Добрынюшка стольничалъ,
А три года Никитичъ приворотничалъ,
Онъ стольничалъ, чашничалъ девять лѣтъ,
На десятой годъ погулять захотѣлъ
По стольному городу по Кіеву.
Взявши Добрынюшка тугой лукъ,
А и колчанъ себѣ каленыхъ стрѣлъ,
Идетъ онъ по широкимъ по улицамъ,
По частымъ мелкимъ переулочкамъ,
По горницамъ стрѣляетъ воробушковъ;
По повалушкамъ (*) стрѣляетъ онъ сизыхъ голубей.
Зайдетъ въ улицу Игнатьевску,
И во тотъ переулокъ Маринииъ
Взглянетъ ко Маринѣ на широкой дворъ,
На ея высокіе терема;
А у молодой Марины Игнатьевны,
У ея на хорошемъ высокомъ терему,
Сидятъ тутъ два сизые голубя,
Надъ тѣмъ окошкомъ косящатымъ;
Цѣлуются они, милуются;
Желты носами обнимаются:
Тутъ Добрынѣ за бѣду стало,
Будто надъ нимъ насмѣхаются!
Стрѣляетъ въ сизыхъ голубей;
А спѣла, вѣдь, тетивка у туга лука,
Звыла да пошла калена стрѣла.
По грѣхамъ надъ Добрынею учинилося:
Лѣвая нога его поскользнула,
Правая рука удрогнула,
Не попалъ онъ въ сизыхъ голубей,
Что попалъ онъ въ окошечко косящатое,
Проломилъ онъ оконницу стекольчатую,
Отшибъ всѣ причалины серебряныя (**),

(*) Самый верхній покой для спальни.

(**) Причалина—навѣска у окна, петля, а также крючья и задвижка.

Разшибъ онъ зеркало стекольчатое,
Бѣлодубовы столы пошаталися,
Что питья медвяныя восплеснулися.
А втапоры Маринѣ безвременье было,
Умывалася Марина, снаряжалася,
И бросилася на свой широкій дворъ:
— А кто это невѣжа во окошко стрѣляетъ?
— Проломилъ оконницу мою стекольчатую,
— Отшибъ всѣ причалины серебряныя,
— Разшибъ зеркало стекольчатое?—
И въ тѣ поры Маринѣ за бѣду стало,
Брала она слѣды горячіе молодецкіе,
Набирала Марина беремя дровъ,
А беремя дровъ бѣлодубовыхъ,
Клала дрова въ печку муравленую
Съ тѣми слѣды горячими,
Разжигаетъ дрова палящатымъ огнемъ,
И сама она дровамъ приговариваетъ:
— Сколь жарко дрова разгораются
— Съ тѣми слѣды молодецкими,
— Разгоралось бы сердце молодецкое
— Какъ у молода Добрынюшки Никитьевича!—
А и Божье крѣпко, вражье-то лѣпко:
Взяло Добрыню пуще остраго ножа
По его по сердцу богатырскому;
Онъ съ вечера Добрыня хлѣба не ѣстъ,
Со полуночи Никитичу не уснется,
Онъ бѣлаго свѣту дожидается.
По его-то щаски (?) великія,
Рано зазвонили къ заутренямъ:
Встаетъ Добрыня ранешенько,
Подпоясалъ себѣ сабельку острую,
Пошелъ Добрыня къ заутрени;
Прошелъ онъ церковь соборную,
Зайдетъ ко Маринѣ на широкой дворъ,
У высокаго терема послушаетъ,—
А у молодой Марины вечеринка была:
А и собраны были душечки красны дѣвицы,
Сидятъ и молоденьки молодушки,
Всѣ были дочери отецкія,
Всѣ тутъ были жены молодецкія.
Вошелъ онъ Добрыня во высокъ теремъ:
Которыя дѣвицы приговариваютъ,
Она молода Марина отказываетъ и прибраниваетъ,
Втапоры Добрыня ни во что положилъ
И къ нимъ бы Добрыня въ теремъ не пошелъ:
А стала его Марина въ окошко бранить,
ему больно пѣнять;
Завидѣлъ Добрыня онъ змѣя Горынчата;
Тутъ ему за бѣду стало,
За великую досаду показалося,—
Сбѣжалъ на крылечко на красное,
А двери у терема желѣзныя,
Заперлася Марина Игнатьевна:
А молодой Добрыня Никитичъ младъ
Ухватилъ бревно онъ въ охватъ толщины,
А ударилъ онъ во двери желѣзныя,
Не доладомъ (неучтиво) изъ пяты онъ вышибъ вонъ,
И сбѣжалъ онъ на сѣни косящаты;
Бросилась Марина Игнатьевна
Бранить Добрыню Никитича:
«Деревенщина ты дѣтина, засельщина!
«Вчерась ты, Добрыня, во дворъ заходилъ,
«Проломилъ мою оконницу стекольчатую,
«Ты разшибъ у меня зеркало стекольчатое»,
А бросится змѣища Горынчища,
Чуть его, Добрыню, огнемъ не спалилъ,
А и чуть молодца хоботомъ не ушибъ,
А и самъ тутъ змѣй началъ бранити его,
Больно пѣняти: «Нехочу я звати Добрынею,
— Не хочу величать Никитичемъ,
— Называю те дѣтиною деревенщиною и засельщиною:
— Почто ты, Добрыня, въ окошко стрѣлялъ?
— Проломилъ ты оконницу стекольчатую,
— Разшибъ зеркало стекольчатое?—
Ему туто-тко Добрынѣ за бѣду стало,
И за великую досаду показалося,
Вынималъ саблю острую,
Воздымалъ выше буйны головы своей:
«А и хощешь ли тебя, змѣя, изрублю я
«Въ мелкія части пирожныя,
«Разбросаю далече по чисту полю?»
А и тутъ змѣй Горынччъ, хвостъ поджавъ,
Да и вонъ побѣжалъ.
Бѣгучи онъ, змѣй, заклинается:

— Не дай Богъ бывать ко Маринѣ въ домъ,
— Есть у нея не одинъ я другъ,
— Есть лучше меня и повѣжливѣе.—
А молода Марина Игнатьевна
Она высунулась по поясъ въ окно,
А сама она змѣя уговариваетъ:
«Воротись, милъ надежа, воротись другъ!
«Хошь,—я Добрыню оберну клячею водовозною:
«Станетъ, де, Добрыня на меня и на тебя возить?
«А еще, хошь,—я Добрыню оберну гнѣдымъ туромъ?»
Обернула его, Добрыню, гнѣдымъ туромъ,
Пустила его даже во чисто поле,
А гдѣ-то ходятъ девять туровъ,
А девять туровъ, девять братанниковъ,
Что Добрыня имъ будетъ десятой туръ,
Всѣмъ атаманъ—золотые рога.
Безвѣстно не стало богатыря молода
Добрыни Никитича
Во стольномъ въ городѣ во Кіевѣ.
А много, де, прошло поры, много времени,
А и не было Добрыни шесть мѣсяцовъ,
По нашему-то Сибирскому словетъ полгода.
У великаго князя вечеринка была,
А сидѣли на пиру честныя вдовы,
И сидѣла тутъ Добрынина матушка,
Честна вдова Аѳимья Александровна,
А другая честная вдова, молода Анна Ивановна,
Что Добрынина матушка крестовая.
Промежу собою разговоры говорятъ,
Все были рѣчи прохладныя.
Не отколь взялась тутъ Марина Игнатьевна,
Водилася съ дитятами (молодцами) княженецкими,
Она больно Марина упивалася,
Голова на плечахъ не держится,
Она больно Марина похваляется:
— Гой еси вы, княжны, боярыни!
— Во стольномъ во городѣ во Кіевѣ
— А и нѣтъ меня хитрѣя, мудрѣя,
— А и я, де, обернула девять молодцовъ,
— Сильныхъ могучихъ богатырей гнѣдыми турами;
— А и нынѣ я, де, отпустила десятаго молодца,
— Добрыню Никитьевича,
— Онъ всѣмъ атаманъ—золотые рога.—
За то-то слово взымается
Добрынина матушка родимая,
Честна вдова Аѳимья Александровна,
Наливала она чару зеленаго вина,
Подносила любимой своей кумушкѣ,
А сама она за чарою заплакала:
«Гой еси ты, любимая кумушка,
«Молода Анна Ивановна!
«А и выпей чару зелена вина,
«Поминай ты любимаго крестника,
«А и молода Добрыню Никитьевича:
«Извела его Марина Игнатьевна,
«А и нынѣ на пиру похваляется.»
Проговоритъ Анна Ивановна:
— Я, де, сама эти рѣчи слышала,
— А слышала рѣчи ея похваленыя.—
А и молода Анна Ивановна
Выпила чару зелена вина,
А Марину она по щекѣ ударила,
Сшибла она съ рѣзвыхъ ногъ,
А и топчетъ ее...,
Сама она, Марину, больно бранитъ.
А и женское дѣло прелестивое,
Прелестивое, перепадчивое (пугливое):
Обернулась Марина косаточкой,
Полетѣла далече во чисто поле,
А гдѣ ходятъ девять туровъ,
Девять братанниковъ,
Добрыня-то ходитъ десятый туръ.
А сѣла она на Добрыню, на правой рогъ,
Сама она Добрыню уговариваетъ:
— Нагулялся ты, Добрыня, во чистомъ полѣ,
— Тебѣ чистое поле наскучило
— И зыбучія болоты напрокучили:
— А и хошь-ли, Добрыня, женится?
— Возьмешь-ли, Никитичъ, меня за себя?—
«А право возьму, ей Богу возьму!
«А и дамъ тѣ, Марина, поученьице,
«Какъ мужья женъ своихъ учатъ.»
Тому она, Марина, повѣрила,
Обернула его добрымъ молодцомъ,

По старому, по прежнему,
Какъ бы сильнымъ могучимъ богатыремъ;
Сама она обернулася дѣвицею:
Они въ чистомъ полѣ женилися,
Кругъ ракитова куста вѣнчалися.
Пошелъ онъ ко городу ко Кіеву,
А идетъ за нимъ Марина...
Пришли они ко Маринѣ на высокъ теремъ,
Говоритъ Добрынюшка Никитичъ младъ:
«А и гой еси ты, моя молодая жена,
«Молода Марина Игнатьевна!
«У тебя въ высокихъ хорошихъ теремахъ
«Нѣту Спасова образа,
«Не кому у тя помолитися,
«Не за что стѣнамъ поклонитися;
«А и чай моя острая сабля заржавѣла?»
А и сталъ Добрыня жену свою учить,
Онъ молоду Марину Игнатьевну,
Еретицу и безбожницу;
Онъ первое ученье—ей руку отсѣкъ,
Самъ приговариваетъ:
«Эта мнѣ рука не надобна,—
«Трепала она, рука, змѣя Горынчища.»
А второе ученье—ноги отсѣкъ.
А третье ученье—губы ей отрѣзалъ и съ носомъ прочь:
«А эти, де, губы не надобны мнѣ.—
«Цѣловали они змѣя Горынчища.»
Четвертое ученье—голову ей отсѣкъ и съ языкомъ прочь:
«А и эта голова не надобна мнѣ,
«И этотъ языкъ не надобенъ,—
«Зналъ онъ дѣла еретическія».

(Сбор. Кирѣевскаго).

5. Ставръ Бояринъ.

Во стольномъ было городѣ во Кіевѣ,
У ласкова Осударь-Князя Владиміра
Было пированье, почетный пиръ,
Было столованье, почетный столъ,
На многи Князи и Бояра
И на Русскіе богатыри могучіе.
И будетъ день въ половина дня,
И будетъ пиръ во полу-пирѣ.—
Князи и Бояра пьютъ, ѣдятъ, потѣшаются,
И Великимъ Княземъ похваляются.
И только одинъ *Ставръ Годиновичь*
Не пьетъ, не ѣстъ и не хвастается,
Только наединѣ съ товарищемъ
Таковы рѣчи поговариваетъ:
«Что это за крѣпость въ Кіевѣ,
«У Великаго Князя Владиміра?
«У меня, де, Ставра широкій дворъ
«Не хуже города Кіева.
«А дворъ у меня на семи верстахъ,
«А гридни, свѣтлицы бѣлодубовы,
«Покрыты гридни сѣдымъ бобромъ,
«Потолокъ въ гридняхъ черныхъ соболей.
«Полъ, середа одного серебра,
«Крюки, пробои по булату злачоныя.»—
А и были тутъ у Князя слуги вѣрные,
Доносили о томъ Князю Владиміру:
«Что, де, Осударь ласковой Владиміръ Князь!
«Ставръ въ очи ни о чемъ не хвалится,
«А за очи похваляется:
«Что у него дворъ на семи верстахъ,
«Крѣпче, лучше града Кіева.
«Гридни, свѣтлицы бѣлодубовыя,
«Покрыты гридни сѣдымъ бобромъ,
«Потолокъ черныхъ соболей,
«Полъ, середа одного серебра,
«Крюки, пробои по булату злаченыя,»
Услыша о томъ Владиміръ Князь,
Приказалъ сковать Ставра Боярина,
Желѣза положитъ на руки, на ноги,
Посадить его въ погребы глубокіе,
Затворять дверями желѣзными,
Запирать накрѣпко замки булатными.
И Владиміръ Князь посылалъ посла
Немилостива ко Ставру ко Боярину,
Чтобъ дворъ его запечатати—
И взять во Кіевъ молоду жену
Ко Великому Князю Владиміру.
Ей ставровой молодой женѣ
Перепала вѣсть нерадошна,
Что Ставръ Бояринъ во Кіевѣ
Посаженъ въ погребы глубокіе;
Руки и ноги скованы.—
Скоро она наряжается
И скоро убирается;
Скидавала съ себя волосы женскіе,
Надѣвала кудри черные,
А на ноги сапоги зеленъ сафьянъ;
И надѣвала платье богатое,
Богатое платье посольское—
И называлась *грознымъ Посломъ*,

Грознымъ Посломъ *Васильемъ Ивановичемъ*
И поѣхала съ великою свитою
Ко городу стольному ко Кіеву.
Половину дороженьки проѣхали,
На встрѣчу ей изъ Кіева грозенъ Посолъ:
Тутъ они съѣхалися, поздоровалися,
Какъ Послы они послуются,
Ручку объ ручку цѣлуются.—
Сталъ *Посолъ изъ Кіева* спрашивать:
«Ай гой еси вы удалы добры молодцы!
«Куда вы ѣдете и куда Богъ несетъ?—
И *взговорятъ* ему Послу таковы слова:
«Ѣдемъ мы изъ дальней Орды, золотой земли,
«Отъ грозна Короля Еммануйла Еммануйловича
«Ко городу ко Кіеву,
«Ко Великому Князю Владиміру;
«Брать съ него дани, не выплаты,
«Ни много ни мало за двѣнадцать лѣтъ,
«За всякій годъ по три тысячи.»
Изъ Кіева посолъ позадумался—
А и единое словечко повыговоритъ:
«Я, де, изъ Кіева грозенъ Посолъ,
«Ѣду, де, ко Ставру ко Боярину,
«Дворъ его запечатати,
«А ево молоду жену въ Кіевъ взять.»
Отвѣчаютъ тутъ *удалы добры молодцы*:
«Прежде у насъ тотъ былъ постоялый дворъ;
«Нонѣ заѣжжали—въ дому никого тамъ нѣтъ;
«Молода ево жена убиралася,
«Въ дальну Орду, въ золоту землю.»—
Изъ Кіева Посолъ воротился назадъ,
Пріѣхалъ во стольной во Кіевъ градъ;
Сказалъ онъ Князю тихохонько,
Что ѣдетъ изъ дальной Орды золотой земли
Грозенъ Посолъ Василей Ивановичъ.
А и тутъ больно Князь запечалился.—
Кидалися всѣ, металися;
То улицы метутъ, ельникъ ставили—
Ждутъ Посла изъ дальней Орды, золотой земли,
Отъ грозна Короля Еммануйла Еммануйловича.
И пріѣхалъ онъ Посолъ на Княженецкой дворъ;
Скоро они поскакали со добрыхъ коней
А идутъ во гридни во свѣтлыя.—
Вывела *Княгиня* Князя за собою тутъ
И во тѣ во подвалы, погребы,
Молвила словечко тихохонько:
«Ни очемъ ты Осударь непечалуйся,
«А не быть тому грозному Послу Василью Ивановичу,
«Быть Ставровой молодой женѣ *Василисѣ Микулишнѣ*;
«Знаю я примѣты всѣ по женскому:
«Она по двору идетъ, будто уточка,
«А по горенки частенько переступываетъ,
«А на лавицу садится, коленца жметъ,
«А и ручки бѣлы, пальчики тоненьки,
«Дюжіе изъ перстовъ не вышли всѣ.»
А и тутъ Владиміръ стольной Кіевской
Ну же онъ Посла сталъ потчивати:
Всяко вино по та-ковкамъ пьютъ—
Ужъ тутъ ли Посолъ напивается,
А Владиміръ Князь сталъ провѣдовати:
«Коли Посолъ буде женщина,
«Не станетъ, де, онъ боротся
«Со моими богатыри могучими.»
Таковы люди были во Кіевѣ,
Нарочны борцы, удалы молодцы:
Притченки, да Хапиловки.
Выводилъ тутъ Князь семь борцевъ—
И тово ли *Василей* не пятится,
Вышелъ на дворъ боротся—
Середи двора Княженецкова,
Сошлися борцы боротся:
Первому борцу изъ плеча руку выдернетъ,
А другому борцу ноги выломитъ,
Третьева хватила поперекъ хребта,
Ушибла его середи двора.—
А плюнулъ *Князь*, да и прочь пошелъ.
«Глупая Княгиня, неразумная!
«У тѣ волосы долги, да умъ коротокъ;
«Называешь ты богатыря женщиной;
«Такова посла у насъ еще небыло.»
Втапоры *Княгиня* съ Княземъ заспоровалась:
«Ай ты ласковой Сударь Владиміръ Князь!
«Да небыть этому Послу грозному,
«Быть Ставровой молодой женѣ.»
Говорилъ тутъ *Владиміръ* стольной Князь:

«Гой еси ты Княгиня Апраксѣевна!
«Я ли Посла Василья провѣдую—
«Заставлю его изъ туга лука стрѣлять
«Со своими богатырями могучими.»
Выводилъ тутъ Владимiръ стольной Князь
Двѣнадцать богатырей сильныхъ,
Стали они стрѣлять по сыру дубу;
Попадаютъ они по сыру дубу.—
Отъ тѣхъ стрѣлочекъ отъ каленыехъ,
И отъ стрѣльбы богатырскія
Только сырой дубъ шатается,
Будто отъ погоды сильныя.—
Говорилъ Посолъ *Василей Ивановичъ*:
«Гой еси Владимiръ Князь!
«Не надо мнѣ эти луки богатырскіе;
«Есть у меня волокитной лукъ,
«Съ которымъ ѣжжу по чисту полю.»
Втапоры кинулись удалы молодцы
Подъ первой рогъ—пять человѣкъ несутъ,
Подъ другой—несутъ ихъ столько же,
Колчанъ тащатъ, стрѣлъ тридцатъ ихъ;
И говоритъ Князю таково слово:
«Что, потѣшить, де, тебя Князя Владимiра?»
Беретъ она во ту рученьку бѣлую
И беретъ стрѣлу каленую—
Та была стрѣлка булатная—
Вытягала она лукъ за ухо,
Хлеснетъ она по сыру дубу,
Спѣла тетивка у туга лука,
Взвыла да пошла калена стрѣла,
Угодила въ сыръ крековистой дубъ;
Изломала въ черенья ножевыя.—
Владимiръ Князь окарачь ползетъ;
Встаютъ богатыри всѣ, какъ угорѣлые.—
Говоритъ *Посолъ* таково слово:
«Не жаль мнѣ сыра дуба крековистова,
«Только жаль мнѣ своей каленой стрѣлы.—
Никому не найти ее во чистомъ полѣ.
Плюнулъ *Владимiръ Князь*, самъ прочь пошелъ;
Говорилъ себѣ таково слово:
«Развѣ самъ Василья Посла провѣдаю,»
Сталъ съ нимъ играть въ шахматы,
Играть золотыми тавлеями.
Первую заступь заступовали:
И ту Посолъ у него проигралъ;
Другую заступь заступовали;
И другую заступъ Посолъ проигралъ;
Третью заступь заступовали—
Шахъ, да и матъ, да и подъ доску.—
И сталъ *Посолъ* говорить таково слово:
«Гой еси стольной Владимiръ Князь!
«Отдай мнѣ дани, выходы за двѣнадцать лѣтъ,
«За всякой годъ по три тысячи.»
Говорилъ тутъ *Владимiръ* Князь:
«Изволь меня Посолъ взять головой съ женой.»
И говорилъ тутъ *Посолъ* таковы слова:
«Чѣмъ ты Владимiръ Князь потѣшаешься?
«Есть ли у тебя веселые молодцы?»
И тотчасъ посылалъ Владимiръ Князь
Искать таковыхъ людей всякихъ рукъ—
И собрали тутъ веселыхъ молодцевъ.
Втапоры у Князя Великаго
Было пированье почетное,
На великихъ на радостяхъ.—
И тутъ *Посолъ* сидитъ не веселъ,
Только Князю слово выговоритъ:
«Нѣтъ ли у тебя кому въ гусли поиграть?»
Похватится Владимiръ Князь,
Послалъ по Ставра по Боярина,
Велѣлъ его расковать всего.
Снимали желѣза съ рукъ и ногъ,
И приводили Ставра на почетной пиръ.
И тутъ Посолъ скочилъ на рѣзвы ноги,
Посадилъ Ставра противъ въ дубову скамью.
И началъ тутъ Ставръ проигрывати:
Сыгрышъ сыгралъ Царя-града,
Танцы навелъ Ерусалимскіе,
Величалъ Князя со Княгинею,
Сверхъ того игралъ Еврейской стихъ;—
Посолъ задремалъ и спать захотѣлъ,
Говорилъ таковы слова:
«Гой еси Владимръ Князь!
«Не надо мнѣ твои дани, выходы,
«Только пожалуй веселымъ молодцемъ
«Ставромъ Бояриномъ Годиновичемъ.»
И Владимiръ Князь о томъ сталъ радостенъ,
Отдавалъ Ставра руками онъ.
Взявши Посолъ Ставра Боярина,
Вонъ провожаетъ его Владимiръ Князь.

И становился *Посолъ* у быстра Днѣпра,
Раставлялъ палатки свои бѣлыя,
Говорилъ онъ таково слово:
«Пожалуй Осударь Владимiръ Князь,
«Посиди, пока я высплюся.»
Раздѣвался Посолъ изъ платья Посольскова,
И збирался во платье женское,
При томъ говорилъ таково слово:
«Гой еси Ставръ веселой молодецъ!
«Какъ ты меня не опознываешь.»
Ставръ Бояринъ тутъ опознываетъ;
Скидавалъ свое платье черное,
И надѣвалъ платье посольское;—
Съ князѣмъ и Княгиней прощалися,
И отъѣжжали во землю дальную.—
(Сборникъ Кирши Данилова).

6. Садко купецъ, богатый гость.

Во славноемъ во Новѣградѣ
Какъ былъ Садко купецъ, богатый гость.
А прежде у Садка имущества не было:
Одни были гуселки яровчаты,—
По пирамъ ходилъ—игралъ Садко.
Садка день не зовутъ на почестенъ пиръ,
Другой не зовутъ на почестенъ пиръ,
И третiй не зовутъ на почестенъ пиръ.
По томъ Садко соскучился.
Какъ пошелъ Садко къ Ильмень-озеру,
Садился на бѣлъ-горючъ камень
И началъ играть въ гуселки яровчаты.
Какъ тутъ-то въ озерѣ вода всколыбалася,
Тутъ-то Садко перепался,
Пошелъ прочь отъ озера въ свой во Новгородъ.
Садка день не зовутъ на почестенъ пиръ,
Другой не зовутъ на почестенъ пиръ,
И третiй не зовутъ на почестенъ пиръ.
Потомъ Садко соскучился,
Какъ пошелъ Садко къ Ильмень-озеру,
Садился на бѣлъ-горючъ камень
И началъ играть въ гуселки яровчаты.
Какъ тутъ-то въ озерѣ вода всколыбалася,
Какъ тутъ-то Садко перепался,
Пошелъ прочь отъ озера во свой во Новгородъ.
Садка день не зовутъ на почестенъ пиръ,
Другой не зовутъ на почестенъ пиръ,
И третiй не зовутъ на почестенъ пиръ:
Потомъ Садко соскучился.
Какъ пошелъ Садко къ Ильмень-озеру,
Садился на бѣлъ-горючъ камень
И началъ играть въ гуселки яровчаты.
Какъ тутъ-то въ озерѣ вода всколыбалася,
Показался царь морской—
Вышелъ со Ильменя со озера,
Самъ говорилъ таковы слова:
—«Ай же ты, Садко новгородскiй!
Не знаю, чѣмъ буде тебя пожаловать
За твои за утѣхи за великiя,
За твою-то игру нѣжную.
Аль безсчетной золотой казной?
А не то ступай во Новгородъ
И ударь о великъ закладъ,
Заложи свою буйну голову
И выряжай съ прочихъ купцовъ
Лавки товара краснаго
И спорь, что въ Ильмень-озерѣ
Есть рыба—золоты перья.
Какъ ударишъ о великъ закладъ,
И поди свяжи шелковой неводъ
И прiѣзжай ловить въ Ильмень-озеро:
Дамъ тебѣ три рыбицы—золоты перья.
Тогда ты, Садко, счастливъ будешь».

Пошелъ Садко отъ Ильменя отъ озера.
Какъ приходитъ Садко во свой во Новгородъ,
Позвали Садко на почестенъ пиръ.
Какъ тутъ Садко новгородскiй
Сталъ играть въ гуселки яровчаты;
Какъ тутъ стали Садко попаивать,
Стали Садку поднашивать,
Какъ тутъ-то Садко сталъ похвастывать:
«Ай же вы, купцы новогородскiе!
Какъ знаю чудо-чудное въ Ильмень-озерѣ:
А есть рыба—золоты перья въ Ильмень-озерѣ».
Какъ тутъ-то купцы новогородскiе
Говорятъ ему таковы слова:
«Не знаешь ты чуда-чуднаго—
Не можетъ быть въ Ильмень-озерѣ рыба—золоты перья».—
—«Ай же вы, купцы новогородскiе!
О чемъ же бьсте со мной о великъ закладъ?
Ударимъ-ка о великъ закладъ:
Я заложу свою буйну голову,
А вы залагайте лавки товара краснаго».
Три купца повыкинулись,

Заложили по три лавки товара краснаго.
Какъ тутъ-то связали неводъ шелковый
И поѣхали ловить въ Ильмень озеро.
Закинули тоньку въ Ильмень озеро,
Добыли рыбку—золоты перья;
Закинули другую тоньку въ Ильмень озерѣ,
Добыли другую рыбку—золоты перья;
Третью закинули тоньку въ Ильмень-озеро,
Добыли третью рыбку—золоты перья.
Тутъ купцы новогородскіе
Отдали по три лавки товара краснаго.
Сталъ Садко поторговывать,
Сталъ получать барыши великіе.
Во своихъ палатахъ бѣлокаменныхъ
Устроилъ Садко все по небесному:
На небѣ солнце—и въ палатахъ солнце;
На небѣ мѣсяцъ—и въ палатахъ мѣсяцъ;
На небѣ звѣзды—и въ палатахъ звѣзды.

Потомъ Садко купецъ, богатый гость,
Созвалъ къ себѣ на почестенъ пиръ
Тыихъ мужиковъ новогородскіихъ
И тыихъ настоятелей новогородскіихъ:
Ѳому Назарьева и Луку Зиновьева.
Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ на пиру напивалися,
Похвальбами всѣ похвалялися.
Инный хвастаетъ безсчетной золотой казной,
Другой хвастаетъ силой-удачей молодецкою,
Который хвастаетъ добрымъ конемъ,
Который хвастаетъ славнымъ отечествомъ,
Славнымъ отечествомъ, молодымъ молодечествомъ,
Умный хвастаетъ старымъ батюшкой,
Безумный хвастаетъ молодой женой.
Говорятъ настоятели новогородскіе:
«Всѣ мы на пиру наѣдалися,
Всѣ на почестномъ напивалися,
Похвальбами всѣ похвалялися,
Что же у насъ Садко ничѣмъ не похвастаетъ,
Что у насъ Садко ничѣмъ не похваляется?
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:
«А чѣмъ мнѣ, Садку, хвастаться,
Чѣмъ мнѣ, Садку, похвалятися?
У меня ль золота казна не тощится,
Цвѣтно платьице не носится,
Дружина хоробра не измѣняется.
А похвастать не похвастать—безсчетной золотой казной:
На свою безсчетну золоту казну
Повыкуплю товары новогородскіе,
Худые товары и добрые!»
Не успѣлъ онъ слова вымолвить,
Какъ настоятели новогородскіе
Ударили о великъ закладъ,
О безсчетной золотой казнѣ,
О денежкахъ тридцати тысячахъ:
Какъ повыкупить Садку товары новогородскіе,
Худые товары и добрые,
Чтобъ въ Новѣградѣ товаровъ въ продажѣ болѣ не было.—
Ставалъ Садко на другой день ранымъ рано,
Будилъ свою дружину хоробрую,
Безъ счета давалъ золотой казны
И распущалъ дружину по улицамъ торговымъ,
А самъ-то прямо шелъ въ гостинный рядъ,—
Какъ повыкупилъ товары новогородскіе,
Худые товары и добрые,
На свою безсчетну золоту казну.
На другой день ставалъ Садко ранымъ рано,
Будилъ свою дружину хоробрую,
Безъ счета давалъ золотой казны
И распущалъ дружину по улицамъ торговымъ,
А самъ-то прямо шелъ въ гостинный рядъ:
Вдвойнѣ товаровъ принавезено,
Вдвойнѣ товаровъ принаполнено
На тую на славу на великую новогородскую.
Опять выкупалъ товары новогородскіе,
Худые товары и добрые,
На свою безсчетну золоту казну.
На третій день ставалъ Садко ранымъ рано,
Будилъ свою дружину хоробрую,
Безъ счета давалъ золотой казны
И распущалъ дружину по улицамъ торговымъ,

А самъ-то прямо шелъ въ гостинный рядъ:
Втройнѣ товаровъ принавезено,
Втройнѣ товаровъ принаполнено,
Подоспѣли товары московскіе
На ту на великую на славу новогородскую.
Какъ тутъ Садко пораздумался:
«Не выкупить товара со всего бѣла свѣта:
Еще повыкуплю товары московскіе—
Подоспѣютъ товары заморскіе.
Не я, видно, купецъ богатъ новогородскій—
Побогаче меня славный Новгородъ!»
Отдавалъ онъ настоятелямъ новогородскимъ
Денежекъ онъ тридцать тысячей.

На свою безсчетну золоту казну
Построилъ Садко тридцать кораблей,
Тридцать кораблей, тридцать черленыихъ;
На ты на корабли на черленые
Свалилъ товары новогородскіе,
Поѣхалъ Садко по Волхову,
Со Волхова во Ладожско,
А со Ладожска во Неву рѣку,
А со Невы рѣки во сине море.
Какъ поѣхалъ онъ по синю морю,
Воротилъ онъ въ Золоту орду.
Продавалъ товары новогородскіе,
Получалъ барыши великіе;
Насыпалъ бочки сороковки красна золота, чиста серебра,
Поѣзжалъ назадъ во Новгородъ,
Поѣзжалъ онъ по синю морю.
На синемъ морѣ сходилась погода сильная,
Застоялись черлены корабли на синемъ морѣ:
А волной-то бьетъ, паруса рветъ,
Ломаетъ кораблики черленые:
А корабли нейдутъ съ мѣста на синемъ морѣ.
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость
Ко своей дружинѣ ко хороброей:
«Ай же ты, дружинушка хоробрая!
Какъ мы вѣкъ по морю ѣздили,
А морскому царю дани не плачивали:
Видно царь морской отъ насъ дани требуетъ,
Требуетъ дани во сине море».

И приказываетъ Садко спустить въ море бочку серебра. Спускаютъ въ море бочку серебра: но буря не унимается. Потомъ спускаютъ бочку золота: но буря все не унимается. Садко догадывается, что морской царь требуетъ живой головы въ сине море, и велитъ кидать жеребей: чей жеребье ко-дну пойдетъ, тому и идти въ синее море. Три раза кидали разные жеребьи: и всякій разъ у всей дружины жеребья гоголемъ плыли по водѣ, а у Садко опускались ключемъ на дно. Тогда Садко велитъ принести себѣ чернилицу, перо и бумаги, и начинаетъ отписывать свое имѣнье:

Кое имѣнье отписывалъ Божьимъ церквамъ,
Инное имѣнье нищей братіи,
Инное имѣнье молодой женѣ,
Остатнее имѣнье дружинѣ хоробрοей,
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:
«Ай же, братцы, дружина хоробрая!
Давайте мнѣ гуселки яровчаты,
Поиграть-то мнѣ въ остатнее:
Больше мнѣ въ гуселки не игрывати.
Али взять мнѣ гусли съ собой во сине море?»
Взимаетъ онъ гуселки яровчаты,
Самъ говоритъ таковы слова:
«Свалите дощечку дубовую на воду:
Хоть я свалюсь на доску дубовую,
Не толь мнѣ страшно принять смерть на синемъ морѣ».
Свалили дощечку дубовую на воду,
Потомъ поѣзжали корабли по синю морю,
Полетѣли какъ черные вороны.

Остался Садко на синемъ морѣ.
Со тоя со страсти со великія
Заснулъ на дощечкѣ на дубовой.
Проснулся Садко во синемъ морѣ,
Во синемъ морѣ, на самомъ днѣ.
Сквозь воду увидѣлъ пекучись красное солнышко,
Вечернюю зорю, зорю утреннюю.
Увидѣлъ Садко: во синемъ морѣ
Стоитъ палата бѣлокаменная.
Заходилъ Садко въ палату бѣлокаменну—
Сидитъ въ палатѣ царь морской,

Голова у царя какъ куча сѣнная.
Говоритъ царь таковы слова:
«Ай же ты, Садко купецъ, богатый гость!
Вѣкъ ты, Садко, по морю ѣзживалъ,
Мнѣ царю дани не плачивалъ,
А нонь весь пришелъ ко мнѣ во подарочкахъ.
Скажутъ, мастеръ играть въ гуселки яровчаты:
Поиграй же мнѣ въ гуселки яровчаты».
Какъ началъ играть Садко въ гуселки яровчаты,
Какъ началъ плясать царь морской во синемъ морѣ,
Какъ расплясался царь морской—
Игралъ Садко сутки, игралъ и другіе,
Да игралъ еще Садко и третьи—
А все пляшетъ царь морской во синемъ морѣ:
Во синемъ морѣ вода всколыбалася,
Съ желтымъ пескомъ вода смутилася,
Стало разбивать много кораблей на синемъ морѣ,
Стало много гинуть имѣньицевъ,
Стало много тонуть людей праведныхъ.
Какъ сталъ народъ молиться Николѣ Можайскому.
Какъ тронуло Садко въ плечо во правое:
«Ай же ты, Садко новогородскій!
Полно игратъ въ гуселышки яровчаты!»—
Обернулся, глядитъ Садко новогородскій:
Ажно стоитъ старикъ сѣдатый.
Говорилъ Садко новогородскій:
«У меня воля не своя во синемъ морѣ—
Приказано играть въ гуселки яровчаты».
Говоритъ старикъ таковы слова:
«А ты струночки повырывай,
А ты шпенечки повыломай.
Скажи: у меня струночекъ не случилося,
А шпенечковъ не пригодилося:
Не во что больше играть:
Приломалися гуселки яровчаты».

Потомъ старикъ предсказываетъ Садку, что морской царь будетъ приневоливать его жениться въ синемъ морѣ, и даетъ ему совѣтъ, какъ выбиратъ невѣсту: «Ты, говоритъ, первое триста дѣвицъ пропусти, и другое триста дѣвицъ пропусти, и третье триста дѣвицъ пропусти; а позади будетъ идти дѣвица Чернава — такъ эту Чернаву и бери за себя замужъ. Только не цѣлуй свою невѣсту въ синемъ морѣ, а то тамъ на вѣки останешься; если же не поцѣлуешь, то будешь въ Новгородѣ. А какъ будешь въ Новгородѣ, построй церковь соборную Николѣ Можайскому». Садко такъ и сдѣлалъ, какъ сказалъ ему старикъ:

Садко струночки во гуселкахъ повыдернулъ,
Шпенечки во яровчатыхъ повыломалъ.
Говоритъ ему царь морской:
«Ай же ты, Садко новогородскій!
Что же ты не играешь въ гуселки яровчаты»?—
—«У меня струночки во гуселкахъ выдернулись:
А шпенечки во яровчатыхъ повыломалились,
А струночекъ запасныхъ не случилося,
А шпенечковъ не пригодилося».
Говоритъ царь таковы слова:
«Не хочешь ли жениться во синемъ морѣ
На душечкѣ на красныя дѣвушкѣ»?
Говоритъ ему Садко новогородскій:
«У меня воля не своя во синемъ морѣ».
Опять говоритъ царь морской:
«Ну, Садко, вставай поутру ранешенько,
Выбирай себѣ дѣвицу красавицу».
Вставалъ Садко поутру ранешенько,
Поглядитъ: идетъ триста дѣвушекъ красныхъ.
Онъ перво триста дѣвицъ пропустилъ,
И друго триста дѣвицъ пропустилъ,
И третье триста дѣвицъ пропустилъ;
Позади шла дѣвица красавица,
Красавица дѣвица Чернавушка:
Бралъ тую Чернаву за себя замужъ.
Какъ прошелъ у нихъ столованье почестенъ пиръ,
Какъ проснулся Садко во Новѣградѣ,
О рѣку Чернаву на крутомъ кряжу.
Какъ поглядитъ: ажно бѣжатъ
Свои черленные корабли по Волхову.

Поминаетъ жена Садко со дружиной:
«Не бывать Садку со синя моря!
А дружина поминаетъ одного Садка:
«Остался Садко во синемъ морѣ».
А Садко стоитъ на крутомъ кряжу,
Встрѣчаетъ свою дружинушку со Волхова.
Тутъ его ли дружина сдивовалася;
«Остался Садко во синемъ морѣ—
Очутился впереди насъ во Новѣградѣ:
Встрѣчаетъ дружину со Волхова»!
Встрѣтилъ Садко дружину хоробрую
И повелъ въ палаты бѣлокаменны;
Тутъ его жена взрадовалася,
Брала Садка за бѣлы руки,
Цѣловала во уста во сахарныя.
Началъ Садко выгружать со черленныхъ со кораблей
Имѣньице—безсчетную казну.
Какъ повыгрузилъ со черленныхъ кораблей,
Состроилъ церковъ соборную Николѣ Можайскому.
Не сталъ больше ѣздить Садко на сине море,
Сталъ поживать Садко во Новѣградѣ.

8. Василій Буслаевичъ.

Во славномъ Новгородѣ
А и жилъ Буслай до девяноста лѣтъ;
Съ Новымъ-городомъ жилъ не перечился,
Со мужики новогородскими
Поперегъ словечка не говаривалъ.
Живучи Буслай состарѣлся,
Состарѣлся и переставился.
Послѣ его вѣку долгаго
Оставалося его житье-бытье
И все имѣніе дворянское;
Осталася матера вдова,
Матера Мамелѳа Тимоѳеевна,
И осталося чадо милое
Молодой сынъ Василій Буслаевичъ.
Будетъ Васенька семи годовъ,
Отдавала матушка родимая
Учить его во грамотѣ,
А грамота ему въ наукъ пошла;
Присадила перомъ его писать,
Письмо Василью въ наукъ пошло;
Отдавала пѣнью учить церковному,
Пѣнье Василью въ наукъ пошло.
А и нѣтъ у насъ такова пѣвца
Во славномъ Новѣгородѣ
Супротивъ Василья Буслаева.
Повадился, вѣдь, Васька Буслаевичъ
Со пьяницы, со безумницы,
Съ веселыми, удалыми, добрыми молодцы,
До пьяна уже сталъ напиватися;
А и ходитъ въ городѣ, уродуетъ:
Котораго возьметъ онъ за руку,
Изъ плеча тому руку выдернетъ;
Котораго хватитъ поперегъ хребта,
Тотъ кричитъ, реветъ, окорачь ползетъ.
Жалуются васенькиной матушкѣ.
Матушка журитъ молодца.
Журьба Васькѣ не взлюбилась.
Садился Васька на ременчатъ стулъ,
Писалъ ярлыки скорописчаты:
«Кто хощетъ пить и ѣсть изъ готоваго,
«Валися къ Васькѣ на широкій дворъ:
«Тотъ пей и ѣшь готовое
«И носи платье разноцвѣтное.»
Разсылалъ тѣ ярлыки со слугой своимъ
На тѣ улицы широкія
И на тѣ частые переулочки.
Въ тоже время поставилъ Васька чанъ середи двора,
Наливалъ чанъ полонъ зелена вина,
Опущалъ онъ чару въ полтора ведра.
Во славноемъ было Новѣ-градѣ
Грамотны люди шли,
Прочитали тѣ ярлыки скорописчаты,
Пошли къ Васькѣ на широкій дворъ
Ко тому чану, зелену вину.
Въ началѣ былъ Костя Новоторженинъ,
Пришелъ онъ, Костя, на широкій дворъ.
Василій тутъ его опробовалъ,
Сталъ его бити червленымъ вязомъ, —
Въ половинѣ было налито
Тяжела свинца чебурацкаго,
Вѣсомъ тотъ вязъ былъ во двѣнадцать пудъ,
А бьетъ онъ Костю по буйной головѣ,
Стоитъ тутъ Костя, не шевельнется,
И на буйной головѣ кудри не тряхнутся.
Говорилъ Василій, сынъ Буслаевичъ:
«Гой еси ты Костя Новоторженинъ!
«А и будь ты мнѣ названой братъ,
«И паче мнѣ брата родимаго.»
Такимъ же образомъ Василій выби-

раетъ себѣ въ дружину двадцать молодцовъ—самъ тридцать.
Говоритъ тутъ Василій Буслаевичъ:
«Гой еси вы, мужики новогородскіе!
«Бьюсь съ вами о великъ закладъ,
«Напущаюсь я на весь Новгородъ
«Битися, дратися
«Со всею дружиною храброю:
«Тако вы меня съ дружиною побьете Новымъ-городомъ,
«Буду вамъ платить дани, выходы по смерть свою,
«На всякій годъ по три тысячи;
«А буде же я васъ побью,
«И вы мнѣ покоритеся,
«То вамъ платить мнѣ такову же дань.»
И въ томъ-то договорѣ руки они подписали.

(Сказанія Р. Народа, т. I, былины, стр. 16 и 17.)

Начинается бой—Василій съ дружиною такъ и истребляетъ Новгородцевъ. Они жалуются опять Васильевой матушкѣ; Мамелфа Тимоѳеевна сажаетъ его въ глубокій погребъ. Тогда васильеву дружину начинаютъ одолѣвать Новгородцы. Видя это, дѣвушка чернавушка выпускаетъ Василья изъ погреба; схвативъ тележную ось, онъ бросается на помощь своимъ,—мужики новгородскіе опять такъ и валятся. Снова просятъ они васильеву матушку, чтобы уняла свое чадо милое.

Она посылаетъ ихъ къ Васильеву крестовому батюшкѣ—старику пилигримищу, живущему въ монастырѣ Сергіевскомъ.

Старчище Пилигримище сокручается,
Сокручается онъ, снаряжается
Ко своему ко крестнику любимому:
Одѣваетъ старчище кафтанъ въ сорокъ пудъ,
Колпакъ на голову полагаетъ въ двадцать пудъ,
Клюку въ руки беретъ въ десять пудъ,
И пошелъ ко мостику ко волховскому
Со тыми князьями новогородскими.
Приходитъ на мостикъ на волховскій,
Прямо ему во ясны очи,
И говоритъ ему таковы слова:
«Ай же ты, мое чадо крестное!
«Укроти свое сердце богатырское,
«Оставь мужичковъ хоть на сѣмена.—
Богатырское сердце разъярилося:
«Ай же ты, крестный мой батюшка!
«Не далъ я ти яичко о христовомъ дни,
«Дамъ тебѣ яичко о петровомъ дни!»
Щелкнулъ какъ крестнаго батюшку
Тою осью желѣзною;
Отъ единаго удара Васильева
Крестовому батюшкѣ славу поютъ.

—

Тогда государыня его матушка
Одѣвала платьица черныя,
Одѣвала шубу соболиную,
Полагала шеломъ на буйну голову,
И пошла Мамелфа Тимоѳеевна
Унимать своего чада любимаго.
То выгодно собой старушка догадалася,—
Не зашла она спереди его,
А зашла она позади его,
И пала на плечи на могучія:
«Ай же ты, чадо мое милое,
«Укроти свое сердце богатырское,
«Не сердись на государыню на матушку,
«Уброси свое смертное побоище,
«Оставь мужичковъ хоть на сѣмена.»
Тутъ Васильюшка Буслаевичъ
Опускаетъ свои руки къ сырой землѣ,
Выпадаетъ ось желѣзная изъ бѣлыхъ рукъ
На тую на матерь на сыру землю:
«Ай ты, свѣтъ государыня матушка,
«Умѣла унять мою силу великую,
«Зайти догадалась позади меня.
«А ежели бъ ты зашла впереди меня,
«То не спустилъ бы тебѣ, государынѣ матушкѣ,
«Убилъ бы за мѣсто мужика новгородскаго.»
И тогда Васильюшка Буслаевичъ
Оставилъ то смертное побоище,
Оставилъ мужиковъ малу часть,
А набилъ тѣхъ мужиковъ, что пройти нельзя.

(Пѣсни Рыбникова, ч. I, стр. 348—351).

Приходитъ Василій Буслаевичъ
Ко своей государынѣ матушкѣ:
Какъ вьюнъ около ея увивается,
Проситъ благословеньице великое:
«Идти мнѣ Василью во Ерусалимъ градъ

«Со всею дружиною храброю,
«Мнѣ ко Господу помолитися,
«Святой святынѣ приложитися,
«Во Ерданѣ рѣкѣ искупатися.»
—«Гой еси ты, мое чадо милое,
«Молодой Василій Буслаевичъ!
«То коли ты пойдешь на добрыя дѣла,
«Тебѣ дамъ благословеніе великое;
«То коли ты, дитя, на разбой пойдешь,
«И не дамъ благословенія великаго.
«А и не носи Василья сыра земля!»
Камень отъ огня разгорается,
А и булатъ отъ жару растопляется,—
Матерно сердце распущается;
И даетъ она много свинцу-пороху,
И даетъ Василью запасы хлѣбные,
И даетъ оружье долгомѣрное:
«Поберегп ты, Василій, буйну голову своюю.»
Скоро молодцы собираются....
Бѣгутъ они ужь не сутки другія,
А бѣгутъ уже недѣлю другую,
Встрѣчу имъ гости корабельщики:
«Здравствуй Василій Буслаевичъ!
«Куда молодецъ поизволилъ погулять?»
Отвѣчалъ Василій Буслаевичъ:
«А мое-то вѣдь гулянье неохотное:
«Со молоду бито много, граблено,
«Подъ старость надо душу спасти.
«А скажите вы, молодцы, мнѣ прямаго пути
«Ко святому граду Ерусалиму.»

Хотя прямой путь и съ опасностями, Василій избираетъ его. На сорочинской горѣ попадается ему подъ ноги пустая голова, человѣчья кость; онъ отталкиваетъ ее; тогда она начинаетъ говорить и предсказываетъ ему, что его голова ляжетъ подлѣ нея. На той же горѣ видитъ онъ камень, на которомъ написано, что тотъ, кто сталъ бы скакать поперекъ его, сломитъ себѣ буйну голову, вмѣстѣ со всею дружиною скачетъ поперекъ камня. Пріѣзжаютъ они въ Іерусалимъ; Василій служитъ обѣдню за матушку, за себя и дружину, и панихиду по батюшкѣ, купается вмѣстѣ съ дружиною въ Іорданѣ. Баба залѣсная предсказываетъ молодцамъ, что они лишатся своего атамана. Они не вѣрятъ, и отправляются въ обратный путь. На сорочинской горѣ снова скачетъ Василій по камню, спотыкается, убивается до смерти, и хоронятъ его возлѣ пустой головы.

(Сказ. Р. Нар. т. I, былины, стр. 19—22.)

9. Отчего перевелись богатыри на святой Руси?

Возгордились богатыри своими побѣдами и до того расхвастались, что стали вызывать на бой силу небесную:
«Не намахалися наши могутныя плечи,
«Не уходилися наши добрые кони,
«Не притупились мечи наши булатные!»
И говоритъ Алеша Поповичъ младъ:
«Подавай намъ силу не здѣшнюю—
«Мы и съ той силою, витязи, справимся?»
Какъ промолвилъ онъ слово неразумное,
Тахъ и явились двое воителей,
И крикнули они громкимъ голосомъ:
«А давайте съ нами, витязи, бой держать—
«Не глядите, что насъ двое, а васъ семеро.»
Не узнали витязи воителей.
Разгорѣлся Алеша Поповичъ на ихъ слова,
Поднялъ онъ коня борзаго,
Налетѣлъ на воителей
И разрубилъ ихъ пополамъ совсего плеча:
Стало четверо—и живы всѣ.
Налетѣлъ на нихъ Добрыня молодецъ,
Разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча:
Стало восьмеро—и живы всѣ.
Налетѣлъ на нихъ Илья Муромецъ,
Разрубилъ ихъ пополамъ, со всего плеча:
Стало вдвое болѣе и живы всѣ.
Бросилися на силу всѣ витязи:
Стали они силу колоть-рубить....
А сила все растетъ-да растетъ,
Все на витязей съ боемъ идетъ....
Бились витязи три дня, три часа, три минуточки,
Намахалися ихъ плечи могутныя;
Уходилися кони ихъ добрые;
Притупились мечи ихъ булатные....

А сила все растетъ, да растетъ,
Все на витязей съ боемъ идетъ....
Испугалися могучіе витязи:
Побѣжали въ каменныя горы, въ темныя пещеры...
Какъ подбѣжитъ витязь къ горѣ, такъ и окаменѣетъ;
Какъ подбѣжитъ другой, такъ и окаменѣетъ;
Какъ подбѣжитъ третій, такъ и окаменѣетъ
Съ тѣхъ-то поръ и перевелись витязи на святой Руси!—

(Сынъ Отечества за 1856 г., № 17).

2. СКАЗКИ.

а. Иванъ царевичъ и Марѳа царевна.

У одново царя много лѣтъ содержался мужичокъ-руки желѣзны, голова чи(у)гунна, самъ мѣдной, хитрецъ былъ, важной человѣкъ! Сынъ царю (*) Иванъ-царевичъ былъ малинькой, ходилъ мимо тюрьмы. Этотъ старикъ подкликалъ ево къ себѣ и взмолился ему: «дай, пожалуста, Иванъ-царевичъ, напиться.» Иванъ-царевичъ еще ничево не зналъ—былъ малинькой, почерпнулъ воды и подалъ ему: старика съ этово въ тюрьмѣ не стало, ушолъ. Дошла эта ви(ѣ)сть и до царя. Царь приказалъ Ивана-царевича за это дѣло выгнать изъ царства. Царско слово—законъ: Ивана-царевича выгнали изъ царства; пошолъ онъ куда глаза глядятъ.

Шолъ долго; наконецъ приходитъ въ друго царство прямо къ царю, просится въ службу. Царь ево принялъ, приказалъ сдѣлать конюхомъ. Онъ только спитъ на конюшнѣ, а за конями не ходитъ; конюшенной староста не однажды билъ ево. Иванъ-царевичъ все терпѣлъ. Какой-то царь сваталъ царевну у этово царя и не высваталъ; за то объявилъ войну. Этотъ царь ушолъ съ войсками, а царствомъ осталась править дочь ево Марѳа-царевна. Она и прежде замѣчала Ивана-царевича, что онъ не простова роду; за то и послала ево въ какое-то мѣсто губернаторомъ. Иванъ-царевичъ уѣхалъ, живётъ тамъ, правитъ дѣломъ. Одинъ разъ поѣхалъ онъ на охоту; только выѣхалъ за жило (*)—неоткуда взялся мужичокъ-руки желѣзны, голова чигунна, самъ мѣдный: «а, здравстуй, Иванъ-царевичъ!» Иванъ-царевичъ ему поклонился. Старикъ зовётъ ево: «поѣдемъ, говоритъ, ко мнѣ въ гости.» Поѣхали. Старичекъ ввёлъ ево въ богатой домъ, крикнулъ малой дочерѣ: «ей, давай-ко намъ пить и ись (**), да и полуведёрную чашу вина.» Закусили; вдрук(г)ъ дочь приноситъ полуведёрную чашу вина и подноситъ Ивану-царевичу. Онъ отказыватся, говоритъ: «мнѣ не выпить!» Старикъ велитъ браться; взялъ чашу и откуда у нево сила взялася—на одинъ духъ такъ и выпилъ это вино! Потомъ старикъ созвалъ ево разгулят(ь)ся; дошли до камня въ 500 пудовъ. Старикъ говоритъ: «поднимай этотъ камень, Иванъ-царевичъ!» Онъ думаетъ себѣ: «гдѣ мнѣ поднять такой камень! однако попробую.» Взялъ и лек(г)ко перекинулъ; самъ опять и думатъ: «откуда-жо у меня берётся сила? небось этотъ старикъ въ винѣ её мнѣ подаетъ.» Походили сколько времени и пошли въ домъ. Приходятъ; старикъ середней дочерѣ крикнулъ ведро вина принести. Иванъ-царевичъ смѣло взялся за чашу вина, выпилъ на одинъ духъ. Опять пошли разгулят(ь)ся, дошли до камня въ тысячу пудовъ. Старикъ говоритъ Ивану-царевичу: «ну-ко, переметни этотъ камень!» Иванъ-царевичъ тотчасъ схватилъ камень и бросилъ, и думатъ себѣ: «эка сила хочетъ во мнѣ быть!» Воротились опе(я)ть въ домъ, и опеть старикъ крикнулъ большой дочерѣ принести полтора ведра чару зелена вина. Иванъ-царевичъ и это выпилъ на одинъ духъ. Пошли со старикомъ раз-

(*) Вмѣсто: царской.

(*) За деревню или городъ, т. е. въ полѣ.
(**) Ѣсть.

гулятся. Иванъ-царевичъ легонько метнулъ камень въ полторы тысячи пудовъ. Тогда старикъ далъ ему скатёртку-самовёртку, и говоритъ: «ну, Иванъ-царевичъ! въ тебѣ теперь много силы; лошадѣ(и) не поднять! крыльцо дома вели передѣлать, тебя оно не станётъ поднимать; стулья надо други-жо (*); подъ полы можно наставить чашше (**) подстоекъ (***). Ступай съ Богомъ!» Всѣ люди засмѣялись, какъ увидѣли, что губернаторъ съ охоты идётъ пѣшкомъ, а лошадь ведётъ въ поводу. Онъ пришолъ домой; подъ пола(ы) велѣлъ наставить стоёкъ, стулья всѣ передѣлали, стряпокъ (****)—горничныхъ прогналъ, одинъ себѣ живётъ какъ пустынникъ. И всѣ дивятся, какъ живётъ онъ голодомъ: никто ему не стряпатъ! даромъ что ево питатъ скатёртка-самовёртка. Въ гости ходить ни къ кому онъ не сталъ, да и какъ ходить? ничево ево не поднимало въ домахъ.

Царь между тѣмъ съ походу воротился, узналъ, что Иванъ-царевичъ живётъ губернаторомъ, приказалъ ево смѣнить и сдѣлать опеть конюхомъ. Нечево дѣлать—Иванъ-царевичъ сталъ жить конюхомъ. Одинъ разъ конюшенной староста сталъ ево куда-то наряжать, да и ударилъ; Иванъ-царевичъ не стерпѣлъ, какъ схватилъ ево самъ, такъ голову и отшибъ. Дошло это дѣло до царя; привели Ивана-царевича. «Почто ты ушибъ старосту?» спросилъ царь.—Онъ самъ напередъ ударилъ меня; я не шип(б)ко (*****) и отплатилъ ему,да какъ-то по головѣ: голова и отпала. Другіе конюхи сказали тожо—задѣлъ напередъ староста, а Иванъ-царевичъ ударилъ ево не шибко. Ничево не сдѣлали съ Иваномъ-царевичомъ, только смѣнили изъ конюховъ въ солдаты; онъ и тутъ началъ жить.

Не чрезъ долго времени приходитъ къ царю мужичокъ — самъ съ нок(г)оть, борода съ локоть, и подаетъ письмо за тремя чорными печатями отъ водянова царя; тутъ написано: ежели царь въ такой-то день и на такой-то островъ не привезетъ дочь свою Марѳу-царевну въ замужъ (*) за сына водянова царя; то онъ людей всѣхъ прибьетъ и все царство огнемъ сожгетъ,—а за Марѳой царевной будетъ трехъ-главой змѣй. Царь прочиталъ это письмо, подалъ отъ себя другой отвѣтъ къ водяному царю, что дочь отдать согласенъ; проводилъ старика и созвалъ сенаторовъ и думныхъ дьяковъ думу думать, какъ отстоять дочь отъ трехъ-глававо змія? ежели не послать ее на островъ, то всему царству отъ водянова царя будетъ смерть. Кликнули кличъ, не выищотся ли такой человѣкъ, которой бы взялся выручать отъ змія Марѳу-царевну? за тово ее царь и въ замужъ отдастъ. Нашолся какой-то поддергайко (**), взялъ роту солдатъ, повезъ Марѳу-царевну; привозитъ на островъ, оставилъ ее въ хижинѣ, а самъ остался дожидатся змѣя на улицѣ. Между тѣмъ Иванъ-царевичъ узналъ, что Марѳу-царевну увезли къ водяному царю, собрался и поѣхалъ на островъ; пришолъ въ хижину, Марѳа-царевна плачетъ. «Не плачь, царевна! сказалъ онъ ей. Богъ милостивъ!» Самъ лек(г)ъ на лавку, голову положилъ на колѣна Марѳѣ-царевнѣ и уснулъ. Вдрук(г)ъ змій и началъ выходить; воды за нимъ хлынуло на три аршина. Баринъ съ солдатами стоялъ тутъ; какъ начала вода прибывать, онъ и скомандовалъ имъ: маршъ на лѣсъ! Солдаты всѣ сбились на лѣсъ. Змѣй вышолъ и идетъ прямо въ хижину. Марѳа-царевна увидѣла, что змій идетъ за ней, начала Ивана-царевича будить; тотъ соскочилъ, на одинъ разъ отсѣкъ всѣ три головы у змія, а самъ ушолъ. Баринъ повезъ Марѳу-царевну домой къ отцу.

(*) Другія же.
(**) Чаще.
(***) Подставокъ.
(****) Стряпка—кухарка: стряпать — готовить кушанье. (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 218).
(*****) Крѣпко (ibidem, стр. 265)

(*) Замужство.
(**) Выскочка: поддёргивать — намѣкать съ укоризною на чей-либо счетъ, обиняками унижать или осмѣивать. (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 163.)

Не чрезъ много времени старикъ-самъ съ нокоть, борода съ локоть, выходитъ опеть изъ воды и несетъ отъ водянова царя письмо за шести(-тью) чорными печатями, чтобы царь привезъ дочь на тотъ-жо островъ шестиглавому змѣю; а ежели онъ не отдастъ Марѳу-царевну, то водяной царь грозился все царство потопить. Царь отписалъ опеть, что согласенъ отдать Марѳу-царевну. Малинькой старичонко ушолъ. Царь началъ кликать кличь; послали вездѣ бумаги: не найдется ли такой человѣкъ, которой бы избавилъ Марѳу-царевну отъ змія? Тотъжо баринъ опеть явился, говоритъ: «я, Вашо Царско Величество, избавлю; только дайте роту солдатъ.»—Да больше не надо ли? теперь змій о шести главахъ. «Будетъ! (*) мнѣ и этого много.» Собрались всѣ, повезли Марѳу-царевну; а Иванъ-царевичъ узналъ, что Марѳа-царевна опеть въ напасти,—за добродѣтель её, что ево сдѣлала губернаторомъ, пошолъ туда-ли, поѣхалъ-ли; также засталъ Марѳу-царевну въ хижинѣ, входитъ къ ней. Она ужъ ждётъ ево, только увидѣла — обрадовалась. Онъ лёкъ и уснулъ. Вдрукъ шестиглавый змій и началъ выходить; воды хлынуло на шесть аршинъ. Баринъ съ солдатами ишшо сперва (**) сидѣлъ на лѣсу. Змій вошолъ въ хижину. Марѳа-царевна разбудила Ивана-царевича; вотъ они и схватились, бились-бились: Иванъ-царевичъ отсѣкъ змію голову, другу, третью, и всѣ шесть, и сбросалъ ихъ въ воду, а самъ будто ни въ чемъ не бывалъ пошолъ. Баринъ съ солдатами слѣзъ съ лѣсу, поѣхалъ домой, доноситъ царю, что Богъ помок(г)ъ отстоять Марѳу-царевну, и её, видно, настрашшалъ чѣмъ-то этотъ баринъ; она не смѣла сказать, что не онъ отстаивалъ её. Баринъ сталъ приступать, чтобы сдѣлали свадьбу. Марѳа-царевна велитъ подождать: «дайте, говоритъ, мнѣ поправится со страху. Я и то вонъ какъ напугалась!»

(*) Довольно.
(**) Прежде.

Вдрукъ опеть тотъ-жо старикъ — самъ съ нокоть, борода съ локоть, выходитъ изъ воды и несётъ письмо съ девяти(-тью) чорными печатями, чтобы царь немедленно послалъ Марѳу-царевну на такой-то островъ и въ такой-то день къ девяти-главому змію, а ежели не пошлётъ, то всё ево царство будётъ потоплено. Царь опеть отписалъ, что согласёнъ; самъ началъ искать такова человѣка, какой бы избавилъ царевну отъ девятиглававо змія. Тотъ-жо баринъ опеть выйскался и поѣхалъ съ ротой солдатъ и съ Марѳой-царевной; Иванъ-царевичъ услыхалъ это, собрался и отправился туда-жо, а Марѳа-царевна тамъ ждетъ ужъ ево. Онъ пришолъ; она обрадовалась, стала ево спрашивать, какова онъ роду, кто такой, какъ зовутъ? Онъ ничево не сказалъ, лёкъ и уснулъ. Вотъ девятиглавой змій и началъ выходить, воды поднялъ на себѣ на девять аршинъ. Баринъ опеть скомандовалъ солдатамъ: маршъ на лѣсъ—залѣзли. Марѳа-царевна будитъ Ивана-царевича, не можотъ разбудить: змій ужъ блис(з)ко у порогу! Она слёзно заплакала; Ивана-царевича разбудить всё не можотъ. Змій ужъ подползатъ, только схватитъ Ивана-царевича! онъ все спитъ. У Марѳы-царевны былъ ножичокъ перочинной; она имъ и рѣзнула по шшокѣ (*) Ивана-царевича. Онъ проснулся, соскочилъ, схватился со зміемъ бится, барахтатся. Вотъ змій началъ подолять (**) Ивана-царевича. Неоткуда взялся мужичокъ-руки желѣзны, голова чигунна, самъ мѣдной, схватилъ змія; отсикли двоймя ему всѣ головы, сбросили въ воду и ушли. Баринъ пушше (***) тово обрадовался; соскакали съ лѣсу, отправились въ свое царство, и онъ неотступно сталъ просить царя сдѣлать свадьбу. Марѳа-царевна отказывалась: «подождите

(*) По щекѣ.
(**) Одолѣвать.
(***) Пуще—больше, сильнѣй. (Опытъ областн. великор. словаря, стр. 185.)

немного, да дайте мнѣ оправится; я и то вонъ какъ испугалась!»

Старичокъ—самъ съ нокотокъ, борода съ локотокъ, опеть принёсъ письмо. Водяной царь требуётъ виноватова. Барину и не хотѣлось было ѣхать къ водяному царю, да нечево дѣлать послали. Снарядили корабль и отправились (а Иванъ-царевичъ тутъ на флотѣ служилъ, какъ-то попалъ тутъ-жо на корабль); плывутъ. Вдрукъ на встрѣчю(у) имъ корабль—какъ птица летитъ, только и кричатъ: «виноватова! виноватова!» и пробѣжалъ мимо. Немного отплыли, другой корабль на встрѣчу, и опеть кричатъ: «виноватова! виноватова!» Иванъ-царевичъ указалъ на барина; ужъ они ево били-били, до полусмерти. Проѣхали. Вотъ пріѣзжаютъ они къ водяному царю. Водяной царь приказалъ натопить до красна чигунну-ли, желѣзну-ли баню и виноватова посадить туда. Баринъ перепугался, душа въ пятки ушла! смертонька приходитъ! А у Ивана-царевича остался съ тѣхъ кораблей (*) какой-то человѣкъ, увидялъ, что Иванъ-царевичъ не простова роду, и сталъ у нево служить. Иванъ-царевичъ и послалъ ево: «ступай, просиди въ банѣ.» Тотъ сейчасъ сбѣгалъ; ему — дьяволъ-то и есть—ничево тамъ не дѣлается, прибѣжалъ обратно невредимъ. Виноватова опеть потребовали, теперь ужъ къ самому водяному царю; барина увели. Ужъ ево ругалъ-ругалъ, билъ-билъ водяной царь и велѣлъ прогнать. Поѣхали обратно.

Баринъ дома пуще ешшо сталъ гордится, и не отходитъ отъ царя, приступатъ, чтобы сдѣлалъ свадьбу. Царь просваталъ; назначили день, когда быть свадьбѣ. Баринъ—гдѣ поднялся! рукой не достанёшъ! никто близко не подходи! А царевна говоритъ отцу: батюшко! вели собрать всѣхъ солдатъ. Я хочю смотрѣть ихъ.» Тотчасъ солдатъ собрали. Марѳа-царевна и пошла, всѣхъ обошла, и доходитъ до Ивана-царевича, взглянула на шшоку и видитъ рубецъ, какъ она ножичкомъ ево рѣзнула; беретъ она Ивана-царевича за руку и ведётъ къ отцу: «вотъ, батюшко! кто меня избавилъ отъ зміевъ. Я не знала—кто онъ, а теперь узнала по рубцу на шшокѣ. Баринъ-отъ сидѣлъ съ солдатами на лѣсу.» Тутъ-жо солдатъ тѣхъ спросили: сидѣли ли они на лѣсу? Они сказали: «правда, Вашо Царско Величество!» Баринъ былъ еле живъ, негодёнъ! Тово разу ево разжаловали и послали въ ссылку; а Иванъ-царевичъ обвѣнчался на Марѳѣ-царевнѣ, сталъ жить да быть и хлѣбъ жовать.

(*) Что повстрѣчались, — съ кораблей водяпаго царя.

б. Баба-яга.

Жили-были мужъ съ женой и прижили дочку; жена то и помри. Мужикъ женился на другой, и отъ этой прижилъ дочь. Вотъ жена и не взлюбила падчерицу; нѣтъ житья спротѣ. Думалъ думалъ нашъ мужикъ, и повезъ свою дочь въ лѣсъ. Ѣдетъ лѣсомъ—глядитъ: стоитъ избушка на курьихъ ножкахъ. Вотъ и говоритъ мужикъ: «избушка, избушка, стань къ лѣсу задомъ, а ко мнѣ передомъ.» Избушка и поворотилась. Идетъ мужикъ въ избушку, а въ ней лежитъ Баба-Яга: впереди голова, въ одномъ углу нога, въ другомъ другая. «Русскимъ духомъ пахнетъ», говоритъ Яга. Мужикъ кланяется: «Баба-Яга, костяная нога, я тебѣ дочку привезъ въ услуженье».— Ну, хорошо! служи мнѣ, говоритъ Яга дѣвушкѣ; я тебя за это награжу.—Отецъ простился и поѣхалъ домой. А Баба-Яга задала дѣвушкѣ пряжи съ коробъ, печку истопить, всего припасти, а сама ушла. Вотъ дѣвушка хлопочетъ у печи, а сама горько плачетъ. Выбѣжали мышки и говорятъ ей: «дѣвица, дѣвица, что ты плачешь? дай кашки, мы тебѣ добренько скажемъ.» Она дала имъ кашки.—А вотъ, говорятъ, ты на всякое веретенцо по ниточкѣ напряди. Пришла Баба-Яга. «Ну что, говоритъ, все ли ты припасла?» А у дѣвушки все готово. «Ну теперь, поди, вымой меня въ банѣ.» Похвалила Яга дѣвушку и надавала ей

разной *сряды* (*).—Опять Яга ушла, и еще труднѣе задала задачу. Дѣвушка опять плачетъ. Выбѣгаютъ мышки. «Что ты, говорятъ, дѣвица красная, плачешь? дай кашки; мы тебѣ добренько скажемъ.» Она дала имъ кашки, а онѣ опять научили ее: что и какъ сдѣлать. Баба-Яга опять пришодчи ее похвалила и еще больше дала *сряды*... А мачиха посылаетъ мужа провѣдать, жива ли его дочь? Поѣхалъ мужикъ; пріѣзжаетъ и видитъ, что дочь богатая—пребогатая стала. Яги не было дома; онъ и взялъ ее съ собой. Подъѣзжаютъ они къ своей деревнѣ, а собачка дома такъ и рвется: хамъ, хамъ, хамъ! барыню везутъ, барыню везутъ! Мачиха выбѣжала да скалкой собачку: «врешь, говоритъ, скажи: въ коробѣ косточки гремятъ.» А собачка все свое. Пріѣхали. Мачиха такъ и гонитъ мужа—и ее(ея) дочь туда же отвезти. Отвезъ мужикъ.

Вотъ баба-Яга задала ей работы, а сама ушла. Дѣвка такъ и рвется съ досады и плачетъ. Выбѣгаютъ мыши: «дѣвица, дѣвица! о чемъ ты, говорятъ, плачешь?» А она не дала имъ выговорить, то тоё скалкой, то другую; съ ними и провозилась, а дѣла-то не придѣлала. Яга пришла, разсердилась. Въ другой разъ опять тоже; Яга изломала ее, да косточки въ коробъ и склала. Вотъ мать посылаетъ мужа за дочерью. Пріѣхалъ отецъ, и повезъ однѣ косточки. Подъѣзжаетъ къ деревнѣ, а собачка опять лаетъ на крылечкѣ: хамъ, хамъ, хамъ, въ коробѣ косточки везутъ! Мачиха бѣжитъ со скалкой: «врешь, говоритъ, скажи: барыню везутъ!» А собачка все свое: «хамъ, хамъ, хамъ—въ коробѣ косточки гремятъ!» Пріѣхалъ мужъ; тутъ-то жена взвыла! Вотъ тебѣ скалка, а мнѣ кринка масла.

в. Сказка о трехъ царствахъ: мѣдномъ, серебряномъ и золотомъ.

Бывало да живало, жили были старикъ да старушка; у нихъ было три сына: первый — Егорушка залётъ, второй — Миша Косолапой, третій—Ивашко Запечникъ. Вотъ вздумали отецъ и мать ихъ женить; послали большаго сына присматривать невѣсту, и онъ шолъ да шолъ — много времени; гдѣ ни посмотритъ на дѣвокъ, не можетъ прибрать себѣ невѣсты, все *не глянутся*. Потомъ встрѣтилъ на дорогѣ змѣя о трехъ головахъ и испугался, а змѣй говоритъ ему: куда, доброй человѣкъ, направился? Егорушко говоритъ: пошелъ свататься, да не могу невѣсты пріискать. Змѣй говоритъ: «пойдемъ со мной; я поведу тебя, можешь ли достать невѣсту.» Вотъ шли да шли, дошли до большаго камня. Змѣй говоритъ: «отвороти камень; тамъ чего желаешь, то и получишь.» Егорушко старался отворотить, но ничего не могъ сдѣлать. Змѣй сказалъ ему: «дакъ нѣтъ же тебѣ невѣсты!» И Егорушко воротился домой, сказалъ отцу и матери обо всёмъ. Отецъ и мать опять думали-подумали, какъ жить да быть, послали середняго сына Мишу Косолапаго. Съ тѣмъ тоже самое случилось. Вотъ старикъ и старушка думали-подумали, не знаютъ, что дѣлать: если послать Ивашка Запечнаго, тому ничего не сдѣлать.

А Ивашко Запечный сталъ самъ проситься посмотрѣть змѣя; отецъ и мать сперва не пускали его, но послѣ пустили. И Ивашко тоже шолъ да шолъ, и встрѣтилъ змѣя о трехъ головахъ. Спросилъ его змѣй: «куда направился, доброй человѣкъ?» Онъ сказалъ: братья хотѣли жениться, да не могли достать невѣсту, а теперь мнѣ черёдъ выпалъ.—Пожалуй, пойдемъ, я покажу, сможешь ли ты достать невѣсту? Вотъ пошли змѣй съ Ивашкомъ, дошли до того же камня; и змѣй приказалъ камень отворотить съ мѣста. Ивашко хватилъ его; и камень какъ не бывалъ—съ мѣста слетѣлъ; тутъ *сказалась* дыра въ землю и близь неё утверждены ремни. Вотъ змѣй и говоритъ: «Ивашко, садись на ремни; я тебя спущу, и ты тамъ пойдешь и дой-

(*) Сряда—нарядное платье (Опытъ Обл Велик. слов. стр. 214.)

дешь до трехъ царствъ, а въ каждомъ царствѣ увидишь по дѣвицѣ.»

Ивашко спустился и пошолъ; шолъ да шолъ, и дошолъ до мѣднаго царства; тутъ зашолъ и увидѣлъ дѣвицу прекрасную *изъ себя.* Дѣвица говоритъ: «добро пожаловать, небывалой гость! приходи и садись, гдѣ мѣсто просто (*) видишь; да скажись, откуда идешь и куда?»—Ахъ, дѣвица красная! сказалъ Ивашко, не накормила, не напоила, да стала вѣсти спрашивать. Вотъ дѣвица собрала на столъ всякаго кушанья и напитковъ: Ивашко выпилъ и поѣлъ, и сталъ разсказывать, что иду де искать себѣ невѣсты; если милость твоя будетъ— прошу выйтить за меня.—«Нѣтъ, доброй человѣкъ, сказала дѣвица; ступай ты впередъ, дойдешь до серебрявнаго царства: тамъ есть дѣвица еще прекраснѣе меня»—и подарила ему серебрянный перстень. Вотъ доброй мо̀лодецъ поблагодарилъ дѣвицу за хлѣбъ-за-соль, распро*стился* и пошолъ; шолъ да шолъ, и дошолъ до серебряннаго царства; зашолъ сюда и увидѣлъ: сидитъ дѣвица прекраснѣе первой. Помолился онъ Богу и билъ челомъ: «здорово, красная дѣвица!» Она отвѣчала: «добро пожаловать, прохожій мо̀лодецъ! садись да хвастай: чей, да *откуль* и какими дѣлами сюда зашолъ?»—Ахъ, прекрасная дѣвица, сказалъ Ивашко, не напоила, не накормила, да стала вѣсти спрашивать. Вотъ собрала дѣвица столъ, принесла всякаго кушанья и напитковъ; тогда Ивашко попилъ, поѣлъ, сколько хотѣлъ, и началъ разсказывать, что онъ пошелъ искать невѣсты, и просилъ её замужъ за себя. Она сказала ему: «ступай впередъ, тамъ есть еще золотое царство, и въ томъ царствѣ есть еще прекраснѣе меня дѣвица»—и подарила ему золотой перстень. Ивашко распро*стился* и пошолъ впередъ, шолъ да шолъ, и дошолъ до золотаго царства, зашолъ и увидѣлъ дѣвицу прекраснѣе всѣхъ. Вотъ онъ Богу помолился и, какъ слѣдуетъ, поздоровался съ дѣвицей. Дѣвица стала спрашивать его: откуда и куда идетъ?— «Ахъ, красная дѣвица, сказалъ онъ; не напоила, не накормила, да стала вѣсти спрашивать.» Вотъ она собрала на столъ всякаго кушанья и напитковъ, чего лучше требовать нельзя. Ивашко Запечникъ угостился всѣмъ хорошо, и сталъ разсказывать: «иду я, себѣ невѣсты ищу; если ты желаешь за меня замужъ, то пойдемъ со мной.» Дѣвица согласилась и подарила ему золотой клубокъ, и пошли они вмѣстѣ; шли да шли, и дошли до серебряннаго царства; тутъ взяли съ собой дѣвицу; опять шли да шли и дошли до мѣднаго царства, и тутъ взяли дѣвицу, и всѣ пошли до дыры, изъ которой надобно вылѣзать, и ремни тутъ висятъ; а старшіе братья уже стоятъ у дыры, хотятъ лѣс(зт)ь туда же, искать Ивашк*у*.

Вотъ Ивашко посадилъ на ремни дѣвицу изъ мѣднаго царства и затрясъ за ремень; братья потащили и вытащили дѣвицу, а ремни опять опустили. Ивашко посадилъ дѣвицу изъ серебрянпаго царства, и ту вытащили, а ремни опять опустили; потомъ посадилъ онъ дѣвицу изъ золотаго царства, и ту вытащили, а ремни опустили. Тогда и самъ Ивашко сѣлъ; братья потащили и его, тащили, тащили, да какъ увидѣли, что это— Ивашко, подумали: пожалуй, вытащимъ его, *дакъ* онъ не дастъ ни одной дѣвицы, и обрѣзали ремни; Ивашко упалъ внизъ. Вотъ, дѣлать нечего, поплакалъ онъ, поплакалъ и пошолъ впередъ, шолъ да шолъ, и увидѣлъ: сидитъ на пнѣ старикъ самъ съ четверть, а борода съ локоть, и разсказалъ ему все, какъ и что съ нимъ случилось. Вотъ старикъ научилъ его итти дальше: «дойдешь до избушки, а въ избушкѣ лежитъ длинный мужичипа изъ угла въ уголъ, и ты спроси у него, какъ вытти на Русь.» Вотъ Ивашко шолъ да шолъ, и дошолъ до избушки, зашолъ туда и сказалъ: «сильной Идолище, не погуби меня, скажи, какъ на Русь попас(т)ь?»—Фу, фу! про-

(*) Т. е. пусто, не занято.

говорилъ Идолищо, русскую *коску* (*) никто не звалъ, сама пришла. Ну пойди же ты за тридцать озеръ; тамъ стоитъ на куриной ножкѣ избушка, а въ избушкѣ живетъ Ега-баба; у ней есть орелъ-птица, и она тебя вынесетъ.» Вотъ доброй молодецъ шолъ да шолъ, и дошолъ до избушки; зашолъ въ избушку, Ега-баба закричала: «фу, фу, фу! руская *коска*, зачѣмъ сюда пришла?» Тогда Ивашко сказалъ: «а вотъ, бабушка, пришолъ я по приказанію сильнаго Идолища попросить у тебя могучей птицы орла, чтобы она вытащила меня на Русь.»— Иди же ты, сказала Ега-баба, въ садокъ; у дверей стоитъ караулъ, и ты возьми у него ключи и ступай за семь дверей; какъ будешь отпирать послѣднія двери— тогда орелъ встрепенется крыльями, и если ты его не испугаешься, то сядь на него и лети; только возьми съ собой говядины, и когда онъ станетъ оглядываться, ты давай ему по куску мяса. Ивашко сдѣлалъ все по приказанію Егой-бабки, сѣлъ на орла и полетѣлъ; летѣлъ, летѣлъ: орелъ оглянулся—Ивашко далъ ему кусокъ мяса; летѣлъ, летѣлъ, и часто давалъ орлу мяса, ужъ скормилъ все, а еще летѣть не близко. Орелъ оглянулся, а мяса нѣтъ; вотъ орелъ выхватилъ у Ивашка изъ холки кусокъ мяса, съѣлъ, и вытащилъ его въ ту же дыру на Русь. Когда сошолъ Ивашко съ орла, орелъ выхаркнулъ кусокъ мяса и велѣлъ приложить Ивашкѣ къ холкѣ. Ивашко приложилъ и холка заросла. Пришолъ Ивашко домой, взялъ у брат*ьей* дѣвицу изъ золотаго царства, и стали они жить да быть, и теперь живутъ. Я тамъ былъ, пиво пилъ; пиво-то по усу текло, да въ ротъ не попало.

г. Котъ, Козелъ и Баранъ.

Жили-были на одномъ дворѣ козелъ да баранъ; жили промежъ себя дружно: сѣна клокъ—и тотъ пополамъ, а коли вилы въ бокъ—такъ одному коту Васькѣ. Онъ такой воръ и разбойникъ, за каждый часъ на промыслѣ, и гдѣ плохо лежитъ—тутъ у него и брюхо болитъ. Вотъ однажды лежатъ себѣ козелъ да баранъ и разговариваютъ промежъ себя; гдѣ ни взялся котишко-мурлышко, сѣрый лобишко, идетъ да таково жалостно плачетъ. Козелъ да баранъ и спрашиваютъ: «котъ-котокъ, сѣринькой лобокъ! о чемъ ты ходя плачешь, на трехъ ногахъ скачешь?»—Какъ мнѣ не плакать? била меня старая баба, била-била, уши выдирала, ноги поломала, да еще удавку припасала.»—А за какую вину такая тебѣ погибель? «Эхъ, за то погибель была, что себя не опозналъ да сметанку слизалъ.» И опять заплакалъ котъ-мурлыко. «Котъ-котокъ, сѣрый лобокъ! о чемъ же ты еще плачешь?»— Какъ не плакать? баба меня била да приговаривала: ко мнѣ придетъ зять, гдѣ будетъ сметаны взять? за неволю придется колоть козла да барана! Заревѣли козелъ и баранъ: «ахъ ты, сѣрой котъ, безтолковой лобъ! за что ты насъ-то загубилъ? Вотъ мы тебя забодаемъ!» Тутъ мурлыко вину свою приносилъ и прощенья просилъ. Они простили его, и стали втроемъ думу думать: какъ быть и что дѣлать? «А что, середній братъ баранко! спросилъ мурлыко, крѣпокъ ли у тебя лобъ: попробуй-ка о ворота.» Баранъ съ разбѣгу стукнулся о ворота лбомъ: покачнулись ворота, да не отворились. Поднялся старшій братъ мрасище (*) козлище, разбѣжался, ударился—и ворота отворились.

Пыль столбомъ подымается, трава къ землѣ приклоняется, бѣгутъ козелъ да баранъ, а за ними скачетъ на трехъ ногахъ котъ сѣрой лобъ. Усталъ онъ и возмолился названнымъ братьямъ: «ни то старшій братъ, ни то средній братъ! не оставьте меньшаго братишку на съѣденье звѣрямъ.» Взялъ козелъ, посадилъ его на себя, и понеслись они опять по горамъ, по доламъ, по сыпучимъ пес-

(*) Т. е. костку.

(*) Мрась—негодяй (Опыт. обл. великорус. Словаря, стр. 117).

камъ. Долго бѣжали, и день, и ночь, пока въ ногахъ силы хватило. Вотъ пришло крутое крутище, станово становище; подъ тѣмъ крутищемъ скошеное поле, на томъ полѣ стога что города стоятъ. Остановились козелъ, баранъ и котъ отдыхать; а ночь была осенняя, холодная. Гдѣ огня добыть? думаютъ козелъ да баранъ; а мурлышко уже добылъ бересты, обернулъ козлу рога и велѣлъ ему съ баранкомъ стукнуться лбами. Стукнулись козелъ съ бараномъ да таково крѣпко, что искры изъ глазъ посыпались; берестечко такъ и зарыдало (*), «Ладно, молвилъ сѣрой котъ, теперь обогрѣемся»—да за словомъ и затопилъ стогъ сѣна.

Не успѣли они путёмъ обогрѣться, глядь — жалуетъ незванный гость мужикъ-сѣрячекъ Михайло Ивановичъ. «Пустите говоритъ, обогрѣться да отдохнуть: что-то не можется» (**).—Добро жаловать, мужикъ-сѣрячекъ муравейничекъ (***)! Откуда, братъ, идешь? «Ходилъ на пасѣку да подрался съ мужиками, отъ того и хворь (****) прикинулась; иду къ лисѣ лѣчиться.» Стали вчетверомъ темну ночь дѣлить: медвѣдь подъ стогомъ, мурлыко на стогу, а козелъ съ бараномъ у теплины (*****). Идутъ семь волковъ сѣрыхъ, восьмой бѣлой, и прямо къ стогу. «Фу-фу, говоритъ бѣлый волкъ, не русскимъ духомъ пахнетъ. Какой такой народъ здѣсь? давайте силу пытать!» Заблеяли козелъ и баранъ со страстей (******), а мурлышко такую рѣчь повелъ: «ахти, бѣлой волкъ, надъ волками князь! не серди нашего старшаго: онъ, помилуй Богъ, сердитъ!—какъ расходится, никому не сдобровать. Аль не видите у него бороды: въ ней-то и сила, бородою онъ звѣрей побиваетъ, а рогами только кожу сымаетъ, лучше съ честью подойдите да попросите: хотимъ дискать поиграть съ твоимъ меньшимъ братишкомъ, что подъ стогомъ-то лежитъ.» Волки на томъ козлу кланялись, обступили Мишку и стали его задирать. Вотъ онъ крѣпился крѣпился да какъ хватитъ на каждую лапу по волку; запѣли они Лазаря, выбрались кое-какъ да поджавъ хвосты—подавай Богъ ноги.

А козелъ да баранъ тѣмъ времячкомъ подхватили мурлыку и побѣжали въ лѣсъ, и опять наткнулись на сѣрыхъ волковъ. Котъ вскарабкался на самую макушку ели, а козелъ съ бараномъ схватились передними ногами за еловой сукъ и повисли. Волки стоятъ подъ елью, зубы оскалили и воютъ глядя на козла и барана. Видитъ котъ-сѣрый лобъ, что дѣло плохо, сталъ кидать въ волковъ еловыя шишки да приговаривать: «разъ волкъ! два волкъ! три волкъ! всего-то по волку на брата. Я мурлышко давича двухъ волковъ съѣлъ и съ косточками, такъ еще сытехонекъ; а ты большой братимъ за медвѣдями ходилъ, да не изловилъ, бери себѣ и мою долю!» Только сказалъ онъ эти рѣчи, какъ козелъ оборвался и упалъ прямо рогами на волка. А мурлыка знай свое кричитъ: «держи его, лови его!» Тутъ на волковъ такой страхъ нашелъ, что со всѣхъ ногъ пришустили бѣжать безъ оглядки. Такъ и ушли.

д. Лиса, Волкъ, Медвѣдь и Заяцъ.

Жилъ себѣ старикъ со старушкой, и у нихъ только и было имѣнья, что одинъ боровъ. Пошелъ боровъ въ лѣсъ жолуди ѣсть. На встрѣчу ему идетъ волкъ. «Боровъ, боровъ, куда ты идешь?»—Въ лѣсъ жолуди ѣсть. «Возьми меня съ собою.»—Я бы взялъ, говоритъ, тебя съ собою, да тамъ яма есть глубока, широка, ты не перепрыгнешь. «Ничего, говоритъ, перепрыгну.» Вотъ и пошли; шли, шли по лѣсу и пришли къ этой

(*) Вспыхнуло, затрещало.

(**) Не здоровится.

(***) Мелкой породы медвѣдь, который любитъ разгребать муравьиныя кучи и лакомиться муравьиными яйцами (Рус. Вѣстн. 1857, № 12, стр. 463).

(****) Болѣзнь.

(*****) Огня (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 228).

(******) Со страху.

ямѣ. «Ну, говоритъ волкъ, прыгай.» Боровъ прыгнулъ—перепрыгнулъ. Волкъ прыгнулъ да прямо въ яму. Ну, потомъ боровъ наѣлся жолудей и отправился домой. На другой день опять идетъ боровъ въ лѣсъ. На встрѣчу ему медвѣдь. «Боровъ, боровъ, куда ты идешь?»—Въ лѣсъ жолуди ѣсть. «Возьми, говоритъ медвѣдь, меня съ собою.»—Я бы взялъ тебя, да тамъ яма глубока, широка, ты не перепрыгнешь. «Небось, говоритъ, перепрыгну.» Пошли къ этой ямѣ. Боровъ прыгнулъ—перепрыгнулъ; медвѣдь прыгнулъ—прямо въ яму угодилъ. Боровъ наѣлся жолудей, отправился домой. На третій день боровъ опять пошелъ въ лѣсъ жолуди ѣсть. На встрѣчу ему косой заяцъ. «Здравствуй, боровъ!»—Здравствуй, косой заяцъ! «Куда ты идешь?»—Въ лѣсъ жолуди ѣсть. «Возьми меня съ собою.»—Нѣтъ, косой, тамъ яма есть широка, глубока, ты не перепрыгнешь. «Вотъ не перепрыгну, какъ не перепрыгнуть!» Пошли и пришли къ ямѣ. Боровъ прыгнулъ—перепрыгнулъ; заяцъ прыгнулъ—попалъ въ яму. Ну боровъ наѣлся жолудей, отправился домой. На четвертый день идетъ боровъ въ лѣсъ жолуди ѣсть. На встрѣчу ему лисица; тоже просится, чтобъ взялъ ее боровъ съ собою.—Нѣтъ, говоритъ боровъ, тамъ яма есть глубока, широка, ты не перепрыгнешь. «И-и, говоритъ лисица, перепрыгну!» Ну и она попалась въ яму. Вотъ ихъ набралось тамъ въ ямѣ четверо, и стали они горевать, какъ имъ ѣду добывать.

Лисица и говоритъ: «давэйте-ка голосъ тянуть; кто не встянетъ—того и ѣсть станемъ.» Вотъ начали тянуть голосъ; одинъ заяцъ отсталъ, а лисица всѣхъ перетянула. Взяли зайца, разорвали и съѣли. Проголодались и опять стали уговариваться голось тянуть: кто отстанетъ—чтобъ того и ѣсть. «Если, говоритъ лисица, я отстану, то и меня ѣсть, все равно!» Начали тянуть; только волкъ отсталъ, не могъ встянуть голосъ. Лисица съ медвѣдемъ взяли его, разорвали и съѣли. Только лисица надула (*) медвѣдя, дала ему немного мяса, а остальное припрятала отъ него, и ѣстъ себѣ потихоньку. Вотъ медвѣдь начинаетъ опять голодать, и говоритъ: «кума, кума, гдѣ ты берешь себѣ ѣду?»—Экой ты кумъ! ты возьми-ка просунь себѣ лапу въ ребра, зацѣпись за ребро—такъ и узнаешь какъ ѣсть. Медвѣдь такъ и сдѣлалъ, зацѣпилъ себя лапой за ребро, да и околѣлъ. Лисица осталась одна. Послѣ этого, убра̀мши медвѣдя, начала лисица голодать.

Надъ этой ямой стояло древо, на этомъ древѣ вилъ дроздъ гнѣздо. Лисица сидѣла-сидѣла въ ямѣ, все на дрозда смотрѣла, и говоритъ ему: «дроздъ, дроздъ, что ты дѣлаешь?»—Гнѣздо вью. «Для чего ты вьешь?»—Дѣтей выведу. «Дроздъ, накорми меня; если не накормишь — я твоихъ дѣтей поѣмъ.» Дроздъ горевать, дроздъ тосковать, какъ лисицу ему накормить. Полетѣлъ въ село, принесъ ей курицу. Лисица курицу убрала и говоритъ опять: «дроздъ, дроздъ, ты меня накормилъ?»—Накормилъ. «Ну напои-жъ меня.» Дроздъ горевать, дроздъ тосковать, какъ лисицу напоить. Полетѣлъ въ село, принесъ ей воды. Напилась лисица и говоритъ: «дроздъ, дроздъ, ты меня накормилъ?»—Накормилъ. «Ты меня напоилъ?»—Напоилъ. «Вытащи-жъ меня изъ ямы.» Дроздъ горевать, дроздъ тосковать, какъ лисицу вынимать. Вотъ началъ онъ палки въ яму метать; наметалъ такъ, что лисица выбралась по этимъ палкамъ на волю — и возлѣ самаго древа легла—протянулась. «Ну, говоритъ, накормилъ ты меня, дроздъ?»—Накормилъ. «Напоилъ ты меня?»—Напоилъ. «Вытащилъ ты меня изъ ямы?»—Вытащилъ. «Ну разсмѣши-жъ меня теперь.» Дроздъ горевать, дроздъ тосковать, какъ лисицу разсмѣшить. «Я, говоритъ онъ, полечу, а ты, лиса, иди за мною.» Вотъ хорошо, полетѣлъ дроздъ въ село; сѣлъ на

(*) Обманула.

ворота къ богатому мужику, а лисица легла подъ воротами. Дроздъ и началъ кричать: «Бабка, бабка, принеси мнѣ сала кусокъ! Бабка, бабка, принеси мнѣ сала кусокъ!» Выскочили собаки и разорвали лисицу. Я тамъ была, медъ-вино пила, по губамъ текло, въ ротъ не попало. Дали мнѣ синій кафтанъ; я пошла, а вороны летятъ да кричатъ: синь кафтанъ, синь кафтанъ! Я думала: скинь кафтанъ, взяла да и скинула. Дали мнѣ красный шлыкъ. Вороны летятъ да кричатъ: красный шлыкъ, красный шлыкъ! Я думала, что краденый шлыкъ, скинула—и осталась ни съ чѣмъ.

е. Солнце, Мѣсяцъ и Воронъ Вороновичъ.

Жилъ-былъ старикъ да старуха, у нихъ было три дочери. Старикъ пошелъ въ анбаръ крупку брать; взялъ крупку, понёсъ домой, а на мѣшкѣ-то была дырка: крупка-то въ нее сыплется да сыплется. Пришелъ домой. Старуха спрашиваетъ: «гдѣ крупка?»—а крупка вся высыпалась. Пошелъ старикъ собирать, и говоритъ: «какъ-бы Солнышко обогрѣло, какъ-бы Мѣсяцъ освѣтилъ, какъ-бы Воронъ Вороновичъ пособилъ мнѣ крупку собрать: за Солнышка бы отдалъ старшую дочь, за Мѣсяца—среднюю, а за Ворона Вороновича—младшую!» Сталъ старикъ собирать—Солнышко обогрѣло; Мѣсяцъ освѣтилъ, а Воронъ Вороновичъ пособилъ крупку собрать. Пришолъ старикъ домой, сказалъ старшей дочери: «одѣнься хорошенько да выйди на крылечко.» Она одѣлась, вышла на крылечко; Солнце и утащило ее. Средней дочери также велѣлъ одѣться хорошенько и выйти на крылечко. Она одѣлась и вышла; Мѣсяцъ схватилъ и утащилъ вторую дочь. И меньшой дочери сказалъ: «одѣнься хорошенько да выйди на крылечко.» Она одѣлась и вышла на крылечко; Воронъ Вороновичъ схватилъ ее и унесъ.

Старикъ и говоритъ: «идти развѣ въ гости къ зятю.» Пошолъ къ Солнышку; вотъ и пришелъ. Солнышко говоритъ: «чѣмъ тебя подчивать?»—Я ничего не хочу. Солнышко сказало женѣ, чтобъ настряпала оладьевъ. Вотъ жена настряпала. Солнышко усѣлось середи полу, жена поставила на него сковороду—и оладьи сжарились. Накормили старика. Пришелъ старикъ домой, приказалъ старухѣ состряпать оладьевъ; самъ сѣлъ на полъ и велитъ ставить на себя сковороду съ оладьями, «Чего на тебѣ испекутся!» говоритъ старуха.—Ничего, говоритъ, ставь, испекутся. Она и поставила; сколько оладьи ни стояли, ничего не испеклись, только прокисли. Нечего дѣлать, поставила старуха сковороду въ печь, испеклися оладьи, наѣлся старикъ.

На другой день старикъ пошелъ въ гости къ другому зятю, къ Мѣсяцу. Пришелъ; Мѣсяцъ говоритъ: «чѣмъ тебя подчивать?»—Я, отвѣчаетъ старикъ, ничего не хочу. Мѣсяцъ затопилъ про него баню. Старикъ говоритъ: «тёмно, бывáтъ (*), въ банѣ-то будетъ?» А Мѣсяцъ ему: «нѣтъ, свѣтло; ступай.» Пошелъ старикъ въ баню, а Мѣсяцъ запихалъ перстикъ (**) свой въ дырочку и оттого въ банѣ свѣтло-свѣтло стало. Выпарился старикъ, пришелъ домой и велитъ старухѣ топить баню ночью. Старуха истопила; онъ и посылаетъ ее туда париться. Старуха говоритъ: «тёмно-париться-то!»—Ступай, свѣтло будетъ! Пошла старуха, а старикъ видѣлъ-то, какъ свѣтилъ ему Мѣсяцъ, и самъ туда-жъ—взялъ прорубилъ дыру въ банѣ и запихалъ въ нее свой перстъ. А въ банѣ свѣту нисколько нѣтъ! Старуха знай кричитъ ему: «тёмно!» Дѣлать нечего, пошла она, принесла лучины съ огнемъ и выпарилась.

На третій день старикъ пошелъ къ Ворону Вороновичу. Пришелъ. «Чѣмъ тебя подчивать-то?» спрашиваетъ Воронъ Вороновичъ.—Я, говоритъ старикъ, ничего не хочу. «Ну, пойдемъ хоть спать

(*) Вѣроятно можетъ быть (Опытъ областнаго великорус. словаря, ст. 18).

(**) Пальчикъ.

на сѣдала» (*). Воронъ поставилъ лѣстницу и полѣзли съ старикомъ. Воронъ Вороновичъ посадилъ его подъ крыло. Какъ старикъ заснулъ, они оба упали и убились.

(Всѣ сказки напечатаны съ изданія Афан.)

---

3. ПОСЛОВИЦЫ.

1. Артель атаманомъ крѣпка.
Азовъ былъ славенъ, Смоленскъ страшенъ, а Вильна дивна.
Аврааму отецъ Ѳара, а жена ему Сарра.
Авраамъ, оставя домъ, молился за Содомъ.
5. Адамовы лѣта съ начала свѣта.
Адамъ зло сотворилъ, рай затворилъ.
Адъ, что насадъ, много въ себя побираетъ.
Аминь, а головой въ овинъ.
Андрей крестилъ, Іоаннъ благовѣстилъ.
10. Аще не Господь сохранитъ града, всуе стражъ и ограда.
Аще царство раздѣлится, скоро разорится.
Бей челомъ на Тулѣ, а ищи на Москвѣ.
Благо царей въ правдѣ судей.
Блаженнѣе даяти, неже взимати.
15. Большой въ дому, что Ханъ въ Крыму.
Бояринъ въ винѣ отвѣтствуетъ головой, а князь удѣломъ.
Братчина судитъ, какъ судьи.
Быть такъ, какъ помѣтилъ дьякъ.
Бѣда аки въ Роднѣ.
20. Будетъ рожь, будетъ и мѣра.
Безъ стараго пня и огнище сиротѣетъ.
Безъ матки пчелки пропащія дѣтки.
Безъ пастуха овцы не стадо.
Всякой домъ по большую голову стоитъ.
25. Встарь люди бывали умнѣй.
Всякому чорту вольно въ своемъ болотѣ бродить.
Вѣнчали вокругъ ели, а черти пѣли.
Вавилонская пещь во всѣ роды вещь.
Ваши слова въ Библію, а мои, знать, ни въ прологъ.
30. Вечеръ плачъ, а заутра радость.
Взойдетъ ясно солнце, прощай свѣтелъ мѣсяцъ.
Воевода выѣхалъ въ городъ веселъ, а выѣхавъ, голову повѣсилъ.
Вольно чорту въ своемъ болотѣ орать.
Голодный французъ и воронѣ радъ.
35. Горы да овраги—чортово житье.
Душа на Великой, а сердце на Волховѣ.
Дорогой товаръ изъ земли ростетъ.
Дать черту меду, уйдетъ въ воду.
Два медвѣдя въ одной берлогѣ не уживутся.
40. Дворянская кровь въ Петровки не грѣетъ.
Дворянское кушанье, два грибка на тарелочкѣ.
Держи дѣвку въ темнотѣ, а деньги въ тѣснотѣ.
Дожила голова до чернаго клобука.
Донъ, Донъ, а дома лучше.
45. Дьякъ у мѣста, что кошка у тѣста.
Если тутъ не употреблено чародѣйство, то не спрашивай его и въ Руси.
Есть отецъ, убилъ бы его, а нѣтъ, купилъ бы.
Ждутъ Ѳому, чаютъ быть уму.
Желаніе убогихъ не погибнетъ до конца.
50. Желѣзомъ хлѣбъ добываютъ.
Женится ракъ на лягушкѣ.
Женою и Адамъ изъ рая изгнанъ.
Жилъ въ лѣсѣ, молился пнямъ.
Залѣзъ въ богатство, забылъ и братство.
55. Замужъ идетъ, пѣсни поетъ, а вышла, слезы льетъ.
Замыселъ боярскій, да умъ крестьянскій.
За ночью что за городомъ.
Зять въ домъ, и иконы вонъ.
Зять любитъ взять, тесть любитъ честь, а шуринъ глаза щуритъ.
60. Земля кормитъ, а лугъ портитъ.

(*) Насѣсть.

Изъ пустаго дупла либо сычъ, либо сова, либо самъ сатана.
Изъ омута въ адъ, какъ рукой подать.
Изломанова лука двое боятся: одинъ стрѣляетъ, а другой напускаетъ.
Изъ грязи да посаженъ въ князи.
65. Изъ лука стрѣляютъ по намѣренію.
Изъ Хама не бываетъ пана.
Какъ смердъ не нарядится, а все-таки грязь окажется.
Кашеваръ живетъ сытѣе князя.
Кириловской поклонъ девяти пядей съ хвостомъ.
70. Книга кроника на многихъ улика.
Конь любитъ овесъ, а воевода приносъ.
Лебедь летитъ къ снѣгу, а гусь къ дождю.
Ловитъ волкъ роковую овцу.
Лоскутъ на воротъ, а кнутъ на спину.
75. Моленый баранъ отлучился, анъ гулящій прилучился.
Мира никто не судитъ.
Миръ зинетъ—камень лопнетъ.
Мірская шея толста.
Міряне не любятъ того, боятся кого.
80. Мужикъ умирать сбирайся, а земельку паши.
Миръ стоитъ до рати, а рать до мира.
На Бога положишься, не обложишься.
На Бога надѣйся, а самъ не плошай.
Правда хоть и груба, да Богу люба.
85. Погибоша аки Обрѣ.
Путята крести мечемъ, а Добрыня огнемъ.
Пришли казаки съ Дону, погнали Ляховъ съ дому.
Родомъ не нѣмчинъ, а указывать гораздъ.
Разсказывай Донскому казаку Азовскія вѣсти.
90. Радимичи Волчья хвоста бѣгаютъ.
и проч. и проч.

ИСКУСТВЕННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

А. ДРЕВНІЙ ПЕРІОДЪ.

XI ВѢКЪ.

1. Поученіе Архіепископа Луки Жидяты.

(ум. 1059 г.)

(Русскія Достопамятности, Ч. I).

Се, братие, первѣе всего сию заповѣдь извѣстно должни есмы вси Крестианѣ держати: вѣровати въ единъ Богъ, въ Троици славимъ, въ Отца и Сына и Святаго Духа, якоже наоучили Апостоли, святіи отци оутвердиша. Вѣроую въ единого Бога до конца. Вѣроуите же ми крѣсению, и жизни вѣчнѣи и моуцѣ грѣшнымъ вѣчнѣи. Не ленитеся къ церкви ходити, и на заоутреню, и на обѣдню, и на вечерню; и въ своеи клѣти, хотя спати, Богоу поклонився, толико на постели лязи. Въ церкви предстоите со страхомъ Божиемъ; не молви рѣчи, но ни мысли, но моли Бога всею мыслью, да отдасть ти Богъ грѣхи. Любовь имѣите со всяцѣмъ человѣкомъ, а боле за братиею, и не боуди ино на сердци, а ино въ оустѣхъ: но подъ братомъ ямы не рои, да тебѣ Богъ въ горшаа тои не вринеть. Но боуди правдивъ тако, яко не кася правды дѣла и закона Божия и приложа главы, да сочтетъ тя Богъ съ святыми. Претерпите братъ братоу и всякому человѣкоу, а не въздаите зла за зло; дроугъ дроуга похвали, да и Богъ вы и похвалить. Не мози свадити, да не наречешися сынь диаволоу; но сми-

ряи, да боудеши сынь Богоу. Не осоуди брата ни мыслію, поминаа свои грѣхи, да тебѣ Богъ не осоудить. Помяните и милоуите странныя, и оубогыя, и темничникы, и своимъ спротамъ милостиви боудете. Москолоудство вамъ, братие нелѣпо имѣти, ни молвити срамна слова, ни гнѣва на всякъ день имѣти, не похритаися, ни посмѣяся никакомуже, в напасти же терпи, на Бога оупование имѣа. Боуести не имѣите, ни гордости, ни прилѣпляися инѣхъ творити, помня, яко оутро боудемъ смрадъ и гнои и червие. Боудете смирени и кротци, да и послоужници боудете, и творци Божіимъ заповѣдемъ; в гордаго бо сердци диаволъ сѣдить, и Божіе слово не хощеть прилноути емоу. Чтите стара человѣка и родителя своя, не кленитеся Божіимъ именемъ, ни иного заклинаите, ни проклінаите. Соудите по правдѣ, мъзды не емлите, в лихвоу не даите, Бога ся боите, Князя чтите, раби первое Бога, таже Господоу; чтите отъ всего сердца иереа Божиа, чтите и слоугы церковныя. Не оубіи, не оукради, не солжи, лжи послоухъ не боуди, не навиди, не завиди, не клевечи; не піи безъ года, но здоволъ, а не до пианьства. Не боуди гнѣвнивъ, ни напраснивъ боуди; съ радующимися радуися, с печалными печаленъ, не адите скверна, святыа дни чтите; Богъ же мира со всѣми вами. Аминь.

2. Иларіонъ, митрополитъ кіевскій.

Похвала кн. Владиміру.

Тебе же како похвалимъ, Отче честный и славный, въ земленыхъ владыкахъ премужественный Василіе? Како добротѣ твоей почюдимся, крѣпости же и силѣ? Каково ти благодареніе въздадимъ, яко тобою познахомъ Господа, и льсти идольскыя избыхомъ, яко твоимъ повелѣніемъ по всей земли Христосъ славится? Ли что ти приречемъ, Христолюбче, друже правдѣ, смыслу мѣсто, милостыни гнѣздо? Како вѣрова? Како разгорѣся въ любовь Христову? Како вселися въ тя разумъ, выше разума земленыихъ мудрецъ, еже възлюбити невидимаго, и о небесныхъ подвигнутися? Како възыска ты Христа? Како предася Ему? Повѣждь намъ, рабомъ твоимъ, повѣждь намъ, учителю нашь: откуду ти припахну воня Святаго Духа? Откуду испи памяти будущая жизни сладкую чяшу? Откуду вкуси и видѣ, яко благъ Господь? Не видѣлъ еси Христа, ни ходилъ еси по Немъ: како ученикъ Его обрѣтеся? Ини видѣвше Его не вѣроваша. Ты же не видѣвъ вѣрова. По истиннѣ сбыстьтся на тебѣ блаженьство Господа Іисуса, реченное къ Ѳомѣ: блажени не видѣвше и вѣровавше. Тѣмже съ дръзновеніемъ несумненно зовемти: о блаженниче! самому тя Спасу нарекшу. Блаженъ еси, яко вѣрова къ Нему и не съблазнися о Немъ, по словеси Его неложному: блаженъ есть, иже не съблазнится о Мнѣ. Вѣдущеи бо законъ и пророкы распяша й; ты же ни закона, ни пророкъ почитавъ, Распятому поклонися. Како ти сердце разъврѣзеся? Како вниде въ тя страхъ Божій? Како прилѣпися любви Его? Не видѣ Апостола, пришедша въ землю твою и нищетою своею, и наготою, и гладомъ же и жаждею сердце твое клоняща на смиреніе. Не видѣ бѣсъ изгоняща, именемъ Христовомъ: болящіихъ здравующь; огня на хладъ прелагаема; мертвыхъ въстающе: сихъ всѣхъ не видѣвъ, како убо вѣрова? Дивно чюдо! Иніи царіе и властеле, видяще си вся бывающа отъ святыхъ мужь, не вѣроваша, но паче на страсти и муки предаша ихъ. Ты же, блаженниче, безъ всѣхъ сихъ притече къ Христу, токмо отъ благаго смысла и остроуміа разумѣвъ, яко есть Богъ единъ Творецъ, невидимымъ и видимымъ, небеснымъ и земленымъ, и яко посла въ миръ спасенія ради възлюбленнаго Своего Сына. И си помысливъ, вниде въ святую купѣль. И, еже инѣмъ юродство мнится, тебѣ сила Божія вмѣнися.

Симъ же убо, о Владыко Царю и Боже нашъ, высокъ и славне, человѣколюбче, вздаяй противу трудомъ славу же и честь, причастникы творя твоего царства, помяни, яко благъ, и насъ нищіихъ твоихъ, яко имя Тебѣ: человѣколюбецъ. Аще и добрыхъ дѣлъ не имѣемъ, нъ многыя ради милости твоея спаси ны. Мы бо людіе твои и овцѣ паствы твоей, и стадо, еже новоначать пасти, исторгъ отъ пагубы идолослуженіа. Пастырю добрый, положивый душю за овцѣ! Не остави насъ, аще и еще блудимъ, не отверзи насъ, аще и еще съгрѣшаемъ Ти, акы новокупленіи раби, во всемъ не угодяще господу своему. Не възгнушайся, аще и мало стадо: нъ рци къ намъ: не бойся, малое стадо, яко благоизволи Отецъ вашъ небесный дати вамъ царьствіе. Богатый милостію и благый щедротами! Обѣщався пріимати кающася и ожидаа обращеніа грѣшныихъ, не помяни многыихъ грѣхъ нашихъ, пріими ны обращающася къ Тобѣ, заглади рукописаніе съблазнъ нашихъ, укроти гнѣвъ, имже разгнѣвахомъ Тя, человѣколюбче: ты бо еси Господь и Владыка, и Творецъ, и въ Тобѣ есть власть или жити намъ, или умрети. Уложи гнѣвъ, Милостиве, егоже достойни есмь по дѣломъ нашимъ; мимоведи искушеніе, яко персть есмь и прахъ. Не вниди въ судъ съ рабы своими. Мы, людіе твои, Тебе ищемъ, Тобѣ припадаемъ, Тобѣ ся мили дѣемъ. Съгрѣшихомъ и злаа сътворихомъ; не съблюдохомъ, ни сътворихомъ, яко же заповѣда намъ. Земніи суще къ земнымъ преклонихомься и лукаваа съдѣяхомъ предъ лицемъ славы твоея, на похоти плотяныа предахомься, поработихомься грѣхови и печалемъ житейскамъ, быхомъ бѣгуни своего Владыкы, убозіи отъ добрыхъ дѣлъ, окаанніи злаго ради житіа. Каемся, просимъ, молимъ. Каемся злыихъ своихъ дѣлъ; просимъ, да страхъ твой послеши въ сердца наша: молимъ, да на страшномъ судѣ помилуетъ ны. Спаси, ущедри, призри, посѣти, умилосердися, помилуй. Твои бо есмь, твое създаніе, твоею руку дѣло. Аще бо беззаконія назриши, Господи, Господи, кто постоитъ? Аще въздаси комуждо по дѣломъ, то кто спасется? Яко отъ Тебе оцѣщаніе есть; яко отъ Тебе милость и много избавленіе. И души наши въ руку твоею, и дыханіе наше въ воли твоей. Отънелѣже бо благопризираніе твое на насъ, благоденьствуемъ. Аще ли съ яростію призриши, ищезнемъ яко утренняя роса. Не постоитъ бо прахъ противу бури, и мы противу гнѣву твоему. Нъ яко тварь отъ Створшаaго ны милости просимъ. Помилуй ны, Боже, по велицѣй милости твоей. Все бо благое отъ Тебѣ на насъ; все же неправедное отъ насъ къ Тобѣ. Вси бо уклонихомься, вси вкупѣ неключими быхомъ. Нѣсть отъ насъ ни единого о небесныихъ тщащася и подвизающа, нъ вси о земныихъ, вси о печалѣхъ житейскыихъ. Яко оскудѣ преподобный на земли, не Тебѣ оставляющу и презрящу насъ, но намъ Тебе не взыскающемъ, нъ видимыихъ сихъ прележащемъ. Тѣмъже боимся, еда сътвориши на насъ, яко на Іерусолимѣ, оставльшимъ Тя, и не ходившимъ въ пути твоя. Но не сътвори намъ, яко и онѣмь по дѣломъ нашимъ ни по грѣхомъ нашимъ, въздѣй намъ. Но терпѣ на насъ, и еще долго терпѣ; устави гнѣвный твой пламень, простирающся на ны, рабы твоа, Самъ направляа ны на истину твою, научая ны творити волю твою, яко Ты еси Богъ нашъ, и мы людіе твои, твоя часть, твое достояніе. Не въздѣваемъ бо рукъ нашихъ къ богу туждему, ни послѣдовахомъ лжууму коему пророку, ни ученіа еретичьскаа держимъ: нъ Тебе призываемъ истиннаго Бога, и къ Тебѣ, живущему на небесѣхъ, очи наши възводимъ, къ Тебѣ рукы наши въздѣваемъ, молимъ тися: отъдаждь на ны, яко благій, человѣколюбецъ: помилуй ны, призываа грѣшникы въ покааніе и на страшнѣмъ твоемъ судѣ деснаго стоянія не отлучи насъ, нъ благословеніа праведныихъ причасти насъ. И донелиже стоитъ міръ, не наводи на ны напасти

искушеніа, ни предай насъ въ рукы чуждіихъ, да не прозовется градъ твой градъ плѣненъ, и стадо твое пришельци въ земли своей да не прерѣкутъ страны : гдѣ есть Богъ ихъ? Не попущайна ны скорби и глада, и напрасныихъ смертій, огня, потопленіа, да не отпадутъ отъ вѣры нетвердіи вѣрою. Малы показни, а много помилуй; малы язви, а милостивно изцѣли; вмалѣ оскорби, а вскорѣ овесели; яко не тьрпить наше естьство дълго носити гнѣва твоего, яко стебліе огня. Нъ укротись, умилосердись, яко Твое есть еже помиловати и спасти. Тѣмъ же продължи милость твою на людѣхъ твоихъ, ратныа прогоня, миръ утверди, страны укроти, гладъ угобзи, Владыкѣ наши огрози странамъ, боляры умудри, грады разсели, црковь твою възрасти, достояніе свое съблюди, мужи и жены и младенцѣ спаси. Сущая въ работѣ, въ плѣненіи, въ заточеніи, въ путехъ, въ плаваніи, въ темницѣхъ, въ алкотѣ и жажди и наготѣ, вся помилуй, вся утѣши, вся обрадуй, радость творя имъ и тѣлесную и душевную, молитвами, моленіемъ Пречистыа Ти Матере, и святыихъ небесныихъ Силъ, и Предтече твоего и крестителя Іоанна, Апостолъ, Пророкъ, мученикъ, преподобныихъ и всѣхъ святыихъ молитвами. Умилосердися на ны и помилуй ны, да милостію Твоею пасоми въ единеніи вѣры, вкупѣ весело и радостно славимъ Тя, Господа нашего Іисусъ Христа, съ Отцемъ, съ Пресвятыимъ Духомъ, Троицу нераздѣльну, единобожествену, царьствующу на небесѣхъ и на земли, Ангеломъ и человѣкомъ, видимѣй и невидимѣй твари нынѣ и присно и во вѣкы вѣкомъ, аминь.

3. Өеодосій печерскій.

Поученіе о казняхъ Божіихъ.

Наводитъ Богъ, по гнѣву своему, казнь каку любо, или поганыа, зане не встягнемся к Богу; а усобнаа рать бываетъ отъ соблажненія діаволя и отъ злыхъ человѣкъ. Богъ бо не хощетъ зла человѣкомъ, но блага; а діяволъ радуется всему злому, творимому въ человѣцѣхъ: искони бо той есть врагъ намъ, хощетъ убійства и крововролитья, подвизаа на свары и убійства, и зависти, и братоненавидѣнія, и клеветы. Странѣ убо съгрѣшивши коей либо, казнить Богъ смертью, или гладомъ, или наведеніемъ поганыхъ, или бездождіемъ, и инѣми различными казньми. Аще ли покавшеся будемъ, в немже ны Богъ велить быти,—глаголеть бо намъ пророкомъ: *обратитеся ко мнѣ всѣмъ сердцемъ вашимъ, иостомъ и плачемъ* (Іоил. 2. 12), — въ семъ волю Божію творяще, да аще быхомъ в заповѣдѣхъ Божіихъ пребыли: то и сдѣ, ходяще, пріимемъ блага земнаа, и по отшествіи сего свѣта—жизнь вѣчную. Но мы присно, аки свиния, в калѣ грѣховнѣмъ валяясь, грѣхи къ грѣхомъ прилагающе, во всемъ гнѣвяще Бога, злое предъ очима его творяще по вся дни. Того ради пророкомъ глаголеть к намъ: разумѣхъ, рече, яко жестоціи, каменосердіи, лениви есте творити волю; того ради удержахъ отъ васъ дождь, и предѣлъ единъ одождихъ, а другаго не одождихъ, и исше земля нивъ вашыхъ, и поразихъ вы различными казньми; то и тако не обратистеся ко мнѣ. Сего ради винограды ваша и древа вслкаа, носящаа плодъ, и нивы, и все истрохъ, глаголетъ Господь, а злобъ вашихъ не могу истерти; но посылаю на вы помалу различныя напасти, нѣгли покаявъшеся състягнетеся отъ злобъ вашихъ. Послахъ на вы смерти тяжкия, и на скотъ вашь, и отъяхъ отъ васъ утѣху всяку пища вашея, но и ту не обратистеся ко мнѣ, но ресте: мужаемся. Еще доколѣ не насытистеся злобъ вашихъ? Вы убо уклонившеся отъ путій моихъ, глаголеть Господь, и сами погибосте съ своими безаконіи, и ины многи съблазнисте. Сего ради буду свидѣтель скоро на противныа, и на прелюбодѣа, и на кленущаася именемъ моимъ, и лишающая мзды наимнику, и насильствующа сиротѣ

судъ неправъ. Почто презрѣсте словеса моа, и уклонистеся отъ закона моего, и не сохранисте оправданій моихъ? Обратитеся ко мнѣ, глаголеть Господь, и азъ обращуся к вамъ, и отверзу хляби небесныя, и възвращу отъ васъ гнѣвъ мой, дондеже въ всемъ изобилуете, и дамъ всяко обиліе вамъ, и долга лѣта ваша створю.— — —Се слышаще, подвигнемся на добро; взыщите судъ, избавите обидимаго, и на покаяніе прідѣте, не въздающе зла за зло, ни клеветы за клевету, но любовію приплетемся Господеви, постомъ, рыданіемъ и слезами омывающе прегрѣшеніа наша, не словомъ нарицающеся христіане, а погански живуще. Се бо не погански ли творимъ? Аще кто усрящетъ черньца или черницю, то възращаются, ли свинію, ли конь лысъ: то се не погански ли есть? Се бо, по дьяволю наученью, держать. Друзіи зачиханью вѣруютъ, юже бываетъ многажды на здравіе главѣ; но сими діаволъ лстить и другими нравы, и всяческими лестми превабляемы отъ Бога, влъхвованіемъ, чародѣяніемъ, запоиствомъ, рѣзоиманіемъ, (процентами, барышами) приклады, татбою, и лжею, завистію, клеветою, зубами, скоморохи, гусльми, сопѣлми и всякими играми, и дѣлесы неподобными. Видимъ бо и ина злаа дѣла: вси дръзливы на піанство, и на игры злыя, ихъже нѣсть лзѣ христіаномъ тако творити. И се пакы, егда стоимъ въ церкви: то како смѣемь смѣатися, или шепотъ творити? Припадаетъ бо окаанный діаволъ и влагаетъ въ ухо наше смѣхъ, и шепотъ, и ина неподобная творити, въ церкви стояще предъ небеснымъ Царемъ: какіа мукы нѣсьмы достойни? Ты же, брате, стоа въ церкви и видиши кого неподобно стоаща, възбрани ему и поноси ему тяжцѣ. Молю вы, братіе, съ страхомъ и любовію другъ другу стоимъ, на молитвѣ, и во истину молящеся, речемъ: «да ся исправить молитва моа, яко кадило предъ тобою, въздѣніе руку моею жертва вечерняя.» Да еще руцѣ твои ничтоже имата грабленія: добрѣ то глаголеши, река: «въздѣніе руку моею.» Оглядай убо руцѣ си и испытай о нею, да аще ничтоже имата грабленія и нечистаго рѣзоиманья. Аще ли еси грабилъ или приклады ималъ, или корчемный прикупъ, или кого чѣмъ приобидѣлъ еси, еже святое писаніе отрекло: то не глаголи, не възвышай руки си, дондеже очистишися отъ всего зла. Аще бо възмеши въздѣти руцѣ попущеніемъ Божіемъ: то молитва ти будетъ гнусна и непріятна Богу. Но слыша Господа, глаголюща пророкомъ: егда руцѣ твои простреши ко мнѣ, отвращаю очи свои отъ васъ, и аще умножиши молитву, не послушаю тебѣ, глаголетъ Господь, руцѣ твои исполнь неправды. И се, възлюбленная чада, будете вѣдуще; святіи отци наши уставили постныа дни, по наученію Господню и по заповѣди святыхъ Апостолъ, святыа праздникы праздновати духовно заповѣдаша, а не тѣлесно, не чреву работающе безгоднымъ пьанствомъ, но Богу молящеся о своихъ съгрѣшеніихъ, нѣмощныа накормляюще с собою в подобно время, тѣло кормяще земнымъ брашномъ, а душю духовнымъ. Тоже брашно в судѣхъ книжныхъ с небесе снесено, иже, глаголется, хлѣбъ аггельскій ясть человѣкъ, брашно посла имъ до изобиліа, рекше писаніе святыхъ книгъ. Тако праздновати святыа праздники, якоже велятъ святіи; тако и сами творили и спаслися суть. Все же любовію творяще: бес тоа бо никоя же добродѣтель приносится к Богу,—*и мирно живуще не токмо съ други, но и со враги,— но съ своими враги, а не съ **Божіими**.* Свои же намъ врази суть: аще кому кто или сына, или брата заклалъ бы предъ очима, все тому простити и отдати. А Божіи суть врази: жидове, еретицы, держаще кривую вѣру, и прящейся по чюжей вѣрѣ. На праздники же великіа пировъ не творити, піанства бѣгати, испити мало и блюсти душа своя, и стеречи часа, в онъже Богу молитися трезвымъ умомъ, а не пьянымъ, якоже Петръ Апостолъ рече:

братія, будите трезви, якоже супостатъ вашь діаволъ ищетъ піаныхъ, да я пожретъ. О горе, паки реку, о горе пребывающимъ въ піанствѣ? Піанствомъ аггела хранителя своего отгонимъ отъ себе, и злаго бѣса привлачимъ к себѣ, и Святаго Духа далече есмы піанства ради, и близь ада, и слова Божіа не имуще въ устѣхъ своихъ, гнили рады піаньственыа. Бѣси бо ради бываютъ о нашемъ піанствѣ, и радующеся приносятъ къ діаволу жертву пьянственую отъ піаницъ; діаволъ же, радуясь, глаголеть: яко николиже тако веселюся и радуюся о жертвахъ поганыхъ языкъ, якоже о пьянствѣ христіаныхъ; всяка бо дѣла моего хотѣнія въ пьяницахъ суть. Писано бо есть: яко и поганыа набдитъ Богъ, а піаницъ ненавидитъ и отвращается отъ нихъ. Но толико супостатъ нашь радуется о нашемъ піанствѣ, а искони бо не хощетъ добра роду человѣчю, и гляголетъ: яко мои суть пьяніи, а трезвіи суть Божіи. И посылаетъ діаволъ бѣсы, рекъ: идѣте, поучайте христіаны на піанство и на всяку дѣтель моего хотѣнія, Аггели же святіи, приходяще, повѣдали се святымъ отцамъ с печалію великою, да быша писаніемъ отлучили христіанъ отъ піанства, а не отъ питья: ино бо піанство есть злое, а ино пить в мѣру, и в законъ, и в подобно время, и въ славу Божію. Святіи же отци, написавше честное сіе святое правовѣрное ученіе, предаша христіаномъ, на провоженіе жизни сеа, и на причастіе вѣчныа жизни, да кто послушаетъ сего правила святыхъ отець и поживетъ лѣта своа, творя волю Божію: житель будетъ вѣчныа жизни; не послушавшій сихъ книгъ осужденъ будетъ съ діаволомъ в муку вѣчную.

Се слышаще, братіе, подвигнемся работати Господеви, и заповѣди Его творити, и в законѣ Его поживемъ вся дни живота нашего, о Христѣ Іисусѣ, емуже слава съ Отцемъ и Святымъ Духомъ и ныня и присно.

---

4. Несторъ.

(ум. 1114 г.).

Лѣтопись XII вѣка.

а) вступленіе.

Се повѣсти времяньныхъ лѣтъ, откуду есть пошла Руская земля, кто въ Киевѣ нача первѣе княжити, и откуду Русская земля стала есть.

Се начнемъ повѣсть сию. По потопѣ трие сынове Ноеви раздѣлиша землю, Симъ, Хамъ, Афетъ.———Жявяху кождо въ своей части. Бысть языкъ единъ; и оумножившемъся человѣкомъ на земли, помыслиша создати столпъ до небесе, въ дни Нектана и Фалека. И собрашася на мѣстѣ Сенаръполи здати столпъ до небесе и градъ около его Вавилонъ, и создаху столпъ то за 40 лѣтъ, не свершенъ (*неоконченъ*) бысть. И сниде Господь Богъ видѣти градъ и столпъ; и рече Господь: се родъ единъ, и языкъ единъ. И съмѣси Богъ языки, и раздѣли на 70 и 2 языка, и расъсѣя по всеи земли. По размѣшеньи же языкъ, Богъ вѣтромъ великимъ разруши столпъ, и есть останокъ его промежю Асюра и Вавилона.

По разрушеньи же столпа и по раздѣленьи языкъ, прияша сынове Симови въсточныя страны, а Хамови сынове полуденьныя страны, Афетови же прияша западъ и полунощныя страны. Отъ сихъ же 72 языку бысть языкъ Словѣнескъ отъ племени Афетова Нарци, еже суть Словѣни. По мнозѣхъ же временѣхъ сѣли суть Словѣни по Дунаеви, гдѣ есть ныне Оугорьска земля и Болгарьска. Отъ тѣхъ Словѣнъ разидошася по землѣ и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ. Яко пришедше сѣдоша на рѣцѣ именемъ Морава и прозвашася Морава, и друзии Чеси нарекошася; а се тиже Словѣни: Хровате бѣлыи, и Серебь, и Хорутане. Волхомъ бо нашедшимъ на Словѣни на Дунаискыя, сѣдшемъ в нихъ и насилящемъ имъ, Словѣни же ови (*иные*)

пришедше сѣдоша на Вислѣ и прозвашася Ляхове а отъ тѣхъ Ляховъ прозвашася Поляне, Ляхове друзии Лутичи, инии Мазовшане, инии Поморяне. Такоже и ти Словѣне пришедше и сѣдоша по Днѣпру, и нарекошася Поляне; а друзии Древлянѣ, зане сѣдоша в лѣсѣхъ; а друзии сѣдоша межю Припетью и Двиною, и нарекошася Дреговичи; рѣчьки ради, яже втечеть въ Двину, имянемъ Полота, отъ сея прозвашася Полочане. Словѣни же сѣдоша около езера Илмера, прозвашася своимъ именемъ, и сдѣлаша градъ, и нарекоша и Новъгородъ; а друзии сѣдоша по Деснѣ, и по Семи, по Сулѣ, и нарекошаси Сѣверъ. Тако разидеся Словѣньскии языкъ; тѣмже и грамота прозвася Словѣньская.

Поляномъ же жившимъ особѣ по горамъ симъ, бѣ путь изъ Варягъ въ Греки; и изъ Грекъ по Днѣпру, и верхъ Днѣпра волокъ до Ловоти, по Ловоти внити въ Илмерь озеро великое, из негоже озера потечеть Волховь, и втечеть в озеро великое Нево, того озера внидеть оустье вморе Варяжское (*Балтийское*) и по тому морю ити до Рима, а отъ Рима прити по томуже морю ко Царюгороду, а отъ Царягорода прити в Понотъ (*Черное*) море, въ неже втечеть Днѣпръ рѣка. Днѣпръ бо потече из Оковскаго лѣса, и потечеть на полъдне: а Двина ис тогоже лѣса потечеть, а идеть на полунощье, и внидеть в море Варяжьское; ис тогоже лѣса потече Волга на въстокъ, и вътечеть семьюдесятъ жерелъ в море Хвалисьское (*Каспийское*). Тѣмже и из Руси можеть ити в Болгары и въ Хвалисы, на въстокъ доити въ жребии Симовъ; а по Двинѣ въ Варяги, изъ Варягъ до Рима, отъ Рима до племени Хамова. А Днѣпръ втечеть в Понетьское море жереломъ, еже море словеть Руское, по нему же оучилъ святыи Оньдрѣи братъ Петровъ, якоже рѣша. Оньдрѣю оучащю въ Синопии и пришедшю ему в Корсунь, оувидѣ, яко ис Корсуня близь оустье Днѣпрьское, въсхотѣ пойти в Римъ, и проиде въ вустье Днѣпрьское; оттоле поиде по Днѣпру горѣ (*вверхъ*), и по приключаю приде и ста подъ горами на березѣ. Заоутра въставъ и рече к сущимъ с нимъ оученикомъ: видите ли горы сия? яко на сихъ горахъ восияеть благодать Божья, имать градъ великъ быть, и церкви многи Богъ въздвигнути имать. Въшедъ на горы сия, благослови я, постави крестъ, и помоливься Богу, и сълѣсъ съ горы сея, идеже послѣ же бысть Киевъ, и поиде по Днѣпру горѣ. И приде въ Словени, идеже нынѣ Новъгородъ, и видѣ ту люди сущая, како есть обычаи имъ, и како ся мыють, хвощются, и оудивися имъ. Иде въ Варяги, и приде в Римъ, исповѣда елико наоучи, и елико видѣ, и рече имъ: дивно видѣхъ Словѣньскую землю; идучи ми сѣмо, видѣхъ бани древены, а пережьгуть е рамяно, (*накалять жарко*) совлокуться, и будуть нази, и облѣются квасомъ оусниянымъ, и возмуть на ся прутье младое, бьють в ссами и того ся добьють, егда влѣзуть ли (*еле*) живи, и облѣются водою студеною, тако ожиоуть, и то творять по вся дни не мучими никимже, но сами ся мучать, и то творять мовенье собѣ, а не мученье. Ты слышаще дивляхуся; Оньдрей же бывъ в Римѣ, приде в Сюнофию.

(Лѣтопись Несторова, изд. Тимковскаго. стр. 1—5.)

б) Начало Руси.

Въ лѣто 859. Имаху дань Варязи изъ заморья на Чюди и на Словѣнехъ, на Мери, и на всѣхъ Кривичѣхъ; а Козари имаху на Полянѣхъ, и на Сѣверѣхъ, и на Вятичѣхъ, имаху по бѣлѣи вѣверицѣ отъ дыма.

Въ лѣто 860, (*) въ лѣто 861. Изъгнаша Варяги за море, и не даша имъ дани, и почаша сами в собѣ володѣти, и не бѣ в нихъ правды, и въста родъ на родъ, быша в нихъ оусобицѣ, и

(*) Годъ *пустой*, т. е. о немъ лѣтописцу ничего неизвѣстно.

воевати почаша сами на ся. Рѣша сами въ себѣ: поищемъ себѣ Князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву. Идоша за море къ Варягомъ к Русі; сице бо ся зваху тьи Варязи Русь, яко се друзии зовутся Свое друзии же Оурмане, Анъгляне, друзіи Гъте; тако и си. Рѣша Руси Чюдь, Словѣни, и Кривичи: *вся земля наша велика и обильна, а наряда (строя, порядка) в неи нѣтъ; да поидѣте княжить и володѣти нами.* И изъбрашася три братья с роды своими, пояша по собѣ всю Русь, и придоша; старѣйшии Рюрикъ, а другии Синеоусъ на Бѣлѣ озерѣ, а третии Изборьстѣ Труворъ. Отъ тѣхъ прозвася Руская земля, Новугородьци: ти суть людье Ноугородьци отъ рода Варяжьска, преже бо бѣша Словѣни. По дву же лѣту Синеоусъ оумре, и братъ его Труворъ; и прия власть Рюрикъ, и раздая мужемъ своимъ грады, овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Бѣло озеро. И по тѣмъ городомъ суть находници *(нашельцы, пришлецы)* Варязи; а перьвии насельници *(первоначальные жители)*: в Новѣгородѣ Словѣне, Полотьски Кривичи, в Ростовѣ Меря, в Бѣлѣ озерѣ Весь, в Муромѣ Мурома. И тѣми всѣми обладаше Рюрикъ; и бястя оу него два мужа не племени его, ни боярина, и та испросистася ко Царюгороду с родомъ своимъ, И поидоста по Днѣпру, и идуче мимо, и оузрѣста на горѣ градокъ, и оупрашаста, рѣста: чии се градокъ? они же рѣша: была суть три братья, Кии, Щекъ, Хоривъ, иже сдѣлаша градок-ось, и изгибоша, и мы сѣдимъ платяче дань Козаромъ. Аскольдо же и Диръ остаста въ градѣ семь, и многи Варяги совокуписта, и начаста владѣти Польскою *(полянскою)* землею. (Стр. 12 и 13.)

в) КРЕЩЕНІЕ СЛАВЯНЪ, КИРИЛЛЪ И МЕѲОДІЙ.

Словѣномъ живоущимъ крещенымъ и Княземъ ихъ, Ростиславъ, и Святополкъ и Коцелъ послаша ко Царю Михаилу глаголюще: *земля наша крещена, и нѣсть оу насъ оучителя, иже бы ны наказалъ (наставилъ) и пооучалъ насъ, протолковалъ святыя Книги;* не разумѣемъ ни Гречьску языку, ни Латыньску; они бо ны онако оучать, а они бо ны и онако *(одни такъ, другіе иначе)* тѣмже не разумѣемъ книжнаго образа, ни силы ихъ: и послѣте ны оучителя, иже ны могуть сказати книжная словеса и разумъ ихъ. Се слыша Царь Михаилъ, и созва Философы вся, и сказа имъ рѣчи вся Словенскихъ Князь, и рѣша Философи: есть мужъ в Селуни, именемъ Левъ; *суть оу него сынове разумиви языку Словѣньску*, хитра для сына оу него Философа. Се слышавъ Царь, посла по ня в Селунь ко Лвови, глаголя: посли к намъ въскорѣ сына своя Мефодия и Костянтина. Се слышавъ Левъ, въскорѣ посла я, и придоста ко Цареви, и рече има: се прислалася ко мнѣ Словѣньска земля, просящи оучителя собѣ, иже бы моглъ имъ протолковати святыя Книги; сего бо желають. Оумолена быста Царемъ, и послаша я въ Словѣньскую землю къ Ростіславу, и Святополку, и Къцьлови. *Сима же прешедъшема, начаста съставливати писмена азъбуковьныя Словѣньски и приложиста Апостолъ и Еуангелье,* Ради быша Словѣни, яко слышаша величья Божья своимъ языкомъ; *посемже преложиста Псалтырь и Охтаикъ и прочая Книги.* Нѣцы же начаша хулити славянскія книги, глаголюще: яко не достоить никоторому же языку имѣти букъвъ своихъ, развѣ Евреи, и Грекъ, Латинъ, по Пилатову писанью, еже на крестѣ Господни написа. Се же слышавъ Папежь Римьскии, похули тѣхъ, иже ропьщють на Книги Словеньския, река: да ся исполнить Книжное слово, яко въсхвалять Бога вси языци; другое же: вси възъглаголють языки величья Божья, якоже дасть имъ Святыи Духъ отвѣщевати, да еще хто хулить Словѣньскую грамоту, да будеть отлученъ отъ церкве, дондеже ся исправять; ти бо суть волци, а не овца, яже достоить отъ плода

знати я, хранитеся ихъ: вы же чада Божья, послушаите оученья, и не отринете наказанья церковнаго, якоже вы наказалъ Мефодии оучитель вашь. Костянтинъ же възратився въспять. и иде оучить Болгарьскаго языка, а Мефодии оста в Моравѣ. Посем же Коцелъ Князь постави Мефодья Епископа въ Панни на столѣ святаго Онъдроника Апостола, единаго отъ 40 оученика святаго Апостола Павла. *Мефодии же посади два попа скорописца зѣло, и преложи вся книги исполнь отъ Гречьска языка въ Словеньскъ 6-ю мѣсяць*, наченъ отъ Марта мѣсяца до двудесяту и 0-ю день Октября мѣсяца. Окончивъ же достоино хвалу и славу Богу въздасть, дающему таку благодать Епископу Мефодью. (Стр. 16 и 17).

г. Ольга и Святославъ.

Вольга же бяше в Киевѣ съ сыномъ своимъ съ дѣтьскомъ Святославомъ, и кормилецъ его Асмудъ, воевода бѣ Свѣнелдъ, тоже отецъ Мистишинъ. Рѣша же Древляне: се Князя оубихомъ Рускаго; поимемъ жену его Вольгу за Князь свои Малъ, и Святослава, и створимъ ему, якоже хощемъ. И послаша Деревляне лучьшие мужи числомъ 20 въ лодьи къ Ольтѣ, и присташа подъ Боричевымъ в лодьи. Бѣ бо тогда вода текущи возлѣ горы Киевьския, и на Подольи не сѣдяху людье, но на горѣ: градъ же бѣ Киевъ, идеже есть нынѣ дворъ Гордятинъ и Нифовъ, а дворъ княжь бяше в городѣ, идеже есть дворъ Демьстиковъ; за святою Богородицею надъ горою дворъ теремныи, бѣ бо ту теремъ каменъ. И повѣдаша Ользѣ, яко Деревляне придоша, и возва е Ольга к собѣ: добри гостье придоша. И рѣша Деревляне: придохомъ, Княгине. И рече имъ Ольга: да глаголете, что ради придосте сѣмо? Рѣша же Древляне, посла ны Дерьвьска земля, рькуще сице: мужа твоего оубихомъ, бяше бо мужь твои аки волкъ восхищая и грабя, а наши Князи добри суть, иже распасли (*правили, какъ добрые пастыри*) суть Деревьску землю; да поиди за Князь нашь за Малъ, бѣ бо имя ему Малъ, Князю Дерьвьску. Рече же имъ Ольга: люба ми есть рѣчь ваша, оуже мнѣ мужа своего не крѣсити; но хочю вы почтити наутрия предъ людьми своими, а нынѣ идѣте в лодью свою, и лязите в лодьи величающеся; азъ оутро послю по вы, вы же рьцѣте: не едемъ на конѣхъ, ни пѣши идемъ, но понесѣте ны в лодьѣ; и възнесуть вы в лодьи, и отпусти я въ лодью. Ольга же повелѣ вскопати яму велику и глубоку на дворѣ теремьстѣмъ внѣ града. И заоутра Волга, сѣдящи в теремѣ, посла по гости, и придоша к нимъ глаголюще: зоветь вы Ольга на честь велику. Они же рѣша: не ѣдемъ на конихъ, ни на возѣхъ, понесѣте ны в лодьи. Рѣша же Кияне: намъ неволя; Князь нашь оубьенъ, а Княгини наша хоче за вашь Князь, и понесоша я въ лодьи. Они же сѣдяху гордящеся; и принесоша я на дворъ к Ользѣ, несъше вринуша е въ яму и с лодьею. Приникъши Ольга и рече имъ: добра ли вы честь? они же рѣша: пущи ны (*хуже намъ*) Игоревы смерти; и повелѣ засыпати я живы, и посыпаша я. Пославши Ольга къ Деревляномъ, рече имъ: да аще мя просите право, то пришлите мужа нарочиты, да в велицѣ чти приду за вашь Князь, еда (*т. е. иначе*) не пустять мене людье Киевьстии. Се слышавше Деревляне, собраша лучьшие мужи, иже дерьжаху Деревьску землю, послаша по ню. Деревляномъ же пришедшимъ, повелѣ Ольга мовь створити, рькуще сице: измывшеся придите ко мнѣ. Они пережьгоша истопку, и влѣзоша Деревляне, начаша ся мыти; и запроша онихъ истобъку, и повелѣ зажечи я отъ двери, ту изгорѣша вси. И посла къ Деревляномъ, рькущи сице: се оуже иду къ вамъ, да пристроите меды многи въ градѣ, идеже оубисте мужа моего, да поплачюся надъ гробомъ его, и створю трызну мужу своему. Они же то слышавше, съвезоша меды многи зѣло, възвариша. Ольга же, поимши мало

дружины легько идущи, приде къ гробу его, плакася по мужи своемъ, и повелѣ людемъ своимъ съсупати могилу велику; яко соснюша, и повелѣ трызну творити. Посемь сѣдоша Деревляне пити, и повелѣ Ольга отрокомъ своимъ служити пред ними; рѣша Деревляне к Ользѣ: кдѣ суть дружина наша, ихъже послахомъ по тя? она же рече: идуть по мнѣ съ дружиною мужа моего. Яко оупившася Деревляне, повелѣ отрокомъ своимъ пити на ня (*за нихъ*), а сама отъиде кромѣ (*прочь*) и повелѣ дружинѣ сѣчи Деревляне. И исѣкоша ихъ (*на остальное*); а Ольга возъвратися Киеву, и пристрои вои на прокъ ихъ.

В лѣто 946. Ольга съ сыномъ своимъ Святославомъ собра вои многи и храбры, и иде на Деревьску землю. Изидоша Деревляне противу; сънемъшемъся обѣма полкома наскупь, суну копьемъ Святославъ на Деревляны, и копье летѣ сквозѣ оуши коневи, оудари в ноги коневи, бѣ бо дѣтескъ. И рече Свѣнелдъ и Асмолдъ: Князь оуже почалъ; потягнѣте, дружина, по Князѣ. И побѣдиша Деревляны. Деревляны же побѣгоша и затворишася въ градѣхъ своихъ. Ольга же оустремися съ сыномъ своимъ, а Деревляне затворишася въ градѣ и борахуся крѣпко изъ града: вѣдѣху бо, яко сами оубили Князя, и на что ся предати. И стоя Ольга лѣто, не можаше взяти града, и оумыслі сице, посла ко граду, глаголющи: что хочете досѣдѣти? а вси гради ваши предашася мнѣ, и ялися по дань, и дѣлають нивы своя и землѣ своя; а вы хочете изъмерети гладомъ, не имучеся по дань. Деревляне же рекоша: ради ся быхомъ яли по дань, но хощеши мьщаті мужа своего. Рече же имъ Ольга: яко азъ мьстіла оуже обиду мужа своего, когда придоша Киеву, второе, и третьее, когда творихъ трызну мужеви своему; а оуже не хощю мъщати, но хощю дань имати помалу, смирившися с вами поиду опять. Рекоша же Древляне: што хощеши оу насъ? ради даемъ медомъ. Она же рече имъ: нынѣ оу васъ нѣсть меду, но мало оу васъ прошю; даите ми отъ двора по 3 голуби, да по 3 воробьи, азъ бо не хощю тяжьки дани възложити, якоже мужъ мои; сего прошю оу васъ мало, вы бо есте изънемогли во осадѣ; да сего оу васъ прошю мало. Деревляне же ради бывше, и собраша отъ двора по 3 голуби и по 3 воробьи, и послаша к Ользѣ с поклономъ. Вольга же рече имъ: се оуже есть покорилися мнѣ и моему дѣтяти, а идѣте въ градъ, и поиду въ град-ось. И Деревляне же ради бывше внидоша въ градъ, и повѣдаша людемъ, и обрадовашася людье въ градѣ, Ольга же раздая воемъ по голуби комуждо, а другимъ по воробьеви, и повелѣ комуждо голуби и къ воробьеви привязывати цѣрь (*горючее вещество*), обертывающе въ платки малы, нитькою повертывающе къ коемуждо ихъ; и повелѣ Ольга, яко смерчеся, пустити голуби и воробьи воемъ своимъ. Голуби же и воробьеве полетѣша въ гнѣзда своя, ови въ голубники, врабъевѣ же подъ стрѣхи, и тако възгарахуся голубьници, ово клѣти, ово вежѣ, ово ли одрины. И не бѣ двора, идеже не горяще, и не бѣ льзѣ гасити, вси бо двори възгорѣшася; и побѣгоша людье изъ града, и повелѣ Ольга воемъ своимъ имати е. Яко взя градъ и пожьже и, старѣишины же града изънима, и прочая люди овыхъ изби, а другія работѣ предасть мужемъ своимъ, а прокъ ихъ остави платити дань. И възложиша на ня дань тяжку: 2 части дани идеша Киеву, а третьяя Вышегороду къ Ользѣ, бѣ бо Вышегородъ градъ Вользинъ. И иде Вольга по Дерьвьстѣи земли съ сыномъ своимъ и съ дружиною, оуставляющи оуставы и оуроки; суть становища еѣ и ловища (*мъста лова, охоты*). И приде въ градъ свои Киевъ съ сыномъ своимъ Святославомъ, и пребывши лѣто едино.

Въ лѣто 947 иде Вольга Новугороду и оустави по Мьстѣ повосты и дани, и по Лузѣ оброки и дани: ловища ея суть по всеи земли, знаменья мѣста и повосты (*погосты, мъста гощенія*); и

сани ее стоять въ Плесковѣ и до сего дня; и по Днѣпру перевѣсища и по Деснѣ; и есть село ее Ольжичи и доселе. И изрядивши, възратися къ сыну своему Киеву и пребываше с нимъ въ любъви.

В лѣто 948, въ лѣто 949, въ лѣто 950, 951, 952, 953, 954, 955. Иде Ольга въ Греки, и приде Царюгороду. Бѣ тогда Царь имянемъ Цѣмьскии; и приде к нему Ольга, и видѣвъ ю добру сущю зѣло лицемъ и смыслену, оудививъся Царь разуму ея, бесѣдова къ неи и рѣкъ еи: подобна еси царствовати в градѣ с нами. Она же разумѣвши рече ко Царю: азъ погана есмь, да аще мя хощеши крестити, то крести мя самъ; аще ли, то не крещюся, и крести ю Царь съ Патреархомъ. Просвѣщена же бывъши, радовашеся душею и тѣломъ, и поучи ю Патреархъ о вѣрѣ, рече еи: благословена ты в Рускихъ, яко возлюби свѣтъ, а тьму остави; благословити тя хотять сынове Рустии в послѣднии родъ внукъ твоихъ. И заповѣда еи о церковномъ оуставѣ, о молитвѣ, и о постѣ, о милостыни, и о въздержаньи тѣла чиста. Она же наклонивши главу стояше акп губа напаяіема, внимающи оученья; поклонившися Патреарху, глаголющи: молитвами твоими, Владыко, да схранена буду отъ сѣти неприязньны, Бѣ же речено имя ея во крещеньи Олена, якоже и древняя Царица, мати Великаго Костянтина. Благослови ю Патреархъ и отпусти ю. И по крещеньи возва ю Царь и рече еи: хощю тя пояти собѣ женѣ. Она же рече: како хочеши мя пояти, крестивъ мя самъ, и нарекъ мя дъщерью? а въ Хрестеянехъ того нѣсть закона, а ты самъ вѣси. И рече Царь: переклюкала (*перехитрила*) мя еси, Ольга, и дасть еи дары многи, злато и сребро, паволоки и съсуды различныя, и отпусти ю, нарекъ ю дъщерью собѣ. Она же хотящи домови, приде къ Патреарху, благословенья просяще на домъ, и рече ему: людье мои погани и сынъ мои, дабы мя Богъ съблюлъ отъ всякаго зла. И рече Патреархъ: чадо вѣрное, во Христа крестилася еси и во Христа облечеся; Христосъ имать схранити тя: якоже схрани Еноха в первыя роды, и потомъ Ноя в ковчезѣ, Аврама отъ Авимелеха, Лота отъ Содомлянъ, Моисѣя отъ Фараона, Давыда отъ Саоула, 3 отроци отъ пещи, Данила отъ звѣрии, тако и тя избавить отъ неприязни и отъ сѣтии его. Благослови ю Патреархъ, и иде съ миромъ въ свою землю, и приде Киеву. Се же бысть якоже при Соломанѣ; приде Царица Ефиопьская к Соломану, слышати хотящи премудрости Соломани, и многу мудрость видѣ и знаменья: такоже и си блаженая Ольга искаше доброѣ мудрости Божьи, но она человѣчьски, а си Божья. Ищющи бо мудрости обрящють.——— Си бо отъ възраста блаженая Ольга искаше мудростью все въ свѣтѣ семь, налѣзе бисеръ многоцѣньныи, еже есть Христосъ. Рече бо Соломанъ: желанье благовѣрнымъ наслаждаетъ душю; и приложиши сердце твое в разумъ; азъ любящая мя люблю, и ищющии мене обрящють мя. Господь рече: приходящая ко мнѣ не иженуть вонъ.

Си же Ольга приде Киеву, и присла к неи Царь Гречьскии, глаголя: яко много дарихъ тя, ты бо глаголаше ко мнѣ: яко аще возъвращуся в Русь, многи дары прислю ти, челядь, воскъ, и вои в помощь. Отвѣщавши Ольга и рече къ сломъ. аще ты, рьци (*скажи*), такоже постоиши оу мене в Почаинѣ, якоже азъ в Суду (*гавани Цареградской*), то тогда ти дамь, и отпусти слы сь рѣкъши. Живяше же Ольга съ сыномъ своимъ Святославомъ, и оучашеть й мати креститися, и небрежаше того, ни во оуши примати; но аще кто хотяше креститися, не браняху, но ругахуся тому. Невѣрнымъ бо вѣра Хрестьяньска оуродьство есть; не смыслиша бо, ні разумѣша во тьмѣ ходящии, и не вѣдять славы Господня: одебелѣша бо сердца ихъ, оушима тяжько слышати, очима видѣти! Рече бо Соломанъ: дѣлатели нечестивыхъ далече отъ разума; поне же звахъ вы и не послушасте мене,

прострохъ словеса и не внимасте, но отметасте моя свѣты (*совѣты*), моихъ же обличении не внимасте; възненавидѣша бо премудрость, а страха Господня не изволиша; ни хотяху моихъ внимати свѣтъ, подражаху же мои обличенья (*). Якоже бо Ольга часто глаголашеть: азъ, сыну мои, Бога познахъ и радуюся; аще ты познаеши, и радоватися почнешь. Онъ же не внимаше того, глаголя: како азъ хочю инъ законъ прияти единъ? а дружина сему смѣятися начнуть. Она же рече ему: аще ты крестишися, вси имуть тоже створити. Он же не послуша матере, творяше норовы поганьския, невѣдыи, аще кто матере не послушаеть, в бѣду впадаеть; якоже рече: аще кто отца, ли матере не послушаеть, но смерть приметь. Се же к тому гнѣвашеся на матерь. Соломанъ бо рече: кажаи (*наказывающій*, *наставляющій*) злыя приемлеть собѣ досаженье——— не обличаи злыхъ, да не възненавидить тебе. Но обаче любяше Ольга сына своего Святослава, ркущи: воля Божья да будетъ, аще Богъ хощеть помиловати рода моего и землѣ Рускиѣ, да възложить имъ на сердце обратитися къ Богу, якоже и мнѣ Богъ дарова. И се рекши, моляшеся за сына и за люди по вся нощи и дни, кормящи сына своего до мужьства его и до взраста его.

В лѣто 964 Князю Святославу възрастьшю и възмужавшю, нача вои совокупляти многи и храбры, и легко ходя аки пардусъ, воины многи творяше. Ходя возъ по собѣ не возяше, ни котьла, ни мясъ варя, но потонку изрѣзавъ конину ли, звѣрину ли, или говядину, на оуглехъ испекъ ядяше, ни шатра имяше, но подъкладъ пославъ и сѣдло в головахъ: такоже и прочии вои его вси бяху. Посылаше къ странамъ глаголя: хочю на вы ити. (Стр. 27—35.)

В лѣто 968. Придоша Печенѣзи на Руску землю первое, а Святославъ бяше Переяславци; и затворися Вольга въ градѣ со оунуки своими, Ярополкомъ и Ольгомъ и Володимеромъ, въ градѣ Кіевѣ. И оступиша градъ в силѣ велицѣ, бещисленно множьство около града, и не бѣ льзѣ изъ града вылѣсти, ни вѣсти послати; изнемогаху же людье гладомъ и водою. Собравшеся людьѣ оноя страны Днѣпра въ лодьяхъ, об ону страну стояху, и не бѣ льзѣ внити въ Киевъ ниединому ихъ, ни изъ града къ онѣмъ. Въстужиша людье въ градѣ и рѣша: нели кого, иже бы моглъ на ону страну доити и речи имъ: аще кто не приступить с утра, предатися имамы Печенѣгомъ. И рече единъ отрокъ: азъ преиду, и рѣша: иди. Он же изиде изъ града с уздою и ристаше сквозѣ Печенѣги, глаголя: не видѣли коня никтоже! бѣ бо оумѣя Печенѣжьски, и мняхуть й своего. Яко приближися к рѣцѣ, сверга порты (*платье*), сунуся въ Днѣпръ и побреде; видѣвше же Печенѣзи, оустрѣмишася нань, стрѣляюще его, и не могоша ему ничтоже створити. Они же видѣвшее съ оноя страны, и пріѣхаша в лодьи противу ему, и взяша й въ лодью, и привезоша й къ дружинѣ, и рече имъ: аще не подъступите заоутра къ городу, предатись хотять людье Печенѣгомъ. Рече же воевода ихъ, имянемъ Прѣтичь: подъступимъ заоутра въ лодьяхъ, и попадше Княгиню и Княжичѣ, оумчимъ на сю страну; аще ли сего не створимъ, погубити ны имать Святославъ. Яко бысть, заоутра всѣдъше в лодью протиоу свѣту и вструбиша вельми, и людье въ градѣ кликнуша; Печенѣзи же мнѣша Князя пришедша, побѣгоша разно отъ града, и изиде Ольга со оунуки и с людьми къ лодьѣ. Видѣвъ же се Князь Печенѣжскии, възратися единъ къ воеводѣ Прѣтичю и рече: кто се приде? и рече ему: лодья оная страны. И рече Князь Печенѣжьскии: а ты Князь ли еси? онъ же рече: азъ есмь мужъ его, и пришелъ есмь въ сторожѣхъ, по мнѣ идеть полкъ со Княземъ, бе-щисла

(*) Въ книгѣ притчъ Соломона: «ругахуся же моимъ обличеніемъ» гл. 1, ст. 30. Лѣтописецъ вѣроятно писалъ этотъ текстъ на память.
Прим. О. Миллера.

множьство, се же рече, грозя имъ. Рече же Князь Печенѣжскии къ Прѣтичю: буди ми другъ, онъ же рече: тако створю. И подаста руку межю собою, и въдасть Печенѣжскии Князь Прѣтичю конь, саблю, стрѣлы; онъ же дасть ему бронѣ, щитъ, мечь. Отступиша Печенѣзи отъ града и не бяше льзѣ коня напоити: на Лыбеди Печенѣзи. И посланіа Кияне къ Святославу, глаголюще: ты, Княже, чужея земли ищеши и блюдеши, а своея ся охабивъ; мало бо насъ, не взяша Печенѣзи, матерь твою и дѣти твои: аще не поидеши, ни обраниши насъ, да паки ны возмуть, аще ти нежаль отчины своея, ни матере стары суща, и дѣтии своихъ. То слышавъ Святославъ, вборзѣ всѣде на конѣ съ дружиною своею, и приде Киеву, цѣлова матерь свою и дѣти своя; и съжалися о бывшемъ отъ Печенѣгъ, и собра вои, и прогна Печенѣги в поле, и бысть миръ.

В лѣто 969. Рече Святославъ къ матери своеи и къ боляромъ своимъ: нелюбо ми есть в Киевѣ быти, хочу жити въ Переяславци и Дунаи, яко то есть середа в земли моеи, яко ту вся благая сходятся: отъ Грекъ злато, паволоки, вина, овощеве разноличныя; и-Щехъ (изъ Чехъ) же, из Урогъ *(Угровъ, Венгровъ)* сребро и комони *(кони)*; из Руси же скора *(мѣха)* и воскъ, медъ и челядь. Рече ему Вольга: видише мя болное сущю; камо хощеши отъ мене ити? бѣ бо разболѣлася оуже; рече же ему: погребъ мя, иди же, аможе хочеши. По трехъ днехъ оумре Ольга, и плакася по неи сынъ ея, и внуци ея, и людье вси плачемъ великомъ, несоша и погребоша ю на мѣстѣ. И бѣ заповѣдала Ольга не творити тризны надъ собою, бѣ бо имущи презвутеръ; сеи похорони блаженную Ольгу. Си бысть предътекущия Крестьяньстѣи земли аки денница предъ солнцемъ и акі зоря предъ свѣтомъ, си бо сьяше аки луна въ нощи, тако и си въ невѣрныхъ человѣцѣхъ свѣтящеся аки бисеръ въ калѣ *(грязи)*; кальни бо бѣша, грѣхъ неомовени крещеньемъ святымъ. Си бо омыся купѣлью святою, и совлечеся грѣховныя одежа ветхаго человѣка Адама, и въ новыи Адамъ облечеся, еже есть Христосъ. Мы же рцѣмъ к неи: радуися, Руское познанье къ Богу; начатокъ примиренью быхомъ. Си первое вниде в царство небесное отъ Руси, сію бо хвалятъ Рустие сынове, аки начальницю: ибо по смерти моляше Бога за Русь. (Стр. 36—38.)

д. Гибель Святослава.

В лѣто 971. Приде Святославъ в Переславецъ, и затворишася Болгаре въ градѣ. И излѣзоша Болгаре на сѣчу противу Святославу, и бысть сѣча велика, и одоляху Болгаре, и рече Святославъ воемъ своимъ: уже намъ сде пасти; потягнемъ мужьски, братья и дружино! И къ вечеру одолѣ Святославъ, и взя градъ копьемъ, и посла къ Грекомъ, глаголя: хочу на вы ити, взяти градъ вашь, яко и сеи. И рѣша Грьци: мы недужи противу вамъ стати, но возьми дань на насъ, и на дружину свою, и повѣжьте ны, колько васъ, да вдамы по числу на главы. Се же рѣша Грьци, льстяче подъ Русью. И рече имъ Святославъ: есть насъ 20 тысящь и прирече *(прибавилъ)* 10 тысящь, бѣ бо Руси 10 тысящь только. И пристроиша Грьци 100 тысячь на Святослава, и ни даша дани; и поиде Святославъ на Греки, и изидоша противу Руси. Видѣвше же Русь, оубояшеся зѣло множьства вои, и рече Святославъ: оуже намъ нѣкамося дѣти! волею и неволею стати противу, да не посрамимъ землѣ Рускіѣ, но ляжемъ костьми; мертвыи бо срама не имамъ, аще ли побѣгнемъ, срамъ имамъ, ни имамъ убѣжати; но станемъ крѣпко, азъ же предъ вами поиду, аще моя глава ляжетъ, то промыслите собою; и рѣша вои: идеже глава твоя, ту и свои главы сложимъ. И исполчишася Русь, и бысть сѣча велика, и одолѣ Святославъ, и бѣжаша Грьци; и поиде Святославъ ко Граду, воюя и грады разбивая, яже стоятъ и до днешняго дне.

И созва Царь боляре своя в палату и рече имъ: што створимъ, яко не можемъ противу его стати? И рѣша ему боляре: посли к нему дары, искусимъ ѝ, любьзнивъ ли есть злату *(охотникъ ли до него)*, ли паволокамъ *(тканямъ)*? И посла къ нему злато, и паволоки, и мужа мудра; рѣша ему: глядаи взора, и лица его, и смысла его, онъ же вземъ дары, приде къ Святославу. Повѣдоша Святославу, яко придоша Грьци с поклономъ, и рече: въведѣте я сѣмо. Придоша и поклонишася ему, положиша преди имъ злато и паволоки, и рече Святославъ, кромѣ *(въ сторону)* зря, отрокомъ своимъ: схороните. Они же придоша ко Царю, и созва Царь боляры, рѣша же посланнии: яко придохомъ к нему, и вдахомъ дары, и не зрѣ на ня, и повелѣ схоронити. И рече едінъ: искуси ѝ еще, посли ему оружье. Они же послушаша его, и послаша ему мечь и ино оружье, и принесоша к нему; онъ же прінимъ нача хвалити и любити, и цѣлова Царя. Придоша опять ко Царю и повѣдаша ему вся бывшая, и рѣша боляре: лютъ се мужь хоче быти, яко имѣнья небрежеть, а оружье емлеть; имися по дань. И посла Царь, глаголя сице: не ходи къ граду, возми дань, еже хощеши, за маломъ бо бѣ не дошелъ Царяграда. И въдаша ему дань; имашеть же и за оубьеныя, глаголя: яко родъ его возметь. Взя же и дары многы, и възратися в Переяславецъ с похвалою великою. Видѣв же мало дружины своея, рече в себѣ: еда како прельстивше изъбьють дружину мою и мене, бѣша бо многи погибли на полку; и рече: поиду в Русь, приведу боле дружины. И посла слы ко Цареви въ Деревъстръ (бѣ бо ту Царь), рька сице: хочу имѣти миръ с тобою твердъ и любовь. Се же слышавъ Царь, радъ бысть и посла к нему дары больша первыхъ. Святославъ же прия дары и поча думати съ дружиною своею, рька сице: аще не створимъ мира со Царемъ, а оувѣсть Царь, яко мало насъ есть, пришедше оступятъ ны въ градѣ; а Руская земля далеча; а Печенѣзи с нами ратьни, а кто ны поможеть? но створимъ миръ со Царемъ, се бо ны ся по дань яли, и то буди доволно намъ; аще ли почнеть не оуправляти дани, да изнова изъ Руси, совкупивше вои, оумноживши, поидемъ Царю городу. Люба бысть рѣчь си дружинѣ, и послаша лѣпшиѣ мужи ко Цареви; и придоша въ Деревъстръ, и повѣдаша Цареви. Царь же на оутрия призва я, и рече Царь: да глаголють сли Рустии. Они же рѣша тако: глаголеть Князь нашь, хочу имѣти любовь со Царемъ Гречьскимъ свершеную прочая вся лѣта. Царь же радъ бысть, повелѣ писцю писати вся рѣчи Святославлѣ на харатью.— — —

Створивъ же миръ Святославъ съ Греки, поиде въ лодьяхъ къ порогомъ, и рече ему воевода отень *(отцовъ)* Свѣнделъ: поиди, Княже на конихъ около, стоять бо Печенѣзи в порозѣхъ. И не послуша его, поиде въ лодьяхъ, и пославша Переяславци къ Печенѣгомъ, глаголюще: се идеть вы Святославъ в Русь, вземъ имѣнье много оу Грекъ и полонъ бещисленъ, съ малыми дружины. Слышавше же се Печенѣзи, заступиша пороги, и приде Святославъ къ порогомъ, и не бѣ льзѣ пройти порогъ; и ста зимовати в Бѣлобережьи, и не бѣ оу нихъ брашна оуже, и бѣ гладъ великъ, яко по полугрівнѣ глава коняча, и зимова Святославъ ту. Веснѣ же приспѣвъши.

Въ лѣто 979. Поиде Святославъ в пороги, и нападе нань Куря Князь Печенѣжьскии, и оубиша Святослава. Взяша главу его и во лбѣ его съдѣлаша чашю, оковавше лобъ его и пьяху по немь; Свѣналдъ же приде Кіеву къ Ярополку. И всѣхъ лѣтъ княженья Святославля лѣтъ 20 и 8. (Стр. 39—40.)

е. Русскіе первомученики.

В лѣто 983. Иде Володимеръ на Ятвяги, и побѣди Ятвяги и взя землю ихъ, и иде Киеву, и творяше потребу кумиромъ с людми своими. И рѣша старци и боляре: мчемъ жребии на отрока и

дѣвицю; на негоже падетъ, того зарѣжемъ богомъ. Бяше Варягъ единъ, и бѣ дворъ его, идеже есть церкви Святая Богородица, юже сдѣла Володимеръ: бѣ же Варягъ то пришелъ изъ Грекъ, держаше вѣру Хрестеяньску, и бѣ оу него сынъ красенъ лицемъ и душею, на сего паде жребии по зависти дьяволи. Не терпяшеть бо дьяволъ, власть имыи надо всѣми, и се бяшеть ему аки тернъ в сердци, тыщашеся потребити оканьныи и наоусти люди. Рѣша пришедше посланни к нему: яко паде жребии на сынъ твои, изволиша бо й бози собѣ; да створимъ потребу богомъ. И рече Варягъ: не суть бо бози, но дерево; днесь есть, а оутро изгнееть; не ядять бо, ни пьють, ни молвять, но суть дѣлани руками в деревѣ; а Богъ есть единъ, емуже служать Грьци и кланяются, иже створилъ небо, и землю, звѣзды, и луну, и солнце, и человѣка, далъ есть ему жіть на земли; а си бози что сдѣлаша? сами дѣлани суть; не дамъ сына своего бѣсомъ. Они же шедше повѣдаша людемъ; они же вземше оружье, поидоша нань, и розьяша дворъ около его, онъ же стояше на сѣнехъ съ сыномъ своимъ. Рѣша ему: вдаи сына своего, да вдамы богомъ. Онъ же рече: аще суть бози, то единого собе пошлють бога, да имуть сынъ мои; а вы чему потребуете? И кликнуша и посѣкоша сѣни подъ нима, и тако побиша я, и не свѣстьниктоже, гдѣ положиша я. Бяху бо тогда человѣци невѣголоси и погани; дьяволъ радовашеся сему, невѣдыи, яко близь погибель хотяше быти ему. Тако бо тщашеся погубити родъ Хрестеяньскии, но прогонимъ бяше хрестомъ честнымъ и в онѣхъ странахъ; сде же мняшеся оканьныи: яко сде ми есть жилище, сде бо не суть Апостоли учили, ни пророци прорекли. Невѣдыи Пророка глаголюща: и нарекъ не-люди моя люди моя; о Апостолѣхъ бо рече: во всю землю изидоша вѣщанья ихъ, и в конецъ вселенныя глаголы ихъ. Аще и тѣломъ апостоли не суть сде были, но оученьяхъ ихъ аки трубы гласять по вселенѣи в церквахъ. Имьже оученьемъ побежаемъ противнаго врага, попирающе подъ нози; якоже попраста и си, приемше вѣнецъ небесныи съ святыми мученики и праведники. (Стр. 50 и 51.)

XII ВѢКЪ.

Владиміръ Мономахъ.

(ум. 1125 г.)

Поученіе дѣтямъ.

Азъ худый——сѣдя на санехъ (*на смертномъ одрѣ*), помыслихъ въ души своей и похвалихъ Бога, иже мя сихъ дневъ грѣшнаго допровади. Да дѣти мои, или инъ кто, слышавъ сю грамотицю, не посмѣйтеся, но ому же любо дѣтій моихъ, а приметь е въ сердце свое и не лѣнитися начнеть, такоже и тружатися.

Первое Бога дѣля и душа своея: страхъ имѣйте Божій въ сердци своемъ, и милостыню творя неоскудну: то бо есть начатокъ всякому добру. Аще ли кому не люба грамотиця си, а не поохритаються (*пусть не сердятся*), но тако се рекутъ: на далечи пути, да на санѣхъ сѣдя безлѣпицю си молвилъ. Усрѣтоша бо мя послы отъ братья моея на Волзѣ, рѣша: потъснися къ намъ, да выженемъ Ростиславича и волость ихъ отънимемъ, иже ли не поидеши съ нами, то мы собѣ будемъ, а ты собѣ: и рѣхъ, аще вы ся и гнѣваете, не могу вы я ити, ни креста переступити. И отрядивъ я, вземъ псалтырю, въ печали разгнухъ я, и то ми ся выня: вскую печалуеши душе, вскую смущаеши мя, и проч.——

Якожъ бо Василій (*) учаше, собравъ ту юноша души чисты, нескверни——при старыхъ молчати, премудрыхъ слушати, старѣйшимъ покарятися, съ точными и меньшими любовь имѣти безъ луки бесѣдующе, а много разумѣти, не

(*) Василій Великій, отецъ церкви.

сверѣповати словомъ, ни хулити бесѣдою, необильно смѣятися, срамлятися старѣйшихъ, къ женамъ нелѣпымъ не бесѣдовати, долу очи имѣти, а душу горѣ.——О Владычице Богородице! отъими отъ убогаго сердца моего гордость и буесть (*безуміе*), да не взношуся суетою міра сего, въ пустошнемъ семъ житьи. Научися вѣрный человѣче быти благочестной дѣлатель! научися по Евангельскому словеси, очима управленье, языку удержанье, уму смиренье, тѣлу порабощенье, гнѣву погубленье, помыслъ чистъ имѣти, понужаяся на добрыя дѣла Господа ради: лишаемь не мьсти: ненавидимъ, либо гонимъ, терпи: хулимъ, моли: умертви грѣхъ: избавите обидима: судите сиротѣ: оправдывайте вдовицю: придѣте, да сожжемся, глаголетъ Господь: аще будутъ грѣси ваши яко оброщени, яко снѣгъ обѣлю я, и прочее. Восіяетъ весна постная, и цвѣтъ покаянія: очистимъ собѣ, братья! отъ всякоя крови плотскыя и душевныя, свѣтодавцю вопьюще, рцемъ: слава тебѣ человѣколюбче.

По истинѣ, дѣти моя, разумѣйте, како ти есть человѣколюбецъ Богъ милостивъ и премилостивъ, мы человѣци грѣшни суще и смертни, кто оже (т. е. *ежели кто*) ны зло створитъ, то хощемъ и пожрети, и кровь его пользти вскорѣ: а Господь нашъ, владѣяй животомъ и смертью, согрѣшенья наша выше главы нашея терпить, и пакы и до живота нашего: яко отець чадо своея любя, бья, и пакы привлачить е къ собѣ, такоже и Господь нашъ: показалъ ны есть на врагы побѣду 3 дѣлы добрыми, избыти его и побѣдити его, покаяньемъ, слезами и милостынею; да то вы, дѣти мои, не тяжка заповѣдь Божья, оже тѣми дѣлы 3 избыти грѣховъ своихъ и царствія не лишитися. А Бога дѣля не лѣнитеся, молю вы ся, не забывайте 3 дѣлъ тѣхъ, не бо суть тяжка: ни одиночьство, ни черство, ни голодъ, яко иніи добріи терпять, но малымъ дѣломъ улучити милость Божью.——

Послушайте мене, аще не всего пріимете, то половину. Аще вы Богъ умягчитъ сердце и слезы своя испустите о грѣсѣхъ своихъ, рекуще: якожь блудницю и разбойника и мытаря помиловалъ еси, тако и насъ грѣшныхъ помилуй: и въ церкви то дѣйте, и ложася. Не грѣшите ни одину же ночь, аще можете, поклонитеся до земли, али вы ся начнеть не мочи а трижды, а того не забывайте, не лѣнитеся: тѣмъ бо ночнымъ поклономъ и пѣньемъ человѣкъ побѣждаетъ дьявола: а что въ день согрѣшитъ, а тѣмъ человѣкъ избываетъ. Аще и на кони ѣздяче, не будетъ ни съ кымъ орудья (*дѣла*), аще инѣхъ молитвъ не умѣете молвити, а Господи помилуй, зовѣте безпрестани въ тайнѣ, та бо есть молитва всѣхъ лѣпши (*лучше*), нежели мыслити безлѣпицю (т. е. *глупости*) ѣздя.

Всего же паче убогыхъ не забывайте, но елико могуще по силѣ кормите, *и придавайте сиротѣ, и вдовицю оправдите сами, а не вдавайте сильнымъ погубити человѣка. Ни права, ни крива* (*виноватаго*), *не убивайте*, ни *повелѣвайте убить его*: аще будетъ повиненъ смерьти, а душа не погубляете ни какоя же хрестьяны. Рѣчь молвяче, и лихо и добро, не клѣнитеся Богомъ, ни хреститеся, нѣту бо ти нужа никоея же: *аще ли вы будеть Крестъ цѣловати къ братьи или* къ кому, али управивше сердце свое, на немже можете устояти, *тоже цѣлуйте, и цѣловавше блюдите, да не преступни погубити души своее*. Епископы и попы, и игумены, съ любовью взимайте отъ нихъ благословенье; и не устраняйтеся отъ нихъ, и по силѣ любите и набдите, да пріимете отъ нихъ молитву отъ Бога. Паче всего гордости не имѣйте въ сердци и въ умѣ, но рцѣмъ: смертни есмы, день живи, а за утра въ гробъ: се все что ны (*самъ*) еси вдалъ, не наше, но твое: поручилъ ны еси на мало днiй: *и въ земли не хороните, то ны есть великъ грѣхъ*.

Старыя чти яко отца, а молодыя яко братью, въ дому своемъ не лѣнитеся,

но все видите: *не зрите на тивуна, ни на отрока*, да не посмѣются приходящіи къ вамъ, и дому вашему, ни обѣду вашему.

На войну вышедъ не лѣнитеся, не зрите на воеводы, ни питью, ни ѣденью не лагодите, ни спанью: *и сторожѣ сами наряживайте, и ночь отвсюда нарядивше около вои, то же лязите*: а рано встанете: а оружья не снимайте съ себе: въ борзѣ не разглядавше лѣнощами, внезапу бо человѣкъ погибаетъ. Лжѣ блюдися, и пьянства, въ томъ бо душа погыбаеть и тѣло. Куда же ходяще путемъ по своимъ землямъ, *не давайте пакости дѣяти отрокомъ, ни своимъ, ни чужимъ, ни въ селѣхъ, ни въ житѣхъ, да не кляти васъ начнутъ*. Кудаже пойдете, идѣже станете, напойте, накормите унеина: (*) *и болѣе же чтите гость, откуда же къ вамъ придетъ, или простъ или добръ* или солъ, аще не можете даромъ, брашномъ и питьемъ, *ти бо мимоходячи прославять человѣка по всѣмъ землямъ*, любо добрымъ, любо злымъ. Больнаго присѣтите: надъ мертвеця идете, яко вси мертвеци есмы: и человѣка не минѣте не привѣчавше, добро слово ему дадите: жену свою любите, но не дайте имъ надъ собою власти.

Се же вы (*вамъ*) конецъ всему, страхъ Божій имѣйте выше всего: аще забываете всего, а часто прочитайте, и мнѣ будетъ безъ сорома и вамъ будетъ добро.

Его же умѣючи, того не забывайте добраго, *а его же не умѣючи, а тому ся учите*: яко же отецъ мой дома сѣдя изумѣяше 5 языкъ: *въ томъ бо честь есть отъ инѣхъ земль*. Лѣность бо всему мати, еже умѣеть, то забудеть, а его же не умѣсть, а тому ся не учить: добрѣ же творяще, не мозите ся лѣнити ни на что же доброе: первое къ церькви, да не застанеть васъ солнце на постели. Тако бо отець мой дѣяше блаженный и вси добріи мужи свершеніи, за утренюю отдавше Богови хвалу, и потомъ солнцу всходящу, и узрѣвше солнце и прославити Бога съ радостью: и рече: просвѣти очи мои, Христе Боже, и далъ ми еси свѣтъ твой красный, и еще: Господи приложи ми лѣто къ лѣту, да прочѣ (*остальное*) грѣховъ своихъ покаявся, оправдивъ животъ тако похвалю Бога. И сѣдше думати съ дружиною, или люди оправливати, или на ловъ ѣхати или поѣздити, или лечи спати: спанье есть отъ Бога присуждено полудне, отъ чина бо почиваеть и звѣрь, и птици, и человѣци.

А се вы повѣдаю, дѣти моя, трудъ свой, еже ся есмь тружалъ пути дѣя и ловы 13 лѣтъ. Первое къ Ростову идохъ, сквозь Вятичѣ, посла мя отець, а самъ иде Курьску. И пакы 2-е къ Смоленьску, и т. д. (*слѣдуетъ перечень всѣхъ походовъ Мономаха*). А всѣхъ путій 80 и 3 великихъ, а прока не испомню менишхъ. И мировъ есмь створилъ съ половѣческыми князи безъ единаго 20, и при отци и кромѣ (*безъ*) отца.———А се тружахся, ловы дѣя:——— конь дикихъ своими рукама связавъ есмь въ пущахъ 10 и 20 живыхъ конь.———

Тура мя 2 метала на розехъ и съ конемъ, олень мя одинъ болъ, а 2 лоси, одинъ ногами топталъ а другый рогама болъ, вепрь ми на бедрѣ мечь отялъ, медвѣдь ми у колѣна подъклада укусилъ, лютый звѣрь скочилъ ко мнѣ на бедры, и конь со мною поверже: и Богъ невреженa мя соблюде, и съ коня много падахъ, голову си разбихъ дважды, и руцѣ и нозѣ свои вередихъ, въ уности своей вередихъ, не блюдя живота своего, ни щадя головы своея. Еже было творити отроку моему, то самъ есмь створилъ дѣла на войнѣ и на ловѣхъ, ночь и день, на зною и на зимѣ, не дая себѣ упокоя, на посадники не зря, самъ творилъ что было надобѣ, весь нарядъ и въ дому своемъ то я творилъ есмь и въ ловчихъ ловчій

(*) *Унеина*—по объясненію г. Буслаева, можетъ быть, *уне ина*, т. е. лучше накормити инаго, кого нибудь. Истор. христ., стр. 4759. Шевыревъ *унеина* переводитъ *холпина*, Ист. Р. Слов., т. II, стр. 195.

нарядъ самъ есмь держалъ, и въ конюсѣхъ, и о соколѣхъ и о ястрябѣхъ, *тоже и худаго смерда и убогыѣ вдовицѣ не далъ есмь сильнымъ обидѣти*, и церковнаго наряда и службы самъ есмь призиралъ. Да не зазрите ми, дѣти мои, ни инъ кто прочетъ: не хвалю бо ся ни дерзости своея, но хвалю Бога, и прославляю милость его, иже мя грѣшнаго и худаго селико лѣтъ соблюдъ отъ тѣхъ часъ смертныхъ, и не лѣнива мя былъ створилъ худаго на вся дѣла человѣческая потребна. Да сю грамотицю прочитаючи, потъснѣтеся на вся дѣла добрая, славяще Бога съ святыми его. Смерти бо ся, дѣти, не боячи, ни рати, ни отъ звѣри, но мужьское дѣло творите, како вы Богъ подасть, оже бо язъ (*азъ, я*) отъ рати и отъ звѣри и отъ воды, отъ коня спадаяся, то ни кто же васъ не можетъ вредитися и убити, понеже не будетъ отъ Бога повелѣно: а иже отъ Бога будетъ смерть, то ни отецъ, ни мати, ни братья не могутъ отъяти.

О многострастный и печальный азъ! много борешися сердцемъ, и одолѣвши душѣ сердцу моему, занѣ тлѣньнѣ сущи, помышляю, како стати предъ страшнымъ судьею, каянья и смѣренья (*смиренія, примиренія*) не пріимшимъ межю собою.

Молвить бо, иже Бога люблю, а брата своего не люблю, ложь есть, и пакы: аще не отпустите, прегрѣшеній брату, ни вамъ отпустить Отецъ вашъ небесный. Пророкъ глаголеть: не ревнуй лукавнующимъ, ни завиди творящимъ безаконье. *Что есть добро и красно, братья, вкупѣ*! (*) Но все дьяволе наученье! то бо были рати при умныхъ дѣтѣхъ нашихъ, при добрыхъ и при блаженыхъ отцихъ нашихъ; дьяволъ бо не хоче добра роду человѣческому, сваживаетъ (*ссоритъ*) ны. Да се ти написахъ, зане принуди мя сынъ твой, его же еси хрестилъ, иже то сѣдитъ близь тобе, прислалъ ко мнѣ мужь свой и грамоту, река: ладимъся и смѣримся а братцю моему судъ пришелъ; а вѣ ему не будевѣ мѣстника (*не будемъ отомстителемъ*), но възложивѣ на Бога; а станутъ си предъ Богомъ; а Русьскы земли не погубимъ. И азъ видѣхъ смѣренье сына своего, сжалихси и Бога устрашихся, рекохъ: онъ въ уности своей и въ безумьи сице смѣряеться, на Бога укладаеть; азъ человѣкъ грѣшенъ есмь паче всѣхъ человѣкъ. Послушахъ сына своего, написахъ ти грамоту: аще ю пріимиши съ добромъ, ли съ поруганьемъ, свое же узрю на твоемъ писаньи. Сими бо словесы варихъ (*предварилъ*) тя переди, его же почаяхъ отъ тебе смѣреньемъ и покаяньемъ, хотя отъ Бога ветхыхъ своихъ грѣховъ. Господь бо нашъ не человѣкъ есть, но Богъ всей вселенѣ, иже хощеть, въ мгновеньи ока вся створити хощеть, то самъ претерпѣ хуленье и оплеванье и ударенье, и на смерть вдася, животомъ владѣя и смертью; а мы что есмы человѣци грѣшніи? ли си день живи, а утро мертви, день въ славѣ и въ чти, а заутра въ гробѣ и безъ памяти, ини собранье наше раздѣлятъ. Зри, братъ, отца наю: что взяста, или чимъ има по ротѣ? но токмо оже еста створила души свои. Но да сими словесы, пославше бяше переди, братъ, ко мнѣ варити мене. Егда же убиша дѣтя мое и твое предъ тобою, и бяше тебѣ узрѣвше кровь его и тѣло увянувшю, яко цвѣту нову процвѣтшю, якоже агнцю заколену, и рещи бяше, стояще надъ нимъ, вникнуши помыслы души своей: увы мнѣ! что створихъ? и пождавъ его безумья, свѣта сего мечетнаго (*исполненнаго мечтаній, суетнаго*) кривости ради налѣзохъ грѣхъ собѣ, отцю и матери слезы; и рещи бяше Давыдскы: азъ знаю грѣхъ мой, предо мною есть воину (*выну, всегда*).——— А къ Богу бяше покаятися, а ко мнѣ бяше грамоту утѣшеную, а сноху мою послати ко мнѣ, зане нѣсть въ ней ни зла, ни добра, да быхъ обуимъ оплакалъ мужа ея и оны сватбы ею, въ

(*) Съ этихъ поръ начинается. «Посланіе Мономаха Олегу Святославичу.»

пѣсній мѣсто: не видѣхъ бо ею первѣе радости, ни вѣнчанья ею; за грѣхы своя: а Бога дѣля пусти ю ко мнѣ въборзѣ съ первымъ словомъ, да не съ нею кончавъ слезы посажю на мѣстѣ, и сядеть акы горлица на сусѣ древѣ, желѣючи, а язъ утѣшюся о Бозѣ.

(Полн. Собр. Лѣтописей, т. I, стр. 100—106).

2. Кириллъ Туровскій.

(ум. 1185 г.).

Слово въ новую недѣлю по пасцѣ, о Ѳоминѣ испытаніи ребръ Господень.

Велика учителя и мудра сказателя требуетъ церкви на украшеніе праздника. Мы же нищи есмы словомъ и мутни умомъ, не имуще огня Святаго Духа, наслажденіе душеполезныхъ словесъ; обаче любве ради сущихъ съ мною братій, мало нѣчто скажемъ о поновленіи Въскресенія Христова. Въ минувшую бо недѣлю Святия Пасхы удивленіе бѣ небеси и устрашеніе преисподнимъ, обновленіе твари и избавленіе міру, разрушеніе адово и попраніе смерти, въскресеніе мертвымъ и погубленіе прелестныя власти діаволя, спасеніе же человѣческому роду Христовымъ въскресеніемъ; обнищаніе ветхому закону и порабощеніе суботѣ, обогащеніе Христовѣ церкви и въцареніе недѣли. Въ минувшую недѣлю всему премѣненіе бысть: сътвори бо ся небомъ земля очищена Богомъ отъ бѣсовскихъ скверпъ, и Ангели съ женами работѣнно въскресенію служахаху. Обновися тварь, уже бо не нарекуются Богомъ стихіа, ни солнце, ни огнь, ни источници, ни древеса: отселѣ бо не пріемлеть требы адъ закалаемыхъ отци младенець ни смерть почьсти, преста бо идолослуженіе и погубися бѣсовское насиліе крестнымъ таиньствомъ, и не токмо спасеся человѣчь родъ, но и освятися Христовою вѣрою. Ветхій же законъ отнудь обнища, отвръженіемъ телчаа крови и козлихъ жъртвъ, единъ бо Христосъ собою самъ къ Отцу за всѣхъ жъртву принесе; тѣмъ и праздникъ суботѣ преста, а недѣли благодать дана бысть въскресенія ради, и царствуеть уже въ днехъ недѣля, яко въ ту въскресе Христосъ изъ мертвыхъ. Вѣнчаимъ Царицю днемъ, братіе, и дары честны съ вѣрою той принесемъ, дадимъ по силѣ якоже можемъ: овъ милостыню, безлобіе и любовь, другіи дѣвьство чисто и вѣру праву и смиреніе нелицемѣрно, инъ псаломское пѣніе, Апостольское ученіе и молитву съ въздыханіемъ предъ Богомъ; самъ бо Господь Моисіомъ глаголеть: не являйся предъ мною тъщь въ день праздника. Принесемъ ему прежереченныя добродѣтели, да въспріимемъ Божію милость, ибо не лишитъ добра приходящихъ съ вѣрою: славящаа бо мя, рече, прославлю. Похвалимъ красно новую недѣлю, въ нюже поновленіе Въскресенія празднуемъ, не бо есть таже Пасха днесь, нъ Антипасха нарицается: Пасха бо избавленіе міру есть отъ насиліа діаволя и свобожденіе мертвымъ отъ ада преисподняго: Антипасха же есть поновленіе Въскресенія, образъ имуще ветхаго закона, иже завѣща Богъ Моисіови въ Египтѣ, глаголя: се избавляю люди моя отъ работы Фараоня и свобождаю отъ мученіи приставникъ его, да поновляеши день спасенія твоего, воньже (*въ онъ же который*) спасеніе міру сдѣя, побѣдивъ начала и власти темныя: того ради и артусный хлѣбъ отъ Пасхы и донынѣ въ церкви священенъ бысть, и днесь на іерейскыхъ врьсѣхъ ломится за опрѣснокы, несеныя на главахъ Левитъ отъ Египта, по пустыни, дондеже и Чръмное море проидоша: и ту того хлѣба освятиша Богови, егоже вкушающе здрави бываху и врагомъ страшни. Они убо, избывше тѣлесныя работы, поновляху празднующе день опрѣсночный; мы же, Владыкою спасени отъ работы мысленаго Фараона діавола, поновляемъ побѣдный на врагы день, и сего священнаго нынѣ пріемающе хлѣба тако вкушаемъ, якоже и они хлѣба небеснаго и Ангельскаго брашна, и хранимъ его на всяку потребу благу, на здравіе тѣлесемъ и душамъ на спа-

сеніе и на прогнаніе всякого недуга. Днесь ветхаа конець пріашя, и се быша вся нова, видимаа же и невидимаа. Нынѣ небеса просвѣтишася, отъ темныхъ облакъ яко вретища съвлекъшися и свѣтлымъ въздухомъ славу Господню исповѣдаютъ; не сію, глаголю, видима, небеса, нъ разумнаа, Апостолы, иже днесь на Сіонѣ вшедша къ нимъ познавше Господа, и всю печаль забывше и скрьбь Іудейска страха отврьгше, Святымъ Духомъ осѣнившеся, Въскресеніе Христово ясно проповѣдають. Нынѣ солнце красуяся къ высотѣ въсходить и радуяся землю огрѣваеть, възиде бо намъ отъ гроба праведное солнце Христосъ и вся вѣрующая ему спасаеть. Ныня луна съ вышьняго сьступивъши степени, болшему свѣтилу честь подаваеть; уже ветхый законъ, по Писанію, съ суботами преста и Пророкы, Христову закону съ недѣлею честь подаеть. Ныня зима грѣховная покаяніемъ престала есть и ледъ невѣрія богоразуміемъ растаяся; зима убо язычьскаго кумирослуженія Апостольскымъ ученіемь и Христовою вѣрою престала есть, ледъ же Ѳомина невѣрія показаніемь Христовъ ребръ растаяся. Днесь весна красуеться, оживляющи земное естьство; бурніи вѣтри, тихо повѣвающе, плоды гобьзують и земля сѣмена питающе зеленую траву ражаеть. Весна убо красна вѣра есть Христова, яже крещеніемь поражаеть человѣчьство пакы естьство: бурніи же вѣтри грѣхотвореній помысли, иже покаяніемь претворшеся на добродѣтель душеполезныя плоды гобьзують: земля же естьства нашего, акы сѣмя Слово Божіе пріимши, и страхомъ его присно болящи, духъ спасенія ражаеть. Нынѣ новорожаеміи агньци и унци, быстро путь перуще, скачють, и скоро къ матеремъ възвращающеся веселяться, да и пастыри свиряюще веселіемь Христа хвалять. Агнеца, глаголю, кроткыя отъ языкъ люди, а унца кумирослужителя невѣрныхъ странъ, иже Христовомъ въчеловѣченіемъ и Апостольскымъ ученіемь и чюдесы, скоро по законѣ емъшеся, къ святѣй церкви възвратившеся, млеко ученія ссутъ (*сосутъ*), да и учители Христова стада о всѣхъ молящеся, Христа Бога славять, вся волкы и агньца въ едино стадо собравшаго. Ныня древа лѣторасли испущають и цвѣти благоуханія процвитають, и се уже огради сладъкую подавають воню, и дѣлатели съ надежею тружающеся плододавеца Христа призывають. Бѣхомъ бо преже акы древа дубравная, не имуще плода, ныня же присадися Христова вѣра въ нашемь невѣрьи, и уже держащеся корене Іосѣевѣ, яко цвѣты добродѣтели пущающе, райскаго пакыбытья о Христѣ ожидають; да и святители о церкви тружающеся отъ Христа мьзды ожидають. Ныня ратаи слова, словесныя уньца къ духовному ярму приводяще, и крестьное рало въ мысленыхъ браздахъ погружающе, и бразду покаанія почертающе, сѣмя духовное въсыпающе, надежами будущихъ благъ веселяться. Днесь ветхая конець пріяша, и се быша вся нова, въскресенія ради. Ныня рѣкы Апостольскыя наводняються, и язычныя рыбы плодъ пущають, и рыбари, глубину Божія въчеловѣченія испытавъше, полну церковьную мрежю (*сѣть*) ловитвы обрѣтають: рѣками бо, рече Пророкъ, расядеться земля, узрять и разболяться нечестивіи людіе. Ныня мнишьскаго образа трудолюбивая пчела, свою мудрость показающи, вся удивляеть; яко же бо они въ пустыняхъ самокърміемь живуще, Ангелы и человѣкы удивляють, и си на цвѣты излетающи, медвеныя сты створяеть да человѣкомъ сладость и церкви потребная подасть. Ныня вся доброгласныя птица церковьныхъ ликовъ гнѣздящеся веселяться: и птица бо, рече Пророкъ, обрѣте гнѣздо себе, олтаря твоя, и свою кажьдо поющи пѣснь, славить Бога гласы немолчьными. Днесь поновишася всѣхъ святыхъ чинове, нову жизнь о Христѣ пріемьше: Пророци, Патріарси трудившеися, въ райстѣй почивають жизни, и Апостоли съ святители пострадавъшеи, прославляються на небеси и

на земли, мученици и исповѣдници, за Христа претерпѣвъшеи страсть, съ Аггелы вѣньчаються; Цари и Князи благовѣрніи послушаніемь спасаються; дѣвственіи лици (*лики*) и иночьстіи състави, свой крестъ терпѣніемъ понесъше, первеньцю Христу отъ земля на небеса послѣдують; постьници пустыньници, отъ рукы Господня труда мьзду пріемъше, въ горнимъ градѣ съ святыми веселяться. Днесь новымъ людемъ Воскресенія Христова поновленія праздникъ, и вся новая Богови приносяться: отъ языкъ вѣра, отъ крестьянъ требы, отъ іерей святыя жертвы, отъ міродержитель боголюбныя милостыня, отъ вельможь церковьное попеченіе, отъ праведникъ съмѣреномудріе, отъ грѣшникъ истиньное покаяніе, отъ нечьстивыхъ обращеніе къ Богу, отъ ненавидящіихъся духовьная любы. Възидемъ ныня и мы, братіе, мысльно въ Сіоньскую горницю, яко тамо Апостоли събрашася, и самъ Господь Іисусъ Христосъ, затвореномъ двьремъ, посредѣ ихъ обрѣтеся и рекъ: миръ вамъ, испълни я радости; възрадовашабося, рече, ученицы видѣвъше Господа, и всю печаль тѣлесную и страхъ сердечный отринуша. Дасть бо ся душамъ ихъ духовьная дьрзость, познаніемъ своего Владыкы, яко обнажи предъ всѣми своя ребра и гвоздійныѣ язвы на руку и ногу показаеть Ѳомѣ; не бо бѣѲома съ ученикы въ пьрвый приходъ видѣлъ Господа, и слышавъ его въскрьсъша, но яко лъжю мня, не вѣроваше, нъ и самовидѣць хотя быти Христу, тако глаголааше: аще не вложю рукы моея въ ребра его и въ язву гвоздійную своего пьрста, не иму вѣры. Тѣмь и Господь, не понося ему, сице глаголаше: принеси руку твою и вижь прободеніе ребръ моихъ и вѣруй, яко самъ азъ есмь; мнѣ бо и преже тебе Патріарси и Пророци разумѣвъше, вѣроваша моему вѣчеловѣченію. Испытай пьрвое Исаино о мнѣ писаніе: копіемь бо рече, въ ребра прободень бысть, и изиде кръвь, и вода; въ ребра прободенъ быхъ, да ребрьмь падъша Адама въскресихъ. А тебе ли, невѣрующю ми, презрю? Осязай мя, яко самъ азъ есмь, его же преже осязавъ Сѵмеонъ и вѣрою, прошаше отпущенія съ миромь; и не буди невѣрьнъ, якоже Иродъ, иже слышавъ мое рожество, глаголаше волхомъ: гдѣ Христосъ ражаеться? да шедъ поклонюся ему, а въ сердци о убійствѣ моемь мысляше. Но аще и младьнцѣ зліи, нъ искомаго не обрѣте: възищють бо мене зліи, нъ не обрящють. Вѣруй ми, Ѳомо, и познай мя, якоже Аврамъ, къ нему же подъ сѣнь съ двѣма Ангелома придохъ, и тъ познавъ мя, Господа мя нарече; и о Содомѣ молящемися, да его не погублю, аще и до десяти было въ немь праведникъ. А не буди невѣрьнъ акы Валамъ, иже Духомь Святымь прорекъ мое за міръ умьртвіе и въскрьсеніе; инакымьзды ради прьльстивъся, погыбе. Вѣруй ми, Ѳомо, яко самъ азъ есмь, его же видѣ Іяковь въ нощи на лѣствици утвьржающася: тъже и пакы позна мя духомь, егда боряхъся съ нимь въ Месопотаміи, тъгда бо обѣщахъся ему вѣчеловѣчитися въ племени его И не буди невѣрьнь яко Навъходоносоръ, иже видѣвъ мя, въ пещи отрокы отъ огня спасъша, истиною Сына Божія нарече мя, и пакы къ своимъ прельстьмъ уклонивъся, погыбе. Вѣруй ми, Ѳомо, яко азъ есмь, егоже образъ видѣ Исаія на престолѣ высоцѣ, обьстоима множьствомъ Ангелъ; азъ есмь, явивыйся Езекилю посредѣ животьныхъ образомь человѣчьскомь, емуже и васъ прообразихъ колесы животьныхъ придержащимъся, въздвизающихъся со мною: тъ бо животьный духъ бѣ тогда въ колесѣхъ, егоже и ныня въ васъ дунухъ, Духъ Святый. Азъ есмь, егоже видѣ Даніилъ на облацѣхъ небесныхъ, подобіемь сына человѣка, съшьдъша до ветъхаго днемъ; и тъ написа данную ми отъ Бога Отца власть и царство на небеси на земли, нынѣшняго и будущаго бесконьчьнаго вѣка. Принеси, о близньче! *(о близнецъ!)* твой пьрстъ и вижь руцѣ мои, има же очи слѣпымъ отверзохъ и глухымъ слуха даровахъ и

нѣмыя доброглаголивы створихъ; вижь и нозѣ мои, има же и предъ вами по морю ходихъ, и по въздуху явьствьно ступахъ и въ преисподьняя въшьдъ, тѣма ада попрахъ, и съ Клеопою и Лукою до Еммауса шьствовахъ; и не буди невѣрьнъ, нъ вѣрьнъ. Отъвѣща Ѳома глаголя: вѣрую Господи, яко самъ ты еси Христосъ Богъ мой, о нем же писаша Пророци, дозряще духомь, егоже прообрази въ законѣ Моиси, его же отвьргошася сь жьрци Фарисеи, ему же поругашася завистію съ книжьникы Жидове, его же осуди съ Каіяфою на распятіе Пилатъ, его жъ Богъ Отець изъ мьртвыхъ въскреси. Вижю ребра, отъ нихъ же источи воду и кръвь; воду, да очистиши осквьрнивъшююся землю и кръвь же, да освятиши человѣчьское естьство. Вижю руцѣ твои, има же преже створи всю тварь и рай насади и человѣка созда, имаже благослови Патріархы, има же помаза Царѣ, има жъ освяти Апостолы. Вижю нозѣ твои, ею же прикоснувъшися блудница, грѣховъ отпустъ пріятъ; на нею же припадъши пьрвое вдовица, отъ мертвыхъ своего сына съ душею жива пріятъ; надъ сима ногама кръвоточивая подълцѣ ризы прикоснувъшися, исцѣлѣ отъ недуга; и азъ, Господи! вѣрую, яко ты еси Богъ. И рече къ нему Іисусъ: яко видѣвъ мя, вѣрова; блажени не видѣвъшеи, въ мя вѣровавшеи. Тѣмьже, братіе, вѣруимъ Христу Богу нашему, распьнъшемуся поклонимся воскрьшаaго прославимь, явившагося Апостоломъ вѣруимъ, и своя Ѳомѣ показавъшаaго ребра въспоимъ, пришьдъшаaго оживить насъ похвалимъ, и просвѣтившаaго ны исповѣдаимъ, и всѣхъ благъ подавъшаaго намъ обиліе възвеличимъ, отъ Троица познаимъ единого Господа Бога Спаса нашего Іисусъ Христа, ему же слава съ Отцемъ и съ Святымь Духомь, и нынѣ и присно.

3. Слово о полку Игоревѣ.

Не лѣпо ли ны бяшетъ, братіе, начати старыми словесы (1) трудныхъ повѣстій о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславлича? начати же ся тъй пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню? Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растекашется мыслію по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы.

Помняшеть бо речь първыхъ временъ усобицѣ: тогда пущашеть 10 соколовь на стадо лебедей, который дотечаше, та преди пѣсь пояше (2) старому Ярославу (3), храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пълки касожьскыми (4), красному Романови Святъславличю (5).

Боянъ же братіе, не 10 соколовь на стадо лебедей пущаше, нъ свои вѣщіа прьсты на живая струны въскладаше; они же сами князѣмъ славу рокотаху.

Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владимера (6) до нынѣшняго Игоря (7); иже истягну умь крѣпостію своею (8); и поостри сердца своего мужествомъ (9), наплънився ратнаго духа, наведе своя храбрыя плъкы на землю Половѣцькую за землю Руськую.

Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце, и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты, и рече Игорь къ дружинѣ своей:

«Братіе и дружино! луцежъ бы потя-

---

(1) *Старыми словесы* — словами стариннаго преданія, словами Бояна или какого другого народнаго пѣвца. (Примѣч. Буслаева, христом., стр. 598.)

(2) Вѣроятно испорчено; надо читать: *тъ*, т. е. *тотъ* преди *пѣснь* пояше, и т. д. (Бусл.)

(3) Ярославъ Святославичъ, братъ Олега Тмутараканскаго и Романа Святославича Краснаго. (Герб.)

(4) Мстиславъ, сынъ Владиміра св., князь тмутараканскій, умертвившій въ единоборствѣ татарскаго князя Редедю.

(5) Романъ Святославичъ, родной братъ Олега Тмутараканскаго. (Герб.)

(6) Владиміра св.

(7) Игорь Святославичъ, удѣльный князь Новгородъ-Сѣверскій, герой поэмы; внукъ Олега Тмутараканскаго.

(8) *Истягну умь (умъ) крѣпостію* — т. е. вошелъ въ совершенный смыслъ. (Бусл.)

(9) Укрѣпилъ сердце мужествомъ. (Бусл.)

ту быти (1), неже полонену быти: а всядемъ, братіе, на свои брзыя комони (2), да позримъ синего Дону.» «Хощу бо, рече, копіе приломити конець поля Половецкаго (3) съ вами Русици;

«Хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону!»

О бояне, соловію стараго времени! абы ты сіа плъкы ущекоталъ, скача славію по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы,

Сливая славы оба полы сего времени (4), рища въ тропу Трояню (5) чрезъ поля на горы.

Пѣти было пѣсь Игореви, того Олга внуку. Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая:

Галици стады бѣжать къ Дону великому; чили въспѣти было, вѣщей Бояне, Велесовь внуче (6):

Комони ржуть за Сулою, звенить слава въ Кыевѣ; трубы трубять въ Новѣградѣ (7); стоять стязи въ Путивлѣ:

Игорь ждетъ мила брата Всеволода. И рече ему буй туръ Всеволодъ (8):

«Одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый ты Игорю! оба есвѣ Святъславлича!

«Сѣдлай, брате, свои бръзыи комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска на переди.

«А мои ти Куряни (9) свѣдоми къметы (10), подъ трубами повити, подъ шеломы възлелѣяны, конець копія въскръмлени;

«Пути имь вѣдоми, *яругы* имъ знаеми, луци у нихъ напряжени, *тули* отворени, сабли изъострени;

«Сами скачють, акы сѣрыи влъци, въ полѣ, ищучи себѣ чти (1), а князю славѣ.»

Тогда въступи Игорь князь въ златъ стремень, и поѣха по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заступаше;

Нощь стонущи ему грозою птичь (2) убуди, свистъ звѣринъ въ стазби (3); дивъ (4) кличетъ врьху древа:

Велитъ послушати земли незнаемѣ— Влъзѣ; и поморію, и по Сулію, и Сурожу (5), и Корсуню, и тебѣ, Тьмутораканьскый блъванъ (6).

А Половци неготовами дорогами побѣгоша къ Дону великому; кричатъ тѣлѣгы полунощы, рци лебеди роспущени (7).

Игорь къ Дону вои ведетъ; уже бо бѣды его пасетъ птиць (8);

Подобію (9) влъцы грозу въсрожатъ (10) по *яругамъ*; орли клетомъ на кости звѣри зовутъ;

Лисици брешутъ на чрълены щиты, О Русская земле! уже за Шеломянемъ еси!

---

(1) ***Потяту***—отъ *потяти*—быть убиту. (Б.)

(2) Комони—кони. (Б)

(3) О самый конецъ поля, т. е. въ самыхъ дальнихъ предѣлахъ земли половецкой. (Бусл.)

(4) Соединяя обѣ половины (*оба полы*) славы сего времени (т. е. прошедшее или настоящее и будущее?) А можетъ быть *славы* испорчено вм. *славію* (о соловей—зват. пад.) (Б.)

(5) Троянъ—лице миѳическое, см. далѣе текстъ

(6) Пѣвецъ называется внукомъ Волоса, старинаго божества славянъ.

(7) Въ Новгородѣ сѣверскомъ.

(8) ***Буй туръ***—ярый, дикій волъ (Б.) Всеволодъ Святославичъ курскій и трубчевскій былъ меньшой братъ Игоря сѣверскаго. (Герб.)

(9) ***Куряне***—жители Курска, вообще переяславцы. (Б)

(10) ***Кмети***—наѣздники, воины служители. (Б.)

(1) ***Чти***—*чести* (Б.)

(2) Вм. *птицъ*—*ч* вм. *ц*— по мѣстному говору (Б).

(3) Или въ *стезѣ*, т. е. на тропѣ, на дорогѣ, или—въ *стадбѣ* т. е. на *пастбищѣ* (отъ *стадо*.) (Б.)

(4) ***Дивъ*** значитъ: 1) диво, чудище, 2) птицу зловѣщую (*удода*.) (Бусл.)

(5) Сурожу—Азовскому морю. (Б)

(6) Т. е. тмутараканскій идолъ, вмѣсто—*Тмутаракань*. (Б.)

(7) *Полунощы*, т. е. въ *полуночи*; ***рци***—повел. накл. глагола *рску*, значитъ: ***словно точно***.

(8) Или: *уже бѣда* (бѣды—ошибка) *его пасетъ*, т. е. ***кормить птицъ***; или уже ***птиць*** (муж. р. вм. ***птица***?) ***пасетъ***, т. е. стережетъ его бѣды, ждетъ поживы отъ его бѣды. (Б)

(9) Подобно.

(10) ***Въсрожатъ***—можетъ быть отъ глагола *срожати*—польское srożyc—дѣлать суровыми,

Длъго ночь мркнетъ, заря свѣтъ (1) запала, мъгла поля покрыла, щекотъ славій успе, говоръ галичь убуди.

Русичи великая поля чрьлеными щиты прегородиша, ищучи себѣ чти, а князю славы.

Съ заранія въ пяткъ потопташа поганыя плъкы половецкыя; и рассушясь (2) стрѣлами по полю, помчаша красныя дѣвкы половецкыя, а съ ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты (3). Орьтъмами и япончицами и кожухы начашя мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ. И всякыми узорочьи половецкыми. Чрьленъ стягъ, бѣла хорюговь, чрьлена чолка, сребрено стружіе — храброму Святьславличю.

Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо... Далече залетѣло... Не было нъ (4) обидѣ порождено — ни соколу, ни кречету, ни тебѣ чръный воронъ, поганый половчине. Гзакъ бѣжить сѣрымъ волкомъ; Кончакъ ему слѣдъ править къ Дону великому (5).

Другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдають; чръныя тучи съ моря идуть, хотятъ прикрыти 4 солнца (6); а въ нихъ трепещуть синіи млъніи: быти грому великому, итти дождю стрѣлами съ Дону великаго: ту ся копіемъ приламати, ту ся саблямъ потручати о шеломы Половецкыя, на рѣцѣ на каялѣ, у Дону великаго.

О, Русская землѣ! Уже не Шеломянемъ еси (1). Се вѣтри, Стрибожи внуци (2), вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрыя плъкы Игоревы! земля тутнетъ, рѣкы мутно текутъ; пороси поля прикрываютъ (3); стязи глаголютъ; Половци идутъ отъ Дона, и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ. Рускыя плъкы отступиша. Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша, а храбріи Русицы преградиша чрълеными щиты.

Ярь туре Всеволодѣ! стоиши на борони, прыщеши на вои стрѣлами, гремлеши о шеломы мечи харалужными (4). Камо Туръ поскочаше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая, тамо лежатъ поганыи головы Половецкыя; раскепаны саблями калеными шеломы оварскыя (5) отъ тебе Ярь Туре Всеволоде!

Кая раны дорога, братіе (6), забывъ чти и живота, и града Чернигова, отня злата стола, и свои милыя хоти красныя Глѣбовныя свычая и обычая? (7)

Были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля; были плъци Олговы. Ольга Святъславличя (8). Тъй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше, и стрѣлы по земли сѣяше.

жестокими; *въсрожать — усиливаютъ грозу*. (Б.)

(1) Заря-свѣтъ—какъ путь-дорога, родъ-племя и т. п.

(2) Отъ рассоутися—разсоваться у Малороссовъ до сихъ поръ говорится — *рассулися стрѣлками по полю*) (Б.)

(3) *Оксамиты*—бархаты.

(4) Испорчено; читай: *не было на*.. (т. е. не было оно порождено па обиду ни для сокола: и т. д.) (Б.)

(5) Гзакъ и Кончакъ—ханы половецкіе. (Б.)

(6) 4 солнца, т. е. *гнѣздо Олегово*: самъ Игорь, братъ его Всеволодъ, сынъ Игоря Владиміръ Путивльскій и племянникъ Святославъ Олеговичъ Рыльскій (Б.)

---

(1) *Не шеломянемъ—вм. за шеломянемъ*—за курганомъ.

(2) Стрибогъ—богъ вѣтра, или погоды (Мей).

(3) *Пороси*, вм. *праси*—отъ *прахъ* (прахи). Сравни съ *пороша*—не только снѣжная, но и всякая мелкая пыль (Бусл.); *пороси* употребляется донынѣ въ южныхъ губерніяхъ и означаетъ туманы, поднимающіеся по утру изъ росы. Производство его ясно: *по рось* (Мей.)

(4) Булатными. (*Харалужными* — вѣроятно восточнаго происхожденія.)

(5) Между Грузіею и Черкесіею до сихъ поръ живетъ народъ аварскій. Авары: вѣроятно несторовы *Обре* (Б.)

(6) Испорчено; читай: *кая рана дороги* или *кыя раны дорогы*—т. е. какая рана ему дорога, или какія раны ему дороги.

(7) Хоти Глѣбовны, т. е жены (своей) Глѣбовны (Ольги, дочери Глѣба Юрьевича Кіевскаго). «*Свычая и обычая*»—поговорка, какъ «*совѣтъ и любовь*» (Б.) *Хоть* можно произвести отъ *хотѣть, желать*; потому *хоть* всего ближе переводится словомъ *желанная* (Мей.)

(8) Олегъ Святославичъ, или, какъ далѣе онъ называется—Гореславичъ—дѣдъ Игоря, главный виновникъ междоусобій своего времени (Б.)

Ступаетъ въ златъ стремень въ градѣ Тьмутороканѣ. Тоже звонъ (1) слыша давный великый Ярославь; а сынъ Всеволожь Владиміръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ (2),

Бориса же Вячеславлича (3) слава на судъ приведе (4), и на копину зелену паполому постла, за обиду Олгову, храбра и млада князя.

Съ тояже Каялы Святоплъкъ повелѣя отца своего междю Угорьскими иноходьцы ко Святѣй Софія къ Кіеву (5)

Тогда при Олзѣ Гориславличи сѣяшется и растяшеть усобицами; погибашеть жизнь Даждь-Божа внука, въ княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомь скратишась (6). Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть: нъ часто врани граяхуть, трупіа себѣ дѣляче; а галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уѣдіе (7).

То было въ ты рати, и въ ты плъкы; а сице и рати не слышано:

(1) *То же*—вм. *той же*; *тотъ же*, *звонъ*, т. е. вообще *шумъ* (Б.)

(2) Всеволодъ, сынъ Ярослава 1; Владиміръ, т. е. Мономахъ; затыкалъ уши, чтобы не слышать воинскаго грома, т. е. любилъ миръ; или можетъ быть: закладывалъ *ухо* у воротъ, т. е. запиралъ ворота. (?) (Б.)

(3) Борисъ, сынъ Вячеслава Смоленскаго, принявшій сторону Олега противъ Всеволода Ярославича, и убитый въ битвѣ при Нѣжатинѣ Нивѣ (1054.)

(4) На судъ, т. е. Божій. Судомъ Божіимъ въ лѣтописяхъ называется смерть (Б.)

(5) Святополкъ, сынъ Вел. Кн. Изяслава Ярославича, убитаго также на нѣжатиной нивѣ (Г.) угорьскими—т. е. венгерскими, т. е. на венгерскихъ коняхъ (Г.)

(6) Въ приписке на концѣ пергаменной рукописи Апостола 1307 г. мы читаемъ: сего же лѣта бысть бой на русской земли. Михаилъ съ Юрьемъ о княженьи Новгородскомъ (т. е. Михаилъ Тверской съ Георгіемъ Даниловичемъ Московскимъ) *при сихъ князехъ сѣяшеться и ростяше усобицами. Гыняше* (т. е. гибла) *жизнь наша въ князѣхъ которы* (т. е. нашихъ князей междоусобіями) *и вѣцы скоротишася человѣкомъ*—очевидное заимствованіе изъ «слова о полку Игоревѣ.» Прим. О. Мил.

Дажь Богъ—Божество солнца. *Жизнь Дажь Бога внука*, т. е. жизнь Русскихъ. (Б.)

(7) *уѣдіе*—на ѣду, на пиръ.

Съ зараніа до вечера съ вечера до свѣта летятъ стрѣлы каленыя, гримлютъ сабли о шеломы, трещатъ копіа харалужныя въ полѣ незнаемѣ среди земли Половецкыи.

Чрьна земля подъ копыты костьми была посѣяна, а кровію польяна (1); тугою взыдоша (2) по Руской земли.

Что ми шумить, что ми звенить далечя (3) рано предъ зарями? Игорь плъкы заворочаетъ: жаль бо ему мила брата Всеволода.

Бишася день, бишася другый: третьяго дни къ полудню падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы (4). Ту кроваваго вина не доста; ту пиръ докончаша храбріи Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую (5).

Ничить трава жалощами (6), а древо стугою къ земли преклонилось.

Уже бо, братіе, не веселая година (7) въстала, уже пустыни (8) силу прикрыла. Въстала обида въ силахъ Дажь-Божа внука (9). Вступилъ дѣвою на

(1) Въ малороссійской народной поэзіи: чорна роля (пашня) заорана и кулями (пулями) засѣяна, бѣлымъ тѣломъ зволочена и кровью сполощена.»—Уже почавъ вонъ (*онъ*) землю коньскими копытами орати, кровью молдавскою поливати.» (Б)

(2) Тугою—горемъ, печалью взошли онѣ, т. е. посѣянныя кости.

(3) Буслаевъ читаетъ *давеча*—недавно.

(4) Нынѣшній Кагальникъ, впадающій въ Донъ. (Г.)

(5) Въ малороссійской поэзіи: «иду я туды, де роблять (гдѣ дѣлаютъ) на диво червоное пиво зъ крови супостатъ. Хиба жь (или же) ты задумавъ тѣмъ пивомъ упиться? — Якъ пиръ той минется—вернусь я назадъ. — А ще, якъ наше козачество мовъ (словно) у пеклѣ (въ аду) Ляхи спалять, да зъ нашихъ казацькихъ костей пиръ собѣ на похмѣлье зварять.» (Б.)

(6) Никнетъ отъ жалости.

(7) Невеселый часъ.

(8) Мѣсти. падежъ—въ *пустынѣ*.

(9) Олицетвореніе обиды въ образѣ миѳическсой дѣвы съ лебедиными крыльями (сравни съ скандинавскими *валькиріями*, воинственными дѣвами въ лебединыхъ сорочкахъ). (Б.) ***Вступилъ***—описка вм. *вступила жирня*—богатыя обильныя (т. е. времена; не богатыя ли горемъ?)

землю Трояню, въсплескала лебедиными крылы на синѣмъ море у Дону плещучи: убуди жирня времена.

Усобица князем на поганыя погыбе ([1]), рекоста бо братъ брату: се мое, а то моеже; и начяша князи про малое—се великое—млъвити, а сами на себѣ крамолу ковати: а поганіи съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю Рускую.

О далече зайде соколъ, птиць бья къ морю: а Игорева храбраго плъку не крѣсити. За нимъ кликну Карна и Жля ([2]), поскочи по Русской земли, смагу мычючи въ пламянѣ розѣ ([3]).

Жены Рускія въсплакашась, аркучи ([4]): «уже намъ своихъ милыхъ ладъ ([5]) ни мыслію смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати.»

А въстона бо, братіе, Кіевъ тугою, а Черниговъ напастьми; тоска разліяся по Руской земли; печаль жирна тече средь земли Рускы.

А князи сами на себе крамолу коваху; а поганіи сами побѣдами нарищуще на Рускую землю, емляху дань по бѣлѣ отъ двора. Тіи бо два храбрая Святъславлича, Игорь и Всеволодъ, уже лжу убуди ([6]), которую то бяше успилъ отецъ ихъ Святъславъ грозный великый Кіевскый ([7]). Грозою бяшеть; притрепеталъ своими сильными плъкы и харалужными мечи; наступи на землю Половецкую, притопта хлъми и яругы, взмути рѣки и озеры, иссуши потоки и болота, а поганаго Кобяка изъ луку моря ([1]) отъ желѣзныхъ, великихъ пълковъ половецкихъ, яко вихрь, выторже: и падеся Кобякъ въ градѣ Кіевѣ, въ гридницѣ Святъславли ([2]).

Ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поютъ славу Святъславлю, каютъ Князя Игоря, иже погрузи жиръ ([3]) во днѣ Каялы рѣкы Половецкія, Рускаго злата насыпаша. Ту Игорь Князь высѣдѣ изъ сѣдла злата, а въ сѣдло Кощіево ([4]).

Уныша бо градомъ забралы, а веселіе пониче.

(Далѣе мы приводимъ только современный переводъ).

Святославу снился смутный сонъ:
«Будто я въ горахъ подъ Кіевомъ»,
Говоритъ онъ: «будто въ эту ночь
Одѣвали меня съ вечера
На кровати на тесовой черной ризою;
Подносили зелено вино,
А вино-то съ зельемъ смѣшано....
Будто тощими колчанами
Мнѣ на грудь изъ грязныхъ раковинъ
Крупный жемчугъ сыпали.... и нѣжили....
Будто доски всѣ безъ матицы
Въ златоверхомъ моемъ теремѣ....
А бояре говорятъ ему:
«Князь! печаль заполонила умъ,
Отъ того, что оба сокола
Отлетѣли съ золота престола отчаго
Поискать Тмутаракань вдвоемъ,
Аль испить шеломомъ изъ Дону,
И что тѣмъ-ли сизымъ соколамъ

([1]) Погибла, т. е. прекратилась война съ погаными (т. е. съ врагами внѣшними, потому что князья стали воевать другъ съ другомъ.)

([2]) Ханы половецкіе.

([3]) Съ Хакомъ Кончакомъ былъ Бесерменинъ, стрѣлявшій живымъ огнемъ. Вотъ и объясненіе *пламеннаго рога*. (Мей) (?)

([4]) *Ркучи*, *рекучи*—говоря.

([5]) Ладо—мужъ, какъ *хоти*—жена; оба слова, вѣроятно, изъ разговорнаго языка. (Б.)

([6]) *Лжу*—не въ смыслѣ ли *кривды*, какъ всякой неправоты, какъ безнравственности? Въ этомъ смыслѣ и *вражда* есть *ложь*.

([7]) Святославъ Всеволодовичъ, В. К. Кіевскій, сынъ Всеволода Ольговича.

([1]) Лукоморье—морской *излучистый* берегъ, имѣющій видъ лука или дуги. Одна изъ ордъ половецкихъ, обитавшая близь лукоморія, называлась *лукоморскою*. (Г.)

([2]) Кобякъ, ханъ половецкій, взятый въ плѣнъ Святосаавомъ за годъ до похода Игоря (Г.)

([3]) Жиръ—богатство, силу.

([4]) *Кощеями* назывались плѣнники, невольники половецкіе, печенежскіе, хозарскіе, литовскіе и др., что свидѣтельствуется лѣтописями (Г.) Кащей—значитъ отрокъ княжеской дружины. (Мей.)

Обрубили крылья Половцы
И въ желѣза ихъ опутали.
(Наступила тьма на третій день:
Оба солнушка померкнули
И погасли два столпа багряные,
Съ ними оба молодые мѣсяца,
Святославъ съ Олегомъ, тьмой покрылися),
На Каялъ-рѣкѣ затмился свѣтъ;
По Руси метнулись Половцы,
Словно барсовъ лютый выводокъ,
Потопили Русь въ синемъ морѣ
И придали хану буйство превеликое.
На хвалу хула поднялася,
А нужда на волю вольную,
И повергнулся *дивъ* на землю,
Вотъ и готскія красныя дѣвицы
Запѣваютъ на берегѣ, у моря:
Русскимъ золотомъ звенятъ онѣ
И поютъ про время бусово,
Шараканью месть лелѣючи,
А ужъ намъ, твоей дружинѣ, нѣтъ веселія!»
Втапоры Святославъ великій князь
Золотое слово выронилъ:
Со слезами его слово было смѣшано.
И сказалъ онъ: «Охъ, племянники —
Игорь съ Всеволодомъ! Не въ пору вы
Стали землю половецкую
Сокрушать мечами, славы ищучи:
Одолѣли вы нечестіемъ
И нечестіемъ поганую кровь пролили.
Ваше сердце, въ буйствѣ закаленное,
Сталью крѣпкою заковано....
Посмѣялись вы надъ сѣдиной моей!
Я не вижу власти сильнаго,
Много-воевъ Ярослава, брата милаго,
Со черниговскими былями,
(Со *Могутами*, съ *Татранами*, съ *Шельбирами*.
Со *Топчаками*, съ *Ревугами*, съ *Ольберами*)
Безъ щитовъ, съ однимъ лишь засапожникомъ,
Разгоняютъ они громкимъ крикомъ вороговъ,
Возвѣщая славу прадѣдовъ.
Но вы молвили: — мы сами помужаемся,
Сами славой прошлой раздобудемся,
Сами славой будущей подѣлимся! —
Развѣ диво, братцы, старику помолодѣть?
Коли соколъ поднимается,
Отбиваетъ онъ съ полету птицъ
И не дастъ въ обиду своего гнѣзда.
Да бѣда: князья не въ помочь мнѣ!
Подошла година смутная....
Вонъ Ромны кричатъ подъ саблей половецкою,
А Владиміръ князь подъ ранами;
Сыну глѣбову—печаль-тоска!»

(Перев. Мея стр. 17—22.)

Великій князь Всеволодъ храбрый!
Зачѣмъ ты не здѣсь? Отчего
Не мчишься грозой на защиту
Престола отца своего?
Ты можешь могучую Волгу
Разбрызгать по злакамъ полей,
И вычерпать Донъ необъятный
Шеломами рати своей.
Когда бъ ты былъ здѣсь—по ногатѣ
Скупать бы мы плѣнныхъ могли,
Платили бъ по мелкой резани
За дѣвъ половецкой земли.
Отважные глѣбовы дѣти
Живое оружье въ рукахъ:
Ты можешь послать на Половцевъ
Ихъ, славныхъ въ кровавыхъ бояхъ.
Ты, Рюрикъ, отважный и буйный!
И ты, князь Давыдъ молодой!
Не ваши ли шлемы стальные
Забрызганы кровью чужой?
Не ваши ль дружины рыкаютъ
Среди незнакомыхъ полей,
Подобно израненнымъ турамъ
Концами калёныхъ мечей?
Скорѣй въ стремена золотыя
Вступайте—и вихремъ за Донъ!...
За русскую землю, за раны,
За игоревъ тяжкій полонъ!
А ты Ярославъ знаменитый,
Князь галицкій-славный умомъ!
Высоко сидишь на престолѣ
Престолѣ своемъ золотомъ:
Карпатскія горы могучей
Дружиной своей оградилъ;
Кидая бойницы за тучи,
Ты путь королю заступилъ;
Замкнулъ, затворилъ воротами

Дуная широкую пасть,
И, правя суды до Дуная,
Далеко простеръ свою власть.
Молва о дѣлахъ твоихъ славныхъ
Гремитъ по далекимъ землямъ,
И къ Кіеву путь пролагаетъ,
Къ его золотымъ воротамъ.
Высоко сидя на отцовскомъ
Золоченомъ-пышно столѣ,
Стрѣляешь могучихъ салтановъ
За моремъ, въ далекой землѣ.
Направь свои стрѣлы въ Кончака!
Пусть мщенье извѣдаетъ онъ—
За Русскую землю, за раны,
За игоревъ тяжкій полонъ!
И вы, храбрецы удалые,
Романъ и Мстиславъ молодой!
Мечтая о подвигахъ ратныхъ,
Вы смѣло кидаетесь въ бой;
Однажды рѣшившись, отважно
Стремитесь вы къ цѣли своей,
Какъ соколъ, ширяющій въ небѣ,
Чтобъ жертву настигнуть вѣрнѣй;
Затѣмъ, что латинскіе шлемы
И латы на вашихъ плечахъ:
Ужъ многія ханскія земли
Предъ ними распалися въ прахъ.
Ятвяги, Литва, Деремела
И орды степныхъ дикарей
Повергли оружье, склонились
Подъ гнетомъ булатныхъ мечей.
Князья! ужъ померкъ невозвратно
Для Игоря солнечный свѣтъ,
И листья опали съ деревьевъ,
Какъ-будто въ предвѣстіе бѣдъ:
Уже города подѣлили
По Роси-рѣкѣ и Сулѣ;
А Игоря храброй дружинѣ
Спать сномъ непробуднымъ въ землѣ.
Князья, свѣтлый Донъ на побѣду
Зоветъ васъ, вздымая волну!
Отважныя ольговы дѣти
Готовы идти на войну.
О Ингварь и Всеволодъ буйный!
И вмѣстѣ три брата лихихъ
Мстиславича,—вы шестокрыльцы
Гнѣзда славныхъ предковъ своихъ!
Вы ваши удѣлы добыли
Не жребіемъ сѣчь роковыхъ:
Къ чему же вамъ польскіе шлемы
Съ мечами и копьями ихъ?
Князья, положите преграду
Набѣгамъ сосѣднихъ племенъ—
За русскую землю, за раны,
За игоревъ тяжкій полонъ!

(Перев. Гербеля 91—97)

Не течетъ Сула струею серебристою
Къ Переяславлю ко городу,
И Двина болотомъ подъ невѣрный крикъ
Къ Полочанамъ грознымъ катится.
Только ты лишь, Изяславъ, Васильковъ сынъ,
Позвонилъ мечами острыми
О шеломы о литовскіе.
Затуманилъ славу дѣдову, Всеславову,
Самъ-же саблями литовскими,
На травѣ на окровавленной,
Подъ щитами затуманился....
Славу взялъ съ собой на ложе онъ, промолвивши:
«Князь! твою дружину храбрую
Пріодѣли птицы крыльями,
Полизали у ней звѣри кровь.»
Не случилося тутъ братьевъ изяславовыхъ—
Брячислава не случилося со Всевлодомъ:
Онъ одинъ изъ тѣла храбраго
Душу выронилъ жемчужную
Сквозь златое ожереліе.
Голоса уныли; смолкнуло веселіе;
Трубы трубятъ городенскія.
Ярославъ и внучата всеславовы!
Понижайте знамена свои
И вложите ржавый мечъ въ ножны:
Не добыть вамъ славы дѣдовой.
Вы-то первые и начали крамолами
Наводить враговъ на землю русскую
И на жизнь-ли на всеславову:
А до той поры отъ Половцевъ
Не видать было насилія.
На седьмомъ вѣку трояновомъ,
Кинулъ жребій Всеславъ о милой дѣвицѣ....
Опираяся ходулями,
Изъ окна скокнулъ онъ къ Кіеву,
И коснулся онъ древкомъ копья
Золота престола княжаго;
А оттуда лютымъ звѣремъ во полуночи
Убѣжалъ изъ Бѣлагорода,

Обернувшись мглою синею,
А по утру ужь таранами
Отворялъ ворота въ Новѣгородѣ,
Расшибая славу ярославову.
А съ Немиги до Дудутокъ проскакалъ,
какъ волкъ.
На Немигѣ-то снопами стелютъ головы,
Бьютъ цѣпами ихъ булатными,
На сыромъ току животъ кладутъ,
Вывѣваютъ душу изъ тѣла.
Берега Немиги окровавились:
Не добромъ они засѣяны,
А засѣяны костями были русскими.
Князь Всеславъ людей судилъ-рядилъ:
Вѣдалъ онъ удѣлы княжіе,
И самъ волкомъ рыскалъ пóночи изъ Кіева
И до самыхъ куреней Тмутараканскіихъ,
Хорсу путь перебѣгаючи.
У святой Софіи въ Полоцкѣ
Чуть ударили къ заутренѣ,
Онъ и въ Кіевѣ услышалъ звонъ.
Да въ иномъ душа и вѣщая,
А отъ бѣдъ страдаетъ пóчасту,
Для того впервóй пѣвецъ Боянъ
И сложилъ припѣвку мудрую:
«Суда Божья ни гораздому, ни хитрому,
Ни гораздой птицѣ миновать нельзя!»
О, стонать тебѣ, святая Русь,
Время прежнее поминаючи,
Поминаючи удалыхъ князей!
Да нельзя вѣдь было стараго Владиміра
Пригвоздить къ вершинамъ кіевскимъ!
(Перев. Мея. стр. 24—27·)

То не кукушка въ рощѣ тёмной
Кукуетъ рано по зарѣ;
Въ Путивлѣ плачетъ Ярославна
Одна на городской стѣнѣ:
«Я покину боръ сосновый,
Вдоль Дуная полечу,
И въ Каялъ-рѣкѣ бобровый
Я рукавъ мой обмочу;
Я домчусь къ родному стану,
Гдѣ кипѣлъ кровавый бой;
Князю я обмою рану
На груди его младой.»
Въ Путивлѣ плачетъ Ярославна
Зарёй на городской стѣнѣ:
«Вѣтеръ, вѣтеръ, о могучій,
Буйный вѣтеръ! что шумишь?
Что ты въ небѣ чёрны тучи
И вздымаешь, и клубишь?
Что ты легкими крылами
Возмутилъ потокъ рѣки,
Вѣя ханскими крылами
На родимые полки.»
«Въ облакахъ ли тѣсно вѣять
Съ горъ крутыхъ чужой земли?
Если хочешь ты лелѣять
Въ синемъ морѣ корабли:
Что же страхомъ ты усѣялъ
Нашу долю? Для чего
По ковыль-травѣ разсѣялъ
Радость сердца моего?
Въ Путивлѣ плачетъ Ярославна
Зарей на городской стѣнѣ;
«Днѣпръ мой славный! ты волнами
Скалы Половцевъ пробилъ;
Святославъ съ богатырями
По тебѣ свой бѣгъ стремилъ:
Не волнуй же, Днѣпръ широкій,
Быстрый токъ студеныхъ водъ,
Ими князь мой черноокій
Въ Русь святую поплыветъ,»
«О рѣка! отдай мнѣ друга;
На волнахъ его лелѣй,
Чтобы грустная подруга
Обняла его скорѣй;
Чтобъ яболѣ не видала
Вѣщихъ ужасовъ во снѣ;
Чтобъ я слезъ къ нему не слала
Синимъ моремъ на зарѣ.»
Въ Путивлѣ плачетъ Ярославна
Зарей на городской стѣнѣ:
«Солнце, солнце, ты сіяешь
Всѣмъ прекрасно и свѣтло!
Въ знойномъ полѣ что сжигаешь
Войско друга моего?
Жажда луки съ тетивами
Изсушила въ ихъ рукахъ,
И печаль колчанъ съ стрѣлами
Заложила на плечахъ.»
И тихо въ теремъ Ярославна
Уходитъ съ городской стѣны.
(Перев. Козлова, полн. собр. стихотв., ч. II,
стр. 31—34.)

Прыщетъ море со полуночи
Идутъ тучи мглою черною;
Князю Игорю Богъ кажетъ путь

Изъ земли изъ половецкой въ землю русскую
Къ золоту престолу отчему.—
Погасаютъ зори красныя вечернія;
Игорь спитъ—не спитъ, а мыслію
Измѣряетъ море отъ Дону великаго
И до малаго Донца рѣки.
Конь осѣдланъ cо полуночи;
За рѣкою засвисталъ Овлуръ,
Разумѣть велитъ: не мѣшкать князю Игорю!
Загудѣла, заходила-ходенемъ земля;
Зашумѣла зелена трава;
Снялись съ мѣста ставки половецкія....
А князь Игорь горностаемъ приюркнулъ въ тростникъ,
Канулъ въ воду бѣлымъ гоголемъ,
И взмахнулся на добра коня;
Соскочивъ съ него какъ сѣрый волкъ,
Проскакавши по лугамъ Донца,
Полетѣлъ въ туманѣ соколомъ,
Лебедей съ гусями избиваючи
На обѣдъ, на полдникъ и на вечерю.
Коли Игорь соколомъ летѣлъ,
Такъ Овлуръ за нимъ, какъ волкъ, бѣжалъ,
Студеную росу отряхаючи....
А лихихъ коней ужъ загнали....
Говоритъ Донецъ:—«Охъ, Игорь князь!
Много, князь, тебѣ величія,
А Кончаку недолюбія,
А землѣ русской веселія!»
Игорь молвитъ:—«Охъ, Донецъ-рѣка
И тебѣ не мало вѣдь величія:
Ты волнами князя убаюкивалъ,
Сглалъ ему траву зеленую
По серебряному берегу,
И подъ тѣнью дерева зеленаго
Одѣвалъ его мглами теплыми;
На водѣ стерегъ его—гоголемъ,
На струяхъ стерегъ его—чайками,
На вѣтрѣ стерегъ его—чернедьми,
А Стугна-рѣка не таковская
И бѣжитъ струей не доброю,
Не свои ручьи пожираючи,
По кустамъ струга растираючи.
Ростислава, князя юнаго,
Не пустилъ на темный берегъ Днѣпръ:
Горько плачетъ Ростислава мать по юношѣ:
Прилегли цвѣты отъ жалости
И съ тоски къ землѣ пригнулось дерево.»
Не сороки встрекотали тамъ,—
Гзакъ съ Кончакомъ выслѣжаютъ князя Игоря.
Тогда вòроны не каркали,
Галки смолкли; лишь по сучьямъ гибкимъ ползая,
Дятлы теткомъ кажутъ путь къ рѣкѣ;
Соловьи веселой пѣсней величаютъ свѣтъ.
Говоритъ тогда Кончаку Гзакъ:
—«Коли соколъ ко гнѣзду летитъ,
Такъ стрѣлами золочеными
Разстрѣляемъ мы соколика.»
А Кончакъ ему въ отвѣтъ на то:
—«Коли соколъ ко гнѣзду летитъ,
Такъ соколика опутаемъ
Мы красавицею-дѣвицей.»
А Кончаку снова молвитъ Гзакъ:
«Коли дѣвицей-красавицей
Мы соколика опутаемъ,
Не видать намъ ни соколика,
Ни красавицы той дѣвицы,
А начнутъ насъ въ половецкомъ полѣ птицы бить.»
«Тяжело быть головѣ безъ плечъ,
Худо быть безъ головы плечамъ!»
А землѣ русской безъ Игоря:
Солнце свѣтится намъ на небѣ,
А князь Игорь на святой Руси.
Поютъ дѣвицы на Дунай-рѣкѣ;
Голоса ихъ вьются отъ моря до Кіева.
Ѣдетъ Игорь по Боричеву
Ко пречистой пироговщей Богородицѣ.
Страны рады, грады веселы,—
Величаютъ пѣсней нàбольшихъ,
А потомъ и молодыхъ князей.
Слава Игорю Святославичу,
И тебѣ буй-туру Всеволоду,
И тебѣ, Владимиръ Игоревичъ!
Много здравствуйте, князья, и со дружиною,
Православною поборницей
Христіанъ на силы на поганыя!
Слава всѣмъ князьямъ, да и дружинѣ ихъ. Аминь!

(Перев. Мея. стр. 29—33.)

XIII ВѢКЪ.

1. Кириллъ II Митрополитъ.

Изъ слова на соборѣ Владимірскомъ 1274 г.

Преблагыи Богъ нашь, иже все промышление творить нашему спасению, и по недовѣдомымъ судбамъ его и по всему устроению и ухыщрению пресвятаго его и пречистаго Духа, все въ устроеную вещь въводя, достоиныя и дарованьныя его силы, святительскыя чести къ всѣмъ опаснѣ приимъшимъ честительство; съ всяцѣмь хранениемь опаснѣ блюсти святыхъ правилъ и пресвятыхъ апостолъ и по тѣхъ бывъшихъ преподобныхъ нашихъ отець, жизньное слово имущихъ; своими пречистыми законоположении, авы нѣкыми стѣнами чюдными оградивше Божию церковь и камень твьрдости въ основу вложьше, иже клятъся Христосъ нераздрушенѣ еи быти от самого ада. Яко надежю имамъ, еже къ намъ реченое отъ Спасителя нашего: дьрзаите, азъ побѣдихъ миръ. Тѣмь бо азъ Кюрилъ смѣреныи митрополитъ всея Руси многа убо видѣниемь и слышаниемь неустроение церквахъ, ово сице дьржаща, ово инако, несъгласія многа и грубости или неустроениемь пастушьскымь, или обычаемь неразумия, или неприхожениемь епископъ, или от неразумныхъ правилъ церковьныхъ. Помрачени бо бѣаху прежь сего облакомь мудрости еліньскаго языка, нынѣ же облисташа, рекше истолкованы быша, и благодатью Божиею ясно сияють, невѣдения тму отгоняще, и все просвѣщаюше свѣтьмь разумнымь и от грѣхъ избавляюще тѣмь иже невѣдѣниемь; прочее Богъ да съхранить насъ, а грѣхъ да простить, а о прочихъ святыхъ правилъ да просвѣтит ны Богъ и вразумит ны, да никакоже преступающе отечьскыя заповѣди горе наслѣдуемъ. Кыи убо прибытокъ наслѣдовахомъ оставльше Божия правила? *не разсѣя ли ны Богъ по лицю всея земля? не взяти ли быта гради наши, не падоша ли сильнии наши князи остриемь меча? не поведѣни ли быша въ плѣнъ чада наша? не запустеша ли святыя Божия церкви? не томими ли есмы на всякъ день отъ безбожьныхъ и нечистыхъ поганъ?* Си вся бывають намъ, зане не хранимъ правилъ святыхъ нашихъ и преподобныхъ отець. Нынѣ же азъ помыслихъ съ святымь съборомь и съ преподобными епископы, нѣкако о церковьныхъ вещехъ испытание извѣстно творити. Приде бо въ слухы наша, яко нѣции от братья нашея дьрзнуша продати священыи санъ и причитати я къ церквамъ, и взимати от нихъ нѣкыя урокы глаголемыя, и забыша правила реченаго святыхъ апостолъ и преподобныхъ отець нашихъ, да слышать ясно вси: поставленыи на мьздѣ, да извержеться.— —Никто же благодати Божия не продаеть, туне бо, рече, прияете, туне же и дадите. Видиши, како негодова Петръ на Симона волхва, рече бо: сребро твое да будеть с тобою въ пагубу, яко благодать Божию надѣешися богатствомъ стяжати; рече Елисѣи къ Гиезии: прялъ еси сребро неомановои ризы, нъ и проказа его прилѣпиться въ вѣкы, яко невъзможно Богу работати и мамонѣ; а злѣе есть македоньскыя ереси. Македони бо и прочии духоборци, раба Богу хуляще святаго глаголаху: си же раба себе створяюще купующе и продающе съ Июдою сравняються, имѣютъ с нимь часть, и да будеть отверженъ и всея священичьскыя службы лихъ и проклятъ. Уже прочее братие слышимъ вси, и не преслушаемъся правилъ божествьныхъ, да нѣкогда отпадемъ; яко не златомъ ни сребромь искуплени быхомъ от суетнаго жития, нъ драгою кровью агньца Божия, непорочна прѣчиста Христа. Такоже и насъ научиша мужи священии. Мы же послѣдъствуемъ еуангельскымъ и апостольскымъ и отечьскымъ заповѣдемъ, вѣруемъ и глаголемъ прочее от сего времени. Аще кто явиться от святаго нашего сбора, или игумена въ игуменьство, смля от него что, свящая на мьздѣ,

рекомое посошное, или постризая мирьскаго попъ на мьздѣ въ игуменьство, или попа поставляеть къ церкви емля у него что, да будутъ извержени, ходатаиствующии же да будутъ прокляти.———

Пакыже увѣдѣхомъ бесовьская еще държаще обычая треклятыхъ Елинъ, въ божествьныя праздьникы позоры нѣкакы бесовьскыя творити, съ свистаниемь, и съ кличемь и въплемь съзывающе нѣкы скарѣдныя пьяница, и бьющеся дрьколѣемь до самыя смерти и вьзимающе от убиваемыхъ порты. На укоризну се бываеть Божиимъ праздьникомъ и на досажение Божиимъ церквамъ. Паче о семь досажаютъ нашему Спасу и Заступу, иже насъ избави от проказы смертьныя и отъ тугы дьяволя, и объвеселивыи сердца наша святыми честьными праздьникы, да познаемъ и помнимъ спасенаго его таиньства, да почитаемъ его въ святыхъ Божияхъ церкъвахъ въ хвалу и въ пѣснь създавшаго насъ, и прочее по нашему законоположению. Мы же послѣдуемъ святымъ и преподобнымъ нашемь отцемь. Аще кто изъобрящеться по сихъ правилѣхъ бещенье *(безчинство)* творя, да изгънани будутъ от святыхъ Божиихъ церквъ, а убиении да будутъ прокляти въ сии вѣкъ и въ будущии. Аще нашему законоположению противяться, то ни приношения о нихъ приимати, рекше просфоры, и кутьи ни свѣчи. Аще и умреть, то над нихъ не ходть иерѣи и службы за нихъ да не творять, ни положити ихъ близъ Божіихъ церквъ. Аще которыи попъ дерзнеть что створити над ними, да будеть чюжь своего сана.

(Христ. Галахова. стр. 106—108).

Слышите убо отцы о Господѣ, архиерейскій и священноиноческій и перейскій преподобный и священный соборе, к вамъ мя слово сказати предлежитъ. Понеже вы нарекостеся по благодати даннѣй вамъ отъ Бога, и по апостолскому завѣщанію, земныи ангели, и небеснии человѣцы, и свѣтъ и соль земли яко же глаголеть Божественное Писаніе. Вы же и со ангелы предстоите у престола Господня и сводите Духъ Святый съ небесе, и претворяете хлѣбъ въ плоть Христову, и вино въ кровь его человѣкомъ невидимо, сіе же мнози святіи видѣша, и нынѣ достойніи видять. Вы просвѣщаете человѣковъ святымъ крещеніемъ. Вы аще свяжете на земли, Богъ не разрѣшить на небеси, вы аще разрѣшите на земли, Богъ не свяжеть на небеси. Вами даетъ Господь тайны спасенія роду человѣческому, васъ стражи и пастыри постави Господь пасти свое стадо словесныхъ овецъ, за нихъ же Христосъ Богъ нашъ пролія плотію честную свою и святую кровь, вамъ преда талантъ, его же хощетъ многосугубно отъ васъ истязати во второе свое пришествіе, на праведнѣмъ своемъ судѣ и испытаніи. Вамъ же бо есть слово воздати въ будущій вѣкъ, за всѣхъ человѣкъ согрѣшенія.—Тѣмъ же убо отъ иерее сохраните убо себе отъ скверныхъ сатанинскихъ всякихъ дѣлъ, яко же глаголеть Златоустъ: отвержте отъ себе пьянство и обяденіе. Лишитеся тяжбы, сваровъ, вражды и хулы на друга своего, и сквернаго мздоиманія, клятвы и лжи, скупости и ненависти и лукавства. Сему внимайте, сему учитеся, сему другъ друга понужайте, како бы вамъ непорочнымъ стати на страшномъ и грозномъ судѣ во второе пришествіе Христово, егда будетъ судити всей вселеннѣй, и како слово воздати объ людехъ коемуждо въ паствѣ своей. Того ради всяко попецытеся о своемъ спасеніи, и образъ себе сами собою показуйте во всякомъ благочестіи, яко да видять ваша добрая дѣла и прославять Отца нашего, иже есть на небесѣхъ. Вамъ бо есть слово воздати о стадѣ своемъ. Аще убо кто единаго отъ сихъ изгубить паствы своея небреженіемъ, не все ли свое спревратилъ есть спасеніе, и не лучше ли сему, яко да обяжется жерновъ ослии на выю его, и погрузитися въ мори; души бо единыя отъ человѣкъ недостоинъ весь міръ: како иже многи души соблазнивый отъ васъ, не иматъ погрузатися во огни негасимомъ въ

геенѣ. Простецъ бо согрѣшивый, за свою едину душу отвѣтъ дастъ Богу, иерей же за многихъ. Тѣмъ же слышите и Іоанна Златоустаго глаголюща и усрамитеся его реченія, еже рече: Горе вамъ вожди слѣпіи, оставльше слово Божіе и чреву служаще, ихъ же Богъ чрево, и слава ихъ въ студъ, иже млеко и волну отъ стада емлюще, а о овцахъ не пекущеся, о нихъ же слово имате воздати въ великій день оный.— Къ сему же, о иереи, божественная писанія любите и въ нихъ поучайтеся, писании бо прочитаніе небесемъ есть отверзеніе. Многи убо непрочитаніемъ книгъ съ праваго пути совратишася, вы же убо избирайте разумѣнія отъ Божественныхъ Писаней, яко жъ добрая пчела пребывающи на цвѣтахъ и отъ нихъ взимающи, былія же оставляющи. Ложныхъ же книгъ не почитайте, и отъ еретицъ уклоняйтеся, и общенія съ ними не имѣйте, а буесловцемъ и сквернословцемъ и во всяческихъ богохульникомъ, не отъ божественныхъ писаней и суетная и ложная глаголющимъ, яже на пагубѣ правовѣрныхъ душамъ, устіе заграждайте и возбраняйте, отъ писаней святыхъ слово пріимше. Иже убо кто отъ васъ нѣсть чему въ разумѣ достиженъ, той искуснѣйшаго вопрошаетъ. ———Блюдите и чадъ вашихъ, иже родившихся отъ васъ.—Въ Ветхомъ убо Ілія священникъ, аще и праведенъ бѣ, не управль же о чадѣхъ своихъ, того ради за сыновны грѣхи, осужденъ бысть въ муку. Челядь же свою наказуйте страху Божію, и голодомъ не морите, ни наготою не томите, но любите ихъ яко своя уды, или яко Христосъ всѣхъ насъ, тако же творите, дѣти своя духовныя наказуйте. И аще сохраните сія вся завѣщанная, то Бога возвеселите, и ангелы удивите, и молитва ваша услышана будетъ отъ Бога, *и земли нашей отъ иновѣрныхъ бесерменскихъ странъ облегчится*, и милость Божія на вся страны рускія земли умножится, и пагуба и тли плодомъ и скотомъ престануть, и гнѣвъ Божій утолится, и народы всея рускія земли въ тишинѣ и безмолвіи поживуть, и милость Божію получать въ нынѣшнемъ вѣцѣ, паче же въ будущемъ.———Се уже видимо, любиміи, кончина міру приближися и урокъ житію нашему приспѣ, и лѣта сокращаются, и уже мало время житія нашего вѣка сего видѣти. Яко же Господь во евангеліи сице: Востанеть бо языкъ на языкъ и царство на царство, и страна на страну, и царь на царя, и князь на князя, и сильный на сильнаго——— и вся сія збышася.———

(Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей № 8 1847 г. Смѣсь, стр. 11—12.)

2. Серапіонъ.

(ум. 1275.)

Четвертое слово.

Малъ часъ порадовахся о васъ, чада, видя вашю любовь и послушанье къ нашей худости, и мняхъ, яко уже утвердистеся и съ радостію приемлете божественное писаніе: на съвѣтъ нечестивыхъ не ходите, и на сѣдалищи губитель не сѣдите. Вы же еще поганьскаго обычая держитеся, волхвованию вѣруете, и пожигаете огнемъ невинныя человѣкы и наводите на весь міръ и градъ убійство. Аще кто и не причастясь убпйству, но въ соньми бывъ въ единой мысли, убийца же бысть. Или могай помощи, а не поможе, аки самъ убити повелѣлъ есть. Отъ которыхъ книгъ, или отъ кихъ писаний се слышасте, яко волхвованіемь глади бывають на земли, и паки волхвованіемь жита умножаются? То аже сему вѣруете, то чему пожигаете я? Молитесь и чтите я, дары приносите имъ, ать (*ежели*) строять миръ, дождь пущають, тепло приводять, земли плодити велять. Се нынѣ по три лѣтъ житу рода нѣсть, не токмо въ Руси, но въ Латѣнѣ, се вълхвове ли створиша? Аще не Богъ ли строить Свою тварь, якоже хощеть, за грѣхъ нась томя? Видѣ азъ отъ боже-

ственнаго написанья, яко чародѣйци и чародѣйца бѣсы дѣйствують надъ человѣкомъ и надъ скотомъ и потворити могуть (*). Надъ тими дѣйствують, иже имъ вѣрують; Богу попущшю, бѣси дѣйствують: попущаеть же Богъ, иже кто ихъ боится. А иже кто вѣру тверду держить къ Богу, съ того чародѣйци не могуть. Печаленъ есмь о вашемъ безумьи. Молю вы, отступите дѣлъ поганьскыхъ. Аще хощете градъ оцѣстити отъ беззаконныхъ человѣкъ, радуюся тому; оцѣщайте, яко Давидъ: пророкъ и царь потребляше отъ града Ѥрусалима вся творящая беззаконие. Овѣхъ убитиемъ, иныхъ заточеніемъ, иныхъ же темницами—всегда градъ Господень чистъ творяше отъ грѣхъ. Кто бо такъ бѣ судя, яко же Давидъ? Страхомъ Божиимъ судяше; Духомъ Святымъ видяше, и по правдѣ отвѣтъ даяше. Вы же како осуждаете на смерть, сами страсти исполни суще, и по правдѣ не судите? Иный по враждѣ творить, иный горкаго того прибытка жадая. А иный ума не исполненъ, только жадаеть убити и пограбити;—а еже за что убити, а того не вѣсть. Правила Божественая повелѣвають многими послухы (*свидѣтелями*) осудити на смерть человѣка. Вы же воду послухомъ постависте и глаголете: аще утопати начнеть, неповинна есть: аще ли попловеть, волхвовь есть. Не можеть ли дьяволъ, видя ваше маловѣрье, подержати, да не погрузится, дабы ввърещи въ душегубство? Яко оставльше послушьство боготворенаго человѣка (**), идосте къ бездушну естьству, къ водѣ, приясте послушьство на прогнѣванье Божие. Слышасте отъ Бога казнь посылаему на землю отъ первыхъ родъ до потопа,—на гыганты огнемъ,—при потопѣ водою, при Содомѣ жюполомъ, при Фараонѣ десятью казнии, при Хананиихъ шершенми, каменьемъ огненнымъ съ небеси, при судьяхъ ратьми, при Давидѣ моромъ, при Титѣ плѣненьемь, потомъ же трясеньемь земли и паденьемь града. При нашемъ же языцѣ чесо не видѣхомъ? Рати, глади, морове и трусп, конечное же: предани быхомъ иноплеменникомъ, не токмо на смерть и на плѣненье, но и на горькую работу. Се же все отъ Бога бываетъ, и симъ намъ спасенье сдѣваетъ. Нынѣ же, молю вы, за преднее безумье покайтесь и не будьте отселѣ, аки трость вѣтромъ колеблема: но аще услышите что басний человѣческыхъ, къ божественному писанию притецѣте, да врагъ нашъ дьяволъ, видя вашъ разумъ, крѣпкодушье, и не возможетъ понудити вы на грѣхъ, но посрамленъ отходить. Вижю бо вы великою любовью текущая въ церковь и стояща съ говѣньемъ. Тѣмъ же, аще бы ми мощно коегождо васъ наполнити сердце и утробу разума божественнаго! Но не утружюся (¹), наказая вы и вразумляя и наставляя. Обида бо ми не мала належить, аще вы такая жизни (²) не получите и Божія свѣта не узрите. Не можетъ бо пастухъ утѣшитися, видя овцы отъ волка расхыщены: то како азъ утѣшю, аще коему васъ удѣють злый волкъ дьяволъ? Но поминающе си нашю любовь о вашемъ спасении, потщитеся угодити створшему ны Богу. Ему же лѣпо всяка слава, честь.

(Прибавленія къ твореніямъ св. Отцевъ, 1843, кн. 1, 2 и 3.)

ИЗЪ СЛОВА О КОНЧИНѢ МІРА.

Тѣмъ боитеся, братие, грозы и страха суда Божіа; внезапу бо день той найдеть страшный, аще неуготовимся добродѣтелми, то назіи страннии в негасимый огнь осудимся. О братие живите во страсѣ Божіи, время бо житіа сего мало есть, яко дымъ исчезаетъ, и много намъ бѣды за грѣхи прилучается и скорбь не мала: поганьская нашествіа,

(*) Дѣйствуютъ чрезъ бѣсовъ на людей и скотовъ и могутъ представлять призраки.

(**) Оставивъ свидѣтельство богоподобнаго человѣка.

(¹) *Не поставлю себѣ въ трудъ, не стану тяготиться.*

(²) Т. е. *жизни вѣчной.*

людемъ движеніе, церквамъ нестроеніе, княземъ неуправленіе, бесчиніе священникомъ, токмо плотскымъ угажати начнуть, а духовныхъ не пытають, и игунени також. А черньцы будутъ на пиръ тщивіи и тяжбливіи будутъ и гневливіи, неподобная отець святыхъ житіа имущихъ ([1]). *Владыкы будутъ стыдящеся лиць силныхъ*, судяще по мздѣ, обидяще сироты, не заступающе вдовиць и оубогыхъ. Внидеть же в люди невѣріе и блудъ, и оставя человѣцы правду а неправду творити начнутъ. И въ таковыхъ днехъ, аще кто хощетъ, той спасется, и великъ наречется въ царствіи небеснемъ. Тако бо и въ дни быша ноевы, ядяху и піяху, женяхуся, прійде же потопъ, и вся погуби за безаконіе.— — —Тѣмже хотяй спастися, нынѣ подщися смиреніемъ, алканіемъ и милостынею. Аще бо кто, любимии, и в разбойникы впадетъ, како ти умилено молится, да быша дали животъ, а имѣніе взяли быша. Да како, братіе, се не зло, худого дѣля живота всего лишаемся, а душевнаго участія почто щадимъ неимущимъ даяти, почто ся не пременимъ от злобъ, и не хощемъ сердца на покаяніе пріклоніти. И земля убо от лица Господня трясется намъ на страхъ, и мнози грады пусты быша Божіимъ гнѣвомъ. Ни тако не убояхомся, но не престаемъ зло творяще, и поганыя Богъ попусти на ны. Сынове и дщери Наша в поруганіе быша, и в полонъ, да быхомъ убоялися, но мы единако неправды дѣемъ, гнѣва и зависти не останемъ, блуда и піаньства и грабленія не лишимся, и прочихъ злобъ, яже в ненависть Богу. О братие, доколѣ есть время покаянію, потщимся в добродѣтели быти, и будемъ милостивіи, да милостивъ Господь будетъ намъ,

СЛОВО О МЯТЕЖИ ЖИТІЯ СЕГО.

Уже наводит ны время на дѣло вѣчнаго живота и неразоримыя славы. Сію бо жизнь пріемлеть смерть, а славу постигают студи мнози ([1]). Преже бо года от велможь въ пес мѣста во ад сведени быша ([2]), а богатіи послѣди обнищаша. И судья охужеши осуженеи бысть радуются, и восплакася дрьжаву погуби ([3]) и ничтоже нѣсть извѣстно в человѣцѣхъ ([4]), но вся сут стропотна суть. Но иному землю изхвати, а инъ имѣніе отъят, и того село слышавше, а домъ иного нынѣ есть ([5]). Друзіи же имѣніа не насыщешася, и свободныа сирота порабощают и продают, иніи крадут, и разбивають, а имѣніе хощют собрати. И сии вси огнь на своя главы берутъ, ничто правды нѣст в миру. Чада бесчествуют родителя своя, а отцы своих дѣтей отмещаются. Нѣст другу вѣры имѣти и не надѣябося на брата. Мирная бо благодать ([6]) а в себе злая мыслит и усты токмо любятся, и лесть и зависть токмо жирует в васъ, и несытость дрьжите. А никто Бога не поминетъ, но яко безсмертніи творятся, и никто осужденіа чает умершіи пріяти. Сего дѣля казни отъ Бога приходят на ны, зане злая творимъ. Силу намъ далъ ест, да правду в немъ содѣемъ, мы же безаконіа въ нем содѣваемъ. Богатство намъ далъ ест, да от него неимущимъ подамы и убогымъ. Мы же обидимъ еще сирот, и вдовам насилуем, и убогых отъимаем. Области намъ поручилъ ест, да быхомъ обидимыя избавляли. Мы же обидимъ, а праваго по мьздѣ винимъ. Нѣст праваго пути, ни суда права, погибе любы, ненависть умножися, добродѣтели уничижена быст, изволено цѣломудріе, почтено быст возвышеніе и гордость, погибе истинна, и

([1]) Имѣють, т. е. ведутъ жизнь, непохожую на жизнь св. отцевъ.

([1]) Т. е. *славу этого міра постигают посрамленія (стыды многіи)*.

([2]) *Въ пес мѣсто*,—вмѣсто псовъ, подобно псамъ.

([3]) Судья радуется, осуждая подсудимыхъ, а потомъ восплакалъ, когда потерялъ власть.

([4]) И ничто не твердо въ людяхъ.

([5]) Село свыло за тѣмъ, и нынѣ тамъ домъ другого.

([6]) Т. е. обѣщаетъ миръ, а...

лжа покрыи землю. Области и глубина Божіа долготрьпѣніа! Яко немьщает о всѣх наших злобах, не яко немогыи нас мучити, но от когождо нас покояніа ждет и обращеніа чает, а непріемлет гнѣва, но милосердует о нас, яко чадолюбивыи отець.

(Правосл. Собесѣдникъ, 1858 г, ч. 2-я, стр. 475—484.)

3. Слово нѣкоего христолюбца, ревнителя по правой вѣрѣ.

Яко Илья Фезвитянинъ ([1]), заклавы ереа жерца идольскія числомъ 300, и рече: ревноуя поревновахъ по Господѣ вседержители. Тако и сей не мога терпѣти хрестьянъ двоевѣрно живущихъ, и вѣруютъ въ Перуна, и въ Хорса, и въ Мокошь, и въ Сима и Рьгла, и въ вилы, ихъ же числомъ тридевять сестрѣниць, глаголять невѣгласи и мнять богинями, и та подкладывахуть имъ теребы, и куры имъ рѣжють и огневѣ моляться, зовуще его Сварожичемъ ([2]), и чесновито ([3]). Богомъ же его творять. Егда же у кого будетъ пиръ, тогда же кладуть въ ведра и въ чаши и пьють о идолѣхъ своихъ, веселящися; не хужьши суть еретиковъ ни жидовъ, иже в вѣре и во крещеньи тако творять, не токмо невѣжи, но и вѣжи, попове и книжници. Аще ли не творять того вѣжи, да пьють и ядять моленое то брашно. Аще ли не пьють ни ядять, да видять дѣянія ихъ злая, аще ли не видять, да слышать, и не хотять ихъ поучити. О таковыхъ бо пророкъречетъ: окаменѣ сердце людій сихъ, оушима тяжко слышать, очи свои смѣжиша. Павелъ къ Римляномъ рече: открыется гнѣвъ Божій съ небесе на все бещестье, и на неправду человѣчую скрывающимъ истину въ неправдѣ. Самъ Господь рече: мнози пастуси погубиша виноградъ мой. Пастуси суть книжници, а виноградъ—вѣра. Человѣци въ вѣрѣ погибають лихими пастуси. Учители безумнымъ! Аще не лишаться (*не отстанутъ отъ*) проклятаго моленья и службы дьяволя, то достойни огню негасимому. Сиже учители будуть имъ подгнѣтати, аще ихъ не обратять отъ дѣла того сотонина. Глаголеть бо пророкъ отъ лица невѣрныхъ людій приходящихъ во крещенье и оученью добрыхъ дѣлъ: да обратять ны, боящися тобе, и вѣдущи свидѣнья твоя. Аже молвить книжникомъ Павелъ, рече: горе человѣку тому, имъ же соблазниться миръ. Рече Господь: иже добре наоучитъ хто, то великъ наречется во царствіи небеснѣмъ. Павелъ рече къ Римляномъ: аще многи наставники имате о Христѣ, но не многи отцѣ; о Христѣ бо Іисусѣ азъ вы родихъ еуангеліемъ. Молю же вы ся, подобници (*подобны*) мнѣ будите, и попове и книжници. Будете же вы подобници Павлу великому учителю, оучите же люди на добро и обращайте ихъ ото лсти дьяволя къ вѣрѣ истиннѣй, служити истинному Богу, да і вы речете предъ Богомъ пророчимъ гласомъ: се азъ и дѣти моя, яже ми далъ еси, Господи, и азъ народихъ оученьемъ. Того ради пьете, ясте и дары емлете отъ нихъ. Аще ли не хощете оучити ихъ, то не примѣшайтеся имъ по еуангельскому слову: аще имаши око свое лукаво, то исткни е вонъ, аще ли руку, то отсѣцы ю, лучше бо одинъ оудъ погибнеть, нежели все тѣло. Не можетъ бо погибнуть праведникъ про беззаконника. Кое причастье Христу съ бѣсомъ? Тако и служащихъ Богу кое причастье къ служащимъ бѣсомъ і оугодья дьяволя творящимъ. Павелъ бо Коренфѣемъ рече: братья, писахъ вамъ въ посланьяхъ, не примѣшайтеся къ рѣзоимцемъ ([1]) ни грабителемъ, ни корчъмитомъ і къ служащимъ кумиромъ, но

([1]) Изъ города Оесвы—Илья пророкъ.

([2]) Т. е. сыномъ Сварога. Въ Ипатьевск. спискѣ лѣтописи Сварогъ именуется Богомъ и отцемъ Дажь-Богу, божеству солнца.

([3]) Языческій обрядъ чеснока до сихъ поръ сохранился у Славянъ. Въ Галиціи въ праздникъ коляды передъ каждымъ за столомъ кладутъ луковицу чесноку—для отогнанія болѣзней.

(Прим. О. Милл.).

([1]) Берущимъ лихву, проценты.

должни есте отъ міра сего изыти, рекше оумрети. Нынѣ же писахъ вамъ, съ таковымъ ни пити ни ясти, но изверзите таковаго, таковіи бо царствія Божія не наслѣдять, окаменѣ бо сердце ихъ въ неистовомъ пьянствѣ, и быша слуги кумиромъ. Яко же бо пишеть: сѣдоша бо людіе пити и ясти, не въ законъ, но въ упой быша пьяни, і восташа іграти——и того дни погибе ихъ 620 за свое неистовое пьянство. Того ради не подобаеть крестьяномъ игръ бѣсовскихъ играти, еже есть плясанье, гуденье, пѣсни мирьскія, и жертвы идольскія; еже молять ся огневѣ подъ овиномъ, и виламъ, и Мокоши, и Симу, и Рьглу, и Перуну, и Роду и Роженицѣ, и всѣмъ тѣмъ, иже суть тѣмъ подобни. Се же оученіе намъ вписася на конець вѣка. Да не во лжи будемъ рекли, крещающеся, отрицаемся сотоны и всѣхъ дѣлъ его и всѣхъ ангелъ его, и всего студа его, да обѣщахомся Христови. Да аще ся обѣщахомъ Христови, то чему ему не служимъ, но бѣсомъ служимъ, и вся угодья имъ творимъ на пагубу душамъ своимъ. Не тако же зло творимъ просто, но и мѣшаемъ нѣкія чистыя молитвы со проклятымъ моленьемъ идольскимъ, иже ставять лише кутья ины тряпезы, законнаго обѣда, иже нарицается беззаконная тряпеза, мѣнимая Роду и рожаницамъ и въ прогнѣванье Богу (¹), самъ бо Господь речеть: не всякъ внидеть во царствіе мое, рекъ ми: Господи, Господи, но творяй волю отца моего. Павелъ рече: видѣхъ облакъ кровавъ распростерть надъ всѣмъ міромъ и вопросихъ глаголя: Господи, что се есть. И рече ми: се есть молитва человѣческая, смѣшена съ беззаконьемъ; того ради Господь речеть: не можеть рабъ работати двѣма господинома; одиного возлюбить, а другаго возненавидить, тако и мы, братья, возненавидимъ дьявола, а Христа возлюбимъ, вонь бо крестихомся, вонь облекохомся, его хлѣбъ ямы

(¹) О пѣсняхъ и возліяніяхъ въ честь Рожаницамъ и Роду упоминается во многихъ памятникахъ нашей литературы.

и чашу его піемы, оумираемъ, здрави бываемъ о немъ. Рече: слава тебѣ о всемъ, данымъ намъ тобою, не токмо здѣ, но и въ будущемъ вѣце. Рече же Павелъ: то оубо требы кладуть страны бѣсомъ а не Богу. Не велю же вамъ общникомъ быти бѣсомъ, и не можете бо пити чаши Господня, и не можете бо причаститися трапезѣ Господни, да не разгнѣваемъ Бога. Аще кто повѣсть вамъ, яко се требно (¹) кумиромъ, не ядите того, аще ль пьете, или ясте, то все въ славу Богу творите. Господня бо есть земля и конци ея.———Братія, не велю же вамъ не вѣдати бесѣды сія, но и инѣмъ будите на пользу хотящимъ спастися. Истерьгнитеся отъ сѣти дьяволя. Да пріидемъ къ пречистому свѣту Господа нашего Іисуса Христа. Беззаконнымъ непокоривымъ, противящимся здравому оученью,, нечестивымъ, хулящимъ отца и матерь, славы Божія не наслѣдовати.

(Христом. Буслаева, ст. 519—525).

XIV ВѢКЪ.

1. Посланіе Бѣлозерскаго монастыря игумена Кирилла Великому Князю Василію Димитріевичу, о томъ, чтобы онъ примирился съ Суздальскими Князьями. (1399—1402).

(Акты историч.).

Господину благовѣрному и боголюбивому Князю Великому Василію Дмитреевичю, Кирило черньчищо многогрѣшный съ своею братіицею, на твоей господине, довольной еже къ намъ милости, много челомъ бьемъ, и радуемся, господине, о тебѣ, что имѣеши сиеву вѣру къ Пречистой Богородици и нашей нищетѣ и о великемъ твоемъ смиреніи. О семъ же, господине, радуемся и скорбимъ, что наче слова и смысла, безмѣрное твое смиреніе: посылаеши ко

(¹) *Требное*—приносимое въ *требу*, т. е. въ жертву.

мнѣ грѣшному и нищему и всякого дѣла блага удалившемуся. Ты, господине, Князь Великій всея земля Русскія, и смиряяся, ко мнѣ посылаешъ грѣшному и страстному и недостойному небеси и земля и того самого иноческаго житія; и язъ, господине, грѣшный истинно о семъ скорблю, недостойнства ради своего, радуемъ же ся, господине, благаго ради твоего произволенія и смирьномудраго нрава, яко симъ подобишися господине, преблагому нашему Владыцѣ и Господу, отъ толикія неизреченныя славы и съ высоты сшедшему, насъ ради грѣшныхъ и смирившуся даже и до рабія образа. Сице, господине, и ты отъ толикія славы міра сего преклонися смиреніемъ къ нашей нищетѣ, и отъ сего, господине, познаваемъ великую твою любовь къ Богу и Пречистѣй его Матери. Елико бо приближаются Святіи къ Богу любовію, толико видятъ себе грѣшны: ты бо, господине, симъ смиреніемъ велико себѣ пріобрѣтаешь спасеніе и пользу душевную. Тѣмъ, господине, язъ грѣшный паче печалую душею, что мене недостойнаго и покоршагося всякому грѣху сице ублажаете, не притяжавша ни единоа добродѣтели, во всякой страсти повиннаго, и таково, господине, моленіемъ посылаеши ко мнѣ, немогущему и о своихъ грѣсѣхъ Бога умолити. И како о тебѣ, господине, Бога умолю, самому ми сущу исполненну всякого дѣла зла? Но, господине, писано, что не велитъ отрицатися и грѣшнымъ молити Бога о велящихъ за ся, вѣры ради ихъ. Тѣмъ же, господине, вѣры ради твоея великія, не оставитъ тебе Богъ, но помилуетъ, и Пречистая Госпожа Богородица и Царица наша поможеть ти вся дни живота твоего и подастъ ти исцѣленіе души жъ и тѣлу, что насъ нищихъ ея, господине, не забываеши въ пустомъ семъ мѣстѣ, събравшихся во обители ея, но часто призираеши довольными милостынями. Мы же, господине, не можемъ о семъ тебѣ воздати ничтоже, но Пречистая Госпожа Богородица, надежа и упованіе наше, испроситъ на тя милость у Сына своего въ сій вѣкъ и въ будущій. А язъ грѣшный съ своею братицею, господине, елика сила, радъ Бога молити о тебѣ нашемъ господинѣ, и о твоей Княгинѣ и о твоихъ дѣткахъ и о всѣхъ крестьянехъ, Богомъ порученныхъ тебѣ. Ты же господине, самъ, Бога ради, внемли себѣ и всему княженію твоему, въ немъ же тя постави Духъ Святый пасти люди Господня, еже стяжа честною си кровію. Якоже бо великіа власти сподобился еси отъ Бога, толикимъ болшимъ и возданіемъ долженъ еси. Въздай же убо Благодателю долгъ святыа его храня заповѣди, всякого укланяясь пути ведущаго въ пагубу. Якоже бо о кораблѣхъ есть, егда убо наемникъ, еже есть гребецъ, съблазнится, малъ вредъ творитъ плавающимъ съ нимъ; егда же кормчій, тогда всему кораблю сътворяетъ пагубу: такоже, господине, и о князехъ. Аще кто отъ бояръ согрѣшитъ, не творитъ всѣмъ людемъ пакость, но токмо себѣ единому; аще ли же самъ Князь, всѣмъ людемъ, иже подъ нимъ, сотворяетъ вредъ. Ты же господине, съ многою твердостію храни собе въ добрыхъ дѣлѣхъ; рече бо святый Апостолъ: «миръ имѣйте и святыню, безъ нея же никтоже узритъ Господа.» Возненавиди, господине, всяку власть, влекущую тя на грѣхъ; непреложенъ имѣй благочестія помыслъ и не возвышайся господине, временною славою къ суетному шатанію: малъ же убо и кратокъ сущій здѣ животъ и съ плотію съпряжена смерть. И сіа убо помышляя, не впадеши въ ровъ гордостный: но бойся, господине, Бога, истиннаго Царя, и блаженъ будеши: «блажени бо рече, боящеися Господа.» Въспоминай же, господине, надежу будущаго вѣка и царство небесное, радость святыхъ, веселіе съ Ангелы, надо всѣми же зрѣніе пресладкаго лица Божія; той бо въистину доброта неизреченная, весь сладость и желаніе и любовь несытная всѣмъ любящимъ его и творящимъ пресвятую волю его.—Да слышалъ есми, господине Князь Великій, что смущеніе велико межу тобою и сродники твоими Князми Суздальскими.

Ты, господине, свою правду сказываешь, а они свою; а въ томъ, господине, межи васъ крестьяномъ кровопролитіе велико чинится. Ино господине, посмотри того истинно, въ чемъ будетъ ихъ правда предъ тобою, и ты, господине, своимъ смиреніемъ поступи на себѣ; а въ чемъ будетъ твоя правда предъ ними, и ты, господине, за себе стой по правдѣ. А почнуть ти, господине, бити челомъ, и ты бы, господине, Бога ради, пожаловалъ ихъ, по ихъ мѣрѣ; занеже господине, тако слышелъ есмь, что доселѣ были у тебе въ нужи, да отъ того ся, господине, и возбранили. И ты, господине, Бога ради, покажи къ нимъ свою любовь и жалованье, чтобы не погибли въ заблуженіи въ Татарскихъ странахъ, да тамо бы не скончались. Занеже, господине, ни царство, ни княженіе, ни иная какая власть не можетъ насъ избавити отъ нелицемѣрнаго суда Божія; а еже, господине, възлюбити ближняго яко себе, и утѣшити душа скорбящая и озлобленыя, много, господине, поможетъ на страшнѣмъ и праведнѣмъ судѣ Христовѣ, понеже пишетъ Апостолъ Павелъ ученикъ Христовъ: «аще имамъ вѣру горы преставляти, и аще имамъ раздати все имѣніе свое, любве же не имамъ, ничтоже полза ми есть.» Възлюбленный же пишетъ Іоанъ Богословъ: «аще кто речетъ, Бога люблю, а брата своего ненавижу, ложь есть.» Тѣмже и ты, господине, възлюби Господа Бога отъ всея душа своея, тако възлюби и братію твою и вся крестьяне: и тако господине, вѣра твоя къ Богу и милостыня твоя къ нищимъ Богомъ пріятна будетъ. А милость Божія и Пречистыя Богородицы на тебѣ на моемъ господинѣ на Великомъ Князѣ Василіѣ да будетъ, и на твоей Великой Княгинѣ, и на вашихъ дѣткахъ и мое благословеніе и молитва и моей братіи. Аминь.

2) Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ.

Се повѣдай, *Уранъ*, намъ повѣсть, како случися на Дону православнымъ христіяномъ съ безбожными Татары, како возвыси Господь родъ христіанскій, а поганыхъ уничижи и осрами ихъ суровство, яко же иногда Гедѣономъ Мадіама низложи, и *православнымъ Моисеомъ* Фараона. И нынѣ подобаетъ вѣдати намъ величіе Божіе, како творитъ Господь волю боящимся его, и како пособи Господь Богъ православному, Великому Князю Дмитрію Ивановичу *Владимірскому* надъ безбожными Татары. Лѣта же того попущеніемъ Божіимъ, отъ наученія діаволя, воздвигся царь отъ восточныя страны, именемъ Мамай, Татаринъ сый родомъ, *вѣрою идоложрецъ, иконоборецъ злый*, христіанскій ненавистникъ и укоритель, и вниде въ сердце его діяволъ подстрекаяй, иже всегда пакости дѣетъ христіяномъ, и наусти его разорити православную вѣру всему христіянству, да не славится въ нихъ имя Господне въ людѣхъ тѣхъ. Господь что хощетъ, то и творитъ. Тойже безбожный царь Мамай нача завидѣти *первому Батыеви, и второму безбожному Батыю*, и нача испытывати старыхъ Татаринъ: како Батый плѣнилъ Кіевъ, и Володиміръ, и всю землю Русскую? како уби Князя Юрія Дмитріевича, и мнози православные Князи изби? Како мнози монастыри плѣни и оскверни вселенскую пречистую церьковь, разграби злато? И бысть ослѣпленъ очима. Тоже не разумѣша нечестивый, яко Господу годѣ, тако да и будетъ, якоже во *иныи дни Іерусалимъ плѣненъ бысть Титомъ, а потомъ* мерскимъ царемъ *Навходоносоромъ Вавилонскимъ* за ихъ согрѣшеніе. Но не до конца прогнѣвается Господь, ни во вѣки враждуетъ. Слышавъ безбожный царь Мамай то отъ Татаръ, нача діяволомъ палимъ быти непрестанно, ратуя на христіянство, нача глаголати ко своимъ *Евпатомъ* и Князьемъ и воеводамъ: яко нехощу азъ тако творити Руси, како Батый: азъ Князя ихъ изждену; а которые *государи красные*, тѣхъ хощу видѣти тихо и безмятежно. Но рука Божія высока. Но малехъ же днехъ, по глаголехъ его, царь

Мамай перевезеся великую рѣку Волгу со всѣми силами своими и многи орды совокупи съ собою и глаголя имъ: «Се обогатѣете Русскимъ златомъ.» И пойдѣ на Русь, сердитуя яко левъ, пылая яко неутолимая ехидна. Дойде же до усть рѣки Воронежа и распусти облаву свою, заповѣда улусникомъ своимъ: «яко да ни единъ у васъ пашетъ хлѣба: будите готови на Русскую землю на хлѣбы!» Слыша же то Олегъ Рязанскій, яко царь Мамай близъ кочуетъ, а идетъ на Русь ратію, стоитъ на Воронежѣ; а идетъ на Великаго Князя Димитрія Ивановича. Бысть же у Олга Князя Рязанскаго *скудость ума во главѣ, и сатана ухищреніе вложи въ сердце его*: нача посылати послы къ Мамаю царю со многою честію и дарами; ярлыкъ же свой писа къ нему сице: «Восточному царю Мамаю твой посаженный присяжникъ Олегъ Рязанскій. Слышахъ тя господина моего милостива, хощеши идти на Русь, на своего посаженника и служебника, на князя Димитрія Московскаго, огрозитися ему хощеши; нынѣ же, господине, приспѣ время есть, злато и богатства наполнися земля его. И тако бо вѣмъ, всесвѣтлый царю, яко кротокъ есть человѣкъ Дмитрій; егда же услышитъ и имя ярости твоея, то отбѣжитъ отъ тебя въ дальный утекъ, гдѣ есть мѣсто пусто и неключимо; злато же и богатство все будетъ во твоихъ рукахъ. Меня же, раба твоего, царю, держава твоя пощадитъ; азъ бо ти Русь вельми устрашу и Князя Димитрія. Но и не то одно, царю, егда о своей обидѣ и твоимъ именемъ погрожу ему; а онъ о томъ не радить; еще де градъ мой Коломну взялъ за себя, да о томъ о всемъ молю тя, царю, не презри моленія моего.» Ярлыкъ списавъ, посла же не пославъ, но посла посольство къ великому *и велерѣчивому* и къ *велеумному* Олгерду Литовскому, смысливше худымъ своимъ умомъ, и писа грамоту сицѣ: «Великому Князю Олгерду Литовскому Олегъ Рязанскій *пишу радоватися*. Вѣдаю бо, яко издавна мыслилъ еси на Московскаго князя Димитрія изгонити его, а Москвою владѣти: нынѣ же приспѣ время намъ; яко великій царь Мамай идетъ на него и хощетъ плѣнити землю его. Нынѣ же приложимся и мы къ нему, да тебѣ дастъ Москву и иные присяжные грады, а мнѣ Коломну и которые близъ Мурома и Володиміра. Ты же и азъ пошлемъ послы къ нему и дары, елико имамъ какіе, и пиши грамоту къ нему, елико самъ вѣси паче меня. Азъ же писахъ, но не послахъ, хощу единаго съ тобою и жду твоего посла.» Пріидеже посолъ и вдасть грамоту Олгерду отъ Олега. Олгердъ же прочетъ грамоту, и радъ бысть и похваливъ друга своего Олега великою похвалою. Посла посолъ свой ко царю съ дары безчисленныи, и грамоту писавъ къ нему сице: «Великому восточному царю Мамаю Князь Олгердъ Литовскій многу милость. Слышавъ, господине, хощеши улусъ свой казнити и Московскаго князя Димитрія, того ради молю тя, царю, яко онъ обиду сотвори Олгу Рязанскому, а мнѣ тако же пакости дѣя; но молимъ тя оба, да при державѣ царствія твоего видитъ твое смотрѣніе нашу грубость отъ Московскаго князя Димитрея. Всѣ же глаголютъ лестію на великаго Князя Димитрія, и ркучи въ себѣ: егда услышитъ имя твое царево и нашу присягу къ тебѣ: то отбѣжитъ въ великіи Новградъ, или на Двину, а мы сядемъ на Москвѣ и на Коломнѣ. Егда царь же пріидетъ, не имый кто его сряще. Царь же возвратився, и мы и княженіе Московское раздѣлимъ кто къ Вилнѣ, иной къ Рязанѣ. Но и вѣдаемъ, яко царь имаетъ ярлыкъ дати намъ и родомъ нашимъ.» Но сами ся невѣдаютъ, что глаголютъ, яко не смыслени и млади умомъ, аки не вѣдущи Божія силы и владычныя смотрѣнія. Богъ даетъ власть, ему же хощетъ. По истинѣ бо рече: аще кто держится добродѣтели, то не можетъ безъ многихъ враговъ быти. Князь же Димитрій Ивановичъ образъ смиренномудрія нося и смиренія въ высокихъ ищетъ, еще же не чюже бывшихъ сихъ, иже совѣщаша на него,

ближніи его. О таковыхъ бо рече пророкъ, не помысли ближнему своему зла, тебя не постигнетъ. Той же паки рече: изрый яму, самъ впадетъ ся въ ню. Придоша же послы по реченному словеси отъ Олгерда Литовскаго и отъ Олега Рязанскаго къ безбожному царю Мамаю и дары многочестные вдаша ему и граматы писаны. Безбожный же воззрѣвъ писанія и рече: «послухаемъ сіе писаніе.» И нача думати со воеводы своими; они же разумѣша, яко прилѣжно писаніе ихъ. И рече царь: «Азъ чаяхъ, яко во едино совокуплени будутъ на мя; нынѣ же разумѣю, яко разность между ихъ велика есть. Имамъ убо на Русь быти.» Пословъ же тѣхъ чествовахъ, отпусти ихъ, а писаніе писа Олгерду Литовскому и Олегу Рязанскому: «Елико писася ко мнѣ, познахъ, а на дарѣхъ нашихъ хвалю вамъ. Колико хощете Русскія вотчины, тѣмъ васъ одарю; токмо присягу ко мнѣ имѣйте; нынѣ же срѣтите мя съ своими силами, гдѣ успѣете, да одолѣете своего недруга, а мнѣ ваша пособь недобрѣ надобна. Аще бы хотѣлъ, то и своею силою древній Іерусалимъ плѣнилъ быхъ. Но чти вашея хощу, а моимъ именемъ и вашею рукою распуженъ будетъ князь Димитрій Московскій, да огрозится имя ваше во странахъ вашихъ. А мнѣ бо достоитъ побѣдити царя себѣ подобна и довлѣетъ ми царска честь. Сице княземъ своимъ рцыте.» Послы же возвратишася къ нимъ, и повѣдаша, яко царь здравитъ, вельми хвалитъ. Они же возрадовашася о суетнѣмъ привѣтѣ *скуднымъ своимъ умомъ*, что убо сихъ царску. Аще бы врази были себѣ: то особную брань сотворили, нынѣ сія глаголы, что есть едина вѣра и едино крещеніе, а поганому приложилися и вкупѣ съ безбожнымъ хотятъ гонити православную вѣру. О таковыхъ рече патерикъ: по истиннѣ бо отсѣкошася своея маслины и присадишася къ дикой маслинѣ. И тако сіи безбожныи отвергошася вѣры христіанскія, прилѣпишася къ безбожному. Олегъ же нача паче поспѣшати и слати послы къ Мамаю царю, и рече: «подвизайся скоро.» О таковыхъ бо рече писаніе: о неразсуженія пути беззаконныхъ не спѣютъ, но сбираютъ себѣ досады и поносъ; правыхъ же путіе спѣютъ. Нынѣ сего Олега нарече втораго Святополка.———

Князь же великій Димитрій Ивановичъ поимъ брата своего князя Владиміра, иде ко преосвященному митрополиту Кипріяну и рече: «Вѣси ли, отче, господине, настоящую бѣду на насъ, яко царь Мамай идетъ на насъ въ неукротимѣ образѣ и ярости.» Преосвященный же митрополитъ Кипріянъ рече Великому князю Димитрію: «Повѣждь ми, господине, чѣмъ еси неисправился къ нему?» Князь же великій Димитрій Ивановичъ рече: «Исправилъ бо ся, отче, всѣмъ до велика къ нему, по уставу отецъ своихъ; но еще и болѣ того воздахъ ему.» Преосвященный же митрополитъ рече великому князю: «Видиши ли, господине, попущеніемъ Божіимъ, нашихъ ради грѣховъ, идетъ плѣнити въ Рускую землю. Но намъ подобаетъ Рускимъ княземъ тѣхъ утолити ради крестьянскаго роду четверицею сугубою, дабы не разрушилъ христовы вѣры. Аще ли не смирится: то Господь гордымъ противится, писано есть, а смиреннымъ благодать даетъ.——Нынѣ же возьми, господине, злата, колико имаеши, и пошли къ нему, исправися ему.» Еще князь великій Димитрій Ивановичъ слышавъ отъ Митрополита, иде съ братомъ своимъ въ казну свою и веемъ злата много, нача избирати юныхъ отъ двора своего, и избра юношу доволна смысломъ, имянемъ Захарію Тошкова, и давъ ему два толмача, умѣюща языку Татарскому и злата много отпусти съ нимъ ко Царю.————

Уже бо, братіе, не стукъ стучитъ и не громъ гремитъ въ славнѣ градѣ Москвѣ, стучитъ рать великаго князя Димитрія Ивановича. Князь же великій Димитрій Ивановичъ поемъ съ собою Володиміра Андреевича и вся князи Рускіи преславніи и иде ко Живоначальной

Троицѣ ко отцу своему Сергію преподобному и благословеніе получи отъ всей обители святыя, и моли преподобный Сергій его, дабы слышалъ князь великій литургію святую. Приспѣже день воскресенія на память Св. Флора и Лавра. По отпустѣ же святой литургіи, моли его святый со всею братіею, дабы вкусилъ хлѣба святого. Великому князю нужно есть, яко придоша къ нему вѣстницы, яко сближають поганые, и моли святого Сергія, дабы ему ослабилъ. И рече ему преподобный старецъ: «Се ти замедленіе сугубо поспѣшливо будетъ. Но уже бо ти, господине, еще вѣнецъ сея побѣды носити и минувшихъ лѣтѣхъ, а инымъ симъ мнозѣмъ плетутся вѣнцы.» Князь великій вкуси хлѣба ихъ. Онъ же въ то время повелѣ воду освящати въ мощьми святыхъ мученикъ Флора и Лавра. Князь великій скоро отъ трапезы воставъ. Преподобный же окропи его священною водою и все христолюбивое войско его, и дастъ великому князю крестъ Христовъ знаменіе на челѣ. Онъ же ему рече: «Етико ти довлѣетъ твоему государству, что ти будетъ пригоже; и рече ему князь великій: «Дай ми, отче, два стара мниха воеводы отъ полку своего: то и ты съ нами пособствуя.» И рече ему преподобный старецъ: «О кіихъ, господине?» Рече же ему Князь Великій о двою братехъ Брянскихъ, боярехъ Пересвѣтѣ и братѣ его Ослабѣ. Преподобный же повелѣ имъ вборзе готовитися. Они же, яко вѣдоми суть ратницы, послушаніе скоро сотвориша; преподобный же Сергіи дастъ же имъ отъ тлѣнныхъ оружіе вмѣсто нетлѣнныхъ, и многотвердь доспѣхъ крестъ Христовъ нашитъ на схимѣ. И повелѣ имъ вмѣсто доспѣха возлагати на себя, и дастъ ихъ въ руцѣ великому князю, и рече ему: «Се ти оружницы, а твои излюбленицы.» И рече имъ: «миръ вамъ, братія мои, постраждете, яко добліи воини Христови.» И всему православному христіянству дастъ Христово знаменіе, и дастъ имъ миръ, и благословеніе. Князь же великій Димитрій Ивановичъ обвеселися сердцемъ, неповѣда ни комуждо, еже рече ему старецъ, и пойде ко граду своему Москвѣ, аки нѣкое многоцѣнное сокровище обрѣте, радуяся о благословеніи старца. Пріиде же во градъ Москву, поимъ брата своего князя Владиміра, и иде ко преосвященному митрополиту Кипріяну и повѣда единому митрополиту, еже рече ему святый старецъ, и како дастъ ему благословеніе. Преосвященный же митрополитъ рече ему: «Никому же, Господине, неповѣдай сего!» — — — —

Князь же великій Димитрій Ивановичъ вступи во златокованное стремя и сѣде на своего любовнаго коня. Вси же князи и воеводы на свои кони сѣдоша; а солнце со всхода свѣтитъ въ путь его и вѣтрецъ тихъ и теплъ по нихъ вѣетъ; уже бо тогда яко соколи отъ златыхъ колодецъ рвахуся. Выѣхали князи Бѣлозерскіе изъ каменна града Москвы своимъ полкомъ урядъ: не бо полцы ихъ видѣти, яко достоитъ имъ избивати стада лебедина: бѣ бо храбро воинство ихъ. Князь великій Димитрій Ивановичъ рече брату своему князю Владиміру Андреевичю и инымъ княземъ и воеводамъ: «Братія моя милая, не пощадимъ живота своего за вѣру Христіанскую и за святыя церкви, за землю Русскую.» И говоритъ князь Владиміръ Андреевичъ: » Господине князь Димитрій Ивановичь! воеводы у насъ вельми крѣпцы, а Русскіе удалцы свѣдоми, имѣютъ подъ собою борзы кони, а доспѣхи имѣютъ вельми тверды, злаченные колантыри и булатныя байданы, и колчары фряжскія, корды Лятцкіе, сулицы Нѣмецкія, щиты черленные, копья злаченыя, сабли булатныя, а дорога имъ велми свѣдома, березн имъ по Оцѣ изготовлены, хотятъ головы свои сложити за вѣру Христіянскую и за твою обиду государя великаго князя.» Князь же Великій Димитрій Ивановичъ отпусти брата своего Князя Владиміра Андреевича на Брашево дорогою, а Бѣлозерскіе Князи отпусти Болванскою дорогою, рекше Деревскою, а самъ пойде на Ко-

телъ. Спереди ему солнце сіяетъ и добрѣ грѣетъ, а по немъ кроткій вѣтрецъ вѣетъ. Не пошли бо того дѣля единою дорогою, яко не вмѣститися имъ. Княгиня же великая Евдокія съ своею снохою и иными княгинями и съ воеводскими женами взыде на златоверхій свой теремъ въ набережный и седѣ подъ южными окны и рече: «Уже бо конечно зрю на тебя великаго князя!» А въ слезахъ не можетъ словеси рещи: слезы бо отъ очію льются аки рѣчныя быстрины. Воздохнувъ печално и сшибе руцѣ свои къ персемъ, и рече: «Господи Боже великій! призри на мя смиренную, сподоби мя еще государя своего видѣти славнаго во полцѣхъ, великаго князя Димитрія Ивановича. Дай же, Господи, ему помощь отъ крѣпкія руки твоея, да побѣдитъ противныя своя! Не сотвори, Господи, яко же за мало лѣтъ брань была на рѣцѣ на Калкѣ Христіяномъ съ Татары отъ злаго Батыя. Отъ таковыя же бѣды нынѣ, Господи, спаси и помилуй! Не дай же, Господи, нынѣ погибнути оставшему христіянству; отъ той бо рати Русская земля уныла; ни на кого же бо надежи неимамъ, токмо на тебя всевидящаго Бога. Азъ же унылая имѣю двѣ отрасли Князя Василія, да Юрья, но еще и тѣ мали суть. Егда похититъ ихъ вѣтръ съ юга или съ запада; то не могу терпѣти, ни на чтоже опираяся, ихъ или зной поразитъ, такоже имъ погибнути; а противу сему что сотворятъ? Возврати имъ, Господи, отца ихъ по здорову: то и земля ихъ по здорову будетъ, и онѣ во вѣки царствуютъ.» — — —

Тогдаже возвѣяша силни вѣтры по велицѣй широтѣ, воздвигошеся зелиды князи, а по нихъ Русскіи сынове утѣшно градутъ, аки мѣдяны чаши пити и стеблевиины ясти. Но не мѣдяны чаши пити, ни стеблевиины ясти градутъ; хотятъ укупити чти и славнаго имяни во вѣки земли Русской, великому князю Димитрію Ивановичю похвалу и многимъ государемъ. Дивно и грозно бо въ то время слышати, а громко въ варганы бьютъ, тихо ся поволокою ратныя трубы трубятъ, многогласно бо конѣ ржутъ. Звѣнитъ слава по всей Русской земли, велико вѣчьѣ бьютъ въ великомъ Новѣградѣ: стоятъ мужи Новогородцы у святыя Софѣи премудрости Божія, аркучи межу собою таково слово: «уже намъ, братіе, на помощь не поспѣти къ великому князю Димитрію; уже бо яко орли слеталися со всей Русской земли, съѣхалися дивныя удальцы, храбрыхъ своихъ пытати.» Не стукъ стучитъ, не громъ гремитъ, по зорѣ стучатъ и гремятъ Русскіе удалцы. Князь Володимиръ Андреевичъ возится рѣку на Красномъ перевозѣ въ Боровскѣ. Князь же великій Димитрій Ивановичъ пріидѣ на Коломну, на память святаго Отца Моисея Мурина, въ среду, августа 28 день. — — —

Князь же великій Димитрій Ивановичъ урядивъ полки и повелѣ за Оку рѣку возитися. Заповѣдавъ же всякому человѣку, и рече: «Кто же ни пойдетъ по земли Рязанской и по улусомъ, да никто же не приткнется ни ко единому власу, въ землѣ ихъ.» Самъ же веземъ благословеніе отъ епископа Коломенскаго и перевезеся Оку рѣку и посла трехъ сторожей, избранныхъ витязей, и рече имъ: «*нелны* своими очима видѣтися съ татарскими полками.» А посла Семена Мелика, да Игнатія Крѣня, Фому Тишина, Петра Юрскаго, Карпа Алексина, Петрушу Чюрикова и иныхъ многихъ съ ними, а посла и рече князь великій брату своему князю Владиміру: «поспѣшимъ, братіе, противу безбожныхъ силъ, не утулимъ лица своего отъ поганыхъ; аще смерть случится намъ, тамо дома живучи едина кому умрети же: отъ смерти бо, братіе, не избыти.» Всякъ же идый путемъ, призывая и Бога на помощь, и сродники своя Русскіе Князи Бориса и Глѣба.

Слышавъ же то Князь Олегъ Рязанскій, что Князь Димитрій Ивановичъ собра многи рати, и иде во срѣтеніе безбожному Царю Мамаю, а сердцемъ неупално и твердою своею вѣрою крѣп-

ко хощетъ съ погаными видѣтися, имѣя упованіе на Бога вседержителя. Князь Олегъ Рязанскій нача приходити отъ мѣста на мѣсто и глаголати со всѣми бояры: »Начальному дѣлу неудобь быти разумну, аще бо мощно послати ко многоразумному Олгерду таковаго вѣстника, како мыслити намъ; уже бо заступили пути наша; но азъ убо по правиломъ чаяхъ, яко же не подобаетъ великому царю Русскому противу безбожному царю ити. Нынѣ убо что се сдумалъ? Откуду себѣ помощи чаяти имамъ, яко противу трехъ насъ вооружился?» И рекоша ему бояре его: «Мы слышахомъ, княже, за осмь дней до сего дни и не смѣли тебѣ повѣдати. Сказываютъ, есть въ вотчинѣ его *калугеръ*, именемъ Сергій, и святъ и прозорливъ вельми: той-де его благословилъ и вооружилъ противу намъ, да еще де и отъ своихъ калугеръ далъ ему пособника». Слышавъ же то князь Олегъ Рязанскій, устрашися сердцемъ и распадеся мыслію, нача молитися Бога и сердитовати на бояре своя: «Почто ми есте преже сего дни не сказали, дабы шедъ умолилъ нечестиваго царя, ничтоже бо зла сотворилъ Русской землѣ; но изгубихъ умъ свой и не азъ единъ оскудѣхъ умомъ: болѣ меня есть Олгердъ: и тотъ ся продумалъ; съ меня же болѣ его Богъ взыщетъ. Онъ бо имѣетъ законъ *гугниваго Петра*, азъ же разумѣхъ истинныя вѣры законъ, но что ради зло сотворихъ, того бо ради рече: Аще рабъ не соблюдетъ заповѣди Господина своего, то біенъ будетъ. Нынѣ же убо азъ что сотворихъ и которому худому уму вдахъ себя? нынѣ убо что сдумаете ми? Приложилъ бы ся къ великому князю и поборалъ бы по немъ; то отнюду не приметъ мя; вѣдаетъ бо мою измѣну. Аще приложуся царю: то по истинѣ древній гонитель буду на православную вѣру Христову, яко же иногда Святополка земля жива пожретъ мя. Аще ли Господь по нихъ: то кто можетъ зло думати на нихъ? Но и еще молитва онаго прозорливаго *мниха* къ Богу. Или ни единому помощи не сотворю; то впереди како могу отъ обоихъ прожити? нынѣ же кому Господь поможетъ, къ тому присягу имѣю».—

— —.—

Князь же великій повелѣ вою своему Донъ возитися: сторожи же мнози ускариваютъ, яко ближутся Татарове. Мнози же Русскіе удальцы возрадовалися, зря своего желаннаго подвига, его же на Руси вжелѣша. За многіе же дни прiидоша на то мѣсто мнози волцы, по вся нощи воютъ непрестанно: гроза бо велика есть слышати, храбрымъ полкомъ сердца утверждаетъ, и мнози вороии собрашася, необычно неумолкающе граютъ, галицы же своею рѣчью говорятъ и мнози орли отъ устъ Дону приспѣша, лисицы на кости брешутъ, ждучи дни грознаго, Богомъ изволеннаго, въ оньже имать пастися множества трупа человѣческаго и кровопролитія, аки морскимъ водамъ. Отъ таковаго страха и отъ великія грозы дерева приклоняются и трава постилается, и много обоихъ унываетъ, видяще предъ очима смерть. Поганіи же начаша студомъ омрачатися о погибели живота своего, правовѣрніи же человѣцы паче процвѣтоша, чающе оного совершеннаго обѣтованія и прекрасныхъ вѣнецъ отъ Христа Бога Вседержителя, о нихъ же повѣда преподобный старецъ. Вѣстницы же ускоряютъ, яко ближатъ поганіи.

Князь же великій поимъ брата своего князя Владиміра и Литовскіе Князи и воеводы и вся мѣстныя Князи, выѣха на высокое мѣсто и видѣ образъ святый же Іисусъ вообраэенъ христіянскимъ знаменіемъ, аки солнце свѣтящеся и стязи ревутъ наволоченіи простирающеся, аки облацы тихо трепещущи, хоругви аки живи пашутся, а доспѣхи Русскіе, аки воды во вся вѣтри колыблются, шеломы на главахъ ихъ златомъ украшены, аки утренняя заря во время вѣдряна солнца свѣтящеся, ловцы же шеломовъ ихъ, аки пламя огнеявно пашется. Мысленно бо есть видѣти, ужасно зрѣти таковыхъ Русскихъ

князей, и ихъ удальныхъ дѣтей боярскихъ собранія и учрежденія. Удивишася же Литовскіе князи, ркучи: «Ни есть быти достойну при насъ, ни преже насъ, ни по насъ таковому воинству: много бо множество есть, яко же Гедеоновыхъ союзницъ, но и боле того есть Господь Богъ силою своею вооруже ихъ».———

Уже есть быть противу свѣтоноснаго дни праздникъ Рождества святей Богородицы; осени же тогда одолжившеся днемъ лѣтнимъ. И бысть же теплота и тихость въ нощи той и мрацы росніи являшеся. Поистиннѣ бо рече: нощь не свѣтла невѣрнымъ, вѣрнымъ же просвѣщеніе. Рече же Дмитрій Волынецъ великому князю примѣту: «Войску же бо вечерняя заря потухла». Дмитрій же сѣдѣ на конь свой, поимъ съ собою великаго князя, выѣхавъ на поле Куликово и ставъ посредѣ своихъ полковъ, обратився на полки Татарскіе, слышахъ стукъ великъ и крикъ, аки торзи снимаются, аки городы ставятъ, трубы гласяще. И бысть же назади Татарскихъ полковъ волцы воютъ вельми грозно, по правой же странѣ ихъ вороны и галицы безпрестанно кричаще; и бысть великъ трепетъ, птицамъ прилетающимъ отъ мѣста на мѣсто, аки горамъ и грающе, противу же имъ на рѣцѣ на Непрядвѣ гуси, и лебеди и утята крилами плещутъ необычно и велику грозу подаютъ. Рече же Волынецъ великому князю: «Что еси, господине княже, слышавъ?» И рече князь великій: «Слышахъ, брате, гроза велика есть». И рече Волынецъ: «Обратишеся, Князь же, на полки Русскіе». И яко же обратишася и бысть тихость велика. Волынецъ же рече великому князю: «Что еси, господине, слышалъ?» Онъ же рече: «Ничто же, брате, слышати, но токмо видѣхомъ отъ множества огней зари имашася». И рече Димитрій Волынецъ: «Княже господине, добра суть примѣта и знаменія! Призывай Бога небеснаго и не оскудѣвай вѣрою.» И паки рече: «Еще ми примѣта есть.» Снедъ съ коня, и паде на землю на правое ухо, предлежа на долгъ часъ и ставъ абіе поничѣ. И рече ему князь великій: «Что есть, брате, примѣта?» Онъ же не хотѣ сказати ему. Князь же великій нудивъ его добрѣ. Онъ же рече ему: Едина ти есть на пользу, а другая скорбная; слышахъ землю плачющуся на двое, едина страна аки нѣкая жена плачющеся чадъ своихъ Еллинскимъ языкомъ, другая же страна, аки нѣкая дѣвица, просопѣ аки въ свирѣль, едина плачевнымъ гласомъ. Азъ уже множество тѣхъ примѣтъ испытахъ, сего ради надѣюся на Бога и на святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба, сродниковъ вашихъ. Азъ чаю побѣды на поганыхъ а христіянъ множество падетъ.» Слышавъ же то князь великій, прослезився, рече: «Да будетъ воля державѣ Господней.» И рече ему Волынецъ: «Неподобаетъ ти, государю, того никому въ полцѣхъ повѣдати, но комуждо молити Бога вели, и святыхъ его на помощь призывати.»

Въ туже нощь нѣкто мужъ етеръ разбойникъ, именемъ Ѳома Хаберцеевъ, поставленъ сторожемъ отъ великаго князя, мужъ роденъ, а поставленъ на крѣпку сторожу отъ поганыхъ; сего же человѣка увѣряя Богъ и откры ему видѣніе въ нощи: той видѣвъ на высоцѣ облакъ изрядно идяше отъ востока, изъ него же изыдоша два юноши свѣтлы, имуще во обоихъ рукахъ мечи остры и ркуще полковникамъ: «Кто вамъ повелѣ требити отечество наше: намъ бо дарова Господь.» И наѣхаша ихъ сѣчи. Оттолѣ же увѣренъ бысть человѣкъ той, и нача быти цѣломудръ. На утріи же повѣда великому князю едному. Онъ же рече ему: «никомужъ сего повѣдай.» Самъ же воздѣвъ руцѣ на небо и нача молитися глаголя: «Господи владыко, человѣколюбче, молитвою святыхъ мученикъ Бориса и Глѣба, помози, Господи, яко Моисею на Аммалика и Давиду на Голіяфа и первому Ярославу на Святополка и прадѣду моему, великому князю Александру на хвалящагося ко-

роля Римскаго. Воздай же ми, Господи, не по грѣхомъ моимъ; но излѣй на ны милость свою, и просвѣти насъ благоутробіемъ твоимъ, да не порадуются врази наша въ насъ и не рекутъ во страхахъ вѣрныхъ: гдѣ есть Богъ ихъ, на него же уповаша?...

(Сказанія Сахарова, т. I вып. IV).

3) Сказаніе о Муромскомъ Князѣ Петрѣ и супругѣ Его Февроніи.

Изъ повѣсти о Петрѣ и Февроніи Муромскихъ.

Князь Петръ избавилъ брата своего, муромскаго князя Павла, отъ страшнаго змѣя, но ядомъ змѣинымъ заразился самъ до того, что весь покрылся струпьями. Напрасно лечили его въ Муромѣ. Наслышавшись о врачахъ рязаньской земли, онъ велѣлъ везти себя туда, и пріѣхавъ, разослалъ мужей своихъ за врачами. Єдінъ же от предстоящихъ емоу юноша оуклонися въ вѣсь нарицающу Ласково, пріиде к некоемоу вратомъ, и не видѣ никогоже, и въниде въ домъ, и нѣ бѣ кобы его чтилъ, и въниде въ храмину и зря видѣніе чюдно; сидяше бо дѣвица, ткаше красна, предъ нею же скача заяцъ, и глаголя дѣвица: не лѣпо есть быти дому без оушію и храму без очію; юноша же то не внятъ въ оумѣ глаголъ... рече к дѣвицы: гдѣ есть человѣкъ мужеска полу иже здѣ живетъ; онаже рече: отецъ мой и мати моя поидоша въ заемъ плакати, братъ же мои идѣ чрезъ ноги въ нави зрѣти; юноша же тои не разоумѣ глаголъ ея, дивляшеся зря, и слыша вѣщь подобну чюдеси, и глагола дѣвицы: въпидохъ къ тебѣ зря тя дѣлающ (у), и виде же заяцъ пред тобою скача и слышоу отъ оустну твою глаголы странны, никако сего не вѣмъ что глаголеши: перво бо рече: нелѣпо есть быти дому без ушію и храму без очію; про отца же твоего и матерь рече яко идоша в заемъ плакати, братъ же своего глаголеши чрезъ ноги въ нави зрѣти и ні єдіного слово от тебѣ разоумѣхъ. Она же глагола емоу: сего же ли не разоумѣши? пріиде въ домъ мой сіи, въ храмину мою вниде, и видѣвъ мя сидящу въ простотѣ: аще бы былъ въ домоу наю песъ и чювъ тя къ дому приходяща, лаелъ бы на тя: се бо есть домоу оуши; аще бы было въ храминѣ моей отроча и видѣлъ тя ис храмины приходяща, сказала (о) бы ми: се бо есть храму очи; а еже сказахъ ти про отца и матерь и про брата, яко отецъ мой и мати моя идѣ въ заемъ плакати: пошли бо соуть на погрѣбаніе мертваго и тамо плачоутъ; егда же по нихъ смерть пріидетъ, то иніи по нихъ оучпутъ плакати: се же есть замованный плачъ; про брата же ти глаголахъ: яко отецъ мои и братъ дрѣволѣзцы соуть, въ лѣсе бо медъ отъ древъ всякъ въземлютъ; братъ же мой нынѣ на таково дѣло иде, і якоже лѣсти надрѣво въ высоту чрез ноги въ нави зрѣти, мысля абы не оурьватися с высоты; аще ли кто оурьвется, сеи живота гонзнетъ; сего ради рѣхъ, яко идѣ чрез ноги въ нави зрѣти. Глагола же еи юноша: вижю ти дѣвицоу мудроу сущоу: повѣжь ми имя свое. Она же рече: имя ми есть Февронія. Той же юноша рече к ней: азъ есми муромьскаго князя Петра служаи ему; князь же мой имѣя болѣзнь тяжкоу и язьву остпрупьлену, бо бывшоу от крови летящаго змія, егоже есть оубилъ своими роуками, и во своемъ одерьжаніи искаше исцеленія ото много врачевъ, и ні от єдінаго получи; сего ради семо повелѣ себѣ привести, яко слыша здѣ мнози врачевѣ, но мы не вѣмы камо (ко) имѣноуются, ни жилище ихъ вѣмы, да того ради въпрошаемъ от нею. Она же рече: аще бы кто требовалъ князя твоего себѣ и моглъ бы оуврачевати. Юноша же рече: что оубо глаголеши еже ктомоу требовати князя моего себѣ? аще кто оуврачюетъ и князь мои дастъ емоу имѣнія много; но скажі ми врача того, кто есть и камо есть живетъ? Она же рече: да пріведеши князя моего сѣмо; аще будетъ мяхгосерьдь и сміренъ во отвѣтехъ,

да боудетъ здравъ. Юноша жь скоро возвратися ко князю своему и повѣда ему все порядоу еже видѣ и еже слыша. Благовѣрный же князь Петръ рече: да везете мя, гдѣ есть дѣвица, и приведоша (его) въ домъ той, в немъ же бѣ дѣвица. И посла к ней от отрокъ своихъ глаголя: повѣжь ми, дѣвице, кто есть хотя мя оуврачевати, да оуврачюютъ мя и возьметъ имѣнія много? Она не обинуяся рече же: азъ есмь хотя изврачевати, но имѣнія не требоую от него пріяти, імамъ же отъ него слово таково: аще бо не имамъ быти соупруга емоу, не требе ми есть врачевати его. Пришедъ человѣкъ той и повѣда князю своему, яко же рече дѣвица. Князь же Петръ яко не брети словеси ея, и помысли: како князю соущу древоласца дщи пояти себѣ женоу и пославъ къ ней, рече: рцыте ей, что есть врачество ея, да врачюетъ. Аще ли уврачюетъ, имамъ пояти ю жену себѣ. Пришедши же юноша, рѣша ей слово то (*). Она же, вземъ сосудъ малъ, почерпе киследи своей и доуну на ня и рече: да оучредятъ князю вашему баню и да помажутъ по телу своему, идѣ же есть струпы и язвы, и едінъ строупъ да оставитъ не помазанъ: и боудетъ здравъ. І принесоша къ нему таково помазаніе. И повелѣ оучредити баню, дѣвицу же хотя искоусити во отвѣтехъ, аще мудра есть, яко слыша глаголы ея от юноши своего, посла къ неи съ единымъ отъ слоугъ едіно повѣсмо льноу, рече: яко сія дѣвица хощетъ ми соупруга быти мудрости ради; аще мудра есть, да земъ льноу оучинитъ ми срачицу, и порты и полотеньцо в ту годину, в нюже в бане пребоуду. Слоуга же принесе к неи льноу повѣсма и князь же (княже) слово сказа. Она же рече слоузе: взыди на пѣщь нашу и снемъ сградъ полѣньца, снѣси ми сѣмо. Онъ же, послушавъ ея, снѣсе поленца; она же отмѣривъ пядію и рече: отсѣки се отъ поленьца сего: онъ же отсѣкъ. Она же глагола: возми оутинокъ полѣньца сего и шедъ дай же князю своемоу и от мене рьцы емоу: въ кіи часъ се повѣсма азъ очешу, а князь твои да приготовитъ ми в сѣмъ оутиньцы станокъ и всѣ строеніе вымъ сочтется полотно. Слоуга же принесе ко князю оутинокъ полѣньца и речи дѣвичи сказа. Князь рече: шедъ, рцы дѣвицы, яко невозможно есть въ таковѣ древцы въ млвѣ и в такову малу годиноу сицева строенія сотворити. Слоуга же, пришедши, сказа ея князю же речь; дѣвица же отрече князю: а се ли возможно есть человѣкоу мужеска полу возраста во едіномъ повѣсмѣ льноу въ малу годину, въ нюже пребудетъ въ бани, сотворити срачицу и порты и оубрусецъ? Слоуга отъидѣ и сказа князю. Князь же дивляся отвѣту ея. И по времени князь Петръ идѣ въ баню мытися и повелѣніемъ дѣвица помаза язьвы и строупы своя и единъ строупъ остави непомазанъ по повелѣнію дѣвицы. Изыде же изъ бани ничтоже болѣзьни чюяше; на утрія же оузрѣ и все тѣла здрава и гладка, развѣ едінаго струпа, еже бѣ не помазанъ по повелѣнію дѣвичю, и дивляшеся скорому исцѣленію; но не восьхоте пояті ю себѣ женою отчества ради. И посла к неи дары. Она же не пріятъ.

Князь же Петръ поеха въ вочину свою во градъ въ Моуромъ здраствуй. На немъ же бо едінъ струпъ еже бе не помазанъ повелѣніемъ дѣвичимъ, и от того строупа начаша многи струпы расходитися на тѣло его от перваго дни, в онь же поеха во отчиноу свою, и бысть весь остроупленъ.

И паки възвратися на готовое исцѣленіе къ дѣвицѣ; якоже присиѣ въ домъ ея і со студомъ посла къ неи прося врачеванія. Она же, ни мала гнѣва подеръжавъ, рече: аще боудетъ ми супроужъникъ, да боудетъ оуврачеванъ; онъ же с твердьостію слово дасть еи, яко иматъ пояти женоу себѣ. Сія же паки, якоже и преже, тожъ врачеваніе дасть емоу, се же преже писахъ. Онъ же вьскорѣ

(*) Вставлено изъ другаго варьянта для восполненія недостающаго въ рукописи мѣста (Прим. О. Миллера).

исцелѣнія получивъ, і поя женоу себѣ. Токою жъ виною бысть Февронія княинѣ. Пріидоша во отчиноу свою градъ Муромъ и живяста во всякомъ благочестіи, ничтоже от Божія заповѣди оставляюще.

По малеже дни предреченьный князь Павелъ отходить житія своего; благовѣрный же князь Петръ по брате своемъ едінъ самодерьжавецъ бываетъ граду своему; Кънянини же Февроніи бояре же его не любяхоу женъ своихъ ради, і яко бысть княгини, отечества ради ея, Богоу прославльяющоу ю добраго ради житія ея. Никогда (нѣкогда) же бѣ нехто от предстоящихъ ей пріидѣ къ благотворному князю Петроу наводити на ню: яко от коегож.. своего безчину исходитъ внегьда бо во... си и взимаетъ въ рукоу свою крох... Благовѣрный же князь Петръ, хотя ю искусити, повелѣ да обѣдаетъ с нимъ за едінымъ столомъ. Яко оубо сконьчавьшоуся столоу, она же яко обычаи имяше веемъ со стола в роуку свою крохи и князь Петръ пріимъ ю за рукоу и развѣде и видѣ ладонъ добровоньной и фимьянъ, и от того дни оста ю ктому не искоушати.

По множемъ же врѣмени пріидоша к нему сь яростію бояре рькуще: хощемъ, княже, вси праведно слоужити тебѣ и самодерьжавцомъ имѣти тебѣ, но княини Февроніи не хощемъ, да господьствуетъ женами нашими, а хощеши самодержавцемъ быти, да боудетъ ти иная княгиня, Февронія же возмѣть богатества довольно себѣ, и отидетъ аможе хощетъ. Блаженный же князь Петръ, яко ему обычаи, ни о чесомъ ярости имѣя, смиреніемъ отвѣщая: яко же речете, и тогьда слышимъ. Они же, невежства напольнившися бесьтоудія, оумыслиша да оучредятъ пиръ. И сотворимъ (сотвори имъ). Якоже быша весели, начаша простирати бестоудьныя своя глаголы аки пси лающа отемлюще оу святыя Божіи даръ, еи еже Богъ и по смерти неразлучна обещалъ есть, и глаголаху: Февронія! Весь градъ и бояре глаголютъ тобѣ: даждь его же мы просимъ оу тебѣ? И она рече: да возмета его же просита. Она же едінымы оусты рекоша: мы оубо, госпоже, вси князя Петра хощемъ, да самодерьжьствоуетъ надъ нами. А тебѣ жены наши не хотятъ яко господствоуеши надъ нимі; веемъ богатесьтво довольно себѣ, отидеши аможе хощеши. Она же рече: обещахся вамъ яко елико аще просите и прѣмета. Азъ же вамъ глаголю: дадіте мнѣ егоже аще азъ попрощу ваю. Они же зли ради бывше и (не) свѣдоуще будоуща его, и глаголаша с клятвою: яко аще просиши единаго, безъ прекословія веемши. Она же рече: ино прошу токмо соупруга моего князя Петра. Они же рѣша: аще самъ восхощетъ, ни о томъ тебѣ глаголемъ. Врагъ бо напольни имъ мысли, яко аще не боудетъ князь Петръ, да поставимъ себѣ иного самодерьжьцемъ. Нѣкии же от бояръ во оумѣ своемъ держаше яко самъ хощетъ самодерьжьцемъ быти.

Блаженный же князь Петръ не возлюби временнаго самодержьства кромѣ Божіихъ заповѣдеи, но по заповѣдемъ его шествоуя, дѣрьжася сихъ заповедѣи, яко богоглаголаньныи Матьфеи во своемъ благовѣстіи вѣщаетъ, рече бо: яко аще пострижетъ (*) женоу свою разьвѣ словѣси прелюбодѣйнаго и оженится иною, прелюбы творитъ; сей же блаженьный князь по евангелію сотвори, да заповѣди Божіи не разрушитъ. Они же злочестивіи бояре давше имъ соуды на реце; бѣ бяше под городомъ рѣка, глаголемая Ока; они же пловоуще по рекѣ в соудѣхъ, нѣкто же бѣ человѣкъ оу блаженныи княини Февроніи в соудне и жена его в томъ же соудне бысть; той же человѣкъ, оубо пріимъ помыслъ отъ лоукаваго бѣса, възрѣвъ на святую с помысломъ; она же разоумѣхъ злои его помыслъ, и вскорѣ обличи и рече ему: почерьпи воды из реки сея сію страноу судна сего. Онъ же почерпе. И повелѣ

(*) Въ Евангеліи читается: иже аще *пустить* жену свою... Мат. 19. 9.

ему испити: Онъ же пивъ. И рече же паки она: почерьпи оубо воды з другои страны соудна сего. Онъ же почерьпе. И повелѣ ему паки испити. Онъ же пивъ. Она же рече: равьна ли оубо си вода есть или едіна сладши? Онъ же рече: едіна есть, госпожа, вода. Паки же она рече: сице едіно естество женское есть; ночью оубо свою женоу оставляя и чужія мыслиши? Той же человѣкъ оувидѣ, яко въ ней есть прозрѣніе даръ, бояся к тому таво помышленія.

Вѣчероу же бывьшоу, начаша ставитися на березѣ, блаженный же князь Петръ яцо помышьляти начатъ како боудетъ, понеже волею самодерьжаство гознуся, и прѣдивьна яже княиня Февронія глагола емоу: не скоръби, княже, милостивъ Богъ творецъ и промысленикъ всему не оставитъ насъ въ нищетѣ быти. На брѣзе же томъ блаженьномоу князю Петру на вечерю его ясть готовляхоу, и потомъ поворъ его дрѣвьцє малы, на нихъ же котьлы итяхоу; по вѣчериже святая княгини Февронія ходящи по брѣгоу и видѣвьши дрѣвьца тыи, благослови рекше: да боудутъ сіи на оу... дрѣва велицы имущи листвія. И бысть такоже. Въставьши въ оутрѣ, обрѣтоша тыя дрѣвьца велико дрѣвіе, имоуще вѣтвіе и листвіе.

Якоже хотяхоу людіе ихъ роухлетъ вмѣтати въ соуды со брѣга, пріидоша же иже вельможа отъ града Мурома, рекоуще: Господи княже! от всѣхъ вельможъ и от всего града пріидохъ к тебѣ: да не оставиши насъ сирыхъ, но возвратишися на свое отечествіе; многи бо вельможи въ граде погибоша отъ меча, кииьдо ихъ хотя держьавствовати, сами изгубиша, а оставьшіи вси с народомъ молятъ, глаголюще: господи княже! аще прогънѣвахъ тя и раздражихъ ти, не хотящимъ княгини Февронія господствуетъ женами нашими, и нынѣ же со всѣми домы своими рабя ваю есми, и хотимъ, и любимъ, и молимъ: да не оставите насъ, рабъ своихъ. Блаженьный же князь Петръ и блаженьная княгиня Февронія възвратившася во градъ свои, и бяхоу дерьжавьствоующи въ граде томъ, ходяща во всѣхъ заповѣдехъ и оправьданіихъ господнихь бес порока, въ мольбахъ непрестаньныхъ, и молитвахъ, и въ милостыняхъ ко всѣмъ людемъ, под ихъ властію соущимъ, аки чадолюбивіи отець и мати имѣста ко всѣмъ любовь равьну имоущи, не любяста горьдости ни грабьленія, ни богатества тлѣньнаго щадяше, но въ Бога богатѣюще. Бѣста бо своему граду истиньная пастыря, а не яко паемьника: градъ бо свои истиньною кротостію, а не яростію правяще, и странныя пріемьлюще, альчныя насыщающе, нагія одѣвающи, бѣдныя от напасти избавьляющи.

Егьда же приспѣ благочестно преставленію, і оумолиша Бога, да во едінъ часъ боудутъ преставьленіе ею, и съвѣтъ сотвориша да боудутъ положены оба въ едіномъ гробѣ, и повелѣша оучредити собѣ во едином камени два гроба, едіну токьмо предградоу имущи межоу собою. Сами же во едіно время облекошася во мьнишескіи ризы, и нареченъ бысту блаженный князь Петръ, во иноческомъ ино Давидъ, преподобная же Февронія наречена бысть во иноческомъ чиноу Еоуфросинія.

В тоже время преподобная Февронія, нареченая Еоуфросинія, въ храмъ пречистыя соборьныя церкви своима роукама шияше воздоухъ, на немъ же бѣ лики святыхъ, преподобный же и блаженьныи князь Петръ, нареченныи Давидъ, приславъ къ неи, глаголя: о сестро Еуфросинія! хощу оуже отити от тѣла, но ждоу тобя, да купно отоидемъ. Она же рече: пожди, господине, да яко дошью воздухъ во святоую церковь. Онъ же въторицею послалъ къ нѣи, глаголя: оуже бо мало пождоу тебѣ. І яко же третицею глаголя, приславъ к нѣи: оуже бо хощу преставитися, не ждоу тебѣ; она же останошьное дѣло въздоуха святаго шияши, оуже бо едінаго святаго разъ еще не доишвъ, лице же нишивъ, и преста, и вотькне иглоу, и приверьте нитію, еюже шияше, и посла

к блаженьномоу изреченному и Давидоу о преставьленіи коупьнѣмъ, и помолимся предста въкоупѣ святая своя душа и руцѣ Божіи мѣсяца іюня въ 25 день.

По преставленіи еже ею, хотѣста людіе, яко да положенъ блаженьныи князь Петръ боудетъ внутри града оу соборныя церкви пречистыя Богородицы, Февронія же вънѣ града в женстемъ монастыри оу церкви Воздвиженія честнаго креста, рькоуще: яко в мьнишескомъ образѣ не оугодно есть положити святыхъ въ єдіномъ гробѣ. Оучредиша имъ гробы особно и обложиша телеса ихъ вънѣ: святаго Петра, нареченнаго Давида, тѣла вложиша во особьныи гробъ, и поставиша въноутрь града въ церкви пречистыя Богороцицы даоутрія, святая же Февронія тѣло вложиша вънѣ града оу церкви Воздьвиженія честнаго креста; общій же гробъ, егоже сами повѣлеша истесати собѣ во единомъ камени, оста тощъ въ томъ же храмѣ пречистые соборьные церкви, иже въноутрь града. На оутрія же воставша людіе, обрѣтоша гроби ихъ особнія тощи и въ ня же в нихъ вложистася, святая же тѣлеса ихъ обрѣтоста въноутрь града въ соборныя церкви пречистыя Богородицы во єдіномъ гробѣ, егоже сами себѣ повелѣша сотворити. Людіе же неразумьніи, якоже въ животѣ о нихъ мятущася, тако и по честнемъ ею преставленіи, паки положиша во особъныи гробы и паки разьнесоша; и паки же обрѣтоша на оутріи святіи во єдіномъ гробѣ; и къ тому не смѣяху прикоснутися святымъ ихъ телесемъ, и положиша во єдіномъ гробѣ, въ немъ же сами повелѣста, оу соборьныя церкви Рожества пречистыя Богородица въноутрь града, еже есть далъ Богъ на просвѣщеніе и на спасеніе граду томоу; иже бо с вѣрою прирыщущихъ к мощемъ ихъ неоскудьно исцѣленіе пріемлють.

(Памятники Старинной русской Литературы вып. I, стр. 30—34.)

XV ВѢКЪ.

1. Сказаніе Іосифа Волоцкаго о нововявившейся ереси Новогородскихъ еретиковъ и отступниковъ.

(1491).

(Древняя Рос. Вивліоѳика, т. 14 и 16).

Подобаетъ вѣдати, яко многи ереси въ различныя лѣта и времена діаволъ внесе, и много плевелъ зловѣрія служащими ему ересеначальники беззаконными во всей вселеннѣй насѣявъ на превращеніе и смущеніе правыя вѣры, ихъ же проклинаетъ Святая Божественная Апостольская церковь, и съ ними же единомысленники ихъ, о ихъ же многа суть списанія Святыхъ и Преподобныхъ и Богоносныхъ Отецъ нашихъ, но яже въ первыхъ лѣтѣхъ, явльшихся еретиковъ, вси видятъ, православія свѣтомъ просвѣщаеми, и подъ клятвою сихъ имать, отъ Божественныхъ писаній научившеся, а еже нынѣ въ наша лѣта многи ереси діаволъ безбожными еретики всѣявъ, праведно непщевахъ сказати, но яко да ученія ихъ убѣжимъ, и совершенною ненавистію возненавидимъ ихъ, имать же сказаніе сице: Руская великая земля, иже убо древле идолъ неистово омрачашеся тьмою, до конца оскверненна сущи, и безбожныхъ прилежащи дѣлъ, егда же единородный сынъ Божій, сый въ нѣдрѣхъ отчихъ, и своего созданія нетерпя зрѣти, грѣхомъ поробощаема, о семъ своимъ милосердіемъ преклонись, явися человѣкомъ, по насъ кромѣ грѣха, отча престола не оставль, въ дѣвицу вселися насъ ради, да и мы вселимся на небеса, и отъ древняго паденія востахомъ, и отъ грѣхъ свободихомся, преднее сынотвореніе воспріимше, все убо плотское, еже о насъ, совершивъ смотреніе, крестъ же и смерть воспріимъ, и съ небесными преславно сотворивъ земная, воскресе же изъ мертвыхъ, со славою на небеса вознесеся, одесную величе-

ствія отча сѣдъ, самовидцемъ его ученикомъ по обѣщаніи въ видѣніи огненныхъ языкъ утѣшительный Духъ посла, и посла ихъ во вся языки просвѣщати во тьмѣ невѣдѣнія сѣдящихъ, и крести ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, якоже оттолѣ овѣмъ бо восточныя страны, овѣмъ же западныя, пріятъ приходити, сѣверныя и южныя протецати страны, и повелѣнныя имъ исполняюще заповѣди, тогда Святый Андрей, единъ сый отъ двоюнадесятаго числа, ученикъ Христовъ, братъ Петра Верховнаго Апостола, и отъ Іерусалима въ Синапію пріиде, и отъ Синапіи въ Херсонь, и отъ Херсоня пойде Днѣпромъ вверхъ, и ста подъ горами при брезѣ, и заутра вставъ, и рекъ къ сущимъ ту съ нимъ ученикомъ: видите ли сія горы, яко на сихъ горахъ возсіяетъ благодать Божія, и будетъ градъ великъ, и церкви многи имутъ быти, и вшедъ на горы тыя, и благослови ихъ, и постави крестъ, и помоляся Богу, и сниде съ горы, идѣже нынѣ градъ Кіевъ, и пойде по Днѣпру вверхъ, идѣже нынѣ Новградъ Великій, и оттуду пойде въ Варяги, и пріиде въ Римъ; проповѣдати жь слово спасенное въ Рустѣй земли возбраненъ былъ отъ Святаго Духа, его же судьбы бездна многа, и сего ради суть сія не сказанны, по всѣмъ же странамъ спасенная проповѣдь Евангельская изыде, и вси отъ тьмы идольскія избавлени быша, и свѣтомъ Богоразумія озаришася, точію же Руская земля помрачися тьмою идолобѣсія, и скверными дѣлы до конца осквернена сущи, и много убо время прейде по вознесеніи на небеса единороднаго Сына Божія, и яко въ тысяща лѣтъ достиже, отъ созданія же міру лѣтъ 6500, но не терпя своего созданія зрѣти погибающа, и Святая и блаженная и поклонная Троица, и посѣти насъ востокъ свыше, и свѣтомъ Богоразумія просвѣти, и вѣрою благочестія, премудростію же и разумомъ Самодержца и Владыки, всея Русскія земли Блаженнаго Владиміра сына Святославова и внука Игорева и Блаженныя Ольги, правнука Рюрикова, призрѣ Богъ на него и всевидящее его око, и просвѣти его Божественнымъ крещеніемъ, и бысть сынъ свѣта, и не токмо же самъ единъ подщася спастися, но и всѣхъ спастись подвижась, и всѣмъ повелѣ креститися во имя Отца и Сына и Святаго Духа, отъ того времяни солнце Евангельское землю нашу осія и Апостольскій насъ громъ огласи, Божественныя церкви и монастыри составишася, и быша мнози Святителіе жь и Преподобніи, Чудотворцы же и Знаменоносцы, якоже златыми крылома на небеса возлетаху, и якоже древле нечестіемъ всѣхъ превзыде Руская земля, тако и нынѣ благочестіемъ всѣхъ одолѣ во инѣхъ странахъ, аще и мнози бяше Благочестивіи же и Праведніи, но мнози бяху нечестивіи же и невѣрніи съ ними живуще, и еретическая мудрствующе.

Въ Рустей же земли нетокмо веси и села мнози и несвѣдоми, но и гради мнози суть, иже ниединаго имуща невѣрна, или еретическая мудрствующе, но вси единаго пастыря Христа едина овчата суть, и вси единомудрствующе, и вси славяще Святую Троицу, еретика же, или злочестива нигдѣ же никто видѣлъ есть, и тако быша 400 и 70 лѣтъ, но оле, еже на насъ твоея злобы сатана ненавидяй добра діаволъ вселукавый, злымъ помощникъ и споспѣшникъ, Божій отместникъ, поглотивый міра всего и ненасытивыйся, возненавидѣвый и небо и землю, и вѣчнѣй тьмѣ вожделѣвый, зри, что творитъ, и что козниствуетъ.

Бысть убо въ та времена Жидовинъ именемъ Схаріа, и сей бяше діаволовъ сусудъ, и изученъ всякому злодѣйскому изобрѣтенію, чародѣйству же и чернокнижію, звѣздозаконію же и съ Астрологы живый во градѣ, нарицаемомъ Кіевѣ, знаемъ сый тогда сущему Князю, нарицаемому Михаилу, Христіанину сущу, и христіанская мудрствующе сыну Александрову, внуку же Владимерову, правнуку Олгердову, сей убо Князь Михаилъ въ лѣто 6979 пріиде въ Великій

Новгородъ во дни Княженія Великого Князя Ивана Васильевича, и съ нимъ пріиде въ Великій Новгородъ Жидовинъ Схаріа, и той преже прелсти Попа Дениса, и въ Жидовство отведе, Денисъ же приведе къ нему Протопопа Алексѣя, еще тогда суща на Михайловской улицѣ, и той также отступникъ бысть непорочныя и истинныя Христіанскія вѣры, потомъ же пріидоша изъ Литвы и иніи Жидове, имъ же имена Осифъ, Шмойло, Скаряей, Мойсей, Ханушъ, толико же Алексѣй и Денисъ подщанія положиша о Жидовской вѣрѣ, яко всегда съ ними пити же и ясти и учитися жидовству, и не токмо же сами, но и жены своя и дѣти научиша Жидовству, возхотѣшажь и обрѣзатися въ Жидовскую вѣру, и не повелѣша имъ Жидове, глаголюще, аще увѣдятъ сіа Христіане, и возхотятъ видѣти, и будете обличени, но держите тайно Жидовство, явственно же Христіанство, премѣнишажь имя Алексѣю, нарекоша имя ему Аврамъ, жену же его нарекоша Сарра, по томъ же Алексѣй научи многихъ Жидовству, еще же и зятя своего Иванька Максимова и отца его Попа Максима и многихъ отъ Поповъ и отъ Діаковъ и отъ простыхъ людей, Денисъ же Попъ тако же многихъ научи жидовствовати, по томъ и Протопопа Гаврила Софѣйского жидовствовати научи, научишажъ и Гридю Ключаря, Гридя же научи Григорія ту чина Жидовству, егожь отецъ бяше въ Новѣгородѣ велику власть имѣя, по томъ же многихъ научиша, а се суть имена ихъ: Попа Григоріа, сына его Самсона, Гридю, Діака Борисоглѣбского, Лавреша, Мишука Собаку, Васюка Сухого Денисова зятя, да Попа Өеодора, да Попа Өеодора Покровскихъ, да Попа Іакова Апостольскаго, да Юркю Семенова сына Долгаго, да Авдѣя, да Степана Кирилошанъ, да Попа Ивана Воскресенскаго, да Овдокима Люлишу, да Діакона Макара, да Діака Самоху, да Попа Наума и инѣхъ многихъ, и толика сотвориша беззакона, яко ни древни еретицы.

Въ лѣто жь 6988 (1480) пріиде Князь Великій Иванъ Васильевичь въ Великій Новгородъ, и тогда взятъ Алексѣя Попа на Москву на протопопство къ церкви Пречистыя Успенія, и Дениса Попа ко Архангелу Михаилу, но кто безъ слезъ иматъ исповѣдати, елика и какова сотвориша сіи скверни пси съ своими поборники, по пришествіи бо на Москву въ великомъ ономъ и многочеловѣчестемъ градѣ, еще не смѣюще проявити ничтоже не подобно, но таяхуся, яко же зміеве въ скважнѣ, человѣкомъ же являющеся святіи и кротціи, праведни, воздержницы, тайно же сѣюще сѣмя скверное, и многія душа погубиша, и въ жидовство отведоша, яко же никѣмъ отбѣжати и обрѣзатися въ жидовскую вѣру, отъ нихъ же есть Ивашко Черный, Яковъ именемъ, таковъ и дѣлы, и стайникъ его Игнатъ Зубовъ.

Въ лѣто же 6993 (1485) поставленъ бысть Архіепископъ Великому Новугороду и Пскову Священный Геннадіе, и положенъ бысть яко свѣтильникъ на свѣщницѣ Божіимъ судомъ, и яко левъ пущенъ бысть на злодѣйственные еретики, устреми бо ся, яко отчаща Божественныхъ писаній, и яко отъ высокихъ и красныхъ горъ Пророческихъ и Апостольскихъ ученій, иже ногти своими растерзая тѣхъ скверныя утробы, напившаяся яда жидовскаго, зубы же своими сокрушая и растерзая и о камень разбивая, они же устремишася на бѣганіе, и пріидоша на Москву готову имуще помощь Алексѣя Протопопа и Дениса Попа, иже многихъ прельстиша, и пріобрѣтше помощь своея скверныя жидовскія вѣры, отъ чернцевъ же нѣкоего, не реку Архимандрита, но сквернителя, радующеся калу блудному, именемъ Зосиму, яко же перваго еретика Зосиму черного, тако и сего окаяннаго Зосиму. По томъ же привлекоша къ своей ереси чернца Захара, по томъ же отъ Двора Великаго Князя Өеодора Курицына, да Діаковъ Крестовыхъ, Истому, да Сверчка, отъ купцовъ же Семена Кленова, Өеодоръ же Курицынъ и Истома и Сверчекъ и

Семенъ Кленовъ многихъ научиша жидовствовати, толикожъ дерзновеніе тогда имѣяху къ Державному протопопъ Алексѣй и Ѳеодоръ Курицынъ, якъ никтожъ инъ звѣздозаконію бо прилѣжаху, и многихъ баснословіемъ и Острологи чародѣйству и чернокнижію научиша, сего ради мнози къ нимъ уклонишася, и погрязоша во глубинѣ отступленія, сіа же быша въ лѣта Геронтіа Митрополита, самъ же убо бѣ Христіанская мудрствуя, о прочихъ же ни мало попечеся погибающихъ, увы мнѣ Христовѣмъ овцамъ еретическимъ ученіемъ или грубостію содержимымъ, или нерадяще о сихъ, или бояшеся Державнаго. По малѣ же Геронтію преставльшуся въ лѣто 6997 (1489), минувшу жъ малу времени, Истома Діакъ стайникъ діаволовъ, адовъ песъ, ученикъ Алексѣевъ растерзается удицею Божіа гнѣва, скверное бо его сердце, иже седьми лукавыхъ духовъ жилище, согни и чрево его прогни, и призва къ себѣ нѣкоего врача, онъ же видѣвъ, сказа ему, яко Божественный гнѣвъ есть, и неисцѣльно человѣческимъ врачеваніемъ, и тако много мучимъ, изверже скверную свою душу, не по мнозѣжъ и окаянный онъ сатанинъ сосудъ и діаволовъ вепрь, и пришедый отъ луга, и озобавый виноградъ Христовъ, Алексѣй, глаголю, Протопопъ изверже свою скверную душу въ руцѣ сатанѣ, постиже бо на него Божій судъ, и одержимъ бѣ болѣзнію лютою, и пожранъ бысть мечемъ Божіа суда, пришедъ же умертві его своимъ волхвованіемъ, подойде сквернаго сосуда сатанина, его же онъ по малѣ бысть одержанъ, да поставитъ на великомъ престолѣ святительскомъ напоенной яда жидовскаго, Зосиму глаголю сквернаго, иже въ лѣто 6969 (1490) мѣсяца Сентября 26 дня, маложъ времени минувшу и Преосвященный Архіепископъ Великого Новагорода и Пскова Генадіе присылалъ къ Державному и къ Митрополиту и къ Зосимѣ, еще бо не вѣдома бяше ему злодѣйственная скверная душа ихъ, и приносятся многая истинная свидѣтельства на Новогородскихъ еретиковъ, елици бяху въ Новѣгородѣ, и елици на Москву прибѣгоша, о хулѣ и о поруганіи Божественныхъ иконъ, и честныхъ и животворящихъ крестовъ, и повелѣніемъ Державнаго собрашась Епископи: Архіепископъ Ростовскій Тихонъ и Епископъ Нифонтъ Суздальскій, Симіонъ Рѣзанскій, Васіянъ Тверскій, Прохоръ Сарскій, Филоѳей Пермскій, и Архимандриты и Игумени и весь Священный Соборъ Рускія Митрополіа въ лѣто 6999 (1490) Октября 17, пріиде же къ Митрополиту и Зосима, еще не вѣдяше извѣстно, яко той есть начальникъ и учитель еретикомъ, Зосима же творяшесь Христіанская мудрствуя, повелѣ проклинати еретики Новогородскаго Протопопа Гаврила, умеръ бо, же бяше душею мертвый Протопопъ Алексѣй, и Попа Дениса Архангельского и Попа Максима Ивановскаго и Попа Василія Покровскаго и Діакона Макара Никольскаго и Діака Гридю Борисоглѣбского и Васька зятя Денисова и Самуху Діака Никольского и всѣхъ еретиковъ, елици тая же мудрствуютъ, и иніи же послани быша отъ Державнаго въ Великій Новгородъ къ Архіепископу Генадію, онъ же за 40 поприщъ повелѣваше сажати на коня въ сѣдла ючныя, и одежа ихъ повелѣ обращати передомъ назадъ, и хребтомъ повелѣ обращати ихъ къ главамъ конскимъ, яко да зрятъ на западъ въ уготованный имъ огнь, а на главы ихъ повелѣ взложити шлемы берестены остры, яко бѣсовскіе, а еловци мочальны, а вѣнцы соломены, съ сѣномъ смѣшены, а мишени писаны на шлемѣхъ черниломъ, се есть сатанино воинство, и повелѣ водити по граду, и срѣтающимъ ихъ плевати на нихъ, и глаголати, се врази Божіи и Христіанстіи хульници, по томъ же повелѣ пожещи шлемы, иже на главахъ ихъ, сіа сотвори добрый онъ пастырь, хотя устрашити нечестивые и безбожные еретики, и нетокмо симъ, но и прочимъ ужаса и страха исполненъ позоръ, поне на сихъ зряще, уцѣломудрятся, инии же еретици осужаются отъ Державнаго въ заточеніе и изгнаніе. Денисъ же Попъ

по проклятіи и заточеніи преданъ бысть всельшемуся въ него бѣсу хульному, и пребысть мѣсячное время, козлогласуя скверный гласы звѣрскими и скотіи и всякихъ птицъ и гадовъ, и тако злѣ изверже скверную и еретическую свою душу. Такожъ и Захаръ чернецъ подобно тому мудрствуя, по разсѣченіи и по растерзаніи, предъ адомъ текущихъ псовъ онѣхъ и отъ сыновъ погибельныхъ, вскормленныхъ ядомъ жидовскимъ, но еще великъ сосудъ злобѣ и главня Содомскаго огня истаявшій змій тмоглавный огню геенскому пища, Аріановый злѣйшій сатанинъ провѣнецъ, Зосима прескверный, якожъ преже речено бысть, посадися злодѣйственный сей на мѣстѣ Святѣмъ, и абіе не возможе удержати яда жидовскаго въ скверномъ своемъ сердцѣ, но на многихъ лица изліа, и оскверни великій Святительскій престолъ церкви Божіа Матере, ея же достоитъ нарещи земное небо, сіающу, яко великое солнце посредѣ Рускія земля, украшену всяческими виды и чудотворными иконами и мощми Святыхъ, и аще бы благоволилъ Богъ въ созданныхъ жити, въ той бяше, гдѣ бо индѣ, и въ сей нынѣ пребываетъ, черный онъ вранъ изъимаетъ очеса напившимся житія сего суетнаго и уснувшимъ въ смерть душевную. Отлетѣша бо отъ насъ яко щурове добропѣснивіи, яко славіи великогласніи, яко ластовицы сладкоглаголивіи, Божественніи Святителіе и велицiи Чудотворцы Петръ и Алексій и иніи православніи Святителіе, иже посреди сада церковнаго оглашающе уши слышащихъ православія ученіемъ отлетѣша яко орли крылатіи, иже ногти своими истерзающе очеса не зрящихъ правосмотреніе Христово; отлетѣша къ Христу, идѣже крылы покрывающихъ вѣрныхъ множество, и оставльше насъ сиры. Скверный же и злобѣсный волкъ облекся въ пастырьскую одежду, и ихъ же убо простѣйшихъ обрѣташе, напаяше яда жидовскаго, инѣхъ же скверняше Содомскими скверпами змій пагубный, и объядася и упиваяся и свинскимъ житіемъ живый, всяко нечестіе и претыканіе и соблазни на непорочную Христіанскую вѣру полагая, и Господа нашего Іисуса Христа и истиннаго Бога похуливъ, и глаголаше, яко Христосъ самъ себе нареклъ Богомъ, такожъ и на Пречистую Богородицу многія хулы глаголаше, и Божественные животворящіе кресты въ скверныхъ мѣстѣхъ полагая, и Святыя иконы огнемъ жгли, и болваны нарицая, и Еуангелская преданія и Апостольскіе уставы и всѣхъ Святыхъ писаніа отмеща, и глаголя сице: а что то Царство небесное, а что то второе пришествіе, а что то воскресеніе мертвымъ, ничего того нѣсть, умерлъ кто инъ, то умерлъ, по та мѣста и былъ, и съ нимъ и иніи мнози ученицы Алексѣя Протопопа и Дениса Попа, сіи же суть Ѳедоръ Курицинъ, Діакъ Великаго Князя, да Сверчекъ да Ивашка Максимовъ, да Семенъ Кленовъ и иніи мнози, иже въ тайнѣ держаще ереси многія, десятословіемъ на Жидовство учаще, и Саддукейскую и Месаліанскую ересь держаще, и много развращеніа творяще, и ихъ же видяху благоразумныхъ, и писаніа Божественная вѣдущихъ, тѣхъ еще въ Жидовство не смѣюще приводити, но нѣкіа главизны Божественнаго писаніа ветхаго же завѣта и новаго кривосказующи, и къ своей ереси прехитряюще, и баснословіе нѣкое и звѣздозаконіе учаху, и по звѣздамъ смотрѣти и строити роженіе и житіе человѣческое, а писаніе Божественное презирати, яко ничто суще, и не потребно человѣкомъ, простѣйшихъ же на жидовство учаху, аще кто и не отступитъ жидовства, то мнози научишась отъ нихъ укаряти писаніа Божественная, и на торжищахъ и въ домѣхъ о вѣрѣ любопреніа творяху и смѣяніа имѣяху, и толико бысть смущеніе въ Христіанѣхъ, якова же никогдажъ быша, отнели же солнце благочестіа на чадъ всія въ Руской земли; иноческій же чинъ, иже въ монастырѣхъ и иже въ пустынѣхъ пребывающе, тако же и отъ мірскихъ человѣкъ и благородныхъ

и Христолюбивыхъ мнози сграждахуся сердцы, и мнози скорби и печали душа имуща исполнены, и не могущи терпѣти пагубныя и богохульныя буря, съ слезами горькими Бога моляху, да упразднитъ пагубную ону жидовскую зиму, и сгрѣетъ сердца памятію единосущныя Троица, и озаритъ истинну, и возсіяетъ солнце благочестія, и якоже мощно кому тако подвизатисъ о томъ, еже искоренити пагубныя плевелы Жидовскіа скверноплевелосѣятелей, и ови убо обличиша того отступленіе и скверная дѣла Содомская, онъ же не смирную брань на тѣхъ воздвизаетъ, и всѣхъ убо отъ Божественнаго причащенія отлучаетъ, елици же Священици и Діакони, сихъ отъ священства отлучаетъ, глаголаше же, яко не подобаетъ осужати ни еретика ни отступника, глаголаше же и се, яко аще и еретикъ будетъ Святитель или Священникъ, и аще кого отлучитъ, или не благословитъ, послѣдуетъ Божественный судъ суду, не вѣдяще иже Божественнаго писанія, боящеся обличати того отступленіе, причащающе, и Божественнаа писанія вѣдяху, яко нетокмо осужати подобаетъ еретиковъ и отступниковъ, но и проклинати, и не точію проклинати, но и казнемъ лютымъ предаяти, они же не престаху обличающе, и всѣмъ повѣдающе того еретичество и скверная дѣла, онъ же къ Державному приходитъ, и на-тыя клевещетъ, и абіе неповинни заточеніемъ осужаются отъ Державнаго, и скорби многи и узы и темница и разграбленіе имѣніемъ пріемлютъ, ови же спострадаютъ тѣмъ, аще не изгнаніемъ, но писаніемъ утѣшительнымъ и тѣлесныхъ потребъ скудость утѣшающе, тѣмъ еще же и противу еретическихъ глаголъ сопротивно и обличительно отвѣщаніе отъ Божественныхъ писаній собирающе, посылаху еретиковъ, сопротивляющеся. И таковыя ради бѣды и азъ мало нѣчто собрахъ отъ Божественныхъ писаній супротивно и обличительно еретическимъ рѣчемъ, аще невѣжа и грубъ есмь, но обаче должно ми есть о сихъ не нерадити противу моея силы, аще убо Антіохъ онъ живый въ Лаврѣ Святаго Савы, и убо звѣрообразныхъ Персъ нахоженіе видѣвъ, яко благовременну нѣкую обрѣте вину, и того ради велику книгу отъ Божественныхъ писаній избра, также и Святый Никонъ живый во Антіохіи въ Черной горѣ безбожныхъ Турковъ устремленіе зря, многая отъ Божественныхъ писаній написа въ пользу прочитующимъ, нынѣ же не Перси, ниже Турки, но самъ діаволъ и все его воинство ополчившеся на Христову церковь, яко же звѣріе дивіе не плоти человѣча вкушаху, ниже крови піаху, но душа погубляюще, ей же весь міръ не достоинъ, и да никто же ми зазритъ, яже во всякомъ словѣ изъявихъ еретичествующихъ, и жидовская мудрствующихъ, Алексѣя, глаголю, Протопопа и Ѳеодора Курицына и Попа Дениса и подобныхъ имъ, тако бо и Святіи Божественніи Отцы наши написаша на древняя еретики, и во множайшихъ мѣстѣхъ изъявиша имена ихъ, и ереси ихъ, того ради, яко да вѣдома будутъ и въ древняя роды, яко сихъ ученія діавольска суть изобрѣтенія, собрахъ же во едино отъ различныхъ писаній Божественныхъ, яко да вѣдяще, и Божественная писанія прочетше, да воспомянутъ себе, не вѣдуще же, прочетше да разумѣютъ, и аще кому что потребно будетъ противу еретическимъ рѣчемъ, и благодатіею Божіею обрящетъ готово безъ труда въ коемждо словѣ.

2. Посланіе Архіепископа Вассіана: о законности войны съ Ханомъ Ахматомъ.

(1480).

(Степенная книга).

Се, якоже слышахомъ, безбожный сей Агарянскій языкъ приближися къ странамъ нашимъ, къ отечеству Ти, иже бо многая сумежныя странамъ нашимъ поплѣниша, и движется на ны. Изыди

убо скоро въ срѣтеніе ему, изыди, веземъ Бога на помощь и пречистую Богородицу, нашего Христіанства помощницу и заступницу, и всѣхъ святыхъ его: и поревнуй прежде бывшимъ прародителемъ твоимъ Княземъ. Не точію обороняху Рускую землю отъ поганыхъ, но иныя страны пріимаху подъ себе, еже глаголю Игоря, и Святослава, и Владимира, иже на Греческихъ Царѣхъ дань имали. Потомъ же и Владимира Мономаха, како и колико бился со окаянными Половцы за Рускую землю; и инніи мнози, ихъ же насъ паче самъ вѣси. И достойный хваламъ Великій Князь Димитрій, прадѣдъ твой, каково мужество и храбрость показа за Дономъ надъ тѣми же окаянными сыроядцы, еже самому напредь битися, и не пощадѣти живота своего избавленія ради Христіянскаго... Ни усумнѣся, ни убояся Татарскаго множества, не обратися вспять, не рече въ сердцы своемъ: жену имѣю и дѣти и богатство многое; аще и землю мою возьмутъ, то индѣ вселюся: но безъ сумнѣнія скочи въ подвигъ, и напредъ выѣха, и въ лицѣ ставъ противъ окаянному разумному волку Мамаю, хотя исхитити отъ устъ его словесное стадо Христовыхъ овецъ.

Тѣмъ же милостивъ бѣ дерзости его ради, не покоснѣ, ни умедли, ни помяну перваго согрѣшенія, но вскорѣ посла (Богъ) свою помощь, Ангели и святыя мученики, помогати ему на противныя. Тѣмъ же Господа ради подвизавыйся, и донынѣ похваляемъ есть и славимъ не токмо отъ человѣкъ, но и отъ Бога; Ангели удиви, и человѣки возвесели своимъ мужествомъ... Тако же убо и нынѣ аще поревнуеши своему прародителю Великому Князю и достохвальному Димитрію, и такоже потщися избавити стадо Христово отъ мысленнаго волка; и Господь Богъ видя твое дерзновеніе, такоже и поможетъ ти, и покоритъ враги твоя подъ ноги твои; и здравъ и ничемъ же невреженъ побѣдоносецъ, явишися, Богу сохраняющу тя; и осѣнитъ Господь Богъ надъ главою твоею въ день брани.

Аще ли убо ты, о крѣпкій и храбрый Царю! и еже отъ тебе Христолюбивое воинство до крови и до смерти постражутъ за православную Христову вѣру и за святыя Божія церкви, якоже истинніи присная церковная чада, въ ней же породишася банею духовною и нетлѣнною, святымъ крещеніемъ, за ню же и до смерти пострадаша, и крестишася вторымъ крещеніемъ, якоже мученицы своею кровію: блаженніи бо и преблаженніи будутъ въ вѣчномъ наслѣдіи, улучивше сіе крещеніемъ, по немъ же не возмогутъ согрѣшати; но пріимутъ отъ вседержителя Бога вѣнцы нетлѣнные, радость неизреченную, ихъ же око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыде, якоже первіи мученицы, тако и сіи послѣдніи.

Аще ли же, еже пришися любо, и глаголеши: яко подъ клятвою есть мы отъ прародителей, еже не поднимати руки противъ Царя; и како азъ могу клятву разорити, спротивъ стати. Послушай убо, боголюбивый Царю! аще клятва по нужди бываетъ, прощати отъ таковыхъ и разрѣшати повелѣно есть: иже прощаемъ и разрѣшаемъ и благословляемъ, якоже Святѣйшій Митрополитъ, тако же и мы, и весь боголюбивый соборъ, не яко на Царя, но яко на разбойника и хищника и богоборца. Тѣмъ же лучше бъ солгавшему и животъ получити, нежели истинствовавшу погибнути, еже есть пущати тѣхъ въ землю на разрушеніе и потребленіе всему Христіянству, и святыхъ церквей запустеніе и оскверненіе, и не подобитися окаянному Ироду, иже не хотѣ клятвы преступити, и погибе. И се убо который Пророкъ пророчествова, или Апостолъ который, или Святитель научи сему бо скверному и студному, самому называющуся Царемъ, повиноватися тебѣ великому Рускихъ странъ Христіянскому Царю? Но точію нашего ради согрѣшенія и неисправленія къ Богу, паче же отчаянія, еже не упова-

ти на Бога, попусти Богъ рать напреже тебѣ прародителей твоихъ, и всю нашу землю поработи, и воцарися надъ ними, а не Царь сый, ни отъ рода царска. И тогда убо прогнѣвахомъ Бога, и Богъ на ны прогнѣвася, и наказа насъ, якоже чадолюбивый отецъ по глаголющему Апостолу: его же любитъ Богъ, наказуетъ; біетъ же всякаго сына, его же пріемлетъ. Все убо тогда и нынѣ той же Богъ, и во вѣки, потопивый Фараона, и избавль Исраиля, той же и преславная содѣявый... Аще убо покаешися, и такоже помилуетъ милосердый Господь; и не токмо свободитъ и избавитъ, якоже древле Исраильтейскихъ людей отъ лютаго и гордаго Фараона, насъ же новаго Исраиля Христіанскихъ людей отъ сего новаго Фараона поганаго Измаилова сына Ахмата, но намъ ихъ поработитъ.

Нынѣ тойжде Господь, аще покаемся вседушно престати отъ грѣха. И постави намъ Господь тебя Государя нашего, якоже древле Моисеа, Іисуса, и иныхъ свободившихъ Исраиля; тебя же да подастъ намъ Господь свободителя новому Исраилю христоименитымъ людемъ отъ сего окаяннаго хвалящагося на ны новаго Фараона поганаго Ахмата. Но и его велерѣчіе покоритъ Господь подъ нозѣ твои, и послетъ ти способники своя Ангелы и святые мученики; и смятетъ ихъ, и погибнутъ. Тѣмъ же, пророчески рещи, Богомъ утвержденный Царю! напрязи и успѣвай и царствуй истины ради и кротости и правды; и наставитъ тя чудне десница твоя; и престолъ твой правдою и крѣпостію и судомъ истиннымъ совершенъ есть; и жезль силы послетъ ти Господь отъ Сіона, и одолѣеши посреди вратъ твоихъ. Тако глаголетъ Господь: азъ воздвигохъ тя Царя правды, призвахъ тя правдою, и пріяхъ тя за руку десную, и укрѣпихъ тя, да послушаютъ тебе языцы, и крѣпость царемъ разрушу; отворю ти двери, и гради не затворятся. Азъ предъ тобою пойду; и горы поравняю, и двери мѣдныя сокрушу, и затворы желѣзные сломлю.

Се твердое и честное и крѣпкое царство, да дастъ Господь Богъ въ руцѣ твои, Богомъ утвержденный Владыко, и сыномъ твоимъ въ родъ и родъ, и во вѣки. Тѣмъ же убо и мы отъ чистыя вѣры молитвою Богу день и нощь въ молитвахъ и въ мольбахъ литіями и соборы святительскими, божественными возношеніи нашими потребную и лѣпую память о благочестивой Вашей державѣ и Царскія вашея побѣды исповѣдаемъ въ святыхъ тайнахъ, яко да покорени будутъ врази ваши подъ ногами вашими, и да одолѣете посреди ратныхъ, да разсыпаются поганыя страны, хотящія брани, отъ Божія молнія омрачаеми; яко пси гладніи языки своими землю да лижутъ, и Ангелъ Господень буди погоняя ихъ. Радуемся и веселимся, слышаще доблести твоя и крѣпость, и твоего сына Богомъ данную ему побѣду, и великое мужество и храбрость и твоей братіи Государей нашихъ противъ безбожныхъ сихъ Агарянъ. Но, по Евангельскому словеси: претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ.

XVI ВѢКЪ.

1. Максимъ Грекъ.

Слово отвѣщательное о исправленіи книгъ русскихъ, въ немже и на глаголющихъ яко плоть Господня по воскресеніи изъ мертвыхъ не описана бысть. (1540).

Богъ, Иже всѣхъ Содѣтель и Господь, единъ вѣдый сердца человѣческая; предъ Нимъ же нѣсть тварь неявлена ни едина, но вся обнажена и объявлена предъ Нимъ, свидѣтель вамъ благовѣрнѣйшимъ отъ мене недостойнаго инока Максима Святогорска, яко ничтоже по лицемѣрію, или чрезъ уставъ Богодухновенныхъ отецъ, ниже пишу, ниже вѣщаю къ вашему благовѣрію; ниже лаская вамъ, аки желая получити славу нѣкую привременную и отраду отъ лютыхъ, въ нихже обдержимь есмь, лѣтъ уже 19; но

ово убо Божественною ревностію жегомъ, о немже возбраненъ есмь нѣкими, служити Богу же и вамъ, въ нихже силенъ есмь благодатію Христовою: глаголю же въ преводѣ и исправленіи книжнѣмъ, ово же и охапаемъ не мало, о немъ нѣціи, не вѣмъ что случися имъ, враждебнѣ ко мнѣ имущимся, еритика мене называютъ, и Богодухновенныя книги растлѣвающа, а не правяща, иже и слово воздадятъ Господеви, яко не точію возбраняютъ таковому Богоугодному дѣлу, но зане къ сему и мене бѣднаго неповинна суща клевещутъ и ненавидятъ, аки еретика, и чрезъ всякаго закона Хрістіанскаго отлучаютъ Пречистыхъ Даръ Христовыхъ.

Но о сущемъ убо во мнѣ и соблюдаемомъ исповѣданіи православныя вѣры, довольна вамъ во увѣреніе писанная мною въ книжицѣ моего отвѣта, яко не порчу Священныя книги, якоже клевещутъ мя враждующіи ми всуе; но прилѣжно, и со всякимъ вниманіемъ, и Божіимъ страхомъ и правымъ разумомъ исправляю ихъ, въ нихже «растлѣшася»; ово убо «отъ приписующихъ ихъ не наученыхъ сущихъ и неискусныхъ въ разумѣ и хитрости Грамматикійстѣй, ово же отъ самѣхъ, исперва сотворшихъ книжный преводъ» приснопамятныхъ мужей. Речетъ бо ся истина: есть нѣгдѣ не полноразумѣвшихъ силу Еллинскихъ рѣчей, и сего ради далече истины отпадоша. Еллинска бо бесѣда много не удобь разсуждаема, имать различіе толка реченій. И аще кто недовольнѣ и совершеннѣ научился будетъ яже Грамматики и Піитики и Риторики и самыя Философіи, не можетъ прямо и совершенно ниже разумѣти писуемая, ниже преложити я на инъ языкъ. Яко убо прямо и благохитренно исправляю презрѣнная ими, и се истое сказати вашему благовѣрію со всякою истиною, аки предъ самимъ Богомъ потщуся, Начну же сице:

埋 Вземъ на рукахъ священную книгу Тріодную, обрѣтохъ въ 9 пѣсни канона великаго четвертка: «сущаго естествомъ несозданна Сына и Слова, пребезначальнаго Отца, не суща естествомъ несозданна, воспѣваема,» и не стерпѣвъ сицевую хулу, исправихъ сицевое хульное якоже свыше самъ святый Параклитъ предалъ есть намъ блаженнымъ Космою въ нашихъ книгахъ. У насъ бо «Слово несозданно естествомъ» славится въ мѣстѣ семъ и вездѣ; не созданъ бо сый раждаяй присносущнѣ Его Отецъ, такожде не созданъ естествомъ есть и раждаемый отъ Него Богъ Слово; а никакоже созданъ, якоже злочестивый Арій хуляше, приводя на увѣреніе своея ереси глаголемое въ Премудрости Соломонѣ, аки отъ лица самыя Божія Упостасныя Премудрости, имже глаголетъ: «прежде вѣкъ и холмовъ раждаетъ Мя.» Таже помалѣ сходя глаголетъ: «въ начало путей Своихъ созда Мя.» Сію рѣчь блаженный Косма, творецъ канону великаго четвертка, православнѣ и благовѣрнѣ толкуя, сице явѣ глаголетъ, аки отъ лица самаго воплощшагося Бога Слова, разоряя искорени нечестивую Аріеву ересь. Имать же сице, священное пѣніе:

«Содѣтельницу Отецъ прежде вѣкъ премудрость раждаетъ Мя, въ начатокъ путемъ Своимъ, въ дѣла созда Мя, яже нынѣ тайно совершаема: Слово бо не созданно сый естествомъ, гласъ присвояю си, Его же нынѣ пріяхъ.» Явѣ глаголетъ Слово Божіе ко Арію злочестивѣйшему: учися, о злочестивѣйшій человѣкъ Арій, яко се, еже «прежде вѣкъ и холмовъ раждаетъ Отецъ, предвѣчное» и присносущее, еже отъ пребезначальнаго Отца Божественное рождество Мое являетъ; а еже «созда Мя въ начатокъ путемъ Своимъ,» являетъ еже въ послѣднихъ вѣкъ плотію рождество Мое, его же изволихъ за превеліе человѣколюбіе Мое и благость, да Мною спасется человѣческій родъ. Тѣмъ же и яко человѣкъ совершенъ бѣхъ, человѣческій и глаголахъ о Себѣ, еже «созда Мя Отецъ въ начатокъ путемъ Своимъ», спрѣчь въ исполненіе всѣмъ сотвореннымъ тайнамъ, плотскимъ явленіемъ

Моимъ. Слово бо сый несозданно естествомъ, якоже и Отецъ раждаяй Мя прежде вѣкъ и всея видимыя и невидимыя твари, аки человѣкъ бывъ въ послѣднихъ, потребовахъ гласа сего рекъ: «созда Мя», являя тѣмъ Мое воплощеніе. Сей убо и сицевый разумъ есть священному сему пѣснопѣнію. А яже у васъ священныя Тріоди, ова убо «Слова» точію «проста» глаголютъ Его, а не и не созданна; ова же ниже «Слова естествомъ» глаголютъ Его, не вѣмъ кто виновенъ сицевыя хулы; Богъ его вѣсть, Иже и судитъ ему, иже аще ни буди. Мнѣ же каково отсюду осужденіе или укореніе праведно, сицева хульна исправляющу, въ славу единороднаго и несозданнаго Бога Слова и въ спасеніе всѣмъ православнымъ?

Такожде въ томже канонѣ и въ тойже пѣсни, въ останошномъ стисѣ, древній преводникъ вмѣсто еже Христа единаго «тѣмже» Мя познайте; Хріста единаго «два» Мене познайте, преведе, не внятъ писанію реченія, ниже достигъ разумъ стиха того, который убо древней ереси противится. Якоже бо стихъ прежде того, злочестиваго посрами Арія; сице паки сей стихъ богомерзкую хулу Несторіеву низлагаетъ, еюже единаго Ѵпостасію Богочеловѣка Хріста во двою лицу раздѣляше, иного глаголя рожденнаго Еммануила отъ приснодѣвы Маріи, иного снедшаго съ небесе Бога Слова; еяже ради вины ниже Богородицу хотяше глаголати нечестивый едину приснодѣву и всенепорочную Бога Слова Матерь, но Христородительницу. Блаженный убо Косма, творецъ канону, стихомъ симъ учитъ насъ, аки отъ лица самаго Бога Слова человѣка творя слово: «сугуба убо естествы исповѣдовати» воплощенна Бога Слова, сирѣчь Бога совершенна и человѣка, непремѣнно и несмѣсно снедшимся двоимъ естествомъ, ниже Божественному естеству въ человѣчество премѣнившуся, ниже человѣческому естеству въ Божество премѣнившуся, а Ѵпостасію единаго Его вѣдати и исповѣдати, а не два, якоже злочестивѣйшій Несторій мудрствоваше, раздѣляя зловѣрно единость Богочеловѣка во двою лицу. Отъ сего зломудреннаго раздѣленія отводя насъ, блаженный Косма глаголетъ, аки отъ лица единаго Богочеловѣка Хріста.

Якоже человѣкъ есть существомъ, а не привидѣніемъ; тоже есть рещи истиною а не лестію: сице же Богъ есмь, сиречь нравомъ возсозданія. Сего ради по естеству совокупившемуся мнѣ, сирѣчь по человѣчеству, емуже Азъ совокуплься есмь по Ѵпостасѣ, Мене Хріста единаго познайте, соблюдающа обоя естества, изъ нихже сложенъ есмь, и въ нихже съ вами пожихъ прежде страсти Моея, и яже нынѣ есмь и по страсти Моей, и востаніи отъ мертвыхъ. Толика убо о семъ довлѣютъ: къ благовѣрнымъ бо и премудрымъ слово есть.

Такожде и въ канонѣ недѣли Ѳомины въ 3 пѣсни сицево нѣчто неподобно, да не глаголю хульно, мудрствуютъ нѣціи, не научени извѣстному Богословію.

Блаженный бо Іоаннъ Дамаскинъ, иже всякія Философіи и Богословіи верхъ достиже, иже канонъ сей сотворилъ есть, вѣдый добрѣ едино Божество несозданно и неизвратно и непремѣнно, сего ради же и неописуемо едино и неприступно; зданія же вся описуема и извратна, аще и нѣкая ихъ по Божіей благодати, а не по естеству пребываютъ неизвратна; по словеси убо сему вѣдый Господа нашего Іисуса Христа не описуема, по елико Богъ есть истиненъ, а поелику паки, человѣкъ есть истиненъ, описуема плотію, сирѣчь вмѣстима и объемлема мѣстомъ, сице сотворилъ есть во стисѣ 3 пѣсни: «въ гробѣ затворенъ бывъ описуемою плотію Своею неописанный Божествомъ» и проч. Нѣціи же отъ нынѣшнихъ суемудренныхъ, аки недугующе къ блаженнаго онаго Отца и Учителя Богословію, вмѣсто «описуемою» плотію Своею, «неописуемою» зело дерзостно и ненаказанно пишутъ въ Тріодѣхъ, помыслы своими суетными, да не глаголю хульными, прельщаеми. Вопрошаеми бо чесо ради,

о пречудніи сице пишете и поете въ церкви? Отвѣщають, яко по воскресеніи изъ мертвыхъ Господня плоть обожена бысть, и неописуема бысть, аки Богу Слову тогда влезшу въ ню и обожившу ю. Сіе же аще сице есть, якоже они мудрствують, то прежде воскресенія Господня изъ мертвыхъ не совокупися Господь по Ѵпостаси Святѣй плоти Своей, ниже Бога родила Пречистая оная Дѣва, но человѣка проста. Да аще сія сице ся имуть, то вотще речеся къ ней отъ Гавріила: «радуйся Обрадованвая, Господь съ Тобою;» и аще не съ Нею Господь, то ниже достойна нарицатися Богородица, но Хрістородительница, по зловѣрному Несторію. Оле моего студа! единъ убо по нихъ человѣкъ Господь прежде воскресенія Своего, а не и Богъ совершенъ въ единой Ѵпостаси и вѣруемъ и воспѣваемъ есть. Къ симъ же аще по воскресеніи вшедшу Богу Слову въ родившагося отъ Приснодѣвы Маріи Еммануила, и Святую Свою плоть обожившу, образомъ симъ неописуема бысть; то два уже неописуема, Богъ, Иже естествомъ несозданъ и непремѣненъ, и созданная Святая плоть Еммануиля; и аще неописуема, то и въ Божество преложися; и аще сице ся сія имуть, то ни человѣкъ совершенъ Господь нашъ по воскресеніи, но Богъ точію, святѣй плоти Его поглощеннѣй бывши и одолѣннѣй отнюдь отъ Божества Бога Слова. И сице возникнетъ паки погруженная издавна Севирова и Евтихіева ересь. Къ симъ аще Святая плоть Его неописуема, уже како вмѣстится въ описуемѣмъ престолѣ святыя славы Его? не бо и престолъ святыя славы Его неописуемъ есть. Неописуемое бо у священныхъ Богословцевъ и внѣшнихъ Философовъ глаголется, еже есть не вмѣстимо, ни объемлемо, ни опредѣляемо въ мѣстѣ, за безмѣрное величество существа и естества своего: созданная бо вся вкупѣ описуема, сирѣчь вмѣстима суть и объемлема мѣстомъ, Божество убо яко едино несозданно, сего ради и неописуемо и не объемлемо и не опредѣляемо, и есть истиною, и наречется; аки не могуще за безмѣрное и безконечное величество существа своего вмѣститися и опредѣлитися въ мѣстѣ. Сице бо священніи Богословцы и внѣшніи Философы пріемлютъ не описуемое. Безплотно бо Божество и безъ количества, сирѣчь безмѣрно и безконечно; а плоть Господа нашего Іисуса Хріста и создана и описуема, сирѣчь вмѣстима и объемлема мѣстомъ, и прежде страсти и по сихъ: а не къ тому тлима, и смертна, по еже изъ мертвыхъ воскресеніи, вся яже мертвости и тли и премѣненія отложивши; глаголю же незазорныя страсти человѣчества, сирѣчь еже алкати и жадати, спати, притрудну бывати отъ путешествія, еже боятися чаши смертныя: и бысть нетлѣнна, несмертна, и неизнуряема, и всякія благодати и благословенія, и Божественныя свѣтлости и красоты и святыни преполна, по совершенному соединенію сочетавшись Богу Слову присно, а не и въ Божество преложися. Далече отъ насъ такова хула. Непреложни бо и несмѣсни соблюдошася стекшаяся два существа въ человѣцѣ Словѣ. Свидѣтельствуетъ Слову сему весь Соборъ Богодухновенныхъ Богословцевъ; а наипаче третьяго гласа Священное пѣніе, въ славу и похвалу воспѣваемое Пречистыя Богоматере, еже есть: «како не дивимся Богомужному рождеству Твоему, Всечестная? Искусъ бо мужевъ не пріимши Всенепорочная, родила еси безъ Отца Сына въ плоти, прежде вѣкъ отъ Отца рожденна безъ матери, никакоже претерпѣвша премѣненіе, или смѣшеніе, или раздѣленіе, но обоего существа свойство цѣло сохраньша». Да постыдятся убо глаголющіи, яко по воскресеніи плоть Господня погубила есть, еже быти описуемѣй, и бысть неописуема. Аще бо неописуема, ужъ то и въ Божество преложилася; едино бо Божество несозданно и неописуемо, за еже Божественнаго существа безконечно есть и не опредѣляемо есть. Да слышатъ внятно, что выше речеся: «никакоже»,

рече, «претерпѣвши измѣненія или смѣшенія, или раздѣленія по обоего существа свойство цѣло сохраньша». Да рекутъ убо нынѣ чудніи Богословцы: како сохрани цѣло свойство обоего существа? и что есть свойство обоего существа? Но недоумѣютъ негли къ вопросу, и недивно; не навыкоша бо по сущему тайны священныя Философіи и Богословцевъ. По чернилу бо точію проходятъ же и разумѣютъ Богодухновенныя ихъ писанія; сего ради и множайшими согрѣшаютъ. Да навыкаютъ же отъ научившихся въ нихъ, и навыкше да прославятъ дающаго премудрость и разумъ всѣмъ вкупѣ просящимъ у Него.

Услышите убо, о чудніи, что есть обоего существа свойство; и навыкше, отложите всяко прѣніе суетно, да не глаголю душегубительно. Существо пресущественно — Божественное и есть и глаголется, существо же вещь самобытна, не требующа иного къ составленію, якоже душа, тѣло, камень, воскъ, мѣдь и симъ подобная, яко же Философы сія уставляютъ. Но всякому убо иному существу свойство ино есть: Божественному же существу свойство, еже не созданно, присносущно, безсмертное, неизмѣнное, неописуемое, безстрастное, и елика сицева суть и зрятся о Божественномъ величествѣ. Сія вся сохранилъ есть Единородный непреложна, сирѣчь цѣла, соединився по Ѵпостаси человѣческому существу же и естеству: ниже бо пострада Божество на Крестѣ, ниже измерло, ниже преложися въ человѣчество, но пребываетъ въ Своемъ санѣ неизмѣнно, несмѣсно, безстрастно, безсмертно, безтлѣнно и неописанно. Человѣческому же существу, глаголю же плоти свойство есть созданное, мертвенное, тлѣнное, страстное, измѣнное, описуемое, сирѣчь вмѣстимое и объемлемое мѣстомъ; еже алкати, жадати, притрудну бывати отъ путешествія, скорбѣти, и елика сицева и есть и зрятся въ нашемъ немощномъ естествѣ. Сія вся Единородный прежде спасительныя страсти Своея имѣлъ, якоже человѣкъ совершенъ, кромѣ страстей зазорныхъ. И взалка бо, якоже человѣкъ; якоже егда притече къ смоковницѣ, ища плода, да ястъ, якоже есть писано: но и вжада, якоже егда проси воды у Самаряныни; скорбѣ, якоже егда глаголаше: «прискорбна есть душа Моя даже до смерти», и притруденъ бысть, якоже есть писано: «Іисусъ же притруденъ бывъ отъ путешествія», и пострада и смерть вкуси плотію, аки человѣкъ; а не Божествомъ сія вся претерпѣвъ. А по воскресеніи изъ мертвыхъ сія вся съ Себе сложилъ, глаголю же тлѣнное, мертвенное, измѣнное, еже взалкати, жадати, притрудну бывати, скорбѣти, боятися чаши смертныя. По немуже и обоженнѣ быти святѣй плоти Его глаголютъ святіи Богословцы, не яко преложися въ Божественное естество и существо (далече отъ насъ сицева хула); но зане вся вкупѣ страсти тлѣющія человѣческія немощи сложилъ отъ Себе; и бысть святая плоть та нетлѣнна, безсмертна, безстрастна, а не и несозданна и неописуема: сія бо не суть страсти, но свойственна свойства всякой созданнѣй твари, по нихже и раздѣлятся отъ единаго несозданнаго и неописуемаго, сирѣчь Божія существа. Свойственно бо естествомъ всякой твари, еже описыватися, сирѣчь вмѣститися въ мѣстѣ. Божество же сего ради неописуемо, понеже и безмѣрно величествомъ, и едино несозданно и невмѣстимо нигдѣже. Аще же речемъ, и Спасову плоть бывшу неописуему по воскресеніи: по нуждѣ речемъ ю и несозданну. И аще несозданна, то и Богъ бысть: едино бо Божество несозданно, якоже многажды рекохомъ. И аще несозданна ужъ плоть, то и въ Божество преложися; то убо Христосъ по воскресеніи къ тому не и человѣкъ совершенъ есть, но Богъ точію. Оле Севиріанскія хулы! уже ли разумѣете, о чудніи, гдѣ текетъ, еже по васъ? Несмысленное баснословіе паче, а не Богословіе! Престаните, молю вы, престаните отъ си-

цеваго дерзноглаголанія, и научитеся глаголати съ блаженнымъ Іоанномъ Дамаскиномъ и всѣми православными учители: «еже искусъ бо мужескъ не пріимши, Всенепорочная, родила еси безъ Отца Сына въ плоти, Иже прежде вѣкъ рожденна отъ Отца безъ Матере». Слышите ли, яко отъ того зачатія соединися рождейся прежде вѣкъ Богъ Слово пріятѣй плоти; а не послѣ по воскресеніи вниде въ ню, якоже вы злѣ мудрствуете? Слышите же и яже по сихъ: «никакоже претерпѣвша измѣненіе, или смѣшеніе, или раздѣленіе». Вы же како раздѣляете Его отъ святыя плоти даже до воскресенія, потомъ, глаголюще, вниде въ ню, и обожилъ есть ю; егоже ради и неописуему глаголете ю? Слышите же и яже по сихъ: «но обоего существа свойство цѣло сохраньша». Сіе же како будетъ истинно, аще свойственно созданнѣй святѣй плоти Своей, глаголю же описуемое въ неописуемое преложилъ есть? Учитель глаголетъ Святымъ Духомъ, яко «цѣло сохрани свойство обоего существа», сирѣчь неописуемое Божественнаго существа Своего неописуемо сохрани; такожде и описуемое созданныя святыя плоти Своея описуемо соблюлъ есть и соблюдаетъ. Вы же противящеся Богодухновенному сему Учителю и Отцу, неописуемою плотію глаголете затворенна бывша и во гробѣ; и аще, якоже вы глаголете, неописуема, сирѣчь невмѣстима, по толкованію Святыхъ Отецъ: како затворися въ столь малѣйшемъ мѣстѣ? Или не разумѣете, яко за безмѣрно и недостижимо и неизслѣдованно и неизглаголанно величество непостижимаго существа Божія, и неописуемо глаголется едино Божество отъ святыхъ Богословцевъ; занеже и едино несозданно и безконечно? Не слышите ли паки Святую Божію Церковь поющу и глаголющу: «во гробѣ убо тѣлеснѣ, во адѣ же съ душею, въ раю же съ разбойникомъ, и на престолѣ бяше, Хрісте, со Отцемъ и Духомъ, вся исполняя неописанный». Сирѣчь невмѣстимъ, и вездѣ весь есть, а тѣломъ во гробѣ описуемъ, сирѣчь вмѣстимъ и мертвецъ бездыханенъ лежа, якоже человѣкъ совершенъ; Тойже и во адѣ съ душею Святою Своею и въ раю съ разбойникомъ, и на небесѣхъ вкупѣ со Отцемъ и Святымъ Духомъ, вся исполняя Божественныя славы Своея.

2. Сильвестръ.

ДОМОСТРОЙ.

ГЛАВА VII.

Како Царя и Князя чтити и повиноватися во всемъ и всякому покарятися и правдою служити имъ во всемъ къ болшимъ и меншимъ и скорбнымъ и маломощнымъ, ко всякому человѣку какову быти и себѣ о семъ внимати.

Царя бойся и служи ему вѣрою, и всегда о немъ Бога моли, и ложно отнюдъ не глаголи предъ нимъ; но, съ покореніемъ истинну отвѣщай ему, яко самому Богу, и во всемъ повинуйся ему. Аще земному Царю правдою служиши и боишися его, такъ научишися и Небеснаго Царя боятися: сей временень, а Небесный вѣченъ и судія нелицемѣренъ: воздастъ комуждо по дѣломъ его. Такоже и Княземъ покаряйтеся, и должную ему честь воздавай, яко отъ него посланомъ, во отмщеніе злодѣемъ, въ похвалу же добродѣемъ: Князю своему пріяйте всѣмъ сердцемъ, и властелемъ своимъ: ни помыслите на ня зла. Глаголетъ бо Павелъ Апостолъ: вся владычества отъ Бога учинена суть: да,— аще кто противится властелемъ, то Божію повелѣнію противитца. А Царю и Князю и всякому велможѣ и клеветою и лукавствомъ: погубитъ Господь вся, глаголющая лжу, а шепотники и клеветники отъ народа прокляти суть. Старѣйшимъ себѣ честь воздавай, и поклоненіе твори; среднихъ яко братію почитай, маломожныхъ и скорбныхъ любовію привѣчай, юнѣйшихъ яко чада люби; всякому созданію Божію не лихъ буди; славы земныя ни въ чемъ не желай, вѣчьныхъ благъ проси у Бога; вся-

кую скорбь и тѣсноту съ благодареніемъ терпи; обидимъ не мьсти; хулимъ моли; зла за зло не воздавай; согрѣшающая не осужай; воспомяни своя грѣхи: о тѣхъ крѣпко пекися; злыхъ мужей совѣту отвращайся; буди ревнитель праvжительствующимъ, и тѣхъ дѣланія написуй въ сердцы своемъ, и самъ такоже твори.

ГЛАВА XV.

Како дѣтей своихъ воспитати во всякомъ наказаніи и страсѣ Божіи.

А пошлетъ Богъ у кого дѣти, сынове или дщери: ино имѣти попеченіе отцу и матери о чадехъ своихъ; снабдити ихъ и воспитати въ добрѣ наказаніи; и учити страху Божію и вѣжству и всякому благочинію и, по времени и дѣтемъ смотря, и по возрасту, учити рукодѣлію: матери дщери, а отцу сынове, кто чево достоинъ, каковъ кому просугъ (смыслъ) Богъ дастъ; любити ихъ и беречи, и страхомъ спасати. Уча и наказуя и разсужая, раны возлогати: наказуй дѣти въ юности, покоитъ тя на старость твою; и хранити и блюсти о чистотѣ тѣлесной, и отъ всякаго грѣха отцемъ чадъ своихъ, якоже зеницу ока и яко своя душа. Аще что дѣти согрѣшаютъ отцовымъ и матернимъ небреженіемъ, имъ о тѣхъ грѣсѣхъ отвѣтъ дати въ день страшнаго суда. А дѣти аще небрегомы будутъ, въ ненаказаніи отцовъ и матерей, аще что согрѣшатъ, или что сотворятъ, и отцемъ и матеремъ съ дѣтми, отъ Бога грѣхъ, и отъ людей укоръ и посмѣхъ, а дому тщета, а себѣ скорбь и убытокъ, а отъ судей продажа и соромота. Аще у богобоязнивыхъ родителей, и у разумныхъ и благоразсудныхъ, чада воспитани въ страсѣ Божіи, и въ добрѣ наказаніи, и въ благоразсудномъ ученіи, всякому разуму и вѣжству и промыслу и рукодѣлію, и тѣ чада, съ родители своими, бываютъ отъ Бога помиловани, а отъ священнаго чину благословены, а отъ добрыхъ людей хвалими; а въ совершенѣ возрастѣ, добрые люди, съ радостію и благодареніемъ, женятъ сыновъ своихъ по своей верстѣ, по суду Божію; а дщери за ихъ дѣти, за мужъ выдаютъ. И аще отъ таковыхъ которое чадо Богъ возметъ, въ покаяніи и съ причастіемъ: то отъ родителю безскверная жертва къ Богу приносится, и въ вѣчныя кровы вселяются; и имѣютъ дерзновеніе у Бога милость просити, и оставленія грѣховъ, и о родителяхъ своихъ.

ГЛАВА XVII.

Како дѣти учити и страхомъ спасати.

Казни сына своего отъ юности его, и покоитъ тя на старость твою, и дастъ красоту души твоей. И не ослабляй, біа младенца: сице бо жезломъ біеши его, не умретъ, но здравіе будетъ: ты бо, біа его по тѣлу, а душу его избавляеши отъ смерти. Дщерь ли имаши, положи на нихъ грозу свою, соблюдеши я отъ тѣлесныхъ: да не посрамиши лица своего, да въ послушаніи ходитъ; да не въ свою волю пріимши и, въ неразуміи, прокудитъ дѣвство свое, и сотворится знаемъ твоимъ въ посмѣхъ, и посрамятъ тя предъ множествомъ народа; аще бо отдаси дщерь свою безъ порока, то яко велико дѣло совершиши, и посреди собора похвалишися: при концы не постонеши на ню. Любя же сына своего, учащай ему раны, да послѣди о немъ возвеселишися. Казни сына своего изъ-млада, и порадуешися о немъ въ мужествѣ; и посреди злыхъ похвалишися, и зависть пріимутъ враги твои. Воспитай дѣтище съ прощеніемъ, и обрящеши о немъ покой и благословеніе. Не смѣйся къ нему, игры творя: въ малѣ бо ся ослабиши, въ велицѣ поболиши, скорбя; и послѣ же яко оскомины твориши души твоей. И не дажь ему власти во юности, но сокруши ему ребра, донележе растетъ, а, ожесточавъ, не повинится ти ся; и будетъ ти досаженіе, и болезнь души, и тщета домови, погибель имѣнію, и укоризна отъ

сусѣдъ, и посмѣхъ предъ враги, предъ властію, платежь и досада зла.

ГЛАВА XXXI.

Како всякое платье кроити и остатки и обрески беречи.

Въ домовитомъ обиходѣ коли лучится какое платья кроити себѣ, или женѣ, или дѣтемъ, или людемъ: камчато или тафтяно, или изуфрено или кумачно или зенденинное, или сукняное или армячное, или сермяжное, или кожи какіе кроити: или сагадокъ, или на седло, или омѣтюкъ или сумы, или сапоги, или шуба, или кафтанъ, или терликъ, или однорятка, или кортелъ, или лѣтникъ и каптуръ, или шапка или нагавицы, или какое платно ни буди; и самъ государь или государыня, смотритъ и смечаетъ: остатки и обрѣски живутъ; а тѣ остатки и обрѣски ко всему пригожаютца въ домовитомъ дѣле: поплатить ветчаново тово жъ портища, или къ новому прибавить, или какое ни буди починить; а остатокъ или обрѣзокъ какъ выручить; а въ торгу устанешь прибираючи въ то лицо; въ три дора купишь, а иногды и не приберешь. А коли лучится какое платно кроити молоду человѣку: сыну или дщери; или молодой невѣске: лѣтникъ или кортель, или шуба съ поволокою, или опашень зуфрянъ, или камчатъ, или объярь, или атласъ, или бархатъ, или терликъ или кафтанъ, или што нибуди доброе,—и кроячи, да загибати вершка по два и по три на подоле, и по краемъ, и по швомъ, и по рукавомъ; и какъ вырастетъ, годы два или три, или въ четыре,—и распоровъ то платно, и загнутое отправить: опять платно хорошо станетъ. Кое платья не всегда носити, то такъ кроити.

ГЛАВА XXXIV.

По вся дни женѣ съ мужемъ о всемъ спрашиватися, и совѣтовати о всемъ, и како въ люди ходити, и къ себѣ призывати и съ гостьями что бесѣдовати.

А по вся бы дни у мужа жена спрашивалась, и совѣтовала о всякомъ обиходѣ, и воспоминала, что надобеть. А въ гости ходити, и къ себѣ звати: сылатца съ кемъ велитъ мужъ; а гостьи коли лучится, или самой гдѣ быти за столомъ сѣсти, луччее платя перемѣнити; отнюдъ беречися отъ пьянаго питія: пьяный мужъ дурно, а жена пьяна въ миру не пригоже. А съ гостьями бесѣдовати о рукодѣльи и о домашьнемъ строеніи: како порядня вести, и какое рукодѣлейцо сдѣти. Чего женъ спрашиватися, вѣжливо ине знаетъ, и того у добрыхъ ласково; и кто что указнетъ, на томъ ниско челомъ бити. Или, у себя въ подворье, у которой гостьи, услышитъ добрую пословицу: како добрые жены живутъ, и како порядню ведутъ, и какъ домъ строить, и какъ дѣти и служокъ учатъ, и какъ мужей своихъ слушаютъ, и какъ съ ними спрашиваются, и какъ повинуются имъ во всемъ: и то въ себѣ внимати, а чево доброво не знаетъ, ино спрашиватца вѣжливо; а дурныхъ и пересмѣшныхъ и блудныхъ речей не слушати и не бесѣдовати о томъ; или въ гостяхъ: увидитъ добрую порядню, или въ естве, или въ питье, или въ какихъ примѣсехъ, или какое рукодѣлье не обычно, или какая домашняя порядня гдѣ хороша: или, которая добрая жена, и смышленая и умная, и въ речехъ и въ беседѣ и во всякомъ обиходѣ; или гдѣ слушки умны, и вѣжливы и порядливы, и рукодѣлны, и ко всякому добру смышлены: и всего того добра примѣчати и внимати; чего не знаетъ, или чево не умѣетъ, и о томъ спрашиватися, вѣжливо и ласково, и о томъ бити челомъ; и, пришедъ на подворья, то все мужу сказать на упокои.— Съ такими то съ добрыми женами пригоже сходитися: ни ествы, ни питія для добрыя ради бесѣды и науку для; да внимать то въ провъ себѣ; а не пересмѣхатися, и ни о комъ не перреговаривати; и спросятъ о чемъ про кого иногды и учнутъ пытати: ино отвещати—не вѣдаю азъ ничего того, и не

слыхалъ и не знаю; и сама о ненадобномъ не спрашиваю; ни о княжняхъ, ни о боярыняхъ, ни о сусѣдахъ не пересужаю.

3. Іоаннъ Грозный.

а. изъ посланія кирилло-бѣлозерскаго монастыря игумену козмѣ съ братіею.

(около 1578 г.).

(Акты истор.).

Вь пречестную обитель Пречистыя Владычица нашея Богородица честнаго и славнаго ея Успенія, и преподобнаго и богоноснаго отца нашего Кирила Чюдотворца, иже о Христѣ божественаго полка наставнику и вожу и руководителю къ пренебесному селенію, преподобному игумену Космѣ яже о Христѣ съ братіею, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи челомъ бьетъ. Увы мнѣ грѣшному! горе мнѣ окаянному! охъ мнѣ скверному! кто есмь азъ на таковую высоту дерзати? Бога ради, господіе и отцы, молю васъ, престаните отъ таковаго начинанія. Азъ братъ вашъ недостоинъ есмь нарещися, но по Еуангелскому словеси, сотворите мя, яко единаго отъ наемникъ своихъ; тѣмъ же припадаю честныхъ ногъ вашихъ стопамъ и милъ ся дѣю, Бога ради, престаните отъ таковаго начинанія. Писано бо есть: «свѣтъ инокомъ Ангели, свѣтъ же міряномъ иноки;» ино подобаетъ вамъ, нашимъ государемъ, и насъ заблуждьшихъ во тмѣ гордости и сѣни смертнѣй прелести тщеславія, ласкосердьства же и ласкосердія, просвѣщати: а мнѣ псу смердящему кому учити, и чему наказати, и чѣмъ просвѣтити? самъ бо всегда въ пьянствѣ, въ сквернѣ, въ убійствѣ, въ грабленіи, въ хищеніи, въ ненависти, во всякомъ злодѣйствѣ, по великому Апостолу Павлу: «надѣяй же ся себе вождь быти слѣпымъ, свѣтъ сущимъ во тмѣ, наказатель безумнымъ, учитель младенцемъ, имущъ образъ разуму и истиннѣ въ законѣ, научаяй убо иного себе ли не учиши? проповѣдаяй не красти, крадеши; глаголяй не прелюбы творити; скаредуяйся идолъ, святая крадеши; иже въ законѣ хвалишися, преступленіемъ закона Богу досаждаеши.» И паки той же великій Апостолъ глаголетъ: «Егда како инѣмъ проповѣдавъ, самъ неключимъ буду?» Бога ради, отцы святіи и преблаженіи, не дѣйте мене, грѣшнаго и сквернаго, плакатися грѣховъ своихъ и себѣ внимати, среди лютаго сего треволненія прелестнаго мимотекущаго свѣта сего. Паче же въ настоящемъ семъ многомятежномъ и жестокомъ времяни, кому мнѣ нечистому и скверному и душегубцу учителю быти? Да негли Господь Богъ, вашихъ ради святыхъ молитвъ, сіе писаніе въ покаяніе мнѣ вмѣнитъ. И аще хощете, есть у васъ, дома, учитель, среди васъ великій свѣтилникъ Кирилъ: и на его гробъ повсегда зрите и отъ него всегда просвѣщайтеся; потомъ же великіи подвижницы, ученици его, а ваши наставницы и отцы, по пріятію рода духовнаго даже и до васъ, и святый уставъ великого Чюдотворца Кирила, яко жъ у васъ ведется. Се у васъ учитель и наставникъ! отъ сего учитеся, отъ сего наставляйтеся, отъ сего просвѣщайтеся, о семъ утвержайтеся; да и насъ, убогихъ духомъ и нищихъ благодатію, просвѣщайте, а за дерзость, Бога ради, простите. Понеже помните, отци святіи, егда нѣкогда прилучися нѣкоимъ нашимъ приходомъ къ вамъ, въ пречестную обитель Пречистыя Богородицы и Чюдотворца Кирила, и случися тако судбами Божіими: по милости Пречистыя Богородица, и Чюдотворца Кирила молитвами, отъ темныя ми мрачности малу зарю свѣта Божія въ помыслѣ моемъ воспріяхъ, и повелѣхъ тогда сущему преподобному вашему игумену Кирилу, съ нѣкоими отъ васъ братіи, нѣгдѣ въ келіи съкровеннѣ быти, самому же такоже отъ мятежа и плища ірьскаго упразнившуся и пришедшу ми къ

вашему преподобію; и тогда со игуменомъ бяше Іасафъ архимандритъ Каменской, и Сергѣй Колычевъ, ты Никодимъ, ты Антоней, а иныхъ не упомню; и бывшей о семъ бесѣдѣ надолзѣ, и азъ грѣшный вамъ извѣстихъ желаніе свое о постриженіи, и искушахъ окаянный вашу святыню слабыми словесы. И вы извѣстисте ми о Бозѣ крѣпостное житіе; и якоже услышахъ сіе божественое житіе, ту абіе возрадовася скверное мое сердце со окаянною моею душею, яко обрѣтохъ узду помощи Божія своему невоздержанію и пристанище спасенія; и свое обѣщаніе положихъ вамъ съ радостію, яко нигдѣ индѣ, аще благоволитъ Богъ, во благополучно время, здраву, пострищися, точію во пречестнѣй сей обители Пречистыя Богородица, Чюдотворца Кирила составленія. И вамъ молитвовавшимъ, азъ же окаянный преклонихъ скверную свою главу и припадохъ къ честнымъ стопамъ преподобнаго игумена тогда сущаго, вашего жъ и моего, на семъ благословенія прося, оному же руку на мнѣ положшу и благословившу мене на семъ, якоже выше рѣхъ, яко нѣкоего новоприходящаго пострищись. И мнѣ мнится окаянному, яко исполу есмь чернецъ: аще и не отложихъ всякаго мірскаго мятежа, но уже рукоположеніе благословенія ангелскаго образа на себѣ ношу. И видѣхъ во пристанищи спасенія многи корабли душевныя лютѣ обуреваемы треволненіемъ, сего ради не могохъ терпѣти, малодушьствовахъ, и о своей души поболѣхъ, яко сый уже вашъ, да не пристанище спасенія испразднится, сице дерзнухъ глаголати. И вы, Бога ради, господіе мои и отцы, простите мене грѣшнаго за дерзость доселѣ моего къ вамъ суесловія, яко же рече великое свѣтило Иларіонъ Великій въ своемъ посланіи къ нѣкоему брату, сице рече: «Къ старѣйшему брату и Христову рабу, убогій азъ инокъ и послѣдній въ братствѣ Иларіонъ, малѣйшій разумомъ и неключимый ни въ коемъ же благѣ дѣлѣ. Яко послалъ ми еси таково слово, глаголя, яко бѣси нудятъ мя мысльми, да любве ради и Христовы заповѣди отпиши ми слово и главизну утѣшну или двѣ; азъ же воспріемъ посланіе и прочетъ его удивихся: како убо братъ мой утѣшенія востребова отъ мене, или наказанія отъ самого ненаказанна, и отъ нагаго одежду, паче же отъ грѣшника спасенія и утверженія слову? И сія помысливъ, и не требовахъ хотѣти руку мою прострети на отписаніе, боялся, егда самъ не творя буду, тебѣ же начну пиша глаголати, по отечьскому слову, кладязю подобенъ буду, иныя омывающу, себѣ же многи скверны не могущу истребити, и пріиму осужденіе со возлагающимъ на плеща человѣкомъ бремяна тяжка и неудобьносимая, а самъ перстомъ того не хотяй двигнути, и буду яко кругъ мѣдянъ тщимъ гласомъ бряцая: и сего ради ужасаюся и трепещу, да не паче Бога разгнѣваю, учителскій санъ возхищая, юностію еще играемъ.» И аще сицевое свѣтило о себѣ сице рече, азъ же окаянный что сотворю, иже беззаконію сущи скверно жилище своими злыми дѣлы быхъ? но хотѣлъ убо быхъ конецъ дѣлу положити: но понеже вижу, грѣхъ ради моихъ, нудити вамъ мене о семъ, сего ради, по великому Апостолу Павлу, быхъ безуменъ; и понеже вы мя понудисте, мала нѣкая отъ своего безумія изреку вамъ, не яко учительски и со властію, но яко рабски и послушаніе повелѣнію творя вашего преподобія, аще и безмѣрна высота есть моего недоумѣнія. И паки якоже той же, великое свѣтило, Иларіонъ къ первому приложи и рече: «И паки азъ противу таковому помыслу инако помыслъ наставлю, егда что злопостражду, не сотворивъ волю братню и не упокоивъ духовное желаніе искреняго ми; помянухъ бо реченное: аще брашна ради скорбитъ братъ твой, уже не по любви ходиши. Да аще брашна ради тѣлеснаго, зазоръ есть не подавшему, колми паче душевнаго брашна лишивъ брата сущаго въ скорби. Сія же помысливъ

азъ въ себѣ рекъ: егда како и мое желаніе Богъ презрѣвъ, и не сотворитъ ми полезное души, яко же азъ братне да отвергу сомнѣніе, дерзновеніе же воспріимъ напишу ему, по желанію его, яко же Богомъ возмогаемъ. Кто бо вѣсть, егда по его желанію и вѣрѣ, дасть ми Господь написати, и мнѣ самому полезное и оному? Паче же грубости ради моея и простоты словесъ воздержахся, помышляя, егда како навыкшу ти въ книжнѣй силѣ, и въ мудрости святыхъ възрастьшу, писаніе мое неугодно явится, наче же уности моей и реченій моихъ честыни внимающи. Но обаче Богъ иже пріемый вдовицы оная двѣ цатѣ, и яко великъ даръ вмѣнивъ ей, той же и тебѣ рабу его, сотворитъ любовь, пріяти се желанное тобою отъ насъ». Сего ради азъ окаянный сія видѣвъ, дерзнухъ писати, наче жъ и сего ради, яко мнѣ мнится окаянному, Божіе нѣкое изволеніе сему быти. Вѣру имѣте ми, господіе мои и отцы, Богъ свѣдѣтель, и Пречистая Богородица, и Чюдотворецъ Кирилъ, яко сего великого Иларіона доселѣ посланіе ниже читахъ, ниже видѣхъ, ниже паки слышахъ о немъ: но яко восхотѣхъ къ вамъ писати отъ посланія Василія Амасійскаго, и разгнувъ книгу обрѣтохъ сіе посланіе Великаго Иларіона, и приникнувъ и видѣвъ, яко зѣло къ нынѣшнему времяни ключяемо, и помыслихъ, яко Божіе нѣкое повелѣніе сицево обрѣтеся къ полезному, и сего ради дерзнухъ писати. Имемся убо беседѣ, Богу помогающу; и аще понуждаете мя, отцы святіи, и се мое отъ послушанія къ вамъ отвѣщаніе.—Первое, господіе мои и отцы, по Божіей милости, и Пречистыя Его матере молитвами, и великого Чюдотворца Кирила молитвами, имате уставъ великаго сего отца, иже и доселѣ въ васъ дѣйствуется. Сего имуще, о немъ стойте; мужайтеся, утвержайтеся, и не паки подъ игомъ работѣ держитеся; и чюдотворцово преданіе держите крѣпко, и инѣмъ не попущайте раззоряти, по великому Апостолу Павлу: «возмогайте о Господѣ въ державѣ крѣпости его....» И вы, господіе и отцы, стойте крѣпко, мужественнѣ за чюдотворцово преданіе, и не ослабляйте, какъ васъ Богъ и Пречистая и Чюдотворецъ просвѣтитъ, яко же писано есть: «свѣтъ инокомъ Ангели, а свѣтъ міряномъ иноки». И аще свѣтъ тма, а мы окаяніи, тма сущи, колми помрачимся! Помните, господіе мои и отцы святіи, Маккавеи за едино свиное мясо, равно еже за Христа, съ Мученики почтошася, и како рече Елеазаръ мучителю, и на се сошедшу, да не ястъ свиная мяса, но токмо въ руку пріиметъ и рекутъ людемъ, яко Елеазаръ мяса ястъ, доблественный же сей рече: «сице осмьдесятъ лѣтъ имать Елеазаръ, и нѣсмь соблазнилъ люди Божія; и нынѣ, старъ сый, како соблазнъ буду Израилю?» и тако скончася. И божественный Златоустъ пострада за обидящихъ, и царицу возгрожая отъ лихоиманія. Не бо исперва виноградъ и вдовица вина бысть толику злу, и чудному сему отцу изгнаніе, и труды, и нужную отъ повлаченія смертъ. Сіе бо о виноградѣ отъ невѣждъ глаголется: аще же кто житіе его прочтетъ и извѣстно увѣсть, яко за многихъ Златоустъ сіе пострада, а не за единъ виноградъ; и виноградъ же се не просто, яко же глаголютъ. Но бысть нѣкто мужъ во Цареградѣ, и болярска сана сый, и оглаголанъ бысть ко царицы, яко поношаетъ ей о лихоманіи; она же гнѣвомъ объята бывши, заточи его и съ чяды въ Селунь; оному же и великаго Златоуста молящу помощи ему, оному же царицы не воспретившу, но попустившу сему тако быти, и тамо ему въ заточеніи и скончавшуся, царица жъ, гнѣвомъ неутолима сущи, и еже на прекормленіе убозѣй сей остави виноградъ восхотѣ злохитрьствомъ отняти. И аще святіи о малыхъ сихъ вещѣхъ сице страдаху, колми же паче, господіе мои и отцы, вамъ подобаетъ о чюдотворцовѣ преданіи пострадати. Яко же Апостоли Христу распинаеми и соумерщвляеми, и совоскрешаеми будутъ, тако и вамъ по-

добаетъ усердно послѣдовати великому Чюдотворцу Кирилу, и преданіе его крѣпко держати, и о истинѣ подвизатися крѣпцѣ, и не быти бѣгуномъ, пометати щитъ и иная: но вся оружія Божія воспріимѣте, и не предавайте чюдотворцова преданія, никтожъ отъ васъ, яко Іюда Христа сребра ради, тако и нынѣ сластолюбія ради. Есть бо у васъ Анна и Каіяфа, Шереметевъ и Хабаровъ; и есть Пилатъ, Варламъ Собакинъ, понеже отъ царскія власти посланъ; и есть Христосъ распинаемъ, чюдотворцово преданіе преобидимо Бога ради, отцы святіи, и мало въ чемъ ослабу попустите, то и велико будетъ.... И мы убо звѣрей горши есмы и безсловесныхъ; они бо, Ангеломъ равніи, странніи и пришелцы. Здѣ въ нихъ сущимъ, вся тѣмъ примѣнившася къ намъ, и одежда, и пища, и обитель, и бесѣда: и аще убо кто слышалъ бы онѣхъ бесѣдующихъ, и насъ, тогда убо быхъ разумѣлъ добрѣ; како они небеснiи жителіе, мы же ни земли достойни; ни едино бо отъ сковрадныхъ во ангелѣхъ онѣхъ есть ни пресыщенія пищна, вѣдяще яко плачь есть настоящее се житіе, наполняюще всѣмъ, и еже ко Пророку Езекѣилю рѣченное отъ Бога: «сыне человѣчь, хлѣбъ свой съ болѣзнію яждь, и воду со страданіемъ и скорбію пій». Сицевая убо трапеза имущихъ сія со Ангелы на небеса отсылаетъ, ласкосердая же въ геену влечетъ чревныя рабы, якоже богатого онаго: ово же убо въ сонъ смертный пришедъ пріиметъ; ово же трезвѣніемъ и бдѣніемъ; и ову убо мука, ову же небесное царствіе. Сице убо и Великій Василій учитъ глаголя: не отлагай убо дне ото дне, да не надеши нѣкогда, въ оньжене чаеши день. Егда убо оставити ти протчее живота, вины недовѣдѣніяжеотовсюду, и скорбь неутѣшна, оскудѣвшимъ убо врачемъ оскудѣвшимъ же и своимъ, егда чястымъ воздыханіемъ и сухимъ обдержимъ, огню пламенну распаляющу внутренняя и разтерзающу, воздохнеши убо отъ среды сердца, и скорбящаго съ тобою не обрящеши, и провѣщаеши убо что худо и немощно, услышаяй же не будетъ-все же глаголанное тобою, яко суетіе, преобидитъ тя.:.. Видите ли, какого послабленіе иноческому житію плача и скорби достойно? И по тому вашему ослабленію, ино-то Шереметева для и Хабарова для, такова у васъ слабость учинилася и чюдотворцову преданію преступленіе. И только намъ благоволитъ Богъ у васъ пострищися, ино то всему Царьскому Двору у васъ быти, а монастыря уже и не будетъ. Ино почто въ черньцы, и какъ молвити: «отрицаюся міра и вся яже суть въ мірѣ, а міръ весь въ очѣхъ? и како на мѣстѣ семъ святѣмъ со братіею скорби терпѣти и всякія напасти приключшаяся, и въ повиновеніи быти игумену, и всей братіи въ послушаніи и въ любви, яко же во обѣщаніи иноческомъ стоитъ? А Шереметеву какъ назвати братіею? ано у него и десятой холопъ, которой у него въ кельѣ живетъ, ѣстъ лучши братій, которые въ трапезѣ ѣдятъ. И велицыи свѣтилницы, Сергій и Кириллъ, и Варламъ, и Димитрій, и Пафнутій и мнози преподобніи въ Рустѣй земли, уставили уставы иночьскому житію крѣпостныя яко же подобаетъ спастися; а бояре къ вамъ пришедъ, свои любострастные уставы ввели: ино-то не они у васъ постриглися, вы у нихъ постриглися; не вы имъ учители и законоположители, они вамъ учители и законоположители. Да, Шереметева уставъ добръ, держите его; а Кириловъ уставъ не добръ, оставите его. Да сегодни тотъ бояринъ ту страсть введетъ, а иногды иной иную слабость введетъ, да по малу, помалу весь обиходъ монастырьской крѣпостной испразнится и будутъ вси обычаи мірскіе. Вѣдь по всѣмъ монастыремъ, сперва началники уставили крѣпкое житіе, да опослѣ ихъ разорили любострастные. И Кирилъ Чюдотворецъ на Симоновѣ былъ, а послѣ его Сергѣй; а законъ каковъ былъ, прочтите въ житіи чюдотворцовѣ, и тамо извѣстно увѣсте; да тотъ маленько сла-

бость ввелъ, а послѣ его иные по болши, да помалу, помалу и до сего якоже и сами видите, на Симоновѣ, кромѣ сокровенныхъ рабъ Божіихъ, точію одѣяніемъ иноцы, а мірская вся совершаются, якоже и у Чюда быша, среди царьствующаго града. предъ нашима очима, намъ и вамъ видима. Быша архимарити: Іона, Исакъ Собака, Михайло, Васьянъ Глазатой, Аврамей, и при всѣхъ сихъ яко единъ отъ убогихъ бысть монастырей; при Левкіѣ же како сравняся всякимъ благочиніемъ съ великими обители и духовнымъ жительствомъ мало чимъ отстая? Смотритежъ, слабость ли утверждаетъ, или крѣпость? А вы се надъ Воротынскимъ церковь есте поставили! ино надъ Воротынскимъ церковь, а надъ Чюдотворцомъ нѣтъ; Воротынской въ церкви, а Чюдотворецъ за церковью. И на страшномъ Спасовѣ судищѣ, Воротынской да Шереметевъ выше станутъ по тому: Воротынской церковію, а Шереметевъ закономъ, что ихъ Кирилова крѣпчае. Слышахъ брата нѣкоего отъ васъ глаголюща, яко добрѣ се сотворила княгини Воротынского, азъ же глаголю, яко не добрѣ, по сему первое, яко гордыни есть и величанія образъ, еже подобно царьстѣй власти церковію и гробницею и покровомъ почитатися; и нетокмо души не пособь, но и пагуба: души бо пособіе бываетъ отъ всякого смиренія. Второе, и сіе зазоръ не малъ, что мимо Чюдотворца надъ нимъ церковь, а и единъ священникъ приношеніе приноситъ: аще ли повсегда приношеніе приноситъ, скуднѣе сіе собора; аще ли не повсегда, сего хужайше; якоже множайше насъ, сами вѣсте. А и украшеніе церковное у васъ вмѣстѣ бы было, ино бы вамъ то прибыльнѣе было. а того бъ розходу прибылного не было, всебъ было вмѣстѣ, и молитва совокупная; и мню, и Богу пріятнѣе бы было. Восе, при нашихъ очѣхъ, у Діонисія Преподобнаго на Глушицахъ, и у великого Чюдотворца Александра на Свѣри, толко бояре не стригутся, и они Божіею благодатію procвѣтаютъ постническими подвиги. Восе у васъ сперва Іасафу Умному дали оловянники въ келью, дали Серапіону Ситцкому, дали Іонѣ Ручкину, а Шереметеву уже съ поставцемъ, да и поварня своя. Вѣдь дати воля Царю, ино и псарю; дати слабость велможѣ, ино и простому. Не глаголи ми никтоже Римлянина оного, велика суща въ добродѣтелѣхъ, и сице покоящася: и сіе не обдержанная бѣ, но отъ смотрѣнія вещь и въ пустыни бѣ, и то сотворяше вкратцѣ и безъ плища, и никогоже соблазни, якоже рече Господь во Еуангеліи: «нужно бо есть не пріити соблазномъ; горе же человѣку тому, имъ же соблазнъ приходитъ!» Ино бо есть единому жити, а ино въ общемъ житіи. Господіе мои, отцы преподобніи! воспомяните велможу оного, иже въ Лѣствицы, Исидора глаголемаго Желѣзнаго, иже князь Александрѣйскій бѣ, и въ каково смиреніе достиже? такоже и инъ велможа Авенира Царя Индѣйскаго, иже на испытаніи бысть, и каково портище на немъ было? ни кунье, ни соболье. Таже и самъ Іасафъ, сего Царя сынъ, како царство остави и до тоя Сенаридскія пустыни пѣшь шествова и ризы царьскія премѣни власяницею, и многія напасти претерпѣ, имъ же николи же обыклъ, и како божественнаго Варлама достиже, и како съ нимъ поживе, царьски ли, или постнически? и кто бысть болій, Царевъ ли сынъ, или невѣдомый пустынникъ? и съ собою ли Царевъ сынъ законъ принесе, или по пустынникову закону поживе и послѣ его? множае насъ сами вѣсте; а много у него было и своихъ Шереметевыхъ. И Елизвой Еоіопскій Царь каково жестоко житіе поживе? И Сава Серьбскій како отца и матерь, и братію, и родъ, и други, вкупѣ же и царство и съ велможами, остави и крестъ Христовъ пріятъ, и каковы труды постничества показа? таже и отецъ его Неманя, иже, Семіонъ, и съ матерію его Маріею, его для поученія, како оставиша царство и багряница премѣниша ангельскимъ образомъ,

и кое утѣшеніе улучиша? не тѣлесное, да и небесную радость улучиша. Како же и Великій Князь Святоша, прежъ державый Великое Княженіе Кіевское, и пострижеся въ Печерстѣмъ монастыри, и пятнадесять лѣтъ во вратарѣхъ бысть, и всѣмъ работаше знающимъ его, имже прежде самъ владаше, и толико срамоты Христа ради не отвержеся, яко и братіямъ его негодовати нань? своей бо державѣ укоризну того ради вмѣняху себѣ, но ниже сами, ниже нарѣчія инѣми къ нему посылающе, не возмогоша его отвратити отъ таковаго начинанія, до дне преставленія его; но и по преставленіи его, отъ стула древянаго, на немъже сѣдяше у вратъ, бѣси прогонимы бываху. Тако Святіи подвизахуся Христа ради; а у всѣхъ тѣхъ свои Шереметевы и Хабаровы были. А Игнатія блаженнаго Патріарха Царяграда, Царева жъ сына бывша, егоже въ заточеніи замучи Варда Кесарь, обличенія ради, подобно Крестителю, понеже бо той Варда живяше съ сыновнею женою, гдѣ сего праведнаго положиши? А коли жестоко въ черньцѣхъ, ино было жити въ боярѣхъ, да не стрищися. Доселѣ, отцы святіи, моего къ вамъ безумнаго суесловія: отвѣщаніе мало изрекохъ вамъ, понеже въ божественнѣмъ Писаніи о всемъ о семъ сами множае насъ окаянныхъ вѣсте; и сія малая изрекохъ вамъ, понеже вы мя понудисте.—Годъ уже равенъ, какъ былъ игуменъ Никодимъ на-Москвѣ: отдоху нѣтъ, таки Собакинъ да Шереметевъ; а язъ имъ отецъ ли духовный, или началникъ? какъ себѣ хотятъ, такъ и живутъ, коли имъ спасеніе душа своея не надобѣть. Но доколѣ молвы и смущенія, доколѣ плища и мятежа, доколѣ рети, и шепетанія и суесловія, и чесо ради? злобѣснаго ли ради пса Василья Собакина, иже не токмо невѣдущъ иноческаго житія, но ни видящъ, яко есть чернецъ, нетокмо инокъ, еже есть велико? а сей и платья не знаетъ, нетокмо жителства; или бѣсова для сына Ивана Шереметева, или дурака для и упиря Хабарова? Воистинну, отцы святіи, нѣсть сіи черньцы, но поругатели иноческому житію. Или не вѣсте Шереметева отца, Василья? вѣдь его бѣсомъ звали; и какъ постригся, да пришелъ къ Троицѣ въ Сергіевъ монастырь, да снялся съ Курцовыми, а Асафъ, что былъ Митрополитъ, тотъ съ Коровиными, да межъ себя браниться, да оттолѣ се имъ и почалося: и въ каково простое житіе достиже святая та обитель, всѣмъ, разумъ имущимъ и хотящимъ видѣти, видимо; а дотолѣ и у Троицы было крѣпко житіе, и мы се видѣхомъ: и при нашемъ пріѣздѣ, потчиваютъ множество, а сами чювственны пребываютъ. А во едино время мы своима очима видѣли, въ нашъ пріѣздъ князь Иванъ Кубенской былъ у насъ дворецкой; да у насъ кушаніе отошло пріѣзжее, а всенощное благовѣстятъ; и онъ похотѣлъ тутъ поѣсти да испити, за жажу, а не за прохладъ; и старецъ Симонъ Шубинъ и иные съ нимъ, не отъ большихъ (а большіе давно отошли по кельямъ), и они ему о томъ какъ бы шутками молвили: князь Иванъ-су, поздно, уже благовѣстятъ; да сесь сидячи у поставца съ конца ѣстъ, а они съ другого конца обираютъ, да хватился хлѣбнуть испити, ано ни капли не осталось, все отнесено на погребъ. Таково было у Троицы крѣпко, да то міряниву, а не черньцу! А слышахъ отъ многихъ, яко и таковы старцы во святомъ томъ мѣстѣ обрѣталися: въ пріѣзды бояръ нашихъ и велможъ ихъ потчиваху, а сами никакоже ни къ чему касахуся, аще и велможи ихъ нужаху, не въ подобно время, но аще и въ подобно время, и тогда мало касахуся. Въ древняя же времена въ томъ святомъ мѣстѣ сего дивнѣйше слышахъ: нѣкогда пришедшу преподобному Пафнотію Чюдотворцу къ Живоначальнѣй Троицѣ помолитися и къ чюдотворцову Сергіеву гробу, и ту къ сущей братіѣ бесѣды ради духовной, и бесѣдовавшимъ имъ, и оному отъити хотящу, они же ради духовныя любви и за врата провожаху преподобнаго; и тако воспомянувше завѣтъ преподобнаго Сергія, яко за врата не исходити, вкупѣ и пре-

подобнаго Пафнотія подвигше на молитву, и о семъ молитвовавше, и тако разыдошася. И сея ради духовныя любви, тако святіи отечьскія заповѣди не презираху, а не тѣлесныя ради страсти. Такова бысть крѣпость и во святомъ томъ мѣстѣ древлѣ! а нынѣ, грѣхъ ради нашихъ, хуже и Пѣсноши, какъ дотудова Пѣсношь бывала. А вся та слабость отъ начала учинилася отъ Василья отъ Шереметева, подобно Иконоборцомъ въ Цариградѣ, царема Льву Исавру и сыну его Констянтину Гноетезному. Понеже Левъ точію сѣмяна злочестія посѣя, Константинъ же всего царьствующаго града во всякомъ благочестіи помрачи: тако и Васьянъ Шереметевъ у Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ, близъ царьствующаго града, постническое житіе своимъ злокозньствомъ испроверже. Сице и сынъ его Іона тщится погубити послѣднее свѣтило, равно солнцу сіяющее, и душамъ совершенное пристанище спасенія, въ Кириловѣ монастыри, въ самой пустыни, постническое житіе искорените. А и въ міру, тотъ Шереметевъ съ Висковатымъ первые не почали за кресты ходити, и на то смотря, всѣ не почали ходити; а дотудова все православное христіяньство, и съ женами и со младенцы, за кресты ходили, и не торговали того дни, опричь съѣстного, ничѣмъ, а кто учнетъ торговати и на томъ имали заповѣди. А то все благочестіе погибло отъ Шереметевыхъ: таковы тѣ Шереметевы! И намъ видится, что и въ Кириловѣ, по тому же, хотятъ благочестіе потребити. А будетъ кто речетъ, что мы на Шереметевыхъ гнѣвомъ то чинимъ, или Собакиныхъ для; ино свѣдѣтель Богъ и Пречистая Богородица, и Чюдотворецъ Кирилъ, что монастырьскаго для чину и слабости для говорю. Слышалъ есми, у васъ же, въ Кириловѣ, свѣчи не по уставу были по рукамъ братіѣ на праздникъ: иніи и тутъ служебника смиряли; а Асафъ Митрополитъ не могъ уговорити Алексѣя Айгустова, чтобы поваровъ прибавити передъ чюдотворцевымъ, какъ при Чюдотворцѣ было немного, да не могъ на то привести; да и иныхъ много вещей крѣпостныхъ и у васъ въ монастырѣ творилося, и за малыя вещи прежніе старцы стояли и говорили. А коли мы, первое, были въ Кириловѣ, въ юности, и мы поиспоздали ужинати, занеже у васъ, въ Кириловѣ, въ лѣтнюю пору не знати дня съ ночью, а иное мы юностнымъ обычяемъ; а вътѣпоры подкеларникъ былъ у васъ Исаія Нѣмой: ино кто у насъ у ѣствы сидѣлъ, и попытали стерлядей; а Исаіи вътѣпоры не было, былъ у собя въ кельѣ, и они едва его съ нужею привели и почали ему говорити, кто у насъ вътѣпоры у ѣствы сидѣлъ, о стерлядѣхъ и о иной рыбѣ; и онъ отвѣчалъ такъ: о томъ, о-су, мнѣ приказу не было, а о чемъ былъ приказъ и язъ то и приготовилъ, а нынѣ ночь, взяти негдѣ; Государя боюся, а Бога надобѣ болши того боятися. Такова у васъ и тогды была крѣпость, по Пророку глаголющему: «правдою и предъ Цари не стыдяхся!» О истинѣ се есть праведно противу Царей вѣщати, а не инако. А нынѣ у васъ Шереметевъ сидитъ въ кельѣ что царь, а Хабаровъ къ нему приходитъ да и иные чернцы, да ѣдятъ, да піютъ что въ міру; а Шереметевъ, невѣсть со свадьбы, невѣсть съ родинъ, розсылаетъ по кельямъ постилы, коврижки и иные пряные составные овощи, а за монастыремъ дворъ, а на немъ запасы годовые всякіе; а вы ему молчите о таковомъ великомъ, пагубномъ монастырскомъ безчиніи. Оставимъ глаголати: повѣрю вашимъ душамъ. А иніи глаголютъ, будто де и вино горячее, потихоньку, въ келью къ Шереметеву приносили: ино по монастыремъ, и Фрязскія вина зазоръ, нетокмо что горячее. Ино то ли путь спасенія, то ли иноческое пребываніе? Или было вамъ нечѣмъ Шереметева кормити, чтобъ у него особные годовые запасы были? Милые мои! Кириловъ доселѣ многіе страны препитывалъ и въ гладныя времена, а нынѣ и самѣхъ васъ, въ хлѣбное вре-

мя, только бы не Шереметевъ прекормилъ, и вамъ было всѣмъ съ голоду перемерети. Пригоже ли такъ въ Кириловѣ быти, какъ Іасафъ Митрополитъ у Троицы съ крилошаны пировалъ, или какъ Мисайло Сукинъ, въ Никитцкомъ и по инымъ мѣстомъ, якоже велможа нѣкій жилъ, или какъ Іона Мотякинъ и иніи мнози, таковы же, которые не любя на собѣ держати начяла монастырьского, живутъ? А Іона Шереметевъ таково же, безъ начяла, хочетъ жити, какъ и отецъ его безъ начяла жилъ: и отцу его еще слово, что неволею, отъ бѣды, постригся; да и тутъ Лѣствичникъ написалъ: «видѣхъ азъ неволею постригшихся, и паче волныхъ исправившихся.» Да то о неволныхъ. А Іону вѣдь Шереметева не кто въ зашеекъ билъ: про что такъ безчиньствуетъ? И будетъ такіе чины пригожи у васъ въ монастырѣ, то вы вѣдаете: Богъ свѣдѣтель, монастырьского для безчинія говорилъ. А что на Шереметевыхъ гнѣвъ держати, ино вѣдь есть братья его въ міру, и мнѣ есть надъ кѣмъ опала своя положити; а надъ черньцомъ что опалятися, или поругатися? А будетъ кто молвитъ, что про Собакиныхъ; и мнѣ и про Собакиныхъ не про что кручиниться. Варламовы племянники хотѣли были меня и съ дѣтми чяродѣйствомъ извести, но Богъ меня отъ нихъ укрылъ; ихъ злодѣйство объявилося, а по тому и сталося: и мнѣ про своихъ душегубцевъ не про что метити. Одно было мнѣ досадно, что есте моего слова не подержали. Собакинъ пріѣхалъ съ моимъ словомъ, и вы его не поберегли, да еще моимъ имянемъ и поносили, чему судъ Божій произшелъ быти: ино было пригоже нашего для слова и насъ для, его дурость и покрыти да вкратцѣ учинити. А Шереметевъ о собѣ пріѣхалъ, и вы того чтите и бережете: ино уже не Собакину ровно; моего слова болши Шереметевъ; Собакинъ моего для слова погиблъ, а Шереметевъ о себѣ воскресъ. Про что Шереметева для годъ равенъ мятежъ чинити, да такою великою обителію волновати? другой на васъ Селивестръ наскочилъ, а однако его семьи. А что было про Собакина, моего для слова, на Шереметевыхъ мнѣ гнѣвно, ино то въ міру отдано; а нынѣ, воистинну, монастырьского для безчинія говорилъ; а не было бы страсти, ино было и Собакину, съ Шереметевымъ не про что браниться. Слышахъ отъ нѣкоего брата вашея жъ обители, безумные глаголы глаголюща, яко Шереметеву съ Собакинымъ давная мірская вражда есть: ино то ли путь спасенія и ваше учителство что постриженіемъ прежнія вражды не разрушити? Како же отрещися міра и вся яже суть въ мірѣ, и со отъятіемъ власъ, и долу влекущая мудрованія сотрѣзати, Апостолу повелѣвшу «во обновленіи живота шествовати?» По Господню же словеси: «оставите любострастныхъ мертвыхъ погребсти любострастія, яко же своя мертвецы, вы же шедше возвѣщайте царствіе Божіе.» И только постриженіемъ вражды мірскія не разрушити, ино то и царства и боярства и славы мірскія никоея не отложити: но кто былъ великъ въ бѣлцѣхъ, тотъ и въ черньцѣхъ? ино по тому жъ быти и во царствіи небеснѣмъ: кто здѣсе великъ и богатъ, тотъ и тамъ великъ и богатъ будетъ? ино то Моамеѳова прелесть, и какъ онъ говорилъ: у кого здѣсе богатства много, и тотъ и тамъ будетъ богатъ; кто здѣсе великъ и честенъ, тотъ и тамо, и ина многа..... Ино то ли путь спасенія, что въ черньцѣхъ бояринъ боярства не сстрижетъ, а холопъ холопства не избудетъ? да како Апостолово слово: «нѣсть Еллинъ ни Скиѳъ, нѣсть рабъ ни свободь, вси едино есте о Христѣ»? да како едино, коли бояринъ по старому бояринъ, а холопъ по старому холопъ? А Павелъ како Онисима Филимону братомъ нарече, его существеннаго раба? а вы и чюжихъ холопей къ бояромъ не ровняете: а въ здѣшнемъ монастырѣ ровенство и по се время держалося, холопемъ и бояромъ и мужикомъ торговымъ. И у Трои-

цы, при отцѣ нашемъ, келарь былъ Нифонтъ, Ряполовского холопъ, да съ Бѣльскимъ съ блюда ѣдалъ; а на правомъ крылосѣ Лопотало да Варламъ, невѣсть кто, а княжъ Александровъ сынъ Васильевича Оболенскаго Варламъ на лѣвомъ: ино смотрите того, коли былъ путь спасенія, холопъ съ Бѣльскимъ ровенъ, а князя доброго сынъ со странники зверстанъ. А и передъ нашима очима, Игнатей Курачевъ, Бѣлозерецъ, на правомъ крылосѣ, а Ѳедоритъ Ступишинъ на лѣвомъ, да ничѣмъ былъ отъ крылошанъ не отлученъ, да и индѣ много того было и доселѣ есть. А въ Правилѣхъ Великаго Василія написано: «аще чернець хвалится при людехъ, яко добра роду есмь, и родъ имѣя, да постится 8 дний, а поклоновъ по 80 на день....» Рождьшая безъ сѣмене Христа Бога нашего, и въ рожденныхъ женами болий Креститель Христовъ, тѣ учнутъ предстояти, а рыболови учнутъ на 12 престолу сидѣти и судити всей вселеннѣй. А Кирила вамъ своего тогды какъ съ Шереметевымъ поставити, которого выше? Шереметевъ постригся изъ боярства, а Кирилъ и въ Приказѣ у Государя не былъ. Видите ли, куда васъ слабость завела? По Апостолу Павлу: «не льститеся, тлятъ бо обычая благы бесѣды злыя». И не глаголи никтоже студныя сія глаголы: яко толко намъ съ бояры не знатися, ино монастырь безъ даянія оскудѣетъ. Сергій, и Кирилъ, и Варламъ, и Димитрій, и иніи Святіи мнози, не гонялись за бояры, да бояре за ними гонялися, и обители ихъ распространились: благочестіемъ бо монастыри стоятъ и неоскудны бываютъ. У Троицы въ Сергіевѣ благочестіе изсякло, ино и монастырь оскудѣлъ, не пострижется никто, и не дастъ никто ничего. А на Сторожѣхъ до чего дошли? уже и затворити монастыря некому, по трапезѣ трава ростетъ; а и мы видали, братіи до осмидесятъ бывало, а крылошанъ по одиннадцати на крылосѣ было: благочестія убо для болши монастыри распространяются, а не слабости ради.... Послѣди же многа о семъ писана быша, азъ же се волею премину: понеже высота словеси мало небеса не превосходяща, еже хотяще вамъ о семъ быти, не мала туга и скорбь, душа ваша объяти хотяше. Понеже яко равно Ангеломъ, толико отстояше отъ нынѣшняго житія сихъ Святыхъ пребываніе, яко нетокмо тѣлеса, но и самыя душа Христа ради не брегоша, на земли суще, со Ангелы жительствующе, якожъ написа о сихъ Великій Иларіонъ, подобно якоже и во Онуфрея Великаго житіѣ лежитъ. Мы жъ къ концу да речемъ слово Великаго Иларіона: «Увы мнѣ окаянному! умъ уступаетъ ми, помянувше любовь, юже имяху ко Господу преподобніи тіи, яко тако пожиша, любве его ради, и вся та претерпѣша, да угодници Христови прозовутся. Мы жъ аще и единъ часъ главою поболимъ, или прыщь на тѣлѣ нашемъ узримъ, то вборзѣ всѣмъ знаемымъ нашимъ возвѣщаемъ; аще ли разболимся, то не яко иноцы, но яко мірстіи: обсядутъ бо ны друзи наши, совѣты творяще, кое убо быліе ключается на оздравленіе наше; тогда же и женскія руки тѣло наше осязаютъ и мажутъ, льготу творяще, отходятъ же воздыхающе, и мы по нихъ зряще жалимся и до слезъ. И отъ сего разумѣти есть, яко ни въ начатцѣ отметанія нашего, ни во уности ни въ старости, ни во здравіѣ ни въ болѣзни, ни на исходъ души міра сего отметаемся, но и паче любимъ и держимся его неотступно, донелѣже и душа наша въ тѣлѣ нашемъ есть». Сія убо написахомъ мало отъ многа. Аще хощете высочайшия сего видѣти, и вы сами болши насъ вѣсте, и много въ божественомъ Писаніи о семъ обрящете.— А будетъ помните то, что язъ Варлама изъ монастыря взялъ, его же жалуючи, а на васъ кручиняся; ино Богъ свѣдѣтель, никакоже иного чего для, развѣ того для велѣли есмя ему быти у собя: какъ пришла война та, а вы къ намъ немного поизвѣстили, и мы вамъ Варлама приказали про его безчиніе по-

смирити, по монастырьскому чину; а племянники его намъ сказывали, что ему отъ васъ для Шереметева утѣсненіе великое. А еще Собакиныхъ предъ нами измѣны тогды не было; и мы жалуючи ихъ, велѣли есмя Варламу у собя быти, а хотѣли есмя его расспросити: за что у нихъ вражда учинилася? да и понаказати его хотѣли, чтобы въ терпѣніе былъ, что будетъ ему отъ васъ и скорбно, занеже инокомъ подобаетъ скорбми и терпѣніемъ спастися. И зиму сю по него потому не послали, что намъ походъ учинился въ Нѣметцкую землю: и какъ мы изъ походу пришли, и по него послали, и его роспрашивали, и онъ заговорилъ вздорную, на васъ доводити учялъ, что будто вы про насъ негораздо говорите, со укоризною; и азъ на то плюнулъ, и его бранилъ; и онъ уродствуетъ, а сказывается правъ. И язъ его спрашивалъ о его жителствѣ, и онъ заговорагъ не вѣсть что, нетокмо что не знаючи иноческаго житія или платья, и онъ и того не вѣдаетъ, что на семъ свѣтѣ есть чернцы, да хочетъ жити и чести собѣ, по тому жъ, какъ въ міру; и мы видя его сатонинское разженіе любострастное, по его неистовому любострастію, въ любострастное житіе и отпустили жити. А той самъ за свою душу отвѣщаетъ, коли не ищетъ своей души спасенія. А къ вамъ есма его не послали, воистинну, потому: не хотя собя кручинити, а васъ волновати; а ему добрѣ хотѣлось къ вамъ; а онъ мужикъ очюнной, вретъ и самъ себѣ не вѣдаетъ что. А и вы негораздо доспѣли, его прислали, какъ бы изъ тюрмы, да старца соборного, какъ бы приставъ у него; а онъ пришелъ какъ бы нѣкоторой Государь. А вы съ нимъ прислали къ намъ поминки, да еще ножи, какъ бы не хотя намъ здоровья. Что съ такою враждою съ сатонинскою поминки къ намъ посылати? Ино было его отпустити, а съ нимъ отпустити молодыхъ черньцовъ; а поминковъ было въ томъ кручинномъ дѣлѣ непригоже посылати; а вѣдь соборной тотъ старецъ ни прибавилъ ни убавилъ ничего, его не умѣлъ уняти, что захотѣлъ то вралъ, а мы чего захотѣли, того слушали: соборной старецъ ни испортилъ, ни починилъ ничего; а Варламу есмя не повѣрили ни въ чемъ. А то есмя говорили, Богъ свѣдѣтель и Пречистая и Чюдотворецъ, монастырьскаго для безчинія, а не на Шереметева гнѣваючись. А будетъ кто молвитъ, что такъ жестоко, ино-су совѣтъ дати, но немощи сходя, что Шереметевъ безъ хитрости боленъ, и онъ ѣжь въ кельѣ, да одинъ съ келейникомъ. А сходы къ нему на что? да пировати, да овощи въ келіи на что? Досюдова въ Кириловѣ и иглы было и нити лишніе въ келіѣ не держали, нетокмо что иныхъ вещей, А дворъ за монастыремъ да и запасы на что? то все беззаконіе, а не нужа; а коли нужа, и онъ ѣжь въ кельѣ, какъ нищей, кромѣ хлѣба да звено рыбы да чяша квасу; а сверхъ того, коли вы послабляете, и вы давайте, сколько хотите, толко бы ѣлъ одинъ, а сходовъ бы и пировъ не было, какъ прежъ сего у васъ же было. А кому къ нему пріити бесѣды ради духовныя, и онъ прійди не въ трапезное время, ѣствы бы и питія втѣпоры не было, ино то бесѣда духовная. А что пришлютъ братія поминковъ, и онъ бы отсылалъ въ монастырскіе службы, а у собя бы въ кельѣ никакихъ вещей не держалъ; а что къ нему пришлютъ, и то бы раздѣлялъ на всю братію, а не двѣма ни трема, по дружбѣ и по страсти. А чего мало, ино держите на время, и иное что пригоже, ино и его тѣмъ покойте, да вы бъ его, въ кельѣ, монастырьскимъ всѣмъ покоили, только бъ то безстрастно было. А люди бы его за монастыремъ не жили, а и пріѣдутъ отъ братій, съ грамотою или съ запасомъ и съ поминки, и они поживи дни два три, да отписку взявъ поѣди прочь: ино такъ ему покойно, а монастырю безмятежно. Слыхали есмя еще малы, что такая крѣпость у васъ же была, да и по инымъ монастыремъ, гдѣ по Бозѣ жителство имѣли; и мы сколко лутчего

знали, то и написали. А нынѣ прислали естя къ намъ грамоту, а оттоху отъ васъ нѣтъ о Шереметевѣ; а написано, что говорилъ вамъ нашимъ словомъ старецъ Антоней о Іонѣ Шереметевѣ да о Асафѣ Хабаровѣ, чтобы ѣли въ трапезѣ съ братіею: и язъ то приказывалъ монастырьскаго для чину, а Шереметевъ себѣ поставилъ какъ бы въ опалу; и язъ сколко уразумѣлъ, и что слышалъ, какъ дѣялось у васъ и по инымъ крѣпкимъ монастыремъ, и язъ то и написалъ, повыше сего, какъ ему жити покойно въ келіѣ, а монастырю безмятежно будетъ: добро, и вы по тому учините ему покой. А по тому ли вамъ добрѣ жаль Шереметева, что жестоко за него стоите, что братія его и нынѣ не перестанутъ въ Крымъ посылати, да бесерменьство на хрестіяньство наводити? А Хабаровъ велитъ мнѣ собя переводити въ иной монастырь: и язъ ему не ходатай и скверному житію, а уже больно докучило. Иноческое житіе не игрушка; три дни въ черньцѣхъ, а семой монастырь. Да коли былъ въ міру, ино образы окладывати, да книги оболочати бархаты, да застежки и жуки серебряны, да налои убирати, да жити затворяся, да келья ставити, да четки въ рукахъ; а нынѣ съ братіею вмѣстѣ ѣсти лихо. Надобѣ четки не на скрижалѣхъ на каменныхъ, но на скрижалѣхъ сердець плотянъ.... И о Хабаровѣ мнѣ нечего писати: какъ себѣ хочетъ, такъ дуруетъ. А что Шереметевъ сказываетъ, что его болѣзнь мнѣ вѣдома: ино вѣдь не всѣхъ леженекъ для разорити законы святые. Сія мала отъ многихъ изрекохъ вамъ, любви ради вашея и иноческого для житія, ихъже сами множае насъ вѣсте, и аще хощете, обрящете много въ божественномъ Писаніи. А намъ къ вамъ болши того писати невозможно, да и писати нечего; се уже конецъ моихъ словесъ къ вамъ. А впередъ бы есте о Шереметевѣ и о иныхъ безлѣпицахъ намъ не докучали: намъ въ томъ отвѣту никако не давати. Сами вѣдаете: коли благочестіе не потребно, а нечестіе любо, и вы Шереметеву хотя и золотые сосуды скуйте и чинъ Царьской устройте, то вы вѣдаете; уставьте съ Шереметевымъ своя преданія, а чюдотворцово отложите, такъ будетъ добро; какъ лутче, такъ и дѣлайте, сами вѣдаете, какъ собѣ съ нимъ хотите, а мнѣ до того ни до чего дѣла нѣтъ: впередъ о томъ не докучайте; воистинну, ни въ чемъ не отвѣчивати. А что весну сю къ вамъ Собакины, отъ моего лица, злокозненную прислали грамоту, и вы бы съ нынѣшнимъ моимъ писаніемъ сложили, и по слогнямъ уразумѣли, и по тому и впередъ безлѣпицамъ не вѣрили. Богъ же мира и Пречистыя Богородица милость, и Чюдотворца Кирила молитвы, буди со всѣми вами и нами! Аминь. А мы вамъ, господіе мои и отцы, челомъ біемъ до лица земнаго.

б. Изъ отвѣтнаго посланія князю Курбскому.

(1564).

(Сказ. Кн. Курбскаго).

Богъ нашъ Троица, иже прежде вѣкъ сый, нынѣ есть Отецъ и Сынъ и святый Духъ, ниже начала имать, ниже конца, о немъ же живемъ и движемся есмы, имъ же царіи царствуютъ и сильніи пишутъ правду. Иже дана бысть единороднаго слова Божія Іисусъ Христомъ, Богомъ нашимъ, побѣдоносныя херугвія и крестъ честный, и николи же побѣдима есть, первому во благочестіи царю Констянтину и всѣмъ православнымъ царемъ и содержателемъ православія, и понеже смотрѣнія Божія слова всюду исполняшеся, Божественнымъ слугамъ Божія слова всю вселенную, якоже орли летаніе отекше, даже искра благочестія дойде и до Русскаго царства: самодержавство Божіимъ изволеніемъ починъ отъ великаго князя Владиміра, просвѣтившаго всю Русскую землю святымъ крещеніемъ, и великаго царя Владиміра Мономаха, иже отъ

Грекъ высокодостойнѣйшую честь восприемшу, и храбраго великаго государя Александра Невскаго, иже надъ безбожными Нѣмцы побѣду показавшаго, и хваламъ достойнаго великаго государя Дмитрія, иже за Дономъ надъ безбожными Агаряны велику побѣду показавшаго, даже и до мстителя неправдамъ, дѣда нашего, великаго государя Ивана, и въ закоснѣнныхъ прародительствіяхъ земли обрѣтателя, блаженныя памяти отца нашего, великаго государя Василія,—даже дойде и до насъ, смиренныхъ скипетродержанія Русскаго царствія. Мы же хвалимъ за премногую милость, происшедшую на насъ, еже не попустити доселѣ десницѣ нашей единоплемянною кровію обагритися: понеже не восхитихомъ ни подъ кимъ же царства, но Божіимъ изволеніемъ и прародителей и родителей своихъ благословеніемъ, якоже родихомся во царствіи, тако и возрастохомъ и воцарихомся Божіимъ велѣніемъ и родителей своихъ благословеніемъ свое взяхомъ, а не чюжее восхитихомъ; сего православнаго истиннаго христіанскаго самодержавства, многими владычества владѣющаго, повелѣніе; нашъ же христіанскій смиренный отвѣтъ бывшему прежде православнаго истиннаго христіанства и нашего содержанія боярину и совѣтнику и воеводѣ, нынѣ же преступнику честнаго и животворящаго креста Господня, и губителю христіанскому, и ко врагомъ христіанскимъ слугатаю, отступльшимъ Божественнаго иконнаго поклоненія и поправшимъ вся священныя повелѣнія, и святые храмы разорившимъ, осквернившимъ и поправшимъ со священными сосуды и образы, яко же Исавръ, и Гноетезный, и Арменскій, симъ всѣмъ соединителю,—князю Андрею Михайловичу Курбскому, восхотѣвшему своимъ измѣннымъ обычаемъ быти Ярославскому владыцѣ, вѣдомо да есть.

Почто, о княже! аще мнишися благочестіе имѣти, единородную свою душу отверглъ еси? Что даси измѣну на ней въ день Страшнаго Суда? Аще и весь міръ пріобрящеши, послѣди смерть всяко восхититъ тя! Чесо на тѣлѣ душу продалъ еси? Аще убоялся еси смерти по своихъ бѣсехъ и вышнихъ друзей иназирателей ложному слову: и вси, якоже бѣси на весь міръ, такоже и ваши изволшіе быти друзи и служебники, насъ же отвергшеся, преступивше крестное цѣлованіе бѣсовъ подряжающе, на многообразные ми воды всюду сѣти поляцающе, и бѣсовскимъ обычаемъ на всяческія назирающе, блюдуще хоженія и глаголанія, мняше насъ яко безплотныхъ быти, и отъ сего многія сшиваюши поношенія и укоризны на насъ, и весь міръ позорующихъ и къ вамъ приносящихъ,—вы же имъ воздаяніе много за сіе злодѣйство даровали есте нашею же землею и казною, называючи ихъ ложно слугами; — отъ сихъ бѣсовскихъ слуховъ наполнилися есте на мя ярости, яко же ехидна яда смертоносна, и возъярився на мя и душу свою погубивъ, и на церковное разореніе стали есте. Не мни праведно, на человѣка возъярився, Богу приразитися: ино бо человѣческо есть, аще и порфиру носитъ, ино же божественное. Или мниши, окаянне! яко убрежешися? Никакоже! Аще ти съ ними восвати: тогда и церкви ти разоряти, и иконы попрати, христіановъ погубляти; аще же гдѣ и руками не дерзнеши, по мыслію яда своего смертоноснаго много сея злобы сотвориши. Помысли же, како браннымъ пришествіемъ мягкая младенишная удеса конскими ногами стираема и растерзаема! Егда же убо зимѣ належати, сія наипаче злоба совершается. И сіе убо твое злобѣсное умышленіе, како не уподобится Иродову неистовству, еже о младенцахъ убивство показа! Сіе ли мниши благочестіе, еже сицевая зла творити? Аще множае насъ глаголеши воюющихъ на христіанъ, еже на Германы и Литаоны: ино нѣсть сіе. Аще бы христіане были въ тѣхъ странахъ и мы воюемъ по прародителей своихъ обычаемъ, яко же и прежъ сего многажды случалося; нынѣ вѣмы, въ тѣхъ

странахъ нѣсть христіанъ, развѣе малѣйшихъ служителей церковныхъ и сокровенныхъ рабъ Господнихъ. Къ семужъ и Литовская брань учинилася вашею же измѣною и недоброхотствомъ и нерадѣніемъ безсовѣстнымъ.

Ты же, тѣла ради, душу погубилъ еси, и славы ради мимотекущія, нелѣпотную славу пріобрѣлъ еси, и не на человѣка возъярився, но на Бога возсталъ еси. Разумѣй же, бѣдникъ, отъ каковы высоты и въ какову пропасть душею и тѣломъ сшелъ еси! Сбыстся на тебѣ реченное: *и еже имѣя мнится, взято будетъ отъ него*! Се твое благочестіе, еже самолюбія ради, погубилъ еси, а не Бога ради! Могутъ же разумѣти тамо сущіи, разумъ имущіи, твой злобный ядъ, яко славы желая мимотекущія и богатства, сіе сотворилъ еси, а не отъ смерти бѣгая. Аще праведенъ и благочестивъ еси по твоему гласу, почто убоялся еси неповинныя смерти, еже нѣсть смерть, но пріобрѣтеніе? Послѣди всяко умрети же! Аще ли же убоялся еси ложнаго на тя отреченія смертнаго, по твоихъ друзей, сатанинскихъ слугъ, злодѣйственному же солганію: се убо явственно есть ваше измѣнное умышленіе отъ начала и донынѣ! Почто и апостола Павла презрѣлъ еси? яко же рече: *Всяка душа владыкамъ предвладующимъ да повинуется: никая же бо владычества, еже не отъ Бога учинена есть; тѣмъ же противляйся власти, Божію повелѣнію противится.* Смотри же сего и разумѣвай, яко противляйся власти, Богу противится; и аще кто Богу противится, сіи отступникъ именуется, еже убо горчайшее согрѣшеніе. И сіе же убо реченно есть о всякой власти, еже убо кровьми и браньми пріемлютъ власть: разумѣй же вышереченное, яко не восхищеніемъ пріяхомъ царство, тѣмъ же наипаче, противляяся власти, Богу противится. Тако же, яко же индѣ рече апостолъ Павелъ, иже ты сія словеса презрѣлъ еси: *Раби! послушайте господей своихъ, не предъ очима точію работающе, яко человѣкоугодницы, но яко Богу и не токмо благимъ, но и строптивымъ, не токмо за гнѣвъ, но и за совѣсть:* се бо есть воля Господня, еже благое творяще пострадати!

И аще праведенъ еси и благочестивъ, почто не изволилъ еси отъ меня, строптиваго владыки, страдати и вѣнецъ жизни наслѣдити? Но ради привременныя славы, и сребролюбія, и сладости міра сего, все свое благочестіе душевное со христіанскою вѣрою и закономъ попралъ еси, уподобился еси къ сѣмени падающему на камени, и возростшему, и возсіявшему солнцу со зноемъ, абіе словесе ради ложнаго, соблазнился еси, и отпалъ еси и плода не сотворилъ еси; а по ложныхъ словесѣхъ убо, подобно на путь падающему, сотворилъ еси; еже убо вѣру и врагъ изъ сердца твоего восхитилъ есть и сотворилъ тя во всей волѣ ходити.

Тѣмъ же и вся Божественная писанія исповѣдуютъ, яко не повелѣваютъ чадомъ отцемъ противитися и рабомъ Господемъ, кромѣ вѣры. И аще убо сіе отъ отца твоего, діавола, воспріемъ, много ложными словесы сплетеши, яко «вѣры ради живъ Господь Богъ мой, жива душа моя,» яко не токмо ты, но и вси твои согласники и бѣсовскіе служители не могутъ въ насъ сего обрѣсти. На се же уповаемъ, Божія Слова воплощеніемъ и пресвятыя его матери, заступницы христіанскія, милостію и всѣхъ святыхъ молитвами, не токмо сему отвѣтъ дати; но и противу поправшимъ святыя иконы и всю христіанскую божественную тайну отвергшимъ и Бога отступльшимъ, къ нимъ же ты любительно соединился еси, словесы ихъ нечестіе изобличити и благочестіе явити и воспроповѣдати, яко же благодать возсія.

Како же не усрамишися раба своего Васьки Шибанова? Еже бо онъ благочестіе свое соблюде, и предъ царемъ и предо всѣмъ народомъ, при смертныхъ вратѣхъ стоя, и ради крестнаго цѣлованія тебе не отвержеся, и похваляя и

всячески за тя умрети тщашеся. Ты же убо сего благочестія не поревновалъ еси: единаго ради моего слова гнѣвна, не токмо свою едину душу, но и всѣхъ прародителей души погубилъ еси: понеже Божіимъ изволеніемъ, дѣду нашему, великому государю, Богъ ихъ поручилъ въ работу, и они, давъ свои души, и до смерти своей служили, и вамъ своимъ дѣтемъ, приказали служити и дѣда нашего дѣтемъ и внучатомъ. И ты то все забылъ, собацкимъ измѣннымъ обычаемъ преступилъ крестное цѣлованіе, ко врагомъ христіанскимъ соединился еси, и къ тому, своея злобы не разсмотряя сицевыми и скудоумными глаголы, яко на небо каменіемъ меща, нелѣпая глаголеши, и раба своего во благочестіи не стыдишися и подобная тому сотворити своему владыцѣ отвергся еси.

Писаніе же твое пріято бысть и вразумлено внятельно. И понеже убо положилъ еси ядъ аспидень подъ устами своими, наполнено меда и сота, по твоему разуму, горчайше же пелыни обрѣтающеся, по пророку глаголющему, *умякнуша словеса ихъ паче елея и та суть стрѣлы*: тако ли убо навыкъ еси, христіанинъ будучи, христіанскому государю подобно служити? и тако ли убо честь подобная воздаяти отъ Бога данному владыцѣ, яко же бѣсовскимъ обычаемъ ядъ отрыгаеши? Начало убо твоего писанія, яже убо не разумѣвая написалъ еси, навадское помышляя, еже бо не о покаяніи, но выше человѣческаго естества мниши человѣкомъ быти, яко же и навадъ, еже убо на насъ вся написалъ еси. И сіе убо тако есть: яко же тогда, тако и нынѣ вѣруемъ, вѣрою истинною, Богу живу и истинну. А еже убо «сопротивныхъ разумѣвая и совѣсть прокаженну имуще»: се убо навадское помышляеши и не разсуждаеши евангельскаго слова, еже речено есть: Горе міру отъ соблазнъ! Нужно есть, иже не пріити соблазномъ; горе же человѣку тому, имъ же соблазнъ приходитъ! Уне бы было ему, дабы жерновъ осельскій обвязанъ былъ о выи его и потонетъ въ пучинѣ морстѣй. И много слѣпотствующія твоея злобы, не можеши истины видѣти: како, мняйся и стояти у престола владычня и повсегда со ангелы служити, своими руками агнецъ жремый закалати за мірское спасеніе сподобяся, и сія вся поправши съ своими злобѣсовскими совѣтники, на насъ своими лукавыми умышленіи многая томленія подвигосте? И сего ради, еже отъ юности моея благочестіе, бѣсомъ подобно, поколебасте, и еже отъ Бога державу данную мнѣ отъ прародителей нашихъ, подъ свою власть отторгосте: ино се ли *совѣсть прокаженная*, яко своe царство во своей руцѣ держати, а работнымъ своимъ владѣти не давати? и се ли *сопротивенъ разуму*, еже не хотѣти быти работными своими владѣнну? и се ли *православіе пресвѣтлое*, еже рабы обладаему и повелѣнну быти?

в. Грамота, посланная отъ государя изъ Володиміра Ливонскаго ко князю Андрею Курбскому со княземъ Александромъ Полубенскимъ.

(1578).

(Сказ. Кн. Курб.)

Всемогущія и вседержащія десницы дѣланію держащаго всея земли концы Господа Бога и спаса нашего Іисуса Христа, иже со отцемъ и святымъ духомъ, во единствѣ покланяема и славима, милостію своею благоволили намъ скипетры Россійскаго царствія смиреннымъ и недостойнымъ рабомъ своимъ, и отъ его вседержавныя десницы христоносныя хоругви,—сице пишемъ мы, великій государь царь и Великій князь Іоаннъ Васильевичъ всея Русіи, Владимірскій, Московскій, Новгородскій, царь Казанскій царь Астраханскій, государь Псковскій и великій князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и иныхъ, государь и великій князь Новагорода Низовскія земли, Черниговскій, Рязанскій, Полоцкій, Ростов-

скій, Ярославскій, Бѣлозерскій, государь отчинный и обладатель земли Лифляндскія Нѣмецкаго чину, Удорскій, Обдорскій, Кондійскій и всея Сибирскія земли и Сѣверныя страны повелитель—бывшему нашему боярину и воеводѣ, князю Андрею Михайловичу Курбскому.

Воспоминаю ти, о княже! со смиреніемъ: смотри Божія смотрѣнія величество, еже о нашихъ согрѣшеніяхъ, паче жъ о моемъ беззаконіи, ждый моего обращенія, иже паче Манасіи беззаконовахъ, кромѣ отступленія, но не отчаяваюся создателева милосердія, во еже спасену быти ми, яко жъ рече во святомъ своемъ евангеліи, иже *радуется о единомъ грѣшницѣ кающемся неже̂ли о девяти десять и девяти праведнихъ*, такожде, *о овцахъ и о драхмахъ* притчи. Аще бо и паче песка морскаго беззаконія моя, но надѣюсь на милость благоутробія Божія: можетъ пучиною милости своея потопити беззаконія моя, яко же и нынѣ грѣшника мя суща, и мучителя помилова, и животворящимъ своимъ крестомъ иже издревле Амалика и Максентія низложи, крестоносной преходящей херугви, и никая же бранная хитрость непотребна бысть, яко не едина Русь, но и Нѣмцы и Литва, и Татарове и многіе языцы свѣдятъ: самъ вопрося ихъ, увѣдай; азъ же сія писати не хощу, поне̂же не моя побѣда, но Божія. Тебѣ жъ отъ многихъ мало воспомяну вся досады, яже писалъ еси ко мнѣ, прежъ сего восписалъ ти о семъ подлинно; нынѣ же отъ многа малая воспоминаю ти. Помяни реченное во Іовѣ: *обшедъ землю и прошедъ поднебесную*, тако и вы хотѣсте съ попомъ Селивестромъ и съ Алексѣемъ Адашевымъ и со всѣми своими семьями подъ ногами своими всю Русскую землю видѣти; Богъ же даетъ власть, ему жъ хощетъ.

Писалъ еси, что азъ «растлѣненъ умомъ, яко ни въ языцѣхъ имянуема»: и я паки тебя судію и поставлю съ собою: вы ль растлѣнны, или азъ? что азъ хотѣлъ вами владѣти, а вы не хотѣли подъ моею властію быти, и азъ за то на васъ опалялся? И паче вы растлѣнны, что не токмо повинны хотѣсте мнѣ быти и послушны, но и мною владѣсте, и всю власть съ меня снясте, и сами государилися, какъ хотѣли, а съ меня все государство сняли: словомъ азъ быхъ государь, а дѣломъ ничего не владѣлъ. Коликія напасти азъ отъ васъ пріялъ, колико оскорбленіе, коликія досады и укоризны! И за что? что моя предъ вами исперва вина? Кого чимъ оскорбилъ? То ли моя вина, что Прозоровскаго полтораста чети Ѳеодора сына дороже? По памяти и косу: съ какою есть укоризною ко мнѣ судили Сицкаго съ Прозоровскими, и какъ обыскивали, кабы злодѣя! Ино та земля нашихъ головъ дороже? И сами Прозоровскіе каковы передъ нами? Ино то ужъ мы въ ногу ихъ не судны! А у батюшки, за Божіимъ милосердіемъ, и пречистыя Богородицы милостію, и великихъ чудотворцевъ молитвами, и Сергіевою милостію, и батюшковымъ благословеніемъ, и у меня Прозоровскихъ было не одно сто. А Курлятевъ былъ почему меня лучше? Его дочерямъ всякое узорочье покупай благословно и здорово, а моимъ дочерямъ проклято и за упокой. Да много того; и такихъ мнѣ отъ васъ бѣдъ всего того не исписати.

А и съ женою меня вы прочто разлучили? А князя Володиміра на царство для чего есте хотѣли посадити, а меня и съ дѣтьми извести? А азъ восхищеньемъ ли, или ратью, или кровью сѣлъ на государство? Народился есми, Божіимъ изволеніемъ, на царствѣ: и не помню того, какъ меня батюшка пожаловалъ благословилъ государствомъ, и взросъ есми на государствѣ. А Князю Володиміру почему было быти на государствѣ? Отъ четвертаго удѣльнаго родился. Что его достоинство къ государству? Которое его поколѣнье? Развѣе вашея измѣны къ нему, да его дурости? Что вина моя передъ нимъ? Что ваши жъ дяди и господа отца его уморили въ тюрмѣ, а его и съ матерью также дер-

жали въ тюрмѣ. И я его и матерь отъ того свободи и держалъ въ чести и въ дружествѣ, а онъ было уже отъ того и отшелъ.—И язъ такія досады стерпѣти не могъ: за себя есми сталъ! И вы почали противъ меня больше стояти, да измѣняти; и я потому жесточайше почалъ противъ васъ стояти: язъ хотѣлъ васъ покорити въ свою волю, и вы за то какъ святыню Господню осквернили и поругали! Осердяся на человѣка, да Богу ся приразили. Колико церквей и монастырей и святыхъ мѣстъ испоругали есте и осквернили! Сами о томъ Богу отвѣтъ воздадите. О семъ же паки умолчу; а нынѣ о настоящемъ воспишу ти. Смотри, о княже! Божія судьбы, яко Богъ даетъ власть, ему жъ хощетъ: вы убо, яко діаволъ, съ Селивестромъ попомъ и съ Алексѣемъ Адашевымъ рекосте, яко же онъ во Іовѣ хваляся: *обыдохъ землю и прошедъ поднебесную, вся подъ ногами учинилъ; и рече ему Господь: внялъ ли на моего Іова?* тако убо и вы мнѣ хотѣсте подъ ногами у васъ быти и всю Русскую землю. Сего ради трость наша наострѣся къ тебѣ писати. Яко же рекосте: *нѣсть людей на Русіи! некому стояти!*—и нынѣ васъ нѣтъ: кто же нынѣ претвердые грады Германскіе взимаетъ? Сила животворящаго креста, побѣдившая Амалика и Максентія, грады взимаетъ! Не дожидаются грады Германскіе браннаго бою, но явленіемъ животворящаго креста поклоняютъ главы своя. А гдѣ по грѣхомъ, по случаю, животворящаго креста явленія не было, ту и бой былъ. Много отпущено всякихъ людей: спрося ихъ, увѣдай.

А писалъ себѣ въ досаду, что мы тебя въ дальноконечные грады, кабы опаляючися, посылали: ино нынѣ мы, Божіею волею, своею сѣдиною и далѣ твоихъ дальноконечныхъ градовъ прошли, и коней нашихъ ногами переѣхали всѣ ваши дороги, изъ Литвы и въ Литву, и пѣши ходили, и воду во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ пили: ино ужъ ли нельзя говорить, что не вездѣ коня нашего ноги были? и гдѣ еси хотѣлъ успокоенъ быти отъ всѣхъ трудовъ твоихъ, въ Волмерѣ, и тутъ на покой твой Богъ насъ принесъ; и гдѣ чаялъ ушелъ а мы тутъ, за Божіею волею: съугнали! И ты тогда дальноконечнѣе поѣхалъ. И сія мы тебѣ отъ многа мало написахомъ. Самъ себѣ разсуди, что ты, и каково дѣлалъ, и за что? и Божія смотрѣнія величества о насъ милости разсуди, и что ты сотворилъ? Сія въ себѣ разсмотри, и самъ себѣ раствори сія вся. А мы тебѣ написахомъ сія вся, не гордяся, ни дмяся: Богъ вѣсть; но къ воспоминанію твоего исправленія, чтобъ ты о спасеніи души своея помыслилъ.— Писанъ въ нашей отчинѣ Лифляндскія земли, во градѣ Волмерѣ, лѣта 7086 года, государствія нашего 43, а царствъ нашихъ: Россійскаго 31, Казанскаго 25, Астраханскаго 24.

4. Князь Курбскій.

ЭПИСТОЛІЯ ПЕРВАЯ ПИСАНА КЪ ЦАРЮ И ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ МОСКОВСКОМУ, ПРЕЛЮТАГО РАДИ ГОНЕНІЯ ЕГО

(1564).

(Сказанія Князя Курбскаго).

Царю, отъ Бога препрославленному, паче же въ православіи пресвѣтлу явившуся, нынѣ же, грѣхъ ради нашихъ, сопротивъ симъ обрѣтшемуся. Разумѣваяй да разумѣетъ, совѣсть прокаженну имущій, якова же ни въ безбожныхъ языцѣхъ обрѣтается!... И больше сего о семъ всѣхъ по ряду глаголати не попустихъ моему языку; гоненія же ради прегорчайшаго отъ державы твоея, отъ многія горести сердца потщуся мало изрещи ти.

Прочто, царю! сильныхъ во Израили побилъ еси? и воеводъ, отъ Бога данныхъ ти, различнымъ смертемъ предалъ еси? и побѣдоносную, святую кровь ихъ во церквахъ Божіихъ, во владыческихъ торжествахъ проліялъ еси? и мученичс-

скими ихъ кровьми праги церковные обагрилъ еси? и на доброхотныхъ твоихъ и душу за тя полагающихъ неслыханныя мученія, и гоненія и смерти умыслилъ еси, измѣнами и чародѣйствы и иными неподобными оболгающи православныхъ, и тщася со усердіемъ свѣтъ во тьму прелагати и сладкое горько прозывати? Что провинили предъ тобою, о царю! и чимъ прогнѣвали тя, христіанскій предстателю? Не прегордыя ли царства разорили и подручныхъ во всемъ тобѣ сотворили, мужествомъ храбрости ихъ, у нихъ же прежде въ работѣ быша праотцы наши? Не претвердые ли грады Германскіе тщаніемъ разума ихъ отъ Бога тобѣ даны бысть? Сія ли намъ бѣднымъ воздалъ еси, всеродно погубляя насъ? Или безсмертенъ, царю! мнишись? Или въ небытную ересь прельщенъ, аки не хотя уже предстати неумытному судіи, богоначальному Іисусу, хотящему судити вселеннѣй въ правду, наче же прегордымъ мучителемъ, и не обинуяся *изтязати ихъ и до власъ прегрѣшенія*, яко же словеса глаголютъ? Онъ есть Христосъ мой, сѣдящій на престолѣ херувимскомъ, одесную Силы владычествія во превысокихъ, судитель между тобою и мною.

Коего зла и гоненія отъ тебя не претерпѣхъ! и коихъ бѣдъ и напастей на мя не подвиглъ еси! и коихъ лжеплетеній презлыхъ на мя не возвелъ еси! А приключившіямися отъ тебя различныя бѣды по ряду, за множествомъ ихъ, не могу нынѣ изрещи: понеже горестію еще души моей объятъ быхъ. Но вкупѣ все реку конечнѣ: всего лишенъ быхъ, и отъ земли Божія туне отогнанъ быхъ, аки тобою понужденъ. Не испросихъ умиленными глаголы, ни умолихъ тя многослезнымъ рыданіемъ, и не исходатайствовахъ отъ тебя никоея жъ милости архіерейскими чинами; и воздалъ еси мнѣ злыя за благія и за возлюбленіе мое непримирительную ненависть! Кровь моя, яко же вода пролитая за тя, вопіетъ на тя ко Господу моему! Богъ сердцамъ зритель: во умѣ моемъ прилежно смышляхъ и обличникъ совѣстный мой свидѣтеля на ся поставихъ, и искахъ и зрѣхъ мысленнѣ и обращаяся, и не вѣмъ себя и не найдохъ ни въ чемъ же предъ тобою согрѣшивша: предъ войскомъ твоимъ хождахъ и не исхождахъ, и никоего же тебѣ безчестія приведохъ; но токмо побѣды пресвѣтлы, помощію ангела господня, во славу твою поставляхъ, и никогда же полковъ твоихъ хребтомъ къ чюждимъ обратихъ; но паче одолѣнія преславныя на похвалу тобѣ сотворяхъ. И сіе ни во единомъ лѣтѣ, ни во дву, но въ довольнихъ лѣтѣхъ. Потрудихся со многими поты и терпѣніемъ; и всегда отечества своего отстояхъ, и мало родшія мя зрѣхъ и жены моея не познавахъ; но всегда въ дальноконечныхъ градѣхъ, противъ враговъ твоихъ, ополчахся и претерпѣвахъ нужды многія и естественныя болѣзни, имъ же Господь мой, Іисусъ Христосъ свидѣтель. Паче же учащенъ быхъ ранами отъ варварскихъ рукъ на различныхъ битвахъ, и сокрушенно уже язвами все тѣло имѣю; но тебѣ, царю! вся сія аки ничто же бысть, но развѣе нестерпимую ярость и горчайшую ненависть, паче розженныя печи, являешь къ намъ.

И хотѣхъ рещи вcѣ по ряду ратныя дѣла мои, ихъ же сотворихъ на похвалу твою, силою Христа моего; но сего ради не изрекохъ, зане лучше Богъ вѣсть, нежели человѣкъ: онъ бо есть за вся сія мздовоздаятель, и не токмо, но и за чашу студеныя воды; а вѣмъ, яко и самъ ихъ не не вѣси. И да будетъ ти, царю! вѣдомо къ тому: уже не узришь, мню, въ мірѣ лица моего до дня преславнаго явленія Христа моего. И да не мни мене молчаща ти о семъ: до скончанія моего буду непрестанно вопіяти со слезами на тя пребезначальной Троицѣ, въ нея же вѣрую, и призываю въ помощь херувимскаго владыки матерь, надежду мою и заступницу, владычицу Богородицу, и всѣхъ святыхъ, избранныхъ Божіихъ, и государя

моего праотца, Князя Θеодора Ростиславича, иже цѣло купно тѣло имѣетъ, во множайшихъ лѣтѣхъ соблюдаемо, и благоуханія, паче ароматъ, отъ гроба испущающе и благодатію святаго Духа струи исцѣленія чудесъ источающе, яко же ты, царю! о семъ добрѣ вѣси.

Не мни, царю! не помышляй насъ суемудренными мысльми, аки уже погибшихъ избіенныхъ отъ тебя неповинно, и заточенныхъ и прогнанныхъ безъ правды: не радуйся о семъ, аки одолѣніемъ тощимъ хваляся: избіенные тобою, у престола Господня стояще, отомщенія на тя просятъ; заточенные же и прогнанные отъ тебя безъ правды отъ земли ко Богу вопіемъ день и нощь! Аще и тьмами хвалишися въ гордости своей, въ привременномъ семъ скоротекущемъ вѣцѣ, умышляючи на христіанскій родъ мучительные сосуды, паче же наругающе и попирающе ангельскій образъ, и согласующимъ ти ласкателемъ и товарищемъ трапезы, несогласнымъ твоимъ бояромъ, губителемъ души твоей и тѣлу, иже тя подвижутъ на Афротидскія дѣла и дѣтьми своими паче Кроновыхъ жрецовъ дѣйствуютъ. И о семъ, даже до сихъ, писаніе сіе, слезами измоченное, во гробъ съ собою повелю вложити, грядуще съ тобою на судъ Бога моего, Іисуса Христа. Аминь. Писано въ Волмерѣ, градѣ государя моего Августа Жигимонта короля, отъ него же надѣюся много пожалованъ и утѣшенъ быти ото всѣхъ скорбей моихъ, милостію его государскою, паче же Богу ми помогающу.

ВТОРОЕ ПОСЛАНІЕ КУРБСКАГО КЪ ІОАННУ ГРОЗНОМУ ИЗЪ ПОЛОЦКА.

(1579).

(Ск. Кн. Курб.)

Аще пророцы плакали и рыдали о градѣ Іерусалимѣ и церкви преукрашенной, отъ каменія прекраснѣйша созданной, и о сущихъ живущихъ въ немъ погибающихъ: како недостоитъ намъ зѣло восплакати о разореніи града Бога живаго, или церкви твоей тѣлесной, юже создалъ Господь, а не человѣкъ, въ ней же нѣкогда духъ святый пребывалъ, яже по прехвальномъ покаянію была вычищена и чистыми слезами измыта, отъ нея же чистая молитва, яко благоуханія миро, или фиміамъ, ко престолу Господню восходила, въ ней же, яко на твердомъ основаніи правовѣрныя вѣры, благочестивыя дѣла созидашася, и царская душа въ той церкви, яко голубица крилы посеребренными между рамія ея блисталася, пречестнѣйша и пресвѣтлѣйша злата, благодатію духа святаго преукрашенна дѣлами, укрѣпленія ради и освященія тѣла Христа, и наидражайшею его кровію, ею же насъ откупилъ отъ работы діаволи! Се такова твоя прежде бывала церковь тѣлесная! А за тѣмъ, того ради, всѣ добрые послѣдовали хоругвіямъ крестоносныимъ христіанскимъ. Языцы различные варварскіе, не токмо со грады, но и со цѣлыми царствы ихъ, покоряхуся тебѣ, и предъ полками христіанскими архангелъ хранитель хождаше со ополченіемъ его, осѣняюще и заступающе окрестъ боящихся Бога, *по положенію предѣловъ языка нашего*, яко реклъ святый пророкъ Моисей, враговъ же устрашающе, и низлагающе супостатовъ. Тогда было, тогда, глаголю, егда со избранными мужи избраненъ бывалъ еси, и со преподобными преподобенъ и со неповинными неповиненъ, яко рече блаженный Давидъ, и животворящаго креста сила помогаше ти и воинству твоему.

Егда же, развращенный и прелукавый, развратился, сопротивъ еси, и по таковомъ покаяніи, возвратился еси на первую блевотину, за совѣтомъ и думою любимыхъ твоихъ ласкателей, егда церковь твою тѣлесную осквернили различными нечистотами, безчисленными и неизреченными злодѣйствы напрокazили, ими же всегубитель нашъ, діаволъ, родъ человѣческій издавна гнусенъ творитъ и мерзокъ предъ Богомъ, и въ послѣднюю погибель вреваетъ, яко нынѣ и твоему

величеству отъ него случилося: вмѣсто избранныхъ и преподобныхъ мужей, правду ти глаголющихъ не стыдяся, прескверныхъ паразитовъ и маньяковъ поднесъ тебѣ; вмѣсто крѣпкихъ стратиговъ и стратилатовъ—прегнуснодѣйныхъ и богомерзкихъ Бѣльскихъ съ товарищи, и вмѣсто храбраго воинства—кромѣшниковъ или опришниковъ кровоядныхъ, тмы тмами горшихъ, нежели палачей; вмѣсто богодухновенныхъ книгъ и молитвъ священныхъ, ими же душа твоя безсмертная наслаждалася, и слуги твои царскія освящалися,—скомороховъ со различными дудами и богоненавистными бѣсовскими пѣсньми, ко оскверненію и затворенію слуха входу ко ѳеологіи; вмѣсто блаженнаго онаго презвитера, иже было тя примирилъ къ Богу покаяніемъ чистымъ, и другихъ совѣтниковъ духовныхъ, часто бесѣдующихъ съ тобою,—яко намъ здѣ повѣдаютъ (не вѣмъ есть ли правда), чаровниковъ и волхвовъ отъ далечайшихъ странъ собираешь, пытающе ихъ о счастливыхъ дняхъ, яко скверный и богомерзкій Саулъ творилъ, оставя пророковъ Божіихъ; ко матронѣ или ко ватуніи, женѣ, чаровницѣ, притекалъ, пытающе ея о сраженію настоящемъ, яже ему, по хотѣнію его, мечтаніемъ бѣсовскимъ, Самуила пророка, аки возставшаго отъ мертвыхъ, въ мѣстѣ показала, яко о томъ толкуетъ свѣтлѣ святый Августинъ во своихъ книгахъ. А что же тому за конецъ случился? Сіе самъ добрѣ вѣдаешь: погибель ему и дому его царскому, яко блаженный Давыдъ рече: *не пребудутъ долго предъ Богомъ, которые созидаютъ престолъ беззаконія*, сирѣчь трудныя повелѣнія, или декретъ неудобь терпимый.

И аще погибаютъ царіе или властели, иже созидаютъ трудные декреты и неудобь подъемлемые номоканоны, кольми паче, не токмо созидающе неудобь подъемлемыя повелѣнія или уставы съ домы погибнути должны: но во яковыхъ сіи обрящутся еже пустошатъ землю свою и губятъ подручныхъ всероднѣ, ни ссущихъ младенцевъ не щедяще, за нихъ же должны суть властели, каждый за подручныхъ своихъ, кровь свою противъ враговъ изліявати. О бѣда! о горе! Въ каковую пропасть глубочайшую діаволъ, супостатъ нашъ, самовластіе и волю нашу низвлачаетъ и вреваетъ.

Еще другое и другое, яко намъ здѣ отъ твоея земли приходящіе повѣдаютъ, тмы тмами кратъ гнуснѣйшее и богомерзское, оставляю писати, ово сокращенія ради писанейца сего, ово ждуще суда Христова, и положа перстъ на уста, преудивляюся зѣло и плачу сего ради.... Еще ли мниши, таковыхъ ради и ко слуху тяжкихъ и нестерпимыхъ, еже бы ти помогала и воинству твоему сила животворящаго креста? О спопѣшниче перваго звѣря и самаго великаго дракона, иже искони сопротивляется Богу и ангеломъ его, погубити хотяще всю тварь Божію и все человѣческое естество! доколѣ такъ долго не насытишися крови христіанскія, попирающе совѣсть свою? и прочто такъ долго отъ такъ тяжкаго лежанія или сна не воспрянешь, и не приложися въ часть ко Богу и ко человѣколюбивымъ ангеломъ его?

Воспомяни дни своя первіи, въ нихъ же блаженнѣ царствовалъ еси!

Не губи къ тому себя и дому твоего!

Аще рече Давыдъ: *любяй неправду, ненавидитъ свою душу*: кольми паче кровьми христіанскими оплывающіи изчезнутъ вскорѣ со всѣмъ домомъ! Вскую такъ долго лежишь простертъ и храпиши на одрѣ, зѣло болѣзненномъ объятъ будучи аки летаргицкимъ сномъ?

Очутися и воспряни! Нѣкогда поздно: понеже самовластіе наше и воля, ажъ до распряженія души отъ тѣла, ко покаянію данная и вложенная въ насъ отъ Бога, не отъемлется, исправленія ради нашего на лучшее.

Пріими божественный антидоръ, имъ же, глаголю, цѣлятся неисцѣльные яды смертоносные, ими жъ отъ нохлѣбниковъ и отъ самого отца ихъ, прелютаго дракона, подобно уже напоенъ еси. Егда же кто того лекарства внутрен-

нимъ человѣкомъ вкуситъ, яко рече Златоустый, пишучи во первомъ словѣ страстномъ, о Петра апостола покаянію: «по вкушенію того, посылаются молитвы къ Богу, умиленныя, чрезъ послы слезные». Мудрому довлѣетъ! Аминь.

Писано въ Полоцку государя нашего короля Стефана, по сущему преодолѣнію подъ Соколомъ въ 4 день.

Андрей Курбавскій, княжа на Ковлю.

XVII ВѢКЪ.

1. Жалостная комедія

ОБЪ АДАМѢ И ЕВВѢ.

ЛИЦА, КЪ ТОЙ КОМЕДІИ ПРИНАДЛЕЖАЩІЯ: 1) ПРОЛОГЪ, ТО ЕСТЬ ПРЕДИСЛОВЕЦЪ. 2) АДАМЪ. 3) ЕВВА. Добрые ангелы: 1) Урiилъ. 2) Гаврiилъ. 3) Раѳаилъ. 4) Михаилъ. 1) Истинна. 2) Правда. 3) Милосердіе. 4) Миръ. Змия. Нѣкоторые еще ангелы, которые поютъ. Богъ Отецъ Богъ Сынъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Всевелможнѣйшій монарше! человѣческое житіе, еже по Бозѣ подъ милостивымъ защищеніемъ Вашего царскаго Величества имѣемъ и въ немъ содержаны бываемъ,—во ономъ такожде всѣ (*) прохлажденіе и радость взыскуемъ; но обрѣтаемъ скорбь и бѣду. Ей, взыскуемъ въ немъ мѣру, но чтоже обрѣтаемъ? не смиреніе, а брань; взыскуемъ посмѣшеніе, но обрѣтаемъ плачь и рыданіе; взыскуемъ въ немъ здравіе, но обрѣтаемъ болѣзнь и недугъ. Ей поистинно (sic!) егда мы, простые человѣцы, таковыми отягченьми въ зерцалѣ размотримся, тогда на насъ с коротой ево ([1]) въ помышленіе надходитъ: якоже многіе сіе (но еже языческіи есть) началу созданія нашего восхотѣша приписать, но мыже носимъ предателя неизвѣстно въ нѣдрахъ нашихъ, а имянно древняго Адама, то есть истую плоть и кровь нашу, ей, врагъ ([1]), иже тую бѣду скоро при созданіи нанесе той оную между нами, человѣческіи отроки, и разсади, непрестая до скончанія міра ю всегда распространити;—чтобъ тогда намъ нынѣ, при потѣшныхъ радостныхъ комедіяхъ, и едину малую жалобную комедію примѣшат, чего ради смиренно молю Вашего царскаго Величества о милосердомъ прошеніи, да мы ю яко человѣцы и о человѣческомъ началѣ, также о паденіи и конечной погибели его нѣчто въ малой жалобной комедіи, то есть о Адамѣ и Еввѣ, представимъ; ащели же что прегрѣшится, паки о милостивомъ прощеніи смиренно просимъ.

ПЕРВАГО ДѢЙСТВА СѢНЬ ПЕРВАЯ.

АДАМЪ ЕДИНЪ ГЛАГОЛЕТЪ. О како усердно возрадуются, како возвеселяются о Бозѣ моемъ, иже превышнемъ добромъ моимъ, свѣтъ сердца моего, радость и веселіе мое, ей! начало и конецъ мой есть! Божественное могутство, честь и силы его превосходитъ небо и земля. Ей велѣможенъ еси ты, и велія и сила твоя никогда не оскудѣетъ. Имя твое и власть твоя зелной чести достойна, тѣмъ же достойную ти славу и честь да воздаемъ! Отъ персти земля преобразил мя; ей, славнымъ и великимъ сотворилъ мя еси. Паче всѣхъ звѣрей земныхъ превыпилъ мя еси, и вси птицы небесныя, рыбы морскія, имъ же нѣсть числа, и вся, яже на земли, подъ ноги поддалъ еси, о велій Боже Саваоѳъ! О Господи и творче мой! како лѣпо и благо здѣ быть и обитать: идѣже бо очеса моя вожделу, тамо возрадуется весма сердце мое. Но что же ти за то воздамъ, что мя создалъ еси? не точію бо чудесно сотворенъ есмь, но и премудрымъ совѣтомъ твоимъ Евва ми прознаменена бысть: да въ единствѣ не пребуду, отъ ребра моея тобою изображена есть, егда успухъ; тѣмъ же ничтожс во всемъ мірѣ любезнѣйша кромѣ

---

[1]) Въ рукописи: *все.*

([2]) Въ рук. неразборчиво: *скоротоиево.*

([1]) Въ рук.: *прахъ.*

ея не имѣю, понеже она ближайшая честь сердца моего, отъ меня взята есть; убо матерью всѣхъ на свѣтѣ родящихъ человѣкъ наречется.

О Боже, Боже мой! азъ паки возвѣщаю, яко милости твоея нѣсть мѣры, ниже числа, юже надо мною сотворилъ еси: чемъ ми тя благодарити, или что ти ([1]) за то воздати имамъ? Праведенъ и благъ еси ты, и всѣ дѣла твои благи; даждь, яко да азъ и весь человѣческій родъ за то тя во вѣки хвалити ([2]), славити и великое имя твое превозносить достойни будемъ. Но когоже тамо вижу, семо грядуща?

ПЕРВАГО ДѢЙСТВА СѢНЬ ВТОРАЯ.

Уріилъ да Адамъ.

Уріилъ. Адаме! радуйся; Адаме, глаголю ти, радуйся! О како усердно возвеселюся, видящи тя въ сицевой великой чести! вѣчно же еси съ собою да радуемся и возвеселимся ([3]), но слышиже, брате мой, Адаме, знаешили дрѣво сие ([4])? Вѣмъ бо, яко Богъ ти заповѣда, да подъ лишеніемъ живота своего отъ него не яси, ниже ко овощамъ его да не прикоснешися. Тѣмъ же и не сомнѣваюсь,—зане Богъ много тя паки увѣщеваетъ,—что яко послушливое отроча отца своего съ радостію послушаешь, ибо Веліалъ и Луциперъ со иными многими ангелы гордости ихъ ради изъ неба извержены: тѣмъ же стережися, яко Веліалъ тя къ паденію не приведетъ, понеже злый промыслъ надъ тобою измышляетъ.

Адамъ. Охъ! ужели сіе на семъ свѣтѣ содѣяся (sic!) они? Азъ въ томъ не опасаюся, однакоже ти, возлюбленный ми ангелы, за твое благое увѣщеваніе благодареніе воздаю; но радъ быхъ о томъ ([5]), како то учинилось, извѣщены были; обаче же до иного времени пущаю, нынѣ бо вождѣю съ Еввою моею повидатися.

ПЕРВАГО ДѢЙСТВА СѢНЬ ТРЕТЬЯ.

Адамъ да Евва.

Адамъ. О Евва, возлюбленная моя Евва! о какихъ чудесныхъ слышалъ есмь вещехъ: нынѣ бо ангелъ Уріилъ у меня бяше, иже ми нѣчто извѣсти.

Евва. Что же ти извѣстилъ есть?

Адамъ. Сказалъ ми онъ, яко великій ангелъ Луциперъ отпаде, а Веліалъ купно съ нимъ и со многочисленными ангелы изъ неба изверженны суть, зане гордостію своею на Бога возносилися; нынѣ же жилище ихъ въ нѣкоемъ пустомъ мѣстѣ обрѣтается, тѣмъ же увѣщева мя, яко да отъ прелесныхъ промысловъ ихъ остерегателенъ буду, понежъ прилѣжаніе имѣютъ нѣчто ([1]) злобное намъ наносити.

Евва. Не скорби о семъ, Адаме: ибо прелстити имъ азъ не поддамся.

Адамъ. И азъ ихъ къ тому не допущу; иди же со мною, да любовію время во вертоградѣ упразднимъ.

Евва. Благоволеніе твое да будетъ; азъ съ радостію послушати готова тебя, чесоже ради да придемъ.

(Здѣ Адамъ да Евва идутъ и хранятся за древа. Но Ангелы поютъ).

Ангелы. Бога тя мы хвалимъ,
Богу благодаримъ.
1-й ангелъ. Святый есть Богъ Господь,
Богъ Саваоѳъ!
2-й ангелъ. Святый есть Богъ Господь
Саваоѳъ!
Всѣ 3 ангели. Святъ есть Господь Богъ
нашъ!
Святъ есть Господь Богъ
нашъ!
Святъ есть Господь Богъ
нашъ!
Господь Богъ Саваоѳъ!

———

([1]) Въ рук.: *мы.*
([2]) Въ рукописи: *хвалитъ славати.*
([3]) *Да радуешся и возвеселишся?*
([4]) Въ рук.: *сія.*
([5]) *Да о томъ?*

([1]) Въ рук.: *ничто.*

втораго дѣйства сѣнь первая.

Змія, Адамъ, Евва.

Змія. Мати моя Евва! я...... (2), благоли живѣте, како мужу твоему Адаму поводится. Гдѣ онъ нынѣ есть? зане онаго при тебѣ не обрѣлъ есть.

Евва. Адамъ не далѣче. Богъ всегда съ нимъ.

Змія. О коль блаженъ мужъ Адамъ, егоже Богъ сице почтилъ есть! Гдѣ бо множая таковаго рая обрѣсти, въ немъ же нынѣ Адамъ и Евва обитаютъ? То бо жилище и лутшимъ прохлажденіемъ нашимъ есть. Имянножъ видите и слышите лепотныхъ струевъ шумы, видите и слышите красныхъ птицъ пѣніе, имѣте также прохлажденіе ваше и радость въ звѣряхъ и рыбъ въ водахъ; возможно вамъ утѣшитися въ прекрасны злакахъ и древесахъ и въ различныхъ цвѣтахъ. Азъ днесь, во утріи (1) зѣло рано предъ солнечнымъ всходомъ стояще, не возмогъ доволи утѣшитися изъ умильного пѣнія птицъ во вертоградѣ, очеса мои удоволны бяху въ прекрасныхъ овощахъ на древесехъ. Посемъ, егда пресвѣтло сіяющее солнце мало росу отъ травъ осуши, пошелъ есть нѣчто (2) прогулятися и обрѣтохъ различные красовитые овощи. Но междо иныхъ овощъ, евоже ровни никогда лутше обрѣсти невозможно: какъ скоро бо оного вкусихъ, воспріяхъ такую охоту и радость въ сердцѣ моемъ веденіемъ въ себѣ самымъ; и вѣдати не могу, какъ скоро рѣчь языка моего въ пріятную сладость премѣнися, еже оддано (3) все отъ васъ приходитъ, зане вамъ къ ползѣ Господь Богъ созда и мы ради вашея даровъ такихъ причащаемся. Нынежемъ (4) отходити, да недолго тя задержу.

Евва. Ни, нимало; но слышиже: возможноли то древо еще познати.

Змія. Что познати? Охъ его! Никогда же ми лѣпота древа того и сладость овощъ его въ забвеніи не будетъ. Дасть Боже, да и вы отъ него вкусите: ей! истинно тогдабъ мя похвалили есте, рекуще, яко вамъ неложныя предложилъ вещи.

Евва. Змія любимая! идиже тогда со мною, зане зѣло желаю то прекрасное дрѣво видѣти и возьми змію твою съ собою.

Змія. Азъ то радъ учинити, ащели желаеши: тебѣ бе ради пошелъ быхъ и изъ свѣта сего. *(Здѣ они идутъ къ древу).* Тое то красное древо и сладкія овощи! Утѣшайся ими и вкуси ихъ: ей! благодареніе ми воздаси.

Евва. Никогда же то учину. Азъ начаяхся, иному древу быти; но нынѣ вижу, вижу, яко тое есть, къ нему же прикоснутися Богъ намъ крѣпко заповѣдалъ есть; но отъ иныхъ всѣхъ даровъ божіихъ, яже на семъ свѣтѣ, волно намъ есть вкусити.

Змія. Какъ велія польза вамъ есть, что вся вашея ради создано ползы; такъ великое было бы вредство, когдабъ сицевой преизрядной овощъ древа того завѣденъ. Но знятели (sic!) его воистинно: тое ли то истое, о немъ же глаголете?

Евва. Ей! истинно то есть, понеже имянно его знаю: нарицаетъ бо ся древо вѣдѣнія добра и зла.

Змія. Азъ тому вѣрую, яко возможно тако быти, понеже имянно согласуется съ самомъ дѣломъ, и азъ на самомъ себѣ искусно провѣдалъ есть. Но паки тому вѣрити не могу, чтобъ Богъ такъ крѣпко и весма овощу древа того вкусити имѣлъ запрещеніе. Не смущайтеся, того ради, и образумитеся.

Евва. Что глаголеши: образумитеся?

Змія. Тако и есть; не смѣтьли ми къ древу тому прикоснутися?

Евва. Азъ паки глаголю, яко Богъ намъ жестоко заповѣда при клятвѣ: овощу того вкусимъ, вѣчною смертію умирать намъ будетъ.

Змія. О любимая мати моя! *не* устра-

---

(1) Въ рук. пропущенное слово было скопировано переписчикомъ безсознательно: *jмпьетесъ.*

(2) Въ рукописи: *поутріи.*

(3) Въ р.: *ничто.*

(4) *Однако?*

(5) *нынс же имамъ?*

шайся [1]: овощъ бо сей сицеваго въ себѣ не имѣетъ яду, инако бы уже давно умершевленъ былъ; прими токмо да вкушай.

Евва. Хотя бы невѣдомо, каковъ овощь былъ; однакожде не учину для него, и не хощу милость божію погубити.

Змія. О какіе вы чюдные люди! Тоголи бъ ради Богъ имѣлъ таковое древо, еже сицевые преизрядныи овощи родитъ, создати, имиже смерть родитися имѣла, его же ровенство во всемъ вертоградѣ не обрѣтается кромѣ того единого? И вамъ токмо къ пользѣ создано есть, а отъ него никій ангелъ вкусить не смѣетъ: къ чему же бы таковые овощи потребни были? Тѣмъ пріими, зане вся наша суть; и вкушай и даждь також де мужу твоему Адаму вкусити: вѣмъ убо, яко тогда и очеса ваша отверсти будутъ и познаете вся, яже блага и зла на сей земли; ей! ащели ми вѣрите хощете: самому уподобитесь Богу.

Евва. Истинно, когда бы иный овощъ былъ; но въ семъ смерти опаство сокровенно есть.

Змія. Кое смерти опаство? Не начаяхся, яко вы, новосозданные человѣцы, такъ боязливи будете. Самаже сказала еси, яко Богъ повелѣ отъ всѣхъ древесъ ясти, кромѣ сего единаго, и то мню я, яко неистинно вразумѣла еси. Нѣсть ни единаго опаства, а когда бы тако было, како глаголеши, то бы Богъ къ вамъ не былъ милостивъ; нынѣ же Богъ, яко сами вѣсте, любовію самъ нарицается: тѣмъ же Богу никакую вражду приписати недостоитъ, инако бо не можетъ, токмо да васъ возлюбитъ, понеже изображеніе и дѣло рукъ его есте. Почтожь убо сицевымъ является дивимъ? осязайте токмо вся и ядите, что хощете: ничтоже вамъ вредить имать.

Евва. Скоро быхъ дерзнула приимать.

Змія. Ей, ей! сво ягоды точію! можешь бо сама разумѣти, когда бы нѣкоторой [1] овощъ бы въ вертоградѣ былъ, которой бы смерть родилъ, то бы и некакую разнь отъ иныхъ овощей имѣлъ. Смотри токмо, сестрицо: какой преизрядной сей овощъ есть, но тысящу преизряднѣе и сладше укусъ его. *(Змія отходитъ тихо).*

Евва *(послѣ она ѣстъ.)* Преизрядной цвѣтъ сего овоща, нужда ми его вкушати. Охъ когда бы и Адамъ здѣ былъ! О Адаме, Адаме! когда бы и ты зде былъ!

Адамъ. Здѣ азъ есми, Евва: что хощеши?

Евва. О Адаме! возлюбленный мой Адаме! воззри токмо на сей прекрасный овощь, его же намъ Богъ запрети вкушати. Ныне же въ разумъ пріиде, яко не тако Богъ мыслитъ: азъ бо уже отъ него вкусихъ, а еще въ живыхъ обрѣтаюся, взаимно аки осязаю въ себѣ небесную мудрость. Дасть Боже, да и ты о овощу того преизрядного яси!

Адамъ. Тако ли есть, яко глаголеши? и иныі никто бы ми не возмоглъ наговорити.

Евва. Возлюбленное сокровище мое, Адаме! Что глаголеши сицевыя чюдные рѣчи? Когдажъ предъ тобою солгахъ или какъ ми тебя прельстить? Самъ бо видиши мя очевидно безопасну, и еже живу, иже еще тогожъ овощу ясти буду. Молю тя, яко и ты со мною вкусиши. *Здѣ она ѣстъ.*

Адамъ. Даждь сѣмо, возлюбленная Евва моя! Не хощу ти сіе отрещи, понежъ сице дерзнула и жива осталась еси; тѣмъ же и азъ увижу, кая въ немъ добродѣтель сокровенна. *Здѣ онъ ѣстъ, потомъ глаголетъ.* О горе, горе! Что мнѣ учинилося? О Евва! что ты сотворила еси? Увы, увы! не вѣмъ отъ тоски, гдѣ имамъ поити.

Здѣ отходятъ.

ВТОРАГО ДѢЙСТВА СЦѢНЬ ВТОРАЯ.

Адамъ стоитъ на колѣняхъ во иномъ одѣяніи.

Охъ! куды же мнѣ пойти? Чювство

---

[1] Въ рукописи слово *не* пропущено.

[1] Въ рук. *никоторый.*

и естество мое весма превратилось. Ей! истинно злый мой конецъ будетъ и въ подлиннѣ таковому доброй конецъ быти не можетъ, иже очи и сердце отъ слова божія отвратитъ; таковому вся злоключенія скоро во следъ ([1]) идутъ. Азъ прежде имѣлъ превышнюю мудрость и благоразуміе, къ томужъ и все вѣдалъ, но нынѣ разумъ мой весьма помраченъ; во мнѣ пребысть истинная правда, нынѣ же весма со мною премѣнилося; азъ бѣхъ святъ и безъ порока, но нынѣ есть головня преисподней гіенны; пресвѣтлые драгоцѣнные каменія, аспидъ и яхантъ сіянію палаты моей уступали, нынѣже и то отъ меня отъиде, еже прежде того примѣчати не возмоглъ: нынѣ бо обрѣтаюся быть нагимъ. Ко Господу Богу бяше упованіе мое, не бояхся ([2]) никогоже; но нынѣ трепещу и страшуся, нищетная земля, и предъ листвіемъ деревовымъ; прежде обыдоша окрестъ безчисленныхъ полковъ, но нынѣ вся отъ меня отступиста; звѣріе такожде ко мнѣ во множествѣ числѣ совокупистася, но нынѣ вся отъ меня убѣгаютъ; солнце, луна и звездѣ возираютъ на мя зѣло печальными образы и земля не хощетъ мя вящше носити: ничтоже, того ради, оставаетъ, точію во отчаянія ми пріити. О Евво, Евво! что сотворила еси? таяли овощу того сила? не на божіемъ ли хотѣли есмы сѣдалищѣ сидѣти? нынѣже принуждени есми въ кромешной адовой лужи купатися. Восхотѣли самому Богу сравниться; но нынѣ преобразны есми діаволу самому, вѣдая, яко добро на зло премѣнили. О страсть, о боязнь, о трепетъ! о како сердце мое въ тяжести пребываетъ! О тоска, о отчаяніе, о страсти, яже мя попираютъ! Охъ, охъ! принужденъ есмь сокрытися.

Здѣ поютъ пѣснь:

Чрезъ адамово паденіе вси роды погублены,
Зане тотъ адъ на насъ пріиде; и уже не можемъ
житя безъ божіей руки силней,
Яже насъ выручила:
Егда змія Евву звела
Казнь на насъ всѣхъ навела.

([1]) Въ рук.: *последъ.*
([2]) Въ рук.: *небояся.*

ТРЕТЬЯГО ДѢЙСТВА СѢНЬ ПЕРВАЯ.

Гавріилъ, Уріилъ, Рафаилъ.

Гавріилъ. Извѣстно вамъ есть, возлюбленние сопутешественницы мои, чесо ради Богъ насъ послалъ есть: имянно, чтобъ намъ мѣсто на семъ свѣтѣ устроить, идѣже Богу дѣло то, еже,—о горе!—нынѣ учинилось, судити. Тѣмъ же азъ нынѣ пойду повелѣнное ми исправити, то есть Адама и Евву къ суду поставити, выже междо симъ уготовите мѣсто.

Уріилъ. Той нынѣ тамо идетъ; но, увы! желалъ быхъ, чтобъ тѣ убогіе человѣцы во инемъ благополучнемъ поведеніи.

Рафаилъ. И азъ желалъ быхъ, чтобъ имъ предъ жестокое судилище не становитися, ибо того дѣла ради зѣло печаленъ есть. О! что же нынѣ они сами помышляютъ? Увы, увы бѣдному созданію тому!

Уріилъ. Ей, истинно! кто бы о таковомъ плачевномъ паденіи не печаленъ былъ? Всѣ небесныя силы соболѣзнуютъ о семъ и никакой радости ужъ болше нѣсть, также и вся во всей вселенней стонетъ, скорбящи зѣло о томъ: никая бо птица больши ни поетъ, никій звѣрь больши не ищетъ про себя пищи, никій цвѣтокъ не обрѣтается въ прежней бывшей красотѣ, древеса иззроняютъ отъ печали листы своя и трава увядаетъ.

Рафаилъ. Уже время ко уготовленію суднаго дѣла.

Змія. Человѣческій родъ нынѣ мой, а Богу уже нѣсть права больши къ нему; понеже бо они слово его отринули, тогда власть азъ надъ ними получихъ и хощу ихъ держати. Увижу, кто ихъ отъ меня отъиметъ.

Михаилъ. Молчи, діаволе! Слушай, что азъ ти повѣмъ: нынѣшняго дня Богъ судъ творити учнетъ надъ плачевнымъ паденіемъ человѣка, тѣмъ же

повелѣваю вамъ, яко ничтоже человѣкомъ да судите, донелѣже судное изреченія (sic!) отъ Господа Бога не примутъ. Однакоже толико вамъ повелѣно быти имѣетъ купно же съ ними предъ судилищемъ становитися, предлагая жалобы ваши. *Михаилъ отходитъ.*

Змія. Удивлятися ми приходитъ о сицевомъ дѣлѣ, ѐже ([1]) намъ о человѣцехъ судитися. Чаю, чаю, что въ сегодништемъ числѣ нѣчто намъ противное учинится.

Змияжъ. Азъ же надъ тѣми богохульники, то есть надъ женою и мужемъ: горе, горе! возопію. Посемъ же да увидимъ, аще возмогутъ отъ насъ убѣжати.

Змияжъ. Доволно. Всякъ лутче промыслъ свой да исполнитъ; азъ же уповаю, яко родъ человѣческій и свойство получитися (sic!) сподобимся.

третьяго дѣйства сѣнь вторая.

Гавріилъ, Адамъ, Евва.

Гавріилъ. Взыскую, ничтоже обрѣтаю. Адаме, Адаме! гдѣ еси ты? Посланъ есмь отъ Господа Бога, да ищу тя. Адаме, Адаме! вѣмъ истинно, яко съ женою своею нѣгдѣ сохранился есть страха и боязни ради, тѣмъ же и молчишъ. Адаме, Адаме! повеленіемъ божіимъ посланъ есмь тебя взыскати и волю божію ти извѣстити; не слышишь ли, Адаме? Изыди, гдѣ еси ты?

Адамъ *(отъ страху трепещетъ)*. Увы! здѣ азъ лежу въ великомъ страху и, какъ гласъ божій слышалъ есть, устрашихся и сокрыхся, зане увидѣхъ, яко нагъ есмь.

Гавріилъ. Кто ти о томъ сказалъ, яко нагъ еси? занеже и преже сего, какъ тя Богъ сотвори, нагъ былъ еси и не боялся. Истинно нѣчто иное въ томъ сокрыто есть. Почто трепещеши тако? не ялъ ли еси овощу, егоже ти Богъ подъ смертною казнею вкусити запрети?... Таколи заповѣдь божію сохранилъ еси? Такоели воздаеши благодареніе за великую милость, яко тя создалъ есть?

Евва. Увы, увы! когдабъ сіе николиже учинилось было! Нынѣ убо погибли есмы.

Гавріилъ. О! нынѣ хощете по согрѣшеніи каятися, но всуе. Послушайте убо божіе къ вамъ извѣщеніе: яко милосердый и купно ревнительный Богъ возмогъ бы васъ праведнаго ради гнѣву своего абіе вѣчною смертію казнити; но милосердіе его велико есть и гнѣвъ его долготерпѣливъ, яко беззаконіе и неправедное дѣло ваше еще милостиво предъ праведнымъ судилищемъ слушати хощетъ. Тѣмъ же готови будьте купно со дьяволы связаны предъ судилищемъ превышняго Бога ставитися.

Адамъ. О! аще быхъ крыла имѣлъ, яко голубь, дабы въ дивныхъ пустыняхъ и лѣсахъ сокрытися моглъ, да отъ гнѣву Его убѣжу! Кто убо предъ страшнымъ лицомъ Его состоятися можетъ?

Евва. О горе, горе намъ, яко и демони вязати насъ имѣютъ! Охъ! охъ! когда такъ безопасна была, да въ каменной разселинѣ въ пустомъ мѣстѣ сохранитися могла! Ей! лутше, да земля разступится меня поглотити, нежели чтобъ ми на демонскія лица зрѣти. Еще въ помышленіи вижу и вострепещущей страшной ликъ его, которой въ то время имѣлъ; а нынѣ ми паки въ рукахъ его быти! Увы, увы! смертію опасною насъ убьетъ!

Гавріилъ. Упокоитися и не отчиевайте, зане трепетъ вашъ и боязнь вамъ ничтоже помощи не дастъ: ибо врагъ той лукавой ни мало, кромѣ допущенія божія, вамъ сотворити не можетъ. Мнѣ же нынѣ нужда есть паки отходити; междо сим готовитеся къ суду.

третьяго дѣйства сѣнь первая.

Михаилъ, Адамъ, Евва, Змія.

Михаилъ *(съ мечемъ)*. Послушайте всѣ, служащія къ Богу, и вси лики небесные внимайте о страшномъ судѣ, егоже Богъ надъ Адамомъ и надъ Ев-

([1]) Въ р.: *еще*.

вою уложи. Премудрость вѣчная въ совѣтѣ Святыя Троицы сіе въ совершеніе приведе. Понеже Богъ всю вселенную со всѣмъ, яже на ней, созда и по семъ человѣка сего по образу своему и по подобію сотвори надо всю тварь подъ владѣніе, ничего себѣ не оставляя, кромѣ единаго древа, да отъ него не вкушаютъ, отъ того благодаренія токмо произвѣдати; но когда подъ смертною казнію изданную заповѣдь преступив, божій на себя гнѣвъ навели и похотемъ своимъ послушали ([1]), тогда превѣчный Богъ благоизволи предъ страшный судъ ихъ поставити и дѣла оныхъ слушати; тѣмъ же кто какую жалобу имѣетъ предложити, той безъ мѣшкоты сотвори, прежде нежели предъ превышнимъ престоломъ ставится.

Змія. Азъ прихожу передъ судъ сей, имѣя полную мочь въ томъ дѣлѣ отъ перваначальника своего Луцыпера. Вопрошаю тогда соизволеніемъ, не время ли тѣхъ презрителевъ, Адама и Евву, къ суду поставити.

Михаилъ. Такъ, время; но судъ божій надъ ними вящит не позволяетъ токмо, да связанныхъ къ суду поставишь.

Змія *(Адама да Евву приводитъ).* Приходите, послушливые чада мои: нынѣ васъ на лучшее мѣсто поведу, здѣ дрожите знатно отъ стужи, но тамо учнете отъ тоски потѣти. Идите, идите, помози ихъ держати, нынѣ ихъ лѣпотою устрою, въ чемъ имъ у суду явитися; помози держати, да не убѣгутъ.

Адамъ. О горе! Никогда, никогда не чаялъ, яко нас проклятые враги имутъ взяти. Ох! къ чему есмы приведены! о горе, того безчестія ради и мученія!

Евва. Увы, увы! прихожу во отчаяніе. Нынѣ ли намъ въ демонскія руки впасть, яко да въ посмѣхъ духомъ адовомъ подани будемъ?

Змія. Азъ впервые вопію: горе! страшнаго ради паденія Адама и Еввы, которые презрѣніемъ Бога въ вѣчную смерть впали.

Евва. О горе! еще наругаешися съ нашего безумія, а самъ прельстилъ насъ еси.

Змія. Такъ, такъ. Ащелибъ ти кто рекъ: иди въ воду и утопися; не чаю, чтобъ сіе сотворил бы, но нынѣ бѣдный бѣсъ виноватъ твоея свободныя воли. Азъ втретие вопию: горе! страшнаго ради паденія Адама и Еввы, которые презрѣніемъ Бога въ вѣчную смерть впали.

Михаилъ. Всякъ тогда да молчитъ, яко да возможно жалобу съ единой страны и отвѣтъ на то съ другія страны слышати и потомъ судебную расправу учинити.

Змія. Азъ еще предлагаю жалобу предъ судомъ божіимъ тяжкаго паденія и безчестія ради Адама и Еввы. Аще сіе всѣмъ довольно и вѣдомо есть, обачежъ вкратцѣ паки воспомяну: тѣмъ бо престолъ божій презрѣли, аки бы Богъ во лжи востанетъ и словеса своя не содержитъ, когда отъ овощу того не вкушаютъ, къ сему было въ нихъ зломнителство яко имъ отъ овощу того завидуеши, имъже тебѣ равными бити помышляху. Тѣмъ же зри, великій судія: какими послушливыми суды (чады?) являются, иже, презрѣвъ заповѣдь твою, единой подъ смертію запрещенной овощъ на досаду тебѣ вкусили, отъ чего же ничто иное разсудити мочно, развѣ что они жестокую заповѣдь твою въ ложь ставятъ и тобою токмо наругаются. Тоже ради предлагаю на мужа сего и жену, на тѣло и животъ ихъ жалобу, уповающе съ товарищами моими, яко по божественному суду своему даси ихъ къ смерти преподати, а что болши въ семъ судномъ дѣлѣ еще принадлежитъ, то нынѣ себѣ предоставляю.

Михаилъ. Адаме! чреда къ отвѣту нынѣ къ тебѣ приходит, да ти потребное извѣщаеш?

Адамъ. Увы! лживити не могу, что преступихъ заповѣдь божію; но недерзостнымъ предложеніемъ, токмо по лас-

([1]) Въ рук.: *послушати.*

кательнымъ словамъ жены, ееже Богъ ми далъ есть, вкусихъ малую часть.

Михаилъ. Вы ли послушливые чада божіи? Евва! скажи: чесо ради сіе сотворила еси.

Евва. Увы! врагъ лукавый со зміею своею тако мя извѣлъ есть сладостными прелестными словами, и азъ вкусихъ и Адаму дала; нынѣ же на насъ еще жалобу творитъ, толкуя сіе всякою злобою. Азъ истинно въ то время не начаяхся (1), чтобъ по такихъ словахъ сицева горесть надходити имѣла.

Змія. Смотрите: нынѣ Евва смѣетъ еще говорити, яко бѣсъ (2) еѣ извѣлъ есть. Не возмогла ли въ то время слова божія держатися, а мнѣ супротивлятися? Не возмоглъ быхъ тя силою принудити, егда возпѣла бысть изрядную пѣснь; но гордость, невѣріе, ненависть и зависть принуждали тя со мною къ древу итти, начая, яко Богъ овощу того тебѣ завидуетъ. Но когда бы мнѣніе твое и сбылось, о како супротиволь бысть Богу! ни мало меншихъ хотѣла быхъ (3) еси быти Бога. Тѣмъ же сицевое великое поношеніе и безчиніе не изволь, о праведный Боже, терпѣти, ниже правду свою разорити: не могутъ бо очищатися, зане слово свое ихъ осудитъ, еже вѣчную имъ смерть обѣщало, аще заповѣдь твою проступятъ. Содержиже тогда то, яко Богъ истины, и даждь ихъ во владѣніе мое, азъ ихъ уже тако мучити учну, да увѣдаютъ, яко инаго Господа имѣютъ, нежели ты еси.

Михаилъ. Истче да отвѣтчику! отступите, всеожидаясь изреченія великаго судіи.

третьяго дѣйства сънь вторая.

Богъ Отецъ, Богъ Сынъ, Правда, Истина, Милосердіе, Миръ.

Богъ Отецъ. Зѣло ми Правда и усердно болѣзнуетъ о бѣдномъ паденіи человѣческомъ Адама и Еввы, въ кое прелестею бѣсовскою впали, яко же и вамъ о семъ вѣдомо добрѣ есть, чего ради достоитъ о томъ совѣтное постановленіе учинити и по семъ на нихъ праведный судъ издати.

Правда, *держаще жезлъ въ рукахъ.* О Господи и праведный Боже, любивый правду и вся во святомъ свѣтѣ твоемъ правдою изправляяй! покажи и въ симъ: Богъ еси ты, возненавидяй беззаконія. Не произвѣдали ми предобрыи ангелы, иже изъ небесъ во кромѣшную геенну повержены, тѣмъ же и множае человѣкъ согрѣши, и того ради въ равномъ ему быти осужденіи (1). Аще и правда, отъ демона прелщены, но почто нечистому духу болши, нежели тебя слушали? и почто свободную волю свою къ тварямъ, а не къ Богу, къ злобнымъ, а не къ благимъ наклонили? Почесому малое является прощеніе, но паче муку вѣчную получити, яже праведна мзда за ихъ злодѣяніе; тѣмже праведному чину твоему лепость (2) надъ ними жезлъ сей крушити.

(Здѣ Отецъ емлетъ жезлъ и хочетъ его разломити).

Сынъ. Отче возлюбленный! потерпи, молю тя, въ праведномъ гнѣвѣ твоемъ до тѣхъ мѣстъ, до коихъ они сами отвѣтъ предъ превышнимъ престоломъ твоимъ учинятъ.

Истинна. Боже истинный, его же истинна пребываетъ во вѣки! яко же самымъ дѣломъ обѣщанное исполняешь, а понеже тогда изреклъ еси и человѣку вѣчно ему жити, аще сохранитъ заповѣдь твою; противно же, аще отъ запрещеннаго овощу вкуситъ, вѣчно ему умерети смертію: совершиже того ради то, да будетъ истинное слово твое сильно ихъ до основанія погубити, и не допусти никоей помощи истинну твою затушити: что бо глаголеши, никому то перемѣнити. Тѣмъ же исполни судъ твой надъ тѣми злодѣйствующими.

Сынъ. Еще мало да потерпишь, мо-

(1) Въ рук.: *начахся.*
(2) Въ рук.: *без.*
(3) Въ р.: *бы.*

(1) Въ рук. *осужденіе.*
(2) *Лѣпо есть?*

лю, Отче! зане и Милосердіе причастіе имѣетъ къ божественному престолу твоему потерпи и услыши, каковъ оно приговоръ учинитъ.

Милосердіе. О горе! сердце мое хощетъ ми сокрушитися въ лишеніи надежды помощи ради! Тому ли адову врагу предобрѣйшимъ созданіемъ, еже на всей земли, сице удобно владѣти, и ему наругатися ей? И надъ Богомъ самимъ (*) возгордійся рѣкуще толи преизрядное созданіе во образъ божій и подобіе его сотворенное, еже ангеломъ въ ровенствѣ во вѣки имѣло пребыти, тому ли нечистому демону вящшую честь получити, нежели преизрядному созданію Божію? Правда есть, яко человѣкъ не достоинъ милости твоей получити, зане въ то же пріиде паденіе, что и дьяволы; однакожде междо человѣкъ и дьяволъ великая обрѣтается разность, и возмоглъ діаволъ со всѣмъ адовымъ собраніемъ удобь единаго человѣка прельстити, къ сему человѣкъ кается паденія своего; но дьяволъ не кается, что божій престолъ обезчестилъ, но паче кается въ томъ, что невозможно ему злѣйше нѣчто сотворити. О милосердый Боже! умилостивись и отъими у нечистаго духа возхищенное: что бо ти поможетъ кровь ихъ? и что ти ползуетъ смерть ихъ? Помяни, Господи: яко самымъ нареченъ бываеши милосердіемъ. Кто убо въ мертвыхъ ти воздаяніе подастъ, и кто тя въ преисподнихъ восхвалитъ?

Правда. Единому токмо Милосердію быти, гдѣ же мнѣ пребыти? Убо праведенъ Богъ и правда его состоятися должна; аще и весь свѣтъ преставится, однако же Богъ ничто же супротиво правды не учинитъ.

Милосердіе. О окаянный и от потешенія лишенный человѣче! камо тя уподобляти? Всѣ волны злочастія тя открываютъ, никтоже сіе не внимаютъ, зѣлная язва твоя и неизцѣльная рана твоя. Увы! скорблю зѣло о страшномъ паденіи твоемъ. Но Господи, Господи, въ совѣтѣ сильный, долготерпѣливый и многомилостивый! даждь ми услышати яко ты Боже пропечеши и рабу твоему и рабыни твоей миръ и помощь дати обѣщаеши. О Господи, Господи, сотворивый небо и землю и вся, яже на ней! на что хощеши всему всуе быти сотворенну и человѣку сице вскорѣ погубленну? О сотвори надъ ними милость, реклъ бо еси въ началѣ, яко возрадуешься и возвеселишися въ ныхъ; нынѣ же то демону хощетъ поступитися. О Господи! часъ пріиде, да помилуеши ихъ; прости имъ согрѣшенія ихъ: милосердіе бо твое велико, яко и ты самъ великъ еси.

Сынъ. Охъ ты согласный Мире! чего ради молчиши? возможно ли ти есть на сіе безслезными очми смотрѣти?

Миръ. О Господи соединенія и Боже примиренія! понеже мы всѣ имена наши отъ божественнаго бытія твоего пріяхомъ, тѣмъ же, миротворивый Господи, услыши ны: милосердіе бо твое превзыдетъ яже на небеси и на земли. Якоже (*) и Богъ примиренія отъ вѣка еси ты, того ради, дабы на жестокомъ судѣ Твоемъ единая часть другую не услабѣла, молю тя, поволи ми, да любимыхъ сестръ моихъ къ соединенію приведу и потомъ Твой божественной судъ исполню.

Сынъ. О Мире! сотвори радѣтельное тщаніе, дабы дѣло въ соединеніе привести и доброе учинилось совершеніе.

Четвертаго дѣйства сънь первая.

Миръ, Милосердіе, Правда, Истинна.

Миръ. Возлюбленныя сестры! не скорбители о страшномъ согрѣшеніи человѣческомъ, то однакожде сожалѣйте сицеваго преизряднаго созданія, о немъ же небо скорбитъ. Молю вы, да въ соединеніи будемъ, ты же, Правда, вос-

(*) Въ р.: *самв.*

(*) Въ рук.: *яже.*

помпнай и на Милосердіе не буде сице жестока и ты, Правдо, возможешь сице въ мирѣ пребыти, аще Господь Богъ по жестокому суду своему человѣческій родъ не погубитъ.

Милосердіе. О Правдо! не буди такова жестока, но припусти моленію моему у себѣ мѣсто получити.

Правда. Но якоже то быти можетъ, хотябъ и рада хотѣла? Разсудите сами: Правдѣ достоитъ во всѣхъ судьбахъ сіятися яко утреннія зари, по такимъ противнымъ обычаемъ помраченабъ была.

Истинна. Аще же азъ къ вашему совѣту присовокупилась бы, тогда Богъ никогда (*) истинный былъ, тѣмъ же въ симъ никакова совѣта не имѣю; но если вы вѣдаете, и азъ пособити рада.

Миръ. О Боже! помози. Нынѣ паки пріиду въ чувство въ надеждѣ сущей, яко все еще добро будетъ. Возлюбленныи сестры мои! аще ми послушати хощете въ томъ, что никая отвряжденоі будетъ, а однакоже человѣкъ отъ діавольскія силы свободенъ быть можетъ, тогда идите во слѣдъ меня. Азъ вѣмъ единого мужа, той намъ въ дѣлѣ лучшій совѣтъ подастъ.

Милосердіе. О! со усердіемъ азъ съ вами иду.

ЧЕТВЕРТАГО ДѢЙСТВА СЪНЬ ВТОРАЯ.

Богъ Сынъ, Миръ, Правда, Истинна, Милосердіе.

Миръ. О вѣчный Сынъ Божій, со Отцемъ во равенствѣ сый! положили есмы въ любви и смиреніи сей уставъ: есть ли бъ возможно было, яко да никто отъ насъ повреждение пріиметъ, Милосердіе божіе съ Правдою, да Истину (**) съ Миромъ соединити, чтобъ человѣка изъ гортани дьявольской исторгнути; но не вѣмы никакого къ тому совѣта, ниже ко исполненію средствія; тѣмъ же приходимъ къ Тебѣ, къ вѣчной премудрости отча, моляще въ томъ отъ насъ не отступити, инако бо человѣку во вѣчномъ пребыть осужденіи.

Милосердіе. О премудрость божія! утѣшеніе даждь намъ совѣтъ свой и помощь свою, да безъ ущербленія нашего бѣдный человѣкъ свободу одержати моглъ.

Правда. О пребогатый Боже! аще возможно, да Правда устоится купно съ Милосердіемъ тогда Твоимъ, яко да премудрость Твоя насъ проводитъ и человѣка бѣднаго освободитъ.

Истинна. О премудре сыне божій! дабы такожде въ семъ дѣлѣ Истинна божія состояласяся, то соединеніе наше изволилъ проводить вѣчнымъ совѣтомъ своимъ, дабы бѣдной человѣкъ отъ узъ дьяволскихъ избавленъ былъ.

Сынъ божій. По вашему согласному прошенію хощу вамъ и совѣтъ преподати, но никакое иное средствіе изобрѣтено быти можетъ, развѣ единый за то да терпитъ; тѣмъ же взыщите такова мужа, иже смертію за нихъ долгъ той воздастъ: такимъ бо образомъ безвредны пребудете и бѣдный человѣкъ освободится. Любви ради къ человѣкомъ скорблю о семъ и хотѣлъ быхъ усердно, дабы въ живыхъ сохранены были....

(Изъ лѣтописей Тихонравова 1859 г. кн. 5).

2. Симеонъ Полоцкій.

1. Изъ псалтиря въ стихахъ.

(1680).

(Полное собраніе псалмовъ Давыда).

а. Преложеніе псалма 1.

Блаженъ мужъ, иже во злыхъ совѣтъ
не вхождаше,
Ниже на пути грѣшныхъ человѣкъ стояше;
Ниже на сѣдалищахъ восхотѣ сѣдѣти
Тѣхъ, иже не желаютъ блага разумѣти.
Но въ законѣ Господни волю полагаетъ,
Тому днемъ и нощью себѣ поучаетъ.
Будетъ бо яко древо при водахъ саж-
денно,

(*) Въ рук.: *нѣкогда*.
(**) Въ рук.: *истинно*.

Еже дастъ во время си плодъ свой неизмѣнно.
Листъ его не отпадетъ; и все сже дѣетъ,
По желанію сердца онаго успѣетъ.
Не тако нечестивый, ибо изчезаетъ
Яко прахъ, его же вѣтръ съ земли развѣваетъ.
Тѣмъ же нечестивіи не имутъ востати
На судъ ниже грѣшницы въ совѣтъ правыхъ стати.
Вѣсть бо Господь путь правыхъ, тыя защищаетъ:
Путь паки нечестивыхъ въ конецъ погубляетъ.

б. ПРЕЛОЖЕНІЕ ПСАЛМА 2.

Вскую языцы вельми ся шаташа?
Людіе къ щетнымъ умъ свой прилагаша;
Царіе земли со князи предстаху,
На Бога, Христа его встаху.

***

Расторгнемъ узы онѣхъ, глаголюще:
Отвержемъ иго отъ насъ, тяжко суще.
Живый въ небесѣхъ онымъ посмѣется,
Господь всевидецъ имъ поругается.

***

Тогда въ гнѣвѣ къ нимъ имать глаголати,
Яростію си сердца ихъ смущати;
Азъ же поставленъ въ Сіонѣ царь быти,
Повелѣніе Господне явити.

***

Господь рече ми: «Ты сынъ возлюбленный
Мой еси, Мною нынѣ рожденный;
Проси отъ Мене, и дамъ Ти языки
Въ достояніе, вся концы во вѣки:

***

Жезломъ желѣзнымъ оны, укротиши,
Злые же яко скудель сокрушиши.
Днесь вы царіе разумъ пріимите,
Судіе земли, вси ся накажите.

***

Со страхомъ Богу живу работайте,
Съ трепетомъ Ему радости бывайте.
Накажитеся, да не возъярится
Господь и съ гнѣвомъ на вы обратится,

***

Отъ пути правды да не погибнете,
Паче въ милость Его да будете.
Блажени, иже въ Бозѣ уповають,
Надежду свою всю въ Немъ полагаютъ.

в. ПРЕЛОЖЕНІЕ ПСАЛМА 6.

Господи, не въ ярости Твоей обличиши
Мене, ни во гнѣвѣ Ти за грѣхи казниши.
Но паче помилуй мя, ибо боленъ зѣло
Есмь, исцѣли ми кости смущенны, и тѣло.
И душа моя вельми скорбна и смущенна:
Доколѣ Тя, Боже мой! вижу отвращенна!
Обратися Господи, изми душу мою,
И спаси мя, являя многу милость Твою:
Яко во смерти кто вѣсть Тебе поминати;
И во адѣ, кто будетъ Тя исповѣдати?
Струждень есмь воздыхая, на всяку нощь ложе
Омыю, и постелю слезами, мой Боже!
Отъ ярости лютыя око ми смятеся;
Посредѣ врагъ си лютыхъ рабъ Твой состарѣся.
Отступите отъ мене творцы дѣла злаго;
Господь услыша гласъ мой плача усерднаго;
Услыша прошеніе, молитвы пріялъ есть,
Богъ слезъ моихъ не презрѣ, стенанію внялъ есть.
Вси убо врази мои скоро да вратятся,
И смущени сердцы си зѣло да срамятся.

г. ПРЕЛОЖЕНІЕ ПСАЛМА 40.

Блаженъ есть разумѣяй нища и убога,
Во день лютъ избавится помощію Бога.
Господь да хранитъ его и да оживляетъ,
И блаженна на земли во всемъ да являетъ:
Да не предастъ и въ руцѣ, зла ему хотящимъ.
Враждующимъ безъ вины и не навидящимъ.
Господь въ болѣзни его помощь да бываетъ,

Ложе его рукама си да обращаетъ.
Азъ рехъ: Господи Боже милость да явиши,
Азъ Ти согрѣшихъ, Ты же душу исцѣлиши.
Врази мои, злая мнѣ явѣ глаголаху:
Да умретъ, и съ именемъ погибнетъ, вѣщаху.
Егда кто отъ нихъ зрѣти мене прихождаше,
Ложными мя глаголы скоро клеветаше:
Въ сердце беззаконіе о мнѣ собираше,
И изшедъ вонъ, съ инѣми купно мя хуляше.
Вси врази мои о мнѣ во тайнѣ шептаху,
Зліи людіе, злая мнѣ помышляху.
Законопреступное слово возложиша,
Мертва, не могуща мя востати, вѣстиша.
Мужъ, ему же уповахъ, и хлѣбъ мой ядяше,
Той пяту лести на мя излиха подъяше.
Но ты Боже помилуй, изволь мя подъяти,
Да возмогу врагомъ ми праведно воздати.
О семъ азъ познахъ, яко Ты мене любиши,
Яко враговъ радости о мнѣ не пустиши.
Мене за незлобіе изволилъ пріяти,
И во вѣкъ предъ собою твердо мя держати.
Господь Богъ Израилевъ благословенъ буди
Отъ вѣка и до вѣка, да рекутъ вси люди.

д. ПРЕЛОЖЕНІЕ ПСАЛМА 41.

Якоже елень ловцы утружденный
Воды желаетъ, быти прохлажденный:
Тако азъ Боже къ Тебѣ вздыхаю,
Зрѣти желаю.

***

Возжада душа моя во живому,
Богу святому, и Богу крѣпкому:
Когда пріиду къ Нему и явлюся,
Возвеселюся.

***

Слезы ми вмѣсто хлѣба тогда быша,
Егда день и нощь врази мя спросиша:
Гдѣ Богъ твой, аще тебѣ не остави,
Того намъ яви.

***

Сія помянухъ таже веселихся,
Яко въ домъ Божій итти извѣстихся,
До крова дивна, въ гласѣ свѣтла лика,
Шума велика.

***

О душе моя! вскую ты оскорбиши,
Мя смущаеши; на Бога да зриши,
Того исповѣмъ, Онъ ми Богъ спаситель,
И покровитель.

***

Во мнѣ смятеся зѣло душа моя,
И воспомянухъ азъ щедроты Твоя,
Яже Ты явилъ намъ при Іорданѣ,
Въ Ермонстей странѣ,

***

При горѣ малѣ. А скорбь, скорбь глашаетъ,
Что бездна бездну, хлябій ся рѣшаетъ.
Волны Божія по мнѣ прейдоша,
Всего сотроша.

***

Но уже чаю день той приходити,
Воньже ми хощетъ Богъ милость явити.
Азъ же и въ нощи пѣснь воспою Ему,
Богу моему.

***

Молюся Богу живота моего,
Ты мой заступникъ, азъ реку до Него:
Почто мя забы, духъ мой унываетъ,
Врагъ ми стужаетъ.

***

Внегда ся кости моя сокрушаху,
Тогда ми врази мои поношаху:
Гдѣ Богъ твой, рцы намъ, выну стужающе,
Посмѣхъ дѣюще.

***

Но ты, о душе! вскую скорбна еси;
Уповай въ Бозѣ сущемъ на небеси.
Еже азъ Ему имамъ воспѣвати,
За Бога знати.

е. ПРЕЛОЖЕНІЕ ПСАЛМА 50.

Помилуй мя Боже по Твоей милости,
По множеству щедротъ сотри неправости,

Отъ беззаконія изволи омыти,
Отъ грѣха моего мене очистити:
Беззаконія бо яже дѣяхъ знаю,
Грѣхъ мой предо мною выну созерцаю.
Тебѣ единому Боже согрѣшилъ есмь,
Злое предъ Тобою дѣло сотворилъ есть,
Помилуй мя, яко да мя оправдиши
Во словесѣхъ Твоихъ, враги побѣдиши.
Иже Тебе Бога ложно осуждаютъ,
Не оправдающа быти порицаютъ.
Се въ беззаконіихъ зачатъ есмь, и мати
Не може безъ грѣха во міръ мя издати,
Се бо Ты истину изволилъ любити,
Тайну ми мудрости Твоея явити.
Окропи ѵссопомъ мя, и очищуся,
Омый мя, и паче снѣга убѣлюся.
Слуху моему даждь радостныя гласы,
Да есть радость смиреннымъ костемъ по вся часы.
Отъ грѣхъ моихъ лице изволь отвратити,
И беззаконія моя очистити.
Сердце чисто во мнѣ изволи создати,
И духъ правъ во утробѣ моей повдати.
Отъ лица Твоего да мя не вержеши,
И духа святаго да не отъимеши,
Спасенія радость изволи воздати,
Владычествующимъ духомъ утверждати.
Азъ беззаконныя хощу научити
Путемъ ти, невѣрныхъ къ Тебѣ обратити.
Избави отъ кровей Боже мя спасаяй,
Азъ въ радости буду правду ти вѣщаяй.
Господи изволь ми устнѣ разрѣшити,
Уста моя хвалу будутъ Ти гласити.
Аще бы Тя жертва годѣ, далъ бымъ убо,
Но всесожженіе не есть Тебѣ любо.
Сокрушенна сердца Богъ жертвы желаетъ,
И смиренна духа не уничижаетъ.
Ублажи убо по Твоей благости
Сіона, да станетъ стѣнами въ цѣлости.
Тогда жертва правды тебѣ принесется,
И всесожженіе въ радости пожрется.
Тогда на олтарь Твой будутъ возложени
Тельцы, иже тучно быша воспитѣни.

2. КОМЕДІЯ О НАВУХОДОНОСОРѢ ЦАРѢ, О ТѢЛѢ ЗЛАТѢ И О ТРІЕХЪ ОТРОЦѢХЪ, ВЪ ПЕЩИ СОЖЖЕННЫХЪ.

ПРЕДИСЛОВЕЦЪ.

Благовѣрнѣйшій Пресвѣтлѣйшій Царь,
Многихъ царствъ и княжествъ правый Государь.
Пречестнымъ вѣнцемъ Богоувѣнчанный,
Всѣмъ православнымъ яко солнце данный,
Да намъ свѣтиши яснѣ добротами,
Якоже солнце свѣтлыми лучами.
Велій есть свѣтъ той, тьмѣ одолѣваетъ,
Міракъ безвѣрія весьма отгоняетъ.
Адамантъ въ златѣ нѣсть толико красенъ,
Яко вѣрою духъ твой свѣтло ясенъ.
Бога во Троицѣ ты едина чтиши,
И должный поклонъ любезно твориши.
Подъ нозѣ главу ти смиряя,
Со смиреніемъ крѣпость соблюдая.
Что либо сану царству приличиствуетъ,
То святая ти душа державствуетъ.
Доброты гнѣздо положиша въ тебѣ,
Во сердцѣ твоемъ живутъ яко въ тебѣ.
Навуходоносоръ не тако живяше,
Аще и скипетръ въ десницѣ держаше.
Тьмою невѣрства бѣ онъ помраченный,
Велімъ чудомъ едва просвященный.
Къ тому гордости въ сердци исполнися,
Всѣхъ боговъ паче самъ быти возмнися.
Образъ свой людемъ повелѣлъ чтити,
Не послушавшихъ въ пещи спалити.
Тріи отроцы во огнь воверженi,
Но отъ Ангела цѣло сохранени,
Имъ же Царь чудомъ къ вѣрѣ приведеся,
Честь же отрокомъ велика дадеся.
То камидійно мы хощемъ явити,
И аки само дѣло представити
Свѣтлости твоей и всѣмъ предстоящимъ,
Княземъ, боляромъ, вѣрно ти служащимъ,
Во утѣху сердецъ, здрави убо зрите,
А насъ въ милости своей сохраните.

(По семъ да играютъ).

Изыдетъ Навуходоносоръ съ боляры и съ слугами съ шестью человѣкъ; а вооруженныхъ вой за ними станутъ шесть же человѣкъ. Царь убо сѣдъ на мѣстѣ уготованномъ, и начнетъ глаголати.

Вѣрные рабп, боляре, дворяне
И вси царствъ нашихъ славніи земляне.
Видите крѣпость десницы моея,
Вся пождени суть страны отъ нея;
Никто противу возможе ми стати,
Весь міръ единъ азъ имамъ одержати.
Всякихъ странъ бози съ нами не дерзаютъ,
Насъ Бога боговъ отъ днесь вси да знаютъ.
Тѣмъ же умыслихъ образъ сотворити
Лица нашего, и всѣмъ представити
На полѣ Дейрѣ, да вси почитаютъ
Образъ нашъ, и насъ Бога нарицаютъ.
Слыши казначей? се велимъ мы тебѣ,
Даждь чиста злата, елико есть требѣ.
Абіе вели образъ нашъ творити,
На превысоцѣ столпѣ поставити.

КАЗНАЧЕЙ.

Что Богъ вѣщаетъ, страшно есть то слово,
По твоей воли все будетъ готово.

(Отъидетъ Казначей дѣлати образъ, а Навуходоносоръ глаголетъ.)

Егда нашъ образъ златый созерцаемъ,
Тогда всѣхъ вѣрность, яже къ намъ, познаемъ.
Любяй насъ вѣрно будетъ предпочтенный,
Не любяй, паки будетъ осужденный.
Слыши Зардане! вели готовати,
Пещь и смолу, нафѳу и огнь разжизати
Близу образа, да всякъ ввержется,
Имъ же нашъ образъ честный непочтется.

ЗАРДАНЪ.

Веселымъ сердцемъ твое велѣніе,
Приведу вскорѣ во исполненіе.

(И отходитъ Зарданъ и начнетъ глаголати болярипъ Навусаръ.)

Свѣтлый нашъ Царю, и Пресильный Боже!
Никто ти въ бранѣхъ силенъ быти може:
Нынѣ ли убо можетъ кто дерзати,
Еже противу воли твоей стати?
И слово твое огню подобится,
Того и пещи кто не убоится,
Добрѣ велиши огнемъ сожигати
Образу чести не хотящихъ дати.

НАВУХОДОНОСОРЪ.

Добре вся, еже Богъ повелѣваетъ,
Аще и весь міръ въ концѣхъ погибаетъ.
Мы тако хощемъ, кто дерзнетъ судити,
Въ единъ часъ велимъ живота лишити.
Вы днесь печали намъ не поминайте,
О мусикіи сладцѣй промышляйте.
(Придутъ мусикіи, и речетъ къ нимъ).

НАВУСАРЪ.

Елика вѣсть утѣшная быти,
Та потщитеся предъ Царемъ творити.
(Здѣсь будутъ ликовствованія.)

Приходитъ казначей и глаголетъ.

Царю пресвѣтлый! живи ты во вѣки,
Вся превозшедый міра человѣки;
Се уже слово твое совершися,
Образъ твой честный лѣпо поставися.
(И отложше завѣсу покажется образъ стояй.)

Навуходоносоръ глаголетъ.

Вѣрныи мои раби! блажимъ труды ваша,
Отселѣ будетъ милость на васъ наша.

Приходитъ Зарданъ, и глаголетъ.

Царю надъ Цари! царствуй многа лѣта
Надъ всѣми страны до кончины свѣта;
Се твоя воля мною исполненна,
Велимъ зѣло пещь огнемъ разженна.
(И покажется пещь).

НАВУХОДОНОСОРЪ

Добрѣ трудился, но не угашайте,
Изъ гребій, смолы, нафѳы прилагайте.
Да то видящи, вси ся поклоняютъ
Образу злату, насъ съ нимъ почитаютъ.

ЗАРДАНЪ.

Радъ то творити, еже что велиши,
Самъ свѣтлымъ окомъ работу узриши.

Навуходоносоръ къ Амиръ болярину.

Амире вѣрный! въ томъ прилѣженъ буди,
Да всякихъ сановъ днесь предстанутъ люди
Почтити образъ; а вели играти
Въ трубы, органы и свирѣльствовати,
Возже бы гласомъ небесъ доходити,
И въ то бы время всѣмъ приклонъ творити;

Аще же чести кто не хощетъ дати,
Въ пещь таковаго вели вовергати.
Яже въ седмеро буди распалена,
Изъ гребей, смолы, нафѳы, исполнена.

АМИРЪ (*къ Царю*).

Непобѣдиме Царю! здравъ ты буди,
На полѣ Деирѣ вси предстоятъ люди,
И вся готова, изволь соглядати,
Како вси образъ будутъ почитати.

НАВУХОДОНОСОРЪ.

Убо есть время, повели трубити,
И златый образъ нашъ поклономъ чтити.

(Тогда помааетъ Амиръ, глаголя).

Слышите гудци! гласно вы свиряйте.
Вы же людіе образу честь дайте.

ГУДЕЦЪ РЕЧЕТЪ.

Повелѣнія токмо ожидахомъ.
Ко писканію вся уготовахомъ.

(И начнутъ трубити и пискати, народи же поклонятся, а тріе отроцы не поклонятся, что видя Амиръ, велитъ поймати.)

ГЛАГОЛЯ СИЦЕ:

Поймите, поймите людей беззаконныхъ,
Образу царскому ни мало поклонныхъ.

(Тогда ихъ поймутъ, и приведутъ предъ Царя и речетъ Амиръ).

Пречестный Царь! се людіе зліи,
Не приклониша образу ти выи.
Повелѣніе твое укоряютъ,
На честный образъ хулы испущаютъ.

(Навуходоносоръ съ гнѣвомъ глаголетъ къ отрокомъ).

Седрахъ и Мисахъ. Авденаго, и ты
Бысте вы у насъ зѣло нарочиты.
Что слышимъ отъ васъ, вы ли обругаете
Насъ, и образу поклона не дасте?
Самъ хощу зрѣти, вы правду явите,
Со гласомъ трубнымъ главы поклоните;
Аще поклона не хощете дати,
Лютѣ имате въ пещи пострадати.
Кто Богъ есть могущъ, васъ мукъ свободити,
Отъ рукъ пресильныхъ нашихъ исхитити?

СЕДРАХЪ ГЛАГОЛЕТЪ.

Нѣсть тебѣ, Царю! намъ ти отвѣщати,
Богъ всемогущъ, силенъ насъ изъяти
Изъ огня люта силою своею,
И свободити отъ руку твоею.

МИСАХЪ.

Къ тому вѣждь, Царю! яко прещеніе
Огня не введетъ насъ во прельщеніе;
Аще же огню Богъ хощетъ ны дати,
Мы за честь его готовы страдати.

АВДЕНАГО.

Живаго Бога небеснаго знаемъ,
Бездушный образъ смѣло обругаемъ.
Не подобаетъ твари почитати,
Творецъ есть Богъ нашъ, того хощемъ знати.

(Навуходоносоръ разъярився крикнетъ).

Оле злыхъ враговъ, како суть прельщени,
Скоро да будутъ во огнь воверженн.
Крѣпцы вои скоро похитите,
Посреди пещи враги воверзите.

(Тогда вои похитятъ, и вяжуще я, глаголютъ:)

1. Благо вамъ бяше Царя послушати,
Въ сицеву вѣру себѣ не врѣвати.
2. Золъ родъ Еврейской, крѣпко ихъ втяжите,
Непокоривыхъ ни мало щадите.
3. Кто врага Царска хощетъ пощадити,
Самъ есть достоинъ смертно казнимъ быти.
4. Азъ и двѣ кожи готовъ есть издрати
Съ еднаго хребта, а самъ не страдати.
5. Мнѣ Евреина столь сладко убити,
Якоже меда сладку чашу пити.
6. Вержите въ пещь, мало глаголите,
Еже велятъ вамъ, скоро творите.

(Ввергутъ ихъ въ пещь, абіе же да снидетъ къ нимъ Ангелъ, и тако да глаголетъ къ отрокомъ:)

АНГЕЛЪ.

Вѣрніи слузи истиннаго Бога,
Да несмущаетъ васъ печаль премнога!
Не оставитъ васъ Господь всемогущій,
Не повредитъ вы пламень все ядущій.
Яко росою тѣмъ ся охлаждайте,
Богу вашему честь и славу дайте.

(Тогда Азарія, или Мисаилъ начнетъ глаголати умиленно).

Благословенъ еси Господи Боже отецъ нашихъ, и хвально и прославленно имя Твое во вѣки, яко праведенъ еси о всяческихъ, яже сотворилъ еси намъ и проч. якоже есть у Даніила въ главѣ 3.

(Здѣ огнь изъ пещи Халдей опалитъ и единъ отъ нихъ возопіетъ).

Увы намъ! лютѣ огнь насъ пожигаетъ,
Иже изъ пещи чуднѣ избѣгаетъ.

(И падутъ они, Царь же увидѣвъ, возопіетъ сице:)

Кое то чудо, пламень утекаетъ
Изъ пещи, рабъ моихъ опаляетъ.
Возьмите трупы, земли предадите,
Сами ся огня лютаго блюдите.

(Таже вси тріе отроцы умиленныме гласы да поютъ:)

Благословенъ еси Господи Боже отецъ нашихъ, и хваленъ и превозносимъ во вѣки и проч. яко таможде у Даніила.

АМИРЪ ГЛАГОЛЕТЪ.

Оле чудесе! врази не сгораютъ,
Нѣкія пѣсни сладцѣ воспѣваютъ.

ЦАРЬ ГЛАГОЛЕТЪ,

Видѣніе паче слуха увѣряетъ,
Хощу да око мое соглядаетъ.

(И воставъ воззритъ въ пещь, и яко зрѣти ему четырехъ вѣнецъ сущихъ).

Речетъ къ Боляромъ.

Что есть вельможи, не три ли вверженi
Отроцы во огнь, да будутъ сожжени?

Амиръ глаголетъ.

Ей тріе, Царю! казнь сію пріяша,
Яко образу поклона не даша.

Царь.

Что убо вижду въ пламени огненни,
Четыре мужа ходятъ разрѣшенни;
Вси суть безъ вреда, четвертый блистаетъ,
Яко Сынъ Божій, о чюдо! бываетъ,
Увы, мнѣ, увы! азъ грѣшный прельстихся,
На рабы Бога живаго ярихся.
Они суть святи, азъ грѣшенъ зѣло;
Невинныхъ и огнь сохранилъ есть цѣло.
Что убо имамъ, азъ бѣдный, творити,
О прощеніи хощу ихъ молити.

И приступль Царь къ пещи, глаголетъ:

Седрахъ и Мисахъ, Авденаго честный,
О раби Бога, иже есть не лестный!
Тощно изъ пещи ся изыдите,
Къ намъ согрѣшившимъ въ пользу пріидите.
Прощеніе ми изволите дарити,
Богу вашему азъ хощу служити.

(Ту изыдутъ отроцы не вреждени, ихъ же зряще вельможи воскликнутъ).

1. Оле чудо! како не сгорѣша,
Отроцы сіи, огнь одолѣша.
2. И то есть дивно, что власы суть цѣлы,
Аще великимъ пламенемъ горѣлы.
3. Зрите одежды, како нерастлѣнны,
Бывше великимъ пламенемъ паленны.
4. Ей чюдо есть се, но кто оно дѣетъ,
Умъ неискусный мой недоумѣетъ.

ЦАРЬ.

Вижду, Боляре! кая чюда сила,
Въ очесѣхъ нашихъ нынѣ сотворила.
Благословенъ Богъ, сотворивый тако,
Его же Седрахъ, Мисахъ, Авденаго
Намъ провѣщаютъ; онъ Царь и Владыка,
Его есть крѣпость всѣхъ паче велика,
Его Ангеломъ сіи избавлени,
Изъ люты пещи здрави сохранени.
Иже на муки плоти си предаша,
Чуждему Богу почести не даша.
Царское наше слово преслушаша,
Яко на Бога жива уповаша.
О блаженніи раби Бога права!
Ему же поклонъ даетъ моя глава;
Предъ лицемъ вашимъ того отднесь знаю,
Его истинна Бога всѣмъ вѣщаю;
Аще же кто дерзнетъ Бога хулити,
Убіенъ буди, а домъ расхитити
Повелѣваемъ: нѣсть бо тако силенъ
Богъ, яко Богъ вашъ, иже зѣло дивенъ.
Вы же, честніи слузи жива Бога!
Примите владѣтельства многа,
Паче всѣхъ князей будите почтени,
За други наша отселѣ вмѣнени.

СЕДРАХЪ.

Богу честь, слава, сіе чюдо явльшу,
Насъ сохранившу, а тебе взыскавшу.
Тебѣ за почесть главы преклоняемъ,
Должную вѣрность тебѣ обѣщаемъ.

МИСАХЪ.

Не сія токмо Богъ нашъ совершаетъ,
Но ина многа дѣла содѣваетъ.
Яже времени твоей благодати,
Да вѣруеши, имамы сказати.

АВДЕНАГО.

Точію вѣруй Царю превеликій!
Вѣрный рабъ буди небесна Владыки.
Смиренъ явися, Онъ будетъ съ тобою,
И укрѣпитъ тя своею рукою.

ЦАРЬ.

Благодарю вы, любиміи друзи!
Бога живаго истинни слузи,
Яко обиду хощете забыти,
А намъ Божію славу изъявити.
Любезнѣ слухъ мой на ту преклоняю,
И сокровище сердца предлагаю.
Но днесь въ палату вы съ нами грядите,
Вашимъ приходомъ домъ возвеселите.

(И отъидутъ за завѣсу.)

По сихъ Эпилогъ.

ЭПИЛОГЪ.

Пресвѣтлый Царю и благочестивый,
Богомъ вѣнчанный и христолюбивый!
Благодаримъ тя о сей благодти,
Яко изволилъ дѣйства послушати.
вѣтлое око твое созерцаше
Комидійное сіе дѣло наше,
Имъ же ти негли не угодни быхомъ,
Яко искусства должна не явихомъ.
Разума скудость вину погрѣшаетъ,
А умъ богатый радостно прощаетъ.
Тѣмъ же смиренно къ ногамъ припадаемъ,
Еже простити намъ, сіе желаемъ.
Мы же имамы Господа молити,
Да во всемъ тебѣ изволитъ простити.
Къ тому да подастъ мирно царствовати.
А противники вскорѣ побѣждати.
И приложитъ ти многа лѣта жити,
Потомъ небесный вѣнецъ наслѣдити,
Многа лѣта.

(Играніе:)

3. Св. Димитрій Ростовскій.

(1651—1709).

а. РОЗЫСКЪ. ИЗЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ: О РАСКОЛЬНИЧЕСКОМЪ УЧЕНІИ.

По разсмотрѣніи перваго плода расхольничечкаао Брынскаго сада и подлинномъ розыскѣ вѣры ихъ неправовѣрной, предлежитъ намъ другій ихъ плодъ, яко другое содомское яблоко ко испытанію, *ученіе* ихъ, еже они, врази суще Церкве Христовы, исходяще отъ Брынскихъ сатанинскихъ гнѣздъ, сѣютъ между правовѣрными по градѣхъ и весехъ отай, яко плевелы посредѣ пшеницы.

Сказуютъ Брыняне ученіе свое душеполезно быти.

Да положится убо розыску сему основаніе сицевое.

То ученіе душеполезно есть, въ которомъ нѣсть лжи, ни еретичества, ни хуленія на святыя вещи.

Аще же въ коемъ ученіи обрящется ложь, и еретичество, и хуленіе на святыя вещи; то ученіе нѣсть душеполезное, но душевредное.

Розыщемъ убо подлинно о ученіи раскольническомъ Брынскомъ *сіе трое:*

1) *Есть ли ученіе ихъ не ложно?*

2) *Есть ли ученіе ихъ не еретическо?*

3) *Нѣсть ли во ученіи ихъ хулы на святыя вещи?*

Есть ли ученіе ихъ не ложно?

Ученіе неложное есть то, еже происходитъ отъ устъ учителя не ложнаго, но истиннаго.

Учитель же неложный есть той, иже не самъ собою восхищаетъ на ся санъ учительскій, но отъ Церкви Божія благодатію Духа Святаго поставляемый и на проповѣдь посылаемый бываетъ.

По Святыхъ же Апостолахъ, учительское мѣсто пріемлютъ архіереи и іереи и прочіи, елицы суть освященнаго церковнаго чина. Пріемлютъ же по изволенію Духа Святаго, понеже пріемлютъ по правильному избранію и освященію.

Таковіи учители суть истинніи, неложніи, и таковыхъ учителей ученіе есть истинное, неложное, яко отъ Духа Святаго глаголемое.

Здѣ смотримъ: учители Брынскіи раскольническіи отъ кого посылаются? отъ Духа ли Святаго? отъ Церкви ли Христовы? Никакоже. Церкви у нихъ нѣсть; печать дара Духа Святаго, при крещеніи миропомазаніемъ подаваемую отвергоша, нарицающе то антихристовою

печатію, и прочіихъ таинствъ Духомъ Святымъ навершаемыхъ не имѣютъ. Не имуще же таинствъ, не имутъ Духа Святаго, на таинства сходящаго; не имѣюще же Духа Святаго, не поставляются, ниже посылаются на проповѣдь и учительство отъ Него. Не послани же суще отъ Духа Святаго и отъ Церкви Святыя, не суть истинніи учителіе, но ложніи, сами на ся санъ учительскій восхищающіи. Убо и ученіе ихъ нѣсть истинное, но *ложное*.

Ученіе неложное есть то, еже происходитъ отъ устъ учителей искусныхъ въ Божественномъ Писаніи, и благоразумія учительскаго исполненныхъ, вѣдущихъ Писанія Святаго силу, и толковати е право могущихъ. Подобаетъ бо учителю не токмо быти освященну, отъ Церкви Духомъ Святымъ во учительскій санъ поставленну, но и премудру, доволенъ разумъ имущу, по словеси самого Бога въ пророчествѣ глаголющаго: *устнѣ Іереовѣ сохраняете разумъ, и закона взыщу отъ устъ его.*

Раскольническое же ученіе не отъ таковыхъ благоразумныхъ устъ происходитъ, понеже ихъ учители не токмо не суть отъ Церкве Духомъ Святымъ на учительскій санъ поставлени, но и въ Писаніи Божественномъ неискусны, ни вѣдущіи того силы, ни толковати могущіи право, но весьма простыи мужики, въ коихъ учителемъ ихъ многіи суть, иже ни азбуки вѣдятъ. Не токмо же тіи, но и бабы у нихъ учатъ, имже весьма молчати подобаетъ по апостольскому повелѣнію: *жены въ церкви да молчатъ, не повелѣся бо имъ глаголати* (сіесть учити), *но повиноватися;* и паки: *жена въ безмолвіи да учится со всякимъ покореніемъ; женѣ же учити не повелѣваю.* А въ Брынской зловѣрной вѣрѣ, того велѣнія апостольскаго не слушаютъ, и бабы санъ учительскій восхищаютъ. Убо ученіе ихъ нѣсть истинное, но *ложное.*

Неученому бо простолюдину не токмо иныя о догматѣхъ вѣры право учити невозможно, но ниже самому правымъ путемъ шествовати удобно, на свой безкнижный простоумный уповающему разумъ, истинныхъ же учителей презирающему. Оттуду и ереси возрастоша, и раздоры и расколы, яко невѣжи дерзнуша о вѣрѣ испытовати и учити. Добрѣ святый Анастасій Никейскій, такоже и святый Іоаннъ Златоустъ глаголютъ: велико есть зло, еже не вѣдѣти Писанія, и аки скоту несмысленну быти; безчисленная бо злая рождаются отъ невѣденія Писаній. *Оттуду* прозябоша великія *вреды еретичествъ*, оттуду житіе небрежливое, труды не полезныя, слѣпота душевная, прелщеніе діавольское. Якоже бо плотскими очима слѣпотстствующіи, правымъ путемъ ходити не могутъ; тако и невѣдущіи Божественнаго Писанія, ни къ тѣхъ лучамъ взирающіи, претыкаются.

Брыняне же аще которіи и не вѣдятъ Писанія Божественнаго, обаче мудрыхъ себе быти и правымъ вѣры путемъ шествовати мнятся, и учительствовати дерзаютъ. А которіи въ нихъ умѣютъ читати и писати, коимъ малая нѣкая заря разумѣнія во умѣ блисну, тіи себе въ великіе богословцы ставятъ, и учительми вѣры своея не преодолѣнными быти горделиво высокоумствуются. А иже по самой истинѣ суть богословцы и правильніи учители, иже отъ юности жизнь свою во ученіяхъ изнуриша, имже тайны Божественнаго Писанія откровенны суть, имже совершенный свѣтъ разума возсія, тѣхъ они нарицаютъ еретиками, заблуждшими, пути истиннаго невѣдущими. Слѣпіи видящимъ глаголютъ: не видите вы; и заблуждшіи ходящимъ по истинному пути сказуютъ: неправо ходите вы; и глупіи разумнымъ досаждаютъ: ничтоже вѣсте вы. Но разсудите, молю, кто болѣе свѣта видитъ, той ли, иже скважнею изъ темной храмины на дворъ смотритъ, или той, иже окно отверзъ на свѣтъ зритъ? Кто свѣтъ Святыя вѣры и путь правый истиннаго благочестія лучше вѣсть: той ли, иже токмо читати книгу умѣетъ, мало же разумѣетъ читаемое, или той, иже не токмо

читати, но и совершенно разумѣти вѣсть, и глубину Божественнаго Писанія постизаетъ? Лучше ли научитъ неученый и самозваный учитель, неже ученый, и не самъ собою учитель нарекшійся, но отъ благодати Духа святаго поставленный?

Слышу же нѣкіихъ глаголющихъ: Христосъ Господь некнижныхъ Апостоловъ собра, простыхъ, неученыхъ, не отъ книгъ призва ихъ къ Себѣ, но отъ рыбарскія сѣти, а весь міръ тѣми просвѣтилъ и научилъ. На то отвѣтствую сице: Некнижныхъ собра, но книжныхъ посла; простыхъ и невѣжевъ къ Себѣ призва, но умудренныхъ богословцевъ въ концы земныя розсла, отверзши имъ умъ разумѣти Писанія, собра яко же учитель учениковъ, и вящше тріехъ лѣтъ водилъ ихъ съ Собою, уча и вразумляя, и не отпустилъ ихъ отъ Себе на проповѣдь дотоль, донелѣже добрѣ вразумилъ я; и Писаніе знати даде имъ; егда же просвѣти ихъ умъ къ разумѣнію Писанія, и Духа Святаго наполнилъ ихъ, и странными языки глаголати научилъ: тогда посла я во вселенную проповѣдати Божіе слово.

Вы же, о Брыняне, неученніи учители, некнижніи мудрецы, рцыте намъ, когда со Христомъ ходисте, когда Духа Святаго во огненныхъ языцѣхъ пріясте, когда странными языки глаголати научистеся, якоже Апостоли? отверзеся ли вамъ умъ разумѣти Писанія, якоже Апостоломъ? Постыдитеся убо Брынскіи учители, простіи мужики и бабы, санъ учительскій на ся восхищающіи, имже довлѣло бы учениками, а не учительми быти, и отъ церковныхъ правовѣрныхъ учителей учитися, а не самимъ иныя учити и изобрѣтати себѣ новыя различныя вѣры.

Ученіе истинное, неложное явѣ проповѣдуется по всюду, предъ всѣми, никогоже боящимися, каково бѣ ученіе апостольское, проповѣдуемое *со всякимъ дерзновеніемъ невозбранно:* а которое ученіе втайнѣ, въ мѣстѣхъ сокровенныхъ крыющихся сказуется, то ученіе нѣсть истинно, но подзора о лжи исполнено.

Раскольническое же ученіе нигдѣже явѣ проповѣдуется, но втайнѣ, въ подклѣтѣхъ крыющися, ниже лицу нашему явитися смѣюще, и якоже нетопыри (мыши крылатыя), отъ свѣта дневнаго по щелѣхъ, сице они въ тайныхъ мѣстѣхъ, отъ насъ хоронящеся, учатъ, или, паче рещи, прельщаютъ простый народъ.

Убо ученіе ихъ нѣсть истинно, но ложно.

Ученіе истинное есть то, имъ же право толкуется Божественное Писаніе по самой истинѣ, а не лжею.

Брынскіи же лжеучители криво, а не право толкуютъ Божественное Писаніе, чесо ради и кривотолки нарицаеми суть.

Убо Брынское ученіе нѣсть истинное но ложное.

А яко Брыняне криво и ложнѣ толкуютъ Божественное Писаніе, изъявляется то отъ нѣкіихъ мѣстъ Писанія Божественнаго.

О ВѢРѢ НА ЗЕМЛИ.

Лгутъ раскольщики, сказующе, аки бы сихъ послѣднихъ временъ нѣсть уже вѣры на земли, аки бы уже погибе вѣра отъ земли. Сему же своему лжесловесію мнятся свидѣтельство имѣти отъ словесъ Христовыхъ, въ Евангеліи глаголющихъ сице: *Сынъ человѣческій пришедъ обрящетъ ли вѣру си на земли?* И наводятъ: понеже настоитъ время кончины міра, и близъ есть уже второе страшное пришествіе Христово, и на всякъ день, и на всяку нощь чаемъ Его; убо нѣсть уже нынѣ на земли вѣры, Господь бо пришедъ не обрящетъ вѣры.

Мы же прежде даже словесамъ Христовымъ толкованія взыщемъ, вопросимъ Брынянъ: рцыте намъ, о кривотолки! вѣсте ли извѣстно, яко настоитъ уже время втораго страшнаго пришествія Христова? и кто вамъ возвѣсти ту тайну, еяже *никтоже вѣсть, ни Ан-*

гели небесніи; *токмо Отецъ единъ?* Мы чаемъ по вся дни и нощи и на всякъ часъ пришествія къ намъ Господня, но еще не того страшнаго пришествія, имже пріидетъ судити живыхъ и мертвыхъ, и воздати комуждо по дѣломъ его; еще не того на всякъ часъ чаемъ времени, въ неже (по словеси Петра Апостола) *небеса съ шумомъ мимо идутъ*, *стихіи же сожигаемы разорятся*, *земля же*, *и яже на ней дѣла сгорятъ*; но чаемъ кождо своего смертнаго часа, въ оньже судъ Божій пріидетъ пояти душу отъ тѣла, въ кій часъ комуждо свое особое бываетъ о содѣянныхъ истязаніе; того часа на всякъ часъ ожидаемъ, якоже Самъ Господь, оберегая насъ, въ Евангеліи учитъ: будите готови, яко, въ оньже часъ не мните, Сынъ человѣческій пріидетъ. Чаемъ же и общаго страшнаго, хотящаго быти вторымъ Христовымъ пришествіемъ, суда, но не въ наши дни, не въ наше настоящее жизни время; развѣ на то отъ гробовъ нашихъ трубою архангельскою возбуждени будемъ. Аще бо и наста нощь та (осмую лѣтъ тысящу глаголю), въ нюже пришествію Женихову быти отъ святыхъ отецъ сказуется: но не у достигохомъ полунощія (полъ осмой тысящи лѣтъ); а Евангеліе святое извѣствуетъ, яко Женихъ грядетъ въ полунощи, воленъ же есть онъ и за полунощіе пробавити приходъ Свой, намъ же нынѣ въ живыхъ сущимъ, того времене и часа не дождать ходя, развѣ во гробѣ лежа. Вы же, сказующіи нынѣ уже быти во дни жизни нашея второму страшному Христову пришествію, и того ради не обрѣтатися на земли вѣрѣ глаголющіи, разсудите себѣ сіе: аще по вашему мнѣнію сего ради нѣсть вѣры на земли, понеже Христово второе страшное пришествіе приближися. Убо и отъ дней апостольскихъ не бѣ на земли вѣра; понеже еще Апостолъ Павелъ рече и написа: Господь близъ, ни о чесомъ же пецытеся; кое мѣсто Златоустъ Святый толкуя глаголетъ: уже судъ наста, не на долзѣ воздадутъ слово о содѣянныхъ ими; и паки: ничтоже пецытеся, уже яже воздаянія насташа. Се видите коль давно Господне приближшееся страшное пришествіе проповѣдуется, а вѣра святая отъ земли не истребляется; ибо и Павелъ святый Господа близъ приходяща сказуяй, вѣру святую въ концехъ земныхъ разсѣваше, и Златоустъ святый, суду и воздаянію настояти глаголавый, не сказоваше сего, яко нѣсть уже вѣры на земли, но и паче поучаше людей вѣры правыя и житія непорочнаго.

Вы же откуду то умствованіе взясте, еже не быти уже на земли вѣрѣ? понеже день Господня пришествія приближися? еда ли вы есте умняе святаго Апостола Павла и святаго Іоанна Златоустаго? еда ли вамъ Брынскимъ мужикамъ множае откры Богъ тайны Своя, неже онымъ великимъ Своимъ Угодникомъ и вселенныя Учителемъ? Тіи Господне второе страшное приближшееся пришествіе проповѣдающе вѣры святыя отъ земли не измещутъ, но и паче ю насаждаютъ и умножаютъ; выже приближшагося ради Христова втораго пришествія, прочь вѣру отъ всея земли изметаете, проповѣдающе межъ простымъ народомъ, яко нѣсть уже нынѣ вѣры на земли, понеже судъ Божій настоитъ.

Паки вопрошаемъ: рцыте намъ, о Брыняне! по всей ли земли, яже въ поднебеснѣй, нѣсть нынѣ вѣры, или токмо мѣстами? Аще по всей земли нѣсть вѣры, убо ни въ васъ; ибо и вы не на небѣ живете, но на земли. Аще же вы въ вашихъ пустынныхъ мѣстахъ мните вѣру имѣти, что убо возбраняетъ быти вѣрѣ и въ нашихъ мѣстахъ, во градѣхъ и селѣхъ? Аще бо вы внѣ церкве сущіи, таинствъ Духа Святаго чуждающіися, Тѣла и Крове Христовы гнушающіися, общенія церковнаго бѣгающіи, мнитеся имѣти вѣру,—кольми паче мы, внутрь Церкве сущіи, таинства Духомъ Святымъ навершаемая содержащіи, Тѣла и Крове Христовы причащающіися, Церкве Святыя яко члены тѣла,

главою Хрістомъ оживляемаго, придержащіися, уповаемъ несумнѣнно имѣти вѣру Святую, оправдающую ны и спасающую. Нѣсть вѣры въ тѣхъ, иже не вѣруютъ во Хріста Бога, каковы суть Турки, Татаре, Жидове и идолопоклонники, и каковы суть еретики, неправыи хрістіане, якоже вы, именемъ токмо Хрістовымъ нарицающіися, Самаго же Хріста чуждающіися; чуждаяйся бо Церкве Хрістовы, чуждается Хріста. Вправду убо нѣсть вѣры въ васъ, якоже и въ прочихъ невѣрныхъ и еретическихъ народахъ, обаче не по всей земли нѣсть вѣры; понеже не по всей земли Турки, Татаре, не по всей земли Жидове и идолопоклонники, не по всей земли еретики, неправыи Хрістіане Брыняне: но толь суть многіи, хрістіанстіи градове въ Великой Россіи, и въ Малой, и въ прочихъ странахъ, правовѣрно во Христа Бога вѣрующіи, и истинно Тому работающіи. Лжете убо, о раскольщики! сказующе не быти уже нынѣ на земли вѣрѣ.

Паки вопрошаемъ: по чему вы вѣсте не быти вѣрѣ на земли? еда ли вѣра въ лицахъ видимо по земли ходитъ? нѣсть ли Вѣра тайна человѣческаго сердца, якоже и Надежда, и Любовь, и иныя внутренніа недовѣдомыя въ сердцѣ крыемыя добродѣтели, яже никтоже вѣсть кромѣ единаго сердцевѣдца Бога? кто бо отъ человѣкъ вѣсть сердце человѣческое, вѣруетъ ли или не вѣруетъ въ Бога? И аще вѣруетъ; то како вѣруетъ, право ли или неправо? и аще не вѣруетъ, то чесо ради не вѣруетъ? Единъ токмо испытуяй сердца и утробы Богъ та вѣсть. Вы же, о Брыняне! человѣцы суще, а не бози, како вѣсте сердца наша, и сказуете не быти въ насъ вѣрѣ? Покажите намъ поне знаменіе таково, по коему бы мощно познавати, яко нѣсть въ насъ вѣры. Вѣмы отъ святаго Апостола Павла, по чесому въ человѣцѣ познавается вѣра? по сему: аще яже вѣруетъ сердцемъ, та и усты исповѣдуетъ: *сердцемъ вѣруется въ правду* (глаголетъ Апостолъ), *усты же исповѣдуется во спасеніе:* а идѣже устнаго исповѣданія вѣры нѣсть, тамо и въ сердцѣ не быти вѣрѣ познавается. Вы же не слышите ли въ насъ исповѣданія православныя вѣры? еда ли глухи есте, еже не слышати вамъ въ насъ по всѣхъ градѣхъ и весѣхъ, по всѣхъ святыхъ церквахъ исповѣдуемую и прославляемую благочестно Святую Троицу, Отца, и Сына, и Святаго Духа, единаго Бога? Уши имате и не слышите, и слышаще затыкаете уши свои, аки аспиды глухіи, еже не слышати православнаго нашего, отъ сердца усты произносимаго исповѣданія святыя вѣры; и есть вамъ тяжестно слышати наше правое вѣры исповѣданіе. А хотѣлисте бы весьма отъ насъ упразднити вѣру, якоже сатана отъ Петра; но не дастъ вамъ Богъ надъ нами сего сотворити, якоже не даде Хрістосъ сатанѣ сотворити надъ Петромъ, *рече бо: Симоне, Симоне! се сатана проситъ о васъ, дабы сѣялъ* васъ, *яко пшеницу; Азъ же молихся о тебѣ, да не оскудѣетъ вѣра твоя.*

О васъ же мы поистиннѣ рещи можемъ, яко нѣсть въ васъ вѣры, понеже знаменія явная видимъ безвѣрія вашего: ово яко чуждаетеся Хрістовы Церкве и всѣхъ церковныхъ таинствъ; ово же яко неправо исповѣдуете Святую Троицу, и хулите еретически Воплощеніе Хрістово, и иныя ваши безчисленные раздоры и расколы, и неправая мудрованія, и лжеучительства, и кривые толки показуютъ васъ и обличаютъ, яко не имате вѣры, но во многая еретическая безвѣрія падосте.

Словесъ же Господнихъ сихъ: *Сынъ человѣческій пришедъ, обрящетъ ли си вѣру на земли?* сказаніе сицевое: не рече Господь: яко пришедъ отнюдь не обрящетъ вѣры на земли; но обрящетъ ли? сіесть (по Θеофилактову толкованію) мало обрящетъ, понеже отъ антихристова мучительства умалятся вѣрніи. Мы же Θеофилактову толкованію лучше емлюще вѣру, нежели вашему раскольническому кривому толку, глаголемъ съ

дерзновеніемъ: лжете вы, о кривотолки; сказующе въ пришествіе Господне отнюдь не быти вѣрѣ на земли: кольми паче лжете не сказующе въ насъ нынѣ быти вѣрѣ, антихристу еще чувственно не пришедшу, и христіанству не умалившуся, и дню пришествія Господня не наставшу.

4. Вирши XVII и XVIII в. в.

I. Воззри съ прилежаніемъ тлѣнный человѣче,
Какъ вѣкъ твой проходитъ, а смерть недалече.
Готовися на всякъ часъ, рыдай со слезами,
Яко смерть тя восхититъ своими дѣлами.
Ангелъ же твой хранитель тебѣ извѣствуетъ,
Краткость жизни твоея перстомъ показуетъ.
Текутъ времена и лѣта во мгновеніе ока,
Солнце скоро шествуетъ на западъ съ востока.
Содержай мечь мщенія въ своей десницѣ,
Увѣщаетъ человѣче, тя глаголати сице:
Убойся сего меча, отселѣ покайся,
Да не посѣчетъ тя—зѣло ужасайся.
Пріидите вси людіе, въ вѣрѣ просвѣщенніи,
Пріидите во святой храмъ кротцы и смиренніи!
Молитву прилежно къ Богу возсылайте,
На сіе писаніе умильно взирайте,
Прочитай всякъ усердно, много прослезися,
Отъ многія ревности сердцемъ умилися,
Како смерть вземлетъ вся человѣки,
Пріемлетъ отъ міра въ вѣчные вѣки.

II. Плачуся и ужасаю,
Егда онъ часъ помышляю,
Какъ пріидетъ судья правый
Въ божествѣ своея славы
Судъ праведный судити
И страшный отвѣтъ творити.
Тогда земля потрясется,
Каменіе распадутся;
Тогда небеса погибнутъ
И звѣзды на землю спадутъ;
Рѣка огненна потечетъ,
И всяку тварь въ себѣ пожретъ.
Ангелы въ трубы затрубятъ,
Мертвыхъ отъ гробовъ возбудятъ,
И равны возрастомъ станутъ
Предъ тѣмъ судищемъ Христовымъ.
Ангели престолъ поставятъ,
Приходъ Судіи прославятъ;
Апостоли, вси пророцы,
Святители, мученицы,
Патріарси и праведніи,
Преподобніи и святіи
Около будутъ стояти,
На нечестивыхъ взирати:
Охъ какъ стерпимъ страха того,
Какъ явимся лицу его!
Тогда на всѣхъ возопіетъ,
А на грѣшныхъ отвѣщаетъ:
«Идите тамъ, проклятые,
До тьмы и муки вѣчныя!
Тамъ вамъ пропасть пекальная,
Бѣда и мука вѣчная.»
Того насъ, Христе, сохрани,
Отъ тѣхъ насъ мукъ избави,
Боже, отъ Дѣвы рожденный
И ко кресту пригвожденный!

III. Самъ я не знаю, якъ на свѣтѣ жити,
Бывши тѣломъ на свѣтѣ, Богу не грѣшити.
А я хощу жити и еще грѣшити,
А тутъ кажютъ умерти и въ гробѣ жити.
А я о смерти и не помышляю,
О спокутѣ (покаяніи) не мышляю, а ниже ся каю.
Солнце скоро зайде, заразъ положюся,
О сповѣди не мышлю, а на тежъ очкнуся,
Заря заріетъ, аль едва очкнуся,
И, вспомнивши на грѣхъ свой, слезами зальюся.

Ангелъ пытаетъ, и подъ бокъ торкаетъ,
Страшнымъ судомъ и вѣчнымъ душу ми ленкаетъ (пугаетъ),
Подобно онъ знаетъ, кто мя торкаетъ
Же страшная смерть на мя косу закладаетъ.
Постелютъ въ трунѣ (въ гробѣ), тѣсное ми ложе,
Душа страху наберется; охъ бѣда, небоже!..

НАРОДНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Б. ИСТОРИЧЕСКІЙ ПЕРІОДЪ.

1. ИСТОРИЧЕСКІЯ ПѢСНИ.

а. Романъ Дмитріевичъ и Марья Юрьевна.

Романъ князь, Митріевичъ младъ,
Поѣзжалъ онъ въ чисто поле
Сбирать дани за тѣ годы, за старые;
И унимаетъ его княгиня Марья Юрьевна:
«Душенька, Романъ князь, сударь Митревичъ!
Ни уѣдь ты въ далеко чисто поле
Сбирать тѣ дани, сударь, пошлины:
Какъ ночесь мнѣ, Марьѣ Юрьевнѣ,
Мало спалось, много видѣлось,
Много видѣлось, во снѣ грезилось:
Будто спалъ у меня, у Марьюшки, злаченъ перстень
Съ меньшова перста, съ мизеночка,
И разсыпался на мелкія зѣрнотка, на мушенки.
Тутъ изъ да́леча, дале́ча, изъ чиста поля
Прилегѣло стадо черныхъ вороновъ,
Расклевали мой, Марюьшкинъ злаченъ перстень.
Кто бы могъ мой сонъ теперь ро̀зсудить?»
Говоритъ князь Романъ, сударь Митріевичъ:
«Ты не плачь, княгиня Марья Юрьевна:
Юрьевна, ты лебедь бѣлая!
Я какъ съѣзжу въ далеко чисто поле,
Такъ сыщу тамъ много знахарей,
Что могутъ тебѣ разсудить твой сонъ».
Говоритъ княгиня Марья Юрьевна:
«Ты, душенька, Романъ князь, сударь Митревичъ,
Не надо мнѣ твоихъ много знахарей,
Я могу эготъ сонъ сама весь ро̀зсудить,
Какъ ты уѣдешь въ далече чисто поле,
Такъ изъ той земли, изъ бусурманскія,
Наѣдутъ многе поганы татарове
На трехъ червленыхъ новыхъ кора̀бляхъ:
Увезутъ меня княгиню Марью Юрьевну.»
Ничего князь Романъ не побаровалъ (sic)
И уѣзжалъ въ да̀лече чисто поле.
Въ ту пору, въ то время
Пріѣзжали поганы татарове
На трехъ червленыхъ новыхъ кора̀бляхъ.
Тутъ княгиня въ побѣгъ пошла:
Выходила изъ высока нова терема
На новыя сѣни,
Съ новыхъ сѣней на широкій дворъ,
Съ широкаго двора въ зеленый садъ.
Тамъ приздынула яблонь кудреватую,
И садилась подъ яблонь кудреватую.
А тѣ поганы татарове
Выѣзжали на крутой красенъ бережокъ,
Приходили въ высокъ теремъ:
Туто ходитъ Марьина протомойница,
Они туто взяли плеточки шелковыя,
Стали туто бить Марьину протомойницу:
«Ты скажи намъ, скажи, не утай—скажи,
Ты ли есть княгиня Марья Юрьевна?»

И говорила имъ Марьина протомойница:
«Я есть не княгиня Марья Юрьевна,
Я есть Марьина протомойница».
Они стали туто бить Марьину клюшницу:
«Ты скажи намъ, скажи, не утай—скажи,
Ты ли есть княгиня Марья Юрьевна?»
И говорила имъ Марьина клюшница:
«Я есть не княгиня Марья Юрьевна,
Я есть Марьина клюшница».
И стали они Марью отыскивать:
Выходили они изъ высока нова терема
На новы сѣни,
Со новыхъ сѣней на широкій дворъ,
Съ широка двора во зеленый садъ,
Приздынули тутъ яблонь кудреватую
И нашли княгиню Марью Юрьевну,
Стали Марьюшу допрашивать:
«Скажи: ты ли есть княгиня Марья Юрьевна?»
«Нѣтъ, я не княгиня есть Марья Юрьевна,
Я есть Марьина постельница».
Тутъ они брали плёточки шелковыя,
Стали ее бить, не жалѣючись,
И стали ее снова допрашивать;
«Скажи, скажи, не утай—скажи:
Ты ли есть княгиня Марья Юрьевна?»
Тутъ она и сказалась имъ:
«Я есть княгиня Марья Юрьевна».
Взяли они княгиню за бѣлы руки,
И вели на пристань корабельную,
И привезили къ Батышу на червленъ корабль:
Беретъ ее Батыша за бѣлы руки,
И цалуетъ княгиню въ сахарны уста,
Говоритъ княгиня Марья Юрьевна:
«Ой же ты, Батышъ царь Батурьевичъ!
Не цалуй ты меня въ сахарны уста,
Не скверни устовъ моихъ сахарныхъ,
Когда привезешь въ землю басурманскую....»
Онъ и бралъ ее за ручки бѣлыя,
И за тѣ ли перстки злаченыя
И увозилъ на червленомъ караблѣ
За сине-море, за соленое.
И ушелъ Батышъ на тихи-мелки заводи
Стрѣлять гусей, бѣлыхъ лебедей,
Маленькихъ пернатыхъ сѣрыхъ уточекъ;
Пойдучи матери наказывалъ:
«Дай ей нянюшекъ, служаночекъ,
Ежели она закручинится».
Она сидѣла у окошечка косивчата,
Глядѣла въ околенку стекольчату,
Вотъ мать его идетъ спрашиваетъ:
«Что ты сидишь у окошечка у кошивчата,
Чего плачешь, уливаешься?»
«Сегодня у меня, на Руси, великъ праздникъ,
Великъ праздникъ — Свѣтло Христово Воскресеніе;
Гуляютъ жены христіанскія,
Купеческія, министерскія, крестьянскія,
И послѣднія жены солдатскія,
И голи кабацкія;
А я сижу у окошечка,
Проливаю свои слезы горючія».
Мать дала ей нянечекъ, служаночекъ въ сады гулять
И дала напитковъ всякихъ разныехъ,
Она напоила нянекъ до пьяна,
Что няньки лежатъ сами безъ себя.
Пришла Марья на гору высокую,
Скидавала свое платье, цвѣтное,
Надѣвала на лѣсиночку.
И пошла съ горы,
Ей на встрѣчу быстра рѣка.
И быстра рѣка идетъ,
Что громъ гремитъ,
И взмолилась Марья быстрой рѣкѣ:
«Ой же ты, мать, Дарья-рѣка!
Сдѣлайся по женскимъ перебродищамъ;
Станьте переходы узкіе, переброды мелкіе,
Пропусти меня Марью Юрьевну!
И рѣка Марью послушалась:
Сдѣлалась по женскимъ перебродищамъ;
Перебрѣла она черезъ быстру рѣку,
Пошла она впередъ попадать
И пришла ей больше того рѣка.
Она видитъ, что перейти нельзя:
Смотритъ, плаваетъ на другой сторонѣ колода бѣлодубова
И взмолится Марья той колодѣ бѣлодубовой:
«Ой же ты, колода бѣлодубова!
Перевези меня черезъ быстру рѣку,
А выйду на Святую Русь,
Вырѣжу тебя на мелки кресты,
На чудны образы

И вызолочу червоннымъ краснымъ золотомъ».
И колода ее послушалась:
Перевезла ее черезъ быстру рѣку.
И пришла Марья Юрьевна
Къ Роману Митріевичу,
Сама взговоритъ таковы рѣчи:
«Ой еси, ты Романъ, князь Митріевичъ!
Вывеземъ мы колоду бѣлодубову
На святую Русь,
Вырѣжемъ на мелки кресты
И на чудны образы,
И вызолотимъ червоннымъ краснымъ золотомъ».
И вывезли ту колоду бѣлодубову
На святую Русь
И вырѣзали на мелки кресты,
И на чудны образы,
И вызолотили червоннымъ краснымъ золотомъ
И разослали по церквамъ.

(Пѣсни Якушкина, стр. 66—68, 64—66).

б. Свадьба Грознаго.

Приутихло-приуныло море синее,
Глядучись-смотрючись со черныхъ кораблей,
И со тѣхъ марсовъ карабельныихъ
И со тѣхъ трубочекъ подзорныихъ
И на тѣ на круты красны бережки.
Приутихли-приуныли круты красны бережки,
Глядючись-смотрючись съ черныхъ кораблей,
И со тѣхъ марсовъ корабельныихъ,
И со тѣхъ трубочекъ подзорныихъ,
И на тѣ на горы высокія,
И на тѣ на поля зеленыя.
Приутихли-приуныли поля зеленыя,
Глядючись-смотрючись на государевъ дворъ,
Преставляется царица благовѣрная,
Молодая Софья дочь Романовна:
Въ головахъ сидятъ два царевича,
Въ ногахъ сидятъ млады двѣ царевны,
Супротивъ стоитъ самъ Грозенъ царь,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ.
Говоритъ царица таковы рѣчи:
«Ужь ты слушай, царь, послушай-ко,
Что я тебѣ царица повыскажу:
Не будь ты яръ, будь ты милостивъ,
До своихъ до младыхъ двухъ царевичевъ;
Когда будутъ они во полномъ умѣ
И во твердомъ будутъ разумѣ,
Тогда будетъ оборона отъ новыхъ земель.
Еще слушай, царь, ты послушай-ко:
Когда будутъ дѣвицы въ полномъ умѣ,
Во полномъ умѣ, въ твердомъ разумѣ,
Ты тогда отдавай дѣвицъ за мужъ.
Еще слушай, царь, ты послушай-ко:
Что я тебѣ царица повыскажу,
Не будь ты яръ, будь ты милостивъ
До своихъ князей, до своихъ думныхъ бояръ,
И до того ты до дядюшки любимаго,
И до своего ты до крестнаго батюшки,
До того Богдана Сирскаго:
И тутъ твоя дума крѣпкая!
Еще слушай, царь, ты послушай-ко:
Не будь ты яръ, будь ты милостивъ
До своихъ солдатушокъ служащіихъ:
И тутъ твоя сила вѣрная!..
Еще слушай, царь, ты послушай-ко:
И не будь ты яръ, будь ты милостивъ
До всего народу православнаго.
Еще слушай, царь, ты послушай-ко,
Что я тебѣ царица принакажу.
Принакажу и повыскажу.
Когда я, царица, преставлюся,
Не женись ты, царь, въ проклятой Литвѣ,
На той ли Марьѣ Темрюковнѣ,
А женись ты, царь, въ каменной Москвѣ,
На той Супавѣ татарскіе,
Хоша есть у ней много приданаго,
Пановей, улановей и злыхъ поганыхъ Татаровей,
Есть у ней брателко родимое,
Молодой Кострюкъ сынъ Темрюковичъ».
И тутъ царица преставилась.
Тутъ царицѣ славу поютъ.
Прошло времени три мѣсяца,
Похотѣлъ сударь Грозенъ царь,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
И покатился онъ во ту ли матушку проклятую Литву,
Покататися и женитися

На той на Марьѣ на Темрюковнѣ.
Онъ не слушалъ своего крестнаго батюшки,
И того Богдана Сирскаго,
Пріѣзжалъ онъ скоро въ прокляту Литву,
И бралъ онъ Марью Темрюковну
И со тѣмъ со брателкомъ родимымъ,
Кострюкомъ Темрюковичемъ.
Отправлялся онъ изъ проклятой Литвы.
Не дошелъ онъ матушки каменной Москвы,
Равномѣрныхъ верстъ пятисотныихъ:
За сто верстъ становилъ онъ свою силу армію,
И сходилъ онъ скоро со добра коня,
И бралъ онъ чернильницу вольянскую,
И бралъ перо лебединое,
И бралъ бумагу-листъ гербовыя,
И писалъ онъ скоро посоленъ листъ,
И посоленъ листъ на золотъ столъ,
Своему дядюшкѣ любезному
И крестному батюшку Богдану Сирскому:
«Дядюшка Богданъ ты мой Сирскій!
Стрѣнь ты меня съ честью и съ радостью,
И со тѣмъ пѣтьемъ божьимъ церковныимъ,
И со тѣмъ со звономъ колокольныимъ,
Со той пальбой пушечной».
Отправлялся его скорой гонецъ,
Скорой гонецъ и скорой посолъ.
Не стрѣтилъ его дядюшка любимый
За сто верстъ;
Не дошелъ онъ матушки каменной Москвы
Равномѣрныхъ верстъ пятисотныихъ,
За двадцать за пять становилъ онъ свою силу-армію,
Отправлялъ скоро гонца,
Скора гонца и скора посла,
Чтобы чистить улицы широкія,
Исправить фатеры дворянскія,
Гдѣ стоять моей силѣ-арміи,
И приваливалъ онъ въ матушку камену Москву.
И не стрѣтилъ его любезной дядюшка,
И тотъ Богданъ Сирскій.
Не съ пѣтьемъ божьимъ-церковныимъ,
И не съ тѣмъ звономъ колокольнымъ,
Не съ той пальбой пушечной
Заѣзжалъ сударь грозенъ царь,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
И во ту церковь божію,
Принималъ златы вѣнцы
И со той Марьей Темрюковной.
На той на радости великія
Заводилъ онъ почестенъ пиръ,
На всѣхъ на князей, на думныхъ бояръ,
На сильныхъ могучихъ богатырей.
Солнышко идетъ къ западу,
И къ западу идетъ ко закату,
А почестенъ пиръ на весело,
И всѣ въ пиру пьяны-веселы.
Говоритъ ему шуринъ любимой,
Молодой Кострюкъ сынъ Темрюковичъ:
«Ай ты мой зятюшко любезный!
Грозенъ ты царь, Иванъ Васильевичъ!
Есть ли у васъ въ каменной Москвѣ
Борцы-молодцы пріученые,
Кабы мнѣ съ ними поборотися?»
Требовалъ сударь грозенъ царь,
Грозенъ царь Иванъ Васильевичъ.
Борцей-молодцей не случилося,
Только случился Васенька хромоногенькой,
На лѣву ножку онъ припадываетъ,
По двору прихрамываетъ
И ко двору государеву придвигается,
И входитъ въ палаты царскія.
И говоритъ Кострюкъ сынъ Темрюковичъ
Своему зятелку любезному:
«Чортъ у васъ, не борцы-молодцы
И не пріученые.»
Говоритъ Вася хромоногенькой:
«Ай же ты сударь-таки грозенъ царь!
Ежели Богъ пособитъ, Никола поможетъ
Кострюка побороть,
Изъ платья вонъ его вылупить,
И по двору его нага спустить.»
Говоритъ сударь грозенъ царь,
И грозенъ царь Иванъ Васильевичъ:
«Ежели бы тебѣ Богъ помогъ,
И Никола пособилъ Кострюка побороть,
Изъ платья вонъ его вылупить,
И по двору нага пустить:
Пятьдесятъ рублей тебѣ жалованья.»
На лѣвую ножку онъ, Вася, припадывалъ,

А правой ножкой подхватывалъ,
И металъ Кострюка о кирпичной полъ,
На брюхѣ его кожа треснула,
На хребтѣ его кожа лопнула,
Изъ платья онъ его ногой вылупилъ.
Не Кострюкъ былъ Темрюковичъ,
Да и не брателко-то ей былъ родимое—
Была поляница удалая.
Бралъ царь свою Марью Темрюковну,
И велъ онъ въ далече чисто поле,
Стрѣлялъ онъ ей въ ретиво сердце;
Тутъ ей и славу поютъ.
Тогда слушалъ онъ своего дядюшку любезнаго,
И Богдана того Сирскаго,
И женился онъ въ каменной Москвѣ,
Въ каменной Москвѣ, на святой Руси.
(Сборн. Якушкина въ лѣтоп. рус. лит. 1859 г. к. 2.)

в. Былина объ Иванѣ Грозномъ.

Грозенъ былъ воинъ царь нашъ батюшка.
Первый царь Иванъ Васильевичъ.
Сквозь дремучій лѣсъ съ войскомъ-силою
Онъ прошелъ въ страну татарскую,
Себѣ царство взялъ казанское,
Государство астраханское;
Вывелъ Перфила изъ Новагорода,
Не вывелъ измѣну въ каменной Москвѣ:
То царское сердце разгоралося
Пуще огня, пуще полымя.

Вотъ сказалъ онъ рѣчью громкою:
У меня есть-де всяки мастеры,
Есть такіе разны дохтуры,
Но всѣ прячутся старый за малаго,
И хоронятся малый за стараго;
А одинъ изъ нихъ лишь не прячется—
То Малюта палачъ, то Гурбатовъ сынъ.
Ну, поди-ка сюда гой Гурбатовъ сынъ!
Сослужи-ка небось службу вѣрную,
Службу вѣрную, неизмѣнную.
Во палаты ступай въ царски-каменны,
Взявъ царевича тамъ за черны кудри,
Распоясни съ него шелковый поясъ,
Золотой перстень сними съ правой руки;
Отведи самого на Москву на рѣку
Впрямь на мѣсто на то мѣсто лобное
И на плаху на ту что на липову,
И сними тамъ съ него буйну голову,
А мнѣ къ явкѣ подай саблю вострую,
Саблю вострую въ горючей его рудѣ.

И увидѣлъ то Ѳедоръ Ивановичъ,
Ѳедоръ Ивановичъ—Пожарскій сынъ,
Изъ косящета изъ окошечка;
Пропустивши царя вдоль по улицѣ,
Вдоль по улицѣ, вдаль отъ терема,
Какъ воскликнетъ онъ ко Гурбатову:
Охъ ты гой еси Гурбатовъ палачъ,
Не за свой ты кусь принимаешься,
Самъ кускомъ такимъ подавишься.
И Пожарскій позвалъ слугу вѣрнаго,
Слугу вѣрнаго своего стряпчаго,
Своего стряпчаго что не лучшаго,
Что не лучшаго своего ключничка:
На, сними, онъ пробаялъ, съ него голову,
Снеси саблю къ царю въ горючей рудѣ,
А къ царевичу не причаствуйся.

Вотъ на утро царь Иванъ Васильевичъ
На поминки собралъ поголовно народъ,
Онъ бояръ повелѣлъ въ медвѣжны вшивать,
Въ медвѣжны вшивать, по Москвѣ-рѣкѣ пущать,
А поповъ приказалъ во кули зашивать,
Во кули зашивать, по Москвѣжъ-рѣкѣ пущать:
Что царевича не защуняли.

Вотъ съѣзжаются всѣ въ платьѣ чернымъ,
Въ платьѣ чернымъ, во печальнымъ,
А ѣдетъ лишь Ѳедоръ Ивановичъ,
Ѳедоръ Ивановичъ—Пожарскій сынъ,
Пожарскій сынъ во нарядѣ цвѣтномъ,
Во нарядѣ цвѣтномъ, въ яркомъ золотѣ,
И кони его всѣ обряжены,
Всѣ обряжены что не лучшія,
А веселье въ самомъ такъ и свѣтится.

Вотъ увидѣлъ то царь Иванъ Васильевичъ:
Какъ воскликнетъ онъ громкимъ голосомъ:
Ой ты гой еси Ѳедоръ Ивановичъ,

Өедоръ Ивановичъ, Пожарской сынъ!
Аль объ горѣ моемъ ты не свѣдался,
Что срядиться посмѣлъ словно въ радостный пиръ?
А Пожарской сынъ отвѣчаетъ царю:
Я, батюшка царь, все въ отлучкѣ гулялъ,
Все въ отлучкѣ гулялъ за охотою,
И поймалъ сокола что не лучшаго,
Что не лучшаго тебѣ ближняго:
То сына тебѣ роднаго.
И возрадовался царь, и отвѣтилъ ему:
Ужъ ты гой еси, Өедоръ Ивановичъ,
Өедоръ Ивановичъ—Пожарской сынъ!
Вѣдь не мнѣ бы царемъ, а тебѣ должно быть—
Ты умѣлъ соблюсти царски сѣмены.

г. Ермакъ Тимофеевичъ.

Какъ на славныхъ на степяхъ было саратовскихъ,
Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Камышина,
Собирались казаки-други, люди вольные,
Собирались они, братцы, во единый кругъ:
Какъ донскіе, гребенскіе и яицкіе;
Атаманъ у нихъ Ермакъ, сынъ Тимофеевичъ,
Есаулъ у нихъ Асташка, сынъ Лаврентьевичъ.
Они думали думушку все единую:
Ужъ-какъ лѣто проходитъ, лѣто теплое,
А зима настаетъ, братцы, холодная,
Какъ и гдѣ-то намъ, братцы, зимовать будетъ;
На Яикъ намъ идтить, да переходъ великъ,
Да на Волгѣ ходить намъ, все ворами слыть,
Подъ Казань градъ идтить, да тамъ царь стоитъ,
Какъ грозной-та царь Иванъ Васильевичъ;
У него тамъ силы много-множество,
Да тебѣ Ермаку быть тамъ повѣшену,
А намъ казакамъ быть переловленнымъ,
Да по крѣпкимъ по тюрьмамъ поразсоженнымъ.
Какъ не золотая трубушка вострубила,
Не серебряная рѣчь громко возговоритъ,
Рѣчь возговоритъ Ермакъ сынъ Тимофеевичъ:
Гей вы думайте, братцы, вы подумайте,
И меня Ермака, братцы, послушайте:
Зазимуемъ мы, всѣ братцы въ Астрахани,
А зимою мы, братцы, поисправимся,
А какъ вскроется весна красная,
Мы тогда-то, други братцы, во походъ пойдемъ,
Мы заслужимъ передъ грознымъ царемъ вину свою:
Какъ гуляли мы, братцы, по синю морю,
Да по синему морю по Хвалынскому,
Разбивали мы, братцы, бусы, корабли,
Какъ и тѣ-то корабли, братцы, не орленые,
Мы убили посланничка все царскаго,
Какъ того-то вѣдь посланничка персидскаго.
Какъ во славномъ было городѣ во Астрахани,
На широкой, на ровной было площади,
Собирались казаки други во единой кругъ,
Они думали думу крѣпкую,
Да и крѣпкую думушку единую:
Какъ зима-то проходитъ все холодная,
Какъ и лѣто настаетъ, братцы, лѣто теплое,
Да пора ужъ намъ, братцы, во походъ идтить;
Рѣчь возговоритъ Ермакъ Тимофеевичъ:
Ой вы гой еси братцы атаманы молодцы,
Эй вы дѣлайте лодочки коломенки,
Забивайте вы кочета еловые,
Накладайте бабаички сосновыя,
Мы поѣдемте, братцы, съ Божьей помочью,
Мы пригрянемте, братцы, вверхъ по Волгѣ по рѣкѣ,
Перейдемъ мы, братцы, горы крутыя,
Доберемся мы до царства бусурманскаго,
Завоюемъ мы царство сибирское,
Покоримъ его мы, братцы, царю бѣлому,
А царя-то Кучума въ полонъ возьмемъ,
И за то-то государь царь насъ пожалуетъ.
Я тогда-то пойду самъ ко Бѣлу Царю,
Я надѣну тогда шубу соболиную,

Я возьму кунью шапочку подъ мышечку,
Принесу я Царю бѣлому повинную:
Ой-ты гой еси надежа православный Царь,
Не вели меня казнить, да вели рѣчь говорить.
Какъ и я-то Ермакъ, сынъ Тимофеевичъ:
Какъ и я-то воровской донской атаманушка;
Какъ и я-то гулялъ вѣдь по синю морю,
Что по синю морю по Хвалынскому;
Какъ и я-то разбивалъ вѣдь бусы, корабли,
Какъ и тѣ-то корабли все не орленые:
А теперича, надежда православный Царь,
Приношу тебѣ буйную головушку,
И съ буйной головой царство сибирское.
Рѣчь возговоритъ надежа православный Царь,
Какъ и грозный-то Царь Иванъ Васильевичъ:
Ой-ты гой еси Ермакъ сынъ Тимофеевичъ,
Ой-ты гой еси войсковой донской атаманушка,
Я прощаю тебя да и со войскомъ твоимъ,
Я прощаю тебя да за твою службу,
За твою-то ли службу мнѣ за вѣрную,
И я жалую тебѣ, Ермакъ, славной тихой Донъ.

д. Пѣсня объ осадѣ Соловецкаго монастыря.

Что во сильноемъ было царствѣ,
Во москвоскимъ государствѣ,
Переборъ былъ болярамъ,
Пересмотръ былъ воеводамъ,
Изъ бояръ ти вобирали,
Въ воеводы сажали
Кзязя Петра Алексѣева,
По фамиліи Салтыкова.
Посылаетъ государь царь
Ко Изосиму и Саватію,
Къ соловецкіимъ чудотворцамъ,
Монастырь разорити,
Старую вѣру порудити
И всѣхъ старцовъ прерубити.
Какъ возговоритъ воевода:
«И нельзя, государь, подумать
На мѣсто святое,
На игумена честнова
Изосима Саватія,
Соловецкіевъ чудотворцовъ.»
Государь царь прогнѣвался:
«Ты добро, добро, воевода;
Прикажу тебя казнити,
Руки ноги петерити
Буёную голову отрубити,
Въ чистое поле пометати.»
Воевода испужался:
«Не вели, государь, казнити,
Вели слово говорити.
Ты давая силы много
И стрѣльцовъ, и солдатовъ.»
Какъ садился воевода
Въ легки онски корабельцы,
Возставала же погода
Съ полуденной сторонки,
Приносила же погода
Къ монастырю святому,
Ко игумену честному,
Ко Изосиму Саватію,
Соловецкимъ чудотворцамъ.
И стали они стрѣляти,
Стали ружія заряжати;
И стрѣляетъ воевода
Въ соборную божію церковь,
Сбиваетъ воевода
Богородицу съ престола.
И всѣ старцы испужались,
Во едину церковь собирались,
Возлѣ стѣнъ они ходили,
Сами Богу ся молились
И просили они сроку
На три дни на три нощи.
Монастырь разорили,
Старую вѣру поруцили,
И всѣхъ старцовъ прерубили,
Старыя книги изорвали,
Въ синее море пометали,
И во вѣки вѣкомъ аминь.

(Лѣтописи русской литер. кн. 6, 1859 г.)

в. Украинскія думы.

1) ПОБѢГЪ ТРЕХЪ БРАТЬЕВЪ ИЗЪ АЗОВА.

Изъ города изъ Азова не великіи туманы вставали,

Три брата родненькихъ зъ тяжкой неволи втекали (утекали).
Два конныхъ, третій пѣшій за ними подбѣгае,
На сыре коренья, на бѣле каменья
Ножки свои козацькіи посѣкае, кровью слѣды заливае,
До конныхъ братовъ добѣгае, словами промовляе:
«Станьте вы, братця! коней попасѣте, мене подождѣте»,
Зъ собою возьмѣте, до городовъ хрестяньскихъ подвезѣте.
То середульшій (средній) тое зачувавъ, старшаго пытавъ;
То старшій ему словами промолвявъ:
—Чи ще-жъ тобѣ не далася тяжкая неволя знати?—
Якъ будемъ мы брата дожидати,
Буде насъ погонь доганяти, буде насъ стреляти, рубати,
«Або (либо) въ тяжкой роботѣ будемъ пропадати».—
—Коли-жъ мене, братця, не хочете ждати—
Ставъ меньшій промовляти—
То прошу васъ, братця, на праву сторону звертайте,
Шабли изъ похвъ (ноженъ) винимайте, тѣло мое порубайте,
Въ чистомъ степу (степи) поховайте (похороните),
Звѣрю да птицѣ на поталу (покормку) не дайте.—
То середульшій тое зачувавъ,
Словами промовлявъ:
Сего, брате, изъ-роду ни где не чували,
Що-бъ родною кровью шабли обмывали.
Або гострымъ списомъ (пикой) о прощеньє брали.—
Коли-жъ не хочете, братця, мене рубати,
То прошу васъ, братця, якъ будете до байраковъ прибувати,
Терновп вѣтки въ заполье рубайте,
Менѣ признаку покидайте!.
То яже два казаки въ байраки въѣзжае;
Середульшій братъ милосердіе мае:
Верховѣтья у терновъ зтинае (сѣкаетъ),
Меньшому брату примѣту покидае.
А якъ стали на Муравській шляхъ въѣзжати,
Нѣчѣмъ ему признаковъ покидати;
Вонъ (онъ) червону китайку изъ подъ жупана выдирае,
По шляху розкидае, меньшому брату примѣту заставляе.
То якъ ставъ пѣшеходецъ зъ терновъ выходити,
Ставъ червону китайку находити:
У руки хватае, дробными слезами обливае.
Не дурно (не даромъ sic) промовляе, червона китайка пошляху валяе,
Мабуть (можетъ быть) за ними зъ города Азова погоня вставала,
Мене въ тернахъ наспочивѣ минала,
Братовъ моихъ доганяла, стреляла, рубала!
Колибъ мене Богъ
Милосердый помогъ
Тѣло козацьке находити,
Въ чистомъ степу хоронити!»
Що одно безводье, друге безхлѣбье;
Третье буйный вѣтеръ въ полѣ повѣвае;
Бѣдного козака зъ ногъ валяе.....
—«Ой годѣ-жъ менѣ за конными братами уганяти,
Часъ менѣ козацкимъ ногамъ польгу (льготу) дати!»
То тее промовлявъ, до Саворъ-могилы прибувавъ,
Подъ Саворъ-могилою спочивавъ.
Въ той часъ сизы орлы налетали,
Пильно (пристально) въ очи козакови заглядали.
Козакъ тое забачае,
Словами промовля:
«Орлы сизо-перы,
Гости мои милы!
Прошу я васъ тогда налегати,
Зъ лобу очи менѣ высмыкати (дергать),
Якъ не буду я свѣта Божого видати...»
То тое промовлявъ,
За часъ, за годину милосердому Богу душу оддавъ.
Тогда орлы налетали, зъ лобу очи высмыкали,
Тогда ще и дробна птиця налетала,

Коло жовтой кости тѣло оббирала.
Вовки-сѣроманьци (волкъ-сѣрякъ) набѣгали, тѣло казацьке рвали,
По тернахъ, по балкахъ жовту кость жваковали (съѣдали),
Жалобненько квилили прогквиляли:
То-жъ воны казацькіи похороны одправляли!
Де-ся взялась сиза зозуленька,
Въ головкахъ сѣдала, жалобно кувала;
Якъ сестра брата, або мати сына оплакала.—
Стали конны браты до городовъ хрестяньскихъ дохожати,
Стала къ ихъ сердцамъ велика туга налягати.
То середульный братъ до старшого брата словами промовляе:
Не дурно къ нашимъ сердцямъ велика туга налягае:
Мабуть нашого брата живаго на свѣтѣ немае!
Якъ будемо, брате, до отца и матери прибувати?
Якъ будутъ воны насъ пытати, то що станемо казати?
То старшій братъ тее зачувае,
До середульшаго словами промовляе:
«Скажемъ: не въ одного пана въ неволѣ бували,
Ночной добы (поры) зъ неволи втекали,
Его соннаго будили не збудили,
Тамъ его въ неволѣ и зостановили!»
То середульшій братъ тое зачувае,
До старшого брата словами промовляе:
Якъ не будемъ отцю и матери правды казати,
То буде насъ отцевська и материньска молитва карати.
Тоди старши браты на поля Самарьски выѣзжають,
Надъ рѣчькою Самарською опочивку собѣ мають,
Коней попасають.
Въ той часъ безбожныи бусурманы набѣгали—
И тыхъ двухъ братовъ порубали,
Тѣло казацьке карбовали (изрубили)
Въ чистомъ полѣ розкидали,
Головы на шабли вздынмали, довго глумовали.

2) черноморская буря:

На Чорному морѣ на бѣлому камнѣ
Ясненькій соколъ жалобно квилить, проквиляе,
Смутно себе мае, на Чорнее море спильна поглядае,
Що на Чорному морю недобре ся-почипнае,
Що на небѣ усѣ звѣзды пошмарило (помрачило),
Половину мѣсяца въ хмары (тучи) вступило.
А изъ низу буйный вѣтеръ повѣвае,
А по Чорному морю супротивна хвиля (волны) вставае,
Судна козацьки на три части розбивае.
Одну часть взяло—въ землю Агарьску занесло,
Другу часть горло (устье) Дунайське пожерло,
А третя-где ся-мае?—въ Чорному морю потопае.
При той части бувъ Грицько Зборовській
Отаманъ козацькій Запорозській,
Той по судну похожае, словами промовляе:
Хто-сь межь нами, панове, великій грѣхъ на собѣ мае!
Що-сь дуже злая хуртовина (буря) на насъ налягае.
Сповѣдайтесь, панове, милосердому Богу,
Чорному морю, и менѣ Отаману Кошовому;
Въ Чорнее море, впадѣте,
Войска Козацькаго не губѣте!»
То козаки тое зачували, усѣ замовчали,
Бо во грѣхахъ себе не знавали.
Тольки обозвався писарь Войськовый, козакъ лестровый,
Пирятиньскій, поповичь Олексѣй:
Добре вы, братця, вчинѣте (сдѣлаете), мене самого возьмѣте,
Менѣ черною китайкою очи завяжѣте,
До тіи бѣлой камень причепѣте,
Да и у Чорнее море зопхнѣте!

Нехай буду одинъ погибати,
Козацького войська не збавляти!»
То казаки тее зачували, до Олексѣя поповича промовляли:
«Ты жъ святее письмо въ руки беретъ, читаетъ,
Насъ простыхъ людей на все добре наставляетъ,
Якъ-же найбольше объ насъ на собѣ грѣховъ маетъ?
— Хоча святее письмо я читаю,
Васъ простыхъ людей на все добре наставляю,
А я все самъ не добре починаю.
Якъ я изъ города зъ Пирятина, панове, выѣзжавъ,
Опрощенья зъ пан-отцемъ и зъ паниматкою не бравъ,
И на свого старшого брата великій гнѣвъ покладавъ,
И близькихъ сусѣдовъ хлѣба и соли безневинно збавлявъ,
Дѣти малыи, вдовы старыи стремнямъ въ груди товкавъ,
Безпечне по улицамъ конемъ гулявъ,
Противъ церкви, дому Божого проѣзжавъ,
Шапки зъ себе не снимавъ, хреста на себе не клавъ.
За те я, панове, великій грѣхъ маю, теперъ погибаю!
Не есть се, панове, по Чорному морю хвиля вставае,
А есть се-мене отцевська и материнська молитва карае!
Колибъ мене сяя хуртовина злая въ море не втопила,
Объ смерти молитва боронила:
То знавъ бы я отца и матеръ тановати, поважати,
То знавъ бы я старшого брата за родного отца почитати,
И сестру родненьку за неньку (тетушку) у себе мати!»—
То якъ ставъ поповичъ Олексій грѣхи свои сповѣдати,
То стала злая хуртовина по Чорному морю стихати,
Судна козацьки до-горы (вверхъ) якъ руками подоймала,
До Тентрева острова прибивала.
То всѣ тогди козаки дивомъ дивовали,
Що по якому Чорному морю, по быстрой хвилѣ потопали,
А ни одного козака зъ межы войська не втеряли!—
Отъ-же тогди Олексѣй Поповичъ изъ судна выхожае,
Бере святее письмо въ руки, читае,
Усѣхъ простыхъ людей на все добре научае, до казаковъ промовляе.
От-тымъ бы то, треба, людей поважати,
Пан-отця и пани-матку добре пановати;
Бо который человѣкъ тее уробляя (дѣлаетъ),
Повѣкъ той счастье собѣ мае,
Смертельный мечъ того минае:
Отцева и матчина молитва зо дна моря вынмае,
Одъ грѣховъ смертельныхъ душу одкупляе,
На полѣ и на морѣ на помочъ помагае.

3) походъ на поляковъ

(въ переводѣ Максимовича),

Вотъ пошли козаки на четыре поля,—что на четыре поля, а на пятое на Подолье. Что однимъ полемъ, то пошелъ Самко Мушкетъ, а за Паномъ Хорунжимъ мало-мало не три тысячи, все храбрые товарищи Запорожцы—на коняхъ гарцуютъ, саблями поблескиваютъ, бьютъ въ бубны, Богу молитвы возсылаютъ, кресты налагаютъ.

А Самко Мушкетъ—онъ на конѣ не гарцуетъ, коня сдерживаетъ, къ себѣ притягиваетъ,—думаетъ, гадаетъ... Да чтобы сто чертей бѣдою пришибли его душу, гаданье! Самко Мушкетъ думаетъ, гадаетъ, говоритъ словами:

А что какъ наше казачество, словно въ аду, Ляхи спалятъ? да изъ нашихъ казацкихъ костей пиръ себѣ на похмѣлье сварятъ?...

А что какъ наши головы казацкія по степи-полю полягутъ, да еще и родною кровью омоются, пощепанными саблями покроются?...

Пропадетъ, какъ порохъ изъ дула, та козацкая слава, что по всему свѣту дыбомъ стала,—что по всему свѣту степью разлеглась,—Туречинѣ да Татарщинѣ добрымъ лихомъ знать далась,—да и Ляхамъ ворогамъ на копье отдалась?

Закрячетъ воронъ степью летучи,
Заплачетъ кукушка лѣсомъ скакучи,
Закуркуютъ сизые кречеты
Задумаются сизые орлы—
И все, все по своихъ братьяхъ,
По буйныхъ товарищахъ козакахъ!...

Или ихъ сугробомъ занесло, али въ аду потопило: что не видно чубатыхъ—ни по степямъ, ни по лугамъ, ни по Татарскимъ землямъ, ни по Чернымъ морямъ, ни по Ляшскимъ полямъ?

Закрячетъ воронъ, загруетъ, зашумитъ, да и полетитъ въ чужую землю... Анъ нѣтъ! кости лежатъ, сабли торчатъ; кости хрустятъ, пощепанныя сабли бренчатъ...

«А черная, сивая сорока оскалилась и скачетъ...

А головы козацкія—словно отецъ Семенъ шкуру потерялъ! А чубы—словно чортъ жгуты повилъ: въ крови всѣ засохли: то-то и славы набрались!

Вотъ пошли козаки на четыре дороги,—что на четыре дороги, а на пятое на Подолье. Что однимъ полемъ—то пошелъ Самко Мушкетъ, а другимъ полемъ Степанъ Кукуруза; какъ сизая голубка, свою буйную повѣсилъ. А за нимъ идутъ мало-мало не три тысячи, все храбрые товарищи Запорожцы: на коняхъ гарцуютъ, сабельками поблескиваютъ, бьютъ въ бубны, Богу молитвы возсылаютъ, кресты полагаютъ, къ Степану Кукурузѣ такія слова говорятъ:

—Живъ ли ты, здоровъ ли, Панъ Степанъ? Или ты умеръ, что твою головушку какъ дубомъ пришибло къ землѣ? Раздумье не въ поминанье! Когда-жъ нибудь да надо по насъ поминки творить. Какъ по насъ, Пане! старыя бабы станутъ въ полѣ свистѣть; а по тебѣ, Пане, молодыя дѣвицы начнутъ голосить!—

—«Да то все одинако, что Якимъ, что Яковъ! Вотъ какъ дойдемъ до пятаго яра, то хоть и середь лѣта—зашумитъ, загудетъ не-приведи Богъ-буря... Будетъ и нашимъ бѣда, какъ куковала кукушка степью летучи, лѣсомъ скакучи. Что она куковала, то правду говорила. Налетятъ орлы сизые, станутъ горевать; а вороны налетятъ, станутъ добычи ждать, поджидать. Вотъ какъ налетятъ тѣ кукушки, что насъ не забыли... Что жидъ, а что дѣдъ, а что и Запорожскій солдатъ....

Вотъ пошли козаки на четыре дороги, что на четыре дороги, а на пятое на Подолье. Что однимъ полемъ-то пошелъ Самко Мушкетъ; а другимъ полемъ-то пошелъ Степанъ Кукуруза; а третьимъ полемъ-то пошелъ Карпо Полтора-Кожуха; на конѣ гарцуетъ, поетъ пѣсню. А за нимъ идутъ мало-мало не три тысячи, все храбрые товарищи Запорожцы; на коняхъ гарцуютъ, саблями поблескиваютъ, бьютъ въ бубны, Богу молитвы возсылаютъ, кресты полагаютъ.

А Карпо Панъ Гетманъ на конѣ гарцуетъ, поетъ пѣсню:

Разсукина та тоска меня изсушила,
Она меня молодаго, она съ ногъ свалила.
А я той ужъ тоскѣ да не поддаюся:
Ой пойду я къ шинкарочкѣ горѣлки напьюся.
Ой кто хочетъ меду пить, пойдемъ до жидовки—
У жидовки черны бровки, высоки подковки,
Юпочка пестренька, сама молоденька—
Ужъ и что за пригожая, то-то удалая!
Шинкарочка моя! лей мнѣ меду, вина,
Да чтобъ моя головушка веселенька была!
«Коли ты женатый, то иди до дому;

Коли жъ не женатый, то ночуй со мною!»
—Есть у меня жонка и дѣточекъ двое—
Да не приголубятся, серденько милое.

(Украинскія народныя пѣсни изд. Максимовича. М. 1834).

ж. Пѣсни о Петрѣ Великомъ.

I. Какъ никто-то про то не знаетъ, не вѣдаетъ,
Што куда-то нашъ государь царь собирается;
Чистымъ серебромъ кораблики изнаполнилъ,
Краснымъ золотомъ суденышки изукрасилъ.
Онъ беретъ-то съ собой силушки очень мало,
Что, однихъ только преображенскіихъ гренадеровъ.
Какъ приказъ то даетъ нашъ батюшка царь-бѣлый:
«Ой вы слушайте, офицерушки и солдаты!
Не зовите вы меня ни царемъ своимъ, ни государемъ,
А зовите вы меня заморскіимъ купчиной.»
Ужь и грянулъ государь царь по морю гуляти....
Какъ носило-то царя по морю недѣлю,
И что носило царя бѣлаго другую,
Принесло то его ко Стекольному государству
И что къ тому-ли шведскому королевству.
Не купчинушка по городу гуляетъ,
Што никто-то купчину не узнаетъ:
Узнавалъ только его гетманъ земли шведской
Поскорехонько онъ къ королевнушкѣ метался,
Ахъ ты гой еси, наша матушка королевна?
Не купчинушка по городу гуляетъ,
Што гуляетъ-то по городу царь бѣлый?
Какъ на красное крылечко королевна выходила,
Она семи земель царей портреты выносила,
По портрету царя бѣлаго узнавала;
Закричала королевна громкимъ голосомъ:
Ой, вы гой еси, мои шведскіе генералы!
Запирайте вы воротички покрѣпче,
Вы ловите царя бѣлаго скорѣе.»
Ужъ и тутъ то нашъ батюшка не пугался,
Обо всѣхъ онъ шведскихъ замыслахъ догадался,
Ко крестьянину онъ на дворъ скоро бросился
Ты бери-ко, бери, крестьянинъ, денегъ вдоволь,
Ты вези меня на край синя моря.»
Скоро вывезъ его крестьянинъ на край синя моря,
А скорѣй того во корабликъ государь-царь садился,
Закричалъ онъ своимъ матросамъ и солдатамъ:
Ой вы граньте ко ребятушки, дружнѣе,
Вы гребите и плывите поскорѣе!»
Какъ и первая погоня царя бѣлаго догоняетъ,
А другая-то погонюшка настигаетъ;
Какъ возговоритъ погоня къ царю государю:
Ты возьми-ко, возьми, царь бѣлый, насъ съ собою,
А не возьмешь ты насъ, батюшка, съ собою—
Ужъ не быть-то намъ, горькимъ, живыми на свѣтѣ.»
И тутъ же вся погоня въ сине море побросалась,
А нашъ царь-государь во святую Русь возвратился.

(Отеч. Запис. 1858 г. кн. 1).

II. Ахъ ты батюшка, свѣтелъ мѣсяцъ!
Что ты свѣтишь не по старому,
Не по старому, не по прежнему,
Не во всю землю святорусскую?
Что съ вечера—не до полуночи,
Со полуночи—не до бѣла свѣта?
Все ты прячешься за облака,
Закрываешься тучей темною.
Какъ у насъ было на Святой Руси,
Въ Петербургѣ, въ славномъ городѣ,
У дворца было государева,

У крыльца было воскрашенова,
Молодой солдатъ на часахъ стоялъ.
Стоючи то онъ призадумался,
Призадумавшись,—слезно плакать сталъ.
И онъ плачетъ, какъ рѣка льется,
Возрыдаетъ, ровно громъ гремитъ.
Въ возрыданьи онъ слово вымолвилъ:
«Вы подуйте съ горъ вѣтры буйные,»
Разнесите вы снѣги бѣлые!
Разступись ты, мать сыра земля!
Развались ты, бѣлъ-горючь камень?
Расколись ты, гробова доска!
Развернись ты, золота парча?
Распахнись ты, бѣлъ тонкой саванъ!
Ужъ ты встань проснись, православный царь,
Православный царь Петръ Алексѣевичъ!
Посмотри, сударь, на свою гвардію,
Посмотри па свою армеюшку.
Хорошо твоя армеюшка обряжена.
Всѣ полковники—во своихъ полкахъ,
Подполковнички—на своихъ мѣстахъ,
Всѣ майоры—на добрыхъ коняхъ,
Капитаны—передъ ротами,
Офицеры—передъ взводами,
А прапорщики—подъ знаменами,
Дожидаютъ они полковничка,
Что полковничка Преображенскаго —
Капитана бомбандирскаго.

(Извѣстія 2 отд. Ак. Наукъ).

2. ДУХОВНЫЕ СТИХИ.

а. Голубиная книга.

Восходила туча сильно грозная,
Выпадала книга голубиная,
И не малая, не великая:
Долины книга сороку сажень.
Ко той книгѣ ко божественной
Соходилися, соѣзжалися
Сорокъ царей со царевичамъ,
Сорокъ князей со князевичамъ,
Сорокъ поповъ, сорокъ дьяконовъ,
Много народу людей мелкіихъ,
Христіянъ православныихъ.
Никто ко книгѣ не приступится,
Никто ко Божіей не пришатнется.
Приходилъ ко книгѣ премудрый царь,
Премудрый царь Давыдъ Евсеевичъ:
До Божьей до книги онъ доступается;
Передъ нимъ книга разгибается,
Всё божественное писаніе ему объявляется,
Ещё приходилъ ко книгѣ Володимiръ князь,
Володимiръ князь Володимiровичъ,
Возговорилъ Володимiръ князь, и т. д.
«Ты премудрый царь, Давыдъ Евсеевичъ.
«Скажи, сударь, проповѣдуй намъ,
«Кто сію книгу написывалъ,
«Голубину кто напечатывалъ?»
Имъ отвѣтъ держалъ премудрый царь,
Премудрый царь Давыдъ Евсеевичъ:
«Писалъ сію книгу самъ Исусъ Христосъ,
«Исусъ Христосъ царь небесный;
«Читалъ сію книгу самъ Исай пророкъ
«Читалъ онъ книгу ровно три года,
«Прочиталъ изъ книги ровно три листа.»
—«Ой ты гой еси, нашъ премудрый царь,
«Премудрый царь, Давыдъ Евсеевичъ!
«Прочти, сударь, книгу Божію,
«Объяви, сударь, дѣла Божіи,
«Про наше житіе, про свято-руское,
«Про наше житiё свѣту вольнаго:
«Отъ чего у насъ начался бѣлый вольный свѣтъ?
«Отъ чего у насъ солнце красное?
«Отъ чего у насъ младъ-свѣтёвъ мѣсяцъ?
«Отъ чего у насъ звѣзды частыя?
«Отъ чего у насъ ночи тёмныя?
«Отъ чего у насъ зори утренни?
«Отъ чего у насъ вѣтры буйные?
«Отъ чего у пасъ дробёнъ дождёкъ?
«Отъ чего у насъ умъ-разумъ?
«Отъ чего наши помыслы?
«Отъ чего у насъ мiръ-народъ?
«Отъ чего у насъ кости крѣпкія?
«Отъ чего тѣлеса наши?
«Отъ чего кровь-руда наша»
«Отчего у насъ въ землѣ цари пошли,
«Отчего начались князья-бояры,
«Отчего крестьяны православные?»
Возговоритъ премудрый царь,
Премудрый царь Давыдъ Евсеевичъ:

— Ой ты гой еси, Володимiръ князь, и т. д.
— Немогу я прочесть книгу Божiю.
— Ужь мнѣ честь книгу,—непрочесть Божью:
— Эта книга не малая,
— Эта книга Великая;
— На рукахъ держать, — не сдержать будетъ;
— На налой положить Божiй, – не уложится.
— Умомъ намъ сей книги не сосмѣтити,
— И очамъ намъ книгу не обозрити,
— Великая книга голубиная!
— Я по старой по своей по памяти
— Разскажу вамъ, какъ по грамотѣ:
— У насъ бѣлый вольный свѣтъ зача́лся отъ суда Божiя;
— Солнце красное отъ лица божьяго,
— Самаго Христа Царя небеснаго;
— Младъ-свѣтёлъ мѣсяцъ отъ грудей его;
— Звѣзды частыя отъ ризъ Божiихъ;
— Ночи тёмныя отъ думъ Господнихъ;
— Зо́ри утренни отъ очей Господнихъ;
— Вѣтры буйные отъ Свята́ Духа;
— Дробёнъ дождёкъ отъ слезъ Христа,
— Самаго Христа, царя небеснаго.
— У насъ у́мъ-разумъ самого Христа,
— Наши помыслы отъ облацъ небесныихъ
— У насъ мiръ-народъ отъ Адамiя;
— Кости крѣпкiя отъ ка́мени;
— Тѣлеса наши отъ сырой земли
— Кровь-руда наша отъ черна́ моря.
— Оттого у насъ въ землѣ цари пошли
— Отъ святой главы отъ адамовой;
— Оттого зачались князья бо́яры
— Отъ святыхъ мощей отъ адамовыхъ,
— Отъ того крестяны православные
— Отъ свята колѣна отъ адамова.—
Возговоритъ Володимiръ князь,
Володимiръ князь Володимiровичь:
«Премудрый царь, Давыдъ Евсеевичь!
«Скажи ты намъ, проповѣдай:
«Который царь надъ царями царь?
«Кая земля всѣмъ землямъ мати?
«Кая глава всѣмъ главамъ мати?
«Который городъ городамъ отецъ?
«Ко́я церковь всѣмъ церквамъ мати?
Коя рѣка всѣмъ рѣкамъ мати?
«Коя гора всѣмъ горамъ мати?
«Который камень всѣмъ камнямъ мати?
«Кое древо всѣмъ древамъ мати?
«Коя трава всѣмъ травамъ мати?
«Которое море всѣмъ морямъ мати?
«Коя рыба всѣмъ рыбамъ мати?
«Коя птица всѣмъ птицамъ мати?
«Который звѣрь всѣмъ звѣрямъ отецъ?»
Возговорилъ премудрый царь,
Премудрый царь Давыдъ Евсеевичь:
— У насъ Бѣлый царь надъ царями царь.
— Почему жь Бѣлый царь надъ царями царь?
— И онъ держитъ вѣру крещёную,
— Вѣру крещёную, богомольную;
— Стоитъ за вѣру христiянскую,
— За домъ пресвятыя Богородицы.
— Потому Бѣлый царь надъ царями царь.
— Свята Русь земля всѣмъ землямъ мати:
— На ней строятъ церкви Апостольскiя;
— Они молятся Богу распятому
— Самому Христу царю небесному:
— Потому свята-Русь земля всѣъ землямъ мати
— А глава главамъ мати—глава Адамова.
— Потому что когда Жиды Христа
— Распинали на лобномъ мѣстѣ,
— То крестъ поставили на святой главѣ Адамовой.
— Iерусалимъ городъ городамъ отецъ.
— Почему тотъ городъ городамъ отецъ?
— Потому Iерусалимъ городамъ отецъ:
— Во тѣмъ во градѣ во Iерусалимѣ
— Тутъ у насъ среда землѣ.
— Соборъ-церьковь всѣмъ церквамъ мати.
— Почему же Соборъ-церковь церквамъ мати?
— Стоитъ Соборъ-церква посреди града Iерусалима;
— Во той во церкви во соборней
— Стоитъ престолъ божественный:
— На томъ на престолѣ на божественномъ
— Стоитъ гробница бѣла каменная;
— Во той гробницѣ бѣлой каменной

— Почиваютъ ризы самого Христа,
— Самого Христа, Царя небеснаго:
— Потому Соборъ-церьква церквамъ мати.
— Ильмень озеро озерамъ мати:
— Не тотъ Ильмень (*), который надъ Новымъ Градомъ,
— Не тотъ Ильмень, который во Царѣ-Градѣ,
— А тотъ Ильмень, который въ Турецкой земли
— Надъ начальнымъ градомъ Іерусалимомъ.
— Почему жь Ильмень озеро озерамъ мати?
— Выпадала съ его матушка Іордань рѣка
— Іордань рѣка всѣмъ рѣкамъ мати.
— Почему Іордань всѣмъ рѣкамъ мати?
— Окрестился въ ней самъ Исусъ Христосъ,
— Со силою со небесною,
— Со ангелами со хранителями,
— Со двухнадесятьми апостольми
— Со Іоанномъ, свѣтомъ, со Крестителемъ:
— Потому Іордань рѣка всѣмъ рѣкамъ мати.
— Ѳаворъ гора всѣмъ горамъ мати,
— Почему Ѳаворъ гора горамъ мати?
— Преобразился на ней самъ Исусъ Христосъ,
— Исусъ Христосъ, Царь небесный, свѣтъ,
— Съ Петромъ, со Іоанномъ, со Іаковомъ,
— Со двунадесятью Апостолами,
— Показалъ славу ученикамъ своимъ:
— Потому Ѳаворъ гора горамъ мати.
— Бѣлый латырь камень всѣмъ камнямъ мати.
— На Бѣломъ латырѣ на камени
— Бесѣдовалъ да опочивъ держалъ
— Самъ Исусъ Христосъ Царь небесный
— Съ двунадесяти со апостоламъ,
— Съ двунадесяти со учителямъ;
— Утвердилъ онъ вѣру на камени
— Распущалъ онъ книгу голубиную:
— По всей земли, по вселенныя
— Потому латырь камень всѣмъ камнямъ мати
— Кипарисъ древо всѣмъ древамъ мати.
— Почему то древо всѣмъ древамъ мати?
— На тѣмъ древѣ на Кипарисѣ
— Объявился намъ животворящій крестъ,
— На тѣмъ на крестѣ на животворящемъ
— Распятъ былъ самъ Исусъ Христосъ,
— Исусъ Христосъ, Царь небесный свѣтъ:
— Потому Кипарисъ всѣмъ древамъ мати.
— Плакунъ трава всѣмъ травамъ мати.
— Почему Плакунъ всѣмъ травамъ мати?
— Когда жидовья Христа роспяли,
— Святую кровь Его пролили,
— Мать Пречистая Богородица
— По Исусу Христу сильно плакала,
— По своемъ сыну по возлюбленномъ:
— Ронила слёзы пречистыи
— На матушку на сыру землю;
— Отъ тѣхъ отъ слёзъ отъ пречистыихъ
— Зарождалася Плакунъ трава:
— Потому Плакунъ трава травамъ мати.
— Океанъ море всѣмъ морямъ мати.
— Почему Океанъ всѣмъ морямъ мати?
— Посреди моря Океанскаго
— Выходила церковь соборная,
— Соборная, богомольная,
— Святого Климента попа рымскаго:
— На церкви главы мраморныя,
— На главахъ кресты золотые.
— Изъ той изъ церкви изъ соборной,
— Изъ соборной, изъ богомольной,
— Выходила Царица небесная;
— Изъ Океана моря она омывалася,
— На соборъ-церковь она Богу молилася,
— Отъ того Океанъ всѣмъ морямъ мати.
— Китъ-рыба всѣмъ рыбамъ мати.
— Почему же Китъ рыба всѣмъ рыбамъ мати?
— На трёхъ рыбахъ земля основана.
— Стоитъ Китъ-рыба—не сворохнется;
— Когда жъ Китъ рыба поворотится,

(*) *Ильмень* въ областномъ языкѣ употребляется въ общемъ значеніи озера, низменности, покрытой водою, высохшаго русла рѣки, съ остатками мелкихъ озеръ. (Буслаева, Очерки Нар. Слов., т. I, стр. 460).

— Тогда мать земля восколыбнется,
— Тогда бѣлый свѣтъ нашъ покончится:
— Потому Китъ рыба всѣмъ рыбамъ мати.
— Основана земля Святымъ Духомъ,
— А содержана Словомъ Божiимъ.
— Стратимъ птица всѣмъ птицамъ мати.
— Почему она всѣмъ птицамъ мати?
— Живётъ Стратимъ птица на Океанѣ морѣ,
— И дѣтей производитъ на Океанѣ морѣ.
— По Божьему всё повелѣнiю,
— Стратимъ птица вострепёнется,
— Океанъ море всколыхнется;
— Топитъ она корабли гостиные
— Со товарами драгоцѣнными:
— Потому Стратимъ птица всѣмъ птицамъ мати (*).
— У насъ Индрикъ звѣрь всѣмъ звѣрямъ отецъ.
— Почему Индрикъ звѣрь всѣмъ звѣрямъ отецъ?
— Ходитъ онъ по подземелью,
— Прочищаетъ ручьи и проточины,
— Куда звѣрь пройдетъ,
— Тута ключь кипитъ.
— Куда звѣрь тотъ поворотится
— Всѣ звѣри звѣрю поклонятся.
— Живетъ онъ во святой горѣ,
— Пьетъ и ѣстъ во святой горѣ.
— Куды хочетъ, идетъ по подземелью,
— Какъ солнушко по поднебесью:
— Потому же у насъ Индрикъ звѣрь всѣмъ звѣрямъ отецъ.—
Возговорилъ Володимiръ князь,
«Ой ты гой еси, премудрый царь,
«Премудрый царь, Давыдъ Евсеевичь!
«Мнѣ ночесь сударь, мало спалось,
«Мнѣ во снѣ много видѣлось:
«Кабы съ той страны со восточной,
«А съ другой страны со полуденной,
«Кабы два звѣря собиралися,
«Кабы два лютые собѣгалися,
«Промежду собой дрались-билися,
«Одинъ одного звѣрь одолѣть хочетъ.»
Возговорилъ премудрый царь,
Премудрый царь Давыдъ Евсеевичь:
— Это не два звѣря собиралися,
— Не два лютые собѣгалися:
— Это Кривда съ Правдой сходилася,
— Промежду собой бились-дрались,
— Кривда Правду одолѣть хочетъ;
— Правда Кривду переспорила.
— Правда пошла на нéбеса,
— Къ самому Христу, Царю небесному;
— А Кривда пошла у насъ вся по всей землѣ.
— По всей землѣ по свѣтъ-руской,
— По всему народу христiанскому;
— Отъ Кривды земля восколебалася,
— Отъ того народъ весь возмущается;
— Отъ Кривды сталъ народъ неправильный.
— Неправильный сталъ, злопамятный:
— Они другъ друга обмануть хотятъ,
— Другъ друга поѣсть хотятъ.
— Кто не будетъ Кривдой жить,
— Тотъ причаянный ко Господу,
— Та душа и наслѣдуетъ
— Себѣ царство небесное.—
Старымъ людямъ на послушанье,
А молодымъ людямъ для памяти.
Славу поёмъ Давыду Евсеевичу,
Во вѣки его слава не минуется.

(Чтенiя Московск. Общ. Истор. и Древн. 1848 г., № 9.)

6. Стихъ о великомъ страшномъ судѣ.

Жили мы, грѣшные, на вольномъ на свѣту.
Не имѣли мы ни середы, ни пятницы,
Во божiю мы церкву не хаживали,
Со желанiемъ Господу не маливались,
На свои мы на грѣхи не надѣялись.
Евангельской мы книги не прослушивали.
Что было во святомъ евангельи написано, напечатано;
Мы страху Христова не устрашивали.
Были у Христа поразсужены дѣла:
Гдѣ быть ворамъ, гдѣ разбойникамъ,
Суєтницамъ и клеветницамъ и ябедникамъ:

(*) Въ другихъ варьянтахъ *Страфиль*—греческое στρουθός—Страусъ, въ другомъ славянскомъ обрагѣ *ногъ* или *нога*, сербск. *ној*, птица «велѣкая страховитая. (Калеки Перехожiе, вып. 2, стр. 369, выноска).

Ворамъ-разбойникамъ быть въ огненной рѣкѣ,
Суетницамъ, клеветницамъ на висилицѣ.
Кто же у насъ во плоти взятъ во Христа?
Во плоти взятъ во Христа Илья Божій пророкъ:
Илья, Божій пророче, во пустынѣ прохаживалъ —
И много муки совидалъ;
Видѣлъ муку, видѣлъ рай, страсти божецкія,
Показалъ Илья намъ видѣть муку и рай,
Чѣмъ намъ душеньку спасти и чѣмъ въ рай взойти:
Спасти душу постами, молитвами,
И низкимъ полуночнымъ поклономъ;
Въ рай взойти святой милостыней,
Да отъ своихъ трудовъ праведныихъ.
Со всходу праведнаго солнца пышаетъ огонь съ земли до небеси,
Протечетъ рѣка намъ огненная,
Возойдетъ Михайло Архангелъ на Сіонскую гору;
Затрубятъ трижды въ небесную трубу.
Тогда всѣ мертвые отъ гроба встанутъ,
И праведные рабы по правой стороны.
Переводитъ Архангелъ Михаилъ праведныхъ чрезъ огненную рѣку,
Ко нашему Авраамію, къ отцу праведному,
И приводитъ онъ ихъ ко царству небесному.
Идутъ праведные черезъ огненную рѣку,
Идутъ они по воды какъ по суши;
Огонь ихъ, полымя, не пожеретъ;
Поютъ они стихи херувимскіе,
Величаютъ они самого Христа, Царя небеснаго,
Еще матерь Пресвятую Богородицу.
Грѣшные, беззаконные рабы,
Они сами-то къ Михайлѣ приближаются,
Золотой казной спосуляются:
«О, свѣтъ грозенъ нашъ Михайло, судья праведный!
Переправь насъ грѣшныхъ черезъ огненну рѣку,
Приведи насъ ко царству небесному,
Ко нашему Авраамію, отцу праведному;
Возьми съ насъ золота и серебра
И сильно наше имѣнье и богатство.»
Отвѣчалъ имъ Михайло Архангелъ, судья праведный:
«Ахъ вы грѣшные, беззаконные рабы!
На что же вы ко мнѣ приближаетесь
И золотой казной своей спосуляетесь:
Есть здѣсь судья, неподкупная душа,
Я здѣсь судья съ Богомъ праведная.
Не надо намъ ваше злато, серебро,
Ни силья ни имѣнья ваше, ни богачество;
А намъ надобно здѣсь душевное спасеніе.
Помните-ль, какъ вы жили на вольномъ на свѣту?
Были у васъ церкви божественныя,
Во церквахъ было у васъ понаписано,
Во святомъ евангельи напечатано:
Вы того писанія не прослушивали,
На свои вы на грѣхи не надѣялись.
У васъ были судьи неправедные,
Судили вы суды не по праведному:
Праваго вы раба виноватили,
Виноватаго раба ставили праведнымъ;
Вы брали съ нихъ казну несчисленную
И съ праваго и съ виноватаго,
Клали вы казну во сыру землю,
Сырой матери земли не вызнаполнили,
Своимъ душамъ мѣста не уготовили:
Идите грядите въ рѣку огненную.»
Идутъ, грядутъ души грѣшныя;
Во огонь онѣ во полымя бросаются,
Тѣлеса на себѣ, власа обрываютъ,
Отца своего, матерь проклинаютъ!
«На что насъ отецъ съ матерью спородили,
На эти на муки на разныя?
Не терпѣли бъ мы злой муки превѣчныя,
Не слыхали бъ мы слова грознаго
Отъ самаго Христа, Царя Небеснаго,
Отъ Михайла Архангела, судьи праведнаго!»
Мы грозному Михайлу славу поемъ,
Всѣмъ добрымъ людямъ на памятъ даемъ.

(Лѣтописи русск. литер. 1859 г. кн. 2)

---

3. Алексѣй—человѣкъ божій.

Въ городѣ Римѣ, при царѣ Онорiѣ жилъ благочестивый князь Ефимьянъ и супруга его Аглаида; жили многiя лѣта, а дѣтей у нихъ не было. Наконецъ вымолила себѣ Аглаида сына, котораго назвали Алексѣемъ. Рано выучился онъ грамотѣ и полюбилъ священныя книги.

Какъ будетъ Алексѣй въ возрастѣ, въ законѣ,
Поизволилъ его батюшко женити:
Избралъ онъ по всему Рыму
Единую красную отроковицу,
Великаго, царскаго рода.
Не хотѣлось Алексѣю жениться.
Хотѣлось ему Богу помолиться,
За младыя лѣта потрудиться,
Онъ съ батюшки воли не снимаетъ:
«Не неволь меня, батюшка, жениться!
«Пусти меня Богу помолиться,
«Со младости лѣтъ Богу потрудиться:»
Здѣсь его отецъ не послушалъ;
А онъ своему отцу не поспорилъ.
Поѣхали Алексѣю за невѣстой;
Привезли Алексѣю невѣсту.
Жениться Алексѣй не помышляетъ.
На образъ Спасителевъ взираетъ:
«Ты батюшко нашъ, Спасъ пречистый!
«Не допусти до грѣха до большого,
«До тяжкаго прегрѣшенья!»
Повели Алексѣя въ Божью церьковь,
Златые вѣнцы на нихъ взлагали,
Златыми перстнями обручали,
Единую чару они распивали.
Изъ Божьей изъ церкви ихъ вели во палаты
Къ великому князю къ Ефимьяну:
Сажали за столы дубовы,
За тѣ ли за скатерти за браны,
За тѣ ли за ѣствы за сахарны,
За тѣ ли за питья медовыя.
Очень Алексѣй скученъ-грустенъ.
Какъ возговоритъ батюшко Ефимьянъ князь:
«Ой же ты, чадо мое возлюбленное!
«Что ты не весело поступаешь?
«Аль тебѣ княгиня не по обычью?
«Аль твоя обрученная не по нраву?»
Отцу Алексѣй Божій отвѣтилъ:
«Великій ты князь Офимьяній!
«Княгиня ты, матушка родная!
«Княгиня моя мнѣ пообычью,
«Обрученна моя мнѣ по нраву.
«На что принуждали мя жениться,
«Не пустили Богу помолиться,
«Со младости лѣтъ Богу потрудиться?»
Они первую, вторую ѣству воскушали,
Изъ за третьей ѣствы возставали,
Со младой своей супругою со обручною....

Снялъ Алескѣй шелковъ поясъ,
Со правой руки золотъ перстень
Отдаетъ обрученной княгинѣ:
«Любезнѣйшая моя обручная супруга!
«Храни сіи вещи сердцевыя!
«Спасетъ тебя Господь Владыко,
«И Богъ благословитъ славенъ домъ твой,
«И дастъ тебѣ царство небесное;
«Да и будетъ Господь между нами.
«Храни ты мои честные дары:
«Вотъ тебѣ мой шелковъ поясъ,
«Со правой руки золотъ перстень!
«Молися ты Господу, трудися,
«За Алексѣя Божья человѣка!
«А я пошелъ во иную землю,
«За батюшкинъ грѣхъ помолиться,
«За матушкинъ грѣхъ потрудиться!»
Супруга его промолчала,
Ни отвѣту, ни привѣта не сказала.
Пошелъ Алексѣй во комору:
Беретъ онъ себѣ много злата,
Златотканную ризу, свѣтъ, вздѣваетъ.
Пошелъ онъ изъ Рыму изъ граду,
И шелъ онъ путемъ, свѣтъ, дорогой.
На встрѣчу ему идетъ нищій:
«Ты нищій, ты нищій брате!
«Скинь свою нищенску одежду!
«Возми ты мое цвѣтно платье,
«А мнѣ дай свою нищенску одежду!»
Онъ свѣтлую ризу совлекаетъ,
Самъ ветхую одежду, свѣтъ, вздѣваетъ,
Великая (*) себя онъ изнуряетъ,
Христа ради подаваетъ.
Подходитъ онъ ко синему ко морю:

(*) Т. е. весьма.

На̀ морѣ погода становилась;
Становился тутъ на морѣ корабликъ,
Садился Алексѣй во корабликъ,
Пущался на синее море.
Гдѣ не́ взялись буйные вѣтры,
Раскачали легкую лодку,
Понесли Алексѣя синимъ моремъ.
Приплылъ Алексѣй во Оде́съ градъ,
Ко святой ко церкви ко соборной.
Перешелъ Алексѣй на кру́той берегъ;
Съ радостію возвеселимшися,
Онъ злато по нищимъ раздѣляетъ.
Приходитъ ко Божіей ко церькви,
Становился Алексѣй, свѣтъ на па́перти,
У правой руки возлѣ притвору,
Съ своей со нищею братьей;
Земные поклоны справляетъ,
У Господа Бога милости проситъ:
«Создай ты мнѣ, Господи, власъ долгій,
«Чтобы отецъ-мать меня непознали!»
Молился Алексѣй Богу, трудился;
Красота въ лицѣ его потребишася,
Очи его погубишася;
А зрѣнье помрачишася;
Сталъ Алексѣй какъ убогій:
Токмо его единый о̀ставъ.—
Отецъ и матерь по немъ растужились,
И сія обру̀чная его супруга
Какъ горько они по немъ рыдали,
Яко рѣку слезъ испущали,
Сами жалобно его, свѣта, причитали,
Посылали они рабовъ его искати:
Рабы же его отъѣзжали,
По всѣмъ по градамъ его искали,
Рабы же во Одесъ градъ пріѣзжали,
Ко той же ко церкви прихождали,
И тутъ Алексѣя не узнали:
Лишь милостину ему воздавали.
У нихъ Алексѣй принимаетъ,
А Господа Бога прославляетъ:
«Сподоби Ты меня, Господи, Владыко,
«Отъ рабъ своихъ милостину взяти,
«За своихъ за рабовъ Богу молиться!»
Сподобилъ его Господи Владыко
Отъ рабъ своихъ милостину взяти:
У нихъ Алексѣй принимаетъ,
По нищіей по братьи раздѣляетъ;
За милостину онъ Богу молился.—
Молился Алексѣй во Одесѣ, трудился,
Семь лѣтъ-годовъ на десятокъ.

Мать Божія его зрила,
Прогласила во церкви пономарю:
— Гряди ты, пономарь, на папе́ри!
— Возьми ты свято́го въ Божью церковь,
— Постанови мнѣ его передъ престоломъ!—
«Свѣтъ Пресвятая Богородица!
«Я человѣкъ предъ тобою многогрѣшный:
«Не можно мнѣ свято́го пріузнати!»
— Твори ты Іисусову молитву:
— Святой тебѣ самъ объявится.—
Пошелъ пономарь, слезно заплакалъ,
Творилъ онъ Іисусову молитву.
Беретъ онъ свято̀го въ Божью церковь,
Постановилъ его передъ престоломъ.
Речетъ Пресвятая Богородица:
— О рабъ ты мой, Божій человѣче!
— За чѣмъ ты ко мнѣ, мой рабъ, приходишь?
— Какой милости у меня просишь?—
«О свѣтъ Пресвятая Богородица!
«Пришелъ я къ Тебѣ, свѣтъ, помолиться,
«За мла̀дыя свои лѣта потрудиться,
«Къ твоему къ честному къ престолу приложиться!»
— Когда ты пришелъ помолиться,
— Гряди ты, Алексѣй, во славенъ Рымъ градъ!
— Отецъ тебя и матерь не узнаютъ,
— И твоя обручная супруга,
— Отецъ и матерь будутъ у обѣдни,
— И твоя обручная супруга:
— Дождамши ты ихъ на переходѣ,
— Прими отъ нихъ благословенье!—
Сему же Алексѣй помолился.
За мла̀дыя свои лѣта потрудился,
Пошелъ Алексѣй вонъ изъ церкви.—
Хотѣлъ онъ прійти въ инші̀я страны,
Не хотѣлъ пребыть въ своемъ домѣ,
До конца лѣтъ, души преселенія.
Приходилъ Алексѣй въ чисто поле.
Подошелъ ко синему морю,
И садился Алексѣй въ корабликъ,
И спущался Алексѣй на сине море.
Гдѣ ни взялись буйные вѣтры,
Понесли Алексѣя синимъ моремъ.
По Божьему все повелѣнью
На̀ морѣ корабликъ поносило,

Ко Рыму ко граду прпмывало.
Бѣжалъ онъ часъ черезъ море.
Споведалъ святой волю Божью.
Приходилъ Алексѣй во Рымъ градъ.
Во славномъ во городѣ Рымѣ
Звонили звоны колокольны,
Шелъ же Алексѣй Рымомъ градомъ,
Приходилъ ко святымъ ко воротамъ,
Ко святой ко Божіей церькви.
Отецъ и матерь идутъ отъ обѣдни,
И сія обручная супруга;
Князь Ефимьянъ идетъ ему на встрѣчу,
Идучи во царскія въ палаты
Отъ святой отъ Божіей отъ церкви.
Со многими князьями, со боярами,
Со великимъ со кре́мненствомъ. (*).
Дождамши онъ ихъ на переходѣ,
Достойно Алексѣй имъ поклонился:
«Ой еси, князь благородный!
«Призри мя нищаго, страннаго!
«Не ради моего упрошенья,
«Ради души своей на спасенье.
«Сострой ты мнѣ, убогому, келью
«Возлѣ своей каменной палаты,
«Возлѣ своей бѣлой ограды;
«Не ради меня, старца, калѣки:
«Ради своего сына Алексѣя!»
Князь Ефимьянъ возрадовался,
Горячими слезами обливался:
— Спасетъ тебя Богъ, человѣче,
— Что ты мнѣ радости возвѣщаешь,
— Про моего сына про Алексѣя,
— Про Алексѣя, Божья человѣка!
— Я самъ про него, свѣта, не знаю,
— Въ которой онъ странѣ пребываетъ,
— И гдѣ свою душу сохраняетъ.
— По чему же ты моего сына знаешь?—
Речётъ Алексѣй къ князю къ Ефимьяну:
«Батюшко, славенъ Ефимьянъ князь!
«Мнѣ какъ твоего сына не знати,
«Алексѣя, Божьяго, свѣтъ, человѣка!
«Въ единой мы палаткѣ съ нимъ пребывали,
«Единую хлѣбъ-соль мы съ нимъ воскушали,
«Единую одежду мы съ нимъ носили,
«Единую мы съ нимъ чару пойла распивали,
«Мы вмѣстѣ съ нимъ грамотѣ учились,
«Въ единой мы съ нимъ пустынѣ трудились!»
Князь Ефимьянъ прослезился,
Сына своего воспомянумши:
— Ой еси, нищій-убогій,
— Ты старецъ, калика переходецъ!
— Когда ты про моего сына знаешь,
— Алексѣя, Божьяго, свѣтъ, человѣка,
— Гряди же ты, убогій, въ слѣдъ за мною:
— Велю я напоить тебя, накормити,
— И Христа ради келью построю.—
Князь Ефимьянъ милосердый
Построилъ князь убогому келью,
Приставилъ рабовъ къ нему служити,
Келью топити, призирати.
Дёймонъ врагъ возненавиствовалъ,
Зубами злыми воскрежетоше,
Хотѣлъ погубити его терпѣніе.
Рабы же Алексѣя не взлюбили:
Иные рабы укоряли,
А други помоями лили;
Много безчиніевъ творили,
Плевали, харкали, всё на келью.
На то же Алексѣй не прогнѣвился
Терпѣлъ же святой съ благодареньемъ,
Съ радостію Алексѣй нужды принимаетъ,
Князю Ефимьяну не извѣщаетъ,
А Господа Бога онъ прославляетъ;
За своихъ за рабовъ Богу молился.—
Молился Алексѣй у отца въ домѣ невѣмымъ, (*)
Кушалъ на недѣлѣ по просвиркѣ,
Во всякой недѣлѣ исповѣдался,
Святыми тайнами пріобщался,
Чуднымъ крестомъ благословлялся.—
Спозналъ онъ себе скорую кончину.
Рабовъ онъ къ князю посылаетъ:
«Сослалъ бы мнѣ хартіалъ (**) ради кельи!»
Рабы же отъ князя прихожали,
Бумаги и чернилъ ему подавали.
Списалъ Алексѣй рукописанье,
Списалъ Алексѣй своё порожденье,
Велико святое умоленіе.

(*) Силою, толпою вооруженныхъ горожанъ (отъ *кремникъ*, Burg) (примѣч. Безсонова Кал. Пер. вып. I. стр. 105.)

(*) *Невѣмымъ* т. е. неизвѣстнымъ, незнаемымъ.
(**) Хартію, бумагу.

Списалъ Алексѣй вѣчное извѣще́ніе, (*)
Списалъ Алексѣй яко таинство;
Списамши, святой пе́рестàвился.—
Во славномъ во городѣ во Рымѣ
Проме́жду обѣденъ, заутрени,
Исполнилъ Господь благоуханія:
Тмьяномъ *ѳиміамомъ* и ладономъ запахло
По всему по го̀роду по Рыму.
Архіерей самъ шёлъ къ обѣднѣ,
На своемъ на мѣстѣ онъ становился;
Рече́тъ онъ попамъ, патріархàмъ,
Многимъ православнымъ христіанамъ:
«Вы ой еси, князья и бояре,
«Попы, православные христіане!
«Что у насъ во Рымѣ учинилось?
«Что пахнетъ тимьяномъ и ладономъ?
«Нѣтъ ли во Рымѣ престàвленнаго,
«Или святыхъ мощей проявленныхъ?»
Ходили по Рыму, искали,
Нигдѣ не нашли они престàвленнаго,
И святымъ мощей проявле́нныхъ.
Много народу собиралось,
Сходились они въ соборную Божію церьковь,
Всю ночь они Господу молились.
Явился гласъ имъ Святого Духа:
«Божьяго человѣка тѣло исходитъ!
«Ищите вы въ домѣ въ Ефимьяновомъ!»
Тогда царь съ патріархомъ
Свѣчи и кадила принимали,
Всходили въ домъ они къ князю къ Ефимьяну.
Со всѣмъ съ просвѣщеннымъ соборомъ;
Нашли они забыдящую келью (**).
Труждающій въ кельѣ переставился;
Въ рỳцѣхъ онъ держитъ рукописаніе.
Царь ко мощамъ доступался,
Святымъ мощамъ царь поклонился:
«Свѣтъ вы, святыя отцы-мощи!
«Отдайте своё рукописанье,
«Явите мнѣ своё похожденіе,
«А я есмь царь всему міру!»
Царю рукописьмò не далòся.
Владыко къ святымъ мощамъ доступаетъ,
Колѣномъ къ нему онъ преклоняетъ,
За рукописаніе онъ принимаетъ:
«Вы свѣтъ святыя мощи,
«Отверзайте святую намъ ручку,
«Кàкъ бы намъ васъ, свѣтовъ, знати,
«По имени бы васъ нарекати!»
Далòсь рукописьмò патріарху.
Сталъ патріархъ читати
Чудеса же его всему міру;
Дочёлся любимаго сына:
Порожденіе онъ князя Ефимьяна,
Имя ему Алексѣемъ,
И матерь его Аглаида;
Повелѣлъ имъ его Господь спознати,
Возлюбленнаго своего чаду,
Алексѣя, Божьяго, свѣтъ, человѣка;
Въ зрящій (*) пятокъ пріуспокоился;
Сподобилъ его имъ Господь въ домѣ видѣти.
Великій же славенъ Ефимьянъ князь
До святыхъ до мощей доступаетъ,
Святое лицё его воскрываетъ:
Просіяла красота его, яко отъ ангела.

—

Провѣдала матушка родима,
Матерь его Аглайда;
Молилась матерь у народа:
«Дайте мнѣ мѣсто, человѣцы!
«Дайте, православные христолюбцы,
«Видѣти сладчайшаго своего чаду!»
Дошла до святыхъ мощей, падоше:
«Увы мнѣ, сладчайшій мой чадо,
«Алексѣй, Божій, свѣтъ, человѣче!
«Не люба пустынная твоя келья!
«Чтò же мнѣ тогда ты не явился?
«Зачѣмъ пришелъ въ градъ—не сказался?
«Чаще бы я въ келью прихождала,
«Сама бы я келью топила, призирала!
«Пошла бы, кормила тебя своимъ кусомъ!»
Провѣдала обручная княгиня;
Бѣжитъ ко святому, сама плачетъ:
«Свѣтъ, ты мой, женихъ обруче́нный,
«Святой ты мой князь возлюбле́нный.
«Алексѣй, Божій человѣче!
«Для чего ты живъ былъ—не сказался?
«Потай бы я въ келью прихождала,
«Мы вмѣстѣ бы съ тобою Богу молились,
«Проме́жду насъ былъ бы Святой Духъ!»

(*) *Извѣщеніе*, т. е. разсказъ о *своемъ вѣкѣ*, своей жизни.

(**) Забытую, заброшенную.

(*) Такъ называется пятница 6-й нед. вел. поста (прим. Бессонова.)

Съ трудомъ его, свѣта, погребали
Во славномъ во городѣ во Рымѣ.
Объявилъ Алексѣй святую свою славу
Во всю свято-русскую землю;
Онъ Богу былъ, свѣтъ, угоденъ,
Всему міру онъ доброхотенъ;
Угодно онъ Господу скончался.
Аллуія и слава тебѣ, Господи еси!

(Калѣки, в. I. стр. 99—111.)

г. Егорій Храбрый.

Во святой землѣ, православной,
Нарожается желанное дѣтище
У тоя ли премудрыя Софіи;
И нарекаетъ она по имени
Свое то дѣтище Георгій,
По прозваньицу-храбрый.
Возрастаетъ Георгій храброй
Промежъ трехъ родныхъ сестеръ,
Отъ добра дѣла не отходючи,
Святымъ словомъ огражаючи,
Міру крещеному угожаючи.
Какъ и сталъ онъ, Георгій храброй,
Во матеръ возрастъ приходити,
Умъ-разумъ спознавати,
И учалъ онъ во тѣ поры
Думу крѣпкую оповѣдати
Своей родимой матушкѣ,
А и ей ли, премудрой Софіи:
«Соизволь, родимая матушка,
«Осударыня премудрая Софія
«Ѣхать мнѣ ко землѣ свѣтло-русской
«Утвержать вѣры христіанскія.»
И даетъ ему родимая матушка,
Она ли, осударыня премудрая Софія,
Свое благословеніе великое:
Ѣхать ко той землѣ свѣтло-русской,
Утвержать вѣры христіанскія.
Ѣдетъ онъ, Георгій храброй,
Ко той землѣ свѣтло-руской,
Отъ востока до запада поѣзжаючи,
Святую вѣру утвержаючи,
Бессерменскую вѣру побѣждаючи.
Наѣзжаетъ онъ, Георгій храброй,
На тѣ лѣса, на темные,
На тѣ лѣса, на дремучіе;
Хочетъ онъ, Георгій, туто проѣхати,
Хочетъ онъ, храброй, туто проторити:
Нельзя Георгію туто проѣхати,
Нельзя храброму туто подумати.
И Георгій храброй проглаголуетъ:
«Ой вы, лѣса, лѣса, темные!
«Ой вы, лѣса, лѣса, дремучіе!
«Заростітеся лѣса темные
«По всей землѣ свѣтло-Русской,
«Раскиньтеся лѣса дремучіе
«По крутымъ горамъ по высокіимъ,
«По Божьему все велѣнью,
«По георгіеву все моленью!
По его, слову, георгіеву,
По его ли, храбраго, моленію,
Заростали лѣса темные
По святой землѣ свѣтло-русской.
Раскидалися лѣса дремучіе
По крутымъ горамъ, по высокіимъ.
Наѣзжаетъ онъ, Георгій храброй,
На тѣ горы на высокія,
На тѣ холмы на широкіе;
Хочетъ онъ, Георгій, туто проѣхати,
Хочетъ онъ, храброй, туто проторити;
Нельзя Георгію туто проѣхати,
Нельзя храброму туто подумати.
И Георгій храброй проглаголуетъ:
«Ой вы, горы, горы высокія!
«Ой вы, холмы, холмы широкіе!
«Разсыпьтеся горы высокія
«По всей землѣ свѣтло-русской,
«Становитесь холмы широкіе
«По степямъ, полямъ зеленымъ,
«По Божьему все велѣнію,
«По георгіеву все моленію!»
По его ли, слову георгіеву,
По его ли, храбраго моленію,
Разсыпалися горы высокія
По всей землѣ свѣтло-русской,
Становилися холмы широкіе
По степямъ, полямъ зеленымъ,
Наѣзжаетъ онъ, Георгій храброй,
На тѣ моря, на глубокія,
На тѣ рѣки, на широкіе:
Хочетъ онъ, Георгій, туто проѣхати,
Хочетъ онъ, храбрый, туто проторити:
Нельзя Георгію туто проѣхати,
Нельзя храброму туто подумати.
И Георгій храброй проглаголуетъ:
«Ой вы моря, моря глубокія!
«Ой вы рѣки, рѣки широкія!
«Потеките моря глубокія
«По всей землѣ свѣтло-русской,

«Побѣгите рѣки широкія
«Отъ востока да и до запада
«По Божьему всё велѣнію,
«По георгіеву всё моленію!»
По его слову ли, георгіеву,
По его ли, храбраго, моленію,
Протекали моря глубокія,
По всей землѣ свѣтло-русской,
Пробѣгали рѣки широкія
Отъ востока да и до запада.
Наѣзжаетъ онъ, Георгій храброй,
На тѣхъ звѣрей, на могучіихъ,
На тѣхъ звѣрей, на рогатыихъ;
Хочетъ онъ, Георгій, туто проѣхати,
Хочетъ онъ, храброй, туто проторити:
Нельзя Георгію туто проѣхати,
Нельзя храброму туто подумати.
И Георгій храбрый проглаголуетъ:
«Ой вы, звѣри, звѣри, могучіе!
«Ой вы, звѣри, звѣри рогатые!
«Заселитеся звѣри могучіе
«По всей землѣ свѣтло-русской,
«Плодитеся звѣри рогатые
«По степямъ, полямъ безъ числа,
«По Божьему всё велѣнію,
«По Георгіеву всё моленію!»
И онъ, Георгій храброй, заповѣдуетъ
Всѣмъ звѣрямъ могучіимъ,
Всѣмъ звѣрямъ рогатыимъ:
«А и есть про васъ на съѣдомое
«Во поляхъ трава муравчата,
«А и есть про васъ на пойлицо
«Во рѣкахъ вода студеная.»
По его ли, слову георгіеву,
По его ли, храбраго, моленію,
Заселилися звѣри могучіе
По всей землѣ свѣтло-русской;
Плодилися звѣри могучіе
По степямъ, полямъ безъ числа;
Они пьютъ, ѣдятъ повелѣнное,
Повелѣнное, заповѣданное
Отъ его, Георгія храбраго.
Наѣзжаетъ онъ, Георгій храброй,
На то стадо, на змінное,
На то стадо на лютое;
Хочетъ онъ, Георгій, туто проѣхати,
Хочетъ онъ, храброй, туто проторити;
И стадо змінное возговоритъ
Ко тому ли Георгію храброму:
«Али ты, Георгій, не вѣдаешь,
«Али ты, храброй, не знаешь:
«Что та земля словомъ заказана,
«Словомъ заказана, заповѣдана.
«По той землѣ заповѣданной
«Пѣшъ человѣкъ не прохаживалъ,
«На коню никто не проѣзживалъ.
«Уйми ты, Георгій, своего коня ретиваго,
«Воротися ты, храброй, самъ назадъ.»
Вынималъ Георгій саблю острую,
Нападалъ храброй на стадо змінное.
Ровно три дня и три ночи
Рубитъ, колетъ стадо змінное;
А на третій день ко вечеру
Посѣкъ, порубилъ стадо лютое.
Наѣзжаетъ онъ, Георгій храброй,
На ту землю свѣтло-русскую,
На тѣ поля, рѣки широкія,
На тѣ высоки терема, златоверхіе,
Хочетъ онъ, Георгій, туто проѣхати,
Хочетъ онъ, храброй, туто проторити,
Какъ и тутъ ли ему, Георгію,
Выходятъ на встрѣчу красны дѣвицы,
Какъ и тутъ ли ему, храброму, проглаголуютъ:
«А и тебя ли мы, Георгій, дожидаючись,
«Тридцать три года не вступаючи
«Съ высока терема, златоверхаго,
«А и тебя ли мы, храбраго, дожидаючись,
«Держимъ на роду великъ обѣтъ:
«Отдать землю свѣтло-русскую,
«Принять отъ тебя вѣру крещеную.»
Пріимаетъ онъ, Георгій храброй,
Ту землю свѣтло-русскую
Подъ свой великъ покровъ,
Утверждаетъ вѣру крещеную
По всей землѣ свѣтло-русской.
(Изъ Сказаній Сахарова, т. II «Народный Дневникъ» стр. 24—26.)

Во градѣ было въ Іерусалимѣ,
При царѣ было при Ѳёдорѣ,
Жила царица благовѣрная,
Святая Софія Премудрая.
Породила она себѣ три дочери,
Три дочери да три любимыя,
Четвертаго сына Егорія,
Егорія, свѣта, Храбраго:
По колѣна ноги въ чистомъ серебрѣ,
По локоть руки въ красномъ золотѣ,
Голова у Егорія вся жемчужная,

По всемъ Егоріѣ часты звѣзды.
Съ начала было свѣта вольнаго
Не бывало на Іерусалимъ градъ
Никакой бѣды, ни погибели.
Наслалъ Господь насланіе
На Іерусалимъ градъ:
Напустилъ Господь царища Діоклитіанища,
Безбожнаго пса бусурманища.
Побѣдилъ злодѣй Іерусалимъ городъ:
Сѣчетъ и рубитъ и огнёмъ палитъ;
А благовѣрнаго царя Өедора,
Онъ взялъ его, невѣрный царь, за желты кудри,
Отводитъ его далече во чисто поле,
Отрубилъ онъ мечемъ ему буйную голову.
Полонилъ злодѣй три отроцы,
Три отроцы и три дочери,
А четвертаго чуднаго отроца
Святого Егорія Храбраго.
Увозилъ Егорья во свою землю,
Во свою землю во невѣрную.
Онъ и сталъ пытать, крѣпко спрашивать:
— А скажи, Егорій, какова роду,
— Какова роду, какова чину:
— Царскаго роду, аль боярскаго,
— Аль того чину княжевинскаго?
А ему Егорій отказываетъ,
А ему храбрый отговариваетъ:
«Я того роду христіанскаго» (*)
— Ты повѣруй вѣру, ты ко мнѣ царю,
— Ты ко мнѣ царю, къ моимъ идоламъ.
Святой Егорій свѣтъ глаголуетъ:
«Ты злодѣй царище бусурманище!
«Я невѣрую вѣры твоей невѣрныей,
«Ни твоимъ богамъ, ко идоламъ.
«Ни Тебѣ, царищу бусурманищу!
«Вѣрую въ вѣру крещёную,
«Во крещёную, богомольную,
«Самому Христу, Царю небесному,
«Во мать Пресвятую Богородицу,
«Еще въ Троицу нераздѣлимую!»
Вынималъ злодѣй саблю острую,
Хотѣлъ рубить ихъ главы
По ихъ плеча могучія:
— Ой вы гой еси, три отроцы,
— Три отроцы царя Өеодора!
— Вы покиньте вѣру христіанскую,
— Повѣруйте мою латынскую,
— Латынскую, бусурманскую,
— Молитесь богамъ моимъ кумирскимъ,
— Поклоняйтеся моимъ идоламъ!—
Три отроцы и три родны сестры
Сабли острой убоялися,
Царищу Діоклитіанищу преклонилися:
Покидали вѣру христіанскую,
Начали вѣровать латынскую, и т. д.
Царище Діоклитіанище,
Безбожный царь бусурманище,
Возговорилъ ко святому
Егорію Храброму:
— Ой ты гой еси, чудный отроце,
— Святый Егорій Храбрый!
—Покинь вѣру истинную, христіанскую,
— Повѣруй вѣру латынскую, и т. д.
Святый Егорій проглаголуетъ:
«Злодѣй царище Діоклитіанище,
«Безбожный пёсъ бусурманище!
«Я умру за вѣру христіанскую,
«Не буду вѣровать латынскую, и т. д.
На то царище распаляется,
Повелѣлъ Егорья свѣта мучити
Онъ и муками разноличными.
Повелѣлъ Егорья во пилы пилить:
По Божьему повелѣнію,
По егоріеву моленію,
Не берутъ пилы жидовскія,
У пилъ зубья позагнулися,
Мучители всѣ утомилися,
Ничего Егорью не вредилося,
Егорьево тѣло соцѣлилося;
Возставалъ Егорій на рѣзвы ноги:
Поётъ стихи херувимскіе,
Превозноситъ гласы всё архангельскіе.
Возговоритъ царище Діоклитіанище
Ко святому Егорью Хораброму:
— Ты покинь вѣру истинную, христіанскую, и т. д.
А святой Егорій проглаголуетъ.
«Я умру за вѣру христіанскую,
«Не покину вѣру христіанскую, и т. д.
На то царище опаляется,
Въ своемъ сердцѣ разозляется.
Повелѣлъ Егорья въ топоры рубить;
Не довлѣтъ Егорья въ топоры рубить:
По Божію повелѣнію,
По егоріеву моленію,
Не берутъ Егорья топоры нѣмецкіе;

(*) Три строки изъ сборника Якушкина, стр. 19.

По обухъ лезья приломилися,
А мучители всѣ пріутомилися.—
Ничего Егорью не вредилося,
Егорьево тѣло соцѣлялося;
Да возстаетъ Егорій на рѣзвы нози:
Онъ поётъ стихи херувимскіе.
Возговоритъ царище Діоклитіанище
Ко Егорію Храброму:
— Ой ты гой еси, отче Егорій Храбрый!
— Повѣруй вѣру Латынскую!—
А свѣтъ Егорій проглаголуетъ:
«Я умру за вѣру христіанскую, и т. д.
Царище Діоклитіанище на него опаляется;
Повелѣлъ Егорья въ сапоги ковать,
Въ сапоги ковать, гвозди желѣзные;
Не добрѣ Егорья мастера куютъ:
У мастеровъ руки опущалися,
Ясные очи помрачалися,—
Ничего Егорью не вредилося,
Егорьево тѣло соцѣлялося,
А злодѣй царище Діоклитіанище
Повелѣлъ Егорья во котелъ сажать,
Повелѣлъ Егорья во смолѣ варить:
Смола кипитъ, яко громъ гремитъ,
А по-сверьхъ смолы Егорій плаваетъ;
Онъ поетъ стихи херувимскіе,
Превозноситъ гласы все архангельскіе.
Возговоритъ царище Діоклитіанище:
— Покинь вѣру истинную христіанскую, и т. д.
Святый Егорій проглаголуетъ:
«Я не буду вѣровать вѣру бусурманскую,
«Я умру за вѣру христіанскую.»
На то царище Діоклитіанище опаляется;
Повелѣлъ своимъ мучителямъ:
— Ой вы гой еси, слуги вѣрные!
— Вырывайте скоро глубокъ погребъ.—
Тогда же его слуги вѣрные
Вырывали глубокъ погребъ:
Глубины погребъ сорока сажень,
Ширины погребъ двадсяти сажень;
Посадилъ Егорья во глубокъ погребъ,
Закрывалъ досками желѣзными,
Задвигалъ щитами дубовыми,
Забивалъ гвоздями полужеными,
Засыпалъ песками рудожелтыми,
Засыпалъ онъ и притаптывалъ,
И притаптывалъ, и приговаривалъ:
— Не бывать Егорью на святой Руси,
— Не видать Егорью свѣта бѣлаго,
— Не видать Егорью солнца краснаго,
— Не видать Егорью отца и матери,
— Не слыхать Егорью звона колокольнаго.
— Не слыхать Егорью пѣнія церковнаго!—
И сидѣлъ Егорій тридсять лѣтъ.
А какъ тридсять лѣтъ исполнилось,
Святому Егорью во снѣ видѣлось:
Да явилося солнце красное.
Еще явилася Мать Пресвятая Богородица;
Святу Егорью, свѣтъ, глаголуетъ:
— Ой ты еси, святый Егорій, свѣтъ Храбрый!
— Ты за это ли претерпѣніе
— Ты наслѣдуешь себѣ царство небесное!—
По Божьему повелѣнію,
По Егорья Храбраго моленію,
Отъ свята града Ерусалима
Поднималися вѣтры буйные:
Разносило пески рудожелтые,
Поломало гвозди полуженые,
Разметало доски желѣзныя,—
Выходилъ Егорій на святую Русь:
Завидѣлъ Егорій свѣту бѣлаго,
Услышалъ звону колокольнаго,
Обогрѣло его солнце красное.
И пошелъ Егорій по святой Руси,
По святой Руси, по сырой землѣ,
Ко тому граду Ерусалиму,
Гдѣ его родимая матушка
На святой молитвѣ Богу молится,
Приходилъ Егорій во Ерусалимъ городъ.
Ерусалимъ городъ пустъ пустехонекъ:
Вырубили его и выжегли,
Нѣтъ ни стараго, нѣтъ ни малаго.
Стоитъ одна церьковь соборная,
Церьковь соборная, богомольная;
И во церькови во соборныей
Стоитъ его матушка родимая,
Святая Софія Премудрая,
На молитвахъ стоитъ на Исусовыхъ:
Она Богу молитъ объ своемъ сыну,
Помолимши Богу, оглянулася;
Она узрѣла и усмотрѣла
Свово чаду, свово милаго,
Свята Егорія, свѣта Храбраго;

Свѣту Егорью, свѣтъ, глаголуетъ:
— Ровно три года солнце не пекло,
— Но теперь мнѣ солнце возсіяло.
— Ой ты еси, мое чадо милое,
— Гдѣ ты былъ, гдѣ разгуливалъ?—
Святой Егорій, свѣтъ, глаголуетъ:
«Ой сударыня моя матушка,
«Святая премудрая Софія!
«Былъ я у злодѣя царища Діоклитіанища,
«Претерпѣлъ я муки разныя.
«Государыня моя матушка,
«Воздай мнѣ свое благословеніе:
«Поѣду я по всей землѣ свѣтло-русской
«Утвердить вѣру христіанскую.»
«Благослови, родимая родная мутушка,
«Меня итьти ко злому царю Діоклитіанищу,
«Отплатить ему дружбу прежнюю,
«Отлить мнѣ кровь своего батюшки.»
Возговоритъ Егорью родная матушка:
— Мое дитятко ты премладое!
— Гдѣ жь тебѣ иттить ко злому царю Діоклитіанищу!
Возговоритъ Егорій своей родной матери:
«Благословишь—пойду, и не благословишь пойду!»
Свѣту Егорію мать глаголуетъ:
— Ты поди, мое чадо милое,
— Ты поди далече во чисты поля:
— Ты возьми коня богатырскаго
— Со двѣнадесять цѣпей желѣзныихъ,
— И со збруею богатырскою,
— Со вострымъ копьёмъ со булатныимъ
— И со книгою со евангельемъ.—
Тутъ же Егорій поѣзжаючи,
Святую вѣру утверждаючи,
Бусурманскую вѣру побѣждаючи,
Наѣзжалъ на лѣса на дремучіе:
Лѣса съ лѣсами совивалися,
Вѣтья по землѣ разстилалися,
Ни пройтить Егорью, ни проѣхати.
Святой Егорій глаголуетъ:
«Вы лѣсы, лѣсы дремучіе!
«Встаньте и разшатнитеся,
«Разшатнитеся, раскачнитеся:
«Порублю изъ васъ церкви соборныя,
«Соборныя да богомольныя,
«Въ васъ будетъ служба Господняя.
«Заростится вы, лѣса,
«По всей землѣ свѣтло-русской,
«По крутымъ горамъ по высокіимъ.»
По Божьему все повелѣнію,
По егоріеву все моленію,
Разрослись лѣса по всей землѣ,
По всей землѣ свѣтло-русской,
Ростутъ лѣса, гдѣ имъ Господь повелѣлъ.
Еще Егорій поѣзжаючи,
Святую вѣру утверждаючи,
Наѣзжалъ Егорій на рѣки быстрыя,
На быстрыя, на текучія:
Нельзя Егорью проѣхати,
Нельзя святому подумати,
«Ой вы еси, рѣки быстрыя,
«Рѣки быстрыя, текучія!
«Протеките вы, рѣки, по всей земли,
«По всей земли свято-русскіей,
«По крутымъ горамъ по высокіимъ,
«По темнымъ лѣсамъ по дремучіимъ,
«Теките вы, рѣки, гдѣ вамъ Господь повелѣлъ.»
По Божьему велѣнію,
По егоріеву моленію,
Протекли рѣки, гдѣ имъ Господь повелѣлъ.
Святой Егорій поѣзжаючи,
Святую вѣру утверждаючи,
Наѣзжалъ на горы на толкучія:
Гора съ горой столкнулися,
Ни пройтить Егорью, ни проѣхати.
Егорій святой проглаголывалъ:
«Вы горы, горы толкучія!
«Станьте вы, горы, по старому:
«Поставлю на васъ церьковь соборную,
«Въ васъ будетъ служба Господняя.»
Святой Егорій проѣзжаючи,
Святую вѣру утверждаючи,
Наѣзжалъ Егорій на стадо звѣриное,
На сѣрыхъ волковъ на рыскучіихъ;
И пастятъ стадо три пастыря,
Три пастыря да три дѣвицы,
Егорьевы родныя сѣстрицы.
На нихъ тѣла яко еловая кора,
Власъ на нихъ, какъ ковыль трава.
Ни пройтить Егорью, ни проѣхати.
Егорій святой проглаголывалъ:
«Вы волки, волки рыскучіе!
«Разойдитеся, разбредитеся,
«По два, по три, по единому,

«По глухимъ степямъ, по темнымъ лѣсамъ,
«А ходите вы поврéменно,
Пейте вы ѣшьте повелѣнное,
«Отъ свята̀ Егорья благословенное!»
По Божьему все повелѣнію,
По егоріеву моленію,
Разбѣгалися звѣри по всей земли,
По всей земли свѣтло-русскіей:
Они пьютъ-ѣдятъ повелѣнное,
Повелѣнное, благословенное
Отъ Егорія Храбраго.
Еще же Егорій поѣзжаючи,
Святую вѣру утверждаючи,
Бусурманскую вѣру побѣждаючи,
Наѣзжалъ Егорій на стадо на змѣиное.
Ни пройти Егорью, ни проѣхати.
Егорій святой проглаголывалъ:
«Ой вы гой еси, змѣи огненныя!
«Разсыптесь, змѣи, по сырой землѣ
«Въ мелкіе, дробные череньицы,
«Пейте и ѣшьте изъ сырòй земли.»
Святой Егорій проѣзжаючи,
Святую вѣру утверждаючи,
Пріѣзжалъ Егорій
Къ тому ко городу Кіеву
На тѣхъ вратахъ на херсонскіихъ
Сидитъ Черногаръ птица.
Держитъ въ когтяхъ осетра рыбу:
Святому Егорью не проѣхать будетъ.
Святой Егорій глаголуетъ:
«Охъ ты Черногаръ птица!
«Возвейся подъ небеса,
«Полети на Океанъ-море:
«Ты и пей и ѣшь въ Океанъ-морѣ;
По Божьему повелѣнію,
По егорьеву моленію,
Поднималась Черногаръ птица подъ нéбеса,
Полетѣла она на Океанъ-морѣ,
Она пьетъ и ѣстъ на Океанъ-морѣ.
Святой Егорій проѣзжаючи,
Святую вѣру утверждаючи,
Наѣзжалъ палаты бѣлы каменны,
Да гдѣ же пребываетъ царище Діоклитіанище,
Безбожный пёсъ бусурманище.
Увидѣлъ его царище Діоклитіанище,
Выходилъ онъ изъ палаты бѣлокаменной;
Кричитъ онъ по звѣриному,
Визжитъ онъ по змѣиному,
Устрашился у Егорія богатырской конь,
Палъ конь на сыру землю.
Вынимаетъ Егорій палицу боёвую,
Бьетъ коня по крутымъ бедрамъ,
Пробиваетъ кости до мозгу.
Отвѣчалъ ему конь человѣчьимъ голосомъ:
— Гой еси Егорій, святый Храбрый!
— Вынимай свой тугой лукъ
— И вкладывай калену стрѣлу,
— Пускай злодѣю въ челюсти,
— Отбей у него легкое съ печенью,
— Пролей кровь за батюшку и за матушку,
— И за родныхъ сестеръ! —
Вынималъ Егорій тугой лукъ
Кладывалъ калену стрѣлу,
Пущалъ въ царища Діоклитіанища,
Подымалъ палицу богатырскую,
Разрушилъ палаты бѣлокаменныя,
Очистилъ землю христіанскую,
Утвердилъ вѣру самому Христу,
Самому Христу, царю небесному,
Владычицѣ Богородицѣ,
Святой Троицѣ нераздѣлимыя.
Онъ беретъ свои три родныхъ сестры,
Приводитъ къ Іорданъ-рѣкѣ:
«Ой вы мои три родныхъ сестры!
«Вы умойтеся, окреститеся,
«Ко Христову гробу приложитеся:
«Набрались вы духу нечистаго,
«Нечистаго, бусурманскаго,
«На васъ кожа какъ еловая кора,
«На васъ власы какъ камышъ трава.
«Вы повѣруйте вѣру самому Христу,
«Самому Христу, царю небесному,
Умывалися, окрещалися, —
Камышъ-трава съ нихъ свалилася
И еловая кора опустилася.
Приходилъ Егорій
Къ своей матушкѣ родимой.
«Государыня моя матушка родимая,
«Премудрая Софья!
«Вотъ тебѣ три дочери,
«А мнѣ три родныхъ сестры!»
Егорьева много похожденія,
Велико его претерпѣніе:
Претерпѣлъ муки разноличныя
Все за наши души многогрѣшныя.

Поёмъ славу свята Егорія,
Свята Егорія, свѣтъ, Храбраго,
Во вѣки его слава не минуется
И во вѣки вѣковъ, аминь.

(Изъ «калѣкъ перехожихъ», Безсонова, вып. 2, стр. 440—456.)

д. Стихъ о Борисѣ и Глѣбѣ.

Во славноемъ Кіевѣ градѣ
Жилъ себѣ Володиміръ князь.
Имѣлъ себѣ трехъ сыновъ:
Старѣйшій братъ, Аполшій князь,
А меньшихъ два брата, Борисъ и Глѣбъ.
Живши-бывши, Володиміръ князь
Сталъ своимъ чадамъ благословляти,
А удѣльными градами надѣляти:
Старѣйшему брату Черниговъ градъ,
Борису и Глѣбу Кіевъ градъ.
Живши-бывши Володиміръ князь
Въ домѣ своемъ переставился.
Чады его возлюбленные
Со славою его погребали;
Разъѣзжалися во разныя страны:
Старѣйшій братъ въ Черниговъ градъ,
А Борисъ и Глѣбъ во Кіевъ градъ.
Живши-бывши старѣйшій братъ,
Старѣйшій братъ, Аполшій князь
Въ умѣ своемъ разумѣ смѣшался;
И пишетъ князь зло-писаніе
Двумъ братамъ Борису и Глѣбу:
«Вы меньшіе братья, святые князья,
«Святые князья, благовѣрные,
«Два брата мои, Борисъ и Глѣбъ!
«Прошу я васъ на пиръ пировать,
«Во честный вамъ пиръ пировать:
«Мы будемъ въ моемъ домѣ отца поминать.»

Послы его прихождали,
И посыльный листъ приносили
Двумъ братамъ Борису и Глѣбу.
Два брата Борисъ и Глѣбъ
Посыльный листъ принимали,
Предъ матушкой прочитали;
И начали плакати-рыдати,
И жалобнымъ гласомъ причитати.
Имъ матушка говорила:
— Возлюбленные мои чада,
— Святые князья благовѣрные!
— Не ѣздите вы къ большому брату въ гости:
— Къ старѣйшему брату Святополкію
— Не на пиръ онъ зоветъ пировати,
— Не отца въ своемъ домѣ поминати,
— Хочетъ онъ васъ затребити,
— Всею Росеей завладати,
— Со всѣми со удѣльными городами
— Со всѣми со вѣрными со слугами.—
Они матушки не слушались,
Садились на добрыхъ коней,
Поѣхали къ большому брату въ гости,
Къ старѣйшему брату и къ большему князю.

Аполшій князь, ненавистный-злой,
Не въ домѣ онъ братіевъ встрѣчаетъ,
Встрѣчаетъ далече въ чистомъ полѣ,
Свирѣпо на братьевъ взираетъ.
Два брата Борисъ и Глѣбъ
Видютъ они напасть свою,
Слѣзаютъ со добрыхъ коней,
Упали къ большому брату въ ноги,
Старѣйшему брату Святополку;
Борисъ упалъ въ правую ногу,
А Глѣбъ упалъ въ лѣвую;
Начали они плакать и рыдати,
И жалобнымъ гласомъ причитати:
««Любимый ты нашъ старѣйшій братъ,
««Старѣйшій братъ, А-большій князь!
««Не срѣжь ты главы незрѣлыя,
««Не пролей ты крови христіанской,
««Крови христіанской по напрасну!
««Возьми ты насъ въ рабы себѣ,
««Работай ты нами какъ рабами!»»
А-большій князь, ненавистный-злой,
Ни на что злодѣй не возвираетъ,
Ни на плаканье, ни на рыданье,
Ни на жалобное ихъ причитанье:
Бориса взялъ копьемъ вружилъ,
А Глѣба ножемъ зарѣзалъ;
И повелѣлъ эти тѣла, Борисово,
Борисово и Глѣбово,
Затащить во темны лѣса.
И садился злой на добрый конь,
И сталъ разъѣзжать и похвалятся:
«Слуги мои вѣрные!
«Топерича наша вся Росея.
«Со всѣми со удѣльными городами,
«Со всѣми со вѣрными со слугами!»
А Господь хвалы не слушаетъ,

Ссылаетъ Господь двоихъ ангеловъ
Со копіемъ со вострымъ;
Повелѣлъ Господь землю подрѣзати,
Подрѣзати и потрясати:
И они землю подрѣзали,
Подрѣзали и потрясали:
Земля съ кровію смѣшалася,
Вся вселенная ужаснулася,
Словно въ синіемъ морѣ волны всколыхалися.
Онъ думалъ, злодѣй, рай растворился,
Анъ самъ сквозь сырой земли провалился.
А тѣ тѣла, Борисово,
Борисово и Глѣбово,
Лежали ровно тридсять лѣтъ:
Ни звѣрь ихъ ни птица не тронули,
Ни мрачное помраченіе,
Ни солнечное попеченіе.
Какъ тридцать лѣтъ миновалося,
Явилося явленіе:
Явился столбъ красный огненный,
Отъ земли и до неба;
Къ тому столбу огненному
Сходилися-съѣзжалися
Цари, власти и патріярхи,
И всѣ православные христіане:
Служили молебны благочестны
Двумъ братамъ Борису и Глѣбу;
Святыя тѣла обрѣтоша намъ
Двухъ братьевъ Бориса и Глѣба;
Отъ святыхъ мощей было прощеніе;
Погребали ихъ, свѣтовъ, со славою.
А мы поемъ славу Борисову,
Борисову славу и Глѣбову.
Во вѣки вѣковъ, аминь.

(Чтенія Истор. Общ. № 9, 1848)

е.

О двухъ Лазаряхъ.

Жили да были два брата родные — оба Лазаря—
На вольныимъ свѣту;
Единая ихъ матушка воспородила,
Да не единою долею ихъ Господь надѣлилъ:
Большому-то брату Лазарю богатства тьма,
Меньшому-то брату Лазарю убожество и рай.
Сослалъ Господи на убогаго гнѣвъ:
Лежалъ же убогъ Лазарь онъ весь во труду, весь во гноищѣ.
Воскликнетъ онъ возгаркнетъ громкимъ голосомъ:
«—Ой милый братецъ мой, богатый Лазарь!
За имя Господне призри ты меня,
За имënье Христово напой накорми!
Сегодня я, братецъ мой, не пилъ, не ѣдалъ,
И хлѣба я, соли въ ротъ не бралъ.»
Воскликнулъ же, возгаркнулъ богатый Лазарь
Громкимъ своимъ голосомъ:
«—Что-жъ ты за невѣжа—такой человѣкъ?
Братомъ меня нарекаешь.
А и есть у меня братья, каковъ я самъ богатъ:
Купцы-те да бояра—то братія мои;
Попы-те у меня церковны—то хлѣбъ соль съ ними една у меня.
А есть у меня два люты пса;
Али они-то братья твое.
Плюнулъ же богатъ Лазарь, самъ прочь отошелъ;
Восходилъ же богатъ Лазарь въ палаты свои,
Садился богатъ Лазарь хлѣбъ—соль вокушать,
Садился богатъ Лазарь пойло испивать.
А есть у богата два лютые пса:
Подстольемъ они ходятъ.
Оброшныя крошечки собираютъ,
Къ убогому Лазарю приназиваютъ,
Убогаго Лазаря пропитываютъ,
Во гноищѣ его раночки зализываютъ,

Вставалъ же убогъ Лазарь онъ весь исцѣленъ,
Вставалъ же убогой на рѣзвы ноги,
Молитву онъ творилъ самъ ко Господу:
«—О Господи! услыши молитву мою,
Да восприми, Господи, на хвалы свои,
Создай мнѣ, Господи, грозныхъ Ангеловъ,
А грозныхъ Ангеловъ, все не милосливыхъ,
По мою по душеньку по Лазареву.
Не такъ моя душенька поцарствовала,
Живучи, бывучи на вольнымъ свѣту.»
Выслушалъ же Господи молитву его,
Да воспринялъ Господи на хвалы къ себѣ,
Сослалъ ему Господи тихiихъ Ангеловъ,
Тихiихъ Ангеловъ, милосливыхъ,
По его по душу по Лазареву.
Вынимали его душеньку честно—хвально въ сахарны уста,
Положили его душеньку на Божью пелену,
Воздымали его душеньку вверхъ на небеса;
Отдавали его душеньку ко Якову, въ рай:
«Вотъ тебѣ, святой отецъ Iаковъ, святая душа!»
Опослѣ богатый Лазарь не долго онъ живетъ:
Охочъ былъ богачъ Лазарь пиры пировать,
Охочъ былъ богачъ Лазарь торгомъ торговать,
Охочъ былъ богачъ Лазарь проклажатися,
Охочъ былъ богачъ Лазарь похвалятися;
Пошелъ же богатъ Лазарь изъ пиру домой;
Воздымало богатаго повыше его,
Обряшило богатаго о мать о сыру землю;
Лежалъ богачъ Лазарь день до вечера,
Во всю темну ноченьку до бѣлой зари;
На бѣлую на зареньку образумился,
Да не узрилъ богачъ Лазарь свѣту вольнаго,
Да не узрилъ богачъ Лазарь дому своего,
Да не узрилъ богачъ Лазарь жены и дѣтей;
Молитву онъ творитъ самъ ко Господу:
«О Господи, Спасъ милостивый!
Восприми, Господи, молитву мою,
Создай ты мнѣ, Господи, тихихъ Ангеловъ,
Тихихъ Ангеловъ, все милостивыхъ,
По мою ли по душеньку, Лазареву.
Не такъ моя душенька помаялася,
А живучи, бывучи на вольнымъ свѣту.»
Выслушалъ же Господи молитву его,
Не воспринялъ Господи на хвалы свои,
Сослалъ ему Господи грозныхъ Ангеловъ,
А грозныхъ Ангеловъ, не милостивыхъ
По его ли по душеньку, по Лазареву.
Вынимали его душеньку не честно, не хвально
Сквозь реберъ его—костей.
Воздымали его душеньку весьма высоко,
Обрѣшили его душеньку во тьму глубоко,
Во тьму глубоко, во плящiй огонь.
Узрилъ же богачъ Лазарь изъ муки, въ рай,
Да узрилъ же богачъ Лазарь Обрамiя въ раю,
Опослѣ Обрамiя—брата своего.
«Ой, милый братецъ, убогiй Лазарь,
Есть у тебя, братецъ, правая рука,
На правой на рученькѣ есть мизинный перстъ,
Обмокни-ко-сь, родимый, холодной водой,
Закропи-ко-сь, родимый, мой палящiй огонь!
Кабы мнѣ, родимый мой, всему не сгорѣть?»
Отвѣтъ ему держитъ убогiй Лазарь:
«— Какой ты мнѣ еси братецъ, какой ты родной?

А есть у меня братья, каковъ ты самъ богатъ.
Купцы-те, бояре-то братья твои и т. д.»
Отвѣтъ ему держитъ богатый Лазарь:
«Ой милый братецъ мой, убогій Лазарь!
Купцы-те, бояре всѣ забросили меня;
Попы-те, церковники миновалися;
Злато мое, серебро земля пожрала,
Цвѣтное мое платьице все тлѣнъ воспринялъ.»
Отвѣтъ ему держитъ убогій Лазарь:
Ой, милый братецъ мой, богатый Лазарь!
Что же ты, родимый, на томъ свѣту не поилъ не кормилъ,
У темной ноченьки не прикрывалъ,
Съ укропною свѣчею ты меня не провожалъ?»
Отвѣтъ ему держитъ богатый Лазарь:
«Ой милый братецъ мой, убогій Лазарь!
Чтожъ ты мнѣ, родимый, прежде не сказалъ?
Поилъ бы я, родимый мой, поилъ бы и кормилъ,
У темной ноченьки я бы укрывалъ,
Съ укропною свѣчею я бы провожалъ.»
Отвѣтъ ему держитъ Обрамей изъ раю:
«Вспокаялся братъ, Лазарь, да не во время!
Подернуло адъ кромѣшный травой-муравой!»

(изъ Сборника Варенцова.)

ж.

О Лазарѣ.

Варіантъ.

Были два брата родные—
Одинъ братъ богатый, другой Лазарь убогой.
Пришелъ же убогой ко его ко двору,
Сказалъ же убогой братцу своему:
—«Братецъ, ты, братецъ, богатый человѣкъ!
Сотвори мнѣ, братецъ, святую милостинку.»
Сказалъ же богатый убогому Лазарю:
«У меня ли братьевъ такихъ въ роду нѣтъ,
А твои ли братья—подстольные псы,
Подстольныя крошечки подбираютъ,
Убогую душеньку пропитываютъ.»
Сошелъ же убогой съ его со двора,—
И легъ же убогой предъ его врата;
Воззрилъ же убогой на небеса:
«Сошли ты мнѣ, Господи, скорую смерть,
Пошли ты мнѣ, Господи, грозныхъ Ангеловъ,
Грозныхъ, немилостивыхъ,
Чтобъ вынули душеньку сквозь реберъ моихъ
Желѣзными крючьями».
Сослалъ ему Господи тихихъ Ангеловъ,
Тихихъ и милостивыхъ;
Вынули душеньку и хвально, и честно
Въ сахарныя уста;
Положили душеньку на пелену,
Понесли же душеньку на аеръ высоко,
Понесли же душеньку къ Аврамію въ рай.
Богатый же всегда веселился
Съ гостьми за трапезой,
И въ ризы златыя всегда облачался.
Пришла же къ богатому лютая болѣзнь;
Возопилъ богатый веліимъ гласомъ:
«Пошли ты мнѣ, Господи, долгую жизнь!...»
Послалъ ему Господи лютую смерть;
Послалъ ему Господи грозныхъ Ангеловъ,—
Грозныхъ, немилостивыхъ;
Вынули душеньку сквозь ребра его
Желѣзными крючьями;
Понесли душеньку во адъ къ сатанѣ,
Положили душеньку на огненный костеръ.
Воззрилъ же богатый на небеса,
Узрилъ же богатый убогаго Лазаря
Въ раю съ Авраамiемъ.
Возопилъ богатый веліимъ гласомъ:

«Отче Авраамій, я стражду и мучуся!
Пошли ты мнѣ, Отче, съ убогимъ Лаваремъ
Единую каплю воды—
Промочить мои горячія уста!»
—Нѣтъ, чадо, не можно отсель къ вамъ перейти!
Ты, чадо, тамъ жилъ, наслаждался,
А Лазарь убогой терпѣлъ и страдалъ;
Теперь же ты будешь во адѣ вѣкъ мучиться,
А Лазарь убогой въ раю ликовать».

(Оттуда же.)

3.

Стихъ о прекрасномъ Іосифѣ.

Блаженъ еси, Іакове,
Имѣлъ еси дванадесять сына
И меньшаго любилъ еси
Прекраснаго Іосифа.
Іосифъ еси, въ дому сѣдя,
Отчу старость утѣшаше;
Старѣйшая его братья
Въ долинѣ овцы пасяше;
Іаковъ же Іосифа
Посла братью посѣтити.
Увидѣвши его братья
Приближающагося къ нимъ,
Начаша на нь помышляти
Како его въ ровъ вовредци бы.
Похватиша, яко волцы
Нежалостно ризу совлекоша.
Іосифъ же цѣлова ихъ,
Посяще миръ отъ отца.
Братья же его лукавіи
Зубы на него скрежетаху,
Хотяху жива пожрети
Прекраснаго Іосифа.
Іосифъ же, видя себя
Отъ братіи поругана,
Нача молитися братіи
Со слезами глаголаше:
«О братія любимая!
Что на мя руцѣ простроша?
Молюся всѣмъ вамъ, братіе!
Примите рыданіе мое,
Пустите меня отъ себе,
Да пойду ко Іакову,
Да возвѣщу ему о васъ,
Яко вы здрави есте.»
Здѣ похватиша его братія
И въ ровъ глубоку ввергоша.
Іосифъ же, въ ровѣ сѣдя,
Слезы съ рыданьми испущаше
И плачася глаголаше:
«Разлучихся отъ отца моего.
Отче, Отче, Іакове!
Услыши гласъ плача моего
И болѣзнь сердцу моему.
Се нынѣ азъ въ ровъ вверженъ,
Желаю старость твою зрѣти,
Се нынѣ чаеши
Мене къ себѣ скоро возвратитися;
Се нынѣ азъ въ ровѣ сѣдя
Горше мертвеца погребенъ есть.
Восплачися, Іакове,
О разлученіи моемъ отъ тебе.
Кто бы ми далъ голубицу
Вѣщающу бесѣдами къ отцу моему,
Да прилетѣвшу возвѣстити старости
Твоей слезы мои.
Уже бо не зриши мене
Утѣшающа старость твою,
Ни гласа моего слышиши
Глаголюща предъ тобою, отче мой!»
Братія же его лукавіи
Совѣтъ себѣ сотвориша,
Како бы отцу сказати
О прекрасномъ Іосифѣ.
Козла въ стадѣ зарѣзаша
И ризу его окровавиша,
Понесоша ю ко отцу Іакову,
Глаголюще ему:
«Отче, Отче, Іакове!
Сія риза брата нашего
Прекраснаго Іосифа:
Обрѣтохомъ ю на полѣ
Лежащу, окровавлену.»
Іаковъ же взявъ ризу его,
Слезами ризу обмывая, глаголя:

«Гдѣ ты, чадо, убіенъ бысть?
Да шедъ-бы азъ плакался
Надъ твоею красотою.
Кому повѣмъ печаль свою?
Кого призову къ рыданію своему?
Увы мнѣ! увы мнѣ!
Сыне прекрасный мой, Іосифе!
Утроба моя мятется
Тебѣ ради сына моего.
Аще, чадо, убіенъ бысть,
Не бы твоя риза осталася.
Аще, чадо, звѣрь тя изъѣлъ,
Знати бы было на ризѣ
Хватаніе, органіе
Лютаго звѣря зубнаго.»
Большая же его братія
Продаша купцамъ во Египетъ
Прекраснаго Іосифа,
И бысть царемъ во Египтѣ
И богоугодно скончася.

(Оттуда же.)

3. СЕМЕЙНЫЯ ПѢСНИ.

а.

Соколы мои, соколы,
Соколы мои залетныя!
Вы гдѣ-же летали?—
И мы летали, летали
Съ города на городъ,
Летали съ поля на поле.
И вы что-жъ тамъ видѣли?—
И мы видѣли, видѣли
Сѣру утицу на морѣ.
Для чего жъ вы ее не взяли?—
Хоть мы ее и не взяли,
Крылья, перья повыщипали.
Иванъ, господинъ, выходилъ на ново крыльцо,
Онъ бояръ, господъ всѣхъ спрашивалъ:
И вы гдѣ, бояре, ѣздили?—
И мы ѣздили, ѣздили
Съ городу на городъ.
И вы что жъ тамъ видѣли?—
И мы видѣли, видѣли
Красну дѣвицу въ терему,
Свѣтъ Настасью душу,
Настасью Петровну.
Для чего жъ вы ее не взяли?—
Хоть мы ее и не взяли,
Къ Воскресенью примолвили.

б.

Ты Иванъ, сударь, Петровичъ,
Ты у меня уродился хорошъ-пригожъ,
Досужливъ, вѣжливъ и талантливъ.
А какъ ко тещѣ въ домъ придешь,
Сперва Богу помолись,
Тестю низехонько поклонись,
Чтобъ былъ ни свирѣпъ, ни угрюмъ;
А какъ ко тещѣ въ теремъ войдешь,
Помолись Богу лучше того,
Тещѣ поклонись ниже того,
Чтобы была ни спѣсива, ни горда,
Чтобы была добра да ласкова,
Не нудила бы твою суженую,
Не грустила бы, не слезила бы
Марьюшка, душа Ивановна;
Ужъ она ли у батюшки на нѣгѣ росла,
Ужъ она ли у матушки
Слезинки не выронила,
А какъ къ суженой пойдешь,
Берись за бѣлы руки,
Поздоровайся, повидайся,
Справь поклоны отъ отца и матери,
Сажай съ собою за дубовый столъ,
Ты тѣшь ее орѣшками, пряничками;
А какъ сядешь за красный столъ,
Вели честной свашенькѣ
Подавать краснымъ дѣвушкамъ
Гостинцы, яства сахарныя,
Чтобы онѣ тебя величали,
Твою суженую возвышали.

в.

Какъ у Ефима ли во свѣтличкѣ,
У Гавриловича во свѣтлой,
Предъ святымъ образомъ,
Загоралися свѣчи,
Воска яраго свѣчи,
Загоралися свѣтлехонько,
Засвѣтилися яркохонько,
Что возговоритъ Ефимъ, господинъ,
Ефимъ, сударь, Гавриловичъ:
Ты, дитя ли мое, дитятко,
Ты, дитя ли мое, милое,
Машенька, душа Ефимовна!
Подойди ко святому образу,
Поклонись трижды до земли;
Помолися поприлежнѣе,
Чтобы далъ Богъ тебѣ суженаго:
Ласковаго, привѣтливаго,
Любовнаго, совѣтливаго,
Чтобы годъ шелъ за недѣлюшку,
Недѣлюшка за денечекъ шла.

г.

Не былинушка въ чистомъ полѣ зашаталася,
Зашаталася безпріютная головушка,
Безпріютная головушка, молодецкая;
Ужъ куда я, добрый молодецъ, ни кинуся,
Что по лѣсамъ, по деревнямъ все заставы,
На заставахъ-ли все крѣпки караулы;
Они меня ловятъ, стерегутъ;
Что куда-то ни пойду, братцы, ни поѣду,
Что ни въ чемъ-то мнѣ, добру молодцу, нѣтъ счастья;
Я съ дороженьки, добрый молодецъ, ворочуся,
Государынѣ своей матушкѣ спрошуся.
Ты скажи, скажи, моя матушка родная:
Подъ которой ты меня звѣздой породила?
Ты какимъ меня и счастьемъ надѣлила?

д.

Калину съ малиною вода поняла:
На ту пору матушка меня родила;
Не собравшись съ разумомъ, за мужъ отдала,
На чужедальнюю на сторонушку.
Чужая сторонушка безъ вѣтру сушитъ;
Чужой отецъ съ матерью безвинно крушитъ;
Не буду я къ матушкѣ ровно три годка,
На четвертый къ матушкѣ пташкой полечу,
Горемышной пташечкою, кукушечкой.
Сяду я у матушки во зеленомъ саду,
Своимъ кукованьемъ весь садъ изсушу,
Слезами горючими весь садъ потоплю,
Родимую матушку сердцемъ надорву.
Матушка по сѣничкамъ похаживаетъ,
Невѣстушекъ-ластушекъ побуживаетъ:
Вы встаньте, невѣстушки, голубушки мои!
Что у насъ за пташка въ зеленомъ саду?
Большая невѣстка велитъ застрѣлить,
Меньшая невѣстка проситъ погодить;
Родная сестрица, залившись слезами,
Молвила: не наша-ль горюна сюда
Прилетѣла пташкой съ чужой стороны?

е.

Ахъ, вы горы, горы крутыя!
Ничего-то вы горы не породили,
Что ни травушки, ни муравушки,

Ни лазоревыхъ цвѣточковъ, василечковъ;
Ужъ вы только породили круты горы,
Бѣлъ горючь камень, великъ добрѣ,
Что на камушкѣ растетъ ли частъ ракитовъ кустъ,
Что подъ кусточкомъ лежитъ — убитъ добрый молодецъ,
Разметавъ свои руки бѣлыя,
Растрепавъ свои кудри черныя,
Изъ ребръ его поросла трава,
Ясны очи его пескомъ засыпались.
Что не ласточка, не касаточка
Вкругъ тепла гнѣзда увивается,
Увивается его матушка родимая.
Ахъ! какъ я тебѣ, сынъ, говаривала:
Не водись, мой сынъ, со бурлаками,
Что со бурлаками, со ярыгами;
Не ходи, мой сынъ, во царевъ кабакъ,
Ты не пей, мой сынъ, зелена вина;
Потерять тебѣ, сыну, буйну голову!

ж.

Ахъ, ты поле мое, поле чистое!
Ты раздолье мое, широкое!
Ахъ, ты всѣмъ, поле, изукрашено,
Ты травушкой и муравушкой,
Ты цвѣточками, василечками:
Ты однимъ поле обезчещено,
Что посреди тебя поля чистаго
Выросталъ тутъ частъ ракитовъ кустъ,
Что на кусточкѣ, на ракитовомъ,
Какъ сидитъ тутъ младъ сизъ орелъ,
Въ когтяхъ держитъ черна ворона,
Онъ точитъ кровь па сыру землю.
Подъ кустикомъ подъ ракитовымъ,
Что лежитъ убитъ добрый молодецъ,
Избитъ, израненъ, исколотъ весь.
Что не ласточки, не касаточки
Кругъ тепла гнѣзда увиваются,
Увивается тутъ родная матушка;
Она плачетъ—какъ рѣка льется,
А родна сестра плачетъ—какъ ручей течетъ,
Молода жена плачетъ—какъ роса падетъ,
Красно солнышко взойдетъ, росу высушитъ!

з.

Ни въ умѣ было, ни въ разумѣ,
Въ помышленьѣ того не было,
Чтобъ красной дѣвицѣ замужъ идти.
Соизволилъ такъ сударь батюшка,
Похотѣла такъ моя матушка
Ради ближнева перепутьица;
И я въ торгъ пойду, побывать зайду,
Изъ торгу пойду, ночевать зайду.
Я спрошу у своей дитятки:
Каково жить въ чужихъ людяхъ?—
Государыня моя матушка!
Отдавши въ люди стали спрашивать:
Во чужихъ людяхъ жить умѣючи,
Держать голову поклонную,
Ретиво сердце покорное.
Ахъ вечеръ меня больно свекоръ билъ,
А свекровь, ходя, похваляется:
Хорошо учить чужихъ дѣтей,
Нероженыхъ, нехоженыхъ,
Невспоеныхъ и невскормленыхъ.

і.

Ахъ, кабы на цвѣты да не морозы,
И зимой бы цвѣты разцвѣтали;
Ахъ, кабы на меня да не кручина,
Ни о чемъ бы я не тужила,
Не сидѣла бы я подпершися,
Не глядѣла бы я во чисто поле.
И я батюшкѣ говорила:
Не давай меня, батюшка, замужъ,

Не давай государь, за неровню;
Не мѣчись на большое богатство,
Не гляди на высоки хоромы.
Не съ хоромами жить—съ человѣкомъ,
Не съ богатствомъ жить мнѣ—съ свѣтомъ.

И.

Свѣтелъ мѣсяцъ, родимый батюшка!
Красно солнышко, родима матушка!
Не бейте вы полу о полу,
Не хлопайте вы пирогъ о пирогъ,
Не пробивайте вы меня бѣдную,
Не давайте вы меня горькую,
На чужу дальну сторонушку,
Ко чужому отцу, ко чужой матери.
Какъ чужіе-то отецъ съ матерью
Безжалостливы уродилися:
Безъ огня у нихъ сердце разгорается,
Безъ соломы у нихъ гнѣвъ раскипается;
Насижусь-то я, у нихъ, бѣдная,
На концѣ стола дубоваго,
Нагляжусь-то я, наплачуся.

К.

Ужъ какъ палъ туманъ на сине море,
А злодѣй-тоска въ ретиво сердце;
Не сходить туману съ синя моря,
Ужъ не выдти кручинѣ изъ сердца вонъ.
Не звѣзда блеститъ далече во чистомъ полѣ,
Курится огонечекъ малешенекъ;
У огонечка разостланъ шелковой коверъ,
На коврикѣ лежитъ удалъ добрый молодецъ
Прижимаетъ платкомъ рану смертную,
Унимаетъ молодецкую кровь,горючую,
Подлѣ молодца стоитъ тутъ его добрый конь,
И онъ бьетъ своимъ копытомъ въ мать сыру землю,
Будто слово хочетъ вымолвить своему хозяину:
Ты вставай, вставай, удалъ добрый молодецъ!
Ты садись на меня, своего слугу,
Отвезу я добра молодца на родиму сторону,
Къ отцу, матери родимой, къ роду племени,
Къ малымъ дѣтушкамъ, молодой женѣ!
Какъ вздохнетъ тутъ удалъ добрый молодецъ;
Подымалась у удалова его крѣпка грудь,
Опустилися у молодца бѣлы руки,
Растворилась его рана смертельная,
Пролилась ручьемъ кровь горючая;
Тутъ промолвилъ добрый молодецъ своему коню:
Ахъ ты, конь, мой конь, лошадь вѣрная!
Ты товарищъ въ полѣ ратномъ,
Добрый пайщикъ службы царской!
Ты скажи моей молодой вдовѣ,
Что женился я на другой женѣ,
Что за ней я взялъ поле чистое;
Насъ сосватала сабля острая,
Положила спать калена стрѣла.

Л.

Ты рябинушка, ты кудрявая,
Ты когда взошла, когда выросла?
Ты рябинушка, ты кудрявая,
Ты когда цвѣла, когда вызрѣла?
— Я весной взошла, лѣтомъ выросла,
Я весной цвѣла, лѣтомъ вызрѣла,—
Подъ тобою ли, подъ рябинушкой,

Что не макъ цвѣтетъ, не трава ростетъ,
Не трава ростетъ, не огонь горитъ,
Не огонь горитъ—ретиво сердце,
Ретиво сердце, молодецкое.
Ахъ, горитъ, горитъ, какъ смола кипитъ,
По душѣ-ль, душѣ, по лебедушкѣ,
По лебедушкѣ, по голубушкѣ,
По голубушкѣ, красной дѣвицѣ.
Ты душа-ль, душа, красна дѣвица!
На зарѣ-ль, зарѣ, зарѣ утренней,
При восходѣ ли свѣтла солнышка,
Не простившися съ отцемъ, съ матерью,
Не видавшись съ добрымъ молодцомъ,
Жизнь оставила, скончалася.
Ой, вы вѣтры, вѣтры теплые,
Вѣтры теплые, вы осенніе!
Вы не дуйте здѣсь, васъ не надобно.
Прилетайте вы, вѣтры буйные,
Что со сѣверной со сторонушки,
Вы развѣйте здѣсь мать сыру землю,
И развѣявши по чисту полю,
По чисту полю, по широкому,
Вы раскройте мнѣ гробову доску,
Ужъ и дайте мнѣ вы въ послѣдній разъ
Распрощатися съ моей милою,
Съ моей милою, душей дѣвицей!
Окропивъ ее горячей слезой,
Я вздохну, умру подлѣ ней тогда!

———

м.

Выдавала меня матушка далече замужъ,
Хотѣла матушка часто ѣзжати,
Часто ѣзжати, подолгу гостити.
Лѣто проходитъ, матушки нѣту;
Другое проходитъ, сударыни нѣту;
Третье въ доходѣ, матушка ѣдетъ....
Ужъ меня матушка не узнаваетъ:
—Что это за баба, за старуха?—
Я, вѣдь, не баба, я не старуха:
Я твое, матушка, милое чадо.
— Гдѣ твое дѣвалося бѣлое тѣло?
Гдѣ твой дѣвался алый румянецъ?—
Бѣлое тѣло на шелковой плеткѣ,
Алый румянецъ на правой на ручкѣ:
Плеткой ударитъ—тѣла убавитъ,
Въ щеку ударитъ — румянцу не станетъ.

———

н.

Отдавали молоду
Въ чужедальню сторону,
Во чужую во семью,
Въ непокрытую избу:
Есть и свекоръ, и свекровь,
Есть и трое деверьевъ,
Три золовушки,
Да три тетушки....
Ужъ какъ свекоръ говоритъ:
Къ намъ медвѣдицу везутъ....
А свекровь то говоритъ:
Людоѣдицу везутъ....
Деверья-то говорятъ:
Къ намъ непряху везутъ....
А золовки говорятъ:
Къ намъ неткаху везутъ....
Ужъ какъ тетушки стоятъ,—
Все про то-же говорятъ....

———

о.

Мимо моего садика,
Мимо моего зеленаго,
Пролегала дороженька,
Широкимъ не широкая,
Только очень пробойста:
Какъ по той по дороженькѣ
Дочь отъ матери ѣхала,
Горячо слезно плакала,
Соловейкѣ наказывала:
Ты лети, соловеюшко,
На родиму сторонушку,
Ты и сядь во зеленый садъ,
На любимую яблоньку,
Утѣшай мою матушку,
Чтобъ она государыня,
Не тужила, не плакала
На чужихъ дѣтей глядючи,
Ко своимъ примѣняючи.

———

II.

У насъ было въ новомъ городѣ,
Въ новомъ городѣ во Саратовѣ;
На зарѣ было на утренней,
На восходѣ красна солнышка,
У купца ли, купца, у богатова,
У богатова, у Шахматова,
Несчастьице не малое,
Какъ жена-то мужа потеряла:
Вострымъ ножечкомъ зарѣзала,
Въ холостой его погребъ бросила,
Дубовой доской захлопнула,
Да желтымъ пескомъ засыпала;
Сама взошла въ нову горницу,
Во столовую свѣтлицу,
Она сѣла подъ окошечко,
Подъ хрустальное стеклышко,
Сама плачетъ какъ рѣка льется.
Прилетѣли къ ней два сокола,
Два сокола, два ясныихъ,
Деверья ея любезные:
«Здравствуй, сноха-невѣстушка,
Сноха, бѣлая лебедушка!
Гдѣ же братецъ нашъ Иванушка?»
— Вашъ братецъ увелъ коня поить.—
«Ты сноха наша, невѣстушка,
Сноха бѣлая-лебедушка!
Его добрый конь въ конюшенкѣ,
Шелкова узда на гвоздикѣ.
Ты сноха-ль наша, невѣстушка,
Сноха бѣлая-лебедушка!
Да что у тебя въ избѣ за кровь?—
— Бѣлу-рыбицу я пластала
Бѣла-рыбица больно билася.—
«Ты сноха-ль наша, невѣстушка,
Сноха бѣлая-лебедушка!
Да гдѣ братецъ нашъ Иванушка?»
— Соколы вы мои ясные,
Деверья мои любезные!
Вы возьмите саблю вострую,
Вы срубите мнѣ буйну голову!
Вашего братца я потеряла:
Вострымъ ножичкомъ зарѣзала,
Въ холостой погребъ бросила,
Дубовой доской захлопнула,
Да желтымъ пескомъ засыпала.

4. ИСТОРИЧЕСКАЯ СКАЗКА.

Про Мамая-безбожнаго.

На Руси было на православной княжилъ князь тутъ Дмитрій Ивановичъ. Засылалъ онъ съ даньёй русскаго посла Захарья Тютрина къ Мамаю-безбожному, псу смердящему. Прàвится путемъ-дорòгой русской посолъ Захарій Тютринъ; пришелъ онъ къ Мамаю-безбожному, псу смердящему: «давай-примай, говоритъ, дань отъ русскаго князя Дмитрія Ивановича!» Отвѣчаетъ Мамай-безбожный: «покуль не омоешь ногъ моихъ и не поцѣлуешь бахилъ (¹), не приму я дани князя Дмитрія Ивановича.» Взадь (²) отвѣчаетъ русской посолъ Захарьо Тютринъ: «чѣмъ бы съ дороги мòлодца напоить-накормить, въ банѣ выпарить, втѣпоръ вѣстей попросить; а ты, Мамай-безбожный, песъ смердящій! того-пèрво велишь мыть твои басурманскія ноги и цѣловать бахилы; не слѣдъ мыть ноги и цѣловать бахилы русскому послу Захарью Тютрину! Пусть поганой татаринъ, Мамай-безбожный, буде есть вѣра, цѣлуетъ ноги русскаго посла Захарья Тютрина!» Разъярился собака-татаринъ, рвалъ свои чорныя кудри, металъ ихъ наземь—по застолью, княжескія бумаги придралъ, и писалъ свои ярлыки скорописчатые: «когда будетъ овесъ кудрявъ, баранъ мохнатъ, у коня подъ копытомъ трава и вода, втѣпоръ Мамай-безбожный будетъ съ святой Русью воевать: втѣпоръ мнѣ ни воды, ни хлѣба не надо!»

Набралъ онъ изъ татаръ сильныхъ, могучихъ богатырей тридцать человѣкъ безъ одного, посылаетъ ихъ на нечестное побоище: «пошли (³), говоритъ, слуги мои вѣрные!» попервѣе русскаго посла Захарья Тютрина; дорòгой ухо-

---

(¹) Обувь, сапоги (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 8). (²) Наоборотъ (ibidem, стр. 24). (³) Пойдите.

дите его въ темныхъ лѣсахъ, въ крутыхъ угорахъ, а тѣло вздымите на лѣсину въ откормку птицамъ.» Пра̀вится путемъ-доро̀гой русской посолъ Захарій Тютринъ; пристигала его темна ночь на бору: не оснащается ночевать—однò идетъ впередъ. Поутру, на восхожемъ на солнушкѣ, видитъ русской посолъ Захарій Тютринъ: выходятъ изъ лѣсу тридцать безъ одного сильныхъ, могучихъ богатырей. Не у̀робилъ Захарій Тютринъ поганыхъ татаровей, захватилъ обѣручъ (1) корзова̀тую (2) ура̀зину (3) и ждетъ незванныхъ гостей. Ударили татаровья на Захарья Тютрина, поставили на окру̀гъ (4) добраго мо̀лодца. Учалъ Захарко поворачиваться, учалъ онъ уразиной гостей чествовать: кого разъ ударитъ — грязьё̀й сдѣлаетъ. Не въ моготу стало поганымъ татаровямъ супротивничать русскому послу Захарью Тютрину, учали они канаться (5) ему хорошими рѣчми: «отпусти ты насъ живьёмъ, русской посолъ Захарій Тютринъ; не посмѣемъ больше перечить тебѣ!» Глядитъ Захарко на сильныхъ, могучихъ богатырей: изъ тридцати головъ безъ одной остались живы только пять головъ, да и тѣ уразиной испроломаны, кушаками головы завязаны; сжаля̀лся онъ надъ погаными нехристями, отпустилъ ихъ къ Мамаю-безбожному: «правьтесь, говоритъ, скажите, каково обидѣть русскаго посла Захарья Тютрина.» Ударилъ онъ своего добраго коня по крутымъ бедрамъ: конь по первый ускòкъ сдѣлалъ сто саженё̀й печатныхъ, вторымъ ускокомъ версту промежъ ногами проложилъ, третьяго ускока на землѣ опятнàть не могли (1). Смекнулъ дѣло путемъ-дорогой русской посолъ Захарій Тютринъ: наима̀лъ (2) онъ двѣнадцать ясныхъ соколовъ да тридцать бѣлыхъ кречетовъ; первѣе того испри̇̀дралъ (3) ярлыки Мамая поганаго, и писалъ свои листы скорописчаты; написавши, привязалъ къ птичьимъ хвостамъ и примолвилъ: »ясные соколы и бѣлые кречеты! полетите вы ко князю ко Дмитрію Ивановичу въ каменну Москву, накажите, чтобъ Задонской князь Дмитрій Ивановичъ собиралъ по городамъ и селамъ и по дальнимъ деревнямъ рать-силу несмѣтную; оставлялъ бы по домамъ только слѣпыхъ да хромыхъ, да малыхъ ребятъ-недоростковъ—ихъ печа̀ловать. А я пойду, накажи̇̀те, въ свое мѣсто, стану собирать мохначей, бородачей—донскихъ казаковъ.»

Поутру̀ было, на восхожемъ на солнушкѣ, пошли мòрока (4) по ясну небу, понесли съ собой частый, мелкій дождь со буйнымъ вѣтромъ-со вихоремъ. Во шуму, во грому ничего ни чуть (5) стало, только чуть громкой зыкъ отъ терема княжескаго; Задонской князь Дмитрій Ивановичъ наказалъ кличь кликать по всей Москвѣ бѣлокаменной: «собирайтесь всѣ князья и бояра и сильные, могучіе богатыри и всѣ поленицы удалыя ко князю во свѣтлый теремъ на трапезу.»

Собирались со всѣхъ концовъ Москвы бѣлокаменной всѣ князи и бояра, сильные, могучіе богатыри и всѣ поленицы удалыя ко князю во свѣтлый теремъ на трапезу—послушать его разумныхъ рѣчей, а и того пуще—посмотрѣть его очи ясныя. Какъ матёрый дубъ промежъ тонкими кустами вересовыми (6), чтò вер-

(1) Обѣими руками. (2) Корявую (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 90). (3) Дубину. (4) Поставить на округъ—окружитъ, обстать кого со всѣхъ сторонъ, лишить средствъ къ побѣгу; такъ говорятъ: «мы двоима съ собакой постановили медвѣдя на округъ» т. е. съ одной стороны охотникъ, а съ прочихъ собака не позволяли звѣрю выйдти изъ извѣстнаго круга. (5) Просить, умолять (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 88).

(1) *Опятнàть* значитъ собственно: найдти сбѣжавшаго коня по его слѣду на землѣ; въ настоящемъ-же случаѣ *опятнàть* — доправить, найдти на землѣ слѣдъ копытъ. (2) Наловилъ. (3) Разодралъ. (4) Облака, тучи (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 116). (5) Не слышно. (6) *Вѣ́ресъ* — можжевельникъ (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 23).

шиною въ нёбо ввивается—значитъ великой князь промежъ своими князьями и боярами.

Не золота трубочка вострубила, Задонской князь Дмитрій Ивановичъ сталъ рѣчь держать:

«Воины мои любимые! не на попойку призывалъ я васъ, не на радостный пиръ вы ко мнѣ собиралися; собиралися вы ко мнѣ за печальной вѣсточкой: Мамай-безбожный, песъ смердящій, со всѣма своима ордами некрещеными, идетъ святую Русь воевать; будетъ намъ отъ Мамая-собаки пить горькая чаша! Пойдемте, мои любимые воины, къ окіанъ-морю, изладимъ легкіе струги и побѣжимъ мы изъ окіанъ-моря въ море Хвалынское къ соловецкимъ чудотворцамъ; запрёмся тамъ — и нечего съ насъ будетъ взять Мамаю-безбожному, псу смердящему; въ другую сторону ([1]) онъ насъ положитъ, очи выкопаетъ и злой смерти предастъ.»

Отвѣчаютъ князи и бояра, буйны головы понуривши: «Задонской князь Дмитрій Ивановичъ! одно солнушко катится по небу — одинъ княжитъ надъ Русью православною; не перечитъ мы пришли твоему слову крѣпкому; позволь насъ заставить рѣчь-отвѣтъ держать, какъ надать ладить съ Мамаемъ-безбожнымъ, псомъ смердящимъ. Задонской князь Дмитрій Ивановичъ! пойдемъ мы къ окіанъ-морю, прирубимъ легкіе струги, скалёпки ([2]) смёчемъ въ окіанъ-море, сами соберемъ рать-силу великую, и будемъ драться съ Мамаемъ-безбожнымъ, псомъ смердящимъ, до послѣдней капли крови—и будетъ на Мамая-безбожнаго побѣда!»

— Что за слыхъ, что за громъ грянулъ по трапезѣ? говоритъ Задонской князь Дмитрій Ивановичъ. Отвѣчаетъ калика ([3]) перехожая, сумка перемётная: «это, Задонской князь, Дмитрій Ивановичъ, нечистая, непріятная сила (что тебѣ подъ ухо шептала, чтобъ шелъ ты къ окіанъ морю строить легкіе струги, изъ окіанъ-моря въ море Хвалынское), когда ты Бога прославилъ, изъ терема побѣжала.»

Задонской князь Дмитрій Ивановичъ чинилъ крѣпкіе наказы, чтобъ собирали рать-силу несмѣтную по городамъ съ пригородками, по сёламъ съ присёлками и по всѣмъ дальнимъ печищамъ ([4]), оставляли-бъ дома только слѣпыхъ да хромыхъ, да малыхъ ребятъ-недоростковъ имъ въ печальники.

Собрали со всѣхъ концовъ Руси православной рать-силу великую, утвердили силу по-за Москвѣ бѣлокаменной, расклали силу по жеребьямъ: Семену Тупику, Ивану Квашнину, русскому послу Захарью Тютрину и семи братьямъ Бѣлозерцамъ. Пошла сила на поле Куликово, Москвы не хватаючи. На полѣ на Куликовѣ учали думу думать, какъ надо силу смѣтить? Русской посолъ Захарій Тютринъ садился на своего добраго коня, объѣзжалъ округъ силы три дня и три часа—не могъ силы смѣтить: на сколько верстъ стоитъ? Задонской князь Дмитрій Ивановичъ проговорилъ таково слово: разойдтись силѣ по чисту полю и взять силѣ по камушку, по злаченной пуговкѣ, и приказалъ дубы замётывать тѣма камушками. Заметала сила семь дубовъ: съ комля ([1]) и до вершины дубовъ не видно!

Раздѣлили ту силу несмѣтную на три полка: первой полкъ взялъ Задонской князь Дмитрій Ивановичъ, другой — русской посолъ Захарій Тютринъ, третій полкъ взяли: Семенъ Тупикъ, Иванъ Квашнинъ, и семь братьевъ Бѣлозерцевъ.

Учали они кидать жеребьи: кому пер-

([1]) Иначе, въ противномъ случаѣ. ([2]) Отрубки, щепки (Опытъ обл. великор. словаря. стр. 203). ([3]) Нищій, калѣка, убогой.

([4]) Крестьяне шенкурскаго уѣзда, живущіе по рѣкамъ Сюмѣ и Пеленгѣ, называютъ всякую деревню *печищемъ*: печище Маслено, печище Часовинское, печище Подволочское и др. Не назывался ли первоначально этимъ словомъ каждый домъ въ деревнѣ, также какъ *дымъ*, *труба* замѣняли прежде слово: *изба*?

([1]) ***Комель***—корень (Опытъ области. великор. словаря, стр. 88).

вому на татаровей поганыхъ идти? Первый жребій выпалъ русскому послу Захарью Тютрину, съ мохначами, бородачами—донскими казаками; другой—Семену Тупику, Ивану Квашнину и семи братьямъ Бѣлозерцамъ; третій жеребій выпалъ Задонскому князю Дмитрію Ивановичу.

Втѣпоръ заслышалъ шведской король про великое побоище, набралъ силы сорокъ тысячъ: «подите, воины мои любимые, на поле Куликово, Москвы не хватаючи; станьте, мои воины, на бугры на высокіе: станетъ Задонской князь Дмитрій Ивановичъ побивать Мамаябезбожнаго — по Дмитрію Ивановичу пристаньте; буде Мамай-безбожный будетъ побивать Дмитрія Ивановича—по Мамаю пристаньте.» Лукавъ былъ шведской король, велѣлъ по правой силѣ приставать! Турецкой король заслышалъ про великое побоище, приказалъ набрать силы сорокъ тысячъ, и посылалъ ихъ на поле на Куликово—самъ наказывалъ: «воины мои любимые! какую силу побивать будутъ, по той пристаньте.» Простъ былъ турецкой король, по виноватой силѣ велѣлъ приставать!

Засряжалась рать-сила могучая на полѣ на Куликовѣ на кровавое побоище; передъ держалъ русской посолъ Захарій Тютринъ съ мохначами, бородачами—донскими казаками. Палась имъ встрѣчу сила Мамая-безбожнаго: когда сила съ силою сходилась, мать-сыра земля подгибалась, вода подступалась. Втѣпоръ выскочилъ изъ земли Кроволинъ-татаринъ—вышина семь сажень; скрычалъ татаринъ зычнымъ голосомъ: «Задонскій князь Дмитрій Ивановичъ! давай мнѣ-ка поединщика; буде не поставишь мнѣ поединщика, я твою силу одинъ побью-вырублю, грязьёй сдѣлаю!»

Говоритъ Задонскій князь Дмитрій Ивановичъ: «не на кого мнѣ-ка надѣяться; самому пришло идти супротивникомъ-поединщикомъ на Кроволинататарина!» Оболокаетъ онъ свои латы крѣпкія, застегаетъ пуговицы воальянскія; обсѣдлали ему добра коня во сѣдло черкасское, беретъ онъ съ собой палицу боевую, поѣзжаетъ къ Кроволину-татарину.

Палъ ему встрѣчу незнамый воинъ: «осади лошадь, Задонскій князь Дмитрій Ивановичъ! пойду я на Кроволина-татарина, отрублю ему до плечъ басурманскую голову!»

Сѣдлалъ онъ своего добраго коня, подтягивалъ двѣнадцатима подпругима шелковыма не ради басы, ради крѣпости.

«Обороню я тебя, Задонской князь Дмитрій Ивановичъ, отъ первыя смерти! Буде я побью Кроволина-татарина, то бейся и дерись ты съ окаяннымъ врагомъ, съ Мамаемъ-безбожнымъ, псомъ смердящимъ, до послѣдней капли крови: и будетъ на Мамая-безбожнаго побѣда!»

Задонскій князь Дмитрій Ивановичъ съ незнамымъ воиномъ обмѣнялись конями, простились, и благословилъ его князь Дмитрій Ивановичъ на дѣло великое, на побоище смертное.

Съѣхались два сильные могучіе богатыря на чистомъ полѣ на Куликовѣ въ бою-дракѣ перевѣдаться. Палицами ударились—палицы по чинья поломались; копьями соткнулись—копья извернулись; саблями махнулись—сабли исщербились; скакали они со добрыхъ коней и бились они рукопашнымъ боёмъ, и бились они три дня, три ночи, три часа не пиваючи, бились не ѣдаючи; на четвертый день оба тутъ и упокоились.

И учалъ князь Дмитрій Ивановичъ досматривать: незнакомый воинъ правую руку на тулово (1) Кроволина-татарина накинулъ. Князь своего воина срядилъ, похоронилъ, надъ нимъ крёстъ поставилъ и вызолотилъ.

У Мамая безбожнаго, пса смердящаго, выскочилъ изъ земли другой воинъ, и звопилъ своимъ зычнымъ голосомъ: «Задонской князь Дмитрій Ивановичъ! по-

(1) Туловище.

давай мнѣ-ка супротивника; въ другую сторону я твою силу побью, и тебѣ князю глаза выкопаю—свѣтъ отниму!»

Дмитрій Ивановичъ выѣхалъ сражаться съ Татарами, но не могъ одолѣть и возвратился въ болѣе спокойное мѣсто. Оттуда онъ сталъ молиться. Молитва его услышана: Русскія войска одержали побѣду и принесли князю радостную вѣсть.

5. САТИРИЧЕСКІЯ СКАЗКИ.

а. Шемякинъ Судъ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ жили два брата: богатой и убогой. Нанялся убогой къ богатому, работалъ цѣлую зиму, и далъ ему богатой двѣ мѣры ржи; приноситъ убогой домой, отдаетъ хлѣбъ хозяйкѣ. Она и говоритъ: «работалъ ты цѣлую зиму, а всего-на-всего заработалъ двѣ мѣры ржи; коли смолоть её да хлѣбовъ напечь—поѣдимъ, и опять ничего у насъ не будетъ! Лучше ступай ты къ брату, попроси быковъ и поѣзжай въ поле пахать да сѣять: авось Господь Богъ уродитъ, будемъ и мы съ хлѣбомъ!»—Не пойду, сказалъ убогой; все одно: проси, не проси — не дастъ онъ быковъ! «Ступай! теперь братъ въ большой радости, родила у него хозяйка сына, авось не откажетъ!» Пошелъ убогой къ богатому, выпросилъ пару быковъ и поѣхалъ на̀ поле; распахалъ свою десятину, посѣялъ, заборонова̀лъ, управился—и домой. Ѣдетъ дорогою, а на встрѣчу ему старецъ: «здравствуй, доброй человѣкъ!»—Здорово, старикъ! «Гдѣ былъ, что дѣлалъ?»—Поле пахалъ, рожь засѣвалъ. «А быки чьи?»—Быки братнины. «Твой братъ богатъ да немилостивъ; выбирай, что̀ знаешь: или сынъ у него помретъ, или быки вздохнутъ!» Подумалъ-подумалъ убогой: жалко ему и быковъ, и сына братнина, и говоритъ: «пускай лучше быки подохнутъ!»—Будь по твоему! сказалъ старецъ и пошелъ дальше. Сталъ подъѣзжать убогой братъ къ своимъ воротамъ, вдругъ оба быка упали на землю и тутъже вздохли. Горько онъ заплакалъ и побѣжалъ къ богатому: «прости, говоритъ: безъ вины виноватъ! Ужъ такая бѣда стряслась: вѣдь быки-то пропали!» — «Какъ пропали? Нѣтъ, любезной! со мной такъ не раздѣлаешься; заморилъ быковъ, такъ отдавай деньгами.» И повезъ его къ праведному судіѣ.

Ѣдутъ они къ праведному судіѣ, и попадается имъ на встрѣчу большой обозъ, тянется по дорогѣ съ тяжелою кладью; а дѣло-то было зимою, снѣга лежали глубокіе. Вдругъ ни съ того, ни съ сего заупрямилась одна лошадь у извощика, шарахнулась въ сторону со всѣмъ возомъ и завязла въ сугробѣ. «Помогите, добрые люди! выручьте изъ бѣды!» сталъ просить извощикъ. «Дай сто рублевъ!» говоритъ богатой. — Что ты! али Бога не боишься? гдѣ взять тебѣ сто рублевъ? «Ну, самъ и вытаскивай!» — Постой, говоритъ убогой; я тебѣ задаромъ помогу. Соскочилъ съ саней, бросился къ лошади, ухватилъ за хвостъ и давай тащить: понатужился и оторвалъ совсѣмъ хвостъ. «Ахъ ты, мошенникъ! напалъ на него извощикъ; вѣдь конь-то двѣсти рублевъ стоитъ, а ты хвостъ оборвалъ? что я теперь стану дѣлать?» — Эхъ, братъ! сказалъ богатой извощикъ; что съ нимъ долго разговаривать? садись со мной да поѣдемъ къ праведному судіѣ.

Поѣхали всѣ трое вмѣстѣ, пріѣхали въ городъ и остановились на постоялом дворѣ. Богатой съ извощикомъ пошли въ избу, а убогой стоитъ на морозѣ; смотритъ—копаетъ мужикъ глубокій колодезь, и думаетъ: «не быть добру! затаскаютъ, засудятъ меня. Эхъ, пропадай моя голова!» И бросился съ горя въ колодезь, только себя не доконалъ, а мужика зашибъ до смерти. Тотчасъ подхватили его и повели къ праведному судіѣ.

Сталъ судить праведный судія, и говоритъ богатому: «убогой загубилъ твоихъ быковъ, жалѣючи сына; коли хочешь, чтобъ онъ купилъ тебѣ пару бы-

ковъ, убей напередъ своего сына.» — Нѣтъ, сказалъ богатой, пусть лучше быки пропадаютъ.

б. Правда и кривда.

а. Жили два купца: одинъ кривдой, другой правдой: такъ всѣ и звали ихъ: одного Кривдою, а другаго Правдою.

«Послушай, Правда! сказалъ разъ Кривда; вѣдь кривдою жить на свѣтѣ лучше?...»

—Нѣтъ!

«Давай спорить?»

—Давай.

«Ну, слушай: у тебя три корабля, у меня два; если на трехъ встрѣчахъ намъ скажутъ, что жить правдою лучше, то всѣ корабли твои, а если кривдою, то мои!»

—Хорошо!...

Плыли они много-ль, мало-ль, сколь не далече путь свой продолжали—встрѣтился имъ купецъ.

— Послушай, господинъ купецъ, чѣмъ на свѣтѣ жить лучше; кривдою или правдою?

«Жилъ я правдою, да плохо; а теперь живу кривдою, кривда лучше.»

Плывутъ они дальше много-ль, малоль, и встрѣчается имъ мужичокъ.

— Послушай, добрый человѣкъ, чѣмъ на свѣтѣ лучше жить: кривдою или правдою?

«Извѣстное дѣло—кривдою; а правдою куска хлѣба не наживешь!»

На третьей встрѣчѣ имъ сказали тоже самое. Отдалъ Правда три корабля Кривдѣ, вышелъ на берегъ и пошелъ тропинкою въ темный лѣсъ. Пришелъ онъ въ избушку, да и легъ подъ печку спать. Ночью поднялся страшный шумъ, и вотъ кто-то говоритъ:

«А ну-тка, похвалитесь: кто изъ васъ нынче гуще кашу заварилъ?»

— Я поссорилъ Кривду съ Правдою!

— Я сдѣлалъ, что двоюродный братъ женится на сестрѣ!

— Я разорилъ мельницу, и до тѣхъ поръ буду ее разорять, пока ни забьютъ крестъ накрестъ палей. (1)

Я сомустилъ человѣка убить!

— А я напустилъ семьдесятъ чертенятъ на одну царскую дочь; они сосутъ ей груди всякую ночь. А вылѣчитъ ее тотъ, кто сорветъ жаръ-цвѣтъ! (Это такой цвѣтъ, которой когда цвѣтетъ— море колыхается и ночь бываетъ яснѣе дня; черти его боятся!)

Какъ ушли они, Правда вышелъ, и помѣшалъ жениться двоюродному брату на сестрѣ, запрудилъ мельницу, не далъ убить человѣка, досталъ жаръ-цвѣтъ и вылѣчилъ царевну. Царевна хотѣла выття за него замужъ, да онъ не согласился. Подарилъ ему царь пять кораблей, и поѣхалъ онъ домой. На дорогѣ встрѣтилъ Кривду. Кривда удивился богатству Правды, повыспросилъ у него все, какъ что было, да и залегъ ночью подъ печку въ той-же избушкѣ... Слетѣлись духи, да и начали совѣтъ держать: какъ-бы узнать того, кто испортилъ имъ всѣ дѣла? Подозрѣвали они самаго изъ нихъ лядащаго (2); какъ стали его бить да щипать, онъ бросился подъ печку, да и вытащилъ оттуда Кривду.

«Я Кривда!» говоритъ купецъ чертямъ, да все таки они его не послушали и разорвали на мелкіе кусочки.

Такъ и выходитъ, что правдою-то жить лучше, чѣмъ кривдою.

(Изъ собранія П. В. Кирѣевскаго.)

b. Однажды спорила Кривда съ Правдою: чѣмъ лучше жить—кривдой, али правдой? Кривда говорила: лучше жить кривдою; а Правда утверждала: лучше жить правдою. Спорили-спорили, никто не переспоритъ. Говоритъ Кривда: «пойдемъ къ писарю, онъ насъ разсудитъ!»— Пойдемъ, отвѣчаетъ Правда. Вотъ пришли къ писарю. «Рѣши нашъ споръ, говоритъ Кривда: чѣмъ лучше жить—

(1) Пали—сваи (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 162).

(2) Худаго, дурнаго.

кривдою, али правдою?» Писарь спросилъ: «о чемъ вы бьетеся?»—О ста рубляхъ. «Ну ты, Правда, проспорила; въ наше время лучше жить кривдою.» Правда вынула изъ кармана сто рублей и отдала Кривдѣ, а сама все стоитъ на своемъ, что лучше жить правдою. «Пойдемъ къ судьѣ, какъ онъ рѣшитъ? говоритъ Кривда; коли по твоему—я тебѣ плачу тысячу рублей, а коли по моему—ты мнѣ должна оба глаза отдать.»—Хорошо, пойдемъ. Пришли онѣ къ судьѣ, стали спрашивать: чѣмъ лучше жить? Судья сказалъ тоже самое: «въ наше время лучше жить кривдою.»—Подавай-ка свои глаза! говоритъ Кривда Правдѣ; выколола у ней глаза и ушла—куда знала. Осталась Правда безглазая, пала лицомъ наземь и поползла ощупью. Доползла до болота и легла въ травѣ. Въ самую полночь собралась туда невѣрная сила. Набольшой сталъ всѣхъ спрашивать: кто и что сдѣлалъ? Кто говоритъ: я душу загубилъ; кто говоритъ: я того-то на грѣхъ смутилъ; а Кривда въ свой чередъ похваляется: я у Правды сто рублей выспорила да глаза выколола!»—Что глаза! говоритъ набольшой; стоитъ потереть тутошней травкою—глаза опять будутъ! Правда лежитъ да слушаетъ. Вдругъ крикнули пѣтухи, и невѣрная сила разомъ пропала. Правда нарвала травки и давай тереть глаза! потерла одинъ, потерла другой—и стала видѣть по-прежнему; захватила съ собой этой травки и пошла въ путь-дорогу. Въ это время у одного царя ослѣпла дочь, и сдѣлалъ онъ кличъ: кто вылѣчитъ царевну, за того отдастъ ее замужъ. Правда приложила ей къ очамъ травку, потерла и вылѣчила; царь обрадовался, женилъ Правду на своей дочери и взялъ къ себѣ въ домъ...

с. Въ нѣкоторомъ царствѣ жили два крестьянина: Иванъ да Наумъ. Назвались они товарищами и пошли вмѣстѣ на заработки. Шли-шли, очутились въ богатомъ селѣ и нанялись у разныхъ хозяевъ; поработали одну недѣлю и свидѣлись въ воскресной день. «Ты, братъ, сколько заработалъ?» спросилъ Иванъ.—Мнѣ пять рублевъ Господь далъ. «Господь далъ! много онъ дастъ, коли самъ не заработаешь?»—Нѣтъ, братъ, безъ божiей помощи самъ ничего не сдѣлаешь, ни гроша не получишь! Тутъ они крѣпко заспорили и положили на томъ: «пойдемъ оба по дорогѣ, и спросимъ у перваго встрѣчника: чья правда? Кто проиграетъ, тотъ долженъ отдать всѣ свои заработанныя деньги.» Вотъ и пошли; сдѣлали шаговъ съ двадцать—попадается имъ на встрѣчу нечистой духъ въ человѣческомъ образѣ. Стали его спрашивать, а онъ въ отвѣтъ: «что самъ заработаешь, то и ладно! на Бога нечего надѣяться, онъ ни копѣйки не дастъ!» Отдалъ Наумъ всѣ свои деньги Ивану и воротился къ хозяину съ пустыми руками. Прошла еще недѣля; въ воскресной день работники опять свидѣлись и подняли тотъ-же споръ. Наумъ говоритъ: «хоть на прошлой недѣлѣ ты и забралъ мои деньги, а мнѣ Господь еще больше далъ!»—Ну, отвѣчаетъ Иванъ, если по твоему тебѣ Богъ далъ, а не самъ ты заработалъ, то давай опять пойдемъ до первой встрѣчи и спросимъ; чья правда? Кто виноватъ останется, у того отобрать всѣ деньги и отрѣзать правую руку. Наумъ согласился. Пошли они по дорогѣ; повстрѣчался имъ тотъ-же нечистой и отвѣчалъ—что и прежде. Иванъ обобралъ у товарища деньги, отрубилъ ему правую руку и оставилъ одного. Долго думалъ Наумъ, что теперь безъ руки дѣлать? кто кормить-поить станетъ? ну, да Богъ милостивъ! Пошелъ къ рѣкѣ и легъ на берегу подъ лодку: «переночую пока здѣсь, а утромъ увижу, что дѣлать; утро вечера мудренѣе.» Въ самую полночь собралось на эту лодку многое множество нечистыхъ, и начали промежъ себя разговаривать: кто какiя козни устроилъ. Одинъ говоритъ: «я между двухъ мужиковъ споръ рѣшилъ въ противную сторону, и у правдиваго руку отрѣзали.» Другой на то сказалъ: «это пустое! только три раза по росѣ

покататься—рука снова выростетъ!»— А я, началъ хвастаться третій, у такого-то барина единственную дочь изсушилъ: чуть жива ходитъ! «Эка! отвѣчалъ четвертой, если кто пожалѣетъ барина, то непремѣнно вылѣчитъ дочку. Средство простое: взять такой-то травы, сварить, да въ томъ отварѣ искупать ее—она и будетъ здорова!»—Въ одномъ пруду, сталъ говорить пятой, мужикъ поставилъ водяную мельницу, и ужь много лѣтъ хлопочетъ, а все безъ пользы: только что запрудитъ плотину, а я прокопаю и выпущу воду. «Дуракъ же твой мужикъ! сказалъ шестой чортъ; онъ бы загатилъ получше плотину, а когда-бъ стала вода прорываться—бросилъ-бы туда снопъ соломы: тутъ бы ты и погибъ!» Наумъ все это слышалъ, и на другой день выростилъ свою правую руку, потомъ исправилъ у мужика плотину и вылѣчилъ дочь у барина. Щедро его наградили и мужикъ, и баринъ, и зажилъ онъ припѣваючи. Разъ повстрѣчалъ онъ своего прежняго товарища; тотъ удивился, зачалъ расспрашивать: какъ де ты разбогатѣлъ и откуда руку взялъ? Наумъ ему все разсказалъ, ничего неутаилъ. Иванъ выслушалъ, и думаетъ: «постой-же, и я такъ сдѣлаю, еще пуще его разбогатѣю!» Пошелъ къ рѣкѣ и легъ на берегу подъ лодку. Въ полночь собрались нечистые. «А что, братцы! говоритъ одинъ изъ нихъ; должно быть кто-нибудь насъ подслушиваетъ. Вить у мужика рука отросла, боярская дочь выздоровѣла и плотина въ ходъ пошла!» Бросились всѣ подъ лодку смотрѣть; нашли Ивана и разорвали на мелкіе кусочки. Отлились волку коровьи слезы!

в. Сказка объ Ершѣ Ершовичѣ, сынѣ Щетинниковѣ.

а. Ершишко-кропачишко (¹), ершишко-пагубнишко, склался на дровнишки (²) со своимъ маленькимъ ребятишкамъ (¹); пошелъ въ Камъ-рѣку, изъ Камъ-Рѣки въ Тросъ-рѣку, изъ Тросъ-рѣки въ Кубенское озеро, изъ Кубенскаго озера въ Ростовское озеро, и въ этомъ озерѣ выпросился остаться одну ночку, отъ одной ночки двѣ ночки, отъ двухъ ночекъ двѣ недѣли, отъ двухъ недѣль два мѣсяца, отъ двухъ мѣсяцевъ два года, а отъ двухъ годовъ жилъ тридцать лѣтъ. Сталъ онъ по всему озеру похаживать, мелкую и крупную рыбу подъ добало (?) подкалывать. Тогда мелкая и крупная рыба собрались во единъ кругъ, и стали выбирать себѣ судью праведную(аго), рыбусомъ съ большимъ усомъ: «будь ты, говорятъ, нашимъ судьей.» Сомъ послалъ за ершомъ-добрымъ человѣкомъ и говоритъ: «ершъ, добрый человѣкъ! почему ты нашимъ озеромъ завладѣлъ?»—Потому, говоритъ, я вашимъ озеромъ завладѣлъ, что ваше озеро Ростовское горѣло съ низу и до верху, съ Петрова дня и до Ильина дня, выгорѣло оно съ низу и до верху и запустѣло. «Не во вѣкъ, говоритъ рыба-сомъ, наше озеро не гарывало! есть ли у тебя въ томъ свидѣтели, московскія крѣпости, письменныя грамоты?» — Есть у меня въ томъ свидѣтели и московскія крѣпости, письменныя грамоты: сорога-рыба (²) на пожарѣ была, глаза запалила и понынче у нея красны. И посылаетъ сомъ-рыба за сорогой-рыбой. Стрѣлецъ, боецъ, карась-палачъ, двѣ горсти мелкихъ молей (³), туды же понятыхъ, зовутъ сорогу-рыбу: «сорога-рыба! зоветъ тебя рыба-сомъ съ большимъ усомъ предъ свое величество (⁴).» Сорога-рыба, не дошедши рыбы-сомъ, кланялась. И говоритъ ей сомъ: «здравствуй, сорога-рыба, вдова честная! гарывало ли наше

(¹) Кропотливой, безпокойной.
(²) Санки.

(¹) Творительный падежъ множественнаго числа.
(²) Плотица (Опытъ обл. великорус. словаря, стр. 211).
(³) Моль—мелкая рыба разнаго рода, снятки несушенные (ibidem, стр. 115.)
(⁴) Въ рукоп. прибавлено: «предъ ершово высочество».

озеро Ростовское съ Петрова дня до Ильина дня?»—Не во вѣкъ-то, говоритъ сорога-рыба, не гарывало наше озеро!— Говоритъ сомъ-рыба: «слышишь, ершъ, добрый человѣкъ! сорога-рыба въ глаза обвинила.» А сорога тутъ-же примолвила: «кто ерша знаетъ да вѣдаетъ, тотъ безъ хлѣба обѣдаетъ!» Ершъ не унываетъ, на Бога уповаетъ; «есть же у меня, говоритъ, въ томъ свидѣтели и московскія крѣпости, писанныя грамоты: окунь-рыба на пожарѣ былъ, головешки носилъ, и понынче у него крылья красны.» Стрѣлецъ, боецъ, карась-палачъ, двѣ горсти мелкихъ молей, туды-же понятыхъ,—это государскіе посыльщики— приходятъ и говорятъ: «окунь-рыба! зоветъ тебя рыба-сомъ съ большимъ усомъ предъ свое величество.» И приходитъ окунь-рыба. Говоритъ ему сомъ-рыба: «скажи, окунь-рыба, гарывало ли наше озеро Ростовское съ Петрова дня до Ильина дня?»—Не во вѣкъ-то, говоритъ, наше озеро не гарывало! кто ерша знаетъ да вѣдаетъ, тотъ безъ хлѣба обѣдаетъ!— Ершъ не унываетъ, на Бога уповаетъ; говоритъ сомъ-рыбѣ: «есть же у меня въ томъ свидѣтели и московскія крѣпости, письменныя грамоты: щука-рыба, вдова честная, притомъ не мотыга, скажетъ истинную правду. Она на пожарѣ была, головешки носила, и понынче черна.» Стрѣлецъ, боецъ, карась-палачъ, двѣ горсти мелкихъ молей, туды-же понятыхъ,—это государскіе посыльщики— приходятъ и говорятъ: «щука рыба! зоветъ рыба-сомъ, съ большимъ усомъ предъ свое величество.» Щука-рыба, не дошедчи рыбы-сомъ, кланялась: «здравствуй, ваше величество! — Здравствуй, щука-рыба, вдова честная, притомъ же ты и не мотыга! говоритъ сомъ; гарывало ли наше озеро Ростовское съ Петрова дня до Ильина дня? Щука-рыба отвѣчаетъ: «не во вѣкъ-то не гарывало наше озеро Ростовское! кто ерша знаетъ да вѣдаетъ, тотъ всегда безъ хлѣба обѣдаетъ!» Ершъ не унываетъ, а на Бога уповаетъ; «есть же, говоритъ, у меня въ томъ свидѣтели и московскія крѣпости письменныя грамоты: налимъ-рыба на пожарѣ былъ, головешки носилъ, и по нынче онъ чоренъ.» Стрѣлецъ, боецъ, карась-палачъ, двѣ горсти мелкихъ молей, туды-же понятыхъ—это государскіе посыльщики—приходятъ къ налимъ-рыбѣ и говорятъ: «налимъ-рыба! зоветъ тебя рыба-сомъ съ большимъ усомъ предъ свое величество.»—Ахъ, братцы! нате вамъ гривну на труды и на волокиту; у меня губы толстыя, брюхо большое, въ городѣ не бывалъ, предъ судьямъ не стаивалъ, говорить не умѣю, кланяться право не могу. Эти государскіе посыльщики пошли домой; тутъ поймали ерша и посадили его въ петлю.... Пошолъ дождь и сдѣлалась слякоть. Ершъ изъ петли-то да и выскочилъ; пошелъ онъ въ Кубенское озеро, изъ Кубенскаго озера въ Тросъ-рѣку, изъ Тросъ-рѣки въ Камъ-рѣку. Въ Камъ-рѣкѣ идутъ щука да осетръ. «Куда васъ чортъ понесъ?» говоритъ имъ ершъ. Услыхали рыбаки ершовъ голосъ тонкой, и начали ерша ловить. Изловили ерша, ершишко-кропачишко, ершишко-пагубнишко! Пришелъ Бродька—бросилъ ерша въ лодку, пришелъ Петрушка — бросилъ ерша въ плетушку. «Наварю, говоритъ, ухи да и скушаю.» Тутъ и смерть ершова!

ѣ. Жилъ-былъ ершишка въ барскомъ домишкѣ—брюханишка (1), ябедничишка! Проскудалось (2) ершу, прибѣднялось ему, поѣхалъ ершишка въ Ростовское озеро на худенькихъ санишкахъ объ трехъ копи(ы)лишкахъ (3). Закричалъ ершишка своимъ громкимъ голосишкомъ: «рыба севрюга, калуга, язи, головки, послѣдняя рыбка плотичка-сиротичка! пустите меня ерша въ озеро погулять. Мнѣ у васъ не годъ годовать, а хотя одинъ часъ попировать, хлѣба-соли по-

(1) Объѣдало; брюханить—много ѣсть (Опытъ обл. великорус. словаря, стр. 16).

(2) Скудаться—скупиться, представляться бѣднымъ (ibidem, стр. 206).

(3) Перекладинахъ? *копылъ* — дровни; дно у прядильнаго гребня, на которое садится пряха, и колодка, на которой плетутъ лапти (Опытъ обл. великор. словаря стр. 89).

кушать да рѣчей послушать.» Согласилась вся рыба севрюга, калуга, всѣ язи- головли, маленькая рыбка плотичка-сиротичка пустить ерша въ озеро на одинъ часъ погулять. Ершъ прогулялъ одинъ часъ, и сталъ всю рыбу обижать, къ тинѣ, плотинѣ прижимать. Живой рыбѣ въ обиду то показалось, пошла на ерша просить къ Петру-осетру (1) праведному: «Петръ-осетръ праведный! за что насъ ершъ обижаетъ? выпросился онъ на одинъ часъ въ наше озеро побывать, да всѣхъ насъ съ озера и сталъ выгонять. Разбери и разсуди, Петръ-осетръ ораведный, вѣрою и правдою.» Петръ-осетръ праведный послалъ малую рыбу пискаря искать ерша. Пискарь искалъ ерша въ озерѣ, да не могъ сыскать. Петръ-осетръ праведный послалъ среднюю рыбу щуку искать ерша. Щука въ озеро нырнула, хвостомъ плеснула, ерша въ коргахъ (2) нашла: «здоровъ, ершишка?»—Здравствуй, щучишка! зачѣмъ ты пришла? «Къ Петру-осетру праведному звать на честь, не посадитъ ли тебя на цѣпь; на тебя есть просители.»— Кто же тамъ проситъ? «Вся рыба севрюга, калуга, всѣ язи, головли, и послѣдняя рыба плотичка-сиротичка—и та на тебя проситъ, да еще сомъ, мужикъ простой, губы толстые и говорить не умѣетъ—и тотъ на тебя челобитную подалъ; пойдемъ-ка ершъ, раздѣлаемся, что на судѣ по правдѣ скажутъ.» — Нѣтъ, щучишка! не лучше ли дѣло такъ будетъ: пойдемъ со мною погуляемъ. Щука не соглашается съ ершомъ гулять, а хочетъ ерша на судъ праведный тащить, какъ-бы поскорѣй его осудить. «Ну, щука! хоть ты съ рыла и востра, да не возьмешъ ерша съ хвоста! А вотъ нынче суббота, у моего отца дѣвишникъ—пиръ да веселье; пойдемъ лучше попьемъ, погуляемъ вечерокъ, а завтра, хоть и воскресенье, пойдемъ — такъ и быть — на судъ праведный; по крайней мѣрѣ неголодные будемъ.» Щука согласилась и пошла съ ершомъ гулять; ершъ напоилъ ее пьяною, за пелѣду (1) засадилъ, дверью затворилъ и кольемъ заколотилъ. Долго ждали на судъ щуку и не дождались. Петръ-осетръ праведный послалъ за ершомъ большую рыбу-сомъ. Сомъ въ озеро нырнулъ, хвостомъ плеснулъ, ерша въ коргахъ нашелъ. «Здравствуй, зятюшка!» — Здоровъ, тестюшка! «Пойдемъ, ершъ, на судъ праведный; на тебя есть просители.» — Кто же проситъ? «Вся рыба севрюга, калуга, всѣ язи, головли и маленькая рыбка плотичка-сиротичка!» Ершъ-то сому зять; съумѣлъ его сомъ въ руки взять, и самолично привелъ на судъ праведный. «Петръ-осетръ праведный, зачѣмъ меня требовалъ на-скоро?» спросилъ ершъ. — Какъ тебя было не требовать? ты въ Ростовское озеро выпросился одинъ часъ погулять, а потомъ всѣхъ съ озера и сталъ выживать. Живой рыбѣ то за досаду показалося: вотъ собралась рыба севрюга, калуга, язи, головли и малая рыбка плотичка-сиротичка, и самолично подала мнѣ на тебя челобитную: разбери де, Петръ-осетръ, это дѣло правдою!»—Ну, послушай же, отвѣчаетъ ершъ, и мою челобитную: они сами обидчики, межи-борозды вытерлись (2), а бергеа водою подмыло, а я ѣхалъ тѣмъ берегомъ вечеромъ поздно, торопился, рѣзко (3) гналъ, да съ берега въ озеро попалъ, такъ и свалился съ землею! Петръ-осетръ праведный, прикажи собрать государевыхъ рыбаковъ да раскинуть неводы тонкіе, погони рыбу въ одно устье; тогда узнаешь, кто правъ, а кто виноватъ: правой въ неводѣ не останется, а всё выскочитъ. — Петръ-осетръ праведный выслушалъ его челобитную, собралъ государевыхъ рыбаковъ

(1) Въ рукописи вездѣ: «Петръ-сетръ».

(2) Корга—гряда камней въ водѣ; корга—камень или пень, лежащій на днѣ рѣки; плотное песчаное или каменистое дно озеръ и рѣкъ (Опытъ обл, великор. словаря, стр. 89).

(1) Пеледа—передній навѣсъ крыши между двумя избами; покрышка на скирдахъ. Пелёдъ—мѣсто подлѣ самаго овина, которое покрывается соломою. Пелевня — сарай для соломы (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 154).

(2) Сгладились уничтожились.

(3) Очень, много (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 195).

и погналъ всю рыбу въ одно устье. На почнѣ ершишка попалъ въ неводишка, шевельнулся, ворохнулся, глазёнки вытаращилъ и съ неводу впередъ всѣхъ выскочилъ. «Видишь, Петръ-осетръ праведный! кто правъ, кто виноватъ?»— Вижу, ершъ! что ты правъ, ступай въ озеро да гуляй. Теперь никто тебя не обидитъ, развѣ озеро высохнетъ да ворона тебя изъ грязи вытащитъ. Пошелъ ершишка въ озеро, при всѣхъ похваляется: «добро же, рыба севрюга, калуга! достанется вамъ и всѣмъ язямъ, головлямъ! да не прощу и маленькую рыбку плотичку-сиротичку! да достанется и сому толстобрюхому: ишь говорить не умѣетъ, губы толсты, а зналъ какъ челобитную подавать! Всѣмъ отплачу.» Шелъ Любимъ, ершовой похвалы не возлюбилъ; шелъ Сергѣй, нёсъ охапку жердей; пришелъ бѣсъ, заколотилъ ѣзъ ([1]); пришелъ Перша, поставилъ на ерша вершу; пришелъ Богданъ, ерша въ вершу Богъ далъ; пришелъ Устинъ, сталъ вершу тащить да ерша упустилъ.

с. 1729 года мѣсяца сентября 16 числа
Зародился ершишко-плутишко,
Худая головишко,
Шиловатый ([2]) хвостъ,
Слюноватый носъ,
Киловатая ([3]) брюшина,
Лихая образина,
На рожѣ кожа, какъ елова кора.
Прижилось, прискудалось ершишку-плутишку
Въ своемъ славномъ Кубинскомъ озерѣ,
Собрался на ветхихъ ([4]) дровнишкахъ
Съ женою и дѣтишкамъ,
Поѣхалъ въ Бѣлозерское озеро,
Съ Бѣлозерскаго въ Корбозерское,
Съ Корбозерскаго въ Ростовское:
«Здравствуйте, лещи,
Ростовскіе жильцы!
Пустите ерша пообѣдать
И коня покормить.»
Лещи распространились ([1]),
Ерша къ ночи пустили.
Ершъ гдѣ ночь ночевалъ,
Тутъ и годъ годовалъ;
Гдѣ двѣ ночевалъ,
Тутъ два года годовалъ;
Сыновей поженилъ,
А дочерей замужъ повыдалъ,
Изогналъ лещовъ,
Ростовскихъ жильцовъ,
Во мхи и болота,
Пропасти земныя.
Три года лещи
Хлѣба-соли не ѣдали,
Три года лещи
Хорошей воды не пивали,
Три года лещи
Бѣлаго свѣту не видали;
Съ того лещи
Съ голоду помирали.
Сбиралися лещи въ земскую избу
И думали думу заедино,
И написали просьду
И подавали Бѣлозеръ-Палтосъ-рыбѣ:
«Матушка Бѣлозеръ-Палтосъ-рыба!
Почему ершишко-плутишко,
Худая головишко,
Разжился, распосплился
Въ нашемъ Ростовскомъ озерѣ
И изогналъ насъ лещовъ,
Ростовскихъ жильцовъ,
Во мхи и болота
И пропасти земныя:
Три года мы лещи
Хлѣба-соли не ѣдали,
Три года лещи
Хорошей воды не пивали,
Три года лещи
Свѣту бѣлаго не видали;
Съ того мы лещи
И съ голоду помирали.
Есть ли у него на это дѣло
Книги, отписи и паспорты какіе?
И думали думу заедино

([1]) Заколъ рыбный (ibidem, стр. 271).

([2]) Увертливой, плутоватой.

([3]) Киловатъ—бранное слово (Опытъ областн. великор. словаря, стр. 82).

([4]) Въ рукописи: «на вельмей» (?

([1]) Разступились, дали мѣсто.

Щука ярославска,
Другая пере(я)славска,
Рыба-сомъ съ большимъ усомъ.
Кого послать ерша позвать?
Манька (¹) послать—
У него губы толстыя,
А зубы рѣдкіе,
Рѣчь не умильна(я),
Говорить съ ершомъ не съумѣетъ!
Придумала рыба-сомъ
Съ большимъ усомъ:
Послать или нѣтъ за ершомъ гарьюса (²);
У гарьюса губки тоненьки,
Платьецо бѣленько,
Рѣчь московска,
Походка господска.
Дали ему окуня разсыльнымъ,
Карася пятисотскимъ,
Семь молей, понятыхъ людей,
Взяли ерша,
Сковали, связали
И на судъ представили.
Ершъ предъ судомъ стоитъ
И съ повадкой (³) говоритъ:
«Матушка Бѣлозеръ-Палтосъ-рыба!
Почему меня на судъ повѣщали?»
— Ахъ ты, ершишко-плутишко,
Худая головишко!
Почему ты разжился и разселился
Въ здѣшнемъ Ростовскомъ озерѣ,
Изогналъ лещовъ,
Ростовскихъ жильцовъ,
Во мхи и болота
И пропасти земныя?
Три года лещи
Хлѣба-соли не ѣдали.
Три года лещи
Хорошей воды не пивали,
Три года лещи
Свѣту бѣлаго не видали,
И съ того лещи
Съ голоду помираютъ.
Есть ли у тебя на это дѣло
Книги, отписи и паспорты какіе?
«Матушка Бѣлозеръ-Палтосъ-рыба!

(⁵) Налима.
(⁶) Харіусъ—родъ лососей.
(⁷) Въ рукоп. «не съ упадкой.»

Въ память или нѣтъ тебѣ пришло:
Когда горѣло наше славное Кубинское озеро,
Тамъ была у ершишка избишка,
Въ избишкѣ были сѣнишки,
Въ сѣнишкахъ клѣтишко,
Въ клѣтишкѣ ларцышко,
У ларцышка замчишко,
У замчишка ключишко—
Тамъ-то были книги и отписи
И паспорты, и все пригорѣло!
Да не то одно пригорѣло;
Былъ у батюшка дворецъ
На семи верстахъ,
На семи столбахъ
Подъ полатями бобры,
На полатяхъ ковры—
И то все пригорѣло!»
А рыба-семга позади стояла
И на ерша злымъ голосомъ кричала:
«Ахъ ты, ершишко-плутишко,
Худая головишко!
Тридцать ты лѣтъ
Подъ порогомъ стоялъ
И сорокъ человѣкъ
Разбою держалъ,
И много головъ погубилъ
И много живота (¹) притопилъ!»
И ершу стало азартно;
Какъ съ рыбою-семгою не отговориться?
«Ахъ ты, рыба-семга, бока твои сальны!
И ты, рыба-сельдь, бока твои кислы!
Васъ ѣдятъ господа и бояра,
Меня мелкая чета крестьяна—
Бабы штей наварятъ
И блиновъ напекутъ,
Шти хлебаютъ, подхваливаютъ:
Рыба костлива, да уха хороша!»
Тутъ ершъ съ семгой отговорился.
Говоритъ Бѣлозеръ-Палтосъ-рыба:
«Окунь-разсыльный,
Карась-пятисотской,
Семь молей, понятыхъ людей!
Возьмите ерша.»
А ершъ никакихъ рыбъ не боится,
Ото всѣхъ рыбъ боронится.
Собрался онъ ершишко плутишко

(¹) Имущества.

На свои на ветхіе ([1]) дровнишки
Съ женою и дѣтишкамъ,
И поѣзжаетъ въ свое славное
Въ Кубинское озеро.
Рыба-семга хоть на ерша злымъ голосомъ кричала,
Только за ершомъ въ слѣдъ подавалась:
« Ахъ ты, ершишко-плутишко,
Худая головишко!
Возьми ты меня въ свое славное
Въ кубинское озеро;
Кубинскаго озера поглядѣть
И кубинскихъ стáновъ посмотрѣть.»
Ершъ зла и лиха, не помнитъ,
Рыбу-семгу за собой поводитъ.
Рыба-семга идучи устала,
Въ Кубинскомъ устьѣ вздремала
И мужику въ сѣть попала.
Ершъ назадъ оглянулся,
А самъ усмѣхнулся:
«Славà тебѣ, Господи!
Вчера рыба-семга
На ерша злымъ голосомъ кричала,
А сегодня мужику въ сѣть попала.»
Ершъ семгѣ подивовалъ
И самъ на утренней зорѣ вздремалъ,
Мужику въ морду ([2]) попалъ.
Пришелъ Никонъ.
Заколилъ приколъ ([3]);
Пришелъ Перша
Поставилъ вершу;
Пришелъ Богданъ,
И ерша Богъ далъ;
Пришелъ Вавила,
Поднялъ ерша на вила;
Пришелъ Пименъ,
Ерша запѝнилъ ([4])
Пришелъ Обросимъ,
Ерша ò земь бросилъ;
Пришелъ Антонъ
Завертѣлъ ерша въ балахонъ;
Пришелъ Амосъ
Ерша въ клѣть понёсъ;

([1]) Въ рукописи: «вельмые».

([2]) Морда—рыболовная снасть, состоящая изъ мѣшка, сплетеннаго изъ ивовыхъ прутьевъ (См. Записки объ уженьѣ рыбы, С. Аксакова, издан. 3, стр. 301).

([3]) Т. е. сдѣлалъ заколъ(ѣзъ).

([4]) Т. е. запипàлъ (пипать, пиуть).

Идетъ Спира(я),
Около ерша стыритъ ([1]);
Амосъ Спиру
Да по рылу;
«Ахъ ты, Спира!
Надъ эдакой рыбой стыришь;
У тебя эдака рыба
Вѣкъ въ дому не бывала!»
Пришелъ Вася,
Ерша съ клѣти слясилъ ([2]);
Пришелъ Петруша,
Ерша разрушилъ ([3]);
Пришелъ Савва,
Вынялъ съ ерша полтора пуда сала;
Пришелъ Іюда
Расклалъ ерша на четыре блюда;
Пришла Марина,
Ерша помыла;
Пришла Акулина,
Ерша подварила;
Пришелъ Антипа,
Ерша стѝпалъ ([4]):
Пишелъ Алупа,
Ерша слупалъ;
Пришелъ Елизаръ,
Блюда облизалъ;
Пришелъ Власъ,
Попучилъ глазъ,
Пришла Ненила,
И блюда обмыла!

(Всѣ сказки изъ сборн. Афан.)

7. ПОВѢСТЬ: **Горе-злочастіе**.

ПОВѢСТЬ О ГОРѢ И ЗЛОЧАСТІИ И КАКЪ ГОРЕ-ЗЛОЧАСТІЕ ДОВЕЛО МОЛОДЦА ВЪ ИНОЧЕСКІЙ ЧИНЪ.

(Имп. Публ. Библ. рукоп. Погод. древлехран. № 1773).

Изволеніемъ Господа Бога и Спаса Нашего,

([1]) Стырить—дразнить, грубо говорить (Опытъ областн. великорус. словаря, стр. 218.)

([2]) Стащилъ (лясить—льстить, хитрить); слямзить—украсть (Оп. обл. великор. словаря, стр. 217).

([3]) Т. е. разрѣзалъ, порушилъ.

([4]) Укралъ (Опытъ обл. великорус. словаря, стр. 215).

Іисуса Христа Вседержителя,
отъ начала вѣка человѣческаго.....
а въ началѣ вѣка сего тлѣннаго
сотворилъ небо и землю,
сотворилъ Богъ Адама и Евву;
повелѣлъ имъ жити во святомъ раю,
далъ имъ заповѣдь божественну:
не повелѣлъ вкушати плода виноград-
наго,
отъ едемскаго древа великаго.
Человѣческое сердце несмысленно и не-
уимчиво:
прельстился Адамъ со Еввою,
позабылъ заповѣдь Божію,
вкусили плода винограднаго,
отъ дивнаго древа великаго,—
и за преступленіе великое
Господь Богъ на нихъ разгнѣвался,
и изгналъ Богъ Адама со Еввою
изъ святаго раю изъ едемскаго,
и вселилъ ихъ на землю, на низкую,
благословилъ ихъ раститися-плодитися,
и отъ своихъ трудовъ велѣлъ имъ сы-
тымъ быть,
отъ земныхъ плодовъ.... (1)
Учинилъ Богъ заповѣдь законную:
велѣлъ онъ бракомъ и женитьбамъ быть
для рожденія человѣческаго и для лю-
бимыхъ дѣтей.
Ино зло племя человѣческо:
вначалѣ пошло не покорливо,
ко отцову ученію зазорчиво,
къ своей матери непокорливо (2),
и къ совѣтному другу обманчиво.
А се роди пошли слабы добрубожливы (?)
а на безуміе обратилися,
и учали жить въ суетѣ,
и въ правдѣ вечеркие (3) великое (?),
а прямое смиреніе отринули.
И за то на нихъ Господь Богъ разгнѣ-
вался.
положилъ ихъ въ напасти великія,
попустилъ на нихъ скорби великія
и срамныя позоры немѣрныя,
безживотіе злое, сопостатныя находы,
злую немѣрную наготу и босоту,

(1) Вѣроятно слѣдуетъ *питатися*.
(2) Вѣроятно *не послушливо*.
(3) Срезневскій читаетъ это слово; въ ечерине (Изд. Акад. 1856).

и безконечную нищету,
и недостатки послѣдніе,
все смиряючи насъ наказуя,
и приводя насъ на спасенный путь.
Тако рожденіе человѣческое отъ отца и
отъ матери,
Будетъ молодецъ уже въ разумѣ въ без-
злобіи,
и возлюбили его отецъ и мать,
учить его учали, наказывать,
на добрыя дѣла наставлять (1):
«Милое ты наше чадо!
«послушай ученія родительскаго,
«ты послушай пословицы
«добрыя, и хитрыя, и мудрыя!
«не будетъ тебѣ нужды великія,
«ты не будешь въ бѣдности великой:
«не ходи, чадо, въ пиры и въ братчины:
«не садися ты на мѣсто большее;
«не пей, чадо, двухъ чаръ за едину.
«Еще, чадо, не давай очамъ воли;
«не прельщайся, чадо,на добрыхъ крас-
ныхъ женъ отеческіе дочери....
«Не ложися, чадо, въ мѣсто заточное (2);
«Не бойся, не бойся мудра, бойся глупа,
«чтобы глупыя на тя не подумали
«да не снялибы съ тебя драгихъ портъ (3),
«не доспѣли бы тебѣ позорства и стыда
великаго,
«и племени укору и поносу бездѣлнаго.
«Не ходи, чадо, къ костаремъ (4) и
корчевникамъ;
«не знайся, чадо, зъ головами кабац-
кими;
«не дружися, чадо, съ глупыми, немуд-
рыми;
«не думай украсти-ограбити,
«и обмануть-солгать и неправду учи-
нить.
«Не прельщайся, чадо, на злато и сре-
бро;
«не збирай богатства неправаго;
«не (5) буди послухъ лжесвидѣтельству,

(1) Вѣроятно слѣдуетъ *наставливать*.
(2) Закатное, малоросс. точити, польск, tocic sie катиться, въ такое мѣсто, гдѣ падаютъ пьяницы.
(3) Одеждъ.
(4) Игрокамъ въ кости.
(5) *Не* недостаетъ въ подлинникѣ.

«а зла не думай на отца и матерь
«и на всякаго человѣка,—
«да и тебе покрыетъ Богъ отъ всякаго зла.
«Не безчествуй, чадо, богата и убога,
«а имѣй всѣхъ равно по единому;
«а знайся, чадо, съ мудрыми,
«и съ ([1]) разумными водися,
«и зъ друзи надежными дружися,
«которыя бы тебя злу не доставили».
Молодецъ былъ въ то время-се малъ и глупъ,
не въ полномъ разумѣ и не совершенъ разумомъ;
своему отцу стыдно покоритися,
и матери поклонитися,
а хотѣлъ жить, какъ ему любо!
Наживалъ молодецъ пятдесятъ рублевъ,
залезъ ([2]) онъ себѣ пятдесятъ друговъ;
честь его яко рѣка текла;
друговья къ молодцу прибавилися,
родъ-племя причиталися ([11]).
Еще у молодца былъ милъ-надеженъ другъ,
назвался молодцу названой братъ;
прельстилъ его рѣчми прелестными,
зазвалъ его на кабацкій дворъ,
завелъ его въ избу кабацкую,
поднесъ ему чару зелена-вина,
и кружку поднесъ пива пьянаго,
самъ говоритъ таково слово:
«Испей ты, братецъ мой названой,
«въ радость себѣ и въ веселіе, и во здравіе.
«Испей чару зелена вина,
«запей ты чашею меду сладкова;
«хоть и упьешься, братецъ, до пьяна,
«ино гдѣ пилъ, тутъ и спать ложися,
«надѣйся, надѣйся на меня, брата названова.
«Я сяду стеречь и досматривать:
«въ головахъ у тебя, мила-друга,
«я поставлю кружку и шему сладкова,([1])
«вскрай поставлю зелено-вино,
«близь тебя поставлю пиво пьяное,
«сберегу я, милъ-другъ, тебя на-крѣпко,
«сведу я тебя ко отцу твоему и матери».
Втѣпоры молодецъ понадѣялся
на своего брата названого;
не хотѣлося ему друга ослушатца;
принимался онъ за питья за пьяныя,
и испивалъ чару зелена-вина,
запивалъ онъ чашею меду сладкаго,
и пилъ онъ, молодецъ, пиво пьяное.
Упился онъ безъ памяти,
и гдѣ пилъ, тутъ и спать ложился:
понадѣялся онъ на брата названого.
Какъ будетъ день до вечера а солнце на западѣ,
отъ сна молодецъ пробуждаетца,
втѣпоры молодецъ озирается:
а что ([1]) сняты съ него драгіе порты,
чары ([2]) и чулочки все поснимано,
рубашка и портки все слуплено,
и вся собина ([3]) у него ограблена,
а кирпичекъ положенъ подъ буйну его голову,
онъ накинутъ гункою ([4]) кабацкою;
въ ногахъ у него лежатъ лапотки-отопочки,
въ головахъ мила-друга и близко нѣтъ.
И всталъ молодецъ на бѣлыя ноги,
учалъ молодецъ наряжатися:
обувалъ онъ лапотки ([5]),
надѣвалъ онъ гунку кабацкую,
покрывалъ онъ свое тѣло бѣлое,
умывалъ онъ лице свое бѣлое;
стоя, молодецъ закручинился,
самъ говоритъ таково слово:
«Житіе мнѣ Богъ далъ великое;
«ясти-кушати стало нѣчево!
«какъ не стало деньги, ни полуденьги,

([9]) *Съ* недостаетъ въ подлинникѣ.

([10]) ***Пашелъ*** слово, очень извѣстное въ старомъ рускомъ языкѣ. Польское znaiése.

([11]) Вѣроятно, здѣсь пропущенъ предлогъ въ: слѣдовало бы: въ родъ племя причиталися.

([12]) Въ рукописи было *кружку пива;* слово пива обведено кавычками, потому вписано шему.

([1]) Не ажно ли?

([2]) Черевики.

([3]) Имущество. Слово употребительное въ старыхъ актахъ—собинная рухлядь.

([4]) Отрепья, собственно кусокъ грубаго холста. У малороссійскихъ казаковъ гуня называлась конская попона. Богатыри нашихъ былинъ надѣваютъ иногда гуню.

([8]) Вѣроятно пропущено отопочки, какъ выше сказано.

«такъ не стало не друга, не полдруга;
«родъ и племя отчитаются,
«всѣ друзи прочь отпираются!»
Стало срамно молодцу появитися
къ своему отцу и матери,
и къ своему роду и племени,
и къ своимъ прежнимъ милымъ другомъ.
Пошелъ онъ на чюжу страну, далну-незнаему,
нашелъ дворъ, что градъ стоитъ,
изба на дворѣ—что высокъ теремъ,
а въ избѣ идетъ великъ пиръ почестенъ:
гости пьютъ, ядятъ, потѣшаются.
Пришелъ молодецъ на честенъ пиръ,
крестилъ онъ лице свое бѣлое,
поклонился чюднымъ образомъ,
билъ челомъ онъ добрымъ людемъ
на всѣ четыре стороны.
А что видятъ молодца люди добрые,
что гораздъ онъ креститися,
ведетъ онъ все по писанному ученію,
емлютъ его люди добрыя подъ руки,
посадили его за дубовой столъ,
не въ большее мѣсто не въ меньшее,—
садятъ его въ мѣсто среднее,
гдѣ сидятъ дѣти гостиные.
Какъ будетъ пиръ на веселіе,
и всѣ на пиру гости пьяны-веселы,
и сѣдя всѣ похваляются,—
молодецъ на пиру не веселъ сѣдитъ,
кручиноватъ, скорбенъ, не радостенъ,
а не пьетъ, не ѣстъ онъ, ни тѣшитца,
и ни чѣмъ на пиру не хвалитца.
Говорятъ молодцу люди добрыя:
«Что еси ты, добрый молодецъ,
«за чѣмъ ты на пиру не веселъ сѣдишь,
«кручиноватъ, скорбенъ, не радостенъ,
«ни пьешь ты, ни тѣшишься,
«да ничѣмъ ты на пиру не хвалишься?
«Чара ли зелена-вина до тебя не дохаживала?
«или мѣсто тебѣ не по отчинѣ твоей?
«или милые (¹) дѣти тебя изобидѣли?
«или глупые люди немудрыя
«чѣмъ тебѣ, молодцу, насмѣялися?
Говоритъ имъ, сѣдя, доброй молодецъ:

(¹) Вмѣсто *милые* вѣроятно слѣдуетъ читать *малые*.

«Государи вы, люди добрые!
«Скажу я вамъ про свою нужду великую,
«про свое ослушаніе родительское,
«и про питье кабацкое,
«про чашу медвяную,
«про лестное питіе пьяное.
«Язъ какъ принялся за питье за пьяное,—
«ослушался язъ отца своего и матери:
«благословеніе мнѣ отъ нихъ миновалося;
«Господь Богъ на меня разгнѣвался,
«и на мою бѣдность вели великая (?)
«многія скорби неисцѣльныя,
«и печали неутѣшныя,
«скудость и недостатки и нищета последняя...
«Укротила скудость мой рѣчистой языкъ;
«изсушила печаль мое лице и бѣлое тѣло:
«ради того мое сердце не весело,
«а бѣло лицо унынливо,
«и ясныя очи замутилисъ;
«все имѣніе (?) и взоры у мене измѣнилися;
«отечество (¹) мое потерялося,
«храбрость молодецкая отъ мене миновалася!
«Государи вы, люди добрые!
«скажите и научите, какъ мнѣ жить
«на чюжой сторонѣ, въ чюжихъ людехъ,
«и какъ залѣзти мнѣ милыхъ друговъ?»
Говорятъ молодцу люди добрые:
«Добро еси ты, и разумный молодецъ!
«Не буди ты спѣсивъ на чюжой сторонѣ,
«покорися ты другу и недругу,
«поклонися ты стару и молоду,
«а чюжихъ ты дѣлъ не объявливай,
«а что слышишь или видишь-не сказывай!
«не льсти ты межъ други и недруги;
«не имѣй ты упадки вилавыя (²)

(¹) Въ смыслѣ достоинства, т. е.: я потерялъ право быть величаемымъ по отечеству, какъ честный и добропорядочный человѣкъ.

(²) Смыслъ этого неупотребительнаго теперь выраженія, вѣроятно, таковъ: не пресмыкайся предъ другими коварно. Вилавый-можетъ быть, вилявый. Упадка-отъ глагола упадать, въ смыслѣ

«не вейся зміею лукавою;
«смиреніе ко всѣмъ имѣй,
«и ты съ кротостію держися истины съ правдою.
«То тебѣ будетъ честь и хвала великая;
«Первое тебе люди овѣдаютъ
«И учнутъ тя чтить и жаловать
«За твою правду великую,
«За твое смиреніе и за вѣжество;
«Будутъ у тебя милыя други,
Названыя братья надежныя.»

И оттуду пошелъ молодецъ на чюжу сторону
и учалъ онъ жити умѣючи;
отъ великаго разума наживалъ онъ живота болшы старова,
присмотрѣлъ невѣсту себѣ по обычаю,—
захотѣлося молодцу женитися.
Средилъ молодецъ честенъ пиръ
отчествомъ и вѣжествомъ,
любовнымъ своимъ гостемъ и другомъ билъ челомъ.

И по грѣхамъ молодцу,
и по Божію попущенію,
а по дѣйству діяволю,
предъ любовными своими гостьми и други
и назваными браты похвалился
(а всегда гнило слово похвальное.
похвала (¹) живетъ человѣку пагуба):
наживалъ-де я, молодецъ, живота больша старова!—

Подслушало Горе-Злочастіе хвастанье молодецкое!
Само говоритъ таково слово:

«Не хвались ты, молодецъ, своимъ счастіемъ,
«не хвастай своимъ богатствомъ;
«бывали люди у меня, Горя,
«и мудряе тебя и досужае,
«и я ихъ, Горе, перемудрило,
«Учинися имъ злочастіе великое:
«до смерти со мною боролися;
«во зломъ злочастіи позорилися;
«не могли у меня, Горя, уѣхати,
«паки (?) (²) они во гробъ вселились;
«отъ мене на крѣпко они землею накрылись,
«босоты и наготы они избыли,
«и я отъ нихъ, Горе, миновалось,
«а Злочастіе на ихъ въ могилѣ осталось!
«Еще возграяло (³) я, Горе, къ инымъ привязалось:
«а мнѣ, Горю и Злочастію, не впустѣ же жить:
«хочю я, Горе, въ людехъ жить;
«и батогомъ меня не выгонить;
«а гнѣздо мое и вотчина во бражникахъ!»

Говоритъ сѣро Горе-горинское:
«какъ бы мнѣ молодцу появитися!»

Ино зло то Горе излукавилось,
во снѣ молодцу привидѣлось:
«Откажи ты, молодецъ, невѣстѣ своей любимой;
«быть тебѣ отъ невѣсты истравлену,
«еще быть тебѣ отъ тое жены удавлену,
«изъ злата и сребра быть убитому!
«Ты пойди, молодецъ, на царевъ кабакъ;
«не жали (⁴) ты, пропивай свои животы,
«а скинь ты платье гостиное (⁵),
«надежи (⁶) ты на себя гунку кабацкую;
«кабакомъ-то Горе избудетца,
«да то злое Злочастіе останетца (⁷),
«за нагимъ-то Горе не погонитца,
«да никто къ нагому не привяжется.
«а нагому-босому шумитъ разбой (⁸).»

клапяться. Малороссіяне о хитромъ, уклончивомъ человѣкѣ говорятъ: лестью упадае.

(¹) Т. е. похвальба, самохвальство.

(²) Срезневскій читаетъ слово паки и объясняетъ—лишь только, едва.

(³) Т. е. закаркало ворономъ. Слово древнее ср. Слово о Полку Игоря: врани граахвтъ. Въ Малороссійской думѣ: воронъ загрує.

(⁴) Вмѣсто не жалѣй; стар. форма: ѣй перемѣняется въ и.

(⁵) Купленное у гостей, хорошаго сорта—гостиные товары.

(⁶) Надѣнь.

(⁷) Въ рукоп. въ скобкахъ между злое и злочастіе—горе.

(⁸) Въ томъ же значеніи, какъ пословица: «голому разбой не страшенъ.» Шумитъ разбой: если голый и слышитъ его, то не боится и не имѣетъ надобности бѣжать отъ него.

Тому сну молодецъ не повѣровалъ.
Ино зло то Горе излукавилось;
горе архангеломъ Гавріиломъ молодцу по прежнему еще въ ново злочастіе привязалося.
«Али тебѣ, молодецъ, невѣдома
«нагота и босота безмѣрная,
«легота, безпроторица ([1]) великая,
«на себя что купить, то проторится,
«а ты, удалъ молодецъ, и такъ живешь!
«Да не бьютъ, не мучатъ нагихъ-босыхъ,
«и изъ раю нагихъ-босыхъ не выгонятъ,
«а съ того свѣту сюды не вытепутъ ([2]),
«да никто къ нему не привяжется;
«а нагому-босому шумить разбой!»
Тому сну молодецъ онъ повѣровалъ,
сошелъ ([3]) онъ пропивать свои животы,
а скинулъ онъ платье гостиное,
надѣвалъ онъ гунку кабацкую,
покрывалъ онъ свое тѣло бѣлое;
стало молодцу срамно появитися своимъ милымъ другомъ.
Пошелъ молодецъ на чужу страну, дальну-незнаему,
на дорогѣ пришла ему быстра рѣка;
за рѣкою перевозчики,
а просятъ у него перевознаго,
ино дать молодцу нечего;
не везутъ молодца безденежно.
Сидитъ молодецъ день до вечера,
миновался день до вечера ([4]), ні до обѣднемъ
не ѣдалъ молодецъ ни полукуска хлѣба,
вставалъ молодецъ на скоры ноги,
стоя, молодецъ закручинился,
а самъ говоритъ таково слово:
«Ахти мнѣ, Злочастіе-горинское!
«до бѣды меня, молодца, домыкало,

([1]) Легкость, въ насмѣшливомъ смыслѣ, какъ вмѣсто обокрали, ограбили говорятъ: облегчили. Безпроторица—отсутствіе всякихъ проторовъ, также въ насмѣшливомъ смыслѣ.

([2]) Тепать. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ говорятъ тепать коноплю, а въ переносномъ смыслѣ бить. Тяпка—орудіе, которымъ полятъ.

([3]) Въ смыслѣ опустился, дошелъ до того, что началъ пропивать.

([4]) По выраженію три дни, слѣдующему ниже, видно, что въ этомъ мѣстѣ пропускъ.

«уморило меня, молодца, смертью голодною;
«уже три дни мнѣ были не радошны,—
«не ѣдалъ я, молодецъ, ни полукуска хлѣба!
«ино кинусь я, молодецъ, въ быстру рѣку!
«полощи мое тѣло, быстра рѣка!
«ино ѣжте, рыбы, мое тѣло бѣлое!
«ино лутчи мнѣ житія сего позорнаго!
«уйду ли я у Горя злочастнаго!»
И въ тотъ часъ у быстры рѣки
скоча ([1]) Горе изъ-за камени,
босо, наго, нѣтъ на Горѣ, ни ниточки,
еще лычкомъ Горе подпоясано,
богатырскимъ голосомъ воскликало.
«Стой ты, молодецъ: меня, Горя, не уйдешь никуды!
«не мечися въ быстру рѣку,
«да не буди въ горѣ кручиноватъ:
«а въ горѣ жить-некручинну быть!
«а кручинну въ горѣ пошнути!
«Спамятуй, молодецъ, житіе свое первое;
«и самъ тебѣ отецъ говорилъ ([2]),
«и какъ тебѣ мати наказывала.
«О чемъ ([3]) тогда ты ихъ не послушалъ?
«не захотѣлъ ты имъ покоритися,
«постыдился имъ поклонитися,
«а хотѣлъ ты жить, какъ тебѣ любо есть!
«А кто родителей своихъ на добро ученія не слушаетъ,
«того выучю я, Горе-злочастное!
«не къ любому онъ учнетъ упадывать.
«и учнетъ онъ недругу покорятися!»
Говоритъ Злочастіе таково слово:
«Покорися мнѣ, Горю нечистому,
«поклонися мнѣ, Горю, до сыры земли,
«а нѣтъ меня, Горя, мудряя на семъ свѣтѣ:
«и ты будешь перевезенъ за быструю рѣку,
«напоятъ тя, накормятъ люди добрыя.»

([1]) Вѣроятно, описка: слѣдуетъ читать скочи.

([2]) Вѣроятно, говаривалъ.

([3]) Вмѣсто для чего.

А что видитъ молодецъ (¹) неминучую—
покорился Горю нечистому,
поклонился Горю до сыры земли!
Пошелъ, поскочилъ доброй молодецъ,
по круту по красну по бережку,
по желтому песочику;
идетъ веселъ, некручиноватъ,
утѣшилъ онъ Горе-Злочастіе;
а самъ, идучи, думу думаетъ:
«Когда у меня нѣтъ ничево,
«и тужить мнѣ не о чемъ!»
Да еще молодецъ некручиноватъ,
запѣлъ онъ хорошую напѣвочку,
отъ великаго крѣпкаго разума:
«Безпечальна мать меня породила,
«гребешкомъ кудерцы разчесывала,
«драгими порты меня одѣяла,
«и отшедъ, подъ ручку (²) посмотрила:
«хорошо ли мое чадо въ драгихъ портахъ?
«а въ драгихъ портахъ чаду и цѣны нѣтъ!
«Какъ бы до вѣку она такъ пророчила!
«Ино я самъ знаю и вѣдаю,
«что не класти скарлату безъ мастера,
«не утѣшити дѣтяти безъ матери,
«не бывать бражнику богату,
«не бывать костарю въ славѣ доброй.
«Завѣченъ (³) я у своихъ родителей,
«что мнѣ быти бѣлешеньку,
«а что родился головенкою (⁴)!»
Услышали перевозчики молодецкую напѣвочку,—
перевезли молодца быстру рѣку,
а не взяли у него перевозного.
Напоили, накормили люди добрые:
Сняли съ него гунку кабацкую,
Дали ему порты крестьянскіе.
Говорятъ молодцу люди добрые:
«А что еси ты, добрый молодецъ?
«ты поди на свою сторону,
«къ любимымъ честнымъ родителемъ,
«ко отцу своему и къ матери любимой,
«простися ты съ своими родители,
«со отцемъ и матерію,
«возьми отъ нихъ благословеніе родительское!»
И оттуду пошелъ молодецъ на свою сторону.
Какъ будетъ молодецъ на чистомъ полѣ,
а что злое Горе напередъ зашло,
на чистомъ полѣ молодца встрѣтило,
учало надъ молодцемъ граяти,
что злая ворона надъ соколомъ,
говоритъ Горе такозо слово:
«Ты стой, не ушелъ, доброй молодецъ!
«не на часъ я къ тебѣ, Горе злочастное, привязалося,
«хошь до смерти съ тобою помучуся!
«Не одно я, Горе,—еще сродники,
«а вся родня наша добрая;
«всѣ мы гладкіе, умилные,
«а кто въ семью къ намъ примѣшается,—
«ино тотъ между нами замучится!
«такова у насъ участь и лутчая.
«Хотя кинся во птицы воздушныя,
«хотя въ синее море ты пойдешь рыбою,—
«а я съ тобою пойду подъ руку подъ правую!»
Полетѣлъ молодецъ яснымъ соколомъ,
а Горе за нимъ бѣлымъ кречатомъ;
молодецъ полетѣлъ сизымъ голубемъ,
а Горе за нимъ сѣрымъ ястребомъ;
молодецъ пошелъ въ поле сѣрымъ волкомъ,
а Горе за нимъ съ борзыми вѣжлецы (¹):
молодецъ сталъ въ полѣ ковылъ-трава,
а Горе пришло съ косою вострою,
да еще злочастіе надъ молодцемъ насмѣялося:
«Быть тебѣ, травонька, посѣченой,
«лежать тебѣ, травонька, посѣченой, (²)
«и буйны вѣтры быть тебѣ развѣяной.»
Пошелъ молодецъ въ море рыбою,
а Горе за нимъ съ щастыми (³) неводами;
еще Горе злочастное насмѣялося:
«Быть тебѣ, рыбонькѣ, у бережку уловленой,

(¹) Бѣду. Пропущено въ подлинникѣ.
(²) Т. е. держа ладонь надъ глазами.
(³) Опредѣленъ на весь вѣкъ. Иначе: что мнѣ на роду написано.
(⁴) По толкованію профессора Срезневскаго головенкою значитъ: бѣднякомъ, горемыкою.

(¹) Слѣдовало бы выжлецы. Польск. wyezl лягавая собака.
(²) Вѣроятно здѣсь описка надобно читать: *покошенной*.
(³) Вѣроятно, съ частыми.

«быть тебѣ да и съѣденой,
«умереть будетъ напрасною смертію!»
Молодецъ пошелъ пѣшъ дорогою,
а Горе подъ руку подъ правую;
научаетъ молодца богато жить,
убити и ограбити,
чтобы молодца за то повѣсили,
или съ камнемъ въ воду посадили.
Спамятуетъ молодецъ спасенный путь,
и оттолѣ молодецъ въ монастырь пошелъ
постригатися;
а Горе у святыхъ воротъ остается,
къ молодцу впередъ не привяжется!
А сему житію конецъ мы вѣдаемъ:
избави Господи вѣчныя муки,
а дай намъ, Господи, свѣтлый рай!
Во вѣки вѣковъ, аминь.

ПИСЬМЕННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Исторія о Россійскомъ дворянинѣ Фролѣ Скобѣевѣ и стольничей дочери Нардина-Нащокина Аннушкѣ.

Въ Новгородскомъ уѣздѣ жилъ дворянинъ Фролъ Скобѣевъ; тамъ же въ своихъ вотчинахъ жилъ стольникъ Нардинъ-Нащокинъ, у котораго была дочь Аннушка. Скобѣевъ узналъ о ней и имѣлъ случай видѣться съ нею во время святочныхъ игрищъ въ домѣ Нардина-Нащокина. Скобѣевъ явился сюда съ сестрою и самъ былъ наряженъ дѣвицею. Когда открыла Аннушка этотъ обманъ, она, боясь дурной о себѣ славы, никому не сказала о такомъ необыкновенномъ посѣщеніи. Между тѣмъ ласки смѣлаго дворянина пробудили въ Аннушкѣ сочувствіе къ нему.

И пишетъ изъ Москвы отецъ стольникъ Нардинъ-Нащокинъ въ вотчину свою къ дочери своей Аннушкѣ, чтобъ она ѣхала въ Москву, для того что сватаются къ ней женихи стольничьи дѣти. И Аннушка не преслушалась воли родителя своего; собравшись вскорѣ, поѣхала въ Москву. Потомъ провѣдалъ Фролъ Скобѣевъ, что Аннушка уѣхала въ Москву, и сталъ въ великомъ сумнѣніи, не вѣдаетъ, что дѣлать, для того что онъ дворянинъ небогатый, а имѣлъ себѣ болѣе пропитанія—всегда ходилъ за дѣлами. И взялъ себѣ намѣреніе, какъ можно Аннушку достать себѣ въ жену. Потомъ Фролъ Скобѣевъ сталъ отправляться въ Москву, а сестра его вельми о томъ соболѣзнуетъ. Фролъ Скобѣевъ сказалъ сестрѣ своей: «ну, сестрица, не тужи ни о чемъ: хотя животъ свой утрачу, а отъ Аннушки не отстану: либо буду полковникъ, либо покойникъ. Ежели что сдѣлается по намѣренію моему, то и тебя не оставлю, а буде сдѣлается несчастіе, то поминай брата своего.» И убрався, поѣхалъ въ Москву. И пріѣхалъ Фролъ Скобѣевъ въ Москву, и сталъ на квартирѣ близь двора Нардина-Нащокина. На другой день Фролъ Скобѣевъ пошелъ къ обѣднѣ, и увидѣлъ мамку, которая была при Аннушкѣ. И по отшествіи литургіи вышелъ Фролъ Скобѣевъ изъ церкви и сталъ ждать тое мамку. И какъ мамка та вышла изъ церкви, Фролъ Скобѣевъ, подошедъ къ той мамкѣ, отдалъ ей поклонъ и просилъ ее, чтобъ она объявила о немъ Аннушкѣ. И какъ мамка пришла домой, то объявила о немъ Аннушкѣ и о пріѣздѣ его. Аннушка на то стала въ радости и просила мамку свою, чтобъ она завтрашній день пошла къ обѣднѣ и взяла съ собою денегъ 20 рублевъ и отдала Фролу Скобѣеву, и мамка то учинила по воли ея. У того стольника Нардина-Нащокина имѣлась сестра, пострижена въ дѣвичьемъ монастырѣ. И тотъ стольникъ пріѣхалъ къ сестрѣ своей въ монастырь. И сестра встрѣтила съ почестьми брата своего. Стольникъ Нардинъ-Нащокинъ у сестры своей былъ долгое время и много разговаривали. Потомъ сестра его просила брата своего покорно, чтобъ онъ отпустилъ къ ней въ монастырь для свиданія дочь свою Аннушку, а ея племянницу, для того что она съ нею долговременно невидалась. И стольникъ Нардинъ-Нащокинъ обѣщалъ къ ней отпустить дочь свою. И сестра ему объявила: «не надѣюсь, государь братецъ, чтобъ ты съ нею учинилъ по просьбѣ моей, для того что ты забудешь, а я прошу тебя, изволь приказать въ домѣ своемъ, хотя когда въ небытность твою дома, пришлю я

по нее карету и возниковъ, чтобъ ты приказалъ ей ѣхать безъ себя.» Случится по нѣкоторому времени тому стольнику Нардину-Нащокину ѣхать въ гости съ женою своею, и приказываетъ дочери своей: «ежели пришлетъ сестра по тебя изъ монастыря карету и возниковъ; то ты поѣзжай къ ней.» А самъ поѣхалъ въ гости. И Аннушка проситъ мамки своей, чтобъ она какъ можно пошла къ Фролу Скобѣеву, и скажи-де ему, чтобъ онъ какъ можно гдѣ выпросилъ карету съ возниками, и пріѣхалъ самъ къ ней, и сказаться, будто отъ сестры стольника Нардина-Нащокина, и пріѣхалъ по Аннушку изъ дѣвичьего монастыря.» И та мамка пошла ко Фролу Скобѣеву и сказала ему все по приказу ея.

И какъ услышалъ Фролъ Скобѣевъ, и не вѣдаетъ, что дѣлать, и какъ бы кого обмануть, для того что его знаютъ: дворянинъ онъ не богатый, только ябедникъ великой. ходатайствуетъ за дѣлами. И пришло въ память Скобѣеву, что весьма къ нему добръ стольникъ Ловчиковъ, и пошелъ къ нему. И какъ пришелъ Фролъ Скобѣевъ къ стольнику Ловчикову, и тотъ стольникъ имѣлъ съ нимъ разговоры довольны. Потомъ Фролъ Скобѣевъ сталъ просить того стольника, чтобъ онъ пожаловалъ ему карету съ возниками ѣхать для смотрѣнія невѣсты. И Ловчиковъ далъ ему карету съ возникомъ и кучера. И Фролъ Скобѣевъ поѣхалъ, и пріѣхалъ къ себѣ на квартиру, и того кучера напоилъ вельми пьяна, а самъ убрался въ лакейское платье, и сѣлъ на козлы и поѣхалъ къ стольнику Нардину-Нащокину по Аннушку. И усмотрѣла та Аннушкина мамка, что пріѣхалъ Скобѣевъ, сказала Аннушкѣ подъ видомъ другимъ того дому служителямъ, яко бы прислала тетка по нее изъ монастыря. И та Аннушка убралась и сѣла въ карету, и поѣхала на квартиру Фрола Скобѣева. И тотъ кучеръ Ловчикова пробудился, и усмотрѣлъ Фролъ Скобѣевъ, что тотъ кучеръ Ловчикова и въ такомъ сильномъ пьянствѣ, и напоилъ его весьма жестоко пьяна и положивъ его въ карету, а самъ сѣлъ въ козлы и поѣхалъ къ Ловчикову. А какъ пріѣхалъ ко двору, отворилъ ворота и пустилъ возниковъ съ каретою на дворъ. И люди Ловчикова видятъ, что стоятъ возники и съ каретою на дворѣ, а кучеръ лежитъ въ каретѣ жестоко пьянъ, пошли объявили Ловчикову, что кучеръ жестоко пьянъ и спитъ въ каретѣ, а кто ихъ сюды привелъ, не вѣдаютъ. И Ловчиковъ велѣлъ карету и возниковъ убрать и сказалъ: «то хорошо, что всего не уходилъ: на Фролѣ Скобѣевѣ взять нечего.» И на утрѣ сталъ спрашивать Ловчиковъ того кучера, гдѣ онъ былъ со Фроломъ Скобѣевымъ. И кучеръ сказалъ ему: «только помню, какъ пріѣхалъ къ нему на квартиру, а куда онъ, Скобѣевъ, ѣздилъ, и что дѣлалъ, незнаю.» А стольникъ Нардинъ-Нащокинъ пріѣхалъ изъ гостей и спросилъ о дочери своей Аннушкѣ. И та мамка сказала, что по приказу вашему отпустила къ сестрѣ вашей въ монастырь, для того что она прислала карету и возниковъ. Стольникъ Нардинъ-Нащокинъ сказалъ: «изрядно.»

И Стольникъ Нардинъ - Нащокинъ долгое время не бывалъ у сестры своей, и надѣется, что дочь его Аннушка въ монастырѣ у сестры его. А уже Фролъ Скобѣевъ на Аннушкѣ женится. Потомъ стольникъ Нардинъ-Нащокинъ поѣхалъ въ монастырь къ сестрѣ своей, и сидѣлъ у сестры своей долгое время, и не видалъ дочери своей, и спросилъ у сестры своей: «сестрица, что я не вижу Аннушки?» И сестра ему отвѣтствовала: «полно, братецъ, издѣваться. Что мнѣ дѣлать, когда я безчастна моимъ прошеніямъ: къ себѣ просила ее прислать; но мнѣ знатно, что ты мнѣ не вѣришь, а мнѣ время такого нѣтъ, чтобъ послать по нея.» И стольникъ Нардинъ-Нащокинъ сказалъ сестрѣ своей: «какъ, государыня сестрица, что ты изволишь говорить о томъ, не могу разсудить, для того, что она отпущена къ тебѣ уже тому мѣсяцъ, за тѣмъ, что ты прислала по нее карету и возниковъ, а

я въ то время былъ въ гостяхъ съ женою, по приказу нашему отпущена къ тебѣ.» И сестра ему сказала: «никакъ я, братецъ, возниковъ и кареты не посылала никогда, и Аннушка никогда не была.» И стольникъ Нардинъ-Нащокинъ весьма сожалѣлъ о дочери своей, весьма много искалъ, и нигдѣ не нашолъ и горько плакалъ и пріѣхалъ въ домъ свой, и сказалъ женѣ своей, что Аннушка пропала, и сказалъ что у сестры въ монастырѣ нѣтъ. И сталъ мамку спрашивать, кто пріѣзжалъ съ возниками. И та мамка сказала: «пріѣзжалъ съ возниками и съ каретою кучеръ, и сказалъ, что изъ дѣвичьяго монастыря отъ сестры вашей пріѣхалъ по Аннушку; и по приказу вашему поѣхала Аннушка.» И о томъ стольникъ съ женою своею весьма соболѣзновали и плакали горько. И на утро стольникъ Нардинъ-Нащокинъ поѣхалъ къ государю и объявилъ, что у него безвѣстно пропала дочь. И государь велѣлъ учинить публику. Не вѣдаетъ Фролъ Скобѣевъ, что дѣлать, и умыслилъ идтить къ полковнику Ловчикову и объявить ему о томъ, для того, что Ловчиковъ весьма къ нему добръ. И пришелъ Фролъ Скобѣевъ къ Ловчикову и имѣлъ съ нимъ многіе разговоры. Стольникъ Ловчиковъ спрашивалъ Фрола Скобѣева: «что, господинъ Скобѣевъ, женился ли?» И Скобѣевъ сказалъ: «женился!» — «Богатую ли взялъ?» И Скобѣевъ сказалъ: «нынѣ еще богатства не вижу, что вдаль время окажетъ.» И Ловчиковъ говорилъ Скобѣеву: «ну, господинъ Скобѣевъ, живи уже постоянно; отстань за ябедою ходить; живи въ отчинѣ своей; лучше, здоровѣе.» Потомъ Фролъ Скобѣевъ сталъ просить того стольника Ловчикова, чтобъ онъ былъ предстатель его въ бѣдѣ. И Ловчиковъ ему объявилъ: «скажи, что ежели сносно, буду предстательствовать; ежели что несносно, и не гнѣвайся.» Фролъ Скобѣевъ ему объявилъ, что стольника Нардина-Нащокина дочь Аннушка у меня, и я на ней женился. И стольникъ Ловчиковъ сказалъ: «Какъ ты сдѣлалъ, такъ самъ и отвѣтствуй!» И Фролъ Скобѣевъ сказалъ: «ежели ты предстательствовать не будешь обо мнѣ, то и тебѣ будетъ не безъ худа, а мнѣ уже пришло сказать на тебя, для того, что ты возниковъ и карету давалъ, и мнѣ того не учинить бы.» И Ловчиковъ сталъ въ великомъ сумнѣніи, и сказалъ ему: «настоящій ты плутъ; что ты надо мною сдѣлалъ? Добро! какъ могу, то буду предстательствовать.» И сказалъ ему: «завтрашній день приходи въ Успенскій соборъ, тамъ и стольникъ Нардинъ-Нащокинъ будетъ у обѣдни, а я съ нимъ буду. И послѣ обѣдни будетъ стоять стольниковъ все собраніе на Иванской площади; и въ то время приди предъ нимъ, и объяви ему о дочери его, и я уже, какъ могу, буду предстательствовать.» И пришелъ Фролъ Скобѣевъ въ Успенскій соборъ къ обѣднѣ, и стольникъ Нардинъ-Нащокинъ, и Ловчиковъ, и другіе стольники, всѣ у обѣдни были. По отшествіи литургіи, въ то время имѣлось собраніе на Иванской площади, противъ Ивана Великаго; и всѣ стольники собрались на оную площадь, и Нардинъ-Нащокинъ тутъ же, и имѣли оные стольники между собою разговоры, что имъ надобно. А стольникъ Нардинъ-Нащокинъ, больше соболѣзнуя, разсуждаетъ о дочери своей, и стольникъ Ловчиковъ разсуждаетъ о томъ же съ нимъ, склоняя его къ милости. И въ тѣ ихъ разговоры пришелъ Фролъ Скобѣевъ, и отдалъ всѣмъ стольникамъ по обычаю поклонъ. Всѣ стольники Фрола Скобѣева знаютъ, и кромѣ всѣхъ стольниковъ, палъ предъ ногами Фролъ Скобѣевъ у стольника Нардина и просилъ прощенія: «милостивой государь, стольникъ первой! отпусти виннаго, яко раба своего, который возъимѣлъ предъ вами дерзновеніе». И стольникъ Нардинъ-Нащокинъ имѣлся лѣтами древенъ и зрѣніемъ отъ древности уже помраченъ; однакожъ человѣка усмотрѣть еще могъ. Имѣли въ то время обычай тѣ старые люди носить въ рукахъ трости натуральныя съ клюшками.

И поднимаетъ тою клюшкою Фрола Скобѣева и спрашиваетъ его: «Кто ты таковъ скажи о себѣ, и что твоя нужда къ намъ.» И Фролъ Скобѣевъ только говоритъ: «отпусти мою вину.» Стольникъ Ловчиковъ, подошедъ къ стольнику Нардину-Нащокину, сказалъ ему: «лежитъ предъ вами и проситъ отпущенія вины своея дворянинъ Фролъ Скобѣевъ.» И стольникъ Нардинъ-Нащокинъ закричалъ: «вотъ ты плутъ; знаю тебя давно, плута, ябедника; знать, что наябѣдничалъ себѣ несносно. Скажи, плутъ что, буде сносно, стараться стану о тебѣ, а когда несносно, какъ хочешь; я тебѣ, плуту, давно говорилъ: живи постоянно. Встань, скажи, что твоя вина?» И Фролъ Скобѣевъ сталъ отъ ногъ его, и объявилъ ему, что дочь его Аннушка у него и женился на ней. И какъ стольникъ Нардинъ-Нащокинъ услышалъ отъ него о дочери своей, и залился слезами, и сталъ въ безпамятствѣ. И мало опамятствовался, сталъ ему говорить: «что ты, плутъ, сдѣлалъ? Вѣдаешь ли ты о себѣ, кто ты таковъ? нѣсть тебѣ отпущенія отъ меня вины твоей: тебѣ ли, плуту, владѣть дочерью моею? Пойду ко Царю и стану на тебя просить о твоей плутовской ко мнѣ обидѣ.» И вторительно пришелъ къ нему стольникъ, и сталъ его разговаривать, чтобъ онъ вскорѣ къ государю не возъимѣлъ идти. «Изволишь съѣздить домой и объявить о семъ сожительницѣ своей; и по совѣту общему поступать какъ къ лучшему: того времени не возвратить; а онъ, Скобѣевъ, отъ гнѣву вашего никуда не можетъ скрыться.» И стольникъ Нардинъ-Нащокинъ совѣту стольника Ловчикова послушалъ и не пошелъ ко Царю, и сѣлъ въ карету, и поѣхалъ въ домъ свой. А Фролъ Скобѣевъ пошелъ на квартиру свою и сказалъ Аннушкѣ: «ну, Аннушка, что будетъ намъ съ тобою — не вѣдаю: я объявилъ о тебѣ отцу твоему.» И стольникъ Нардинъ-Нащокинъ пріѣхалъ въ домъ свой, и пошелъ въ покой, жестоко плачетъ и кричитъ: «жена! что ты вѣдаешь? я нашелъ Аннушку.» — А жена его спрашиваетъ: «гдѣ она, батюшка?» И стольникъ Нардинъ-Нащокинъ сказалъ женѣ своей: «вѣдь, плутъ и ябедникъ Фролъ Скобѣевъ женился на ней.» Жена его услышала отъ него рѣчи, и не вѣдаетъ, что говорить, соболѣзнуя о дочери своей. И стали горько плакать, а въ сердцахъ своихъ бранить дочь свою, и проклинаютъ и невѣдаютъ, что чинить надъ нею. И пришли въ память, и сожалѣя о дочери своей, стали разсуждать: «надо послать человѣка, гдѣ онъ, плутъ, живетъ, и провѣдать о дочери своей, жива ли она.» И призвали человѣка своего и послали сыскать квартиру Фрола Скобѣева, и приказывали провѣдать про Аннушку, что жива ли она, и имѣетъ ли пропитаніе. И поѣхалъ человѣкъ искать квартиру Фрола Скобѣева, и усмотрѣлъ Фролъ Скобѣевъ, что отъ тестя его пришелъ человѣкъ, и велѣлъ женѣ своей лечь на постелю и притвориться, яко бы жестока больна. И Аннушка учинила по волѣ мужа своего, и присланный человѣкъ вошелъ въ покой и отдалъ, какъ по обычаю, поклонъ. И Фролъ Скобѣевъ спросилъ: «что за человѣкъ? и какую нужду имѣешь во мнѣ?» И человѣкъ тотъ сказалъ, что онъ присланъ отъ стольника Нардина-Нащокина провѣдать про Аннушку, здравствуетъ ли она. И Фролъ Скобѣевъ сказалъ тому присланному человѣку: «видишь ты, мой другъ, какое здоровье? Таковъ-то родительскій гнѣвъ: они заочно бранятъ и клянутъ, а отъ того она при смерти лежитъ. Донеси ихъ милости, хотя бы они заочно словесно благословеніе ей дали.» И человѣкъ тотъ отдалъ имъ поклонъ и пошелъ отъ нихъ. И пришелъ къ господину своему стольнику Нардину-Нащокину, и спросилъ его стольникъ: «что нашелъ ли квартиру и видѣлъ ли Аннушку? жива ли она, или нѣтъ?» И человѣкъ тотъ объявилъ, что Аннушка жестоко больна, едва будетъ жива, и требуетъ отъ васъ хотя словесно заочно благословеніе. И стольникъ съ женою жестоко о дочери соболѣзновали,

разсуждая, что съ воромъ и плутомъ дѣлать, но болѣе сожалѣли о дочери своей. Стала жена Нардину говорить: «ну, мой другъ, ужъ такъ Богъ судилъ; надобно, другъ мой, послать къ нимъ образомъ ихъ и, хотя заочно, благословить; а когда сердце наше умилостивится къ нимъ, то можемъ и сами видѣться съ ними.» И сняли со стѣны образъ, который обложенъ былъ златомъ и драгимъ каменіемъ, и прикладу всего на 500 рублевъ, и послали съ тѣмъ же человѣкомъ, и приказали сказать, чтобъ она сему образу молилась, а плуту и вору Фролу Скобѣеву скажи, чтобъ онъ его не промоталъ. И человѣкъ, принявъ образъ, пошелъ на дворъ Фрола Скобѣева, и усмотрѣлъ Фролъ Скобѣевъ, что пришелъ тотъ же человѣкъ, сказалъ женѣ своей: «встань, Аннушка!» И жена его Аннушка сѣла вмѣстѣ съ Фроломъ Скобѣевымъ, и человѣкъ тотъ вошелъ въ покой и отдаетъ образъ Фролу Скобѣеву. И принявъ образъ, поставилъ, гдѣ надлежитъ, и сказалъ тому человѣку: «таково-то родительское благословеніе! и какъ заочно намѣрены благословить, и далъ Богъ Аннушкѣ легче; теперь, слава Богу, здрава.» И сказалъ Фролъ Скобѣевъ, такожъ и Аннушка: «благодари батюшку и матушку за ихъ родительскую милость.» И человѣкъ пришелъ къ господину своему и объявилъ ему объ отданіи образа и о здравіи Аннушки и о благодареніи ихъ, и пошелъ въ показанное свое мѣсто. И стольникъ Нардинъ-Нащокинъ сталъ разсуждать съ женою своею, и сожалѣетъ о дочери своей: «какъ, другъ, быть! Конечно, плутъ заморитъ Аннушку: чѣмъ ему, вору, ее кормить? и самъ, какъ собака, голоденъ; надобно, другъ мой, послать какого есть запасу на шести лошадяхъ.» И послали тотъ запасъ, и при томъ запасѣ реестръ. И Фролъ Скобѣевъ, не смотря по реестру, приказалъ положить запасъ въ показанное мѣсто, и приказалъ тѣмъ людямъ за оказанныя родительскія милости благодарить. Уже Фролъ Скобѣевъ живетъ и ѣздитъ роскошно вездѣ по знатнымъ персонамъ; и весьма Скобѣевъ удивлялся, что онъ сдѣлалъ такую причину смѣло.

И уже долгое время родители обратились сердцемъ и соболѣзновали душею о дочери своей, такожъ и о Фролѣ Скобѣевѣ, и приказали послать человѣка къ нимъ просить ихъ, чтобъ Фролъ Скобѣевъ и съ женою, а ихъ дочерью, пріѣхали къ стольнику Нардину Нащокину хлѣба кушать. И пришелъ присланный человѣкъ и сталъ просить Фрола Скобѣева, чтобъ онъ изволилъ пріѣхать сей день съ женою своею кушать. И Фролъ Скобѣевъ сказалъ человѣку: «донеси батюшкѣ: готовъ быть сей день къ ихъ милости.» И Фролъ Скобѣевъ убрался съ женою своею Аннушкою, и поѣхалъ въ домъ тестя своего стольника Нардина-Нащокина. И какъ пріѣхалъ въ домъ его и пошелъ въ покой, и жена его Аннушка пришла къ отцу своему, и пала предъ ноги родителей своихъ. И смотрѣлъ Нардинъ-Нащокинъ на дочь свою, и сталъ ее бранить и наказывать гнѣвомъ своимъ родительскимъ, и смотря на нее, жестоко плакачи, что она такъ учинила безъ воли родительской; однакожъ, оставя весь свой гнѣвъ родительской, отпустили ей вину, и приказали сѣсть съ собою, а Фролу Скобѣеву сказалъ Нардинъ: а ты плутъ, что стоишь? садись тутъ же, тебѣ ли, плуту, моею дочерью владѣть?» И Фролъ Скобѣевъ сказалъ: «ну государь батюшка, уже тому такъ Богъ судилъ.» И сѣли всѣ вмѣстѣ кушать. И стольникъ Нардинъ-Нащокинъ приказалъ людямъ своимъ, чтобъ никого въ домъ постороннихъ не пускать; ежели кто пріѣдетъ и станетъ спрашивать, что дома-ль стольникъ Нардинъ-Нащокинъ, сказывайте, что время такого нѣтъ, чтобъ видѣть стольника, для того что съ зятемъ своимъ, съ воромъ и плутомъ Фролкою, кушаетъ. И по окончаніи стола, Стольникъ Нардинъ-Нащокинъ спрашиваетъ: «ну, плутъ, чѣмъ ты станешъ жить?» И Фролъ Скобѣевъ объявилъ: «чѣмъ мнѣ жить, изволишь ты вѣдать обо мнѣ? болѣе не-

чѣмъ, что ходить за ябедою!»—«Имѣется вотчина моя въ Симбирскомъ уѣздѣ, которая по переписи состоитъ въ трехъ стахъ дворахъ; справь, плутъ, за себя, и живи постоянно съ женою своею Аннушкою.» И Фролъ Скобѣевъ принесъ предъ нимъ благодареніе. «Плутъ, не кланяйся; поди самъ справь за себя.» И посидѣвъ немного время, поѣхалъ Фролъ Скобѣевъ съ женою своею на квартиру. И стольникъ Нардинъ-Нащокинъ приказалъ его воротить, и сталъ ему говорить: «чѣмъ ты справишь? есть ли у тебя деньги?» — «Извѣстно, государь батюшка, какія у меня деньги.» И приказалъ дать ему денегъ 300 рублевъ. Скобѣевъ взялъ деньги и поѣхалъ на квартиру, и современемъ справилъ тое вотчину за себя. И пожилъ стольникъ Нардинъ-Нащокинъ немногое время, и учинилъ при жизни своей во всемъ своемъ движимомъ и недвижимомъ имѣніи Фрола Скобѣева наслѣдникомъ, и сталъ жить Фролъ Скобѣевъ въ великомъ богатствѣ, а стольникъ Нардинъ-Нащокинъ умре и съ женою своею, а Фролъ Скобѣевъ остался со своею Аннушкою, и сталъ въ великомъ знатіи, а сестру свою съ великимъ награжденіемъ выдалъ за нѣкотораго стольничьяго сына замужъ, и тѣмъ сія исторія кончилась.

(Москвит. 1853, 1).

ИСКУСТВЕННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Б. НОВЫЙ ПЕРІОДЪ.

XVIII ВѢКЪ.

I. ѲЕОФАНЪ ПРОКОПОВИЧЪ.

(ум. 1736).

Изъ Слова въ день рожденія в. к. Петра Петровича (1716).

Здѣсь предлежитъ намъ сугубый путь гражданскаго и воинскаго правительства. Въ который первѣ устремимся? Пойдемъ первѣе въ гражданскій, яко домашній, воинскій бо за предѣлы отечества ведетъ. А здѣ да предстанетъ намъ свидѣтельство памяти всенародныя, память же не престарѣлыхъ людей, но недалече за двадесять лѣтъ вспять заходящая. Что бо была Россія прежде такъ недалеко времени, и что есть нынѣ? посмотримъ ли на зданія? на мѣсто грубыхъ хижинъ наступили палаты свѣтлые; на мѣсто худаго хврастія-дивныя вертограды. Посмотримъ ли на градцкія крѣпости? имѣемъ таковыя вещію, каковыхъ и фігуръ на хартіяхъ прежде не видѣли и не видали. Воззримъ на сѣдалища правительскія? новый сенаторовъ, и губернаторовъ санъ, въ совѣтахъ высокій, въ правосудіи неумытный, желательный добродѣтелемъ, страшный злодѣяніямъ. Отверземъ статіи и книги судейскія? колико лишныхъ отставлено, колико здравыхъ и нужнѣйшихъ прибыло вновь! Уже и свободная ученія полагаютъ себѣ основанія, идѣже и надежды не имѣяху; уже ариѳметическія, геометрическія и протчыя філософскія искуства, уже книги политическія, уже обоей архітектуры хитрости умножаются. Что же речемъ о флотѣ воинскомъ? Ниже бо на самомъ точію кораблей зданіи держати очи и мысли намъ довлѣетъ. Аще и самое то зрѣти безъ удивленія не можемъ, но разсуждати подобаетъ, отъ колиихъ сіе добродѣтелей произыде. Не могли бы воистину никіи же мастеры совершити сего, всуе бо было тектонское искуство и труды, аще бы не предстала здѣ монаршая мудрость, еже вся усмотрѣти къ такому намѣренію потребная; аще бы не былъ здѣ быстрый промыслъ, откуду бы и како, каковымъ путемъ и способомъ подобающую собрати извести матерію; аще бы не явила себѣ здѣ велелѣпная щедрость, еже бы не жалѣти толикихъ иждивеній, аще бы непроизошло здѣ незыблемое велико-

душіе, еже бы не устрашитися толикого и толь трудного, а еще новаго дѣла; аще бы не воспланулося здѣ неусыпное славы ревнованіе, еже бы Государству Россійскому и всемъ не попустити отъ инныхъ протчихъ быти упослѣжденну. И да многая минувше, единоглавнѣйше изречемъ, на таковый сей трудный, новый преславный заводъ, не доволно было никоеже имѣніе, ни лѣсы дубравные, ни труды дѣлательскіе. Потребное было оруженосимымъ симъ ковчегамъ, симъ крылатымъ и бѣгъ пространный любящимъ полатамъ, потребное, глаголю, было мѣсто и поле теченію ихъ подобающее: инако бы все суетное было. Здѣ же кто не видитъ, что державѣ Россійской подобало простретися за предѣлы земныя, и на широкія моря пронести область свою? Купилъ намъ тое Самодержецъ нашъ не сребромъ купеческимъ, но Марсовымъ желѣзомъ. Показа, аки перстомъ самая правда на бреги Інгріи и Кареліи хищеніемъ лва свѣйскаго давно отъятые; устремися убо тамо сила Монарха нашего побѣдительная и прогна далече звѣря оного полунощного, протяже владѣніе свое на моря, устраши громомъ славы сея и далечайшая поморія и островы, державную же Россію уподоби оному апокалиптическому видѣнію: се уже единою ногою на земли, другою же стоитъ на морѣ, дивна всѣмъ, всѣмъ страшна и славна. Словомъ рещи: аще бы ничто же было прочее, самъ флотъ былъ бы доволенъ къ безсмертной славѣ Его Царскаго Величества.

А ты, новый и новоцарствующій граде Петровъ, не высокая ли слава еси фундатора твоего? идѣже ни помыслъ кому былъ жителства человѣческаго, достойное вскорѣ устроися мѣсто престолу Царскому. Кто бы отъ странныхъ здѣ пришедъ, и о самой истинѣ неувѣдавъ, кто бы, глаголю, узрѣвъ таковы града величество и веселѣніе, не помыслилъ, яко сіе отъ двухъ или трехъ сотъ лѣтъ уже зиждется? сіе есть, тщательствомъ Монарха нашего испразднися оная древняя пословица сарматская: не разомъ Краковъ будовано. Или велико бо время къ таковому строенію пятьнадесятолѣтнее? И что много глаголати о сихъ? Августъ онъ римскій императоръ, яко превеликую о себѣ похвалу, умирая, проглагола: «кирпичный, рече, Римъ обрѣтохъ, а мраморный оставлю.» А нашему Пресвѣтлѣйшему Монарсѣ тщета была бы, а не похвала, сіе прогласити; исповѣсти бо воистинну подобаетъ, древяную онъ обрѣте Россію, а сотвори златую: тако оную и внѣшнимъ, и внутреннимъ видомъ украси; зданіи, крѣпостьми, правилами и правителми, и различныхъ ученій полезныхъ добротою.

А еще побѣжимъ въ слѣдъ его воинскій (аще и тако уже того минути мы не возмогли), и здѣ точію имена вещей нѣкіихъ воспомянути можемъ: тако не возможно есть въ краткомъ времени предлагати повѣсть. Еще отроческою рукою разори Казикерменъ, разруши Азовъ и дракона асійскаго устраши, возъяренъ же неправеднымъ терзаніемъ лва свѣйскаго, коль ему много положи ранъ, коль много отсѣче градовъ и крѣпостей, здѣ въ Інгріи, въ Ливоніи, въ Помераніи, въ Кареліи, въ Финляндіи, и въ чуждихъ гнѣздахъ крыющаяся обрѣте, въ Митавѣ Курляндской, и въ Елбингѣ Прускомъ, и на мѣстахъ протчихъ; дерзнувша же встрѣтися на полѣ ратномъ преславно побѣди подъ Калишемъ, на Черной Напѣ подъ Пропойскомъ, подъ Полтавою. Единымъ ли сіе едино воспомяновеніемъ прейти довлѣетъ? Не довлѣютъ воистину преславной оной викторіи тысяща устъ риторскихъ, и не престанутъ славити вѣки многія, донѣлеже міръ стоитъ. Но и иныя побѣды прочая пространныхъ проповѣдей достойныя суть: обаче здѣ единымъ ихъ точію, яко же рѣхъ, воспоминаніемъ удоволяемся. Таковыя же, такъ далекія, такъ многія мѣста и страны побѣдами его прославленныя! Велико было бы, аще бо кто прошелъ легкимъ странствіемъ, то что жъ есть викторіями исполнити?

А что въ первыхъ воспомянути подо-

бало, и что всей толикой славѣ основаніе, есть регула воинская: то дѣло, то всѣхъ дѣлъ и корень и верхъ, за сіе дѣло, что либо и гдѣ либо россійскимъ оружіемъ достохвальное содѣвается, содѣвается Царемъ нашимъ, аще бы и не присутствовалъ тамо; за сіе едино и вся будущія по смерти его побѣды ему воспишутся.

И таковыхъ то Монарха нашего славныхъ дѣлъ, аще и не всихъ, аще и краткое именованіе есть свѣтлое извѣстное россійскаго щастія свидѣтельство; минувше бо многія оттуду произшедшыя ползы домашныя, да помыслитъ всякъ, коликую обрѣте Россія во всемъ мірѣ славу себѣ; не буди бо въ срамоту помянути, еже истинно есть, въ коемъ мнѣніи, въ коей цѣнѣ бѣхомъ мы прежде у иноземныхъ народовъ: бѣхомъ у политическихъ мнимии варвари, у гордыхъ и величавыхъ презрѣнніи, у мудрящихся невѣжи, у хищныхъ желателная ловля, у всѣхъ нерадими, отъ всѣхъ поруганны. Аще же и лживое было таковое многихъ мнѣніе, обаче было мнѣніе таковое, и изобличила было то не единократно Россія своимъ оружіемъ, но не довольно и не совершенно, наипаче яко оружіемъ страхъ точію содѣвается въ народѣхъ, честь и любовь тѣмъ не купуется. Нынѣ же что храбростію, любомудріемъ, правдолюбіемъ, исправленіемъ и обученіемъ отечества, не себѣ точію, но и всему Россійскому народу содѣла пресвѣтлый нашъ Монархъ? то что которые насъ гнушалися, яко грубыхъ, ищутъ усердно братства нашего, которыи безчестили—славятъ, которыи грозили—боятся и трепещутъ, которые презирали—служити намъ нестыдятся; многіе по Европѣ коронованныи главы не точію въ союзъ съ Петромъ Монархомъ нашимъ идутъ доброхотны; но и десная его Величеству давати не имѣютъ за безчестіе: отмѣнили мнѣніе, отмѣнили прежніи свои о насъ повѣсти, затерли исторійки своя древнія, инако и глаголати и писати начали: вознесла главу Россія свѣтлая, красная, силная, другомъ любимая, врагомъ страшная, и да заключимъ сильнымъ, но истиннымъ словомъ все сіе: Завпсть славою Россійскою побѣжденна есть. Не можетъ безчестити насъ; ибо вѣры уже въ свѣтѣ не обрящетъ, точію имать грызти персты своя, и утробою снѣдатися.

Изъ Слова въ недѣлю осмую-надесять (1717.)

Яко же бо рѣка, далей и далей проводя теченіе свое, болше и болше растетъ, получая себѣ прибаву изъ припадающихъ потоковъ, и тако походомъ своимъ умножается, и великую пріемлетъ силу: тако и странствованіе человѣку благоразумному прибавляетъ много. Чего жъ много прибавляетъ? тѣлесныя ли силы? но тая подорожными неугодіями слабѣетъ. Богатства ли? кромѣ купцовъ единыхъ, прочімъ убыточно есть. Чего жъ иного? того, еже есть и собственному и общему добру основаніе, искуства. Не всуе бо славный оный стихотворецъ еллінскій Омиръ въ началѣ книгъ своихъ, Одиссеа нарицаемыхъ, хотя кратко похвалити Улисса, вождя Греческаго, о которомъ повѣсть долгую поетъ, нарицаетъ его мужа многихъ людей обычаи и грады видѣвшаго. Сокращенная похвала, но великая: многія бо и великія ползы сокращенно содержитъ. Отсюду умножается главная оная мудрость, еже отъ твари познавати Творца. Истинное бо слово Павлово, или иначе Божіе: невидимая его отъ созданія міра твореньми видима познаваемая суть, и присносущная сила его и Божество (Рим. 1,20). И сію-то философію свою сказалъ быти Антоній Великій, егда вопрошающимъ его языческимъ философомъ, гдѣ суть книги его, показалъ на весь міръ, и реклъ: сія есть книга моя. Молю же: той ли книгу сію чтетъ лучше, которому гдѣ во очахъ горизонтъ кончится, тамъ всего міра конецъ мнится быти? или той, который, странствуя, видѣлъ рѣки

и моря, и земель различіе, и временъ разнствіе, и дивныхъ естествъ множество? Что есть ли бы не иную кую давано пользу, точію самое толь многихъ вещей познаніе, и сія была бы не малая корысть, наипаче мужу породы и чести высокія, которымъ вѣдѣніе лучше всякаго сокровища стяжется. Но отъ сего познанія твари восходитъ мысль, яко же рѣхъ, къ познанію Творца, и толико, выше къ познанію Бога восходитъ, елико множайшая созданія познаетъ. О единомъ плаваніи морскомъ, что глаголетъ Псаломникъ: Исходящіи на море въ корабляхъ, творящіи дѣланія въ водахъ многихъ. Тіи видѣша дѣла Господня и чудеса его въ глубинѣ. Рече, и ста духъ буренъ, и вознесошася волны его. Восходятъ до небесъ, и нисходятъ до безднъ (Пс. CVI, 23—26). Аще же отъ единаго сего, дѣла чудная Божія познаются, кольми паче показуетъ то странствіе, обоихъ пути искусившее.

Сверхъ того перегринація, или странствованіе, дивно объясняетъ разумъ къ правительству, и есть, смѣло реку, есть тая лучшая и живая честныя политики школа. Предлагаетъ бо не на хартіи, но въ самомъ дѣлѣ, не слуху, но самому видѣнію, обычаи и поведенія народовъ; егда тоежъ слышимъ отъ повѣстей, или чтемъ въ книгахъ історическихъ, много не хощетъ мысль вѣрити: не мало бо и ложнѣ повѣствуется; много же и вѣроятныхъ и истинныхъ (не вѣдать для чего) не такъ ясно познаемъ, какъ егда самыя только мѣста, гдѣ что дѣялося, увидѣвше. И сіе то самымъ искуствомъ увѣдавъ древній оный высокаго разсужденія учитель Іеронимъ, таковое къ познанію исторій подаетъ правило: аще, рече, хощеши греческихъ стихотворцевъ и істориковъ книги добрѣ уразумѣти, посѣти и обыди Пелопонесъ и Аттику, что нынѣ Морресею нарицаютъ. А къ лучшему уразумѣнію ветхозавѣтныхъ исторій, не вѣмъ какъ то свѣтъ велій подаетъ осмотрѣніе Іудеи и Сиріи, колми паче все то яснѣе познается, егда странствующе не на голые только древнихъ дѣлъ мѣста смотримъ, но и самые народовъ дѣла и дѣянія, промыслы, совѣты, суды, нравы и правительства образы ясно видимъ. Тутъ благоразумный человѣкъ видитъ многоизмѣнныя формы игранія, и учится кротости; видитъ вины благополучій, и учится правила; видитъ вину злоключеній, и учится бодрости и оберегательства; зритъ же въ чуждыхъ народахъ, аки въ зерцалѣ своя собственныя и своего народа, и исправленія и недостатки: сами бо себе въ самѣхъ же насъ (не вѣмъ какъ то) не ясно познаемъ; и такъ аки пчела, оставляя вредная, избираетъ, что лучшее видитъ быти и къ своему и къ народному исправленію. Словомъ рещи, странствованіе не во многихъ лѣтахъ мудрѣйшимъ далече творитъ человѣка, нежели многолѣтная старость.

Особенно жъ къ дѣламъ военнымъ, изрещи трудно, какъ изрядно обучаетъ перегринація. Молю, да не въ грѣхъ мнѣ поставитъ кто, что о вещи, моему разсужденію не подлежащей, воспоминати дерзаю. Ниже бо учителско сказую, но точію поелико и простый догадъ постизаетъ, нѣчто воспоминаю, твердое разсужденіе искусныхъ того оставляя. Кому же и легко сіе разсуждающему явѣ есть? аще бо географскія карты много къ походу военному пользуютъ, кольми паче свѣдати самыя страны, и грады, и народы. Невидимъ на картѣ: какая сія или оная крѣпость, въ чемъ оноя надежда и въ чемъ боязнь; каковое искуство людей, и каковыя сего и онаго народа сердца; не видимъ на картахъ, которые угодные и которые трудные мѣста къ переходу, къ переправѣ, къ положенію стана, къ дѣйствію баталей, и прочая-симъ подобная. Перегринація едина все тое какъ на дланѣ показуетъ, такъ что человѣкъ не иначе свѣданныя страны въ мысли своей имѣетъ, аки бы на воздусѣ летая имѣлъ оные предъ очима.

II. КАНТЕМИРЪ

(1708—1744.)

Сатира вторая Филаретъ и Евгеній.

Ф—тъ. Что такъ смутенъ, дружокъ мой? Щоки внутрь опали,
Блѣденъ и глаза красны, какъ бы ночь не спали?
Задумчивъ, какъ тотъ, что чинъ Патріаршъ достати
Ища, конной свой заводъ раздарилъ не кстати?
Цугомъ ли запрещено ѣздить, иль богато
Платье носить, иль твоихъ слугъ пеленать въ злато?
Картъ-ли не стало въ рядахъ, вина ль дорогова?
Матерь знаю, и родня твоя вся здорова;
Обильство сыплетъ тебѣ дары полнымъ рогомъ;
Ничто тебѣ не претитъ жить въ покоѣ многомъ.
Что жь молчишь? Ужъ ли твои уста косны стали?
Не знаешь ли, сколь намъ другъ полезенъ въ печали?
Сколь много здравый совѣтъ полезенъ бываетъ,
Когда тому слѣдовать страсть не запрещаетъ?
А, а! дознаюсь я самъ, что тому причина:
Дамонъ на сихъ дняхъ досталъ перемѣну чина,
Трифону лента дана, Туллій деревнями
Награжденъ; ты съ пышными презрѣнъ именами.
Забыта крови твоей и слава, и древность
Предковъ, къ общества добру многотрудна ревность,
И преимуществъ твоихъ толпа неоспорныхъ;
А зависти въ тебѣ нѣтъ, какъ въ попахъ соборныхъ.

Ев—ній. Часть ты прямо отгадалъ. Хоть мнѣ не завидно,
Чувствую, сколь знатнымъ всѣмъ и стыдъ и обидно,
Что кто еще не всѣ стеръ съ грубыхъ рукъ мозоли,
Кто недавно продавалъ въ рядахъ мѣшокъ соли,
Кто глушилъ насъ, сальные, крича, ясно свѣчи
Горятъ, кто съ подовыми горшкомъ истеръ плечи,
Тотъ на высоку степень вспрыгнувши, блистаетъ;
А благородство мое во мнѣ унываетъ,
И не сильно мнѣ принести ни какой польги.
Знатны ужъ предки мои были въ царство Ольги
И съ тѣхъ временъ по сихъ поръ въ углу не сидѣли,
Государства лучшими чинами владѣли.
Разсмотри гербовники, грамотъ виды разны,
Книгу родословную, записки приказны;
Съ прадѣдова прадѣда, чтобъ начать поближе,
Думнаго, намѣстника никто не былъ ниже,
Искусны въ мирѣ, въ войнѣ разсудно и смѣло
Вершили ружьемъ ни одно тѣ дѣло.
Взгляни на пространныя стѣны нашей залы,
Увидишь, какъ рвали строй, какъ ломали валы.
Въ судѣ чисты руки ихъ, помнитъ челобитчикъ
Милость ихъ, и помнитъ злу остуду обидчикъ.
А батюшка ужъ всѣмъ верхъ; какъ его не стало,
Государства правое плечо съ нимъ отпало.
Какъ батюшка выѣдетъ, всякъ долой съ дороги,

И шапочку снявъ, ему головою въ ноги;
Всегда за нимъ выборна таскалася свита,
Что на день рано съ утра крестова набита
Тѣми, которыхъ теперь народъ почитаетъ,
И отъ которыхъ нашъ братъ милость ожидаетъ.
Сколько разъ, не смѣя тѣ приступать къ намъ сами,
Дворецкому кланялись съ полными руками?
И когда батюшка къ нимъ промолвитъ хоть слово,
Заторопѣвъ, онѣмѣвъ, слезы у инова
Текли изъ глазъ съ радости, иной не спокоенъ
Всѣмъ наскучилъ хвастая, что былъ онъ достоенъ
Съ временщикомъ говорить, и весь веселился
Домъ его, какъ бы имъ кладъ богатый явился.
Самъ ужъ суди, какъ легко мнѣ должно казаться,
Столь славны предки имѣвъ, забытымъ остаться!
Послѣднимъ видѣть себя, куда глазъ ни вскину?

Ф—тъ. Слышалъ я важну твоей печали причину;
Позволь ужъ мнѣ мою мысль открыть и совѣты.
А вѣдай притомъ, что я лукавыхъ примѣты,
Лесть, похлѣбство не люблю: но сердце согласно
Съ языкомъ, что мыслитъ, то сей вымолвитъ ясно.
Благородство будучи заслугъ мзда, я знаю,
Сколь важно, и много въ немъ пользы признаваю.
Почесть та къ добрымъ дѣламъ многихъ ободряетъ,
Коль въ награду кто себѣ большей ожидаетъ.
(Сыщешь въ людяхъ таковыхъ, которымъ не дивны
Куча золота, ни домъ огромный, ни льстивный
На пуху покой, ни жизнь сколь бы ни прохладна;
Къ титламъ, къ славѣ до одной всяка душа жадна),
Но тщетно имя оно, ничего собою
Не значитъ въ томъ, кто себѣ своею рукою
Не присвоитъ почесть ту добыту трудами
Предковъ своихъ. Грамота, плѣсенью и червями
Изгрызена, знатныхъ насъ дѣтьми есть свидѣтель;
Благородными явитъ одна добродѣтель.
Презрѣвъ покой, снесъ ли ты самъ труды военны?
Разогналъ ли предъ собой враги устрашенны?
Къ безопаству общества расширилъ ли власти
Нашей рубежъ? судъ судя, забылъ ли ты страсти?
Облегчилъ ли ты тяжкія подати народу?
Приложилъ ли къ царскому что ни есть доходу?
Примѣромъ, словомъ твоимъ ободрены ль люди,
Хоть мало очистить злыхъ нравовъ темны груди?
Иль буде случай, младость въ то не допустила,
Есть ли показаться въ томъ впредь воля и сила?
Знаешь ли чисты хранить и совѣсть и руки?
Бѣдныхъ жалки ли тебѣ слезы и докуки?
Не завистливъ, ласковъ, правъ, не гнѣвливъ, беззлобенъ,
Вѣришь ли, что всякъ тебѣ человѣкъ подобенъ?
Изрядно можешь сказать, что ты благороденъ,

Можешь счесться Гектору или Ахиллу сроденъ,
Іулій и Александръ, и всѣ мужи славны
Могутъ быть предки твои, лишь бы тебѣ нравны.
Мало-же пользуетъ тебя звать хоть сыномъ царскимъ,
Буде въ правахъ съ гнуснымъ ты не разнишься псарскимъ.
Спросись хоть у Нейбуша, таковы ли дрожжи
Любы,какъ пиво ему,отречется трожжи;
Знаетъ онъ, что пива тѣ славные остатки,
Да плюетъ на то, когда не какъ пиво сладки.
Разнится потомкомъ быть предковъ благородныхъ,
Или благороднымъ быть. Таже и въ свободныхъ
И въ холопахъ течетъ кровь, таже плоть, тѣ-жь кости.
Буквы, къ нашимъ именамъ приданныя, злости
Нашей не могутъ прикрыть; а худые нравы
Истребятъ вдругъ древнія въ умныхъ память славы,
И чужихъ обнажена красныхъ перьевъ галка
Будетъ имъ, съ стыдомъ своимъ, и смѣшна и жалка.
Знаю, что неправедно забыта бываетъ
Дѣдовъ служба, когда внукъ въ правахъ успѣваетъ,
Но бѣдно блудитъ нашъ умъ, буде опираться
Станемъ мы на нихъ однихъ. Столбы сокрушатся
Подъ излишнимъ бременемъ, есть ли сами въ силу
Нужную не приведемъ ту подпору хвилу.
Свѣтлой воды ихъ труды ключъ тебѣ открыли
И черпать вольно тебѣ: но нужно чтобъ были
И чаши чисты твои, и нужно сгорбиться
Къ ключу; сама вода въ ротъ твой не станетъ литься.
Ты самъ, праотцевъ своихъ исчисляя славу,
Призналъ, что та надлежитъ ихъ дѣламъ и праву:
Иной въ войнахъ претерпѣлъ нужду, страхъ и раны,
Инымъ въ морѣ недруги и валы попраны,
Иной правду вѣсилъ тихъ, бѣгая обиды;
Всѣхъ были различные достоинства виды.
Если бъ ты имъ подражалъ, право бъ могъ роптати,
Что за другими тебя и въ пару не знати.
Потрись на оселку, другъ, покажи въ чемъ славу
Крови собой, и твою жалобу быть праву.
Пѣлъ пѣтухъ, встала заря, лучи освѣтили
Солнца верхи горъ; тогда войско выводили
На поле предки твои, а ты подъ парчею
Углубленъ мягко въ пуху тѣломъ и душею,
Грозно сопешь; когда дня пробѣгутъ двѣ доли,
Зѣвнешь, растворишь глаза, выспишься доволи,
Тянешься ужъ часъ другой, нѣжишься, ожидая
Пойла, что шлетъ Индія иль везутъ съ Китая,
Изъ постели къ зеркалу однимъ спрыгнешь скокомъ,
Тамъ ужъ въ попеченіи и трудѣ глубокомъ,
Женскимъ достойную плечь завѣску на спину
Вскинувъ, волосъ съ волосомъ прибираешь къ чину.
Часть надъ лоскимъ лбомъ, торчать будутъ сановиты,

По румянымъ часть щекамъ въ колечки завиты
Свободно станетъ играть, часть уйдетъ за темя
Въ мѣшокъ. Дивится тому строенію племя
Тебѣ подобныхъ; ты самъ новый Нарцисъ жадно
Глотаешь очьми себя; нога жмется складно
Въ тѣсномъ башмакѣ твоя, потъ со слугъ валится,
Въ двѣ мозоли и тебѣ краса становится;
Избитъ полъ, и подъ башмакъ стерто много мѣлу.
Деревню вздѣнешь потомъ на себя ты цѣлу.
Не столько стоитъ народъ Римляновъ пристойно
Основать, какъ выбрать цвѣтъ и парчу, стройно
Сшить кафтанъ по правиламъ щегольства и моды
Пора, мѣсто, и твои разсмотрѣны годы,
Чтобъ лѣтамъ сходенъ былъ цвѣтъ, чтобъ тебѣ въ образу
Нѣжну зелень въ огородѣ не досажалъ глазу,
Чтобъ бархатъ не отягчалъ въ лѣтнюю пору тѣло,
Чтобъ тафта не хвастала среди зимы смѣло;
Но зналъ бы всякъ свой предѣлъ, право и законы,
Какъ искусные попы всякаго дни звоны.
Долголѣтняго пути въ краяхъ чужестранныхъ,
Иждивеній и трудовъ тяжкихъ и пространныхъ
Дивный плодъ ты произнесъ. Ущерба пожитки,
Понялъ, что фалды должны тверды быть, не жидки,
Въ поларшина глубоки и ситомъ подшиты;
Согнувъ кафтанъ не были бъ станомъ всѣ покрыты,
Каковъ рукавъ долженъ быть, гдѣ клинья уставить,
Гдѣ карманъ, и сколько грудь окружа прибавить;
Въ лѣто или осенью въ зиму иль весною
Какую парчу подбить пристойно какою,
Что приличнѣе нашить, серебро иль злато,
И Рексу лучше тебя знать ужъ трудновато.
Въ обѣдъ и на ужинѣ частенько двоится
Свѣча въ глазахъ, часто полъ подъ тобою вертится,
И обжорство въ ротъ тебѣ куски управляетъ.
Гнусныхъ тогда полкъ друзей тебя окружаетъ,
И голодая до костей самыхъ, нравъ веселый,
Тщиву душу, и въ тебѣ хвалитъ разумъ зрѣлый.
Сладко щекотятъ тебѣ ухо красны рѣчи,
Вздутымъ поднятъ пузыремъ, чаешь, что подъ плечи
Не дойдетъ тебѣ людей все прочее племя.
Оглянись намѣстниковъ царскихъ чисто сѣмя,
Тотъ же полкъ лишь съ глазъ твоихъ тебѣ ужъ смѣется;
Скоро станетъ и въ глаза; притворство минется,
Когда истощишь твоихъ пожитковъ остатки.
Боюсь я устъ, что въ лицо точатъ слова сладки:
Ты самъ неотступно, то время ускоряешь,
Изъ рукъ ты пестрыхъ пучки бумагъ ни спускаешь,
И мечешь горстью твоихъ мозольми и потомъ
Предковъ скоплено добро. Деревня со скотомъ
Не первая уже пошла въ бережную руку

Того, кто мало предъ симъ кормился отъ стуку
Молота по жаркому въ кузницѣ желѣзу.
Приложился сильный жаръ къ поносному рѣзу,
Часто любишь опирать щеки на грудь бѣлу;
Въ томъ проводишь прочій день и ночь почти цѣлу.
Но тѣ, кои на стѣнахъ большой твоей залы
Видишь надписи, прочесть трудъ тебѣ не малый;
Чужой глазъ нуженъ тебѣ и помощь чужая
Нужнѣе, чтобъ знать назвать черту, что копая
Воинъ предъ собой ведетъ, укрываясь, къ валу;
Чтобъ различить, гдѣ стѣны часть одна по малу
Частымъ быстро-пагубныхъ пуль ударомъ пала,
Гдѣ грозно разсѣдшися земля вдругъ пожрала;
Къ чему тутъ войска одна часть въ четверобочникъ
Строится, гдѣ болѣе нуженъ ужъ спомочникъ
Рѣдкимъ полкамъ, и гдѣ ужъ превосходны силы
Оплошнаго недруга надежду прельстили.
Много вышнихъ требуетъ свойствъ чинъ воеводы
И много разныхъ искусствъ, и входъ и исходы
И мѣсто годно къ бою видитъ однимъ взглядомъ.
Лишней безопасности не опоенъ ядомъ,
Остръ, проницаетъ враговъ тайные совѣты,
Временно предупреждать удобенъ навѣты,
О обильности въ своемъ таборѣ печется
Неусыпно, и любовь ему предпочтется
Войска, и не будетъ имъ за страхъ ненавидимъ;
Отцемъ невинный народъ зоветъ, не обидимъ
Его жадностью, врагамъ однимъ лишь ужасенъ,
Тихимъ нравомъ и умомъ и храбростью красенъ.
Не спѣшитъ дѣло начать, начавъ производитъ
Смѣло и скоро; не столь бѣгло Перунъ сходитъ,
Страшно гремя. Въ счастіи умѣренъ быть знаетъ
Терпѣливъ въ нуждѣ, въ бѣдствѣ твердъ не унываетъ.
Ты тѣхъ добродѣтелей, тѣхъ чуть имя званій
Слыхалъ ли? Самыхъ числу дивишься ты званій,
И въ одинъ всѣхъ мозгъ вмѣстить смертныхъ столь мнишь трудно.
Сколь дворецкому не красть, иль судьѣ жить скудно.
Какъ тебѣ ввѣрить корабль, коль лодкой не правилъ.
И хотя въ пруду твоемъ, лишь берегъ оставилъ,
Тотчасъ къ берегу спѣшишь, гладкихъ испугался
Ты водъ. Кто пространному морю первый вдался,
Мѣдное сердце имѣлъ; смерть тамъ обступаетъ
Съ низу, съ верху и боковъ; одна отдѣляетъ
Отъ нее доска толста пальца лишь въ четыре;
Твоя душа требуетъ разстоянья шире,
И писана смерть тебя дрожать заставляетъ.
Одинъ холопъ лишь твою храбрость искушаетъ,
Что одинъ онъ отвѣчать тебѣ не посмѣетъ.
Нужно жъ много и тому, кто рублемъ владѣетъ

Искуствъ и свойствъ съ самаго укрѣпленныхъ дѣтства,
И столь нужнѣй тѣ ему, сколь вящши суть бѣдства
На морѣ, нежь на землѣ. Твари Господь чудну
Мудрость свою оказалъ, во всѣхъ не оскудну
Мѣру поставя частяхъ міра, и межь ними
Взаимно согласіе; лучами своими
Свѣтила небесныя, желѣзце не многу
Отъ дивнаго камня взявъ силу, намъ дорогу
Надежную въ безднѣ водъ показать удобны;
Небесъ положеніе на землѣ способный
Бываетъ намъ проводникъ, и когда страхъ мучитъ
Грубыхъ пловцовъ, кормчаго искуснаго учитъ
Скрытый камень миновать, иль берегъ опасный,
И въ пристань достичь, гдѣ часъ кончится ужасный.
Недруга догнать, надъ нимъ занять вѣтръ способный
И побѣду одержать, вступя въ бой удобный,
Трудъ не малый. На морѣ, какъ на землѣ, тѣ же
Начальниковъ должности: тебѣ еще рѣже
Снилась трубка и компасъ, нежь строй и осада.
За краснымъ судитъ сукномъ Адамлевы чада,
Иль правитъ достоинъ тотъ, чья есть совѣсть чиста,
Сердце къ сожалѣнію склонно, и рѣчиста
Кого деньга одолѣть, ни страхъ, ни надежда
Не сильны, предъ кѣмъ всегда мудрецъ и невѣжда
Богачъ и нищей съ сумой, гнусна бабья рожа
И краснаго цвѣтъ лица, пахарь и вельможа
Равны въ судѣ, и одна правда превосходна,
Кого не могутъ прельстить въ хитростяхъ всеплодна
Ябеда и ея другъ дьякъ или подъячей,
Чтобъ чрезъ руки ихъ прошедъ, слѣпымъ несталъ зрячей,
Блюстись долженъ, и самъ знать и листъ и страницу,
Что отъ нападенія сильнаго вдовицу
Соперника можетъ спасть, и сиротъ спокойну
Уставитъ жизнь, предписавъ плутамъ казнь достойну.
Наизустъ онъ знаетъ всѣ естественны права,
Изъ нашего высосалъ весь онъ сокъ устава,
Мудры не спускаетъ съ рукъ указы Петровы,
Коими стали мы вдругъ народъ уже новый,
Не меньше стройный другихъ, не меньше обильный,
Завидимъ врагу, и въ немъ злобу унять сильный.
Можешь ли что обѣщать народу подобно?
Бѣдныхъ слезы предъ тобой льются, пока злобно
Ты смѣешься нищетѣ; каменный душою
Бьешь холопа до крови, что махнулъ рукою
Вмѣсто правой лѣвою (звѣрямъ лишь прилична
Жадность крови; плоть въ слугѣ твоей однолична).
Мало, правда, ты копишь денегъ, но къ нимъ жаденъ:
Мотъ почти всегда живетъ сребролюбьемъ смраденъ,
И все законно онъ мнитъ, что ужъ истощенной
Можетъ дополнить мѣшокъ, нужды совершенной

Стало ему золота куча, безъ которой
Прохладамъ долженъ своимъ видѣть конецъ скорой.
Арапскаго языка, права и законы
Мнятся тебѣ, дикіе Руску уху звоны.
Если въ тѣ чины негожъ, скажешь мнѣ я чаю.
Не хуже Клита носитъ ключь золотой я знаю;
Какія свойства его, какая заслуга
Лучшимъ могли показать изъ нашего круга?
Клита въ постелѣ застать не можетъ день новой,
Неотступенъ сохнетъ онъ зѣвая въ крестовой,
Спины своей не жалѣлъ кланяясь и мухамъ,
Коимъ доступъ дозволенъ къ временщичьимъ ухамъ.
Клитъ остроуменъ—свои слова точно мѣритъ,
Льститъ всякому, никому почти онъ невѣритъ,
Съ холопомъ новыхъ людей дружбу весть не рдится;
Истинная мысль его прилѣжно таится
Въ дѣлахъ его. О трудахъ своихъ онъ не тужитъ,
Идучи упрямо въ цѣль; Клиту счастье служитъ.
Иныхъ свойствъ не требуетъ, кому оно дружно.
А у Клита безъ того нѣчто занять нужно
Тому, кто въ царскомъ прожить домѣ жизнь уставилъ,
Чтобъ крылья, къ солнцу подшедъ, мягки не расплавилъ,
Короткій языкъ, лицо и радость удобно
И печаль изображать, какъ больше способно
Къ пользѣ себѣ, по другихъ лицу примѣняясь
Честнѣе будетъ онъ другъ, всѣмъ друженъ являясь;
И много смиреніе, и разсудность многу
Совѣтую при дворѣ. Лучшую дорогу
Избралъ, кто правду всегда говорить принялся,
Но и кто правду молчитъ, виновенъ не стался,
Буде ложью утаить правду не посмѣетъ.
Счастливъ, кто средины той держаться умѣетъ;
Умъ свѣтлый нуженъ къ тому, разговоръ пріятный.
Учтивость приличная, что даетъ родъ знатный.
Ползать не совѣтую, хоть спѣси гнушаюсь;
Всегда того я въ тебѣ искать опасаюсь.
Словомъ, много о вещахъ тщетныхъ безпокойства,
Но въ тебѣ ни одного нѣтъ хвальнаго свойства.
Исправь себя, и тогда жди, дружокъ, награды;
По тѣхъ поръ, что ты забытъ, не чувствуй досады:
Пороковъ, кои теперь заграждены тѣнью
Стѣнъ твоихъ, не прикроешь высшею степенью.
Чистъ быть долженъ, кто туды не поблѣднѣвъ всходитъ,
Куды зоркіе глаза весь народъ наводитъ.
Но положимъ, что твои заслуги и нравы
Достойнымъ являютъ тя лучшей мзды и славы:
Тѣ, кои оной тебя неправо лишаютъ,
Жалки, что пользу свою въ тебѣ презираютъ;
А ты не долженъ судить, судятъ ли тѣ здраво,

Иль самъ многимъ себя предпочтешь неправо?
Надъ всѣмъ же тому, кто родъ съ древняго начала
Ведетъ, зависть, какъ свиньѣ узда, не пристала,
Еще бъ можно извинить, если знатный тужитъ
Видя, что счастье во всемъ слѣпо тому служитъ,
Коего столь теменъ родъ, столь нравы развратны,
Ни отечеству добры, ни людямъ пріятны:
Но когда противное видятъ въ человѣкѣ,
Веселиться долженъ онъ, что есть въ его вѣкѣ
Мужъ таковъ, кой добрыми родъ свой возвышаетъ
Дѣлами, и полезенъ всѣмъ быть начинаетъ.
Что жъ въ Дамонѣ, въ Трифонѣ и въ Туллiѣ гнусно,
Что какъ награждаютъ ихъ, тебѣ на смерть грустно?
Благонравны тѣ, умны, вѣрность ихъ не мала;
Слава наша съ трудовъ ихъ нѣчто воспріяла.
Правда, въ царство Ольгино предковъ ихъ не знали,
Думнымъ и Намѣстникомъ дѣды не бывали,
И дворянства древностью считаться съ тобою
Имъ нельзя; да что съ того! Они вѣдь собою
Начинаютъ знатный родъ, какъ въ древніе вѣки
Твои предки, когда Русь стали крестить Греки
И твой родъ не все таковъ былъ, какъ потомъ остался,
Но первый съ предковъ твоихъ, кой дворянинъ звался
Имѣлъ отца славою гораздо похуже,
Каковъ Трифонъ, Туллій былъ или и похуже.
Адамъ дворянъ не родилъ, но одному сыну
Жребій былъ копать садъ, пасть другому скотину;
Ной въ ковчегѣ съ собою спасъ все себѣ равныхъ
Простыхъ земледѣтелей, нравами лишь славныхъ:
Отъ нихъ мы произошли, одинъ поранѣе
Оставя дудку, соху; другой попозднѣе.

(Печатано изъ Смирдинскаго изданія)

III. ЛОМОНОСОВЪ.

(1711—1765).

Утреннее размышленіе о Божіемъ величествѣ.

Уже прекрасное свѣтило
Простерло блескъ свой до земли,
И Божія дѣла открыло;
Мой духъ съ веселіемъ внемли!
Чудяся яснымъ толь лучамъ,
Представь каковъ Зиждитель самъ!

Когда-бы смертнымъ толь высоко
Возможно было возлетѣть,
Чтобъ къ солнцу бренно наше око
Могло приближившись воззрѣть:
Тогда-бъ со всѣхъ открылся странъ
Горящій вѣчно океанъ.

Тамъ огненны валы стремятся
И не находятъ береговъ;
Тамъ вихри пламенны крутятся,
Борющись множество вѣковъ;
Тамъ камни, какъ вода, кипятъ;
Горящи такъ дожди шумятъ.

Сія ужасная громада
Какъ искра предъ Тобой одна;
О коль пресвѣтлая лампада
Тобою, Боже, возжена
Для нашихъ повседневныхъ дѣлъ,
Что Ты творить намъ повелѣлъ!

Отъ мрачной ночи свободились
Поля, бугры, моря и лѣсъ,
И взору нашему открылись
Исполненны Твоихъ чудесъ.

Тамъ всякая взываетъ плоть:
Великъ Зиждитель нашъ Господь!
Свѣтило дневное блистаетъ
Лишь только на поверхность тѣлъ;
Но взоръ Твой въ бездну проникаетъ,
Не зная никакихъ предѣлъ.
Отъ свѣтлости Твоихъ очей
Ліется радость твари всей.
Творецъ! покрытому мнѣ тьмою
Простри премудрости лучи,
И, что угодно предъ Тобою,
Всегда творити научи,—
И, на твою взирая тварь,
Хвалить Тебя безсмертный Царь!

Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ, при случаѣ великаго сѣвернаго сіянія.

Лице свое скрываетъ день;
Поля покрыла мрачна ночь;
Взошла на горы черна тѣнь;
Лучи отъ насъ склонились прочь;
Открылась бездна звѣздъ полна;
Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ дна.
Песчинка какъ въ морскихъ волнахъ,
Какъ мала искра въ вѣчномъ льдѣ,
Какъ въ сильномъ вихрѣ тонкій прахъ,
Въ свирѣпомъ какъ перо огнѣ:
Такъ я, въ сей безднѣ углубленъ,
Теряюсь, мысльми утомленъ!
Уста премудрыхъ намъ гласятъ:
Тамъ разныхъ множество свѣтовъ;
Несчетны солнцы тамъ горятъ,
Народы тамъ, и кругъ вѣковъ;
Для общей славы Божества,
Тамъ равна сила естества.
Но гдѣ-жъ натура твой законъ?
Съ полночныхъ странъ встаетъ заря!
Не солнце-ль ставитъ тамъ свой тронъ?
Не льдисты-ль мещутъ огнь моря?
Се хладный пламень насъ покрылъ!
Се въ ночь на землю день вступилъ!
О вы, которыхъ быстрый зракъ
Пронзаетъ въ книгу вѣчныхъ правъ,
Которымъ малой вещи знакъ
Являетъ естества уставъ,—
Вамъ путь извѣстенъ всѣхъ планетъ:
Скажите, что насъ такъ мятетъ?
Что зыблетъ ясный ночью лучъ?
Что тонкій пламень въ твердь разитъ?
Какъ молвія безъ грозныхъ тучъ
Стремится отъ земли въ зенитъ!
Какъ можетъ быть, чтобъ мерзлый паръ
Среди зимы рождалъ пожаръ!
Тамъ споритъ жирна мгла съ водой,
Иль солнечны лучи блестятъ,
Склонясь сквозь воздухъ къ намъ густой;
Иль тучныхъ водъ верхи горятъ;
Иль въ морѣ дуть престалъ зефиръ,
И гладки волны бьютъ въ эфиръ.
Сомнѣній полонъ вашъ отвѣтъ
О томъ, что окрестъ ближнихъ мѣстъ:
Скажите-жъ, коль пространенъ свѣтъ?
И что малѣйшихъ далѣ звѣздъ?
Несвѣдомъ тварей вамъ конецъ:
Скажите-жъ, коль великъ Творецъ?

На день восшествія на престолъ Императрицы Елизаветы Петровны.

Царей и царствъ земныхъ отрада,
Возлюбленная тишина,
Блаженство селъ, градовъ ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокругъ тебя цвѣты пестрѣютъ
И класы на поляхъ желтѣютъ;
Сокровищъ полны корабли
Дерзаютъ въ море за тобою;
Ты сыплешь щедрою рукою
Свое богатство по земли.
Великое свѣтило міру,
Блистая съ вѣчной высоты
На бисеръ, злато и порфиру,
На всѣ земныя красоты,
Во всѣ страны свой взоръ возводитъ;
Но краше въ свѣтѣ не находитъ
Елисаветы и тебя.
Ты кромѣ той всего превыше,
Душа Ея зефира тише,
И зракъ прекраснѣе рая.
Когда на тронъ Она вступила,
Какъ Вышній подалъ Ей вѣнецъ:
Тебя въ Россію возвратила,
Войнѣ поставила конецъ;
Тебя пріявъ облобызала:
Мнѣ полно тѣхъ побѣдъ, сказала,
Для коихъ крови льется токъ.
Я Россовъ счастьемъ услаждаюсь,
Я ихъ спокойствомъ не мѣняюсь

На цѣлый западъ и востокъ.
Божественнымъ устамъ приличенъ,
Монархиня, сей кроткій гласъ:
О коль достойно возвеличенъ
Сей день и тотъ блаженный часъ,
Когда отъ радостной премѣны
Петровы возвышали стѣны
До звѣздъ плесканіе и кликъ!
Когда ты крестъ несла рукою
И на престолъ взвела съ собою
Добротъ твоихъ прекрасный ликъ!
Чтобъ слову съ оными сравняться,
Достатокъ силы нашей малъ;
Но мы не можемъ удержаться
Отъ пѣнія твоихъ похвалъ.
Твои щедроты ободряютъ
Нашъ духъ и къ бѣгу устремляютъ,
Какъ въ понтъ пловца способный вѣтръ
Чрезъ яры волны порываетъ:
Онъ брегъ съ весельемъ оставляетъ;
Летитъ корма межъ водныхъ нѣдръ.
Молчите пламенные звуки,
И колебать престаньте свѣтъ:
Здѣсь въ мирѣ расширять науки
Изволила Елисаветъ.
Вы, наглы вихри, не дерзайте
Ревѣть, но кротко разглашайте
Прекрасны наши времена.
Въ безмолвіи внимай вселенна:
Се хощетъ лира вдохновенна
Гласить велики имена.
Ужасный чудными дѣлами
Зиждитель міра искони
Своими положилъ судьбами
Себя прославить въ наши дни:
Послалъ въ Россію человѣка,
Каковъ не слыханъ былъ отъ вѣка.
Сквозь всѣ препятства онъ вознесъ
Главу побѣдами вѣнчанну,
Россію варварствомъ попранну
Съ собой возвысилъ до небесъ.
Въ поляхъ кровавыхъ Марсъ страшился,
Свой мечъ въ Петровыхъ зря рукахъ,
И съ трепетомъ Нептунъ чудился,
Взирая на россійскій флагъ.
Въ стѣнахъ внезапно укрѣпленна
И зданіями окруженна
Сомнѣнная Нева рекла:
Или я нынѣ позабылась
И съ онаго пути склонилась,
Которымъ прежде я текла?
Тогда божественны науки
Чрезъ горы, рѣки и моря,
Въ Россію простирали руки,
Къ сему Монарху говоря:
Мы съ крайнимъ тщаніемъ готовы
Подать въ россійскомъ родѣ новы
Чистѣйшаго ума плоды.
Монархъ къ себѣ ихъ призываетъ,
Уже Россія ожидаетъ
Полезны видѣть ихъ труды.
Но, ахъ жестокая судьбина!
Безсмертія достойный мужъ,
Блаженства нашего причина,
Къ несносной скорби нашихъ душъ,
Завистливымъ отторженъ рокомъ,
Насъ въ плачѣ погрузилъ глубокомъ!
Внушивъ рыданій нашихъ слухъ,
Верхи парнасски возстенали,
И музы воплемъ провождали
Въ небесну дверь пресвѣтлый духъ.
Въ толикой праведной печали
Сомнѣнный ихъ смущался путь:
И токмо шествуя желали
На гробъ и на дѣла взглянуть.
Но кроткая Екатерина,
Отрада по Петрѣ едина,
Пріемлетъ щедрой ихъ рукой.
Ахъ, еслибъ жизнь ея продлилась,
Давно бъ Секвана постыдилась
Съ своимъ искуствомъ предъ Невой!
Какая свѣтлость окружаетъ
Въ толикой горести Парнассъ?
О коль согласно тамъ бряцаетъ
Пріятныхъ струнъ сладчайшій гласъ!
Всѣ холмы покрываютъ лики;
Въ долинахъ раздаются клики;
Великая Петрова дщерь,
Щедроты отчи превышаетъ,
Довольство музъ усугубляетъ,
И къ счастью отверзаетъ дверь.
Великой похвалы достоинъ,
Когда число своихъ побѣдъ
Сравнить сраженьемъ можетъ воинъ,
И въ полѣ весь свой вѣкъ живетъ:
Но ратники, ему подвластны,
Всегда хвалы его причастны,
И шумъ въ полкахъ со всѣхъ сторонъ
Звучащу славу заглушаетъ,

И грому трубъ ея мѣшаетъ
Плачевный побѣжденныхъ стонъ.
Сія тебѣ единой слава,
Монархиня, принадлежитъ,
Пространная твоя держава,
О какъ тебѣ благодарить!
Воззри на горы превысоки!
Воззри въ поля свои широки,
Гдѣ Волга, Днѣпръ, гдѣ Обь течетъ:
Богатство въ оныхъ потаенно
Наукой будетъ откровенно,
Что щедростью твоей цвѣтетъ.
Толикое земель пространство
Когда Всевышній поручилъ
Тебѣ въ счастливое подданство,
Тогда сокровища открылъ,
Какими хвалится Индія:
Но требуетъ къ тому Россія
Искуствомъ утвержденныхъ рукъ,
Сіе злату очиститъ жилу
Почувствуютъ и камни силу
Тобой возставленныхъ наукъ.
Хотя всегдашними снѣгами
Покрыта сѣверна страна,
Гдѣ мерзлыми Борей крылами
Твои взвѣваетъ знамена;
Но Богъ межъ льдистыми горами
Великъ своими чудесами:
Тамъ Лена чистой быстриной,
Какъ Нилъ народы напояетъ
И бреги наконецъ теряетъ,
Сравнившись морю шириной.
Коль многи смертнымъ неизвѣстны
Творитъ натура чудеса,
Гдѣ густостью животнымъ тѣсны
Стоятъ глубокіе лѣса,
Гдѣ въ роскоши прохладныхъ тѣней
На паствѣ скачущихъ еленей
Ловящихъ крикъ не разгонялъ;
Охотникъ гдѣ не мѣтилъ лукомъ;
Сѣкирнымъ земледѣлецъ стукомъ
Поющихъ птицъ не устрашалъ.
Широкое открыто поле,
Гдѣ музамъ путь свой простирать!
Твоей великодушной волѣ
Что можетъ за сіе воздать?
Мы даръ твой до небесъ прославимъ,
И знакъ щедротъ твоихъ поставимъ,
Гдѣ солнца всходъ и гдѣ Амуръ
Въ зеленыхъ берегахъ крутится,
Желая паки возвратиться
Въ твою державу отъ Манжуръ.
Се мрачной вѣчности запону
Надежда отверзаетъ намъ!
Гдѣ нѣтъ ни правилъ, ни закону,
Премудрость тамо зиждетъ храмъ;
Невѣжество предъ ней блѣднѣетъ.
Тамъ влажный флота путь бѣлѣетъ
И море тщится уступить:
Колумбъ россійскій черезъ воды
Спѣшитъ въ невѣдомы народы
Твои щедроты возвѣстить.
Тамъ тьмою острововъ посѣянъ,
Рѣкѣ подобенъ океанъ;
Небесной синевой одѣянъ,
Павлина посрамляетъ вранъ.
Тамъ тучи разныхъ птицъ летаютъ,
Что пестротою превышаютъ
Одежду нѣжныя весны;
Питаясь въ рощахъ ароматныхъ,
И плавая въ струяхъ пріятныхъ,
Не знаютъ строгія зимы.
И се Минерва ударяетъ
Въ верьхи рифейски копіемъ,
Сребро и злато истекаетъ
Во всемъ наслѣдіи твоемъ.
Плутонъ въ разсѣлинахъ мятется,
Что Россамъ въ руки предается
Драгой его металлъ изъ горъ,
Который тамъ натура скрыла;
Отъ блеску дневнаго свѣтила
Онъ мрачный отвращаетъ взоръ.
О вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ,
И видѣть таковыхъ желаетъ,
Какихъ зоветъ отъ странъ чужихъ,
О ваши дни благословенны!
Дерзайте нынѣ ободренны
Раченьемъ вашимъ показать,
Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля раждать.
Науки юношей питаютъ,
Отраду старымъ подаютъ,
Въ счастливой жизни украшаютъ,
Въ несчастный случай берегутъ;
Въ домашнихъ трудностяхъ утѣха,
И въ дальнихъ странствахъ не помѣха,
Науки пользуютъ вездѣ:
Среди народовъ и въ пустынѣ,

Въ градскомъ шуму и на единѣ;
Въ покоѣ сладки и въ трудѣ.
Тебѣ, о милости источникъ
О Ангелъ мирныхъ нашихъ лѣтъ!
Всевышній на того помощникъ,
Кто гордостью своей дерзнетъ,
Завидя нашему покою,
Противъ тебя возстать войною.
Тебя Зиждитель сохранитъ
Во всѣхъ путяхъ безпреткновенну,
И жизнь твою благословенну
Съ числомъ щедротъ твоихъ сравнитъ.

Изъ письма къ Шувалову о пользѣ стекла. (1752).

Неправо о вещахъ тѣ думаютъ, Шуваловъ,
Которые Стекло чтутъ ниже минераловъ,
Приманчивымъ лучомъ блистающихъ въ глаза.
Не меньше польза въ немъ, не меньше въ немъ краса.
Нерѣдко я для той съ Парнасскихъ горѣ спускаюсь;
И нынѣ отъ нея на верьхъ ихъ возвращаюсь,
Пою передъ тобой въ восторгѣ похвалу,
Не камнямъ дорогимъ, ни злату, но Стеклу.
И какъ я оное хваля воспоминаю,
Неложность лживаго я щастья представляю.
Не должно тлѣнности примѣромъ тое быть,
Чего и сильный огнь не можетъ разрушить,
Другихъ вещей земныхъ конечный раздѣлитель:
Стекло имъ рождено; огонь его родитель,
Съ натурой нѣкогда онъ произвесть хотя
Достойное себя и оныя дитя,
Во мрачной глубинѣ, подъ тягостью земною,
Гдѣ вѣчно онъ живетъ и борется съ водою,
Всѣ силы собралъ вдругъ и хляби затворилъ,
Въ которы Океанъ на брань къ нему входилъ.
Напрягся мышцами и рамена подвигнулъ,
И тяготу земли превыше облакъ вскинулъ.
Внезапно черный дымъ навелъ густую тѣнь,
И въ ночь ужасную перемѣнился день.
Не баснотворнаго здѣсь ради Геркулеса
Двѣ ночи сложены въ едину отъ Зевеса;
Но Етна правдѣ сей свидѣтель вѣчный намъ,
Которая дала путь чудный симъ родамъ,
Изъ ней разжженная рѣка текла въ пучину,
И свѣтъ отчаясь, мнилъ, что зритъ свою судьбину!
Но ужасу тому послѣдовалъ конецъ:
Довольна чадомъ мать, доволенъ имъ отецъ.
Прогнали долгу ночь и жаръ свой погасили,
И солнцу ясному рожденіе открыли.
Но что жъ отъ нѣдръ земныхъ родясь произошло?
Любезное дитя, прекрасное Стекло.

Когда неистовой свирѣпствуя Борей,
Стѣсняетъ мразомъ насъ въ упругости своей;
Великой не терпя и строгой перемѣны,
Сирываетъ человѣкъ себя въ толстыя стѣны.
Онъ былъ бы принужденъ безъ свѣту въ нихъ сидѣть,
Или съ дрожаніемъ несносной хладъ терпѣть.
Но солнечны лучи онъ сквозь Стекло впускаетъ,
И лютость холода чрезъ то же отвращаетъ.
Отворенному вдругъ и запертому быть,
Не то ли мы зовемъ, что чудеса творить?

Хоть острымъ взоромъ насъ природа одарила,
Но близокъ онаго конецъ имѣетъ сила.
Кромѣ, что въ далекѣ не кажетъ намъ вещей,

И собранныхъ трубой онъ требуетъ лучей,
Коль многихъ тварей онъ еще не досягаетъ,
Которыхъ малый ростъ предъ нами сокрываетъ!
Но въ нынѣшнихъ вѣкахъ намъ Микроскопъ открылъ,
Чтó Богъ въ невидимыхъ животныхъ сотворилъ!
Коль тонки члены ихъ, составы, сердце, жилы,
И нервы, что хранятъ въ себѣ животны силы!
Не меньше нежели въ пучинѣ тяжкій Китъ,
Насъ малый червь частей сложеніемъ дивитъ.
Великъ Создатель нашъ въ огромности небесной!
Великъ въ строеніе червей, скудели тѣсной!
Стекломъ познали мы толики чудеса,
Чѣмъ онъ наполнилъ понтъ, и воздухъ, и лѣса.
Прибавивъ ростъ вещей, оно, коль намъ потребно,
Являетъ травъ разборъ, и знаніе врачебно.
Коль много Мискроскопъ намъ тайностей открылъ,
Невидимыхъ частицъ и тонкихъ въ тѣлѣ жилъ!
Но что еще? Уже въ Стеклѣ намъ Барометры
Хотятъ предвозвѣщать, коль скоро будутъ вѣтры
Коль скоро дождь густой на нивахъ зашумитъ,
Иль облаки прогнавъ, ихъ солнце осушитъ.
Надежда наша въ томъ обманами не льстится.
Стекло поможетъ намъ, и дѣло совершится.
Открылись точно имъ движенія свѣтилъ:
Чрезъ тожъ откроется въ погодахъ разность силъ.
Коль могутъ щастливы селяне быть оттоль,
Когда не будетъ зной, ни дождь опасенъ въ полѣ!
Какой способности дать должно кораблямъ,
Узнавъ, когда шумѣть или молчать волнамъ,
И плавать по морю безбѣдно и спокойно!
Велико дѣло въ семъ и горъ златыхъ достойно!

Письма къ И. И. Шувалову.

1.

Милостивый Государь Иванъ Ивановичъ! Милостивое Вашего Превосходительства меня письмомъ напомановеніе увѣряетъ къ великой моей радости о непремѣнномъ Вашемъ ко мнѣ снисходительствѣ, которое я черезъ много лѣтъ за великое между моими благополучіями получаю. Высочайшая щедрота несравненныя Монархини нашея, которую я Вашимъ отеческимъ предстательствомъ имѣю, можетъ ли меня отвести отъ люблепія и усердія къ наукамъ, когда меня крайняя бѣдность, которую я для наукъ терпѣлъ добровольно, отвратить не умѣла. Не примите В. Пр-во мнѣ въ самохвальство, что я въ свое защищеніе представить смѣлость принимаю. Обучаясь въ Спасскихъ школахъ, имѣлъ я со всѣхъ сторонъ отвращающія отъ наукъ пресильныя стремленія, которыя въ тогдашнія лѣта почти непреодолѣнную силу имѣли. Съ одной стороны отецъ, никогда дѣтей кромѣ меня не имѣя, говорилъ, что я, будучи одинъ, его оставилъ, оставилъ все довольство (по тогдашнему состоянію), которое онъ для меня кровавымъ потомъ нажилъ, и которое послѣ его смерти чужія расхитятъ. Съ другой стороны несказанная бѣдность: имѣя одинъ алтынъ въ день жалованья, нельзя было имѣть на пропитаніе въ день больше, какъ на денежку хлѣба и на денежку квасу, протчее на бумагу, на обувь и другія нужды. Такимъ образомъ жилъ я пять лѣтъ, и наукъ не оставилъ. Съ

одной стороны пишутъ, что зная моего отца достатки, хорошіе тамошніе люди дочерей своихъ за меня выдадутъ, которые и въ мою тамъ бытность предлагали; съ другой стороны школьники малые ребята кричатъ и перстами указываютъ: смотрите какой болванъ лѣтъ въ двадцать пришелъ латинѣ учиться! послѣ того вскорѣ взятъ я въ Санктпетербургъ и посланъ за море и жалованье получалъ противъ прежняго въ сорокъ разъ. Оно меня отъ наукъ не отвратило; но по пропорціи своей умножило охоту, хотя силы мои предѣлъ имѣютъ. Я всепокорнѣйше прошу В. Пр. въ томъ быть обнадежену, что я всѣ свои силы употреблю, чтобы тѣ, которые мнѣ отъ усердія велятъ быть предосторожну, были обо мнѣ беспечальны; а тѣ, которые изъ недоброхотной зависти толкуютъ, посрамлены бы въ своемъ неправомъ мнѣніи были, и знать бы научились, что они своимъ аршиномъ чужихъ силъ мѣрить не должны, и помнили бъ, что музы.... кого хотятъ, того и полюбятъ. Ежели кто еще въ takомъ мнѣніи, что ученой человѣкъ долженъ быть бѣденъ, тому я предлагаю въ примѣръ съ его стороны Діогена, которой жилъ съ собаками въ бочкѣ, и своимъ землякамъ оставилъ нѣсколько остроумныхъ шутокъ для умноженія ихъ гордости, а съ другой стороны Невтона, богатаго Лорда Бойла, которой всю свою славу въ наукахъ получилъ употребленіемъ великой суммы; Волфа, которой лекціями и подарками нажилъ больше пятисотъ тысячъ и сверхъ того баронство; Слоана въ Англіи, которой послѣ себя такую библіотеку оставилъ, что никто приватно не былъ въ состояніи купить, и для того Парламентъ далъ за нее двадцать тысячъ фунтовъ Штерлинговъ. По приказанію Вашему все исполнить не премину, съ глубокимъ высокопочитаніемъ... и пр. (1753 мая 10-го дня).

2.

Полученное вчерашнаго числа отъ 24 мая письмо Вашего Прев. въ которомъ я чувствую непремѣнной знакъ особенной Вашей ко мнѣ милости премного меня обрадовало; особливо тѣмъ, что Вы объявить изволили свое удостовѣреніе о томъ, что я наукъ никогда не оставлю. Въ разсужденіи другихъ не имѣю я никакого особливаго удивленія, за тѣмъ, что они имѣютъ примѣры въ нѣкоторыхъ людяхъ, которые только лишь себѣ путь къ щастію ученіемъ отворили, въ тотъ часъ къ дальнѣйшему происхожденію другія дороги приняли и способы изыскали, а науки почти совсѣмъ оставили, имѣя у себя патроновъ, которые у нихъ мало или и ничего не спрашиваютъ, и не какъ Ваше Пр. въ разсужденіи меня дѣлъ требуете, довольствуются только однѣмъ ихъ именемъ. Въ помянутыхъ оставившихъ въ своемъ щастіи ученіе людяхъ весьма ясно видѣть можно, что они только одно почти знаютъ, что въ малолѣтствѣ изъ подъ лозы выучились, а будучи въ своей власти, почти никакова знанія больше не присовокупили. Я напротивъ того (позвольте, Мил. Гос. не ради тщеславія, но ради моего оправданія объявить истинну) имѣючи отца хотя по натурѣ добраго человѣка, однако въ крайнемъ невѣжествѣ воспитаннаго, и злую и завистливую мачиху, которая всячески старалась произвести гнѣвъ въ отцѣ моемъ, представляя, что я всегда сижу по пустому за книгами. Для того многократно я принужденъ былъ читать и учиться, чему возможно было, въ уединенныхъ и пустыхъ мѣстахъ, и терпѣть стужу и голодъ, пока я ушолъ въ Спасскія школы. Нынѣ имѣя къ тому по высочайшей Ея Имп. Величества милости совершенное довольство, Вашимъ отеческимъ предстательствомъ, и трудовъ моихъ одобреніе Ваше и другихъ знателей и любителей наукъ, и почти общее въ нихъ удовольствіе, и наконецъ уже не дѣтское несовершеннаго возраста разсужденіе, могу ли я нынѣ въ моемъ мужествѣ дать себя посрамить предъ моимъ дѣтствомъ. Одна-

ко перестаю сими представленіями утруждать Вашу терпѣливость, вѣдая Ваши справедливыя мнѣнія. И ради того доношу Вашему Пр. о томъ, что похвальная Ваша къ наукамъ охота требуетъ. Во первыхъ, что до електрической силы надлежитъ, то изысканы здѣсь два особливые опыта весьма недавно, одинъ господиномъ Рихманомъ чрезъ машину, а другой мною въ тучѣ; первой, что Мушенброковъ опытъ съ сильнымъ ударомъ можно переносить съ мѣста на мѣсто, отдѣляя отъ машины въ знатное разстояніе около цѣлой версты; чему описаніе и рисунокъ при семъ сообщаю. Второе примѣтилъ я у своей громовой машины, 25 числа сего Апрѣля, что безъ грому и молніи, чтобы слышать или видѣть можно было, нитка отъ желѣзнаго прута отходила и за рукою гонялась; а въ 28 число того же мѣсяца при прохожденіи дождеваго облака безъ всякаго чувствительнаго грому и молніи, происходили отъ громовой машины сильные удары съ ясными искрами и съ трескомъ издалека слышнымъ; что еще нигдѣ не примѣчено, и съ моею давнею теоріею о теплотѣ и съ нынѣшнею объ електрической силѣ весьма согласно, и мнѣ къ будущему публичному акту весьма прилично. Оной актъ буду я отправлять съ господиномъ профессоромъ Рихманомъ: онъ будетъ предлагать опыты свои, а я теорію и пользу отъ оной происходящую, къ чему уже я пріуготовляюся. Что же надлежитъ до второй части руководства къ краснорѣчію, то оная уже нарочито далече и въ концѣ октября мѣсяца уповаю изъ печати выдетъ, о ускореніи которой всячески просить и стараться буду, а письменнаго не присылаю, за тѣмъ что Ваше Пр. требовать изволите по листу печатныхъ. О первомъ томѣ Россійской исторіи по обѣщанію моему стараніе прилагаю, чтобы онъ къ новому году письменной изготовился. Ежели кто по своей профессіи и должности читаетъ лекціи, дѣлаетъ опыты новые, говоритъ публично рѣчи и диссертаціи, и внѣ оной сочиняетъ разные стихи и проекты къ торжественнымъ изъявленіямъ радости, составляетъ правила къ краснорѣчію на своемъ языкѣ и Исторіи своего отечества, и долженъ еще на срокъ поставить, отъ того я ничего больше требовать не имѣю, и готовъ бы съ охотою имѣть терпѣніе, когда бы только что нужное родилось. Въ протчемъ удостовѣряясь многократно, коль охотно слушаете Ваше Пр. разговоры о наукахъ, весьма жадно ожидаю радостнаго и пріятнаго съ вами свиданья, чтобы Вы новыми моими стараніями удовольствіе имѣли, которыхъ всѣхъ въ отдаленіи сообщить не можно. Въ домѣ Вашего Пр. обѣщанныхъ оптическихъ вещей еще долго устроить не уповаю, за тѣмъ, что еще нѣтъ ни половъ, ни потолоковъ, ни лѣсницъ, и недавно я ходилъ въ нихъ съ немалою опасностію. Електрические шарики по вашему желанію пришлю къ вамъ не умедливъ какъ возможно. Я могу увѣрить Ваше Пр. что въ мастеровыхъ людяхъ здѣсь великая скудость: такъ что для дѣланія себѣ електрической машины не токмо гдѣ индѣ, но и съ вашего двора столяра за деньги не могъ достать. И для того по сіе время вмѣсто земной машины служатъ мнѣ иногда облака, къ которымъ я съ кровли шестъ выставилъ. Какіе Вашему Пр. инструменты потребны, о томъ прошу дать мнѣ позволеніе представить въ канцелярію Академическую именемъ Вашимъ, для приказанія мастерамъ, за тѣмъ, что онѣ по шабашамъ долго протянутъ дѣла. Заключая сіе, съ глубокимъ высокопочитаніемъ пребываю всепокорнѣйшій и вѣрный слуга Михайло Ломоносовъ (Спб. мая 31-го 1753 г.).

Изъ похвальнаго слова Императрицѣ Елисаветѣ (1749).

ПРИСТУПЪ.

Естьлибы въ сей пресвѣтлый праздникъ, слушатели, въ который подъ благословенною державою всемилостивѣй-

шія Государыни нашея покоящіеся многочисленные народы торжествуютъ и веселятся о сладчайшемъ Ея имени, возможно было намъ радостію восхищеннымъ вознестись до высоты толикой, съ которой бы могли мы обозрѣть обширность пространнаго Ея владычества, и слышать отъ восходящаго до заходящаго солнца безпрерывно простирающіяся восклицанія и воздухъ наполняющія именованіемъ Елисаветы; коль красное, коль великолѣпное, коль радостное позорище намъ бы открылось! Коль многоразличными празднующихъ видами духъ бы нашъ возвеселился, когда бы мы себѣ чувствами представили, что во градѣхъ, крѣпче миромъ, нежели стѣнами огражденныхъ, въ селахъ обильною жатвою благословенныхъ, при моряхъ отъ военной бури и шума свободныхъ, на рѣкахъ изобиліемъ протекающихъ между веселящимися брегами, въ поляхъ довольствомъ и безопасностію украшенныхъ, на горахъ, верьхи свои благополучіемъ выше возносящихъ, и на холмахъ, радостію препоясанныхъ, разные обитатели разными óбразы, разные чины, разнымъ великолѣпіемъ, разныя племена разными языками, едину превозносятъ, о единой веселятся, единою всемилостивѣйшею своею Самодержицею хвалятся! Тамъ со благоговѣніемъ предстоя олтарю Господню чинъ священный съ куреніемъ благоуханій возвышаетъ молитвенные гласы и сердце свое къ Богу о покрывающей и украшающей церьковь его въ тишинѣ глубокой; индѣ при радостномъ звукѣ мирнаго оружія достигаютъ до облаковъ торжественные плески россійскаго воинства, показующаго свое усердіе къ благополучной и щедрой своей Государынѣ. Тамъ сошедшись на праздничное пиршество градоначальники и граждане въ любовной бесѣдѣ воспоминаютъ труды Петровы; индѣ по совершеніи жатвы при собранныхъ безмятежно рукоятѣхъ ликуя скачутъ земледѣльцы, и простымъ, но усерднымъ пѣніемъ Покровительницу свою величаютъ. Тамъ плаватели достигая безопаснаго пристанища, въ радости волненіе воспоминаютъ, и пестрые знаки празднества надъ колеблющимися водами распростираютъ; индѣ по пространнымъ полямъ Азійскимъ разъѣжжая степные обитатели, хитрымъ искусствомъ стрѣлы свои весело пускаютъ, и показуютъ, коль они готовы устремить ихъ на враговъ своея повелительницы. Но хотя естественные предѣлы силъ человѣческихъ не дозволяютъ радостному взору нашему до толикаго возвышенія достигнуть, и толикимъ зрѣніемъ насладиться; однако духомъ возносимся, ревностными крилами мыслей возлетаемъ и всеобщія увеселенія повсюду видимъ умными очами, которыя наипаче къ древнему царствующему граду вожделѣннымъ присутствіемъ всепресвѣтлѣйшія Государыни нашея осіянному простираются. Часто мысленный взоръ нашъ, обозрѣвъ разные торжествъ образы, благословенное ея владѣніе въ день сей украшающіе, на пресвѣтлое Ея лице обращается и разсѣянныя повсюду увеселенія на немъ единомъ находитъ. На немъ истинное благочестіе веселящее церковь, на немъ мужественную бодрость укрѣпляющую воинство, на немъ кроткое правосудіе примѣръ судящимъ и отраду судимымъ дающее, на немъ прозорливую премудрость на отдаленныя мѣста и на грядущія времена взирающую, ясно и въ отсутствіи сіяющія видимъ, и равно какъ въ присутствіи благоговѣйно почитаемъ. Но кто ревностнымъ усердія зрѣніемъ яснѣе оный видитъ, какъ сіе для распространенія наукъ въ Россіи Петромъ Великимъ установленное общество, несказаннымъ Ея великодушіемъ обновленное? Начертаннаго въ душахъ нашихъ божественнаго Ея зрака ни горы ни лѣсы закрыть немогутъ. Обращаются предъ нами живо Ея сладчайшія уста, повелѣвающія насъ возставить, и очи человѣколюбно къ намъ сіяющія, и щедрая рука, подписующая благополучіе наше. Ободрить начинающіяся науки, нещадя своихъ сокровищъ; утвердить ихъ благосостояніе, предписавъ полезные законы; оградить своею

милостію, принявъ въ собственное свое покровительство; отворить имъ къ себѣ свободный доступъ, поручивъ ихъ доброхотному Предстателю изъ своихъ ближайшихъ, есть толь великое благодѣяніе, которое въ мысляхъ и сердцахъ нашихъ во вѣки неизгладимо пребудетъ, и за которое мы по всей возможности и силѣ нашей стараясь о приращеніи наукъ, и превознося великую Благодѣтельницу похвалами, дѣломъ и словомъ благодареніе приносить должны.

Но когда наипаче къ изъявленію благодарности нашей должно быть намъ возбужденнымъ, какъ въ сей торжественный день пресвѣтлому Ея Тезоименитству посвященный, въ который съ нашимъ особливымъ веселіемъ общее празднество соединяется! Не можетъ неописанная радость наша въ тѣсныхъ предѣлахъ сердца нынѣ удержаться, но на лице и на языкъ изливается. Напрягаются крайнія силы разума и слова изобразить Монаршескія Ея добродѣтели, увеселеніе подданныхъ, удивленіе свѣту, славу и украшеніе временъ нашихъ.

IV. АМВРОСІЙ ЮШКЕВИЧЪ.

Изъ слова въ день рожденія Императрицы Елисаветы (1741).

Славитъ Писаніе священное Іудіоь преврабрую, за то что она своею премудростію, а наипаче твердымъ на Бога упованіемъ, главному врагу Олоферну, вождю вавилонскому, сама одна голову отсѣкла и все воинство его преславно побѣдила. Воспоминаетъ Іаиль, жену также мужественную, которая князя моавитскаго Сісару умертвила. Прославляетъ народъ израильскій, даже до сего дня, Есфирь пречудную, за ея превеликое, въ крайней бѣдѣ, заступленіе, которое она весьма ревностно показала въ то время, когда намѣрено было весь народъ израильскій до единаго человѣка погубить; ибо она съ великимъ сокрушеніемъ сердца молила Господа: нынѣ, Господи Боже Царю, пощади люди твоя, яко зазираютъ намъ въ погибель, и вожделѣша погубити наслѣдіе Твое. И хотя явственную смерть въ глазахъ видѣла, однакъ, любовію народа своего побѣждаемая, дерзнула внити предъ царя Артаксеркса и просить о избавленіи отъ погубленія людей своихъ, что и получить благополучно удостоилась.

Бо̀льшія похвалы достойна наша всероссійская Героіна; ибо оная народъ свой освободила отъ враговъ токмо внѣшнихъ и явныхъ; наша же преславная побѣдительница избавила Россію отъ враговъ внутреннихъ и сокровенныхъ. Сіе и самый послѣднiй вѣдать можетъ, что какъ болѣзнь внутренняя есть тяжчайшая и опаснѣйшая, такъ и врагъ внутренній и сокровенный есть страшнѣйшій. Но такіе-то всѣ были враги наши, которые, подъ видомъ будто вѣрности, отечество наше раззоряли. И смотри, какую діаволъ далъ имъ придумать хитрость. Во первыхъ на благочестіе и вѣру нашу православную наступили; но такимъ образомъ и претекстомъ, будто они не Вѣру, но непотребное и весьма вредительное христіанству суевѣріе искореняютъ. О коль многое множество подъ такимъ притворомъ людей духовныхъ, а наипаче ученыхъ, истребили, монаховъ порастригали и перемучили! Спроси жъ: за что? больше отвѣта не услышишь, кромѣ сего: суевѣръ, ханжа, лицемѣръ ни къ чему годный. Сіе же все дѣлали такою хитростію и умысломъ, чтобъ вовся въ Россіи истребить священство православное и завесть свою новомышленную безпоповщину. Разговору бо̀льшаго у нихъ не было, какъ токмо о людяхъ ученыхъ: о Боже! какъ то нещастлива въ томъ Россія, что людей ученыхъ не имѣетъ и ученія завесть не можетъ! Незнающій человѣкъ ихъ хитрости и коварства думалъ, что они то говорятъ отъ любви и ревности къ Россіи; а они для того нарочно, чтобъ, гдѣ нибудь сыскавъ человѣка ученаго, погубить его. Былъ ли кто изъ Русскихъ искусный, напримѣръ, художникъ, інженеръ, ар-

хітектъ, или солдатъ старый, а наипаче ежели онъ былъ ученикъ Петра Великаго: тутъ они тысячу способовъ придумывали, какъ бы его уловить, къ дѣлу какому нибудь привязать, подъ інтересъ подвесть, и такимъ образомъ или голову ему отсѣчь, или послать въ такое мѣсто, гдѣ надобно необходимо и самому умереть отъ глада, за то одно, что онъ інженеръ, ахрітектъ, что онъ ученикъ Петра Великаго. Подъ образомъ будто храненія чести, здравія и інтереса государева, о коль безчисленное множество, коль многія тысячи людей благочестивыхъ, вѣрныхъ, добросовѣстныхъ, невинныхъ, Бога и государство весьма любящихъ въ тайную похищали, въ смрадныхъ узилищахъ и темницахъ заключали, гладомъ морили, пытали, мучили, кровь невинную потоками проливали!

Сего ихъ обмана народъ незнающій помышлялъ, что они дѣлаютъ сіе отъ крайнія вѣрности; а они такимъ-то безбожнымъ образомъ и такою-то завѣсою покровенные, людей вѣрныхъ истребляли. Кратко сказать: всѣхъ людей добрыхъ, простосердечныхъ, государству доброжелательныхъ и отечеству весьма нужныхъ и потребныхъ, подъ разными претекстами, губили, раззоряли и во вся искореняли, а равныхъ себѣ безбожниковъ, безсовѣстныхъ грабителей, казны государственныя похитителей весьма любили, ублажали, почитали, въ ранги великіе производили, отчинами и денегъ многими тысячами жаловали и награждали.

Было то воистинну, что и говорить стыдно, однакъ то сущая правда: пріѣдетъ какой нибудь человѣкъ иностранной незнаемой (не говорю о честныхъ и знатныхъ персонахъ, которыя по заслугамъ своимъ въ Россіи всякія чести достойны, но о тѣхъ, которые еще въ Россіи никогда не бывали и никакихъ заслугъ ей не показали), такова, говорю я, новаго гостя, ежели они усмотрятъ, что онъ къ ихъ совѣсти угоденъ будетъ, то хотя бы и не зналъ ничего, хотябъ не умѣлъ трехъ перечесть, но за то одно, что онъ иноземецъ, а наипаче что ихъ совѣсти нравенъ, минувъ достойныхъ и заслуженныхъ людей Россійскихъ, надобно произвесть въ президенты, въ совѣтники, въ штапы и жалованія опредѣлить многія тысячи. И такой-то совѣсти были оные внутренніе враги наши! такой-то сатанинской вѣрности! Многимъ казалось, что они вѣрно служатъ, воюютъ за церковь Христову, подвизаются за отечество; а они такимъ образомъ приводили Россію въ безсиліе, въ нищету и въ крайнее разореніе.

Воспомяните себѣ только недавно минувшую войну турецкую: сколько они безъ всякой баталіи и сраженія старыхъ солдатъ гладомъ поморили, сколько въ степяхъ жаждою умертвили, да сколькожъ сотъ тысячъ церьковниковъ и другихъ рекрутъ перебрали! а всѣ они, почти напрасно, для одной только ихъ добычи и суетной корысти, головы свои положили; то тѣ все то дѣлали притворно подъ образомъ вѣрности. Многократно заслуги свои представляли, похваляя свою къ Россіи вѣрность и доброжелательство, но лгали безсовѣстно на свою душу: ибо ежели бы они были прямые отечеству доброхоты, такъ ли бы нарочно людей нашихъ на явную смерть посылали, такъ ли бы только тѣнью, только тѣломъ здѣсь, а сердцемъ и душею внѣ Россіи пребывали? Такими они сами оказали себя, когда всѣ свои сокровища, всѣ богатства, въ Россіи неправдою нажитыя, вонъ изъ Россіи за море высылали, и тамо иные въ банки, иные на проценты многіе милліоны полагали. Ктожъ имъ со Христомъ евангельскихъ словъ не воспишетъ: идѣже сокровище ваше, ту есть и сердце ваше? Ежели кто сему не хощетъ вѣровать: пойди въ Голландію, въ Англію—тамо лучше увѣдаетъ. И отъ таковыхъ-то тайныхъ разорителей отечества нашего чрезъ вторую Іудиѳь, Всемилостивѣйшую Государыню нашу, Господь Богъ свободилъ

насъ. О коль премного должны мы благодарить ему за такое превеликое его благоутробіе, что Онъ не по дѣломъ нашимъ судилъ намъ и наказалъ насъ, но по своей неизреченной милости сотворилъ съ нами, умилосердился надъ нами, и помиловалъ насъ, и даровалъ намъ нынѣ полное отъ упомянутыхъ враговъ освобожденіе.

V. КИРИЛЛЪ ФЛОРИНСКІЙ.

Изъ слова въ день рожденія Императрицы Елисаветы (1741).

Доселѣ дремахомъ, а нынѣ увидѣхомъ, что Остерманъ и Мініхъ съ своимъ сонмищемъ влѣзли въ Росію, яко эмиссаріи діавольскіи, имъ же попустившу Богу, богатство, слава и честь желанная приключишася: сія бо имъ обѣтова сатана, да подъ видомъ міністерства и вѣрнаго услуженія государству Россійскому, еже первѣйшее и дражайшее всего въ Россіи правовѣріе и благочестіе не то сію превратятъ, но и изъ кореня истребятъ.

Да не безумна же мене кто възнепщуетъ быти сице глаголюща: есть вамъ примѣръ въ священномъ Евангеліи. Самъ діаволъ Хрісту, умышляя пресѣчь волное за насъ страданіе, и да падъ ему поклонится. Негли возведъ Іисуса на гору высоку зѣло, и показавъ вся царствія міра, и славу ихъ: сія вся (хотя и міръ не въ власти его, обѣщаваетъ) тебѣ дамъ, аще падъ поклониши ми ся (Матѳ. IV).

Что же Остерманъ и Мініхъ, съ своими союзники, таковые эмиссаріи были, довлѣютъ сія доводы.

Первый: яко законной наслѣдницы, правовѣрной благочестія Хранительницы Елисаветы, Престола Отеческаго злодѣйскими тестамента укрывательствы наслѣдовать не допущали.

Кто же не вѣсть, что таковой наслѣдницы до Отеческаго Престола не допущать есть — правовѣріе и благочестіе отъ Апостоловъ Первозваннаго Андрея всѣянное, равноапостоломъ Владиміромъ разсѣянное, православными предками Петра и Екатеріны, Петромъ и Екатериною по лицу всея Россіи расположенное, искоренить и въ конецъ истреблять.

Второй доводъ—Мініховы въ многобѣдствовавшей отъ него Украйнѣ зловѣрія его замышленные и едваль не возстановленные кирхи, да и сего царствующаго града въ зовомомъ Китаи на прелщеніе душъ неповинныхъ хрістіанскій рогъ Крестъ Христовъ вознесшая Армянская церьковь, не ихъ ли быть дѣло являетъ?

О, воскресни небоязненнаго духа учителю Златоусте, гремѣвый на Эутропія за изобрѣтенный имъ законъ, еже убѣгшихъ и отъ олтаря Божія, извлекая, убивати!

Воскресни, Златоусте, Гаінъ Фелдмаршалу Аркадіеву, просящу церькви Аріаномъ среди града, уста заградивый! Истинна суть Златоустова Аркадію словеса реченная, что яко между адаманты драгія внесенъ камышекъ цѣны последней бесчеститъ вѣнецъ царскій, тако градъ сей царствующій безчеститъ Армянская церьковь.

Воскресни, Златоусте, и во ушію о Армянской церьквѣ рцы православныя нашея Елисаветы; мы бо дремлюще и посредѣ насъ таковаго зла не чувствуемъ. Возгреми на проліявшаго коварно многу кровь Россійску, Остермана. Загради Мініху челюсти, искавшему своя воставити, гдѣ отъ вѣковъ того зловѣрія небывало, кирхи. Очисти яко отъ безчествующей крохи, кирпичной вѣнецъ царскій, очистивый иногда златословіемъ твоимъ Константінополь отъ церьквей Аріанскихъ—градъ сей отъ безчествующей церькви Армянской.

Думали Армяне и ласкатели многи, кои слѣпымъ умомъ, Остермана и Мініха обманнымъ разсказомъ удивлятися часто за свое въ вѣрѣ повреждение и непостоянство принуждены бывали, будто бы какъ въ первенствующей церьквѣ два свѣтила и два новые Апостолы возсіяли: одинъ бы отъ нихъ, яко Павелъ, будто насаждалъ, а другій, яко

Аполлосъ, напоивалъ; но осуетишася: видимъ бо, что сѣмя еже Остерманъ насаждалъ, Минихъ напоялъ, Богъ того не токмо не возрастилъ, но и ихъ искоренилетъ.

Мнози, думать надобно, о Остерманѣ и Минихѣ глаголаху: Бози, уподоблышеся человѣкомъ, снидоша къ намъ и нарицаху Остермана Дія, Миніха же Ермія. И во правду можно нарещи идолами. Остермана Дія, Миніха Ермія: якоже бо Дій и Ермій въ языцѣхъ, тако Остерманъ и Минихъ въ Россіи были кумiры златыя, имъ же сосовѣтнiи не устыдѣшася, яко балванамъ, и жерти, своя совѣсти воли ихъ закалающе въ жертву; но уже сокрушится о камень Петровъ, еже есть сильно сѣмя на земли Россійстѣй Елисаветъ.

Самъ Богъ отверзе намъ умъ разумѣти и очи видѣти Сѣмя Петрово по дванадесятолѣтiи на престолѣ отечествѣ Елисаветъ воцарившуюся. Да гдѣ домъ, жертвенники, образы и Моѳавъ, жрецъ Вааловъ? истребимъ я.

Домъ Вааловъ? Совѣта нераскаяннаго на сѣмя Петрово сборище, жертвенники, образы и жрецы Вааловы: Остерманъ, Минихъ и союзники тѣхъ. ихъ же и кромѣ насъ, яко скудельны идолы, самъ сокрушитъ Господь.

Не безъ веселія нашего и день возсія намъ Ноемврія двадесять пятый, въ онъ же Архіерей грядущихъ благъ сѣмя Петрово уже въ созрѣломъ класѣ, Великую Елисаветъ показа намъ во Императрицу явственное знаменіе: зане въ сей день на Престолъ взыде Православная Елисаветъ, яко лщи есть истинныя церькве.

Ибо не священномученика ли Петра Александрійскаго въ двадесять пятый Ноемврія день память совершаемъ? Емуже въ темницѣ видѣнъ Господь Iисусъ Христосъ, облеченъ въ хитонъ бѣлъ, но раздранъ сверху даже до низу, его же обѣма рукама на персяхъ стиская и свою наготу покрывая, вопрошающу Петру: Кто ти, Спасе, ризу раздра? благоизволи сице отвѣщати: Арій безумный раздра ми ризу, яко раздѣли отъ мене люди моя, иже стяжахъ кровію моею: не пріемли того въ сообщеніе правовѣрныхъ.

О благочестиваго Петра благочестивая Елисавето: не и тебѣ ли, аки въ темницѣ въ заключеніихъ и бѣдствіихъ нощи тоя сѣдящей, Господь Iисусъ Христосъ, правовѣріе и благочестіе, святiи вси, Православно Греческая Россійская церьковь и сама Россія въ раздранныхъ хитонѣхъ, сверьху даже до низу, обѣма елико сила рукама на персѣхъ стиская и покрывая наготу свою, видѣны быша. А вопрошающей: кто тебѣ, Спасе мой; кто тебѣ, о правовѣріе и благочестіе; кто вамъ, Святiи, кто тебѣ, о церькве Православнаго Греческаго исповѣданія, кто тебѣ, о Россіе, данную отъ Отца моего красную ризу раздра, увѣрително отвѣщаваша тако: въ принадлежащемъ по крови тебѣ Сѣмя Петрово Елисавето достояніи Россійскомъ, душепагубные беззаконія министры, еретицы живущіе, тiи раздраша намъ ризы.

VI. ДИМИТРІЙ СѢЧЕНОВЪ.

Изъ слова въ день Благовѣщенія (1742).

Погребли мы преславныхъ Монарховъ, погребли и благоденствія наша; по смерти оныхъ за беззаконія и неправды наша наказа насъ Господь частыми перемѣнами, а въ такихъ вредительныхъ перемѣнахъ колекая претерпѣхомъ злая, въ коликое было Россія пришла безобразіе, воспомянути болѣзнь утробу пронзаетъ.

А таковыя частыя перемѣны видяще противницы наши, добрую дорогу, добрый ко утѣсненію насъ сыскали способъ, показывали себѣ аки бы они вѣрные государству слуги, аки бы оберегатели здравія Государей своихъ, аки бы они все къ пользѣ и исправленію Россіи промышляютъ; а какъ прибрали все отечество наше въ руки, коликій ядъ злобы на вѣрныхъ чадъ Россійскихъ отрыгнули! коликое гоненіе на церьковь

Хрістову и на благочестивую вѣру возставили! Ихъ была година и область темная; что хотѣли, то и дѣлали. А во первыхъ тщалися дражайшее душъ нашихъ сокровище неоцѣненное, спасенія нашего богатство, благочестіе отнять, которое намъ паче тысящь злата и сребра; не златомъ и сребромъ, но честною кровію, яко агнца непорочна и пречиста, Христа намъ куплено, безъ котораго бы мы Содому и Гоморру уподобилися, безъ котораго бы мы были горшіи Турокъ, Жидовъ, Араповъ. А такъ-то они удумали: какъ-де благочестіе у нихъ отъимемъ, тогда-де и сами къ намъ вѣру приложатъ, и сами въ слѣдъ нашъ пойдутъ; и такъ по всей Россіи предтечей Антіхрістовыхъ разослали, вездѣ плевельная ученія разсѣвали, толико повредили, что мнози малодушніи, а паче которыи возлюбиша тму паче свѣта, возлюбиша паче славу человѣческую, нежели славу Божію, ищущіи въ нихъ милости, отъ насъ изидоша, но не бѣша отъ насъ, чада на матерь свою восталн, ихже крещеніемъ роди, ихже кровію Христовою воспита, ихже догматами православными утверди, аки змія порожденія ехіднова, утробу ея терзали. И что бѣдственнѣе! догматы хрістіанскія, на которыхъ вѣчное спасеніе зависитъ, въ басни и ни во что поставляли; Ходатайцу спасенія нашего, неусыпную хрістіансвую Помощницу, покровъ и прибѣжище, на помощь не призывали и заступленія ея не требовали; святыхъ угодниковъ Божіихъ не почитали; іконамъ святымъ не кланялися; знаменіемъ креста святаго, его же бѣси трепещутъ, гнушалися; преданія Апостольская и святыхъ отецъ отвергали; добрая дѣла, ими же вѣчная мзда снискуется, отметали; въ посты святые мяса пожирали, а о умерщвленіи плоти и слышать не хотѣли; поминовенію усопшихъ смѣялися; сами суще чада и наслѣдницы геенны, геенѣ быти не вѣрили, не поминали оныхъ хрістовыхъ словесъ: огнь ихъ не угаснетъ, и червь ихъ не скончается. И симъ лаяніемъ толико любителей міра сего въ безстрашіе и сластолюбіе привели, что мнози и въ Епікурская мнѣнія впадали. Яждь, пій, веселися: по смерти никакого-де утѣшенія нѣсть. Ахъ, изрядные апостоли, изрядная проповѣдь, хорошей путь безпрепятствія до ада и тартара показали. И которые такъ бредили, таковые-та у враговъ нашихъ и въ милости были, таковые и въ чины производилися; а которіи истинныя чада церькве и истинны хрістовы наслѣдницы такихъ прелестниковъ не слушали, право вѣру непорочную, отъ Хріста, отъ апостолъ, отъ святыхъ отецъ проповѣданную, утвержденную, хранили, коликія имъ ругапія, поношенія врази благочестія чинили! мужиками, грубіанами называли! Кто посты хранитъ—называли ханжа. Кто молитвою съ богомъ бесѣдуетъ—пустосвятъ. Кто іконамъ кланяется—суевѣръ. Кто языкъ отъ суесловія воздерживаетъ—глупъ, говорить не умѣетъ. Кто милостынею любве ради по Хрісту и по ближнему неоскудно подаетъ—простъ, не умѣетъ куды имѣнія своего употребить, не въ рукамъ досталося. Кто въ церьковь часто ходитъ—въ томъ де пути не будетъ.

А наипаче великое гоненіе на самыхъ благочестія защитителей, на самыхъ священныхъ таинъ служителей, чинъ, глаголю, духовный: архіереевъ, священниковъ, монаховъ мучили, казнили, разстригали; непрестанныя почты и водою и сухимъ путемъ куда за чѣмъ монаховъ, священниковъ, людей благочестивыхъ въ дальные Сибирскіе городы, во Охотскъ, въ Камчатку, Оренбурхъ отвозятъ; и тѣмъ такъ устрашили, что уже и самые пастыри, самые проповѣдницы Слова Божія молчали и устъ не смѣли о благочестіи отверсти. И правда, духъ бодръ, а плоть немощна: не всякому-то благодать мученичества посылается.

Что же еще? узнали врази наши, что имъ не трудно священника, или монаха, или простаго человѣка, какъ мушку, задавить: принялись они и за великихъ

лицъ, а паче которыхъ вѣдали благочестія защитниковъ, многія знатныя фамиліи до конца истребили, многихъ честныхъ вѣрныхъ слугъ въ тяжкихъ заточеніяхъ, темницахъ поморили, многимъ головы поотрубали, языки порѣзали.

Но еще и симъ недовольны, о долготерпѣнія твоего, Боже! на самую порфирородную кровь востали, на самую истинную наслѣдницу хитрый совѣтъ свой удумали, не боялися правосудія и отмщенія Божія; недовольно имъ сего, что наслѣдіе у нея отняли, что многія Ей печали, оскорбленія и обиды чинили. никои выходы утѣшенія и довольства не давали; узнали они, что вси вѣрныя чада Россійскія природной своей Государынѣ и истинной Наслѣдницѣ Россійскія короны любовію горятъ и надежду въ ней полагаютъ, такое озлобленіе хотѣли учинить, чтобы отъ наслѣдія и отечества отдалить, а насъ сирыхъ и безнадежныхъ оставить. Не тяжко ли Ей сіе было видѣти, яко людіе Родителя Ея, трудами Его стяженные, прославленные, предъ лицемъ Ея погубляются, изгоняются, да еще и о здравіи Ея, на которомъ вся надежда Россійская зависитъ, тщетнымъ совѣтомъ поучаются. Но и въ сихъ несносныхъ случаяхъ Самодержавная Августа наша аки адамантъ, тверда была; а чимъ себя покрѣпляла? твердою на Бога надеждою; того ради и ничего не боялася; разсуждала: Господь мнѣ помощникъ, и не убоюся, что сотворитъ мнѣ человѣкъ. Аще Богъ по насъ, то кто на ны (Псал. CXVII, 6). А при томъ крѣпкомъ не нсго уповаціи смиреніе и страхъ Божій въ сердцѣ своемъ имѣла, воспоминала оная Сираховы словеса: боящіися Господа надѣйтеся на благая; кто бо вѣрова Господеви и постыдеся или кто пребысть въ страсѣ его и оставися, или кто призва его и презрѣ и: зане щедръ и милостивъ Господь оставляетъ грѣхи и спасаетъ во время скорби (Сир. II, 9—12). И се во единый часъ, о измѣна десницы Вышняго! Кто постави бурю въ тишину? кто сотре оружія и мечь враговъ нашихъ? кто сокруши главы зміевъ? Господь крѣпокъ и силенъ, Господь силенъ во брани (Псал. XXIII, 8). Слыши небо, и внуши земле, удивитеся земнороднiи. Вечеръ водворися плачь, и заутра радость (Псал. XXIX, 6). Наказа насъ Господь, да и помилова, призрѣ на смиреніе рабы своея, оправда царствовати надъ нами Благочестивѣйшую Самодержавнѣйшему Августу нашу Елісаветъ Первую, Внуку и Дщерь Россійскихъ Императоровъ, посла ю аки вторага Моисеа свободити новаго Ізраиля, люди своя, отъ работы озлобляющихъ, огради мужествомъ, ревностію, аки вторую Іудиѳь отсѣщи главы гордыхъ Олоферновъ, хвалящихся истребити сѣмя Хрістіанское, безъ брани и кровопролитія вручи ей престолъ благочестивыхъ Родителей Ея, давно Ей врученный, безъ меча и оружія отдаде Ей наслѣдіе. Нынѣ на ней пророческая исполняются словеса: не мечемъ своимъ наслѣдова землю, и мышца Ея не спасе Ея: но десница твоя, и мышца твоя и просвѣщеніе лица твоего, яко ты благоволилъ еси къ ней (Псал. XLIII, 4).

Таковое неслыханное смотреніе Божіе, таковую радостную вѣсть какъ услышали сынове Россійстіи, колико возрадовалися! а отъ радости теплыя къ Богу возсылали молитвы: посѣтилъ ны есть востокъ свыше. Воспойте Господеви пѣснь нову, яко дивно сотвори Господь, видѣ озлобленіе наше, видѣ воздыханіе, отре слезы наша; теперь благополучно въ покои поживемъ, теперь благочестіе исправится, теперь вѣра хрістова утвердится, теперь врази церькове нашея, аки зміи отъ зимы въ норы хоронятся: царствуетъ надъ нами истинная Матерь отечества, природная наслѣдница, Дщерь Великихъ Монарховъ Петра и Екатерины Дщерь Восточныя церькве, истинная защитительница благочестія. Поимъ Господеви, славно бо прославися. Благовѣствуй, Россіе, радость велію, возвѣсти ближнимъ и дальнимъ імперi-

амъ, въ которыхъ имя Петрово славно: Дщерь его царствуетъ надъ нами. О коль доброхоты возрадуются, а врази ужаснутся, яко духъ Петровъ оживе; обновится, яко орля юность, крѣпость и слава Россійская, да уже и обновляется: въ краткомъ времени благополучнаго своего царствованія, крѣпкое основаніе положи, промышленіе о людехъ своихъ возъимѣ, церьковь Христову отъ внутреннихъ враговъ защити, руганія и соблазны на православныхъ истреби. Прежде при столахъ и компаніяхъ то и разговоры были—православныя догматы ругать, во отчаяніе и слабость малодушныхъ вводить; а теперь и языкъ закусили: видятъ, что глава здрава, благочестія образы собою показуетъ, стали и вси тое похвалять. Се Божія благоволенія къ намъ знаменіе, се милосердія его одушевленный інструментъ, чрезъ который изгнанніи возвратилися, юзники свободилися, ограбленные, уничиженные первыя имѣнія и чести восприяли. Повелѣ иногда Господь ученикомъ своимъ въ милосердіи Отцу своему небесному уподоблятися: будете, глаголетъ, милосердни, яко же и Отецъ вашъ небесный милосердъ есть. Такову зримъ Самодержавную Августу нашу благосклонну, милостиву, свѣтлу, ко всѣмъ показующуюся, такову и во вѣки быти надѣемся, а симъ во всѣхъ своихъ подданныхъ толико любовь вожже, яко день и нощь именемъ Ея насладитися не могутъ, крѣпко Ея царствованіе будетъ, яко Богъ вручи Ей той и сохранитъ крѣпко, яко не такъ воинствомъ, какъ всѣхъ доброжелательными утверждено сердцами.

Нынѣ возрадуемся о спасеніи нашемъ, видимъ Божіе къ намъ благоутробіе, видимъ вездѣ несказанное его къ намъ милосердіе, яко нищеты нашея не возгнушася, пріиде душу свою положити о насъ, кровь свою изліяти, пріиде и нынѣ въ силѣ своей къ намъ, посѣти насъ спасеніемъ своимъ, сотвори съ нами вся по желанію нашему, исполни радости и веселія сердца наша; а вся того ради творитъ, да спасеніе наше безпрепятственно содѣвается. Которыхъ больше благодѣяній хощемъ, какія радости вящшія надѣемся? будемъ благодарны, возвеличимъ высокую его мышцу. А чимъ возблагодаримъ? исправимся лучшими быть, премѣнимъ злонравія наша, да не постигнутъ насъ горшая; нынѣ время благопріятно, нынѣ день спасенія: отложимъ убо дѣла темная и облецемся во оружіе свѣта, попецемся о покаяніи, попецемся о спасеніи нашемъ, потщимся добрыми дѣлы очистити и убѣлити душу нашу, которыя ради самъ Богъ на землю пришелъ, которая дражайшая есть паче всего свѣта по реченному: Кая польза человѣку, аще міръ весь пріобрящетъ, душу же свою отщетитъ (Марк. VIII, 36)? Такова дорога душа человѣческая, какова кровь сына Божія. Не стыдно ли, коликое попеченіе о тѣлеси нашемъ имѣемъ, которое нынѣ красно, а утро гной, смрадъ, червіе будетъ? тѣло и брашнами тучными и вінами веселимъ, лекарствами подкрѣпляемъ, мягкими одрами упокояемъ, одеждами украшаемъ, мирами намазуемъ; вся труды наша, все житіе во единомъ тѣла угодіи: а душа безсмертна, по образу Божію созданна—нѣсть о ней ни единаго попеченія: вся скверна, окалянна, болѣзненна,—и не думаемъ. Поносимъ праотца нашего, что за яблокъ душу продалъ; а мы за чарку вінца, за ласкательство, за честишку, за малую славицу, въ судѣ за гостинецъ, въ торгу за копейку, въ постъ святый за курочку душу нашу промѣниваемъ. Поднеси чарку вінца, поласкай, пошепчи во ухо: я тебе не оставлю; возьми и душу, готовъ и правду потерять, готовъ и вѣры отступить, готовъ и благочестіе отвергнуть. Не смѣхъ ли? имѣнія наша, мѣдь, сребро, ихже тля тлитъ и ржа снѣдаетъ, замками и стражами утверждаемъ; а душа наша вся отъ хитраго злодѣя діавола окрадена въ нищету пришла: нѣсть въ ней ни красоты, ни любви, ни богомыслія,

ни правды, ни милости,—о томъ и не смотримъ. Гдѣ же сынъ Божій, пришедый на землю, будетъ обитати? не требуетъ нашихъ красныхъ палатъ, но престолъ и жилище Вышняго—душа наша драга яко кровію его искупленна, возлюбленна Богу, яко сынъ Божій ея ради на смерть дадеся, хощетъ въ ней обитель сотворити: се азъ, глаголетъ, стою и толку; аще кто отверзетъ мнѣ, вниду. Кто бы такого гостя не желалъ пріяти? токмо сіе страшно, кое причастіе будетъ свѣту ко тмѣ? кое упокоеніе чистому въ скверной думѣ нашей? обаче не отчаяваемся: ибо сынъ Божій того ради на землю пришелъ—немощи наша понести, болѣзнь изцѣлити, грѣшныхъ помиловати; покажемъ ему раны наши и въ нынѣшнее постное святое время омыемъ скверну души нашея слезами, воздыханіемъ, смиреніемъ, воздержаніемъ, молитвою. Престанемъ дѣла діаволя и волю его исполняти; престанемъ злобствовати, осуждать, клеветать, обидѣть и утѣснять братію нашу, истребимъ въ насъ зависти, ненависти, гнѣвы, сребролюбія; отринемъ піанства, блуда, грабленія; будемъ милостивы, кротцы, братолюбцы: тогда пришедый съ небесъ сынъ Божій обитель сотворитъ въ души нашей; тогда полный свѣтъ радости возсіяетъ въ сердцахъ нашихъ.

Слово въ день явленія чудотворной иконы казанской Божіей Матери (1742).

Осмотримся, какъ мы любимъ Христа. Люблю Христа словомъ: у меня въ различныхъ селахъ каменныя палаты, прекрасные покои, бани, поварни изрядно устроены; а церкви Христовы въ тѣхъ же селахъ безъ покрова погнили. Люблю Христа: у меня запонки, пряжки, табакирки золотыя, чайники и рукомойники серебреныя; а въ церькви Христовой свинцовыя сосуды. Люблю Христа: у меня златотканныя завѣсы, одѣяла; а страшныя Христовы тайны крашенинным покрываются покровомъ. Люблю Христа: самъ шампанскія и венгерскія вина вмѣсто квасу употребляю; а въ церьковь никогда и волоскаго галенка не посылалъ. Люблю Христа: чести искать, богатства собирать, пиршествовать, суесловить, хвастать, веселиться, забавляться день и ночь—легко, нескучно; а Христу въ молитвахъ поблагодарствовать въ церкви съ умиленіемъ и страхомъ Божіимъ постоять право въ суетахъ и помолиться нѣкогда. Люблю Христа: друга, или патрона, или сродника за прошеніе или за пріятіе даровъ; надѣйся дѣло твое готово, сегодня приговоръ закрѣпимъ, а заутра и указъ получишь. А бѣдный вопіетъ: сотвори милость Бога ради, Христа ради, Божія Матери ради—и смотрѣть не хощу, со гнѣвомъ отвѣтствую: не шуми, теперь не до тебе, много дѣлъ государственныхъ. Люблю Христа: свои имянина какъ безъ торжества пропустить? три дни и три нощи веселюся, піянствую; а пріидетъ праздникъ Христова Рождества или Воскресенія, главныя спасенья нашего вины, за уборами, за развозами по разнымъ домамъ ласкательныхъ поклоновъ, поздравленій, и въ церькви не былъ; скорбитъ, что кого дома не засталъ, а потомъ и печали нѣтъ—не успѣлъ, рано стали благовѣстить. Люблю Христа: словомъ надѣюсь на него, весь въ волю его предаюся, да будетъ, глаголю, воля твоя; а самою вещію чрезъ патроновъ, стряпчихъ, ябѣдниковъ, чрезъ деньги, ласкательства и другіе коварные способы желаемыхъ себѣ вещей проискиваемъ. Сели воля Божія? Словомъ, въ противныхъ случаяхъ на Бога уповаемъ, той намъ помощникъ въ скорбехъ; а дѣломъ противникомъ нашимъ грозимъ не на Бога уповающе: или не вѣси, онсица, сенаторъ, президентъ, губернаторъ, воевода, секретарь, такое знатное лицо мнѣ благодѣтель, сродникъ, другъ; узриши, что тебѣ будетъ. А сего не вѣмы, что утро патрона или чести лишатъ, или ко гробу понесутъ, и самъ

себѣ помощи не возможетъ. О суетно упованіе и спасеніе человѣческо! православніи христіане есмы, любимъ Бога; а мнози отъ насъ и Бога едва знаютъ, а праведнаго Его суда и отмщенія, ниже думаютъ. Иныя за кабаками, за торгомъ, за ябѣдами, за работою церьквей не знаютъ, о покаяніи ниже помышляютъ, таинъ святыхъ не причащаются. Отче нашъ, Богородице Дѣво прочитать не умѣютъ, а другаго писанія ниже спрашивай; а у всякаго вмѣсто писанія во устѣхъ хула, клевета, сквернословіе, на языцѣ обманъ, сердце исполненно коварства, помышленій лукавыхъ, во очесѣхъ зависть, руцѣ грабленіемъ сляченны, нозѣ скорошествуютъ на зло. Се ли любовь къ Богу? се ли Христіанская должность?

А о любви ближняго и спрашивать нѣчего. Вся наша любовь въ коварной политикѣ, какъ ласково встрѣтить, довольно угостить, учтиво проводить, пріятныя письма, сладкія слова, низкія поклоны, частыя стаканы, непрестанныя репетиціи: здравствуй, здравствуй; и сердцемъ хотя бы и на свѣтѣ не было, а и въ будущемъ бы вѣцѣ покою не обрѣсти. Словомъ обѣщаетъ: я твой истинный другъ, всегдашный любитель, вѣрный слуга, а дѣломъ враждую, ненавижду, злодѣйствую; и таковымъ лукавствомъ подъ образомъ любви души незлобивыя, благочестивыя, христіанскія, которыя коварства познать не могутъ, уловляются и въ ровъ погибели вергаются. Люблю ближняго: а аще малымъ чимъ мене оскорбитъ или словомъ досадитъ—во вѣки злобствуемъ, во вѣки не примирительны, до гроба не забываемъ, готовы за едино слово погубить. А часто бываетъ, что ближній мой ничимъ меня оскорбилъ, благочестно живетъ, никого не обидитъ, должность свою изрядно правитъ; а мы завистію горимъ паче огня геенскаго, славу его терзаемъ, честь его поносимъ, криво о немъ толкуемъ; только вины, что славенъ, честенъ, Богъ его произвелъ; гдѣ бы радоваться и Бога хвалити, что братъ нашъ прославляется— тако сѣтуемъ, тоскуемъ, печалимся о чуждемъ добрѣ; ради бы, чтобы имя его не помянулося; и симъ ядомъ наполненныи, глаголю, завистію, самыхъ себѣ снѣдаемъ, ни сродныхъ познаемъ, ни благодѣянія помнимъ, ни достойнаго почитаемъ, ни заслуженному честь воздаемъ, ни добродѣтельнаго хвалимъ, но всякаго добраго имя руганіемъ, клеветою терзаемъ, угрызаемъ, на славѣ убиваемъ, всегда чуждыя пороковъ сучки ломаемъ, а своихъ беззаконій цѣлыхъ бревенъ не видимъ. Люблю ближняго: а кому честь или правительство вручится, не разсуждаетъ сего, что власти отъ Бога учинены не на инный конецъ, токмо благотворить ближнимъ, помощи бѣднымъ, заступити обидимыхъ, защитить правду; сего и не мыслитъ, и говорити съ бѣднымъ не хощетъ, но аки Фараонъ гордится, честію тѣшится, славою веселится, радуется, что вси его почитаютъ, кланяются, боятся, крутитъ, вертитъ, а сего не слышитъ— всяка слава человѣка, яко цветъ травный; изсше трава и цвѣтъ ея отпаде. Правосудіе ли тамъ присмотрится! въ передней избѣ часовъ пять постой, да заутра пріиди, больши не жди. Милости ли сыскать? съ ногъ до головы одерутъ; не срачицу, но и кожу готовы снять; а когда станешь больше правды искать, то и въ сибирскихъ странахъ мѣста не сыщешъ. А сего не помнитъ, что единаго естества, единаго создателя дѣло, единыя вѣры, братъ нашъ, удъ нашъ, единыя благодати удостоенъ, равно кровію хрістовою искупленъ, но за муху вмѣняютъ. Какъ таковый со псаломникомъ возглаголетъ: милость и судъ воспою тебѣ, Господи? а ему уже судъ безъ милости, не сотворшему милости, готовится. Мечь творящаго судъ обидимымъ надъ главою его виситъ. Но что еще пострадаетъ въ день страшнаго суда, егда открыетъ праведный судія дѣянія, совѣты, помышленія, возопіютъ вси презрѣнніи, обижденніи, милости лишенніи: доколѣ, Владыко свя-

тый, не мстиши обиды нашея? О горе! о люте! абие декретъ оный изречется неключимому рабу: свяжите руцѣ и нозѣ, и ввержите во тму кромѣшную, идѣже будетъ плачъ и скрежетъ зубомъ. Люблю ближняго: а богатство кому попадется — незнаетъ, что не его злато, не его сребро, но Божіе; онъ токмо строитель Божіяго имѣнія поставленъ, да помогаетъ въ нуждѣ сущимъ, и за сіе мзду економства своего въ день судный воспріиметъ, и желаемый оный гласъ услышитъ: благій рабе и вѣрный, о малѣ ми былъ еси вѣренъ, надъ многими тя поставлю, вниди въ радость Господа твоего. А онъ, какъ неключимый рабъ, такими стѣнами и замками оградитъ, не токмо кому подать, но и посмотрить ни кого несподобитъ, рубля безъ процента не дастъ, полушки бѣдному въ руки не вложитъ, и самъ хлѣба въ сладость не вкуситъ, дрожитъ, ночи не спитъ, какъ бы утраты не здѣлалося; а сего не слышитъ: безумне, въ сію нощь душу твою истяжутъ отъ тебе, а яже уготовалъ еси, кому будутъ? Православніи христіане, любимъ Бога, любимъ ближняго; а колико между нами лихоимцевъ, грабителей, сребролюбцовъ, обидниковъ, ябѣдниковъ, славолюбцовъ, ласкателей, воровъ, раскольниковъ, прелюбодѣевъ, волшебниковъ, костоводовъ, обманщиковъ, клеветниковъ, убійцевъ, гордыхъ, немилостивыхъ, льстецовъ, родителей не почитающихъ, еретиковъ, безбожниковъ! Таковіи вси противницы Богу и враждебницы ближнему, таковыхъ христіянъ довольно будетъ въ геенской безднѣ, довольно будетъ въ тартарскихъ мѣстахъ. Се ли христіанская должность! се ли Евангельская жизнь! се ли Апостольская проповѣдь! се ли святыхъ отецъ ученіе! Вси знаютъ, что Евангеліе гремитъ, пророческія книги вопіютъ, Апостольская посланія истинной Христіанской жизни обучаютъ, отеческая писанія во правѣхъ христіанскихъ утверждаютъ,—ни кто не слушаетъ, ни кто не внимаетъ. Добрѣ Христосъ Господь у Луки святаго глаголешъ: аще кто (Луки гл. 16) отъ мертвыхъ воскреснетъ, не имутъ вѣры. А я уже всуе простираю слова: аще Христу, Апостоломъ не вѣрятъ; а мнѣ, послѣдней спицѣ въ колесницѣ, а не проповѣднику, кто повѣритъ? Лучше молчать: кто меньше правды говоритъ, милѣе живетъ.

Но прошло уже, слышателіе, тое желѣзное время, въ немже неправда царствовала, а правда за карауломъ сидѣла, и слово Божіе вязалося, и путь въ царствіе небесное заключался, истинныя догматы, ведущія въ жизнь вѣчную, не слышалися, а соблазны и блеванія на православную церьковь въ погибель многимъ всюду прославлялися, пастыріе молчали, проповѣдницы боялися. А нынѣ златыя времена, времена Константіна Великаго, времена Өеодосіа царя благочестиваго, времена Пульхеріи и Ірины, царицъ защищающихъ благочестивую вѣру. Царствуетъ надъ нами Благочестивѣйшая, самодержавнѣйшая, Великая Государыня Імператрица Елисавета Петровна, и Дщерь и Внука и правнука Імператоровъ Благочестивыхъ, воистинну Греческаго исповѣданія. Только пріиде къ намъ, а съ нею пріидоша вся благая; пріиде къ намъ, абіе устраши развратниковъ вѣры православныя, утверди благочестіе, отверзе слово Божіе— уже теперь не вяжется, отверзе дверь проповѣди—всюду истинно глаголется, всюду правда не молчится. Кто нынѣ возгордится и облѣнится слышати слово Божіе и правду его, аще сама Всепресвѣтлѣйшая Монархиня, хотя правленіемъ всецѣлаго государства утружденна, всегда слово Божіе слышати желаетъ, и слушая не скучаетъ; вѣдаетъ, что словеса Господня—словеса чиста, сребро разженно, очищенно земли, искушено седмерицею; вѣдаетъ, что законъ устъ Господнихъ благъ есть, паче тысящь злата и сребра; вѣдаетъ, что глаголы Христовы—глаголы суть живота вѣчнаго; вѣдаетъ, что не о хлѣбѣ единомъ живъ человѣкъ будетъ, но о всякомъ

глаголѣ, исходящемъ изо устъ Божіихъ. Сіе мы видѣвши, что сама глава наша раченіе о словѣ Божіи, ревность ко правдѣ имать, въ сіе ли благополучное время умолчимъ? да не будетъ. Но аще мы умолчимъ, камени возопіютъ.

(Всѣ эти проповѣди перепечатаны изъ Историч. христоматіи Галахова).

VII. СУМАРОКОВЪ (1718—1777)

ХОРЕВЪ, трагедія (1747).

Содержаніе. Дѣйствіе происходитъ въ Кіевѣ, въ Княжескомъ домѣ, въ баснословныя времена Кія. Въ первомъ актѣ мы знакомимся съ Оснельдою, дочерью прежняго Кіевскаго владѣтеля Завлоха, которая, послѣ пораженія отца своего и овладѣнія городомъ его Кіевомъ, осталась во власти побѣдителя—Кія. Дѣйствіе открывается тѣмъ, что Завлохъ подступилъ къ городу съ войскомъ, и Кій хочетъ освободить свою плѣнницу и выдать ее отцу. Оснельда и желаетъ и не желаетъ этой свободы. Она повѣряетъ мамкѣ своей Астрадѣ тайну своего сердца, любовь къ молодому брату врага своего рода, Хореву. Она разсказываетъ борьбу въ душѣ своей, борьбу между долгомъ и любовію. Это первая трагическая коллизія. Является Хоревъ, и она открываетъ ему свою преступную любовь. Въ груди Хорева таже борьба: онъ страстно любитъ Оснельду, а братъ и Государь его посылаетъ сражаться съ отцомъ ея.—Во *второмъ* актѣ, гдѣ начинается собствено уже дѣйствіе трагедіи, Стальверхъ, бояринъ и наперсникъ Кія, вливаетъ въ душу его подозрѣнія на счетъ Хорева, разсказывая о любви его къ Оснельдѣ. Хоревъ уговариваетъ брата на миръ и на прекращеніе войны, съ которой борется его сердце, но, наконецъ, убѣжденный сознаніемъ долга, идетъ къ войску. Оснельдѣ повѣряетъ онъ внутреннюю борьбу свою, говоритъ ей, съ какимъ тяжелымъ чувствомъ идетъ противъ отца ея.—Въ *третьемъ* актѣ Оснельда получаетъ письмо отъ отца, которымъ онъ запрещаетъ ей любить Хорева, и въ отчаяніи хочетъ лишить себя жизни, но Астрада удерживаетъ занесенный кинжалъ. Приходитъ Хоревъ и узнаетъ о содержаніи письма. Въ разговорѣ съ Оснельдою онъ опять разсказываетъ борьбу свою, но долгъ одолѣваетъ и когда наперсникъ его приходитъ съ вѣстью о начавшемся подъ стѣнами Кіева сраженіи, онъ спѣшитъ, скрѣпя сердце, къ оружію —*Четвертый* актъ открывается побѣдою Хорева надъ Завлохомъ и Кій уже вѣритъ въ правоту своего брата, какъ вдругъ является Стальверхъ съ донесеніемъ о томъ, что Велькаръ, наперсникъ Хорева, освободилъ именемъ Кія изъ темницы плѣннаго и посылаетъ его съ письмомъ Оснельды во вражескій станъ. Призванный плѣнникъ подтверждаетъ это обстоятельство, говоря, что княжна велѣла ему объявить отцу ея, что она надѣется взойти на Кіевскій тронъ. Кій рѣшается отравить Оснельду и велитъ надѣть на нее оковы. Напрасно призванная плѣнница, осыпаемая упреками Кія, старается оправдать и защитить предъ нимъ брата его. Кій не вѣритъ, отсылаетъ ее въ темницу и велитъ Стальверху подать ей кубокъ съ ядомъ.—Въ *пятомъ* актѣ дѣйствіе послѣ монолога Кія открывается приходомъ наперсника Хорева съ мечомъ плѣннаго Завлоха. Кій вѣритъ наконецъ невинности брата, спѣшитъ послать къ Оснельдѣ и поздравить се невѣстою княжескою, но посланный застаетъ ее уже мертвою. Между тѣмъ является Хоревъ съ Завлохомъ, который соглашается на бракъ своей дочери съ Хоревомъ, но вдругъ приносится извѣстіе о самоубійствѣ Стальверха. Кій долженъ разсказать о смерти Оснельды, и Хоревъ, послѣ длинныхъ тирадъ, закалывается. Смертью его оканчивается трагедія (Сумароковъ Булича стр. 132—145).

ДѢЙСТВІЕ II. ЯВЛЕНІЕ 2.

Кій и Хоревъ.

Кій. О Князь! наслѣдникъ трона!
Жезлъ старости моей! страны сей оборона!
Примай оружіе, се долгъ тебя зоветъ,
И слава на поляхъ тебя съ побѣдой ждетъ,
Котора много разъ вѣнцы тебѣ сплетала,
Когда твоя рука въ народы смерть метала,
Вели въ трубы гласить, и на враговъ возстань,
Кинь въ вѣтры знамена и изходи на брань.
Ступай, и побѣди, и возвратися славно,
Какъ съ Скиѳскія войны подъ лаврами недавно.
Но кая темна мысль теперь твой взоръ мрачитъ?
Хоревъ. Никая, я готовъ куды мой Князь велитъ.
Ты съ юности моей отцомъ мнѣ назывался,
И въ милостяхъ прямыхъ родителемъ казался.
Въ наукѣ бранной ты мнѣ самъ наставникъ былъ,

Я имя славное тобою получилъ.
И ты пять лѣтъ мнѣ самъ свидѣтель былъ вседневно,
Страшился ль я враговъ во время гнѣвно,
Какъ сталъ ты немощенъ, я твой намѣстникъ сталъ,
И воинствомъ уже я самъ повелѣвалъ.
Въ трудахъ и подвигахъ возросъ и укрѣпился,
И безпокойствовать безскучно научился.
Но сколько воиновъ смерть алчна пожрала?
Возбудитъ ли вдовамъ супруговъ ихъ хвала,
Что въ мужествѣ своемъ съ мечьми въ рукахъ заснули,
И трупы ихъ въ крови противничей тонули?
Колико въ снѣдь звѣрямъ отцовъ, супруговъ, чадъ
Повержено мечемъ? колико душъ взялъ адъ?
Когда на жертву насъ злой смерти долгъ приноситъ
Помремъ; но жертвы сей теперь она не проситъ.
Когда народъ спасти не можно безъ нея,—
Мы въ пропасть снидемъ всѣ, и первый сниду я:
А есть ли базъ того возможно пребывати,
Почто, скажи, почто безъ нужды умирати?
Кій. Когда Завлохъ дерзнулъ сей городъ осадить,
Инова средства нѣтъ спокойство получить.
Хоревъ. Онъ дщери своея отъ насъ желаетъ,
А протчее намъ все безбранно оставляетъ,
Ты самъ предъ симъ часомъ людей своихъ щадилъ.
Что сталося, что вдругъ ты мысль перемѣнилъ!
Кій. Нѣтъ, князь пойтить на брань не ту вину имѣешь,
Что ты о воинствѣ печешься и жалѣешь.
Явижу мысль твою и чту въ умѣ твоемъ,
О чемъ ты сѣтуешь, въ смятеніи своемъ.
Ты хочешь чтобъ Княжна свободу воспріяла.
Хоревъ. Хотя бы и того душа моя желала,
Чтобъ намъ въ спокойствіи, а ей въ свободѣ жить,—
Желаньемъ симъ могуль тебя я прогнѣвить?
Щедрота похвалы въ побѣдахъ умножаетъ,
И человѣчество въ герояхъ оставляетъ.
Или подобиться, во бранныхъ дѣйствахъ намъ,
Въ пустыняхъ ужасно воющимъ звѣрямъ,
Которы ни какой пощады не имѣютъ?
Не ихъ примѣры намъ во браняхъ быть довлѣютъ.
Довольно въ варварствѣ мы кровь свою піемъ,
Когда по должности другъ друга мы біемъ,
И защищеніе съ отмщеніемъ мѣшаемъ.
Подъ видомъ мужества мы звѣрство почитаемъ.
Какое имя ты, лесть груба, злу дала?
Убійство и грабежъ геройствомъ назвала!
Мы брани окончавъ, отмстительны въ удачѣ,
Не попечительны, зря бѣдныхъ въ горькомъ плачѣ,
Чувствительны всегда, ненасытимы вѣкъ.
Каковъ вамъ кажется, о боги, человѣкъ?
Почто вы такова его природѣ дали?
Въ такомъ ли образѣ его вы созидали?
Ахъ! нѣть, не можетъ быть; конечно божество
Иное тщилось въ немъ устроить естество:
Но нѣкая ему противящася сила
Толико мерзско насъ предъ нимъ преобразила.
Внемли, вѣтръ бурный, стонъ нещастливой души,
Оснельдинъ жалкій гласъ, и небесамъ внуши,

Воскликни истину въ селеніяхъ воздушныхъ,
И жалобой трони боговъ великодушныхъ.
Кій. Она Завлоху дщерь, весь родъ ихъ истребленъ,
А ею можетъ быть опять возстановленъ.
Кто знаетъ, что она отмщеніе забудетъ?
И можетъ быть супругъ ея таковъ мнѣ будетъ,
Какъ иногда былъ ты трепещущимъ ордамъ,
Бѣгущимъ отъ тебя по блатамъ и лѣсамъ,
Хоревъ. Народъ нашъ наученъ надежно побѣждати,
Какой опасности отъ нихъ намъ ожидати?
Кій. Не внемлю ничего, ступай въ сей часъ за градъ;
Какъ хочешь мечь простри—напредъ или назадъ.
Коль хочешь измѣнять, такъ измѣняй скорѣе,
Когда врагъ общества тебѣ всего милѣе.
Хоревъ. Какая вышла рѣчь ко мнѣ изъ устъ твоихъ?
Я подозрѣніевъ достоинъ ли такихъ?
За что, любезный братъ, ты такъ мнѣ премѣнился?
Когда бывало то, что бы на мя озлился?
Не жди, о государь! Хоревовыхъ измѣнъ:
Въ сей часъ, въ сей злѣйшій часъ иду изъ градскихъ стѣнъ.
И ежели рука не дрогнетъ среди бою,
Узришь мя подъ стѣной съ Завлоховой главою.
Разгнѣванный перунъ, къ чему я приведенъ!
Смущается мой духъ, и умъ мой раздѣленъ.
Кій. Ступай, и оправдись, въ чемъ я подозрѣваю;
Я жизнь тебѣ и честь еще вручить дерзаю,
Хоревъ. Ты вскорѣ разберешь, о Князь! вину мою,
Когда я за тебя всю кровь мою пролью,
Увидишь, знала ли душа моя обманы,
Какъ станешь изчислять мои кровавы раны,
И будешь отмщевать тому, кто насъ смутилъ,
И прежней милости твоей меня лишилъ.

Эпистола къ неправеднымъ судьямъ. (1759.)

О вы, хранители уставовъ и суда,
Для отвращенія отъ общества вреда,
Которы силою и должностію власти
Удобны отвращать и приключить напасти,
И не жалѣете невинныхъ поражать!
Случилось ли себѣ вамъ то воображать,
Колико тягостно вамъ кланяться напрасно,
Молитвы принося, какъ Богу повсечасно
Противъ васъ яростью по правости кипѣть
И въ сердцѣ то скрывать, сердиться и терпѣть?
Иль вы не помните, въ ожесточеньи тверды,
Что Вышній справедливъ, а вы немилосерды?
Иль вы не вѣрите, что Богъ неправду мститъ,
И вамъ стенаніе невинныхъ отплатитъ?
Иль вы забыли то, что время скоротечно,
И что и на земли намъ щастіе не вѣчно?
Неправду видитъ Богъ, и внемлетъ бѣдныхъ стонъ:
Что вы ни мыслите, о всемъ извѣстенъ Онъ;
А что творите вы, такъ то и люди знаютъ,
Которыя отъ васъ отчаянно стонаютъ.

Четыре отвѣта (1759.)

Ты спрашиваешь меня, мой другъ, и задаешь четыре мнѣ вопроса: что бы я дѣлалъ: 1) ежели бы я былъ малой человѣкъ и малой господинъ; 2) ежели бы я былъ великой человѣкъ и малой господинъ; 3) ежели бы я былъ великой че-

ловѣкъ и великой господинъ; 4) ежели бы я былъ малой человѣкъ и великой господинъ. На первой вопросъ я отвѣчаю: всѣ бы мѣры употребилъ я ознакомиться въ домахъ знатныхъ господъ и сильныхъ властію людей, не пропустилъ бы ни одного праздника, что бъ не обѣжать города, разнося поздравленіе, ходилъ бы по переднимъ комнатамъ знатныхъ господъ на цыпочкахъ, и подчивалъ бы камердинеровъ ихъ табакомъ; научился бы въ карты играть во всѣ игры, ибо, играя въ карты, можно съ первымъ господиномъ сѣсть о плечо, и плечо и мѣсто, чтобъ говорить, весь низко нагибаяся: доношу вашему Высопревосходительству о такомъ и такомъ дѣлѣ, сказать ему прибодрившись: у васъ тринадцать, а у меня четырнадцать. Не спорилъ бы я ни о чемъ и говорилъ бы только: такъ, конечно такъ, всеконечно такъ, превсеконечно такъ, превсеконечнѣйше такъ. Сказывалъ бы всему свѣту, какъ тотъ и тотъ знатной господинъ со мною милостиво поговорилъ, а ежели бы когда не достало истины, такъ бы я дополнялъ ложью; да и ничто не украшаетъ такъ рѣчи какъ ложь: стихотворцы тому свидѣтели. А наконецъ покорствомъ и лестію испросилъ бы я себѣ нажиточное мѣсто, а лутче всево поѣхалъ бы я на воеводство; ибо сія должность нажиточна, почтенна и легка. Нажиточна, что всѣ дарятъ; почтенна, что всѣ кланяются, легка, что очень мало дѣла, да и то обыкновенно исправляетъ Секретарь или съ приписью подъячій, а они такъ же люди присяжные и положиться на нихъ безовсякаго сумнѣнія можно. И подъячій отъ того же созданъ Бога, отъ котораго человѣкъ: такъ суемудренно сіе мнѣніе, что подъяческая душа не можетъ имѣть добродѣтели. Я думаю, что между человѣка и между подъячева разности мало, и гораздо менше нежели подъячева и между другой какой твари. Ежели бы я былъ великой человѣкъ и малой господинъ,—я бы, по многомъ моемъ стараніи показывать моему отечеству и свѣту услуги, никово бы никакою докукою не отягощалъ, и полагалъ бы надежду на достоинство свое и на заслуги отечеству; а когда въ томъ обманулся, то бы я по многомъ своемъ терпѣніи сошелъ съ ума и былъ бы такой человѣкъ, какіе не только ни чево не дѣлаютъ, но и ни о чемъ не думаютъ. Ежели бы я былъ великой человѣкъ и великой господинъ, — я бы неусыпно старался о благополучіи моего отечества, о приращеніи наукъ, о возбужденіи добродѣтели и достоинства, о награжденіи заслугъ, о утоленіи пороковъ и о истребленіи беззаконія, о приращеніи наукъ, о умаленіи цѣны необходимыхъ жизни человѣческой вещей, о наблюденіи правосудія, о наказаніи за взятки, грабительство, разбойничество и воровство, о уменшеніи лжи, лести, лицемѣрія и пьянства, о изгоненіи суевѣрія, о уменьшеніи не надобнаго обществу великолѣпія, о уменшеніи картежной игры, чтобъ она не отнимала у людей полезнаго времени, о воспитаніи, о учрежденіи и порядкѣ училищей, о содержаніи исправнаго войска, о презрѣніи буянства, петиметерства и искорененіи тунеядства. А еже ли бы я былъ малой человѣкъ и великой господинъ, такъ бы жилъ великолѣпно: ибо такое великолѣпіе рѣдко великой душѣ свойственно бываетъ; а что бы я дѣлалъ, етова я не скажу.

Басни.

А. ПРОТОКОЛЪ.

Укралъ подъячій протоколъ:
А я не лицемѣрю,
Что етому не вѣрю.
Впадетъ ли въ таковой расколъ
Душа такова человѣка!
Подъячіи тово не дѣлали въ вѣкъ вѣка,
И можетъ ли когда имѣть подъячій страсть,
Чтобъ сталъ онъ красть!
Нѣтъ, я не лицемѣрю,
Что этому не вѣрю:
Подъяческа душа

Гораздо хороша.
Да правда говоритъ гораздо краснорѣчно:
Увѣрила меня, что было то конечно:
У правды мало вракъ;
Неспорю: было такъ.
Судья тово приказа
Былъ добрый человѣкъ:
Да лишь во весь онъ вѣкъ
Не выучилъ ни одново указа.
Однако осудилъ за протоколъ
Подъячева на колъ.
Хоть ето строго,
Да не гораздо много.
Мнѣ жалко только то: подъячій мой
Оттоль не принесетъ полушички домой.
Подъячій нѣсколько въ лицѣ перемѣнился,
И извинился,
На милосердіе судью маня,
И говорилъ: попуталъ чортъ меня!
Судья на то: такъ онъ теперь и оправдался;
Я пра во етова, мой другъ, не дожидался—
За протоколъ
Ево поймать и посадить на колъ.
Однако ты, судья, хоть городъ весь изрыщешъ,
Не скоро чорта сыщешъ;
Пожалуй, справокъ ты не умножай
Да етова на колъ сажай.

б. совѣтъ боярской.

Надежныхъ не было лѣсовъ, луговъ и пашни:
Доколѣ небылъ данъ
Россіи Іоаннъ,
Великолѣпныя въ кремлѣ воздвигшій башни.
Въ Россіи небыло спокойнаго часа:
Опустошались нивы
И были въ пламени лѣса:
Татары бодрствуя, несясь подъ небеса,
Зря, сколь лѣнивы
Ийти, во праздности живущія, на брань.
И тѣ съ насъ брали дань,
Которыя уже возрѣть тогда не смѣютъ,
Какъ наши знамена явятся и возвѣютъ.
Они готовы нынѣ намъ,
Какъ мы имъ были, во услугу.
Не все на свѣтѣ быть единымъ временамъ.
Несутъ Татара страхъ Россійскимъ сторонамъ,
И разорили ужъ и Тулу и Калугу;
Предъ Россами они въ сіи дни грязь и прахъ,
Однако нанесли тогда Россіи страхъ,
Уже къ Москвѣ подходятъ,
И жителей Москвы ко трепету приводятъ.
Татара многажды съ успѣхами дрались.
Бояра собрались
Ко совѣщанію на разныя отвѣты,
И дѣлаютъ совѣты;
Въ совѣтѣ томъ бояринъ нѣкій былъ:
Отъ старости сей мужъ, гдѣ Крымъ лежитъ, забылъ.
Бояра
Внимаютъ мужа стара;
А онъ спросилъ у нихъ: отколь идутъ Татара?
Съ полудни, говорятъ.—Гдѣ полудень? я не знаю.—
Отъ Тулы ихъ походъ.—Я ето вспоминаю;
Бывалъ я нѣкогда съ охотой псовой тамъ,
И много заяцовъ весьма по тѣмъ мѣстамъ.
Я вамъ вѣщаю
Въ отвѣтъ,
И мнѣніе свое вамъ ясно сообщаю:
Въ Татарской мнѣ войнѣ ни малой нужды нѣтъ,
И больше ничево сказать не обѣщаю.
Меня Татаринъ не сожжетъ
И мнѣ не здѣлаетъ.... увѣчья
Среди Замоскворѣчья.
Распоряжайте вы, а мой совѣтъ такой:
Мой домъ не за Москвой рѣкой.

VIII. ФОНВИЗИНЪ.

(ум. 1792).

БРИГАДИРЪ. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ (1764).

дѣйствующія лица. Бригадиръ, жена его и сынъ отъ перваго брака Иванушка; Совѣтникъ,

Совѣтница и Софья, дочь ихъ; Добролюбовъ, котораго любитъ Софья. Отношенія между ними слѣдующія: Бригадиръ и Иванушка любятъ Совѣтницу, скрывая другъ отъ друга свою любовь. Съ своей стороны Совѣтникъ любитъ Бригадиршу. Отецъ и мать намѣреваются женить Иванушку на Софьѣ, а они сами этого не хотятъ: Иванушка потому, что не хочетъ стѣснять себя семейнымъ узами, Софья желаетъ выйти за Добролюбова, но не надѣется на согласіе родителей, потому что Добролюбовъ бѣденъ, пока не выиграетъ своего тяжебнаго дѣла. Завязка распутывается слѣдующимъ образомъ: случайно попавши на объясненіе въ любви, Бригадиръ узнаѐтъ о любви Иванушки къ Совѣтницѣ, а Совѣтникъ о любви Бригадира къ ней же. Между семействами происходитъ открытая ссора, вслѣдствіе которой становится уже невозможною женитьба Иванушки и Софьи. А такъ какъ въ это время и Добролюбовъ, выигравши тяжбу, дѣлается богатъ, Совѣтникъ охотно выдаетъ за него дочь.

ДѢЙСТВІЕ 1.

Явленіе первое

Театръ представляетъ комнату, убранную подеревенски. Бригадиръ, въ сюртукѣ ходитъ и куритъ табакъ, сынъ его въ дезабилье, кобеняся, пьетъ чай. Совѣтникъ въ казакинѣ смотритъ въ календарь. По другую сторону стоитъ столикъ съ чайнымъ приборомъ, подлѣ котораго сидитъ Совѣтница въ дезабилье и корнетѣ, и жеманяся чай разливаетъ. Бригадирша сидитъ одаль и чулокъ вяжетъ, Софья также сидитъ одаль и шьетъ въ тамбуръ.

Совѣтникъ *(смотря въ календарь)*. Такъ ежели Богъ благословитъ, то двадцать шестое число быть свадьбѣ.

Сынъ. Hélas!

Бригадиръ. Очень изрядно, добрый сосѣдъ. Мы хотя другъ друга и недавно узнали, однако это не помѣшало мнѣ, проѣзжая изъ Петербурга домой, заѣхать къ вамъ въ деревню съ женою и съ сыномъ. Такой Совѣтникъ, какъ ты, достоинъ быть другомъ отъ арміи Бригадиру, и я началъ уже со всѣми вами обходиться безъ чиновъ.

Совѣтница. Для насъ, сударь, фасоны не нужны. Мы сами въ деревнѣ обходимся со всѣми безъ церемоніи.

Бригадирша. Ахъ! мать моя! да какая церемонія межъ нами, когда *(указывая на Совѣтника)* хочетъ онъ выдать за нашего Иванушку дочь свою, а ты свою падчерицу, съ Божіимъ благословеніемъ? а чтобъ лучше на него, Господа, положиться было можно, то даете вы ей и родительское свое награжденіе. На что тутъ церемонія?

Совѣтница. Ахъ! сколь счастлива дочь наша! она идетъ за того, который былъ въ Парижѣ. Ахъ, радость моя! я довольно знаю, каково жить съ тѣмъ мужемъ, который въ Парижѣ не былъ.

Сынъ *(вслушавшись приподнимаетъ шишку колпака)*. Madame! я благодарю васъ за вашу учтивость. Признаюсь, что я хотѣлъ бы имѣть и самъ такую жену, съ которою бы я говорить не могъ инымъ языкомъ, кромѣ Французскаго. Наша жизнь пошла бы гораздо счастливѣе.

Бригадирша. О! Иванушко! Богъ милостивъ. Вы конечно станете жить лучше нашего. Ты слава Богу, въ военной службѣ не служилъ, и жена твоя не будетъ ни таскаться по походамъ безъ жалованья, ни отвѣчать дома за то, чѣмъ въ строю мужа раздразнили. Мой Игнатій Андреевичъ вымѣщалъ на мнѣ вину каждаго рядоваго.

Бригадиръ. Жена, не все ври, что знаешь.

Совѣтникъ. Полно сосѣдушко. Не грѣши ради Бога. Не гнѣви Господа. Знаешь ли ты, какую разумную сожительницу имѣешь? Она годится быть Коллегіи Президентомъ. Вотъ какъ премудра Акулина Тимоѳеевна.

Бригадиръ. Премудра! вотъ на, сосѣдушко! Ты, жалуя насъ, такъ говорить изволишь, а мнѣ кажется, будто премудрость ея очень на глупость походитъ. Иное дѣло твоя Авдотья Потапьевна. О! я сказать ей могу, въ глаза и за глаза, что ума у нея цѣлая палата. Я мущина и Бригадиръ, однако ей-ей радъ бы потерять всѣ мои патенты на чины, которые купилъ я кровію моею, лишь бы только имѣть разумъ ея Высокородія.

Сынъ. Dieu! Сколько прекрасныхъ комплиментовъ, батюшко! тесть! матушка!

теща! А сколько умовъ—голова головы лучше.

Совѣтникъ. А я могу и о тебѣ также сказать, дорогой зятюшко, что въ тебѣ путь будетъ. Прилежи только къ дѣламъ, читай больше.

Сынъ. Къ какимъ дѣламъ? что читать?

Бригадиръ. Читать? Артикулъ и Уставъ военной; не худо прочесть также Инструкцію межевую молодому человѣку.

Совѣтникъ. Паче всего изволь читать Уложеніе и указы. Кто ихъ, будучи судьею, толковать умѣетъ, тотъ, другъ мой зятюшко, нищимъ быть не можетъ.

Бригадирша. Не худо пробѣжать также и мои расходныя тетрадки. Лучше плуты люди тебя не обманутъ. Ты тамо не дашь уже пяти копеекъ, гдѣ надобно дать четыре копейки съ денежкой.

Совѣтница. Боже тебя сохрани отъ того, чтобъ голова твоя наполнена была инымъ чѣмъ, кромѣ любезныхъ романовъ! Кинь, душа моя, всѣ на свѣтѣ науки. Не повѣришь, какъ такія книги просвѣщаютъ. Я, не читавъ ихъ, рисковала бы остаться на вѣки дурою.

Сынъ. Madame, вы говорите правду. О! vous avez raison. Я самъ кромѣ романовъ ничего не читывалъ, и для того-то я таковъ, какъ вы меня видите.

Софья *(въ сторону).* Для того-то ты и дуракъ.

Сынъ. Mademoiselle, что вы говорить изволите?

Софья. То что я о васъ думаю.

Сынъ. А что бы это было? je vous prie, не льстите мнѣ.

Совѣтникъ. Оставь ее, зятюшко. Она, не знаю, о чемъ-то съ ума сходитъ.

Бригадиръ. О! это пройдетъ. У меня жена предъ свадьбою недѣли полторы безъ ума шаталась, однако послѣ того лѣтъ десятка съ три въ такомъ совершенномъ благоразуміи здравствуетъ, что никто того и примѣтить не можетъ, чтобъ она когда нибудь была умнѣе.

Бригадирша. Дай Богъ тебѣ, батюшко, здоровье! Продли Богъ твои вѣки! а я, съ тобой живучи, ума не потеряла.

Совѣтникъ. Всеконечно, и мнѣ весьма пріятно, что дочь моя имѣть будетъ такую благоразумную свекровь.

Совѣтница *(вздыхаетъ).* Для чего моей падчерицѣ и не быть вашею снохой? Мы всѣ дворяне. Мы всѣ равны.

Сов-къ. Она правду говоритъ. Мы равны почти во всемъ. Ты, любезный другъ и сватъ, точно то въ военной службѣ, что я въ статской. Тебѣ еще до бригадирства распроломали голову; а я до совѣтничества въ Москвѣ ослѣпъ въ Коллегіи. Въ утѣшеніе осталось только то, что меня благословилъ Богъ достаточкомъ, которой нажилъ я въ силу указовъ. Можетъ быть, я имѣлъ бы свой кусокъ хлѣба и получше, ежели бы жена моя не такая была охотница до корнетовъ, манжетъ и прочихъ вздоровъ, не служащихъ ни къ временному, ни къ вѣчному блаженству.

Сов-ца. Неужели ты меня мотовкой называешь, батюшко? опомнись. Полно скиляжничать. Я капабельна съ тобою развестись, ежели ты еще меня такъ шпетить станешь.

Сов-къ. Безъ власти Создателя и Святѣйшаго Сѵнода развестись намъ невозможно. Вотъ мое мнѣніе. Богъ сочетаетъ, человѣкъ не разлучаетъ.

Сынъ. Развѣ въ Россіи Богъ въ такія дѣла мѣшается? По крайней мѣрѣ, государи мои, во Франціи онъ оставилъ на людское произволеніе—любить, измѣнять, жениться и разводиться.

Сов-къ. Да то во Франціи, а не у насъ правовѣрныхъ; нѣтъ, дорогой зять! какъ мы, такъ и жены наши всѣ въ руцѣ Создателя. У него всѣ власы главы нашея изочтены суть.

Бр-ша. Вѣдь вотъ, Игнатій Андреевичъ, ты меня часто ругаешь, что я то и дѣло деньги да деньги считаю. Какъ же это? самъ Господь волоски наши считать изволитъ, а мы, рабы его, мы и деньги считать лѣнимся, деньги, которыя такъ рѣдки, что цѣлый парикъ изочтенныхъ волосовъ насилу алтынъ за тридцать достать можно.

Бр-иръ. Враки. Я не вѣрю, чтобъ

волосы были у всѣхъ считаны. Недиво, что наши сочтены. Я Бригадиръ, и ежели у пяти классовъ волосовъ не считаютъ, такъ у кого же и считать ихъ Ему?

Бр-ша. Не грѣши, мой батюшко, ради Бога. У Него генералитетъ, штабъ и оберъ-офицеры въ одномъ рангѣ.

Бр-иръ. Ай, жена! я тебѣ говорю не вступайся. Или я скоро сдѣлаю то, что и впрямъ на твоей головѣ нечего считать будетъ. Какъ бы ты Бога-то узнала побольше, такъ бы ты такой пустоши и не болтала. Какъ можно подумать, что Богу, который все знаетъ, не извѣстенъ будто нашъ табель о рангахъ? Стыдное дѣло.

Сов-ца. Оставьте такіе разговоры. Развѣ нельзя о другомъ дискютировать? Выбрали такую серьезную матерію, которой я не понимаю.

Бр-иръ. Я и самъ матушка не говорю того, чтобъ забавно было спорить о такой матеріи, которая не принадлежитъ ни до экзерциціи ни до баталій, и ничего такого, что бы....

Сов-къ. Что бы по крайней мѣрѣ хотя служило къ должности судьи, истца или отвѣтчика. Я самъ, правду сказать, неохотно говорю о томъ, о чемъ разговаривая не можно сослаться ни на указы, ни на Уложенье.

Бр-ша. Мнѣ самой скучны тѣ рѣчи, отъ которыхъ нѣтъ никакого барыша. *(Къ Совѣтницѣ)* Перемѣнимъ, свѣтъ мой, рѣчь. Пожалуй скажи мнѣ, что у васъ идетъ людямъ, застольное или деньгами? свой ли овесъ ѣдятъ лошади, или купленой?

Сынъ. C'est plus interessant.

Сов-ца. Шутишь, ра̀дость. Я почему знаю, что ѣстъ вся эта скотина?

Сов-къ *(къ женѣ)*. Не стыди меня. Матушка Акулина Тимоѳеевна! люди наши ѣдятъ застольное. Не прогнѣвайся на жену мою. Ей до того дѣла нѣтъ, хлѣбъ и овесъ я самъ выдаю.

Бр-ша. Такъ то у меня мой Игнатій Андреевичъ, ему ни до чего дѣла нѣтъ. Я одна хожу въ анбары.

Сов-къ *(въ сторону)*. Сокровище, а не женщина! какія у нея медоточивыя уста. Послушать и только, такъ рабъ грѣха и будешь: нельзя не прельститься.

Бр-иръ. Что ты это говоришь, сватъ? *(Въ сторону)*. Здѣшняя хозяйка не моей бабѣ чета.

Сов-къ. Хвалю разумное попеченіе твоей супруги о домашней экономіи.

Бр-ръ. Благодаренъ я за ея экономію. Она для нея больше думаетъ о домашнемъ скотѣ, нежели обо мнѣ.

Бр-ша. Да какъ же, мой батюшко? вѣдь скотъ самъ о себѣ думать не можетъ. Такъ не надобно ли мнѣ о немъ подумать? ты, кажется, и поумнѣе его, а хочешь, чтобы я за тобою присматривала.

Бр-ръ. Слушай жена. Мнѣ все равно, съ дуру ли ты врешь, или изъ ума; только я тебѣ при всей честной компаніи сказываю, чтобъ ты больше рта не отворяла. Ей! ей! будетъ худо.

Сынъ. Mon père! не горячитесь.

Бр-ръ. Что не горячитесь?

Сынъ. Mon père! я говорю не горячитесь.

Бр-ръ. Да перваго-то слова, чортъ-те знаетъ, я не разумѣю.

Сынъ. Ха, ха, ха, ха, теперь, я сталъ виноватъ въ томъ, что вы по Французски не знаете.

Бр-иръ. Экъ онъ горло-та распустилъ. Да ты, смысля по Русски, для чего мелешь то, чего здѣсь не разумѣютъ?

Сов-ца. Полно, сударь. Развѣ вашъ сынъ долженъ говорить съ вами только тѣмъ языкомъ, который вы знаете?

Бр-ша. Батюшко, Игнатій Андреевичъ, пусть Иванушко говоритъ какъ хочетъ. По мнѣ все равно. Иное говоритъ онъ кажется и по Русски, а я, какъ умереть, ни слова не разумѣю. Что и говорить? ученье свѣтъ, неученье тьма.

Сов-къ. Конечно, матушка! Кому Богъ открылъ грамоту, такъ надъ тѣмъ и сіяетъ благодать Его. Нынѣ, слава Богу, не прежни времена. Сколько грамотей у насъ развелось, и то то вѣдь кому Господь откроетъ. Прежде быва-

ло, кто писывали хорошо по Русски, такъ тѣ знавали грамматику, а нынѣ никто ея незнаетъ а всѣ пишутъ. Сколько у насъ исправныхъ секретарей, которые экстракты сочиняютъ безъ грамматики, любо-дорого смотрѣть. У меня на примѣтѣ есть одинъ, который что когда напишетъ, такъ иной ученый и съ грамматикою во вѣки того разумѣть не можетъ.

Бр-ръ. На что, сватъ, грамматика? я безъ нея дожилъ почти до шестидесяти лѣтъ, да и дѣтей взвелъ. Вотъ ужъ Иванушкѣ гораздо за двадцать; а онъ, въ добрый часъ молвить, въ худой помолчать, и не слыхивалъ о грамматикѣ.

Бр-ша. Конечно, грамматика не надобна. Прежде нежели ее учить станешь, такъ вѣдь ее купить еще надобно, заплатить за нее гривенъ восемь, а выучишь ли, нѣтъ ли, Богъ знаетъ.

Сов-ца. Чортъ меня возми, ежели грамматика къ чему нибудь нужна, а особливо въ деревнѣ. Въ городѣ покрайней мѣрѣ изорвала я одну на папильёты.

Сынъ. J'en suis d'accord, на что грамматика? Я самъ писывалъ тысячу бильеду, и мнѣ кажется, что свѣтъ мой, душа моя, adieu mareine, можно сказать, не заглядывая въ грамматику.

ДѢЙСТВІЕ 2-е.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Совѣтникъ и Софья.

Сов-къ. Поди сюда, Софьюшка. Мнѣ о многомъ съ тобою поговорить надобно.

Софья. О чемъ изволите, батюшка.

Сов-къ. Вопервыхъ: о чемъ ты печалишься?

Софья. О томъ, батюшко, что ваша воля съ моимъ желаніемъ несогласна.

Сов-къ. Да развѣ дѣти могутъ желать того, чего не хотятъ родители? Вѣдаешь ли ты, что отецъ и дѣти должны думать одинаково. Я не говорю о нынѣшнихъ временахъ: нынѣ все пошло но вое, а въ мое время, когда отецъ виноватъ бывалъ, тогда дерутъ сына; а когда сынъ виноватъ, тогда отецъ за него отвѣчаетъ: вотъ какъ въ старину бывало.

Софья. Слава Богу, что въ наши времена этого нѣтъ.

Сов-къ. Тѣмъ хуже. Нынѣ кто виноватъ, тотъ и отвѣчай, а съ инаго что ты содрать изволишь? На что и приказы заведены, ежели виноватъ только одинъ виноватой. Бывало....

Софья. А правому, батюшко, для чего жъ быть виноватымъ?

Сов-къ. Для того, что всѣ грѣшны человѣцы. Я самъ бывалъ судьею: виноватый, бывало, платитъ за вину свою, а правый за свою правду, и такъ въ мое время всѣ довольны были: и судья, и истецъ и отвѣтчикъ.

Софья. Позвольте мнѣ, батюшко, усомниться; я думаю, что правой конечно оставался тогда виноватымъ, когда онъ обвиненъ былъ.

Сов-къ. Пустое. Когда правой по приговору судейскому обвиненъ, тогда онъ уже сталъ не правой, а виноватый: такъ ему нечего тутъ умничать. У насъ указы потверже, нежели у челобитчиковъ. Челобитчикъ толкуетъ указъ на одинъ манеръ, то есть на свой, а нашъ братъ судья, для общей пользы, манеровъ на двадцать одинъ указъ толковать можетъ.

Софья. Чегожь наконецъ, батюшко, вы отъ меня желаете?

Сов-къ. Того, чтобы ты мой указъ идти замужъ толковала не по нашему судейскому обычаю, а шла бы за того, за кого я тебѣ велю.

Софья. Я вамъ должна повиноваться, только представьте себѣ мое несчастіе: я женою буду такого дурака, которой набитъ одпѣми французскими глупостями, которой не имѣетъ ко мнѣ не только любви, ни малѣйшаго почтенія.

Сов-къ. Да какого ты почтенія отъ него изволишь? Мнѣ кажется, ты его почитать должна, а не онъ тебя. Онъ будетъ главою твоею, а не ты его головою. Ты, я вижу, дѣвочка молодая и не читывала Священнаго Писанія.

Софья. По крайней мѣрѣ, батюшко, будьте вы въ томъ увѣрены, что онъ и васъ почитать не будетъ.

Сов-къ. Знаю, все знаю; однако твой женихъ имѣетъ хорошее достоинство.

Софья. Какое, батюшко?

Сов-къ. Деревеньки у него изрядныя. А если зять мой не станетъ рачить о своей экономіи, то я примусь за правленіе деревень его.

Софья. Я не думаю, чтобъ будущій мой свекоръ захотѣлъ васъ трудить присмотромъ за деревнями его сына. Свекровь моя также хозяйничать охотница; впрочемъ я ни чрезъ то, ни чрезъ другое, не выигрываю. Я привыкла быть свидѣтельницею доброй экономіи.

Сов-къ. Тѣмъ лучше. Ты своего не растеряешь, а это развѣ малое тебѣ счастье, что ты имѣть будешь такую свекровь, которая, мнѣ кажется, превосдитъ всяку тварь своими добротами.

Софья. Я, по несчастію моему, ихъ въ ней еще примѣтить не могла.

Сов-къ. Это все таки отъ того же, что ты дѣвочка молодая, и не знаешь, въ чемъ состоятъ прямыя добродѣтели. Ты не вѣдаешь, я вижу, ни своей свекрови, ни прямаго пути къ своему спасенію.

Софья. Я удивляюсь, батюшко, какое участіе свекровь можетъ имѣть въ пути моего спасенія.

Сов-къ. А вотъ какое: вышедъ замужъ, почитай свекровь свою; она будетъ тебѣ и мать и другъ и наставница, чти ея первую по Бозѣ, угождай во всемъ быстропроницательнымъ очамъ ея, и перенимай у нея все доброе. О таковомъ вашемъ согласіи и люди на землѣ возвеселятся, и ангелы на небесахъ возрадуются,

Софья. Какъ, батюшко, неужели ангеламъ на небесахъ такъ много дѣла до моей свекрови, что они тогда радоваться будутъ, ежели я ей угождать стану?

Сов-къ. Конечно такъ. Или думаешь ты, что у Господа въ книгѣ животныхъ Акулина Тимоѳеевна не написана?

Софья. Батюшко! я не знаю, есть ли въ ней она,

Сов-къ. А я вѣрую, что есть. Поди жъ ты, другъ мой, къ гостямъ, и какъ будто отъ себя выскажи ты своей свекрови будущей, что я наставляю тебя угождать ей.

Софья. Позвольте мнѣ вамъ доложить, батюшко, на что это? Не довольно ли того, если я угождать ей буду безъ всякаго высказыванія.

Сов-къ. Я велю тебѣ ей высказывать, а не меня выспрашивать. Вотъ тебѣ мой отвѣтъ. Пошла!

ДѢЙСТВІЕ 3-е.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ

Бригадиръ и сынъ.

Бр-ръ. Слушай, Иванъ. Я рѣдко съ молоду краснѣлъ, однако теперь отъ тебя, при старости, сгорѣлъ было.

Сынъ. Mon cher père! или сносно мнѣ слышать, что хотятъ женить меня на Русской?

Бр-ръ. Да ты что за Французъ? Мнѣ кажется, ты на Руси родился.

Сынъ. Тѣло мое родилося въ Россіи, это правда; однако духъ мой принадлежитъ коронѣ Французской.

Бр-ръ. Однако ты все таки Россіи больше обязанъ, нежели Франціи. Вѣдь въ тѣлѣ твоемъ гораздо больше связи, нежели въ умѣ.

Сынъ. Вотъ, батюшко, теперь вы уже и льстить мнѣ начинаете, когда увидѣли, что строгость вамъ не удалася.

Бр-ръ. Ну, не прямой ли ты болванъ? Я назвалъ дуракомъ, а ты думаешь, что я льщу тебѣ: эдакой оселъ!

Сынъ. Эдакой оселъ! *(Въ сторону.)* Il ne me flatte pas... Я вамъ еще сказываю, батюшко, je vous le répéte, что мои уши къ такимъ терминамъ не привыкли. Я васъ прошу, je vous en prie, не обходиться со мною такъ, какъ вы съ вашимъ ефрейторомъ обходились. Я такой же дворянинъ, какъ и вы, Monsieur.

Бр-ръ. Дурачина! дурачина! что ты ни скажешь, такъ все врешь, какъ лошадь. Ну кстати ли отцу съ сыномъ считаться въ дворянствѣ? Да хотя бы ты мнѣ и чужой былъ, такъ тебѣ забывать того по крайней мѣрѣ не надобно, что я отъ арміи Бригадиръ.

Сынъ. Je m'en moque.

Б-диръ. Что это за манмокъ?

Сынъ. То, что мнѣ до вашего Бригадирства дѣла нѣтъ. Я его забываю; а вы забудьте то, что сынъ вашъ знаетъ свѣтъ, что онъ былъ въ Парижѣ.

Б-диръ. О, ежелибъ это забыть можно было; да нѣтъ, другъ мой; ты самъ объ этомъ напоминаешь каждую минуту новыми дурачествами, изъ которыхъ за самое малое надлежитъ по нашему военному уставу прогнать тебя спицрутеномъ.

Сынъ. Батюшко! Вамъ все кажется, будто вы стоите предъ фрунтомъ и командуете. Къ чему такъ шумѣть?

Б-диръ. Твоя правда, не къ чему; а впередъ какъ ты что нибудь соврёшь, то влѣплю тебѣ въ спину сотни двѣ Русскихъ палокъ. Понимаешь ли?

Сынъ. Понимаю; а вы сами поймете ли меня? Всякой галантòмъ, а особливо кто былъ во Франціи, не можетъ парировать, чтобъ онъ въ жизнь свою не имѣлъ никогда дѣла съ такимъ человѣкомъ, какъ вы; слѣдовательно не можетъ парировать и о томъ, чтобъ онъ никогда битъ не былъ. А вы, ежели вы зайдете въ лѣсъ, и удастся вамъ наскочить на медвѣдя, то онъ съ вами также поступитъ, какъ вы меня трактовать хотите.

Б-диръ. Эдакой уродъ! отца примѣнилъ къ медвѣдю: развѣ я на него похожъ?

Сынъ. Тутъ нѣтъ развѣ. Я сказалъ вамъ то, что я думаю: voilà mon caractère. Да какое право имѣете вы надо мною властвовать?

Б-диръ. Дуралей! я твой отецъ.

Сынъ. Скажите мнѣ, батюшко, не всѣ ли животныя, les animaux, одинаковы?

Б-диръ. Это къ чему? Конечно всѣ: отъ человѣка до скота. Да что за вздоръ ты мнѣ молоть хочешь?

Сынъ. Послушайте: ежели всѣ животныя одинаковы, то вѣдь и я могу тутъ же включить себя?

Б-диръ. Для чего нѣтъ. Я сказалъ тебѣ: отъ человѣка до скота, такъ для чего тебѣ не помѣстить себя тутъ же?

Сынъ. Очень хорошо; а когда щенокъ не обязанъ респектовать того пса, кто былъ его отецъ, то долженъ ли я вамъ хотя малѣйшимъ респектомъ?

Б-диръ. Что ты щенокъ, такъ въ томъ никто не сомнѣвается; однако я тебѣ, Иванъ, какъ присяжной человѣкъ, клянусь, что ежели ты меня еще примѣнишь къ собакѣ, то скоро самъ съ рожи на человѣка походить не будешь. Я тебя научу, какъ съ отцемъ и заслуженымъ человѣкомъ говорить должно. Жаль, что нѣтъ со мною палки! Эдакой скосырь выѣхалъ!

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Тѣ же и Бригадирша.

Б-рша. Что за шумъ? Что ты мой батюшко, такъ гнѣваться изволишь? Не сдѣлалъ ли ты, Иванушко, какого намъ убытку, не потерялъ ли ты чего нибудь?

Б-диръ. И очень много. Пропажа не мала.

Б-рша *(запыхаяся)*. Что за бѣда? Что такое?

Б-диръ. Онъ потерялъ умъ, ежели онъ у него былъ.

Б-рша *(отдыхая)*. Тьфу! какая пропасть! слава Богу. Я было обмерла, испугалась. Думала, что и впрямъ не пропало ли что нибудь.

Б-диръ. А развѣ умъ-отъ ничто?

Б-рша. Какъ ничто? кто тебѣ это сказывалъ, батюшко? Безъ ума жить худо: что ты наживешь безъ него?

Б-диръ. Безъ него! а безъ него нажила ты вотъ этого урода. Не говаривалъ ли я тебѣ: жена! не балуй ребенка; запишемъ его въ полкъ, пусть онъ, служа въ полку, ума набирается,

какъ то я дѣлывалъ; а ты всегда изволила болтать: ахъ, батюшко! нѣтъ, мой батюшко! что ты съ младенцомъ дѣлать хочешь? не умори его, свѣтъ мой! Вотъ, мать моя! вотъ онъ здравствуетъ. Вотъ за минуту примѣнилъ меня къ собакѣ, не изволишь ли и ты послушать?

Сынъ *(зѣваетъ)*. Queles espèces!

Б-диръ. Вотъ говори ты съ нимъ пожалуй, а онъ лишь только ротъ дерётъ. Иванъ, не бѣси меня. Ты знаешь, что я разомъ ребра два у тебя выхвачу. Ты знаешь, каковъ я.

ЯВЛЕНІЕ 3-Е.

Тѣ же и Совѣтница.

Сов-ца. Что ты, сударь, затѣялъ? Возможно ли, чтобъ я стерпѣла здѣсь такое barbarie?

Б-диръ. Я, матушка, хочу поучить немного своего Ивана.

Сов-ца. Какъ? вы хотите поучить немного вашего сына, выломя у него два ребра?

Б-диръ. Да вѣдь, матушка, у него не только что два ребра; ежели я ихъ и выломлю, такъ съ него еще останется. А для меня все равно, будутъ ли у него тѣ два ребра, или не будутъ.

Б-рша. Вотъ, матушка, какъ онъ о рожденіи своемъ говорить изволитъ.

Сынъ *(къ Совѣтницѣ)*. C'est l'homme le plus bourru, que je connois.

Сов-ца. Знаете ли вы, сударь, что грубость ваша къ сыну вашему меня безпокоитъ?

Б-диръ. А я, матушка, думалъ, что грубость его ко мнѣ васъ безпокоитъ.

Сов-ца. Ни мало. Я не могу терпѣть пристрастія. Мериты должны быть всегда респектованы: конечно вы не видите достоинствъ въ вашемъ сынѣ.

Б-диръ. Не вижу; да скажите же вы мнѣ, какія достоинства вы въ немъ видите?

Сов-ца. Да развѣ вы не знаете, что онъ былъ въ Парижѣ?

Б-рша. Только ль, матушка, что въ Парижѣ? онъ былъ еще во Франціи. Шутка ль это!

Б-диръ. Жена, не полно ль тебѣ врать?

Б-рша. Вотъ батюшко, правды не говори тебѣ.

Б-диръ. Говори, да не ври.

Сов-ца *(къ Бригадиру)*. Вы конечно не слыхивали, какъ онъ былъ въ Парижѣ принятъ.

Б-диръ. Онъ этого сказать мнѣ до сихъ поръ еще не смѣлъ, матушка.

Сов-ца. Скажите лучше, что не хотѣлъ; а ежели я васъ, Monsieur, прошу теперь, чтобъ вы о своемъ вояжѣ что нибудь поговорили, согласитесь ли вы меня контантировать?

Сынъ. De tout mon coeur, Madame; только въ присутствіи батюшки мнѣ неспособно исполнить вашу волю. Онъ зашумитъ, помѣшаетъ, остановитъ....

Сов-ца. Онъ для меня конечно этого не сдѣлаетъ.

Б-диръ. Для васъ, а не для кого больше на свѣтѣ, я молчать соглашаюсь, и то, пока мочь будетъ. Говори, Иванъ.

Сынъ. Съ чего жъ начать? par ou commencer?

Сов-ца. Начните съ того, чѣмъ вамъ Парижъ понравился, и чѣмъ вы, Monsieur, понравились Парижу.

Сынъ. Парижъ понравился мнѣ во первыхъ тѣмъ, что всякой отличается своими достоинствами.

Б-диръ. Постой, постой, Иванъ! Ежели это правда, то какъ же ты понравился Парижу?

Сов-ца. Вы обѣщали, сударь, не мѣшать ему. По крайней мѣрѣ вы должны учтивостію дамамъ, которыя хотятъ слушать его, а не васъ.

Б-диръ. Я виноватъ, матушка, и для васъ, а не для кого болѣе, молчать буду.

Сов-ца *(къ Сыну)*. Продолжайте, Monsieur; continuez.

Сынъ. Въ Парижѣ всѣ почитали меня такъ, какъ я заслуживаю. Куда бы я ни приходилъ, вездѣ или я одинъ говорилъ, или всѣ обо мнѣ говорили. Всѣ моимъ разговоромъ восхищались. Гдѣ меня ни

видали, вездѣ у всѣхъ радость являлась на лицахъ, и часто, не могши ее скрыть, декларировали ее такимъ чрезвычайнымъ смѣхомъ, который прямо показывалъ, что они обо мнѣ думаютъ.

Сов-ца *(Бригадиру)*. Не должны ли вы придти въ восхищеніе? Я, ничѣмъ не будучи обязана, я отъ словъ его въ восторгѣ.

Б-рша *(плача)*. Я безъ ума отъ радости. Богъ привелъ на старости видѣть Иванушку съ такимъ разумомъ.

Сов-ца *(Бригадиру)*. Чтожъ вы ничего не говорите?

Б-диръ. Я, матушка, боюсь васъ прогнѣвать, а безъ того бы я конечно или засмѣялся, или заплакалъ.

Сов-ца. Continuez, душа моя.

Сынъ. Во Франціи люди совсѣмъ не таковы, какъ вы, то есть не Русскіе.

Сов-ца. Смотри, радость моя: я тамъ не была, однако я о Франціи получила уже отъ тебя изрядную идею. Не правда ли, что во Франціи живутъ по большой части Французы?

Сынъ *(съ восторгомъ)*. Vous avez le don de déviner.

Б-рша. Какъ же, Иванушко! неужели тамъ люди-то не такіе, какъ мы, всѣ Русскіе?

Сынъ. Не такіе, какъ вы, а не какъ я.

Б-рша. Для чего же? вѣдь и ты мое рожденіе.

Сынъ. N'importe! всякой, кто былъ въ Парижѣ, имѣетъ уже право, говоря про Русскихъ, не включать себя въ число тѣхъ, за тѣмъ, что онъ уже сталъ больше Французъ, нежели Русской.

Сов-ца. Скажи мнѣ, жизнь моя: можноль тѣмъ изъ нашихъ, кто былъ въ Парижѣ, забыть совершенно то, что они Русскіе?

Сынъ. Totalement нельзя. Это не такое несчастіе, которое бы скоро въ мысляхъ могло быть заглажено: однако нельзя и того сказать, чтобъ оно живо было въ нашей памяти. Оно представляется намъ какъ сонъ, какъ illusion.

Б-диръ *(къ Совѣтницѣ)*. Матушка, позволь мнѣ одно словцо на все ему сказать.

Сынъ *(къ Совѣтницѣ)*. Cela m'excède, je me retire *(выходитъ)*.

Б-рша *(къ Совѣтницѣ)*. Что онъ, матушка, это выговорилъ? Не занемогъ ли, Иванушко, что онъ такъ опрометью отсюда кинулся. Пойдти посмотрѣть было.

Недоросль.

Комедія (1782).

Главныя дѣйствующія лица. Простаковъ, жена его, сынъ Митрофанъ и мамка Еремеевна. Правдинъ, Стародумъ, племянница его Софья и Милонъ, женихъ Софьи по ея выбору. Скотининъ, братъ Простаковой. Три учителя: Кутейкинъ, Цыфиркинъ и Вральманъ. Тришка портной.

Содержаніе. Софья сирота, живетъ въ домѣ Простаковой, которая завѣдуетъ ея имѣніемъ и, чтобы окончательно прибрать его къ рукамъ, хочетъ женить на Софьѣ Митрофана. За нее сватается и Скотининъ. Въ день, назначенный Простаковой для сговора, Софья получаетъ изъ Сибири отъ дяди письмо, изъ котораго узнаетъ, что дядя въ Сибири разбогатѣлъ, назначаетъ Софью своею наслѣдницею и скоро самъ пріѣдетъ сюда (Дѣй. 1). Въ деревнѣ останавливается на время партія солдатъ. Въ начальникѣ ихъ Милонѣ Софья узнаетъ того человѣка, котораго она полюбила въ Москвѣ и уже болѣе не надѣялась встрѣтить. Митрофанъ и Скотининъ, узнавъ, что они между собою соперники въ любви къ Софьѣ, вступаютъ въ драку, но Еремеевна разнимаетъ ихъ (Дѣй. 2). Стародумъ пріѣзжаетъ, съ радостію встрѣчаетъ Софью и даетъ ей право выбирать жениха по желанію. Простакова льститъ передъ Стародумомъ, разхваливаетъ своего сына и описываетъ свои заботы о его воспитаніи. Когда Стародумъ отдыхаетъ, Митрофанъ для виду учится (Дѣй. 3). Стародумъ получаетъ изъ Москвы письмо, гдѣ рекомендуютъ ему прекраснаго жениха для Софьи. Оказывается, что онъ и есть Милонъ. По желанію Простаковой Стародумъ экзаменуетъ Митрофана, потомъ объявляетъ о своемъ намѣреніи завтра уѣхать вмѣстѣ съ Софьей. Простакова хочетъ тайно обвѣнчать Софью и Митрофана (Дѣй. 4). Прислуга хочетъ схватить Софью, но Правдинъ и Милонъ выручаютъ ее, угрожая Простаковой судомъ. Она проситъ прощенья и получивъ его, намѣревается наказать прислугу. Тогда Правдинъ объявляетъ ей указъ объ опекѣ надъ ея имуществомъ и расплачивается съ учителями. Растерянная Протакова обращается къ сыну, какъ къ единственному утѣшенію, но и тотъ ее отвергаетъ. (Дѣй. 5).

ДѢЙСТВІЕ 1-Е.

ЯВЛЕНІЕ 1-Е.

Г-жа Простакова, Митрофанъ, Еремеевна.

Г-жа П-ва *(осматривая кафтанъ на Митрофанѣ)*. Кафтанъ весь испорченъ. Еремеевна, введи сюда мошенника Тришку. *(Еремеевна отходитъ)*. Онъ, воръ, вездѣ его обузилъ. Митрофанушка, другъ мой, я чаю тебя жметъ до смерти. Позови сюда отца. *(Митрофанъ отходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ 2-Е.

Г-жа Простакова, Еремеевна, Тришка.

Г-жа П-ва *(Тришкѣ)*. Ахъ ты, скотъ, подойди поближе. Не говорила-ль я тебѣ, воровская харя, чтобъ ты кафтанъ пустилъ шире. Дитя, первое, растетъ, другое, дитя и безъ узкаго кафтана деликатнаго сложенія. Скажи, болванъ, чѣмъ ты оправдаешься?

Тришка. Да вѣдь я, сударыня, учился самоучкой. Я тогда же вамъ докладывалъ: ну да извольте отдавать портному.

Г-жа П-ва. Такъ развѣ необходимо надобно быть портнымъ, чтобъ умѣть сшить кафтанъ хорошенько. Экое скотское разсужденіе.

Тришка. Да вѣдь портной-то учился, сударыня, а я нѣтъ.

Г-жа П-ва. Еще онъ же и споритъ. Портной учился у другаго, другой у третьяго; да первой-то портной у кого же учился? Говори, скотъ.

Тришка. Да первой-то портной можетъ быть шилъ хуже и моего.

Митрофанъ *(вбѣгаетъ)*. Звалъ батюшку. Изволилъ сказать: тотчасъ.

Г-жа П-ва. Такъ поди же вытащи его, коли добромъ не дозовешься.

М-фанъ. Да вотъ и батюшка.

ЯВЛЕНІЕ 3-Е.

Тѣ же и Простаковъ.

Г-жа П-ва. Что ты отъ меня прятаться изволишь? Вотъ, сударь, до чего я дожила съ твоимъ потворствомъ. Какова сыну обновка къ дядину сговору? каковъ кафтанецъ Тришка сшить изволилъ?

П-ковъ *(отъ робости запинаясь)*. Мѣ... мѣшковатъ немного.

Г-жа П-ва. Самъ ты мѣшковатъ, умная голова.

П-ковъ. Да я думалъ, матушка, что тебѣ такъ кажется.

Г-жа П-ва. А ты самъ развѣ ослѣпъ?

П-ковъ. При твоихъ глазахъ мои ничего не видятъ.

Г-жа П-ва. Вотъ какимъ муженькомъ наградилъ меня Господь! не смыслитъ самъ разобрать, что широко, что узко.

П-ковъ. Въ этомъ я тебѣ, матушка, и вѣрилъ и вѣрю.

Г-жа П-ва. Такъ вѣрь же и тому, что я холопямъ потакать не намѣрена. Поди, сударь, и теперь же накажи...

ЯВЛЕНІЕ 4-Е.

Тѣ же и Скотининъ.

Ск-нъ. Кого? за что? въ день моего сговора! Я прошу тебя, сестрица, для такого праздника отложить наказаніе до завтраго; а завтра, коль изволишь, я и самъ охотно помогу. Небудь я Тарасъ Скотининъ, если у меня не всякая вина виновата. У меня въ этомъ, сестрица, одинъ обычай съ тобою. Да что жъ ты такъ прогнѣвалась?

Г-жа П-ова. Да вотъ, братецъ, на твои глаза пошлюсь. Митрофанушка, подойди сюда. Мѣшковатъ ли этотъ кафтанъ?

Ско-нъ. Нѣтъ.

П-ковъ. Да я и самъ уже вижу, матушка, что онъ узокъ.

Ск-нъ. Я и этого не вижу. Кафтанецъ, братъ, сшитъ изрядпехонько.

Г-жа П-ва. (*Тришкѣ*). Выди вонъ, скотъ. (*Еремеевнѣ*). Подижъ, Еремеевна, дай позавтракать ребенку. Вѣдь я чаю скоро и учители придутъ.

Е-евна. Онъ ужъ и такъ, матушка, пять булочекъ скушать изволилъ.

Г. П-ва. Такъ тебѣ жаль шестой, бестія! Вотъ какое усердіе! изволь смотрѣть.

Е-евна. Да во здравіе, матушка. Я вѣдь сказала это для Митрофана же Терентьевича. Протосковалъ до самаго утра.

Г-жа П-ва. Ахъ, Мати Божія! Что съ тобою сдѣлалось, Митрофанушка?

М-анъ. Такъ, матушка. Вчера послѣ ужина схватило.

Ск-нъ. Да видно, братъ, поужиналъ ты плотно.

М-анъ. А я, дядюшка, почти и вовсе не ужиналъ.

П-ковъ. Помнится, другъ мой, ты что-то скушать изволилъ.

М-анъ. Да что! солонины ломтика три, да подовыхъ, не помню пять, не помню шесть.

Е-евна. Ночью то и дѣло испить просилъ. Квасу цѣлой кувшинецъ выкушать изволилъ.

М-анъ. И теперь какъ шальной хожу. Ночь всю такая дрянь въ глаза лезла.

Г-жа П-ва. Какаяжъ дрянь, Митрофанушка?

М-анъ. Да то ты матушка, то батюшка.

Г-жа П-ва. Какъ же это?

М-анъ. Лишь стану засыпать, то и вижу, будто ты, матушка, изволишь бить батюшку.

П-ковъ. *(Въ сторону)*. Ну! бѣда моя! сонъ въ руку!

М-анъ. *(разнѣжась)*. Такъ мнѣ и жаль стало.

Г-жа П-ва. *(съ досадою)*. Кого, Митрофанушка?

М-анъ. Тебя, матушка: ты такъ устала, колотя батюшку.

Г-жа П-ва. Обойми меня, другъ мой сердечной! Вотъ сынокъ, одно мое утѣшеніе.

Ск-нъ. Ну, Митрофанушка! ты, я вижу, матушкинъ сынокъ, а не батюшкинъ.

П-ковъ. По крайней мѣрѣ я люблю его, какъ надлежитъ родителю; то-то умное дитя, то-то разумное; забавникъ, затѣйникъ, иногда я отъ него внѣ себя, и отъ радости самъ истинно не вѣрю, что онъ мой сынъ.

Ск-нъ. Только теперь забавникъ нашъ стоитъ что-то нахмурясь.

Г-жа П-ва. Ужъ не послать ли за докторомъ въ городъ?

М-анъ. Нѣтъ, нѣтъ, матушка. Я ужъ лучше самъ выздоровѣю. Побѣгутка теперь на голубятню, такъ авось либо....

Г-жа П-ва. Такъ авось либо Господь милостивъ. Поди, порѣзвись, Митрофанушка. ***(Митрофанъ съ Еремеевною отходятъ.***

явленіе 5-е.

Г-жа Простакова, Простаковъ, Скотининъ.

Ск-нъ. Чтожъ я не вижу моей невѣсты? гдѣ она? Ввечеру быть уже сговору: такъ не пора ли ей сказать, что выдаютъ ее замужъ?

Г-жа П-ва. Успѣемъ, братецъ. Если ей это сказать прежде времени, то она можетъ еще подумать, что мы ее докладываемся. Хотя по мужѣ, однако я ей свойственница; а я люблю, чтобъ и чужіе меня слушали.

П-ковъ. *(Скотинину)*. Правду сказать, мы поступили съ Софьюшкой, какъ съ сущею сироткой. Послѣ отца осталась она младенцемъ. Тому съ полгода, какъ ея матушкѣ, а моей сватьюшкѣ, сдѣлался ударъ....

Г-жа П-ва. *(показывая, будто креститъ сердце)*. Съ нами сила крестная!

П-ковъ. Отъ котораго она и на тотъ свѣтъ пошла. Дядюшка ея, г. Стародумъ, поѣхалъ въ Сибирь, а какъ нѣсколько уже лѣтъ не было о немъ ни слуху, ни вѣсти, то мы и считаемъ его покойникомъ. Мы, видя, что она осталася одна, взяли ее въ нашу деревеньку, и надзираемъ надъ ея имѣніемъ, какъ надъ своимъ.

Г-жа П-ва. Что, что ты сегодня такъ разоврался, мой батюшко? Еще братецъ можетъ подумать, что мы для интересу ее къ себѣ взяли.

П-ковъ. Ну какъ, матушка, ему это подумать? Вѣдь Софьюшкино недви-

жимое имѣніе намъ къ себѣ придвинуть не можно.

Ск-нъ. А движимое хотя и выдвинуто, я не челобитчикъ. Хлопотать я не люблю, да и боюсь. Сколько меня сосѣди ни обижали, сколько убытку ни дѣлали, я ни на кого не билъ челомъ: а всякой убытокъ, чѣмъ за нимъ ходить, сдеру съ своихъ же крестьянъ, такъ и концы въ воду.

П-ковъ. То правда, братецъ: весь околотокъ говоритъ, что ты мастерски оброкъ собираешь.

Г-жа П-ва. Хоть бы насъ поучилъ, братецъ батюшка: а мы никакъ не умѣемъ. Съ тѣхъ поръ, какъ все, что у крестьянъ ни было, мы отобрали, ничего уже содрать не можемъ. Такая бѣда!

Ск-нъ. Изволь, сестрица, поучу васъ, поучу, лишь жените меня на Софьюшкѣ.

Г-жа П-ва. Неужели тебѣ эта дѣвчонка такъ понравилась?

Ск-нъ. Нѣтъ, мнѣ нравится не дѣвчонка.

П-ковъ. Такъ по сосѣдству ея деревеньки?

Ск-нъ. И не деревеньки, а то, что въ деревенькахъ-то ея водится, и до чего моя смертная охота.

Г-жа П-ва. До чего же, братецъ?

Ск-нъ. Люблю свиней, сестрица: а у насъ въ околоткѣ такія крупныя свиньи, что нѣтъ изъ нихъ ни одной, которая, ставъ на заднія ноги, не была бы выше каждаго изъ насъ цѣлой головою.

П-ковъ. Странное дѣло, братецъ, какъ родня на родню походить можетъ. Митрофанушка нашъ весь въ дядю. И онъ до свиней съ-измала такой же охотникъ, какъ и ты. Какъ былъ еще трехъ лѣтъ, такъ бывало, увидя свинку, задрожитъ съ радости.

Ск-нъ. Это, подлинно, диковинка! Ну пусть, братецъ, Митрофанъ любитъ свиней для того, что онъ мой племянникъ. Тутъ есть какое нибудь сходство: да отъ чего же я къ свиньямъ-то такъ сильно пристрастился?

П-ковъ. И тутъ есть же какое нибудь сходство. Я такъ разсуждаю.

ЯВЛЕНІЕ 6.

Тѣ же и Софья. *(Софья вошла, держа письмо въ рукѣ и имѣя веселый видъ).*

Г-жа Простакова *(Софьѣ).* Что такъ весела, матушка? Чему обрадовалась?

Софья. Я получила сейчасъ радостное извѣстіе. Дядюшка, о которомъ столь долго мы ничего не знали, котораго люблю и почитаю, какъ отца моего, на сихъ дняхъ въ Москву пріѣхалъ. Вотъ письмо, которое я отъ него теперь получила.

Г-жа П-ва *(испугавшись, съ злобою).* Какъ, Стародумъ, твой дядюшка, живъ! И ты изволишъ затѣвать, что онъ воскресъ! Вотъ изрядной вымыселъ!

Софья. Да онъ никогда не умиралъ.

Г-жа П-ва. Не умиралъ! А развѣ ему и умереть нельзя? Нѣтъ, сударыня, это твои вымыслы, чтобъ дядюшкою своимъ насъ застращать, чтобъ мы дали тебѣ волю. Дядюшка-де человѣкъ умный; онъ, увидя меня въ чужихъ рукахъ, найдетъ способъ меня выручить. Вотъ чему ты рада, сударыня; однако пожалуй не очень веселись: дядюшка твой конечно не воскресалъ.

Ск-инъ. Сестра! ну да коли не умиралъ?

П-въ. Избави Боже, коли онъ не умиралъ!

Г-жа П-ва *(къ мужу).* Какъ, не умиралъ? Что ты бабушку путаешь? Развѣ ты не знаешь, что ужь нѣсколько лѣтъ отъ меня его и въ памятцахъ за упокой поминали? Неушто таки и грѣшныя-то мои молитвы не доходили! *(къ Софьѣ).* Письмецо-то мнѣ пожалуй. *(Почти вырываетъ).* Я объ закладъ бьюсь, что оно какое нибудь амурное, и догадываюсь, отъ кого. Это отъ того офицера, который искалъ на тебѣ жениться и за котораго ты сама идти хотѣла. Да которая бестія безъ моего спросу отдаетъ тебѣ письма. Я доберусь. Вотъ до чего дожили: къ дѣвушкамъ письма пишутъ! Дѣвушки грамотѣ умѣютъ!

Софья. Прочтите его сами, сударыня.

Вы увидите, что ничего невиннѣе быть не можетъ.

Г-жа П-ва. Прочтите его сами! Нѣтъ, сударыня, я, благодаря Бога, не такъ воспитана. Я могу письма получать, а читать ихъ всегда велю другому. *(Къ мужу).* Читай.

П-въ *(долго смотря).* Мудрено.

Г-жа П-ва. И тебя, мой батюшка, видно воспитывали, какъ красную дѣвицу. Братецъ, прочти потрудись.

Ск-нъ. Я? Я отъ роду ничего не читывалъ, сестрица! Богъ меня избавилъ этой скуки.

Софья. Позвольте мнѣ прочесть.

Г-жа П-ва. О, матушка, знаю, что ты мастерица, да лишь не очень тебѣ вѣрю. Вотъ, я чаю, учитель Митрофанушкинъ скоро придетъ. Ему велю.

Ск-нъ. А ужъ зачали молодца учить грамотѣ?

Г-жа П-ва. Ахъ, батюшка, братецъ! Ужъ года четыре, какъ учится. Нечего, грѣхъ сказать, чтобъ мы не старались воспитывать Митрофанушку: троимъ учителямъ денежки платимъ. Для грамоты ходитъ къ нему дьячекъ отъ Покрова, Кутейкинъ. Арихметикѣ учитъ его, батюшко, одинъ отставной сержантъ Цыфиркинъ. Оба они приходятъ сюда изъ города. Вѣдь отъ насъ и городъ въ трехъ верстахъ, батюшка. По французски и всѣмъ наукамъ обучаетъ его Нѣмецъ, Адамъ Адамычъ Вральманъ. Этому по триста рубликовъ на годъ; сажаемъ за столъ съ собою; бѣлье его наши бабы моютъ; куда надобно, лошадь; за столомъ стаканъ вина; на ночь сальная свѣча, и парикъ направляетъ нашъ же Ѳомка даромъ. Правду сказать, и мы имъ довольны, батюшка братецъ. Онъ ребенка не неволитъ. Вѣдь, мой батюшка, пока Митрофанушка еще въ недоросляхъ, пота его и понѣжить: а тамъ, лѣтъ черезъ десятокъ, какъ войдетъ, избави Боже, въ службу, всего натерпится. Какъ кому счастье на роду написано, братецъ. Изъ нашей же фамиліи Простаковыхъ, смотритка, на боку лежа, летятъ себѣ въ чины. Чѣмъ же плоше ихъ Митрофанушка? Ба! да вотъ пожаловалъ кстати дорогой нашъ постоялецъ.

ЯВЛЕНІЕ 7.

Тѣже же и Правдинъ.

Г-жа П-ва. Братецъ другъ мой! Рекомендую вамъ дорогаго гостя нашего, господина Правдина, а вамъ, государь мой, рекомендую брата моего.

Пр-нъ. Радуюсь, сдѣлавъ ваше знакомство.

Ск-нъ. Хорошо, государь мой; а какъ по фамиліи? Я не дослышалъ.

Пр-нъ. Я называюсь Правдинъ, чтобъ вы дослышали.

Ск-нъ. Какой уроженецъ, государь мой? Гдѣ деревеньки?

Пр-нъ. Я родился въ Москвѣ, ежели вамъ то знать надобно, а деревни мои въ здѣшнемъ намѣстничествѣ.

Ск-нъ. А смѣю ли спросить, государь мой, имени и отечества не знаю; въ дереньках ъ вашихъ водятся ли свинки?

Г-жа П-ва. Полно, братецъ, о свиньяхъ-то начинать. Поговоримъ-ка лучше о нашемъ горѣ. *(Къ Правдину).* Вотъ, батюшка! Богъ велѣлъ намъ взять на свои руки дѣвицу. Она изволитъ получать грамотки отъ дядюшекъ; къ ней съ того свѣта дядюшки пишутъ. Сдѣлай милость, мой батюшка, потрудись, прочти всѣмъ намъ въ слухъ.

Пр-нъ. Извините меня, сударыня. Я никогда не читаю писемъ безъ позволенія тѣхъ, къ кому онѣ писаны.

Софья. Я васъ о томъ прошу. Вы меня тѣмъ очень одолжите.

Пр-нъ. Если вы приказываете *(читаетъ).* «Любезная племянница! Дѣла «мои принудили меня жить нѣсколько «лѣтъ въ разлукѣ съ моими ближними, «а дальность лишила меня удовольствія «имѣть о васъ извѣстія. Я теперь въ Мо«сквѣ, проживъ нѣсколько лѣтъ въ Си«бири. Я могу служить примѣромъ, что «трудами и честностію состояніе свое «сдѣлать можно. Сими средствами съ

«помощію счастія нажилъ я десять тысячь рублей доходу»...

Ск-нъ и оба Пр-ковы. Десять тысячь!

Пр-нъ *(читаетъ)*... «которымъ тебя, моя любезная племянница, тебя дѣлаю наслѣдницею»...

Г-жа Пр-ва. Тебя наслѣдницею!
Пр-ковъ. Софью наслѣдницею!
Ск-нъ. Ее наслѣдницею!
} *Вмѣстѣ.*

Гжа Пр-ва *(бросясь обнимать Софью)*. Поздравляю, Софьюшка, душа моя! Я внѣ себя съ радости. Теперь тебѣ надобенъ женихъ. Я, я лучшей невѣсты и Митрофанушкѣ не желаю. То-то дядюшка! То-то отецъ родной! Я и сама все-таки думала, что Богъ его хранитъ, что онъ еще здравствуетъ.

Ск-нъ *(протянувъ руку)*. Ну, сестрица, скорѣй же по рукамъ.

Г-жа П-ва *(тихо Скотинину)*. Постой, братецъ: сперва надобно спросить ее, хочетъ ли еще она за тебя выдти?

Ск-нъ. Какъ! что за вопросъ! неужто ты ее докладываться станешь?

Пр-ин. Позволите ли письмо дочитать?

Ск-нъ. А на что? Да хоть пять лѣтъ читай, лучше десяти тысячь не дочитаешься.

Г-жа П-ва *(Софьѣ)*. Софьюшка, душа моя! пойдемъ ко мнѣ въ спальню. Мнѣ крайняя нужда съ тобою поговорить *(увела Софью)*.

Ск-нъ. Ба! такъ я вижу, что сегодня сговору-то врядъ и быть ли.

ЯВЛЕНІЕ 8-Е.

Правдинъ, Простаковъ, Скотининъ, слуга.

Слуга *(къ Простакову запыхавшись)*. Баринъ! баринъ! Солдаты пришли, остановились въ нашей деревнѣ.

Простаковъ. Какая бѣда! Ну, разорятъ насъ до конца!

Правдинъ. Чего вы испугались?

Пр-въ. Ахъ ты отецъ родной! мы уже видали виды. Я къ нимъ и появиться не смѣю.

Пр-нъ. Не бойтесь. Ихъ конечно ведетъ офицеръ, который не допуститъ ни до какой наглости. Пойдемъ къ нему со мною. Я увѣренъ, что вы робѣете напрасно. *(Пр-нъ, Пр-овъ и слуга отходятъ)*.

Скотининъ. Всѣ меня одного оставили. Пойти было прогуляться на скотной дворъ.

(Конецъ перваго дѣйствія).

ДѢЙСТВІЕ 3-Е.

ЯВЛЕНІЕ 1-Е.

Стародумъ и Правдинъ.

Пр-нъ. Лишь только изъ-за стола встали, и я, подошедъ къ окну, увидѣлъ вашу карету, то, не сказавъ никому выбѣжалъ къ вамъ на встрѣчу, обнять васъ отъ всего сердца. Мое къ вамъ душевное почтеніе...

Ст-умъ. Оно мнѣ драгоцѣнно, повѣрь мнѣ.

Пр-динъ. Ваша ко мнѣ дружба тѣмъ лестнѣе, что вы не можете имѣть ее къ другимъ, кромѣ такихъ...

Ст-умъ. Каковъ ты. Я говорю безъ чиновъ. Начинаются чины, перестаетъ искренность.

Пр-динъ. Ваше обхожденіе...

Ст-умъ. Ему многіе смѣются. Я это знаю. Быть такъ. Отецъ мой воспиталъ меня по тогдашнему, а я не нашелъ и нужды себя перевоспитывать. Служилъ онъ Петру Великому. Тогда одинъ человѣкъ назывался ты, а не вы; тогда не знали еще заражать людей столько, чтобъ всякой считалъ себя за многихъ. За то нынче многіе не стоятъ одного. Отецъ мой у двора Петра Великаго...

Пр-нъ. А я слышалъ, что онъ въ военной службѣ.

Ст-умъ. Въ тогдашнемъ вѣкѣ придворные были воины, да воины не были придворные. Воспитаніе дано мнѣ было отцемъ моимъ по тому вѣку наилучшее. Въ то время къ ученію мало было способовъ, да и не умѣли еще чужимъ умомъ набивать пустую голову.

Пр-нъ. Тогдашнее воспитаніе дѣйствительно состояло въ нѣсколькихъ правилахъ...

Ст-умъ. Въ одномъ. Отецъ мой непрестанно мнѣ твердилъ одно и то же: имѣй сердце, имѣй душу, и будешь человѣкъ во всякое время. На все прочее мода: на умы мода, на званія мода, какъ на пряжки, на пуговицы.

Пр-нъ. Вы говорите истину. Прямое достоинство въ человѣкѣ есть душа...

Ст-умъ. Безъ нее просвѣщеннѣйшая умница жалкая тварь. *(Съ чувствомъ).* Невѣжда безъ души—звѣрь. Самой мелкой подвигъ вводитъ его во всякое преступленіе. Между тѣмъ, что онъ дѣлаетъ, и тѣмъ, для чего онъ дѣлаетъ, никакихъ вѣсовъ у него нѣтъ. Отъ такихъ-то животныхъ пришелъ я свободить...

Пр-нъ. Вашу племянницу. Я это знаю. Она здѣсь. Пойдемъ...

Ст-умъ. Постой. Сердце мое кипитъ еще негодованіемъ на недостойный поступокъ здѣшнихъ хозяевъ. Побудемъ здѣсь нѣсколько минутъ. У меня правило: въ первомъ движеніи ничего не начинать.

Пр-нъ. Рѣдкіе правило ваше наблюдать умѣютъ.

Ст-умъ. Опыты жизни моей меня къ тому пріучили. О, еслибъ я ранѣе умѣлъ владѣть собою, я имѣлъ-бы удовольствіе служить долѣе отечеству.

Пр-нъ. Какимъ же образомъ? Происшествія съ человѣкомъ вашихъ качествъ никому равнодушны быть не могутъ. Вы меня крайне одолжите, если разскажете...

Ст-умъ. Я ни отъ кого ихъ не таю для того, чтобъ другіе въ подобномъ положеніи нашлись меня умнѣе. Вошедъ въ военную службу, познакомился я съ молодымъ Графомъ, котораго имени я и вспомнить не хочу. Онъ былъ по службѣ меня моложе, сынъ случайнаго отца, воспитанъ въ большомъ свѣтѣ, и имѣлъ особливый случай научиться тому, что въ наше воспитаніе еще и не входило. Я всѣ силы употребилъ снискать его дружбу, чтобъ всегдашнимъ съ нимъ обхожденіемъ наградить недостатки моего воспитанія. Въ самое то время, когда взаимная наша дружба утверждалась, услышали мы нечаянно, что объявлена война. Я бросился обнимать его съ радостію. «Любезный Графъ! вотъ случай намъ отличить себя. Пойдемъ тотчасъ въ армію и сдѣлаемся достойными званія дворянина, которое намъ дала порода». Вдругъ мой Графъ сильно наморщился, и, обнявъ меня сухо: «Счастливый тебѣ путь, сказалъ мнѣ, а я ласкаюсь, что батюшка не захочетъ со мною разстаться». Ни съ чѣмъ нельзя сравнить презрѣнія, которое ощутилъ я къ нему въ ту же минуту. Тутъ увидѣлъ я, что между людьми случайными и людьми почтенными бываетъ иногда неизмѣримая разница; что въ большомъ свѣтѣ водятся премелкія души, и что съ великимъ просвѣщеніемъ можно быть великому скареду.

Пр-нъ. Сущая истина.

Ст-умъ. Оставя его, поѣхалъ я немедленно, куда звала меня должность. Многіе случаи имѣлъ я отличить себя. Раны мои доказываютъ, что я ихъ и не пропускалъ. Доброе мнѣніе обо мнѣ начальниковъ и войска было лестною наградою службы моей, какъ вдругъ получилъ я извѣстіе, что Графъ, прежній мой знакомецъ, о которомъ я гнушался вспоминать, произведенъ чиномъ, а обойденъ я,—я, лежавшій тогда отъ ранъ въ тяжкой болѣзни. Такое неправосудіе растерзало мое сердце, и я тотчасъ взялъ отставку.

Пр-нъ. Что жъ бы иное и дѣлать надлежало?

Ст-умъ. Надлежало образумиться. Не умѣлъ я остеречься отъ первыхъ движеній раздраженнаго моего любочестія. Горячность не допустила меня тогда разсудить, что прямо любочестивый человѣкъ ревнуетъ къ дѣламъ, а не къ чинамъ; что чины нерѣдко выпрашиваются, а истинное почтеніе необходимо заслуживается; что гораздо честнѣе быть безъ вины обойдену, нежели безъ заслугъ пожаловану.

Пр-динъ. Но развѣ дворянину не позволяется взять отставки ни въ какомъ уже случаѣ?

Ст-думъ. Въ одномъ только: когда онъ внутренно удостовѣренъ, что служба его отечеству прямой пользы не приноситъ. А! тогда поди.

Пр-динъ. Вы даете чувствовать истинное существо должности дворянина.

Ст-думъ. Взявъ отставку, пріѣхалъ я въ Петербургъ. Тутъ слѣпой случай завелъ меня въ такую сторону, о которой мнѣ отъ роду и въ голову не приходило.

Пр-динъ. Куда же?

Ст-думъ. Ко Двору. Меня взяли ко Двору. А? Какъ ты объ этомъ думаешь?

Пр-динъ. Какъ же вамъ эта сторона показалась?

Ст-думъ. Любопытна. Первое показалось мнѣ странно то, что въ этой сторонѣ по большой прямой дорогѣ никто почти не ѣздитъ, а всѣ объѣзжаютъ крюкомъ, надѣясь доѣхать поскорѣе.

Пр-динъ. Хоть крюкомъ, да просторна ли дорога?

Ст-умъ. А такова-та просторна, что двое, встрѣтясь, разойтиться не могутъ. Одинъ другаго сваливаетъ, и тотъ, кто на ногахъ, не поднимаетъ уже никогда того, кто на землѣ.

Пр-динъ. Такъ поэтому тутъ самолюбіе...

Ст-думъ. Тутъ не самолюбіе, а, такъ назвать, себялюбіе. Тутъ себя любятъ отмѣнно; о себѣ одномъ пекутся; объ одномъ настоящемъ часѣ суетятся. Ты не повѣришь: я видѣлъ тутъ множество людей, которымъ во всѣ случаи ихъ жизни ни разу на мысль не приходили ни предки, ни потомки.

Пр-динъ. Но тѣ достойные люди, которые у Двора служатъ государству....

Ст-думъ. О! тѣ не оставляютъ Двора для того, что они Двору полезны; а прочіе для того, что Дворъ имъ полезенъ. Я не былъ въ числѣ первыхъ, и не хотѣлъ быть въ числѣ послѣднихъ.

Пр-динъ. Васъ конечно у Двора не узнали?

Ст-думъ. Тѣмъ для меня лучше. Я успѣлъ убраться безъ хлопотъ; а то бы выжили жъ меня однимъ изъ двухъ маneровъ.

Пр-динъ. Какихъ?

Ст-думъ. Отъ Двора, мой другъ, выживаютъ двумя манерами: либо на тебя разсердятся, либо тебя разсердятъ. Я не сталъ дожидаться ни того ни другаго; разсудилъ, что лучше вести жизнь у себя дома, нежели въ чужой передней.

Пр-динъ. И такъ вы отошли отъ Двора ни съ чѣмъ? *(Открываетъ свою табакерку)*.

Ст-думъ. *(беретъ у Правдина табакъ)*. Какъ ни съ чѣмъ? Табакеркѣ цѣна пятьсотъ рублевъ. Пришли къ купцу двое. Одинъ, заплатя деньги, принесъ домой табакерку. Другой пришелъ домой безъ табакерки. И ты думаешь, что другой пришелъ домой ни съ чѣмъ? Ошибаешься. Онъ принесъ назадъ свои пятьсотъ рублевъ цѣлы. Я отошелъ отъ Двора безъ деревень, безъ ленты, безъ чиновъ, да мое принесъ домой неповрежденно: мою душу, мою честь, мои правила.

Пр-динъ. Съ вашими правилами людей не отпускать отъ Двора, а ко Двору призывать надобно.

Ст-думъ. Призывать? А зачѣмъ?

Пр-динъ. Затѣмъ, зачѣмъ къ больнымъ врача призываютъ.

Ст-думъ. Мой другъ ошибаешься. Тщетно звать врача къ больнымъ неисцѣльно: тутъ врачъ не пособитъ, развѣ самъ заразится.

ЯВЛЕНІЕ 2-Е

Тѣ же и Софья.

Софья *(къ Правдину)*. Силъ моихъ не стало отъ ихъ шуму.

Ст-думъ *(въ сторону)*. Вотъ черты лица ея матери. Вотъ моя Софья.

Софья *(смотря на Стародума)*. Боже мой! Онъ меня назвалъ. Сердце мое меня не обманываетъ....

Ст-думъ *(обнявъ ее)*. Нѣтъ! ты дочь моей сестры, дочь сердца моего!

Софья *(бросясь въ его объятія)*. Дядюшка! я внѣ себя съ радости.

Ст-думъ. Любезная Софья! Я узналъ въ Москвѣ, что ты живешь здѣсь противъ воли. Мнѣ на свѣтѣ шестьдесятъ лѣтъ. Случалось быть часто раздраженнымъ, иногда быть собой довольнымъ. Ничто такъ не терзало мое сердце, какъ невинность въ сѣтяхъ коварства; никогда не бывалъ я такъ собой доволенъ, какъ если случалось вырвать добычу изъ рукъ порока.

Пр-динъ. Сколь пріятно быть тому и свидѣтелемъ!

Софья. Дядюшка! ваши ко мнѣ милости....

Ст-думъ. Ты знаешь, что я одной тобой привязанъ къ жизни. Ты должна дѣлать утѣшеніе моей старости, а мои попеченія твое счастіе. Пошедъ въ отставку, положилъ я основаніе твоему воспитанію; но не могъ иначе основать твоего состоянія, какъ разлучась съ твоей матерью и съ тобою.

Софья. Отсутствіе ваше огорчало насъ несказанно.

Ст-думъ *(къ Правдину)*. Чтобъ оградить ея жизнь отъ недостатка въ нужномъ, рѣшился я удалиться на нѣсколько лѣтъ въ ту землю, гдѣ достаютъ деньги, не промѣнивая ихъ на совѣсть, безъ подлой выслуги, не грабя отечества; гдѣ требуютъ денегъ отъ самой земли, которая поправосуднѣе людей: лицепріятія не знаетъ, а платитъ одни труды вѣрно и щедро.

Пр-динъ. Вы моглибъ обогатиться, какъ я слышалъ, несравненно больше.

Ст-думъ. А на что?

Пр-динъ. Чтобъ быть богату, какъ другіе.

Ст-думъ. Богату! А кто богатъ? Да вѣдаешь ли ты, что для прихотей одного человѣка всей Сибири мало? Другъ мой! все состоитъ въ воображеніи. Послѣдуй природѣ, никогда не будешь бѣденъ; послѣдуй людскимъ мнѣніямъ, никогда богатъ не будешь.

Софья. Дядюшка! какую правду вы говорите!

Ст-думъ. Я нажилъ столько, чтобъ при твоемъ замужествѣ не остановляла насъ бѣдность жениха достойнаго.

Софья. Во всю жизнь мою ваша воля будетъ мой законъ.

Пр-динъ. Но выдавъ ее, не лишнее было бы оставить и дѣтямъ...

Ст-думъ. Дѣтямъ? Оставлять богатство дѣтямъ! Въ головѣ нѣтъ. Умны будутъ, безъ него обойдутся; а глупому сыну не въ помощь богатство. Видалъ я молодцовъ въ золотыхъ кафтанахъ, да съ свинцовой головою. Нѣтъ, мой другъ! наличныя деньги—не наличныя достоинства. Золотой болванъ, все болванъ.

Пр-динъ. Совсѣмъ тѣмъ мы видимъ, что деньги нерѣдко ведутъ къ чинамъ, чины обыкновенно къ знатности, а знатнымъ оказывается почтеніе.

Ст-думъ. Почтеніе! Одно почтеніе должно быть лестно человѣку—душевное, а душевнаго почтенія достоинъ только тотъ, кто въ чинахъ не по деньгамъ, а въ знати не по чинамъ.

Пр-динъ. Заключеніе ваше неоспоримо.

Явленіе 5-е.

Простаковъ, Митрофанъ, Еремеевна, Скотининъ, Простакова, Милонъ. Софья и проч. (Въ слѣдующую рѣчь Стародума, Простаковъ съ сыномъ, вышедшіе изъ средней двери, стали позади Стародума. Отецъ готовъ его обнять, какъ скоро дойдетъ очередь, а сынъ подойти къ рукѣ. Еремеевна взяла мѣсто къ сторонѣ, и, сложа руки, стала, какъ вкопаная, выпяля глаза на Стародума, съ рабскимъ подобострастіемъ.)

Ст-думъ *(обнимая неохотно Г-жу Пр-кову)*. Милость со всѣмъ лишняя сударыня! Безъ нее могъ бы я весьма легко обойтиться. *(Вырвавшись изъ рукъ ея, обертывается на другую сторону, гдѣ Скотининъ, стоящій уже съ распростертыми руками, тотчасъ его схватываетъ)*.

Ст-думъ. Это къ кому я попался?

Ск-нъ. Это я, сестринъ братъ.

Ст-думъ *(увидя еще двухъ, съ нетерпѣніемъ)*. А это кто еще?

Пр-ковъ *(обнимая)*. Я женинъ мужъ. } *Вмѣстѣ.*

Ми-фанъ *(ловя руку)*. А я матушкинъ сынокъ. } *Вмѣстѣ.*

Милонъ *(Правдину)*. Теперь я непредставлюсь.

Пр-динъ *(Милону)*. Я найду случай представить тебя послѣ.

Ст-думъ *(недавая руки М-фану)*. Этотъ ловитъ цѣловать руку: видно, что готовятъ въ него большую душу.

Г-жа П-кова. Говори, Митрофанушка: какъ-де, сударь, мнѣ твоей ручки не цѣловать; ты мой второй отецъ.

Ми-фанъ. Какъ не цѣловать, дядюшка, твоей ручки: ты мой отецъ... *(къ матери)*. Которой бишь?

Г-жа П-кова. Второй.

Ми-фанъ. Второй? Второй отецъ, дядюшка.

Ст-думъ. Я, сударь, тебѣ ни отецъ ни дядюшка.

Г-жа П-кова. Батюшка, вѣдь ребенокъ можетъ быть свое счастіе прорекаетъ: авось-либо сподобитъ Богъ быть ему и впрямъ твоимъ племянничкомъ.

Ск-инъ. Право! А я чѣмъ не племянникъ? Ай, сестрица!

Г-жа П-кова. Я, братецъ, съ тобою лаяться не стану. *(къ Стародуму)* Отъ роду, батюшка, ни съ кѣмъ не бранивалась. У меня такой нравъ: хоть разругай, вѣкъ слова не скажу. Пусть же, себѣ на умѣ, Богъ тому заплатитъ, кто меня бѣдную обижаетъ.

Ст-думъ. Я это примѣтилъ, какъ скоро ты, сударыня, изъ дверей показалась.

Пр-динъ. А я уже три дня свидѣтелемъ ея добронравія.

Ст-думъ. Этой забавы я такъ долго имѣть не могу. Софьюшка, другъ мой, завтра же поутру ѣду съ тобою въ Москву.

Г-жа П-кова. Ахъ, батюшка! за что такой гнѣвъ?

Пр-ковъ. За что немилость?

Г-жа П-кова. Какъ? Намъ разстаться съ Софьюшкой, сердечнымъ нашимъ другомъ! Я съ одной тоски хлѣба отстану.

Пр-ковъ. А я уже тутъ сгибъ, да пропалъ.

Ст-думъ. Когда же вы такъ ее любите, то долженъ я васъ обрадовать: я везу ее въ Москву, для того, чтобъ сдѣлать ея счастье. Мнѣ представленъ въ женихи ея нѣкто молодой человѣкъ большихъ достоинствъ; за него ее и выдамъ.

Вмѣстѣ.

Г-жа П-кова Ахъ! уморилъ!

Милонъ. Что я слышу!

(Софья кажется пораженною.)

Ск-инъ. Вотъ-те разъ!

(Пр-ковъ всплеснулъ руками)

М-фанъ. Вотъ тебѣ на!

(Еремеевна печально кивнула головою.)

(Пр-динъ показываетъ видъ огорченнаго удивленія)

Ст-думъ *(примѣтя всѣхъ смятеніе.)* Что это значитъ? *(къ Софьѣ)*. Софьюшка, другъ мой, и ты, мнѣ кажется, въ смущеніи? Не ужель мое намѣреніе тебя огорчило? Я заступаю мѣсто отца твоего. Повѣрь мнѣ, что я знаю его права. Онѣ нейдутъ далѣе, какъ отвращать несчастную склонность дочери, а выборъ достойнаго человѣка зависитъ совершенно отъ ея сердца. Будь спокойна, другъ мой! Твой мужъ, тебя достойный, ктобъ онъ ни былъ, будетъ имѣть во мнѣ истиннаго друга. Поди за кого хочешь. *(Всѣ принимаютъ веселый видъ)*.

Софья. Дядюшка! не сомнѣвайтесь въ моемъ повиновеніи.

Милонъ *(въ сторону)*. Почтенный человѣкъ!

Г-жа П-кова *(съ веселымъ видомъ)*. Вотъ отецъ! Вотъ послушать! Поди за кого хочешь, лишь бы человѣкъ ея стоилъ. Такъ, мой батюшка, такъ. Тутъ лишь только жениховъ пропускать не надобно. Коль есть въ глазахъ дворянинъ, малой молодой...

Ск-инъ. Изъ ребятъ давно ужъ вышелъ...

Г-жа П-кова. У кого достаточекъ, хоть и небольшой...

Ск-инъ. Да свиной заводъ не плохъ...

Вмѣстѣ.

Г-жа П-кова. Такъ и въ добрый часъ, въ архангельской.

Ск-инъ. Такъ веселымъ пиркомъ, да и за свадебку

Ст-думъ. Совѣты ваши безпристрастны. Я это вижу.

Ск-инъ. Толь еще увидишь, какъ опознаешь меня покороче. Вишь ты-здѣсь

содомно. Черезъ часъ мѣста приду къ тебѣ одинъ; тутъ и сладимъ. Скажу, не похвалясь, каковъ я, право такихъ мало *(Отходитъ)*.

Ст-думъ. Это всего вѣроятнѣе.

Г-жа Пкова. Ты, мой батюшка, не диви на братца...

Ст-думъ. А онъ вашъ братъ?

Г-жа П-кова. Родной, батюшка: вѣдь и я по отцѣ Скотининыхъ. Покойникъ батюшка женился на покойницѣ матушкѣ. Она была по прозванію Приплодиныхъ. Насъ дѣтей было у нихъ восьмнадцать человѣкъ; да кромѣ меня съ братцомъ, всѣ, по власти Господней, примерли: иныхъ изъ бани мертвыхъ вытащили; трое, похлебавъ молочка изъ мѣднаго котлика, скончались; двое о святой недѣлѣ съ колокольни свалились; а достальныя сами не стояли, батюшка!

Ст-думъ. Вижу, каковы были и родители ваши.

Г-жа П-кова. Старинные люди, мой отецъ! Не нынѣшній былъ вѣкъ. Насъ ничему не учили. Бывало добры люди приступятъ къ батюшкѣ, ублажаютъ, ублажаютъ, чтобъ хоть братца отдать въ школу,—встати ли,—покойникъ свѣтъ, и руками и ногами, царство ему небесное! Бывало изволитъ закричать: прокляну ребенка, которой что нибудь перейметъ у бусурмановъ, и не будь тотъ Скотининъ, кто чему нибудь учиться захочетъ.

Пр-динъ. Вы однако жъ своего сынка кое-чему обучаетъ.

Г-жа П-кова Да нынѣ вѣкъ другой, батюшка. *(Къ Стародуму).* Послѣднихъ крохъ не жалѣемъ, лишь бы сына всему выучить. Мой Митрофанушка изъ-за книги не встаетъ по суткамъ. Материно мое сердце. Иное жаль, жаль, да подумаешь: за то будетъ и дѣтина хоть куда. Вѣдь вотъ ужъ ему, батюшка, шестнадцать лѣтъ исполнится около зимняго Николы. Женихъ хоть кому, а все таки учители ходятъ, часа не теряютъ, и теперь двое въ сѣняхъ дожидаются. *(Мигнула Еремеевнѣ чтобъ ихъ позвать.)* А въ Москвѣ приняли иноземца на шесть лѣтъ, и чтобъ другіе не сманили, контрактъ въ полиціи заявили. Подрядился учить, чему мы хотимъ, а по насъ учи, чему самъ умѣетъ. Мы весь родительскій долгъ исполнили: Нѣмца приняли, и деньги впередъ по третямъ платимъ. Желала бы я душевно, чтобъ ты самъ, батюшка, полюбовался на Митрофанушку, и посмотрѣлъ бы, что онъ выучилъ.

Ст-думъ. Я худой тому судья, сударыня.

Г-жа П-кова *(увидя Кутейкина и Цифиркина).* Вотъ и учители. Не говорила ль я, батюшка, что Митрофанушка мой ни днемъ, ни ночью покою не имѣетъ. Свое дитя хвалить дурно, а куда не безсчастна будетъ та, которую приведетъ Богъ быть его женою.

Пр-динъ. Это все хорошо: не забудьте однако жъ, сударыня, что гость вашъ теперь только изъ Москвы пріѣхалъ, и что ему покой гораздо нужнѣе похвалъ вашего сына.

Ст-думъ. Признаюсь, что я радъ бы отдохнуть и отъ дороги, и отъ всего того, что слышалъ и что видѣлъ.

Г-жа П-кова. Ахъ, мой батюшка! Все готово; сама для тебя комнату убирала.

Ст-думъ. Благодаренъ. Софьюшка, проводи же меня.

Г-жа П-кова. А мы-то что? Позволь, мой батюшка, проводить себя и мнѣ, и сыну, и мужу. Мы всѣ за твое здоровье въ Кіевъ пѣшкомъ обѣщаемся, лишь бы дѣльцо наше сладить.

Ст-думъ *(къ Правдину).* Когда же увидимся? Отдохнувъ, я сюда приду.

Пр-динъ. Такъ я здѣсь и буду имѣть честь васъ видѣть.

Ст-думъ. Радъ душою. *(Увидя Милона, который ему съ почтеніемъ поклонился, откланивается и ему учтиво).*

Г-жа Пр-кова. Такъ милости просимъ. *(Кромѣ учителей всѣ отходятъ. Правдинъ съ Милономъ въ сторону, а прочіе въ другую.)*

ДѢЙСТВІЕ 4-е.

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Г-жа Простакова, Простаковъ, Митрофанъ, Еремеевна и проч.

Г-жа Пр-кова *(входя)*. Все ль съ тобою, другъ мой?

Ми-фанъ. Ну, да ужъ не заботься.

Г-жа Пр-кова *(Стародуму)*. Хорошо ли отдохнуть изволилъ, батюшка? Мы всѣ въ четвертой комнатѣ на цыпочкахъ ходили, чтобы тебя не обезпокоить; не смѣли въ дверь заглянуть; послышимъ, анъ ужъ ты давно и сюда выдти изволилъ. Не взыщи, батюшка....

Ст-думъ. О, сударыня, мнѣ очень было бы досадно, ежели бъ вы сюда пожаловали ранѣ.

Ск-инъ. Ты сестра, какъ на смѣхъ, все за мною по пятамъ. Я пришелъ сюда за своею нуждою.

Г-жа П кова. А я такъ за своею. *(Стародуму.)* Позволь же, мой батюшка, потрудить васъ теперь общею нашею просьбою. *(Мужу и сыну)* Кланяйтесь.

Ст-думъ. Какою, сударыня?

Г-жа Пр-кова. Во первыхъ, прошу милости всѣхъ садиться. *(Всѣ садятся, кромѣ Митрофана и Еремеевны)*. Вотъ въ чемъ дѣло, батюшка. За молитвы родителей нашихъ (намъ грѣшнымъ гдѣ бъ и умолить), даровалъ намъ Господь Митрофанушку. Мы все дѣлали, чтобъ онъ у насъ сталъ таковъ, какъ изволишь его видѣть. Не угодноль, мой батюшка, взять на себя трудъ и посмотрѣть: какъ онъ у насъ выученъ?

Ст-думъ. О, сударыня! До моихъ ушей уже дошло, что онъ теперь только и отучиться изволилъ. Я слышалъ объ его учителяхъ; и вижу напередъ, какому грамотѣю ему быть надобно, учася у Кутейкина, и какому математику, учася у Цыфиркина. *(Къ Правдину)*. Любопытенъ бы я былъ послушать, чему нѣмецъ-отъ его выучилъ.

Г-жа Пр-кова. Всѣмъ наукамъ, батюшка. } *Вмѣстѣ.*

Пр-ковъ. Всему, мой отецъ. }

Ми-фанъ. Всему, чему изволишь. }

Пр-динъ *(Митрофану)*. Чему жъ бы напримѣръ?

Ми-фанъ. *(подаетъ ему книгу)*. Вотъ, грамматикѣ.

Пр-динъ *(взявъ книгу)*. Вижу. Это грамматика. Что жъ вы въ ней знаете?

Ми-фанъ. Много. Существительное, да прилагательное...

Пр-динъ. Дверь, напримѣръ, какое имя: существительное или прилагательное?

Ми-фанъ. Дверь! котора дверь?

Пр-динъ. Котора дверь! Вотъ эта.

Ми-фанъ. Эта прилагательная.

Пр-динъ. Почему жъ?

Ми-фанъ. Потому что она приложена къ своему мѣсту. Вонъ у чулана шеста недѣля дверь стоитъ еще не навѣшена: такъ та покамѣстъ существительна.

Пр-динъ. Такъ по этому у тебя слово: дуракъ, прилагательное, потому что оно прилагается къ глупому человѣку.

Ми-фанъ. И вѣдомо.

Г-жа Пр-кова. Что, каково, мой батюшка?

Пр-ковъ. Каково, мой отецъ?

Пр-динъ. Нельзя лучше. Въ грамматикѣ онъ силенъ.

Милонъ. Я думаю не меньше и въ Исторіи.

Г-жа Пр-кова. То, мой батюшка, онъ еще съизмала къ исторіямъ охотникъ.

Ск-инъ. Митрофанъ по мнѣ. Я самъ безъ того глазъ не сведу, чтобъ выборной не разсказывалъ мнѣ исторій. Мастеръ, собачій сынъ! откуда что берется!

Г-жа П-кова. Однако все таки не придетъ противъ Адама Адамыча.

Пр-динъ *(Митрофану)*. А далеко ли вы въ Исторіи?

Ми-фанъ? Далеко ль? Какова исторія. Въ иной залетишь за тридевять земель, за тридесято царство.

Пр-динъ. А такъ этой-то исторіи учитъ васъ Вральманъ?

Ст-думъ Вральманъ? Имя что-то знакомое.

Ми-фанъ. Нѣтъ. Нашъ Адамъ Ада-

мычь исторіи на разсказываетъ; онъ, что я-же, самъ охотникъ слушать.

Г-жа П-ва. Они оба заставляютъ себѣ разсказывать исторіи скотницу Хавронью.

Пр-динъ. Да не у ней ли оба вы учились и Географіи?

Г-жа П-ва *(сыну)*. Слышь, другъ мой сердечной. Это что за наука?

Ми-фанъ *(тихо Матери)*. А я почемъ знаю.

Г-жа П-ва *(тихо Митрофану)*. Не упрямься, душечка. Теперь-то себя и показать.

Ми-фанъ *(тихо матери)*. Да я не возьму въ толкъ, о чемъ спрашиваютъ.

Г-жа П-ва *(Правдину)*. Какъ, батюшка, назвалъ ты науку-то?

Пр-динъ. Географія.

Г-жа П-ва *(Митрофану)*. Слышишь, еоргафія.

Ми-фанъ. Да что такое! Господи, Боже мой. Пристали съ ножемъ къ горлу.

Г-жа П-ва *(Правдину)*. И вѣдомо, батюшка. Да скажи ему сдѣлай милость, какая эта наука-то: онъ ее и разскажетъ.

Пр-динъ. Описаніе земли.

Г-жа П-ва *(Стародуму)*. А къ чему бы это служило на первый случай?

Ст-думъ. На первый случай годилось бы и къ тому, что ежели бъ случилось ѣхать, такъ знаешь, куда ѣдешь.

Г-жа П-ва. Ахъ, мой батюшка! Да извощики-то на чтожъ? Это ихъ дѣло. Это таки и наука-то не дворянская. Дворянинъ только скажи: повези меня туда, свезутъ, куда изволишь. Мнѣ повѣрь, батюшка, что конечно то вздоръ, чего не знаетъ Митрофанушка.

Ст-думъ. О, конечно, сударыня. Въ человѣческомъ невѣжествѣ весьма утѣшительно считать все то за вздоръ, чего не знаешь.

Г-жа П-ва. Безъ наукъ люди живутъ и жили. Покойникъ батюшка воеводою былъ пятнадцать лѣтъ, а съ тѣмъ и скончаться изволилъ, что не умѣлъ грамотѣ, а умѣлъ достаточекъ нажить и сохранить. Челобитчиковъ принималъ всегда, бывало, сидя на желѣзномъ сундукѣ. Послѣ всякаго сундукъ отворитъ, и что нибудь положитъ. То-то экономъ былъ! Жизни не жалѣлъ, чтобъ изъ сундука ничего не вынуть. Передъ другимъ не похвалюсь, отъ васъ не потаю: покойникъ-свѣтъ, лежа на сундукѣ съ деньгами, умеръ, такъ сказать, съ голоду. А! каково это?

Ст-думъ. Препохвально. Надобно быть Скотинину, чтобъ вкусить такую блаженную кончину.

Ск-инъ. Да коль доказывать, что ученье вздоръ, такъ возьмемъ дядю Вавилу Фалелеича. О грамотѣ никто отъ него не слыхивалъ. ни онъ отъ кого слышать нехотѣлъ; а какова была головушка!

Пр-динъ. Что жъ такое?

Ск-инъ. Да съ нимъ на роду вотъ что случилось. Верхомъ на борзомъ иноходцѣ разбѣжался онъ хмѣльной въ каменны ворота. Мужикъ былъ рослой, вороты низки, забылъ наклониться— какъ хватитъ себя лбомъ о притолоку, индо пригнуло къ похвямъ потылицею, и бодрый конь вынесъ его изъ воротъ къ крыльцу навзничь. Я хотѣлъ бы знать, есть ли на свѣтѣ ученый лобъ, который бы отъ такого тумака не развалился, а дядя, вѣчная ему память, протрезвясь, спросилъ только, цѣлы ли ворота?

Милонъ. Вы, господинъ Скотининъ, сами признаете себя неученымъ человѣкомъ, однако я думаю въ этомъ случаѣ и вашъ лобъ былъ бы не крѣпче ученаго.

Ст-думъ *(Милону)*. Объ закладъ не бейся, другъ мой. Я думаю, что Скотинины всѣ родомъ крѣпколобы.

Г-жа П-ва. Батюшка мой! да что за радость и выучиться? Мы это видимъ своими глазами и въ нашемъ краю. Кто посмышленѣе, того свои же братья тотчасъ выберутъ еще въ какую нибудь должность.

Ст-думъ. А кто посмышленѣе, тотъ и не откажетъ быть полезнымъ своимъ согражданамъ.

Г-жа П-ва. Богъ васъ знаетъ, какъ вы ныньче судите. Унасъ бывало всякой того и смотритъ, что на покой. *(Правдину).* Ты самъ, батюшка, сколько трудишься! Вотъ и теперь, сюда шедши, я видѣла, что къ тебѣ несутъ какой-то пакетъ.

Пр-динъ. Ко мнѣ пакетъ? И мнѣ никто этого не скажетъ. *(Вставая).* Я прошу извинить меня, что васъ оставляю. Можетъ быть, есть ко мнѣ какія нибудь повелѣнія отъ Намѣстника.

Ст-думъ *(встаетъ и всѣ встаютъ)* Поди, мой другъ; однако я съ тобою не прощаюсь.

Пр-динъ. Я еще увижусь съ вами. Вы завтра поутру ѣдете?

Ст-думъ. Часовъ въ семь. *(Правдинъ отходитъ).*

Милонъ. А я завтра же, проводя васъ, поведу мою команду. Теперь пойду дѣлать къ тому распоряженіе *(Милонъ отходитъ, прощаясь съ Софьею взорами.)*

ДѢЙСТВІЕ 5-е.

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Простакова, Софья, Стародумъ, Правдинъ и Скотининъ.

Ск-нъ. Ну, сестра, хорошу было шутку... Ба! что это? Всѣ наши на колѣняхъ!

Г-жа П-ва *(стоя на колѣняхъ).* Ахъ, мои батюшки! повинную голову мечъ не сѣчетъ. Мой грѣхъ! Не губите меня. *(къ Софьѣ)* Мать ты моя родная, прости меня, умилосердись надо мною *(указывая на мужа и сына)* и надъ бѣдными сиротами!

Ск-нъ. Сестра! О своемъ ли ты умѣ?

Пр динъ. Молчи, Скотининъ.

Г-жа П-ва. Богъ дастъ тебѣ благополучіе и съ дорогимъ женихомъ твоимъ. Что тебѣ въ головѣ моей?

Софья *(Стародуму).* Дядюшка! Я мое оскорбленіе забываю.

Г-жа П-ва *(поднявъ руки къ Стародуму).* Батюшка! Прости и ты меня грѣшную. Вѣдь я человѣкъ, не ангелъ.

Ст-думъ. Знаю, знаю, что человѣку нельзя быть ангеломъ: да не надобно быть и чортомъ. И преступленіе и раскаяніе въ ней презрѣнія достойны.

Пр-динъ *(Стародуму).* Ваша малѣйшая жалоба, ваше одно слово предъ правительствомъ.... и ужъ спасти ее нельзя.

Ст-думъ. Не хочу ни чьей погибели. Я ее прощаю *(Всѣ вскочили съ колѣней).*

Г-жа П-ва. Простилъ! Ахъ, батюшка!.. Ну! Теперь-то дамъ я зорю канальямъ своимъ людямъ; теперь-то я всѣхъ переберу поодиночкѣ; теперь-то допытаюсь, кто изъ рукъ ее выпустилъ? Нѣтъ, мошенники! Нѣтъ, воры! Вѣкъ не прощу этой насмѣшки.

П-динъ. А за что вы хотите наказывать людей вашихъ?

Г-жа П-ва. А батюшка! это что за вопросъ? Развѣ я не властна и въ своихъ людяхъ?

Пр-динъ. А вы считаете себя въ правѣ драться тогда, когда вздумается?

Ск-нъ. Да развѣ дворянинъ не воленъ поколотить слугу, когда захочетъ?

Пр-динъ. Когда захочетъ! Да что за охота? Прямой ты Скотининъ. *(Г-жѣ Простаковой)* нѣтъ, сударыня, тиранствовать никто не воленъ.

Г-жа П-ва. Не воленъ! Дворянинъ, когда захочетъ, и слуги высѣчь не воленъ! Да на что жъ данъ намъ указъ отъ о вольности дворянства?

Ст-думъ Мастерица толковать указы.

Г-жа П-ва. Извольте насмѣхаться; а я теперь же всѣхъ съ головы... на голову *(Порывается идти).*

Пр-динъ *(останавливая ее).* Поостановитесь, сударыня! *(Вынувъ бумагу и важнымъ голосомъ Простакову).* Именемъ правительства вамъ приказываю сей же часъ собрать людей и крестьянъ вашихъ для объявленія имъ указа, что за безчеловѣчіе жены вашей, до котораго попустило ее ваше крайнее слабомысліе, повелѣваетъ мнѣ правительство принять въ опеку домъ вашъ и деревни.

Пр-ковъ. А! до чего мы дожили!

Г-жа П-ва. Какъ! Новая бѣда! За что? За что, батюшка? Что я въ своемъ домѣ госпожа...

Пр-динъ. Госпожа безчеловѣчная, которой злонравіе въ благоучрежденномъ государствѣ терпимо быть не можетъ. Подите.

Пр-ковъ *(отходитъ, всплеснувъ руками)*. Отъ кого это, матушка!

Г-жа П-ва *(Тоскуя)*. О, горе взяло! О грустно!

Ск-нъ *(въ сторону)*. Ба! ба! ба! Да эдакъ и до меня доберутся. Да эдакъ и всякой Скотининъ можетъ попасть подъ опеку... Уберусь же я отсюда по добру по здорову.

Пр-нъ *(Скотинину)*. А скорѣе всего ты. Я слыхалъ, что ты съ свиньями не въ примѣръ лучше обходишься, нежели съ людьми...

Ск-нъ. Государь ты мой милостивой. Да какъ къ людямъ и лежать у меня сердцу? Самъ ты разсуди: люди передомною умничаютъ, а между свиньями я самъ всѣхъ умнѣе.

Г-жа П-ва. Все теряю! Совсѣмъ погибаю!

Ск-нъ *(Ст-думу)*. Я шелъ было къ тебѣ добиться толку. Женихъ....

Ст-умъ *(указывая на Милона)*. Вотъ онъ.

Ск-нъ. Ага! Такъ мнѣ и дѣлать здѣсь нечего. Кибитку впрячь, да и...

Пр-динъ. Да и ступай къ своимъ свиньямъ. Не забудь однакожъ повѣстить всѣмъ Скотининымъ, чему опи подвержены.

Ск-нъ. Какъ друзей не остеречь! Повѣщу имъ, чтобъ они людей...

Пр-динъ. Побольше любили, или бъ покрайней мѣрѣ....

Ск-нъ. Ну!...

Пр-динъ. Хоть не трогали.

Ск-нъ *(отходя)*. Хоть не трогали.

ЯВЛЕНІЕ 5-Е.

Госпожа Простакова, Стародумъ, Правдинъ, Митрофанъ, Софья, Еремеевна.

Г-жа П-ва *(Пр-дину)*. Батюшка! не погуби ты меня! Что тебѣ прибыли? Не возможноль какъ нибудь указъ поотмѣнить? Всѣ ли указы исполняются?

Пр-динъ. Я отъ должности никакъ не отступлю.

Г-жа П-ва. Дай мнѣ сроку хоть на три дни. *(Въ сторону)*. Я дала бы себя знать...

Пр-динъ. Ни на три часа.

Ст-думъ. Да, другъ мой! Она и въ три часа напроказить можетъ столько, что вѣкомъ не пособишь.

Г-жа П-ва. Да какъ вамъ, мой батюшка, самому входить въ мелочи?...

Пр динъ. Это мое дѣло. Чужое возвращено будетъ хозяевамъ; а...

Г-жа П-ва. А съ долгами-то раздѣлаться? Не доплачено учителямъ....

Пр-динъ. Учителямъ? *(Ер-внѣ)*. Здѣсь ли они? Введи ихъ сюда....

Ер-внъ. Чай, что прибрели. А нѣмцато, мой батюшка?...

Пр-динъ. Всѣхъ позови. *(Еремеевна отходитъ)*.

Пр-динъ. Незаботься ни очемъ, сударыня: я всѣхъ удовольствую.

Ст-думъ *(видя въ тоскѣ Г-жа Пркову)*. Сударыня! Ты сама себя почувствуешь лучше, потерявъ силу дѣлать другимъ дурно.

Г-жа П-ва. Благодарна за милость! Куда я гожусь, когда въ моемъ домѣ моимъ же рукамъ и воли нѣтъ!—

(Обѣ комедіи напечатаны съ изданія 1830 года).

IX. НОВИКОВЪ.

(1744—1816).

Живописецъ, журналъ 1772 года.

СЫНУ МОЕМУ ѲАЛАЛЕЮ.

Такъ-то ты почитаешь отца твоего, заслуженнаго и почтеннаго драгунскаго ротмистра? тому ли я тебя проклятаго училъ и того ли отъ тебя надѣялся, чтобы ты на старости отдалъ меня на посмѣшище цѣлому городу? Я писалъ къ тебѣ окаянному въ наставленіе, а ты это письмо отдай напечатать. Погубилъ ты, супостатъ, мою головушку: пришло съ ума сойти! Слыханное ли

ето дѣло, чтобы дѣти надъ отцами своими такъ ругались! Да знаешь ли ты ето, что я тебя за непочтеніе къ родителямъ, въ силу указовъ, велю высѣчь кнутомъ: меня Богъ и Государь тѣмъ пожаловали; я воленъ и надъ животомъ твоимъ; видно, что ты ето позабылъ. Кажется, я тебѣ много разъ толковалъ, что ежели отецъ или мать сына своего и до смерти убьетъ, такъ и за ето положено только церковное покаяніе. Эй, сынокъ, спохватись! не сыграй надъ собою шутки: вѣть недалеко великій постъ, попоститься мнѣ не мудрено; Петербургъ не за горами, я и самъ къ тебѣ могу пріѣхать. Ну, сынъ, я тебя теперь въ послѣдній разъ прощаю, по просьбѣ твоей матери; а ежели бы не она, такъ ужъ бы я далъ тебѣ знать себя. Я бы и ее непослушался, ежели бы она не была больна при смерти. Только смотри, впредь берегись; вѣть ежели ты окажешь ко мнѣ еще какое непочтеніе, такъ ужь нежди никакой пощады; я не Сидоровнѣ чета: у меня не одинъ мѣсяцъ проохаешь, лишь бы только мнѣ до тебя дорваться. Слушай же, сынокъ, коли ты хочешь опять прійти ко мнѣ въ милость, такъ просись въ отставку, да пріѣзжай ко мнѣ въ деревню. Есть кому и безъ тебя служить: пускай кабы не было войны, такъ бы хоть и послужить можно было, ето бы твое дѣло; а то вѣть ты знаешь, что нынчи время военное; неровно какъ пошлютъ въ армію, такъ пропадешь ни за копѣйку. Есть пословица: Богу молись, а самъ не плошись; уберись-ка въ сторонку, такъ ето здоровѣе будетъ. Поди въ отставку да пріѣзжай домой: ѣжъ до сыта, спи сколько хочешъ, а дѣла за тобою никакова небудетъ. Чего тебѣ лутче етого? За честью, свѣтъ, не угоняешся; честь! худая честь, коли нечего будетъ ѣсть. Пусть у тебя не будетъ Егорья, да будешь ты за то поздоровѣе всѣхъ Егорьевскихъ кавалеровъ. Съ Егорьемъ-то и молодые люди частехонько поохиваютъ, а которые постарѣе, такъ тѣ чуть дышутъ: у кого руки перестрѣляны, у кого ноги, у иного голова; такъ радостно ли отцамъ смотрѣться на дѣтей изуродованныхъ? и невѣста ни одна не пойдетъ. А я тебѣ уже и пріискалъ было невѣсту. Дѣвушка не убогая, грамотѣ и писать умѣетъ, а пуще всего великая экономка: у нее ни синей порохъ даромъ не пропадетъ; такую-то, сынокъ, я тебѣ невѣсту сыскалъ. Дай только Богъ вамъ совѣтъ да любовь, да чтобы тебя отпустили въ отставку. Пріѣзжай, другъ мой: тебѣ будетъ чѣмъ жить опричъ невѣстина приданаго: я накопилъ довольно. Я и позабылъ было тебѣ сказать, что нареченная твоя невѣста двоюродная племянница нашему воеводѣ; вѣть ето, другъ мой, не шутка: всѣ наши спорныя дѣла будутъ рѣшены въ нашу пользу, и мы съ тобою у иныхъ сосѣдей землю обрѣжемъ по самые гумна: то-то любо? и курицы некуда будетъ выпустить. Со всемъ будемъ ѣздить въ городъ: то-то, Ѳалалеюшка, будетъ намъ житье! никто не куркай! Да полно, что тебя учить: ты вѣть уже не малой ребенокъ, пора своимъ умкомъ жить. Ты видишь, что я тебѣ не лиходѣй, учу всегда доброму, какъ бы тебѣ жить было попригоднѣе. Да и дядя твой Ермолай чуть не тоже ли тебѣ совѣтуетъ. Онъ хотѣлъ писать къ тебѣ съ тѣмъ же ѣздокомъ. Мы съ нимъ объ этомъ поговорили довольно, сидя подъ любимымъ твоимъ дубомъ, гдѣ бывало ты въ молодыхъ лѣтахъ забавлялся: вѣшивалъ собакъ на сучьяхъ, которыя худо гоняли за зайцами, и сѣкалъ охотниковъ за то, когда собаки ихъ перегоняли твоихъ. Куда какой ты былъ проказникъ съ молоду! бывало животики надорвемъ со смѣха. Молись, другъ мой, Богу! ума у тебя довольно: можно вѣкъ прожить. Не испугайся, Ѳалалеюшка: у насъ не здорово, мать твоя Акулина Сидоровна лежитъ при смерти. Батько Иванъ исповѣдалъ ее и масломъ особоровалъ. А занемогла она, другъ мой, отъ твоей охоты: Налетку твою кто-то съѣздилъ полѣномъ и перешибъ крес-

стецъ; такъ она голубушка моя какъ услышала, такъ и свѣту Божьяго не взвидѣла: такъ и повалилась! А послѣ какъ опомнилась, то пошла ето дѣло разыскивать; и такъ надсадила себя, что чуть жива пришла и повалилась на постелю; да ктому же выпила студеной воды цѣлой жбанъ, такъ и присунулась къ ней огневица. Худа, другъ мой, мать твоя, очень худа! Я тово и жду, какъ сошлетъ Богъ по душу. Знать что Ѳалелеюшко, разставаться мнѣ съ женою, а тебѣ и съ матерью и съ Налеткою. Тебѣ таки, другъ мой, все легче моего: Налеткины щенята, слава Богу! живы; авось таки, которой нибудь удастся по матери; а мнѣ ужъ эдакой жены не нажить. Охти мнѣ, пропала моя головушка! Гдѣ мнѣ за всѣмъ одному усмотрѣть! Не сокруши ты меня, пріѣзжай, да женись, такъ хоть бы и тѣмъ я порадовался, что у меня была бы невѣстка. Тошно, Ѳалелеюшко, съ женою разставаться: я было ужъ къ ней привыкъ; тридцать лѣтъ жили вмѣстѣ: какъ у печки погрѣлся! Виноватъ я передъ нею: много побита она отъ меня на своемъ вѣку; ну да какъ безъ етого? живучи столько вмѣстѣ и горшокъ съ горшкомъ столкнется: какъ безъ того! я крутъ больно, а она неуступчива: такъ бывало хоть маленько, такъ тотчасъ и дойдетъ до драки. Спасибо хоть за то что она отходчива была. Учись, сынокъ, какъ жить съ женою; мы хоть и дирались съ нею, да все таки живемъ вмѣстѣ; и мнѣ ее теперь право жаль. Худо, другъ мой, и ворожеи не помогаютъ твоей матери; много ихъ приводили, да пути нѣтъ, лишь только деньги пропали. За симъ писавый кланяюсь, отецъ твой Трифонъ, благословеніе тебѣ посылаю.

Свѣтъ мой Ѳалалей Трифоновичъ!

Что ты ето, другъ мой сердечной, накудесилъ? пропала бы твоя головушка; вѣть ты уже не тапер знаешь Панкратьевича: какъ ты себя не бережешь? ну кабы ты, бѣдненькой, попался ему въ руки: такъ вѣть бы онъ тебя изуродовалъ пуще Божьева милосердія. Нечево, Ѳалалеюшка; норовок-атъ у него, прости Господи, чертовской; ужъ я ли ему не угождаю, да и тутъ никогда не попаду въ ладъ. Какъ закуралѣситъ, такъ и святыхъ вонъ понеси. А ты, батька мой, что ето сдѣлалъ! отдай писмо ево напечатать; вѣть ему всѣ сосѣди смѣются: экой-де у тебя сынокъ, что и надъ отцемъ ругается. Да полно вѣть, Ѳалалеюшка, всѣхъ рѣчей не переслушаешь; мало ли что лихіе люди говорятъ. Богъ съ ними, у нихъ свои дѣтки есть, Богъ имъ заплатитъ. Чужое-то робя всегда худо: наши лутче всѣхъ, а кабы оглянулись на своихъ дѣтокъ, такъ бы и не то еще увидѣли. Поберегл ты, мой батько, самъ себя, не разсерди отца-то еще; съ нимъ и чортъ тогда уже не совладѣетъ. Отпиши ему поласковѣе, да хоть солги что нибудь, вѣть ето не какой грѣхъ, не чужова будешь обманывать; и всѣ дѣти не праведники: какъ передъ отцемъ не солгать. Отцамъ да матерямъ на дѣтей не насердиться: свой своему по неволѣ другъ. Дай Богъ тебѣ, мой другъ сердечной, здоровье, а я лежу на смертной постелѣ; не умори ты меня безвременно: пріѣзжай къ намъ поскорѣе, хоть бы мнѣ на тебя насмотрѣться въ послѣдній разъ. Худо, другъ мой, мнѣ приходитъ; нечево, очень худо; обрадуй, свѣтъ мой, меня: ты вѣтъ у меня одинъ-одинехонекъ, какъ синей порохъ въ глазѣ; какъ мнѣ тебя не любить? кабы у меня дѣтей было много, то бы свое дѣло. Заставай, батька мой, меня живую: я тебя благословлю твоимъ Ангеломъ, да отдамъ тебѣ всѣ мои денжонки, которыя украдкою отъ Панкратьевича накопила: вѣть для тебя же, мой свѣтъ; отец-атъ тебѣ не сколько дастъ денегъ, а твое еще дѣло дѣтское: какъ не полакомиться, какъ не повеселиться? твои, другъ мой, такія еще лѣта, чтобы забавляться; мы и сами съ молоду таковы же были. Веселись, мой батюш-

ка, веселись; придетъ такая пора, что и веселье на умъ не пойдетъ. Послала я къ тебѣ, Ѳалалеюшка, сто рублей денегъ, только ты объ нихъ къ отцу не пиши; я ето сдѣлала украдкою: кабы онъ свѣдалъ про ето, такъ бы меня, свѣтъ мой, забранилъ. Отцы-та всегда таковы: только что брюзжатъ на дѣтей, а никогда не потѣшатъ. Мое, другъ мой, не отцевское сердце, материнское: послѣднюю копѣйку изъ за души отдамъ, лишь бы ты былъ веселъ и здоровъ. Батька ты мой Ѳалалей Трифоновичь, дитя мое любезное, свѣтъ мой, умникъ, худо мнѣ приходитъ: какъ мнѣ съ тобою разставаться будетъ? на ково тебя я покину? Погубитъ онъ, супостатъ, мою головушку! Этотъ старый хрычъ когда нибудь тебя изуродуетъ. Береги, мой свѣтъ, себя, какъ можно береги: плетью обуха не перебьешь; что ты съ эдакимъ чортомъ, прости Господи, сдѣлаешь! Пріѣзжай, мой батька, къ намъ въ деревню, какъ таки можно, пріѣзжай: дай мнѣ на себя насмотрѣться: сердце мое послышало, что приходитъ мой конецъ. Прости, мой батюшка, прости, свѣтъ мой; благословеніе тебѣ посылаю, мать твоя Акулина Сидоровна, и нижайшій, мой свѣтъ, поклонъ приношу. Прости голубчикъ мой: не позабудь меня.

Лѣчебникъ.

1.

ДЛЯ НѢКОТОРАГО СУДЬИ.

Старайся знать потребныя для твоего званія науки, безъ нихъ ты никогда не будешь умѣть правильныхъ дѣлать заключеній и догадокъ. Человѣколюбіе и безкорыстіе должны первыми быть путеводителями твоего сердца. Берегись невѣжества глупыхъ господчиковъ и дерзости, съ которою они обо всемъ рѣшительно, но неправильно судятъ; бѣги праздности, лѣности и самолюбія, они враги суть чести, добродѣтели и истиннаго человѣчества. Когда ты все сіе истолчешь въ порошекъ и пересыплешь имъ свое сердце и мозгъ, тогда будешь Судія отецъ, Судія истинный, сынъ Отечества, а не судія палачъ.

2.

ДЛЯ НѢКОТОРАГО ВОЕННАГО ЧЕЛОВѢКА.

Когда ты перестанешь гордиться чиномъ, презирать крестьянъ и мѣщанъ, за тѣмъ только, что они безчиновны; безчеловѣчно увѣчить себѣ подчиненныхъ; когда ты станешь ихъ исправлять ласкою и своимъ примѣромъ, а не строгостію и мучительствомъ; когда ты возмешь по цѣлому фунту слѣдующаго, а именно: любви къ Отечеству, желанія ко истинной славѣ, благоразумной неустрашимости, знанія въ военномъ искуствѣ, покорности къ начальникамъ; снисхожденія къ подчиненнымъ и терпѣнія въ нужныхъ случаяхъ, тогда по справедливости, достоинъ будешь тѣхъ лавровъ, коими Ирои украшаются.

3.

Начеркалъ сочинилъ вздорную піесу, и вздумалъ, что онъ можетъ ровняться со всѣми славными комическими писателями. Сіе произошло отъ пристрастія и самолюбія: съ тѣхъ поръ не терпитъ онъ сочинителя новой комедіи, за то только, что его піеса хорошо написана, и что она всѣми разумными людьми похваляется. Наконецъ отъ первыхъ болѣзней приключилась ему новая, опаснѣйшая прежнихъ: онъ сталъ злоязычникъ, и всѣхъ тѣхъ ругаетъ, кто не похвалитъ его сочиненій. Отъ той болѣзни

РЕЦЕПТЪ.

Всякой день долженъ онъ читать свою піесу по два раза, сличая съ тою, которую онъ обокралъ; продолжать оное чтеніе три мѣсяца, что произведетъ въ

немъ отвращеніе отъ той его піесы; тогда увидитъ онъ свои недостатки и самолюбіе уменьшится; злоязычество же, произшедшее отъ самолюбія, есть болѣзнь неизлѣчимая.

4.

Простосердъ не домогаетъ болѣзнію, именуемою *слѣпая довѣренность*. По причинѣ сей болѣзни судитъ онъ о всѣхъ по себѣ, всѣмъ вѣритъ и думаетъ, что люди не могутъ быть злыми за тѣмъ, что добрыми сотворены. Сіе мнѣніе часто ему плачено было худо: но онъ и тогда говаривалъ, что сіе дѣлалося по слабости человѣческой, а не по злому намѣренію вредить ближнимъ. Отъ такой его опасной для него болѣзни прописанъ слѣдующій

рецептъ.

На всѣхъ людей смотрѣть въ волшебной лорнетъ, показывающій сердца съ нимъ говорящихъ людей. Сіе отъ той его болѣзни конечно излѣчитъ: но при томъ долженъ онъ употреблять свое добросердечіе, отъ чего и здѣлается честнымъ здоровымъ человѣкомъ.

5.

Незрѣлъ, вспыльчивъ, имѣетъ мысли, но не всѣмъ основательныя, а сердце кажется, что доброе. По такому его нраву съ нимъ случаются слѣдующія болѣзни: отъ бездѣлицы покраснѣетъ, взбѣсится и въ состояніи сдѣлать всякое дурачество въ своей запальчивости; а иногда онъ смѣется тому самому, за что бѣсился, и въ доброй часъ сноситъ наивеличайшія обиды. Бѣгучія мысли заводятъ его подъ небеса, но дошедъ до своихъ границъ низвергаютъ въ заблужденіе, и тогда онъ сердится самъ на себя. Во гнѣвѣ не попадайся ему ни слуга, ни собака, ни лошадь: онъ всѣхъ перебьетъ; когда же спокоенъ, то добросердіе его весьма видимо: оказываетъ услуги по своей возможности не только что пріятелямъ и знакомымъ, но въ состояніи одолжить и такого человѣка, котораго видѣлъ не болѣе двухъ разъ и не знаетъ иногда, какъ его зовутъ, отъ чего часто претерпѣвалъ убытки. Сему болящему слѣдующій

рецептъ.

Неполагаться на свои мысли, и при начатіи каждаго дѣла подробно разсматривать свои способности и силы. Въ запальчивости своей пить ему холодную воду, и продолжать до тѣхъ поръ сіпитіе, доколѣ самъ не начнетъ смѣяться своему дурачеству. Отъ излишняго же добросердечія потребно ему золотниковъ 12-ть недовѣрчивости.

6.

ДЛЯ НѢКОТОРАГО КУПЦА.

Ваша милостъ имѣлъ случай съ помощію подкупленныхъ тобою бояръ, судей и подъячихъ набогатиться отъ откуповъ и подрядовъ, или лучше сказать отъ разоренія народнаго. Хотя наполнилъ ты мѣшки свои серебромъ и золотомъ, но видно не наполнилъ ты головы своей разумомъ, презирая науки и почитая за грѣхъ читать свѣтскія книги, ты стараешся витти въ другой свѣтъ, въ которомъ ты не родился, а именно: ты добиваешся быть Дворяниномъ и имѣть чины: сыновей женить на дворянкахъ, а дочерей выдавать за Дворянъ. Желать надобно, чтобъ сіе сбылося; ибо ничто не вылѣчитъ такъ скоро твоей алчности къ чинамъ и Дворянству, какъ то разскаяніе, когда новые твои сродники все твое безъ совѣсти нажитое имѣніе промотаютъ.

СМѢЮЩІЙСЯ ДЕМОКРИТЪ.

Ба! сто тотъ, въ изодранномъ идетъ лохмотьѣ, скупяга, которой во весь свой вѣкъ собираетъ деньги и расточаетъ совѣсть; умираетъ съ голоду и холоду, которой подчиненныхъ ему слугъ пріучаетъ ѣсть для жизни: то есть, сколько потребно для удержанія души въ тѣлѣ;

которой беззаконнымъ лихоимствомъ вездѣ прославился, которой наложилъ на себя и на прочую дворовую ево скотину постъ во весь годъ, которой зимою по однножды въ недѣлю топитъ печь во своей лачугѣ, которой радъ самаго себя продать за гривну, и которой накопилъ сорокъ тысячъ рублей, на то только, чтобы по смерти своей оставить ихъ глупому племяннику, тому семнадцатилѣтнему сквернавцу, которой скупостію и безсовѣстнымъ лихоимствомъ превзошелъ шестидесятилѣтняго своего дядю; которой самъ у себя крадетъ деньги, и беретъ съ самого себя за ту кражу штрафъ, и которой во весь свой вѣкъ не хочетъ жениться для того только, чтобы на содержаніе жены и дѣтей не тратить излишняго. О! они достойны, чтобы надъ ними посмѣяться: ха, ха, ха!

Кажется, что я вижу ему противоположника. Конечно ето *Мотъ*? такъ, онъ и есть. О! етотъ молодецъ не имѣетъ пороковъ своего батюшки; но вмѣсто того зараженъ другими не лучше тѣхъ. Батюшка ево беззаконно собиралъ деньги, а сей безумно ихъ расточаетъ. Скупой ево родитель съѣдалъ то въ мѣсяцъ, что бы надлежало въ одинъ день скушать: напротивъ *Мотъ*, то въ день съѣдаетъ, что бы въ годъ ему съѣстъ надлежало: тотъ хаживалъ пѣшкомъ для того только, чтобъ не тратить денегъ на кормъ лошади: а сей держитъ шесть каретъ и шесть пуговъ лошадей, опричь верховыхъ и санныхъ для того, чтобы не наскучило въ одномъ ѣздить екипажѣ. Тотъ двадцать лѣтъ таскалъ одинъ кафтанишка, а *Моту* и въ одинъ годъ двадцати паръ кажется мало. Короче сказать, отецъ всякими непозволенными средствами, лихоимствомъ, обидою ближнихъ и разореніемъ безпомощныхъ собралъ себѣ великія сокровища, а *Мотъ*, разоряя самого себя, другихъ надѣляетъ. Оба они дураки и обѣимъ имъ посмѣюся: ха! ха! ха!

Вотъ еще кавалеръ достойной смѣха. Ето *Надмѣнъ*. Онъ имѣетъ знатной чинъ, великой достатокъ и малой умъ: ему велѣно дѣлать людей блаженными, поелику можно, но онъ и послѣднее спокойство у нихъ отнимаетъ. *Надмѣнъ* не говоритъ ни съ кѣмъ ласково за тѣмъ, что не хочетъ себя до тово унизить. Милостей никому не дѣлаетъ, но иногда обѣщаетъ. Онъ хочетъ, чтобы всѣ искали ево покровительства: но подъ оное никово почти не принимаетъ; а ежелибы и вздумалось ему сію милость кому сдѣлать, такъ тотъ ничево бы не выигралъ, ибо *Надмѣнъ* ково больше любитъ, тово больше и наказываетъ. Въ заключеніе, *Надмѣнъ* всѣхъ глупѣе: а думаетъ, что всѣ ево глупѣе. Какъ надъ нимъ не посмѣяться: ха! ха! ха!

Ето кто такъ прытко скачетъ? ба! *Плохъ*. Онъ спѣшитъ показать свою глупость въ какомъ ни на есть знатномъ домѣ. *Плохъ* тщеславится тѣмъ, что имѣетъ входъ къ знатнымъ господамъ; таскается къ нимъ сколько возможно чаще, и дѣлаетъ въ угодность имъ разныя дурачества, думая оказать другимъ свое у нихъ могущество. Вмѣшивается въ ихъ разговоры, и ничево незная, думаетъ оказать себя разумнымъ; онъ читаетъ книгу но ничево не понимаетъ: ходитъ въ Ѳеатръ, критикуетъ актеровъ, и по наслышкѣ затвердя, споритъ: етотъ актеръ хорошъ, а етотъ худъ. Знатнымъ господамъ разсказываетъ разныя небылицы, и старается говорить острыя слова, но всегда не къ статѣ: словомъ, *Плохъ* старается себя увѣрить, что поступки ево разумны, однакожъ всѣ думаютъ, что поступки ево глупы. Ха! ха! ха!

Ханжа выступаетъ смиренно изъ церкви, раздаетъ по полушечкѣ бѣднымъ, ево окружающимъ, и щитаетъ оныя по чоткамъ. Идучи читаетъ молитвы, отъ женщинъ свой взоръ отвращаетъ, оберегая свои очи; ибо онъ говоритъ, чтобы конечно оба ихъ иссякнулъ, ежели бы они ево соблазнили. *Ханжа* грѣшитъ по минутно, но показываетъ себя пра-

ведникомъ, идущимъ по пути, устланному терніемъ. Притворныя молитвы, набожность и посты, не мѣшаютъ ему разорять и утѣснять сколько возможно всѣхъ бѣдныхъ. *Ханжа* грабилъ тысячами, а раздаетъ полушками. Такою наружностію онъ многихъ обманываетъ. Молодымъ людямъ ежечасно толкуетъ девять блаженствъ, но самъ въ шестьдесятъ лѣтъ своей жизни ни однажды ни котораво не успѣлъ сдѣлать. *Ханжа* ходитъ всегда смиренно, и не возводитъ никогда своихъ глазъ на небо, за тѣмъ, что не надѣется обмануть тамъ живущихъ: но смотря въ землю обманываетъ ея обитателей. Ха! ха! ха!

X. ЕКАТЕРИНА II.

О время! комедія (1772.)

Дѣйствующія лица: Г-жа Ханжахина; Вѣстникова, Чудихина; Христина, внучка Ханжахиной; Мавра, служанка Ханжахиной; Непустовъ, Молокососовъ; послѣдній хочетъ жениться на Христинѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Непустовъ, Мавра.

М. Повѣрьте, что я говорю правду. Вы не можете ее видѣть. Она теперь молится, и я сама войти къ ней въ горницу не смѣю.

Н. Да развѣ она цѣлый день молится? Когда я ни приду, все говорятъ мнѣ, не время; поутру была она у заутрени, а теперь опять на молитвѣ.

М. И все такъ у насъ время проходитъ.

Н. Молиться хорошо: однако есть въ жизни нашей и должности, которыя свято наблюдать мы обязаны. Неужели она и день и ночь насквозь молится?

М. Нѣтъ. Упражненія наши перемѣнны; однако все идетъ своимъ порядкомъ; иногда у насъ обыкновенныя службы, иногда чтеніе минеи-четій, а иногда, покинувъ чтеніе, боярыня наша изволитъ проповѣдывать намъ о молитвѣ, воздержаніи и постѣ.

Н. Слышалъ я, что госпожа твоя ханжитъ много, а о добродѣтеляхъ ея мало я слыхалъ.

М. Правду сказать и я много о томъ не могу говорить. О постѣ и воздержаніи твердитъ она всѣмъ своимъ людямъ весьма часто, а особливо при раздачѣ мѣсячины и указнаго. Сама жъ никогда столько прилежности къ молитвѣ не показываетъ, какъ въ то время, когда приходятъ къ ней должники, требуютъ отъ нея за забранные по счетамъ товары платы. Она, швырнувъ въ меня однажды молитвенникомъ, столь сильно голову мнѣ расшибла, что я съ недѣлю лежать была принуждена: а за что? за то только, что я пришла во время вечерни доложить ей, что купецъ пришелъ за деньгами, которыя она, занявъ у него по шести процентовъ, отдала въ ростъ по шестнадцати со ста. «Проклятая безбожница, «кричала она на меня, такой ли те«перь часъ? Пришла ты, какъ сатана, «искушать меня свѣтскими суетами тогда, «когда всѣ мысли мои заняты покаяніемъ, «и отъ всякаго о свѣтѣ семъ попеченія «удалены.» Прокричавъ съ великимъ сердцемъ сіе, бросила мнѣ въ високъ книгу. Посмотрите, и теперь еще знакъ есть, но я мушкою залѣпливаю его. Не можно никакъ къ ней примѣниться: странный весьма человѣкъ; иногда не хочетъ, чтобъ ей говорили, а иногда и въ самой церкви сама безъ умолка и безъ конца болтаетъ. Говоритъ, что грѣшно осуждать ближняго, а сама всѣхъ судитъ, о всѣхъ переговариваетъ, особливо молодыхъ барынь терпѣть не можетъ; и кажется ей, что онѣ все не такъ дѣлаютъ, какъ бы по мнѣнію ея дѣлать надлежало.

Н. Радъ я узнать ея нравъ: это знаніе поможетъ мнѣ много въ дѣлѣ о женитьбѣ господина Молокососова. По правду сказать, трудно жъ ему будетъ уживаться съ эдакою бабушкою: она или изъ дому его выживетъ, или въ могилу его вгонитъ. Сама жъ она требовала, чтобы мы къ Москвѣ пріѣхали, чтобъ

условиться о внучкиной свадьбѣ. Мы для того, отпросясь на двадцать на девять дней въ отпускъ, изъ Петербурга сюда прискакали: и тому уже три недѣли, какъ живучи здѣсь, всякой день о томъ домогаемся, а она всякій день новыя находитъ къ тому препятствія. Намъ приходитъ уже срокъ и мы немедленно должны возвратиться. Что-то будетъ сегодня? обѣщала дать рѣшительное слово, хотя я къ тому и начала не вижу.

М. Потерпите, сударь, немного; послѣ вечерни, можетъ быть, вы ее увидите; а прежде этого времени она неохотно гостей принимаетъ.

Н. Да мнѣ есть многое о чемъ переговорить съ нею, и для того скажи ей, что я здѣсь; авось-либо она и пуститъ меня къ себѣ.

М. Нѣтъ, сударь; я ни изъ чего къ ней не пойду. Мнѣ или битой, или по крайней мѣрѣ браненой быть. Она и безъ того часто на меня гнѣвается, и называетъ меня бусурманкою за то, что иногда читаю я ежемѣсячныя сочиненія, а иногда и Клевеланда.

Н. Да ты можешъ ей сказать, что я усильно прошу ее видѣть.

М. Кой часъ вечерня отойдетъ, то я и пойду къ ней, а не прежде. Однако далѣе шести часовъ я не совѣтую вамъ оставаться. Въ это время наѣдетъ къ ней довольное число барынь, подобныхъ ей, которыя обыкновенно забавляютъ ее вѣстьми, изо всѣхъ угловъ города собранными; переговариваютъ и злословятъ всѣхъ знакомыхъ, перебирая ихъ по христіанской любви всѣхъ на перечетъ; увѣдомляютъ о всѣхъ Петербургскихъ новостяхъ, къ нимъ прилыгая, примышляя; однѣ убавляютъ, другія прибавляютъ. За правду никто въ этомъ собраніи не отвѣтствуетъ, до того намъ дѣла нѣтъ, лишь бы все было выговорено, что слышали, и что къ тому примыслили.

Н. Да покрайней мѣрѣ оставятъ ли насъ хоть поужинать? какъ ты думаешь?

М. Сомнѣваюсь. Какіе у постницъ ужины?

Н. Какъ? Да развѣ отъ скупости вы поститесь? Вѣдь сегодни и день непостный.

М. Я того точно неговорю только.... только.... Мы лишнихъ гостей не любимъ.

Н. Говори со мною, Маврушка, откровеннѣе. Какъ тебѣ госпожи своей незнать? Скажи мнѣ правду. Мнѣ кажется, что она наполнена суевѣріемъ и пустосвятствомъ, а притомъ и весьма зла.

М. Кто добродѣтелей ищетъ въ долгихъ молитвахъ и въ наружныхъ обыкновеніяхъ и обрядахъ, тотъ боярыню мою безъ похвалы не оставитъ. Она наблюдаетъ строго дни праздничные; къ обѣднѣ всякій день ѣздитъ; свѣчу передъ праздникомъ всегда ставитъ; мяса по постамъ не ѣстъ; ходитъ въ шерстяномъ платьѣ.... Да неподумайте, что изъ скупости.... и ненавидитъ всѣхъ тѣхъ, кои ея правиламъ не слѣдуютъ. Нынѣшнихъ обычаевъ и роскоши она терпѣть не можетъ, а любитъ и хвалитъ старину и тѣ времена, когда она пятнадцати лѣтъ была; чему уже теперь, благодатію Божіею, годиковъ пятьдесятъ и слишкомъ минуло.

Н. Что касается до нынѣшней роскоши, я и самъ ее не люблю, и въ этомъ съ нею всегда согласенъ, такъ равно, какъ и старинную искренность почитаю. Похвальна, весьма похвальна старинная вѣрность дружбы и твердое наблюденіе даннаго слова, дабы въ несодержаніи его не было стыдно! Въ этомъ и самъ я съ нею одного мнѣнія. Жаль, поистиннѣ жаль, что нынѣ ничего не стыдятся и многіе молодые молодцы, произнося ложь и обманывая заимодавцевъ, а боярыньки дерзко противъ мужей поступая, мало отъ чего когда краснѣются.

М. Оставимъ это. Въ платьѣ и головномъ госпожи моей уборѣ найдете вы совершенное изображеніе прародительскаго покроя, въ которомъ она и не малую добродѣтель и чистоту нравовъ поставляетъ.

Н. Да почему это прародительскіе нравы? Это ничто иное, какъ ничего не значащіе обычаи, коихъ она съ нравами или не различаетъ, или различить не можетъ.

М. Однакожь по мнѣнію госпожи моей, чѣмъ платье старѣе, тѣмъ болѣе почтенія достойно.

Н. Скажи же мнѣ, пожалуй, что она въ цѣлый день дѣлаетъ?

М. Да гдѣ мнѣ все это упомнить? А тѣмъ болѣе высказать не можно; вы смѣяться станете. Но пусть такъ; нѣчто вамъ разскажу. Она встаетъ поутру въ шесть часовъ, и, слѣдуя древнему, похвальному обычаю, сходитъ съ постели на босу ногу; сошедъ, оправляетъ передъ образами лампаду; потомъ прочитаетъ утреннія молитвы и акафистъ, потомъ чешетъ свою кошку, обираетъ съ нея блохи и поетъ стихъ: *блаженъ кто и скоты милуетъ!* А присемъ пѣніи и насъ также миловать изволитъ, иную пощечиной, иную тростью, а иную бранью и проклятіемъ. Потомъ начинается заутреня, во время которой то бранитъ дворецкаго, то шепчетъ молитвы; то посылаетъ провинившихся наканунѣ людей на конюшню пороть батожьемъ; то подаетъ попу кадило; то со внучкою, для чего она молода, бранится; то по четкамъ кладетъ поклоны; то считаетъ жениховъ, за кого бы внучку безъ приданаго сжить съ рукъ, то..., А! Постойте, сударь, я слышу шумъ: пора мнѣ отсюда убираться. Конечно госпожа моя идетъ; боюсь, чтобъ насъ вмѣстѣ не застала: вѣдь и Богъ знаетъ, что ей на мысль придетъ. *(Отходитъ).*

явленіе 2-е.

Г. Ханжахина, г. Непустовъ.

Х. А! господинъ Непустовъ, я и не знала, что вы здѣсь, сударь.

Н. Не погнѣвайтесь, сударыня, что я пришелъ отдать вамъ мой поклонъ. Вы изволите знать, какую я до васъ нужду имѣю. Въ вашей волѣ теперь выдать внучку вашу за господина Молокососова, и со мною о приданомъ условиться.

Х. Ахъ, батька мой! Да какъ мнѣ на это рѣшиться сегодня? вѣдь подумай-ка самъ, это дѣло таково, что требуетъ многаго размышленія. Я должна и того посмотрѣть, съ чѣмъ бы мнѣ и самой остаться. Человѣкъ я бѣдный; вдовье мое дѣло; откуда мнѣ что взять? Пусть злые люди, хоть и говорятъ, хоть и кричатъ о моемъ богатствѣ, да Богъ-то вѣдаетъ, что я не могу наградить внучку свою большимъ приданымъ. Къ тому жъ сегодня духъ мой такъ безпокоенъ, что я и съ мыслями немогу собраться. У меня столько печали, столько нуждъ, что и конца имъ нѣтъ, такъ что и при молитвѣ злой свѣтъ покою мнѣ не даетъ. Разсудите сами, какъ мнѣ бѣдной горевать, все дорого, да къ тому жъ люди....

Н. Правда, сударыня, злыхъ людей много на свѣтѣ; но намъ ихъ не передѣлать; оставимъ ихъ, и станемъ о своемъ дѣлѣ говорить. Вы знаете, что намъ долго здѣсь жить не можно. Срокъ близокъ; къ командѣ ѣхать надобно. И такъ уже три дни вы изволили меня и Молокососова обнадеживать, что сегодня дадите намъ рѣшительный отвѣтъ; пожалуйте, исполните свое слово. Жалокъ этотъ молодой человѣкъ будетъ, если онъ попусту взадъ и впередъ проскакать былъ долженъ!

Х. Я не то, сударь, говорю; изволь самъ разсудить, можно ли спокойному быть духу, если съ кѣмъ то случится, что сдѣлалось сегодня со мною? Я обѣщалась, чтобъ до вечерни положить пятьдесятъ поклоновъ передъ образомъ, которымъ моя покойная бабушка благословила покойную мою матушку, помяни ихъ Господи! И лишь только начала, анъ гляжу, вошелъ мамипъ сынъ, и стоитъ, какъ демонъ въ горницѣ. Я ему говорю: поди вонъ, не мѣшай мнѣ, проклятый, молиться; а онъ мнѣ въ ноги; я и въ другой разъ ему молвила: поди ты, сатана, вонъ; а онъ, ничего не говоря, совъ мнѣ въ руку бумажку,

да самъ и ушелъ. Какъ вы думаете? Что въ этой бумажкѣ написано? О несмысленная тварь? О демонское навожденіе!.. Онъ осмѣлился просить позволенія—жениться. Мнѣ дескать тридцать уже лѣтъ; мать-де моя умерла, обшить, обмыть некому, и для того женится! Экая негодница! И онъ жениться вздумалъ! Этимъ привелъ онъ меня въ такое сердце, въ такое, батька мой, сердце, что я и число поклоновъ позабыла, и не знаю, сколько положила, и сколько еще класть надобно. Однакожъ велѣла его высѣчь и положить женитьбу ту на спинѣ: позабудетъ онъ у меня мѣшать мнѣ класть поклоны.

Н. Да вѣдь и онъ человѣкъ, сударыня, въ томъ только его неосторожность, что помѣшалъ вамъ считать поклоны; а, можетъ быть, онъ и не зналъ, что вы на молитвѣ.

Х. Что за неосторожность! Какъ ему не знать, что я молюся? Я вѣдь всегда молюся. За чѣмъ ему жениться? Я бъ его проклятаго постригла, но то бѣда, что нынѣ и не... О! я такъ осердилась, что вся и теперь еще дрожу!

Н. Такое великое движеніе можетъ повредить ваше здоровье. Оставимъ это; станемъ говорить о нашемъ дѣлѣ и о приданомъ внучки вашей.

Х. Вы не можете повѣрить, какъ много мнѣ досаждаютъ! Я не вѣдаю, какъ я отъ сердца по сю пору еще не умерла. На малаго-то я не столько еще сержуся; но поганая дѣвка, которая, прости меня Господи! ему на шею вѣшается, та-та мнѣ досадна! Да дамъ же я ей замужство!

Н. А для чего жъ бы ей нейти замужъ, коли ея лѣта уже такія?

Х. О, какая она скверная тварь!

Н. Вы почитаете, сударыня, молитву должностію, равно какъ и я; но вѣдь и снисхожденіе, и любовь къ ближнему есть такъ же должности, закономъ намъ предписанныя.

Х. Очень хорошо; изрядное показалъ онъ ко мнѣ снисхожденіе и любовь! Мерзкій малый! помѣшалъ мнѣ въ счетѣ поклоновъ.

Н. Дѣвицу выдать замужъ стоитъ поклоновъ, сударыня.

Х. Хорошо, батька мой, со стороны такъ разсуждать. А мнѣ вѣдь не бросать же на улицу деньги! Гдѣ ихъ возмешь? Вотъ внучку надобно выдать, и самой также пожить еще хочется, да еще и этакихъ жени; а все-таки дай что нибудь: только и затвердили, что дай, да дай: а вѣдь что больше дашь, то больше у самой убудетъ. Надлежало бы правительству-то сдѣлать такое учрежденіе, чтобъ оно вмѣсто насъ, людей-то бы нашихъ при женитьбѣ снабжало. Правду сказать, вѣдь оно обо всемъ въ государствѣ-то печися должно, да полно, что нынѣ—ничего не смотрятъ!

Н. Правительство имѣетъ довольно попеченія и расходовъ и безъ того, чтобъ снабжать нашихъ людей, которые намъ служатъ, и слѣдовательно на нашихъ рукахъ быть должны. Но пожалуй, сударыня, забудь это, и станемъ говорить о нашей сватьбѣ и приданомъ внучки вашей. Господинъ Молокососовъ скоро сюда будетъ и станетъ просить вашего на то соизволенія.

Х. Онъ молодецъ изрядный; я его ни въ чемъ не хулю, и ничего порочнаго въ немъ не вижу. Когда бъ эти проклятыя меня не разсердили, то, можетъ быть, чтобъ я и подумала, что бы за внучкою-то дать ... *(Мавра входитъ)*. Чего ты хочешь, Мавра?

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Ханжахина, Непустовъ и Мавра.

М. Васъ спрашиваютъ, сударыня. Сосѣдка ваша имѣетъ нужду слова два-три съ вами молвитъ.

Х. *(Непустову)*. Не прогнѣвайся пожалуй: я на часъ выйду; бѣдная вдова, жена дворянская меня спрашиваетъ: отказать не могу; люблю бѣднымъ помо-

гать.... Мавра, побудь ты здѣсь; я тотчасъ назадъ приду.

ЯВЛЕНІЕ 4-Е.

Непустовъ и Мавра.

Н. Чудная женщина!

М. Знаете ли, въ чемъ состоитъ помощь, которую она бѣдной подать хочетъ дворянкѣ? Эта бѣдняжка отъ крайней нищеты заложила ей во стѣ рубляхъ золотую табакерку, которая въ трое того стоитъ, и платитъ ей по полуполтинѣ на недѣлю росту. Теперь пришелъ срокъ; заплатить ей не чѣмъ; такъ боится, чтобъ и вовсе еще табакерка та не пропала.

Н. Возможно ли толь безсовѣстно поступать? По полуполтинѣ со ста на недѣлю!... Сказываютъ, что госпожа твоя черезъ мѣру богата, что у ней тысячь со ста въ росту ходитъ; какъ ей не стыдно брать по полуполтинѣ росту на недѣлю? Да еще съ кого? Съ бѣдной вдовы? сходно ли это съ ея молитвами и постомъ?

М. Какъ бы то ни было, только это такъ.... Давича, сударь, я не досказала вамъ, какъ она день провождаетъ; изволишь ли дослушать окончаніе?

Н. Изрядно. Я готовъ, и любопытенъ дослушать.

М. Остановились мы у заутрени, послѣ которой она читаетъ какія-то особливыя отъ сильнаго искушенія молитвы.

Н. Какъ? Она искушенія боится! Она отъ искушенія молится! Да вѣдь ей уже семьдесятъ лѣтъ?

М. До того нѣтъ нужды...... Когда она тѣ молитвы читаетъ, то уже кромѣ кошки никто къ ней въ образную войти не смѣетъ...... По окончаніи отъ соблазна молитвъ, изволитъ она пойти въ кладовую, гдѣ обметаетъ пыль и чиститъ вещи, кои у ней въ закладѣ, пересматриваетъ крѣпости и закладныя, считаетъ деньги, и изъ мѣшка въ мѣшокъ пересыпаетъ. Тутъ, кромѣ Бога, какъ она говоритъ, никто свидѣтелемъ быть не долженъ; а мнѣ кажется, кромѣ чорта никто тамъ не бываетъ! Потомъ она одѣнется, то есть чулки на ноги, да шубу на грѣшное тѣло надѣнетъ, и поѣдетъ къ обѣднямъ. Отслушаетъ она по разнымъ церквамъ раннихъ и позднихъ обѣдни двѣ-три и столько жъ отпоетъ молебновъ. Въ церквахъ даетъ она свиданья подобнымъ себѣ старушкамъ, разсказываетъ имъ, и отъ нихъ сбираетъ вѣсти разныя, и здѣшнія и петербургскія, словомъ изо всѣхъ домовъ сплетни, которыя она, выправивъ, прибавивъ и украсивъ благочиніемъ, развозитъ, послѣ обѣда, и послѣ обыковеннаго съ часъ времени на канапѣ отдыха, изъ дома въ домъ, разсказывая всѣмъ, кто хочетъ и не хочетъ слушать. Потомъ, или мимоѣздомъ гдѣ въ церкви, или дома, отслушаетъ вечерню, послѣ которой сберутся къ ней любимыя ея гостейки и навезутъ новыхъ еще вѣстей.

Н. Кто-жъ эти любимыя ея гости?

М. Сестрица ея, госпожа Вѣстникова, да госпожа Чудихина. Первая жеманна, всезнающа, высокомѣрна, вѣстовщица, злорѣчива, и любитъ при старости наряды; а послѣдняя очень забавна: всякій день новыя у ней примѣты; всего она боится; ото всего обмираетъ; суевѣрна до безконечности; богомольна изъ пышности; мотовка безразсудная, а молебны однакожъ всегда поетъ въ долгъ; ссорщица, сплетница, безстыдна и лжива такъ, какъ болѣе никто быть не можетъ. Вотъ ихъ харак..... Но шт.... шт.... барыня идетъ.

ЯВЛЕНІЕ 5-Е.

Ханжахина, Непустовъ и Мавра.

Х. Жалка бѣдная вдова! Пятеро у нея ребятишекъ, а пить-ѣсть нечего. Я не знаю, для чего правительство не запрещаетъ такимъ бѣднымъ жениться. Да полно что? Нынѣче и ни въ чемъ смотрѣнья-то нѣтъ; да кому и смотрѣть? А изъ этакихъ свадебъ, кромѣ нищихъ,

ничего не выходитъ. Мавра, велит-ка сварить намъ кофе.

ЯВЛЕНІЕ 6-Е.

Ханжахина и Непустовъ.

Х. Я такъ теперь испужалась, что чуть жива. Какъ разговаривала я съ сосѣдкой, то вдругъ услышала, что въ спальнѣ моей что-то необычайное застучало. Я побѣжала туда,.. и... ахъ! горе мое... бѣдная я грѣшница! И увидѣла, что упалъ съ полки любимый моего мужа муравленый горшечекъ, изъ котораго онъ всегда молочную кашу кушивать изволилъ; упалъ, батюшка, да и въ дребезги разбился; а въ горницѣ-то никѣмъ никого не было. Это не передъ добромъ! Боюсь, не умереть ли мнѣ, или внучкѣ моей?

Н. Чего этого бояться, сударыня? Можетъ быть, кошка или мышь сронила горшокъ съ полки.... Пора, сударыня, говорить намъ о дѣлѣ нашемъ.

Х. Такъ, батька: вы ни чему нынѣче не вѣрите; у васъ все натура..... все натура...

Въ это время пріѣзжаетъ Вѣстникова и не совѣтуетъ выдавать Христину за Молокососова. Потомъ пріѣзжаетъ Чудихина. Барыни идутъ къ ней на встрѣчу; Непустовъ остается съ Маврой, и та совѣтуетъ ему, для успѣха сватовства, подарить что нибудь Ханжахиной, женщинѣ скупой. Приходитъ Молокососовъ и высказываетъ свои опасенія касательно Христины: изъ того, что она, во время его бесѣды съ нею, большею частію молчала, онъ заключаетъ, что она глупа, и раскаевается въ предпринятомъ сватовствѣ. Но Мавра, подробно описавши качества Христины, успокоиваетъ жениха (Дѣйствіе 1-е). Со своей стороны и Христина жалуется Маврѣ на свою застѣнчивость въ обращеніи съ Молокососовымъ. Мавра успокоиваетъ и ее. Жениха встрѣтило новое препятствіе: по неосторожности онъ посмѣялся надъ сатынями, когда онѣ стали опасаться какого нибудь несчастія отъ того, что закричалъ кузнечикъ. Особенно недовольна Вѣстникова. Мавра примиряетъ ее съ Молокососовымъ (Дѣйствіе 2-е). Наконецъ личное объясненіе Ханжахиной и Вѣстниковой съ Непустовымъ и Молокососовымъ разрѣшаетъ затрудненіе къ полному удовольствію жениха и невѣсты (Дѣйствіе 3-е).

Были и небылицы (1783—1784).

Зналъ я одну женщину, которая слыла разумною, ученою и благонравною. Читатели сами опредѣлятъ, сколь справедливо она названія сіи заслуживала. Правда, что она имѣла природную остроту, но не имѣла столько разсудка, чтобъ возчувствовать, что безпрестанное ея во всемъ притворство наконецъ откроется, и что она часто онымъ осмѣянію подвергается; учености-жъ, не вопреки будь сказано болтливой Богинѣ Славѣ, много имѣть она не могла: училъ ее Гасконецъ одинъ по Французски; въ зрѣлыхъ же лѣтахъ стала она учиться пѣть, на клавикордахъ играть, и по итальянски говорить; чтеніе романовъ и французскихъ театральныхъ сочиненій потомъ довершило всю глубину премудрости, въ кою она когда-либо снисходила. Добродѣтель же ея состояла въ щедро изливаемыхъ слезахъ, коими она изобильно во всякомъ случаѣ наградить была готова, и кошелекъ друзей своихъ часто для бѣдныхъ раскрывала; но щедрость всегда относила на свой счетъ. Благонравіе же ея состояло въ томъ, что она оказывала горячую любовь ко всѣмъ, считала до двухъ сотъ друзей, до четырехъ сотъ пріятелей и пріятельницъ. Переписку вела съ 60 человѣками; съ людьми же, не очень съ нею короткими, она на все соглашалась; напротивъ, съ любезными ей друзьями обо всемъ спорила, и съ равнымъ жаромъ и рвеніемъ лёгкаго своего не щадила (ибо голосъ свой при такихъ случаяхъ октавою цѣлою возвышала) о туфляхъ, о собакѣ, о дорогѣ, или о цвѣтѣ волосъ бороды армянскаго архимандрита, опровергая любезныхъ друзей мнѣніе. Дѣвушкамъ ея и друзьямъ ея принадлежащимъ, кучеру, лакею, дворецкому, равно какъ и любезному мужу, доставалось слышать громогласныя ея поученія, кои бывали непріятными нарѣчіями, бранными словами и угрозами наполнены. Ни что ей не было нравно, и чѣмъ болѣе тотъ другъ,

у кого она за столомъ находилась, желалъ, чтобъ она кушала, и выхвалялъ которое ей блюдо, тѣмъ крѣпче предавалась она воздержанію, и не только отказывала все, но иногда благосклонно соглашалась отвѣдать съ иного блюда, для того только, чтобъ имѣть удовольствіе—взятое на тарелку выплюнуть. Къ умиленію склонный ея нравъ, наклонялъ ее къ снисхожденію—споры и противорѣчія свои смягчать нѣжными приговорами, какъ напримѣръ: душа моя, ты не понимаешь; ты, любезный другъ, говоришь неправду; я все для тебя потеряла, и я бы знатнѣе и счастливѣе была за другимъ, когда бы чортъ меня съ тобою не снесъ; меня всѣ, душа моя, обожаютъ за то, что я не такова дурнова нрава, какъ ты. Ѣхавъ въ дальнюю свою деревню, проѣзжалъ чрезъ одну изъ губерній обширной нашей имперіи, гдѣ мужъ ея начальствовалъ; онъ былъ въ отлучкѣ, и она объ отсутствіи его была въ безпрестанныхъ слезахъ. Я не вытерпѣлъ ей старинную пословицу напомнить: Розно, такъ тошно, а вмѣстѣ, такъ тѣсно.—О, дивное благонравіе.

Дѣла тяжебныя, кои, за грѣхи мои, родственникъ со мною завелъ, принудили меня, перенеся оныя на апелляцію, ѣхать въ Петербургъ. Тамъ, по обыкновенію, старался я найти покровителя, и успѣвъ въ ономъ, къ благосклонному мнѣ вельможѣ не рѣдко ѣздилъ. Я встрѣчался часто съ чужестранными, и съ большими нашими боярами; и какъ въ домѣ моего благодѣтеля между иностранными я примѣтилъ одну особу отмѣннаго нрава и заботливости, я тогда же у себя не карандашемъ, но перомъ его портретъ написавъ, нынѣ здѣсь сообщаю. Онъ всегда чувствовалъ и скрывать не могъ нетерпѣнія своего, когда кто тихо говорилъ съ кѣмъ нибудь, для того, что онъ все знать и слышать желалъ. Изъ дома въ домъ переѣзжалъ для того только, чтобъ слышать новости, а услышавъ оныя, давалъ имъ смыслъ своей собственной выдумки, придавая имъ важность, которой онѣ въ себѣ никакъ не содержали, и выводилъ изъ оныхъ заключенія, кои одна его заботливая голова, или старая сплетница дѣлать можетъ. Безпокоился также очень, когда куда нибудь товарищей его позовутъ обѣдать или ужинать, а его не пригласятъ. Себя и санъ свой ставилъ онъ очень высоко, отъ чего часто былъ недоволенъ, думая, что не все ему должное почтеніе воздается, выдумывалъ басни и потомъ, съ важнымъ видомъ и будто по отличной довѣренности, ихъ разсказывалъ за слышанную имъ быль. Самыя бездѣлицы вывѣдывать желалъ такъ охотно, что наконецъ не только остерегъ всѣхъ противъ себя, но пронырливость и мелкости, кои въ его нравѣ такъ видимы были, содѣлывали его не только непріятнымъ, но и возбуждали противъ него отвращеніе.

Сочинитель Былей и небылицъ, разсмотрѣвъ присланные вопросы отъ неизвѣстнаго, на оные сочинилъ отвѣты, кои совокупно здѣсь прилагаются.

Отвѣты на Вопросы.

ВОПРОСЫ.	ОТВѢТЫ.
1. Отъ чего у насъ спорятъ сильно въ такихъ истинахъ, кои нигдѣ уже не встрѣчаютъ ни малѣйшаго сомнѣнія?	На 1. У насъ, какъ и вездѣ, всякій споритъ о томъ, что ему не нравится, или непонятно.
2. Отъ чего многихъ добрыхъ людей видимъ въ отставкѣ?	На 2. Многіе добрые люди вышли изъ службы, вѣроятно, для того, что нашли выгоду быть въ отставкѣ.
3. Отъ чего всѣ въ долгахъ?	На 3. Отъ того въ долгахъ, что проживаютъ болѣе, нежели дохода имѣютъ.

ВОПРОСЫ:	ОТВѢТЫ.
4. Если дворянствомъ награждаются заслуги, а къ заслугамъ отверзто поле для всякаго гражданина, отъ чего же никогда не достигаютъ дворянства купцы, а всегда или заводчики, или откупщики?	На 4. Одни, бывъ богатѣе другихъ, имѣютъ случай оказать какую ни на есть такую заслугу, по которой получаютъ отличіе.
5. Отъ чего у насъ тяжущіеся не печатаютъ тяжебъ своихъ и рѣшеній Правительства?	На 5. Для того, что вольныхъ типографій до 1782 года не было.
6. Отъ чего не только въ Петербургѣ, но и въ самой Москвѣ перевелись общества между благородными?	На 6. Отъ размножившихся клубовъ.
7. Отъ чего главное стараніе большей части дворянъ состоитъ не въ томъ, чтобъ поскорѣе сдѣлать дѣтей своихъ людьми, а въ томъ, чтобъ поскорѣе сдѣлать ихъ, не служа, гвардіи унтеръ-офицерами?	На 7. Одно легче другаго.
8. Отъ чего въ нашихъ бесѣдахъ слушать нечего?	На 8. Отъ того, что говорятъ небылицу.
9. Отъ чего извѣстные и явные бездѣльники принимаются вездѣ равно съ честными людьми?	На 9. Отъ того, что на судѣ не изобличены.
10. Отъ чего въ вѣкъ законодательный никто въ сей части не помышляетъ отличиться?	На 10. Отъ того, что сіе не есть дѣло всякаго.
11. Отъ чего знаки почестей, долженствующіе свидѣтельствовать истинныя отечеству заслуги, не производятъ, по большей части, къ посящимъ ихъ ни малѣйшаго душевнаго почтенія?	На 11. Отъ того, что всякій любитъ и почитаетъ лишь себѣ подобнаго, а не общественныя и особенныя добродѣтели.
12. Отъ чего у насъ не стыдно не дѣлать ничего?	На 12. Сіе неясно; стыдно дѣлать дурно и въ обществѣ жить не есть не дѣлать ничего.
13. Чѣмъ можно возвысить упадшія души дворянства? Какимъ образомъ выгнать изъ сердецъ нечувственность къ достоинству благороднаго званія? Какъ сдѣлать, чтобъ почтенное титло дворянина было несомнѣннымъ доказательствомъ душевнаго благородства?	На 13. Сравненіе прежнихъ временъ съ нынѣшними покажетъ несомнѣнно, колико души ободрены, либо упали. Самая наружность, походка и проч. то уже оказываютъ.
14. Имѣя Монархиню честнаго человѣка, что бы мѣшало взять всеобщимъ правиломъ, удостоиваться ея милостей одними честными дѣлами, а не отваживаться проискивать ихъ обманомъ и коварствомъ? Отъ чего въ прежнія времена шуты, шпыни и балагуры чиновъ	На 14. Для того, что вездѣ, во всякой землѣ и во всякое время, родъ человѣческій совершеннымъ не родится. Предки наши не всѣ грамотѣ умѣли. Сей вопросъ родился отъ свободоязычія, котораго предки наши не имѣли; буде же бы имѣли, то начали бы

ВОПРОСЫ:

не имѣли, а ныньче имѣютъ и весьма большіе?

15. Отъ чего многіе пріѣзжіе изъ чужихъ краевъ, почитавшіеся тамо умными людьми, у насъ почитаются дураками, и на оборотъ: отъ чего здѣшніе умницы въ чужихъ краяхъ часто дураки?

16. Гордость большей части бояръ гдѣ обитаетъ: въ душѣ, или головѣ?

17. Отъ чего въ Европѣ, весьма ограниченный человѣкъ въ состояніи написать письмо вразумительное, и отъ чего у насъ часто преострые люди пишутъ такъ безтолково?

18. Отъ чего у насъ начинаются дѣла съ великимъ жаромъ и пылкостію, потомъ же оставляются, а нерѣдко и совсѣмъ забываются.

19. Какъ истребить два сопротивные и оба вреднѣйшіе предразсудки: первый, будто у насъ все дурно, а въ чужихъ краяхъ все хорошо: второй, будто въ чужихъ краяхъ все дурно, а у насъ все хорошо?

20. Въ чемъ состоитъ нашъ національный характеръ?

ОТВѢТЫ:

на нынѣшняго одного десять прежде бывшихъ.

На 15. Отъ того, что вкусы разные и что всякій народъ имѣетъ свой смыслъ.

На 16. Таможе, гдѣ нерѣшимость.

На 17. Отъ того, что тамо, учась слогу, однако пишутъ; у насъ же всякъ мысли свои, не учась, на бумагу кладетъ.

На 18. По той же причинѣ, по которой человѣкъ старѣется.

На 19. Временемъ и знаніемъ.

На 20. Въ остромъ и скоромъ понятіи всего, въ образцовомъ послушаніи и въ корени всѣхъ добродѣтелей, отъ Творца человѣку данныхъ.

XI. КНЯЖНИНЪ.

Хвастунъ, комедія въ 5 дѣйствіяхъ (1786).

Дѣйствующія лица. Верхолетъ, Хвастунъ. Полистъ, слуга его. Простодумъ, дядя Верхолета, сельскій дворянинъ, недавно изъ деревни пріѣхавшій. Чванкина, богатая новопріѣзжая изъ деревни дворянка. Милена, дочь ея. Марина, служанка ихъ. Честонъ, совѣтникъ изъ намѣстничества. Замиръ, сынъ его, влюбленный въ Милену. Портной, прикащикъ, благочинный.

Сюжетъ комедіи слѣдующій. Верхолетъ хочетъ жениться на Миленѣ и для большаго успѣха объявляетъ себя графомъ. Мать въ восторгѣ, но дочь несогласна, потому что любитъ Замира. Въ то же время Полистъ хочетъ жениться на Маринѣ и они только ждутъ свадьбы господъ. Сначала дѣло улаживается въ пользу г-жи Чванкиной: Марина, принявъ на себя видъ и голосъ Милены, показываетъ Замиру холодность; къ Верхолету пріѣзжаетъ дядя Простодумъ и за чинъ сенатора обѣщаетъ и денегъ дать на свадьбу и принять на все это время должность главнаго управляющаго; главныхъ кредиторовъ: портнаго и прикащика на время успокоиваютъ. Узелъ постепенно развязываютъ Замиръ, Честонъ и Благочинный. Замиръ, узнавъ, что его обманула Марина, вызываетъ Верхолета на дуэль, но тотъ, по трусости, отказывается. Честонъ открываетъ всѣмъ глаза, доказывая, что Верхолетъ и не графъ и значенія при Дворѣ не имѣетъ. Благочинный уводитъ Верхолета въ монастырь на покаяніе.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Чванкина, Милена, Марина, Полистъ.

Чв-ина. А, господинъ Полистъ! ужъ вы забыли насъ.

П-истъ. Никакъ, сударыня; лишь-только сей же часъ
У графа рѣчь была о всячинѣ сомною.
Я и объ васъ ему напомнилъ: онъ душею
На вашей дочери сей день жениться радъ.
Хоть это для него по правдѣ и не кладъ,
Но дѣлать счастіе онъ другимъ всегда желаетъ;
При томъ же любитъ васъ и очень почитаетъ.
Уже объ этомъ онъ увѣдомилъ и Дворъ.
Чв-кина (*съ радостію*). И Дворъ увѣдомилъ!... Какъ въ милостяхъ онъ скоръ.
Такъ знаютъ во дворцѣ о насъ?
По-истъ. Не только знаютъ
Но и по комнатѣ о васъ лишь разсуждаютъ.
Чв-кина (*съ радостію*). Ужъ и по комнатѣ! (*къ М-нѣ*). Смотри, какая честь!
По-истъ. И имя вашего не смѣютъ произнесть
Иначе, какъ всегда съ учтивостью, съ почтеньемъ.
Чв-кина (*съ радостію*). Съ почтеньемъ (*къ М-нѣ*). Спрячся дочь съ любовнымъ ты мученьемъ,
И надобно тебѣ исчезнуть отъ стыда.
По-истъ. Того я и смотрю, что кучею сюда
Наѣдутъ наши всѣ придворны кавалеры;
И я, повѣрьте мнѣ, сударыня, той вѣры,
Что свадьбѣ надобно сегодня точно быть;
Вы это знаете: Дворомъ нельзя шутить.
Чв-кина. Такое мнѣ родство прелестно и священно,
И свадьбу кончимъ мы сегодня непремѣнно!
М-ена. Да какъ же?
Чв-кина. Перестань.
М-ена. Ахъ, матушка!
Чв-кина. Не ври, замолкни.
М-ена. Я умру.
Чв-кина. Пожалуй ты умри,
Да только-лишь умри графиней.
М-ена (*отходя*). Нѣтъ надежды!
По-истъ. А вотъ и графъ идетъ.

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Чванкина, Полистъ, Марина, Верхолетъ. (Предъ нимъ выходитъ толпа лакеевъ, скороходовъ, гайдуковъ).

В-летъ, (*держа пукъ бумагъ, притворясь, что никого невидитъ, говоритъ самъ съ собою громко*).
Какъ скучны мнѣ невѣжды.
Просители: они прохода не даютъ;
Какъ-будто лишь для нихъ всѣ знатные живутъ.
Да еслибъ были хоть ихъ просьбы справедливы;
Безъ основанія докучливы, брюзгливы,
Ихъ всѣ желанія лишь-только вздоръ одинъ.
По-истъ, (*къ Чв-ной*). Смотрите, знатный какъ страдаетъ господинъ.
М-ина. За то какая жъ честь ему!
Чв-кина. Какая слава!
В-летъ, (*непримѣчая никого, развертываетъ одну изъ бумагъ*).
Вотъ-на еще какой! онъ мастеръ танцовать,
Зато въ судьи; нѣтъ, другъ, тутъ надо разсуждать
И дѣло головой вертѣть, а не ногами.
(*развертываетъ другую бумагу*).
А этотъ что поетъ?... «Я разными стихами
«Лѣтъ сорокъ всѣмъ служу; вельможей тѣшу, Дворъ,
«Я старѣ всѣхъ теперь въ Россіи стихотворъ;
«А старшинство мое другіе отнимаютъ
«И болѣе меня ужъ нравиться дерзаютъ.
«Нельзя ли, государь, мнѣ выходить указъ,
«Чтобъ мнѣ лишь одному принадлежалъ Парнасъ». (*Развертываетъ еще бумагу*).
Посмотримъ, это что? «Изъ странъ далекихъ свѣта,
«Я дарованія мои принесъ пѣшкомъ.
«Когда изволите, я къ вамъ приду съ мѣшкомъ,
«Въ которомъ кроются проектовъ важныхъ силы;

«Для государства всѣ они златыя жилы.
«Лишь-только надо мнѣ впередъ сто тысячь дать».
Всѣ можно ль глупости людей перечитать.
Гей! господинъ Полистъ! гдѣ вы?
По-истъ. Чтò графъ прикажетъ?
В-летъ. Любезный секретарь меня весьма обяжетъ.
(*отдаетъ бумагу*) Все это разсмотрѣвъ, доложишь послѣ мнѣ.
По-истъ (*указываетъ на Чв-кину*). Оборотитеся вы къ этой сторонѣ,
В-летъ (*къ Чв-ной*). Вы здѣсь; простите мнѣ, я васъ и не примѣтилъ.
Народъ просителей меня вокругъ осѣтилъ
И голову вскружилъ.
Чв-кина. Извольте продолжать, не безпокойтесь.
В-летъ. Мнѣ слова два сказать;
Вы не повѣрите, какъ жить намъ знатнымъ тошно.
Чв-кина. Я это чувствую.
В-летъ, (*тихо П-исту*). Такъ можноль жить оплошно:
Въ передней я нашелъ заимодавцевъ тму;
Они надѣлалибъ ужасну кутерьму.
По-истъ, (*тихо*). Но вы умѣете все такъ облагородить;
Ващъ умъ изо всего вамъ выгоды выводить.
В-летъ (*громко П-исту*). Отправилъ ли мои ты письма къ королямъ!
По-истъ (*громко*). Уже ко всѣмъ, сударь, отправлены Дворамъ.
Чв-кина, (*М-нѣ*). Онъ пишетъ къ королямъ—ты слышишь ли, Марина.
М-ина. Предъ знатностью его все червь и паутина.
В-летъ (*П-исту*). Тотъ князь, который мнѣ отдыха не давалъ?...
По-истъ. Уже опредѣленъ.
В-летъ. А этотъ генералъ,
Который къ моему такъ дому былъ привязанъ?
По-истъ. Онъ вамъ за пенсiонъ во весь свой вѣкъ обязанъ.
В-летъ. Я очень радъ тому; доволенъ я теперь;
Сегодня запереть могу щедроты дверь.
(*Къ своимъ слугамъ*).
Скажите всѣмъ, что я въ сей день невидимъ болѣ. (*Чв-киной*).
Теперь, сударыня, я весь, весь въ вашей волѣ.
Чв-кина. Сiятельнѣйшiй графъ, какъ рада я тому,
Что дѣлаете честь вы роду моему
И милостиво дочь мою....
В-летъ. Моя тò должность
Служить, угоднымъ быть, колико есть возможность.
Готовъ начатое сегодня окончать....
Вотъ-на! еще забылъ я нѣчто приказать.
Простите мнѣ.
Чв-кина. О, графъ! со мною не чинитесь
И какъ съ покорнѣйшей своею обходитесь.
Ве-тъ, (*пошептавъ на ухо По-сту*) (*къ Чв-киной*):
И такъ сегодня мы. (*Опять Полисту*)
Послушай-ка мой другъ.
Имѣя пропасть дѣлъ, всего не вспомнишь вдругъ...
Къ знатнѣйшимъ барамъ я въ сей день на ужинъ прошенъ... (*Къ Чв-киной*).
Я будуль ужинать, сударыня, у нихъ?
Чв-кина. Ахъ графъ, за чтò лишать насъ милостей своихъ?
Иль свадьбу ужъ свою отстрочить вы хотите?
М-ина, (*на ухо Чв-киной*).
Поберегитеся, его не упустите.
Чв-кина. Ахъ, графъ, не сдѣлайте несчастными вы насъ.
Ве-тъ. Ужъ я сказалъ, что я завишу весь отъ васъ. (*Къ Полисту.*)
Вы послѣ съѣздите сказать, что къ нимъ не буду. (*къ Чванкиной*).
Не знаете, меня какъ ловятъ всѣ на уду.

ЯВЛЕНIЕ 5-е.

Чванкина, Верхолетъ, Полистъ, Марина, Простодумъ.

Про-думъ, (*Верхолету*).
Прикащикъ отъ купца...

Верхолетъ. Но я велѣлъ сказать,
Чтобъ никого ко мнѣ въ сей день не допускать.
Пр-думъ. Ему я сказывалъ такое повелѣнье,
Да онъ не хочетъ прочь.
Полистъ. Какое дерзновенье!
Вотъ я его ужо, вотъ я... да вотъ онъ самъ.

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Тѣ же и Прикащикъ.

Прикащикъ. Хозяинъ говоритъ, какой-де это срамъ,
Что денегъ....
Ве-летъ, *(перерывая скоропостижно)*.
Ничего. Пускай онъ не стыдится.
Пр-къ. Я долженъ-де и самъ сегодня же платиться.
Ве-тъ, *(тихо)*. Пришлю иль привезу, *(громко)* конечно черезъ часъ.
Пр-къ. Мы это слышимъ-ста уже не въ первый разъ.
Ве-тъ *(тихо)*. Не громко говори.
Пр-къ. Какъ брали, то кричали,
А какъ пришло отдать, такъ мы же бы шептали.
Ве-летъ *(громко)*. Ты слышишь-черезъ часъ, довольно ли того?
Пр-къ. Когда то истина, порадую его;
Хозяинъ бѣдный мой горюетъ да хлопочетъ.
Одна боярыня свою дочь выдать хочетъ:
Десятковъ долженъ ей онъ тысячь до семи:
Такъ слышь, проклятая, гдѣ хочешь, такъ возьми,
Чв-кина, *(прикащику)*. А кто?
По-стъ. Не стыдноль съ нимъ бесѣдой унижаться;
И вамъ, сударыня, не должно забываться,
Что тещей будете вы графа моего.
Чв-кина. Хотѣлось только знать, хозяинъ кто его.
Мнѣ нужда есть.
П-стъ. Спросить о томъ вы мнѣ велите. *(къ пр-ку)*.
Послушай!...
Ве-тъ *(прикащику)*.
Черезъ часъ моей присылки ждите. *(Къ Чв-киной)*.
Вотъ какъ, сударыня, въ долгъ деньги отдавать.
Я жалостливъ, ссудилъ и долженъ вѣчно ждать;
Но болѣе часа терпѣть я не намѣренъ.
Чв-кина. А сколько долженъ вамъ?
Ве-тъ. Хоть долгъ и не безмѣренъ,
И двадцать тысячей плевать бы для меня;
Порядокъ нуженъ мнѣ, люблю порядокъ я.
Чв-кина. Судить изволите вы очень справедливо.
Ве-тъ. Я долго ожидалъ и очень терпѣливо.
По-тъ. Хозяина его Выфантьичемъ зовутъ.
Чв-кина. Узнала, этотъ же и мнѣ вѣдь долженъ плутъ. *(Прикащику)*.
Скажи хозяину...
Полистъ. Опять вы позабылись,
Быть знатной дамою еще не приучились;
И становитеся всегда вы съ чернью въ рядъ.
Вѣдь дамы знатныя съ купцомъ не говорятъ.
Чв-кина. То правда... Вы мое желанье изъясните
И черезъ часъ привезть мнѣ деньги прикажите.
По-тъ *(отведши Пр-ка на сторону)*
Вотъ этой барынѣ хозяинъ долженъ твой,
А дочь ея беретъ сегодня баринъ мой;
Ты разумѣешь ли? а?
Прикащикъ, Очень разумѣю;
Не промахъ я, считать не меньше васъ умѣю;
И сколько долженъ намъ твой баринъ, Верхолетъ,
Точнехонько того у насъ недостаетъ.
Такъ сдѣлать переводъ намъ очень свободно.
Полистъ. О чемъ шумѣть?
Пр-щикъ. Никакъ и все-ста благородно. *(Къ Чванкиной)*.

Теперя ни за чѣмъ не станетъ ужъ у насъ.

Чванкина. Чрезъ часъ!

Верхолетъ. Чрезъ часъ.

Прикащикъ. Чрезъ часъ.

По-тъ. *(выводя Прикащика).* Ты слышишь ли? чрезъ часъ.

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Верхолетъ, Чванкина, Марина, Полистъ, Простодумъ.

Ве-тъ. Я думаю, опять купецъ меня обманетъ:
Но управитель мой тѣ деньги мнѣ достанетъ.

Пр-думъ. Я здѣсь, сіятельный, за деньгами готовъ.

Ве-тъ *(Простодуму).* Нѣтъ. Я люблю всегда моихъ держаться словъ
И, время давъ на часъ, съ терпѣньемъ ожидаю. *(Къ Чванкиной).*
Я управителя вамъ въ милость поручаю;
Онъ добрый человѣкъ, изрядный дворянинъ. *(Пр-думъ Ве-ту кланяется).*

Марина. Полисту, дядюшка. *(Простодумъ кланяется Маринѣ.)*

По-тъ. И скоро въ знатный чинъ... *(Пр-мъ кланяется Полисту).*

Чв-кина. Онъ стоитъ этого. *(Пр-думъ кланяется Чванкиной).*

Верхолетъ. Мое онъ знаетъ слово.
Лишь надо потерпѣть.

Пр-думъ, *(кланяясь Верхолету).* Не скоро да здорово.

Ве-тъ. Такъ точно свадьбѣ быть, сударыня, у насъ?

Чванкина. Сегодня жъ, графъ.

Верхолетъ. Поди. Я скоро дамъ приказъ
Готовить все. *(Пр-думъ уходитъ).* Полистъ! Какъ близко намъ до срока.
Когда со всѣхъ мнѣ селъ привозятъ сборъ оброка?

По-тъ. Мнѣ кажется, еще немного не дошло. *(Къ Чв-киной).*
Не думаетель, что у насъ одно село?
Его сіятельство ихъ множество имѣетъ.

Чванкина. О томъ иначе кто, сударь, и думать смѣетъ!

Верхолетъ. Столичное село какъ-будто городокъ,
Какой бы, напримѣръ?

По-тъ. *(Чванкиной).* Вы знаетель Торжокъ?

Чванкина. Чрезъ этотъ городокъ я не рѣдко проѣзжала.

Полистъ. А Тверь, сударыня?

Чванкина. И тамо я бывала.

По-тъ. Сложите жъ вмѣстѣ вы въ умѣ Торжокъ и Тверь—
Вотъ графское село, вы видитель теперь?

Чв-кина. Отъ удивленія, смутясь мой разумъ вянетъ!

Ве-тъ. И тутъ, мнѣ, кажется, чего-то не достанетъ.

По-тъ *(науxо Ве-ту).* Не надо ли еще Москвы мнѣ приложить?
Извольте, я готовъ и тѣмъ вамъ услужить

Ве-тъ. *(тихо Полисту).* То будетъ черезъ край.

Чв-кина. Какъ дочь моя счастлива!

Ве-тъ. Да гдѣ жъ она?

Ма-на. Она, сударь, весьма стыдлива....
Хотя та честь, что ей оказана отъ васъ,
Велика, но она... застѣнчива у насъ.

Чв-кина. Спасибо! изъ хлопотъ твой умъ меня выводитъ.

По-тъ. *(Чванкиной).* Марину также я хочу облагородить.
Когда согласны вы, чтобъ я ея былъ мужъ,
То будетъ госпожей она моихъ ста душъ.

Чв-кина. Отъ чести этакой возможноль отрицаться.

По-тъ *(Маринѣ).* Что жъ ты молчишь?

Ма-на. Хочу стыдливою казаться.

Ве-тъ. *(Чванкиной).* Однако мысль мою я долженъ вамъ открыть.
Я слышалъ... кажется, того не можетъ быть....
Но, право слышалъ я, что ваша дочь Милена,
Не хочетъ быть за мной.

Чв-кина. То сущая измѣна,
И злая клевета!
Ве-тъ. Подумайте о томъ:
Изъ снисхожденья къ вамъ въ супружествѣ такомъ
Хочу я только быть; а впрочемъ я покорный....
Чв-кина. Не вѣдаю, отколь дошелъ слухъ этотъ вздорный.
Марина! ты?
Ма-на. Никакъ, клянусь.
По-тъ. Нѣтъ. Въ цѣлый міръ *(къ Маринѣ)*.
Пустилъ дворянчикъ..... какъ его зовутъ!
Ма-на. Замиръ.
По-тъ. Да, онъ.... что ваша дочь къ нему любовью тлѣетъ.
Чв-кина. Бездѣльникъ сей Замиръ!... Милена не имѣетъ,
Повѣрьте, подлыхъ чувствъ, и графу полюбясь,
Дворяне кажутся теперь ей всѣ какъ грязь.
Ве-тъ. Однако слышалъ я, что вашу дочь прельстили.
По-тъ. Какъ видно, что съ пути ее романы сбили.
Чв-кина. *(съ сердцемъ)*.
Романы!... я ее поотучу отъ нихъ!
Романы!... слушаться такихъ людей дурныхъ!
А гдѣ они живутъ? И гдѣ она видалась?
Марина, отъ тебя и дочь избаловалась.
Ма-на. Клянусь, у меня такихъ знакомцевъ нѣтъ.
По-тъ. Замиръ же виноватъ, что то болтаетъ свѣтъ.
Чв-кина. Бездѣльникъ онъ!... но чтобъ яснѣе оправдаться *(къ Маринѣ)*.
Миленѣ подъ вѣнецъ вели ты одѣваться,
А какъ нечаянно съ тобой случилась честь,
Что хочетъ рокъ тебя въ дворянки произвесть,
Чтобъ быть достойною толь знатной перемѣны,
Надѣнь любимое ты платьице Милены.
Ма-на. *(уходя къ Полисту)*.
Теперь навѣрное дворянкою мнѣ быть.
По-тъ. *(Маринѣ)*.
Я очень радъ, что тѣмъ могу тебѣ служить.

ЯВЛЕНІЕ 8-Е.

Верхолетъ, Чванкина, Полистъ.

Чв-кина *(Полисту)*. Пять тысячъ ей руб. приданымъ обѣщаю.
По-тъ. Изъ снисхожденья къ вамъ я это принимаю.
Ве-тъ *(къ Чванкиной)*. Позвольте съѣздить мнѣ невѣстамъ отказать.
По-тъ. Вы какъ же ихъ, сударь, заставите стонать!
Ве-тъ. Пускай стонаютъ; яль виновенъ въ этомъ буду?
По-тъ. На чтожъ такъ милымъ быть.
Ве-тъ *(Чванкиной)*. Невѣстъ всю эту груду
Для вашей дочери...
Чванкина. Какая милость намъ!
Не въ силахъ отслужить. Самъ Богъ отплатитъ вамъ.
Ве-тъ *(Полисту)*. Что скажетъ вдовушка, ты вѣдаешь какая?
По-тъ. Съ ума сойдетъ. Она вѣдь женщина презлая.
Ве-тъ. А о графинѣ ты что думаешь, мой другъ?
По-тъ. Навѣрное, умретъ; ужъ носится здѣсь слухъ,
Что, изъ отчаянья, занемогла смертельно:
Вы знаете, она васъ любитъ безпредѣльно.
Ве-тъ *(Чванкиной)*. Вы видите ли, что я дѣлаю для васъ?
Прощайте же.
Чв-кина. Нельзяль пріѣхать черезъ часъ,
И деньги привезетъ купецъ намъ въ то же время;
Когда ихъ вамъ отдамъ, то съ плечь спадетъ беремя.
Ве-тъ *(съ видомъ негодованія)*. О! о! сударыня.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ 6-Е.

Верхолетъ, *(со скороходами, лакеями и проч.)* Честонъ, Чванкина, Полистъ.

Ве-тъ. Со мною встрѣтиться и—шляпы не подвинуть!
За это должно-бы его съ крыльца мнѣ скинуть.
Чв-кина. А кто осмѣлился, сіятельнѣйшій зять,
Такія грубости предъ вами показать?
Какой нибудь дуракъ, невѣжа и скотина!
Ве-тъ. Замиръ, сударыня.
Чв-кина, *(испугавшись).* Я право не причина.
Чо-нъ. Что будетъ далѣе, но только графъ,
Какъ кажется, однимъ своимъ начальствомъ правъ.
Ве-тъ, *(Честону).* Подумайте, сударь! извѣстно вамъ то буди:
И графы и князья, всѣ, словомъ, знатны люди
То вѣдая, кто я, почтенье кажутъ мнѣ.
Всей здѣшней, думаю, извѣстно сторонѣ....
Да что, извѣстно то въ мѣстахъ и дальныхъ свѣта,
Какъ должно почитать всѣмъ графа Верхолета;
А мальчикъ....
Ч-онъ. Можетъ быть, онъ васъ и не узналъ.
Ве-тъ, *(хохочетъ).* Вотъ что смѣшно! не знать меня?
Чв-кина. Нѣтъ онъ нахалъ, *(на ухо Честону).*
Мальчишка!... не сердись; ужъ должно тутъ браниться,
Коль знатный господинъ изволитъ разсердиться.
Че-нъ, (*на ухо Чванкиной*). Я знатности слуга, и знатнымъ я не чту,
Кто...
Чв-кина. Развѣ виснетъ брань кому на вороту?
Иль сана твоего онъ этимъ поубавитъ?
Изволитъ побранить, а послѣ не оставитъ.
Ве-тъ. Не знаю, отъ чего такой молокососъ
Возмогъ осмѣлиться предъ графомъ вздернуть носъ?
Иль, бывъ соперникъ мой, онъ равенъ мнѣ быть мыслитъ?
Ч-онъ. Онъ васъ достойнѣе себя Милены числитъ.
Ве-тъ. Я это думаю.
Чв-кина. Милена и сама
И спитъ и видитъ, чтобъ...
Ве-тъ. Она не безъ ума.
Чв-кина. И все ужъ сдѣлаетъ, когда ей растолкуютъ;
Она вѣдь знаетъ то, гдѣ раки-то зимуютъ.
Ве-тъ. И графа, думаю, мальчишкѣ предпочтетъ.... *(къ Честону)*
Но дерзость мнѣ, сударь, его съ ума нейдетъ.
Вотъ такъ-то молодость и счастіе теряетъ,
Когда такихъ уже, какъ я, не почитаетъ.
Я, можетъ, тѣмъ его немного огорчилъ,
Что сердце отъ Милены отлучилъ;
Но было у меня ему во утѣшенье
За то уже совсѣмъ готово награжденье.
Когда бы не таковъ онъ былъ и грубъ и рьянъ,
То былъ бы гвардіи онъ завтра капитанъ
Ч-тонъ. Того не надобно, пусть въ арміи послужитъ,
Ве-тъ. Изрядно сказано, пускай его потужитъ,
Пускай научится, какъ графовъ почитать;
И лучше бы отецъ его не могъ сказать...
Но кто его отецъ?
Чв-кина. Его онъ ожидаетъ.
Ве-тъ. Для свадьбы слышалъ я!... напрасно прогуляетъ
Путь дальный, старичокъ; его мнѣ очень жаль.
Честонъ. Отцу увидѣться со сыномъ не печаль,

И вѣрьте, что ему не будетъ то досадно...
Ве-тъ. Что у меня со всѣхъ сторонъ съ Миленой ладно,
Не правда ли? И такъ умнѣе сына онъ?
А какъ его зовутъ?
Честонъ. Зовутъ его Честонъ.
Чв-кина. Пречестный старичокъ! и онъ сюда не будетъ... *(На ухо Честону)*
Прошенья моего Честонъ не позабудетъ?
Ч-онъ *(на ухо Чванкиной)*. Докуда можно мнѣ.
Ве-тъ. Гдѣ служитъ онъ? и чѣмъ?
Чв-кина. Дѣлами такъ вертитъ какъ будто-бы мячемъ.
Такой учтивецъ онъ! такой ко всѣмъ привѣтникъ
И въ городѣ у насъ коллежскій онъ совѣтникъ.
За то отъ всѣхъ почтенъ онъ въ нашей сторонѣ.
Ве-тъ. Честонъ?... Совѣтникъ?... Ба! да онъ извѣстенъ мнѣ.
За чиномъ долго здѣсь у знатныхъ волочился;
Ничто не помогло, но я уже вступился.
Ч-онъ. Такъ долженъ вамъ Честонъ за чинъ благодарить?
Ве-тъ. Кому жъ? не ужъ-то вамъ? коль смѣю я спросить.
Честонъ *(въ сторону.)* Безстыднѣйшій хвастунъ!
Верхолетъ. Когда неймете вѣры,
Откройте только мнѣ желаній вашихъ мѣры,
Въ минуту сдѣлано; и я служить всѣмъ радъ.
Честонъ. На просьбы я, сударь., не много туговатъ.
Ве-тъ. Да безъ меня нельзя жъ вамъ будетъ обойтиться;
Пришло бы вѣдь ни съ чѣмъ Честону возвратиться,
Напрасно время здѣсь и трудъ свой погубя....
Че-онъ. Да знаете ли вы его?
Ве-тъ. Какъ самъ себя;
И этотъ батюшка любовника Милены Въ передней у меня потеръ спиною стѣны.
Неправда ли, Полистъ? Вамъ скажетъ секретарь.
По-тъ. Безплодно потоптавъ онъ крыльца здѣшнихъ баръ,
Которые ему совсѣмъ ужъ отказали....
Знать, невозможностью дать чинъ ему считали....
Не помню, у меня какъ случай онъ нашелъ —
И я его тотчасъ чрезъ графа произвелъ.
Ч-онъ. Божусь вамъ, что вы не знаете Честона.
Ве-тъ. Не знать его, сударь, мнѣ не былобъ урона,
Но если я его вамъ живо опишу,
Со мной объ этомъ я споръ вашъ утишу.
Чв-кина (*Ч-ну на ухо*). Не спорь, отецъ мой, съ нимъ:
Онъ, знаешь, баринъ знатный.
Ч-онъ. *(наухо Чв-киной)*. Онъ дерзкій человѣкъ, хвастунъ, шалунъ развратной!
Чв-кина, *(заткнувъ уши)*. Не слышу я.
Ве-тъ. Что тамъ вамъ смѣютъ говорить?
Чв-кина, (*съ трусостью*). Нѣтъ... право ничего.... изволитъ васъ хвалить.
Ве-тъ. Да почему же то быть можетъ непонятно,
Что мнѣ Честонъ знакомъ?
Честонъ. Мнѣ то невѣроятно.
По слуху одному, который говоритъ,
Что, честно онъ служа, въ переднихъ не стоитъ;
Что онъ чрезъ подлости достоинствъ не ловитель;
Что баринъ—честь его, а служба—покровитель;
Что молвить за себя не проситъ онъ словца;
А впрочемъ, я его незнаю и лица.
Ве-тъ. Такъ я жъ вамъ сдѣлаю его изображенье....
Лице широкое его, какъ уложенье,
Одѣто въ красненькой сафьяный переплетъ;
Не вѣрю я тому, но, кажется, онъ пьетъ;

Хоть сѣдъ отъ старости, но бодръ еще довольно....

Ч-онъ. А я вотъ слышалъ такъ, что говоритъ онъ вольно;
И если бы когда и графъ какой сталъ лгать,
Въ глаза бы онъ сказалъ, что графъ изволитъ врать....
Онъ сухъ, лице его ни мало не широко,
И хвастуновъ его далеко видитъ око;
А впрочемъ, онъ во всемъ походитъ на меня.
Но что бы все сказать, Честонъ, сударь, самъ я.

Ве-тъ. Какое же вранье, какая дерзость эта....
Ну, кстатиль, старичекъ, въ твои почтенны лѣта
Лгать нагло....

Чв-кина. Подлинно!

Честонъ. Нѣтъ, вамъ, когда вы графъ,
Нестыдноль, честности, сударь, презрѣвъ уставъ,
Который вамъ хранить......

Верхолетъ. Я васъ не разумѣю.

Ч-онъ. Поди, сударь, поди, я вмѣсто васъ краснѣю,
А вы.

Ве-тъ. Полистъ! ужель всѣ письма къ королямъ?

Полистъ. Готовы всѣ, сударь.

Честонъ *(къ Чванкиной).* А вы, не стыдноль вамъ,
Когда при васъ меня увѣрить въ томъ дерзаютъ,
Что я не я; когда при томъ меня ругаютъ.
А вы, сударыня, молчаніе храня....

Чв-кина. Охъ Боже мой! на что ссылаться на меня....
Честонъ ли ты иль нѣтъ, я этого не знаю;
Угодно графу какъ, я такъ и почитаю.

Че-онъ. Какъ! столько подлости вы можете имѣть,
Чтобъ уличить его въ толь видной лжи несмѣть!
И бывъ знакомы мнѣ, сударыня, такъ близко,
Хотите потакать, и потакать такъ низко?
Не графъ, повѣрьте мнѣ, хвастунъ престрашный онъ,
И это правда такъ, какъ то, что я Честонъ.

Чв-кина. Такъ что жъ, что ты Честонъ,
хоть знаю, да не вѣрю.

Ве-тъ. (*Съ видомъ насмѣшливымъ и презрительнымъ*).
О, нѣтъ, нѣтъ, что я графъ, я въ этомъ лицемѣрю.
Не графъ я, а такой вотъ точно дворянинъ,
И темный и простой, какъ этотъ господинъ.

Че-онъ. Повѣрьте, быть такимъ желаю вамъ не ложно.

Ве-тъ. (*Съ насмѣшкою*). О! много чести мнѣ... мнѣ въ томъ признаться должно (*Чванкиной*).
А впрочемъ, пусть по мнѣ онъ будетъ то, что онъ,
Да въ свѣтѣ тольколи, что онъ одинъ Честонъ?
Что чиномъ одолжилъ Честона я безмѣрно,
Я это вѣдаю и знаю очень вѣрно.

Честонъ. Такъ я вамъ изъясню...

Ве-тъ. Того-то не терплю;
И изъясненій я нимало не люблю. (*Къ Чванкиной*).
Вы видитель, что сталъ онъ признаваться;
И съ благодарностью ужъ хочетъ унижаться?
Но благодарности стараюсь избѣгать;
Я не для этого желаю одолжать.

Чванкина. Какой безстыдникъ онъ!

Ве-тъ. То правда, что безстыденъ;
И онъ, какъ въ зеркалѣ, въ своемъ Замирѣ видѣнъ,
Который подло такъ Милену клеветалъ.

Честонъ. Не правда, и мой сынъ...

Чванкина. Бездѣльникъ я нахалъ!

Ве-тъ. (*Чванкиной*). Пойдемъ, ужъ онъ опять бѣситься начинаетъ. (*Къ Честову отходя*). О вашихъ дуростяхъ сегодняжъ Дворъ узнаетъ.
Прости.

Чв-кина. (*Къ Честону отходя*).
Не знаешь, какъ онъ силенъ у Двора;

Пропалъ ты, и навѣкъ.
Честонъ. Убила ты бобра.

(Печатано съ Смирдинскаго изданія).

XII. АБЛЕСИМОВЪ.

Мельникъ, колдунъ, обманщикъ и сватъ.
Комическая опера (1779).

Дѣйствующія лица: Анкудинъ, крестьянинъ. Фетинья, жена его. Анюта, дочь ихъ. Филимонъ, женихъ Анюты. Ѳаддей, мельникъ. Нѣсколько подругъ Анютиныхъ.

Содержаніе двухъ первыхъ дѣйствій. Мельникъ чинитъ мельницу, испорченную бурей, и поетъ пѣсни. Къ нему приходитъ Филимонъ и проситъ, чтобы колдунъ поворожилъ и узналъ, гдѣ находятся пропавшія у Филимона лошади. Мельникъ колдуетъ и говоритъ, что, если кони и найдутся, то нескоро. Въ тоже время крестьянинъ открываетъ ему состояніе своего сердца. Онъ любитъ Анюту, которую мать, женщина дворянскаго происхожденія, непремѣнно хочетъ выдать за дворянина, а не за крестьянина. За четверть ржи мельникъ обѣщается помочь ему (Дѣйствіе 1-е). — Филимонъ и Анюта встрѣчаются на улицѣ, и хотя они любятъ втайнѣ другъ друга, но не рѣшаются теперь вступить въ разговоръ. Мельникъ имъ помогаетъ. Является Ѳетинья, и Филимонъ отходитъ въ сторону. По желанію матери и дочери мельникъ гадаетъ имъ про зятя и жениха. По требованію колдуна Филимонъ проходитъ мимо нихъ въ полумракѣ. Обѣ довольны, и потомъ мельникъ объясняетъ Ѳетиньѣ, что Филимонъ дворянинъ. Послѣ этого пріѣзжаетъ Анкудинъ и узнавъ, что жена нашла дочери жениха дворянина, не соглашается на это, потому что хочетъ выдать ее за хлѣбопашца. Они спорятъ и каждый намѣренъ поставить на своемъ (Дѣйствіе 2-е).

ДѢЙСТВІЕ 3-Е.

Театръ представляетъ крестьянскій домъ и при немъ сидящихъ дѣвокъ.

ЯВЛЕНІЕ 1-Е.

Ѳетинья *(и нѣсколько дѣвокъ, изъ коихъ иная прядетъ, иная шьетъ: только всякая съ дѣломъ и поютъ свадебныя пѣсни).*

Хоръ. Што безъ бури, безъ вихоря
Ворота отпиралися
Въ теремъ двери отворялися.

Ѳетинья. Нѣтъ, дѣвки, другую спойте, позаунывнѣе.

Хоръ. Тошненько мнѣ младой въ дѣвкахъ быть,
Тошнѣй того мнѣ за мужъ иттить.

Ѳетинья. О! нѣтъ, это ужъ очень жалобна, спойте еще иную.

Хоръ. Вечеръ-та мнѣ косоньку матушка плела, матушка плела
И жемчугомъ косоньку всю унизала, всю унизала.

ЯВЛЕНІЕ 2-Е.

Анюта и прежнія.

Ѳетинья. Поди-ка сюда, Анюта; а мы тебѣ свадебныя пѣсни пѣли.

Анюта. Матушка!... да за кого ты меня выдать-та хочешь?

Ѳетинья. Не бось, не бось; я выдамъ тебя за такова молодца, какой нашимъ дѣвкамъ и во снѣ не пригрезится...

Анюта. Почему это вѣдать?

Ѳетинья. Глупенькая, захочетъ ли мать, чтобъ дочь ея была за другимъ мужемъ, а я еще и больше хочу, чтобъ мужъ у тебя былъ дѣтинушка завидной и также барыша и дворянскова бы отродья.

Анюта *(поетъ)* Вотъ моя, вотъ напасть:
Злодѣйка любовна страсть
Взяла надо мною власть:
Свѣтъ не милъ,
Свѣтъ постылъ,
Всякой часъ крушуся я,
Противна мнѣ жизнь моя!

ЯВЛЕНІЕ 3-Е.

Анкудинъ и прежнія.

Анкудинъ. Ге!... старуха!... штой-та.. на тебя эту ночь сна нѣтъ!... *(увидя дѣвокъ).* Ба! да ты и впрямъ сватьбу затѣяла.

Ѳетинья. Таки не шутя.

Анкудинъ. Сумбурщица! да ты послушай меня.

Ѳетинья. Нѣтъ, нѣтъ, ты хоть тресни, а я свои буду пѣть пѣсни: на зло тебѣ, дочь просватала въ село Хлѣбородово...

Анкудинъ. Э!... какъ! въ село Хлѣбородово ты хочешь выдать?

Өетинья. Такъ-таки

Анкудинъ. А... а за ково бы тамъ?...

Өетинья. За помѣщика деревни Доброй Пожни.

Анкудинъ. Вотъ на! да тамъ и помѣщиковъ-та нѣту.

Өетинья. Анъ лихъ есть; мнѣ кажется, Өаддей мельникъ сватаетъ, и уже мы, я и она *(указывая на дочь)* его и видѣли.

Анкудинъ. Когда видѣли?

Өетинья. Давеча, какъ смерклось.

Анкудинъ. Такъ Өаддей мельникъ вамъ сватаетъ?

Өетинья. Да такъ-таки, и онъ клянется и божится за него, какъ за дворянина.

Анкудинъ. Ха! ха! ха!... онъ васъ морочитъ; а вѣдь и ко мнѣ онъ тоже, и изъ той-жа деревни приходилъ сватать, только крестьянина.

Өетинья. Неужто?

Анкудинъ. Стануль я тебя обманывать.., да вотъ онъ и самъ катитъ къ намъ.

ЯВЛЕНІЕ 4.

Мельникъ и прежнія.

Өетинья. Поди-тка, поди, сосѣдушка, разбери насъ: вѣдь ты сватаешь за дочьту мою дворянина?

Мельникъ. Ты его видѣла?

Өетинья. Видѣла.

Мельникъ. И спрашивать нечева.

Анкудинъ. Какъ жа, а ко мнѣ ты приходилъ съ дѣтиной и называлъ его крестьяниномъ?

Мельникъ. Я и теперь въ томъ стою, и коли милости вашей въ потребу, такъ мы его и на лицо выставимъ.

Анк. и Өет. *(оба).* Подавай-ка сюда, мы посмотримъ.

Мельникъ. За нами дѣло нестанетъ *(ухватя ихъ обоихъ, поетъ)*

И теперь я то пою:
Въ своемъ словѣ я стою;
Этой ночи,
Что есть мочи,
Я чудесъ вамъ натворю:
Тебя съ нею помирю!
Подождите,
Неходите,
Жениха вамъ покажу,
И все дѣло развяжу
(уходитъ и они смотрятъ ему въ слѣдъ).

ЯВЛЕНІЕ 5.

Тѣже *(кромѣ мельника).*

Анкудинъ. Старуха!... какъ ты смышляешь? сватать намъ не дьявольщину-ль какую городитъ и ужъ не оборотня ли намъ сватаетъ?

Өетинья. Чево доброва и быть такъ.

Анкудинъ *(поетъ).* Вижу я колдунъ морочитъ,
Обмануть насъ всѣхъ трехъ хочетъ:
Только какъ колдунъ ни дюжъ,
Да вѣдь я и самъ уклюжъ:
Какъ обманъ ево я смѣчу,
То какъ чорта изувѣчу,
Проважу съ двора дубьемъ... 2.

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Мельникъ *(пьяной и съ балалайкой)*, Филимонъ и прежніе.

Мельникъ. Ну-те-тка... *(къ старику)* этова ли я къ тебѣ приводилъ?

Анкудинъ. Этова, этова, не спорное дѣло, только, братъ...

Мельникъ *(къ старухѣ).* А ты съ нимъ ли надорогѣ-то столкнулась?

Өетинья. Съ нимъ точнехонько.

Мельникъ. А у невѣсты ужъ и спрашивать....

Анюта *(подходя къ нимъ, разсматриваетъ Филимона; онъ ей кланяется и она ему)* Онъ! точнехонько онъ!... какъ же я рада!

Өетинья. Да вѣдь онъ дворянинъ, ты сказывалъ?

Мельникъ. Да еще и природной.

Анкудинъ. Почему же мнѣ называлъ его крестьяниномъ?

Мельникъ. А потому-же что это правда.

Анкудинъ. Што-же за чертовщина такая? Дворянинъ и крестьянинъ; нѣтъ! нѣтъ, видно, братъ, ты насъ морочишь.

Анюта. Батюшка и матушка, што до того нужды? пускай онъ хоть пастухъ будетъ, да мнѣ полюбился; не думайте, отдавайте скорѣе.

Мельникъ. *(беретъ старика и старуху за руки; сперва второму).* Ты за нево отдать думаешь?

Анкудинъ. Съ охотой бы.

Мельникъ. *(къ старухѣ)* А ты, сватьюшка?

Ѳетинья И я бы не упрямилась, коли дворянинъ онъ.

Мельникъ. Ладно, слушайте-жъ, что я вамъ пѣть буду.

(Настраиваетъ сперва балалайку, потомъ поетъ).

Ужъ какъ шли старикъ со старухой изъ лѣсочка,
Изъ лѣсочка, съ ними дочка, пригожайка...
На встрѣчу имъ попался сосѣдъ мельникъ,
Сосѣдъ мельникъ, не бездѣльникъ, ворожайка...
Сосѣдъ мельникъ загадаетъ имъ загадку:
Имъ загадку, правду-матку загадаетъ...

Еще што да таково,
На Руси у насъ давно:
Самъ помѣщикъ, самъ крестьянинъ,
Самъ холопъ и самъ бояринъ,
Самъ и пашетъ, самъ оретъ,
И съ крестьянъ оброкъ беретъ.
Отгадайте, толкъ въ томъ дайте,
Не болтайте, отгадайте...

Анкудинъ .Чортъ развѣ это отгадаетъ, а не мы грѣшные.

Мельникъ. *(продолжая пѣть)*

Старики мои догадки не имѣютъ,
Неимѣютъ, не умѣютъ отгадати...
Такъ ипъ мнѣ пришло загадку разгадати,
Разгадати, не солгати, объявити...
Ища вотъ да што оно,
На Руси у насъ давно:
Самъ помѣщикъ... и пр.
Это знайте, это знайте, не вступайте
Больше въ спорецъ,
Его знаютъ, называютъ однодворецъ!
Слышали-ль?... Онъ однодворецъ!—и дворянинъ и крестьянинъ — все одинъ.

Анкудинъ. Вотъ на! а я хоть бы тѣ треснуть, не домыслился бъ этова.

Мельникъ. Ну! теперь спору больше нѣтъ.

Анкудинъ. Ни сколько.

Ѳетинья. И я ни словечка *(особливо)* Вѣдь все ужъ дочка моя будетъ не за прямымъ мужикомъ-охреяномъ, а таки хотя за половиною да дворяниномъ.

Анкудинъ Пускай, пускай по твоему.

Мельникъ. Нечева-жъ и смышлять больше, ну-тка въ добрый часъ веселымъ пиркомъ да за свадебку.

Ѳетинья. Во святой часъ! по рукамъ да и замужъ.

Анкудинъ. Спасибо, братъ, сосѣдушка, правду молвить, удружилъ всѣмъ намъ *(начинаютъ пѣть)*

Теперь у насъ, старуха, нѣту спора:
Приходитъ наше дѣло до сговора.

Хоръ.

Мельникъ.	Всѣ.
Такъ... я къ вамъ, мои други	Вотъ... другъ нашъ сватъ Гаврилычъ,
Я не даромъ приходилъ,	Сватъ не даромъ приходилъ,
Я вамъ свадьбу снарядилъ,	Онъ намъ свадьбу снарядилъ,
Всѣмъ вамъ, всѣмъ вамъ угодилъ.	Всѣмъ намъ, всѣмъ намъ угодилъ.

Старуха. Крушить не буду молодость дѣвичью,
Сыскала жениха ей по обычью.

Хоръ.

Мельникъ.	Всѣ.
Такъ... я къ вамъ, мои други...	Вотъ... другъ нашъ сватъ Гаврилычъ...

Филимонъ. Теперь мое сердечушко на мѣстѣ:
По праву я пришелъ моей невѣстѣ.

Хоръ *(тоже что и прежде).*

Анюта. Не грезилось младенькѣ и не снилось,
Замужество чтобъ такое мнѣ случилось.

Хоръ *(тоже)*.

Мельникъ. Какъ женится на дѣвочкѣ дѣтинка,
То придетъ мнѣ въ карманъ отъ нихъ полтинка.

Хоръ *(тоже)*.

Всѣ.

Зачинать пора пирушку намъ смѣкать
И въ веселости затѣимъ куликать.

Мельникъ *(поетъ къ Анкудину)*. Поведи ка ты къ себѣ насъ, добрый тесть,
У тебя вина и пива много есть.

Всѣ. *(тоже; потомъ отходятъ)*.

XIII. ХЕРАСКОВЪ.

Россіада (1779).

Іоаннъ Грозный видитъ во снѣ Александра Тверскаго, русскаго князя, убитаго нѣкогда въ ордѣ. Александръ напоминаетъ Грозному о его долгѣ—завоевать Казанское царство и этимъ освободить Россію отъ ига. Убѣжденный его внушеніями, Іоаннъ сначала идетъ съ боярами на гробъ Св. Сергія, потомъ созываетъ Думу и выбираетъ предводителя для войска. Походъ. Царицею въ Казани въ это время была Сумбека, вдова Сафгирея; она полюбила молодаго Османа и хотѣла раздѣлить съ нимъ престолъ. Узнавши, что разныя Татарскія орды приближаются къ Казани, надѣясь найти здѣсь защиту, а Іоаннъ уже близъ Свіяжска, Сумбека посылаетъ волхва Сеита вопросить лѣсныхъ боговъ, какая участь ожидаетъ городъ, и сама собираетъ народъ на совѣщаніе.

Но вдругъ въ окружности, гдѣ собранъ былъ народъ,
Изшедый нѣкій мужъ является изъ водъ;
Предсталъ онъ весь покрытъ и тиной и травою,
Потоки мутныя отряхивалъ главою,
Очами грозными Казанцовъ возмущалъ;
Увы! Казань, увы! стеная онъ вѣщалъ;
Не жить Ордынцамъ здѣсь! Смущенныя рѣчами,
Казанцы бросились къ видѣнію съ мечами;
Но посланъ тартаромъ иль волею небесъ,
Сей мужъ невидимъ сталъ, и яко дымъ изчезъ.
Боязнь, которая ихъ чувства убивала,
То знаменіе имъ въ погибель толковала,
Пророчествомъ сіе явленіе почли;
До самыхъ облаковъ стенанья ихъ прошли;
Свое производя изъ дѣйства примѣчанье,
Во смутномъ весь народъ является молчаньѣ;
На лицахъ видится, на слезныхъ ихъ очахъ,
Тоска, отчаянье, уныніе и страхъ.
И се! является Казанскихъ золъ рачитель,
Сеитъ, закона ихъ начальникъ и учитель;
Какъ будто страшною мечтою пораженъ,
Или кровавыми мечами окруженъ,
Или встрѣчающій мракъ вѣчный адской ночи,
Имѣлъ онъ блѣдный видъ, недвижимыя очи,
Въ трепещущихъ устахъ языкъ его дрожалъ;
Какъ страшнымъ львомъ гонимъ въ собранье онъ бѣжалъ;
Пріобрѣтающи Вельможи раны къ ранамъ,
Являлись каменнымъ подобны истуканамъ.
Собравъ разстроенныхъ своихъ остатокъ силъ,
И руки вознося сей старецъ возгласилъ:
О! братія мои, и други! горе! горе!
Иль молніями насъ постигнетъ небо вскорѣ;
Или уста свои разторгнувъ, страшный адъ
Поглотитъ насъ самихъ и сей престольный градъ;
Сквозь мраки вѣчности судьбину вижу мстящу,
Огонь, войну и смерть на насъ послать хотящу;
Я слышу день и нощь, смутясь вѣщаетъ онъ,
Я слышу въ воздухѣ, подземный слышу стонъ!..
Ходилъ недавно я спокоить духъ смущенный,
На Камскія брега, 'во градъ опустошенный,

Опредѣленіе проникнути небесъ;
Тамъ агнца чернаго на жертву я принесъ,
И вопрошалъ духовъ во градѣ семъ живущихъ,
Въ сомнительныхъ дѣлахъ отвѣты подающихъ:
Заросъ въ пещеру путь къ нимъ терномъ и травой;
Отвѣта долго ждавъ, я вдругъ услышалъ вой,
Отчаянье и стонъ, во храмѣ нами чтимомъ;
И се покрылися чертоги чернымъ дымомъ,
Увидѣлъ я изъ нихъ летящую змію,
Какъ громъ вѣщающу, погибель мнѣ сію;
Напрасно чтутъ меня и славятъ человѣки,
И вы погибнете и я погибъ на вѣки;
Змій пламенной стрѣлой ко западу упалъ,
Внимающій сіе окамененъ я сталъ;
О! други, сиры ставъ въ опасностяхъ безмѣрныхъ,
Пойдемъ и призовемъ Сарацинъ единовѣрныхъ;
Они на вопли женъ, на слезы притекутъ,
И нашу зыблему державу подопрутъ.
Вѣщая тѣ слова, онъ ризу раздираетъ,
Возкрикнувъ: тако Богъ насъ въ гнѣвѣ покараетъ!
Ко суевѣрію сей склонный человѣкъ,
Но хитрый въ вымыслахъ, Сумбекѣ тако рекъ.
Имѣя горьку мысль и душу возмущенну,
Когда приближался я къ лѣсу освященну,
Гдѣ солнца невидать, ни свѣтлыя зари,
Гдѣ наши древнія покоятся цари;
Увидѣлъ предъ собой я блѣдну тѣнь дрожащу,
И мнѣ сіи слова́ съ стенаніемъ гласящу:
О! старче поспѣшай; Сумбекѣ объяви,
Да сладостной она противится любви.
Хощу, да изберетъ себѣ она въ супруга,
Престола царскаго и пользы общей друга;
Тогда вашъ градъ пророкъ къ спокойству призоветъ!
Подобно какъ Борей въ пучинѣ зареветъ,
У плавателей страхъ искуство ихъ отъемлетъ;
Разсудку здравому никто уже́ не внемлетъ;
Такъ стекшійся народъ мутился въ оный часъ,
Пронзаетъ облака смѣшенный нѣкій гласъ;
Но гордость при такихъ волненіяхъ не дремлетъ,
Притворство, дружбы видъ къ отечеству пріемлетъ;
Вельможи гордыя на тронъ Казанскій зрятъ,
Народъ склонить къ себѣ желаніемъ горятъ;
Казанскій Князь Сагрунъ (¹) заслуги изчисляетъ,
Которыми права́ къ державѣ подкрѣпляетъ,
Чего намъ ждать? онъ въ грудь біющій говоритъ;
Погибли мы! когда Москва насъ покоритъ;
Мы будемъ изъ своихъ жилищей извлеченны,
И горъ во внутренность на вѣки заключенны;
Отниметъ свѣтъ у насъ блестящій тотъ металъ,
Который у враговъ Казани богомъ сталъ;
Нѣтъ мира намъ съ Москвой! коль градъ спасти хотите,
Другова иль меня владычествомъ почтите;
Сеитъ со Княземъ симъ единомышленъ былъ
Въ немъ нравы онъ своимъ подобныя любилъ;
Тебѣ принадлежитъ, онъ рекъ, съ Сумбекой царство,
Ты знаешь какъ спасать отъ Россовъ государство;
Но злобу посрамить, и гордость ихъ попрать,
А я предлагалъ Гирей царемъ избрать;

(¹) Подлинное его имя Чапкунъ. (Прим. авт.)

Уже Алей, онъ рекъ, два раза нами правилъ,
Но видя нашу лесть, Казанскій тронъ оставилъ,
Взовемъ къ нему еще, корону поднесемъ,
Чрезъ то Свіяжскъ падетъ, чрезъ то себя спасемъ.
Когда сомнѣніемъ Сумбека колебалась,
И сердцемъ къ нѣжностямъ любовнымъ преклонялась;
Является въ дали, какъ новый Евкеладъ,
Который будтобы возсталъ, пресиливъ адъ;
То Князь былъ Асталонъ; онъ шелъ горѣ подобенъ;
Сей витязь цѣлый полкъ единъ сломить удобенъ,
Отваженъ и свирѣпъ, сей врагъ Россіянъ былъ;
Во браняхъ, какъ тростникъ! соперниковъ рубилъ;
Пошелъ въ средину онъ, покрытъ броней златою,
И палицей народъ раздвинувъ предъ собою,
Какъ гласомъ многихъ трубъ, вѣщалъ Казанцамъ онъ:
Се! въ помощь къ вамъ пришелъ безстрашный Асталонъ;
Я слова украшать цвѣтами не умѣю,
Но храбрость лишь одну и силу я имѣю,
При сихъ словахъ съ земли онъ камень подхватилъ,
Который множествомъ поднять не можно силъ,
Одной рукой его поставилъ надъ главою;
Кто силой одаренъ, вѣщаетъ, таковою?
Повергъ онъ камень сей отъ круга далеко,
И въ землю часть его уходитъ глубоко;
Вотъ опытъ силъ моихъ, вскричалъ, спасайтесь мною!
Хочу я вашей быть въ сраженіи стѣною,
Готовъ я гнать одинъ Россійскія полки;
Но требую во мзду царицыной руки,
Въ награду не хочу всего Казанска злата,
Сумбека за труды едина мнѣ заплата;
Когда не примете желанья моего,
Спокоенъ выду вонъ изъ города сего;
И все собраніе окинулъ страшнымъ окомъ.
Народъ являлся тутъ въ молчаніи глубокомъ;
Но имъ спокойства въ немъ является заря;
Уже хотѣли всѣ признати въ немъ царя;
Какъ многихъ шумъ древесъ, такъ рѣчи слышны были,
И съ Княземъ въ бракъ вступить Сумбекѣ присудили.
Какой погибельный Сумбекѣ приговоръ!
Она потупила въ слезахъ прекрасный взоръ;
Такъ плѣнникъ, чающій пріятныя свободы,
И льстящійся прожить съ весельемъ многи годы,
Со страхомъ видитъ цѣпь, несомую къ нему,
И возвѣщающу всегдашній плѣнъ ему.
Сумбека гдѣ себя царицей почитала,
Сумбека въ царствѣ томъ невольницею стала;
Рабы противъ ея свободы возстаютъ,
И сердцу гордому законы подаютъ.
Томленна горестью, въ печали углубленна,
Любезный зракъ нося въ груди царица плѣнна,
Вѣщаетъ къ подданнымъ смущаясь и стѣня:
Вы въ жертву злой судьбѣ приносите меня!
Такъ вы царя сего, котораго любили,
Неблагодарныя! въ лицѣ моемъ забыли;
Но быть моихъ рабовъ рабою не хочу,
И прежде землю я и небо возмущу,
Подамъ лунѣ самой и солнцу я уставы,
Чѣмъ вы похитите и власть мою и правы;
Въ лицѣ ея съ стыдомъ изображался гнѣвъ.
Таковъ является свирѣпъ и грозенъ левъ,
Когда отрѣзавъ путь ему къ лѣсамъ и къ полю,
Безстрашныя ловцы влекутъ его въ неволю;

Въ народѣ возстаетъ необычайный шумъ;
Сумбекинъ движимъ былъ какъ море страстью умъ;
Любовь съ оружіемъ въ собранье прибѣгаетъ,
Златую цѣпь она на гордость налагаетъ;
Предтечу слабости стонъ тяжкій извлекла;
Сумбека страстію смягченная рекла:
Увы! мнѣ дорого отечество любезно,
Царя назначить вамъ, и мнѣ и вамъ полезно;
Но паче утвердить желаніе мое,
Потребна склонность мнѣ и время на сіе:
Позвольте мнѣ моей послѣдней волей льститься!
При сихъ словахъ токъ слезъ изъ глазъ ея катится;
Вѣщала, и народъ къ желанію склонить,
Хотѣла не любовь, но время отмѣнить.
Но вдругъ нечтущаго ни правилъ ни законовъ,
Гремящій голосъ былъ услышанъ Асталоновъ;
Отвѣтомъ Сумбеки, вѣщалъ, ожесточенъ:
Я долго непривыкъ быть въ стѣны заключенъ,
Доколь рога луны въ кругъ полный не сомкнутся,
Стопы мои бреговъ Казанскихъ не коснутся;
Но я клянусь мечемъ, и клятву здѣлавъ льщусь,
Что презрѣнъ я отсель уже не возвращусь;
А есть ли кто иной твою получитъ руку,
Погибнетъ! палицу я оставлю вамъ въ поруку
И палицу сію взложивъ на рамена,
Онъ съ шумомъ уходилъ, какъ бурная волна.
Какъ съ корнемъ древеса, верхи съ домовъ срывая,
Надъ градомъ туча вдругъ восходитъ громовая,
Когда свирѣпый Эвръ подняться ей претитъ,
Уставя грудь Борей на градъ ее стремитъ;
Подобно Асталонъ наводитъ угроженье,
Наполнивъ ужасомъ въ Казанцахъ воображенье;
Къ паденью чаютъ зрѣть склоняющійся градъ,
Коль въ бракъ не вступитъ онъ пришедъ въ Казань назадъ.
Сумбека истребить народно огорченье,
Пріемлетъ на себя о бракѣ попеченье;
Вы знаете, она Казанцамъ говоритъ:
Что сердца моего боязнь не покоритъ,
Угрозамъ гордаго пришельца я не внемлю;
Коль нужно, возмущу и небо я и землю;
Мнѣ сила полная надъ тартаромъ дана,
Не устрашитъ меня съ Россіею война:
О! естьли адъ меня Казанцы не обманетъ,
Земля дрожать начнетъ, и громъ предъ нами грянетъ;
За слезы я мои, за ваши отомщу,
Спокойтесь, вамъ царя достойнаго сыщу.
Мѣщающій раздоръ спокойствію златому,
И вихрю въ оный часъ подобенъ ставъ крутому,
Въ различны мнѣнія Казанцовъ повергалъ;
Одно намѣренье другихъ превозмогалъ.
Но въ тайныхъ помыслахъ какъ въ тьмѣ нощной сокрыта,
Сумбека весь народъ послала предъ Сеита;
Моля, да будетъ онъ покровомъ въ бѣдствахъ имъ,
Отправили его съ прошеньемъ рабскимъ въ Крымъ.—

Сумбека имѣетъ свиданіе съ Османомъ, высказываетъ свою любовь и предлагаетъ раздѣлить престолъ. Османъ открываетъ ей, что любитъ Эмиру и будетъ ей вѣренъ до конца жизни. Сумбека въ сильномъ гнѣвѣ Она хочетъ мстить сопернпцѣ и прибѣгаетъ къ волшебству; но силы ада нерѣшаются помогать ей. Тогда тайный голосъ внушаетъ Сумбекѣ мысль посовѣтоваться съ тѣнью мужа Сафгирея. Сумбека идетъ въ лѣсъ. Мужъ совѣтуетъ ей раздѣлить престолъ съ Алеемъ, какъ предводителемъ любимымъ и опытнымъ. Сумбека соглашается и объявляетъ народу свой

выборъ (пѣснь 1—V). Въ это время Московскія войска дошли до Коломны. Къ Іоанну приходитъ извѣстіе, что противъ него вооружился и ханъ Крымскій. Царь хочетъ сначала побѣдить этого врага, но внявъ мудрымъ совѣтамъ, посылаетъ противъ Крымцевъ Курбскаго. Крымцы сильны отъ того, что имъ содѣйствуетъ волхвъ Сеитъ. Курбскій дошелъ до Тулы и встрѣтился съ Крымскимъ войскомъ. Имъ предводительствовалъ ханъ Исканаръ. Съ нимъ же была супруга его Рема и волхвъ Сеитъ.

Дрожащая луна на небеса возходитъ,
Блистательныхъ плеядъ и скорпія выводитъ;
Желая воинству отдохновенье дать,
Подъ Тулой Курбскій сталъ разсвѣта ждать.
Онъ зналъ, что Исканаръ съ грабительной толпою,
Свой станъ расположилъ, и войски надъ Упою;
Начальникъ воинство примѣромъ возхищалъ,
И ратниковъ собравъ, сіи слова вѣщалъ:
Въ подпору малый сонъ принявъ изнеможенью,
Назавтре съ Крымцами готовьтеся къ сраженью.
Вы помните, что царь велѣлъ намъ побѣдить,
Почтимся мы его желанью угодить;
Не златомъ Крымскимъ васъ, о други! обольщаю,
Не Исканаровъ станъ добычей обѣщаю,
Не гнусная корысть зоветъ ко брани васъ;
Спасенье общее и вашей славы гласъ.
Вниманіе свое на Тулу обратите,
Тамъ всѣ вамъ вопіютъ: спасите насъ, спасите!
Мы должны кровію спокойство имъ купить;
Подите храбрый духъ сномъ краткимъ подкрѣпить.
Вздремали ратники; и бывшу утру рану,
Ко Исканарову ихъ Курбскій двигнулъ стану.
Тамъ роскошь гнусная, устроивъ гордый тронъ,
Простерла на своихъ любимцовъ томный сонъ;
Не брань кровавая, не остріе желѣза;
Имъ зрится сладкая въ мечтаніи трапеза.
Неосторожности являющій примѣръ,
Надъ стражей крыліе глубокій сонъ простеръ,
Которая въ мечтѣ Москву пренебрегала,
Врата и валъ, глаза сомкнувши, облегала.
Но Курбскій, презрѣвшій неравный съ ними бой,
Даетъ къ сраженью знакъ звучащею трубой;
Сей звукъ подобенъ былъ удару громовому,
Который бросилъ огнь къ трепещущему дому;
Отъ Крымцевъ сонъ бѣжитъ, ихъ будитъ смертный страхъ;
Какъ бурный вихрь, возставъ, подъемлетъ въ полѣ прахъ,
Такъ близкая напасть и смерть отвсюду зрима,
Подъемлетъ воинство притекшее изъ Кырма.
Бѣгутъ къ оружію, текутъ они къ конямъ,
Ступаютъ, ихъ искавъ, по собственнымъ бронямъ,
Въ отчаяньи, когда своихъ людей встрѣчаютъ,
Въ шатры кидаются, что видѣть Россовъ чаютъ.
Облекся наконецъ бронею Исканаръ,
И выбѣжавъ зоветъ разсѣянныхъ Татаръ:
О! робкія, вскричалъ, спасаетъ ли васъ бѣгство?
Пойдемъ, и упредимъ отпоромъ наше бѣдство!
Внимая рѣчь его, пускала стонъ Упа,
И ратная кругомъ стѣсняется толпа;
Сеита вспомнивъ, Ханъ напасть пренебрегаетъ,
Исторгнувъ острый мечь на валъ одинъ вбѣгаетъ.
Когда предъ войскомъ онъ звучащъ бронями текъ,
Супругу отъ него Сеитъ въ шатеръ отвлекъ;

Ей тамо подтвердивъ небесное видѣнье,
Съ совѣтомъ съединилъ къ покорству убѣжденье.
От Россовъ Исканаръ Ордынцовъ защищалъ;
Рукою острый мечь толь быстро обращалъ,
Что молніями онъ въ рукахъ его казался;
И смерть вносилъ въ сердца, кому во грудь вонзался;
Отважный духъ въ его дружинѣ возгорѣлъ;
На Россовъ сыплется шумящихъ туча стрѣлъ;
На шлемы падаютъ они сгущеннымъ градомъ,
И разтравляются глубоки раны ядомъ.
Россіяне на валъ разсвирѣпѣвъ летятъ;
Но копія, какъ лѣсъ, противу ихъ стоятъ;
Надежда ратниковъ близь Хана умножаетъ,
И туча воиновъ другую отражаетъ.
Но Курбскій, видящій, что храбрый Исканаръ
Единый подкрѣпилъ и въ брань привлекъ Татаръ,
Злодѣя общаго въ семъ Ханѣ ненавидитъ;
Но въ немъ достойнаго противуборца видитъ.
Какъ съ горныхъ мѣстъ звѣзда летящая въ ночи,
Течетъ, склонивъ копье, сквозь кóпья и мечи,
Щитомъ тяжолымъ грудь широку покрываетъ;
Предъ валомъ ставъ, царя къ сраженью вызываетъ!
Пустился Исканаръ львомъ страшнымъ на него,
И хощетъ копіемъ пронзити грудь его;
Но Курбскій твердый щитъ противъ копья уставилъ,
И самъ подобное орудіе направилъ;
Ломаютъ ихъ они, другъ друга не язвятъ,
И древки съ трескомъ вверхъ по воздуху летятъ.
Герои на мечи надежду возлагаютъ,
Какъ будто два луча мгновенно изторгаютъ;
Сразилися они; подъ Курбскимъ конь падетъ;
Оставивъ онъ коня, противуборца ждетъ,
Который на него взоръ пламенный возводитъ;
Рѣшитъ ужасный бой; съ коня и самъ низходитъ.
Блеснули молніи; мечи ихъ вознеслись,
Ударились, и вдругъ удары раздались;
У предстоящихъ войскъ ударъ смыкаетъ взоры,
Онъ съ шумомъ пробѣжалъ сквозь рощи и сквозь горы.
Отважный Исканаръ разсѣкъ у князя щитъ,
И Курбскій ставъ уже сопернику открытъ,
Ни младости царя, ни мужеству не внемлетъ;
Свой мечь обѣими руками вдругъ подъемлетъ,
И будто тяжкій млатъ обруша на него,
Отсѣкъ и шлема часть, и часть главы его!
Покрылся кровью Ханъ, ланиты поблѣднѣли,
Онъ палъ; брони его какъ цѣпи зазвенѣли.
Когда въ глазахъ его свѣтъ солнца изчезалъ,
Въ послѣдній воздохнувъ: о! Рема, онъ сказалъ.
Разсыпалась стѣна Россіянъ удержавша,
Какъ будто бы рѣка, пути себѣ искавша,
Которая съ вершинъ коль быстро ни текла,
Плотиной твердою удержана была;
Но вдругъ ее сломивъ, и чувствуя свободу,
Бросаетъ съ яростью въ поля кипящу воду;
Такъ наши ратники, сугубя гнѣвъ и жаръ,
Бездушна Хана зря, пустилися въ Татаръ;
Отчаянье велитъ Ордамъ не унижаться.

Но храбрость огненна, сія душа войны,
Являлася въ лучахъ съ Россійскія страны;
И робость ли сердца, и зрѣніе смущала,
Иль Тула въ тѣ часы Ордынцамъ предвѣщала,
Искуства, коими прославится она,
Готовя на враговъ громъ въ наши времена;
Изъ нѣдръ земныхъ гремятъ пищали исходящи,
Подъемлются шары огонь производящи,
Мечами вѣтвія являются древесъ,
И дышущь пламенемъ кругомъ стоящій лѣсъ.
Ордынцы дрогнули; въ крови оставивъ Хана,
Какъ токи водныя текутъ въ поля изъ стана;
Но въ мрачныхъ вихряхъ смерть бѣжаща имъ во слѣдъ,
Отверзнувъ челюсти, взяла у нихъ передъ;
Строптивая Орда, какъ зжатый вѣтръ, завыла,
Предъ ними смерть стоитъ, ихъ ужасъ гонитъ съ тыла.
Превыше звѣздъ сѣдящь, отверзнувъ свой чертогъ,
Подобный столпъ огню, простеръ на землю Богъ;
Со многозвѣзднаго растворенна̀го неба,
Безсмертныхъ воиновъ послалъ съ Борисомъ Глѣба,
Любезныхъ братьевъ, которыхъ Святополкъ
Угрызъ во младости, какъ агнцовъ лютый волкъ;
Держа надъ Россами вѣнцы побѣдоносны,
Пустили молніи въ Ордынцовъ смертоносны.
Духъ мщенія въ сердцахъ Россійскихъ возгорѣлъ,
Летятъ за Крымцами скоряй пернатыхъ стрѣлъ;
Едина казнь видна, не видно въ полѣ брани;
Тотъ скачетъ на конѣ, нося стрѣлу въ гортани;
Иной въ груди своей имѣя острый мечь,
Отъ смерти думаетъ, носящій смерть, утечь;
Иной, пронзенный въ тылъ, съ коня стремглавъ валится,
И съ кровью жизнь спѣшитъ его устами литься,
Глаза подъемлюща катится тамъ глава,
Произносящая невнятныя слова;
Иной безпамятенъ въ кровавомъ скачетъ полѣ,
Но конь его стремитъ на копья по неволѣ;
Отъ рыщущихъ во слѣдъ стараясь убѣжать,
Ордынцы начали Ордынцовъ поражать;
Братъ смертью братнею дорогу отверзаетъ,
Въ бѣгущаго предъ нимъ другъ въ друга мечь вонзаетъ.
Вопль слышанъ далеко, звукъ бьющихся желѣзъ,
И сила Крымская валится яко лѣсъ;
Погибли всѣ враги, коль быстро набѣжали
На многи поприщи тѣла ихъ вкругъ лежали.
Гдѣ славою блисталъ вчера надменный Ханъ,
Князь Курбскій получилъ добычей оный станъ;
Но Ханомъ бывыя до брани удаленны,
Шатрами Крымскими, и щастьемъ ослѣпленны,
Ордынцы валъ прешли; зовутъ своихъ и вдругъ
Россійски воины объемлютъ ихъ вокругъ;
Имъ руки, ни сердца, къ отпору не служили,
Они оружія къ стопамъ ихъ положили.
Прощаетъ Курбскій сихъ. Тогда скрывался день,
И ночь готовила землѣ прохладну тѣнь;
На блѣдныя тѣла, съ печалью онъ взиратъ

Стонъ внемля раненныхъ, слезъ токи отираетъ;
Се! слѣдствія войны: стоящимъ говоритъ!
И вдругъ сквозь тонкій мракъ, жену бѣгущу зритъ,
Которая власы имѣла разпущенны,
Отверзтыя уста, и очи развращенны;
Останавлялася, и вдругъ поспѣшно шла,
Рыдала, мертвыя подъемлюща тѣла,
Смотрѣла имъ въ лице и прочь отъ нихъ бѣжала;
Отрубленну главу въ рукахъ она держала,
Еще имѣющу отверстыя глаза.
У сей главы въ лицѣ являлася гроза,
И кровь текла, во знакъ недавняго удара;
Бѣгуща, тѣло зритъ лежаща Исканара;
По шлему, по чертамъ, по чувствамъ познаетъ;
Се ты, дражайшій Князь! нещасна воіетъ;
И въ Россовъ вдругъ главу отрубленну пустила;
Сказавъ: О! естьлибъ вамъ я также отомстила,
Какъ мстила Ханску смерть предателю сему,
Ябъ жертву принесла пріятную сему;
Остатокъ варвара, который вамъ подобенъ,
Примите; зло творить и мертвый онъ удобенъ.
Летящая глава, творя чрезъ воздухъ путь,
Изъ Россовъ одному ударилась во грудь;
Хоть смертной блѣдностью была она покрыта,
Познали плѣнники тогда главу Септа.
Отъ тѣла Курбскій влечь нещастну повелѣлъ,
Летятъ къ ней воины, летятъ скоряе стрѣлъ;
Но тщетно помощь къ сей отчаянной дерзала;
Она увидя ихъ кинжаломъ грудь пронзала;
На Исканара кровь изъ сердца полилась,
Упала и съ царемъ, кончаясь, обнялась.
Тогда предъ Курбскаго невольникъ приведенный.
Военачальникомъ и войскомъ ободренной,
Печальной повѣстью геройскій духъ смущалъ;
То Рема жизнь свою пресѣкла, онъ вѣщалъ,
Я не былъ отлученъ отъ Ремы на минуту;
Когда познали мы свою судьбину люту,
Что Исканара нѣтъ; Септъ въ шатеръ притекъ,
И Рему на коня безпамятну повлекъ;
Бѣжалъ я въ слѣдъ за нимъ, держа ее руками
Между Ордынскими скакалъ Септъ полками;
Но Рема наконецъ сама въ себя пришедъ,
Тоской оживлена и тысящію бѣдъ,
Обманы старцовы и хитрость вобразила,
Сѣдяща вмѣстѣ съ нимъ, кинжалъ въ него вонзила.
Я Рему зрѣлъ тогда подобну страшну льву,
Отсѣкшую мечемъ Септову главу.
Ни слезы, ни боязнь ее не удержала,
Она съ главой назадъ ко стану побѣжала,
Царицу удержать, сюда склонилъ я путь,
Сюда, дабы на смерть толь горестну взглянуть!
Но Курбскій утоливъ на Исканара злобу,
Велѣлъ единому предать два тѣла гробу;
Слезами ихъ любовь нещастну оросилъ,
И горесть нѣкую подъ лаврами вкусилъ.
Симъ кончилась война возженная отъ Крыма,
Которая была опасной прежде зрима;
И Князь усердіемъ къ отечеству разженъ,
Вѣнчанный щастіемъ и славой окруженъ,
Какъ быстрая стрѣла Россіянъ достигаетъ!
Онъ лавры ко стопамъ царевымъ полагаетъ,
Вѣщая: Іоаннъ! прими вѣнцы сіи;
Не мнѣ принадлежатъ; но суть они твои;
Твоими пріобрѣлъ побѣду я полками,

И Крымцовъ истребилъ ихъ силой, ихъ рукамп!
Велика слава то, но слава не моя;
Ихъ въ брани мужества свидѣтель только я;
Яви щедроты имъ въ досаду побѣжденнымъ;
И я почту себя за трудъ мой награжденнымъ.
Объемлетъ Курбскаго какъ друга Іоаннъ;
Вѣнчаетъ лаврами его Россійскій станъ;
На храбрыхъ ратниковъ Монаршею рукою
Щедроты полились обильною рѣкою.
Усердіе въ сердцахъ Россійскихъ возрасло,
И бодрыхъ воиновъ умножилось число;
Простерся по сердцамъ и духъ, и пламень брани,
И тако двигнулась Россія вся къ Казани.
Молва на крыліяхъ предъ ней въ Казань паритъ,
Несутъ оковы къ вамъ! Ордынцамъ говоритъ;
Россійскихъ войскъ число, числомъ языковъ множитъ;
За Волгой сѣетъ страхъ, разитъ, томитъ. тревожитъ

(Печатано съ изданія 1779 года).

XIV. БОГДАНОВИЧЪ.

Душенька, древняя повѣсть.

въ вольныхъ стихахъ (1775).

Содержаніе повѣсти. У одного древняго греческаго царя было три дочери, изъ которыхъ младшая, Душенька, своею необыкновенною красотою такую пріобрѣла славу по всему свѣту, что всѣ, кто только любилъ прекрасное, являлись къ ней на поклоненіе, а храмы Венеры оставались пустыми. Богиня позавидовала; пожаловалась своему сыну Амуру. Благодаря его могуществу, всѣ къ Душенькѣ охладѣли, что очень встревожило какъ ее, такъ и родственниковъ. Спросили Оракула и тотъ объявилъ, что Душеньку должно отвезти на одну отдаленную высокую гору, гдѣ соперница Венеры будетъ женою чудовища и претерпитъ разные ужасы, что и будетъ искупленіемъ и очищеніемъ вины предъ оскорбленной богиней. Къ величайшей горести отца, Царевна рѣшилась исполнить совѣтъ Оракула и была привезена къ одной горѣ, у подошвы которой кони остановились, и это показало, что поѣздъ прибылъ именно туда, куда назначила судьба. На горѣ былъ великолѣпный садъ и чертогъ, наполненный Зефирами, явившимися къ услугамъ Душеньки. Всѣ ея желанія исполнялись въ одинъ мигъ. Къ ней сталъ являться супругъ, но только по ночамъ, такъ что она не могла знать, кто онъ таковъ. Спустя долгое время ее посѣтили сестры и другіе родственники и присовѣтовали ей взять ночью лампу и мечъ и, если супругъ ея—чудовище, отрубить ему голову. Она такъ и сдѣлала. Оказалось, что это былъ самъ Амуръ. Отъ неосторожности Душеньки онъ проснулся и пришелъ въ сильный гнѣвъ. Кончилось ея счастье. По требованію Венеры Душенька была отнесена Зефирами на то мѣсто, откуда была взята, и когда очнулась, увидѣла себя въ страшномъ лѣсу, наполненномъ дикими звѣрями. Но Амуръ, тайно любившій ее, приказывалъ подвластнымъ ему богамъ, защищать Душеньку, и къ какимъ средствамъ она ни прибѣгала, не могла лишить себя жизни. Тогда она рѣшилась просить у боговъ и богинь милости. Между прочимъ она явилась въ Цитеру, гдѣ былъ храмъ Венеры. Она вошла туда и всѣхъ поразила красотой: всѣ приняли ее за самое богиню. Вдругъ явилась Венера, разгнѣвалась, взяла съ собою Душеньку и приказала ей черезъ три часа достать живой и мертвой воды. Она ее достала, привлекши ласками Змѣя Горынича, хранителя чудесныхъ водъ. Потомъ Венера послала ее за золотыми яблоками, которые стерегъ Кащей; далѣе послала въ адъ къ Прозерпинѣ за какимъ-то таинственнымъ горшечкомъ. Тамъ была адская сажа. Открывши горшечекъ, чтобы посмотрѣть въ него, Душенька вдругъ сдѣлалась безобразна. Амуръ извѣстилъ и боговъ и Венеру, что ихъ желаніе исполнилось и просилъ позволенія явиться въ пещеру, гдѣ скрылась опечаленная Душенька. Не смотря на ея черноту, онъ любилъ ее по прежнему, потому что красота душевная осталась при ней. Съ этого времени и Юпитеръ издалъ законъ, чтобы душевная красота ставилась выше тѣлесной. Венера, сама плѣнившись прекраснымъ нравомъ Душеньки, полюбила ее и чудеснымъ образомъ возвратила ей то, что она утратила.

Вначалѣ Душенька пошла просить Юнону,
Которая тогда оставивъ небеса,
За мужемъ бѣгала и въ горы и въ лѣса.
Она могла бъ давать несчастнымъ оборону,
Но собственну свою тогда имѣла грусть.
Юнону хоть любилъ Юпитеръ по закону,

Любя другихъ, не могъ къ ней вѣрности соблюсть;
Вездѣ по свѣту волочился,
Былъ грубъ, былъ дикъ,
Какъ вепрь, иль быкъ,
И часто подъ дождемъ по цѣлымъ днямъ мочился:
И послѣ до ушей Юноны слухъ проникъ,
Что подлиннымъ быкомъ къ Европѣ онъ явился,
И подлиннымъ дождемъ къ Данаѣ онъ спустился,
Забывъ отца боговъ, достоинство и чинъ.
Для множества такихъ причинъ,
И, можетъ быть, за то, какъ видѣла Юнона,
Что Душенька сама
Могла Юпитера содѣлать безъ ума,
«Поди» сказала ей богиня вышня трона,
«Проси о дѣлѣ Купидона:
Или поди проси другихъ,
А мнѣ довольно бѣдъ своихъ».
Царевна, по народной вѣрѣ,
Пошла съ прошеніемъ къ Церерѣ.
Въ тѣ дни сбирался хлѣбъ съ полей,
И хлѣбодатная богиня
У всѣхъ своихъ тогда являлась алтарей,
Тогда на всѣхъ лилась отъ ней
Щедрота, милость, благостыня.
Но доступъ для сего къ Церерину лицу
Дозволенъ только былъ жрецамъ, или жрецу,
И кто къ богинѣ шелъ, для просьбы иль вопроса,
Не могъ услышанъ быть безъ жертвы и приноса,
А Душенька была въ то время всѣхъ бѣднѣй,
И не было тогда у ней
Отцовскихъ денегъ, ни перстней;
Возненавидѣвъ жизнь, какъ знаютъ всѣ, дурила
И добрымъ людямъ ихъ дорогой раздарила.
Остался у нее пастушій сарафанъ,
Который былъ ей данъ
Разумнымъ рыболовомъ,
Чтобъ въ семъ нарядѣ новомъ
Укрыть ее отъ бѣдъ хотя черезъ обманъ;
Осталась красота, о коей всѣ трубили,
Но красоты чужой богини не любили;
И имъ послѣдуя жрецы, извѣстно то,
Отмѣнный даръ красотъ вмѣняли ни во что.
Жрецы тогда ее, до будущаго лѣта,
Отправили оттоль безъ всякаго отвѣта.
Въ сей скорби Душенька привыкши всѣхъ просить,
Минерву чаяла на жалость преклонить.
Богиня мудрости тогда на Геликонѣ
Имѣла съ музами ученѣйшій совѣтъ
О страшномъ нѣкакомъ наклонѣ
Бродящихъ близъ земли кометъ,
Которы долгими хвостами,
Пугая часто робкій свѣтъ,
Пророчили бѣды мѣстами,
И Аполлоновъ путь
Грозили въ міръ запнуть.
На все же, что тогда Царевна представляла,
Безъ всякой жалости богиня отвѣчала,
Что міръ безъ Душеньки стоялъ изъ вѣка въ вѣкъ;
Что въ обществѣ она не важный человѣкъ;
И паче, какъ хвостомъ комета всѣхъ пугаетъ;
На Душеньку тогда взирать не подобаетъ.
Къ Діанѣ Душенька явить не смѣла глазъ;
Богиня та любви не вѣдала заразъ:
Со свитой чистыхъ Дѣвъ, къ свободѣ устремленныхъ,
Въ невинной вольности, нося колчанъ и лукъ,
Пускаясь быстро въ бѣгъ, любя проворство рукъ,
Гонялась за звѣрьми въ пустыняхъ отдаленныхъ.
Никто не нарушалъ дотоль ея забавъ;
Еще не видѣла она Эндиміона,
И строгостью себѣ предписанна закона
Лишила-бъ Душеньку и милостей и правъ.
Куда итти? еще къ Минервѣ, иль къ Церерѣ?

Поплакавъ, Душенька пошла къ самой Венерѣ.
Провѣдала она, бродя по сторонамъ,
Что близко отъ пути, въ пріятнѣйшей долинѣ,
Стоялъ извѣстный храмъ
Съ надвратной надписью: «Прекраснѣйшей богинѣ.»
Не рѣдко въ сихъ мѣстахъ утѣхъ всеобща мать,
Мірскихъ сует слагая бремя,
Любила отдыхать.
Туда отъ разныхъ странъ народъ во всяко время
Толпой стекался воздыхать.
Иные шли туда богиню прославлять,
Другіе къ милостямъ признаніе являть,
Другіе жъ ихъ просить, иль просто погулять.
Въ такомъ стеченіи народа,
Несчастна Душенька, избравъ тишайшій часъ
И кроясь всячески отъ всѣхъ стороннихъ глазъ,
Со трепетомъ рабы туда искала входа.
Одною лишь въ бѣдахъ
Надеждой утѣшалась,
Что, можетъ быть, она, хоть вольности лишалась,
Увидитъ въ сихъ мѣстахъ
Съ Венерой Купидона,
И забывая страхъ
Строжайшаго закона,
Вдавалась въ сладости различныхъ лестныхъ думъ,
Какими упоенъ бываетъ страстный умъ.
Въ сихъ мысляхъ Душенька приблизилась ко храму,
И тамъ, задумавшись, едва невпала въ яму,
Куда отъ разныхъ жертвъ за дворъ
Сметался въ кучу всякій соръ.
Но впрочемъ, всѣ мѣста казались тамо садомъ.
И благовонная катилася роса
На мирту, на лимонъ, на всяки древеса,
И храмъ курился вкругъ душистымъ всякимъ чадомъ.
По сказкамъ знаютъ всѣ, что шелковы луга
Сытовая вода, кисельны берега,
Богинѣ красоты всегда принадлежали,
И по долинѣ тамъ дороги окружали.
Издревле богъ войны
Строжайшій далъ приказъ, въ угодность сей богинѣ,
Чтобъ вѣчно въ той долинѣ
Трубы военной звукъ не рушилъ тишины.
Извѣстно всѣмъ, что тамъ и самы дики звѣри
Къ овцамъ ходили въ двери,
И овцы, позабывши страхъ,
Гуляли съ ними на лугахъ,
И съ самой вольной простотою
Питались киселемъ съ сытою,
На вѣки въ животѣ,
Въ здоровьѣ, въ красотѣ;
Живуща тварь не убивалась,
Насильствомъ кровь не проливалась,
Невѣдомъ былъ скорбящихъ гласъ,
И вся природа всякій часъ
Согласіемъ сочеталась.
Въ срединѣ сихъ луговъ,
И водъ, и береговъ,
Стоялъ богининъ храмъ межъ множества столповъ.
Сей храмъ со всѣхъ сторонъ являлъ два разныхъ входа:
Особо для боговъ,
Особо для народа.
Преддверія, врата, и храмъ, и алтари,
И каждая ихъ часть, и каждая фигура,
И обще вся архитектура
Снаружи и внутри,
Изображала видъ Амура,
Иль видъ забавъ и торжества
Блистательнаго тамъ прекрасна божества;
Венеры чудное рожденіе изъ пѣны,
И всяка съ нею быль, пріятная въ чертахъ,
Особо видѣлись въ картинахъ и въ коврахъ,
Какими изнутри покрыты были стѣны.
Во внутренности тамъ различныхъ алтарей
Различны дани приносились
Отъ всѣхъ наукъ, искусствъ, художествъ и затѣй,
И знатныхъ, и простыхъ людей,

Которы всѣ въ число достойнѣйшихъ
просились:
Иной, желая пріобрѣсть
Любовью къ нѣкой Музѣ честь
И данью убѣдить любовницу скупую,
Привѣсилъ въ уголокъ цѣвницу золотую.
Другой себѣ избравъ,
По праву, иль безъ правъ,
Въ любовницы Палладу,
И тщася получить лавровъ вѣнецъ въ
награду,
Привѣсилъ ко столбу
Серебряну трубу.
Иной, ища любви несклоннѣйшей Алк-
мены,
Во храмѣ распестрилъ малярной кистью
стѣны;
Но дани приносимы въ храмъ,
Не по богатству, иль чинамъ,
Могли казаться тамо кстати;
И часто тамъ простой пастухъ,
Неся богинѣ въ даръ усердный только
слухъ,
Предпочитаемъ былъ блистательнѣйшей
знати.
На среднемъ алтарѣ,
Подъ драгоцѣннѣйшимъ отверстымъ бал-
дахиномъ,
Стоялъ богининъ ликъ, особымъ нѣкимъ
чиномъ,
Во всей порѣ,
Во всей красѣ и въ полной славѣ,
Въ подобной какъ она на нѣкакой горѣ
Явилась въ прежни дни къ Парисовой
расправѣ,
И споръ между богинь рѣшила красо-
той.
Сей ликъ, казалось, былъ божественной
рукой
Изъ мрамора изсѣченъ,
И послѣ въ образецъ художества при-
мѣченъ.
Носился въ мірѣ слухъ, что будто Прак-
ситель
Оттуда взялъ модель,
И, точно по примѣру,
Представилъ въ первый разъ во всей
красѣ Венеру.
Никто изъ входящихъ въ храмъ не могъ,
или не смѣлъ,
Не преклонять колѣнъ предъ симъ пре-
краснымъ ликомъ:
И каждый, какъ умѣлъ,
Богинѣ гимны пѣлъ,
Въ усердіи глуша одинъ другаго кри-
комъ.
Надъ храмомъ извивался рой
Амуровъ, Смѣховъ, Игръ, Зефировъ,
Которы всякою порой
Туда слеталися отъ всѣхъ возможныхъ
міровъ.
Въ летучемъ ихъ строю
И тѣ при храмѣ были,
Которые въ раю
При Душенькѣ служили.
Въ сей часъ они опять надъ прежней
госпожей
Въ невѣдѣньи летали,
Рѣзвились и журчали;
Но Душенька тогда, подъ длинною фатой,
Подъ длиннымъ сарафаномъ,
Для всѣхъ была обманомъ:
Вошла во храмъ съ толпою въ рядъ
И стала къ сторонѣ у самыхъ первыхъ
вратъ.
Отъ робости ль она сихъ мѣстъ не
примѣчала,
Иль помня прежнюю блаженну жизнь
свою,
Когда сама была богинею въ раю,
Полками разныхъ слугъ сама повелѣвала
И пѣсни и хвалы сама отъ всѣхъ слы-
хала,
Сей храмъ напослѣди за рѣдкость не
считала,
По волѣ то рѣшить читатель можетъ
самъ.
Но въ храмѣ лишь едва лицо свое от-
крыла,
Въ минуту всѣхъ глаза къ себѣ оборо-
тила.
Возволновался храмъ,
Умолкли гимны тамъ,
Пресѣклись жертвъ приносы,
И всюду слышались лишь вѣсти, иль
вопросы.
Я прежде не сказалъ,
Что весь народъ Венеру
Въ сей день по слуху ждалъ
Изъ Пафоса въ Цитеру.

Увидя жъ Душеньку, согласно весь народъ
Одинъ другому въ ротъ
Шепталъ за новы вѣсти:
«Венера здѣсь тайкомъ!...
«Бѣжитъ отъ всякой чести!...
«Венера за столбомъ!..
«Венера подъ платкомъ!...
«Венера въ сарафанѣ!...
«Пришла сюда пѣшкомъ!...
«Во храмъ вошла тишкомъ!...
«Конечно, съ настушкомъ!...
И весь народъ въ обманѣ
Предъ Душенькою вдругъ колѣно преклонилъ.
Жрецы, со множествомъ курящихся кадилъ,
Воздѣвъ умильно длани,
Просили Душеньку принять народны дани,
И съ милостью воззрѣть
На всяки нужды впредь.
Въ сіе волненіе народа
Возникла вдругъ молва у входа,
Что сущая уже богиня оныхъ мѣстъ,
Влеча съ собой толпы служителей на въѣздъ
И яблоко держа Парисово въ десницѣ,
Со всею славою, въ блестящей колесницѣ,
Въ тотъ часъ изъ Пафоса ко храму прибыла,
И вдругъ при сей молвѣ Венера въ храмъ вошла.
Но кто представитъ живо,
Въ словахъ, или чертахъ,
Богининъ гнѣвъ, народный страхъ,
И общее во храмѣ диво,
И болѣ Душеньку, въ невинномъ торжествѣ,
При самомъ храма божествѣ.
Вотще въ то время всѣхъ царевна увѣряла
За чѣмъ туда пришла,
И кто она была:
Большая часть людей отъ ней не отставала,
Забывъ, что въ храмъ сама Венера прибыла.

Богиня, сѣвъ на тронъ и скрывъ свою досаду,
Колико скрыть могла,
Оставила въ сей день другія всѣ дѣла
И тотъ же часъ приказъ дала
Представить Душеньку во внутренню преграду.
«Богиня всѣхъ красотъ! не сѣтуй на меня»
Рекла Царевна къ ней, колѣна преклоня;
«Я сына твоего прельщать не умышляла:
Судьба меня, Судьба во власть къ нему послала.
Не я ищу людей, а люди въ слѣпотѣ
Дивятся завсегда малѣйшей красотѣ.
Сама искала я упасть передъ тобою,
Сама желаю я твоею быть рабою,
И въ милость только то прошу себѣ напредь,
Чтобы всегда могла твое лицо я зрѣть.»
«Я знала умыслъ твой!» Венера ей сказала.
И тотчасъ, кончивъ рѣчь,
Съ Царевной къ Пафосу отъѣхать предпріяла;
Притомъ съ насмѣшкой приказала
Въ пути ее беречь.
Сажаютъ Душеньку въ особу колесницу,
Запрягши въ путь сорокъ станицу;
А для бесѣды съ ней, какъ будто ей чета,
Садятся тутъ-же рядомъ
Четыре фуріи, изверженныя адомъ:
Коварство, ненависть, Хула и Клевета.
Оставимъ разговоръ сихъ Фурій ухищренныхъ
И скажемъ наконецъ, къ какимъ трудамъ она
Венерой въ Пафосѣ была осуждена,
И кто былъ вождь ея на службахъ повелѣнныхъ.
Изъ многихъ дѣлъ и словъ,
Въ умахъ напечатлѣнныхъ,
Извѣстно мщеніе боговъ,
Во гнѣвѣ раздраженныхъ.
Нерѣдко сильные, пріявъ на небѣ власть,
Безсильныхъ побирали,
Чернили и марали,

И все, что только бы могло предъ ними пасть,
Ногами попрали.
Въ счастливѣйшихъ вѣкахъ,
Конечно нѣтъ примѣра
Такому мщенію, какое, всѣмъ во страхъ,
Противу Душеньки умыслила Венера!
Умыслила свою умножить красоту,
А Душеньку привесть, сколь можно, въ дурноту,
Чтобъ всѣ отъ Душеньки впослѣдокъ отвращались.
И только бы тогда Венерою прельщались.
Не знаю, въ первый день, иль, лучше, въ перву ночь,
Довольная своею жертвой,
Богиня въ мщеніи послала Царску дочь
Принесть чрезъ три часа воды живой и мертвой.
Извѣстенъ весь народъ
О дѣйствѣ оныхъ водъ:
Отъ первой кто попьетъ, здоровье получаетъ;
А отъ другой попьетъ, здоровье потеряетъ;
Но въ семъ пути никто не возвращался живъ.
Царевна, къ службѣ сей, какъ должно, прицѣпивъ

Подъ плечи два кувшина,
Пошла безъ дальна чина,
Пошла на всѣ труды,
Искать такой воды.

Куда? и кто въ пути ей будетъ провожатымъ?
Амуръ во всѣ часы ея напасти зрѣлъ,
И тотчасъ повелѣлъ
Своимъ слугамъ крылатымъ
Поднять и перенесть Царевну въ тотъ удѣлъ,
Гдѣ всяки воды протекаютъ,
Мертвятъ, цѣлятъ и помогаютъ.
Зефиръ, который тутъ по склонности прильнулъ,
Царевнѣ на ухо шепнулъ,
Что воды окружаетъ
Большой и толстый змѣй, свернувшись въ кругъ кольцомъ,
И никого отнюдь къ водамъ не допускаетъ,
Какъ развѣ кто его забавитъ питьецомъ.
Притомъ снабдилъ ее большою съ пойломъ флягой,
Которую велѣлъ, явясь туда съ отвагой,
И змѣю рѣчь сказавъ, въ гортань ему воткнуть.
Когда же пасть свою при пойлѣ змѣй разинетъ,
И голову съ хвостомъ въ то время раздвинетъ,
То Душенька найдетъ себѣ свободный путь,
Живую ль, мертвую ль водицу почерпнуть.
Зефиръ лишь то сказалъ, Царевна путь скончала:
Явилася у водъ,
И змѣю поклонясь, умильну рѣчь сказала,
Котору выдала впослѣдокъ и въ народъ:
«О змѣй Горыничъ, Чудо-Юда!
«Ты сытъ во всяки времена,
«Ты ростомъ превзошелъ слона,
«Красою помрачилъ верблюда,
«Ты всяку здѣсь имѣешь власть,
«Блестишь златыми чешуями,
«И смѣло разѣваешь пасть,
«И можешь всѣхъ давить когтями:
«Содѣлай край моимъ бѣдамъ,
«Пусти меня, пусти къ водамъ.»
Хвалы и титулы плѣняютъ всяки уши,
И движутся отъ нихъ жестоки самы души.
Услышавъ похвалы отъ женскаго лица,
Притомъ склоняяся ко сласти питьеца,
Горыничъ пасть разинулъ,
И голову съ хвостомъ при пойлѣ раздвинулъ:
Открылись разныхъ водъ и рѣки, и пруды,
И разны къ нимъ слѣды.
Прислужливый Зефиръ, пока сей часъ не минулъ,
Конечно, Душеньку въ дорогахъ не покинулъ;
Она, въ свободѣ, тамъ понивъ живой воды,

Забыла всѣ свои дорожные труды,
И вдругъ здоровѣй стала.

XV. ХЕМНИЦЕРЪ

1744—1784.

Басни.

а. Умирающій отецъ.

Жилъ былъ отецъ,
И были у него два сына:
Одинъ сынъ былъ уменъ, другой сынъ былъ глупецъ.
Отцова настаетъ кончина,
И видя свой конецъ, Отецъ
Тревожится, скучаетъ,
Что сына умнаго на свѣтѣ покидаетъ,
И говоритъ ему: «Ахъ, сынъ любезный мой!
Съ какой тоской я разстаюсь съ тобой,
Что умнымъ я тебя на свѣтѣ покидаю,
И какъ ты проживешь, не знаю.
Послушай, продолжалъ: тебя я одного
Наслѣдникомъ всего имѣнья оставляю,
А брата твоего я отъ наслѣдства отрѣшаю:
Оно не нужно для него!
Сынъ усомнился и не знаетъ,
Какъ рѣчь отцову разсудить.
Но наконецъ отцу о братѣ представляетъ:
— А брату чѣмъ же жить,
Когда мнѣ одному въ наслѣдство
Съ его обидою имѣнье получить?
«О братѣ нечего, сказалъ отецъ, тужить:
Дуракъ ужъ вѣрно сыщетъ средство
Счастливымъ въ свѣтѣ быть!»

б. Гадатель.

Дѣтина молодой хотѣлъ узнать впередъ,
Счастливо ль онъ иль нѣтъ, на свѣтѣ проживетъ?
О немъ нерѣдко размышляетъ
И любопытствуетъ узнать.
И для того велѣлъ гадателя призвать,
И что съ нимъ сбудется, его онъ вопрошаетъ.
Гадатель былъ старикъ, людей и свѣтъ онъ зналъ.
Дѣтинѣ этому печально отвѣчалъ:
Не много жизнь твоя добра предвозвѣщаетъ.
Ты къ счастью, кажется, на свѣтѣ не рожденъ:
Ты честенъ и уменъ!

в. Богачъ и Бѣднякъ.

Сей свѣтъ таковъ, что кто богатъ,
Тотъ каждому и другъ и братъ.
Хоть не имѣй заслугъ, ни чина,
Хоть родомъ будь изъ конюховъ,
И кто бы ни былъ ты таковъ,
Дѣтина будешь какъ дѣтина.
А бѣдный будь хоть изъ князей,
Хоть разумъ ангельскій имѣй,
И всѣ достоинства достойнѣйшихъ людей
Того почтенья не дождется,
Какое ото всѣхъ богатымъ отдается.

Бѣднякъ въ какой-то домъ пришелъ.
Онъ знанье, умъ и чинъ съ заслугами имѣлъ,
Но Бѣдняка никто нетолько что не встрѣтилъ,
Никто и не примѣтилъ,
Иль можетъ быть, никто примѣтить не хотѣлъ.
Бѣднякъ нашъ то къ тому, то къ этому подходитъ,
Со всѣми разговоръ и такъ и сякъ заводитъ;
Но каждый Бѣдняку въ отвѣтъ:
Короткое иль *да* иль *нѣтъ*.
Привѣтствія ни въ комъ Бѣднякъ нашъ не находитъ;
Съ учтивствомъ подойдетъ, а съ горестью отходитъ.
Потомъ за Бѣднякомъ
Богачъ пріѣхалъ въ тотъ же домъ.
Хотя заслугой, ни умомъ ни чиномъ онъ не отличался,
Но только въ двери показался—
Сказать нельзя какой пріемъ!
Всѣ встали передъ Богачомъ;
Всякъ Богача съ почтеніемъ встрѣчаетъ;

Всякъ стулъ и мѣсто уступаетъ;
И подъ руки его берутъ;
То тутъ, то тамъ его сажаютъ;
Поклоны чуть ему земные не кладутъ,
И мѣры нѣтъ какъ величаютъ.
Бѣднякъ людей увидя лесть,
Къ Богатому неправу честь,
Къ себѣ неправое презрѣнье,
Вступилъ о томъ съ своимъ сосѣдомъ въ разсужденье.
Зачѣмъ, онъ говоритъ ему: достоинствамъ, уму,
Богатство свѣтъ предпочитаетъ?»
—«Легко, мой другъ, понять:
Достоинства нельзя занять
А деньги всякій занимаетъ!»

г. ПОПУГАЙ.

У барина былъ Попугай,
Который какъ-то невзначай
Отъ барина изъ дому въ окошко залетѣлъ
Къ крестьянину простому;
И только прилетѣть успѣлъ, заговорилъ, что разумѣлъ.
Нерѣдко чернь, когда чего не понимаетъ,
За дьявольщину почитаетъ.
Мужикъ словесныхъ птицъ не видывалъ такихъ,
И слышать не слыхалъ о нихъ;
Счелъ, что влетѣла въ домъ духовъ нечистыхъ сила.
Жена его тотчасъ молитву сотворила,
И какъ на выдумки хитрѣй его была,
(Такъ какъ и вообще считаютъ,
Что будто жены всѣ хитрѣй мужей бываютъ)
Скорѣй горшокъ гдѣ ни взяла,
И попугая имъ накрыла;
А сверхъ того крестомъ его,
Чтобъ крѣпче онъ сидѣлъ, накрывши заградила.
«Сиди же!» говоритъ.
И попугай мой подъ горшкомъ сидитъ.
Межъ тѣмъ взыскались попугая;
Людей вездѣ, куда лишь можно, разсылая,
Сыскали какъ-то слѣдъ, пришли
И подъ горшкомъ нашли его чуть-чуть живымъ.

На это что сказать иного:
Бѣда попасть съ умомъ къ невѣждѣ въ домъ!

д. ПЧЕЛА И КУРИЦА.

Съ пчелою курица затѣяла считаться,
И говоритъ пчелѣ:—Ну, подлинно, пчела,
Ты въ праздности одной весь вѣкъ свой прожила.
Тебѣ бы тѣмъ лишь заниматься,
Чтобъ на цвѣтокъ съ цвѣтка летать,
Да медъ съ нихъ собирать.
И впрямъ о чемъ тебѣ стараться?
Довольно, что лишь мы не въ праздности живемъ,
И на день по яйцу несемъ.—
Не смѣйся! курицѣ пчела на то сказала:
Что я тебѣ не подражала,
Когда ты, вставъ съ гнѣзда, съ надсадою кричишь,
Что ты яйцо снесла, и всѣмъ о томъ твердишь:
Такъ ты и заключила,
Что праздно я живу. Нѣтъ, Нѣтъ!
Ты ошибаешься, мой свѣтъ!
А въ улей загляни: споръ тотчасъ нашъ рѣшится;
Узнаешь, кто изъ насъ поболѣе трудится:
Мы, нашей матери наставлены умомъ,
Прилежностью, трудомъ, себѣ уютный строимъ домъ,
И пищу со цвѣтовъ сбираемъ;
Избытокъ нашъ съ людьми дѣлимъ,
Ихъ яствы услаждаемъ,
Во тьмѣ ихъ освѣщаемъ;
А мало для враговъ и трутней лишь хранимъ.
Кого же мы съ пчелой и съ курицей сравнимъ!
Невѣжда и хвастунъ озлится,
Когда съ насѣдкою сравнится;
Такъ только ко пчелѣ науку примѣнимъ.

е. Метафизикъ.

Отецъ одинъ слыхалъ,
Что за море дѣтей учиться посылаютъ,
И что того, кто за моремъ бывалъ,
Отъ небывалаго и съ вида отличаютъ.
Такъ чтобъ отъ прочихъ не отстать,
Отецъ немедленно рѣшился дѣтину за море послать,
Чтобъ доброму онъ тамъ понаучился.
Но сынъ глупѣе воротился.
Попался на руки онъ школьнымъ тѣмъ вралямъ,
Которые съ ума неразъ людей сводили,
Неистолкуемымъ давая толкъ вещамъ;
И малаго не научили, а на вѣкъ дуракомъ пустили.
Бывало съ глупости онъ попросту болталъ;
Теперь все свысока безъ толку толковалъ.
Бывало, глупые его не понимали,
А нынѣ разумѣть и умные не стали.
Домъ, городъ и весь свѣтъ враньемъ его скучалъ.
Въ метафизическомъ бѣснуясь размышленьи,
О заданномъ одномъ старинномъ предложеньи:
Сыскать начало всѣхъ началъ;
Когда жъ за облака онъ думой возносился,
Дорогой шедши, оступился и въ ровъ попалъ.
Отецъ, который тутъ случился,
Скорѣе бросился веревку принести,
Премудрость изо рва на свѣтъ произвести.
А умный между тѣмъ дѣтина,
Въ той ямѣ сидя, разсуждалъ:
Какая быть могла причина,
Что оступился я и въ этотъ ровъ попалъ?
Причина, кажется, тому землетрясенье;
А въ яму скорое стремленье,
Центральное влеченье, воздушное давленье...»
Отецъ съ веревкой прибѣжалъ.
«Вотъ, говоритъ, тебѣ веревка: ухватися;
Я потащу тебя, держися».—
Нѣтъ, погоди тащить: скажи мнѣ напередъ:
(Понесъ студентъ обычный бредъ)
Веревка вещь какая?
Отецъ его былъ не ученъ, но разсудителенъ, уменъ;
Вопросъ ученый оставляя,
«Веревка вещь, ему отвѣтствовалъ, такая,
Чтобъ ею вытащить, кто въ яму попадетъ».
—На этобъ выдумать орудіе другое,
Учоный все свое несетъ: а это что такое?
Веревка!... вервіе простое!»
—«Да время надобно!» отецъ ему на то:
А это хоть не ново, да благо ужь готово.»
—Да время что? — А время вещь такая,
Которую съ глупцомъ не стану я терять,
Сиди, сказалъ отецъ, пока приду опять.»
Что еслибы вралей и остальныхъ собрать,
И въ яму къ этому въ товарищи послать!...
Да яма надобна большая!

XVIII. — XIX вв.

XVI ДЕРЖАВИНЪ.

1743—1816.

На смерть кн. Мещерскаго. (1779 г.).

Глаголъ временъ! металла звонъ!
Твой страшный гласъ меня смущаетъ;
Зоветъ меня, зоветъ твой стонъ,
Зоветъ... и къ гробу приближаетъ.
Едва увидѣлъ я сей свѣтъ,
Уже зубами смерть скрежещетъ,
Какъ молніей, косою блещетъ,
И дни мои, какъ злакъ, сѣчетъ.

Ничто отъ роковыхъ когтей,
Ни кая тварь не убѣгаетъ:
Монархъ и узникъ—снѣдь червей;
Гробницы злость стихій снѣдаетъ;

Зіяетъ время славу стерть:
Какъ въ море льются быстры воды,
Такъ въ вѣчность льются дни и годы;
Глотаетъ царства алчна смерть.

Скользимъ мы бездны на краю,
Въ которую стремглавъ свалимся;
Пріемлемъ съ жизнью смерть свою;
На то, чтобъ умереть, родимся;
Безъ жалости все смерть разитъ:
И звѣзды ею сокрушатся,
И солнцы ею потушатся,
И всѣмъ мірамъ она грозитъ.

Не мнитъ лишь смертный умирать
И быть себя онъ вѣчнымъ чаетъ;
Приходитъ смерть къ нему, какъ тать,
И жизнь внезапу похищаетъ.
Увы! гдѣ меньше страха намъ,
Тамъ можетъ смерть постичь скорѣе;
Ея и громы не быстрѣе
Слетаютъ къ гордымъ вышинамъ.

Сынъ роскоши, прохладъ и нѣгъ,
Куда, Мещерскій! ты сокрылся?
Оставилъ ты сей жизни брегъ;
Къ брегамъ ты мертвыхъ удалился:
Здѣсь персть твоя, а духа нѣтъ.
Гдѣ жъ онъ?—онъ тамъ. — Гдѣ тамъ? Не знаемъ.
Мы только плачемъ и взываемъ:
«О, горе намъ, рожденнымъ въ свѣтъ!»

Утѣхи, радость и любовь,
Гдѣ купно съ здравіемъ блистали,
У всѣхъ тамъ цѣпенѣетъ кровь
И духъ мятется отъ печали;
Гдѣ столъ былъ яствъ, тамъ гробъ стоитъ;
Гдѣ пиршествъ раздавались лики,
Надгробные тамъ воютъ клики,
И блѣдна смерть на всѣхъ глядитъ...

Глядитъ на всѣхъ—и на Царей,
Кому въ державу тѣсны міры;
Глядитъ на пышныхъ богачей,
Что въ златѣ и сребрѣ кумиры;
Глядитъ на прелесть и красы,
Глядитъ на разумъ возвышенный,
Глядитъ на силы дерзновенны,
И... точитъ лезвее косы.

Смерть, трепетъ естества и страхъ!
Мы—гордость, съ бѣдностью совмѣстна:
Сегодня Богъ, а завтра прахъ;
Сегодня льститъ надежда лестна;
А завтра—гдѣ ты человѣкъ?
Едва часы протечь успѣли,—
Хаоса въ бездну улетѣли,
И весь, какъ сонъ, прошелъ твой вѣкъ.

Какъ сонъ, какъ сладкая мечта,
Исчезла и моя ужъ младость;
Не сильно нѣжитъ красота,
Не столько восхищаетъ радость,
Не столько легкомысленъ умъ,
Не столько я благополученъ;
Желаніемъ честей размученъ:
Зоветъ, я слышу, славы шумъ.

Но такъ и мужество пройдетъ,
И вмѣстѣ къ славѣ съ нимъ стремленье;
Богатствъ стяжаніе минетъ
И въ сердцѣ всѣхъ страстей волненье
Прейдетъ, прейдетъ въ чреду свою.
Подите, счастья, прочь, возможны!
Вы всѣ премѣнны здѣсь и ложны:—
Я въ дверяхъ вѣчности стою.

Сей день, иль завтра умереть,
Перфильевъ! должно намъ конечно:
Почто жь терзаться и скорбѣть,
Что смертный другъ твой жилъ не вѣчно?
Жизнь есть Небесъ мгновенный даръ;
Устрой ее себѣ къ покою,
И съ чистою твоей душою
Благословляй судебъ ударъ.

Фелица (1782 г.).

Богоподобная Царевна
Киргизъ-Кайсацкія орды!
Которой мудрость несравненна
Открыла вѣрные слѣды
Царевичу младому Хлору
Взойти на ту высоку гору,
Гдѣ роза безъ шиповъ растетъ,

Гдѣ добродѣтель обитаетъ:
Она мой духъ и умъ плѣняетъ:
Подай, найти ее совѣтъ.

Подай, Фелица! наставленье:
Какъ пышно и правдиво жить,
Какъ укрощать страстей волненье,
И счастливымъ на свѣтѣ быть?
Меня Твой голосъ возбуждаетъ,
Меня Твой сынъ препровождаетъ;
Но имъ послѣдовать я слабъ:
Мятясь житейской суетою,
Сегодня властвую собою,
А завтра прихотямъ я рабъ.

Мурзамъ Твоимъ не подражая,
По часту ходишь Ты пѣшкомъ,
И пища самая простая
Бываетъ за Твоимъ столомъ;
Не дорожа Твоимъ покоемъ,
Читаешь, пишешь предъ налоемъ,
И всѣмъ изъ Твоего пера
Блаженство смертнымъ проливаешь;
Подобно въ карты не играешь,
Какъ я, отъ утра до утра;

Не слишкомъ любишь маскарады,
А въ клобъ не ступишь и ногой;
Храня обычаи, обряды,
Не донкишотствуешь собой;
Коня Парнасска не сѣдлаешь,
Къ духамъ въ собранье не въѣзжаешь,
Не ходишь съ трона на Востокъ;
Но, кротости ходя стезею,
Благотворящею душею,
Полезныхъ дней проводишь токъ.

А я, проспавши до полудни,
Курю табакъ, и кофе пью;
Преображая въ праздникъ будни,
Кружу въ химерахъ мысль мою:
То плѣнъ отъ Персовъ похищаю,
То стрѣлы къ Туркамъ обращаю;
То возмечтавъ, что я Султанъ,
Вселенну устрашаю взглядомъ;
То вдругъ, прельщаяся нарядомъ,
Скачу къ портному по кафтанъ;

Или въ пиру я пребогатомъ,
Гдѣ праздникъ для меня даютъ,
Гдѣ блещетъ столъ сребромъ и златомъ
Гдѣ тысячи различныхъ блюдъ:
Тамъ славный окорокъ Вестфальской,
Тамъ звенья рыбы Астраханской,
Тамъ пловъ и пироги стоятъ,
Шампанскимъ вафли запиваю,
И все на свѣтѣ забываю
Средь винъ, сластей иароматъ;

Или средь рощицы прекрасной
Въ бесѣдкѣ, гдѣ фонтанъ шумитъ,
При звонѣ арфы сладкогласной,
Гдѣ вѣтерокъ едва дышитъ,
Гдѣ все мнѣ роскошь представляетъ,
Къ утѣхамъ мысли уловляетъ,
Томитъ и оживляетъ кровь,
На бархатномъ диванѣ лежа,
Младой дѣвицы чувства нѣжа,
Вливаю въ сердце ей любовь;

Или великолѣпнымъ цугомъ
Въ каретѣ Англійской, златой,
Съ собакой, шутомъ, или другомъ,
Или съ красавицей какой,
Я подъ качелями гуляю;
Въ шинки пить меду заѣзжаю;
Или, какъ то наскучитъ мнѣ,
По склонности моей къ премѣнѣ,
Имѣя шапку на бекренѣ,
Лечу на рѣзвомъ бѣгунѣ;

Или музыкой и пѣвцами,
Органомъ и волынкой вдругъ
Или кулачными бойцами
И пляской веселю мой духъ;
Или о всѣхъ дѣлахъ заботу
Оставя, ѣзжу на охоту,
И забавляюсь лаемъ псовъ;
Или надъ Невскими брегами
Я тѣшусь по ночамъ рогами
И греблей удалыхъ гребцовъ;

Иль, сидя дома, я прокажу,
Играя въ дураки съ женой;
То съ ней на голубятню лажу,
То въ жмурки рѣзвимся порой;
То въ свайку съ нею веселюся,
То ею въ головѣ ищуся;
То въ книгахъ рыться я люблю,
Мой умъ и сердце просвѣщаю:

Полкана и Бову читаю,
За Библіей, зѣвая, сплю.

Таковъ, Фелица, я развратенъ!
Но на меня весь свѣтъ похожъ.
Кто сколько мудростью ни знатенъ,
Но всякой человѣкъ есть ложь,
Не ходимъ свѣта мы путями,
Бѣжимъ разврата за мечтами.
Между лѣнтяемъ и брюзгой,
Между тщеславья и порокомъ,
Нашелъ кто развѣ ненарокомъ
Путь добродѣтели прямой.

Нашелъ: но льзя ль не заблуждаться
Намъ, слабымъ смертнымъ, въ семъ пути,
Гдѣ самъ разсудокъ спотыкаться
И долженъ вслѣдъ страстямъ итти;
Гдѣ намъ ученые невѣжды,
Какъ мгла у путниковъ, тмятъ вѣжды;
Вездѣ соблазнъ и лесть живетъ;
Пашей всѣхъ роскошь угнѣтаетъ.
Гдѣ жь добродѣтель обитаетъ?
Гдѣ роза безъ шиповъ растетъ?

Тебѣ единой лишь пристойно,
Царевна! свѣтъ изъ тмы творить;
Дѣля хаосъ на сферы стройно,
Союзомъ цѣлость ихъ крѣпить;
Изъ разногласія согласье
И изъ страстей свирѣпыхъ счастье
Ты можешь только созидать.
Такъ кормщикъ, черезъ понтъ плывущій,
Ловя подъ парусъ вѣтръ ревущій,
Умѣетъ судномъ управлять.

Едина Ты лишь не обидишь,
Не оскорбляешь никого;
Дурачества сквозь пальцы видишь,
Лишь зла не терпишь одного;
Проступки снисхожденьемъ правишь:
Какъ волкъ овецъ, людей не давишь:
Ты знаешь прямо цѣну ихъ:
Царей они подвластны волѣ,
Но Богу правосуднѣ болѣ,
Живущему въ законахъ ихъ.

Ты здраво о заслугахъ мыслишь:
Достойнымъ воздаешь Ты честь;
Пророкомъ Ты того не числишь,
Кто только риѳмы можетъ плесть;
А что сія ума забава
Калифовъ добрыхъ честь и слава,
Снисходишь Ты на лирный ладъ:
Поэзія Тебѣ любезна,
Пріятна, сладостна, полезна,
Какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ.

Слухъ идетъ о Твоихъ поступкахъ,
Что Ты ни мало не горда,
Любезна и въ дѣлахъ и въ шуткахъ,
Пріятна въ дружбѣ и тверда;
Что Ты въ напастяхъ равнодушна,
А въ славѣ такъ великодушна,
Что отреклась и мудрой слыть.
Еще же говорятъ не ложно,
Что будто завсегда возможно
Тебѣ и правду говорить.

Неслыханное также дѣло,
Достойное Тебя одной,
Что будто Ты народу смѣло
О всемъ, и въявь, и подъ рукой,
И знать и мыслить позволяешь,
И о себѣ не запрещаешь
И быль и небыль говорить;
Что будто самымъ крокодиламъ,
Твоихъ всѣхъ милостей Зоиламъ,
Всегда склоняешься простить.

Стремятся слезъ пріятныхъ рѣки
Изъ глубины души моей.
О коль счастливы человѣки
Тамъ должны быть судьбой своей,
Гдѣ Ангелъ кроткій, Ангелъ мирной,
Сокрытый въ свѣтлости порфирной,
Съ небесъ ниспосланъ скиптръ носить!
Тамъ можно пошептать въ бесѣдахъ,
И казни не боясь, въ обѣдахъ
За здравіе Царей не пить;

Тамъ съ именемъ Фелицы можно
Въ строкѣ описку поскоблить,
Или портретъ неосторожно
Ея на землю уронить;
Тамъ свадебъ шутовскихъ не парятъ,
Въ ледовыхъ баняхъ ихъ не жарятъ,
Не щелкаютъ въ усы вельможъ;
Князья насѣдками не клохчутъ,

Любимцы въявъ имъ не хохочутъ,
И сажей не мараютъ рожъ.

Ты вѣдаешь, Фелица! правы
И человѣковъ и Царей:
Когда Ты просвѣщаешь правы,
Ты не дурачишь такъ людей;
Въ Твои отъ дѣлъ отдохновенья,
Ты пишешь въ сказкахъ поученья,
И Хлору въ азбукѣ твердишь:
«Не дѣлай ничего худова,
И самаго сатира злова
Лжецомъ презрѣннымъ сотворишь.»

Стыдишься слыть Ты тѣмъ великой,
Чтобъ страшной, нелюбимой быть:
Медвѣдицѣ прилично дикой
Животныхъ рвать и кровь ихъ пить.
Безъ крайняго въ горячкѣ бѣдства
Тому ланцетовъ нужныхъ средства,
Безъ нихъ кто обойтися могъ?
И славно ль быть тому тираномъ,
Великимъ въ звѣрствѣ Тамерланомъ,
Кто благостью великъ, какъ Богъ.

Фелицы слава—слава Бога,
Который брани усмирилъ,
Который сира и убога
Покрылъ, одѣлъ и накормилъ;
Который окомъ лучезарнымъ
Шутамъ, трусамъ, неблагодарнымъ
И праведнымъ Свой свѣтъ даритъ,
Равно всѣхъ смертныхъ просвѣщаетъ,
Больныхъ покоитъ, исцѣляетъ,
Добро лишь для добра творитъ;

Который даровалъ свободу
Въ чужія области скакать,
Позволилъ Своему народу
Сребра и золота искать;
Который воду разрѣшаетъ,
И лѣсъ рубить не запрещаетъ;
Велитъ и ткать, и прясть, и шить;
Развязывая умъ и руки,
Велитъ любить торги, науки,
И счастье дома находить;

Котораго законъ, десница
Даютъ и милости и судъ.—
Вѣщай, премудрая Фелица!
Гдѣ отличенъ отъ честныхъ плутъ?
Гдѣ старость по міру не бродитъ?
Заслуга хлѣбъ себѣ находитъ?
Гдѣ месть не гонитъ никого?
Гдѣ совѣсть съ правдой обитаютъ?
Гдѣ добродѣтели сіяютъ?—
У трона развѣ Твоего!

Но гдѣ Твой тронъ сіяетъ въ мирѣ?
Гдѣ, вѣтвь небесная, цвѣтешь?
Въ Багдадѣ? Смирнѣ? Кашемирѣ?—
Послушай, гдѣ Ты не живешь:
Хвалы мои Тебѣ примѣтя,
Не мни, чтобъ шапки иль бешметя
За нихъ я отъ тебя желалъ.
Почувствовать добра пріятство
Такое есть души богатство,
Какого Крезъ не собиралъ.

Прошу великаго Пророка,
Да праха ногъ Твоихъ коснусь,
Да словъ Твоихъ сладчайша тока.
И лицезрѣнья насаждусь!
Небесныя прошу я силы,
Да ихъ простря сафирны крылы
Невидимо Тебя хранятъ
Отъ всѣхъ болѣзней, золъ и скуки;
Да дѣлъ Твоихъ въ потомствѣ звуки,
Какъ въ небѣ звѣзды, возблестятъ.

На счастіе.

Всегда прехвально, препочтенно,
Во всей вселенной обоженно
И вожделѣнное отъ всѣхъ,
О ты, великомощно Счастье!
Источникъ нашихъ бѣдъ, утѣхъ,
Кому и въ ведро и въ ненастье,
Мавръ, Лопарь, пастыри, Цари,
Моляся въ кущахъ и на тронѣ,
Въ воскликновеніяхъ и стонѣ,
Въ сердцахъ ихъ зиждутъ олтари!

Сынъ время, случая, судьбины,
Иль недовѣдомой причины!
Богъ сильный, рѣзвый, добрый, злой!
На шаровидной колесницѣ,
Хрустальной, скользкой, роковой,
Во слѣдъ блистающей денницѣ

Чрезъ горы, степь, моря, лѣса,
Вседневно ты по свѣту скачешь,
Волшебною шприцкой машешь,
И производишь чудеса.

Куда храбетъ свой обращаешь,
Тамъ въ пепелъ грады претворяешь,
Приводишь въ страхъ богатырей;
Султановъ заключаешь въ клѣтку,
На казнь выводишь Королей:
Но если ты жь, хотя въ издѣвку,
Осклабишь взоръ свой на кого:
Раба творишь Владыкой міру,
На мѣсто рубища порфиру
Ты возлагаешь на него.

Въ тѣ дни людскаго просвѣщенья,
Какъ нѣтъ кикиморовъ явленья,
Какъ ты лишь всѣмъ чудотворишь:
Дѣвицъ и дамъ магнизируешь,
Изъ камней золото варишь,
Въ глаза патріотизма плюешь,
Катаешь кубаремъ весь міръ;
Какъ рѣзвости твоей примѣровъ,
Полна земля вся Кавалеровъ,
И цѣлый свѣтъ сталъ Бригадиръ;

Въ тѣ дни, какъ всюду скороходомъ
Предъ Русскимъ ты бѣжишь народомъ,
И лавры рвешь ему зимой,
Стамбулу бороду ерошишь,
На Таврѣ ѣдешь чехардой,
Задать Стокгольму перцу хочешь,
Берлину фабришь ты усы,
А Темзу въ фижмы наряжаешь,
Хохолъ Варшавѣ раздуваешь,
Коптишь Голландцамъ колбасы;

Въ тѣ дни, какъ Вѣну ободряешь,
Парижу пукли разбиваешь,
Мадриту поднимаешь носъ,
На Копенгагенъ иней сѣешь,
Пучокъ подносишь Гданску розъ,
Венецьи, Мальтѣ не радѣешь,
А Греціи велишь зѣвать,
И Риму, ноги чтобъ не пухли,
Святыя оставляя туфли,
Царямъ претишь ихъ цѣловать;

Въ тѣ дни, какъ все вездѣ въ разгульѣ:
Политика и правосудье,
Умъ, совѣсть и законъ святой
И логика пиры пируютъ,
На карты ставятъ вѣкъ златой
Судьбами смертныхъ понтируютъ,
Вселенну въ трантелево гнутъ;
Какъ полюсы, меридіаны,
Науки, Музы, боги—пьяны,
Всѣ скачутъ, пляшутъ и поютъ;

Въ тѣ дни, какъ всюду Ерихонцы
Не сѣютъ, но лишь жнутъ, червонцы,
Ихъ денегъ куры не клюютъ;
Какъ вкусъ и нравы распестрились,
Весь міръ сталъ полосатый шутъ,
Мартышки въ воздухѣ явились,
По свѣту свѣтятъ фонари,
Витійствуютъ уранги въ школахъ,
На пышныхъ карточныхъ престолахъ
Сидятъ мишурные Цари;

Въ тѣ дни, какъ мудрость среди тро-
новъ
Одна не мѣситъ макароновъ,
Не ходитъ въ кузницу ковать,
А развѣ временемъ лишь скучнымъ
Изволитъ Музъ къ себѣ пускать,
И перышкомъ своимъ искуснымъ,
Не ссоряся никакъ, ни съ кѣмъ,
Для общей и своей забавы,
Комедьи пишетъ, чиститъ нравы,
И припѣваетъ: хемъ, хемъ, хемъ!

Въ тѣ дни, ни съ кѣмъ какъ несра-
вненна.
Она съ тобою сопряженна,
—Ни въ сказкахъ складно разсказать,
Ни написать перомъ красиво,—
Изволитъ милость проливать,
Изволитъ царствовать правдиво,
Не жжетъ, не рубитъ безъ суда;
А развѣ кое-какъ Вельможи,
И такъ и сякъ, нахмуря рожи,
Тузятъ иного иногда;'

Въ тѣ дни, какъ мещетъ всюду взоры
Она вселенной на ресоры,
И вѣситъ скипетры Царей,
Слѣды орловъ парящихъ видитъ
И пресмыкающихся змѣй;

Разя враговъ, не ненавидитъ,
А только пресѣкаетъ зло;
Безъ латъ богатырямъ и въ латахъ
Претитъ давать лимоны въ лапахъ
А хочетъ, чтобы все цвѣло;

Въ тѣ дни, какъ скипетромъ любезнымъ
Она перунъ къ странамъ желѣзнымъ
И громъ за тридевять земель
Несетъ на лунно государство,
И бомбы сыплетъ будто хмѣль;
Свое же ублажая Царство,
Покоитъ, грѣетъ и живитъ;
Въ морозъ камины возжигаетъ,
Дрова и сѣно запасаетъ,
Бояръ и чернь благотворитъ;

Въ тѣ дни и времена чудесны
Твой взоръ и на меня всемѣстный
Простри, о надъ Царями Царь!
Простри, и удостой усмѣшкой
Презрѣнную тобою тварь;
И если я не созданъ пѣшкой,
Валяться не рожденъ въ пыли,
Прошу тебя моимъ быть другомъ:
Песчинка можетъ быть жемчугомъ;
Погладь меня и потрепли.

Бывало, ты меня къ Боярамъ
Въ любовь введешь: беру все даромъ,
На вексель, въ долгъ безъ платежа;
Судьи, дьяки и прокуроры,
Въ передней про себя брюжжа,
Умильные мнѣ мещутъ взоры,
И жаждутъ слова моего:
А я всѣхъ мимо по паркету
Бѣгу, носъ вздернувъ, къ кабинету,
И въ грошъ не ставлю никого.

Бывало, подъ чужимъ нарядомъ,
Съ красоткой чернобровой рядомъ,
Иль съ бѣленькой, сидя со мной,
То въ шашки, то въ картёжъ играешь;
Прекрасною твоей рукой
Туза червоннаго вскрываешь,
Сердечной твой тѣмъ кажешь взглядъ;
Я къ кралѣ короля бросаю,
И ферзь къ ладьѣ я придвигаю,
Даю марьяжъ, иль шахъ и матъ.

Бывало, милыя Науки
И Музы, простирая руки,
Позавтракать ко мнѣ придутъ,
И все мое усядутъ ложе;
А я, свирѣль настроя тутъ,
Съ ихъ каждой лирой тоже, тоже
Играю, что вчерась игралъ.
Согласна трель! взаимны тоны!
Восторгъ всѣхъ чувствъ! За васъ короны
Тогда бы взять не пожелалъ.

А нынѣ пятьдесятъ мнѣ било;
Полетъ свой счастье премѣнило;
Безъ латъ я горе-богатырь;
Прекрасный полъ меня лишь бѣситъ,
Амуръ безъ перьевъ нетопырь,
Едва вспорхнетъ, и носъ повѣситъ.
Сокрылся и въ игрѣ мой кладъ;
Не страстны мной, какъ прежде, Музы;
Бояре понадули пузы,
И я у всѣхъ сталъ виноватъ.

Услышь, услышь меня, о Счастье!
И солнце какъ сквозь бурь, ненастье,
Такъ на меня и ты взгляни;
Прошу, молю тебя умильно,
Мою ты участь премѣни?
Вѣдь всемогуще ты и сильно
Творить добро изъ самыхъ золъ;
Отъ Божеской твоей десницы
Гудокъ гудитъ на тонъ скрипицы,
И вьется локономъ хохолъ.

Но, ахъ! какъ нѣкая ты сфера,
Иль легкій шаръ Монгольфіера,
Блистая въ воздухѣ, летишь;
Вселенна длани простираетъ,
Зоветъ тебя—ты не глядишь;
Но шаръ твой часто упадаетъ,
По прихоти одной твоей,
На пни, на кочки, на колоды,
На грязь, и на гнилыя воды,
А рѣдко, рѣдко на людей.

Слети ко мнѣ, мое драгое,
Серебряное, золотое,
Сокровище и божество!
Слети, причти къ твоимъ любимцамъ!
Я храмъ тебѣ и торжество
Устрою, и вездѣ по крыльцамъ

Твоимъ разсыплю я цвѣты;
Возжгу коренья благовонны,
И буду ѣздить на поклоны,
Гдѣ только обитаешь ты;

Жить буду въ теремѣ богатомъ,
Возвышусь въ чинъ, и знатнымъ бракомъ
Горацію въ родню причтусь;
Перомъ моимъ славно-школярнымъ
Разсудка выше вознесусь
И, ставъ тебѣ неблагодарнымъ,
«Беатусъ»—братъ мой, на волахъ
Собою самъ поля орющій
Или стада свои пасущій!»
Я буду восклицать въ пирахъ.

Увы! еще ты не внимаешь,
О счастіе! моей мольбѣ,
Мои обѣты презираешь:
Знать, неугоденъ я тебѣ.
Но на софахъ ли ты пуховыхъ,
Въ тѣняхъ ли миртовыхъ, лавровыхъ,
Иль въ золотой живешь странѣ:
Внемля, шепни твоимъ любимцамъ,
Вельможамъ, Королямъ и Принцамъ:
Спокойствіе мое во мнѣ!

Водопадъ (1791 г.).

Алмазна сыплется гора
Съ высотъ четыремя скалами;
Жемчугу бездна и сребра
Кипитъ внизу, бьетъ вверхъ буграми;
Отъ брызговъ синій холмъ стоитъ,
Далече ревъ въ лѣсу гремитъ.

Шумитъ, —и средь густаго бора
Теряется въ глуши потомъ;
Лучъ чрезъ потокъ сверкаетъ скоро;
Подъ зыбкимъ сводомъ древъ, какъ сномъ
Покрыты волны, тихо льются,
Рѣкою млечною влекутся.

Сѣдая пѣна по брегамъ
Лежитъ клубами въ дебряхъ темныхъ;
Стукъ слышанъ млатовъ по вѣтрамъ;
Визгъ пилъ и стонъ мѣховъ подъемныхъ:
О водопадъ! въ твоемъ жерлѣ
Все утопаетъ въ безднѣ, въ мглѣ!

Вѣтрами ль сосны пораженны? —
Ломаются въ тебѣ въ куски;
Громами ль камни отторженны?—
Стираются тобой въ пески;
Сковать ли воду льды дерзаютъ?—
Какъ пыль стеклянна ниспадаютъ.

Волкъ рыщетъ вкругъ тебя, и страхъ
Въ ничто вмѣняя, становится.
Огонь горитъ въ его глазахъ,
И шерсть на немъ щетиной зрится;
Рожденный на кровавый бой,
Онъ воетъ, согласясь съ тобой.

Лань идетъ робко, чуть ступаетъ,
Внявъ водъ твоихъ падущихъ ревъ;
Рога на спину преклоняетъ
И быстро мчится межъ деревъ;
Ее страшитъ вкругъ шумъ, бурь свистъ
И хрупкій подъ ногами листъ.

Ретивый конь, осанку горду
Храня, къ тебѣ порой идетъ;
Крутую гриву, жарку морду
Поднявъ, храпитъ, ушми прядетъ;
И подстрекаемъ бывъ, бодрится,
Отважно въ хлябь твою стремится.

Но кто тамъ идетъ по холмамъ,
Глядясь, какъ мѣсяцъ, въ воды черны?
Чья тѣнь спѣшитъ по облакамъ
Въ воздушныя жилища, горны?
На темномъ взорѣ и челѣ
Сидитъ глубока дума въ мглѣ!

Какой чудесный духъ крылами
Отъ Сѣвера паритъ на Югъ?
Вѣтръ медленъ течь его стезями:
Обозрѣваетъ царства вдругъ;
Шумитъ, и какъ звѣзда блистаетъ,
И искры въ слѣдъ свой разсыпаетъ.

Чей трупъ, какъ на распутьи мгла,
Лежитъ на темномъ лонѣ ночи?
Простое рубище чресла,
Двѣ лѣнты покрываютъ очи,
Прижаты къ хладной груди персты,
Уста безмолвствуютъ отверсты!

Чей одръ — земля; кровъ — воздухъ синь;
Чертоги—вкругъ пустынны виды?
Не ты ли счастья, славы сынъ,
Великолѣпный Князь Тавриды?
Не ты ли съ высоты честей
Незапно палъ среди степей?

Не ты ль наперсникомъ близъ трона
У сѣверной Минервы былъ;
Во храмѣ Музъ, другъ Аполлона;
На полѣ Марса вождемъ слылъ;
Рѣшитель думъ въ войнѣ и мирѣ,
Могущъ—хотя и не въ порфирѣ?

Не ты ль, который взвѣсить смѣлъ
Мощь Росса, духъ Екатерины,
И, опершись на нихъ, хотѣлъ
Вознесть твой громъ на тѣ стремнины,
На коихъ древній Римъ стоялъ,
И всей вселенной колебалъ?

Не ты ль, который Орды сильны
Сосѣдей хищныхъ истребилъ,
Пространны области пустынны
Во грады, въ нивы обратилъ,
Покрылъ понтъ черный кораблями,
Потрясъ среду земли громами?

Не ты ль, который зналъ избрать
Достойный подвигъ Росской силѣ,
Стихіи самыя попрать
Въ Очаковѣ и въ Измаилѣ,
И твердой дерзостью такой
Быть дивомъ храбрости самой?

Се ты, отважнѣйшій изъ смертныхъ!
Парящій замыслами умъ!
Не шелъ ты средь путей извѣстныхъ,
Но проложилъ ихъ самъ,—и шумъ
Оставилъ по себѣ въ потомки;
Се ты, о чудный вождь Потемкинъ!

Се ты, которому врата
Торжественныя созидали;
Искусство, разумъ, красота
Недавно лавръ и миртъ сплетали;
Забавы, роскошь вкругъ цвѣли,
И счастье съ славой слѣдомъ шли.

Увы! и громы онѣмѣли,
Ревущіе тебя вокругъ;
Полки твои осиротѣли,
Наполнили рыданьемъ слухъ;
И все, что близъ тебя блистало,
Уныло и печально стало.

Потухъ лавровый твой вѣнокъ,
Гранена булава упала,
Мечъ въ полножны войти чуть могъ,—
Екатерина возрыдала!
Полсвѣта потряслось за Ней
Незапной смертію твоей!

Гдѣ слава? гдѣ великолѣпье?
Гдѣ ты, о сильный человѣкъ?
Маѳусаила долголѣтье
Лишь было бъ сонъ, лишь тѣнь нашъ вѣкъ;
Вся наша жизнь не что иное,
Какъ лишь мечтаніе пустое.

Иль, нѣтъ!—тяжелый нѣкій шаръ
На нѣжномъ волоскѣ висящій,
Въ который бурь, громовъ ударъ
И молніи небесъ ярящи
Отвсюду безпрестанно бьютъ,
И, ахъ! зефиры легки рвутъ.

Единый часъ, одно мгновенье
Удобны царства поразить,
Одно стихіевъ дуновенье
Гигантовъ въ прахъ преобразить;
Ихъ ищутъ мѣста—и не знають:
Въ пыли героевъ попираютъ!

Героевъ?—Нѣтъ! но ихъ дѣла
Изъ мрака и вѣковъ блистаютъ;
Нетлѣнна память, похвала
И изъ развалинъ вылетаютъ;
Какъ холмы, гробы ихъ цвѣтутъ:
Напишется Потемкинъ трудъ.

Подъ древомъ, при зарѣ вечерней,
Задумчива любовь сидитъ,
Отъ цитры вѣтерокъ весенней
Ея повсюду голосъ мчитъ;
Перлова грудь ея вздыхаетъ,
Геройскій образъ оживляетъ.

По утру солнечнымъ лучомъ
Какъ монументъ златый зажжется,
Лежатъ объяты серны сномъ,
И паръ вокругъ холмовъ віется,
Пришедши старецъ надпись зритъ:
«Здѣсь трупъ Потемкина сокрытъ!»

Алцибіадовъ прахъ!—И смѣетъ
Червь ползать вкругъ его главы?
Взять шлемъ Ахилловъ не робѣетъ,
Нашедши въ полѣ, Ѳирсъ?—Увы!
И плоть, и трудъ коль истлѣваетъ:
Что жъ нашу славу составляетъ?

Лишь истина даетъ вѣнцы
Заслугамъ, кои не увянутъ?
Лишь истину поютъ пѣвцы,
Которыхъ вѣчно не престанутъ
Гремѣть перуны сладкихъ лиръ;
Лишь праведника святъ кумиръ.

Услышьте жъ, водопады міра!
О славой шумныя главы!
Вашъ свѣтелъ мечъ, цвѣтна порфира,
Коль правду возлюбили вы;
Когда имѣли только мѣту,
Чтобъ счастіе доставить свѣту.

Шуми, шуми, о водопадъ!
Касаяся странамъ воздушнымъ,
Увеселяй и слухъ и взглядъ
Твоимъ стремленьемъ свѣтлымъ, звучнымъ,
И въ поздней памяти людей
Живи лишь красотой твоей!

Живи!—и тучи пробѣгали
Чтобъ рѣдко по водамъ твоимъ,
Въ умахъ тебя не затмѣвали
Разженный громъ и черный дымъ;
Чтобъ былъ въ близи, въ дали любезенъ
Ты всѣмъ; сколь дивенъ, столь полезенъ.

И ты, о водопадовъ мать!
Рѣка на Сѣверѣ гремяща,
О Суна! коль съ высотъ блистать
Ты можешь,—и отъ зарь горяща,
Кипитъ и сѣется дождемъ
Сафирнымъ, пурпурнымъ огнемъ:

То тихое твое теченье,
Гдѣ ты сама себѣ равна,
Мила, быстра и не въ стремленьѣ,
И въ глубинѣ твоей ясна,
Важна безъ пѣны, безъ порыву;
Полна, велика безъ разливу;

И безъ примѣса чуждыхъ водъ
Поишь златые въ нивахъ бреги.
Великолѣпный свой ты ходъ
Вливаешь въ свѣтлый сонмъ Онеги:
Какое зрѣлище очамъ!
Ты тутъ подобна небесамъ.

Вельможа (1794 г.).

Не украшеніе одеждъ
Моя днесь Муза прославляетъ,
Которое, въ очахъ невѣждъ,
Шутовъ въ Вельможи наряжаетъ;
Не пышности я пѣснь пою;
Не истуканы за кристалломъ,
Въ кивотахъ блещущи металломъ,
Услышатъ похвалу мою.

Хочу достоинства я чтить,
Которыя собою сами
Умѣли титла заслужить
Похвальными себѣ дѣлами;
Кого ни знатный родъ, ни санъ,
Ни счастіе не украшали;
Но кои доблестью снискали
Себѣ почтенье отъ гражданъ.

Кумиръ, поставленный въ позоръ,
Несмысленную чернь прельщаетъ;
Но коль художниковъ въ немъ взоръ
Прямыхъ красотъ не ощущаетъ:
Се образъ ложныя молвы,
Се глыба грязи позлащенной!
И вы, безъ благости душевной,
Не всѣ ль, вельможи, таковы?

Не перлы Персія на васъ,
И не Бразильски звѣзды,—ясны;
Для возлюбившихъ правду глазъ
Лишь добродѣтели прекрасны:
Онѣ суть смертныхъ похвала.
Калигула! твой конь въ Сенатѣ

Не могъ сіять, сіяя въ златѣ:
Сіяютъ добрыя дѣла.

Оселъ останется осломъ,
Хотя осыпь его звѣздами;
Гдѣ должно дѣйствовать умомъ,
Онъ только хлопаетъ ушами.
О! тщетно счастія рука,
Противъ естественнаго чина,
Безумно рядитъ въ господина,
Или въ шумиху дурака.

Какихъ ни вымышляй пружинъ,
Чтобъ мужу бую умудриться;
Не можно вѣкъ носить личинъ,
И истина должна открыться.
Когда не свергъ въ бояхъ, въ судахъ,
Въ совѣтахъ Царскихъ, сопостатовъ:
Всякъ думаетъ, что я Чупятовъ,
Въ Марокскихъ лентахъ и звѣздахъ.

Оставя скипетръ, тронъ, чертогъ,
Бывъ странникомъ, въ пыли и въ потѣ,
Великій Петръ, какъ нѣкій Богъ,
Блисталъ величествомъ въ работѣ:
Почтенъ и въ рубищѣ Герой!
Екатерина, въ низкой долѣ,
И не на царскомъ бы престолѣ
Была великою женой.

И впрямь, коль самолюбья лесть
Не обуяла бъ умъ надменный:
Что наше благородство, честь,
Какъ не изящности душевны?
Я князь—коль мой сіяетъ духъ;
Владѣлецъ—коль страстьми владѣю;
Бояринъ—коль за всѣхъ болѣю,
Царю, закону, Церкви другъ.

Вельможу должны составлять
Умъ здравый, сердце просвѣщенно;
Собой примѣръ онъ долженъ дать,
Что званіе его священно,
Что онъ орудье власти есть,
Подпора царственнаго зданья.
Вся мысль его, слова, дѣянья
Должны быть—польза, слава, честь.

А ты, второй Сарданапалъ!
Къ чему стремишь всѣхъ мыслей бѣги?
На то ль, чтобъ вѣкъ твой протекалъ
Средь игръ, средь праздности и нѣги?
Чтобъ пурпуръ, злато всюду взоръ
Въ твоихъ чертогахъ восхищали,
Картины въ зеркалахъ дышали,
Мусія, мраморъ и фарфоръ!

Но то ль тебѣ пространный свѣтъ,
Простерши раболѣпны длани,
На прихотливый твой обѣдъ
Вкуснѣйшихъ яствъ приноситъ дани;
Токай густое льетъ вино,
Левантъ—съ звѣздами кофе жирный,
Чтобъ не хотѣлъ за трудъ всемірный
Мгновенье бросить ты одно?

Тамъ воды въ просѣкахъ текутъ,
И съ шумомъ вверхъ стремясь, сверкаютъ;
Тамъ розы средь зимы цвѣтутъ,
И въ рощахъ нимфы воспѣваютъ,
На толь, чтобы на все взиралъ
Ты окомъ мрачнымъ, равнодушнымъ,
Средь радостей казался скучнымъ,
И въ пресыщеніи зѣвалъ?

Орелъ, по высотѣ паря,
Ужъ солнце зритъ въ лучахъ полдневныхъ;
Но твой чертогъ едва заря
Румянитъ сквозь завѣсъ червленныхъ;
Едва по зыблющимъ грудямъ
Съ тобой лежащія Цирцеи
Блистаютъ розы и лилеи;
Ты съ ней покойно спишь.... а тамъ?

А тамъ—израненный Герой,
Какъ лунь во браняхъ посѣдѣвшій,
Начальникъ прежде бывшій твой,
Въ переднюю къ тебѣ пришедшій
Принять по службѣ твой приказъ,
Межь челядью твоей златою,
Поникнувъ лавровой главою,
Сидитъ и ждетъ тебя ужь часъ!

А тамъ—вдова стоитъ въ сѣняхъ,
И горьки слезы проливаетъ,
Съ груднымъ младенцемъ на рукахъ
Покрова твоего желаетъ:
За выгоды твои, за честь
Она лишилася супруга,

Въ тебѣ его знавъ прежде друга,
Пришла мольбу свою принесть.

А тамъ—на лѣстничный восходъ
Прибрелъ на костыляхъ согбенный,
Безстрастный, старый воинъ тотъ,
Тремя медальми украшенный,
Котораго въ бою рука
Избавила тебя отъ смерти:
Онъ хочетъ руку ту простерти
Для хлѣба отъ тебя куска.

А тамъ—гдѣ жирный песъ лежитъ,
Гордится вратникъ галунами,
Заимодавцевъ полкъ стоитъ,
Къ тебѣ пришедшихъ за долгами.
Проснися, Сибаритъ!—Ты спишь,
Иль только въ сладкой нѣгѣ дремлешь;
Несчастныхъ голосу не внемлешь,
И въ развращенномъ сердцѣ мнишь:

«Мнѣ мигъ покоя моего
Пріятнѣй, чѣмъ въ Исторьи вѣки;
Жить для себя лишь одного,
Лишь радостей умѣть пить рѣки,
Лишь вѣтромъ плыть, гнѣсть чернь ярмомъ;
Стыдъ, совѣсть—слабыхъ душъ тревога!
Нѣтъ добродѣтели! нѣтъ Бога!»—
Злодѣй, увы!.... и грянулъ громъ.

Блаженъ народъ, который полнъ
Благочестивой Вѣры къ Богу,
Хранитъ Царевъ всегда законъ,
Чтитъ нравы, добродѣтель строгу
Наслѣднымъ перломъ женъ, дѣтей,
Въ единодушіи—блаженство,
Во правосудіи—равенство,
Свободу - во уздѣ страстей!

Блаженъ народъ, гдѣ Царь главой,
Вельможи—здравы члены тѣла,
Прилѣжно долгъ всѣ правятъ свой,
Чужаго не касаясь дѣла;
Глава не ждетъ отъ ногъ ума,
И силъ у рукъ не отнимаетъ;
Ей взоръ и ухо предлагаетъ,
Повелѣваетъ же сама.

Симъ твердымъ узломъ естества
Коль Царство лишь живетъ счастливымъ,
Вельможи! славы, торжества
Иныхъ вамъ нѣтъ, какъ быть правдивымъ,
Какъ блюсть народъ, Царя любить,
О благѣ общемъ ихъ стараться,
Змѣей предъ трономъ не сгибаться,
Стоять и—правду говорить.

О Россій бодрственный народъ,
Отечески хранящій нравы!
Когда разслабъ весь смертныхъ родъ,
Какой ты не причастенъ славы?
Какихъ въ тебѣ Вельможей нѣтъ?—
Тотъ храбрымъ былъ средь бранныхъ звуковъ;
Здѣсь далъ безстрашный Долгоруковъ
Монарху грозному отвѣтъ.

И въ наши вижу времена
Того я славнаго Камилла,
Котораго труды, война
И старость духъ не утомила.
Отъ грома звучныхъ онъ побѣдъ
Сошелъ въ шалашъ свой равнодушно,
И отъ сохи опять послушно
Онъ въ полѣ Марсовомъ живетъ.

Тебѣ, Герой! желаній мужъ!
Не роскошью Вельможа славный,
Кумиръ сердецъ, плѣнитель душъ,
Вождь, лавромъ, маслиной вѣнчанный!
Я праведну здѣсь пѣснь воспѣлъ.
Ты ею славься, утѣшайся,
Борись вновь съ бурями, мужайся,
Какъ юный возносись орелъ.

Пари—и съ высоты твоей
По мракамъ смутнаго эѳира
Громовой пролети струей;
И, опочивъ на лонѣ мира,
Возвесели еще Царя.—
Простри твой поздній блескъ въ народѣ,
Какъ отдаетъ свой долгъ Природѣ
Румяна вечера заря.

Павлинъ (1795 г.)

Какое гордое творенье,
Хвостъ пышно расширяя свой,

Чернозелены въ искрахъ перья
Со разсыпною бахрамой
Позадь чешуйной груди кажетъ,
Какъ нѣкій круглый, дивный щитъ?

Лазурно-сизо-бирюзовы
На каждаго концѣ пера
Тѣнисты круги, волны новы
Струиста злата и сребра:
Наклонитъ—изумруды блещутъ!
Повернетъ—яхонты горятъ!

Не то ли славный Царь пернатый?
Не то ли райска птица Жаръ,
Которой столь уборъ богатый
Приводитъ въ удивленье тварь?
Гдѣ ступитъ—радуги играютъ!
Гдѣ станетъ—тамъ лучи вокругъ!

Конечно, сила и паренье
Орлиныя въ ея крылахъ:
Гласъ трубный, лебедино пѣнье
Въ ея пресладостныхъ устахъ;
А пеликана добродѣтель
Въ ея и сердцѣ и душѣ!

Но что за чудное явленье?
Я слышу нѣкій странный визгъ!
Сей Фениксъ опустилъ вдругъ перья,
Увидя гнусность ногъ своихъ.—
О пышность! какъ ты ослѣпляешь!
И баринъ безъ ума—павлинъ.

Памятникъ (1796 г.)

Я памятникъ себѣ воздвигъ чудесный, вѣчный!
Металловъ тверже онъ и выше пирамидъ:
Ни вихрь его, ни громъ не сломитъ быстротечный
И времени полетъ его не сокрушитъ.
Такъ! Весь я не умру; но часть меня большая,
Отъ тлѣна убѣжавъ, по смерти станетъ жить,
И слава возрастетъ моя, не увядая,
Доколь Славяновъ родъ вселенна будетъ чтить.
Слухъ пройдетъ обо мнѣ отъ Бѣлыхъ водъ до Черныхъ,
Гдѣ Волга, Донъ, Нева, съ Рифея льетъ Уралъ;
Всякъ будетъ помнить то въ народахъ неисчетныхъ,
Какъ изъ безвѣстности я тѣмъ извѣстенъ сталъ,
Что первый я дерзнулъ въ забавномъ Русскомъ слогѣ,
О добродѣтеляхъ Фелицы возгласить,
Въ сердечной простотѣ бесѣдовать о Богѣ,
И истину Царямъ съ улыбкой говорить.
О Муза! возгордись заслугой справедливой,
И презритъ кто тебя, сама тѣхъ презирай;
Непринужденною рукой, неторопливой,
Чело твое зарей безсмертія вѣнчай.

XVII. ЕЛАГИНЪ.

Опытъ повѣствованія о Россіи (1789—1796).

§ 1. Вступленіе. Лѣта 6481—973.

Приступая къ вѣщанію важнѣйшаго въ повѣствованіи нашемъ приключенія, когда тройственный свѣтъ спасительнаго благовѣствованія Христова во святомъ Владиміра 1. Крещеніи на всю пролiялся Россію, не излишно почитаю повторить при семъ выше объявленныя, касательно сего произшествія, бытія, и снесть ихъ, для лучшаго въ читателей впечатлѣнія, въ единое совокупно предложеніе. Хотя немерцающіе лучи сего превѣчнаго свѣта и прежде Владиміра прародителей нашихъ неоднократно касались; но подавляемые мракомъ идольскаго суевѣрія, подобно солнцу, въ густыхъ облакахъ скрывающемуся, въ единыхъ затворенныхъ православнаго сословія чертогахъ сокровенны пребывали. Достопамятность толь великаго Владимірова дѣянія требуетъ однакожъ объявить въ подробности, какія пособія посиѣшествовали ему преклонить подданныхъ къ такому трудному дѣйствію, каково есть премѣненіе господствующія

вѣры; ибо таковая въ цѣломъ Государствѣ премѣна безъ предварительныхъ средствъ есть дѣло едва ли возможное. Я не нахожу во всѣхъ знатнѣйшихъ законодавцахъ труднѣе предмета, какъ сей, которой единственно токмо къ истребленію суевѣрныхъ заблужденій въ законодательствѣ имъ встрѣчался. Моисей, Ликургъ, Солонъ и многіе видѣли множество нравственныхъ пороковъ, вѣрою народамъ дозволенныхъ; но исправленіе оныхъ не дерзали подвергать закону гражданскому, единому токмо времени и нравоученію оставляя. Въ прекословіяхъ вѣры съ любомудріемъ, относительно къ понятіямъ о порокахъ и добродѣтеляхъ, о благѣ и злѣ, должна и сама законодательная власть поступать весьма осторожно; и мало по малу однѣ истреблять, а другія вводить силою тончайшаго градомудрія. Вожделѣнія сердца человѣческаго суть пламенны, когда любострастные Лада и Ледо, божествомъ почитаемые, дозволяютъ удовольствія, и когда неистовыя забавы снисходительнымъ суевѣріемъ не грѣхомъ, но блаженствомъ признаваемы суть. Погашеніе такихъ, вѣрою извиняемыхъ, стремленій и пороковъ не такъ легко, какъ и самое въ рабство народа поверженіе; ибо первое пустосвятствомъ вооруженное ополчаетъ до крайности безуміе человѣческое; а второе употребленіемъ единовѣрнаго войска производится. Много и до пришествія въ міръ Спасителя мудрыхъ и ученыхъ людей было; многія и преполезныя въ разныхъ наукахъ книги отъ нихъ оставлены, но какъ истреблять касающіяся господствующей вѣры заблужденія, ничего въ нихъ кромѣ нелѣпыхъ противорѣчій, не обрѣтаемъ. Подобало необходимо, къ изведенію рода человѣческаго изъ мрака идолопоклоннаго, явиться толь всемогущему Проповѣднику, каковъ есть снизшедый на землю Сынъ Божій. Онъ явился, и подобно свѣтозарному солнцу, приосѣняющему нощныя свѣтила, прогналъ божественнымъ Своимъ ученіемъ долговременное божницъ идольскихъ и кумировъ почитаніе, но и Ему задолго до пришествія предварительными пособіями служили къ обращенію народовъ неумолкные гласы вопіющихъ Пророковъ. Такъ, есть ли смѣемъ уподобить, способствовали и Великому Владиміру нашему прежде бывшія до него крещенія, и паче великій сонмъ воспріявшихъ уже вѣру Христіанскую вельможъ изъ Руссовъ, Славянъ и Варяговъ, какъ то мы по договорамъ съ Греками предковъ его видѣли, и заключить можемъ, что сколько собственное его изволеніе, столько и самая необходимость, въ разсужденіи многочисленнаго Христіанъ сословія, къ возможности таковыя чрезвычайныя перемѣны послужили.

§ 2. 1) Крещеніе сомнительно. Объявивъ предварительно, что безъ предшествуемыхъ пособій трудно и едва ли возможно приступать къ такому опасному дѣйствію, предложимъ первое крещеніе Русіи, по свидѣтельству Кіевопечерскаго Патерика, Кормчей книги, Пролога и иныхъ многихъ почитаемое отъ Св. Апостола Андрея чрезъ водруженіе креста на горахъ Днѣпровскихъ (*). (2, крещеніе) Второе, Писателями полагаемое, есть Болгаровъ, какъ говоритъ Іоакимъ и Несторъ и Татищевъ прибавляетъ, что Богорисъ, Князь Болгарскій, по наученію сестры своей, крещеніе воспріялъ, а потому кажется напрасно объявленные Писатели наши сіе крещеніе своимъ признаютъ, какъ о томъ кространнѣе сказалъ я выше въ моемъ примѣчаніи. (3, крещеніе) Третіе и равнолѣтнее почти второму Моравіи крещеніе было при Князьяхъ Моравскихъ: Святополкѣ, Ростиславѣ и Коцелѣ въ столичномъ ихъ градѣ, Рава называемомъ. Сіе хотя нѣсколько и до насъ достигло, но точно крещеніемъ

(*) Я выше объявилъ, сколь сомнительно бытіе Св. Андрея на горахъ Кіевскихъ, и теперь сказываю о семъ, слѣдуя только лѣтописцамъ, не выдавая за правду. Къ тому же водруженіе креста не есть Крещеніе, естли Св. Андрей никого изъ людей не обратилъ тутъ ко Христу.

Руссіи признавать его не можно. (4 крещеніе точно въ Россіи). Четвертое крещеніе непосредственно было многимъ Россіянамъ. Оскольдъ, котораго Греки Русомъ называли, по свидѣтельству нашихъ и Византійскихъ Писателей, крещенъ былъ Епископомъ Михаиломъ, присланнымъ изъ Царяграда, и съ нимъ нѣсколько Вельможъ Кіевскихъ, явленныхъ на морѣ чудесемъ къ благочестію обращенныхъ. Но ни при Оскольдѣ, ни по смерти его при Олегѣ и Игорѣ, православіе въ Кіевѣ распространиться не могло, хотя нѣсколько и было уже въ немъ вѣрующихъ во Христа изъ бояръ и простолюдіевъ. Судьба оставила тогда начатое Оскольдомъ дѣло довершить женѣ мудрой и предпріимчивой, и по ней ея внуку. (5 крещеніе). Блаженная Ольга, будучи въ непорочномъ вдовствѣ такъ любовію ко Христу и Его ученію распалилась, что забывъ слабость женскую и лѣтъ своихъ, и убытокъ, предпріяла трудное въ Царьградъ путешествіе, и тамо, какъ выше объявлено, съ церковію сочеталася, и въ Русскую землю дѣйствительное принесла Крещеніе. Но однакожъ со всею ревностію своею не могши къ единовѣрію преклонить упрямаго своего сына, принуждена была удовольствоваться токмо не возбранностію желавшимъ воспріятія вѣры Кіевлянамъ, и чрезъ священниковъ, въ Царѣградѣ посвященныхъ, многихъ ко Христу обратила. Она, кажется, первая создала деревянную Святыя Софіи церковь, и проповѣдь святаго Евангелія среди идольскаго баснословія разсѣявать отважилась. Сѣмя благочестія, падая на землю, краткимъ ея правленіемъ угобженную, приготовило народъ Русскій къ шестому и общему крещенію, о которомъ въ житіи и Княженіи Владиміровомъ со всѣми обстоятельствами повѣдать потщимся.

§ 3. Заключеніе сея главы. А въ окончаніе вступленія сего могу надежно сказать, что объявленныя въ крещеніи степени, и паче Ольгино содѣйствіе, суть тѣ пособія кои помогли Владиміру предуспѣть въ толь отважномъ дѣлѣ, каково есть премѣненіе господствующія вѣры, и опасность въ чаяніе легкаго исполненія превратили; къ томужъ споспѣшествовало и время, между Ольгою и единодержавіемъ Владиміровымъ протекшее; кротость Христіанскаго ученія, преходя изъ устъ въ уста, смягчила уже нѣсколько суровость народныхъ нравовъ; привлекая восточныхъ Христіанъ ради торговли въ Кіевъ, вскрыла уже завѣсу идолопоклоннаго заблужденія такъ, что есть ли не вовсе почтеніе къ кумирамъ истребилось, то покрайней мѣрѣ, въ сомнѣніе сущность ихъ обративъ, многихъ вѣру поколебало.

Сіе есть естественное слѣдствіе тому, когда господствующая вѣра ослабѣетъ и покажетъ народнымъ понятіямъ свою неосновательность, тогда отъ суевѣрія въ невѣріе народъ обращается; ибо воображеніе человѣческое, утомясь долговременнымъ истинъ изслѣдованіемъ, прибѣгаетъ наконецъ къ сущему безбожію: зло, которое всю связь общественнаго союза разторгаетъ, и никакая уже святость преграды стремленіямъ его предпоставить не въ состояніи. Напрасно тогда и самая власть Государская и законы гражданскіе строгость наказаній изыскиваютъ: ничто уже, кромѣ исполненія народныя воли, не усмиритъ сего волненія, ниже возможетъ изцѣлить сію заразу. Есть ли Владиміръ увидѣлъ Кіевлянъ и войско свое въ такомъ положеніи, что одни попущеніемъ древняго идольскаго богослуженія распутны, другія невѣрія дерзостію отъ послушанія отторгаться; третіи, по недовольству еще въ Христіанствѣ просвѣщенію, въ лѣность и не радѣніе о благѣ общемъ утопать стали; то можетъ ли въ сихъ обстоятельствахъ Политика что лучшее промыслить къ обузданію зараженныхъ различными склонностями людей, какъ тѣ способы, кои употребилъ общирный его разумъ? Онъ, вступя на похищенный по убіеніи брата своего Кіевской престолъ, и не зная еще, которое сословіе, Христіанское ли, идолопоклон-

ное сильнѣе къ утвержденію его на Княженіи, вознамѣрился прежде ласкать господствующей изъ древности вѣрѣ: возвеличилъ многобожіе, уставилъ праздчества плотоугодныя, украсилъ божницы великолѣпіемъ, и жертвами почтилъ боговъ рукотворныхъ; но потомъ усмотря, что въ могуществѣ имѣютъ Христіане перевѣсъ числомъ Бояръ, новой сей вѣрѣ преданныхъ, и ихъ въ войскѣ съ ними служащихъ людей, перемѣнилъ свое умоначертаніе, и склонность къ общему измѣненію вѣры открылъ. Долго плотскихъ волненіе страстей предпріятію сему сопротивлялось; но Политика преодолѣла наконецъ сію борьбу. Подобно царю Константину, нѣкогда въ равныхъ обстоятельствахъ съ нимъ находившемуся, сталъ онъ Христіаниномъ, и присовокупленіемъ самовластія крестилъ всю Россію, что учинить ни малѣйшаго не имѣлъ уже онъ затрудненія, содержа великое при себѣ Христіанское воинство, и тѣмъ паче, что отдаленныя отъ столицы области и грады обыкновенно легко и почти безъ прекословія во всемъ престольному подражаютъ граду. Такъ и оный первый Христіанскій Императоръ Константинъ похитилъ Августовъ престолъ, разорилъ Римскія божницы, и животворящій Крестъ на брегахъ Геллеспонта водрузи. Се истинная вина крещенія Владимірова и пособія къ крещенію всея Россіи удобь воображательныя. Въ послѣдствіи самыхъ дѣяній сказаніемъ потщимся мы, поелику возможно, объяснить достовѣрность сего заключенія, а теперь обратимся къ верви повѣствованія нашего.

ГЛАВА II.

Княженіе Ярополка Святославича.

§ 4. Начало Ярополкова Княженія, миръ и тишина во всей Россіи. Лѣта 6481 отъ сот. міра, 973 отъ Р. Х. По нещастной Святослава кончинѣ, Ярополкъ, старшій его сынъ, воспріялъ наименованіе Великаго Князя Кіевскаго и братьевъ своихъ въ спокойномъ владѣніи на удѣлахъ, отъ отца имъ опредѣленныхъ, оставилъ. Сіе было первое на удѣлы Государства раздѣленіе. Святославъ, шествуя въ дальній и опасный походъ противу Болгаръ и Грековъ, далъ каждому изъ сыновъ часть на содержаніе подъ единственнымъ своимъ владѣніемъ. Не мнилъ онъ разсѣчь тѣмъ общественное Государства тѣло на части удѣльныя; неосмотрительное однакожъ его чадолюбіе обратилось по немъ въ обыкновеніе, Политикѣ государственной противное, а по нѣкоемъ времени въ такое злоупотребленіе, которое, все Государство раздробивъ, въ сущую низвергло погибель. Въ началѣ Ярополкова Княженія, доколѣ братья между собою въ любви жили, царствовала всей Россіи тишина, и союзъ ихъ въ страхѣ содержалъ сосѣдей. Ярополкъ не касался предѣловъ братнихъ; а Олегъ и Владиміръ не завидовали излишеству его части. Въ такомъ благоденствіи каждой упражнялся въ поощреніи земледѣлія и въ расширеніи торговли, въ двухъ естественныхъ средствахъ къ обогащенію Государствъ; а ловля звѣриная вседневное ихъ веселіе составляла. Обычай ѣздить на охоту у всѣхъ военныхъ народовъ издревлѣ почитался необходимо нужнымъ къ благородному воспитанію, и былъ достоинствомъ Вельможъ, по мѣрѣ искуства ихъ въ сраженіи съ звѣрьми. Сіе суровое обыкновеніе нашихъ бранноносныхъ праотцовъ было плачевною виною перваго между Князей Русскихъ братоубійства. Нѣкогда Лютъ, сынъ Свенельда, того великаго Вождя, которой о смерти Святославовой въ Кіевъ принесъ извѣстіе, Лютъ, можетъ и по дѣламъ его такъ нареченный, выѣхалъ нѣкогда на охоту въ предѣлы Древлянскіе владѣнія Олегова. Тогда случилось быть и самому Олегу на охотѣ. Ловцы нечаянно съѣхались въ дубровѣ, единый правомъ владѣнія, а другій знатностію при Дворѣ Ярополковомъ отца своего напыщенные, вступили прежде о ловлѣ въ споръ, и потомъ въ дос-

дительныхъ словахъ обоюдную открыли горделивость. Тогда оскорбленный наглостію подданнаго, Олегъ не стерпѣлъ оныя, и въ запалчивости убилъ дерзновеннаго. Тѣло убіеннаго юноши привезли въ Кіевъ и, къ жестокой горести, очамъ престарѣлаго отца представили. Свенельдъ, по отмѣннымъ отечеству заслугамъ, въ великой милости былъ у Ярополка, который, достоинствамъ его отдая справедливость, во всѣхъ дѣлахъ внималъ его совѣтамъ. Сею довѣренностію возносяся, предпріялъ онъ отомстить смерть сына убійствомъ самого убійцы. Мщеніе и великимъ людямъ иногда пріятно, хотя славу геройскихъ дѣлъ въ разсудкѣ любомудрія всегда помрачаетъ. Свенельдъ началъ вседневными наущеніями представлять Великому Князю, что время уже ему единодержавствовать, и для того взять отъ Олега Княженіе; ибо по праву старшинства, вся Россія ему принадлежитъ, подобно какъ она нераздѣльно дѣду и отцу его принадлежала. Ярополкъ, храня къ брату своему любовь, съ младенчества воспитаніемъ бабки ихъ вперенную, долго отрицался и не хотѣлъ злокозненному внимать совѣту (*); но наконецъ стужаніе любимца и мнимая сего сановитаго совѣтника справедливость убѣдили малодушнаго Государя къ пріятію войны противъ брата. Такъ подобно и всѣ неосторожные Государи часто зловредными наушниками ввергаются въ неправосудіе, жестокость и безславіе.

§ 5. Война противъ Олега и смерть сего Князя. Лѣта 6485 (977). Ярополкъ, подвигнутый симъ въ разныхъ дѣлахъ искуснымъ мстителемъ, вошелъ съ воинствомъ и съ нимъ въ землю Древянскую; но не ожидающій сего нападенія Олегъ хотя къ отпору и не былъ въ готовности, но принужденнымъ нашелся, собравъ сколько могъ бояръ и дружины, выступить въ поле. Противоборные братья сошлися при Овручѣ, Древлянскомъ градѣ, нещастно симъ приключеніемъ прославившемся, и въ ослѣпленіи обоюдномъ, не снесшись о винѣ раздора, въ кровопролитную вступили брань. Ратники съ обѣихъ сторонъ, подражая вождямъ, свирѣпо на единоплеменныхъ наступали, и бой жестокой, долго продолжавшись, Ярополку даровалъ побѣду. Побѣжденные въ обыкновенномъ по разбитіи безпорядкѣ побѣжали къ Овручѣ, гдѣ мостъ чрезъ плотину рва (*) ко вшествію во врата градскія способствовалъ; но бѣгущіе въ чрезмѣрной торопливости за хребтами преслѣдующихъ побѣдителей такъ стѣснились, что сами другъ друга съ моста въ ровъ пхали. Между великимъ числомъ сопхнутыхъ былъ и нещастный Олегъ раздавленъ конями и всадниками, купно съ нимъ съ моста спадшими, и бѣдственно окончилъ жизнь. Ярополкъ, вошедъ во градъ, оный взялъ и отчаянныхъ успокоилъ плѣнниковъ. Потомъ не зная, куда сокрылся братъ его, повелѣлъ повсюду искать, но тщетно разосланные его искали, и уже надежду къ обрѣтенію теряли, когда единъ изъ Древлянъ увѣдомилъ ихъ, что онъ видѣлъ его съ моста въ ровъ сопхнутаго. Немедленно велѣно разобрать убіен-

(*) Въ семъ 975 г., полагаетъ Татищевъ, кн. II стр. 55, якобы по изчисленію лѣтъ, женился Князь Владиміръ Новоградскій на Рогнѣдѣ, Княжнѣ Полоцкой, и что будто бы Несторъ, по причинѣ войны Владиміровой съ Ярополкомъ подъ лѣтомъ 980, о томъ написалъ. Я не вхожу въ разборъ между сими писателями, но послѣдую Нестору для того, что онъ, будучи такъ близокъ къ симъ дѣяніямъ, никаковаго признака не оставилъ, для чегобъ въ сказаніи его усомниться, тѣмъ паче, что онъ взятье Рогнѣды и отца ея Владиміромъ убіеніе полагаетъ по убіеніи уже Олега, когда Владиміръ на войну противъ Ярополка сбирался, что и обстоятельствами доказано.

(*) Въ подлинникѣ у Нестора, стр. 66, написано: «И бяше мостъ чрезъ Гроблю». Гроблею и нынѣ въ Малороссіи называются плотины, какъ Татищевъ, кн. II на стр. 55 написалъ; но Князь Щербатовъ Гроблю пожаловалъ въ рѣку, градъ окружавшую. Признаюсь, что незналъ и я Малороссійскаго слова Гробли; но покрайней мѣрѣ по Нестору могъ проразумѣть, что мостъ чрезъ ровъ, а не чрезъ рѣку былъ; ибо рѣки Гробли не токмо у Овручи, но и нигдѣ нѣтъ

ныхъ; но за множествомъ труповъ прежде другаго дня тѣла Княжескаго обрѣсти не могли. Наконецъ найденъ внизу груды безобразно раздавленный и токмо одеждою отъ другихъ отмѣнный. Воины, извлекши его, положили на коврѣ и возвѣстили Великому Князю.

§ 6. Погребеніе Олегу, возвращеніе въ Кіевъ Ярополково, путешествіе изъ Новаграда Владимірово. Пришедый къ простертому тѣлу братъ возрыдалъ въ раскаяніи и зъ горести возопилъ «Горе мнѣ осквернившемуся убійствомъ брата моего! Лучше бы мнѣ было умереть самому нежели видѣть тебя, любезный братъ, мною живота лишеннаго. А ты, лютый мститель и клеветникъ! со гнѣвомъ обратясь, рекъ онъ Свенельду: зри злобы твоея исполненіе, и сострадая мнѣ, признайся, до какого злодѣйства довелъ ты легковѣріе мое. Се плодъ твоихъ совѣтовъ!» По семъ погребъ онъ съ подобающею честію убіеннаго у самаго града Овруча, и сотворивъ тризну, холмъ высокій надъ гробомъ воздвигнулъ. Олегъ княжилъ 7 лѣтъ и былъ ли онъ женатъ, изъ лѣтописей невидно (*). Такимъ образомъ воздавъ послѣдній усопшему долгъ, и принявъ Княженіе Древлянское подъ единственную державу, возвратился. Такъ первое Россійскихъ Князей междоусобіе странною смертію единаго изъ братьевъ ознаменовало будущія страннѣйшія убійства. Между тѣмъ, пребывающій въ Новѣградѣ Владиміръ, услышавъ о печальномъ рокѣ Олега, брата своего, убоялся Ярополкова властолюбія, и ушелъ за море къ Варягамъ; а Ярополкъ, о побѣгѣ его увѣдавъ, посадилъ немедленно своихъ въ Новградѣ, намѣстниковъ, и такъ учинился единовластнымъ во всей Россіи.

(*) Одинъ г. Малгинъ въ Зерцалѣ родословія Князей Русскихъ, стр. 7, говоритъ, что о супругѣ его неизвѣстно, а дѣтей имѣлъ Судислава и Позвизда, Владиміромъ усыновленныхъ. Ниже, говоря о сынахъ и женахъ Владиміровыхъ, покажемъ мы, справедливоли объявленіе г. Малгина; ибо не объявилъ онъ намъ, откуда почерпнулъ онъ сіе извѣстіе.

XVIII. ЩЕРБАТОВЪ.

Исторія Россійская (1770-1792)

Царствованіе Владиміра послѣ его крещенія.

Премѣнившійся идолопоклоненія мракъ во свѣтъ святаго Евангелія новое состояніе намъ Россіи представляетъ: смягченныя жестокія сердца благимъ нравоученіемъ уже не варварами намъ являются и хотя древняя суровость, остатки нѣкія идолослуженія и часто видны бываютъ, но имъ же равныя или и превышающія добродѣтели тогда же предъ очи наши предстаютъ.

Владиміръ, крестивъ своихъ сыновъ и большую часть Россійскаго народа, началъ строить церкви, и первую церковь поставилъ деревянную во имя святаго Василія на холму, гдѣ прежде стоялъ идолъ Перуна, яко нѣкій трофей въ знакъ побѣды святаго Евангелія надъ прелестію бѣсовскою; также и по другимъ градамъ велѣлъ церкви строить; и тогда же разсуждая, что всѣянное сѣмя святаго Евангелія не можетъ довольно вкорениться во вновь обращенныхъ изъ идолопоклоненія народахъ, если прежняя суровость и невѣжество въ нихъ пребудетъ: чего ради онъ повелѣлъ учредить училища, куда коихъ охотою, а большая часть неволею опредѣляли младыхъ дѣтей, для наученія грамотѣ и христіанскаго закону. Тщетно матери и сродники, непривыкшіе научать своихъ дѣтей, роптали и сіе имъ благодѣяніе Владимірово за безчеловѣчіе почитали, и дѣтей своихъ оплакивали при отпускѣ, якобы мертвецовъ: Владиміръ, не взирая на молву несмышленныхъ людей, мудрыя свои постановленія продолжалъ.

Митрополитъ же Михаилъ частыми своими наставленіями увѣщевалъ учителей о порядочномъ ученіи и благосклонномъ обхожденіи со учениками, также и о внушеніи симъ юношамъ добродѣтельныхъ мыслей.

Владиміръ, желая нѣсколько сложить съ себя тягость ига правленія раздѣленіемъ онаго, далъ удѣлы своимъ сыновьямъ: Вышеславу Новгородъ, Изяславу Полоцкъ, Святополку Туровъ, Ярославу Ростовъ, котораго по смерти старшаго своего сына Вышеслава, перевелъ потомъ въ Новгородъ, а на его мѣсто посадилъ Бориса, Глѣбу Муромъ, Святославу землю Древлянскую, Всеволоду Владиміръ, Мстиславу жъ Тмутаракань.

Но полезныя старанія Владиміровы были прерываемы частыми набѣгами Печенѣгъ, которые въ началѣ сего году учинили на Россію нападеніе и были прогнаны и разбиты, такъ что весьма малое отъ нихъ число осталось.

Простирая равно свои попеченія о распространеніи вѣры и о пользѣ государства, Владиміръ, видя великія степи вокругъ Кіева, и разсуждая, что если оныя заселятся, то пріумноженіе поселянъ пріумножитъ силу государства, торговлю, и учинитъ страну болѣ въ состояніи дѣлать отпоръ часто чинящимъ набѣги непріятелямъ: сего ради началъ строить грады по рѣкамъ, по Деснѣ, по Рсти, по Трубешеви, по Сулѣ и по Стугнѣ, которыя населилъ лучшими мужьми Славянами, Кривичами, Чудью и Вятичами, что учинило его въ состояніи, ради продолжающейся войны съ Печенѣгами, всегда въ скорости имѣть сильное воинство. Между сими градами построилъ Бѣлъ-градъ, лучшими также множайшими изъ всѣхъ людьми населилъ его, ибо особливо его любилъ.

Владиміръ часъ отъ часу болѣе прилѣплялся къ христіанскому закону, всѣхъ женъ своихъ, окромѣ греческой царевны, распустилъ, изъ которыхъ прежде отпущенная уже имъ Рогнѣда не токмо приняла христіанскій законъ, но и въ монашество вступя, приняла имя Анастасіи. И простирая свое тщаніе о распространеніи ученія Святаго Евангелія, послалъ нѣкоего философа Марка Македонянина проповѣдывать Болгарамъ христіанство, но проповѣданіе сіе никакого успѣху не имѣло, окромѣ что четыре князя болгарскіе, пришедши въ Кіевъ ко Владиміру, пріяли законъ христіанскій.

Около сего же времени пошелъ Михаилъ, первый митрополитъ Кіевскій, съ другими епископы и съ Добрынею, дядею Владиміровымъ, сокрушить идолы въ Новѣ-градѣ, что, хотя съ нѣкою трудностію, имъ было и учинено. При семъ баснословно повѣствуютъ, что якобы когда идола Перуна влекли ввергнуть въ воду, то отъ него стенаніе происходило, и когда уже былъ кинутъ въ рѣку, поплылъ въ верхъ воды, и какъ приближился къ мосту, съ великимъ воплемъ возопивъ и выкинувъ палицу свою на мостъ, сказалъ: се вамъ въ память Новгородцы оставляю, потомъ утонулъ.

XIX. КАРАМЗИНЪ.

(1766-1826).

Письма русскаго путешественника. (1790.)

Разстался я съ вами, милые, разстался! Сердце мое привязано къ вамъ всѣми нѣжнѣйшими своими чувствами, а я безпрестанно отъ васъ удаляюсь и буду удаляться!

О сердце, сердце! кто знаетъ, чего ты хочешь?

Сколько лѣтъ путешествіе было пріятнѣйшею мечтою моего воображенія? Не въ восторгѣ ли сказалъ я самому себѣ: наконецъ ты поѣдешь? Не радостно ли просыпался всякое утро? Не съ удовольствіемъ ли засыпалъ, думая: ты поѣдешь? Сколько времени не могъ ни о чемъ думать, ничѣмъ заниматься, кромѣ путешествія? Не считалъ ли дней и часовъ? Но когда пришелъ желаемый день, я сталъ грустить, вообразивъ въ первый разъ живо, что мнѣ надлежало разстаться съ любезнѣйшими для меня людьми въ свѣтѣ, и со всѣмъ, что, такъ сказать, входило въ составъ нравственнаго бытія моего. На что ни смотрѣлъ—на столъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ изливались на бумагу незрѣлыя мысли и чувства мои, на окно, подъ которымъ

спжвалъ я подгорюнившись въ припадкахъ своей меланхоліи, и гдѣ такъ часто заставало меня восходящее солнце; на готическій домъ, любезный предметъ глазъ моихъ въ часы ночные — однимъ словомъ, все, что попадалось мнѣ въ глаза, было для меня драгоцѣннымъ памятникомъ прошедшихъ лѣтъ моей жизни, не обильной дѣлами, но зато мыслями и чувствами обильной. Съ вещами бездушными прощался я какъ съ друзьями; и въ самое то время, какъ былъ размягченъ, растроганъ, пришли люди мои; начали плакать и просить меня, чтобы я не забылъ ихъ и взялъ опять къ себѣ, когда возвращуся. Слезы заразительны, мои милые, а особливо въ такомъ случаѣ.

Но вы мнѣ всего любезнѣе, и съ вами надлежало разстаться. Сердце мое такъ много чувствовало, что я говорить забывалъ. Но что вамъ сказывать! Минута, въ которую мы прощались, была такова, что тысячи пріятныхъ минутъ въ будущемъ едва ли мнѣ за нее заплатятъ.

Милой Птрв. провожалъ меня до заставы. Тамъ обнялись мы съ нимъ, и еще въ первый разъ видѣлъ я слезы его,—тамъ сѣлъ я въ кибитку, взглянулъ на Москву, гдѣ оставалось для меня столько любезнаго, и сказалъ: *прости!* Колокольчикъ зазвенѣлъ, лошади помчались... и другъ вашъ осиротѣлъ въ мірѣ, осиротѣлъ въ душѣ своей!

Все прошедшее есть сонъ и тѣнь: ахъ! гдѣ, гдѣ часы, въ которые такъ хорошо бывало сердцу моему посреди васъ, милые?—Еслибы человѣку, самому благополучному, вдругъ открылось будущее, то замерло бы сердце его отъ ужаса, и языкъ его онѣмѣлъ бы въ самую ту минуту, въ которую онъ думалъ назвать себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ!...

Во всю дорогу не приходило мнѣ въ голову ни одной радостной мысли, а на послѣдней станціи къ Твери грусть моя такъ усилилась, что я, въ деревенскомъ трактирѣ, стоя предъ каррикатурами Королевы Французской и Римскаго Императора, хотѣлъ бы, какъ говоритъ Шекспиръ, ***выплакать сердце свое.*** Тамъ-то все оставленное мною явилось мнѣ въ такомъ трогательномъ видѣ. Но полно, полно! Мнѣ опять становится чрезмѣрно грустно. Простите! Дай Богъ вамъ утѣшеній! Помните друга, но безъ всякаго горестнаго чувства!

Уже я наслаждаюсь Швейцаріею, милые друзья мои! Всякое дуновеніе вѣтерка проницаетъ, кажется, въ сердце мое и развиваетъ въ немъ чувство радости. Какія мѣста! какія мѣста! Отъѣхавъ отъ Базеля версты двѣ, я выскочилъ изъ кареты, упалъ на цвѣтущій берегъ зеленаго Рейна, и готовъ былъ въ восторгѣ цѣловать землю. Счастливые швейцары! всякой ли день, всякой ли часъ благодарите вы Небо за свое счастіе, живучи въ объятіяхъ прелестной натуры, подъ благодѣтельными законами братскаго союза, въ простотѣ нравовъ, и служа одному Богу? Вся жизнь ваша есть конечно пріятное сновидѣніе и самая роковая стрѣла должна кротко влетать въ грудь вашу, невозмущаемую тиранскими страстями!—Такъ, друзья мои! я думаю, что ужасъ смерти бываетъ слѣдствіемъ нашего уклоненія отъ путей природы. Думаю, и на сей разъ увѣренъ, что онъ не есть врожденное чувство нашего сердца. Ахъ! есть ли бы теперь, въ самую сію минуту, надлежало мнѣ умереть, то я со слезою любви упалъ бы во всеобъемлющее лоно природы, съ полнымъ увѣреніемъ, что она зоветъ меня къ новому счастію, что измѣненіе существа моего есть возвышеніе красоты, перемѣна изящнаго на лучшее. И всегда, милые друзья мои, всегда, когда я духомъ своимъ возвращаюсь въ первоначальную простоту натуры человѣческой, когда сердце мое отверзается впечатлѣніямъ красотъ природы, чувствую я то же и не нахожу въ смерти ничего страшнаго. Высочайшая благость не была бы высочайшею благостію, есть ли бы она съ которой нибудь стороны не усладила для насъ всѣхъ необходимостей—и съ сей-то услаж-

денной стороны должны мы прикасаться къ нимъ устами нашими! Прости мнѣ, мудрое Провидѣніе, есть ли я когда нибудь какъ буйный младенецъ, проливая слезы досады, роиталъ на жребій человѣка! Теперь, погружаясь въ чувство Твоей благости, лобызаю невидимую руку Твою, меня ведущую!

Мы ѣдемъ подлѣ Рейна, съ ужаснымъ шумомъ и волненіемъ стремящагося между тихихъ луговъ и садовъ виноградныхъ. Тутъ мальчики и маленькія дѣвочки играютъ, рвутъ цвѣты и бросаютъ ими другъ въ друга; тамъ покойный селянинъ, насвистывая веселую пѣсню, поправляетъ въ саду своемъ сошки, увитыя гибкимъ виноградным стеблемъ, смотритъ на проѣзжихъ, и ласковымъ мановеніемъ желаетъ имъ добраго дня. Высокія горы у насъ передъ глазами; но Альпы скрываются еще въ лазури отдаленія. Юра изгибаетъ за нами хребетъ свой, отбрасывающій синюю тѣнь на долины.—Нѣтъ, я не могу писать; красоты, меня окружающія, отвлекаютъ глаза мои отъ бумаги.

Съ отмѣннымъ удовольствіемъ подъѣзжалъ я къ Цириху; съ отмѣннымъ удовольствіемъ смотрѣлъ на его пріятное мѣстоположеніе, на ясное небо, на веселыя окрестности, на свѣтлое, зеркальное озеро, и на красные его берега, гдѣ нѣжный Геснеръ рвалъ цвѣты для украшенія пастуховъ и пастушекъ своихъ; гдѣ душа безсмертнаго Клопштока наполнялась великими идеями освященной любви къ отечеству, которыя послѣ съ дикимъ величіемъ излились въ его *Германѣ*; гдѣ Бодмеръ собиралъ черты для картинъ своей Ноахиды, и питался духомъ временъ Патріаршихъ; гдѣ Виландъ и Гете въ сладостномъ упоеніи обнимались съ Музами, и мечтали для потомства; гдѣ Фридрихъ Штолбергъ, сквозь туманъ двадцати девяти вѣковъ, видѣлъ въ духѣ своемъ древнѣйшаго изъ творцовъ Греческихъ, пѣвца боговъ и героевъ, сѣдаго старца Гомера, лаврами увѣнчаннаго, и пѣснями своими восхищающаго Греческое юношество; видѣлъ, внималъ, и въ вѣрномъ отзывѣ повторялъ пѣсни его на языкѣ Тевтоновъ; гдѣ нашъ Л* бродилъ съ любовною своею грустію, и всякой цвѣточикъ со вздохомъ посвящалъ Веймарской своей богинѣ.

Мы пріѣхали въ 10 часовъ утра. Въ трактирѣ, подъ вывѣскою *Ворона*, отвели намъ большую, свѣтлую комнату. Обширное Цирихское озеро разливается у насъ передъ глазами, и почти подъ самыми нашими окнами вытекаетъ изъ него рѣка Лиммата, которой шумное и быстрое стремленіе пріятнымъ образомъ отличается отъ тихой зыби водъ его; прямо противъ насъ, за озеромъ, стоятъ высокія горы въ утесъ; далѣе, въ сторону, видны Швицкія, Унтервальденскія и другія высочайшія и снѣгомъ покрытыя горы, составляющія для меня совершенно новое зрѣлище и все это могу я видѣть вдругъ, сидя подъ окномъ въ своей комнатѣ. Намъ принесли кушанье. Послѣ обѣда пойду—нужно ли сказывать, къ кому?

Въ 9 часовъ вечера. Вошедши въ сѣни я позвонилъ въ колокольчикъ, и черезъ минуту показался сухой, высокой, блѣдный человѣкъ, въ которомъ мнѣ нетрудно было узнать—Лафатера. Онъ ввелъ меня въ свой кабинетъ, и услышавъ, что я тотъ Москвитянинъ, который выманилъ у него нѣсколько писемъ, поцѣловался со мною, поздравилъ меня съ пріѣздомъ въ Цирихъ—сдѣлалъ мнѣ два или три вопроса о моемъ путешествіи и сказалъ: «Приходите ко мнѣ въ шесть часовъ; теперь я еще не кончилъ своего дѣла. Или останьтесь въ моемъ кабинетѣ, гдѣ можете читать и разсматривать, что вамъ угодно. Будьте здѣсь какъ дома». Тутъ онъ показалъ мнѣ въ своемъ шкапѣ нѣсколько фоліантовъ, съ надписью: *Физіогномическій кабинетъ*, и ушелъ. Я постоялъ, подумалъ, сѣлъ и началъ разбирать физіогномическіе рисунки. Между тѣмъ, признаюсь вамъ, друзья мои, что

сдѣланный мнѣ пріемъ оставилъ во мнѣ не совсѣмъ пріятныя впечатлѣнія. Уже ли я надѣялся, что со мною обойдутся дружелюбнѣе, и услышавъ мое имя, окажутъ болѣе ласковаго удивленія! Но на чемъ основывалась такая надежда! Друзья мои! нетребуйте отъ меня отвѣта, или вы приведете меня въ краску. Улыбнитесь про себя на счетъ вѣтреннаго, безрасуднаго самолюбія человѣческаго, и предайте забвенію слабость вашего друга.—Лафатеръ раза три приходилъ опять въ кабинетъ, запрещалъ мнѣ вставать со стула, бралъ книгу или бумагу, и опять уходилъ назадъ. Наконецъ вошелъ онъ съ веселымъ видомъ, взялъ меня за руку и повелъ—въ собраніе Цирихскихъ ученыхъ, къ профессору Брейтингеру, гдѣ рекомендовалъ меня хозяину и гостямъ, какъ своего пріятеля. Небольшой человѣкъ съ проницательнымъ взоромъ, у котораго Лафатеръ пожалъ руку сильнѣе, нежели у другихъ,—обратилъ на себя мое вниманіе. Это былъ Пфенингеръ, издатель Христіанскаго Магазина и Лафатеровъ другъ. При первомъ взглядѣ показалось мнѣ, что онъ очень похожъ на С. И. Г., и хотя, разсматривая лице его по частямъ, увидѣлъ я, что глаза у него другіе, лобъ другой, и все, все другое, однакожъ первое впечатлѣніе осталось, и мнѣ никакъ неможно было разувѣрить себя въ семъ сходствѣ. Наконецъ я положилъ, что хотя и нѣтъ между ими сходства по наружной формѣ частей лица, однакожъ оно должно быть во внутренней структурѣ мускуловъ!! Вы знаете, друзья мои, что я еще и въ Москвѣ любилъ заниматься разсматриваніемъ лицъ человѣческихъ, искать сходства тамъ, гдѣ другіе его не находили, и пр. и пр., а теперь, будучи обвѣянъ воздухомъ того города, который можно назвать колыбелію новой физіогномики, метопоскопіи, хиромантіи,—подоскопіи теперь и вы бойтесь мнѣ на глаза показаться!—Честные Швейцары курили табакъ и пили чай, а Лафатеръ разсказывалъ имъ о свиданіи своемъ съ Неккеромъ. Послушаемъ, что онъ говоритъ объ немъ. «Есть ли бы я хотѣлъ «вообразить совершеннаго министра, «то представилъ себѣ Неккера. Лице, «голосъ и движенія не измѣняютъ у «него сердцу. Вѣчное спокойствіе есть «его стихія. Однакожъ онъ не рожденъ «великимъ такъ, какъ Невтонъ, Вол-«теръ, и пр. Великость его есть пріо-«брѣтеніе, онъ сдѣлалъ изъ себя все «возможное». Лафатеръ видѣлъ его въ самый тотъ часъ, какъ онъ рѣшился повиноваться волѣ короля и Національнаго Собранія, и посвятивъ сердечный вздохъ спокойному пристанищу, ожидавшему его при подошвѣ горы Юры, возвратиться въ бурный Парижъ.—Я былъ слушателемъ въ бесѣдѣ Цирихскихъ ученыхъ, и къ великому своему сожалѣнію не понималъ всего, что говорено было, потому что здѣсь говорятъ самымъ нечистымъ нѣмецкимъ языкомъ. Чрезъ часъ Лафатеръ взялъ шляпу, и я пошелъ съ нимъ вмѣстѣ. Онъ проводилъ меня до трактира, и простился со мною до завтрашняго дня.

Вы конечно не потребуете отъ меня, чтобы я въ самый первый день личнаго моего знакомства съ Лафатеромъ описалъ вамъ душу и сердце его. На сей разъ могу сказать единственно то, что онъ имѣетъ весьма почтенную наружность, прямой и стройный станъ, гордую осанку, продолговатое блѣдное лице, острые глаза и важную мину. Всѣ его движенія живы и скоры: всякое говоритъ онъ съ жаромъ. Въ тонѣ его есть нѣчто учительское или повелительное, происшедшее конечно отъ языка говорить проповѣди, но смягчаемое видомъ непритворной искренности и чистосердечія. Я не могъ *свободно* говорить съ нимъ, первое потому, что онъ, казалось, взоромъ своимъ заставлялъ меня говорить какъ можно скорѣе, а второе потому, что я безпрестанно боялся не понять его, не привыкнувъ къ Цирихскому выговору.

Пришедши въ свою комнату, почувствовалъ я великую грусть, и чтобы не

дать ей усилиться въ моемъ сердцѣ, сѣлъ писать къ вамъ, любезные, милые друзья мои! Для того, чтобы узнать всю привязанность нашу къ отечеству, надобно изъ него выѣхать; чтобы узнать всю любовь нашу къ друзьямъ, надобно съ нимъ разстаться.

Какая пріятная, тихая мелодія нѣжно потрясаетъ нервы моего слуха! Я слышу пѣніе; оно несется изъ оконъ сосѣдняго дома. Это голосъ юноши—и вотъ слова пѣсни:

«Отечество мое! любовію къ тебѣ горитъ вся кровь моя; для пользы твоея «готовъ ее пролить; умру твоимъ нѣж«нѣйшимъ сыномъ.

«Отечество мое! ты все въ себѣ вмѣ«щаешь, чѣмъ смертный можетъ наслаж«даться въ невинности своей. Въ тебѣ «прекрасенъ видъ природы; въ тебѣ «цѣлителенъ и ясенъ воздухъ; въ тебѣ «земныя блага рѣкою полною ліются.

«Отечество мое! любовію къ тебѣ го«ритъ вся кровь моя; для пользы твоея «готовъ ее пролить; умру твоимъ нѣж«нѣйшимъ сыномъ.

«Мы всѣ живемъ въ союзѣ братскомъ; «другъ друга любимъ, не боимся и «чтимъ того, кто добръ и мудръ. Не «знаемъ роскоши, которая свободныхъ «въ рабовъ, въ тирановъ превращаетъ. «На что намъ блескъ искуства, когда «природа здѣсь сіяетъ во всей своей «красѣ—когда мы изъ грудей ея піемъ «блаженство и восторгъ?

«Отечество мое! любовію къ тебѣ го«ритъ вся кровь моя; для пользы твоея «готовъ ее пролить; умру твоимъ нѣж«нѣйшимъ сыномъ.»

Голосъ умолкъ; тишина ночи царствуетъ въ городѣ. Простите, друзья мои!

Бѣдная Лиза (1792).

Подъ Москвой, близь Симонова монастыря стояла одинокая хижина. Въ ней жила старая крестьянка съ дочерью Лизой.

Отецъ Лизинъ былъ довольно зажиточный поселянинъ, потому что онъ любилъ работу, пахалъ хорошо землю и велъ всегда трезвую жизнь. Но скоро по смерти его жена и дочь обѣдняли. Лѣнивая рука наемника худо обработывала поле и хлѣбъ пересталъ хорошо родиться. Онѣ принуждены были отдать свою землю въ наемъ, и за весьма небольшія деньги. Къ тому же бѣдная вдова почти безпрестанно проливая слезы о смерти мужа своего—ибо и крестьянки любить умѣютъ!—день ото дня становилась слабѣе, и совсѣмъ не могла работать. Одна Лиза,—которая осталась послѣ отца пятнадцати лѣтъ—одна Лиза, не щадя своей нѣжной молодости, не щадя рѣдкой красоты своей, трудилась день и ночь—ткала холсты, вязала чулки, весною рвала цвѣты, а лѣтомъ брала ягоды—и продавала ихъ въ Москвѣ. Чувствительная, добрая старушка, видя неутомимость дочери, часто прижимала ее къ слабобіющемуся сердцу, называла Божескою милостію, кормилицею, отрадою старости своей, и молила Бога, чтобы Онъ наградилъ ее за все то, что она дѣлаетъ для матери. «Богъ далъ мнѣ руки, чтобы работать (говорила Лиза): ты кормила меня своею грудью и ходила за мною, когда я была ребенкомъ: теперь пришла моя очередь ходить за тобою. Перестань только крушиться, перестань плакать; слезы наши не оживятъ батюшки.» Но часто нѣжная Лиза не могла удержать собственныхъ слезъ своихъ—ахъ! она помнила, что у нее былъ отецъ, и что его не стало; но для успокоенія матери старалась таить печаль сердца своего, и казаться покойною и веселою.—«На томъ свѣтѣ, любезная Лиза (отвѣчала горестная старушка), на томъ свѣтѣ перестану я плакать. Тамъ, сказываютъ, будутъ всѣ веселы; я вѣрно весела буду, когда увижу отца твоего. Только теперь не хочу умереть—что съ тобою безъ меня будетъ? На кого тебя покинуть? Нѣтъ, дай Богъ прежде пристроить тебя къ мѣсту! Можетъ быть, скоро сыщется добрый человѣкъ. Тогда, благословя васъ, милыхъ дѣтей

моихъ, перекрещусь, и спокойно лягу въ сырую землю.»

Прошло года два послѣ смерти отца Лизина. Луга покрылись цвѣтами, и Лиза пришла въ Москву съ ландышами. Молодой, хорошо одѣтый человѣкъ, пріятнаго вида, встрѣтился ей на улицѣ. Она показала ему цвѣты—и закраснѣлась. «Ты продаешь ихъ, дѣвушка?» спросилъ онъ съ улыбкою.—Продаю, отвѣчала она. «А что тебѣ надобно?»—Пять копѣекъ. «Это слишкомъ дешево. Вотъ тебѣ рубль.» Лиза удивилась, осмѣлилась взглянуть на молодаго человѣка,—еще болѣе закраснѣлась, и потупивъ глаза въ землю, сказала ему, что она не возметъ рубля. «Для чего-же?»—«Мнѣ не надобно лишняго.» Я думаю, что прекрасные ландыши, сорванные руками прекрасной дѣвушки, стоятъ рубля. Когда же ты не берешь его, вотъ тебѣ пять копѣекъ. Я хотѣлъ бы всегда покупать у тебя цвѣты; хотѣлъ бы, чтобъ ты рвала ихъ только для меня. «Лиза отдала цвѣты, взяла пять копѣекъ, поклонилась и хотѣла итти; но незнакомецъ остановилъ ее за руку.» Куда же ты пойдешь, дѣвушка?—*Домой.* «А гдѣ домъ твой?» Лиза сказала, гдѣ она живетъ; сказала и пошла. Молодой человѣкъ не хотѣлъ удерживать ее, можетъ быть для того, что мимоходящіе начали останавливаться, и смотря на нихъ, коварно усмѣхались.

Лиза, пришедши домой, разсказала матери, что съ нею случилось. «Ты хорошо сдѣлала, что не взяла рубля. Можетъ быть это былъ какой нибудь дурной человѣкъ».... *Ахъ нѣтъ, матушка! я этого не думаю. У него такое доброе сердце, такой голосъ....* «Однакожъ, Лиза, лучше кормиться трудами своими, и ничего не брать даромъ. Ты еще не знаешь, другъ мой, какъ злые люди могутъ обидѣть бѣдную дѣвушку! У меня всегда сердце бываетъ не на своемъ мѣстѣ, когда ты ходишь въ городъ; я всегда ставлю свѣчу передъ образомъ, и молю Господа Бога, чтобы Онъ сохранилъ тебя отъ всякой бѣды и напасти.»—У Лизы навернулись на глазахъ слезы; она поцѣловала мать свою.

На другой день нарвала Лиза самыхъ лучшихъ ландышей и пошла съ ними въ городъ, но молодаго человѣка не видала. На третій день онъ самъ пришелъ въ хижину, познакомился со старушкой и умѣлъ угодить ей своими ласками и вниманіемъ. Молодые люди полюбили другъ друга. Лиза была спокойна и счастлива. Но мало по малу молодой человѣкъ (котораго звали Эрастомъ), какъ человѣкъ избалованный, сталъ скучать обществомъ простодушной крестьянки, приходилъ рѣже и оправдывался разными препятствіями. Наконецъ онъ объявилъ ей, что долженъ ѣхать въ полкъ. Это извѣстіе нанесло Лизѣ чувствительный ударъ: она лишилась чувствъ и памяти.

Она пришла въ себя—и свѣтъ показался ей унылъ и печаленъ. Всѣ пріятности натуры сокрылись для нее вмѣстѣ съ любезнымъ ея сердцу.» Ахъ! (думала она) для чего я осталась въ этой пустынѣ? Что удерживаетъ меня летѣть въ слѣдъ за милымъ Эрастомъ? Война не страшна для меня; страшно тамъ, гдѣ нѣтъ моего друга. Съ нимъ жить, съ нимъ умереть хочу, или смертію своею спасти его драгоцѣнную жизнь. Постой, постой, любезный! я лечу къ тебѣ!»—Уже хотѣла она бѣжать за Эрастомъ; но мысль: *у меня есть мать*! остановила ее. Лиза вздохнула, и преклонивъ голову, тихими шагами пошла къ своей хижинѣ.—Съ сего часа дни ея были днями тоски и горести, которую надлежало скрывать отъ нѣжной матери: тѣмъ болѣе страдало сердце ея! Тогда только облегчалось оно, когда Лиза, уединясь въ густоту лѣса, могла свободно проливать слезы и стенать о разлукѣ съ милымъ. Часто печальная горлица соединяла жалобный голосъ свой съ ея стенаніемъ. Но иногда — хотя весьма рѣдко—златой лучъ надежды, лучъ утѣшенія, освѣщалъ мракъ ея скорби. *Когда онъ возвратится ко мнѣ, какъ я буду щастлива! какъ все перемѣнится!* Отъ сей мысли прояснился взоръ ея, розы на щекахъ освѣжались, и Лиза улыбалась, какъ майское утро послѣ бурной ночи.—Такимъ образомъ прошло около двухъ мѣсяцовъ.

Въ одинъ день Лиза должна была итти въ Москву, за тѣмъ, чтобы купить розовой воды, которую мать ея лечила глаза свои. На одной изъ большихъ улицъ встрѣтилась ей великолѣпная карета, и въ сей каретѣ увидѣла она— Эраста. Ахъ! закричала Лиза, и бросилась къ нему; но карета проѣхала мимо и поворотила на дворъ. Эрастъ вышелъ, и хотѣлъ уже идти на крыльцо огромнаго дома, какъ вдругъ почувствовалъ себя въ Лизиныхъ объятіяхъ. Онъ поблѣднѣлъ—потомъ, не отвѣчая ни слова на ея восклицанія, взялъ ее за руку, привелъ въ свой кабинетъ, заперъ дверь, и сказалъ ей: *Лиза*! *обстоятельства перемѣнились; я помолвилъ жениться*; *ты должна оставить меня въ покоѣ*, *и для собственнаго своего спокойствія забыть меня. Я любилъ тебя*, *и теперь люблю*, *то есть*, *желаю тебѣ всякаго добра. Вотъ сто рублей—возьми ихъ* (онъ положилъ ей деньги въ карманъ)*—позволь мнѣ поцѣловать тебя въ послѣдній разъ—и поди домой.*—Прежде нежели Лиза могла опомниться, онъ вывелъ ее изъ кабинета и сказалъ слугѣ: *проводи эту дѣвушку со двора.*

Сердце мое обливается кровію въ сію минуту. Я забываю человѣка въ Эрастѣ—готовъ проклинать его—но языкъ мой не движется—смотрю на небо, и слеза катится по лицу моему. Ахъ! для чего пишу не романъ, а печальную быль?

И такъ Эрастъ обманулъ Лизу, сказавъ ей, что онъ ѣдетъ въ армію?— Нѣтъ, онъ въ самомъ дѣлѣ былъ въ арміи; но вмѣсто того, чтобы сражаться съ непріятелемъ, игралъ въ карты и проигралъ почти все свое имѣніе. Скоро заключили миръ, и Эрастъ возвратился въ Москву отягченный долгами. Ему оставался одинъ способъ поправить свои обстоятельства—жениться на пожилой, богатой вдовѣ, которая давно была влюблена въ него. Онъ рѣшился на то, и переѣхалъ жить къ ней въ домъ, посвятивъ искренній вздохъ Лизѣ своей. Но все сіе можетъ ли оправдать его?

Лиза очутилась на улицѣ, и въ такомъ положеніи, котораго никакое перо описать не можетъ. *Онъ, онъ выгналъ меня? Онъ любитъ другую? Я погибла*! вотъ ея мысли, ея чувства! Жестокой обморокъ перервалъ ихъ на время. Одна добрая женщина, которая шла по улицѣ, остановилась надъ Лизою, лежавшею на землѣ, и старалась привести ее въ память. Несчастная открыла глаза, встала съ помощію сей доброй женщины,—благодарила ее и пошла, сама не зная, куда. «Мнѣ нельзя жить (думала Лиза), нельзя?... О, естьли бы упало на меня небо! Есть ли бы земля поглотила бѣдную..» Нѣтъ! небо не падаетъ; земля не колеблется! Горя мнѣ!»—Она вышла изъ города и вдругъ увидѣла себя на берегу глубокаго пруда, подъ тѣнію древнихъ дубовъ, которые за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ были безмолвными свидѣтелями ея восторговъ. Сіе воспоминаніе потрясло ея душу; страшнѣйшее сердечное мученіе изобразилось на лицѣ ея. Но черезъ нѣсколько минутъ погрузилась она въ нѣкоторую задумчивость—осмотрѣла вокругъ себя, увидѣла дочь своего сосѣда (пятнадцатилѣтнюю дѣвушку), идущую по дорогѣ — кликнула ее, вынула изъ кармана десять имперіаловъ, и, подавая ей, сказала: «любезная Анюта, любез-
«ная подружка! отнеси эти деньги къ
«матушкѣ—онѣ не краденыя—скажи ей,
«что Лиза противъ нее виновата; что
«я таила отъ нее любовь свою къ од-
ному жестокому человѣку,—къ Э... На
что знать его имя? — Скажи, что онъ
«измѣнилъ мнѣ—попроси, чтобы она ме-
«ня простила—Богъ будетъ ея помощ-
«никомъ — поцѣлуй у нее руку, такъ
«какъ я теперь твою цѣлую — скажи,
«что бѣдная Лиза велѣла поцѣловать
«ее — скажи, что я...» Тутъ она бросилась въ воду. Анюта закричала, заплакала, но не могла спасти ее; побѣжала въ деревню—собрались люди, и вытащили Лизу; но она была уже мертвая.

Такимъ образомъ скончала жизнь свою прекрасная душею и тѣломъ. Когда мы *тамъ*, въ новой жизни, увидимся, я узнаю тебя, нѣжная Лиза!

Ее погребли, близъ пруда, подъ мрачнымъ дубомъ, и поставили деревянный крестъ на ея могилѣ. Тутъ часто сижу въ задумчивости, опершись на вмѣстилище Лизина праха; въ глазахъ моихъ струится прудъ; надо мною шумятъ листья.

Лизина мать услышала о страшной смерти дочери своей, и кровь ея отъ ужаса охладѣла—глаза на вѣкъ закрылись.—Хижина опустѣла. Въ ней воетъ вѣтеръ, и суевѣрные поселяне, слыша по ночамъ сей шумъ, говорятъ: *тамъ стонетъ мертвецъ; тамъ стонетъ бѣдная Лиза*!

Эрастъ былъ до конца жизни своей нещастливъ, узнавъ о судьбѣ Лизиной; онъ не могъ утѣшиться, и почиталъ себя убійцею. Я познакомился съ нимъ за годъ до его смерти. Онъ самъ разсказалъ мнѣ сію исторію и привелъ меня къ Лизиной могилѣ.—Теперь, можетъ быть, они уже примирились!

Что нужно автору?

Говорятъ, что Автору нужны таланты и знанія: острой, проницательной разумъ, живое воображеніе, и проч. Справедливо: но сего не довольно. Ему надобно имѣть и доброе, нѣжное сердце, если онъ хочетъ быть другомъ и любимцемъ души нашей; если хочетъ, чтобы дарованія его сіяли свѣтомъ немерцающимъ; если хочетъ писать для вѣчности и собирать благословеніе народовъ. Творецъ всегда изображается въ твореніи, и часто противъ воли своей. Тщетно думаетъ лицемѣръ обмануть читателей, и подъ златою одеждою пышныхъ словъ сокрыть желѣзное сердце; тщетно говоритъ намъ о милосердіи, сострадании, добродѣтели! Всѣ восклицанія его холодны, безъ души, безъ жизни; и никогда питательное, эѳирное пламя не польется изъ его творенія въ нѣжную душу читателя.

Естьли бы Небо надѣлило какого нибудь изверга великими дарованіями славнаго Аруэта (*), то, вмѣсто прекрасной Заиры, написалъ бы онъ—каррикатуру Заиры. Чистѣйшій, цѣлебный Нектаръ въ нечистомъ сосудѣ дѣлается противнымъ, ядовитымъ питіемъ.

Когда ты хочешь писать портретъ свой, то посмотрись прежде въ вѣрное зеркало: можетъ ли быть лице твое предметомъ искусства, которое должно заниматься однимъ *изящнымъ*, изображать красоту, гармонію, и распространять *въ области чувствительнаго* пріятныя впечатлѣнія? Естьли творческая натура произвела тебя въ часъ небреженія, или въ минуту раздора своего съ красотою, то будь благоразуменъ, не безобразь художниковой кисти — оставь свое намѣреніе. Ты берешься за перо, и хочешь быть Авторомъ: спроси же у самого себя, наединѣ, безъ свидѣтелей, искренно: *каковъ я*? ибо ты хочешь писать портретъ души и сердца своего.

Уже ли думаете вы, что Гесперъ могъ бы столь прелестно изображать невинность и добродушіе пастуховъ и пастушекъ, естьли бы сіи любезныя черты были чужды собственному его сердцу?

Ты хочеть быть Авторомъ: читай исторію несчастій рода человѣческаго — и есть ли сердце твое не обольется кровью, оставь перо,—или оно изобразитъ намъ хладную мрачность души твоей.

Но естьли всему горестному, всему угнетенному, всему слезящему открытъ путь въ чувствительную грудь твою; естьли душа твоя можетъ возвыситься до *страсти къ добру*, можетъ питать въ себѣ святое, никакими сферами неограниченное *желаніе всеобщаго блага*: тогда смѣло призывай Богинь Парнас-

(*) Защитникъ и покровитель невинныхъ, благодѣтель Каласовой фамиліи, благодѣтель всѣхъ Ферпейскихъ жителей, имѣлъ конечно не дурное сердце.

сихъ— онѣ пройдутъ мимо великолѣпныхъ чертоговъ, и посѣтятъ твою смиренную хижину — ты не будешь безполезнымъ Писателемъ—и никто изъ добрыхъ не взглянетъ сухими глазами на твою могилу.

Слогъ, фигуры, метафоры, образы, выраженія — все сіе трогаетъ и плѣняетъ тогда, когда одушевляется чувствомъ; если не оно разгорячаетъ воображеніе писателя, то никогда слеза моя, никогда улыбка моя не будетъ его наградою.

Отъ чего Жанъ-Жакъ-Руссо нравится намъ со всѣми своими слабостями и заблужденіями? Отъ чего мы любимъ читать его и тогда, когда онъ мечтаетъ или запутывается въ противорѣчіяхъ?— Отъ того, что въ самыхъ его заблужденіяхъ сверкаютъ искры страстнаго человѣколюбія; отъ того, что самыя слабости его показываютъ нѣкоторое милое добродушіе.

Напротивъ того многіе другіе Авторы, не смотря на свою ученость и знанія, возмущаютъ духъ мой и тогда, когда говорятъ истину:—ибо сія истина мертва въ устахъ ихъ; ибо сія истина изливается не изъ добродѣтельнаго сердца; ибо дыханіе любви не согрѣваетъ ее.

Однимъ словомъ: я увѣренъ, что дурной человѣкъ не можетъ быть хорошимъ Авторомъ.

Отъ чего въ Россіи мало авторскихъ талантовъ?

Естьли мы предложимъ сей вопросъ иностранцу, особливо Французу, то онъ не задумавшись будетъ отвѣчать: «отъ холоднаго климата.» Со временъ Монтескьё всѣ феномены умственнаго, политическаго и моральнаго міра изъясняются климатомъ. Ah mon cher Monsieur, n'avez-vous pas le nez gelé? сказалъ Дидеротъ въ Петербургѣ одному земляку своему, который жаловался, что въ Россіи не чувствуютъ великаго ума его, и который въ самомъ дѣлѣ за нѣсколько дней передъ тѣмъ ознобилъ себѣ носъ.

Но Москва не Камчатка, не Лапландія; здѣсь солнце также лучезарно, какъ и въ другихъ земляхъ; также есть весна и лѣто, цвѣты и зелень. Правда, что у насъ холодъ продолжительнѣе; но можетъ ли дѣйствіе его на человѣка, столь умѣренное въ Россіи придуманными способами защиты, вредить дарованіямъ? И вопросъ кажется смѣшнымъ! Скорѣе жаръ, разслабляя нервы (сей непосредственный органъ души) уменьшитъ ту силу мыслей и воображенія, которая составляетъ талантъ. Давно извѣстно медикамъ-наблюдателямъ, что жители Сѣвера долговѣчнѣе жителей Юга: климатъ, благопріятный для физическаго сложенія, безъ сомнѣнія гибеленъ и для дѣйствій души, которая въ здѣшнемъ мірѣ столь тѣсно соединена съ тѣломъ.— Есть ли бы жаркій климатъ производилъ таланты ума, то въ Архипелагѣ всегда бы курился чистый ѳиміамъ Музамъ, а въ Италіи пѣли Виргиліи и Тассы; но въ Архипелагѣ курятъ... табакъ, а въ Италіи поютъ... Кастраты.

У насъ конечно менѣе авторскихъ талантовъ, нежели у другихъ Европейскихъ народовъ; но мы имѣли, имѣемъ ихъ, и слѣдственно Природа не осудила насъ удивляться имъ только въ чужихъ земляхъ. Не въ климатѣ, но въ обстоятельствахъ гражданской жизни Россіянъ надобно искать отвѣта на вопросъ: «для чего у насъ рѣдки хорошіе Писатели?»

Хотя талантъ есть вдохновеніе природы, однакожъ ему должно развиться ученьемъ и созрѣть въ постоянныхъ упражненіяхъ. Автору надобно имѣть нетолько собственно такъ называемое дарованіе — то есть, какую-то особенную дѣятельность душевныхъ способностей— но и многія историческія свѣденія, умъ образованный Логикою, тонкой вкусъ и знаніе свѣта. Сколько времени потребно единственно на то, чтобы совершенно овладѣть духомъ языка своего? Вольтеръ сказалъ справедливо, что въ шесть лѣтъ можно выучиться всѣмъ главнымъ языкамъ, но что во всю жизнь надобно учиться своему природному. Намъ Рус-

скимъ еще болѣе труда, чѣмъ другимъ. Французъ, прочитавъ Монтаня, Паскаля, 5 или 6 Авторовъ вѣка Людовика XIV, Вольтера, Руссо, Томаса, Мармонтеля, можетъ совершенно узнать языкъ свой во всѣхъ формахъ; но мы, прочитавъ множество церковныхъ и свѣтскихъ книгъ, соберемъ только матеріальное или словесное богатство языка, которое ожидаетъ души и красокъ отъ художника. Истинныхъ Писателей было у насъ еще такъ мало, что они не успѣли дать намъ образцевъ во многихъ родахъ; не успѣли обогатить словъ тонкими идеями; не показали, какъ надобно выражать пріятно нѣкоторыя, даже обыкновенныя мысли. Русской *Кандидатъ авторства*, недовольный книгами, долженъ закрыть ихъ и слушать вокругъ себя разговоры, чтобы совершеннѣе узнать языкъ. Тутъ новая бѣда: въ лучшихъ домахъ у насъ говорятъ болѣе по-французски! Милыя женщины, которыхъ надлежало бы только подслушать, чтобы украсить романъ или комедію любезными, счастливыми выраженіями, плѣняютъ насъ не Русскими фразами. Что жъ остается дѣлать Автору? выдумывать, сочинять выраженія; угадывать лучшій выборъ словъ; давать старымъ нѣкоторый новый смыслъ, предлагать ихъ въ новой связи, но столь искусно, чтобы обмануть читателей и скрыть отъ нихъ необыкновенность выраженія! Мудрено ли, что сочинители нѣкоторыхъ Русскихъ комедій и романовъ не побѣдили столь великой трудности, и что свѣтскія женщины не имѣютъ терпѣнія слушать или читать ихъ, находя, что такъ не говорятъ люди со вкусомъ? Естьли спросите у нихъ: какъ же говорить должно? то всякая изъ нихъ отвѣчаетъ: «не знаю; но это грубо, несносно!» — Однимъ словомъ, Французскій языкъ весь въ книгахъ (со всѣми красками и тѣнями, какъ въ живописныхъ картинахъ), а Русскій только отчасти; Французы пишутъ, какъ говорятъ, а Русскіе обо многихъ предметахъ должны еще говорить такъ, какъ напишетъ человѣкъ съ талантомъ.

Бюффонъ страннымъ образомъ изъясняетъ свойство великаго таланта или Генія, говоря, что онъ есть *терпѣніе въ превосходной степени*. Но естьли хорошенько подумаемъ, то едва ли не согласимся съ нимъ; по крайней мѣрѣ безъ рѣдкаго терпѣнія Геній не можетъ возсіять во всей своей лучезарности. *Работа есть условіе искусства;* охота и возможность преодолѣвать трудности есть характеръ таланта. Бюффонъ и Ж. Ж. Руссо плѣняютъ насъ сильнымъ и живописнымъ слогомъ: мы знаемъ отъ нихъ самихъ, чего имъ стоила пальма краснорѣчія!

Теперь спрашиваю: кому у насъ сражаться съ великою трудностію быть хорошимъ Авторомъ, есть ли и самое счастливѣйшее дарованіе имѣетъ на себѣ жестокую кору, стираемую единственно постоянною работою? Кому у насъ десять, двадцать лѣтъ рыться въ книгахъ, быть наблюдателемъ, всегдашнимъ ученикомъ, писать и бросать въ огонь написанное, чтобы изъ пепла родилось что нибудь лучшее? Въ Россіи болѣе другихъ учатся дворяне; но долго ли? до пятнадцати лѣтъ: тутъ время итти въ службу, время искать чиновъ, сего вѣрнѣйшаго способа быть предметомъ уваженія. Мы начинаемъ только любить чтеніе; имя хорошаго автора еще не имѣетъ у насъ такой цѣны, какъ въ другихъ земляхъ; надобно при случаѣ объявить другое право на улыбку вѣжливости и ласки. Къ тому же исканіе чиновъ не мѣшаетъ баламъ, ужинамъ, праздникамъ; а жизнь Авторская любитъ частое уединеніе.—Молодые люди средняго состоянія, которые учатся, также *спѣшатъ* выйти изъ школы или Университета, чтобы въ гражданской или военной службѣ получать награду за ихъ успѣхи въ наукахъ; а тѣ немногіе, которые остаются въ ученомъ состояніи, рѣдко имѣютъ случай узнать свѣтъ— безъ чего трудно Писателю образовать вкусъ свой, какъ бы онъ ученъ ни былъ. Всѣ Французскіе Писатели, служащіе образцемъ тонкости и пріятности въ

слогѣ, *переправляли*, такъ сказать, школьную свою Реторику въ свѣтѣ, наблюдая, что ему нравится, и почему? Правда, что онъ, будучи школою для Авторовъ, можетъ быть и гробомъ дарованія: даетъ вкусъ, но отнимаетъ трудолюбіе, необходимое для великихъ и надежныхъ успѣховъ. Счастливъ, кто, слушая Сиренъ, перенимаетъ ихъ волшебныя мелодіи, но можетъ удалиться, когда захочетъ! Иначе мы останемся при однихъ куплетахъ и мадригалахъ. Надобно заглядывать въ общество—непремѣнно, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыя лѣта—но жить въ кабинетѣ.

Со временемъ, конечно, будетъ болѣе хорошихъ Авторовъ въ Россіи—тогда, какъ увидимъ между свѣтскими людьми болѣе ученыхъ, или между учеными болѣе свѣтскихъ людей. Теперь талантъ образуется у насъ случайно. Натура и характеръ противятся иногда силѣ обстоятельствъ и ставятъ человѣка на путь, котораго бы не надлежало ему избирать по расчетамъ обыкновенной пользы, или отъ котораго судьба удаляла его: такъ Ломоносовъ родился крестьяниномъ и сдѣлался славнымъ Поэтомъ. Склонность къ Литтературѣ, къ наукамъ, къ искусствамъ, есть безъ сомнѣнія природная, ибо всегда рано открывается, прежде нежели умъ можетъ соединять съ нею виды корысти. Сей младенецъ, который на всѣхъ стѣнахъ чертитъ углемъ головы, еще не думаетъ о томъ, что живописное искусство доставляетъ человѣку выгоды въ жизни. Другой, услышавъ въ первый разъ стихи, бросаетъ игрушку, и хочетъ говорить рифмами. Какой хорошій Авторъ въ дѣтствѣ своемъ не сочинялъ уже сатиръ, пѣсенъ, романовъ? Но обстоятельства не всегда уступаютъ природѣ; естьли они не благопріятствуютъ ей, то ея дарованія по большей части гаснутъ. Чему быть трудно, то бываетъ рѣдко—однакожъ бываетъ—и чувствительное сердце, живость мыслей, дѣятельность воображенія, вопреки другимъ явнѣйшимъ или ближайшимъ выгодамъ, привязываютъ иногда человѣка къ тихому кабинету, и заставляютъ его находить неизъяснимую прелесть въ трудахъ ума, въ развитіи понятій, въ живописи чувствъ, въ украшеніи языка. Онъ думаетъ—желая дать цѣну своимъ упражненіямъ для самого себя—думаетъ, говорю, что трудъ его не безполезенъ для отечества, что Авторы помогаютъ согражданамъ *лучше мыслить и говорить*; что всѣ великіе народы любили и любятъ таланты; что Греки, Римляне, Французы, Англичане, Нѣмцы, не славились бы своимъ умомъ, если бы они не славились талантами; что достоинство народа оскорбляется безсмысліемъ и косноязычіемъ дурныхъ Писателей; что варварскій вкусъ ихъ есть сатира на вкусъ народа; что образцы благороднаго Русскаго краснорѣчія едва ли не полезнѣе самыхъ классовъ Латинской элоквенціи, гдѣ толкуютъ Цицерона и Виргилія; что оно, избирая для себя патріотическіе и моральные предметы, можетъ благотворить нравамъ и питать любовь къ отечеству.—Другіе могутъ иначе думать о Литтературѣ: мы не хотимъ теперь спорить съ ними.

Мысли объ уединеніи.

Нѣкоторыя слова имѣютъ особенную красоту для чувствительнаго сердца, представляя ему идеи меланхолическія и нѣжныя. Имя уединенія принадлежитъ къ симъ магическимъ словамъ. Назовите его—и чувствительный воображаетъ пустыню, густыя сѣни деревъ, томное журчаніе свѣтлаго ручья, на берегу котораго сидитъ глубокая задумчивость своими горестными и сладкими воспоминаніями!

Но участь нѣжныхъ сердецъ есть обманываться! Какъ въ любви и въ дружбѣ рѣдко находятъ они исполненіе надеждъ своихъ, такъ и самое уединеніе не отвѣтствуетъ ихъ ожиданіямъ; цвѣты его благоухаютъ въ воображеніи,

и вянутъ въ грубомъ элементѣ существенности.

Быть счастливымъ или довольнымъ въ *совершенномъ* уединеніи можно только съ неистощимымъ богатствомъ внутреннихъ наслажденій и въ отсутствіи всѣхъ потребностей, которыхъ удовлетвореніе внѣ насъ; а человѣкъ отъ первой до послѣдней минуты бытія есть существо зависимое. Сердце его образовано чувствовать съ другими и наслаждаться ихъ наслажденіемъ. Отдѣляясь отъ свѣта, оно изсыхаетъ подобно растенію, лишенному животворныхъ вліяній солнца.

Чувствительный воображаетъ благопріятнымъ для уединенія то время, когда человѣкъ, сто разъ обманутый въ своихъ милыхъ надеждахъ, перестаетъ наконецъ желать и надѣяться: тогда уединеніе кажется единственною отрадою его; единственнымъ вѣрнымъ пристанищемъ на океанѣ безпокойной жизни; тамъ въ тишинѣ и маркѣ лѣсовъ, онъ будетъ жить и чувствовать съ одною природою; тамъ, съ горестію воспоминая жестокую холодность людей, онъ утѣшится мыслію, что сердце его не подобно ихъ сердцу; тамъ, вдыхая въ себя свѣжій воздухъ пустыни, добродушный Мизантропъ скажетъ: *онъ не ядовитъ: въ немъ нѣтъ дыханія пороковъ!*

Сладкая меланхолическая мысль, Поэзія воображенія, и ничего болѣе! Нѣтъ, оскорбленная чувствительность не найдетъ себѣ утѣшителя въ пустынѣ. Жизнь сердца есть любовь, желаніе, надежда, которыхъ предметъ бываетъ только въ свѣтѣ. Природа нѣма для холоднаго равнодушія. Ея картины и феномены безъ отношеній къ міру нравственному не имѣютъ никакой живой прелести. Можемъ ли плѣняться торжественнымъ восходомъ солнца или кроткимъ свѣтиломъ ночи, или пѣснію соловья, когда солнце не освѣщаетъ для насъ ничего милаго; когда мы не питаемъ въ себѣ нѣжности подъ нѣжнымъ вліяніемъ луны; когда въ пѣсняхъ Филомелы не слышимъ голоса любви?

Забвеніе свѣта, о которомъ такъ часто говорятъ Мизантропы, есть только одно слово безъ всякаго истиннаго значенія. Какая мысль останется въ душѣ, естьли она забудетъ свѣтъ? а воспоминая его, скоро начнемъ жалѣть объ немъ: ибо воспоминаніе есть самое льстивое зеркало: оно украшаетъ предметы. Такъ все, что давно миновалось отъ времени, кажется намъ любезнѣе. Случаи жизни въ памяти нашей теряютъ примѣсь неудовольствій, подобно какъ металлъ теряетъ примѣсь нечистоты въ горнилѣ—и добродушный пустынникъ или возвратится въ свѣтъ, или за упрямство будетъ наказанъ вѣчнымъ сожалѣніемъ.

Нѣтъ, нѣтъ! человѣкъ не созданъ для всегдашняго уединенія, и не можетъ передѣлать себя. Люди оскорбляютъ, люди должны и утѣшать его. Ядъ въ свѣтѣ, антидотъ тамъ же.

Одинъ уязвляетъ ядовитою стрѣлою, другой вынимаетъ ее изъ сердца, и льетъ цѣлительный бальзамъ на рану.

Но *временное* уединеніе бываетъ сладостно и даже необходимо для умовъ дѣятельныхъ, образованныхъ для глубокомысленныхъ созерцаній. Въ сокровенныхъ убѣжищахъ натуры душа дѣйствуетъ сильнѣе и величественнѣе; мысли возвышаются и текутъ быстрѣе; разумъ въ отсутствіи предметовъ лучше цѣнитъ ихъ; и какъ живописецъ изъ отдаленія смотритъ на ландшафтъ, который должно ему изобразить кистію, такъ наблюдатель удаляется иногда отъ свѣта, чтобы тѣмъ вѣрнѣе и живѣе представить его въ картинѣ. Жанъ-Жакъ-Руссо оставилъ городъ, чтобы въ густыхъ тѣняхъ Парка размышлять объ измѣненіяхъ человѣка въ гражданской жизни, и слогъ его въ семъ твореніи имѣетъ свѣжесть Природы.

Временное уединеніе есть также необходимость для чувствительности. Какъ скупецъ въ тишинѣ ночи радуется своимъ золотомъ, такъ нѣжная душа, бу-

души одна съ собою, плѣняется созерцаніемъ внутренняго своего богатства; углубляется въ самое себя; оживляетъ прошедшее, соединяетъ его съ настоящимъ, и находитъ способъ украшать одно другимъ. — Какой любовникъ не спѣшилъ иногда отъ самой любовницы своей въ уединеніе, чтобы, насладившись блаженствомъ, въ кроткомъ покоѣ души насладиться его воспоминаніемъ, и на свободѣ говорить съ сердцемъ о той, которую оно обожаетъ? По крайней мѣрѣ чувствительныя женщины должны иногда отсылать любовниковъ на уединеніе, которое своими размышленіями и мечтами питаетъ страсти.

Дидеротъ, всегда пылкой, но не всегда основательный, сказалъ, что одинъ злой человѣкъ любитъ удаляться отъ людей — сказалъ для того, что хотѣлъ оскорбить Жанъ-Жака. Нѣтъ, уединеніе есть худой товарищъ для нечистой совѣсти, и злыя мысли никогда не произведутъ той сладостной задумчивости, которая есть прелесть уединенія. Чтобы пріятно бесѣдовать съ собою, надобно быть добрымъ; надобно имѣть любезную ясность души, которая не совмѣстна съ ядовитою злобою.

Всѣмъ рожденнымъ съ нѣкоторою особенною живостію воображенія, всѣмъ *эпикурейцамъ чувствительности*, совѣтую иногда вдругъ изъ шумнаго многолюдства переходить въ глубокую тишину уединенія, которое производитъ тогда неизъяснимое въ насъ дѣйствіе. Напримѣръ, кто, оставляя великолѣпный балъ, гдѣ, по словамъ Делиля, *блистаютъ красотой, одеждою, умомъ*, въѣзжаетъ за городъ и входитъ одинъ въ ночной мракъ лѣса, тотъ чувствуетъ въ себѣ какую-то новую, тайную силу души, никогда не возбуждаемую свѣтомъ и его сценами. Такія противоположности разительны, и могутъ быть источникомъ живыхъ удовольствій. «Величественный шумъ деревъ, качаемыхъ «вѣтромъ надъ моею головою (говоритъ одинъ писатель) есть мистическій языкъ натуры, который бываетъ для меня священнѣе послѣ городскаго шума.»

Скажемъ наконецъ, что уединеніе подобно тѣмъ людямъ съ которыми хорошо и пріятно видѣться изрѣдка, но съ которыми жить всегда тягостно уму и сердцу!

Исторія Государства Россійскаго.

Томъ XI.

ГЛАВА II.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ЦАРСТВОВАНІЯ БОРИСОВА.

1600—1605 г.

Достигнувъ цѣли, возникнувъ изъ ничтожности рабской до высоты самодержца, усиліями неутомимыми, хитростію неусыпною, коварствомъ, происками, злодѣйствомъ, наслаждался ли Годуновъ въ полной мѣрѣ своимъ величіемъ, коего искала душа его — величіемъ купленнымъ столь дорогою цѣною? Наслаждался ли и чистѣйшимъ удовольствіемъ души, благотворя подданнымъ, и тѣмъ заслуживая любовь отечества? По крайней мѣрѣ не долго.

Первые два года сего царствованія казались лучшимъ временемъ Россіи съ XV вѣка или съ ея возстановленія: она была на высшей степени своего новаго могущества, безопасная собственными силами и счастіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, а внутри управляемая съ мудрою твердостію и съ кротостію необыкновенною. Борисъ исполнялъ обѣтъ царскаго вѣнчанія, и справедливо хотѣлъ именоваться отцемъ народа, уменьшивъ его тягости; отцемъ сирыхъ и бѣдныхъ, изливая на нихъ щедроты безпримѣрныя; другомъ человѣчества, не касаясь жизни людей, не обагряя земли Русской ни каплею крови, и наказывая преступниковъ только ссылкою. Купечество, менѣе стѣсняемое въ торговлѣ; войско, въ мирной тишинѣ осыпаемое наградами; дворяне, приказные люди,

знаками милости отличаемые за ревностную службу; синклитъ, уважаемый царемъ дѣятельнымъ и совѣтолюбивымъ, духовенство, честимое царемъ набожнымъ — однимъ словомъ, всѣ государственныя состоянія могли быть довольны за себя и еще довольнѣе за отечество, видя, какъ Борисъ въ Европѣ и въ Азіи возвеличилъ имя Россіи безъ кровопролитія и безъ тягостнаго напряженія силъ ея; какъ радѣетъ о благѣ общемъ, правосудіи, устройствѣ. Итакъ не удивительно, что Россія, по сказанію современниковъ, *любила* своего вѣнценосца, желая забыть убіеніе Димитрія, или сомнѣваясь въ ономъ!

Но вѣнценосецъ зналъ свою тайну, и не имѣлъ утѣшенія вѣрить любви народной; благотворя Россіи, скоро началъ удаляться отъ Россіянъ; отмѣнилъ уставъ временъ древнихъ: не хотѣлъ, въ извѣстные дни и часы, выходить къ народу, выслушивать его жалобы и собственными руками принимать челобитныя; являлся рѣдко и только въ пышности недоступной. Но убѣгая людей— какъ бы для того, чтобы лицемъ монарха не напомнить имъ лица бывшаго раба Іоаннова—онъ хотѣлъ невидимо присутствовать въ ихъ жилищахъ или въ мысляхъ, и недовольный обыкновенною молитвою въ храмахъ о государѣ и государствѣ, велѣлъ искуснымъ книжникамъ составить особенную для чтенія во всей Россіи, во всѣхъ домахъ, *на трапезахъ*, *вечеряхъ*, *за чашами*, о душевномъ спасеніи и тѣлесномъ здравіи «слуги Божія, царя Всевышнимъ избраннаго и превознесеннаго, Самодержца всей Восточной страны и Сѣверной; о царицѣ и дѣтяхъ ихъ; о благоденствіи и тишинѣ отечества и церкви подъ скипетромъ единаго христіанскаго Вѣнценосца въ мірѣ, чтобы всѣ иные властители предъ нимъ уклонялись и *рабски служили ему*, величая имя его отъ моря до моря и до конца вселенныя; чтобы Россіяне всегда съ умиленіемъ славили Бога за такого монарха, коего умъ есть пучина мудрости, а сердце исполнено любви и долготерпѣнія; чтобы всѣ земли трепетали меча нашего, а земля Русская непрестанно высилась и расширялась; чтобы юныя, цвѣтущія вѣтви Борисова дому возрасли благословеніемъ небеснымъ и непрерывно осѣнили оную до скончанія вѣковъ!» То есть, святое дѣйствіе души человѣческой, ея таинственное сношеніе съ Небомъ, Борисъ дерзнулъ осквернить своимъ тщеславіемъ и лицемѣріемъ, заставивъ народъ свидѣтельствовать предъ Окомъ Всевидящимъ о добродѣтеляхъ убійцы, губителя и хищника!.... Но Годуновъ, какъ бы не страшась Бога, тѣмъ болѣе страшился людей, и еще до ударовъ судьбы, до измѣнъ счастія и подданныхъ, еще спокойный на престолѣ, искренно славимый, искренно любимый, уже не зналъ мира душевнаго, уже чувствовалъ, что если путемъ беззаконія можно достигнуть величія, то величіе и блаженство, самое земное, не одно знаменуютъ.

Сіе внутреннее безпокойство души, неизбѣжное для преступника, обнаружилось въ царѣ несчастными дѣйствіями подозрѣнія, которое, тревожа его, скоро встревожило и Россію. Мы видѣли, что онъ, касаясь рукою вѣнца Мономахова, уже мечталъ о тайныхъ ковахъ противъ себя, ядѣ, чародѣйствѣ: ибо естественно думалъ, что и другіе, подобно ему, могли имѣть жажду къ верховной власти, лицемѣріе и дерзость. Нескромно открывъ боязнь свою, и взявъ съ Россіянъ клятву постыдную, Борисъ столь же естественно не довѣрялъ ей: хотѣлъ быть на стражѣ неусыпной, все видѣть и слышать, чтобы предупредить злые умыслы; возстановилъ для того бѣдственную Іоаннову систему доносовъ и ввѣрилъ судьбу гражданъ, дворянства, вельможъ сонму гнусныхъ извѣтниковъ.

Первою знаменитою жертвою подозрѣнія и доносовъ былъ тотъ, съ кѣмъ Годуновъ жилъ нѣкогда душа въ душу, кто охотно дѣлилъ съ нимъ милость Іоаннову и страдалъ за него при Ѳеодорѣ — свойственникъ царицы Маріи,

Бѣльскій. Спасенный Годуновымъ отъ злобы народной во время Московскаго мятежа, но оставленный надолго въ честной ссылкѣ, снова призванный ко двору, но безъ всякаго отличія, и въ самое царствованіе Бориса удостоенный только второстепеннаго думнаго сана, сей главный любимецъ Грознаго, считая себя благодѣтелемъ Годунова, могъ быть или казаться недовольнымъ, слѣдственно виновнымъ въ глазахъ царя, имѣя еще и другую, важнѣйшую вину за собою: онъ лучше зналъ иныхъ глубину Борисова сердца! Въ 1600 году царь послалъ его въ дикую степь строить новую крѣпость Борисовъ на берегу Донца Сѣверскаго, безъ сомнѣнія не въ знакъ милости; но Бѣльскій, стыдясь представлять лице уничиженнаго, ѣхалъ въ отдаленныя пустыни какъ на знатнѣйшее воеводство, съ необыкновенною пышностію, съ богатою казною и множествомъ слугъ; велѣлъ заложить городъ своимъ, а не царскимъ людямъ; ежедневно угощалъ стрѣльцевъ и казаковъ, давалъ имъ одежду и деньги, не требуя ничего отъ государя. Слѣдствіемъ было то, что новую крѣпость построили скорѣе и лучше всѣхъ другихъ крѣпостей; что дѣлатели не скучали работою, любя и славя начальника; а царю донесли, что начальникъ, милостію прельстивъ воиновъ, думаетъ объявить себя независимымъ и говоритъ: «Борисъ Царь въ Москвѣ, а я царь въ Борисовѣ»! Сію клевету, основанную, вѣроятно, на тщеславіи и какомъ нибудь неосторожномъ словѣ Бѣльскаго, приняли за истину (ибо Годуновъ желалъ избавиться отъ стариннаго, безпокойнаго друга) — и рѣшили, что онъ достоинъ смерти; но царь, хвалясь милосердіемъ, велѣлъ только взять у него имѣніе, и выщипать ему всю длинную густую бороду, избравъ Шотландскаго хирурга Габріеля для совершенія такой новой казни. Бѣльскій снесъ позоръ и заточенный въ одинъ изъ Низовыхъ городовъ, дожилъ тамъ до случая отмстить неблагодарному хотя въ могилѣ. Умный, опытный въ дѣлахъ государственныхъ, сей преемникъ Малюты Скуратова былъ ненавистенъ Россіянамъ страшными воспоминаніями своихъ дней счастливыхъ, а иноземцамъ своею жестокою къ нимъ непріязнію, которою онъ могъ гнѣвить и Бориса, ихъ ревностнаго покровителя. Мало жалѣли о старомъ, безродномъ временщикѣ; но его опала предшествовала другой, гораздо чувствительнѣйшей для знатныхъ родовъ и для всего отечества.

Память добродѣтельной Анастасіи и свойство Романовыхъ-Юрьевыхъ съ Царскимъ Домомъ Мономаховой крови были для нихъ правомъ на общее уваженіе и самую любовь народа. Бояринъ Никита Романовичъ, достойный сей любви и личными благородными качествами, оставилъ пять сыновей: Θедора, Александра, Михаила, Ивана и Василія, въ послѣдній часъ жизни моливъ Годунова быть имъ вмѣсто отца. Честя ихъ наружно—давъ старшимъ, Θедору и Александру, Боярство, Михаилу санъ Окольничаго, и женивъ своего ближняго, Ивана Ивановича Годунова, на ихъ меньшей сестрѣ, Иринѣ—Борисъ внутренно опасался Романовыхъ, какъ совмѣстниковъ для его юнаго сына: ибо носилась молва, что Θеодоръ, за нѣсколько времени до кончины, мыслилъ объявить старшаго изъ нихъ наслѣдникомъ Государства: молва, вѣроятно, несправедливая; но они, будучи единокровными Анастасіи и двоюродными братьями Θеодора, казались народу ближайшими къ престолу. Сего было достаточно для злобы Борисовой, усиленной насказами родственниковъ Царскихъ; но гоненіе требовало предлога, если не для успокоенія совѣсти, то для мнимой безопасности гонителя, чтобы личиною закона прикрыть злодѣйство, какъ иногда поступалъ Грозный и самъ Борисъ, избавляя себя отъ ненавистныхъ ему людей въ Θеодорово время. Надежнѣйшими извѣтниками считались тогда рабы: желая ободрить ихъ въ семъ предательствѣ, Царь не устыдился явно

наградить одного изъ слугъ Боярина, Князя Өедора Шестунова, за ложный доносъ на господина въ недоброхотствѣ къ Вѣнценосцу: Шестунова еще не тронули, но всенародно, на площади, *сказали* клеветнику *милостивое слово Государево*, дали вольность, чинъ и помѣстье. Между тѣмъ шептали слугамъ Романовыхъ, что ихъ, за такое же усердіе, ждетъ еще важнѣйшая милость Царская; и главный клевретъ новаго тиранства, новый Малюта Скуратовъ, Вельможа Семенъ Годуновъ, изобрѣлъ способъ уличить виновныхъ въ злодѣйствѣ, надѣясь на общее легковѣріе и невѣжество: подкупилъ казначея Романовыхъ, далъ ему мѣшки, наполненные кореньями, велѣлъ спрятать въ кладовой у Боярина Александра Никитича и донести на своихъ господъ, что они, тайно занимаясь составомъ яда, умышляютъ на жизнь Вѣнценосца. Вдругъ сдѣлалась въ Москвѣ тревога: Синклитъ и всѣ знатные чиновники спѣшатъ къ Патріарху; посылаютъ Окольничаго Михайла Салтыкова для обыска въ кладовой у Боярина Александра; находятъ тамъ мѣшки, несутъ къ Іову, и въ присутствіи Романовыхъ высыпаютъ коренья, будто бы волшебные, изготовленные для отравленія царя. Всѣ въ ужасѣ — и Вельможи, усердные подобно Римскимъ Сенаторамъ Тиберіева или Неронова времени, съ воплемъ кидаются на мнимыхъ злодѣевъ, какъ дикіе звѣри на агнцевъ, — грозно требуютъ отвѣта и не слушаютъ его въ шумѣ. Отдаютъ Романовыхъ подъ крѣпкую стражу и велятъ судить, какъ судитъ беззаконіе...

Неодни Романовы были страшилищемъ для Борисова воображенія. Онъ запретилъ князьямъ Мстиславскому и Василію Шуйскому жениться, думая, что ихъ дѣти, по древней знатности своего рода, могли бы также состязаться съ его сыномъ о престолѣ. Между тѣмъ, устраняя будущія мнимыя опасности для юнаго Өеодора, робкій губитель трепеталъ настоящихъ: волнуемый подозрѣніями, непрестанно боясь тайныхъ злодѣевъ и равно боясь заслужить народную ненависть мучительствомъ, гналъ и миловалъ: сослалъ Воеводу, Князя Владиміра Бахтѣярова-Ростовскаго, и простилъ его; удалилъ отъ дѣлъ знаменитаго Дьяка Щелкалова, но безъ явной опалы; нѣсколько разъ удалялъ и Шуйскихъ, и снова приближалъ къ себѣ: ласкалъ ихъ, и въ то же время грозилъ немилостію всякому, кто имѣлъ обхожденіе съ ними. Не было торжественныхъ казней, но морили несчастныхъ въ темницахъ, пытали по доносамъ. Сонмы извѣтниковъ если не всегда награждаемыхъ, то всегда свободныхъ отъ наказанія за ложь и клевету, стремились къ Царскимъ Паламъ изъ домовъ Боярскихъ и хижинъ, изъ монастырей и церквей: слуги доносили на господъ, иноки, попы, дьяки, просвирницы на людей всякаго званія — самыя жены на мужей, самыя дѣти на отцевъ, къ ужасу человѣчества! «И въ дикихъ ордахъ» (прибавляетъ лѣтописецъ) «не бываетъ столь великаго зла: господа не смѣли глядѣть на рабовъ своихъ, ни ближніе искренно говорить между собою; а когда говорили, то взаимно обязывались страшною клятвою не измѣнять скромности.» Однимъ словомъ, сіе печальное время Борисова царствованія, уступая Іоаннову въ кровопійствѣ, не уступало ему въ беззаконіи и развратѣ: наслѣдство гибельное для будущаго! Но великодушіе еще дѣйствовало въ Россіянахъ (оно пережило Іоанна и Годунова, чтобы спасти отечество): жалѣли о невинныхъ страдальцахъ и мерзили постыдными милостями Вѣнценосца къ доносителямъ; другіе боялись за себя, за ближнихъ — и скоро неудовольствіе сдѣлалось общимъ. Еще многіе славили Бориса: приверженники, льстецы, извѣтники, утучняемые стяжаніемъ опальныхъ; еще знатное духовенство, какъ увѣряютъ, хранило въ душѣ усердіе къ Вѣнценосцу, который осыпалъ Святителей знаками благословенія; но гласъ отечества уже не слы-

шался въ хвалѣ частной, корыстолюбивой, молчаніе народа, служа для царя явною укоризною, возвѣстило важную перемѣну въ сердцахъ Россіянъ: *они уже не любили Бориса.*

Такъ говоритъ лѣтописецъ современный, безпристрастный, и самъ знаменитый въ нашей Исторіи своею государственною доблестію: Келарь Палицынъ. Народы всегда благодарны: оставляя Небу судить тайну Борисова сердца, Россіяне искренно славили царя, когда онъ подъ личиною добродѣтели казался имъ отцемъ народа; но признавъ въ немъ тирана, естественно возненавидѣли его и за настоящее и за минувшее: въ чемъ, можетъ быть, хотѣли сомнѣваться, въ томъ снова удостовѣрились, и кровь Димитріева яснѣе означилась для нихъ на порфирѣ губителя невинныхъ; вспомнили судьбу Углича и другихъ жертвъ мстительнаго властолюбія Годунова; безмолствовали, но тѣмъ сильнѣе чувствовали въ присутствіи извѣтниковъ—и тѣмъ сильнѣе говорили въ святилищахъ недоступныхъ для услужниковъ тиранства, коего время бываетъ и царствомъ клеветы и царствомъ ненарушимой скромности: тамъ въ тихихъ бесѣдахъ дружества, неумолимая истина обнажала, а ненависть чернила Бориса, упрекая его не только душегубствомъ, гоненіемъ людей знаменитыхъ, грабежемъ ихъ достоянія, алчностію къ прибытку беззаконному, корыстолюбивымъ введеніемъ откуповъ, размноженіемъ казенныхъ домовъ питейныхъ, порчею нравовъ, но и пристрастіемъ къ иноземнымъ, новымъ обычаямъ (изъ коихъ брадобритіе особенно соблазняло усердныхъ старовѣровъ), даже наклонностію къ Арменской и къ Латинской ереси! Какъ любовь, такъ и ненависть рѣдко бываютъ довольны истиною: первая въ хвалѣ, послѣдняя въ осужденіи. Годунову ставили въ вину и самую ревность его къ просвѣщенію!

Въ сіе время общей нелюбви къ Борису онъ имѣлъ случай доказать свою чувствительность къ народному бѣдствію, заботливость, щедрость необыкновенную; но и тѣмъ уже не могъ тронуть сердецъ, къ нему остылыхъ.— Среди естественнаго обилія и богатства земли плодоносной, населенной хлѣбопашцами трудолюбивыми, среди благословеній долговременнаго мира, и въ царствованіе дѣятельное, предусмотрительное, пала на милліоны людей казнь страшная: весною, въ 1601 году, небо омрачилось густою тьмою, дожди лили въ теченіи десяти недѣль непрестанно, такъ что жители сельскіе пришли въ ужасъ: не могли ничѣмъ заниматься, ни косить, ни жать, а 15 Августа жестокій морозъ повредилъ какъ зеленому хлѣбу, такъ и всѣмъ плодамъ незрѣлымъ. Еще въ житницахъ и гумнахъ находилось немало стараго хлѣба; но земледѣльцы, къ несчастію, засѣяли поля новымъ, гнилымъ, тощимъ, и не видали всходовъ, ни осенью, ни весною: все истлѣло и смѣшалось съ землею. Между тѣмъ запасы изошли и поля уже остались незасѣянными. Тогда началось бѣдствіе, и вопль голодныхъ встревожилъ Царя. Не только гумна въ селахъ, но и рынки въ столицѣ опустѣли, и четверть ржи возвысилась цѣною отъ 12 и 15 денегъ до трехъ (пятнадцати нынѣшнихъ серебряныхъ) рублей. Борисъ велѣлъ отворить Царскія житницы въ Москвѣ и въ другихъ городахъ; убѣдилъ духовенство и вельможъ продавать хлѣбные свои запасы также низкою цѣною; отворилъ и казну: въ четырехъ оградахъ, сдѣланныхъ близъ деревянной стѣны Московской, лежали кучи серебра для бѣдныхъ; ежедневно, въ часъ утра, каждому давали двѣ московки, деньгу или копѣйку—но голодъ свирѣпствовалъ: ибо хитрые корыстолюбцы обманомъ скупали дешевый хлѣбъ въ житницахъ казенныхъ, святительскихъ, боярскихъ, чтобы возвышать его цѣну и торговать имъ съ прибыткомъ безсовѣстнымъ; бѣдные, получая въ день копѣйку серебряную, не могли питаться. Самое благодѣяніе обратилось во зло

для столицы: изъ всѣхъ ближнихъ и дальнихъ мѣстъ земледѣльцы съ женами и дѣтьми стремились толпами въ Москву за Царскою милостынею, умножая тѣмъ число нищихъ. Казна раздавала въ день нѣсколько тысячъ рублей, и безполезно: голодъ усиливался и наконецъ достигъ крайности столь ужасной, что нельзя безъ трепета читать ея достовѣрнаго описанія въ преданіяхъ современниковъ. «Свидѣтельствуюсь истиною и Богомъ»—пишетъ одинъ изъ нихъ—«что я собственными глазами видѣлъ въ Москвѣ людей, которые, лежа на улицахъ, подобно скоту щипали траву и питались ею; у мертвыхъ находили во рту сѣно.» Мясо лошадиное казалось лакомствомъ: ѣли собакъ, кошекъ, стерво, всякую нечистоту. Люди сдѣлались хуже звѣрей: оставляли семейства и женъ, чтобы не дѣлиться съ ними кускомъ послѣднимъ. Не только грабили, убивали за ломоть хлѣба, но и пожирали другъ друга. Путешественники боялись хозяевъ и гостиницы стали вертепами душегубства: давили, рѣзали сонныхъ для ужасной пищи! Мясо человѣческое продавалось въ пирогахъ на рынкахъ! Матери глодали трупы своихъ младенцевъ!... Злодѣевъ казнили, жгли, кидали въ воду! но преступленія не уменьшались... И въ сіе время другіе изверги копили, берегли хлѣбъ въ надеждѣ продать его еще дороже!.... Гибло множество въ неизъяснимыхъ мукахъ голода. Вездѣ шатались полумертвые, падали, издыхали на площадяхъ. Москва заразилась бы смрадомъ гніющихъ тѣлъ, если бы Царь не велѣлъ, на свое иждивеніе, хоронить ихъ, истощая казну и для мертвыхъ. Приставы ѣздили въ Москвѣ изъ улицы въ улицу, подбирали мертвецовъ, обмывали, завертывали въ бѣлые саваны, обували въ красные башмаки или коты, и сотнями возили за городъ въ три скудельницы, гдѣ въ два года и четыре мѣсяца было схоронено 127,000 труповъ, кромѣ погребенныхъ людьми христолюбивыми у церквей приходскихъ. Пишутъ, что въ одной Москвѣ умерло тогда 500,000 человѣкъ, а въ селахъ и другихъ областяхъ еще несравненно болѣе, отъ голода и холода: ибо зимою нищіе толпами замерзали на дорогахъ. Пища неестественная также производила болѣзни и моръ, особенно въ Смоленскомъ уѣздѣ, куда Царь въ одно время послалъ 20,000 рублей для бѣдныхъ, не оставивъ ни одного города въ Россіи безъ вспоможенія, и если не спасая многихъ, то вездѣ уменьшая число жертвъ, такъ что сокровищница Московская, полная отъ благополучнаго Ѳеодорова царствованія, казалась неистощимою. И всѣ иныя возможныя мѣры были имъ приняты: онъ не только въ ближнихъ городахъ скупалъ, цѣною имъ опредѣленною, волею и неволею, всѣ хлѣбные запасы у богатыхъ; но послалъ и въ самыя дальнія, изобилующія мѣста освидѣтельствовать гумна, гдѣ еще нашлися огромныя скирды, въ теченіе полувѣка неприкосновенныя и поросшія деревьями: велѣлъ немедленно молотить и везти хлѣбъ, какъ въ Москву, такъ и въ другія области. Въ доставленіи встрѣчались неминуемыя, едва одолимыя трудности: во многихъ мѣстахъ на пути не было ни подводъ, ни корму, ямщики и всѣ жители сельскіе разбѣгались. Обозы шли Россіею какъ бы пустынею Африканскою, подъ мечами и копьями воиновъ, опасаясь нападенія голодныхъ, которые не только внѣ селеній, но и въ Москвѣ, на улицахъ и рынкахъ, силою отнимали съѣстное.—Наконецъ дѣятельность верховной власти устранила всѣ препятствія, и въ 1603 году, мало по малу изчезли всѣ знаменія ужаснѣйшаго изъ золъ: снова явилось обиліе, и такое, что четверть хлѣба упала цѣною отъ трехъ рублей до десяти копѣекъ, къ восхищенію народа и къ отчаянію корыстолюбцевъ, еще богатыхъ тайными запасами ржи и пшеницы!—Памятникомъ бывшей, безпримѣрной дороговизны осталась навсегда, какъ сказано въ лѣтописяхъ, ею введенная, новая *мѣра четверика*: ибо до

1601 года хлѣбъ продавали въ Россіи единственно *оковами, бочками или кадями*, четвертями и осьминами.

Бѣдствіе прекратилось, но слѣды его не могли быть скоро изглажены: замѣтно уменьшилось число людей въ Россіи и достояніе многихъ; оскудѣла безъ сомнѣнія и казна, хотя Годуновъ, великодушно расточая оную для спасенія народнаго, не только не убавилъ своей обыкновенной пышности Царской, но еще болѣе чѣмъ когда нибудь хотѣлъ блистать оною, чтобы закрыть тѣмъ дѣйствіе гнѣва Небеснаго, особенно для пословъ иноземныхъ, окружая ихъ на пути, отъ границы до Москвы, признаками изобилія и роскоши: вездѣ являлись люди богато или красиво одѣтые; вездѣ рынки полные товаровъ, мяса и хлѣба и ни единаго нищаго, тамъ, гдѣ за версту всторону могилы наполнялись жертвами голода. Въ сіе-то время Борисъ столь пышно угощалъ своего нареченнаго зятя, Герцога Датскаго,—и въ сіе же время украшалъ древній Кремль новыми зданіями: въ 1600 году воздвигнувъ огромную колокольню Ивана Великаго, пристроилъ въ 1601 и 1602 годахъ, на мѣстѣ сломаннаго, деревяннаго дворца Іоаннова, двѣ большія каменныя палаты къ Золотой и Грановитой, Столовую и Панихидную, чтобы доставить тѣмъ работу и пропитаніе людямъ бѣднымъ, соединяя съ милостію пользу, и во дни плача думая о веселіи! Однакожъ не Московскіе Лѣтописцы, а только чужеземные историки упрекаютъ Бориса гордостію неуклонною и въ общемъ бѣдствіи, суетою, тщеславіемъ, разсказывая, что онъ запретилъ тогда Россіянамъ купить весьма умѣренною цѣною знатное количество ржи у Нѣмцевъ въ Иванѣгородѣ, стыдясь питать народъ свой чужимъ хлѣбомъ. Извѣстіе конечно несправедливое: ибо наши государственныя бумаги, свидѣтельствуя о приходѣ туда Нѣмецкихъ кораблей съ хлѣбомъ въ 1602 году, не упоминаютъ о такомъ жестокомъ запретѣ. Борисъ, оказавъ въ семъ несчастіи столько дѣятельности и столько щедрости, чтобы удостовѣрить Россію въ любви истинно-отеческой Царя къ подданнымъ, не могъ явно жертвовать ихъ спасеніемъ тщеславію безумному.

XX. ДМИТРІЕВЪ.

(1760–1837 г.).

Пѣсни.

Стонетъ сизый голубочекъ....

(1792).

Стонетъ сизый голубочекъ,
Стонетъ онъ и день и ночь:
Миленькій его дружочекъ
Отлетѣлъ надолго прочь.

Онъ ужъ болѣ не воркуетъ
И пшенички не клюетъ;
Все тоскуетъ, все горюетъ!
И тихонько слезы льетъ.

Съ нѣжной вѣтки на другую
Перепархиваетъ онъ,
И подружку дорогую
Ждетъ къ себѣ со всѣхъ сторонъ.

Ждетъ ее.... увы! но тщетно;
Знать судилъ ему такъ рокъ!
Сохнетъ, сохнетъ непримѣтно
Страстный, вѣрный голубокъ.

Онъ ко травкѣ прилегаетъ;
Носикъ въ перья завернулъ;
Ужъ не стонетъ, не вздыхаетъ;
Голубокъ.... на-вѣкъ уснулъ!

Вдругъ голубка прилетѣла,
Пріунывъ, издалека,
Надъ своимъ любезнымъ сѣла,
Будитъ, будитъ голубка;

Плачетъ, стонетъ, сердцемъ ноя,
Ходитъ милаго вокругъ—
Но.... увы, прелестна Хлоя!
Не проснется милый другъ!

Ахъ когда бъ я прежде знала....

Ахъ! когда бъ я прежде знала,
Что любовь родитъ бѣды:
Веселясь бы не встрѣчала
Полуночныя звѣзды!
Не лила бъ отъ всѣхъ украдкой
Золотаго я кольца;
Не была бъ въ надеждѣ сладкой
Видѣть милаго льстеца!

Къ удаленію удара
Въ лютой, злой моей судьбѣ,
Я слила бъ изъ воска яра
Легки крылышки себѣ,
И на родину вспорхнула
Мила друга моего;
Нѣжно, нѣжно бы взглянула
Хоть однажды на него.

А потомъ бы улетѣла
Со слезами и тоской;
Подгорюнившись бы сѣла
На дорогѣ я большой;
Возрыдала бъ, возопила:
Добры люди! какъ мнѣ быть?
Я невѣрнаго любила....
Научите не любить.

Всѣхъ цвѣточковъ болѣ....

Всѣхъ цвѣточковъ болѣ
Розу я любилъ;
Ею только въ полѣ
Взоръ мой веселилъ.

Съ каждымъ днемъ милѣе
Мнѣ она была;
Съ каждымъ днемъ алѣе
Все какъ вновь цвѣла.

Но на счастье прочно
Всякъ надежду кинь:
Къ розѣ, какъ нарочно,
Привилась полынь.

Роза не увяла—
Тотъ же самый цвѣтъ;
Но не та ужъ стала:
Аромата нѣтъ!...

Хлоя! какъ ужасенъ
Этотъ намъ урокъ!
Сколь, увы, опасенъ
Для красы порокъ!

Басни.

МЫШЬ, УДАЛИВШАЯСЯ ОТЪ СВѢТА.

Восточны жители, въ преданіяхъ своихъ,
Разсказываютъ намъ, что нѣкогда у нихъ
Благочестива Мышь, наскуча суетою,
Слѣпаго счастія игрою,
Оставила сей шумный міръ
И скрылась отъ него въ глубокую пещеру:
Въ голландскій сыръ.
Тамъ святостью одной свою питая вѣру,
Къ спасенію души трудиться начала:
Ногами
И зубами
Голландскій сыръ скребла, скребла,
И выскребла досужнымъ часомъ
Изрядну келейку съ достаточнымъ запасомъ.
Чего же болѣ? Въ такихъ-то Мышь трудахъ
Разъѣлась такъ, что страхъ!
Короче: на порогѣ рая!
Самъ Богъ блюдетъ того,
Работать міру кто отрекся для Него.
Однажды предъ нее явилось, воздыхая,
Посольство отъ ея любезныхъ земляковъ,
Оно идетъ просить защиты отъ дворовъ
Противу кошачья народа,
Который вдругъ на ихъ республику напалъ
И Крысополисъ ихъ въ осадѣ ужъ держалъ.
«Всеобща бѣдность и невзгода»—
Посольство говоритъ—«причиною, что мы
Несемъ пустыя лишь сумы;
Что было съ нами, все проѣли,
А путь еще далекъ; и для того посмѣли
Зайти къ тебѣ и бить челомъ
Снабдить насъ въ крайности посильнымъ подаяньемъ».
Затворница на то, съ душевнымъ состраданьемъ

И лапки положа на грудь свою крестомъ,
Возлюбленны мои: смиренно отвѣчала,
Я отъ житейскаго давно уже отстала:
Чѣмъ, грѣшная, могу помочь?
Да ниспошлетъ вамъ Богъ! а я и день и ночь
Молить Его за васъ готова.—
Поклонъ имъ, заперлась, и болѣе ни слова.
Кто, спрашиваю васъ, похожъ на эту Мышь?
Монахъ?—Избави Богъ и думать!..
Нѣтъ, дервишь.

ЦАРЬ И ДВА ПАСТУХА.

Какой-то Государь, прогуливаясь въ полѣ,
Раздумался о царской долѣ.
«Нѣтъ хуже нашего», онъ мыслилъ, «ремесла:
Желалъ бы дѣлать то, а дѣлаешь другое!
Я всей душой хочу, чтобъ у меня цвѣла
Торговля, чтобъ народъ мой ликовалъ въ покоѣ:
А принужденъ вести войну,
Чтобъ защищать мою страну.
Я подданныхъ люблю, свидѣтели въ томъ боги,
А долженъ прибавлять еще на нихъ налоги;
Хочу знать правду—всѣ мнѣ лгутъ;
Бояре лишь чины берутъ,
Народъ мой стонетъ, я страдаю,
Совѣтуюсь, тружусь, никакъ не успѣваю;
Полсвѣта властелинъ, не веселюсь ничѣмъ.»
Чувствительный Монархъ подходитъ между тѣмъ
Къ пасущейся скотинѣ,—
И что же видитъ онъ? разсыпанныхъ въ долинѣ
Барановъ, тощихъ до костей,
Овечекъ безъ ягнятъ, ягнятъ безъ матерей!
Всѣ въ страхѣ бѣгаютъ, кружатся,
А псамъ и нужды нѣтъ: они подъ тѣнь ложатся.
Лишь бѣдный мечется пастухъ:
То за бараномъ въ лѣсъ во весь онъ мчится духъ,
То бросится къ овцѣ, которая отстала,
То за любимымъ онъ ягненкомъ побѣжитъ,
А между тѣмъ ужъ волкъ барана въ лѣсъ тащитъ.
Онъ къ нимъ, а здѣсь овца волчихи жертвой стала.
Отчаянный Пастухъ рветъ волосы, реветъ,
Бьетъ въ грудь себя и смерть зоветъ.
«Вотъ точный образъ мой», сказалъ самовластитель:
«И такъ и смирненькихъ животныхъ охранитель
Такими жъ, какъ и мы, напастьми окруженъ,
И онъ, какъ Царь, порабощенъ!
Я чувствую теперь какую-то отраду».
Такъ думая, впередъ онъ путь свой продолжалъ
Куда? и самъ не зналъ;
И наконецъ пришелъ къ прекраснѣйшему стаду.
Какую разницу Монархъ увидѣлъ тутъ!
Баранамъ счету нѣтъ, отъ жира чуть идутъ;
Шерсть на овцахъ какъ шелкъ и тяжестью ихъ клонитъ;
Ягнятки, кто кого скорѣе перегонитъ,
Толпятся къ маткинымъ питательнымъ сосцамъ,
А Пастушокъ въ свирѣль подъ липою играетъ
И милую свою пастушку воспѣваетъ.
«Несдобровать, овечки, вамъ!»
Царь мыслитъ: «волкъ любви не чувствуетъ закона,
И Пастуху свирѣль худая оборона».
А волкъ и подлинно, откуда ни возмись,
Во всю несется рысь;
Но псы, которые то стадо сторожили,
Вскочили, бросились и волка задавили;
Потомъ одинъ изъ нихъ ягненочка догналъ,
Который далеко отъ страха забѣжалъ,
И тотчасъ въ кучку всѣхъ по прежнему собралъ;

Пастухъ же все поетъ, не шевелясь ни мало.
Тогда уже въ Царѣ терпѣнія не стало.
«Возможноль?» онъ вскричалъ: «здѣсь множество волковъ,
А ты одинъ.... умѣлъ сберечь большое стадо!»—
Царь! отвѣчалъ Пастухъ, тутъ хитрости не надо:
Я выбралъ добрыхъ псовъ.

ЛИСА ПРОПОВѢДНИЦА.

Разбитая параличемъ
И одержимая на старости подагрой
И хирагрой,
Всѣмъ тѣломъ дряхлая, но бодрая умомъ,
И въ логикѣ своей изъ первыхъ мастерица,
Лисица
Уединилася отъ свѣта и отъ зла
И проповѣдывать въ пустыню перешла.
Тамъ кроткія свои бесѣды растворяла
Хвалой воздержности, смиренью, правотѣ;
То плакала, то воздыхала
О братіи, въ мірской утопшей суетѣ;
А братій и всего на проповѣдь сбиралось
Пять-шесть на перечетъ;
А иногда случалось
И менѣе того, и то Сурокъ, да Кротъ,
Да двѣ, три набожныя Лани,
Звѣришки бѣдные, безъ связей, безъ подпоръ;
Какой же ожидать отъ нихъ Лисицѣ дани?
Но Лисій дальновиденъ взоръ;
Она перемѣнила струны.
Взяла суровый видъ и бросила перуны
На кровожаждущихъ Медвѣдей и Волковъ,
На Тигровъ, даже и на Львовъ!
Чтожъ? слушателей тьма стеклася,
И слава о ея витійствѣ донеслася
До самого царя звѣрей,
Который, не смотря, что онъ породы Львиной,
Безъ шума управлялъ подвластною скотиной,
И въ благочестіе вдался подъ старость дней.
«Послушаемъ Лису!» Левъ молвилъ: «что за диво?»
За словомъ въ слѣдъ указъ;
И въ сутки, ежели нелживо
Историкъ увѣряетъ насъ,
Лиса привезена и проповѣдь сказала.
Какую жъ проповѣдь? Изъ кожи лѣзла вонъ!
Въ тирановъ громъ она бросала,
А въ страждущихъ отъ нихъ духъ бодрости вливала
И упованіе на время и законъ.
Придворные оцѣпенѣли:
Какъ можно при дворѣ такъ дерзко говорить!
Другъ на друга глядятъ, но говорить несмѣли,
Смекнувъ, что царь Лису изволилъ похвалить.
Какъ новость, иногда и правда намъ по нраву!
Короче вамъ: Лиса вошла и въ честь и славу;
Царь Левъ, давъ лапу ей, привѣтливо сказалъ:
«Тобой я истину позналъ
И болѣ прежняго гнушаться сталъ пороковъ:
Чего жъ ты требуешь во мзду твоихъ уроковъ?
Скажи, безъ всякаго зазрѣнья и стыда:
Я твой должникъ». Лиса, глядь, глядь, туда-сюда,
Какъ будто совѣсти почувствуя улику:
Всещедрый царь-отецъ;
Отвѣтствовала Льву съ запинкой наконецъ:
Индѣекъ.... малую толику.

Сказки.

ВОЗДУШНЫЯ БАШНИ.

Утѣшно вспоминать подъ старость дѣтски лѣты,
Забавы, рѣзвости, различные предметы,
Которые тогда увеселяли насъ!
Я часто и въ гостяхъ хозяевъ забываю,

Сижу повѣся носъ; нѣтъ ни ушей, ни глазъ;
Всѣ думаютъ, что я взмостился на Парнассъ;—
А я... признаться вамъ, игрушкою играю,
Которая была
Мнѣ въ дѣтствѣ такъ мила;
Иль въ память привожу, какою мнѣ отрадой
Бывалъ тотъ день, когда, урокъ мой окончавъ,
Набѣгаясь въ саду, уставши отъ забавъ,
И бросясь на постель, займусь Шехеразадой.
Какъ сказки я ея любилъ!
Читая ихъ... прощай учитель,
Симбирскъ и Волга!... все забылъ!
Уже я всей вселенны зритель,
И вижу тамъ и сямъ и карловъ и духовъ,
И Визирей рогатыхъ,
И рыбокъ золотыхъ, и лошадей крылатыхъ,
И въ видѣ Кадіевъ волковъ.
Но сколько нужно словъ,
Чтобъ все пересчитать, друзья мои любезны!
Не лучшель вамъ я угожу,
Когда теперь одну изъ сказочекъ скажу?
Я знаю, что онѣ не важны, безполезны;
Но все ли одного полезнаго искать?
Для сказки и того довольно,
Что слушаютъ ее безъ скуки, добровольно,
И можетъ иногда улыбку съ насъ сорвать.
Послушайтежъ. Во дни иль самаго Могола,
Или наслѣдника его престола,
Не знаю, города какого мѣщанинъ,
У коего дѣтей одинъ былъ только сынъ,
Жилъ, жилъ, и наконецъ, по постоянной модѣ,
Послѣдній отдалъ долгъ, какъ говорятъ, Природѣ,
Оставя сыну домъ,
Да денегъ съ сотню драхмъ, не болѣ.
Сынъ, проводя отца на общее всѣмъ поле,
Поплакалъ, погрустилъ; потомъ
Сталъ думать и о томъ,
Какъ жить своимъ умомъ.
Дай, говоритъ, куплю посуды я хрустальной
На всю мою казну,
И ею торговать начну,
Сначала въ малый торгъ, а тамъ—авось и въ дальной!
Сказалъ, и сдѣлалъ такъ; купилъ себѣ лубковъ,
Построилъ лавочку; потомъ купилъ тарелокъ,
Чашъ, чашекъ, чашечекъ, кувшиновъ, пузырьковъ,
Бутылей—мало ли какихъ еще бездѣлокъ!—
Всё, всё изъ хрусталя; склалъ въ коробъ весь товаръ,
И въ лавкѣ на полу поставилъ;
А самъ хозяинъ, Альнаскаръ,
Ко стѣнкѣ прислонясь, глаза свои уставилъ
На коробъ, и съ собой въ слухъ началъ разсуждать:
«Теперь, онъ говоритъ, и Альнаскаръ купчина!
И Альнаскаръ пошелъ на стать!
Надежда, щастіе и будуща судьбина,
Иль лучше, вся моя казна
Здѣсь въ коробѣ погребена.—
Вотъ вздоръ какой мелю! Погребена?—пустое!
Она плодится въ немъ, и вѣрно черезъ годъ
Прибудетъ съ барышемъ по крайней мѣрѣ вдвое.
Двѣ сотни, хоть куда изрядненькой доходъ!
На нихъ... еще куплю посуды; лучше тише—
И черезъ годъ еще двѣ сотни зашибу,
И также въ коробъ погребу.—
И такъ годъ отъ году все выше, выше, выше,
Могу я наконецъ ужъ быть и въ десяти,
И болѣе—тогда скажу моимъ товарамъ

Съ признательною къ нимъ улыбкою: прости!
И буду... ювелиръ! боярынямъ, боярамъ
Начну я продавать алмазы, изумрудъ,
Лазурь и яхонты, и... и—всего не вспомню;
Короче: золотомъ наполню
Не только лавку, цѣлый прудъ.
Тогда-то Альнаскаръ весь разумъ свой покажетъ!
Накупитъ лошадей, невольницъ, дачъ, садовъ,
Евнуховъ и домовъ,
И дружбу свяжетъ
Съ знатнѣйшими людьми:
Ихъ дружба лишь на взглядъ спѣсива;
Нѣтъ! только кланяйся, да хорошо корми,
Такъ и полюбишься—она не прихотлива.
А у меня тогда
Всѣ тропки порастутъ Персидскимъ виноградомъ;
Шербетъ польется какъ вода;
Фонтаны брызнутъ лимонадомъ,
И масло розово къ услугамъ всѣхъ гостей,—
А о столѣ уже ни слова;
Я только то скажу, что нѣтъ такихъ затѣй,
Нѣтъ въ свѣтѣ кушанья такова,
Какого у меня не будетъ за столомъ.
И мой великолѣпный домъ
Храмъ будетъ роскоши для всѣхъ, кто мнѣ любезенъ,
Иль властію своей полезенъ;
Всѣхъ буду угощать: Пашей,
Плясавицъ, плясуновъ и Кадіевъ лихихъ,
Визирскихъ подлипалъ—и такъ, умомъ, трудами,
А болѣ съ знатными водяся господами,
Легко могу войти въ чины и въ знатный бракъ...
Прекрасно! точно такъ!
Вдругъ гряну къ Визирю, который красотою
Земиры дочери по Азіи гремитъ;
Скажу ему: «Визирь! вступи въ родство со мною;
Будь тесть мой!» Если онъ хоть чуть зашевелитъ
Противное губами,
Я вспыхну, и тогда прощайся онъ съ усами!
Но, нѣтъ! Визирска дочь такъ вѣрно мнѣ жена,
Какъ на небѣ луна!
И я по свадебномъ обрядѣ,
На утро въ праздничномъ нарядѣ,
Весь въ камняхъ, въ жемчугѣ и въ златѣ какъ въ огнѣ,
Поѣду избочась и гордо на конѣ,
Котораго чепракъ съ жемчужной бахрамою
Унизанъ бирюзою,
Въ домъ къ тестю Визирю.—За мной и предо мною
Потянутся мои евнухи по два въ рядъ.
Визирь, еще вдали завидя мой парадъ,
Ужь на крыльцѣ меня встрѣчаетъ
И въ комнаты введя, сажаетъ
По праву руку на диванъ
Среди куреній благовонныхъ.
Я, сѣвши важно, какъ Султанъ,
Скажу ему: «Визирь! вотъ тысяча червонныхъ,
Обѣщанные мной тебѣ за перву ночь;
И сверхъ того еще вотъ пять во увѣренье,
Сколь мнѣ мила твоя прекраснѣйшая дочь;
А съ ними и мое прими благодаренье.»
Потомъ три кошелька большихъ ему вручу,
И на конѣ стрѣлой къ Земирѣ полечу.
День этотъ будетъ днемъ любви и ликованій,
А завтра.... О восторгъ! о верхъ моихъ желаній!
Лишь солнце выпрыгнетъ изъ водъ,
Вдругъ пробуждаюсь я отъ радостнаго клика,
И слышу, весь народъ,
Отъ мала до велика,
Толпами приваля на дворъ,
Кричитъ, составя хоръ:
«Да здравствуетъ супругъ Земиры!»
А въ залѣ знатность: Сераскиры,
Паши и прочіе стоятъ,
И ждутъ, когда войти съ поклономъ имъ велятъ.

Я всѣхъ ихъ допустить къ себѣ повелѣваю,
И тутъ-то важну роль Вельможи начинаю:
У одного я руку жму,
Съ другимъ вступаю въ разговоры;
На третьяго взгляну, да и спиной къ нему;
А на тебя, Абдулъ, бросаю звѣрски взоры!
Раскаешься тогда,
Что разлучилъ меня съ Фатимою моей,
Съ которой около трехъ дней
Я жилъ душою въ душу!
О! я уже тебя не трушу,
А ты передо мной дрожишь,
Блѣднѣешь, падаешь, прахъ ногъ моихъ цѣлуешь:
Помилуй, позабудь прошедшее! жужжишь...
Но нѣтъ прощенія! лишь пуще кровь взволнуешь,
И я, уже владѣть не въ силахъ ставъ собой,
Ну по щекамъ тебя! по правой, по другой!
Пинками!»—И въ жару восторга нашъ мечтатель,
Визирской гордый зять, Земиры обладатель,
Ногою въ коробъ толкъ: тотъ на бокъ; а хрусталь
Запрыгалъ, зазвенѣлъ и—въ дребезги разбился....
И такъ, мои друзья! Хоть жаль, хотя не жаль,
Но бѣдный Альнаскаръ—что дѣлать!—разженился.

XXI. МЕРЗЛЯКОВЪ.

(1778—1830).

Разборъ трагедіи Сумарокова: «Дмитрій Самозванецъ» (1817).

Димитрій Самозванецъ въ 1771 году въ первый разъ представленъ на Императорскомъ театрѣ въ Петербургѣ. Сія трагедія, кажется, была счастливѣе всѣхъ трагедій Сумарокова, чему безъ сомнѣнія весьма много способствовалъ выборъ содержанія, какъ ближайшаго къ тому вѣку, всѣмъ знакомаго и занимательнаго; потомъ не мало помогло самое искуство актеровъ, уже достигшихъ до весьма важной степени совершенства. Въ это время составлена была довольно полная труппа, главою и красотою которой былъ почтенный Дмитревскій, окруженный знаменитыми сотрудниками Волковымъ и Крутицкимъ. Не почитаю нужнымъ разсказывать здѣсь содержанія трагедіи Самозванца: оно всѣмъ извѣстно, ибо ни одна трагедія, не только Сумарокова, но и другихъ счастливыхъ его послѣдователей, безъ сомнѣнія, не имѣла столько представленій, сколько Дмитрій Самозванецъ. Должно признаться, правда, что и стихотворство въ сей трагедіи болѣе обработано, нежели въ другихъ піесахъ возстановителя нашего театра. Есть монологи, которые по крайней мѣрѣ въ представленіи производили и будутъ еще производить весьма сильное дѣйствіе; даже, набатный колоколъ въ этой піесѣ, какъ нѣчто напоминающее, можетъ быть, о вечевомъ, играетъ довольно важную роль; мѣсто дѣйствія—Кремль, Москва; потомъ бояре русскіе и время, въ исторіи нашей столько важное, какъ переходъ отъ несчастнаго положенія Россіи къ самому счастливѣйшему; низверженіе злобнаго тирана, котораго память проклинается и церковію и обществомъ: все это вмѣстѣ весьма много способствовало тому, чтобы піеса была одною изъ занимательнѣйшихъ для публики россійской.

Вся трагедія заключаетъ въ себѣ послѣдній день низверженія тирана, изъ ничтожнаго состоянія вышедшаго, жестоко-лютаго, ненавистнаго, въ отчаянномъ положеніи находящагося. Вотъ съ какой точки зрѣнія должны мы судить о піесѣ. Чего требуетъ такое положеніе? Дѣятельности чрезвычайной во всѣхъ лицахъ враждебныхъ, дружественныхъ и особенно въ самомъ главномъ

характерѣ. Кажется, это неоспоримо. Назовемъ всѣхъ дѣйствующихъ въ трагедіи: Дмитрій Самозванецъ, Парменъ, наперсникъ его, Князь Шуйскій, Георгій, Ксенія, военачальникъ и стража.

Я сказалъ уже, что сія трагедія, въ продолженіи многихъ лѣтъ, была, такъ сказать, царствующая на нашемъ театрѣ: ее всѣ учили наизусть. Однако я смѣю сказать прямо, что она имѣетъ гораздо болѣе погрѣшностей, нежели какая либо другая трагедія сего же автора. Вычислите всѣ необходимыя качества драмы: онѣ всѣ нарушены или пренебрежены. Вотъ непонятная странность въ уклоненіяхъ всеобщаго вкуса! Драма не можетъ быть безъ дѣйствія, которое составляетъ ея душу. Какое дѣйствіе въ Дмитріѣ Самозванцѣ? Во всѣхъ пяти актахъ нѣтъ никакого. Дмитрій грозитъ муками, смертію; себя обрекаетъ вѣчно жертвою гееннѣ; ни онъ не дѣйствуетъ, ни противъ него не дѣйствуютъ: ибо изъ разсказа начальника стражи, три раза на сцену приходящаго, только знаемъ, что чернь бунтуетъ, приближается къ Красному крыльцу, входитъ въ государевы комнаты; но никто не отражалъ ее. Кажется, будто хотѣлъ Дмитрій между прочимъ жениться на Ксеніи и отравить свою супругу; но не видимъ, чтобы сіе намѣреніе произведено было въ дѣйство какимъ либо образомъ: онъ погибаетъ не отъ другихъ, но самъ собою. И такъ содержаніе сей трагедіи слѣдующее: *тиранъ сердился, бранился и съ досады наконецъ убилъ себя.* Это могъ бы онъ сдѣлать и въ первомъ дѣйствіи и даже въ первомъ явленіи,—все бы было равно. Драма должна имѣть единство дѣйствія: какого требовать единства, гдѣ нѣтъ ничего? Далѣе должны быть сохранены еще единство времени и мѣста. Въ разсужденіи времени, кажется, дѣйствіе началось поутру и оканчивается въ полночь, когда самозванецъ въ самыхъ ужасахъ бунтуя заснулъ и пробужденъ былъ мечтами грозными, и особливо набатнымъ колоколомъ, возвѣстившимъ послѣдній часъ его. Судя по сему, можно бы сказать, что единство времени соблюдено, если бы только что нибудь дѣйствовало; но, говоря о сей трагедіи, надобно сказать, что оно *потрачено* и, соотвѣтственно правилу Аристотелеву, точно *потрачено не болѣе одного дня*: въ этомъ правъ Сумароковъ болѣе, нежели въ разсужденіи *мѣста.* Въ цѣлой піесѣ одна декорація, одна зала. Авторъ конечно такимъ образомъ весьма много услуживаетъ содержателямъ театра, избавляя ихъ отъ издержекъ, но нѣсколько обижаетъ наше честолюбіе: онъ думалъ, что мы столько незамѣчательны, столь легковѣрны и просты, что можемъ повѣрить тому, чтобы разговоръ Самозванца съ Парменомъ, пріемная зала, тронная, опочивальная царская, кабинетъ, гдѣ совѣщаетъ онъ о тайныхъ дѣлахъ государственныхъ, и комната, гдѣ Ксенія видится съ своимъ Георгіемъ, съ Дмитріемъ и Шуйскимъ, однимъ словомъ, гдѣ она живетъ и отправляетъ свой туалетъ, гдѣ начинается противъ Самозванца заговоръ и гдѣ сидитъ она подъ стражею,—чтобы все это происходило въ продолженіи столь критическаго времени нетолько въ одномъ дворцѣ, но и въ одной и той же залѣ. Прибавьте къ тому неизвѣстность мучительную, откуда и какъ кто явился, и почему выходилъ на сцену или уходилъ съ нея. Особенно очень странно видѣть Ксенію одну, даже безъ наперсницы, въ чертогахъ столь развратнаго и свирѣпаго тирана, видѣть ее вмѣстѣ съ Георгіемъ изъясняющихся весьма нѣжно въ своей страсти, и Шуйскаго, опаснѣйшаго врага Самозванцу, въ его комнатѣ, въ его, такъ сказать, глазахъ разглагольствующаго о существующемъ заговорѣ, дающаго совѣты Ксеніи и Георгію, объявляющаго скорую гибель тирану. Всѣ лица похожи на китайскія тѣни, переходящія, переносимыя совершенно безвинно изъ одной кулисы за другую, по мановенію деспотическаго прутика стихотворца, который освободилъ себя отъ

всякой, даже малѣйшей отвѣтственности природѣ и строгому разсудку.

Дѣйствіе трагедіи должно быть *героическое*: цѣль важная, усилія необыкновенныя, страсти высокія, способности душевныя блистательныя, добродѣтели или пороки въ значительной степени великости. Какая цѣль у героевъ сей трагедіи? Не знаю. Шуйскій нигдѣ не говоритъ о намѣреніи своемъ пріобрѣсть тронъ; Дмитрій не боится потерять его и, нимало не удерживаясь отъ злодѣйствъ, кажется, для забавы бесѣдуетъ объ адѣ и гееннѣ. Никто ничего не дѣлаетъ и не знаетъ, для чего не дѣлаетъ; страстей также нѣтъ: ибо если бы точно любилъ Дмитрій или юную Ксенію, или самого себя, то бы видно было, что онъ стремится къ цѣли, то есть или къ обладанію короной, или къ сохраненію трона. Какой характеръ Самозванца? Золъ ли онъ? Правда, что онъ такъ о себѣ сказываетъ; но, по моему, онъ весьма добръ, ибо переноситъ равнодушно всѣ грубыя личныя оскорбленія Георгія и Ксеніи, никому не мститъ, а только грозитъ. Такой человѣкъ весьма не опасенъ; онъ глупъ просто. И такъ нѣтъ дѣйствія героическаго; а изъ того слѣдуетъ, что нѣтъ и характеровъ героическихъ. Еще вопросъ: есть ли по крайней мѣрѣ *какіе нибудь* характеры? Когда подъ характеромъ разумѣть должно особенныя отличительныя черты одного человѣка, то въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ можно показать различія между лицами сей трагедіи: Дмитрій не похожъ на Георгія, на Шуйскаго, на Пармена, и каждое лице также. Но когда подъ характеромъ разумѣть то, что всего важнѣе—постоянный образъ дѣйствованія, мыслей, поступковъ, однимъ словомъ поведеніе героя трагическаго; то сія піеса не имѣетъ почти ни одного характера.

Что такое Парменъ? Не знаю. Надобно думать, что онъ весьма приближенный человѣкъ къ Самозванцу: ибо говоритъ ему всегда открыто и смѣло, и тотъ слушаетъ терпѣливо его укоры. Между тѣмъ нѣтъ ни одного мѣста, гдѣ бы онъ показалъ ему свое настоящее усердіе и вѣрность; равномѣрно нѣтъ также ни одного признака и измѣны его или приверженности къ противной сторонѣ. Онъ уговариваетъ Дмитрія часто, ободряетъ надеждою на милосердіе Божіе, совѣтуетъ, философствуетъ, но безъ всякаго дѣйствія противъ него или за него. Кажется, въ-тайнѣ онъ самъ желалъ и низверженія тирана. Онъ не выставленъ нигдѣ и патріотомъ русскимъ. Шуйскій ему не довѣряетъ, и онъ не имѣлъ участія въ заговорѣ. Пойдемъ далѣе. Шуйскій—скрытный непріятель Дмитрія. Онъ притворяется предъ нимъ каждую минуту, и къ тому же принуждаетъ Ксенію и Георгія. Въ однѣхъ и тѣхъ же царскихъ палатахъ онъ и ругаетъ Самозванца и льститъ ему; но впрочемъ не видно ни одного предпріятія, ни одного движенія, ни одной мысли къ низверженію тирана; даже намъ ничего неизвѣстно до самаго третьяго акта, гдѣ по отшествіи Пармена говоритъ самъ съ собою Шуйскій:

> Лукавствуй ты иль нѣтъ, Дмитрій мной увязнешь и проч.

До сего времени онъ былъ истинно загадкою. Теперь мы его знаемъ: но все не видимъ ни какого дѣйствія. Льстивость и угодливость его предъ тираномъ даже до излишества простерта: онъ такъ явно и дерзко обманываетъ Лжедмитрія, что хитрость его перестаетъ быть хитростію или политическимъ средствомъ; онъ такъ унижается, что нарушаетъ всѣ приличія сана своего.

Дѣятельность каждаго лица имѣетъ два средства показать себя: слова и поступки. Шуйскій не сказываетъ и не объясняетъ поступковъ ни своихъ собственныхъ, ни своихъ соучастниковъ; что же можетъ быть въ развязкѣ занимательнаго для зрителя? Не знаю и его характера; ибо не вижу, какъ онъ дѣйствуетъ, не вижу ума, ловкости, силы, вліянія его на общее мнѣніе: вообще нѣтъ ничего особеннаго, важнаго, чѣмъ

отличалось бы сіе главное дѣйствующее лице; тѣмъ болѣе жаль этого, что, кажется, Дмитрій, его боялся. Въ немъ видѣнъ только человѣкъ, который ожидалъ, что другіе сдѣлаютъ въ его пользу, а самъ пребывалъ въ покоѣ. Въ одномъ этомъ характерѣ онъ выдержанъ *точно* отъ начала до конца: вездѣ ровенъ, то есть вездѣ незанимателенъ.

Ксенія и Георгій—дѣти, водимыя на помочахъ. По молодости своей они иногда спотыкались, падали и убивали себя. Тотъ и другая, по вольности, позволенной дѣтямъ, говорятъ ужасныя грубости и ругательства тирану *милосердому*; иногда философствуютъ, иногда сердятся, ласкаютъ другъ друга, но всегда остаются при своемъ: вся отъ нихъ польза не для зрителей, но для автора та, что они милымъ пастушескимъ или ребяческимъ своимъ болтаньемъ наполняютъ пять актовъ. Должно впрочемъ замѣтить и то, что эпизодъ любви Ксеніи и Георгія, занимающій почти всю трагедію отъ начала до конца, вставленный, кажется, съ намѣреніемъ для произведенія завязки и развязки, совсѣмъ не имѣетъ вліянія на главное дѣйствіе. Надобно было показать, что прежняя супруга дѣйствительно отослана отъ двора или умерщвлена тираномъ; что первый вельможа и князь Шуйскій оскорбленъ былъ требованіемъ дочери своей въ супруги Лжедимитрію, или что, не въ силахъ будучи противиться тирану, онъ выжидалъ случая. Впрочемъ и эти способы не трагическіе, а комическіе. Что теперь трагедія Дмитрій Самозванецъ? Анюта и Степанъ дочери богатаго крестьянина, любятъ другъ друга. Бурмистръ, сластолюбивый, сильный и глупый, полюбилъ дѣвушку; онъ требуетъ руки ея у отца и угрожаетъ солдатствомъ и пытками любовнику, отцу и дѣвушкѣ. Но кстати случилось: крестьяне озлобленные, безъ всякаго со стороны обиженныхъ внушенія, ожесточились и довели его до того, что онъ самъ себя зарѣзалъ, не дождавшись законами положенной казни. Сколько оперъ русскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ, изъ которыхъ, кажется, взялъ свое содержаніе Сумароковъ для Дмитрія Самозванца! Инаго источника не нашелъ онъ. Я говорю: *точно* взялъ, ибо исторія не представляетъ намъ Ксеніи дочери Шуйскаго; но Ксенія была, по свидѣтельству историковъ, дочь Годунова, прелестная, одаренная всѣми достоинствами тѣлесными и душевными. Не знаю, для чего Сумароковъ выдумалъ сію Ксенію? Пусть бы для того, чтобы Шуйскому посредствомъ брака пріобрѣсть способъ приближиться къ трону, чему видимъ мы весьма многіе примѣры въ честолюбивыхъ вельможахъ. Здѣсь совсѣмъ противное. Шуйскій не хотѣлъ выдать своей дочери за Лжедмитрія и не употреблялъ въ этомъ переворотѣ дочь свою орудіемъ къ достиженію своей цѣли, ибо все дѣлалось за кулисами и независѣло ни мало отъ сей любви; и кончился сей заговоръ съ успѣхомъ совершенно по другимъ причинамъ, для насъ скрытнымъ. Вы читаете довольно странный стихъ Ксеніи: *избавь Россію мной, о небо правосудно!* Милостивые государи, видѣвшіе и читавшіе сію піесу, скажите: какимъ образомъ спасла Россію Ксенія, и какъ любовь ея способствовала спасенію царства въ лицѣ отца и въ ней самой? Послѣ того еще спрашивается: для чего же любовь сія? Но отнимите ее,—что останется въ трагедіи?

Сколько сіи роли ни слабы, ни уродливы, ни малозначительны, однако всѣ онѣ безъ всякаго сомнѣнія лучше роли Дмитрія, котораго, признаюсь, описать и силы не имѣю. Не знаю, что хотѣлъ представить въ немъ авторъ; недоумѣваю, какое чувство къ нему хотѣлъ возбудить въ зрителяхъ. Въ немъ все склеено несообразное и противоположное въ природѣ. Явная ненависть и удивительно снисходительное терпѣніе, подозрительность и безпечность, могущество и безсиліе, раскаяніе и стремленіе къ новымъ злодѣяніямъ, алчба къ

пролитію крови и нерѣшимость, какая-то набожность, кажется, чувствующая всю черноту души своей и готовность злодѣйствовать вновь, сластолюбіе и холодность самая бездѣйственная, пылкость и спокойствіе удивительное, ярость и равнодушіе, гордость и терпѣніе ругательствъ и озлобленій чувствительнѣйшихъ: все это одѣто въ глупость, тупоуміе, фанфаронство, въ безсиліе, въ характеръ послѣдняго слѣпотствующаго человѣка: вотъ летаргическій, нескладный составъ Дмитрія душевно и тѣлесно. Онъ любитъ Поляковъ, какъ своихъ защитниковъ и друзей, а между тѣмъ нѣтъ при немъ ни одного Поляка въ самой крайности его положенія. Онъ сердился и грозилъ только, пока наконецъ самъ собою отправился на тотъ свѣтъ. Въ немъ есть что-то хаосное, безъ намѣренія, безъ движенія, безъ силъ, безъ жизни. Желалъ бы я весьма угадать мысль Сумарокова при составленіи сего чудовища; но догадки мои останутся тщетными. Иногда, кажется, онъ хотѣлъ сдѣлать его презрительнымъ; но этого мало для трагедіи: презрительное лицо не есть трагическое; но ненависть возбуждается не словами, а поступками, а въ цѣлой трагедіи онъ не сдѣлалъ ни шагу, ни тайно, ни явно. Иногда кажется, хотѣлъ показать оттѣнки его прежняго званія и привычекъ, не могущихъ сокрыться и подъ царственною, похищенною имъ порфирою: онъ безпрестанно говоритъ о небѣ, геенпѣ, мукахъ, о гнѣвѣ Божіемъ, о томъ, что онъ лишенъ всякаго помилованія въ семъ и будущемъ вѣкѣ; но что значатъ сіи слова сами по себѣ? Безсовѣстный ростовщикъ, крестясь и молясь, меня грабитъ; но такъ и быть —по крайней мѣрѣ уже грабитъ, Дмитрій ничего не дѣлаетъ. Онъ хочетъ подъ окнами своими вѣшать Шуйскаго и Георгія, а въ его чертогахъ уже бунтъ! Онъ въ изступленіи кричитъ стражѣ:

«Бѣги! куда бѣжать?»

Онъ самъ себѣ говоритъ:

«Люблю себя—за что, того не вижу.»

И сіе изступленіе угасло вмѣстѣ съ словами! Въ первомъ еще актѣ догадывался онъ, что *мятежъ отъ Шуйскаго*, а не принялъ никакихъ мѣръ: онъ спалъ въ самый тотъ часъ, когда уже весь Кремль былъ въ движеніи и въ комнаты его вторгался народъ, справедливо негодующій.

Ради Бога, объясните мнѣ, какой имѣетъ характеръ Дмитрій, или паче увѣрьте меня, что его можно было выставить на сцену! Надобно думать, Сумароковъ чувствовалъ и самъ, что сіе лицо или совсѣмъ не представительное, или такое, которое показывается съ особымъ намѣреніемъ: непосредственно и прямо для возбужденія отвращенія. Въ самомъ дѣлѣ, какъ представлять злодѣя отринутаго, проклинаемаго церковію и народомъ,—представлять на сценѣ, удовольствію сладостному посвященной? Такія лица не принадлежатъ драмѣ. Представивъ Лжедмитрія въ лучшемъ видѣ, авторъ погрѣшилъ бы противъ общаго мнѣнія; представивъ такимъ, каковъ онъ теперь, непростительно погрѣшилъ противъ правилъ поэзіи. Въ томъ и другомъ случаѣ содержаніе сіе неспособно для трагедіи.

(Вѣстн. Евр. 1817, № 4).

XXII. ШИШКОВЪ.

Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ Россійскаго языка (1803).

Всякъ, кто любитъ Россійскую словесность и хотя нѣсколько упражнялся въ оной, не будучи зараженъ неисцѣлимою и лишающею всякаго разсудка страстію къ французскому языку, тотъ, развернувъ большую часть нынѣшнихъ нашихъ книгъ, съ сожалѣніемъ увидитъ какой странный и чуждый понятію и слуху нашему слогъ господствуетъ въ оныхъ. Древній славенскій языкъ, отецъ многихъ нарѣчій, есть корень и начало россійскаго языка, который самъ собою

всегда изобиленъ былъ и богатъ, но еще болѣе процвѣлъ и обогатился красотами, заимствованными отъ сроднаго ему эллинскаго языка, на коемъ витійствовали гремящіе Гомеры, Пиндары, Демосѳены, и потомъ Златоусты, Дамаскины и многіе другіе христіанскіе проповѣдники. Кто бы подумалъ, что мы, оставя сіе, многими вѣками утвержденное, основаніе языка своего, начали вновь созидать оный на скудномъ основаніи французскаго языка? Кому приходило въ голову съ плодоносной земли благоустроенный домъ свой переносить на безплодную болотистую землю? Ломоносовъ, разсуждая о пользѣ книгъ церковныхъ, говоритъ: «такимъ старательнымъ и осторожнымъ употребленіемъ сроднаго намъ кореннаго славянскаго языка купно съ россійскимъ, отвратятся и странныя слова нелѣпости, входящія къ намъ отъ чужихъ языковъ, заимствующихъ себѣ красоту отъ греческаго, и то еще чрезъ латинскій. Оныя неприличности нынѣ небреженіемъ чтенія книгъ церковныхъ вкрадываются къ намъ нечувствительно, искажаютъ собственную красоту нашего языка, подвергаютъ его всегдашней перемѣнѣ и къ упадку преклоняютъ.» Когда Ломоносовъ писалъ сіе, тогда зараза оная не была еще въ такой силѣ, и потому могъ онъ сказать: «вкрадываются къ намъ нечувствительно»; но нынѣ уже должно говорить: вломились къ намъ насильственно и наводняютъ нашъ языкъ, какъ потопъ землю. Мы въ продолженіи сего сочиненія ясно сіе увидимъ. Недавно случилось мнѣ прочитать слѣдующее: «раздѣляя слогъ нашъ на эпохи, первую должно начать съ Кантемира, вторую съ Ломоносова, третью съ переводовъ *славяно-русскихъ* господина Елагина и его многочисленныхъ подражателей, а четвертую съ нашего времени, въ которое образуется пріятность слога, называемая Французами élégance. Я долго размышлялъ, вподлинну ли сочинитель сихъ строкъ говоритъ сіе отъ чистаго сердца, или издѣвается и шутитъ: какъ? нелѣпицу нынѣшняго слога называетъ онъ пріятностію! совершенное безобразіе и порчу онаго—образованіемъ: онъ именуетъ прежніе переводы Славяно-русскими: что разумѣетъ онъ подъ симъ словомъ? Неужели презрѣніе къ источнику краснорѣчія нашего, славенскому языку? Не дивно: ненавидѣть свое и любить чужое почитается нынѣ достоинствомъ. Но какъ же назоветъ онъ нынѣшніе переводы, и даже самыя сочиненія? Безъ сомнѣнія, французско-русскими: и сіи-то переводы предпочитаетъ онъ славено-россійскимъ? Правда, ежели Французское слово élégance перевесть по русски «чепуха», то можно сказать, что мы дѣйствительно и въ краткое время слогъ свой довели до того, что погрузили въ него всю полную силу и знаменованіе сего слова!

Отколѣ пришла къ намъ такая нелѣпая мысль, что должно коренный, древній, богатый языкъ свой бросить и основать новый на правилахъ чуждаго, несвойственнаго намъ и бѣднаго языка французскаго? Поищемъ источниковъ сего крайняго ослѣпленія и грубаго заблужденія нашего.

Начало онаго происходитъ отъ образа воспитанія: ибо какое знаніе можемъ мы имѣть въ природномъ языкѣ своемъ, когда дѣти знатнѣйшихъ бояръ и дворянъ нашихъ отъ самыхъ юныхъ ногтей своихъ находятся въ рукахъ у Французовъ, прилѣпляются къ ихъ нравамъ, научаются презирать свои обычаи, нечувствительно получаютъ весь образъ мыслей ихъ и понятій, говорятъ языкомъ ихъ свободнѣе, нежели своимъ, и даже до того заражаются къ нимъ пристрастіемъ, что не токмо въ языкѣ своемъ никогда не упражняются, не токмо не стыдятся незнать онаго, но еще многіе изъ нихъ симъ постыднѣйшимъ изъ всѣхъ невѣжествомъ, какъ бы нѣкоторымъ украшающимъ ихъ достоинствомъ, хвастаютъ и величаются?

Будучи такимъ образомъ воспитываемы, едва силою необходимой наслышки научаются они объясняться тѣмъ всена-

роднымъ языкомъ, который въ общихъ разговорахъ употребителенъ; но какимъ образомъ могутъ они почерпнуть искуство и свѣдѣніе въ книжномъ или ученомъ языкѣ, толь далеко отстоящемъ отъ сего простаго мыслей своихъ сообщенія? Для познанія богатства, изобилія, силы и красоты языка своего, нужно читать изданныя на ономъ книги, а наипаче превосходными писателями сочиненныя: изъ нихъ научаемся мы знаменованію и производству всѣхъ частей рѣчи; пристойному употребленію оныхъ въ высокомъ, среднемъ и простомъ слогѣ; различію сихъ слоговъ; правильному писанію: краснорѣчивому смѣшенію славенскаго величаваго слога съ простымъ россійскимъ, свойственнымъ языку нашему изгибамъ и оборотамъ рѣчей; или складному или нескладному расположенію ихъ; кратности выраженій; ясности и важности смысла; плавности, быстротѣ и силѣ словотеченія. Между тѣмъ какъ разумъ обогащается сими познаніями, слухъ нашъ привыкаетъ къ чистому выговору словъ, къ пріятному произношенію оныхъ, къ чувствованію согласнаго или несогласнаго слiянія буквъ, и, однимъ словомъ, ко всѣмъ сладкорѣчія прелестямъ. Отсюду природное дарованіе наше укрѣпляется искуствомъ; отсюду раждается въ насъ любовь къ писаніямъ и разумѣніе судить объ оныхъ. Кратко сказать, чтеніе книгъ на природномъ языкѣ есть единственный путь, ведущій насъ въ храмъ словесности. Но коль сей путь, толико трудный и требующій великаго вниманія и долговременнаго упражненія, долженъ быть еще несказанно труднѣйшимъ для тѣхъ, которые отъ самаго младенчества до совершеннаго юношества никогда по немъ не ходили? Когда, можетъ быть, изъ превеликаго множества нынѣшнихъ, худымъ складомъ писанныхъ книгъ, для вящшаго въ языкѣ своемъ развращенія, прочитали они пять или шесть, а въ церковныя и старинныя славенскія и славено-россійскія книги, откол犊 почерпается истинное знаніе языка и красота слога, вовсе не заглядывали? Они читаютъ французскіе романы, комедіи, сказки и проч. Я уже не говорю, что молодому человѣку, на подобіе управляющаго кораблемъ кормчаго, надлежитъ съ великою осторожностію вдаваться въ чтеніе французскихъ книгъ, дабы чистоту нравовъ своихъ, въ семъ преисполненномъ опасностію морѣ, не преткнуть о камень; но скажу токмо, разсуждая о словесности: какую пользу принесетъ имъ чтеніе иностранныхъ книгъ, когда не читаютъ они своихъ? Вольтеры, Жанъ-Жаки, Корнеліи, Расины, Моліеры не научатъ насъ писать по-русски. Выуча всѣхъ ихъ наизусть и не прочитавъ ни одной своей книги, мы въ краснорѣчіи на русскомъ языкѣ должны будемъ уступить сочинителю Бовы Королевича. Весьма хорошо слѣдовать по стопамъ великихъ писателей, но надлежитъ силу и духъ ихъ выражать своимъ языкомъ, а не гоняться за ихъ словами, кои у насъ совсѣмъ не имѣютъ той силы. Безъ знанія языка своего мы будемъ точно такимъ образомъ подражать имъ, какъ человѣку подражаютъ попугаи, или, иначе сказать, мы будемъ подобны такому павлину, который, не зная или пренебрегая красоту своихъ перьевъ, желаетъ для украшенія своего заимствовать оныя отъ птицъ, несравненно меньше его прекрасныхъ, и столько ослѣпленъ симъ желаніемъ, что въ прельщающій око разноцвѣтный хвостъ свой готовъ натыкать перья изъ хвостовъ галокъ и воронъ. Отъ сего, можно сказать, безумнаго прилѣпленія нашего къ французскому языку, мы, думая просвѣщаться, часъ отъ часу впадаемъ въ большее невѣжество и, забывая природный языкъ свой или по крайней мѣрѣ отвыкая отъ онаго, пріучаемъ понятіе свое къ ихъ выраженіямъ и слогу.

Прилежное чтеніе россійскихъ книгъ отниметъ у нынѣшнихъ писателей драгоцѣнное время читать французскія кни-

ги. Возможно ли, скажутъ они съ насмѣшкою и презрѣніемъ, возможно ли «трогательную» Заиру, «занимательнаго» Кандида, «милую» Орлеанскую дѣвку промѣнять на скучный прологъ, на непонятный Несторовъ Лѣтописецъ? Избѣгая сего труда, принимаются они за самый легкій способъ, а именно: одни изъ нихъ безобразятъ языкъ свой введеніемъ въ него иностранныхъ словъ, таковыхъ, напримѣръ, какъ: *моральный*, *эстетическій*, *эпоха*, *сцена*, *гармонія*, *акція*, *энтузіазмъ*, *катастрофа* и тому подобныхъ. Другіе изъ русскихъ словъ стараются дѣлать не русскія, какъ напр.: вмѣсто будущее время, говорятъ *будущность*; вмѣсто настоящее время—*настоящность*, и проч. Третьи французскія имена, глаголы и цѣлыя рѣчи переводятъ изъ слова въ слово на русскій языкъ; самопроизвольно принимаютъ ихъ въ томъ же смыслѣ изъ французской литературы въ россійскую словесность, какъ будто изъ ихъ службы офицеровъ тѣми же чинами въ нашу службу, думая, что они въ переводѣ сохранятъ тожъ знаменованіе, какое на своемъ языкѣ имѣютъ. Напримѣръ: *influence* переводятъ *вліяніе* и, не смотря на то, что глаголъ *вливать* требуетъ предлога *въ: вливать вино въ бочку*, *вливать въ сердце ей любовь*, располагаютъ нововыдуманное слово сіе по французской грамматикѣ, ставя его, по свойству ихъ языка, съ предлогомъ *на*: *faire l'influence sur les esprits*, *дѣлать вліяніе на разумы*. Подобнымъ сему образомъ переведены слова: *переворотъ*, *развитіе*, *утонченный*, *сосредоточить*, *трогательно*, *внимательно*, и множество другихъ. Въ показанныхъ ниже сего примѣрахъ мы яснѣе увидимъ, какой нелѣпый слогъ раждается отъ сихъ русско-французскихъ словъ. Здѣсь же примѣтимъ токмо, что по сему новому правилу такъ легко съ иностранныхъ языковъ переводить всѣхъ славныхъ и глубокомысленныхъ писателей, какъ бы токмо списывать ихъ. Затрудненіе встрѣтится въ томъ единственно, что незнающій французскаго языка, сколько бы ни былъ силенъ въ россійскомъ, не будетъ разумѣть переводчика; но, благодаря презрѣнію къ природному языку своему, кто не знаетъ нынѣ по французски? По мнѣнію нынѣшнихъ писателей, великое было бы невѣжество, нашедъ въ сочиняемыхъ ими книгахъ слово *переворотъ*, не догадаться, что оное значитъ *revolution*, или по крайней мѣрѣ révolte. Такимъ же образомъ и до другихъ всѣхъ добраться можно: *развитіе*, *développement*; *утонченный*, *raffiné*; *сосредоточить*, *concentrer*; *трогательно*, *touchant*; *занимательно*, *intéressant*, и такъ далѣе. Вотъ бѣда для нихъ, когда кто въ писаніяхъ своихъ употребляетъ слова *брашно*, *требище*, *рясна*, *зодчество*, *доблесть*, *прозябать*, *наитствовать* и тому подобныя, которыхъ они съ роду не слыхивали, и потому о таковомъ писателѣ съ гордымъ презрѣніемъ говорятъ: «онъ педантъ, провонялъ славянщиною и не знаетъ французскаго въ стилѣ элегансу.

Главная причина, къ какой многіе нынѣшніе писатели относятъ необходимость рабственнаго подражанія ихъ Французамъ, состоитъ въ томъ, что они, читая французскія книги, находятъ иногда въ нихъ такія слова, которымъ, по ихъ мнѣнію, на нашемъ языкѣ нѣтъ равносильныхъ, или точно соотвѣтствующихъ. Что жъ до того? Неужели безъ знанія французскаго языка не позволено быть краснорѣчивымъ? Мало ли въ нашемъ языкѣ такихъ названій, которыхъ Французы точно выразить не могутъ? *Милая*, *гнусный*, *погода*, *пожалуй*, *благоутробіе*, *чадолюбіе* и множество сему подобныхъ, коимъ на французскомъ языкѣ, конечно, нѣтъ равносильныхъ; но меньше ли чрезъ то писатели ихъ знамениты? гоняются ли они за нашими словами и говорятъ ли: *mon petit pigeon*, для того, что мы говоримъ: *голубчикъ мой*? Стараются ли они глаголъ *приголубить* выражать на своемъ языкѣ глаголомъ, происходящимъ отъ имени *pigeon*, ради

того, что онъ у насъ происходитъ отъ имени *голубь*. Силу нашихъ рѣчей, таковыхъ напримѣръ, какъ: *мнѣ было говорить*, *писать было тебѣ къ моему отцу*, *быть писать*, *быть по сему* и пр. выразятъ ли они на своемъ языкѣ, когда переведутъ ихъ изъ слова въ слово: *à moi été parler*, *écrire à toi été*, *être écrire*, *être comme cela* etc.? Странно бы сіе было и смѣшно, и не было бы у нихъ ни Расиновъ, ни Буаловъ, еслибъ они такъ думали; но мы не то ли самое дѣлаемъ? Не находимъ ли мы въ нынѣшнихъ нашихъ книгахъ: *подпирать мнѣніе свое*, *двигать духами*, *черта злословія* и проч.? Не есть ли это рабственный переводъ съ французскихъ рѣчей: *soutenir son opinion*, *mouvoir les ésprits*, *un trait de satire*? Я думаю, скоро *boire à longs traits* станутъ переводить: *пить долгими чертами*; *il a épousé ma colère*—*онъ женился на моемъ гнѣвѣ*. Наконецъ меньше ли странны слѣдующія и симъ подобныя рѣчи: *имена мелкія цѣны.*—*Принудился провождать скитающуюся жизнь.*—*Голова его образована для тайной связи съ невинностію.*—*Храбрость обоихъ оказывается самъ на самъ.*—*Законъ ударяетъ совсѣмъ на иные предметы*, и проч.?

Между тѣмъ какъ мы занимаемся симъ юродливымъ переводомъ и выдумкою словъ и рѣчей, ни мало намъ не свойственныхъ, многія коренныя и весьма знаменательныя россійскія слова иныя пришли совсѣмъ въ забвеніе; другія, не взирая на богатство смысла своего, сдѣлались для непривыкшихъ къ нимъ ушей странны и дики; третьи перемѣнили совсѣмъ знаменованіе свое и употребляются не въ тѣхъ смыслахъ, въ какихъ сначала употреблялись. И такъ съ одной стороны въ языкъ нашъ вводятся нелѣпыя новости, а съ другой истребляются и забываются издревле принятыя и многими вѣками утвержденныя понятія: такимъ то образомъ процвѣтаетъ словесность наша и образуется пріятность слога, называемая французами *élégance*.

Многіе нынѣ, почитая невѣжество свое глубокимъ знаніемъ и просвѣщеніемъ, презираютъ славенскій языкъ и думаютъ, что они весьма разумно разсуждаютъ, когда изо всей мочи кричатъ: неужли писать: *аще*, *точію*, *вскую*, *уне*, *поне*, *распудить* и пр.? Такихъ словъ, которыя обветшали уже, и мѣста ихъ заступили другія, толико же знаменательныя, конечно, нѣтъ никакой нужды употреблять; но дѣло въ томъ, что мы вмѣстѣ съ ними и отъ тѣхъ словъ и рѣчей отвыкаемъ, которыя составляютъ силу и красоту языка нашего. Какъ могутъ обветшать прекрасныя и многозначащія слова, таковыя напримѣръ, какъ *дебелый*, *доблесть*, *присно*, и отъ нихъ происходящія: *одебелѣть*, *доблій*, *приснопамятный*, *приснотекущій* и тому подобныя? Должны ли слуху нашему быть дики прямыя и коренныя наши названія, таковыя, какъ: *любомудріе*, *умодѣліе*, *зодчество*, *багряница*, *вожделѣніе*, *велелѣпіе* и проч.? Чѣмъ меньше мы ихъ употреблять станемъ, тѣмъ бѣднѣе будетъ становиться языкъ нашъ и тѣмъ болѣе возрастать невѣжество наше; ибо вмѣсто природныхъ словъ своихъ и собственнаго слога мы будемъ объясняться чужими словами и чужимъ слогомъ. Отъ чего, напримѣръ, *благорастворенный воздухъ* есть выраженіе, всякому вразумительное, между тѣмъ какъ рѣчь: *царство, мудростію растворенное*, многимъ кажется непонятною? Отъ того, что они не знаютъ всей силы и знаменованія глагола *растворять*... Премножество богатыхъ и сильныхъ выраженій, которыя прилежнымъ упражненіемъ и трудолюбіемъ могли бы возрасти и умножиться, остаются въ зараженныхъ французскимъ языкомъ умахъ нашихъ безплодны, какъ сѣмяна, ногами попранныя или на камень упавшія. Предосудительно, конечно, и нехорошо безобразить слогъ свой смѣшеніемъ высокихъ славенскихъ рѣ-

ченій съ простонародными и низкими выраженіями, но поставить знаменательное слово приличнымъ образомъ и кстати весьма похвально, хотя бы оно и не было обыкновенное.

XXIII. ОЗЕРОВЪ.

Димитрій Донской. Трагедія (1807 г.)

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ шатеръ великаго князя Московскаго.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Димитрій и прочіе Россійскіе князья, бояре, военачальники, сидящіе и составляющіе совѣтъ.

Димитрій.

Россійскіе князья, бояре, воеводы,
Прешедшіе чрезъ Донъ отыскивать свободы
И свергнуть наконецъ насильствія яремъ!
Доколѣ было намъ въ отечествѣ своемъ
Терпѣть Татаровъ власть, и въ униженной долѣ
Рабами ихъ сидѣть на княжескомъ престолѣ?
Уже близъ двухъ вѣковъ, какъ въ ярости своей
Послали небеса жестокихъ сихъ бичей;
Близъ двухъ вѣковъ, враги то явные, то скрытны,
Какъ враны алчные, какъ волки ненасытны,
Татары губятъ, жгутъ и расхищаютъ насъ.
Къ отмщенью нашему я созвалъ нынѣ васъ:
Бѣды платить врагамъ настало нынѣ время.
Кипчакская орда, какъ исполинско бремя,
Лежала въ цѣлости на Россвихъ раменахъ,
И разсѣвала вкругъ уныніе и страхъ;
Теперь отъ тягости распалася на части.
Междоусобна брань, раздоръ и всѣ напасти,
Которыми предъ симъ Россійская страна
До разслабленія была доведена,
Пришли въ сію орду. Возникши новы ханы
Отторглись отъ нея, но алчные тираны,
Едва возникшіе, нашъ угрожаютъ край.
Изъ нихъ алчнѣе всѣхъ, хитрѣе всѣхъ Мамай,
Задонскія орды властитель злочестивой,
Возсталъ противу насъ войной несправедливой.
Онъ къ намъ уже спѣшитъ, и можетъ быть, сей ханъ
Съ зарею завтрешней предъ нашъ явится станъ.
Но, видя Русскихъ силъ внезапно съединенье,
Смутился сердцемъ онъ и мыслью впалъ въ сомнѣнье;
Посольство предъ собой рѣшился къ намъ послать.
Друзья Димитрія, разсудите ль принять?
Иль, твердыми пребывъ въ намѣреньи геройскомъ,
Мамаю отвѣчать мы будемъ передъ войскомъ,
Чтобъ первый Россіянъ и смѣлый ихъ ударъ
Раздался по землѣ и ужаснулъ Татаръ?

Тверскій.

Такъ будемъ отвѣчать предъ войскомъ въ ратномъ полѣ!
Никто изъ васъ, князья, меня не можетъ болѣ
Желать отмщенія врагамъ свирѣпымъ симъ.
Чей родъ во бѣдствіяхъ сравняется съ Тверскимъ?
Мой дѣдъ и прадѣдъ мой, въ мученіяхъ безмѣрныхъ,
Главы сложили въ гробъ измѣною невѣрныхъ,
И прахъ стонаетъ ихъ подъ властію орды.
Великій Россовъ князь, ты созвалъ насъ сюды
Не съ тѣмъ, чтобы вступать съ Мамаемъ въ договоры,
Но битвою рѣшить и кончить съ нимъ раздоры.
Тверское воинство родитель вѣрилъ мнѣ;

Нижегородскій князь, участвуя въ войнѣ,
Но, древностію лѣтъ, не въ силахъ выйти въ поле,
Свою отважну рать моей повѣрилъ волѣ.
Отъ устія Оки, отъ Волжскихъ береговъ,
Привелъ я храбрыхъ сонмъ искать, сражать враговъ,
Или за вѣру пасть и лечь за Русску землю.
Когда наградою я Ксенію пріемлю,
Коль града Нижняго прелестная княжна
Отцемъ ея мнѣ быть супругой суждена;
На всѣ опасности отважиться я смѣю.
Я ждалъ ее во станъ; но съединюся съ нею,
Когда велитъ мнѣ Богъ съ сраженія сойдти
И въ даръ ея отцу доспѣхъ врага нести.
Всѣ Русскіе князья съ отважностію равной
Горятъ принять мечи и въ бой стремиться славной,
Почто же видѣть намъ Мамаева посла?
Когда пріязнь Татаръ быть искренной могла?
Пойдемъ противу нихъ, сотремъ ихъ горды силы,
Или найдемъ себѣ здѣсь славныя могилы!

Бѣлозерскій.

О, сколько счастливъ я, до сихъ доживши дней,
Согласье видя здѣсь, любовь между князей
И на враговъ въ сердцахъ единодушну ревность!
И такъ, въ отверстый гробъ мою склоняя древность,
Почіющимъ отцамъ могу надежду несть,
Что возстановится страны Россійской честь,
Что возвратится ей могущество и слава.
О, тѣнь Владиміра, и ты, тѣнь Ярослава,
Родоначальныя домовъ княжихъ главы!
На лонѣ ангеловъ возвеселитесь вы,
Когда предвидите благополучно время,
Какъ раздѣленное народовъ Русскихъ племя,
Соединясь душой одной въ составъ одинъ,
Явится въ торжествѣ, какъ грозной исполинъ,
И міру дастъ законъ Россія съединена.
(къ Димитрію)
Димитрій, для тебя побѣда несомнѣнна.
Нѣтъ, никогда еще въ такой обширный станъ
Не собирали войскъ ни дѣдъ твой Іоаннъ,
Ни гордый Симеонъ, ни кроткій твой родитель;
И Бѣлозерскихъ силъ я давній предводитель
Не видѣлъ, чтобъ когда Россія извела
Отважныхъ ратниковъ толикаго числа.
Изъ Русскихъ всѣхъ князей одинъ Олегъ въ Рязани
Остался въ праздности и безъ участья въ брани:
Одинъ на общій стонъ его безчувственъ слухъ.
Погибни память тѣхъ, которыхъ можетъ духъ
Бѣды отечества спокойнымъ видѣть взоромъ,
Иль лучше имя ихъ пускай прейдетъ съ позоромъ
Въ потомство позднее и въ безконечный стыдъ!
Но сколь, о государь, успѣхъ тебѣ ни льститъ,
Совѣтъ однакожъ мой: принять Татаръ посольство,
И если можемъ мы возстановить спокойство,
Платя Мамаю дань...
(Всѣ князья изъявляютъ негодованіе.)

Димитрій.

О, Бѣлозерскій князь,
Что предлагаешь ты? Чтобъ, брани убоясь,
Постыдной податью мы власть признали ханску?

Бѣлозерскій.

Чтобы щадили кровь безцѣнну христіанску.
Мамая побѣдивъ, брегися, чтобъ орды
Не съединились вновь для нашея бѣды;

Брегись, чтобъ подвигъ сей, намъ временно счастливый,
Не возбудилъ опять ихъ духъ властолюбивый,
И чтобы наконецъ не усмотрѣлъ ихъ взоръ,
Сколь вреденъ власти ихъ тщеславія раздоръ,
Который межъ собой ихъ хановъ раздѣляетъ;
Скорѣй обиженный обиды забываетъ,
Чѣмъ тотъ, кто ихъ нанесъ въ свирѣпости своей.
И грабежи, пожаръ, убійство женъ, дѣтей,
Которые на насъ Татары изливали,
По мнѣнью ихъ, ордамъ надъ нами право дали,
Своею отчиной они Россію чтутъ;
Зря наше мужество, нестройствія прервутъ,
На бѣдства Россіянъ согласны будутъ вскорѣ.
Дай лучше имъ слабѣть въ ихъ пагубномъ раздорѣ;
Дай намъ усилиться средь мирной тишины,
И, отклонивъ отъ насъ случайности войны,
Ты миръ предпочитай побѣдѣ безполезной!

Димитрій.

Ахъ, лучше смерть въ бою, чѣмъ миръ принять безчестной!
Такъ предки мыслили, такъ мыслить будемъ мы.
Прошли тѣ времена, какъ робкіе умы
Въ Татарахъ видѣли орудіе небесно,
Чему противиться безумно и невмѣстно.
Но въ наши дни и честь и самой вѣры гласъ
Противъ мучителей вооружаютъ насъ.
Сей гласъ вѣщаетъ намъ, сей вѣры гласъ завѣтный,
Что павшему въ бою вѣнецъ готовъ безсмертный,
Что въ радость райскую чрезъ гробъ вступаетъ онъ.
О, Сергій, пастырь душъ, кого сограждднъ стонъ
Толико разъ смущалъ среди молитвъ пустынныхъ,
Толико слезъ извлекъ на участь неповинныхъ!
О, ты, который намъ, священною рукой,
Явивъ, благословилъ сей предлежащій бой!
Изъ той обители, гдѣ дни ведешь смиренны,
Внуши мои слова: тобою вдохновенны,
Они воспламенятъ Россійскія сердца
Искать свободы здѣсь, иль райскаго вѣнца!
Такъ лучше жить престать, иль вовсе не родиться,
Чѣмъ племенамъ чужимъ подъ иго покориться,
Чѣмъ званьемъ данниковъ корыстолюбью льстить.
Симъ рабствомъ ли бѣды мы можемъ отвратить?
Кто платитъ дань, тотъ слабъ; кто слабый духъ являетъ,
Тотъ алчность наглую къ обидѣ призываетъ.
Но ханскаго посла согласенъ я принять
И ввесть предъ сонмъ князей, не съ тѣмъ, чтобы внимать
Татарской наглости постыднымъ предложеньямъ,
Но чтобъ явить ему готовый духъ къ сраженьямъ;
Чтобъ мужество читалъ на вашихъ онъ челахъ,
Содрогся бъ и принесъ во станъ къ Мамаю страхъ.

Смоленскій.

Весь сонмъ на твой совѣтъ согласье изъявляетъ.

Димитрій.

Посланникъ близъ шатра рѣшенья ожидаетъ;
Ты, Бренской, приведи прибывшихъ къ намъ Татаръ!

Приходитъ посолъ Мамая съ требованіемъ покорности и дани. Димитрій отвѣчаетъ ему:

О, дерзостный посолъ надменнѣйшаго хана!

Обширность видѣлъ ты Россійскихъ воевъ стана,
Здѣсь видишь храбрыхъ сонмъ: и жизнь, какъ нѣкій даръ,
Намъ смѣешь предлагать отъ благости Татаръ!
Но жить еще кому, иль намъ, или Мамаю,
Оружіе рѣшитъ; и твердо уповаю,
Что чудный крѣпостью и справедливый Богъ
Поможетъ намъ сотреть гордыни вашей рогъ;
Поможетъ намъ отмстить убійства, расхищенья,
Пожары, грабежи, всѣ роды истребленья,
Которые отъ васъ Россія пренесла.
Вотъ ваши подвиги, вотъ славныя дѣла,
На что ссылаяся, вы требуете дани!
Но брань конецъ правамъ, добытымъ черезъ брани.
Осталось мужество единымъ намъ добромъ:
И хану дань несемъ не златомъ, не сребромъ;
Нѣтъ, дани для него мы собрали иныя:
Мечи булатные и стрѣлы каленыя.
Пусть оныя принять Непрядву перейдетъ.

Посолъ.

Какая слѣпота васъ къ гибели ведетъ!

Димитрій.

Какою алчностью вы къ гибели ведомы!

Посолъ.

По праву сильнаго, всѣ ваши земли, домы
И все имущество стяжаніе Татаръ,
И самый солнца свѣтъ вамъ хановъ нашихъ даръ.

Димитрій.

Но право храбраго мечемъ отмщать убійство,
Свободу защищать и отражать насильство.

Посолъ.

Или не помните Батыевыхъ побѣдъ?

Димитрій.

Для мести намъ Батый оставилъ вѣчный слѣдъ.

Посолъ.

Страшитесь раздражать Мамая непокорствомъ!

Димитрій *(встаетъ и за нимъ всѣ князья).*

Татаринъ, я твоимъ скучаю ужъ упорствомъ;
Но чтя въ лицѣ посла народныя права,
Презрѣнье мой отвѣтъ на дерзкія слова.
Ты наше войско зрѣлъ, рѣшимость нашу знаешь:
Чего же медлишь здѣсь? чего ты ожидаешь?
Иди къ пославшему и возвѣсти ему,
Что Богу Русской князь покоренъ одному.

Посолъ.

Иду отсель. Но знай, о князь высокомѣрный,
Что будетъ надъ тобой Мамая гнѣвъ примѣрный!
И отъ сего часа, покорствуй ты, иль нѣтъ,
Нашъ ханъ Димитрію пощады не даетъ:
Для Русскихъ всѣхъ князей на милость онъ склонится,
Съ тобою же никакъ, ничѣмъ не примирится:
И будетъ тотъ владѣть престоломъ и Москвой,
Кто явится къ нему съ твоей въ рукахъ главой.

Бренской *(берется за мечъ).*

Ордынецъ дерзостный!...

Димитрій *(останавливая Бренскаго).*

Оставь его безумство!
Престола хищника послу прилично буйство. *(Къ послу):*
Скажи, что я горжусь Мамаевой враждой:
Кто чести, правдѣ врагъ, тотъ врагъ конечно мой.
(Подастъ знакъ, чтобъ Татаръ вывели).

Отпустивши пословъ, Димитрій продолжаетъ совѣщаніе. Князь Бѣлозерскій, предложившій прежде миръ, беретъ свое слово назадъ, а Тверской совѣтуетъ спѣшить скорѣе, пока Татары не подошли близко. Димитрій распоряжается войсками, кому поручить какую его часть; самъ онъ намѣренъ вести передовой полкъ.

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Димитрій и Бренской.

Бренской.

Сыновъ отечества для радостныхъ сердецъ
Какое чувствіе, раздору зря конецъ,
Который раздѣлялъ Владиміра потомство!
Однихъ поистинѣ мужей великихъ свойство
Соединять умы, поставить цѣлью честь
И мысли всей страны своею мыслью весть.
Бояре и князья, народъ и воеводы,
Черезъ тебя горятъ желаніемъ свободы;
Разноначальственна Россійская земля
Покорна одному, твоимъ словамъ внемля.

Димитрій.

Счастливѣе стократъ, кто, въ неизвѣстной долѣ
Рожденіемъ сокрытъ, въ своей свободенъ волѣ
И можетъ чувствами души располагать!

Бренской.

Прилично ль на судьбу Димитрію роптать!
Иль хочешь возвѣстить, что мы увидимъ вскорѣ
Отечественный край вновь гибнущимъ въ раздорѣ,
И что, души твоей низшедъ во глубину,
Усматриваешь ты въ ней тайную вину,
Рушительницу впредь Россійскаго спокойства?

Димитрій.

Вседневна рѣчь твоя.

Бренской.

Вседневно безъ притворства
Гласъ дружбы будетъ мой о должности твердить,
Стараться страсть твою несчастну истребить.

Димитрій.

Ты не успѣешь въ томъ: нѣтъ власти столько сильной;
И огнь погаснетъ мой лишь въ хладности могильной.
Мой другъ, видъ Ксеніи, прелестнѣйшій сей видъ
Всѣ помышленія, весь духъ во мнѣ живитъ;
Имъ сердце страстное въ Димитріи біется,
И смертію одной любовь въ душѣ прервется.
Не осуждай ея: она счастливый даръ;
Она произвела сей доблественный жаръ,
Съ которымъ я стремлюсь отечество избавить,
Свободу возвратить и мой народъ прославить.

Бренской.

И такъ, геройскій жаръ, который произвесть
Должны бы званія, верховный долгъ и честь,
Въ тебѣ случайный жаръ, отъ взора порожденный!
И такъ, не зрѣвъ княжны, Димитрій униженный
Подъ игомъ у Татаръ спокойно бъ дни провелъ
И память съ жизнію во тлѣнный гробъ низвелъ!
Нѣтъ, нѣтъ, твои слова любови лишь искуство
И болѣе тебя твое я знаю чувство,
И сколь къ отечеству твой преданъ вѣрный духъ!
Не взора страстнаго могъ ожидать мой другъ,
Чтобы отважиться на подвигъ благородной:
Довольно для него и горести народной,
Довольно храбрости, носимой имъ въ крови,
Но я бъ не осуждалъ сей пылкія любви,
Когда бъ не видѣлъ въ ней несчастнѣйшихъ послѣдствій!
Междоусобій вновь, и вновь народныхъ бѣдствій!
Ты самъ рѣши: Тверской, тебя предупредивъ,
Родителя княжны согласье получивъ,
Потерпитъ ли еще любовь ему совмѣстну?

Димитрій.

Почто напоминать души печаль извѣстну!
Такъ, Ксенія ему въ супруги суждена.
Но коль союзъ съ княжной любовь свершить должна,
Когда взаимна страсть даетъ права надъ нею:
О Бренской, я одинъ всѣхъ болѣ правъ имѣю.
Всѣхъ болѣе люблю, всѣхъ болѣе любимъ.
Ты не былъ въ храмѣ томъ, гдѣ вдругъ глазамъ моимъ
Предстала Ксенія въ день перваго свиданья.
Во мнѣ то жаръ, то хладъ, невольны трепетанья,
И вся душа въ очахъ, чтобъ зрѣть ея красы,
Явили, что люблю. Въ тѣ самые часы
Исчезли въ мысляхъ храмъ, останки тѣ нетлѣнны,
Предъ коими и дочь и матерь преклоненны
Молили премѣнить на милость гнѣвъ небесъ.
Скорбь матери была виной дочернихъ слезъ,
Виной пріѣзда ихъ во градъ первопрестольный.
Съ какою прелестью мой страстный духъ, довольный,
Чувствительность княжны въ слезахъ ея читалъ!
Влекомъ надеждою, молчанье я прервалъ:
Предъ матерью ея признался въ страсти нѣжной.
Ахъ, взоръ родившія, сей взоръ всегда прилежной,
Въ дочерниной душѣ взаимность чувствъ открылъ,
И ею ободренъ, ужъ я въ надеждѣ былъ,
Что бракъ, противный бракъ съ Тверскимъ, не совершится,
Что страстный пламень мой достойно наградится.
Но сей отрады лучъ блеснулъ на краткій часъ
И съ жизнію, увы, княгини онъ погасъ.
Болѣзнь медлительна, въ груди носима ею,
Свела ее во гробъ съ надеждою моею.
Я предпріялъ тогда къ родителю княжны
Дочь грустну проводить до Низовой страны,
И тамъ, въ любви нашедъ языкъ краснорѣчивый,
Склонить отца на бракъ ея со мной счастливый:
Возсталъ Мамай и огнь военный воспаля,
Насъ вызвалъ съ местію въ задонскія поля,
Гдѣ образъ Ксеніи, въ душѣ изображенной,
Предъ мною носится среди грозы военной;
Гдѣ я надежды всей дотолѣ не лишенъ,
Доколь ея союзъ съ Тверскимъ не совершенъ.

Бренской.

Надежда тщетна: иль Ксеніи родитель
Обѣтовъ предъ концомъ престанетъ быть хранитель?
Когда Россіянинъ рѣшился слово дать,
То безъ стыда ему не можетъ измѣнять.
Иноплеменникамъ, корысти лишь послушнымъ,
И сила клятвъ мала; но Россамъ добродушнымъ
И слова честнаго довольно одного.
Ты знаешь, что союзъ сей вѣренъ до того,
Что князь Тверской во станъ невѣсту ожидаетъ,
Гдѣ Ксеніи отецъ для дочери желаетъ,
Предъ взорами Татаръ воздвигнуть брачный храмъ.

Димитрій.

Не мысли, чтобъ княжна могла пріѣхать къ намъ!
Въ Москвѣ, гдѣ вѣрность мнѣ любови сохраняетъ,
Судьбы и сей войны рѣшенья ожидаетъ.
Но вижу воина: какую слышать вѣсть?

Во время этой бесѣды входитъ воинъ и извѣщаетъ о прибытіи княжны Ксеніи.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Передъ свиданіемъ съ Димитріемъ Ксенія говоритъ своей наперсницѣ Избранѣ, что, любя

Димитрія, не хочетъ отдать руки князю Тверскому, которому она обѣщана отцомъ, и если отецъ останется непреклоненъ, княжна заключится въ монастырь. Избрана совѣтуетъ ей открыться отцу въ любви къ Димитрію. Потомъ Ксенія приходитъ въ палатку великаго князя. Узнавъ, что она помолвлена за Тверскаго, Димитрій гнѣвается. Онъ хочетъ мстить ея отцу. Приходитъ князь Тверской, высказываетъ княжнѣ свои чувства и законныя права, вслѣдствіе обѣщанія отца ея. Ксенія эти права считаетъ недостаточными; любви же она къ нему не имѣетъ и любитъ другаго, Димитрія. Великій князь подтверждаетъ ея слова. Ксенія высказываетъ предъ ними свое намѣреніе идти въ монастырь; Димитрій убѣждаетъ ее отложить такую жестокую мысль.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Князья негодуютъ на Димитрія за его властолюбіе; они требуютъ, чтобы онъ помирился съ Тверскимъ и уступилъ ему Ксенію. Димитрій внимаетъ убѣжденіямъ Бѣлозерскаго и готовъ поспѣшить нападеніемъ на Мамая.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Къ Димитрію приходятъ Московскіе бояре и убѣждаютъ его непремѣнно идти за Донъ, потому что Мамай, какъ имъ извѣстно, имѣетъ намѣреніе идти на Москву. Ксенія, узнавши, что князья отступились отъ Димитрія, считаетъ себя виновницею бѣдствія и готова принять смерть или идти въ монастырь.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Ксенія, Димитрій, Тверской, Бѣлозерскій, Смоленскій и прочіе князья.

Ксенія.

О, мудрые князья!
Возникшей распри здѣсь причиной бывъ несчастной,
Вашъ призываю судъ: пусть будетъ безпристрастной!
И ты, Тверскій, и ты, столь раздраженный мной,
Плачевной Ксеніи будь грознымъ судіей!
Обѣщанна тебѣ, твою отвергла руку,
И тайную печаль, и тайну сердца муку
Въ обители сокрыть отъ всѣхъ хотѣла глазъ.
Но ты проникъ, чему мой приписать отказъ;
Проникъ, что страсть въ душѣ къ другому я имѣю:
Я подтвердить о томъ тебѣ предъ всѣми смѣю. *(Указывая на Димитрія:)*
Вотъ тотъ, кого любовь мнѣ другомъ избрала!

Тверскій.

На поруганье ль ты меня сюда звала,
Готовивъ торжество сопернику надъ мною!

Ксенія.

Ахъ, нѣтъ: винить себя хочу передъ тобою!
Негодованію чтобы не знавши мѣръ,
Ты казнь мою свершилъ для слабыхъ душъ въ примѣръ;
Чтобы онѣ моимъ проступкомъ изумились,
Содроглись казни сей и такъ любить страшились!
Не оправдаюсь тѣмъ, что, слова не дававъ,
Твоихъ я надъ собой не признавала правъ,
И быть рукѣ моей еще свободной мнила
Искать супруга мнѣ по сердцу болѣ мила;
Не извинюсь и тѣмъ, что нѣжная мнѣ мать
Позволила любовь къ Димитрію питать:
Конечно, тѣнь ея страдаетъ вкругъ безмолвно
За сердце дочери, передъ тобой виновно.

Тверскій.

Виновно, и ничто не можетъ оправдать.
Родитель могъ одинъ тобой располагать,
И съ обрученіемъ имъ право то священно
Мнѣ было надъ тобой по смерть твою врученно.
Ты не должна съ того торжественнаго дня
И мысли бы имѣть, сокрытой отъ меня.

Ксенія.

Такъ правомъ пользуйся, что далъ тебѣ родитель,
И въ наказаніе назначь мою обитель,
Обитель строгую, среди пустынныхъ мѣстъ,
Гдѣ бы въ трудахъ несла я тяжкій жизни крестъ;
Назначь хоть въ той странѣ, гдѣ часть большую года
Безъ солнечныхъ лучей печалится природа;
Гдѣ бурь порывистыхъ мнѣ будетъ грозный ревъ

На память приводитъ твой справедливый гнѣвъ!
Но гнѣвъ довольствуй сей ты казнію моею!
И васъ, князья, о томъ молить я нынѣ смѣю!
Для имени супругъ, сестеръ и дочерей,
Всего, что мило вамъ быть можетъ въ жизни сей,
Моею казнію прервите огнь раздора;
Соединитесь вновь къ изглаженью позора
И рабства блѣдности съ Россійскаго чела!
Я распрю между васъ съ собою принесла:
Извергните меня, въ безлюдный край ссылайте,
Но лишь стенящее отечество спасайте!

Тверскій.

Какъ ни обиденъ былъ твой, Ксенія, отказъ,
Я снисходительнымъ еще хочу быть разъ.
Вражда ль противъ Татаръ, которыхъ жажду крови,
Иль память о моей предъ симъ къ тебѣ любови,
Внушаютъ мнѣ теперь забыть проступокъ твой,
Простить обиды всѣ, идти въ кровавый бой,
И вновь Димитрію союзникомъ быть вѣрнымъ.
Какъ духомъ я его ни оскорбленъ надменнымъ;
Но для забвенія моихъ отъ васъ обидъ,
Чтобы твой бракъ со мной предъ войскомъ стеръ мой стыдъ,
Клянись, что въ сей же день пойдешь къ вѣнцу: и снова
Союзный мечъ принять рука моя готова.

Ксенія.

Ахъ, ты неумолимъ ко мнѣ, какъ гнѣвный рокъ!
Будь менѣ жалостливъ, иль менѣе жестокъ!
Ты хочешь пощадить и сердце раздираешь.

Бѣлозерскій.

Подумай, Ксенія, что, можетъ быть, спасаешь
Ты должнымъ бракомъ симъ честь Русскія страны,
Свободы ждущія плодомъ сея войны.
Какой примѣръ подашь! Чье сердце оробѣетъ,
Коль сердце Ксеніи любовь преодолѣетъ
И болѣ нежели жизнь на жертву принесетъ?
Но ты молчишь. Скажу ль, что оный бракъ спасетъ
Того, къ кому вся мысль твоя стремится тайно;
Что дни Димитрія...

Димитрій.

Какое чрезвычайно
Усердіе за дни, покинуты отъ васъ!
Такъ, Ксеніи теперь согласье иль отказъ
Рѣшатъ мою судьбу, и чувства, и желанья;
Но вашего меня избавьте сестраданья!
Погибну или нѣтъ, что нужды до того?

Смоленскій.

Предъ слабостью княжны, предъ гордостью его (*Указывая на Димитрія*)
Не тщетно ли слова и время мы теряемъ!
Проходитъ ночи мракъ и миръ еще съ Мамаемъ
Не совершенъ у насъ. Къ предупрежденью бѣдствъ,
Пошлемъ дань собранну, коль нѣтъ надеждъ и средствъ
Къ разсудку преклонить Димитрія упорство,
Которо Ксеніи питаетъ непокорство!

Тверскій.

Смущаюся стыдомъ, о, твердые князья!
Что могъ унизиться еще прошеньемъ я.
Но предъ отцомъ княжны и предъ Россіей всею
Я несомнѣнныхъ въ васъ свидѣтелей имѣю.
Вашъ голосъ возвѣститъ отечеству въ слезахъ,
Кого должно винить оно въ своихъ бѣдахъ,
Надъ чьей главой возлечь должно негодованье.
И пусть позоръ гражданъ и общее страданье

Виновныхъ поразятъ; пусть Ксеніи отецъ,
Внимавъ стенанію всѣхъ ропщущихъ сердецъ,
И ждавшій отъ нея предъ гробомъ утѣшенья,
Клянетъ преступницы и самый день рожденья. *(хочетъ идти.)*

Димитрій.

Что смѣешь ты вѣщать?

Ксенія *(останавливая Тверскаго.)*

Жестокій князь, постой!
Отъ страшныхъ сихъ угрозъ весь духъ содрогся мой.
Кто, я, отечествомъ въ несчастьяхъ обвиненна,
Я буду клятвою отца обремененна,
Сей клятвой тяжкою, которую и смерть
Съ главы уже моей не въ силахъ будетъ стерть,
Отъ коей самый прахъ въ могилѣ не избѣгнетъ,
И съ коей тѣнь мою тѣнь матери отвергнетъ?
О, мысль ужасная! Избавь отъ клятвы сей!
И можешь коль еще желать руки моей,
Котору не любовь, но трепетъ предлагаетъ,
Пріими, и пусть меня отецъ не проклинаетъ!

Димитрій.

Несчастна Ксенія, что дѣлаешь?

Ксенія.

Мой долгъ,
Природы стонъ велитъ, чтобъ гласъ любви умолкъ.
(Димитрій въ отчаяніи склоняетъ голову на перси Бренскаго.)

Тверскій.

Души твоей, княжна, побѣдѣ удивляясь,
Довольствуюсь рукой, на время полагаясь,
Что и любви твоей достойнымъ буду я.
(Къ князьямъ:)
О битвѣ помышлять намъ слѣдуетъ, друзья.
Нашъ храбрый духъ предъ симъ обидою былъ связанъ;
Она отомщена: Димитрій самъ наказанъ;
(При семъ стихѣ Димитрій отъ унынія переходитъ къ ярости.)
И Ксенію во храмъ...

Димитрій.

Во храмъ не поведешь;
Искать сраженія ты далѣ не пойдешь.
(Хочетъ обнажить мечъ и бросаясь къ Тверскому:)
Чтобъ мечъ рѣшилъ...

Бѣлозерскій, *(останавливая Димитрія.)*

Постой! Соперникъ безоруженъ.

Димитрій.

Пусть мечъ велитъ подать!

Ксенія *(становится между Димитріемъ и Тверскимъ.)*

Нѣтъ, мечъ ему не нуженъ.
Ему противъ тебя моя защитой грудь.
Рази и въ ярости законы всѣ забудь!
Счастлива, коль спасу дни будуща супруга.

Тверскій.

Димитрій, пощадимъ взаимно другъ мы друга!
Обычай боевъ сихъ, въ странахъ иныхъ законъ,
Въ простые нравы къ намъ до нынѣ не введенъ;
Намъ мечъ противъ враговъ отечество вручаетъ:
И врагъ его Мамай насъ въ битву вызываетъ.
Тамъ храбрыхъ воиновъ сіянье ждетъ вѣнцовъ.
Но плачъ и стонъ семействъ преслѣдуютъ бойцовъ,
Пойдемъ и въ подвигахъ явимъ на ратномъ полѣ,
Кто будетъ Ксеніи изъ насъ достойнѣ болѣ!
(Тверскій ведетъ Ксенію, за ними слѣдуютъ Избрана и предстоявшіе князья.)

Димитрій даетъ свои бармы и доспѣхи оруженосцу Бренскому и посылаетъ предводительствовать войскомъ, а самъ намѣренъ участвовать въ сраженіи, какъ простой воинъ.

Дѣйствие пятое. Ксенія, узнавъ, что Димитрій смертельно раненъ, хочетъ лишить себя жизни. Въ это время приходитъ къ ней бояринъ и разсказываетъ подробности побѣды надъ Мамаемъ и передаетъ общій страхъ отъ того, что нигдѣ не

находятъ Димитрія и воина, которому принадлежитъ честь побѣды. Наконецъ находятъ того и другаго. Тверскій мирится съ Димитріемъ и уступаетъ ему Ксенію.

XXIV. ГНѢДИЧЪ.

Рыбаки. идиллія (1821 г.).

Часть первая.

Таланты отъ Бога, богатство отъ рукъ человѣка.
На островѣ Невскомъ, омытомъ рѣкою и моремъ,
Подъ кущей одною два рыбаря жили пришельцы:
Одинъ престарѣлый, другой лишь брадой опушался.
Гонимые нуждой изъ милаго края роднаго,
На промыслъ товарищи вмѣстѣ пришли на чужбину.
Лишь честную бѣдность они принесли за спиною,
И вмѣстѣ и нужду и трудъ земляки раздѣляли.
Въ печальныхъ трудахъ для убогаго пѣсни услада,
И младшій прекрасно игралъ ихъ на звонкой свирѣли.
Въ тѣ тайныя чувства минуты, когда вдохновенье
Отъ неба нисходитъ и душу любимца тревожитъ:
Въ часъ утра златаго, какъ день загарался на небѣ,
И все на землѣ воскресало для счастія жизни,
Иль въ вечеръ, какъ солнце въ багряныя волны тонуло,
Иль въ ясныя ночи, смотря и безмолвный дивуясь
На мѣсяцъ, на звѣзды, на высь безпредѣльную неба,
То тайную радость, то тайныя грустныя чувства
Любилъ изливать онъ въ простыхъ, безъискуственныхъ звукахъ,
Но чистыхъ, но свѣжихъ, какъ юные листья на вѣтвяхъ.
Давно онъ окрестность плѣнялъ вдохновенной свирѣлью,
Онъ, звуками сердца по свѣтлой Невѣ разливаясь,
Не разъ у гребцовъ останавливалъ шумныя весла.
Но, сердцемъ невинный, чудесъ, имъ творимыхъ, не вѣдалъ.
Однажды, уставши отъ ловли несчастливой, оба
Сидѣли у кущи, изъ вѣтвей древесныхъ сложенной.
Старѣйшій работалъ изъ гибкія вербы кошницу;
А младшій, у брега главою на руку поникшій,
Уныло смотрѣлъ на бѣгущія, темныя волны.
Шумѣли, бѣжали въ пучину незримую волны:
Такъ юноши думы въ синѣвшую даль уносились!
По долгомъ молчаніи къ устамъ поднесъ онъ цѣвницу
И въ пѣсни унылой излилъ вдохновенное сердце.
Но рыбарь старѣйшій, работая, началъ бесѣду.

Рыбакъ старшій.

Любезный товарищъ, вѣдь пѣснями рыбы не ловятъ!
Ты сладко играешь, и мнѣ твои пѣсни отрадны;
Но вижу, ты часто работу мѣняешь на пѣсни;
Поешь ты до птицъ, для свирѣли и сонъ забываешь.
Охота другая неволя: но молвлю я слово:
Нашъ неводъ изорванъ и верша твоя не въ исправѣ.
Не пѣснями ль, милый, ты здѣсь затѣваешь кормиться?
Ты съ голоду сгибнешь, иль съ сумкой воротишься къ дому.

Рыбакъ младшій.

Не сгибну, товарищъ: насъ пѣсни до бѣдъ не доводятъ;
Любилъ ихъ, ты помнишь, и дѣдъ мой.

Рыбакъ старшій.

Пастухъ горемычный!
Что дѣтямъ оставилъ онъ?

Рыбакъ младшій.

Доброе имя!

Рыбакъ старшій.

И бѣдность.
Отецъ твой рыбакъ и дѣтей бы не въ скудѣ оставилъ,
Когда бъ не пришли на семью его черные годы:
Пожаръ за пожаромъ его разорилъ до основы.

Рыбакъ младшій.

А кто же помогъ намъ? И кто на дорогу снабдилъ насъ,
Отдавши послѣднее? Дѣдъ мой, пастухъ горемычный.
Онъ, онъ подарилъ мнѣ и эту пастушью цѣвницу;
Онъ къ пѣснямъ меня заохотилъ.

Рыбакъ старшій.

Такъ что же, товарищъ!
Знать, хочешь ты кинуть наслѣдственный промыслъ отцовскій?
Но промыслъ рыбачій есть промыслъ и чистый и честный:
Рыбакъ не губитель, своей онъ руки не кровавитъ:
Рыбакъ не обманщикъ, товаръ продаетъ не поддѣльный.
Симъ промысломъ честнымъ отцы наши хлѣбъ добывали.
Знать, другъ мой любезный, тяжелъ тебѣ трудъ рыболова?
Такъ лучше бъ съ свирѣлью остался ты дома при стадѣ.
Тамъ ясное небо, тамъ ясныя души, и пѣсни
Тамъ милы людямъ; а здѣсь, братъ, и люди, какъ небо,
Суровы: здѣсь хлѣба не выносишь, выплачешь легче.
Опомнись, землякъ! что скажетъ и мать, какъ услышитъ?

Рыбакъ младшій.

Услышитъ, любезный, о мнѣ она добрыя вѣсти:
А ты понапрасну меня не кори, обижаешь.
Рыбачій я промыслъ люблю, и его не чуждаюсь:
Быть можетъ, лѣнивъ я, а больше того безталанливъ;
Но справлюсь, товарищъ. Сулитъ рыболовъ мнѣ приморскій
Клубъ нитокъ и вершу за выучку пѣсней свирѣльныхъ.
Вотъ, видишь ты, пѣсни любятъ и здѣшніе люди;
Ихъ слушаютъ часто, на шлюпкахъ по взморью гуляя,
Бояре градскіе; ихъ любятъ всѣ добрые люди!
Я помню изъ дѣтства, какъ въ нашемъ селеніи старецъ,
Захожій слѣпецъ наигрывалъ пѣсни на струнахъ
Про старыя войны, про воиновъ русскихъ могучихъ.
Какъ вижу его: и сума за плечами и кобза,
Сѣдая брада и волосы до плечъ сѣдые;
Съ клюкою въ рукахъ проходилъ онъ по нашей деревнѣ
И, зазванный дѣдомъ, подъ нашею хатой усѣлся.
Онъ долго сперва по струнамъ рокоталъ молчаливый,
То важною думой сѣдое чело осѣняя,
То къ небу подъемля незрячія, бѣлыя очи.
Какъ вдругъ просвѣтлѣло сѣдое чело пѣснопѣвца,
И вдругъ по струнамъ залетали костистые пальцы,
Въ рукахъ задрожала струнчатая кобза, и пѣсни,
Волшебныя пѣсни, изъ старцевыхъ устъ полетѣли!
Мы всѣ, ребятишки, какъ вкопаны въ землю, стояли.
А дѣдъ мой старикъ, на ладонь опираяся думный,
На лавкѣ сидѣлъ, и изъ глазъ его капали слезы.
О, кто бы меня научилъ сладкогласнымъ тѣмъ пѣснямъ,
Тому бъ я отдалъ изъ счастливѣйшихъ всю мою тоню!

Вонъ тамъ, на Невѣ, подъ высокимъ теремомъ свѣтлымъ,
Изъ камня гдѣ львы у порога стоятъ, какъ живые,
Подъ теремомъ тѣмъ бояринъ живетъ именитый,
Уже престарѣлый, но знать въ немъ душа молодая:
Подъ теремомъ тѣмъ, ты слыхалъ ли, какъ въ лѣтнія ночи
И струны рокочутъ и вѣщіе носятся гласы?
Знать, старцы слѣпые боярина пѣснями тѣшатъ.
Землякъ, и свирѣль тамъ слышна, соловьемъ распѣваетъ!
Всю душу проходитъ, какъ трель поведетъ и зальется!
Ты видишь, землякъ, и бояре разумные любятъ
Свирѣль. Не хули же моей ты сердечной забавы.
Люблю свое ремесло, но и пѣсни люблю я;
А дѣдъ мой говаривалъ: что въ кого Богъ поселяетъ,
То вѣрно не къ худу. И что же въ пѣсняхъ худаго?
Мнѣ сладко, мнѣ весело, радостно, словно я въ небѣ,
Когда на свирѣли играю! Да самъ ты, товарищъ,
Ты самъ, какъ пою я про сторону нашу родную,
Про рѣки знакомыя, гдѣ мы учился ловлѣ,
Про долы зеленые, гдѣ мы играли младые,
За чѣмъ ты, любезный, глаза закрываешь рукою?
Да ты же меня и коришь и сумою стращаешь!
Мнѣ бѣдность знакома изъ дѣтства: ее не боюся.
Покол жъ есть руки, я ихъ не простру за подачей.

Рыбакъ старшій.

Задѣлъ я тебя, да и самъ уже каюсь: рѣчистъ ты!
Но если бы столько въ сей день наловилъ ты и рыбы,
Какъ словъ насказалъ, повѣрнѣе была бъ наша прибыль.

Рыбакъ младшій.

Что правда, то правда, но день вѣдь еще не оконченъ;
А видишь ли, другъ, надо мною какъ ласточка вьется?
Вѣдь это не къ худу: о, ласточка вѣстница счастья!
Сегодня, сказалъ ты, не станемъ закидывать неводъ:
У берега рыба гуляетъ. Одинъ попытаюсь;
Сажуся на легкую лодку, беру я и сѣти и уды.

Рыбакъ старшій.

Берешь и свирѣль ты, землякъ?

Рыбакъ младшій,

Разстаюсь ли я съ нею?

Рыбакъ старшій.

Худое предвѣстье!

Рыбакъ младшій.

Да ласточка вѣстница счастья!
Смотри, вѣдь опять надо мной, и щебечетъ и вьется.
О ловля, счастливая ловля! лишь день вечерѣетъ,
Лишь солнце садится, и рыба стадами играетъ.
«Ловися мнѣ рыба, ловися и окунь и щука»,
И пѣснь рыболова исчезла у дальняго брега!

Часть вторая.

Уже надъ Невою сіяетъ беззнойное солнце,
Уже вечерѣетъ; а рыбаря нѣтъ молодаго.
Вотъ солнце зашло, загорѣлся безоблачный западъ:
Съ пылающимъ небомъ, сліясь, загорѣлося море.
И пурпуръ и золото залили рощи и домы.
Шпицъ тверди Петровой, возвышенный, вспыхнулъ надъ градомъ,
Какъ огненный столпъ на лазури небесной играя.
Угасъ онъ, но пурпуръ на западномъ небѣ не гаснетъ;

Вотъ вечеръ, но сумракъ за нимъ не слетаетъ на землю.
Вотъ ночь и свѣтла синевою покрытая дальность:
Безъ звѣздъ и безъ мѣсяца небо ночное сіяетъ,
И пурпуръ заката сливается съ златомъ востока,
Какъ будто денница за вечеромъ слѣдомъ выводитъ
Румяное утро. Была то година златая,
Какъ лѣтніе дни похищаютъ владычество ночи;
Какъ взоръ иноземца на сѣверномъ небѣ плѣняетъ
Сліянье волшебное тѣни и сладкаго свѣта,
Какимъ никогда не украшено небо полудня:
Та ясность, подобная прелестямъ сѣверной дѣвы,
Которой глаза голубые и алыя щеки
Едва отѣняются русыми локонъ волнами.
Тогда надъ Невой и надъ пышнымъ Петрополемъ видятъ
Безъ сумрака вечеръ и быстрыя ночи безъ тѣни;
Тогда Филомела полночныя пѣсни лишь кончитъ,
И пѣсни заводитъ, привѣтствуя день восходящій;
Но поздно: повѣяла свѣжесть; на Невскія тундры
Роса опустилась, а рыбаря нѣтъ молодаго.
Вотъ полночь: шумѣвшая вечеромъ тысячью веселъ
Нева не колыхнетъ: разъѣхались гости градскіе;
Ни гласа на брегѣ, ни зыби на влагѣ—все тихо;
Лишь изрѣдка гулъ отъ мостовъ надъ водой раздается
Да изрѣдка крикъ изъ деревни, протяжный, промчится,
Гдѣ въ ночь окликается ратная стража со стражей.
Все спитъ; надъ деревнею дымъ ни единый не вьется:
Огонь лишь дымится предъ кущею рыбаря старца.
Котелъ у огнища стоитъ уже снятый съ тренога:
Старикъ заварилъ въ немъ уху, въ ожиданіи друга;
Уха, ужъ остывши, подернулась пѣной янтарной.
Не ужиналъ онъ и скучалъ, земляка ожидая;
Лежалъ у огня, раскинувъ свой кожаный запонъ,
И часто посматривалъ вдоль по Невѣ среброводной.
Но скучилъ старикъ, безпокоимый грустью и гладомъ,
И въ первый онъ разъ безъ товарища ужинать думалъ:
Взялъ чашу изъ древа, блестящую лакомъ златистымъ;
Лить началъ уху; черезъ край, призадумавшись, пролилъ,
И, въ сердцѣ на друга, промолвилъ суровое слово.
Присѣлъ и лишь руку для крестнаго знаменья поднялъ,—
Шумъ веселъ раздался, и крестъ сотворилъ онъ не къ яствѣ,
Но къ радости сердца: ладья на рѣкѣ показалась,
И голосъ знакомый ударился въ берегъ отзывный.

Рыбакъ младшій.

Ты спишь ли, товарищъ? Вставай, помогай выгружаться.

Рыбакъ старшій.

Люби тебя Богъ, наважденный свирѣльникъ несчастный!
Не сонъ на глаза, а кручину на сердце навелъ ты.
Пропасть до полночи? я, Богъ знаетъ, что передумалъ,

Рыбакъ младшій.

А что же ты думалъ?

Рыбакъ старшій.

Что думалъ? свѣтаетъ, повѣса!
По новой деревнѣ, ты слышишь, стучатъ ужъ телѣги.
И гдѣ разъѣзжалъ ты? Свѣтло, всѣ окольности видно;
А лодки твоей, просмотрѣлъ я глаза, не завидѣлъ.

Хожу, окликаю: съ Невы ни отвѣта, ни гласа.
Палъ на сердце страхъ: до бѣды далеколь человѣку!
Такихъ, братъ, какъ ты подцѣпляли не разъ Водяные;
А мать за тебя у кого бы отвѣта спросила,
Негодный повѣса? Здорово! дай руку, товарищъ!

Рыбакъ младшій.

Другъ милый, другъ милый! вѣдь ласточка намъ не солгала.
Иль сердцемъ не чулъ ты, что я привезу тебѣ радость?

Рыбакъ старшій.

Что? щуку съ перомъ голубымъ, или лосося жирнаго пѣснью
Сманилъ ты на уду? О, рыба вѣдь лакома къ пѣснямъ!
Не рыбу, мой другъ, а сердца подгородныхъ красавицъ
Ловилъ ты свирѣлью. Удаченъ ли ловъ? признавайся,
Разсказывай все.... Но на челнѣ, какъ видится, неводъ?
Ты невода не бралъ?

Рыбакъ младшій.

О неводѣ послѣ, товарищъ.
А эта свирѣль какова? посмотри, полюбуйся!

Рыбакъ старшій.

Свирѣль дорогая, сдается; ужели купилъ ты?
Нѣтъ, поднялъ у мызъ поднарѣчныхъ, навѣрно бояринъ
Ее обронилъ. Дорогая, заморской работы,
Изъ пальмова древа, съ слоновою костью и златомъ;
А скважины въ ней, какъ пчела на сотахъ вылѣпляетъ!
На ней-то, землякъ, соловьиныя трели ты бъ вывелъ;
Сознай ты ее, объяви, чтобъ тебя не клепали!
Чужое добро не въ корысть.

Рыбакъ младшій.

Не присвою чужаго.
И эта свирѣль, мой любезный, и неводъ на челнѣ
Мои!

Рыбакъ старшій.

Перестань, молодой, старика ты морочишь.

Рыбакъ младшій.

Такъ счастью, землякъ, моему и невѣришь ты?

Рыбакъ старшій.

Счастью?
Ума приложить не могу, и не знаю—какому?

Рыбакъ младшій.

Вотъ этой простою, пастушеской дѣда свирѣлью
И неводъ, что въ лодкѣ, и эту свирѣль дорогую
Я выигралъ!

Рыбакъ старшій.

Что?

Рыбакъ младшій.

И за что бы купилъ я?
За эту свирѣль рыболовнаго мало снаряда.
Нѣтъ, Богъ, о товарищъ, мнѣ Богъ даровалъ ихъ за пѣсни!

Рыбакъ старшій.

Да молви же, кто? Не томи, разскажи мнѣ скорѣе!
Отъ радости сердце играетъ; пропалъ мой и голодъ;
На умъ не идетъ мнѣ и ужинъ. Товарищъ ты веселъ?
Скорѣй подѣлися весельемъ, порадуй и друга!

Рыбакъ младшій.

О, радостно будетъ объ этомъ всю жизнь говорить мнѣ.
Но сядемъ мы тамъ, на холмѣ, подъ душистою липой,
Гдѣ въ ясныя ночи съ тобою рыбу мы удимъ.
Оттолѣ намъ видны далекія рощи и мызы
По брегу Невы сребродной; оттолѣ увидимъ
И домъ, о которомъ тебѣ поведу мое слово,
Тотъ теремъ, котораго мнѣ не забыть до могилы!—

Какъ солнце садилось, подъѣхалъ я съ удами въ челнѣ
Къ противному берегу. Рыба, какъ день вечерѣетъ,
Тамъ рунами ходитъ; и въ правду, стадами металась;
Рука уставала закидывать гибкія уды;
Двухъ щукъ изловилъ, окунямъ и счетъ ужъ терялъ я;
Запасная верша кипѣла серебряной рыбой.
Но скоро, не вѣдаю какъ, противъ мызы боярской
Съ ладьей очутился. Ночь между тѣмъ наступала,
Чудесная ночь! ни единой звѣзды на лазури,
А сребряный свѣтъ разливался по небу ночному!
Все было такъ тихо! не дрогнулъ ни листъ на осинѣ;
Все было безмолвно! И вотъ, надъ Невою недвижной
Понесся изъ терема сладостный гулъ тихострунный.
Мнѣ радостно стало! и началъ я робкой свирѣлью
Подъигривать тихо подъ струны; какъ вдругъ межъ древами
Почулся мнѣ шорохъ; и слуги боярскіе вышли,
И съ берега стали меня зазывать въ его теремъ.
Я сѣть отвязалъ, чтобъ боярину рыбу живую,
Огромную щуку и окуней несть красноперыхъ.
«Не съ рыбой, съ свирѣлью!» веселые вскрикнули слуги:
«Въ свой теремъ высокій тебя призываетъ бояринъ.»

Рыбакъ старшій.

Царю мой небесный! идти ты, землякъ, не боялся?

Рыбакъ младшій.

Боялся товарищъ! въ груди моей дрогнуло сердце;
Какъ вотъ и бояринъ изъ теремныхъ оконъ хрустальныхъ
Свой ласковый голосъ мнѣ подалъ, и пролилъ онъ въ душу
Веселость и смѣлость. Вступилъ я въ хоромы; но страшно
Мнѣ стало опять, какъ я началъ идти по хоромамъ.
Со стѣнъ ихъ лики глядятъ на тебя какъ живые!
Изъ мрамора дѣвы, прелестныя, только не дышатъ!
Но диву я дался, увидѣвши теремъ высокій,
Чудесный, прозрачный! какъ въ сказкѣ, землякъ, говорится:
Что на небѣ звѣзды и въ теремѣ звѣзды! и мѣсяцъ,
И вся въ терему красота поднебесная видна!
Въ немъ старецъ бояринъ сидѣлъ сребровласый въ семействѣ
Цвѣтущихъ дѣтей, средь бояръ и вельможъ именитыхъ.
Смутился я, другъ; у порога стоялъ полумертвый;
Но ожило сердце, забилось весельемъ, и слезы
Изъ глазъ у меня проступили, какъ добрый бояринъ
Привѣтно взглянулъ на меня и ласково молвилъ:
«Люблю я невинныхъ сердецъ вдохновенья простыя,
Люблю я свирѣльныя пѣсни, а ты ихъ пріятно играешь;
Не разъ и ко мнѣ доходили ихъ сладкіе звуки.
Давно я желалъ насладиться твоею свирѣлью;
Давно приготовилъ награду достойную пѣсней:
Тебя подарю я прекрасной свирѣлью изъ пальмы.
Сыграй намъ, о рыбарь, пріятную, сельскую пѣсню!»
За чѣмъ ты, товарищъ, подъ теремомъ не былъ со мною!
Напомнилъ бы ты мнѣ, какія я пѣсни играю;
Отъ радости все позабылъ я стоялъ безотвѣтный;

Но очи лишь поднялъ и взоры боярина встрѣтилъ,
Безвѣстная, другъ, обняла меня дивная сила!
Взыгралъ я, и пѣснь разлилась по зеленому саду!
И вотъ мнѣ награда.

Рыбакъ старшій.

Постой, товарищъ, ты видишь,
Досадныя слезы мѣшаютъ мнѣ слушать.—Ну, далѣ?

Рыбакъ младшій.

Но лучшей наградой мнѣ было боярское слово;
«Кто былъ твой учитель!» измолвилъ онъ.—Богъ, отвѣчалъ я!
Бояринъ, изъ рукъ подавая свирѣль дорогую:
«Играй, мнѣ примолвилъ, безъ Бога, какъ ты, не играютъ,
Но въ промыслѣ ты не лѣнишься ли, рыбарь, для пѣсней?
Таланты отъ бога, богатство отъ рукъ человѣка.»
Нашъ промыслъ, я молвилъ, есть промыслъ и чистый и честный:
Твои предъ бояриномъ смѣло я высказалъ рѣчи.
«Разумныя рѣчи, бояринъ мнѣ весело молвилъ:
За нихъ я тебя дарю еще неводомъ новымъ;
Ты жъ лучшій твой ловъ продавай для меня на трапезу.»

Рыбакъ старшій.

Какъ сказку я слышу! правдиво предвѣстіе птицы!

Рыбакъ младшій.

Не птицы, а дѣда правдиво мнѣ вѣщее слово.
Онъ, дѣдъ мой, говаривалъ: что въ кого Богъ поселяетъ,
То вѣрно не къ худу. — Молчишь ты, любезный!

Рыбакъ старшій.

Усталъ я
Отъ радости сердца; скажу я короткое слово:
Отъ дѣда въ наслѣдство ты принялъ цѣвницу изъ липы
А внукамъ своимъ передай цѣвницу изъ пальмы.

Рыбакъ младшій.

И имя того, кто почтилъ дарованіе Бога,
Я внукамъ моимъ передамъ съ любовію къ пѣснямъ!

XXV. Князь Шаховской

(1777—1846)

Пустодомы, комедія (1819).

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Явленіе 1.

Ванюша, камердинеръ князя, потомъ Ѳома, Ванюшинъ дядя, бывшій прикащикъ княжихъ деревень.

Ванюша (*показывая слугамъ, гдѣ поставить письменный столъ и кресла*)
Къ окну поставьте столъ; подвиньте кресла... ладно.
Вотъ хлопоты Богъ далъ, что въ Петергофъ
На праздникъ ѣдутъ всѣ, и князь нашъ Философъ,
Подъ шумъ, подъ стукъ, подъ крикъ писать не можетъ складно;
Намъ сдѣлать велѣно изъ залы кабинетъ.
Въ его учоности большой догадки нѣтъ:
Не выдумалъ, пять разъ коверкая всю дачу,
Съ большой дороги въ садъ отвесть себѣ покой;
А намъ твердить, то мы всѣ бродимъ на удачу,
Что на святой Руси онъ только съ головой,
Что всѣ безграмотны, что онъ одинъ...
Ѳома. (*за кулисами*), Пустите!
Ванюша. Ужъ не за долгомъ ли кого нелегкій шлетъ?
Ѳома. Я присланъ, слышитель?....
Ванюша. О чемъ вы такъ шумите? Что сдѣлалось?
Ѳома. (*вырываясь*) Вѣдь здѣсь князь Радугинъ живетъ?

Ванюша. Ба! дядюшка Өома!
Өома. Ахъ, Ванюшка!
Ванюша. Вотъ чудо!
Давноль изъ вотчины? зачѣмъ пришелъ?
Өома. Охъ худо! Да говорить нельзя!
Ванюша. *(слугамъ)* Всѣ вещи по мѣстамъ. Ступайте
(Слуги уходятъ.—Өомѣ) Нужъ скажи.
Өома. Не смѣю, братъ...
Ванюша. Пустое!
Я камердинеръ, ты прикащикъ былъ; такъ намъ
Все можно знать.
Өома. Быть такъ, скажу. Село княжое
Заморской сволочью, что князь прислалъ въ него
Для экономій, для фабрикъ, для заводовъ,
Разорено въ конецъ; а хуже и того...
Ванюша. Неужьли мудрецы не вышлютъ къ намъ доходовъ?
Өома. Охъ! хуже во сто кратъ! Исправникъ пріѣзжалъ
И по закладнымъ все имѣнье описалъ.
Увидѣвши бѣду, я съ просьбою пустился
Къ княжому дядюшкѣ, Радимову....
Ванюша. И онъ чай по военному—въ сикурсъ?
Өома Нѣтъ, онъ взбѣсился,
Затопалъ, закричалъ и чуть не выгналъ вонъ.
Ванюша. А ты?
Өома. А я стоялъ, не говоря ни слова,
И думалъ про себя, хоть нрава онъ крутова,
Но добрый генералъ, и часомъ весельчакъ,
Авось либо...
Ванюша. Ну, что-жъ, смягчился онъ?
Өома. Никакъ, а написалъ письмо,—и вотъ оно.
Ванюша. Такъ стало
На дядюшкинъ сундукъ нельзя считать, пока
Къ намъ въ руки не придетъ наслѣдство...
Өома. А какое?
Да Глѣбъ Романовичъ имѣетъ самъ сынка,
Двухъ дочекъ...

Ванюша И того въ приходѣ ровно трое,
Чтобъ князя нашего избавить отъ труда
Проматывать....
Өома. Да какъ случилась вся бѣда?
Конечно праздники нашъ князь давалъ?
Ванюша. Нимало. Нелюбитъ онъ пировъ.
Өома. Неужели въ картежъ?
Ванюша. О, Боже упаси! и карты небралъ въ руки.
Өома. Пустился въ откупа?
Ванюша. О, нѣтъ!
Өома. Ахти! въ поруки
Чортъ дернулъ за другихъ?
Ванюша. Совсѣмъ не это.
Ө. Что жъ онъ дѣлалъ?
В. Ничего.
Ө. Да чѣмъ же разорился?
В. Да такъ, почти ничѣмъ: онъ за моремъ учился.
И наученъ всему!
Ө. Ну чтожъ, ученье свѣтъ, а неученье тьма.
В. Оно и такъ и нѣтъ.
Ө. Кой чортъ! да растолкуй!
В. Нашъ князь все въ мірѣ знаетъ,
Всѣ въ небѣ звѣздочки по имю называетъ.
Кто до потопа жилъ, извѣстно все ему;
А то, что дѣлаютъ теперь въ его дому,
Не вѣдаетъ и знать ему какъ будто стыдно.
Ө. У князя видно умъ зашолъ за разумъ?
В. Видно. Когда изъ за моря онъ въ свой явился полкъ,
То, году не служа, въ отставку сталъ проситься;
Толкуя вещи всѣ на свой учоный толкъ,
Его сіятельство нашолъ, что не годится
Ему, какъ всѣмъ, ходить и въ караулъ и въ строй;
Что офицерскій чинъ для мудреца ничтоженъ;
Что онъ фельдмаршаломъ или ничѣмъ быть долженъ.
И такъ въ отставкѣ мы. Но, возвратясь домой,
Наскуча самъ себѣ, отъ скуки князь женился;
А чтобы не могла мѣшать ему жена

Дремать надъ книгами, въ которыхъ онъ зарылся,
Ей воля полная сорить казной дана.
И надобно сказать, попалъ ловецъ на звѣря;
Княгиня славится по свѣту мотовствомъ.
Ѳ. А князь что говоритъ?
В. Ни слова. И, повѣря
Преплуту Даплину дѣла свои и домъ,
Хозяйничать въ село профессоровъ отправилъ;
А при лицѣ своемъ Инквартуса оставилъ,
Который прочихъ всѣхъ ученѣй и глупѣй.
Ѳ. Чтожъ дальше?
В. Кажется, и этого довольно,
Чтобъ по міру пустить.
Ѳ. Охъ! плохо, больно!
Хоть ладно-ль онъ живетъ съ княжной, сестрой своей?
В. Князь съ этимъ ангеломъ на часъ не разставался.
Ѳ. Когда-бъ сыскался ей женихъ.
В. Ужъ онъ сыскался.
Ѳ. Да не профессоръ ли? Избави Боже!
В. Нѣтъ. Прехрабрый офицеръ, съ немногимъ въ двадцать лѣтъ,
Графъ Вельской. Мать его княгиню воспитала
И замужъ выдала.
Ѳ. Да! къ намъ она ѣзжала;
Покойный князь ей былъ праправнучатный братъ.
Пройдоха!...
В. Такъ, она. Вся знать ей кумъ и сватъ:
Она вездѣ за свой. Весь городъ ей приказанъ;
У ней лазутчики свои во всѣхъ домахъ;
Панфилъ, ея лакей, рапортовать обязанъ,
Что слуги говорятъ въ прихожихъ и сѣняхъ.
Когда она у насъ, мы всѣ по ниткѣ ходимъ,
Бѣжимъ ее встрѣчать, съ крыльца подъ ручку сводимъ;
Предъ нею ни гугу и Машенька сама,
Которая одна княгиней управляетъ,
Прельщаетъ Цаплина и сводитъ всѣхъ съ ума.
Ѳ. *(увидя Инквартуса)* Кто это?
В. Философъ Инквартусъ выступаетъ,
И скоро выдетъ князь. Ты, дядюшка, поди,
Пока не доложу, въ прихожей подожди.
Ѳ. *(отходя)* Пришлося ждать... ай! ай! *(уходитъ).*

Явленіе 2.

Ванюша, Инквартусъ *(ученый, библіотекарь Князя)*.

Инквартусъ. Все кажется готово.
Но для чего не тамъ, а здѣсь поставленъ столъ?
В. Здѣсь лучше.
Инкв. Почему?
В. Да такъ.
И. Пустое слово
Не доказательство. Что это? *(показывая на полъ)*
В. Это? полъ.
И. А это?
В. Полъ.
И. Итакъ, тебѣ равно удобно,
Поставить столъ и тамъ и здѣсь.
В. Да неспособно
Читать и сочинять далеко отъ окна.
И. Тыбъ это объяснилъ, не тратя словъ напрасно.
В. Да что тутъ объяснять?
И. Безъ смысла рѣчь темна;
А все же, что темно, то быть не можетъ ясно.
В. Премудро!
И. Князь идетъ.

Явленіе 3.

Тѣ же и Князь Разугинъ.

Князь. Проклятый стукъ и шумъ
Вскружили голову. *(Оглядываясь)* Все такъ *(Ванюшѣ)* и признаюся,
Что вижу въ первый разъ въ тебѣ какой-то умъ.
В. Неужель въ первый разъ?
Кн. Я и тому дивлюся. *(Инквартусу)*

Итакъ займемся мы.—Вотъ планъ я начерталъ,
Когда въ какіе дни, въ какомъ форматѣ, сколько
Нашъ поэтическо-хозяйственный журналъ
Въ свѣтъ долженъ выходить; теперь осталось только
Сыскать приличнѣе латинскій эпиграфъ.
И. Нетолько: я вчера день цѣлый размышлялъ
О томъ, что на себя пріемлютъ журналисты;
Открылъ препятствія.
Кн. Какія?
И. Да у насъ нѣтъ сочиненіевъ.
Кн. Бездѣлка!
И. Какъ?
Кн. Сейчасъ я ихъ найду.
И. Да гдѣ?
Кн. Вездѣ: экономисты,
Энциклопедіи, журналы, Мопитеръ
Къ услугамъ нашимъ...
И. Такъ; однако въ смыслѣ строгомъ
Чужое мы своимъ назвать не можемъ...
Кн. Вздоръ.
Ты только извлекай, а я, занявшись слогомъ,
Извѣстнымъ мнѣніямъ давъ новый оборотъ,
Я помѣщу свои статьи для домоводства.
Мои плантаціи, заводы, скотоводства,
Домы крестьянскіе, трехверстный водоводъ,
Отопка турфами, овины, молотильни,
Свекольный сахаръ, все... и самыя коптильни
Невѣжей просвѣтить. Я выставлять хочу
Всего полезнаго село мое въ образчикъ.
И только что рапортъ оттуда получу,
То я вмѣщу въ журналъ.
В. Да прежній вашъ прикащикъ
Разскажетъ все: онъ здѣсь.
Кн. Ну, чтожъ, дивится-ль онъ?
В. Онъ что-то охаетъ.
Кн. Отъ глупости.
В. Не знаю.
Кн. Пошли его сюда (*В. уходитъ*). Ужъ я воображаю,
Что все въ моемъ селѣ перемѣнило тонъ:
На Европейскую поставлено все ногу.
И малый опытъ нашъ откроетъ мнѣ дорогу
Къ дѣламъ обширнѣйшимъ. *(входящему Ѳомѣ)*
Ну что, какая вѣсть? Что новаго?

Явленіе 4

Тѣже и Ѳома.

Ѳ. *(Подавая письмо)* Когда изволите прочесть
Письмо отъ дядюшки, узнаете вы сами.
Кн. *(Бросивъ письмо на столъ)*
Успѣю прочитать; но сельскими дѣлами
Займемся мы теперь. Ну что, пошолъ ли въ ходъ
Свекольный сахаръ?—А?
Ѳ. Пошолъ, и круглый годъ
Съ Покровки мужички день-деньской работали.
Подъ свеклу десятинъ до сотни распахали,
А сахаръ высланъ къ вамъ по вешнему пути.
Кн. Три пуда?
Ѳ. Весь онъ тутъ.
Инкв. Невыгодно.
В. А сладокъ онъ былъ какъ рафинатъ,
Кн. Не можетъ быть.
Ѳ. Ахти! я чуть не позабылъ: газетчику въ подарокъ
Мусье въ Нѣмецію коробочку послалъ
За то, чтобъ онъ объ немъ въ газетахъ написалъ.
Кн. Умно!
Инкв. А выходъ малъ; но видно люди ваши
Не бывъ просвѣщены....
Кн. Ты правъ: невѣжды наши
За что ни примутся, испортятъ все тотчасъ,
И дѣло ихъ одно съ скотами обходиться....
А кстати: овцы тѣ плодятся ли у насъ,
Которыхъ я прислалъ?
Ѳ. Имъ какъ бы не плодиться,

Да только та бѣда, что негдѣ ихъ пасти.
Кн. Какъ негдѣ?
Ѳ. Выгоны въ селѣ большіе были;
Да турфы рѣжучи, ихъ нынче такъ изрыли,
Что сдѣлался у насъ и боръ сырой въ чести,
Кн. Такъ мериносы?..
Ѳ. Всѣ подохли.
Инкв. Вѣроятно...
Кн. Невѣжды все морятъ!
Инкв. Но этотъ дефицитъ
Винокуреніе издѣльемъ возвратитъ:
Отъ турфовъ выгоды окупитъ мериносовъ,
Ѳ. Охъ! врядъ ли?
Кн. Что еще?
Ѳ. *(Инквартусу)* Да, господинъ философъ,
Будь сказано не въ гнѣвъ, а турфы такъ горятъ,
Что ими не вино, одну раку сидятъ.
Кн. Невѣжды!
Инкв. Почему?
Ѳ. Отъ Ваньки кочегара
Я слышалъ, что изъ нихъ нельзя добиться жара;
Что сидка турфами лишь хлѣба переводъ,
И мастеръ самъ сказалъ, когда муки не стало;
При томъ безводье...
Кн. Какъ? но гдѣжъ мой водоводъ?
Ѳ. На диво всѣмъ стоитъ, воды въ немъ только мало;
Да и послѣдняя вся вымерзла зимой.
Кн. Невѣжды!
Инкв. Кажется климатъ тому виной.
Кн. Климатъ! у насъ климатъ? Нестыдноль звать климатомъ
Морозы, вьюгу, дождь и вѣчную зиму,
Гдѣ гибнетъ все, нельзя родиться ничему,
И въ царствѣ, клюквою, брусникою богатомъ,
Что можно завести?—Я знаю напередъ,
Что и ревень пропалъ.
Ѳ. Нѣтъ, славно онъ родится.
Кн. Хоть это удалось!
Ѳ. Да худо съ рукъ идетъ.
Инкв. Какъ худо?
Ѳ. Видишь, онъ въ лѣкарство не годится.
Кн. Невѣжды!
Инкв. Отчего?
Ѳ. То знаютъ лѣкаря, мыжь люди темные.
Инкв. А! понимаю я:
На сѣверѣ продуктъ свое теряетъ свойство;
Объ этомъ много я читалъ.
Кн. *(въ бѣшенствѣ)* Читай, учись
И просвѣщай невѣждъ, и заводи устройство
На то, чтобъ лѣкаря, зима, морозъ нашлись,
Которые... *(Ѳомѣ)* Хоть на мѣстѣ ли строенье?
Не провалилось ли сквозь землю все имѣнье?
И родился ли хлѣбъ?
Ѳ. Сосѣди говорятъ,
Что въ прошлый годъ у нихъ овесъ пришелъ самъ-пятъ,
Съ копны осьмина ржи, пшеница самъ-девята
Кн. А чтожъ у насъ?
Ѳ. Когдабъ у насъ не извели
На свеклу и ревень и ивѣсь что земли,
Когдабы не была отъ молотиленъ трата,
Когдабы жали рожь, когдабы...
Кн. Ну, завралъ! Не разсуждай, молчи,
Ѳ. Дозволь промолвить слово:
Хоть нашъ холопскій умъ предъ вашимъ барскимъ малъ,
А кажется не все то хорошо, что ново.
Кн. Невѣжды умствуютъ! *(Ивану)* Возьми его съ собой и накорми.
Ѳ. Письможъ?
Кн. Я послѣ прочитаю.
Ѳ. Пренужное...
Кн. Поди.
В. *(Ѳомѣ)* Пойдемъ за столъ.
Ѳ. *(отходя)* Ой! ой!

Явленіе 5.

Князь и Инквартусъ.

Кн Ну, что ты скажешь? а?
Инкв. Молчу и разсуждаю.
Кн. Да слышалъ ли ты все?
И. Все слышалъ.
Кн. Такъ скажи.

И. Что?
Кн. Мысль свою.
И. О чемъ?
Кн. О чемъ? вопросъ прекрасный!
Ты взбѣсишь стоика!
И. Да развѣ гнѣвъ напрасной что можетъ доказать?
Кн. Ты самъ мнѣ докажи
Возможность говорить съ тобою равнодушно.
И. Извольте, докажу. Что быть должно послушно:
Разсудку страсть, или разсудокъ страсти?
Кн. Страсть.
И. Прекрасно! и когда надъ ней разсудка власть
Бездѣйственна, тогда врожденная свобода,
Съ которой...
Кн. Боже мой!
И. Насъ создала природа...
Кн. Все знаю...
И. Нѣтъ, не все; и Кантъ...
Кн. Оставь его.
И. Позвольте доказать.
Кн. Да мнѣ не до того.
Мой сахаръ, мой ревень и турфы,.. нѣтъ сомнѣнья,
Все перепорчено отъ пьянства, нерадѣнья
И отъ невѣжества...
И. Невѣжество—есть врагъ всего полезнаго.
Кн. Ты правъ.
И. Источникъ благъ—есть воспитаніе.
Кн. Такъ! школы я построю;
Насильственно въ нихъ велю учить моихъ крестьянъ
Всему... всему... всему. Да кажется и планъ
О воспитаніи мы начали съ тобою.
И. Какъ сынъ вашъ родился, мы занялись тогда.
Кн. Найдешь ли ты его?
И. *(Подходя къ столу)* Найду.
Кн. Нѣтъ, никогда я мысль Инквартуса не находилъ такъ правой:
Все воспитаніе, а больше ничего,
Умъ, чувство, сердце, вкусъ родятся отъ него;
Безъ воспитанія, дуракъ разсудокъ здравый,
И это докажу.—Ну что? нашелъ ли!
И. *(разбирая бумаги)* Нѣтъ... здѣсь тысячи началъ...
Кн. Да ты и во сто лѣтъ не сыщешь... Это что?
И. *(смотря бумаги)* Начало о видѣньяхъ,
Начало о червяхъ, начало....
Кн. Боже мой! Ты все мѣшаешь мнѣ!

ЯВЛЕНІЕ 6-Е.

Тѣ же, Ванюша и Маша, горничная княгини, взятая изъ модной лавки.

М. Нѣтъ, я пойду...
В. Постой! Ты видишь, нашъ мудрецъ зарылся въ сочиненьяхъ.
М. Тѣмъ лучше для меня.
В. А! понимаю...
М. Что?
В. Тутъ пахнетъ Цаплина уроками.
М. Нимало.
В. Признайся, Машенька....
М. Пусти!
Кн. *(Разбирая бумаги)*. Нѣтъ, все не то; гдѣ дѣлся?
Инкв. Я нашелъ.
Кн. Подай. Такъ! вотъ начало о чадолюбіи....
М. Пусти же, мнѣ пора!
Кн. *(Инквартусу)*. Садися, и нашъ планъ разсмотримъ мы съ тобою
О чадолюбіи.
М. Княгиня....
Кн. Нѣтъ покою!... ну! говори скорѣй!
М. На праздникѣ вчера она разстроилась и спазмами страдала.
Кн. И я разстроенъ самъ.
М. Княгиня тосковала
Всю ночь, и бредила... да знаете ли чѣмъ?
Кн. Не знаю.
М. Шалью той, въ которую влюбилась вчера на балѣ.
Кн. Такъ, вотъ женщины!
М. И тѣмъ я успокоила ее, что позаботилась
Такую же найти.

Кн. Сыщижъ скорѣй, ступай.
М. Я бѣгала вездѣ.
Кн. Еще бѣги. Прощай. О чадолюбіи....
М. Да я ужъ отыскала пять шалей щегольскихъ.
Кн. Купи ихъ.
М. Дѣло стало за деньгами.
Кн. Возьми у Цаплина.
М. Сейчасъ я говорила съ нимъ.
Кн. Чтожъ онъ?
М. Онъ проситъ васъ скорѣе подписать вотъ это.
Кн. Что такое?
М. Бумага, чтобъ достать вамъ деньги подъ закладъ.
Кн. А! знаю *(подписавъ)*. Ну, теперь оставь меня въ покоѣ.
М. Дай Богъ успѣха вамъ! *(отходя Ванюшѣ)* что скажешь?
В. Это кладъ! Да въ долѣ ль я?
М. Прощай!

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Князь, Инквартусъ, потомъ Княжна, сестра Князя, и Графъ (сынъ Графини Вельской, женихъ Княжны).

Кн. Ушла; теперь заняться
Свободно можемъ мы; и начинаю я: о чадолюбіи....
Княжна *(входя)*. Ахъ, братецъ!
Кн. *(въ сторону)*. Такъ, нельзя
Не помѣшать!—Ну, что, сестрица?
Княжна. Повидаться съ тобой желала я, чтобы узнать...
Кн. О чемъ?
Княжна. Ѳома къ тебѣ пришолъ отъ дядюшки съ письмомъ;
Здоровъ ли дядюшка?
Кн. Здоровъ.
Княжна. Ахъ, какъ я рада! Онъ не сердитъ?
Кн. За что?
Княжна. Что ты въ пятнадцать лѣтъ
Съ нимъ видѣться не могъ и не писалъ.
Кн. О нѣтъ!
Княжна. Однако же писать къ нему....
Кн. Сегодняжъ надо.
Княжна. Что жъ пишетъ онъ къ тебѣ?
Кн. Теперь мнѣ недосугъ, а послѣ....
Княжна. Хорошо, прощай!
Кн. Прощай, мой другъ;
Начнемъ, чтобъ времени не потерять напрасно:
О чадолюбіи...
Княжна. *(встрѣтясь съ Графомъ)*. Ахъ, Графъ!
Кн. *(Инквартусу)*. Зачѣмъ ты всталъ?
Инкв. Женихъ сестрицынъ здѣсь.
Кн. Злой духъ его прислалъ!
Графъ. *(Князю)*. Я не мѣшаю вамъ? Вы заняты...
Кн. Ужасно! Графъ, извини меня.
Княжна. Мы съ нимъ пойдемъ гулять.
Кн. Да въ фермѣ не забудь ты графу показать
Мои плантаціи. Прощайте-жъ.—Ну, сначала:
О чадолюбіи...
Графиня. *(за кулисами)*. Княгина не вставала?
Графъ. *(останавливаясь)*. Вотъ голосъ матушкинъ....
Княжна. *(возвращаясь)*. Графиня...
Кн. *(вскакивая)*. Здѣсь она! Уйдемъ.
Инкв. *(сбирая бумаги)*. Уйдемъ скорѣе! (Уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Княжна, Графиня и Графъ. (При входѣ Графини слуги, толкая другъ друга, отворяютъ ей двери).

Графиня *(обнимая княжну)*. Здорова ли Княжна?
Скажи, что дѣлаютъ твой братецъ и сестрица?
Сюда пріѣхавши, я къ дѣтямъ захожу,
И чтожъ, сударыня? Фифаша и Жужу
Дрожатъ, бѣдняжечки, и посинѣли лица!
Я ужаснулася! а толстая мадамъ,
Свой кушая ростбифъ, сказала мнѣ сквозь зубы:
Что дѣлать? Князь велѣлъ купать ихъ по утрамъ
Въ такой водѣ, какъ ледъ. Тотчасъ, схвативши шубы,
Я замороженныхъ окутала дѣтей.
Фифаша кашляетъ, — а братъ твой десять дней
Не заглянулъ къ нему.

Княжна. Онъ занятъ былъ.

Графиня. Конечно изволилъ сочинять о должностяхъ отцовъ.

Однако надобно сказать чистосердечно,
Что если братецъ твой—поддѣльный философъ,
То и питомица моя, его супруга—
Сантиментальная мотовка; и они,
Мои голубчики, въ восторгѣ другъ отъ друга,
Хотя почти весь вѣкъ проводятъ розно дни:
Она на праздникахъ, а онъ въ библіотекѣ.
Нѣтъ! помнится, не такъ любили въ нашемъ вѣкѣ: *(Графу)*
Покойный твой отецъ не восхищался мной,
А слишкомъ тридцать лѣтъ мы прожили съ нимъ дружно;
Онъ не былъ философъ, однако зналъ что нужно;
Служилъ и выслужилъ; *(княжнѣ)* а такъ, какъ братецъ твой,
Не думалъ: я дескать лампада просвѣщенья,
Меня де, слушать всѣ, разинувъ ротъ, должны,
А мнѣ-де одному таланты всѣ даны.
А всѣ-де вкругъ меня скоты безъ разсужденья.
Анъ нѣтъ, и эти всѣ, по твоему скоты,
Свой доживаютъ вѣкъ почтенно и счастливо;
Тебѣ жъ, разумникъ мой, осьмое въ свѣтѣ диво,
Не миновать, повѣрь, стыда и нищеты,
И пустятъ въ міръ тебя проклятыя науки *(Графу)*.
Когда своихъ дѣтей отдашь педантамъ въ руки,
То и не знай меня.

Графъ. Сказать позвольте вамъ:
Вы сами, отсылавъ меня къ профессорамъ,
Твердили мнѣ всегда о пользѣ просвѣщенья.

Графиня. Пусть такъ, однакоже ученье безъ умѣнья
Не польза, а бѣда.

Графъ. Не спорю.

Графиня. И примѣръ сидитъ въ той комнатѣ; домашній нашъ Вольтеръ
Жену, себя, дѣтей лишаетъ пропитанья,
А мужики его ужъ по міру пошли.
Записку изъ суда вчера мнѣ принесли
Всѣмъ векселямъ его, вступившимъ для взысканья;
Онъ разоренъ въ конецъ.—Княгина мнѣ жалка,
А дѣти бѣдныя еще того жалчѣе.

Княжна. Такъ должно всѣмъ роднымъ помочь ему скорѣе.

Графиня. Пословицу, мой свѣтъ, ты знаешь: гдѣ рука,
Такъ тамъ и голова.

Княжна. Я много разъ слыхала.

Графиня. Дай Богъ, чтобъ на себѣ ее не испытала.

Графъ. Что значитъ, матушка?

Графиня. А значитъ то, сынокъ,
Что ежели княжна свою приложитъ руку
За братца своего по векселямъ въ поруку,
Тогда и ей самой ничто не будетъ въ прокъ.

Графъ. Но если въ гибели она увидитъ брата.

Графиня. Какъ быть! поплачетъ съ нимъ; а я не такъ богата,
Чтобъ ты, сударь, могъ взять жену безо всего.

Княжна. Повѣрьте, что, лишась имѣнья моего,
Я откажусь сама.

Графъ. Но матушка шутила. *(Графинѣ)* Не такъ ли?

Графиня. Да, шутя я правду говорила; однакожъ, ангелъ мой...

Княжна. Я понимаю васъ.

Графиня. Тѣмъ лучше, милая. Ужъ скоро первый часъ;
Княгиня спитъ еще, а я лишь время трачу:
Въ двѣнадцатомъ часу мнѣ надобно на дачу
Къ министру побывать по тяжебнымъ дѣламъ.
Сегодня, помнится, Хапрова имянины,

У Лидиной сговоръ, у Фриндина крестины,
Обѣдъ у Блескиной,—а мнѣ и тутъ и тамъ
Хотѣлось бы поспѣть,—какъ быть, сама не знаю.
А! вздумала: пока къ министру я слетаю,
Княгиня между тѣмъ свой кончитъ туалетъ.
Я ворочусъ, и все, что на сердцѣ имѣю,
Ея сіятельству пропѣть еще успѣю.
Прощай же, ангелъ мой, и помни мой совѣтъ...
Карету!

Княжна. Я его конечно не забуду,
И въ тягость никогда, Графиня, вамъ не буду.

Графъ. *(Графинѣ)* Но вы...

Графиня. Дай руку, сынъ *(Графиня уводитъ сына)*.

Ванюша. *(входя)* Карета подана.

Княжна. *(отходя)* Такъ, брата изъ бѣды я выручить должна.

Конецъ перваго дѣйствія.

СОДЕРЖАНІЕ ОСТАЛЬНЫХЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЙ. *Дѣйствіе II.* Слуги Князя, Маша и Ванюша, вносятъ въ комнату купленныя въ магазинахъ вещи и выражаютъ сожалѣніе, что эти затѣи, да еще плутни Цаплина погубятъ господъ. Входитъ княгиня, грустная отъ запутанности въ денежныхъ дѣлахъ. Принесенныя вещи и между прочимъ нессеръ для мужа утѣшаютъ ее. Является тетка князя, Графиня, и осуждаетъ его и жену за мотовство. Подарки племянницы усмиряютъ ея гнѣвъ. Княгиня опять грустить, узнавши, что въ долгъ ей не повѣрятъ. Она надѣется, что какъ нибудь извернется управляющій Цаплинъ. Приходитъ мужъ и благодаритъ жену за подарокъ. Цаплинъ объявляетъ, что имущество за долги назначено въ продажу. Супруги ссорятся. Цаплинъ — въ увѣренности, что отъ него зависитъ ихъ участь. *Дѣйствіе III.* На выручку князя пріѣзжаетъ изъ деревни дядя его Радимовъ. Пикварусъ принимаетъ его за ученаго, который намѣренъ преподавать князю какую нибудь науку. Сестра князя, княжна Наталья, чтобы выручить брата, заложила свое имѣніе. Князь, а особенно княгиня, въ восторгѣ. Получивши въ руки деньги, княгиня не намѣрена уплачивать изъ нихъ кредиторамъ, а хочетъ расплатиться съ модными магазинами. *Дѣйствіе IV.* Радимовъ, узнавъ, что причина запутанности заключается въ плутняхъ Цаплина, нападаетъ на него. Тотъ признается во всемъ; но оба, желая продолжать затрудненія князя, хотятъ выставить дядю кредиторомъ, и будто Цаплинъ упрашиваетъ его повременить уплатою. Князь вступаетъ съ Радимовымъ въ разговоръ, обличаетъ свое невѣжество въ хозяйствѣ, приходитъ въ досаду отъ обличеній Радимова и вызываетъ его на дуэль. Графиня, узнавши, куда употреблены деньги княжны, отказывается женить на ней своего сына. *Дѣйствіе V.* Графиня встрѣчается съ Радимовымъ. Дѣло объясняется. Радимовъ готовъ выкупить имѣніе племянника, чтобы только онъ ѣхалъ въ деревню заниматься хозяйствомъ. Жена соглашается, хотя не скоро. Княжна и графъ остаются въ прежнихъ отношеніяхъ.

XXVI. А. ИЗМАЙЛОВЪ.

1779—1831.

Басни и сказки.

ПРИКАЗНЫЕ СИНОНИМЫ (1822).

Какой-то человѣкъ имѣлъ въ приказѣ дѣло.
Онъ правъ былъ и богатъ; итакъ, взявъ денегъ, смѣло
Къ секретарю ранехонько идетъ,
Челомъ ему, а самъ мошонку вынимаетъ
И передъ нимъ на столъ крестовики кладетъ.
Тотъ, бросивши перо, просителя сажаетъ,
Но съ денегъ самъ не сводитъ глазъ.
«Вчерашняго числа въ приказъ
Я подалъ, батюшка, прошенье...»
—Читалъ его; ты правъ! все знаю!»—
А рѣшенье
Когда послѣдуетъ? осмѣлюся спросить.»
— «Да стоитъ только *доложить*....
А тамъ и въ городъ свой ты можешь убираться,
Чѣмъ здѣсь напрасно проживаться.—
— Счастливо-жъ оставаться!
«Проситель черезъ день пришелъ опять въ приказъ.
Чтожъ, батюшка, указъ
По дѣлу моему? Когда бъ сегодня можно...»
— Вѣдь я сказалъ тебѣ, что *доложить* мнѣ должно.—
Проситель принужденъ былъ съ мѣсяцъ тутъ прожить

И слышалъ тожъ да то: *лишь только доложить*.—
Не зналъ, что дѣлать, челобитчикъ;
Но сжалился надъ нимъ повытчикъ.
«Ну полно, не тужи,»
Шепнулъ онъ такъ ему: всю правду мнѣ скажи
Что далъ секретарю?» — Да двадцать пять цѣлковыхъ.—
Ну такъ десяточекъ еще ты доложи.
Да мнѣ пять рубликовъ. Учи васъ, безтолковыхъ!
Не смыслите, что *доложить*
Все тоже, что и *приложить*.
Фунтъ чаю взять еще съ тебя за объясненье!»
Истецъ исполнилъ все тотчасъ,
И на другой же день, какъ разъ,
Поспѣлъ экстрактъ, опредѣленье, и выдали ему указъ.

ПЬЯНИЦА (1817).

Пьянюшкинъ, отставной квартальный,
Совѣтникъ титулярный,
Исправно насандаливъ носъ,
Въ худой шинелишкѣ, зимой, въ большой морозъ,
По улицѣ шолъ утромъ и шатался.
На встрѣчу ему кумъ, Маіоръ Петровъ, попался.
Мое почтеніе!—А! здравствуй Емельянъ
Архиповичъ! да ты братъ, видно,
Уже позавтракалъ! Ну, какъ тебѣ не стыдно!
Еще обѣденъ нѣтъ, а ты какъ стелька, пьянъ!—
Ахъ, виноватъ, мой благодѣтель!
Вѣдь *съ горя* мой отецъ!—Такъ съ горя-то и пить?—
Да какъ же быть?
Вотъ Богъ вамъ, Алексѣй Ивановичъ, свидѣтель:
Ѣсть нечего; всѣ дѣти босикомъ;
Жену оставилъ я съ однимъ лишь пятакомъ.
Гдѣ взять? Давно уже безъ мѣста я несчастный!
Сгубилъ меня разбойникъ Приставъ частный!
Я до отставки не пивалъ:
Спросите, скажетъ весь кварталъ.
Теперь же съ горя какъ напьюся,
То будто бы развеселюся.»
Не пей, такъ я тебѣ охотно помогу.—
— Въ ротъ не возьму, ей Богу, не солгу;
Господь порукою!....» — Ну, полно не божися,
Вотъ крестникамъ снеси полсотенки рублей.—
Отецъ, дай ручку!...—Ну, поди домой, проспися,
Да чуръ смотри впередъ не пей.—
Летитъ Пьянюшкинъ нашъ, отколь взялися ноги,
И чуть чуть не упалъ разъ пять среди дороги!
Летитъ... домой? — О нѣтъ! — Неужели въ кабакъ?—
Да, какъ бы вамъ не такъ!
Въ трактиръ, а не въ кабакъ, зашолъ; чтобы промѣна
Съ бумажки бѣленькой напрасно не платить,
Спросилъ ветчинки тамъ и хрѣна,
Немножко такъ перехватить,
Да рюмку водочки, потомъ бутылку пива,
А послѣ пуншику стаканъ,
Другой.... и наконецъ, о диво!
Пьянюшкинъ напился уже мертвецки пьянъ;
Къ несчастію еще въ трактирѣ онъ подрался,
А съ кѣмъ, за что, — и самъ того не зналъ,
На лѣстницѣ споткнулся и упалъ.
И весь, какъ чертъ, въ грязи, въ крови перемарался.
Вотъ вечеромъ его по улицѣ ведутъ
Два воина осанки важной,
Съ сѣкирами, въ бронѣ сермяжной.
Толпа кругомъ. И кумъ, гдѣ ни возьмися, тутъ.
Увидѣлъ, изумился,
Пожалъ плечами и спросилъ:
Что? вѣрно *съ горя* ты, бѣднякъ, опять напился?—
«—За здравіе твое *отъ радости* я пилъ!»

У пьяницы всегда есть радость, или горе,
Всегда есть случай пьянымъ быть;
Закается лишь только пить—
Да и напьется вскорѣ.
Однако надобно, чтобъ больше пилъ народъ:
Хоть людямъ вредъ, за то откупщикамъ доходъ.

Лгунъ (1824).

Павлушка *мѣдный лобъ* (приличное прозванье!)
Имѣлъ ко лжи большое дарованье.
Мнѣ кажется, еще онъ въ колыбели лгалъ;
Когда же съ бариномъ въ Парижѣ побывалъ
И черезъ Лондонъ съ нимъ въ Россію возвратился,
Вотъ тутъ-то лгать пустился!
Однажды... ахъ его лукавый побери!...
Однажды этотъ лгунъ бездушный
Разсказывалъ, что въ Тюльери
Спускали шаръ воздушный.
Представьте, говоритъ, какъ этотъ шаръ великъ!
Клянуся честію, такого не бывало!
Съ Адмиралтейство!.. что? нѣтъ, мало!—
А дѣлалъ кто его?—Мужикъ,
Нашъ Русскій маркитантъ, Коломенскій мясникъ,
Софронъ Егоровичъ Куликъ,
Жена его Матрена и Таня, маленькая дочь.
Случилось это лѣтомъ въ ночь
Въ день именинъ Наполеона.
На шарѣ вышиты гербъ, вензель и корона.
Я *срисовалъ*—хотите?—покажу...
Но послѣ... Слушайте, что я теперь скажу:
На лодочку при шарѣ посадили
Пять тысячъ человѣкъ стрѣлковъ
И музыку со всѣхъ полковъ.
Всѣ лучшіе тутъ виртуозы были.
Пріѣхалъ Бонапартъ и заиграли маршъ.
Наполеонъ махнулъ рукою—
И вотъ Софронъ Егорычъ нашъ,
Въ кафтанѣ бархатномъ, съ предлинной бородою,
Какъ хватитъ топоромъ; раздался русскій громъ,—
Шаръ въ небѣ очутился
И вдругъ весь газомъ освѣтился.
Народъ кричитъ: diable vive Napoleon!
Bravo, Monsieur Sophron!
Шаръ выше, выше все—и за звѣздами скрылся.
А знаете ли, гдѣ спустился?
На берегу морскомъ, въ Кале!
Да опускаяся къ землѣ,
За сосну какъ-то зацѣпился
И на суку повисъ;
Но по веревкамъ всѣ спустились тотчасъ внизъ:
Шаръ только прорвался и больше не годился.
Каковъ же мужичокъ *Куликъ*?
—Повѣсилъ бы тебя на сосну за языкъ—
Сказалъ одинъ старикъ—
Ну, Павелъ, исполать! Какъ ты людей морочишь!
Обманывалъ бы ты въ Парижѣ дураковъ, не земляковъ.
Смотри братъ, на кого наскочишь!...
Какъ шаръ-то былъ великъ?
Свидѣтелей тебѣ представлю, если хочешь:
Въ объемѣ будетъ съ пол-версты.»
—«Ну, какъ же прицѣпилъ его на сосну ты?
За олуховъ чтоль насъ считаешь?
Прямой ты *мѣдный лобъ*! Ни крошки нѣтъ стыда!—
Э! полно, миленькій, неужели не знаешь,
Что надобно прикрасить иногда.»

Дворянка-буянка (1827).

Какъ могутъ люди забываться!
Прилично ль дамамъ драться?
Одна изъ городскихъ и самыхъ важныхъ дамъ,
По долгу Христіанки пошедши въ Божій храмъ,
И плыветъ, поднявши носъ—какъ горныя дворянки,

Которыя крестьянъ, мѣщанъ едвали чтутъ за христіянъ—
Жеманится, пыхтитъ. Лакей большой предъ нею.
Но въ церкви тѣснота, прохода не даютъ.
«Что ты зѣваешь, плутъ? кричитъ она лакею.
Не можешь растолкать, уродъ, приказныхъ этихъ модницъ,
Чепешницъ и купчихъ платошницъ,
Пусти меня впередъ!»
И барыня моя—нѣтъ, барышня, дѣвица,
Рванулася впередъ какъ львица,
Съ отважностью лихаго мясника,
Который съ братіей своей изъ кабака
По площади бѣжитъ рвать голову съ быка,
Идетъ она и всѣхъ толкаетъ подъ бока
На обѣ стороны локтями,
Ступаетъ съ форсу каблуками
На ноги секретарьшъ смиренныхъ и купчихъ,
Да и ворчитъ еще на нихъ.
Вотъ вдругъ впередъ взглянула—
Стоитъ смирнехонько тутъ барышня одна,
Одѣта запросто и молится она.
Злодѣйка такъ ее толкнула, что та упала на амвонъ.—
Раздался вопль и стонъ. Діаконъ оглянулся и содрогнулся.
Но чѣмъ же кончилось?—Она остановилась, не извинилась
И Богу съ важностью дворянской помолилась,
Потомъ же на уборы дамъ глядѣла и косилась.
О стыдъ! о срамъ! И это сдѣлала дворянка и дѣвица?
Проклятая срамница!
Будь я архіерей, иль хоть протоіерей,
То право-бъ проучилъ злодѣйку:
На паперти-бъ ее поставилъ у дверей,
Вздѣвъ ожерелье ей желѣзное на шейку.
Сошлось бы множество народа поглядѣть.
Дай Господи ей вѣкъ весь въ дѣвкахъ просидѣть!

XIX ВѢКЪ.

XXVII. ЖУКОВСКІЙ.

1783—1852.

Ивиковы журавли (1810)

На Посидоновъ пиръ веселый,
Куда стекались чада Гелы
Зрѣть бѣгъ коней и бой пѣвцовъ,
Шелъ Ивикъ, скромный другъ боговъ.
Ему съ крылатою мечтою
Послалъ даръ пѣсней Аполлонъ:
И съ лирой, съ легкою клюкою,
Шелъ, вдохновенный, къ Истму онъ.

Уже его открыли взоры
Вдали Акрокоринѳъ и горы,
Сліянны съ синевой небесъ.
Онъ входитъ въ Посидоновъ лѣсъ....
Все тихо: листъ не колыхнется;
Лишь журавлей по вышинѣ
Шумящая станица вьется
Въ страны полуденны къ веснѣ.

«О спутники, вашъ рой крылатый,
Досель мой вѣрный провожатый,
Будь добрымъ знаменіемъ мнѣ.
Сказавъ прости! родной странѣ,
Чужаго брега посѣтитель,
Ищу пріюта какъ и вы;
Да отвратитъ Зевесъ-хранитель
Бѣду отъ странничей главы».

И съ твердой вѣрою въ Зевеса
Онъ въ глубину вступаетъ лѣса;
Идетъ заглохшею тропой....
И зритъ убійцъ передъ собой.
Готовъ сразиться онъ съ врагами;
Но часъ судьбы его приспѣлъ:
Знакомый съ лирными струнами,
Напрячь онъ лука не умѣлъ.

Къ богамъ и къ людямъ онъ взываетъ....
Лишь эхо стоны повторяетъ—
Въ ужасномъ лѣсѣ жизни нѣтъ.
«И такъ погибну въ цвѣтѣ лѣтъ,
Истлѣю здѣсь безъ погребенья
И не оплаканъ отъ друзей;
И симъ врагамъ не будетъ мщенья,
Ни отъ боговъ, ни отъ людей.»

И онъ боролся ужъ съ кончиной...
Вдругъ... шумъ отъ стаи журавлиной;

Онъ слышитъ (взоръ уже угасъ)
Ихъ жалобно-стенящій гласъ.
«Вы, журавли подъ небесами,
Я васъ въ свидѣтели зову!
Да грянетъ, привлеченный вами,
Зевесовъ громъ на ихъ главу.»
  И трупъ узрѣли обнаженный:
Рукой убійцы искаженны
Черты прекраснаго лица.
Коринѳскій другъ узналъ пѣвца.
«И ты ль недвижимъ предо мною?
И на главу твою, пѣвецъ,
Я мнилъ торжественной рукою
Сосновый положить вѣнецъ.
  И внемлютъ гости Посидона,
Что палъ наперсникъ Аполлона....
Вся Греція поражена;
Для всѣхъ сердецъ печаль одна.
И съ дикимъ ревомъ изступленья
Пританов окружилъ народъ,
И вопитъ:» старцы, мщенья, мщенья!
Злодѣямъ казнь, ихъ сгибни родъ!»
  Но гдѣ ихъ слѣдъ? Кому примѣтно
Лице врага въ толпѣ несмѣтной
Притекшихъ въ Посидоновъ храмъ?
Они ругаются богамъ.
И кто жъ—разбойникъ ли презрѣнный,
Иль тайный врагъ ударъ нанесъ?
Лишь Геліосъ то зрѣлъ священный,
Все озаряющій съ небесъ.
  Съ подъятой, можетъ быть, главою,
Между шумящею толпою,
Злодѣй сокрытъ въ сей самый часъ,
И хладно внемлетъ скорби гласъ;
Иль въ капищѣ, склонивъ колѣни,
Жжетъ ладанъ гнусною рукой,
Или тѣснится на ступени
Амфитеатра за толпой,
  Гдѣ, устремивъ на сцену взоры
(Чуть могутъ ихъ сдержать подпоры),
Пришедъ изъ ближнихъ, дальныхъ
странъ,
Шумя, какъ смутный океанъ,
Надъ рядомъ рядъ, сидятъ народы;
И движутся, какъ въ бурю лѣсъ,
Людьми кипящи переходы,
Всходя до синевы небесъ.
  И кто сочтетъ разноплеменныхъ,
Симъ торжествомъ соединенныхъ?
Пришли отвсюду; отъ Аѳинъ,
Отъ древней Спарты, отъ Микинъ,
Съ предѣловъ Азіи далекой,
Съ Эгейскихъ водъ, съ Ѳракійскихъ
горъ...
И сѣли въ тишинѣ глубокой,
И тихо выступаетъ хоръ.
  По древнему обряду, важно,
Походкой мѣрной и протяжной,
Священнымъ страхомъ окруженъ,
Обходитъ вкругъ театра онъ.
Не шествуютъ такъ персти чада;
Не здѣсь ихъ колыбель была.
Ихъ стана дивная громада
Предѣлъ земнаго перешла.
  Идутъ съ поникшими главами,
И движутъ тощими руками
Свѣчи, отъ коихъ темный свѣтъ;
И въ ихъ ланитахъ крови нѣтъ;
Ихъ мертвы лица, очи впалы;
И свитыя межъ ихъ власовъ
Эхидны движутъ съ свистомъ жалы,
Являя страшный рядъ зубовъ.
  И стали вкругъ, сверкая взоромъ;
И гимнъ запѣли дикомъ хоромъ,
Въ сердца вонзающій боязнь;
И въ немъ преступникъ слышитъ: казнь!
Гроза души, ума смутитель,
Эриннiй страшный хоръ гремитъ;
И цѣпенѣя, внемлетъ зритель;
И лира, онѣмѣвъ, молчитъ:
«Блаженъ, кто незнакомъ съ виною,
Кто чистъ младенчески душою!
Мы не дерзнемъ ему во слѣдъ;
Ему чужда дорога бѣдъ....
Но вамъ, убійцы, горе, горе!
Какъ тѣнь, за вами всюду мы,
Съ грозою мщенія во взорѣ,
Ужасныя созданья тмы.
  «Не мните скрыться—мы съ крылами;
Вы въ лѣсъ, вы въ бездну—мы за вами;
И, спутавъ васъ въ своихъ сѣтяхъ,
Растерзанныхъ бросаемъ въ прахъ.
Вамъ покаянье не защита;
Вашъ стонъ, вашъ плачъ—веселье намъ;
Терзать васъ будемъ до Коцита,
Но не покинемъ васъ и тамъ.»
  И пѣснь ужасныхъ замолчала;
И надъ внимавшими лежала,
Богинь присутствіемъ полна,
Какъ надъ могилой тишина.

И тихой, мѣрною стопою
Онѣ обратно потекли,
Склонивъ главы, рука съ рукою,
И скрылись медленно вдали.
И зритель—зыблемый сомнѣньемъ
Межъ истиной и заблужденьемъ—
Со страхомъ мнитъ о Силѣ той,
Которая, во мглѣ густой
Скрываяся, неизбѣжима,
Вьетъ нити роковыхъ сѣтей,
Во глубинѣ лишь сердца зрима,
Но скрыта отъ дневныхъ лучей.
И все, и все еще въ молчаньѣ....
Вдругъ на ступеняхъ восклицанье:
«Парѳеній, слышишъ? крикъ вдали,
То Ивиковы журавли!»...
И небо вдругъ покрылось тмою;
И воздухъ весь отъ крылъ шумитъ;
И видятъ... черной полосою
Станица журавлей летитъ.
«Что? Ивикъ!.... все поколебалось—
И имя Ивика помчалось
Изъ устъ въ уста... шумитъ народъ,
Какъ бурная пучина водъ.
«Нашъ добрый Ивикъ! нашъ сраженный
Врагомъ незнаемымъ поэтъ!...
Что, что въ семъ словѣ сокровенно?
И что сихъ журавлей полетъ?»
И всѣмъ сердцамъ въ одно мгновенье,
Какъ будто свыше откровенье,
Блеснула мысль:» убійца тутъ;
То Эвменидъ ужасныхъ судъ;
Отмщенье за пѣвца готово;
Себѣ преступникъ измѣнилъ.
Къ суду и тотъ, кто молвилъ слово,
И тотъ, кѣмъ онъ внимаемъ былъ!»
И блѣденъ, трепетенъ, смятенный,
Незапной рѣчью обличенный,
Исторгнутъ изъ толпы злодѣй.
Передъ сѣдалище судей
Онъ привлеченъ съ своимъ клевретомъ;
Смущенный видъ, склоненный взоръ,
И тщетный плачъ былъ ихъ отвѣтомъ;
И смерть была ихъ приговоръ.

Жалоба (1810).

Надъ прозрачными водами
Сидя, рвалъ Усладъ вѣнокъ;
И шумящими волнами
Уносилъ цвѣты потокъ.
«Такъ бѣгутъ лѣта младыя
Невозвратною струей;
Такъ всѣ радости земныя
Цвѣтъ увядшій полевой.
«Ахъ! безвременной тоскою
Умерщвленъ мой милый цвѣтъ.
Все воскреснуло съ весною;
Обновился Божій свѣтъ;
Я смотрю, и холмъ веселой
И поля омрачены;
Для души осиротѣлой
Нѣтъ цвѣтущія весны.
Что въ природѣ, озаренной
Красотою майскихъ дней?
Есть *одна* во всей вселенной—
Къ ней душа, и мысль объ *ней*;
Къ *ней* стремлю, забывшись, руки—
Милый призракъ прочь летитъ.
Кто жъ мои услышитъ муки,
Жажду сердца утолитъ?»

О милый другъ! теперь съ тобою радость! (1815).

О милый другъ! теперь съ тобою радость!
А я одинъ—и мой печаленъ путь,
Живи, вкушай невинной жизни сладость;
Въ душѣ не измѣнись, достойна счастья будь....
Но не отринь, въ толпѣ плѣняемыхъ тобою,
Ты друга прежняго, увядшаго душою.
Веселья ихъ дѣли—ему отрадой будь;
Его мой другъ, не позабудь.
О милый другъ, намъ рокъ велѣлъ разлуку:
Дни, мѣсяцы и годы пролетятъ,
Вотще къ тебѣ простру отъ сердца руку—
Ни голосъ твой, ни взоръ меня не усладятъ;
Но и вдали моя душа съ твоей согласна,
Любовь ни времени, ни мѣсту не подвластна,
Всегда, вездѣ ты мой хранитель—ангелъ будь,
Меня, мой другъ, не позабудь.

О милый другъ, пусть прахъ холодный
То сердце, гдѣ любовь къ тебѣ жила.
Есть лучшій міръ; тамъ мы любить свободны;
Туда моя душа ужъ все перенесла;
Туда всечасное влечетъ меня желанье;
Тамъ свидимся опять; тамъ наше воздаянье;
Сей вѣрой сладкою полна въ разлукѣ будь —
Меня, мой другъ, не позабудь.

Путешественникъ (1813).

Дней моихъ еще весною
Отчій домъ покинулъ я;
Все забыто было мною—
И семейство и друзья.
Въ ризѣ странника убогой,
Съ дѣтской въ сердцѣ простотой,
Я пошелъ путемъ—дорогой—
Вѣра былъ вожатый мой.
И въ надеждѣ, въ увѣреньѣ
Путь казался не далекъ.
«Странникъ—слышалось—терпѣнье!
Прямо, прямо на востокъ.
Ты увидишь храмъ чудесной;
Ты въ святилище войдешь;
Тамъ въ нетлѣнности *небесной*
Все *земное* обрѣтешь.
Утро вечеромъ смѣнялось;
Вечеръ утру уступалъ:
Неизвѣстное скрывалось;
Я искалъ—не обрѣталъ.
Тамъ встрѣчались мнѣ пучины;
Здѣсь высокихъ горъ хребты;
Я взбирался на стремнины;
Чрезъ потоки стлалъ мосты.
Вдругъ рѣка передо мною—
Водъ склоненье на востокъ;
Вижу зыблемый струею
Подлѣ берега челнокъ.
Я въ надеждѣ, я въ смятеньи,
Предаю себя волнамъ;
Счастье вижу въ отдаленьи;
Все что мило—мнится—тамъ!
Ахъ! въ безвѣстномъ океанѣ
Очутился мой челнокъ;
Даль по-прежнему въ туманѣ;
Брегъ невидимъ и далекъ.
И во вѣки надо мною
Не сольется, какъ поднесь,
Небо свѣтлое съ землею....
Тамъ не будетъ вѣчно *здѣсь*.

Пловецъ (1813).

Вихремъ бѣдствія гонимый,
Безъ кормила и весла,
Въ океанъ незаходимый
Буря челнъ мой занесла.
Въ тучахъ звѣздочка свѣтилась;
Не скрывайся! я взывалъ;
Непреклонная сокрылась;
Якорь былъ—и тотъ пропалъ.
Все одѣлось черной мглою;
Всколыхалися валы,
Бездны въ развѣ предо мною;
Вкругъ ужасныя скалы.
«Нѣтъ надежды на спасенье!»
Я роптал, унывъ душой....
О безумецъ! Провидѣнье
Было тайный кормщикъ твой.
Невидимою рукою,
Сквозь ревущіе валы,
Сквозь одѣты бездны мглою
И грозящія скалы,
Мощный велъ меня Хранитель.
Вдругъ все тихо! мракъ изчезъ;
Вижу райскую обитель....
Въ ней трехъ Ангеловъ небесъ.
О спаситель—Провидѣнье!
Скорбный ропотъ мой утихъ;
На колѣнахъ, въ восхищеньѣ,
Я смотрю на образъ ихъ.
О! кто прелесть ихъ опишетъ?
Кто ихъ силу надъ душой?
Все окрестъ ихъ небомъ дышетъ
И невинностью святой.
Неиспытанная радость;
Ими жить, для нихъ дышать;
Ихъ рѣчей, ихъ взоровъ сладость
Въ душу, въ сердце принимать.
О! судьба! одно желанье:
Дай все блага имъ вкусить;
Пусть имъ радость—мнѣ страданье;
Но.... не дай ихъ пережить.

Теонъ и Эсхинъ (1813).

Эсхинъ возвращался къ Пенатамъ своимъ,
Къ брегамъ благовоннымъ Алфея.
Онъ долго по свѣту за счастьемъ бродилъ—
Но счастье, какъ тѣнь, убѣгало.
И роскошь, и слава, и Вакхъ, и Эротъ—
Лишь сердце они изнурили;
Цвѣтъ жизни былъ сорванъ; увяла душа;
Въ ней скука смѣнила надежду.
Ужъ взорамъ его тихоструйной Алфей
Въ цвѣтущихъ брегахъ открывался,
Предъ нимъ оживились минувшіе дни,
Давно улетѣвшая младость....
Все тѣжъ берега и поля и холмы,
И тоже прекрасное небо,
Но гдѣ жъ озарявшая нѣкогда ихъ
Волшебнымъ сіяньемъ Надежда!
Жилища Теонова ищетъ Эсхинъ.
Теонъ, при домашнихъ Пенатахъ,
Въ желаніяхъ скромной, безъ пышныхъ надеждъ,
Остался на брегѣ Алфея.
Близь мѣста, гдѣ въ море втекаетъ Алфей,
Подъ сѣнью оливъ и платановъ,
Смиренную хижину видитъ Эсхинъ—
То было жилище Теона.
Съ безоблачныхъ солнце сходило небесъ,
И тихое море горѣло,
На хижину сыпался розовый блескъ,
И мирты окрестны алѣли.
Изъ бѣлаго мрамора гробъ не вдали,
Обсаженный миртами, зрѣлся;
Душистыя розы и гибкій ясминъ
Вѣтвями надъ нимъ соплетались.
На прагѣ сидѣлъ въ размышленьи Теонъ,
Смотря на багряное море—
Вдругъ видитъ Эсхина, и въ мигъ узнаетъ
Сопутника юныя жизни.
«Да благостно взглянетъ хранитель-Зевесъ
На мирный возвратъ твой къ Пенатамъ!»
Съ блистающимъ радостью взоромъ Теонъ
Сказалъ, обнимая Эсхина.
И взглядъ на него любопытный вперилъ—
Лице его скорбно и мрачно.
На друга внимательно смотритъ Эсхинъ—
Взоръ друга прискорбенъ, но ясенъ.
— Когда я съ тобой разлучался, Теонъ,
Надежда сулила мнѣ счастье;
Но опытъ иное мнѣ въ жизни явилъ.
Надежда лукавый предатель.
Скажи, о Теонъ, твой задумчивый взглядъ
Не ту же ль судьбу возвѣщаетъ?
Уже ль и тебя посѣтила печаль
При мирныхъ домашнихъ Пенатахъ?—
Теонъ указалъ, воздыхая, на гробъ...
«Эсхинъ, вотъ безмолвный свидѣтель,
Что боги для счастья послали намъ жизнь—
Но съ нею печаль неразлучна.
«О! нѣтъ, не ропщу на Зевесовъ законъ.
И жизнь и вселенна прекрасны.
Не въ радостяхъ быстрыхъ, не въ ложныхъ мечтахъ
Я видѣлъ земное блаженство.
«Что можетъ разрушить въ минуту судьба,
Эсхинъ, то на свѣтѣ не наше;
Но сердца нетлѣнныя блага: любовь
И сладость возвышенныхъ мыслей—
«Вотъ счастье; о другъ мой, оно не мечта.
Эсхинъ, я любилъ и былъ счастливъ,
Любовью моя освятилась душа,
И жизнь въ красотѣ мнѣ предстала.
«При блескѣ возвышенныхъ мыслей я зрѣлъ
Яснѣе великость творенья;
Я вѣрилъ, что путь мой лежитъ по землѣ
Къ прекрасной, возвышенной цѣли.
«Увы! я любилъ.... и ея уже нѣтъ!
Но счастье, вдвоемъ столь живое,
Навѣки ль изчезло? И прежніе дни
Вотще ли столь были прелестны?
«О! нѣтъ: никогда не погибнетъ ихъ слѣдъ;
Для сердца прошедшее вѣчно.
Страданье въ разлукѣ есть та же любовь,
Надъ сердцемъ утрата безсильна.
«И скорбь о погибшемъ не есть ли, Эсхинъ,

Обѣтъ неизмѣнной надежды:
Что гдѣ-то въ знакомой, но тайной странѣ,
Погибшее намъ возвратится?
Кто разъ полюбилъ, тотъ на свѣтѣ, мой другъ,
Ужъ одинокимъ не будетъ....
Ахъ! свѣтъ, гдѣ *она* предо мною цвѣла—
Онъ тотъ же: все *ею* онъ полонъ.
«По той же дорогѣ стремлюся одинъ,
И къ той же возвышенной цѣли,
Къ которой такъ бодро стремился вдвоемъ—
Сихъ узъ не разрушитъ могила.
«Сей мыслью высокой украшена жизнь.
Я взоромъ смотрю благодарнымъ
На землю, гдѣ столько разсыпано благъ,
На полное славы творенье.
«Спокойно смотрю я съ земли рубежа
На сторону лучшія жизни.
Сей сладкой надеждою міръ озаренъ,
Какъ небо сіяньемъ Авроры.
Съ сей сладкой надеждой я выше судьбы,
И жизнь мнѣ земная священна;
При мысли великой, что *я человѣкъ*,
Всегда возвышаюсь душою.
«А этотъ безмолвный, таинственный гробъ...
О другъ мой, онъ вѣрный свидѣтель,
Что лучшее въ жизни еще впереди,
Что *вѣрно* желанное будетъ;
«Сей гробъ затворенная къ счастію дверь,
Отворится.... жду и надѣюсь!
За нимъ ожидаетъ сопутникъ меня,
На мигъ мнѣ явившійся въ жизни.
О другъ, мой, искавъ измѣняющихъ благъ,
Искавъ наслажденій минутныхъ,
Ты вѣрныя блага утратилъ свои—
Ты жизнь презирать научился.
«Съ симъ гибельнымъ чувствомъ ужасенъ и свѣтъ;
Дай руку: близъ вѣрнаго друга,
Съ природой и жизнью опять примирись;
О! вѣрь мнѣ, прекрасна вселенна.
«*Все* небо намъ дало, мой другъ, съ бытіемъ:
Все въ жизни къ великому средство,
И горесть и радость—все къ цѣли одной.
Хвала жизнодавцу—Зевесу!»

Голосъ съ того свѣта (1814).

Не узнавай, куда я путь склонила,
Въ какой предѣлъ изъ міра перешла.
О другъ, я все земное совершила;
Я на землѣ любила и жила.
Нашла ли ихъ? Сбылись ли ожиданья?
Безъ страха вѣрь, обмана сердцу нѣтъ;
Сбылося все, я въ сторонѣ свиданья;
И знаю *здѣсь*, столь *вашъ* прекрасенъ свѣтъ.
Другъ, на *землѣ* великое не тщетно,
Будь твердъ, а *здѣсь* тебѣ не измѣнятъ,
О милый, *здѣсь* не будетъ безотвѣтно
Ничто, ничто: ни мысль, ни вздохъ, ни взглядъ.
Не унывай: минувшее съ тобою;
Незрима я, но въ мірѣ мы одномъ;
Будь вѣренъ мнѣ прекрасною душою.
Сверши *одинъ* начатое *вдвоемъ*.

Эолова арфа (1814).

Владыко Морвены,
Жилъ въ дѣдовскомъ замкѣ могучій Ордалъ.
Надъ озеромъ стѣны
Зубчатыя замокъ съ холма возвышалъ;
Прибрежны дубравы
Склонялись къ водамъ,
И стлался кудрявый
Кустарникъ по злачнымъ окрестнымъ холмамъ.
Спокойствіе сѣней
Дубравныхъ тамъ часто лай псовъ нарушалъ;
Рогатыхъ еленей
И вепрей и ланей могучій Ордалъ
Съ отважными псами
Гонялъ по холмамъ;
И долы съ холмами,
Шумя, отвѣчали зовущимъ рогамъ.
Въ жилище Ордала
Веселость изъ ближнихъ и дальнихъ краёвъ
Гостей собирала;
И убраны были чертоги пировъ

Еленей рогами,
И въ память отцамъ
Висѣли рядами
Ихъ шлемы, кольчуги, щиты по стѣнамъ.
И въ дружныхъ бесѣдахъ
Любилъ за бокаломъ разсказы Ордалъ
О древнихъ побѣдахъ,
И взоры на брони отцовъ устремлялъ:
Чеканны ихъ латы
Въ глубокихъ рубцахъ;
Мечи ихъ зубчаты,
Щиты ихъ и шлемы избиты въ бояхъ.
Младая Минвана
Красой озаряла родительскій домъ;
Какъ зыби тумана,
Зарею златимы надъ свѣжимъ холмомъ,
Такъ кудри густыя
Съ главы молодой
На перси младыя,
Віяся, бѣжали струей золотой.
Пріятнѣй денницы
Задумчивый пламень во взорахъ сіялъ.
Сквозь темны рѣсницы
Онъ сладкое въ душу смятенье вливалъ;
Потока журчанье—
Пріятность рѣчей,
Какъ роза, дыханье,
Душа же прекраснѣй и прелестей въ ней.
Гремѣла красою
Минвана и въ ближнихъ и въ дальныхъ краяхъ;
Въ Морвену толпою
Стекалися витязи, славны въ бояхъ,
И дщерью гордился
Предъ ними отецъ....
Но втайнѣ дѣлился
Душою съ Минваной Арминій—пѣвецъ.
Младой и прекрасный,
Какъ свѣжая роза—утѣха долинъ,
Пѣвецъ сладкогласный....
Но родомъ не знатный, не княжескій сынъ:
Минвана забыла
О санѣ своемъ,
И сердцемъ любила,
Невинная, сердце невинное въ немъ.—
На темные своды
Багрянымъ щитомъ покатилась луна;
И озера воды
Струистымъ сіяньемъ покрыла она;
Отъ за́мка, отъ сѣней
Дубравъ по брегамъ
Огромные тѣней
Легли великаны по гладкимъ водамъ.
На холмѣ, гдѣ чистымъ
Потокомъ источникъ бѣжалъ изъ кустовъ,
Подъ дубомъ вѣтвистымъ—
Свидѣтелемъ тайныхъ свиданья часовъ—
Минвана младая
Сидѣла одна,
Пѣвца ожидая,
И въ страхѣ таила дыханье она.
И съ арфою стройной
Ко древу къ Минванѣ приходитъ пѣвецъ.
Все было спокойно,
Какъ тихая радость ихъ юныхъ сердецъ:
Прохлада и нѣга,
Мерцанье луны,
И ропотъ у брега
Дробимыя съ легкимъ плесканьемъ волны.
И долго, безмолвны,
Пѣвецъ и Минвана съ унылой душой
Смотрѣли на волны,
Златимыя тихо блестящей луной.
«Какъ быстрыя воды
Потокъ свой ліютъ—
Такъ быстрые годы
Веселье младое съ любовью несутъ.»
— Что жъ сердце уныло?
Пусть воды ліются, пусть годы бѣгутъ;
О вѣрный! о милой!
Съ любовію годы и жизнь унесутъ.—
«Минвана, Минвана,
Я бѣдный пѣвецъ;
Ты жъ царскаго сана,
И предками славенъ твой гордый отецъ.»
— Что въ славѣ и санѣ?
Любовь мой высокій, мой царскій вѣнецъ.
О милый, Минванѣ
Всѣхъ витязей краше смиренный пѣвецъ.
Зачѣмъ же уныло
На радость глядѣть?
Все близко, что мило;
Оставимъ годамъ за годами летѣть.
«Минутная сладость
Веселаго *вмѣстѣ*, помедли, постой;
Кто скажетъ, что радость
На вѣкъ не умчится съ грядущей зарей!

Проглянетъ денница—
Блаженству конецъ;
Опять ты царица,
Опять я ничтожный и бѣдный пѣвецъ.»
— Пускай возвратится
Веселое утро, сіяніе дня;
Зарей озарится
Тотъ свѣтъ, гдѣ мой милый живетъ для меня.
Лишь царскимъ уборомъ
Я буду съ толпой;
А мыслію, взоромъ
И сердцемъ, и жизнью, о милый, съ тобой.—
«Прости, ужъ блѣднѣетъ
Разсвѣтомъ далекій, Минвана, востокъ;
Ужъ утренній вѣетъ
Съ вершины кудрявыхъ холмовъ вѣтерокъ.»
— О нѣтъ! то зарница
Блеститъ въ облакахъ;
Не скоро денница;
И тихъ вѣтерокъ на кудрявыхъ холмахъ.—
«Ужь въ замкѣ проснулись;
Мнѣ слышался шорохъ и звукъ голосовъ.»
— О нѣтъ! встрепенулись
Дремавшія пташки на вѣтвяхъ кустовъ.—
«Заря ужъ багряна.»
— О милый постой.—
«Минвана, Минвана,
Почто жъ замираетъ такъ сердце тоской?»
И арфу унылой
Пѣвецъ привязалъ подъ наклономъ вѣтвей:
«Будь, арфа, для милой
Залогомъ прекрасныхъ минувшаго дней;
И сладкіе звуки
Любви не забудь;
Услада разлуки
И вѣстникъ души неизмѣнныя будь.
«Когда же мой юный,
Убитый печалію цвѣтъ опадетъ,
О вѣрныя струны,
Въ васъ съ прежней любовью душа перейдетъ.
Какъ прежде, взыграетъ
Веселіе въ васъ,
И другъ мой узнаетъ
Привычный, зовущій къ свиданію гласъ.
«И думай, ихъ пѣнью
Внимая вечерней, Минвана, порой,
Что легкою тѣнью,
Все вѣрный, летаетъ твой другъ надъ тобой;
Что прежнія муки:
Превратности страхъ,
Томленье разлуки,
Все съ трепетной жизнью онъ бросилъ во прахъ.
Что, жизнь переживши,
Любовь лишь одна не разсталась съ душой;
Что робко любившій
Безъ робости любитъ и болѣе твой.
А ты, дубъ вѣтвистый,
Ее осѣняй;
И, вѣтеръ душистый,
На грудь молодую дышать прилетай.»
Умолкъ—и съ прелестной
Задумчивыхъ долго очей не сводилъ....
Какъ бы неизвѣстный
Въ немъ голосъ: *на вѣки прости*! говорилъ,
Горячей рукою
Ей руку пожалъ,
И, тихой стопою
Отъ ней удаляся, какъ призракъ, пропалъ....
Луна возсіяла....
Минвана у древа.... но гдѣ же пѣвецъ?
Увы! предузнала
Душа, унывая, что счастью конецъ;
Молва о свиданьѣ
Достигла отца....
И мчитъ ужъ въ изгнанье
Ладья черезъ море младаго пѣвца.
И поздно, и рано
Подъ древомъ свиданья Минвана груститъ.
Уныло съ Минваной
Одинъ лишь нагорный потокъ говоритъ;
Все пусто; день ясный
Взойдетъ и зайдетъ—
Пѣвецъ сладкогласный
Минваны подъ древомъ свиданья не ждетъ.
Прохладою дышетъ
Тамъ вѣтеръ вечерній и въ листьяхъ шумитъ,

И вѣтви колышетъ,
И арфу лобзаетъ... но арфа молчитъ.—
Творенія радость,
Настала весна—
И въ свѣжую младость,
Красу и веселье земля убрана.
И яркимъ сіяньемъ
Холмы осыпалъ вечерѣющій день;
На землю съ молчаньемъ
Сходила ночная, росистая тѣнь.
Ужъ синіе своды
Блистали въ звѣздахъ;
Сравнялися воды;
И вѣтеръ улегся на спящихъ листахъ.
Сидѣла уныло
Минвана у древа.... душой вдалекѣ....
И тихо все было....
Вдругъ.... къ пламенной что-то коснулось щекѣ;
И что-то шатнуло
Безъ вѣтра листы,
И что-то прильнуло
Къ струнамъ, невидимо слетѣвъ съ высоты....
И вдругъ.... изъ молчанья
Поднялся протяжно задумчивый звонъ;
И тише дыханья
Играющей въ листьяхъ прохлады былъ онъ.
Въ ней сердце смутилось:
То друга привѣтъ!
Свершилось, свершилось!....
Земля опустѣла, и милаго нѣтъ.
Отъ тяжкія муки
Минвана упала безъ чувства на прахъ,
И жалобнѣй звуки
Надъ ней застенали въ смятенныхъ струнахъ.
Когда жъ возвратила
Дыханье она,
Уже восходила
Заря, и надъ нею была тишина.
Съ тѣхъ поръ, унывая,
Минвана, лишь вечеръ, ходила на холмъ,
И, звукамъ внимая,
Мечтала о миломъ, о свѣтѣ другомъ,
Гдѣ жизнь безъ разлуки,
Гдѣ все не на часъ—
И мнились ей звуки,
Какъ будто летящій отъ родины гласъ.
О милыя струны,
Играйте, играйте.... мой часъ не далекъ;
Ужь клонится юный
Главой недоцвѣтшей ко праху цвѣтокъ.
И странникъ унылый
Заутра придетъ,
И спроситъ: гдѣ милый
Цвѣтокъ мой?.... и болѣ цвѣтка не найдетъ.»
И нѣтъ ужъ Минваны....
Когда отъ потоковъ, холмовъ и полей
Восходятъ туманы,
И свѣтитъ, какъ въ дымѣ, луна безъ лучей—
Двѣ видятся тѣни:
Сліявшись, летятъ
Къ знакомой имъ сѣни....
И дубъ шевелится и струны звучатъ.

Рыцарь Тогенбургъ (1818).

«Сладко мнѣ твоей сестрою,
Милый рыцарь, быть;
Но любовію иною
Не могу любить:
При разлукѣ, при свиданьѣ
Сердце въ тишинѣ—
И любви твоей страданье
Непонятно мнѣ.»
Онъ глядитъ съ нѣмой печалью—
Участь рѣшена;
Руку сжалъ ей; крѣпкой сталью
Грудь обложена;
Звонкій рогъ созвалъ дружину:
Всѣ ужъ на коняхъ;
И помчались въ Палестину,
Крестъ на раменахъ.
Ужъ въ толпѣ враговъ сверкаютъ
Грозно шлемы ихъ;
Ужъ отвагой изумляютъ
Чуждыхъ и своихъ.
Тогенбургъ лишь выйдетъ къ бою:
Сарацинъ бѣжитъ....
Но душа въ немъ все тоскою
Прежнею болитъ.
Годъ прошелъ безъ утоленья....
Нѣтъ ужъ силъ страдать;
Не найти ему забвенья—
И покинулъ рать.

Зритъ корабль—шумятъ вѣтрилы
Бьетъ въ корму волна—
Сѣлъ и поплылъ въ край тотъ милый,
Гдѣ цвѣтетъ она.
Но стучится къ ней напрасно
Въ двери Пилигримъ;
Ахъ, онѣ съ молвой ужасной
Отперлись предъ нимъ:
«Узы вѣчнаго обѣта
Приняла она;
И погибшая для свѣта,
Богу отдана.»
Пышны праотцевъ палаты
Бросить онъ спѣшитъ;
Навсегда покинулъ латы;
Конь на вѣкъ забытъ;
Власяной покрытъ одеждой,
Онъ оставилъ свѣтъ.
И въ убогой кельѣ скрылся
Близь долины той,
Гдѣ межъ темныхъ липъ свѣтился
Монастырь святой;
Тамъ—сіяло ль утро ясно,
Вечеръ ли темнѣлъ—
Въ ожиданьи, съ мукой страстной,
Онъ одинъ сидѣлъ.
И душѣ его унылой
Счастье тамъ одно:
Дожидаться, чтобъ у милой
Стукнуло окно,
Чтобъ прекрасная явилась,
Чтобъ отъ вышины
Въ тихій долъ лицемъ склонилась,
Ангелъ тишины.
И дождавшися, на ложе
Простирался онъ;
И надежда: *завтра то же!*
Услаждала сонъ.
Время годы уводило....
Для него жь одно:
Ждать, какъ ждалъ онъ, чтобъ у милой
Стукнуло окно;
Чтобъ прекрасная явилась;
Чтобъ отъ вышины
Въ тихій долъ лицемъ склонилась,
Ангелъ тишины.
Разъ—туманно утро было—
Мертвъ онъ тамъ сидѣлъ,
Блѣденъ ликомъ, и уныло
На окно глядѣлъ.

Вѣрность до гроба (1818).

Младый Рогеръ свой острый мечъ беретъ:
За вѣру, честь и родину сразиться!
Готовъ онъ въ бой... но къ милой онъ идетъ:
Въ послѣдній разъ съ прекрасною проститься.
«Не плачь: надъ нами щитъ Творца:
«Еще насъ небо не забыло;
«Я буду вѣренъ до конца
«Свободѣ, мужеству и милой.»
Сказалъ, свой шлемъ надвинулъ, поскакалъ;
Дружина съ нимъ; кипятъ сердца ихъ боемъ;
И скоро строй неустрашимыхъ сталъ
Передъ враговъ необозримымъ строемъ.
«Сей видъ не страшенъ для бойца;
«И смерть ли небо мнѣ судило—
«Останусь вѣренъ до конца
«Свободѣ, мужеству и милой.»
И на врага взоръ мести бросивъ, онъ
Влетѣлъ въ ряды, какъ пламень—истребитель;
И вспыхнулъ бой и врагъ ужъ истребленъ;
Но... побѣдивъ, сраженъ и побѣдитель.
Онъ почесть браннаго вѣнца
Пріялъ съ безвременной могилой,
И былъ онъ вѣренъ до конца
Свободѣ, мужеству и милой.
Но гдѣ же ты, пѣвецъ великихъ дѣлъ?
Иль пѣснь твоя твоей судьбою стала?
Его ужъ нѣтъ; онъ въ край тотъ улетѣлъ,
Куда давно мечта его летала.
Онъ палъ въ бою—и гласъ пѣвца
Безсмертно дѣло освятило;
И онъ былъ вѣренъ до конца
Свободѣ, мужеству и милой.

Таинственный посѣтитель (1822).

Кто ты, призракъ, гость прекрасной?
Къ намъ откуда прилеталъ?
Безотвѣтно и безгласно,
Для чего отъ насъ пропалъ?
Гдѣ ты? Гдѣ твое селенье?
Что съ тобой? Куда исчезъ?

И зачѣмъ твое явленье
Въ поднебесную съ небесъ?
Не Надежда ль ты младая,
Приходящая порой
Изъ невѣдомаго края
Подъ волшебной пеленой?
Какъ она, неумолимо
Радость милую на часъ
Показалъ ты, съ нею мимо
Пролетѣлъ и бросилъ насъ.
Не Любовь ли намъ собою
Тайно ты изобразилъ?
Дни любви, когда одною
Міръ для насъ прекрасенъ былъ.
Ахъ! тогда сквозь покрывало
Неземнымъ казался онъ....
Снятъ покровъ, любви не стало;
Жизнь пуста и счастье сонъ.
Не волшебница ли Дума
Здѣсь въ тебѣ явилась намъ?
Удаленная отъ шума,
И мечтательно къ устамъ
Приложивши перстъ, приходитъ
Къ намъ, какъ ты, она порой,
И въ минувшее уводитъ
Насъ безмолвно за собой.
Иль въ тебѣ сама святая
Здѣсь Поэзія была?....
Къ намъ, какъ ты, она изъ рая
Два покрова принесла:
Для небесъ лазурно-ясный,
Чистый, бѣлый для земли;
Съ ней все близкое прекрасно;
Все знакомо, что вдали.
Иль Предчувствіе сходило
Къ намъ во образѣ твоемъ
И понятно говорило
О небесномъ, о святомъ?
Часто въ жизни такъ бывало:
Кто-то свѣтлый къ намъ летитъ,
Подымаетъ покрывало,
И въ далекое манитъ.

Жалоба Цереры (1829).

Снова геній жизни вѣетъ;
Возвратилася весна;
Холмъ на солнцѣ зеленѣетъ;
Ледъ разрушила волна;
Распустившійся дымится
Благовоніями лѣсъ,
И безоблаченъ глядится
Въ воды зеркальны Зевесъ;
Всё цвѣтетъ—лишь мой единый
Не взойдетъ прекрасный цвѣтъ,
Прозерпины, Прозерпины
На землѣ моей ужъ нѣтъ.
А вездѣ ее искала,
Въ дневномъ свѣту и въ ночи,
Всѣ за ней я посылала
Аполлоновы лучи;
Но ея подъ сводомъ неба
Не нашелъ всезрящій богъ;
А подземной тмы Эреба
Лучъ его пронзить не могъ:
Тѣ брега недостижимы,
И богамъ ихъ страшенъ видъ....
Тамъ она! неумолимый
Ею властвуетъ Аидъ,
Кто жъ мое во мракъ Плутона
Слово къ ней перенесетъ?
Вѣчно ходитъ челнъ Харона,
Но лишь тѣни онъ беретъ.
Жизнь подземнаго страшится,
Недоступенъ адъ и тихъ;
И съ тѣхъ поръ какъ онъ стремится,
Стиксъ не видывалъ живыхъ;
Тьма дорогъ туда низводитъ;
Ни одной оттуда нѣтъ;
И отшедшій не приходитъ
Никогда опять на свѣтъ.
Сколь завидна мнѣ печальной
Участь смертныхъ матерей!
Легкій пламень погребальной
Возвращаетъ имъ дѣтей;
А для насъ, боговъ нетлѣнныхъ,
Что усладою утратъ?
Насъ, безрадостно-блаженныхъ,
Парки строгія щадятъ....
Парки, Парки, поспѣшите
Съ неба въ адъ меня послать:
Правъ богини не щадите:
Вы обрадуете мать.
Въ тотъ предѣлъ—гдѣ, утѣшенью
И веселію чужда,
Дочь живетъ—свободной тѣнью
Полетѣлабъ я тогда;
Близь супруга, на престолѣ

Мнѣ предстала бы она,
Грустной думою о волѣ
И о матери полна;
И ко мнѣ бы взоръ склонился,
И меня узналъ бы онъ,
И надъ нами бъ прослезился
Самъ безжалостный Плутонъ.
  Тщетный призракъ! стонъ напрасный!
Все однимъ путемъ небесъ
Ходитъ Геліосъ прекрасный;
Все на вѣкъ рѣшилъ Зевесъ;
Жизнью горнею доволенъ,
Ненавидя адску ночь,
Онъ и самъ отдать неволенъ
Мнѣ утраченную дочь.
Тамъ ей быть, доколь Аида
Не освѣтитъ Аполлонъ,
Или радугой Ирида
Не сойдетъ на Ахеронъ!
  Нѣтъ ли жъ мнѣ чего отъ милой,
Въ сладкопамятный завѣтъ:
Что осталось все, какъ было,
Что для насъ разлуки нѣтъ?
Нѣтъ ли тайныхъ узъ, чтобъ ими
Снова сблизить мать и дочь,
Мертвыхъ съ милыми живыми,
Съ свѣтлымъ днемъ подземну ночь?...
Такъ, не всѣ слѣды пропали!
Къ ней дойдетъ мой нѣжный кликъ;
Намъ святые боги дали
Усладительный языкъ.
  Въ тѣ часы, какъ хладъ Борея
Губитъ нѣжныхъ чадъ весны,
Листья падаютъ желтѣя,
И лѣса обнажены:
Изъ руки Вертумна щедрой
Сѣмя жизни взять спѣшу,
И, его въ земное нѣдро
Бросивъ, Стиксу приношу;
Сердцу дочери ввѣряю
Тайный даръ моей руки,
И, скорбя, въ немъ посылаю
Вѣсть любви, залогъ тоски.
  Но когда съ небесъ слетаетъ
Вслѣдъ за бурями весна:
Въ мертвомъ снова жизнь играетъ,
Солнце грѣетъ сѣмена;
И умершіе для взора,
Внявъ они весны привѣтъ,
Изъ подземнаго затвора
Рвутся радостно на свѣтъ:
Листъ выходитъ въ область неба,
Корень ищетъ тмы ночной;
Листъ живетъ лучами Феба,
Корень Стиксовой струей.
  Ими таинственно слита
Область тмы съ страною дня,
И приходятъ отъ Коцита
Съ ними вѣсти для меня:
И ко мнѣ въ живомъ дыханьѣ
Молодыхъ цвѣтовъ весны
Подымается признанье,
Гласъ родной изъ глубины;
Онъ разлуку услаждаетъ,
Онъ душѣ моей твердитъ:
Что любовь не умираетъ
И въ отшедшихъ за Коцитъ.
  О! привѣтствую васъ, чада
Разцвѣтающихъ полей:
Вы тоски моей услада,
Образъ дочери моей;
Васъ налью благоуханьемъ,
Напою живой росой,
И съ Авроринымъ сіяньемъ
Поравняю красотой;
Пусть весной природы младость,
Пусть осенній мракъ полей
И мою вѣщаютъ радость,
И печаль души моей.

Ундина (1835).

Дѣйствующія лица повѣсти. А. *Обыкновенные люди*: 1. Рыбакъ, 2. жена его; 3. дочь; она утонула, потомъ найдена однимъ герцогомъ и подъ именемъ Бертальды воспитывается въ его домѣ. Впослѣдствіи, благодаря Ундинѣ, она находитъ своихъ настоящихъ родителей, что составляетъ для ея гордой души чувствительный ударъ. Переселившись въ замокъ рыцаря, Рингштетенъ, она по своему гордому и своенравному характеру служитъ причиною столкновеній между рыцаремъ и его женой, и когда послѣдняя погибаетъ въ водѣ, Бертальда выходитъ за рыцаря, но дѣлается вдовою въ ночь послѣ брачнаго торжества, 4. Гульбрандъ, рыцарь, сначала женихъ, потомъ мужъ Ундины и наконецъ слабостью характера погубившій добрую любящую жену и сочетавшійся съ Бертальдой. 5. Патеръ Лаврентій. Онъ обвѣнчалъ Рыцаря съ Ундиной, но брака съ Бертальдой не хотѣлъ освятить и пріѣхалъ въ Рингштетенъ, чтобы похоронить рыцаря. Б. *Существа фантастическія:*

1. Ундина соотвѣтствуетъ нашей русалкѣ. Ей было около шести лѣтъ, когда она появилась въ избушкѣ рыбака. Живя здѣсь, она забавляла, а иногда и тревожила стариковъ своими шалостями и капризами. Но сердце у ней было доброе. Беззаботная веселость стала въ ней постепенно исчезать съ того времени, когда она полюбила Гульбранда. Столкновеніе съ Бертальдой нанесло ей много горя, а главное — охладило къ ней мужа, но она оставалась вѣрна ему и послѣ разлуки. 2 Дядя Ундины Струй, водяной царь, покровитель и защитникъ племянницы. Его стараніями Рыцарь и Патеръ Лаврентій появились въ избушкѣ; онъ мучилъ Бертальду, вступаясь за Ундину. По наружному виду Струй часто походитъ на водопадъ.—Дѣйствіе сначала происходитъ въ избушкѣ рыбака, потомъ въ Имперскомъ городѣ и наконецъ въ замкѣ Рингштетенѣ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

О томъ, какъ рыцарь и его молодая жена оставили хижину.

Рыцарь, проснувшись съ зарей на другой день, весьма удивился,
Видя, что подлѣ него Ундины нѣтъ, и снова онъ началъ
Думать, что все, происшедшее съ нимъ въ послѣднее время,
Было мечта. Но въ эту минуту Ундина явилась;
Сѣвши къ нему на постель, она сказала: я ходила
Въ лѣсъ провѣдать, исполнилъ ли дядя свое обѣщанье?
Все исполнено; воды свои онъ собралъ и снова
Лѣсомъ бѣжитъ одинокъ, невидимъ и задумчиво шепчетъ;
Всѣхъ водяныхъ и воздушныхъ друзей распустилъ онъ, и стало
Тихо въ лѣсу, и все въ порядкѣ по-прежнему; можемъ,
Милый, отправиться въ путь, какъ скоро захочешь.
Съ какимъ-то страннымъ чувствомъ, похожимъ на робость, слушалъ Ундину
Рыцарь: ея родные были ему не по сердцу.
Но Ундина своею тихою прелестью снова
Сладкій покой возвратила ему и, любуясь съ ней вмѣстѣ
Зеленью берега, такъ благовонно, свѣжо и прозрачно
Свѣтлою влагой объятаго, рыцарь сказалъ: для чего же
Такъ намъ спѣшить отсюда, Ундина? Ужъ вѣрно не встрѣтимъ
Мы нигдѣ толь мирнаго счастья, какимъ насладились
Въ этомъ краю; побудемъ же здѣсь; никто насъ не гонитъ.
Что ты, мой другъ, прикажешь, то и будетъ, сказала съ покорнымъ
Видомъ Ундина; но слушай: моимъ старикамъ разлучаться со мною
Тяжко и такъ, а они еще не знаютъ Ундины,
Новой, нѣжной, любящей, смиренной Ундины; и все имъ
Мнится еще, что смиренье мое не надежнѣй покоя
Водъ; и меня легко позабудутъ они, какъ весенній
Цвѣтъ, какъ быструю птичку, какъ свѣтлое облако; дай же,
Милый, въ тотъ мигъ, какъ на вѣкъ на землѣ намъ должно разстаться,
Скрыть мнѣ отъ нихъ тобой сотворенную, вѣрную душу.
Если же далѣе здѣсь мы пробудемъ, то буду ль умѣть я
Такъ притвориться, чтобъ имъ моя не открылася тайна?
Рыцарь былъ убѣжденъ, и вмигъ собрался въ дорогу;
Снова коня осѣдлали; священникъ вызвался съ ними
Въ городъ идти черезъ лѣсъ, и съ рыцаремъ вмѣстѣ Ундинѣ
Сѣсть помогъ на сѣдло. Обнялися; разстались; Ундина
Плакала тихо, но горько; добрый рыбакъ и старушка
Выли голосомъ, глядя за нею вслѣдъ, и какъ будто
Вдругъ догадавшись, какое сокровище въ эту минуту
Въ ней потеряли. Въ грустномъ молчаньи впередъ подвигались
Путники. Гущи лѣсной ужъ достигли они, и прекрасно

Было видѣть въ зеленой тѣни, на разубранномъ пышно
Гордомъ конѣ, молодую, робкую всадницу, справа
Стараго Патера въ бѣлой одеждѣ, а слѣва, въ богатомъ
Пестромъ уборѣ, прекраснаго рыцаря. Бережно чащей
Лѣса они пробирались. Рыцарь одну лишь Ундину
Видѣлъ; Ундина жъ влажныя очи свои въ упоеньи
Новой души на него одного устремляла, и скоро
Тихій, нѣмой разговоръ начался между ними изъ нѣжныхъ
Взглядовъ и вздоховъ. Но вдругъ онъ былъ прерванъ какимъ-то
Шепотомъ страннымъ: шелъ рядомъ съ священникомъ кто-то четвертый,
Къ нимъ недавно приставшій. Онъ-то шепталъ. Какъ священникъ
Былъ онъ въ бѣломъ платьѣ, лице закрывалось какимъ-то
Страннымъ, широкимъ покровомъ, котораго складки, какъ волны,
Падали съ плечь и станъ обвивали: и онъ беспрестанно
Ихъ поправлялъ, закидывалъ на руку полы, вертѣлся,
Прыгалъ; но это ему ни итти, ни болтать не мѣшало.
Вотъ что шепталъ онъ въ ту минуту, когда молодые
Вслушались въ рѣчи его: ужъ давно, давно, преподобный,
Въ этомъ лѣсу я живу, какъ у васъ говорится, монахомъ;
Правда, я не пощусь, не спасаюсь, а просто мнѣ любо
Жить на волѣ въ глуши и въ этомъ бѣломъ, волнистомъ
Платьѣ подъ тѣнью густою разгуливать. Часто и солнце
Чудно сверкаетъ по складкамъ моимъ; а когда я кустами
Крадусь, бываетъ такой веселый шорохъ, что сердце
Прыгаетъ... Вы человѣкъ замѣчательный, молвилъ Священникъ,
Я бы желалъ покороче узнать васъ. А ты кто, когда ужъ
Дѣло у насъ пошло на распросы, сказалъ незнакомецъ!
Патеръ Лаврентій, священникъ Маріинской Пустыни.—Дѣльно;
Я же, просто сказать, свободный лѣсной обыватель;
Имя мнѣ Струй; ремесла не имѣю; воленъ, какъ птица;
Нѣтъ у меня господина; гуляю и все тутъ. Однако
Нужно мнѣ кое-что молвить вотъ этой красавицѣ. Съ этимъ
Словомъ онъ прянулъ къ Ундинѣ, вдругъ выросъ, и подлѣ
Уха ея очутилась его голова. Но Ундина
Въ страхѣ его оттолкнула, воскликнувъ: поди поскорѣе
Прочь; я болѣе съ вами не знаюсь.—О! о! да какая жъ
Замужемъ стала она спѣсивая! съ нами роднею
Знаться не хочетъ. Да кто же, скажи мнѣ, пожалуй, не я ли,
Дядя твой Струй, малютку тебя на спинѣ изъ подводной
Области на берегъ здѣшній принесъ? Позабыла?—Оставь насъ,
Именемъ Бога тебя умоляю, сказала Ундина;
Ты мнѣ страшенъ; ты сдѣлаешь то, что и мужъ мой дичиться
Станетъ меня, какъ увидитъ съ такою роднею.
Здѣсь я не даромъ; хочу проводить васъ, иначе едва ли
Вамъ черезъ лѣсъ удастся пройти безопасно А этотъ
Патеръ ужъ знаетъ меня; говоритъ онъ, что будто
Былъ я въ лодкѣ, когда онъ въ воду упалъ; и конечно
Былъ я въ лодкѣ; я въ эту лодку прянулъ волною,
Вырвалъ его изъ нея, на берегъ вынесъ, чтобъ свадьбу
Можно было сыграть вамъ.—Ундина и рыцарь при этомъ

Словѣ взглянули на Патера: шелъ онъ какъ будто въ глубокій
Сонъ погруженный, не слыша того, что вблизи говорилось.
Вотъ и лѣсу конецъ, сказала дядѣ Ундина,
Помощь твоя теперь не нужна, оставь насъ; простимся
Съ миромъ; исчезни. Струй разсердился; онъ сдѣлалъ такую
Страшную харю, и такъ глазами сверкнулъ, что Ундина
Громко вскрикнула; рыцарь выхватилъ мечъ и хотѣлъ имъ
Въ голову Струю ударить, но мечъ по волнамъ водопада
Съ свистомъ хлеснулъ, и въ водѣ какъ будто шипящій
Хохотъ раздался; рыцаря обдало пѣной холодной.
Патеръ, вдругъ очнувшись, сказалъ: я предвидѣлъ, что это
Съ нами случится: лѣсной водопадъ былъ такъ близко; и все мнѣ
Мнилось до сихъ поръ, что онъ живой человѣкъ и какъ будто
Съ нами шепчетъ. И подлинно рыцарю на ухо внятно
Вотъ что шепталъ водопадъ: ты смѣлый рыцарь, ты бодрый
Рыцарь; я силенъ, могучъ; я быстръ и гремучъ; не сердиты
Волны мои; но люби ты, какъ очи свои, молодую,
Рыцарь, жену, какъ живую люблю я волну.... и волшебный
Шопотъ, какъ ропотъ волны, разлетѣвшейся въ брызги, умолкнулъ.
Кончился лѣсъ и вышли въ поле они: тамъ Имперскій
Городъ лежалъ передъ ними въ лучахъ заходящаго солнца.

ГЛАВА X.

О томъ, какъ они жили въ Имперскомъ городѣ.

Въ этомъ Имперскомъ городѣ всѣ почитали погибшимъ
Нашего рыцаря; всѣ сожалѣли о немъ, а Бертальда
Болѣ другихъ; она себя признавала причиной
Смерти его, и совѣсть терзала ей сердце, и милый
Рыцаревъ образъ глубоко въ него впечатлѣнъ былъ печалью.
Вдругъ онъ явился живой и женатый, а съ нимъ и свидѣтель
Брака его, отецъ Лаврентій; весь городъ нежданнымъ
Чудомъ такимъ приведенъ былъ въ волненье; прелесть Ундины
Всѣхъ поразила, и слухъ прошелъ, что въ лѣсу изъ подъ власти
Злаго волшебника рыцарь избавилъ ее, что породы
Знатной она. Но на всѣ вопросы людей любопытныхъ
Рыцарь отвѣтствовалъ глухо; Патеръ же былъ на разсказы
Скупъ, да и скоро въ свой монастырь возвратился онъ; словомъ,
Мало по малу толки утихли. Одной лишь Бертальдѣ
Было грустно: скорбя о погибшемъ, она по неволѣ
Сердцемъ привыкла къ нему и его *своимъ* называла.
Скоро однако она одолѣла себя; отъ природы
Было въ ней доброе сердце, но чувство глубокое долго
Въ немъ не могло сохраняться, и здѣсь легкомысліе было
Вѣрнымъ лекарствомъ. Ундину ласкала она, а Ундинѣ,
Простосердечной, доброй Ундинѣ болѣ и болѣ
Нравилась милая, полная прелести сверстница. Часто
Ей говорила она: мы вѣрно съ тобою, Бертальда,
Какъ нибудь были прежде знакомы, иль чудное что-то
Есть между нами; нельзя же, чтобъ кто безъ причины, безъ сильной
Тайной причины, могъ такъ кому полюбиться, какъ ты мнѣ
Вдругъ полюбилася съ перваго взгляда. И въ сердцѣ Бертальды

Что-то подобное было, хотя его и смущала
Зависть порою. Как бы то ни было, скоро другъ съ другомъ
Стали онѣ неразлучны, какъ сестры родныя. Но рыцарь
Былъ готовъ ужъ въ замокъ Рингштетенъ, къ истокамъ Дуная
Ѣхать, и день разлуки, можетъ быть вѣчной разлуки,
Былъ недалеко; Ундина грустила, и вотъ ей на мысли
Вдругъ пришло, что Бертальду съ собою въ замокъ Рингштетенъ
Могутъ они увезти, что на то герцогиня и герцогъ
Вѣрно по просьбѣ ея согласятся. Однажды объ этомъ
Рыцарь, Ундина, Бертальда втроемъ разсуждали. Былъ теплый
Лѣтній вечеръ, и темною площадью города вмѣстѣ
Шли они; синее небо глубоко сіяло звѣздами;
Въ окнахъ домовъ сверкали огни; предъ ними ходили
Черныя тѣни гуляющихъ; шумъ разговоровъ, сліянье
Музыки, пѣнья, хохота, крика дѣтей, наполняли
Чуднымъ какимъ-то говоромъ воздухъ, и онъ напоенъ былъ
Весь благовоніемъ липъ, вокругъ городскаго фонтана
Густо насаженныхъ. Здѣсь, отъ шумной толпы въ отдаленьи,
Близъ водоема стояли они, упиваясь прохладой
Брызжущихъ водъ, ихъ слушая шумъ и любуясь на влажный
Снопъ фонтана, бѣлѣвшій сквозь сумракъ, какъ вѣющій, легкій
Призракъ; и ихъ веселило, что такъ они въ многолюдствѣ
Были одни, и все, что при свѣтѣ казалось столь труднымъ,
Сладилось само собой безъ труда въ тишинѣ миротворной
Ночи; и было для нихъ рѣшено, что Бертальда поѣдетъ
Въ замокъ Рингштетенъ. Но въ ту минуту, когда назначали
День отъѣзда они, подошелъ къ нимъ, какъ будто изъ мрака
Вдругъ родившійся, длинный, сѣдой человѣкъ, поклонился
Чинно, потомъ кивнулъ головою Ундинѣ, и что-то
На ухо ей прошепталъ. Ундина, нахмуривши бровки,
Въ сторону съ нимъ отошла, и тогда начался между ними
Шопотъ на странномъ какомъ-то чужомъ языкѣ; а Гульбранду
Въ мысли пришло, что онъ съ незнакомцемъ гдѣ-то встрѣчался;
Тщетно Бертальда его осыпала вопросами; рыцарь
Былъ какъ въ чаду и все съ безпокойствомъ смотрѣлъ на Ундину.
Вдругъ Ундина, захлопавши съ радостнымъ крикомъ въ ладоши,
Кинулась прочь и блаженствомъ глазки сверкали; съ досадой
Сморщивши лобъ и сѣдой покачавъ головой, незнакомецъ
Влѣзъ въ водоемъ, гдѣ вмигъ и пропалъ. Тутъ рѣшилось сомнѣнье
Рыцаря. Что, Ундина, съ тобою смотритель фонтановъ
Здѣсь говорилъ. спросила Бертальда? Съ таинственнымъ видомъ
Ей головой кивнула Ундина. «Въ твои имянины,
Послѣ завтра, ты это узнаешь, Бертальда, мой милый,
Милый другъ; я тебя и твоихъ приглашаю на этотъ
Праздникъ къ себѣ.» Другаго отвѣта не было. Скоро
Послѣ того они проводили Бертальду и съ нею простились.
Струй? спросилъ съ содроганьемъ невольнымъ рыцарь Ундину,
Съ ней оставшись одинъ въ темнотѣ передъ герцогскимъ домомъ.
Онъ, отвѣчала Ундина; премножество всякаго вздора
Мнѣ насказалъ; но, между прочимъ, открылъ и такую,

Нехотя, тайну, что я себя не помню отъ счастья.
Еслу велишь мнѣ все разсказать сію же минуту,
Я исполню приказъ твой; но, милый, Ундинѣ большая
Радость была бы, когда бъ ей теперь промолчать ты позволилъ.
Рыцарь охотно на все согласился, и можно ли было
Въ чемъ отказать Ундинѣ, столь мило просящей? И сладко
Было ей въ ту ночь засыпать; она, забываясь
Сномъ, потихоньку сама про себя съ улыбкой шептала:
Ахъ, Бертальда! какъ будетъ рада! какое намъ счастье!

XXVIII. БАТЮШКОВЪ.

1787—1855.

Элегія изъ Тибулла

Вольный переводъ.

Месалла! безъ меня ты мчишься по волнамъ
Съ орлами Римскими къ восточнымъ берегамъ;
А я, въ Феакіи, оставленный друзьями,
Ихъ заклинаю всѣмъ, и дружбой и богами,
Тибулла не забыть въ далекой сторонѣ.—
Здѣсь Парка блѣдная конецъ готовитъ мнѣ,
Здѣсь жизнь мою прерветъ безжалостной рукою....
Неумолимая! Нѣтъ матери со мною!
Кто будетъ принимать мой пепелъ отъ костра?
Кто будетъ безъ тебя, о милая сестра,
За гробомъ слѣдовать въ одеждѣ погребальной,
И муро изливать надъ урною печальной?
Нѣтъ друга моего, нѣтъ Деліи со мной.—
Она, и въ самый часъ разлуки роковой
Обряды тайные и чары совершала:
Въ священномъ ужасѣ безсмертныхъ вопрошала;
И жребій счастливый намъ отрокъ вынималъ.
Что пользы отъ того? Часъ гибельный насталъ,
И снова Делія печальна и уныла,
Слезами полный взоръ невольно обратила
На дальный путь. Я самъ, лишенный скорбью силъ,
Утѣшься, Деліи сквозь слезы говорилъ;
Утѣшься! и еще съ невольнымъ трепетаньемъ
Печальную лобзалъ послѣднимъ лобызаньемъ.
Казалось, нѣкій богъ меня остановлялъ:
То воронъ мнѣ бѣду внезапно предвѣщалъ,
То въ день, отцу боговъ, Сатурну посвященный,
Я слышалъ громъ глухой за рощей отдаленной.
О вы, которые умѣете любить,
Страшитеся любовь разлукой прогнѣвить!
Но, Делія, къ чему Изидѣ приношенья,
Сіи въ ночи глухой протяжны пѣснопѣнья,
И волхвованье жрицъ и мѣди звучной стонъ?
Къ чему, о Делія, въ безбрачномъ ложѣ сонъ?
И очищенія священною водою?
Все тщетно, милая; Тибулла нѣтъ съ тобою.
Богиня грозная! спаси его отъ бѣдъ,
И снова Делія мастики принесетъ,
Украситъ дивный храмъ весенними цвѣтами,
И съ распущенными по вѣтру волосами
Какъ дѣва чистая, во ткань облечена,
Возсядетъ на помостъ: и звѣзды и луна,
До восхожденія румяныя Авроры,
Услышатъ гласъ ея и жрицъ Фракійскихъ хоры.
Отдай, богиня, мнѣ родимыя поля,
Отдай знакомый шумъ домашняго ручья,
Отдай мнѣ Делію: и вамъ дары богаты
Я въ жертву принесу, о Лары и Пенаты.

Зачѣмъ мы не живемъ въ златыя времена?
Тогда безпечныя народовъ племена
Путей среди лѣсовъ и горъ не пролагали
И раломъ никогда полей не раздирали;
Тогда не мчалась ель на легкихъ парусахъ,
Несома вѣтрами въ лазоревыхъ моряхъ,
И кормчій не дерзалъ по хлябямъ разъяреннымъ,
Съ Сидонскимъ багрецомъ и съ золотомъ безцѣннымъ,
На утломъ кораблѣ скитаться здѣсь и тамъ.
Дебелый волъ бродилъ свободно по лугамъ,
Топталъ душистый злакъ и спалъ въ тѣни зеленой;
Конь борзый не кропилъ узды кровавой пѣной;
Не зрѣли на поляхъ столповъ и рубежей,
И кущи сельскія стояли безъ дверей;
Медъ капалъ изъ дубовъ янтарною слезою;
Въ сосуды молоко обильною струею
Лилося изъ сосцовъ питающихъ овецъ.—
О мирны пастыри, въ невинности сердецъ
Безпечно жившіе среди пустынь безмолвныхъ!
При васъ, на пагубу друзей единокровныхъ,
На наковальнѣ млатъ не изваялъ мечей,
И ратникъ не гремѣлъ оружьемъ средь полей.
О вѣкъ Юпитеровъ! о времена несчастны!
Война, вездѣ война и гладъ и моръ ужасный,
Повсюду рыщетъ смерть, на сушѣ, на водахъ....
Но ты, держащій громъ и молнію въ рукахъ!
Будь мирному пѣвцу Тибуллу благосклоненъ.
Ни словомъ, ни душой я не былъ вѣроломенъ;
Я съ трепетомъ боговъ отчизны обожалъ,
И если мой конецъ безвременный насталъ—
Пусть камень обо мнѣ прохожимъ возвѣщаетъ:
«Тибуллъ, Месаллы другъ, здѣсь миромъ почиваетъ.»
Единственный мой богъ и сердца властелинъ!
Я былъ твоимъ жрецомъ, Киприды милый сынъ!
До гроба я носилъ твои оковы нѣжны,
И ты, Амуръ, меня въ жилища безмятежны,
Въ Элизій приведешь таинственной стезей,
Туда, гдѣ вѣчный Май межь рощей и полей;
Гдѣ разцвѣтаетъ нардъ и киннамона лозы
И воздухъ напоенъ благоуханьемъ розы;
Тамъ слышно пѣнье птицъ и шумъ біющихъ водъ;
Тамъ дѣвы юныя сплетяся въ хороводъ
Мелькаютъ межъ древесъ, какъ легки привидѣнья;
И тотъ, кого постигъ, въ минуту упоенья,
Въ объятіяхъ любви, неумолимый рокъ,
Тотъ носитъ на челѣ изъ свѣжихъ миртъ вѣнокъ.
А тамъ, внутри земли, во пропастяхъ ужасныхъ,
Жилище вѣчное преступниковъ несчастныхъ;
Тамъ рѣки пламенны сверкаютъ по пескамъ,
Мегера страшная и Тизифона тамъ:
Съ челомъ, опутаннымъ шипящими змѣями,
Бѣгутъ на дикій брегъ за бѣдными тѣнями.
Гдѣ скрыться? адскій песъ лежитъ у мѣдныхъ вратъ,
Рыкаетъ зѣвъ его...., и рой тѣней назадъ!....
Богами вержены во пропасти бездонны,
Ужасный Энкеладъ и Тифій преогромный
Питаетъ жадныхъ утробою своей.
Тамъ хищный Иксіонъ, окованный змѣей,

На быстромъ колесѣ вертится безконечно;
Тамъ въ жаждѣ пламенной Танталъ безчеловѣчной,
Надъ хладною рѣкой сгараетъ и дрожитъ:
Все тщетно! вспять вода коварная бѣжитъ
И черпаютъ ее напрасно Данаиды,
Всѣ жертвы вѣчныя карающей Киприды.
Пусть тамъ страдаетъ тотъ, кто рушилъ нашъ покой
И разлучилъ меня, о Делія, съ тобой!
Но ты, мнѣ вѣрная, другъ милой и безцѣнной,
И въ мирной хижинѣ, отъ взоровъ сокровенной,
Съ наперсницей любви, съ подругою твоей:
На мигъ не покидай домашнихъ алтарей.
При шумѣ зимнихъ вьюгъ, подъ сѣнью безопасной,
Подруга въ темну ночь зажжетъ свѣтильникъ ясной,
И тихо вертено кружа въ рукѣ своей,
Разскажетъ повѣсти и были старыхъ дней.
А ты, склоняя слухъ на сладки небылицы,
Забудешься, мой другъ; и томныя зѣницы
Закроетъ тихій сонъ, и прялица изъ рукъ
Падетъ.... и у дверей предстанетъ твой супругъ,
Какъ небомъ посланный внезапно добрый Геній.
Бѣги на встрѣчу мнѣ, бѣги изъ мирной сѣни,
Въ прелестной наготѣ явись моимъ очамъ,
Власы развѣянны небрежно по плечамъ,
Вся грудь лилейная и ноги обнаженны....
Когда жъ Аврора намъ, когда сей день блаженный
На розовыхъ коняхъ, въ блистаньи принесетъ,
И Делію Тибуллъ въ восторгѣ обоймётъ?

Тибуллова элегія 3-я.

Изъ третьей книги.

Напрасно осыпалъ я жертвенникъ цвѣтами,
Напрасно ѳиміамъ курилъ предъ алтарями;
Напрасно:—Деліи еще съ Тибулломъ нѣтъ.
Безсмертны! слышали вы скромный мой обѣтъ!
Молилъ ли васъ когда о почестяхъ и златѣ?
Желалъ ли обитать во мраморной палатѣ?
Къ чему мнѣ пажитей обширная земля,
Златыми класами вѣнчанныя поля,
И стадо кобылицъ, рабами охраненно?
О бѣдности молилъ, съ тобою раздѣленной!
Молилъ, чтобъ смерть меня застала, при тебѣ,
Хоть нища, но съ тобой!... Къ чему желать себѣ
Богатства Азіи, или воловъ дебелыхъ?
Уже ли болѣе мы дней сочтемъ веселыхъ
Въ садахъ и въ храминахъ, гдѣ дивный рядъ столбовъ
Изсѣченъ хитростью наемныхъ пришлецовъ;
Гдѣ все одинъ Порфиръ, Тенера и Кариста,
Помосты мраморны и урны злата чиста;
Луга пространные, гдѣ силою трудовъ,
Легла священна тѣнь отъ кедровыхъ лѣсовъ?
Къ чему Эритрскія жемчужины безцѣнны
И волны Тирскія, багрянцемъ напоенны?
Въ богатствѣ-ль счастіе? Въ немъ призракъ, тщетный видъ!
Мудрецъ отъ Ларъ своихъ за златомъ не бѣжитъ;
Колѣнъ предъ случаемъ во вѣкъ не преклоняетъ,
И въ хижинѣ своей съ фортуной обитаетъ!
Тотъ кровъ соломенной чту крышей золотою,

Подъ коимъ сопряженъ любовію съ тобою,
Стократъ благословенъ!... Но если предо мною
Безсмертные вѣсовъ судьбѣ не преклонятъ:
Утѣшитъ ли тогда Тибулла пышный градъ?
Ахъ! нѣтъ!—и золото блестящаго Пактола,
И громкой славы шумъ, и самый блескъ престола
Безъ Деліи ничто—а съ ней, и куща—храмъ,
Безвѣстность, нищета завидны небесамъ!
О дочь Сатурнова! услышь мое моленье!
И ты, любови мать! Когда же Паркъ сужденье,
Когда суровыхъ сестръ противно веретено,
И Деліей владѣть Тибуллу не дано:
Пускай теперь сойду во области Плутона,
Гдѣ блата топкія и воды Ахерона
Широкой цѣпію вкругъ ада обѣжатъ,
Гдѣ безпробуднымъ сномъ печальны тѣни спятъ.

Вечеръ.

(Подражаніе Петраркѣ, Canzone IX).

Въ тотъ часъ, какъ солнца лучъ потухнетъ за горою,
Склонясь на посохъ свой дрожащею рукою,
Пастушка, дряхлая отъ бремени годовъ,
Спѣшитъ, спѣшитъ съ полей подъ отдаленный кровъ,
И тамъ, пришедъ къ огню, среди лачуги дымной
Вкушаетъ трапезу съ семьей гостепріимной,
Вкушаетъ сладкій сонъ, замѣну горькихъ слезъ!
А я, какъ солнца лучъ потухнетъ средь небесъ,
Одинъ въ изгнаніи, одинъ съ моей тоскою,
Бесѣдую въ ночи съ задумчивой луною!
Когда вечерній лучъ потухнетъ средь морей,
И ночь, угрюмая владычица тѣней,
Сойдетъ съ высокихъ горъ, съ отрадной тишиною;
Оратай острый плугъ увозитъ за собою,
И медленной стопой идя подъ отчій кровъ,
Поетъ простую пѣснь—въ забвенье всѣхъ трудовъ!—
Въ тѣни домашнихъ Ладъ, и всюду сынъ послушный,
Съ отцомъ и матерью вкушаетъ пиръ радушный:
Онъ счастливъ; я одинъ тоской усыновленъ,
Грущу и день и ночь среди безмолвныхъ стѣнъ!—
Лишь мѣсяцъ сквозь туманъ багряный ликъ уставитъ
Въ недвижныя моря; пастухъ поля оставитъ,
Простится съ нивами, съ дубравой и ручьемъ,
И гибкою лозой стада погонитъ въ домъ.—
Игралище вѣтровъ среди пучины пѣнной
И ты, рыбарь, спѣшишь на брегъ уединенной!
Тамъ сѣти преклонивъ ко утлой ладіѣ,
Вотъ все отъ грозныхъ бурь убѣжище твое!
При блескѣ молніи, при шумѣ непогоды
Уснулъ... и счастливъ ты, угрюмый сынъ природы!
Такъ се блѣднѣетъ тамъ багряный небосклонъ
И медленной стопой идутъ волны въ загонъ
Съ холмовъ и пажитей, туманомъ орошенныхъ.
О пѣснопѣній мать! въ вертепахъ отдаленныхъ,
Въ изгнаньи горестномъ утѣха дней моихъ....
О лира! — возбуди бряцаньемъ струнъ златыхъ
И холмы спящіе и кипарисны рощи,
Гдѣ я, печали сынъ, среди глубокой нощи,

Объятый трепетомъ, склонился на гранитъ:
И надо мною тѣнь Лауры пролетитъ!—

Изъ Греческой антологіи.

а. *Въ обители ничтожества унылой.*

Въ обители ничтожества унылой,
О незабвенная! прими потоки слезъ,
И вопль отчаянья надъ хладною могилой,
И горсть, какъ ты, минутныхъ розъ.
Ахъ, тщетно все! Изъ вѣчной сѣни
Ничѣмъ не призовемъ твоей прискорбной тѣни;
Добычу не отдастъ завистливый Аидъ.
Здѣсь онѣмѣніе; все хладно, все молчитъ;
Надгробный факелъ мой лишь мраки освѣщаетъ...
Что, что вы сдѣлали, властители небесъ?
Скажите, что краса такъ рано погибаетъ?
Но ты, о мать-земля! съ сей данью горькихъ слезъ,
Прими почившую, поблеклый цвѣтъ весенній,
Прими, и успокой въ гостепріимной сѣни.

б. *Свидѣтели любви и горести моей.*

Свидѣтели любви и горести моей,
О розы юныя, слезами омоченны!
Красуйтеся въ вѣнкахъ надъ хижиной смиренной,
Гдѣ милая таится отъ очей.
Помедлите, вѣнки! еще не увядайте!
Но если явится—пролейте на нее
Все благовоніе свое,
И локоны ея слезами напитайте;
Пусть остановится въ раздумьѣ и вздохнетъ,
А вы, цвѣты, благоухайте,
И милой локоны слезами напитайте!

в. *Яворъ къ прохожему.*

Смотрите, виноградъ кругомъ меня какъ вьется!
Какъ любитъ мой полуистлѣвшій пень!
Я нѣкогда ему давалъ отрадну тѣнь,—
Завялъ—но виноградъ со мной не разстается.
Зевеса умоли,
Прохожій, если ты для дружества способенъ,
Чтобъ другъ твой моему былъ нѣкогда подобенъ
И пепелъ твой любилъ, оставшись на земли.—

XXIX. ЗАГОСКИНЪ.

(1788—1852).

Юрій Милославскій, романъ (1829 г.)

Главныя дѣйствующія лица въ первой части романа слѣдующія: Молодой бояринъ Юрій Милославскій, слуга его Алексѣй, Запорожецъ Кирша, бояринъ Кручина Шалонскій, дочь его Анастасія, Начальникъ Польскаго отряда Копычинскій. Положеніе дѣлъ въ главныхъ чертахъ: Русскіе присягнули Польскому королевичу Владиславу, но сознавая, что принуждены были къ этому собственнымъ безсиліемъ, они враждебно смотрятъ вообще на Поляковъ и на отца Владиславова Сигизмунда. Въ Москвѣ распоряжается Гонсѣвскій. До него дошли слухи, что въ Нижнемъ Новгородѣ Русскіе хотятъ свергнуть Польское иго, и Гонсѣвскій, увѣренный въ преданности Юрія Милославскаго и боярина Кручины Шалонскаго, хочетъ чрезъ нихъ дѣйствовать противъ Нижегородцевъ. Юрій отправляется къ Шалонскому съ письмомъ отъ Гонсѣвскаго. Его сопровождаетъ вѣрный слуга Алексѣй. Застигнутые на пути сильною вьюгою, они находятъ полузамерзшаго Запорожца Киршу, спасаютъ его отъ смерти и пріѣзжаютъ съ нимъ на постоялый дворъ. Чрезъ нѣсколько времени туда пріѣзжаетъ начальникъ польскаго отряда Копычинскій. Дерзкимъ и своевольнымъ поведеніемъ онъ приводитъ въ досаду пылкаго Юрія и этотъ, угрожая пистолетомъ, заставляетъ его присмирѣть. Но когда, на разсвѣтѣ другаго дня, Юрій съ Алексѣемъ и Киршою отправляются далѣе, Поляки преслѣдуютъ ихъ, и только конь запорожца, уступленный имъ Юрію въ благодарность за спасеніе жизни, даетъ герою возможность избѣгнуть смерти. Юрій пріѣзжаетъ въ усадьбу Шалонскаго, куда черезъ нѣсколько времени приходитъ и Кирша. Дочь боярина, Анастасія, больна. Чтобы открыть причину болѣзни и по возможности вылечить, къ боярышнѣ приглашаютъ Киршу, который предъ этимъ успѣлъ зарекомендовать себя, какъ отличнаго знахаря. Кирша объясняетъ Анастасіи состояніе ея чувствъ

Она любитъ Юрія, котораго нѣкогда видѣла въ Москвѣ, но ея любовь несчастна, потому что отецъ хочетъ выдать ее за Гонсѣвскаго, человѣка ей ненавистнаго. Боярину Кирша совѣтуетъ шесть мѣсяцевъ не возить дочь въ Москву. За этимъ слѣдуетъ пиршество въ домѣ Шалонскаго.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Дворецкой и нѣсколько слугъ встрѣтили гостей на крыльцѣ; неуклюжій и толстый Полякъ, который ѣхалъ возлѣ пана Тишкевича, не доѣзжая до крыльца, спрыгнулъ, или лучше сказать, свалился съ лошади и успѣлъ прежде всѣхъ помочь регментарю сойти съ коня. Вѣроятно, каждый изъ читателей нашихъ знаетъ хотя по слуху извѣстнаго Санхо-Пансу; но если въ эту минуту услужливый Полякъ весьма походилъ на этого знаменитаго конюшаго, то панъ Тишкевичь ни мало не напоминалъ собою рыцаря Плачевнаго Образа. Онъ былъ средняго роста, плечистъ и сидѣлъ молодцомъ на конѣ. Быстрыя движенія, смѣлый взглядъ, смуглое, откровенное лицо, все доказывало, что панъ Тишкевичъ провелъ большую часть своей жизни въ кругу безстрашныхъ воиновъ, живалъ подъ открытымъ небомъ и также беззаботно ходилъ на смертную драку, какъ на шумный и веселый пиръ своихъ товарищей. Трое другихъ молодцеватыхъ Поляковъ отличались огромными усами и надменнымъ видомъ, совершенно противоположнымъ добродушію, которое изображалось на открытомъ и благородномъ лицѣ ихъ начальника. Бояринъ Кручина встрѣтилъ гостей въ столовой комнатѣ. При видѣ портрета Польскаго Короля, съ извѣстной надписью, Поляки взглянули съ гордой улыбкой другъ на друга, панъ Тишкевичъ также улыбнулся; но когда взоры его встрѣтились со взорами хозяина, то что-то весьма похожее на презрѣніе изобразилось въ глазахъ его; казалось, онъ съ трудомъ побѣдилъ это чувство и не очень торопился пожать протянутую къ нему руку боярина Кручины. Послѣ первыхъ привѣтствій, Тишкевичъ представилъ хозяину сначала своихъ сослуживцевъ, а потомъ толстаго Поляка, который исправлялъ при немъ съ такимъ усердіемъ должность конюшаго.—«Этотъ краснощекой весельчакъ, сказалъ онъ, панъ Копычинскій, который и безъ меня былъ бы твоимъ гостемъ, потому что отправленъ къ тебѣ гонцемъ изъ Москвы съ извѣстіемъ, что царикъ ([1]) убитъ.

— Какъ! вскричалъ Кручина, Тушинскій воръ?

— Да! его убили въ Калугѣ, куда онъ всякій разъ прятался, какъ медвѣдь въ свою берлогу.

— Насилу-то Калужане за умъ взялись!

— Не Калужане, бояринъ, сказалъ съ важнымъ видомъ Копычинскій: спроси меня, я это дѣло знаю; его убилъ перекрещенный Татаринъ, Петръ Урусовъ, а Калужскіе граждане, отомщая за него, перерѣзали всѣхъ Татаръ и провозгласили новорожденнаго его сына, подъ именемъ Іоанна Дмитріевича, царемъ Русскимъ.

— Безумные! вскричалъ бояринъ. Да неужели для нихъ честнѣе служить внуку Сандомірскаго воеводы, чѣмъ Державному Королю Польскому?... Я увѣренъ, что панъ Гонсѣвскій безъ труда усмиритъ этихъ крамольниковъ; теперь Сапѣга и Лисовскій не станутъ имъ помогать.... Но милости просимъ, дорогіе гости! Не угодно ли выпить и закусить что нибудь?

Бояринъ ввелъ своихъ гостей въ другую комнату, въ которой большой круглый столъ уставленъ былъ блюдами съ холоднымъ кушаньемъ и различными водками. Когда гости закусили, разговоръ снова возобновился.

— Знаешь ли, бояринъ, сказалъ панъ Тишкевичъ, обтирая свои усы, что сегодня по утру мы охотились въ твоихъ дачахъ!

([1]) Такъ называли Поляки втораго Самозванца.

— Милости просимъ! отвѣчалъ бояринъ. Забавляйтесь, сколько душѣ вашей угодно,

— И чуть-чуть, продолжалъ Тишкевичъ, не заполевали краснаго звѣря.

— Такъ вамъ не удалось?

— Вотъ то-то и досадно! а такіе звѣрки не часто попадаются.

— Такъ чтожъ, панъ? Если хочешь, завтра мы поохотимся вмѣстѣ, и я ручаюсь тебѣ.....

— Не ручайся, бояринъ; теперь этотъ звѣрь далеко. Мы ловили сегодня одного молодца, который пробирается съ казною въ Нижній-Новгородъ.

— Въ Нижній?... вскричалъ Кручина.

— Да, въ Нижній, повторилъ Тишкевичъ. Вотъ панъ Копычинскій лучше это разскажетъ: онъ совсѣмъ - было подтенетилъ его.

— Да, сказалъ Копычинскій, вытянувъ чарку водки. Онъ у меня сквозь пальцовъ проскользнулъ. Я засталъ его съ двумя провожатыми на постояломъ дворѣ, верстахъ въ десяти отсюда; съ перваго взгляда онъ показался мнѣ подозрительнымъ, вотъ я и принялся допрашивать его порядкомъ; онъ забормоталѣ, сбился въ рѣчахъ и занесъ такую околесную, что я тотъ-же часъ его и за воротъ. Мой парень сначала было расхрабрился, заговорилъ и то и се, да я не кто другой! прижалъ его къ стѣнѣ, приставилъ къ рожѣ пистолетъ, крикнулъ.... трусишка испугался и покаялся мнѣ во всемъ.

— Да какъ-же ты ихъ упустилъ? спросилъ съ нетерпѣніемъ бояринъ.

— А вотъ какъ: я велѣлъ ихъ заперть въ холодную избу, поставилъ караулъ, а самъ легъ соснуть; казаки мои — нѣхъ ихъ вишенцы дьябли везмо! — также взремнули: такъ видно, они вылѣзли въ окно, сѣли на своихъ коней, да и за лѣсу.... Что жъ ты, бояринъ, качаешь головой? продолжалъ Копычинскій, ни мало не смущаясь. Иль не вѣришь? Дали Букъ, такъ! Спроси хоть пана региментаря.

— На меня не ссылайся, панъ, сказалъ Тишкевичъ: я столько же знаю объ этомъ, какъ и бояринъ, такъ въ свидѣтели не гожусь; а только, мнѣ помнится, ты разсказывалъ, что заперъ ихъ не въ избу, а въ сѣни.

— Ну, да, не все ли это равно? прервалъ Копычинскій. Дѣло въ томъ, что они ушли, а откуда — изъ сѣней, или изъ избы, отъ этого намъ не легче. Какъ ты прибылъ съ своимъ региментомъ, то они не могли быть еще далеко, и не моя вина, если твои молодцы ихъ не изловили.

— У одного изъ нихъ убили коня, сказалъ Тишкевичъ: но зато и у меня лучшій налетъ въ региментѣ лежитъ теперь съ прострѣленнымъ плечомъ.

— Вылѣзали въ окно.... и съ оружіемъ! прошепталъ бояринъ. А не въ примѣту ли тебѣ, каковы они собою?

— Одинъ изъ провожатыхъ — малой дородный, плотной......

— И такъ-же вылѣзъ въ окно?

— У страха очи велики, бояринъ! и въ щелку пролѣзешь, какъ смерть на носу. Другой похожъ на козака; а самый-то главный — дѣтина молодой, русоволосый, высокаго роста, лицемъ бѣлъ.. или, можетъ статься, такъ мнѣ показалось, онъ больно струсилъ и поблѣднѣлъ, какъ смерть, когда припугнулъ его пистолетомъ; одѣтъ очень чисто, въ малиновомъ суконномъ кафтанѣ....

— Однимъ словомъ, перервалъ бояринъ, точь въ точь, какъ этотъ молодецъ, что стоитъ позади тебя.

Копычинскій обернулся и, отпрыгнувъ назадъ, закричалъ съ ужасомъ: — Вотъ онъ!... держите! схватите его!... у него за пазухою пистолетъ!

— Не правда, панъ, сказалъ съ улыбкою Юрій. Теперь со мною нѣтъ пистолета; я чужимъ добромъ никого не угощаю.

— Что все это значитъ? спросилъ панъ Тишкевичъ: растолкуйте мнѣ.....

— Прежде всего прошу познакомиться, сказалъ Кручина. Это Юрій Дмитріевичъ Милославскій; онъ присланъ ко

мнѣ изъ Москвы съ тайнымъ порученіемъ отъ пана Гонсѣвскаго.

Поляки отвѣчали довольно вѣжливо на поклонъ Милославскаго; а панъ Тишкевичъ, оборотясь къ Копычинскому, спросилъ сердитымъ голосомъ: какъ онъ смѣлъ сочинить ему такую сказку? Копычинскій не отвѣчалъ ни слова; устремя свои бездушные глаза на Юрія, онъ стоялъ какъ вкопанный, и только одна лихорадочная дрожь доказывала, что несчастный хвастунъ не совсѣмъ еще претворился въ истукана.

— Я вижу, отъ него толку не добьемся, продолжалъ Тишкевичъ. Потрудись, панъ Милославскій, разсказать намъ, какъ онъ допытался отъ тебя, что ты везешь казну въ Нижній - Новгородъ, какъ заперъ тебя и служителей твоихъ въ холодную избу, и какъ вы всѣ трое выскочили изъ окна, въ которое, чай, и курица не пролѣзетъ?

Юрій разсказалъ имъ всѣ подробности своей встрѣчи съ Копычинскимъ; разумѣется, угощеніе и жареный гусь не были забыты. Панъ Тишкевичъ хохоталъ отъ добраго сердца, но другіе поляки, казалось, не очень забавлялись разсказомъ Юрія; особливо одинъ, который, закручивая свои безконечные усы, поглядывалъ изподлобья вовсе не ласково, на Милославскаго. «Чортъ возьми! вскричалъ онъ наконецъ: я не вѣрю, чтобъ какой ни есть Полякъ допустилъ надъ собою такъ ругаться.

— И, панъ ротмистръ! сказалъ Тишкевичъ. Не всѣ Поляки походятъ другъ на друга.

— Еслибъ я былъ на мѣстѣ этого мерзавца, продолжалъ сердитый ротмистръ, бросивъ презрительный взглядъ на Копычинскаго, который пробирался потихоньку къ дверямъ комнаты; то клянусь моими усами....

— Скорѣй далъ бы себѣ раздробить черепъ, перервалъ регментарь, чѣмъ съѣлъ бы гуся! Я въ этомъ увѣренъ, также какъ и въ томъ, что всякой правдивый Полякъ порадуется, когда удалый Москаль проучитъ хвастунишку и труса, хотя бы онъ носилъ кунтушъ и назывался Полякомъ. Давай руку, панъ Милославскій. Будемъ друзьями! Ты теперь не врагъ Поляковъ; но еслибъ былъ и врагомъ нашимъ, я сказалъ бы тоже самое. Мы молодцовъ любимъ; съ ними и драться-то веселѣе! А ты, храбрый панъ Копычинскій... Ага, да онъ ужъ далъ тягу!... Тѣмъ лучше.... Надѣюсь, бояринъ, не заставишь насъ сидѣть за однимъ столомъ съ этимъ негодяемъ; онъ, я думаю, сытехонекъ, а если на бѣду опять проголодался, то прикажи его накормить въ застольнѣ; да потѣшь, Тимоѳей Ѳедорычъ, вели его поподчивать жаренымъ гусемъ!... Кстати, панъ, прибавилъ онъ, обращаясь снова къ Юрію; мы, кажется, помѣнялись съ тобою конями? Только на твоемъ недалеко уѣдешь: онъ и теперь еще лежитъ въ лѣсу, на большой дорогѣ.... Нѣтъ, нѣтъ, продолжалъ онъ, не давая отвѣчать Юрію: дѣло кончено; я плохой барышникъ, вотъ и все тутъ! Владѣй на здоровье моимъ конемъ. Не ты виноватъ, что я повѣрилъ этому хвастуну Копычинскому, который долженъ благодарить Бога за то, что не виситъ теперь между небомъ и землею, а не миновать бы ему этихъ качелей, еслибъ мои молодцы подстрѣлили самого тебя, а не твою лошадь,

— Позволь спросить, панъ регментарь, сказалъ Юрій, что сдѣлалось съ однимъ изъ моихъ провожатыхъ, который остался пѣшимъ въ лѣсу?

— Онъ, я думаю, и теперь еще разгуливаетъ по лѣсу.

— Такъ онъ уцѣлѣлъ?... Слава Богу!

— Да, уцѣлѣлъ. Этотъ мошенникъ подбилъ глазъ моему слугѣ, увелъ моего коня и подстрѣлилъ лучшаго моего налета; но я не сержусь на него. Еслибъ ему нечѣмъ было замѣнить твоей убитой лошади, то врядъ-ли-бы я теперь съ тобою познакомился.

Межъ тѣмъ число гостей значительно умножилось пріѣздомъ сосѣдей Шалонскаго; большая часть изъ нихъ были: помѣстные дѣти боярскіе, человѣкъ пять

Жильцевъ и только двое родословныхъ дворянъ: Лесута-Храпуновъ и Замятня-Опалевъ. Первый занималъ нѣкогда при Дворѣ царя Ѳедора Іоанновича постъ стряпчаго съ ключемъ. Наружность его не имѣла ничего замѣчательнаго: онъ былъ небольшаго роста, худощавъ и, несмотря на оқанистую свою бороду и величавую поступь, не походилъ ни мало на важнаго царедворца; онъ говорилъ безпрестанно о покойномъ царѣ Ѳедорѣ Іоанновичѣ, для того, чтобъ повторять какъ можно чаще, что любимымъ его стряпчимъ съ ключемъ былъ Лесута-Храпуновъ. Второй, Замятня-Опалевъ, бывшій при семъ царѣ думнымъ дворяниномъ, обѣщалъ съ перваго взгляда гораздо болѣе, чѣмъ отставной придворный: онъ былъ роста высокаго и чрезвычайно дороденъ; огромная окладистая борода, покрывая дебелую грудь его, опускалась до самаго пояса; всѣ движенія его были медленны; онъ говорилъ протяжно и съ разстановкою. Служивъ при одномъ изъ самыхъ набожныхъ царей Русскихъ, Замятня-Опалевъ привыкъ употреблять въ разговорахъ, кстати и не кстати, изрѣченія, почерпнутыя изъ церковныхъ книгъ, буквальное изученіе которыхъ было въ тогдашнее время признакомъ отличнаго воспитанія и нерѣдко замѣняло умъ и даже природныя способности, необходимыя для государственнаго человѣка. Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ, умѣя цѣнить людей по ихъ достоинствамъ, вскорѣ по восшествіи своемъ на престолъ уволилъ ихъ обоихъ отъ службы. Съ тѣхъ поръ изъ уклончивыхъ придворныхъ они превратились въ величайшихъ, хотя и вовсе не опасныхъ, враговъ правительства. Все, что ни дѣлалось при Дворѣ, становилось предметомъ ихъ всегдашнихъ порицаній; признаніе Лже-Димитрія царемъ Русскимъ, междуцарствіе, вторженіе враговъ въ сердце Россіи, однимъ словомъ: всѣ бѣдствія отечества были, по ихъ мнѣнію, слѣдствіемъ оказанной имъ несправедливости. «Когдабъ блаженной памяти царь Ѳеодоръ Іоанновичъ здравствовалъ и Лесута-Храпуновъ былъ на своемъ мѣстѣ, говаривалъ отставной Стряпчій: то Гришка Отрепьевъ не смѣлъ бы и подумать назваться Димитріемъ.» «Еслибъ дворянинъ Опалевъ засѣдалъ по прежнему въ царской Думѣ, повторялъ безпрестанно Замятня: то не Поляки бы были въ Москвѣ, а Русскіе въ Краковѣ. Но, прибавлялъ онъ всегда съ горькой улыбкою, «блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ!» Въ царствованіе Лже-Димитрія, а потомъ Шуйскаго, оба заштатные чиновника старались опять попасть ко Двору, но попытки ихъ не имѣли успѣха, и они рѣшились пристать къ партіи боярина Шалонскаго, который обнадежилъ Лесуту, что съ присоединеніемъ Россіи къ Польской коронѣ, число сановниковъ при Дворѣ Короля Сигизмунда неминуемо удвоится, и онъ не только займетъ при ономъ мѣсто, равное прежней его степени, но даже въ награду усердной службы, получитъ званіе одного изъ Дворцовыхъ Маршаловъ Его Польскаго Величества. А Замятню-Опалева увѣрилъ, что онъ непремѣнно будетъ засѣдать въ Польскомъ Сенатѣ, въ которомъ, по уничтоженіи Думы, учредятся мѣста Сенаторовъ, по дѣламъ, касающимся до Россіи.

Когда хозяинъ познакомилъ этихъ двухъ отставныхъ сановниковъ съ Поляками, Замятня, послѣ нѣкоторыхъ привѣтствій, произнесенныхъ со всею важностію будущаго Сенатора, спросилъ пана Тишкевича:

— Не изъ Москвы ли онъ идетъ съ региментомъ?

— Изъ Москвы, отвѣчалъ отрывисто Полякъ, которому надутый видъ Опалева съ перваго взгляда не понравился.

— Итакъ справедливо, спросилъ въ свою очередь Лесута-Храпуновъ, что въ Москвѣ цаловали крестъ не Свѣтлѣйшему Королю Сигизмунду, а юному сыну его Владиславу?

— Справедливо.

— Хороши же тамъ сидятъ головы! воскликнулъ Замятня. «Горе тебѣ гра-

де, въ немъ же царь твой юнъ!» вѣщаетъ премудрый Соломонъ; да и чего ждать отъ бояръ, которые засѣдали въ Думѣ при злодѣѣ Годуновѣ?

— Для чего же ты не ѣдешь самъ въ Москву? сказалъ насмѣшливо панъ Тишкевичъ. Ты бы ихъ наставилъ на путь истинный.

— Чтобъ я сталъ якшаться съ этими малодумными?... Сохрани Господи!... Не даромъ говоритъ Сирахъ: «касаяся смолѣ очернится, а пріобщайся безумнымъ, точенъ имъ будетъ.»

— Вотъ то-то и есть! подхватилъ Лесута. При блаженной памяти, царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, были головы, а ныньче.... Да что тутъ говорить! Когда я служилъ при свѣтломъ лицѣ его, въ санѣ Стряпчаго съ ключемъ: то однажды Его Царское Величество, идя отъ заутрени, изволилъ мнѣ сказать....

— Ты разскажешь намъ это за столомъ, перервалъ хозяинъ. Милости просимъ, дорогіе гости! чѣмъ Богъ послалъ!

Всѣ вышли снова въ столовую, въ которой, накрытый цвѣтною скатертью, столъ уставленъ былъ множествомъ различныхъ кушаньевъ. Всѣ блюда, тарелки и чаши были оловянныя; но напротивъ стола въ открытомъ поставцѣ разставлены были весьма красиво: серебряные ковши, кубки, стопы, чары и братины. Противъ каждыхъ двухъ приборовъ стояли также серебряные сосуды: одинъ съ солью, другой съ перцомъ, а третій стеклянный съ уксусомъ. Лучшимъ и роскошнѣйшимъ блюдомъ былъ жареный павлинъ: имъ и начался обѣдъ; потомъ стали подавать лапшу съ курицею, лѣнивыя щи, разныя похлебки, пирогъ съ бараниной, курникъ, подсыпанный яйцами, сырники и различныя жаркія. Множество блюдъ составляло все великолѣпіе столовъ тогдашняго времени; впрочемъ предки наши были неприхотливы и за столомъ любили только одно: наѣдаться до-сыта и напиваться до-упаду. Обѣдъ оканчивался обыкновенно закусками, между коими занимали первое мѣсто марципаны, цукаты, имбирь въ патокѣ, шептала, и леденцы; пряники и коврижки, такъ же какъ и нынѣ, подавались послѣ обѣда у однихъ простолюдиновъ и бѣдныхъ дворянъ.

Когда всѣ наѣлись, началась попойка. Сколько Юрій, сидѣвшій подлѣ пана Тишкевича, ни отказывался, но принужденъ былъ пить не менѣе другихъ, еслибъ, къ счастію, не могъ ссылаться на примѣръ своего сосѣда, который рѣшительно отказывался пить изъ большихъ кубковъ, и хотя хозяинъ начиналъ нѣсколько разъ хмуриться, но изъ уваженія къ региментарю оставилъ обоихъ въ покоѣ, и вымѣстилъ свою досаду на другихъ. Одинъ сѣдой Жилецъ недопилъ своего кубка—бояринъ принудилъ его самого вылить себѣ остатокъ меда на голову; боярскому сыну, который отказался выпить кружку наливки, велѣлъ насильно влить въ ротъ большой стаканъ полынной водки; и хохоталъ во все горло, когда несчастный, задыхаясь и почти безъ чувствъ, повалился на полъ. Между тѣмъ и панъ Тишкевичъ, не смотря на свою умѣренность, сталъ поговаривать веселѣе.

— Бояринъ! сказалъ онъ. Еслибъ супруга твоя здравствовала, то вѣрно-бъ не отказалась поднести намъ по чаркѣ вина и допустила бы взглянуть на свѣтлыя свои очи; такъ нельзяли намъ удостоиться присутствія твоей прекрасной дочери? У васъ, можетъ быть, не въ обычаѣ, чтобъ дѣвицы показывались гостямъ; но вѣдь ты, бояринъ, почти нашъ братъ Полякъ: дозволь полюбоваться невѣстою пана Гонсѣвскаго.

— И выпить изъ башмачка ея, прибавилъ усатый ротмистръ, за здравіе знаменитаго жениха и счастливое окончаніе веселья.

— Она не очень здорова, отвѣчалъ Кручина.

— Мы всѣ тебя объ этомъ просимъ! закричали Поляки.

— Быть по вашему, сказалъ хозяинъ, подозвавъ къ себѣ одного служителя, который, выслушавъ приказаніе своего

господина, вышелъ поспѣшно вонъ изъ комнаты.

— А скоро ли, бояринъ, веселье? спросилъ региментарь.

— Я хотѣлъ-было въ будущемъ мѣсяцѣ ѣхать въ Москву....

— Не совѣтую: тамъ что-то все не ладится; того и гляди, начнется такая попойка, что и у трезвыхъ въ головѣ зашумитъ.

— Какъ такъ! сказалъ Лесута-Храпуновъ. Да развѣ не вы господа въ Москвѣ?

— Да, покамѣстъ! отвѣчалъ Тишкевичъ, Войдти-то въ нее мы вошли....

— «Въ граде крѣпкій вниде премудрый», перервалъ заикаясь Опалевъ, «и разруши утвержденіе, на неже надѣяшася нечестивіи!»

— Вотъ то-то и худо, что не вовсе разрушили, продолжалъ Тишкевичъ. Ну, да что объ этомъ говорить! Наше дѣло рубиться, а объ остальномъ знаютъ лучше насъ старшіе.

— И вѣдомо такъ, сказалъ Лесута. Когда я былъ Стряпчимъ съ ключемъ, то однажды, блаженной памяти царь Θеодоръ Іоанновичъ, идя къ обѣднѣ, изволилъ сказать мнѣ: «ты, Лесута, малой добрый, знаешь свою стряпню; а въ чужія дѣла не мѣшаешься.» Въ другое время, какъ онъ изволилъ отслушать часы, и я сталъ ему докладывать, что любимую его шапку попортила моль....

— Не о шапкѣ рѣчь, перервалъ хозяинъ, изволь допивать свой кубокъ! Да и ты, любезный сосѣдъ, продолжалъ онъ, обращаясь къ Замятнѣ, прошу отъ другихъ не отставать. Допивай.... Вотъ такъ! люблю за обычай! Теперь просимъ покорно вотъ этого!...

— Ни, ни, бояринъ! отвѣчалъ Замятня, съ трудомъ пошевеливая усами; сказано бо есть: «неупиваться виномъ.»

— Да это не вино, а наливка!

— Ой ли? Ну, если такъ, пожалуй! Наливку пить законъ не претитъ.

— Вѣстимо нѣтъ, примолвилъ Лесута. Покойный Государь, Θеодоръ Іоанновичъ, всегда, отслушавъ вечерню, изволилъ выкушивать чарку вишневки, которую, однажды поднося ему на золотомъ подносѣ, я сказалъ....

— Моя хоть и не на золотомъ подносѣ, перервалъ хозяинъ, а прошу прикушать!... Ну что, какова?

— «Не красна похвала во устахъ грѣшника, глаголетъ премудрый Сирахъ, сказалъ Замятня, осуша свой кубокъ, а нельзя достойно не восхвалить: наливка сй-же-ей препрядная!

Когда къ концу обѣда всѣ гости порядкомъ подгуляли, бояринъ Кручина велѣлъ снова наполнить серебряныя стопы и сказалъ громкимъ голосомъ:

— Кто любитъ Кручину Шалонскаго, тотъ за мной!.... За здравіе побѣдителей Смоленска!

— Виватъ! кричали Поляки.

— Да здравствуютъ всѣ неустрашимые воины! примолвилъ Тишкевичъ, поднявъ къ верху свой кубокъ.

Всѣ гости, кромѣ Юрія, осушили свои стопы.

— Пей, Юрій Димитріевичъ! закричалъ бояринъ.

— Я пью на погибель враговъ; а Смоляне Русскіе и братья наши, отвѣчалъ спокойно Юрій.

— Твои, а не мои, возразилъ Кручина, бросивъ презрительный взглядъ на Юрія. Бунтовщики и крамольники никогда не будутъ братьями Шалонскаго.

— Жаль, молодецъ, сказалъ Тишкевичъ, пожавъ руку Юрія: жаль, что ты не нашъ братъ Полякъ!

Угрюмое чело боярина Кручины часъ отъ-часу становилось мрачнѣе, нѣсколько минутъ продолжалось общее молчаніе: всѣ глядѣли съ удивленіемъ на дерзкаго юношу, который осмѣливался столь явно противорѣчить и неповиноваться грозному хозяину. «Посмотримъ, какъ ты не выпьешь теперь!» прошепталъ наконецъ сквозь зубы бояринъ. Онъ спросилъ позолоченный кубокъ, и вылилъ въ него полбутылки мальвазіи, всталъ съ своего мѣста; всѣ послѣдовали его примѣру. «Ну, дорогіе

гости! сказалъ онъ. Этотъ кубокъ долженъ всѣхъ обойдти. Кто пьетъ изъ него, прибавилъ онъ, бросивъ грозный взглядъ на Юрія, тотъ другъ нашъ; кто не пьетъ, тотъ врагъ и супостатъ!» За здравіе Свѣтлѣйшаго, Державнѣйшаго Сигизмунда, Короля Польскаго и царя Русскаго! Да здравствуетъ!»

— Виватъ, воскликнули Поляки.

— Да здравствуетъ! повторили всѣ Русскіе, кромѣ Юрія.

— «И да расточатся врази его!» заревѣлъ басомъ Замятня-Опалевъ. «Да прейдетъ животъ ихъ, яко слѣдъ облака, и яко мгла разрушится отъ лучь солнечныхъ.»

— Аминь! возгласилъ хозяинъ, опрокинувъ осушенный кубокъ надъ своей головою.

Юрій едва могъ скрывать свое негодованіе: кровь кипѣла въ его жилахъ, онъ мѣнялся безпрестанно въ лицѣ; правая рука его невольно искала рукоятку сабли, а лѣвая, крѣпко прижатая къ груди, казалось, хотѣла удержать сердце, готовое вырваться наружу. Когда очередь дошла до него, глаза благороднаго юноши заблистали необыкновеннымъ огнемъ; онъ окинулъ бѣглымъ взоромъ всѣхъ пирующихъ и сказалъ твердымъ голосомъ: «Бояринъ, ты предлагаешь намъ пить за здравіе царя Русскаго, и такъ да здравствуетъ Владиславъ, законный царь Русской, и да погибнутъ всѣ измѣнники и враги отечества!»

— Стой, Милославскій! закричалъ хозяинъ. Или пей, какъ указано, или кубокъ мимо!

— Подавай другимъ, сказалъ Юрій, отдавая кубокъ дворецкому.

— Слушай, Юрій Дмитріевичъ! продолжалъ бояринъ съ возрастающимъ бѣшенствомъ. Мнѣ ужъ надоѣло твое упрямство; съ своимъ уставомъ въ чужой монастырь не заглядывай! Пей, какъ всѣ пьютъ.

— Я твой гость, а не рабъ, отвѣчалъ Юрій. Приказывай тому, кто не можетъ тебя ослушаться.

— Ты будешь пить, дерзкій мальчишка! прошипѣлъ, какъ змѣй, дрожащимъ отъ бѣшенства голосомъ, Кручина. Да, клянусь честію, ты выпьешь, или захлебнешься! Подайте кубокъ!... Гей, Томила, Удалой, сюда!

— Бояринъ! сказалъ Милославской, взглянувъ презрительно на служителей, которые, казалось, не слишкомъ охотно повиновались своему господину. Я безъ оружія, въ твоемъ домѣ.... и если ты хочешь прослыть разбойникомъ, то можешь легко меня обидѣть, но не забудь, бояринъ; обидѣвъ Милославскаго, берегись оставить его живаго!

— Въ послѣдній разъ спрашиваю тебя, продолжалъ едва внятнымъ голосомъ Шалонскій, хочешь ли ты волею пить за здравіе Сигизмунда, такъ, какъ пьемъ мы всѣ?

— Нѣтъ.

— Пей, говорю я тебѣ! повторилъ Кручина, устремивъ на Юрія, какъ раскаленный уголь, сверкающіе глаза.

— Милославскіе не измѣняли никогда ни присягѣ, ни отечеству, ни слову своему. Не пью!

— Такъ влейте же ему весь кубокъ въ горло! заревѣлъ неистовымъ голосомъ хозяинъ.

— Стойте! вскричалъ панъ Тишкевичъ. Стыдись, бояринъ! Онъ твой гость, дворянинъ; если ты позабылъ это, то я не допущу его обидѣть. Прочь, негодяи! прибавилъ онъ, схватясь за свою саблю; или клянусь честію Польскаго солдата, ваши дурацкія башки сей же часъ вылетятъ за окно!

Оробѣвшіе слуги отступили назадъ, а бояринъ, задыхаясь отъ злобы, въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ не могъ вымолвить ни слова. Наконецъ, оборотясь къ Поляку, сказалъ прерывающимся голосомъ:

— Не погнѣвайся, панъ Тишкевичъ, если я напомню тебѣ, что ты здѣсь не у себя въ региментѣ, а въ моемъ дому, гдѣ кромѣ меня никто не воленъ хозяйничать.

— Не взыщи, бояринъ! я привыкъ

хозяйничать вездѣ, гдѣ настоящій хозяинъ не помнитъ, что дѣлаетъ. Мы Поляки можемъ и должны желать, чтобъ король нашъ былъ царемъ Русскимъ; мы присягали Сигизмунду, но Милославскій цаловалъ крестъ не ему, а Владиславу. Что будетъ, то Богъ вѣсть; а теперь онъ дѣлаетъ то, что сдѣлалъ бы и я на его мѣстѣ.

Казалось, бояринъ Кручина успѣлъ нѣсколько поразмыслить и догадаться, что зашелъ слишкомъ далеко; помолчавъ нѣсколько времени, онъ сказалъ довольно спокойно Тишкевичу:

— Дивлюсь, панъ, какъ горячо ты защищаешь недруга твоего Государя.

— Да, бояринъ; я грудью стану за друга и недруга, если онъ молодецъ и смѣло идетъ на неравный бой; а не заступлюсь за труса и подлеца, каковъ панъ Копычинскій, хотябъ онъ былъ роднымъ моимъ братомъ.

— Но неужели ты повѣрилъ, что я въ самомъ дѣлѣ рѣшусь обидѣть моего гостя? И, панъ Тишкевичъ! Я хотѣлъ только попугать его, а по мнѣ, пожалуй, пусть хоть за здоровье Татарскаго Хана; отъ его словъ никого не убудетъ. Подайте ему кубокъ!

Юрій взялъ кубокъ и, оборотясь къ хозяину, повторилъ снова:

— Да здравствуетъ законный царь Русской, и да погибнутъ всѣ враги и предатели отечества!

— Аминь! раздался громкой голосъ за дверми столовой.

— Что это значитъ? закричалъ Кручина. Кто осмѣлился?... Подайте его сюда!

Двери отворились и человѣкъ среднихъ лѣтъ, босикомъ, въ рубищѣ, подпоясанный веревкою, съ растрепанными волосами и всклоченной бородой, въ два прыжка очутился посреди комнаты. Не смотря на нищенскую его одежду и странныя ухватки, сейчасъ можно было догадаться, что онъ не сумасшедшій: глаза его блистали умомъ, а на благообразномъ лицѣ выражалась необыкновенная кротость и спокойствіе души.

— Ба, ба, ба, Митя! вскричалъ Замятня-Опалевъ, который вмѣстѣ съ Лесутой-Храпуновымъ, во все продолженіе предъидущей сцены, наблюдалъ осторожное молчаніе. Какъ это Богъ тебя принесъ? Я думалъ, что ты въ Москвѣ.

— Нѣтъ, Гаврилычъ, отвѣчалъ юродивый, тамъ душно, а Митя любитъ просторъ. То ли дѣло въ чистомъ полѣ! Молись на всѣ четыре стороны, никто не помѣшаетъ.

— Зачѣмъ впустили этого дурака? сказалъ Кручина.

— Кто онъ таковъ? спросилъ Тишкевичъ.

— Тунеядецъ, міроѣдъ, который, Богъ знаетъ почему, прослылъ юродивымъ.

— Не выгоняй его, бояринъ! Я никогда не видывалъ вашихъ юродивыхъ; послушаемъ, что онъ будетъ говорить.

— Пожалуй; только у меня есть дураки гораздо его забавнѣе. Эй ты, блаженный! зачѣмъ ко мнѣ пожаловалъ?

— Соскучился по тебѣ, Ѳедоровичъ, отвѣчалъ Митя. Эхъ, жаль мнѣ тебя, видитъ Богъ, жаль!... Худо, Ѳедоровичъ, худо!... Митя шелъ селомъ да плакалъ; мужички испитые, церьковь на боку... а ты себѣ на умѣ; попиваешь да бражничаешь съ пріятелями!... А вотъ какъ все пріѣшь, да выпьешь, чѣмъ-то станешь угощать нежданную гостью?... Хвать, хвать—анъ въ погребѣ и вина нѣтъ! Худо, Ѳедоровичъ, худо!

— Что ты врешь, дуракъ?

— Такъ, Ѳедоровичъ, Митя болтаетъ, что ему вздумается, а смерть придетъ, какъ Богъ велитъ... Ты думаешь со двора, а голубушка на дворъ; не успѣешь стола накрыть... Здравствуй, Дмитричъ, продолжалъ онъ, подойдя къ Юрію. И ты здѣсь попиваешь? Ай да молодецъ!... Смотри не охмѣлѣй.

— Мнѣ помнится, Митя, я видалъ тебя у покойнаго батюшки? сказалъ ласково Юрій.

— Да, да, Дмитричъ. Жаль теску: раненько умеръ, при немъ не залетаться бы къ коршунамъ ясному соколу. Жаль мнѣ тебя, голубчикъ, жаль! Свя-

залъ себя по рукамъ, по погамъ!... Да, Богъ милостивъ! не вѣкъ въ кандалахъ ходить!... Побывай у Сергія—легче будетъ!

— Эй, ты, Митя! сказалъ Тишкевичъ, полно говорить съ другими. Поговори со мной.

— А что мнѣ говорить съ тобой? Вишь ты какой усатый!... Боюсь!

— Не бойся!... На-ка вотъ тебѣ! продолжалъ Полякъ, подавая ему серебряную монету.

— Спасибо!... На что мнѣ? Я вѣдь на своей сторонѣ: съ голоду не умру; побереги для себя, ты человѣкъ заѣзжій.

— Возьми, у меня и безъ этой много.

— Ой-ли! Смотри, чтобъ достало!... Погостишь, погостишь, да надо же въ дорогу... Не близко мѣсто, не скоро до дому дойдешь... Да еще неравно и проводы будутъ... Береги денежку на черный день!

— Я черныхъ дней не боюсь, Митя.

— И я, братъ, въ тебя! Не боюсь ничего; пришелъ незваный, да и все тутъ!... А какъ хозяинъ погонитъ, такъ давай Богъ ноги!

— И давно пора! сказалъ Кручина, которому весьма не нравились двусмысленныя слова юродиваго. Убирайся-ка вонъ, покуда цѣлъ!

— Пойду, пойду, Θеодорычъ! Я не въ другихъ—нестану дожидаться, чтобъ меня въ шею протолкали. А жаль мнѣ тебя, голубчикъ, право жаль! То-то вдовье дѣло!... Некому тебя ни прибрать, ни приголить!... Смотри-ка, сердечный, какъ-ты замаранъ!... чернехонекъ!... мѣстечка бѣленькаго не осталось!..Эхъ Θеодоровичъ, Θеодоровичъ!... Не вѣкъ жить неумойкою. Пора прибраться!... Захватитъ гостья немытаго; плохо будетъ!

— Я не хочу понимать дерзкихъ рѣчей твоихъ, безумный!...Пошолъ вонъ!

— Послушай-ка, Гаврилычъ! продолжалъ юродивый, обращаясь къ Замятнѣ. Ты книжный человѣкъ; гдѣ бишь это говорится: «сѣявый злая, пожнетъ злая?»

— Въ притчахъ Соломоновыхъ, отвѣчалъ важно Замятня; онъ же премудрый Соломонъ глаголетъ: «не сѣй на браздахъ неправды, не имаши пожати ю седмерицею.»

— Слышишь ли, Θеодорычъ! что говорятъ умные люди? А мы съ тобою дураки, не понимаемъ какъ непонимаемъ!

— Вонъ отсюда, бродяга! или я размозжу тебѣ голову!

— Бей, Θеодорычъ, бей! А Митя все таки свое будетъ говорить.... Бѣдненькой охъ, а за бѣдненькимъ Богъ! А какъ Θеодоровичу придется охать, то-то худо будетъ!... Онъ заохаетъ, а мужички его вдвое... Онъ закричитъ: «Господи помилуй».... а въ тысячу голосовъ завопятъ: «онъ самъ никого не миловалъ».... Такъ знаешь ли что, Θеодорычъ? изъ-за другихъ-то тебя вовсе не слышно будетъ!..Жаль мнѣ тебя, жаль!

— Молчи, змѣя! вскричалъ бояринъ, вскочивъ изъ-за стола. Онъ замахнулся на юродиваго, который, сложа крестомъ руки, смотрѣлъ на него съ видомъ величайшей кротости и душевнаго соболѣзнованія; вдругъ двери во внутренніе покои растворились и кто-то громко вскрикнулъ. Бояринъ вздрогнулъ, съ испуганнымъ видомъ поспѣшилъ въ другую комнату. Слуги начали суетиться и всѣ гости повскакали съ своихъ мѣстъ. Юрій сидѣлъ противъ самыхъ дверей; онъ видѣлъ, что пышно одѣтая дѣвица, покрытая съ головы до ногъ богатой фатою, упала безъ чувствъ на руки къ старухѣ, которая шла позади ея. Въ минуту общаго смятенія, юродивый подбѣжалъ къ Юрію.—» Смотри, Дмитричъ, сказалъ онъ; крѣпись.... Терпи!... Стерпится слюбится! Ты постоишь за правду, а теска-то, вонъ-тамъ, и заговоритъ: «ай-да сынокъ! утѣшилъ мою душеньку!...» Прощай, покамѣстъ!... Митя будетъ молиться Богу, молись и ты!... Онъ не въ насъ: хоть и высоко, а все слышитъ!... А у Троицы-то, Дмитричъ! у Троицы... раздолье, есть гдѣ помолиться!... Не забудь!...» Сказавъ сіи сло-

ва, онъ выбѣжалъ вонъ изъ комнаты.

Юрій едва слышалъ, что ему говорилъ юродивый; онъ не понималъ самъ, что съ нимъ дѣлалось: голосъ упавшей въ обморокъ дѣвицы, вѣроятно, дочери боярина Кручины, проникъ до глубины его сердца: что-то знакомое, близкое душѣ его, отозвалось въ этомъ крикѣ, который, казалось Юрію, походилъ болѣе на радостное восклицаніе, чѣмъ на вопль горести. Онъ не смѣлъ мыслить, не смѣлъ надѣяться; но противъ воли Москва, Кремль, Спасъ на Бору и прекрасная незнакомка представились его воображенію. Болѣе получаса бояринъ не показывался, и когда онъ вошелъ обратно въ столовую комнату, то, не смотря на то, что весьма скоро притворилъ дверь въ сосѣдственный покой, Юрій успѣлъ разглядѣть, что въ немъ никого небыло, кромѣ одного высокаго ростомъ служителя, спѣшившаго уйдти въ противоположныя двери. Милославскому показалось, что этотъ служитель походитъ на человѣка, замѣченнаго имъ по утру въ барскомъ саду.

— Дочь моя, сказалъ Шалонскій пану Тишкевичу, весьма жалѣетъ, что не можетъ тебя видѣть: она не совсѣмъ еще здорова и очень слаба, но надѣюсь, что скоро…

— Заалѣетъ опять, какъ маковъ цвѣтъ, перервалъ Лесута - Храпуновъ. Нечего сказать, всякой позавидуетъ пану Гонсѣвскому, когда Анастасія Тимоѳеевна будетъ его супругою.

— «Жена доблія веселитъ мужа своего», примолвилъ Замятня, «и лѣта его исполнитъ миромъ».

— Да будетъ по глаголу твоему, сосѣдъ! сказалъ съ улыбкою Кручина. Юрій Дмитричъ, продолжалъ онъ, подойдя къ Милославскому: ты что-то призадумался… Помиримся! Я и самъ вижу себя, что не кстати погорячился. Ты цѣловалъ крестъ сыну, я готовъ присягнуть отцу—оба мы желаемъ блага нашему отечеству: такъ ссориться намъ не за что, а чему быть, тому не миновать.

Юрій въ знакъ примиренія подалъ ему руку.

— Ну, дорогіе гости, продолжалъ бояринъ, теперь милости просимъ повеселиться. Гей, наливайте кубки! подносите взварецъ (*), да пѣсенниковъ—живо!

Толпа дворовыхъ, одѣтыхъ по большой части въ охотничьи платья, польскаго покроя, вошла въ комнату. Инструментальную часть хора составляли: гудокъ, балалайка, рожокъ, мѣдные тазы и сковороды. По знаку хозяина раздались удалыя волжскія пѣсни, и черезъ нѣсколько минутъ столовая комната превратилась въ настоящій цыганскій таборъ. Всѣ приличія были забыты: пьяные господа обнимали пьяныхъ слугъ; нѣкоторые гости ревѣли на разладъ вмѣстѣ съ пѣсенниками; другіе, у которыхъ ноги были тверже языка, приплясывали и кривлялись, какъ рыночные скоморохи, и даже важный Замятня-Опалевъ нѣсколько разъ приподнимался, чтобъ проплясать голубца; но видя, что всѣ усилія напрасны, пробормоталъ: «сердце мое смятеся и остави мя сила моя!» Панъ Тишкевичъ хотя не принималъ участія въ сихъ отвратительныхъ забавахъ, но, казалось, не скучалъ и смѣялся отъ добраго сердца, не смотря на безумныя потѣхи другихъ. Напротивъ Юрій, привыкшій съ младенчества къ благочестію въ домѣ отца своего, ожидалъ только удобной минуты, чтобы уйдти въ свою комнату; онъ желалъ этого тѣмъ болѣе, что день клонился уже къ вечеру, а ему должно было отправиться чѣмъ свѣтъ въ дорогу.

Громкія восклицанія возвѣстили появленіе плясуновъ и плясуньевъ. Безстыдство и развратъ, во всей безобразной наготѣ своей, представились тогда

(*) Горячій напитокъ, родъ пунша, въ составъ котораго входили: пиво, медъ, вино и пряныя коренья. Въ Малороссіи и до сихъ поръ еще въ употребленіи сей національный пуншъ, подъ именемъ варенухи.

взорамъ Юрія. Онъ не смѣлъ никогда и мыслить, чтобъ человѣкъ, созданный по образу и по подобію Божію, могъ унизиться до такой степени. Всѣ гости походили на бѣснующихся; ихъ буйное веселье, неистовые вопли, обезображенныя виномъ лица,—все согласовалось съ отвратительнымъ полупьянаго хора и гнуснымъ содержаніемъ развратныхъ пѣсенъ. Боярину Кручинѣ показалось, что одинъ изъ плясуновъ прыгаетъ хуже обыкновеннаго. — Эге, Андрюшка! закричалъ онъ: да ты никакъ сталъ умничать? Погоди, голубчикъ, у меня прибавишь провору! Гей, Томила! Удалой! въ плети его! «Приказаніе въ тужъ минуту было исполнено. «Что братъ? сказалъ съ громкимъ хохотомъ Кручина несчастному плясуну, котораго жалобный крикъ сливался съ веселыми восклицаніями пирующихъ. Никакъ подъ эту пѣсенку ты живѣе поплясываешь!... Катай его!...» Юрій хотѣлъ было умилостивить боярина, но онъ не сталъ его слушать, а Замятня-Опалевъ закричалъ: «Не мѣшайся, молодецъ, не въ свои дѣла! Писано есть: «непокоривому рабу сокруши ребра»; и Сирахъ глаголетъ: «пища и жезліе и бремя ослу; хлѣбъ и наказаніе и дѣло рабу». Но онъ же премудрый Сирахъ вѣщаетъ, прервалъ Лесута, радуясь, что можетъ также похвастаться своею ученостію: «небуди излишенъ надъ всякою плотію, и безъ суда не сотвори ничесо же». Это часто изволилъ мнѣ говаривать блаженной памяти царь Θеодоръ Іоанновичъ. Какъ теперь помню, однажды, отстоявъ всенощную, Его царское Величество...

— Вѣрно пошелъ спать, прервалъ Тишкевичъ. Кажется и намъ пора. Прощай, бояринъ! Пусть мои товарищи веселятся у тебя хоть всю ночь, а я привыкъ вставать рано, такъ пора на покой.

Хозяинъ не сталъ удерживать регментаря и Милославскаго, который также съ нимъ распрощался. Комната, гдѣ до обѣда отдыхалъ Юрій, назначена была Полякамъ, а ему отвели покой въ отдаленномъ домикѣ, на другомъ концѣ двора. Онъ нашелъ въ немъ своего слугу, который, повидимому, угощенъ былъ не хуже своего господина и едва стоялъ на ногахъ. Милославскій, помолясь Богу, раздѣлся безъ помощи Алексѣя и прилегъ на мягкую перину; но сонъ бѣжалъ отъ глазъ его: впечатлѣніе, произведенное на Юрія появленіемъ боярской дочери, не совсѣмъ еще изгладилось; мысль, что можетъ быть онъ провелъ весь день подъ одною кровлею съ своей прекрасной незнакомкой, наполняла его душу какимъ-то грустнымъ, неизъяснимымъ чувствомъ. Но вскорѣ самая простая мысль уничтожила всѣ его догадки: онъ много разъ видалъ свою незнакомку, но никогда не слышалъ ея голоса, слѣдовательно если бы она была и дочерью боярина Кручины, то, не увидавъ ее въ лицо, онъ не могъ узнать ее по одному только голосу; а сверхъ того ему утѣшительнѣе было думать, что онъ ошибся, чѣмъ узнать, что его незнакомка дочь боярина Кручины и невѣста пана Гонсѣвскаго. Мало-по-малу успокоилось волненіе въ крови его, воображеніе охладѣло, и Юрій наконецъ заснулъ крѣпкимъ и спокойнымъ сномъ.

XXX. ЛАЖЕЧНИКОВЪ.

Ледяной домъ. Романъ.

Главное содержаніе. Герой романа—Волынскій, кабинетъ-министръ при Имп. Аннѣ Іоанновнѣ. Видя жестокости, какія терпитъ Россія отъ Бирона, В. хочетъ спасти ее. У него въ рукахъ скоро будетъ надежное средство. Въ Петербургѣ затѣвается свадьба придворнаго шута Кульковскаго. Ее будутъ играть въ Ледяномъ домѣ, и въ праздникѣ примутъ участіе представители разныхъ національностей, населяющихъ Россію. Ихъ будетъ по одной парѣ: мущина и женщина. Дѣлая имъ смотръ, Волынскій особенно хочетъ видѣть одного Малоросса, Горденко, въ рукахъ у котораго очень важный доносъ на сборщиковъ казенныхъ недоимокъ. Горденки на смотру не оказалось: его схватили и по приказанію Бирона пытали холодной водой, чтобы узнать, куда онъ дѣлъ написанный на Бирона доносъ; пыткой достигли только одного: не

счастнаго заморозили, а бумаги не нашли, потому что еще раньше Горденко передалъ ее цыгану Василью, котораго пару составляетъ Маріула, тоже цыганка. Только въ концѣ романа отыскиваемый документъ достигаетъ своего назначенія: попадаетъ въ руки Государыни. У Волынскаго есть сообщники, друзья его, соболѣзнующіе объ участи Россіи; таковы напр. отставной тайный совѣтникъ Шурховъ, Перокинъ и Графъ Суминъ-Купшинъ, Зуда,—секретарь Волынскаго, Эйхлеръ, адъютантъ Бирона, только подъ конецъ открывшіе свое сочувствіе Волынскому. Сторона Бирона гораздо сильнѣе. На его сторонѣ Государыня, множество шпіоновъ, даже между прислугою Волынскаго; такова напр. барская барыня, которая, имѣя возможность подслушивать все, что говорится въ кабинетѣ хозяина, передаетъ все подслушанное шпіонамъ Бирона. Въ награду за усердіе ее выдаютъ за придворнаго шута. Но независимо отъ могущества Бирона, у Волынскаго есть препятствія гораздо сильнѣе. Не смотря на то, что у него есть жена (дочь Перокина), прекрасная и горячо любящая своего мужа, онъ любитъ княжну Маріорицу, любимицу Государыни. Она—дочь цыганки Маріулы и Молдаванскаго князя Лелемико, но родства ея съ цыганкой никто не подозрѣваетъ, и сама мать даже искажаетъ свое лицо ядовитымъ составомъ, чтобы скрыть положеніе дѣла и этимъ облегчить сближеніе Волынскаго съ Маріорицей. Что у Волынскаго есть жена, цыганки не знаютъ и потому дѣйствуютъ гораздо рѣшительнѣе, нежели онъ, колеблющійся между страстью и долгомъ. Кромѣ прекрасныхъ качествъ Волынскаго, Маріорицу влечетъ къ нему судьба. Еще Хотинскій паша предсказалъ ей, что она можетъ достаться Волынскому. Съ этой минуты мысль о немъ не покидала души пылкой дѣвушки; она еще усилилась теперь, на святкахъ, совершенно случайно. Маріорица гадала, спрашивая у проходящихъ имена. Ей попался кучеръ, и когда она спросила, какъ его зовутъ, то услышала въ отвѣтъ: Артемій! (имя Волынскаго). Это въ самомъ дѣлѣ былъ В., который, одѣвшись кучеромъ, развозилъ отъ себя переряженныхъ друзей, между которыми съ намѣреніемъ попалъ братъ Бирона. В. и Маріорица сначала сносятся заочно черезъ учителя княжны Тредьяковскаго и Маріулу, а потомъ они и видятся въ дворцѣ, куда проводилъ ее В. Ихъ свиданіе было открыто многими врагами и между прочими самимъ Бирономъ. Эту-то преступную любовь и хотятъ враги кабинетъ-министра употребить на его погибель. Сначала онъ торжествуетъ, благодаря неудачѣ нѣкоторыхъ распоряженій Бирона, смѣлости друзей Волынскаго и тому, что доносъ Горденки черезъ Маріорицу дошелъ до Государыни. Пораженная открытіемъ, Государыня ищетъ средства поправить дѣло, и ей указываютъ на Волынскаго. Кабинетъ-министръ возвышается, а Биронъ въ опалѣ. Но на бѣду В. пріѣзжаетъ жена и хотя ему самому удается пройти между двухъ огней, но враги выставляютъ его въ глазахъ Государыни обманщикомъ: кратковременное торжество его прекращается: онъ оканчиваетъ жизнь позорною казнью. Маріорица умираетъ раньше его. Господство Бирона остается въ прежней силѣ.

Часть 2-я глава 7-я.

СОПЕРНИКИ.

Ужасный видъ! они сразились!..
Они въ ручной вступили бой:
Грудь съ грудью и рука съ рукой...
То сей, то оный на бокъ гнется.

(Дмитріевъ.)

Остерманъ, сынъ пастора вестфальскаго мѣстечка Бокума, потомъ студентъ іенскаго университета, гдѣ запасался обширными знаніями, шутя и ставя профессору восточныхъ языковъ (Керу) своею любезностію рога и своими остроумными куплетами ослиныя уши, тамъ же за честь свою поцарапалъ кого-то неловко, и оттуда бѣжалъ въ тогдашнее пристанище людей даровитыхъ—подъ сѣнь образователя Россіи. Угаданный его геніемъ, этотъ Остерманъ, въ благодарность, укрѣпилъ Россіи дипломатикой своей при-Балтійскія области ея, которыя ускользали было изъ-подъ горячаго меча побѣдителя (не говорю о другихъ важныхъ подвигахъ министра на пользу и величіе нашего отечества). Этотъ самый Остерманъ, въ свою очередь обогащенный деревнями и деньгами, вице-канцлеръ, графъ, умѣвшій удержать за собою, какъ бы по наслѣдству, довѣріе и милости двухъ императоровъ, двухъ императрицъ, одного правителя, одной правительницы и, что еще труднѣе, трехъ временщиковъ, русскихъ и не русскихъ, составлялъ въ царствованіе Анны Іоанновны между соперничествующими партіями перевѣсное лицо. Зная силу Бирона, любимца ея и вмѣстѣ главы нѣмецкой партіи, оппиравшейся на престолъ, посохъ новгородскаго архипастыря и ужасъ цѣлаго народа, хитрый министръ тайно дѣйствовалъ въ пользу этой сто-

роны; но явно не грубилъ русской партіи, которой предводителемъ былъ Волынской, имѣвшій за собою личныя заслуги, отважный и благородный духъ, дружбу нѣсколькихъ патріотовъ, готовыхъ умереть съ нимъ въ правомъ дѣлѣ, русское имя и вниманіе императрицы— до тѣхъ поръ однакожъ надежное, пока не нужно было рѣшать между двумя соперниками. Онъ видѣлъ возраждающуюся борьбу народности съ деспотизмомъ временщика; но зналъ, что представителями ея нѣсколько пылкихъ, самоотверженныхъ головъ, а не народъ, одушевленный познаніемъ своего человѣческаго достоинства. Тогдашній народъ, включая и дворянство, погрязшій въ невѣжествѣ и раболѣпномъ страхѣ, кряхтѣлъ, страдалъ, но также охотно бѣгалъ смотрѣть на казнь своихъ защитниковъ, какъ бы на казнь утѣснителей своихъ. Остерманъ зналъ, что истиннаго самопознанія національности не существовало въ Россіи, и тѣ, кто вздумали ее представлять однѣми своими особами, замышляли невѣрное. Къ томужъ онъ увѣрился, что привязанность государыни къ герцогу должна восторжествовать надо всѣми обстоятельствами. И потому держался бироновской партіи и укрѣпился подъ сѣнью ея на второстепенномъ мѣстѣ въ имперіи. Такимъ образомъ, казалось, математически обезопасилъ свое лицо отъ превратностей фортуны. Въ расчетахъ этихъ онъ не догадался только, что хотя просвѣщенной національности не существовало въ Россіи, но сѣмя ея заброшено въ каждомъ человѣкѣ, гдѣ лишь только есть народъ; и потому дѣйствовать именемъ ея легко было въ лицѣ той, которая, какъ дочь великаго Петра, отца отечества, могла возбудить эту народность лучше сборища патріотовъ, дѣйствующихъ отъ себя. Онъ думалъ, что достаточно отдалилъ Елисавету Петровну отъ этой роли и ошибся. За эту ошибку поплатился онъ всѣмъ, что пріобрѣлъ заслугами царямъ и Россіи, умомъ своимъ и хитростью. Такіе молніеносные промахи самыхъ утонченныхъ политиковъ освѣщаютъ для насъ пути Провидѣнія. Видно, подъ зарницею ихъ спѣетъ жатва Божья!

Дивное явленіе въ нашей исторіи этотъ Остерманъ! Какой чудный путь протекъ онъ отъ колыбели своей, въ захолустьѣ германскаго запада, до Березова!... Принявъ изъ рукъ судьбы страннической посохъ на порогѣ пресвитерской хижины, онъ соединилъ его потомъ со скипетромъ величайшаго изъ государей, начертывалъ имъ военные планы, мировыя народамъ и царямъ, и уставы на вѣковую жизнь имперіи, указывалъ череду на престолъ, и наконецъ положилъ этотъ посохъ такъ скромно, такъ печально, на Востокѣ, въ тундрахъ Сибири!... Бокумъ, Іена, Ништадтъ, Березовъ!... Надо же было такъ!

Но, виноватъ: я увлекся чудною судьбою одного изъ величайшихъ государственныхъ людей въ Россіи, который еще не оцѣненъ достойнымъ образомъ и ожидаетъ своего историка. Обращаюсь къ роману.

Наступало однакожъ критическое для Остермана время: онъ поддерживалъ доселѣ герцога, какъ любимца государыни, которую самъ возвелъ на престолъ; теперь, когда узналъ, чего Биронъ домогался, надлежало помогать ему всходить на высокія ступени или отложиться вовсе отъ временщика. Въ послѣднемъ случаѣ вице-канцлеръ давалъ торжествовать русской партіи и возводилъ Волынскаго на первенствующее мѣсто въ кабинетѣ и въ имперіи. Онъ пришолъ къ герцогу, затвердивъ двусмысленную роль, которую рѣшился играть до того времени, пока сами обстоятельства разскажутъ ему его обязанности.

Вслѣдъ за нимъ явился пажъ отъ государыни, звавшей къ себѣ его свѣтлость. Дали отвѣтъ, что сейчасъ будутъ.

Худо чосанная голова, засаленная одежда министра, представляли совершенный контрастъ съ щеголеватою наружностью хозяина. Входя въ кабинетъ, онъ опирался на свою трость, какъ разслабленный.

— Каково здоровье? — спросилъ его Биронъ съ живымъ участіемъ, усаживая въ кресла.—Эй! Кульковскій!—Скамейку подъ ноги дорогаго гостя! Я знаю, вы страдаете подагрою. Подушку за спину!

Невольный пажъ, подставивъ скамейку подъ ноги министра и уложивъ подушку за спину его, вышелъ съ лицомъ, багровымъ отъ натуги. Министръ, благодаря и охая и морщась, и вскидывая глаза къ небу, чтобы въ нихъ нельзя было прочесть его помысловъ, отвѣчалъ: — ваша свѣтлость знаете мои немощи.... несносная подагра! охъ!... ктому жъ начинаю худо видѣть, худо слышать.

— Конечно, не все до слуха вашего доходитъ, но мы вамъ въ этомъ случаѣ поможемъ—сказалъ Биронъ, двусмысленно придвигая свои кресла къ кресламъ Остермана;—а что касается до зрѣнія, то у васъ есть умственное, которому не надо ни очковъ, ни подзорной трубки.

Вице-канцлеръ благодарилъ его наклоненіемъ головы и, улыбнувшись, расправилъ себѣ волосы пятернею пальцевъ, какъ гребнемъ. Биронъ продолжалъ:— Самсонъ покорился слабой, но лукавой женщинѣ. Умъ стоитъ тѣлесной силы. Здоровье, сила душевная, нужны намъ, почтеннѣйшій графъ, особенно теперь, когда враги наши дѣйствуютъ противъ насъ всѣми возможными способами, и явно и тайно. Я говорю, враги наши, потому что своего дѣла не отдѣляю отъ вашего.

— Конечно, герцогъ, я держусь вами.... охъ! эта нога.... (онъ наморщился и потеръ свою ногу, долго не будучи въ состояніи произнести слова) держусь, какъ старая виноградная лоза, изсыхающая отъ многихъ жатвъ, крѣпится еще около дуба, во всей красѣ и силѣ.

Здѣсь курляндецъ пожалъ ему дружески руку.

— Но развѣ есть новости послѣ того, какъ я имѣлъ честь бесѣдовать съ вашею свѣтлостью?

— Долженъ признаться вашему сіятельству, что мятежническій духъ Волынскаго и, къ стыду нашему, еще кабинетъ-министра, нахально усиливается каждый день. Перокинъ, Суминъ-Купшинъ, Щурховъ и многіе другіе, составляющіе русскую партію, предводимую демономъ безначалія, ближатся съ каждымъ днемъ къ престолу и шепчутъ уже государынѣ нашу гибель. Смерть, казнь всѣмъ нѣмцамъ—пароль ихъ. Никогда не работали они съ такимъ лукавствомъ и такими соединенными силами. Ненависть ихъ ко всему, что не русское, вамъ извѣстна, но вы не знаете, какъ они ненавидятъ меня. Повѣрите ли, что я скоро не буду въ состояніи собирать государственныя подати? Они хотятъ этого достигнуть, чтобы разстроить машину правленія и взвалить несчастныя послѣдствія на меня. Научаютъ чернь, дворянство слухами о жестокостяхъ моихъ; вооружаютъ противъ меня цѣлыя селенія, говоря, что я хочу ввести басурманскую вѣру въ Россіи, что я антихристъ, и цѣлыя селенія бѣгутъ за границы. Это дойдетъ до государыни. Подумайте о будущности несчастной имперіи. Что скажетъ императрица, ввѣрившая намъ кормило государства? Что скажетъ о насъ исторія?

Остерманъ возвелъ глаза къ небу и пожалъ плечами. Онъ думалъ въ это время: что скажетъ объ тебѣ исторія, мнѣ дѣла нѣтъ; а то бѣда, что русскіе мужики въ недобрый часъ изжарятъ насъ, басурмановъ, какъ лекаря-нѣмца при Іоаннѣ Грозномъ.

— Не смѣй я даже наказывать преступниковъ—кричатъ: тиранъ, деспотъ! Исполненіе закона съ моей стороны — насиліе, исполненіе трактатовъ, поддержка политическихъ связей съ сосѣдями—измѣна. Вы знаете, какъ справедливо требованіе Польши о вознагражденіи ея за переходъ русскихъ войскъ черезъ ея владѣнія....

— Справедливо, какъ требованіе долга по заемному письму. И чтожъ, неужели?... охъ! нога, нога!...

— Посудите, любезнѣйшій вице-канц-

леръ, я, который, говорятъ, ворочаетъ имперіей, не смѣю предложить это дѣло на разсужденіе кабинета. Мнѣ нужны сначала голоса людей благонамѣренныхъ, преданныхъ пользѣ государыни. И это дѣло готовятъ наши враги въ обвиненіе мое. Право, стыдно говорить вамъ даже наединѣ, о чемъ они кричатъ на площадяхъ и будутъ кричать въ кабинетѣ, помните мое слово!... будто, я герцогъ Курляндіи, богатый свыше моихъ потребностей доходами съ моего государства и болѣе всего милостями той, которой одно слово можетъ доставить мнѣ милліоны... будто я изъ корыстныхъ видовъ защищаю правое дѣло.

Вошолъ пажъ и доложилъ его свѣтлости, что государыня опять велѣла просить его во дворецъ.

— Скажи, сейчасъ буду,—отвѣчалъ съ сердцемъ герцогъ.

— Не задерживаю ли вашу свѣтлость?—спросилъ Остерманъ, привставъ нѣсколько на свою трость.

— Успѣю еще! Нашъ разговоръ важнѣе.... Видите ли теперь, мой почтеннѣйшій графъ, что губитъ меня!... Вниманіе, милости ко мнѣ императрицы!... Ея величество знаетъ мою преданность къ себѣ, къ выгодамъ Россіи... она повѣряетъ мнѣ малѣйшія тайны свои, свои опасенія на счотъ ея болѣзни, будущности Россіи... И коронованныя главы такіе же смертные... что тогда?... Я говорю съ вами, какъ съ другомъ....

— Мы увидимъ, мы уладимъ. Развѣ бразды правленія выпадутъ тогда скорѣе изъ рукъ.... нежели теперь? Ктожъ тверже и благоразумнѣе можетъ?... (Здѣсь Остерманъ сщурилъ свои лисьи глазки).

— О! развѣ съ помощью моего умнаго друга, какъ вы!... Впрочемъ, я и теперь уступилъ бы.

— Уступка будетъ слабостью съ вашей стороны. Честь ваша, честь имперіи, требуютъ, чтобъ вы были тверды.

— Я пожертвовалъ бы собою, я бросился бы, какъ второй Коклесъ, въ пропасть, лишь бы спасти государство; но знаю, что удаленіе мое будетъ гибелью его. Тогда ждите себѣ сейчасъ въ канцлеры—кого жъ? гуляку, удальца, возничаго, который проводитъ ночи въ пированіи съ пріятелями, переряжается кучеромъ и разъѣзжаетъ по.... (Биронъ плюнулъ съ досадой) дерзкаго на слова, на-руку, который, того и гляди готовъ во дворцѣ затѣять кулачный бой, лишь бы имѣлъ себѣ подобнаго.... Подѣлаетъ изъ государственнаго кабинета австерію.... и горе тому, кто носитъ только нѣмецкое имя!

За дверьми послышался крупный разговоръ.

— Слышите?... Его голосъ! Видите, графъ, у меня въ домѣ, во дворцѣ меня осаждаютъ... Безъ докладу! Какъ это пахнетъ русскимъ мужикомъ!... И вотъ вашъ будущій канцлеръ!... Того и гляди придетъ насъ бить!... Вашу руку, графъ!... За одно—дѣйствовать сильно, дружно — не такъ ли?.., Вы... ваши друзья.... или я ѣду въ Курляндію.

Эти послѣднія слова были произнесены почти шопотомъ, но твердо. Герцогъ указалъ на дверь, кивнувъ головой, какъ бы хотѣлъ сказать: возитесь вы тогда съ нимъ!... Вице-канцлеръ, внимая разительнымъ убѣжденіямъ Бирона, сдѣлалъ изъ руки щитъ надъ ухомъ, чтобы лучше слышать, поднималъ изрѣдка плеча, какъ бы сожалѣя, что не всѣ слова слышать можетъ, однакожъ къ концу рѣчи герцога торопливо, но крѣпко пожалъ ему руку, положилъ перстъ на губы и спѣшилъ опустить свою руку на трость, обратя разговоръ но посторонній предметъ.

Въ самомъ дѣлѣ, говорившій за дверью кабинета былъ Волынской, но какъ онъ туда пришолъ и съ кѣмъ крупно бесѣдовалъ, надо знать напередъ.

Кабинетъ - министръ, разсерженный неудачею своего посланія къ Маріорицѣ и хлопотами по устроенію праздника и ледянаго дома, всходилъ на лѣстни-

пу лѣтняго дворца. Ему навстрѣчу Эйхлеръ. Вѣроятно, обрадованный возвышеніемъ своимъ, онъ шолъ, считая звѣзды на потолкѣ сѣней, и въ своемъ созерцаніи толкнулъ Артемія Петровича.—Невѣжа!—вскричалъ этотъ, не думаетъ и извиняться! видно: каковъ попъ, таковъ и приходъ.

Лицо Эйхлера побагровѣло отъ досады; однакожъ онъ не отвѣчалъ.

Выходка Волынскаго предвѣщала грозу. Девятый валъ набѣжалъ въ душѣ его. Онъ вошолъ въ залу, но увидавъ за собой Миниха, остановился, чтобы дать ему дорогу. Этого военнаго царедворца уважалъ онъ, какъ героя, пожавшаго еще недавно для Россіи завидные лавры, какъ умнаго, истинно полезнаго государству человѣка, и какъ сильнаго, честолюбиваго соперника Бирона, уже разъ возстававшаго противъ него и впередъ неизбѣжнаго. Только Минихъ и Волынской могли попасть въ любимцы къ государынѣ; Остермана она только всегда уважала.

Миниха удивилъ поступокъ Волынскаго. Онъ пожалъ ему дружески руку и примолвилъ:—Вы однакожъ не любите никого впереди себя, мой любезнѣйшій Артемій Петровичъ!

— Никого, кто недостоинъ быть впереди—отвѣчалъ съ твердостью Волынской. Но всегда съ уваженіемъ уступлю шагъ тому, кто прославляетъ мое отечество, и впередъ обѣщаетъ поддержать его выгоды и величіе. Пріятно мнѣ очистить вамъ дорогу....

Слова эти были пророческія.

— Я нѣмецъ—прервалъ его Минихъ шутливымъ тономъ, схватившись съ нимъ рука за руку—а вы, носятся слухи, не любите иностранцевъ?

— Опять скажу вамъ, графъ, что или меня худо понимаютъ, или на меня клевещутъ. Не люблю выходцевъ, ничтожныхъ своими душевными качествами и, между тѣмъ, откупившихъ себѣ неизвѣстными народу услугами или страдальческимъ многотерпѣніемъ, право грабить, казнить и миловать насъ, русскихъ! Перескажите это—примолвилъ Артемій Петровичь, обратясь къ Кульковскому, подслушивавшему разговоръ, если вамъ угодно, я повторю.—Но—продолжалъ онъ, идя далѣе чрезъ залу—пришлецъ въ мое отечество, будь онъ хоть индѣецъ, и люби Россію, пригрѣвшую его, питающую его своею грудью, служи ей благородно, по разуму и совѣсти—не презирай хоть ее—и я всегда признаю въ немъ своего собрата. Вы знаете, отдавалъ ли я искреннюю дань уваженія Остерману, министру Петра Великаго—не нынѣшнему, Боже сохрани!—Брюсу и другимъ, имъ подобнымъ?.. Презираю иностранца, который ползаетъ передъ какимъ-нибудь козырнымъ валетомъ, который, съ помощью кровавыхъ тузовъ, хочетъ выйти въ короли; но менѣе ли достойна презрѣнія эта русская челядь (онъ указалъ на толпу, стоявшую униженно около стѣнъ, опираясь на свои трости)? Посмотрите на эти подлыя, согнутыя въ дугу фигуры, на эти страдальческія лица.... Скомандуйте имъ лечь на земь крыжомъ, по-польски: повѣрьте, они это мигомъ исполнятъ! Мало?—велите имъ сбить яблоко не только съ головы сына..,. съ младенца у груди жены, и поманите ихъ калачомъ, на которомъ золотыми буквами напишутъ: *милость Бирона*—и они цѣлый пукъ стрѣлъ избудутъ, лишь бы попасть въ заданную цѣль.

Минихъ, усмѣхаясь, пожалъ руку Волынскому и шепнулъ ему, чтобы онъ былъ осторожнѣе; но благородное негодованіе кабинетъ — министра на низость людей, какъ лава кипучая, сдѣлавшая разъ вспышку, не останавливалась до тѣхъ поръ, пока не сожигала, что ей попадало на встрѣчу. Въ такихъ случаяхъ онъ забывалъ свои планы, совѣты друзей, явныхъ и тайныхъ, забывалъ Махіавеля, котораго изучалъ. Душа его, какъ разгнѣванный орелъ, рвала на части животныхъ, имъ только завидѣнныхъ, и впивалась даже могу-

чими когтями въ тигра, который былъ ему не по силамъ.

Дежурный пажъ остановилъ учтиво генерала и кабинетъ-министра, прося позволенія доложить о ихъ приходѣ.

Скорѣй же!—сказалъ Артемій Петровичъ; Минихъ и Волынской недолго ждутъ у самой императрицы.

Пажъ пошолъ, но, посмотрѣвъ въ замочную щель кабинета, увидѣлъ, что герцогъ занимается жаркимъ разговоромъ съ Остерманомъ, воротился и просилъ Миниха и Волынскаго повременить, потому что не смѣетъ доложить его свѣтлости, занятому съ господиномъ вице-канцлеромъ.

— О когда такъ — воскликнулъ Волынской, войдемте.

И Волынской отворилъ дверь въ кабинетъ временщика, все-таки уступая шагъ своему спутнику. За ними поспѣшилъ войти пажъ съ опоздалымъ докладомъ.

Улыбкою встрѣтилъ герцогъ пришедшихъ, просилъ ихъ садиться, бросилъ на пажа ужасный взглядъ, которымъ, казалось, хотѣлъ его съѣсть, потомъ опять съ улыбкою сказалъ, обратясь къ Волынскому:—А мы только сію минуту говорили съ графомъ о вчерашней вашей исторіи. Негодяи! подъ моимъ именемъ!... Это гадко, это постыдно! Кажется, еслибъ мы имѣли что на сердцѣ другъ противъ друга, то развѣдались бы сами, какъ благородные рыцари, орудіями непотаенными. Мерзко!... Я этого не терплю... Я намѣренъ доложить государынѣ. Повѣрьте, вы будете удовлетворены: брату — первому строжайшій арестъ!

— Я этого не желаю—отвѣчалъ холодно Волынской.

— Вы не хотите, справедливость требуетъ... примѣръ нуженъ... я не пощажу кровныхъ...

— Они довольно наказаны моимъ катаньемъ.

— Ха, ха, ха! это презабавно. Г-нъ вице-канцлеръ ужъ слышалъ (Остерманъ, усмѣхнувшись, сдѣлалъ утвердительно знакъ головой), но вамъ, графъ, должно это разсказать.

—Любопытенъ знать—отвѣчалъ Минихъ, вытянувъ свой длинный станъ впередъ и закрывъ длинною ногою одну сторону креселъ.

— Его милость такъ прокатила вчера нѣкоторыхъ негодяевъ на Волково поле, что они слегли въ постелю; и по дѣломъ!

— Позвольте вамъ противорѣчить—перебилъ Волынской—одного изъ нихъ я подвезъ только къ лѣтнему дворцу, именно сюда въ домъ...

Принявъ эпитетъ негодяя для своего брата, Биронъ иронически продолжалъ:

— Да, вѣдь, самъ Артемій Петровичъ въ маскарадномъ, кучерскомъ кафтанѣ!... Надо, говорятъ, посмотрѣть, какъ этотъ русскій нарядъ присталъ такому молодцу, какъ нашъ кабинетъ-министръ! (Послѣднее слово заставило Остермана опять усмѣхнуться).

— Да, ваша свѣтлость, я славно прокатился и въ Персію, и въ Немировъ— подхватилъ съ досадою Волынской:—и никто, конечно, не осмѣлится сказать, чтобы я исполнилъ свое дѣло кучерски, а не какъ министръ россійской имперіи. Впрочемъ, русскіе бояре—невыходцы— просто веселятся и также дѣлаютъ государственныя дѣла: самъ Петръ Великій подавалъ намъ тому примѣръ. Можетъ статься, и его простота удивила бы выскочку въ государи, если бъ они могли когда быть!

— Я говорю только, что вы сдѣлали, а не то, что вы хотите заставить меня мыслить. Ктожъ смѣетъ лишать васъ заслугъ вашихъ?... Вы знаете, не я ли всегда первый цѣнилъ ихъ достойнымъ образомъ и... послѣдняя милость...

— Милость моей государыни!—прервалъ съ твердостію Волынской. Я ни отъ кого, кромѣ ея, ихъ не принимаю. Вы изволили, конечно, призвать меня не для оцѣнки моей личности, и здѣсь нѣтъ аукціона для нея...

— Боже мой! какая азіатская гордость!... Помилуйте, мы говоримъ у себя въ домашнемъ кабинетѣ, а не въ государственномъ. Если вамъ дружеская бесѣда не нравится; я скажу вамъ, какъ герцогъ курляндскій.

Биронъ гордо и грозно посмотрѣлъ на Артемія Петровича, и думалъ, что онъ при этомъ словѣ приподнимется со стула; но кабинетъ-министръ также гордо встрѣтилъ его взоръ и, сидя отвѣчалъ: — Я не имѣю ни какой должности въ Курляндіи.

Биронъ вспыхнулъ, сдвинулъ подъ собою кресла, такъ что онѣ завизжали и, вставъ, сказалъ съ сердцемъ:—Такъ я, сударь, вамъ говорю именемъ императорскаго величества.

При этомъ имени Волынской тотчасъ всталъ и съ уваженіемъ, нѣсколько наклонившись, сказалъ:—Слушаю повелѣніе моей государыни.

— Она подтверждаетъ вамъ, сударь... чтобы вы... (не приготовивъ основательнаго удара, Биронъ растерялся и искалъ словъ) поскорѣе... занялись устройствомъ ледянаго дворца...

— Гдѣ будетъ праздноваться свадьба шута?... отвѣчалъ съ коварной усмѣшкой Волынской. — Я ужъ имѣю на это приказъ ея величества; мнѣ его вчера сообщили отъ нея; нынѣ я получилъ, письменно, подтвержденіе, и исполняю его. Просилъ бы однакожъ вашу свѣтлость доложить моей государынѣ, не угодно ли было бы употребить меня на дѣла, болѣе полезныя для государства.

— Наше дѣло исполнять, а не разсуждать, г-нъ Волынской (голосъ, которымъ слова эти были сказаны, гораздо поумягчился).

— Съ какимъ удовольствіемъ употребилъ бы я себя, напримѣръ, на помощь страждущему человѣчеству!... Доведено ли до свѣдѣнія ея величества о голодѣ, о нуждахъ народныхъ? Извѣстны ли ужасныя мѣры, какія принимаютъ въ это гибельное время, чтобы взыскивать недоимки? Повѣрите ли графъ? — продолжалъ Артемій Петровичъ, обратившись къ Миниху:—у нищихъ выпытываютъ послѣднюю копѣйку, сбереженную на кусокъ хлѣба, ставятъ на морозъ босыми ногами, обливаютъ на морозѣ жъ водою....

— Ужасно!—воскликнулъ графъ Минихъ. — Нельзя ли облегчить бѣдствія народныя, затѣявъ общеполезную работу? Сколько оставилъ намъ Петръ Великій важныхъ плановъ, которыхъ исполненія станетъ на жизнь и силы развѣ только нашихъ правнуковъ! Напримѣръ, чего бы лучше упорядочить пути сообщенія въ Россіи? Для такого дѣла я положилъ бы въ сторону мечъ, и взялся бы за заступъ и циркуль. А гдѣ, позвольте спросить, Артемій Петровичъ, наиболѣе оказываются нужды народныя?

— Всего болѣе страдаетъ Малороссія—отвѣчалъ Волынской, бросивъ пламенный, зоркій взглядъ на Бирона (этотъ сѣлъ, и кабинетъ-министръ сѣлъ за нимъ). Именно туда надо бы правителя, расположеннаго къ добру.

Онъ намекалъ на самого Миниха, домогавшагося гетманства Малороссіи.

— Объ этомъ — подхватилъ Остерманъ — сильно заботится государственный человѣкъ, у котораго мы имѣемъ честь теперь находиться. Онъ, конечно, ничего не упуститъ для блага Россіи. (Здѣсь Волынской съ презрѣніемъ посмотрѣлъ на вице-канцлера, но этотъ очень хладнокровно продолжалъ): И сколько мнѣ извѣстно, заботы его увѣнчаются благопріятнымъ успѣхомъ; государыня назначаетъ правителемъ Малороссіи мужа, который умомъ и другими душевными качествами упрочитъ внутреннее благоденствіе этой страны и вмѣстѣ мечомъ будетъ умѣть охранять ея спокойствіе отъ нашествія опаснаго сосѣда.

Этою лукавою рѣчью былъ нѣсколько склоненъ честолюбивый Минихъ къ сторонѣ Бирона, который, пользуясь поддержкою вице-канцлера, обратился съ большею твердостью къ мнимому гетману Малороссіи: — Повѣрьте, несчастія, которыя вамъ съ такимъ жаромъ опи-

сываютъ, только на словахъ существуютъ, и самъ г-нъ Волынской обманутъ своими корреспондентами.

— Я не дитя или женщина, чтобы могъ быть обманутъ слухами—сказалъ Волынской.—Я имѣю свидѣтельства, и, если нужно, представлю ихъ, но только самой императрицѣ. Увидимъ, что она скажетъ, когда узнаетъ, что отецъ семейства, измученный пыткою за недоимки, зарѣзалъ съ отчаянія все свое семейство; что другой отнесъ трехъ дѣтей своихъ въ поле и заморозилъ ихъ тамъ...

— Выдумка людей безпокойныхъ! мятежныхъ!

— Неправда, герцогъ! — вскричалъ кабинетъ-министръ, вскочивъ со стула:—Волынской это подтверждаетъ, Волынской готовъ засвидѣтельствовать это своею кровью....

Явился опять посланный изъ дворца, и опять за тѣмъ же.

— Сію минуту буду! — сказалъ герцогъ, посмотрѣвъ значительно на своихъ посѣтителей.—Въ третій разъ государыня требуетъ меня, а я задержанъ пустыми спорами...

— Ваша свѣтлость пригласили меня—сказалъ Минихъ—чтобы поговорить о дѣлѣ вознагражденія поляковъ за проходъ русскихъ войскъ.

— Да, да—отвѣчалъ Биронъ:—г-нъ вице-канцлеръ согласенъ на возгнагражденіе.

— Честь имперіи этого требуетъ — сказалъ Остерманъ. — Впрочемъ, судя по тревожному вступленію къ нашему совѣщанію, я совѣтовалъ бы отложить его до офиціальнаго засѣданія въ кабинетѣ.

— Честь имперіи!... воскликнулъ Волынской.—Гмъ! честь... какъ это слово употребляютъ во зло!... И я скажу свое: *впрочемъ*. Здѣсь, въ государственномъ кабинетѣ, во дворцѣ, предъ лицомъ императрицы, вездѣ объявлю, вездѣ буду повторять, что одинъ *вассалъ* Польши можетъ сдѣлать докладъ объ этомъ вознагражденіи; да одинъ *вассалъ* Польши!...

При словѣ: *вассалъ*, Минихъ и Остерманъ встали съ мѣстъ своихъ, послѣдній, охая и жалуясь на подагру, оба смотря другъ на друга въ какомъ-то странномъ ожиданіи. Никогда еще Волынской не доходилъ до такой отчаянной выходки; ему наскучило ужъ долѣе скрываться.

— За это слово вы будете дорого отвѣчать, дерзкій человѣкъ!—вскричалъ внѣ себя Биронъ,—клянусь вамъ честью своею.

— Отдаю вамъ прилагательное ваше назадъ!—вскричалъ Волынской.

— Государыня васъ требуетъ—сказалъ Остерманъ герцогу.

— Во дворецъ, да! къ государынѣ!—произнесъ Биронъ, хватая себя за горящую голову; потомъ, обратясь къ Волынскому, примолвилъ:—надѣюсь, что мы видимся въ послѣдній разъ въ домѣ герцога курляндскаго.

— Очень радъ—отвѣчалъ Волынской и, не поклонясь вышелъ. Собесѣдники, смущенные этой ссорой, которой важныя послѣдствія были неисчислимы, послѣдовали за нимъ. Въ ушахъ ихъ долго еще гремѣли слова: *я или онъ долженъ погибнуть* — слова, произнесенныя бѣснующимся Бирономъ, когда они съ нимъ прощались.

— Я или онъ долженъ погибнуть!—повторилъ временщикъ, ударивъ по столу кулакомъ, когда они вышли.

— Этого гордеца надо бы хорошенько проучить—говорили между собою стоявшіе въ залѣ, когда Волынской проходилъ мимо ихъ съ гнѣвной, презрительной улыбкой.

— Его свѣтлость! его свѣтлость! — закричалъ пажъ. Возгласъ этотъ, повторенный сотнею голосовъ по анфиладѣ комнатъ, раздался наконецъ у подъѣзда. Опереженный и сопровождаемый блестящей свитой, Биронъ прошелъ чрезъ пріемную залу и удостоилъ дожидавшихся въ ней однимъ ласковымъ киваньемъ головы. За то сколькихъ па-

негириковъ удостоился онъ самъ за это наклоненіе!—Какой милостивый! Какой великій человѣкъ!—Какая важность въ поступи! Проницательность во взорахъ! Онъ врожденъ повелѣвать!.... Модель для живописца!... Жена моя отъ него безъ ума!

Какой-то выскочка осмѣлился сказать, что Петръ Великій и для художника и для женщинъ имѣлъ болѣе привлекательности. — Помилуйте — отвѣчали ему — у того былъ только бюстъ хорошъ, а у этого... все совершенство!...

Бирона ожидала у подъѣзда золотая карета, вся въ стеклахъ, такъ что сидѣвшій въ ней могъ быть видѣнъ съ головы до пятъ, какъ великолѣпное насѣкомое, которое охраняетъ энтомологистъ въ прозрачной коробочкѣ. И вотъ покатилъ онъ, ослѣпляя толпу и рѣдкой красотой своего цуга, и золотой сбруей на коняхъ вмѣстѣ съ перьями, вѣявшими на головахъ ихъ, и блескомъ отряда гусаръ и егерей, скакавшаго впереди и за каретой. Между тѣмъ какъ чернь дивилась счастію временщика, червякъ точилъ его сердце: гордость его сильно страдала отъ дерзкаго, неугомоннаго характера Волынскаго. Но онъ погибнетъ, во что бы ни стало, говорилъ Биронъ, и блуждающіе отъ бѣшенства глаза остановились на бумажкѣ, приколотой едва замѣтно къ позументу, которымъ обложена была рама въ каретѣ. Дрожащими руками, какъ бы отъ предчувствія, сорвана бумажка съ своего мѣста. Онъ готовъ былъ задохнуться отъ ярости, когда прочелъ написанное:—«Берегись, злодѣй!... Тѣло Горденки похищено вчера въ полночь и зарыто въ такомъ мѣстѣ, откуда можно его вырыть для свидѣтельства противъ тебя. Знай болѣе: исполнители воли твоего клеврета бѣжали и скрываются тамъ, гдѣ смѣются твоему властолюбію».

Эта записка имѣла свое дѣйствіе. Она смутила, испугала герцога грозною неожиданностію, какъ внезапный крикъ пѣтуха пугаетъ льва, положившаго уже лапу на свою жертву, чтобы растерзать ее. Онъ рѣшился не обнаруживать государынѣ обиды, нанесенной ему соперникомъ, до благопріятнаго исполненія прежде начертанныхъ плановъ. Надо было отдѣлаться и отъ Горденки, который его такъ ужасно преслѣдовалъ. Собираясь зарѣзать ближняго, разбойникъ хотѣлъ прежде умыться.

Сибирь, рудники, пасть медвѣдя, капель горячаго свинца на темя, нѣтъ муки, нѣтъ казни, которую взбѣшонный Биронъ не назначилъ бы Гросноту за его оплошность. Кучера, лакеи, все, что подходило къ каретѣ, все, что могло приближаться къ ней, обреклось его гнѣву. Онъ допытаетъ, кто тайный, домашній лазутчикъ его преступленій и обличитель ихъ; онъ для этого подниметъ землю, допроситъ утробу живыхъ людей, расшевелитъ кости мертвыхъ.

XXXI. КРЫЛОВЪ.

1768—1844.

Почта духовъ (1789)

1. Отъ гнома Зора къ волшебнику Маликульмульку.

Вотъ первое письмо, любезный и премудрый Маликульмулькъ, которое я къ тебѣ пишу послѣ нашей разлуки. Я было хотѣлъ тебя поздравить съ новымъ годомъ, но не знаю, которому ты вѣришь календарю: Юліанскому, или древнему Римскому; а можетъ быть, ты и того мнѣнія, что годъ со всякаго новаго дня начинается. Я бы желалъ увѣрить тебя о моемъ къ тебѣ дружествѣ; но мы съ тобою столько знакомы, что можемъ оставить для другихъ такія учтивости, которыми нынѣ почти всѣ письма наполняются: и такъ лучше скажу тебѣ новость и какая ужасная перемѣна дѣлается въ адѣ.

Вчерась минулъ срокъ полугодовому отсутствію Прозерпинину. Плутонъ съ терпѣливостью ожидалъ ея возвращенія;

вдругъ предстала предъ него одна ея тѣнь, одѣтая въ скороходское платье, и докладывала, что Прозерпина прибыть изволила. Минуту спустя, богиня сама входитъ въ нынѣшнемъ французскомъ платьѣ, въ шляпкѣ съ перьями и въ прекрасныхъ башмачкахъ, которыхъ тоненькіе каблучки придавали ей вершка три росту. Бѣдный Плутонъ оледенѣлъ, увидя ея въ семъ нарядѣ; мы сами нѣсколько оторопѣли; нѣкоторые изъ насъ говорили очень тихо: «конечно, она сошла съ ума», а другіе кричали во все горло: «богиня еще прекраснѣе»; но всѣ съ нетерпѣливостью ожидали, чѣмъ все это кончится. Здравствуй, мой ангелъ! сказала, подошедъ къ мужу, Прозерпина, и присѣла передъ нимъ два раза; признайся, продолжала она, что я не безъ пользы возвратилась къ тебѣ съ того свѣта! каково тебѣ кажется это платье, эта ческа, эта шляпка, эти высокенькіе башмачки? знаешь ли, что все это послѣдней моды и взято изъ французскихъ лавокъ?—Другъ мой, говорилъ, почти всхлипывая, бѣдный Плутонъ, что тебѣ сдѣлалось?... здорова ли ты?.. Ахъ! я вѣдь говорилъ, что частая перемѣна воздуха можетъ повредить мозговую перепонку; любезная Прозерпина! опомнись, что ты! ахъ, зачѣмъ ты ѣздила на тотъ проклятый свѣтъ! я предчувствовалъ.... Какъ зачѣмъ, перехватила рѣчь его Прозерпина: знаешь ли ты, что я тамъ въ нынѣшнюю поѣздку выучилась пѣть и танцовать; посмотри, какъ чисто дѣлаю я англійскія па въ контрадансѣ. Въ минуту подхватила она близь стоящаго Сократа и принудила его попрыгать съ собою «англійскія прогулки». Діогенъ хохоталъ во все горло и говорилъ, что это прекрасная пара! а Плутонъ бѣсился и не зналъ, что дѣлать; онъ шепнулъ тихонько Цицерону, не можетъ ли онъ уговорить жену его отстать отъ такихъ дурачествъ. Цицеронъ подошелъ къ ней со всею важностью, достойною римскаго оратора и сенатора. А! здравствуй, дѣдушка, сказала она ему: послушай, мнѣ есть до тебя маленькая просьба, и мнѣ ужесть хочется, чтобъ ты ее исполнилъ; напиши, пожалуй, похвальную рѣчь французскимъ торговкамъ: ты не повѣришь, какъ я и онѣ будемъ тебя благодарить; твои филиппическія рѣчи стоили тебѣ головы; за эту рѣчь, о которой красотѣ я увѣрена, подарю я тебя послѣдней моды фракомъ и англійскимъ гарнитуромъ пряжекъ. Признайся, что это очень щедрая плата. — Богиня! сказалъ Цицеронъ, могу ли я вѣрить своимъ глазамъ, чтобъ ты, будучи безсмертна, плѣнилась дурачествами существъ, которыя едва живыми назваться могутъ.—О! ты скучишь своими нравоученіями, жизнь моя, отвѣчала Прозерпина; оставь ихъ. Знаешь ли, что ты былъ бы нестерпимъ въ нынѣшнемъ свѣтѣ и развѣ одними твоими острыми словами могъ бы сыскать благосклонность у женщинъ, которыя нынѣ рѣшаютъ судьбу ученыхъ людей.—Богиня, говорилъ Цицеронъ, сія вредная язва не заразила ли и мое любезное отечество? ахъ! я бы лучше желалъ еще шесть разъ быть изъ него изгнанъ и двадцать разъ быть удаленъ, по приказанію новыхъ Антоніевъ, нежели видѣть такую страшную перемѣну.—Ты не повѣришь, отвѣчала Прозерпина, въ какомъ совершенствѣ нынѣ Италія! Правда, ты не найдешь тамъ ни одного Катона, ни Юлія, ни Брута, ни древняго Тарквинія; но еслибъ ты зналъ, какъ тамъ хорошо сочиняютъ оперы буфо, то бы ты самъ сдѣлался театральнымъ буфономъ. Жизнь моя, продолжала она, оборотясь къ Плутону, который смотрѣлъ на нее, вытаращa глаза: сдѣлай милость, заведи здѣсь оперный театръ; я на себя беру выписать актеровъ, музыкантовъ и хорошихъ капельмейстеровъ. — Богиня! вскричалъ съ сердцемъ Плутонъ, ты наконецъ досаждаешь мнѣ своими вздорными предложеніями, и сама не знаешь, что хочешь дѣлать.—Выбрить тебѣ бороду, радость моя, отвѣчала съ нѣжностью

Прозерпина, и нарядить тебя во французскій кафтанъ. Ахъ! ты не повѣришь, какъ прекрасны нынѣшніе мужчины съ выбритыми бородами; я видѣла своими глазами цѣлые города, наполненные Нарцисами и Адонисами; и я увѣрена, что ты съ выбритою бородою такъ же прекрасенъ будешь, какъ Ганимедъ; прибавь же къ тому французскій кафтанъ, тупей а ла кроше, модныя пряжки и щегольскую французскую шпагу. О! мужчины такъ стали хитры, что умѣли сдѣлать прелестными, въ глазахъ женщины, и шпаги свои. Ты не увидишь болѣе старинныхъ саблищъ, которыя вѣсомъ тянули столько же, сколько тѣ, которые ихъ носили; ты увидишь маленькія прекрасныя шпажки, которыя, ничуть не ужасая, дѣлаютъ только украшеніе и включены въ число галантерейныхъ вещей! Да, въ число галантерейныхъ вещей! Лучшія шпаги и лучшія тросточки продаются въ англійскихъ магазинахъ.

Представь, мудрый Маликульмулькъ, каково было для насъ видѣть такое сумасбродство! Радамантъ, Эакъ и Миносъ жались какъ можно болѣе, желая сохранить судейскую важность и чтобъ не треснуть отъ смѣха; самъ Плутонъ половину плакалъ и половину смѣялся; однакожъ ничѣмъ не могъ уговорить Прозерпины, чтобъ скинула она свое фуро, а особливо, чтобъ испортила прическу своей головы.—Какъ! говорила она, я буду ходить съ растрепанными волосами въ такое время, когда послѣдняя театральная дѣвка имѣетъ у себя французскаго парикмахера! Нѣтъ, если ты хочешь, чтобъ я осталась здѣсь, то неотмѣнно выпиши мнѣ парикмахера, портнаго и купца съ галантерейными вещами; а безъ того я въ сію же минуту ѣду въ Парижъ. Плутонъ морщился, сердился, смѣялся, но наконецъ долженъ былъ согласиться на ея требованіе.

Кого же бы, ты думалъ, выбрали доставить такихъ надобныхъ людей?... Меня, ученый Маликульмулькъ! Поздравь меня съ должностью моднаго повѣреннаго Прозерпины. Я скоро ѣду набирать лучшихъ искусниковъ. Весь адъ теперь въ смятеніи отъ этой перемѣны, и я скоро, можетъ быть, увѣдомлю тебя, чѣмъ это кончится.

2. Отъ гнома Зора къ волшебнику Маликульмульку.

Если бы случилось тебѣ, Маликульмулькъ, быть въ здѣшней землѣ, ты очень бы удивился, услыша всенародно роптаніе на бѣдность. Здѣсь всѣ жалуются, что нѣтъ денегъ, отъ нищаго до милліонщика, и отъ сторожей у старыхъ архивъ даже до вельможъ, приставленныхъ у смотренія откуповъ и управленія тяжебными дѣлами. Всѣ тоскуютъ, что жить нечѣмъ; у всѣхъ недостатокъ въ необходимости и всѣ говорятъ, будто приближается послѣдній вѣкъ. А я такъ думаю, что свѣту преставленіе давно уже было, и что люди всѣ померли, а остались однѣ только машины, которыя думаютъ, будто онѣ дѣйствуютъ, между тѣмъ какъ самая малѣйшая неодушевленная вещь приводитъ ихъ въ движеніе. Но всего страннѣе, что они жалуются на судьбу въ томъ, въ чемъ сами виноваты: они ропщутъ на богатство прежнихъ временъ и негодуютъ на бѣдность настоящаго. Каково бы тебѣ показалось, что есть здѣсь люди, которые почитаютъ необходимостью прожить въ годъ двѣсти тысячъ рублей, хотя знатные люди древнихъ вѣковъ, каковъ былъ Публикола и прочіе, проживали во сто разъ меньше и не жаловались на бѣдность.

Говорятъ, будто здѣшніе жители, за 200 лѣтъ назадъ, не жаловались на свою бѣдность и почитали себя богатыми, до того времени, когда французы не растолковали имъ, что у нихъ нѣтъ ничего нужнаго, что они не похожи на людей, потому что ходятъ пѣшкомъ, потому что у нихъ волосы не засыпаны пылью и потому что они не платятъ по двѣ тысячи рублей за вещь, стоющую не больше пятидесяти рублей, какъ то

дѣлаютъ многіе просвѣщенные народы. Жители здѣшніе, услыша это, устыдились, что они не просвѣщены: стали отдавать французамъ множество денегъ за бездѣлицы; заставили возить себя въ ящикахъ такъ, какъ возятъ на продажу деревенскіе мужики куръ; засыпали головы свои мукой—и теперь думаютъ о себѣ, что они въ просвѣщеніи перещеголяли всѣхъ европейцевъ.

Итакъ здѣшній житель, который почитаетъ себя важнымъ въ большомъ свѣтѣ, желая сохранить эту важность, несетъ свой годовой доходъ, состоящій изъ трехъ тысячь рублей, въ лавки, платя шестьсотъ рублей за кузовъ, въ которомъ протаскаютъ его не болѣе одного года; тысячу двѣсти рублей отдаетъ за хорошія англійскія и французскія матеріи на платье; на девятьсотъ рублей покупаетъ пряжекъ, цѣпочекъ и другихъ подобныхъ необходимостей; а послѣдніе триста рублей отдаетъ парикмахеру французу и, не оставя денегъ на столъ, жалуется, что хлѣбъ дорогъ, и ищетъ обѣдовъ у своихъ пріятелей. Такимъ-то образомъ богатый помѣщикъ превращаетъ свой хлѣбъ и своихъ крестьянъ въ модные товары; а французы имѣютъ искуство дѣлать эти товары такими, чтобъ превращались они въ мѣсяцъ въ ничто. Итакъ мудрено ли, что здѣсь недостатокъ въ хлѣбѣ; ибо надобно, по крайней мѣрѣ, четыре куля муки, чтобъ превратить ихъ въ посредственную англійскую шляпу, и надобно десять кулей, чтобъ имѣть простыя серебряныя на ногахъ пряжки. Сначала хотя это и дѣлало вредъ щеголямъ, однакожъ тогда хлѣбъ раздѣлялся по народу, и господа не довольны были только тѣмъ, что надобно было много имѣть труда и терпѣнія дождаться нѣсколькихъ тысячь кулей, чтобы превратить ихъ въ пуговицы и кружева. Французы наставили ихъ наконецъ на умъ и научили не одинъ только хлѣбъ, но людей превращать въ модные товары. Послѣдуя такому премудрому наставленію, молодой помѣщикъ мало-по-малу убавляетъ у себя хлѣбопашцевъ, промѣниваетъ ихъ на модные товары или превращаетъ въ волосочесовъ, портныхъ, отъ которыхъ надѣется достать болѣе денегъ. Итакъ лучшіе люди отнимаются съ полей, на которыхъ оставляются только старые и малолѣтніе, мѣняются на разные бездѣлки, а остальные, вмѣсто того, чтобъ доставать хлѣбъ изъ земли своими руками, за каретами и въ переднихъ у своихъ господъ ждутъ спокойно, пока ихъ накормятъ. Просвѣщенные люди нынѣшняго вѣка дивятся невѣжеству своихъ предковъ: къ чему старались они наполнять свои житницы хлѣбомъ и содержать хорошо своихъ крестьянъ? Напротивъ того, сами, стараясь загладить ихъ погрѣшности, пекутся только о томъ, чтобъ имѣть у себя болѣе кафтановъ, и не инымъ чѣмъ думаютъ лучше доказать свое просвѣщеніе, какъ промотавъ въ шесть лѣтъ то, что предки ихъ въ нѣсколько десятковъ лѣтъ скопили. Французы удивляются ихъ просвѣщенному вкусу, смѣются имъ въ глаза и сбираютъ съ нихъ деньги. Эти французы очень хитры и довели наконецъ до того, что почти всякій изъ здѣшнихъ жителей мучится совѣстію и почитаетъ за стыдъ, если не отнесетъ ежегодно къ французамъ три четверти своего дохода и пятую часть своего имѣнія.

3. Похвальная рѣчь въ память моему дѣдушкѣ (1792).

Любезные слушатели!

Въ сей день проходитъ точно годъ, какъ собаки всего свѣта лишились лучшаго своего друга, а здѣшній округъ разумнѣйшаго помѣщика: годъ тому назадъ, въ сей точно день, съ неустрашимостію гонясь за зайцемъ, свернулся онъ въ ровъ и раздѣлилъ смертную чашу съ гнѣдою своею лошадью прямо по-братски. Судьба, уважая взаимную ихъ привязанность, не хотѣла, чтобъ изъ нихъ одинъ пережилъ другаго; а міръ между тѣмъ потерялъ лучшаго дворянина и статнѣйшую лошадь. О

комъ изъ нихъ болѣе должно намъ сожалѣть? Кого болѣе восхвалять? Оба они не уступали другъ другу въ достоинствахъ, оба были равно полезны обществу, оба вели равную жизнь и наконецъ умерли одинаковою славною смертью.

Со всѣмъ тѣмъ дружество мое къ покойнику склоняетъ меня на его сторону и обязываетъ прославить память его, ибо хотя многіе говорятъ, что сердце его было, такъ сказать, стойломъ его гнѣдой лошади, но я могу похвалиться, что, послѣ нея, покойникъ любилъ меня болѣе всего на свѣтѣ. Но хотя бы и не былъ онъ мнѣ другомъ, то одни достоинства его не заслуживаютъ ли похвалы и не должно ли возвеличать память его, какъ память дворянина, который служилъ примѣромъ всему нашему обольному дворянству?

Не думайте, любезные слушатели, чтобъ я выставлялъ его примѣромъ въ одной охотѣ; нѣтъ, это было одно изъ послѣднихъ его дарованій. Кромѣ сего имѣлъ онъ тысячу другихъ, приличныхъ и необходимыхъ нашему брату дворянину: онъ показалъ намъ, какъ должно проживать въ недѣлю благородному человѣку то, что двѣ тысячи подвластныхъ ему простолюдиновъ вырабатываютъ въ годъ; онъ знаменитые подавалъ примѣры, какъ эти двѣ тысячи человѣкъ, можно пересѣчь въ годъ раза два-три съ пользою; онъ имѣлъ дарованіе обѣдать въ своихъ деревняхъ пышно и роскошно, когда казалось, что въ нихъ наблюдался величайшій постъ, и такимъ искуствомъ дѣлалъ гостямъ своимъ пріятныя нечаянности. Такъ, государи мои! часто бывало, когда пріѣдемъ мы къ нему въ деревню обѣдать, то видя всѣхъ крестьянъ его блѣдныхъ, умирающихъ съ голоду, страшимся сами умереть за его столомъ голодною смертью; глядя на всякаго изъ нихъ, заключали мы, что на сто верстъ вокругъ его деревень нѣтъ ни корки хлѣба, ни чахотной курицы, — но, какое пріятное удивленіе! садясь за столъ, находили мы богатство, которое, казалось, тамъ было неизвѣстно, и изобиліе, котораго тѣни не было въ его владѣніяхъ. Искуснѣйшіе изъ насъ постигали, что еще могъ онъ содрать съ своихъ крестьянъ; и мы принуждены были думать, что онъ изъ ничего созидалъ великолѣпные свои пиры. Но я примѣчаю, что восторгъ мой отвлекаетъ меня отъ порядку, который я себѣ назначилъ. Обратимся же къ началу жизни нашего героя: симъ средствомъ не потеряемъ мы ни одной черты изъ его похвальныхъ дѣлъ, коимъ многіе изъ васъ, любезные слушатели, подражаютъ съ великимъ успѣхомъ. Начнемъ его происхожденіемъ.

Сколько ни бредятъ философы, что по родословной всего свѣта, мы братья, и сколько ни твердятъ, что всѣ мы дѣти одного Адама; но благородный человѣкъ долженъ стыдиться такой философіи; и если уже необходимо надобно, чтобъ наши слуги происходили отъ Адама, то мы лучше согласимся признать нашимъ праотцемъ осла, нежели быть равнаго съ ними происхожденія. Ничто столь человѣка не возвышаетъ, какъ благородное происхожденіе: это первое его достоинство. Пусть кричатъ ученые, что вельможа и нищій имѣютъ подобное тѣло, душу, страсти, слабости и добродѣтели: если это правда, то это не вина благородныхъ, но вина природы, что она производитъ ихъ на свѣтъ такъ же, какъ и подлѣйшихъ простолюдиновъ, и что никакими выгодами не отличаетъ нашего брата дворянина; это знакъ ея лѣности и нераченія. Такъ, государи мои! и если бы эта природа была существо, то бы ей очень было стыдно, что тогда, какъ самому послѣднему червяку удѣляетъ она выгоды, свойственныя его состоянію; когда самое мелкое насѣкомое получаетъ отъ нея свой цвѣтъ и свои способности; когда, смотря на всѣхъ животныхъ, кажется намъ, что она неисчерпаема въ разновидности и въ изобрѣтеніи,—тогда, къ стыду ея и къ сожалѣнію нашему, не выдумала она ничего, чѣмъ бы отличался нашъ братъ отъ мужика,

и не прибавила намъ ни одного пальца, въ знакъ нашего преимущества передъ крестьяниномъ. Неужели она болѣе печется о бабочкахъ, нежели о дворянахъ? И мы должны привѣшивать шпагу, съ которою бы, кажется, намъ родиться. Но какъ бы то ни было, благодаря нашей догадкѣ, мы нашли средство поправлять ея недостатки и избавились отъ опасности быть признанными за животныхъ одного роду съ крестьянами.

Имѣть предка разумнаго, добродѣтельнаго и принесшаго пользу отечеству—вотъ что дѣлаетъ дворянина, вотъ что отличаетъ его отъ черни и отъ простаго народа, котораго предки не были ни разумны, ни добродѣтельны и не приносили пользы отечеству. Чѣмъ древнѣе и далѣе отъ насъ такой предокъ, тѣмъ блистательнѣе наше благородство; а симъ-то и отличается герой, которому дерзаю я сплетать достойныя похвалы: ибо болѣе трехъ сотъ лѣтъ прошло, какъ въ родѣ его появился добродѣтельный и разумный человѣкъ, который надѣлалъ столь много прекрасныхъ дѣлъ, что въ поколѣніи его не были уже болѣе нужны такія явленія, и оно до нынѣшняго времени пробавлялось безъ умныхъ и безъ добродѣтельныхъ людей, не теряя нимало своего достоинства. Наконецъ появился нашъ герой Звениголовъ; онъ еще не зналъ, что онъ такое, но уже благородная его душа чувствовала выгоды своего рожденія, и онъ на второмъ году началъ царапать глаза и кусать уши своей кормилицѣ. Въ этомъ ребенкѣ будетъ путь, сказалъ нѣкогда, восхищаясь, его отецъ: оно еще не знаетъ толкомъ приказать, но учится уже наказывать; можно отгадать, что онъ благородной крови. И старикъ сей часто плакалъ отъ радости, когда видѣлъ, съ какою благородною осанкою отродье его щипало свою кормилицу или слугъ; не проходило ни одного дня, чтобы маленькій нашъ герой кого нибудь не оцарапалъ. На пятомъ еще году своего возраста примѣтилъ онъ, что окруженъ такою толпою, которую можетъ перекусать и перецарапать, когда ему будетъ угодно.

Премудрый его родитель тотчасъ смекнулъ, что сыну его нуженъ товарищъ; хотя и много было въ околоткѣ бѣдныхъ дворянъ, но онъ не хотѣлъ себя унизить до того, чтобъ его единородный сынъ раздѣлялъ съ ними время, а холопскаго сына дать ему въ товарищи казалось еще несноснѣе. Иной бы не зналъ, что дѣлать, но родитель нашего героя тотчасъ помогъ такому горю и далъ сыну своему въ товарищи прекрасную болонскую собачку. Вотъ, можетъ быть, первая причина, отъ чего герой нашъ во всю свою жизнь любилъ болѣе собакъ, нежели людей, и съ первыми провождалъ время веселѣе, нежели съ послѣдними. Звениголовъ, привыкшій повелѣвать, принялъ новаго своего товарища довольно грубо и на первыхъ часахъ вцѣпился ему въ уши; но Задорка (такъ звали маленькую собачку) доказала ему, какъ вредно иногда шутить, надѣясь слишкомъ много на свою силу: она укусила его за руку до крови. Герой нашъ остолбенѣлъ, увидя въ первый разъ такой суровый отвѣтъ на обыкновенныя свои обхожденія. Это былъ первый щипокъ, за который его наказали. Сколь сердце въ немъ ни кипѣло, со всѣмъ тѣмъ боялся отвѣдать сразиться съ Задоркою и бросился къ отцу своему жаловаться на смертельную обиду, причиненную ему новымъ его товарищемъ. «Другъ мой!» сказалъ безпримѣрный его родитель, «развѣ мало вкругъ тебя холопей, кого тебѣ щипать? На что было трогать тебѣ Задорку? Собака вѣдь не слуга: съ нею надобно осторожнѣе обходиться, если не хочешь быть укушенъ. Она глупа: ее нельзя унять и принудить терпѣть, не разѣвая рта, какъ разумную тварь.»

Такое наставленіе сильно тронуло сердце молодаго героя и не выходило у него изъ памяти. Возрастая, часто занимался онъ глубокими разсужденіями, къ коимъ подавало оно ему поводъ; изыскивалъ способы бить домашнихъ

своихъ животныхъ, не подвергаясь опасности, и сдѣлать ихъ столь же безмолвными, какъ своихъ крестьянъ; по крайней мѣрѣ, искать причинъ, отъ чего первыя имѣютъ дерзости болѣе огрызаться, нежели послѣдніе, и заключилъ, что его крестьяне ниже дворовыхъ животныхъ.

Чадолюбивый отецъ, примѣтя, что дитя его начинаетъ думать, заключилъ, что время начинать его воспитаніе и самъ посадилъ его за грамоту. Въ пять мѣсяцевъ ученикъ сдѣлался сильнѣе учителя и съ нимъ въ запуски складывалъ гражданскую печать. Такіе успѣхи устрашили его родителя. Онъ боялся, чтобы сынъ его не выучился бѣгло читать по толкамъ и не вздумалъ бы сдѣлаться когда нибудь академикомъ, а потому-то послѣднею страницею букваря кончилъ его курсъ словесныхъ наукъ. «Этой грамоты для тебя полно», говорилъ онъ ему: «стыдись знать болѣе; ты у меня будешь баринъ знатный, такъ непристойно тебѣ читать книги».

Герой нашъ пользовался такимъ прекраснымъ разсужденіемъ и привыкъ всѣ книги любить какъ моровую язву. Ни одна книга не имѣла до него доступа; я не включаю тутъ разсужденія Руссо о вредности наукъ: вотъ одно твореніе, которое снискало его благосклонность, по своей привлекательной надписи. Правда, онъ и его не читалъ, но никогда не спускалъ съ своего камина. «Прочти только это», говаривалъ онъ, когда кто вздумаетъ хвалить предъ нимъ науки: «прочти это, и ты будешь каяться, что въ тебѣ болѣе ума, нежели въ моей гнѣдой лошади. О, Руссо великій человѣкъ!» продолжалъ онъ, и послѣ этого принимался съ подобострастіемъ считать листы въ его сочиненіи: это было величайшее его снисхожденіе къ учености, которое оказывалъ онъ только одному сочинителю Новой Элоизы.

Время наконецъ наступило записывать его въ службу, и рѣдкій родитель его, отпуская, далъ сыну своему послѣднее наставленіе: «Помни, любезный сынъ», говорилъ онъ ему, «что у тебя двѣ тысячи душъ; помни, что ты старинный дворянинъ и остался одинъ въ своемъ родѣ; и такъ береги себя; не подражай бѣднымъ людямъ, которые, не имѣя куска хлѣба, принуждены на службѣ тратить здоровье. Служи такъ, чтобы не быть разжаловану, а о достальномъ не пекись. Пусть бѣдные ищутъ чиновъ, а нашу братью, богатыхъ, чины сами должны искать. Будь только порядочнаго поведенія, то есть: не выходи изъ переднихъ знатныхъ; болѣе всего берегись досадить женщинѣ, сколь бы низкаго сословія она тебѣ ни казалась. Наружное состояніе женщины бываетъ сходно съ молодымъ деревомъ, которое сколь ни кажется слабо и презрѣнно, но часто корень его глубоко подъ землею сплетенъ съ корнемъ великаго дуба, который можетъ задавить тебя своею тяжестію. Короче, вотъ тебѣ въ двухъ словахъ мое завѣщаніе: я не требую, чтобы ты возвратился заслуженнымъ, но чиновнымъ», и послѣ сего наградилъ онъ его своимъ родительскимъ благословеніемъ и двумя тысячами рублей на дорогу. Спустя же три дня послѣ его отъѣзду, кончилъ свою знаменитую жизнь.

Сколь ни жаденъ былъ нашъ герой пользоваться наставленіями, совсѣмъ тѣмъ благородная его душа неохотно приняла сіи послѣднія, или лучше сказать, онъ изъ нихъ одобрилъ половину, то есть, послѣдуя отцу своему, не хотѣлъ онъ служить, но не хотѣлъ также состарѣться въ переднихъ; эти два правила поссорили его съ двумя дядюшками и со службою и сдѣлали философомъ. Суеты большаго свѣта скоро ему наскучили: онъ видѣлъ, что куда онъ ни приходилъ, то или онъ зѣвалъ, или надъ нимъ зѣвали, и взялъ миролюбивое намѣреніе разстаться со свѣтомъ, видя по всему, что они другъ другу не надобны.

Рѣдкое великодушіе, неподражаемая скромность,—сіи два любезныя качества видны въ немъ были съ самаго пріѣзда

его въ столицу. Честолюбивый, на его мѣстѣ, имѣя столь знатную родню, какъ онъ, не отсталъ бы отъ большихъ обществъ и искалъ бы въѣзду въ первые домы; но герой нашъ просиживалъ цѣлыя ночи въ трактирахъ. Онъ убѣгалъ пышности и часто, подъ вечерокъ, изъ толпы завидливыхъ игроковъ возвращался домой смиренно, безъ кафтана. Онъ небылъ злопамятенъ и очень спокойно обѣдалъ тамъ, гдѣ наканунѣ били его за ужиномъ: терпѣливъ былъ до крайности. Я самъ, государи мои, былъ свидѣтелемъ, съ какою умильною кротостію принималъ онъ побои отъ своихъ пріятелей и послѣ съ ними вмѣстѣ запивалъ свое горе. Иной бы, честолюбивый, на его мѣстѣ, повторяю, былъ соблазненъ примѣрами большаго свѣта и увлеченъ его суетами, но онъ равнодушно слушалъ вѣсти, что такой-то его сверстникъ пожалованъ, что тому дано мѣсто, другому награжденіе; всѣмъ этимъ не тронута была великая его душа, и онъ, зѣвая, стоически слушалъ такія новости. «Можетъ быть, половину этихъ чиновниковъ мнѣ же кормить достанется», говаривалъ онъ; «полно и того, что у меня есть двѣ тысячи душъ: такой чинъ, съ которымъ въ моемъ околодкѣ вездѣ дадутъ мнѣ первое мѣсто. Все суета суетъ!» такъ заключалъ онъ обыкновенно свои разсужденія и послѣ того, обставясь кругомъ дюжиною бутылокъ портеру, садился метать банкъ.

По сему можете вы заключить, милостивые государи, что общества его были хотя не пышныя, но весьма веселыя. Правда, замѣшивались иногда люди чиновные, но обыкновенно первыя двѣ дюжины бутылокъ возставляли во всей бесѣдѣ совершенное равенство и дружество; но это не было скучное дружество, заведенное лѣтъ на пять; нѣтъ, это было вольное и благородное дружество, такое, что часто, не кончa еще взаимныхъ о немъ увѣреній, вцѣплялись другъ другу въ виски, но всякій безъ злобы и нерѣдко для одного препровожденія времени.

Вотъ, государи мои, образъ городской его жизни! Онъ, не гоняясь за счастіемъ, искалъ однихъ удовольствій; онъ не ѣздилъ, по этикету, зѣвать въ большіе дома, но любя вольность, часто въ своихъ дружескихъ бесѣдахъ засыпалъ подъ столомъ; онъ не занимался тѣмъ, чтобъ когда нибудь привлечь на себя вниманіе всего свѣта: ему довольно было и того, что имя его знали наизустъ во всѣхъ трактирахъ и кофейныхъ домахъ. Онъ никогда не намѣревался быть политикомъ, но не для того, чтобъ не доставало ему ума; нѣтъ, государи мои, онъ былъ слишкомъ уменъ, и нерѣдко даже былъ за это битъ отъ своихъ пріятелей за картами, гдѣ болѣе всего щеголялъ онъ остроуміемъ. Но какъ умъ гонимъ въ цѣломъ свѣтѣ, то очень скоро наскучилъ онъ быть умнымъ и сталъ играть въ карты съ философскою простотою и съ благородною довѣренностію. Друзья его, вмѣсто того, чтобы удивляться такимъ любезнымъ качествамъ, въ два мѣсяца очистили все его имѣніе и оставили нашего философа полунагимъ, не смотря на то, что сѣверный климатъ совсѣмъ неудобенъ къ цинической философіи.

Всякій бы другой изнемогъ духомъ въ такихъ стѣснительныхъ обстоятельствахъ; всякій бы пришелъ въ отчаяніе; но онъ не поколебался нимало, и, сидя дома, съ крайнимъ умиленіемъ сердца ожидалъ, какъ заимодавцы поведутъ его въ тюрьму. Какъ Юлій, не бѣжалъ онъ отъ своего несчастія и даже не выходилъ за ворота, хотя тогдашними темными вечерами могъ онъ прогуливаться по улицѣ въ одномъ камзолѣ и туфляхъ, не нарушая городской благопристойности. Онъ не искалъ даже помочь своему несчастію. «Что будетъ, то будетъ!» говорилъ онъ, зѣвая неустрашимо. И судьба наградила его къ ней довѣренность. Тогда какъ, казалось, что онъ оставленъ отъ всего свѣта: когда всѣ ворота были заперты, выключая воротъ городской тюрьмы; когда въ кухнѣ его, какъ въ Римѣ, не

осталось ни тѣни древней славы и, что всего бѣдственнѣе, когда послѣднюю бутылку портера у него разбила испостившаяся кошка, искавъ съ такимъ же усердіемъ черствой корки, съ какимъ Колумбъ искалъ новой земли; когда, говорю я, всѣ сіи несчастія собрались вокругъ него: тогда родной его дядя, славный своею экономіею, которую храня, 20 лѣтъ онъ уже не ужиналъ, вздумалъ наконецъ и не обѣдать — оставя въ наслѣдство герою нашему пять тысячь душъ и сто тысячь денегъ.

Можетъ быть, подумаете вы, что это сдѣлало его надменнымъ; нимало: въ тотъ же день пошелъ онъ къ знакомому винному погребщику, напился съ нимъ вмѣстѣ и очень смиренно провелъ у него ночь на голомъ, кирпичномъ полу.

Но уже страсти въ немъ начали угасать, и онъ, пользуясь прошедшими своими несчастіями, не захотѣлъ болѣе ни въ которой масти искать счастія; получилъ чинъ, пошелъ въ отставку и намѣревался удалиться въ свои деревни, дабы украсить собою нашъ уѣздъ; имѣя же къ шумнымъ прощаньямъ отвращеніе, уѣхалъ изъ города, не увѣдомляя ни одного своего заимодавца. Можетъ быть, по скромности его, нравился ему также французскій обычай уходить не простясь; ибо свидѣтельствуютъ достовѣрнѣйшіе маркеры, что, когда только могъ, уходилъ онъ по-французски изъ трактировъ, сколь ни убѣдительно они ему за то пеняли.

Наконецъ удалился онъ отъ городскаго шума и вступилъ въ новое поприще для испытанія своихъ дарованій, и вы, государи мои, сами были свидѣтелями, какъ сильно умѣлъ онъ ими блистать.

Едва появился онъ здѣсь, какъ объявилъ открытую войну зайцамъ и набралъ многочисленную армію псовъ; наблюдая пользу поселянъ, хотѣлъ онъ истребить весь заячій родъ — и сдержалъ свое слово. Правда, многіе изъ строптивыхъ его крестьянъ кричали, что они бы лучше хотѣли кормить зайцевъ, нежели безчисленное множество псовъ и тунеядливую шайку охотниковъ; что имъ милѣе было въ хлѣбѣ своемъ встрѣтить зайца, нежели полсотни лошадей и вдвое болѣе собакъ; но герой нашъ, умѣя кстати и къ мѣсту пересѣчь сихъ разсказчиковъ, укротилъ ихъ роптанія и продолжалъ непримиримую ненависть къ зайцамъ, какъ Анибалъ къ Римлянамъ. А чтобы вѣрнѣе ихъ выжить, то вырубилъ и продалъ свои лѣса, а крестьянъ привелъ въ такое состояніе, что имъ нечѣмъ было засѣвать поля. Съ какимъ внутреннимъ удовольствіемъ герой нашъ выѣзжалъ тогда на поля и находилъ ихъ такъ чистыми, какъ скатерть, не тревожась сомнѣніемъ, чтобы гдѣ могъ скрыться заяцъ! Въ три года обрилъ онъ такъ чисто свои земли, что неустрашимѣйшіе зайцы могли въ нихъ искать одной только голодной смерти. «Скажи», спрашивалъ у него нѣкто, «не лучше ли на земляхъ своихъ видѣть тысячу сытыхъ зайцевъ, нежели пять тысячь голодныхъ крестьянъ, и не смѣшонъ ли тотъ, кто зажжетъ свой домъ, желая выжить изъ него таракановъ?» — Молчи, только отвѣчалъ нашъ герой; я самъ знаю, что моимъ крестьянамъ ѣсть нечего, но еще лѣтъ пять и зайцы позабудутъ мои земли: они будутъ бѣгать ихъ, какъ песчаной степи, а тутъ-то я и обману весь этотъ родъ трусливыхъ грабителей, возстановя прежній порядокъ и изобиліе.

Какой рѣдкій умъ, милостивые государи! Имѣлъ ли кто когда-нибудь такое великое и смѣлое предпріятіе? Неронъ зажегъ великолѣпный Римъ, чтобы истребить небольшую кучку христіанъ; Юлій побилъ множество согражданъ своихъ, желая уронить вредную для нихъ власть Помпея; Александръ прошелъ съ мечомъ чрезъ многія государства, побилъ и раззорилъ тысячи народовъ, кажется, для того, чтобы вымочить свои сапоги въ приливѣ океана и послѣ пощеголять этимъ дома. Но

всѣ эти намѣренія и труды не входятъ въ сравненіе съ подвигами нашего героя: тѣ морили людей, чтобы пріобрѣсти славу, а онъ морилъ ихъ для того, чтобы истребить зайцевъ. Но судьба, завидующая великимъ дѣламъ, не дала совершить ему своего намѣренія, подобно какъ множеству другихъ героевъ, которые, захватя себѣ дѣлъ тысячи на двѣ лѣтъ, умирали на первомъ-второмъ году своего предпріятія.

Вотъ, государи мои, подвиги героя, которые... Но что я вижу! любезные мои слушатели заснули съ умиленіемъ; почтенныя головы ихъ лежатъ какъ прекрасныя бухарскія дыни вокругъ пуншевой чаши! Торжествуй, покойный другъ! твои друзья, любя тебя, наслѣдовали твои нравы. Такъ точно нѣкогда засыпалъ ты на своихъ веселыхъ вечеринкахъ, съ половину окунутымъ въ ендову носомъ. Увѣришь, если можешь, на одну минуту, отъ Плутона, взгляни изъ подпола на своихъ друзей, потомъ разскажи торжественно адскимъ жителямъ, какое пріятное дѣйствіе произвела похвала твоей памяти; и пусть покосятся на тебя завистливые наши писатели, которые думаютъ, что они одни выправили отъ Аполлона привилегію усыплять здѣшній свѣтъ своими трагедіями.

Басни.

МУЗЫКАНТЫ.

Сосѣдъ сосѣда звалъ откушать;
Но умыселъ другой тутъ былъ:
Хозяинъ музыку любилъ,
И заманилъ къ себѣ сосѣда пѣвчихъ слушать.
Запѣли молодцы: кто въ лѣсъ, кто по дрова,
И у кого что силы стало.
Въ ушахъ у гостя затрещало
И закружилась голова.
—«Помилуй ты меня,» сказалъ онъ съ удивленьемъ:
Чѣмъ любоваться тутъ? Твой хоръ
Горланитъ вздоръ!»
—«То правда,» отвѣчалъ хозяинъ съ умиленьемъ:
«Они немножечко дерутъ;
За то ужъ въ ротъ хмѣльнаго не берутъ,
И всѣ съ прекраснымъ поведеньемъ.»

А я скажу: по мнѣ ужъ лучше пей,
Да дѣло разумѣй.

ЛАРЧИКЪ.

Случается нерѣдко намъ
И трудъ, и мудрость видѣть тамъ,
Гдѣ, стоитъ только догадаться,
За дѣло просто взяться.

Къ кому-то принесли отъ мастера Ларецъ.
Отдѣлкой, чистотой Ларецъ въ глаза кидался;
Ну, всякой Ларчикомъ прекраснымъ любовался.
Вотъ входитъ въ комнату Механики мудрецъ.
Взглянувъ на Ларчикъ, онъ сказалъ:— «Ларецъ съ секретомъ;
Такъ; онъ и безъ замка;
А я берусь открыть; да, да, увѣренъ въ этомъ;
Не смѣйтесь такъ изподтишка!
Я отъищу секретъ, и Ларчикъ вамъ открою:
Въ Механикѣ и я чего-нибудь да стою.»
Вотъ за Ларецъ принялся онъ:
Вертитъ его со всѣхъ сторонъ,—
И голову свою ломаетъ;
То гвоздикъ, то другой, то скобку пожимаетъ.
Тутъ, глядя на него, иной
Качаетъ головой;
Тѣ шепчутся, а тѣ смѣются межъ собой.
Въ ушахъ лишь только отдается:
«Не тутъ, не такъ, не тамъ!» Механикъ пуще рвется.
Потѣлъ, потѣлъ; но наконецъ усталъ,
Отъ Ларчика отсталъ,
И какъ открыть его, никакъ не догадался:
А Ларчикъ просто открывался.

ВАСИЛЕКЪ.

Въ глуши расцвѣтшій Василекъ
Вдругъ захирѣлъ, завялъ почти до половины,
И, голову склоня на стебелекъ,
Уныло ждалъ своей кончины;
Зефиру между тѣмъ онъ жалобно шепталъ:
—«Ахъ, если бы скорѣе день насталъ,
И солнце красное поля здѣсь освѣтило,
Быть можетъ, и меня оно бы оживило?»
— «Ужъ какъ ты простъ , мой другъ!»
Ему сказалъ, вблизи копаясь, жукъ:
«Неужли солнышку лишь только и заботы,
Чтобы смотрѣть, какъ ты растешь,
И вянешь ты, или цвѣтешь?
Повѣрь, что у него ни время, ни охоты
На это нѣтъ.
Когда бы ты леталъ, какъ я, да зналъ бы свѣтъ;
То видѣлъ бы, что здѣсь луга, поля и нивы
Имъ только и живутъ, имъ только и счастливы:
Оно своею теплотой
Огромные дубы и кедры согрѣваетъ,
И удивительною красотой
Цвѣты душистые богато убираетъ;
Да только тѣ цвѣты
Совсѣмъ не то, что ты:
Они такой цѣны и красоты,
Что само время ихъ, жалѣя, коситъ,
А ты ни пышенъ, ни пахучъ:
Такъ солнца ты своей докукою не мучь!
Повѣрь, что на тебя оно луча не броситъ,
И добиваться ты пустаго перестань,
Молчи и вянь!»
Но солнышко взошло, природу освѣтило,
По царству Флорину разсыпало лучи,
И бѣдный Василекъ, завянувшій въ ночи,
Небеснымъ взоромъ оживило.

О вы, кому въ удѣлъ судьбою данъ
Высокій санъ!
Вы съ солнца моего примѣръ себѣ, берите!
Смотрите:
Куда лишъ лучъ его достанетъ, тамъ оно
Былинкѣ ль, кедру ли—благотворитъ равно,
И радость по себѣ и счастье оставляетъ;
За то и видъ его горитъ во всѣхъ сердцахъ—
Какъ чистый лучъ въ восточныхъ хрусталяхъ,
И все его благословляетъ.

ВОЛКЪ И ЯГНЕНОКЪ.

У сильнаго всегда безсильный виноватъ:
Тому въ Исторіи мы тму примѣровъ слышимъ,
Но мы Исторіи не пишемъ;
А вотъ о томъ, какъ въ Басняхъ говорятъ.

Ягненокъ въ жаркій день зашелъ къ ручью напиться;
И надобно жъ бѣдѣ случиться,
Что около тѣхъ мѣстъ голодный рыскалъ Волкъ.
Ягненка видитъ онъ, на добычу стремится;
Но, дѣлу дать хотя законный видъ и толкъ,
Кричитъ: «какъ смѣешь ты, наглецъ, нечистымъ рыломъ
Здѣсь чистое мутить питье
Мое
Съ пескомъ и съ иломъ?
За дерзость такову
Я голову съ тебя сорву.»
—«Когда свѣтлѣйшій Волкъ позволитъ,
Осмѣлюсь я донесть; что ниже по ручью
Отъ Свѣтлости его шаговъ я на сто пью;
И гнѣваться напрасно онъ изволитъ:
Питья мутить ему никакъ я не могу.»
—«Поэтому я лгу!
Негодный! Слыхана ль такая дерзость въ свѣтѣ!

Да помнится, что ты еще въ запрошломъ лѣтѣ
Мнѣ здѣсь же какъ-то нагрубилъ:
Я этого, пріятель, не забылъ!»
—«Помилуй, мнѣ еще и отъ роду нѣтъ году,»
Ягненокъ говоритъ.—«Такъ это былъ твой братъ.»
—«Нѣтъ братьевъ у меня.»—Такъ это кумъ иль сватъ,
И словомъ, кто нибудь изъ вашего же роду.
Вы сами, ваши псы и ваши пастухи,
Вы всѣ мнѣ зла хотите,
И, если можете, то мнѣ всегда вредите:
Но я съ тобой за нихъ развѣдаюсь грѣхи.»
—«Ахъ, я чѣмъ виноватъ?»—«Молчи! усталъ я слушать.
Досугъ мнѣ разбирать вины твои, щенокъ!
Ты виноватъ ужъ тѣмъ, что хочется мнѣ кушать.»
Сказалъ, и въ темный лѣсъ ягненка поволокъ.

ВОЛКЪ НА ПСАРНѢ.

Волкъ, ночью, думая залѣзть въ овчарню,
Попалъ на псарню.
Поднялся вдругъ весь псарный дворъ,
Почуя сѣраго такъ близко забіяку.
Псы залились въ хлѣвахъ, и рвутся вонъ на драку;
Псари кричатъ: «Ахти, ребята, воръ!»
И вмигъ ворота на запоръ;
Въ минуту псарня стала адомъ.
Бѣгутъ: иной съ дубьемъ,
Иной съ ружьемъ.
—«Огня!» кричатъ: «огня!»—Пришли съ огнемъ.
Мой Волкъ сидитъ, прижавшись въ уголъ задомъ,
Зубами щелкая и ощетиня шерсть;
Глазами, кажется, хотѣлъ бы всѣхъ онъ съѣсть;
Но, видя то, что тутъ не передъ стадомъ,
И что приходитъ, наконецъ,
Ему расчесться за овецъ,—
Пустился мой хитрецъ
Въ переговоры,
И началъ такъ: «Друзья! кчему весь этотъ шумъ?
Я вашъ старинный сватъ и кумъ,
Пришелъ мириться къ вамъ, совсѣмъ не ради ссоры;
Забудемъ прошлое, уставимъ общій ладъ!
А я, не только впредь не трону здѣшнихъ стадъ,
Но самъ за нихъ съ другими грызться радъ,
И волчьей клятвой утверждаю,
Что я...»—«Послушай-ка, сосѣдъ,»
Тутъ ловчій перервалъ въ отвѣтъ:
«Ты сѣръ, а я, пріятель, сѣдъ,
И Волчью вашу я давно натуру знаю;
А потому обычай мой:
Съ волками иначе не дѣлать мировой,
Какъ снявши шкуру съ нихъ долой.»—
И тутъ же выпустилъ на Волка гончихъ стаю.

РУЧЕЙ.

Пастухъ у ручейка пѣлъ жалобно, въ тоскѣ,
Свою бѣду и свой уронъ невозвратимый:
Ягненокъ у него любимый
Недавно утонулъ въ рѣкѣ.
Услыша пастуха, Ручей журчитъ сердито:
—«Рѣка несытая! что, еслибъ дно твое
Такъ было какъ мое
Для всѣхъ и ясно и открыто,
И всякой видѣлъ бы на тинистомъ семъ днѣ
Всѣ жертвы, кои ты столь алчно поглотила?
Я чай бы, со стыда ты землю сквозь прорыла,
И въ темныхъ пропастяхъ себя сокрыла.
Мнѣ кажется, когда бы мнѣ
Дала судьба обильныя столь воды,
Я украшеньемъ ставъ природы,
Не сдѣлалъ курицѣ бы зла:
Какъ осторожно бы вода моя текла
И мимо хижинки и каждаго кусточка

Благословляли бы меня лишь берега,
И я бы освѣжалъ долины и луга,
Но съ нихъ бы не унесъ листочка.
Ну, словомъ, дѣлая путемъ моимъ добро,
Не приключа нигдѣ ни бѣдъ, ни горя,
Вода моя до самаго бы моря
Такъ докатилася чиста какъ серебро.»
Такъ говорилъ Ручей, такъ думалъ въ самомъ дѣлѣ.
И что жъ? Не минуло недѣли,
Какъ туча ливная надъ ближнею горой
Разсѣлась;
Богатствомъ водъ Ручей сравнялся вдругъ съ рѣкой;
Но, ахъ! куда въ Ручьѣ смиренность дѣлась!
Ручей изъ береговъ бьетъ мутною водой,
Кипитъ, реветъ, крутитъ нечисту пѣну въ клубы,
Столѣтніе валяетъ дубы,
Лишь трески слышны вдалекѣ;
И самый тотъ пастухъ, за коего рѣкѣ
Пенялъ недавно онъ такимъ кудрявымъ складомъ,
Погибъ со всѣмъ своимъ въ немъ стадомъ,
А хижины его пропали и слѣды.

Какъ много ручейковъ текутъ такъ смирно, гладко,
И такъ журчатъ для сердца сладко,
Лишь только оттого, что мало въ нихъ воды!

КРЕСТЬЯНИНЪ И РАБОТНИКЪ.

Когда у насъ бѣда надъ головой,
То рады мы тому молиться,
Кто вздумаетъ за насъ вступиться;
Но только съ плечъ бѣда долой,
То избавителю отъ насъ же часто худо:
Всѣ въ-запуски его цѣнятъ;
И если онъ у насъ не виноватъ,
Такъ это чудо!

Старикъ-крестьянинъ съ Батракомъ
Шелъ, подъ-вечеръ, лѣскомъ
Домой, въ деревню, съ сѣнокосу,
И повстрѣчали вдругъ медвѣдя носомъ къ носу.
Крестьянинъ ахнуть не успѣлъ,
Какъ на него медвѣдь насѣлъ.
Подмялъ крестьянина, ворочаетъ, ломаетъ,
И, гдѣ бъ его почать, лишь мѣсто выбираетъ:
Конецъ приходитъ старику.
«Степанушка родной, не выдай, милой!»
Изъ-подъ медвѣдя онъ взмолился Батраку.
Вотъ, новый Геркулесъ, со всей собравшись силой,
Что только было въ немъ,
Отнесъ пол-черепа медвѣдю топоромъ,
И брюхо прокололъ ему желѣзной вилой.
Медвѣдь взревѣлъ, и за̀-мертво упалъ:
Медвѣдь мой издыхаетъ.
Прошла бѣда, крестьянинъ всталъ,
И онъ же Батрака ругаетъ:
Опѣшилъ бѣдный мой Степанъ.
«Помилуй,» говоритъ: «за что?»—«За что, болванъ!
Чему обрадовался съ-дуру?
Знай колетъ: всю испортилъ шкуру!»

СЛОНЪ НА ВОЕВОДСТВѢ.

Кто знатенъ и силенъ,
Да не уменъ,
Такъ худо ежели и съ добрымъ сердцемъ онъ.

На воеводство былъ въ лѣсу посаженъ Слонъ.
Хоть, кажется, слоновъ и умная порода,
Однакоже въ семьѣ не безъ урода;
Нашъ Воевода
Въ родню былъ толстъ,
Да не въ родню былъ простъ;
А съ-умыслу онъ мухи не обидитъ.
Вотъ добрый Воевода видитъ:
Вступило отъ овецъ прошеніе въ Приказъ:
«Что волки-де совсѣмъ сдираютъ кожу съ насъ.»
—«О, плуты!» Слонъ кричитъ: «какое преступленье!

Кто грабить далъ вамъ позволенье?»
А волки говорятъ: «Помилуй нашъ отецъ!
Не тыль намъ къ зимѣ на тулупы
Позволилъ легонькій оброкъ собрать съ овецъ?
А что онѣ кричатъ, такъ овцы глупы:
Всего-то придетъ съ нихъ, съ сестры по шкуркѣ снять;
Да и того имъ жаль отдать.»
«Ну то̀-то жъ,» говоритъ имъ Слонъ: «смотрите!
Неправды я не потерплю ни въ комъ:
По шкуркѣ, такъ и быть, возьмите;
А больше ихъ не троньте волоскомъ.»

ВОЛКЪ И ЛИСИЦА.

Охотно мы даримъ,
Что̀ намъ не надобно самимъ.
Мы это басней пояснимъ,
За тѣмъ, что истина сноснѣе вполоткрыта.

Лиса, курятинки накушавшись до-сыта,
И добрый ворошекъ припрятавши въ запасъ,
Подъ стогомъ прилегла вздремнуть въ вечерній часъ.
Глядитъ, а въ гости къ ней голодный Волкъ тащится.
«Что, кумушка, бѣды!» онъ говоритъ:
«Ни косточкой нигдѣ не могъ я поживиться;
Меня такъ голодъ и моритъ;
Собаки злы, пастухъ не спитъ,
Пришло хоть удавиться!»
—«Неужли?» — «Право такъ.»—«Бѣдняжка куманёкъ!
Да не изволишь ли сѣнца? Вотъ цѣлый стогъ:
Я куму услужить готова.»
А куму не сѣнца, хотѣлось бы мяснова—
Да про запасъ, Лиса ни сло̀ва.
И сѣрый рыцарь мой,
Обласканъ по̀-уши кумой,
Пошелъ безъ ужина домой.

МІРСКАЯ СХОДКА.

Какой порядокъ ни затѣй,
Но если онъ въ рукахъ безсовѣстныхъ людей,
Они всегда найдутъ уловку,
Чтобъ сдѣлать тамъ, гдѣ имъ захочется, снаровку.

Въ овечьи старосты у льва просился волкъ.
Стараньемъ кумушки лисицы,
Словцо о немъ замолвлено у львицы.
Но такъ какъ о волкахъ худой на свѣтѣ толкъ,
И не сказали бы, что смотритъ левъ на лицы;
То велѣно звѣриный весь народъ
Созвать на общій сходъ,
И разспросить того, другаго,
Что̀ въ волкѣ добраго онъ знаетъ, иль худаго.
Исполненъ и приказъ: всѣ звѣри созваны,
На сходкѣ голоса̀ чинъ чиномъ собраны:
Но противъ волка нѣтъ ни слова,
И волка велѣно въ овчарню посадить.
Да что же овцы говорили?
На сходкѣ вѣдь онѣ ужъ, вѣрно, были?—
Вотъ то-то нѣтъ! Овецъ-то и забыли!
А ихъ-то бы всего нужнѣй спросить.

СЛОНЪ ВЪ СЛУЧАѢ.

Когда-то въ случай Слонъ попалъ у Льва. Въ минуту по лѣсамъ о томъ прошла молва, и, такъ какъ водится, пошли догадки, чѣмъ въ милость втерся Слонъ? Не то красивъ, не то забавенъ онъ; что за пріемъ, что за ухватки! толкуютъ звѣри межъ собой. «Когда бы,» говоритъ, вертя хвостомъ, лисица: «былъ у него пушистый хвостъ такой, я не дивилась бы.»—«Или, сестрица,» сказалъ медвѣдь: «хотя бы по когтямъ онъ сдѣлался случайнымъ; никто того не счелъ бы чрезвычайнымъ: да онъ и безъ когтей, то все извѣстно намъ.»—«Да не вошелъ ли онъ въ случай кы-

каmи?» вступился въ рѣчь ихъ волъ: «ужъ не сочли ли ихъ рогами?» — «Такъ вы не знаете,» сказалъ оселъ, ушами хлопая, «чѣмъ могъ онъ полюбиться и въ знать добиться? А я такъ отгадалъ — безъ длинныхъ бы ушей онъ въ милость не попалъ.»

Нерѣдко мы, хотя того не примѣчаемъ, себя въ другихъ охотно величаемъ.

ОСЕЛЪ И МУЖИКЪ.

Мужикъ на-лѣто въ огородъ, нанявъ Осла, приставилъ воронъ и воробьевъ гонять, нахальный родъ. Оселъ былъ самыхъ честныхъ правилъ: ни съ хищностью, ни съ кражей незнакомъ: не поживился онъ хозяйскимъ ни листкомъ, и птицамъ, грѣхъ сказать, чтобы давалъ потачку; но Мужику барышъ былъ съ огорода плохъ. Оселъ, гоняя птицъ, со всѣхъ ослиныхъ ногъ, по всѣмъ грядамъ, и вдоль и поперёгъ, такую поднялъ скачку, что въ огородѣ все примялъ и притопталъ. Увидя тутъ, что трудъ его пропалъ, крестьянинъ на спинѣ ослиной убытокъ выместилъ дубиной. «И ништо»! всѣ кричатъ: «скотинѣ по-дѣломъ! Съ его ль умомъ за это дѣло браться?»

А я скажу не съ тѣмъ, чтобъ за Осла вступаться: онъ, точно, виноватъ (съ нимъ сдѣланъ и расчетъ), но, кажется, не правъ и тотъ, кто поручилъ Ослу стеречь свой огородъ.

ВОЛКЪ И ЖУРАВЛЬ.

Что волки жадны, всякій знаетъ; волкъ, ѣвши, никогда костей не разбираетъ. За то на одного изъ нихъ пришла бѣда: онъ костью чуть не подавился. Не можетъ волкъ ни охнуть, ни вздохнуть, пришло хоть ноги протянуть. По счастью близко тутъ журавль случился. Вотъ кой-какъ знаками сталъ волкъ его манить, и проситъ горю пособить. Журавль свой носъ по шею засунулъ волку въ пасть, и съ трудностью большою кость вытащилъ, и сталъ за трудъ просить.

— «Ты шутишь!» звѣрь вскричалъ коварный: «тебѣ за трудъ? Ахъ, ты неблагодарный! А это ничего, что свой ты долгій носъ и съ глупой головой изъ горла цѣлъ унесъ! Поди жъ, пріятель, убирайся, да берегись: впередъ ты мнѣ не попадайся!

ЛИСИЦА И ОСЕЛЪ.

«Отколѣ умная бредешь ты голова?» лисица, встрѣтяся съ осломъ, его спросила.

— «Сейчасъ лишь ото льва! Ну, кумушка, куда его дѣвалась сила. Бывало, зарычитъ, такъ стонетъ лѣсъ кругомъ, и я безъ памяти бѣгомъ, куда глаза глядятъ, отъ этого урода; а нынѣ въ старости и дряхлъ и хилъ, совсѣмъ безъ силъ, валяется въ пещерѣ, какъ колода. Повѣришь ли, въ звѣряхъ пропалъ къ нему весь прежній страхъ: и поплатился онъ старинными долгами! Кто мимо льва ни шелъ, всякъ вымещалъ ему по своему: кто зубомъ, кто рогами...»

— «Но ты, конечно, коснуться льва ужъ не дерзнулъ!» лиса осла перерываетъ.

— «Вотъ-на!» оселъ ей отвѣчаетъ; «а мнѣ чего робѣть! И я его лягнулъ: пускай ослиныя копыты знаетъ!»

КРЕСТЬЯНИНЪ И ОВЦА.

Крестьянинъ позвалъ въ судъ овцу: онъ уголовное взвелъ на бѣдняжку дѣло. Судья—лиса: оно въ минуту закипѣло. Запросъ отвѣтчику, запросъ истцу, чтобъ разсказать по пунктамъ и безъ крика: какъ было дѣло? въ чемъ улика? Крестьянинъ говоритъ: «Такого-то числа, по утру, у меня двухъ куръ не досчитались; отъ нихъ лишь косточки да перышки остались; а на дворѣ одна овца была.» Овца же говоритъ: она всю

ночь спала, и всѣхъ сосѣдей въ томъ въ свидѣтели звала, что никогда за ней не знали никакого ни воровства, ни плутовства; а сверхъ того она совсѣмъ не ѣстъ мяснаго.

И приговоръ лисы вотъ отъ слова до слова: «не принимать никакъ резоновъ отъ овцы; понеже хоронить концы всѣ плуты, вѣдомо, искусны. По справкѣ жъ явствуетъ, что въ сказанную ночь—овца отъ куръ не отлучалась прочь, а куры очень вкусны, и случай былъ удобенъ ей; то я сужу по совѣсти моей: нельзя, чтобъ утерпѣла и куръ она не съѣла; и въ слѣдствіе того казнить овцу, и мясо въ судъ отдать, а шкуру взять истцу.»

ОСЕЛЪ.

Былъ у крестьянина оселъ, и такъ себя, казалось, смирно велъ, что мужику нельзя имъ было нахвалиться; а чтобы онъ въ лѣсу пропасть не могъ—на шею прицѣпилъ мужикъ ему звонокъ. Надулся мой оселъ: сталъ важничать, гордиться (про ордена, конечно, онъ слыхалъ), и думаетъ, теперь большой онъ баринъ сталъ; но вышелъ новый чинъ ослу, бѣдняжкѣ, сокомъ (то можетъ не однимъ осламъ служить урокомъ). Сказать вамъ должно напередъ: въ ослѣ немного чести было, но до звонка ему все счастливо сходило: зайдетъ ли въ рожь, въ овесъ, иль въ огородъ,—наѣстся до́-сыта, а выйдетъ тихомолкомъ Теперь пошло инымъ все толкомъ: куда ни сунется мой знатный господинъ, безъ-умолку звенитъ на шеѣ новый чинъ. Глядитъ; хозяинъ, взявъ дубину, гоняетъ то со ржи, то съ грядъ, мою скотину; а тамъ, сосѣдъ, въ овсѣ услыша звукъ звонка, ослу коломъ ворочаетъ бока. Ну, такъ, что бѣдный нашъ вельможа до осени зачахъ, и кости у осла остались лишь, да кожа.

И у людей въ чинахъ, съ плутами та жъ бѣда. Пока чинъ малъ и бѣденъ, то плутъ не такъ еще примѣтенъ; но важный чинъ на плутѣ, какъ звонокъ: звукъ отъ него и громокъ, и далекъ.

ПАСТУХЪ.

У Саввы, пастуха (онъ барскихъ пасъ овецъ), вдругъ убывать овечки стали. Нашъ молодецъ, въ кручинѣ и печали, всѣмъ плачется и распускаетъ толкъ, что страшный показался волкъ, что началъ онъ овецъ таскать изъ стада и безпощадно ихъ дерётъ.

— «И не диковина, твердитъ народъ: «какая отъ волковъ овцамъ пощада!»

Вотъ волка стали стеречи. Но отъ чего же у Саввушки въ печи то щи съ бараниной, то бокъ бараній съ кашей? (изъ поваренковъ, за грѣхи въ деревню онъ былъ сосланъ въ пастухи,—такъ кухня у него немного схожа съ нашей). За волкомъ поиски. Клянетъ его весь свѣтъ; обшарили весь лѣсъ—а волка слѣду нѣтъ.

Друзья! пустой нашъ трудъ: на волка только слава—а ѣстъ овецъ-то Савва.

ВОЛКИ И ОВЦЫ.

Овечкамъ отъ волковъ совсѣмъ житья не стало, и до того, что, наконецъ, правительство звѣрей благія мѣры взяло, вступиться въ спасенье овецъ,—и учрежденъ совѣтъ на сей конецъ. Большая часть въ немъ, правда, были волки, но не о всѣхъ волкахъ вѣдь злые толки. Видали и такихъ волковъ, и многократъ,—примѣры эти не забыты,—которые ходили близко стадъ смирнехонько-когда бывали сыты. Такъ почему жъ волкамъ въ совѣтѣ и не быть? Хоть надобно овецъ оборонить, но и волковъ не вовсе жъ притѣснить. Вотъ засѣданіе въ глухомъ лѣсу открыли; судили, думали, рядили и, наконецъ, придумали законъ. Вотъ вамъ отъ слова въ слово онъ:

«Какъ-скоро волкъ у стада забуянитъ, и обижать онъ овцу станетъ: то волка

тутъ властна овца, не разбираючи лица, схватить за шиворотъ, и въ судъ тотчасъ представить, въ сосѣдній лѣсъ иль боръ.»

Въ законѣ нечего прибавить, ни убавить. Да только я видалъ: до этихъ поръ—хоть говорятъ: волкамъ и неспускаютъ—что будь овца отвѣтчикъ иль истецъ: а только волки все-таки овецъ въ лѣса таскаютъ.

КУКУШКА И ПѢТУХЪ.

«Какъ, милый пѣтушокъ, поешь ты громко важно!» «А ты, кукушечка, мой свѣтъ, какъ тянешь плавно и протяжно: во всемъ лѣсу у насъ такой пѣвицы нѣтъ!»

«Тебя, мой куманёкъ, вѣкъ слушать я готова.»

— «А ты, красавица, божусь, лишь только замолчишь, то жду я, не дождусь, чтобъ начала ты снова... Отколь такой берется голосокъ? И чистъ, и нѣженъ, и высокъ!... Да вы ужъ родомъ такъ: собою невелички, а пѣсни, что твой соловей!»

«Спасибо, кумъ, за то, по совѣсти моей, поешь ты лучше райской птички. На всѣхъ ссылаюсь въ этомъ я». Тутъ воробей, случась, примолвилъ имъ: «Друзья! хоть вы охрипните, хваля другъ дружку, все ваша музыка плоха!...»

За что же, не боясь грѣха, кукушка хвалитъ пѣтуха? за то, что хвалитъ онъ кукушку.

XXXII. ПУШКИНЪ.

1799 – 1837.

Возрожденіе (1819).

Художникъ-варваръ кистью сонной
Картину генія чернитъ
И свой рисунокъ беззаконный
Надъ ней безсмысленно чертитъ.
Но краски чуждыя, съ лѣтами,
Спадаютъ ветхой чешуей;
Созданье генія предъ нами
Выходитъ съ прежней красотой.
Такъ исчезаютъ заблужденья
Съ измученной души моей,
И возникаютъ въ ней видѣнья
Первоначальныхъ, чистыхъ дней.—

Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда (1820).

Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда.
Звѣзда печальная, вечерняя звѣзда!
Твой лучъ осеребрилъ увядшія равнины,
И дремлющій заливъ, и черныхъ скалъ вершины,
Люблю твой слабый свѣтъ въ небесной вышинѣ,
Онъ думы разбудилъ уснувшія во мнѣ.
Я помню твой восходъ, знакомое свѣтило,
Надъ мирною страной, гдѣ все для сердца мило,
Гдѣ стройны тополи въ долинахъ вознеслись,
Гдѣ дремлетъ нѣжный миртъ и темный кипарисъ,
И сладостью шумятъ полуденныя волны.
Такъ нѣкогда въ горахъ, сердечной думы полный,
Надъ моремъ я влачилъ задумчивую лѣнь....

Муза (1821).

Въ младенчествѣ моемъ она меня любила,
И семиствольную цѣвницу мнѣ вручила;
Она внимала мнѣ съ улыбкой, и слегка
По звонкимъ скважинамъ пустого тростника
Уже наигрывалъ я слабыми перстами
И гимны важные, внушенные богами,
И пѣсни мирныя Фригійскихъ пастуховъ.
Съ утра до вечера, въ нѣмой тѣни дубовъ
Прилежно я внималъ урокамъ дѣвы тайной;
И, радуя меня наградою случайной,
Откинувъ локоны отъ милаго чела,
Сама изъ рукъ моихъ свирѣль она брала:
Тростникъ былъ оживленъ божественнымъ дыханьемъ,

И сердце наполнялъ святымъ очарованьемъ.

Цыгане (1824).

Въ Бессарабіи кочевалъ цыганскій таборъ. Въ одну прекрасную ночь, когда уже всѣ спали, старый цыганъ сидѣлъ у огня и ждалъ свою дочь Земфиру. Наконецъ она явилась и привела съ собой странника Алеко, бѣжавшаго отъ преслѣдованія закона. Алеко захотѣлъ остаться между цыганами. На другой день всѣ отправились на новое кочевье.

Уныло юноша глядѣлъ
На опустѣлую равнину,
И грусти тайную причину
Истолковать себѣ не смѣлъ.
Съ нимъ черноокая Земфира.
Теперь онъ вольный житель міра,
И солнце весело надъ нимъ
Полуденной красою блещетъ;
Чтожъ сердце юноши трепещетъ,
Какой заботой онъ томимъ?
Птичка Божія не знаетъ
Ни заботы, ни труда;
Хлопотливо не свиваетъ
Долговѣчнаго гнѣзда,
Въ долгу ночь на вѣткѣ дремлетъ,
Солнце красное взойдетъ—
Птичка гласу Бога внемлетъ,
Встрепенется и поетъ.
За весной, красой природы,
Лѣто знойное пройдетъ—
И туманъ, и непогоды
Осень поздняя несетъ:
Людямъ скучно, людямъ горе—
Птичка—въ дальнія страны,
Въ теплый край за сине море.
Улетаетъ до весны.
Подобно птичкѣ беззаботной,
И онъ, изгнанникъ перелетный,
Гнѣзда надежнаго не зналъ
И ни къ чему не привыкалъ.
Ему вездѣ была дорога,
Вездѣ была ночлега сѣнь;
Проснувшись поутру, свой день
Онъ отдавалъ на волю Бога,
И жизни не могла тревога
Смутить его сердечну лѣнь.
Его порой волшебной славы
Манила дальная звѣзда,
Нежданно роскошь и забавы
Къ нему являлись иногда;
Надъ одинокой головою
И громъ нерѣдко грохоталъ;
Но онъ безпечно подъ грозою,
И въ вѣдро ясное дремалъ,
И жилъ, не признавая власти
Судьбы коварной и слѣпой;
Но, Боже, какъ играли страсти
Его послушною душой!
Съ какимъ волненіемъ кипѣли
Въ его измученной груди!
Давно ль, на долго ль усмирѣли?
Онѣ проснутся, погоди.

Земфира. Скажи, мой другъ, ты не жалѣешь
О томъ, что бросилъ навсегда?
Алеко. Чтожъ бросилъ я?
Земфира. Ты разумѣешь:
Людей отчизны, города.
Алеко. О чемъ жалѣть? Когда бъ ты знала,
Когда бы ты воображала
Неволю душныхъ городовъ!
Тамъ люди въ кучахъ, за оградой
Не дышатъ утренней прохладой,
Ни вешнимъ запахомъ луговъ;
Любви стыдятся, мысли гонятъ,
Торгуютъ волею своей,
Главы предъ идолами клонятъ
И просятъ денегъ да цѣпей.
Что бросилъ я? Измѣнъ волненье,
Предразсужденій приговоръ,
Толпы безумное гоненье
Или блистательный позоръ.
Земфира. Но тамъ огромныя палаты,
Тамъ разноцвѣтные ковры,
Тамъ игры, шумные пиры,
Уборы дѣвъ тамъ такъ богаты!
Алеко. Что шумъ веселій городскихъ—
Гдѣ нѣтъ любви, тамъ нѣтъ веселій;
А дѣвы.... Какъ ты лучше ихъ
И безъ нарядовъ дорогихъ,
Безъ жемчуговъ, безъ ожерелій!
Не измѣнись, мой нѣжный другъ!
А я.... одно мое желанье—
Съ тобой дѣлить любовь, досугъ,
И добровольное изгнанье.

Старикъ. Ты любишь насъ, хоть и рожденъ
Среди богатаго народа,
Но не всегда мила свобода
Тому, кто къ нѣгѣ пріученъ.
Межъ нами есть одно преданье:
Царемъ когда то сосланъ былъ
Полудня житель къ намъ въ изгнанье.
(Я прежде зналъ, но позабылъ
Ему мудреное прозванье.)
Онъ былъ уже лѣтами старъ,
Но младъ и живъ душой незлобной;
Имѣлъ онъ пѣсень дивный даръ
И голосъ, шуму водъ подобной.
И полюбили всѣ его,
И жилъ онъ на брегахъ Дуная,
Не обижая никого,
Людей разсказами плѣняя.
Не разумѣлъ онъ ничего,
И слабъ, и робокъ былъ, какъ дѣти;
Чужіе люди за него
Звѣрей и рыбъ ловили въ сѣти.
Какъ мерзла быстрая рѣка,
И зимніе вихри бушевали—
Пушистой кожей покрывали
Они святаго старика;
Но онъ къ заботамъ жизни бѣдной
Привыкнуть никогда не могъ;
Скитался онъ изсохшій, блѣдный.
Онъ говорилъ, что гнѣвный Богъ
Его каралъ за преступленье;
Онъ ждалъ: прійдетъ ли избавленье,
И все несчастный тосковалъ,
Бродя по берегамъ Дуная,
Да горьки слезы проливалъ,
Свой дальній градъ воспоминая.
И завѣщалъ онъ, умирая,
Чтобы на югъ перенесли
Его тоскующія кости,
И смертью чуждой сей земли
Не успокоенные гости.
Алеко. Такъ вотъ судьба твоихъ сыновъ,
О Римъ, о громкая держава!
Пѣвецъ любви, пѣвецъ боговъ,
Скажи мнѣ, что такое слава?
Могильный гулъ, хвалебный гласъ,
Изъ рода въ роды звукъ бѣгущій,
Или подъ сѣнью дымной кущи
Цыгана дикаго разсказъ?

Алеко привыкъ къ новой жизни и охотно раздѣлялъ труды и радости цыганъ; наконецъ спокойствіе его души было нарушено подозрѣніемъ, что Земфира его не любитъ. Ревность въ немъ усилилась до того, что сны его сдѣлались тревожны. Старый цыганъ хотѣлъ его успокоить

Старикъ. О чемъ, безумецъ молодой,
О чемъ вздыхаешь ты всечасно?
Здѣсь люди вольны, небо ясно,
И жены славятся красой.
Не плачь, тоска тебя погубитъ.
Алеко. Отецъ! она меня не любитъ.
Старикъ. Утѣшься, другъ, она дитя.
Твое унынье безразсудно:
Ты любишь горестно и трудно,
А сердце женское шутя.
Взгляни: подъ отдаленнымъ сводомъ
Гуляетъ вольная луна,
На всю природу мимоходомъ
Равно сіянье льетъ она;
Заглянетъ въ облако любое,
Его такъ пышно озаритъ,
И вотъ ужъ перешла въ другое,
И то недолго посѣтитъ.
Кто мѣсто въ небѣ ей укажетъ,
Примолвя: тамъ остановись!
Кто сердцу юной дѣвы скажетъ:
Люби одно, не измѣнись!
Утѣшься! ..
Алеко. Какъ она любила!
Какъ нѣжно приклонясь ко мнѣ,
Она въ пустынной тишинѣ
Часы ночные проводила!
Веселья дѣтскаго полна,
Какъ часто милымъ лепетаньемъ,
Иль упоительнымъ лобзаньемъ
Мою задумчивость она
Въ минуту разогнать умѣла!
И что жъ? Земфира невѣрна!
Моя Земфира охладѣла.
Старикъ. Послушай, разскажу тебѣ
Я повѣсть о самомъ себѣ.
Давно, давно, когда Дунаю
Не угрожалъ еще Москаль,
(Вотъ видишь, я припоминаю,
Алеко, старую печаль)—
Тогда боялись мы Султана,
А правилъ буджакамъ Паша
Съ высокихъ башенъ Акермана.
Я молодъ былъ, моя душа

Въ то время радостно кипѣла,
И ни одна въ кудряхъ моихъ
Еще сѣдинка не бѣлѣла.
Между красавицъ молодыхъ
Одна была.... и долго ею
Какъ солнцемъ любовался я,
И наконецъ назвалъ моею.
Ахъ, быстро молодость моя
Звѣздой падучею мелькнула!
Но ты, пора любви минула
Еще быстрѣе! только годъ
Меня любила Маріула.
Однажды, близь Кагульскихъ водъ
Мы чуждый таборъ повстрѣчали:
Цыгане тѣ, свои шатры
Разбивъ близь нашихъ, у горы,
Двѣ ночи вмѣстѣ ночевали.
Они ушли на третью ночь,
И, брося маленькую дочь,
Ушла за ними Маріула.
Я мирно спалъ; заря блеснула,
Проснулся я—подруги нѣтъ!
Ищу, зову—пропалъ и слѣдъ.
Тоскуя, плакала Земфира,
И я заплакалъ!... Съ этихъ поръ
Постыли мнѣ всѣ дѣвы міра;
Межъ ими никогда мой взоръ
Не выбиралъ себѣ подруги;
И одинокіе досуги
Уже ни съ кѣмъ я не дѣлилъ.
Алеко. Да какъ же ты не поспѣшилъ
Тотчасъ во слѣдъ неблагодарной,
И хищнику, и ей коварной,
Кинжала въ сердце не вонзилъ?
Старикъ. Къ чему? Вольнѣе птицы младость;
Кто въ силахъ удержать любовь?
Чредою всѣмъ дается радость:
Что было, то не будетъ вновь!
Алеко. Я не таковъ. Нѣтъ, я, не споря,
Отъ правъ моихъ не откажусь;
Или хоть мщеньемъ наслажусь.
О, нѣтъ! когда бъ надъ бездной моря
Нашелъ я спящаго врага,
Клянусь, и тутъ моя нога
Не пощадила бы злодѣя:
Я въ волны моря, не блѣднѣя,
И беззащитнаго бъ толкнулъ;
Внезапный ужасъ пробужденья
Свирѣпымъ смѣхомъ упрекнулъ;
И долго мнѣ его паденья
Смѣшонъ и сладокъ былъ бы гулъ.

Подозрѣнія Алеко оправдались, и онъ, въ пылу ревности, убилъ и Земфиру и того цыгана, котораго она тайно любила. Послѣ такого поступка Алеко не могъ уже болѣе оставаться съ цыганами и былъ покинутъ въ степи, когда семейство стараго цыгана, вмѣстѣ съ таборомъ, снова пошло странствовать.

Борисъ Годуновъ (1825).

КРЕМЛЕВСКІЯ ПАЛАТЫ.

1598 г. 29 февраля.

Князь Шуйскій и Воротынскій.

Воротынскій. Наряжены мы вмѣстѣ городъ вѣдать,
Но, кажется, намъ не за кѣмъ смотрѣть:
Москва пуста; во слѣдъ за Патріархомъ
Къ монастырю пошелъ и весь народъ.
Какъ думаешь, чѣмъ кончится тревога?
Шуйскій. Чѣмъ кончится? узнать не мудрено:
Народъ еще повоетъ, да поплачетъ,
Борисъ еще поморщится немного,
Что пьяница предъ чаркою вина,
И наконецъ по милости своей
Принять вѣнецъ смиренно согласится,
А тамъ—а тамъ онъ будетъ нами править
По прежнему.
Воротынскій. Но мѣсяцъ ужъ протекъ,
Какъ затворясь въ монастырѣ съ сестрою,
Онъ, кажется, покинулъ все мірское.
Ни Патріархъ, ни Думные Бояре
Склонить его доселѣ не могли;
Не внемлетъ онъ ни слезнымъ увѣщаньямъ,
Ни ихъ мольбамъ, ни воплю всей Москвы,
Ни голосу Великаго Собора.
Его сестру напрасно умоляли
Благословить Бориса на державу;
Печальная монахиня-Царица,
Какъ онъ, тверда какъ онъ, неумолима:
Знать самъ Борисъ сей духъ въ нее вселилъ.
Что ежели Правитель въ самомъ дѣлѣ

Державными заботами наскучилъ
И на престолъ безвластный не взойдетъ?
Что скажешь ты?
Шуйскій. Скажу, что понапрасну
Лилася кровь Царевича—младенца;
Что если такъ, Димитрій могъ бы жить
Воротынскій. Ужасное злодѣйство! Полно, точно ль
Царевича сгубилъ Борисъ?
Шуйскій. А кто же?
Кто подкупалъ напрасно Чепчугова?
Кто подослалъ обоихъ Битяговскихъ
Съ Качаловымъ? Я въ Угличь посланъ былъ
Изслѣдовать на мѣстѣ это дѣло.
Наѣхалъ я на свѣжіе слѣды;
Весь городъ былъ свидѣтель злодѣянья;
Всѣ граждане согласно показали:
И, возвратясь, я могъ единымъ словомъ
Изобличить сокрытаго злодѣя.
Воротынскій. Зачѣмъ же ты его не уничтожилъ?
Шуйскій. Онъ, признаюсь, тогда меня смутилъ
Спокойствіемъ, безстыдностью нежданой;
Онъ мнѣ въ глаза смотрѣлъ какъ будто правый,
Разспрашивалъ, въ подробности входилъ—
И передъ нимъ я повторилъ нелѣпость,
Которую мнѣ самъ онъ нашепталъ.
Воротынскій. Нечисто, князь.
Шуйскій. А что мнѣ было дѣлать?
Все объявить Өеодору? Но Царь
На все глядѣлъ очами Годунова,
Всему внималъ ушами Годунова:
Пускай его бъ увѣрилъ я во всемъ;
Борисъ тотчасъ его бы разувѣрилъ,
А тамъ меня жъ сослали бъ въ заточенье,
Да въ добрый часъ, какъ дядю моего,
Въ глухой тюрьмѣ тихонько бъ задавили,
Не хвастаюсь, а въ случаѣ, конечно,
Никая казнь меня не устрашитъ;
Я самъ не трусъ, но также не глупецъ,
И въ петлю лѣзть не соглашуся даромъ.
Воротынскій. Ужасное злодѣйство! Слушай, вѣрно
Губителя раскаянье тревожитъ:
Конечно, кровь невиннаго младенца
Ему ступить мѣшаетъ на престолъ.
Шуйскій. Перешагнетъ; Борисъ не такъ-то робокъ!
Какая честь для насъ, для всей Руси!
Вчерашній рабъ, Татаринъ, зять Малюты,
Зять палача и самъ въ душѣ палачъ,
Возметъ вѣнецъ и бармы Монамаха....
Воротынскій. Такъ родомъ онъ не знатенъ, мы знатнѣе.
Шуйскій. Да кажется.
Воротынскій. Вѣдь Шуйскій, Воротынскій....
Легко сказать, природные князья.
Шуйскій. Природные, и Рюриковой крови.
Воротынскій. А слушай, князь, вѣдь мы бъ имѣли право
Наслѣдовать Өеодору.
Шуйскій. Да, болѣ
Чѣмъ Годуновъ.
Воротынскій. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ.
Шуйскій. Что жъ?
Когда Борисъ хитрить не перестанетъ,
Давай народъ искусно волновать;
Пускай они оставятъ Годунова;
Своихъ князей у нихъ довольно—пусть
Себѣ въ Цари любова изберутъ.
Воротынскій. Не мало насъ, наслѣдниковъ Варяга,
Да трудно намъ тягаться съ Годуновымъ:
Народъ отвыкъ въ насъ видѣть древнюю отрасль
Воинственныхъ властителей своихъ.
Уже давно лишились мы Удѣловъ,
Давно Царямъ подручниками служимъ,
А онъ умѣлъ и страхомъ, и любовью,
И славою народъ очаровать.
Шуйскій *(глядитъ въ окно.)* Онъ смѣлъ, вотъ все—а мы.... Но полно. Видишь.
Народъ идетъ, разсыпавшись, назадъ—
Пойдемъ скорѣй, узнаемъ: рѣшено ли?

Борисъ остается твердъ въ своемъ отреченіи отъ престола. Тогда, по рѣшенію Думы, Патріархъ и бояре съ крестнымъ ходомъ отправляются въ Новодѣвичій монастырь убѣждать Правителя. Наконецъ онъ соглашается и въ со-

провожденіи Патріарха и бояръ приходитъ въ Кремлевскія Палаты.

КРЕМЛЕВСКІЯ ПАЛАТЫ.

Борисъ, Патріархъ и бояре.

Борисъ. Ты, отче Патріархъ, вы всѣ, Бояре!
Обнажена моя душа предъ вами:
Вы видѣли, что я пріемлю власть
Великую со страхомъ и смиреньемъ.
Столь тяжела обязанность моя!
Наслѣдую могущимъ Іоаннамъ—
Наслѣдую и Ангелу-Царю!...
О праведникъ, о мой отецъ державный!
Воззри съ небесъ на слезы вѣрныхъ слугъ
И ниспошли тому, кого любилъ ты,
Кого ты здѣсь столь дивно возвеличилъ,
Священное на власть благословенье:
Да правлю я во славѣ свой народъ,
Да буду благъ и праведенъ какъ ты.
Отъ васъ я жду содѣйствія, Бояре.
Служите мнѣ, какъ вы ему служили,
Когда труды я ваши раздѣлялъ,
Неизбранный еще народной волей.
Бояре. Не измѣнимъ присягѣ, нами данной.
Борисъ. Теперь пойдемъ, поклонимся гробамъ
Почіющихъ властителей Россіи,
А тамъ—сзывать весь нашъ народъ на пиръ,
Всѣхъ, отъ вельможъ до нищаго слѣпца;
Всѣмъ вольный входъ, всѣ гости дорогіе.
(Уходитъ; за нимъ и Бояре.)
Князь Воротынскій *(останавливая Шуйскаго.)* Ты угадалъ!
Шуйскій. А что?
Воротынскій. Да здѣсь, намедни,
Ты помнишь?
Шуйскій. Нѣтъ, не помню ничего.
Воротынскій. Когда народъ ходилъ въ Дѣвичье поле,
Ты говорилъ—
Шуйскій. Теперь не время помнить;
Совѣтую порой и забывать.
А впрочемъ я злословіемъ притворнымъ
Тогда желалъ тебя лишь испытать;
Вѣрнѣй узнать твой тайный образъ мыслей;
Но вотъ—народъ привѣтствуетъ Царя;
Отсутствіе мое замѣтить могутъ.
Иду за нимъ.
Воротынскій. Лукавый царедворецъ!

Похитителю престола готовится мститель. Въ кельѣ лѣтописца Пимена живетъ послушникъ Григорій Отрепьевъ. Бесѣда ихъ объ обстоятельствахъ смерти Димитрія Царевича даетъ Отрепьеву мысль принять на себя имя убіеннаго. Въ скоромъ времени до Патріарха доходитъ вѣсть о бѣгствѣ Отрепьева.

ПАЛАТЫ ПАТРІАРХА.

Патріархъ, Игуменъ Чудова монастыря.

Патріархъ. И онъ убѣжалъ, отецъ Игуменъ?
Игуменъ. Убѣжалъ, святый владыка; вотъ ужъ тому третій день.
Патріархъ. Пострѣлъ, окаянный! Да какого онъ роду?

Игуменъ. Изъ роду Отрепьевыхъ, Галицкихъ боярскихъ дѣтей; смолоду постригся невѣдомо гдѣ, жилъ въ Суздалѣ, въ Ефимьевскомъ монастырѣ; ушелъ оттуда, шатался по разнымъ обителямъ, наконецъ пришелъ къ моей Чудовской братіи; а я, видя, что онъ еще младъ и неразуменъ, отдалъ его подъ начало отцу Пимену, старцу кроткому и смиренному; и онъ былъ весьма грамотенъ, читалъ наши лѣтописи, сочинялъ каноны святымъ; но знать, грамота ему далася не отъ Господа Бога....

Патріархъ. Ужъ эти мнѣ грамотѣи! Что еще выдумалъ! *Буду Царемъ на Москвѣ*! Ахъ онъ сосудъ діавольскій!. Однако нечего Царю и докладывать объ этомъ; что тревожить отца-Государя! Довольно будетъ объявить о побѣгѣ Дьяку Смирнову, или Дьяку Ефимьеву. Этака ересь: *Буду Царемъ на Москвѣ*!... Поймать, поймать врагоугодника, да и сослать въ Соловецкій на вѣчное покаяніе. Вѣдь это ересь, отецъ игуменъ?

Игуменъ. Ересь, святый Владыка, сущая ересь.

ЦАРСКІЯ ПАЛАТЫ.

Два стольника.

Первый. Гдѣ государь?
Второй. Въ своей опочивальнѣ.
Онъ заперся съ какимъ то колдуномъ.
Первый. Такъ вотъ его любимая бесѣда:
Кудесники, гадатели, колдуньи.
Все ворожитъ, что красная невѣста.
Желалъ бы знать, о чемъ гадаетъ онъ?
Второй. Вотъ онъ идетъ. Угодно ли спросить?
Первый. Какъ онъ угрюмъ!
(уходятъ.)
Царь *(входитъ)*. Достигъ я высшей власти;
Шестой ужъ годъ я царствую спокойно;
Но счастья нѣтъ моей душѣ. Не такъ ли
Мы смолоду влюбляемся и алчемъ
Утѣхъ любви, но только утолимъ
Сердечный гладъ мгновеннымъ обладаньемъ,
Ужъ охладѣвъ скучаемъ и томимся!...
Напрасно мнѣ кудесники сулятъ
Дни долгіе, дни власти безмятежной;
Ни власть, ни жизнь меня не веселятъ;
Предчувствую небесный громъ и горе.
Мнѣ счастья нѣтъ. Я думалъ свой народъ
Въ довольствіи, во славѣ успокоить,
Щедротами любовь его спискать;
Но отложилъ пустое попеченье:
Живая власть для черни ненавистна.
Они любить умѣютъ только мертвыхъ.
Безумны мы, когда народный плескъ,
Иль ярый вопль тревожитъ сердце наше!
Богъ насылалъ на землю нашу гладъ;
Народъ завылъ, въ мученьяхъ погибая;
Я отворилъ имъ житницы; я злато
Разсыпалъ имъ; я имъ сыскалъ работы:
Они жъ меня, бѣснуясь, проклинали!
Пожарный огнь ихъ домы истребилъ;
Я выстроилъ имъ новыя жилища;
Они жъ меня пожаромъ упрекали!
Вотъ черни судъ: ищи жъ ея любви!
Въ семьѣ моей я мнилъ найти отраду,
Я дочь мою мнилъ осчастливить бракомъ!
Какъ буря смерть уноситъ жениха....
И тутъ молва лукаво нарекаетъ
Виновникомъ дочерняго вдовства
Меня, меня несчастнаго отца!...
Кто ни умретъ, я всѣхъ убійца тайный:
Я ускорилъ Ѳеодора кончину,
Я отравилъ свою сестру Царицу,
Монахиню смиренную.... все я!
Ахъ, чувствую: ничто не можетъ насъ
Среди мірскихъ печалей успокоить;
Ничто, ничто... едина развѣ совѣсть;
Такъ, здравая, она восторжествуетъ
Надъ злобою, надъ темной клеветою;
Но если въ ней единое пятно,
Единое случайно завелося,
Тогда бѣда: какъ язвой моровой
Душа горитъ, нальется сердце ядомъ,
Какъ молоткомъ стучитъ въ ушахъ упрекомъ,
И все тошнитъ, и голова кружится,
И мальчики кровавые въ глазахъ...
И радъ бѣжать, да некуда... ужасно!
Да, жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть нечиста!

Содержаніе остальныхъ сценъ драмы. *Сцена 7. Корчма на Литовской границѣ.* Два бѣглые монаха и съ ними Григорій пируютъ. Въ это время приходятъ Царскіе приставы, посланные отыскивать бѣглеца. Они читаютъ вслухъ примѣты Григорія и узнаютъ его между пирующими. Григорій бросается въ окно и убѣгаетъ (стр. 250-268). *Сцена 8. Москва. Домъ Шуйскаго.* Шуйскій, отпустивши гостей, остается съ Пушкинымъ и узнаетъ отъ него о появленіи въ Литвѣ самозванца. Хотя оба нѣсколько сомнѣваются въ вѣрности этого слуха, но желаютъ, чтобы онъ оправдался: въ лицѣ самозванца они видятъ кару Божію Годунову за тѣ обиды, какія онъ нанесъ русскому народу и преимущественно боярамъ. Пушкинъ подробно исчисляетъ эти обиды. Друзья намѣреваются до времени молчать (стр. 268—273). *Сцена 9. Царскія палаты.* Ксенія, дочь Бориса, смотря на портретъ Польскаго Королевича Ивана, жениха ея, горюетъ о его смерти. Ѳеодоръ, сынъ Бориса, разсматриваетъ карту Россіи. Входитъ отецъ, утѣшаетъ дочь и хвалитъ сына за усердіе къ наукамъ, необходимымъ для будущаго государя. Является Семенъ Годуновъ и доноситъ о тайныхъ сношеніяхъ Шуйскаго и Пушкина съ Литвою. Потомъ приходитъ самъ Шуйскій и по уходѣ Ксеніи извѣщаетъ о появленіи Самозванца. Такъ какъ имя Димитрія, которое онъ носитъ,

можетъ расположить въ его пользу весь русскій народъ, поэтому Борисъ долженъ опасаться соперника. Царь допрашиваетъ Шуйскаго, точно ли Димитрій убитъ въ Угличѣ. Шуйскій повторяетъ то, что онъ говорилъ нѣкогда, возвратившись изъ Углича. Оставшись одинъ, Борисъ говоритъ про себя, что тяжкое предчувствіе и страшные сны начинаютъ оправдываться, но онъ намѣренъ смѣло идти на встрѣчу опасности (стр. 274—282). *Сцена 10. Краковъ. Домъ Вишневецкаго.* Самозванецъ, уже въ качествѣ Московскаго царя, принимаетъ разныхъ посѣтителей: Патера Черниковскаго, которому обѣщаетъ содѣйствіе при обращеніи русскаго народа въ Католичество; сына Князя Курбскаго, холопей, бѣжавшихъ изъ Москвы, Донскаго казака, поэта, написавшаго Латинскіе стихи. Всѣхъ Самозванецъ привѣтствуетъ и принимаетъ къ себѣ въ службу (стр. 282—288). *Сцена 11. Домъ воеводы Мнишка въ Самборѣ.* У воеводы балъ. Марина Мнишекъ въ своей уборной одѣвается и слушаетъ свою горничную Рузю, которая, льстя ея красотѣ, обѣщаетъ ей бракъ с Королевичемъ и Московскій тронъ; но въ то же время передаетъ народную молву объ истинномъ происхожденіи ея жениха. Легкое сомнѣніе западаетъ въ сердце Марины, и она намѣрена непремѣнно разузнать истину (стр. 288—291) *Сцена 12. Рядъ освѣщенныхъ комнатъ. Музыка.* Воевода Мнишекъ передаетъ Вишневицкому свою радость, что Самозванецъ увлеченъ Мариною. Марина назначаетъ своему жениху ночное свиданіе у фонтана. Кавалеры и дамы толкуютъ между собою о Самозванцѣ: первые отыскиваютъ недостатки въ его наружности, вторыя отъ него въ восторгѣ (стр. 291—293). *Сцена 13. Ночь. Садъ. Фонтанъ.* Свиданіе Марины съ Самозванцемъ. Марина требуетъ отъ него полной откровенности касательно его происхожденія и плановъ въ будущемъ. Сначала Сам. говоритъ, что отъ полноты любви, онъ ни о чемъ другомъ не думаетъ, но, видя настойчивость Марины, открываетъ ей, что онъ не Димитрій Царевичъ. Марина въ негодованіи. Напрасно Сам. клянется, что эта тайна еще никому неизвѣстна, кромѣ ея, Марины. Видя ея непреклонность, онъ готовъ отъ нея отказаться. Когда же Марина угрожаетъ открыть его тайну, Сам. говоритъ, что это напрасно, потому что ни королю, ни Іезуитамъ не нужно знать, кто онъ таковъ: онъ только орудіе хитрой политики Польскаго короля, желающаго овладѣть Московскимъ престоломъ. Тогда М. примиряется съ Сам. и уговариваетъ его спѣшить походомъ, чтобы не потерять удобнаго времени (294—302.) *Сцена 14. Граница Литовская.* Сам. и сынъ Курбскаго, сопровождаемые польскими войсками, подъѣзжаютъ къ границѣ. Курб. въ восторгѣ отъ того, что возвращается въ отчизну; Сам. грустенъ отъ мысли, что ему придется проливать кровь; въ отечество онъ ведетъ враждебное войско. Но онъ успокоивается сознаніемъ роли мстителя, посланнаго Борису за цареубійство (стр. 303—304) *Сцена 15. Царская дума.* Царь назначаетъ предводителей войска. Опасаясь въ народѣ бунта, спрашиваетъ у членовъ Думы совѣта, какъ поступить. Патріархъ, передавши разсказъ одного старца о томъ, какъ онъ, у мощей Царевича Димитрія, прозрѣлъ, совѣтуетъ Царю перевезти тѣло убіеннаго въ Москву и поставить всенародно въ соборѣ, какъ лучшее обличеніе Самозванцу. Шуйскій отвергаетъ совѣтъ патріарха, потому что онъ можетъ только усилить волненіе; съ своей стороны, князь предлагаетъ явиться къ народу и успокоить его разъясненіемъ подробностей дѣла. Царь соглашается (стр. 304—310). *Сцена 16. Равнина близъ Новгорода-Сѣверскаго.* Происходитъ сраженіе; Русскіе бѣгутъ въ безпорядкѣ (стр. 310—312). *Сцена 17. Площадь предъ соборомъ въ Москвѣ.* Въ то время, какъ въ соборѣ проклинаютъ Гришку Отрепьева, народъ, ожидающій выхода Царя изъ собора, забавляется шутками мальчишекъ надъ юродивымъ. Выходитъ Борисъ. Юродивый жалуется ему на шутки и проситъ зарѣзать ихъ также, какъ Б. зарѣзалъ Димитрія. Царь, въ смущеніи, проситъ юродиваго молиться, но тотъ говоритъ, что его слѣдуетъ проклинать (стр. 312—315). *Сцена 18. Сѣвскъ.* Къ Сам. приводятъ русскаго плѣнника. Онъ разсказываетъ о шпіонствѣ и пыткахъ въ Москвѣ, совершаемыхъ изъ опасенія бунта, говоритъ о томъ, что войско московское многочисленнѣе Польскаго. Самозванецъ задумывается. Окружающіе его Ляхи успокоиваютъ себя тѣмъ, что они за то гораздо храбрѣе русскихъ. Плѣнникъ выражаетъ досаду на ихъ хвастовство (стр. 315—319). *Сцена. 19. Лѣсъ.* У Самозванца раненъ конь. Хозяинъ жалѣетъ о немъ; потомъ освѣдомляется о Курбскомъ и узнаетъ, что онъ погибъ въ сраженіи. Причину неудачи сраженія Сам. видитъ въ измѣнѣ Запорожцевъ и намѣренъ ихъ впослѣдствіи наказать. Между тѣмъ Нѣмцы дѣйствовали противъ него искусно и онъ намѣренъ, когда будетъ царемъ, наградить ихъ. Наступаетъ ночь, и Сам. съ дружиною предаются сну. (стр. 319—322). *Сцена 22. Москва. Царскія палаты.* Борисъ назначаетъ Басманова предводителемъ Московскаго войска. Хотя они предвидятъ, что это распоряженіе не понравится старшимъ боярскимъ родамъ, но въ виду опасности оно необходимо. Оба желаютъ скорѣйшаго уничтоженія мѣстническихъ столкновеній. Въ это время Царя извѣщаютъ о прибытіи иноземныхъ гостей. Царь идетъ къ нимъ. Вдругъ съ нимъ дѣлается ударъ. Его выносятъ на сцену и, по его желанію, къ нему приводятъ Царевича Өеодора и оставляютъ ихъ вдвоемъ. Борисъ даетъ сыну совѣты касательно управленія Государствомъ и потомъ принимаетъ схиму (стр. 322—328). *Сцена 21. Ставка.* Къ Басманову приходитъ Пушкинъ и угова-

риваетъ его перейти на сторону Самозванца, котораго самъ считаетъ истиннымъ Царевичемъ. Басмановъ отказывается, надѣясь на силу Московскаго войска. Пушкинъ соглашается съ нимъ и въ подтвержденіе его словъ описываетъ неустройство Польскаго войска, но за то, по его мнѣнію, Сам. силенъ сочувствіемъ къ нему народа русскаго Басм. колеблется. (стр. 328—331). *Сцена 22. Лобное мѣсто*. Пушкинъ объявляетъ народу о восшествіи Димитрія на престолъ и предлагаетъ отправить къ нему посольство съ поздравленіемъ. Принимая предложеніе, народъ въ то же время собирается идти убить Борисова сына (стр. 331—333). *Сцена 23. Кремль. Домъ Борисовъ. Стража у крыльца.* Ѳеодоръ и Ксенія подъ домашнимъ арестомъ. Къ нимъ приходятъ бояре. Чрезъ нѣсколько времени они выходятъ оттуда и объявляютъ народу, что Царевичъ и Царевна отравились ядомъ. Бояре требуютъ, чтобы народъ привѣтствовалъ царя Димитрія Іоанновича. Народъ безмолвствуетъ (стр. 333—335).

Стансы (1826).

Въ надеждѣ славы и добра
Гляжу впередъ я безъ боязни:
Начало славныхъ дней Петра
Мрачили мятежи и казни.
Но правдой онъ привлекъ сердца,
Но нравы укротилъ наукой,
И былъ отъ буйнаго стрѣльца
Предъ нимъ отличенъ Долгорукій.
Самодержавною рукою
Онъ смѣло сѣялъ просвѣщенье,
Не презиралъ страны родной:
Онъ зналъ ея предназначенье.
То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ.

Поэтъ (1827).

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ;
Молчитъ его святая лира,
Душа вкушаетъ хладный сонъ,
И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ.
Но лишь божественный глаголъ
До слуха чуткаго коснется,
Душа поэта встрепенется,
Какъ пробудившійся орелъ.
Тоскуетъ онъ въ забавахъ міра,
Людской чуждается молвы;
Къ ногамъ народнаго кумира
Не клонитъ гордой головы;
Бѣжитъ онъ, дикій и суровый,
И звуковъ и смятенья полнъ,
На берега пустынныхъ волнъ,
Въ широкошумныя дубровы.....

Чернь (1828).

Procul este, profani.

Поэтъ по лирѣ вдохновенной
Рукой разсѣянной бряцалъ.
Онъ пѣлъ—а хладной и надмѣнной,
Кругомъ народъ не посвященный,
Ему безсмысленно внималъ.
И толковала чернь тупая:
Зачѣмъ такъ звучно онъ поетъ?
Напрасно ухо поражая,
Къ какой онъ цѣли насъ ведетъ?
О чемъ бренчитъ? чему насъ учитъ?
Зачѣмъ сердца волнуетъ, мучитъ,
Какъ своенравный чародѣй?
Какъ вѣтеръ пѣснь его свободна,
За то какъ вѣтеръ и безплодна,
Какая польза намъ отъ ней?
Поэтъ. Молчи безсмысленный народъ,
Поденщикъ, рабъ нужды, заботъ!
Несносенъ мнѣ твой ропотъ дерзкій.
Ты червь земли, не сынъ небесъ;
Тебѣ бы пользы все—на вѣсъ
Кумиръ ты цѣнишь Бельведерскій.
Ты пользы, пользы въ немъ не зришь.
Но мраморъ сей вѣдь Богъ!... Такъ что же?
Печной горшокъ тебѣ дороже:
Ты пищу въ немъ себѣ варишь.
Чернь. Нѣтъ, если ты небесъ избранникъ,
Свой даръ, божественный посланникъ,
Во благо намъ употребляй:
Сердца собратьевъ исправляй.
Мы малодушны, мы коварны,
Безстыдны, злы, неблагодарны;
Мы сердцемъ хладные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы;

Гнѣздятся клубомъ въ насъ пороки:
Ты можешь, ближняго любя,
Давать намъ смѣлые уроки,
А мы послушаемъ тебя.
Поэтъ. Подите прочь—какое дѣло
Поэту мирному до васъ?
Въ развратѣ каменѣйте смѣло:
Не оживитъ васъ лиры гласъ:
Душѣ противны вы, какъ гробы.
Для вашей глупости и злобы
Имѣли вы до сей поры
Бичи, темницы, топоры;
Довольно съ васъ, рабовъ безумныхъ!
Во градахъ вашихъ съ улицъ шумныхъ
Сметаютъ соръ—полезный трудъ!—
Но, позабывъ свое служенье,
Алтарь и жертвоприношенье,
Жрецы ль у васъ метлу берутъ?
Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

Вельможѣ (1830).

(Посланіе къ Князю В. Н. Юсупову въ Архангельское).

Отъ сѣверныхъ оковъ освобождая міръ,
Лишь только на поля, струясь, дохнетъ зефиръ,
Лишь только первая позеленѣетъ липа,
Къ тебѣ, привѣтливый потомокъ Аристипа,
Къ тебѣ явлюся я, увижу сей дворецъ,
Гдѣ циркуль зодчаго, палитра и рѣзецъ
Ученой прихоти твоей повиновались
И вдохновенные въ волшебствѣ состязались.
Ты понялъ жизни цѣль! Счастливый человѣкъ,
Для жизни ты живешь. Свой долгій, ясный вѣкъ
Еще ты смолоду умно разнообразилъ,
Искалъ возможнаго, умѣренно проказилъ.
Чредою шли къ тебѣ забавы и чины.
Посланникъ молодой увѣнчанной жены,
Явился ты въ Ферней — и Циникъ посѣдѣлый,
Умовъ и моды вождь пронырливый и смѣлый,
Свое владычество на Сѣверѣ любя,
Могильнымъ голосомъ привѣтствовалъ тебя.
Съ тобой веселости онъ расточалъ избытокъ,
Ты лесть его вкусилъ, земныхъ боговъ напитокъ.
Съ Фернеемъ распростясь, увидѣлъ ты Версаль.
Пророческихъ очей не простирая вдаль,
Тамъ ликовало все. Армида молодая,
Къ веселью, роскоши знакъ первый подавая,
Не вѣдая, чему судьбой обречена,
Рѣзвилась, вѣтрянымъ дворомъ окружена.
Ты помнишь Тріанонъ и шумныя забавы?
Но ты не изнемогъ отъ сладкой ихъ отравы;
Ученье дѣлалось на время твой кумиръ:
Уединялся ты. За твой суровый пиръ
То чтитель Промысла, то скептикъ, то безбожникъ,
Садился Дидеротъ на шаткій свой треножникъ,
Бросалъ парикъ, глаза въ восторгѣ закрывалъ
И проповѣдывалъ. И скромно ты внималъ
За чашей медленной Аѳею иль Деисту,
Какъ любопытный Скиѳъ Аѳинскому Софисту.
Но Лондонъ звалъ твое вниманіе. Твой взоръ
Прилежно разобралъ сей двойственный соборъ:
Здѣсь натискъ пламенный, а тамъ отпоръ суровый,
Пружины смѣлыя гражданственности новой.
Скучая, можетъ быть, надъ Темзою скупой,
Ты думалъ далѣ плыть. Услужливый, живой,
Подобный своему чудесному герою,
Веселый Бомарше блеснулъ передъ тобою.

Онъ угадалъ тебя: въ плѣнительныхъ словахъ
Онъ сталъ разсказывать о ножкахъ, о глазахъ,
О нѣгѣ той страны, гдѣ небо вѣчно ясно;
Гдѣ жизнь лѣнивая проходитъ сладострастно,
Какъ пылкій отрока восторговъ полный сонъ;
Гдѣ жены вечеромъ выходятъ на балконъ,
Глядятъ, и не страшась ревниваго Испанца,
Съ улыбкой слушаютъ и манятъ иностранца.
И ты, восторженный, въ Севиллу полетѣлъ.
Благословенный край, плѣнительный предѣлъ!
Тамъ лавры зыблются, тамъ апельсины зрѣютъ....
О, разскажи жъ ты мнѣ, какъ жены тамъ умѣютъ
Съ любовью набожность умильно сочетать,
Изъ подъ мантильи знакъ условный подавать;
Скажи, какъ падаетъ письмо изъ-за рѣшетки.
Какъ златомъ усыпленъ надзоръ угрюмой тетки;
Скажи, какъ въ двадцать лѣтъ любовникъ подъ окномъ
Трепещетъ и кипитъ, окутанный плащемъ.

Все измѣнилося. Ты видѣлъ вихорь бури,
Паденіе всего, союзъ ума и фурій,
Свободой грозною воздвигнутый законъ,
Подъ гильотиною Версаль и Тріанонъ,
И мрачнымъ ужасомъ смѣненныя забавы.
Преобразился міръ при громахъ новой славы.
Давно Ферней умолкъ. Пріятель твой Вольтеръ,
Превратности судебъ разительный примѣръ,
Не успокоившись и въ гробовомъ жилищѣ,
Донынѣ странствуетъ съ кладбища на кладбище.
Баронъ д'Ольбахъ, Морле, Гальяни, Дидеротъ,
Энциклопедіи скептическій причетъ,
И колкій Бомарше, и твой безносый Касти,
Всѣ, всѣ уже прошли. Ихъ мнѣнья, толки, страсти
Забыты для другихъ. Смотри: вокругъ тебя
Все новое кипитъ, былое истребя.
Свидѣтелями бывъ вчерашняго паденья,
Едва опомнились младыя поколѣнья.
Жестокихъ опытовъ сбирая поздній плодъ,
Они торопятся съ расходомъ свесть приходъ.
Имъ некогда шутить, обѣдать у Темиры,
Иль спорить о стихахъ. Звукъ новой, чудной лиры,
Звукъ лиры Байрона развлечь едва ихъ моіъ.

Одинъ все тотъ же ты. Ступивъ за твой порогъ,
Я вдругъ переношусь во дни Екатерины.
Книгохранилище, кумиры и картины,
И стройные сады свидѣтельствуютъ мнѣ,
Что благосклонствуешь ты Музамъ въ тишинѣ,
Что ими въ праздности ты дышешь благородной.
Я слушаю тебя: твой разговоръ свободной
Исполненъ юности. Вліянье красоты
Ты живо чувствуешь. Съ восторгомъ цѣнишь ты
И блескъ Алябьевой, и прелесть Гончэровой,
Безпечно окружась Корреджіемъ, Кановой,
Ты, не участвуя въ волненіяхъ мірскихъ,
Порой насмѣшливо въ окно глядишь на нихъ

И видишь оборотъ во всемъ кругообразный.
Такъ вихорь дѣлъ забывъ для Музъ и нѣги праздной,
Въ тѣни порфирныхъ бань и мраморныхъ палатъ,
Вельможи Римскіе встрѣчали свой закатъ.
И къ нимъ изъ далека то воинъ, то ораторъ,
То Консулъ молодой, то сумрачный Диктаторъ
Являлись день, другой роскошно отдохнуть,
Вздохнуть о пристани и вновь пуститься въ путь.

Для береговъ отчизны дальной (1830 г.)

Для береговъ отчизны дальной
Ты покидала край чужой;
Въ часъ незабвенный, въ часъ печальный
Я долго плакалъ предъ тобой.
Мои хладѣющія руки
Тебя старались удержать;
Томленья страшнаго разлуки
Мой стонъ молилъ не прерывать.
Но ты отъ горькаго лобзанья
Свои уста оторвала,
Изъ края мрачнаго изгнанья
Ты въ край иной меня звала.
Ты говорила: въ день свиданья
Подъ небомъ вѣчно голубымъ,
Въ тѣни оливъ, любви лобзанья
Мы вновь, мой другъ, соединимъ.
Но тамъ, увы, гдѣ неба своды
Сіяютъ въ блескѣ голубомъ,
Гдѣ подъ скалами дремлютъ воды,
Заснула ты послѣднимъ сномъ.
Твоя краса, твои страданья
Исчезли въ урнѣ гробовой—
Исчезъ и поцѣлуй свиданья....
Но жду его: онъ за тобой!....

Поэту (1830.)

Сонетъ.

Поэтъ, не дорожи любовію народной!
Восторженныхъ похвалъ пройдетъ минутный шумъ,
Услышишь судъ глупца и смѣхъ толпы холодной;
Но ты останься твердъ, спокоенъ и угрюмъ.
Ты царь: живи одинъ. Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
Не требуя наградъ за подвигъ благородный.
Онѣ въ самомъ тебѣ. Ты самъ—свой вышній судъ;
Всѣхъ строже оцѣнить умѣешь ты свой трудъ.
Ты имъ доволенъ ли, взыскательный художникъ?
Доволенъ? Такъ пускай толпа его бранитъ,
И плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ,
И въ дѣтской рѣзвости колеблетъ твой треножникъ.

Евгеній Онѣгинъ (1823—1831).

Содержаніе романа. Онѣгинъ, молодой Петербургскій левъ, наскучивъ свѣтской жизнью, пріѣхалъ скучать въ деревню. Въ него влюбляется Татьяна, молодая, мечтательная дѣвушка, воспитанная въ глуши. Она рѣшается написать къ нему письмо, дышащее наивною страстью (I, II и III. глав.). Онѣгинъ отвѣчаетъ ей на словахъ, что не можетъ ее любить, и что не считаетъ себя созданнымъ для «блаженства семейной жизни.» (IV гл.) Потомъ изъ пустой причины, Онѣгина вызываетъ на дуель женихъ сестры нашей влюбленной героини, Ленскій, и Онѣгинъ убиваетъ его. Смерть Ленскаго надолго разлучаетъ Татьяну съ Онѣгинымъ. (V, VI. гл.) Разочарованная въ своихъ юныхъ мечтахъ, бѣдная дѣвушка склоняется на слезы и мольбы старой своей матери и выходитъ замужъ за генерала, потому что ей все равно, за кого бы ни выйти, если ужъ нельзя было не выходить ни за кого. (VII г.) Онѣгинъ встрѣчаетъ Татьяну въ Петербургѣ и едва узнаетъ ее: такъ перемѣнилась она, такъ мало осталось въ ней сходства между простенькой деревенской дѣвочкой и великолѣпной Петербургской дамой. Въ Онѣгинѣ вспыхиваетъ страсть къ Татьянѣ; онъ пишетъ къ ней письмо, и на этотъ разъ, уже она отвѣчаетъ ему на словахъ, что хотя любитъ его, тѣмъ не менѣе принадлежать ему не можетъ по гордости добродѣтели. (VIII г.) (Соч. Бѣлин. VIII 528).

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

(Съ XIII-й строфы).

Передъ поединкомъ Ленскій нехотѣлъ видѣть Ольгу, но не вытерпѣлъ.

И очутился у сосѣдокъ.
Онъ думалъ Олиньку смутить,
Своимъ пріѣздомъ поразить;
Не тутъ-то было: какъ и прежде,
Навстрѣчу бѣднаго пѣвца
Прыгнула Олинька съ крыльца,
Подобна вѣтреной надеждѣ,
Рѣзва, безпечна, весела,
Ну, точно также, какъ была.

Ея ласковое обращеніе смягчаетъ его сердце; томимый раскаяніемъ, онъ сожалѣетъ о вспышкѣ гнѣва противъ Онѣгина и Ольги на вчерашнемъ балу; опять возвращается онъ къ прежней злобѣ и рѣшается стрѣляться съ Онѣгинымъ. Пушкинъ жалѣетъ, что Татьяна не знаетъ о предполагаемой дуэли, а то она, дорожа Онѣгинымъ, постаралась бы примирить враговъ.

Весь вечеръ Ленскій былъ разсѣянъ,
То молчаливъ, то веселъ вновь;
Но тотъ, кто Музою взлелѣянъ,
Всегда таковъ: нахмуря бровь,
Садился онъ за клавикорды,
И бралъ на нихъ одни аккорды;
То, къ Ольгѣ взоры устремивъ,
Шепталъ: не правда ль? я счастливъ.
Но поздно, время ѣхать. Сжалось
Въ немъ сердце, полное тоской;
Прощаясь съ дѣвой молодой,
Оно какъ будто разрывалось.
Она глядитъ ему въ лицо.
Что съ вами?—Такъ.—И на крыльцо.

Возвратившись домой, Ленскій грустить и мечтаетъ объ Ольгѣ, которая теперь кажется ему еще милѣе. Наконецъ его чувство изливается въ слѣдующихъ стихахъ:

Куда, куда вы удалились
Весны моей златые дни?
Что день грядущій мнѣ готовитъ?
Его мой взоръ напрасно ловитъ,
Въ глубокой мглѣ таится онъ.
Нѣтъ нужды; правъ судьбы законъ.
Паду ли я, стрѣлой пронзенный,
Иль мимо пролетитъ она,
Все благо: бдѣнія и сна
Приходитъ часъ опредѣленный.
Благословенъ и день заботъ,
Благословенъ и тмы приходъ!
Блеснетъ заутра лучъ денницы
И заиграетъ яркій день;
А я, быть можетъ, я гробницы
Сойду въ таинственную сѣнь,
И память юнаго поэта
Поглотитъ медленная Лета,
Забудетъ міръ меня; но ты
Прійдешь ли, дѣва красоты,
Слезу пролить надъ ранней урной
И думать: онъ меня любилъ,
Онъ мнѣ единой посвятилъ
Разсвѣтъ печальный жизни бурной!
Сердечный другъ, желанный другъ,
Прійди, прійди: я твой супругъ!...

Надъ письмомъ Ленскій заснулъ: впрочемъ спалъ очень мало, потому что сосѣдъ уже въ 7 часовъ пріѣхалъ къ нему, чтобы не опоздать. Но оказалось, что и Онѣгинъ проспалъ. Проснувшись поздно, Онѣгинъ скоро собрался и съ Французомъ Гильо и слугою пріѣхалъ на мѣсто поединка.

Опершись на плотину, Ленскій
Давно нетерпѣливо ждалъ;
Межъ тѣмъ, механикъ деревенскій,
Зарѣцкій (секундантъ) жорновъ осуждалъ.
Идетъ Онѣгинъ съ извиненьемъ.
«Но гдѣ же, молвилъ съ изумленьемъ
Зарѣцкій, гдѣ вашъ секундантъ?»
Въ дуэляхъ классикъ и педантъ,
Любилъ методу онъ изъ чувства,
И человѣка растянуть
Онъ позволялъ не какъ нибудь,
Но въ строгихъ правилахъ искуства,
По всѣмъ преданьямъ старины
(Что похвалить мы въ немъ должны).

Онѣгинъ отрекомендовалъ monsieur Guillot. Секунданты отошли въ сторону, за мельницу, а

Враги стоятъ, потупя взоръ.
Враги! Давно ли другъ отъ друга
Ихъ жажда крови отвела?
Давно ль они часы досуга,
Трапезу, мысли и дѣла
Дѣлили дружно? Нынѣ злобно,
Врагамъ наслѣдственнымъ подобно,

Какъ въ страшномъ, непонятномъ снѣ,
Они другъ другу въ тишинѣ
Готовятъ гибель хладнокровно...
Не засмѣяться ль имъ, пока
Не обагрилась ихъ рука,
Не разойтиться ль полюбовно?...
Но дико свѣтская вражда
Боится ложнаго стыда.
  Вотъ пистолеты ужь блеснули.
Гремитъ о шомполъ молотокъ.
Въ граненый стволъ уходятъ пули
И щелкнулъ въ первый разъ курокъ.
Вотъ порохъ струйкой сѣроватой
На полку сыплется. Зубчатый,
Надежно ввинченный кремень
Взведенъ еще. За ближній пень
Становится Гильо смущенный.
Плащи бросаютъ два врага.
Зарѣцкій тридцать два шага
Отмѣрилъ съ точностью отмѣнной,
Друзей развелъ по крайній слѣдъ,
И каждый взялъ свой пистолетъ,
  «Теперь сходитесь». Хладнокровно,
Еще не цѣля, два врага
Походкой твердой, тихо, ровно
Четыре перешли шага,
Четыре смертныя ступени.
Свой пистолетъ тогда Евгеній,
Не преставая наступать,
Сталъ первый тихо подымать.
Вотъ пять шаговъ еще ступили,
И Ленскій, жмуря лѣвый глазъ,
Сталъ также цѣлить—но какъ разъ
Онѣгинъ выстрѣлилъ... Пробили
Часы урочные: поэтъ
Роняетъ молча пистолетъ.
  На грудь кладетъ тихонько руку
И падаетъ. Туманный взоръ
Изображаетъ смерть, не муку:
Такъ медленно по скату горъ,
На солнцѣ искрами блистая,
Спадаетъ глыба снѣговая.
Мгновеннымъ холодомъ облитъ,
Онѣгинъ къ юношѣ спѣшитъ,
Глядитъ, зоветъ его... напрасно:
Его ужъ нѣтъ. Младой пѣвецъ
Нашелъ безвременный конецъ!
Дохнула буря, цвѣтъ прекрасный
Увялъ на утренней зарѣ!
Потухъ огонь на алтарѣ!

  Недвижимъ онъ лежалъ, и страшенъ
Былъ томный миръ его чела.
Подъ грудь онъ былъ на вылетъ ра-
                                                  ненъ;
Дымясь изъ раны кровь текла.
Тому назадъ одно мгновенье,
Въ семъ сердцѣ билось вдохновенье,
Вражда, надежда и любовь,
Играла жизнь, кипѣла кровь:
Теперь, какъ въ домѣ опустѣломъ,
Все въ немъ и тихо, и темно,
Замолкло навсегда оно;
Закрыты ставни, окна мѣломъ
Забѣлены. Хозяйки нѣтъ,
А гдѣ? Богъ вѣсть: пропалъ и слѣдъ!

(XXXIII, XXXIV).

(Въ этихъ двухъ строфахъ поэтъ спрашиваетъ у читателя, что̀ бы чувствовалъ онъ на мѣстѣ Онѣгина, и продолжаетъ такъ:)

Въ тоскѣ сердечныхъ угрызеній,
Рукою стиснувъ пистолетъ,
Глядитъ на Ленскаго Евгеній.
«Ну, чтожъ? убитъ!» рѣшилъ сосѣдъ.
Убитъ!.... симъ страшнымъ воскли-
                                                  цаньемъ
Сраженъ, Онѣгинъ съ содраганьемъ
Отходитъ и людей зоветъ.
Зарѣцкій бережно кладетъ
На сани трупъ оледенѣлый;
Домой везетъ онъ страшный кладъ.
Почуя мертваго, храпятъ
И бьются кони, пѣной бѣлой
Стальныя мочатъ удила,
И полетѣли какъ стрѣла.
  Друзья мои, вамъ жаль поэта:
Во цвѣтѣ радостныхъ надеждъ,
Ихъ не свершивъ еще для свѣта,
Чуть изъ младенческихъ одеждъ—
Увялъ! гдѣ жаркое волненье,
Гдѣ благородное стремленье
И чувствъ, и мыслей молодыхъ,
Высокихъ, нѣжныхъ, удалыхъ?
Гдѣ бурныя любви желанья,
И жажда знаній и труда,
И страхъ порока и стыда,
И вы, завѣтныя мечтанья,
Вы, призракъ жизни неземной,
Вы, сны поэзіи святой!
  Быть можетъ онъ для блага міра,

Иль хоть для славы былъ рожденъ;
Его умолкнувшая лира
Гремучій, непрерывный звонъ
Въ вѣкахъ поднять могла. Поэта
Быть можетъ, на ступеняхъ свѣта
Ждала высокая ступень.
Его страдальческая тѣнь,
Быть можетъ, унесла съ собою
Святую тайну, и для насъ
Погибъ животворящій гласъ,
И за могильною чертою
Къ ней не домчится гимнъ временъ,
Благословенія племенъ.
А можетъ быть и то: поэта
Обыкновенный ждалъ удѣлъ.
Прошли бы юношества лѣта,
Въ немъ пылъ души бы охладѣлъ.
Во многомъ онъ бы измѣнился,
Разстался бъ съ Музою, женился;
Въ деревнѣ носилъ бы стеганый халатъ;
Узналъ бы жизнь на самомъ дѣлѣ,
Подагру бъ въ сорокъ лѣтъ имѣлъ,
Пилъ, ѣлъ, скучалъ, толстѣлъ, хирѣлъ,
И наконецъ въ своей постелѣ
Скончался бъ посреди дѣтей,
Плаксивыхъ бабъ и лекарей.

После дуэли Онѣгинъ выѣхалъ изъ своего помѣстья; Ольга вышла замужъ за улана и уѣхала съ нимъ въ полкъ. Татьяна осталась одна (глава седьмая, строфы I—XIII). Грустно разсталась она съ сестрой и теперь, въ уединеніи, она чаще прежняго вспоминаетъ Онѣгина.

Былъ вечеръ. Небо меркло. Воды
Струились тихо. Жукъ жужжалъ.
Ужъ расходились хороводы,
Ужъ за рѣкой дымясь пылалъ
Огонь рыбачій. Въ полѣ чистомъ,
Луны при свѣтѣ серебристомъ,
Татьяна долго шла одна;
Шла, шла.... и вдругъ передъ собою
Съ холма господскій видитъ домъ,
Селенье, рощу подъ холмомъ
И садъ надъ свѣтлою рѣкою.
Она глядитъ—и сердце въ ней
Забилось чаще и сильнѣй.
Ее сомнѣнія смущаютъ:
«Пойду ль впередъ, пойду ль назадъ?...
Его здѣсь нѣтъ. Меня не знаютъ...
Взгляну на домъ, на этотъ садъ.»
И вотъ съ холма Татьяна сходитъ
Едва дыша: кругомъ обводитъ
Недоумѣнья полный взоръ...
И входитъ на пустынный дворъ.
Къ ней лая кинулись собаки.
На крикъ испуганный ея
Ребятъ дворовая семья
Сбѣжалась шумно. Не безъ драки
Мальчишки разгоняли псовъ,
Взявъ барышню подъ свой покровъ.
«Увидѣть барскій домъ нельзя ли?»
Спросила Таня поскорѣй.
Къ Анисьѣ дѣти побѣжали
У ней ключи взять отъ сѣней.
Анисья тотчасъ къ ней явилась,
И дверь предъ ними отворилась,
И Таня входитъ въ домъ пустой,
Гдѣ жилъ недавно нашъ герой.
Она глядитъ—забытый въ залѣ
Кій на бильярдѣ отдыхалъ;
На смятомъ канапе лежалъ
Манежный хлыстикъ. Таня далѣ;
Старушка ей: «А вотъ каминъ:
Здѣсь баринъ сиживалъ одинъ.
Здѣсь съ нимъ обѣдывалъ зимою
Покойный Ленскій, нашъ сосѣдъ.
Сюда пожалуйте, за мною.
Вотъ это барскій кабинетъ:
Здѣсь почивалъ онъ, кофе кушалъ,
Прикащика доклады слушалъ,
И книжку по утру читалъ...
И старый баринъ здѣсь живалъ.
Со мной, бывало, въ воскресенье,
Здѣсь подъ окномъ, надѣвъ очки,
Играть изволилъ въ дурачки.
Дай Богъ душѣ его спасенье,
А косточкамъ его покой
Въ могилѣ въ мать-землѣ сырой!»
Татьяна взоромъ умиленнымъ
Вокругъ себя на все глядитъ;
И все ей кажется безцѣннымъ,
Все душу томную живитъ
Полумучительной отрадой:
И столъ съ померкшею лампадой,
И груда книгъ, и подъ окномъ
Кровать, покрытая ковромъ,
И видъ въ окно сквозь сумракъ лунной,
И этотъ блѣдный полусвѣтъ,
И Лорда Байрона портретъ,
И столбикъ съ куклою чугунной
Подъ шляпой, съ пасмурнымъ челомъ,

Съ руками сжатыми крестомъ.
Татьяна долго въ кельѣ модной
Какъ очарована стоитъ.
Но поздно. Вѣтеръ всталъ холодной.
Темно въ долинѣ. Роща спитъ
Надъ отуманенной рѣкою;
Луна сокрылась за горою,
И пилигримкѣ молодой
Пора, давно пора домой.
И Таня, скрывъ свое волненье,
Не безъ того, чтобъ не вздохнуть,
Пускается въ обратный путь,
Но прежде проситъ позволенья
Пустынный замокъ навѣщать,
Чтобъ книжки здѣсь одной читать.
Татьяна съ ключницей простилась
За воротами. Черезъ день
Ужъ утромъ рано вновь явилась
Она въ оставленную сѣнь,
И въ молчаливомъ кабинетѣ,
Забывъ на время все на свѣтѣ,
Осталась наконецъ одна,
И долго плакала она.
Потомъ за книги принялася.
Сперва ей было не до нихъ;
Но показался выборъ ихъ
Ей страненъ. Чтенью предалася
Татьяна жадною душой:
И ей открылся міръ иной.
Хотя мы знаемъ, что Евгеній
Издавна чтенье разлюбилъ,
Однако нѣсколько твореній
Онъ изъ опалы исключилъ:
Пѣвца Гяура и Жуана,
Да съ нимъ еще два, три романа,
Въ которыхъ отразился вѣкъ,
И современный человѣкъ
Изображенъ довольно вѣрно
Съ его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданной безмѣрно,
Съ его озлобленнымъ умомъ,
Кипящимъ въ дѣйствіи пустомъ.
Хранили многія страницы
Отмѣтку рѣзкую ногтей:
Глаза внимательной дѣвицы
Устремлены на нихъ живѣй.
Татьяна видитъ съ трепетаньемъ
Какою мыслью, замѣчаньемъ,
Бывалъ Онѣгинъ пораженъ,
Въ чемъ молча соглашался онъ.
На ихъ поляхъ она встрѣчаетъ
Черты его карандаша.
Вездѣ Онѣгина душа
Себя невольно выражаетъ,
То краткимъ словомъ, то крестомъ,
То вопросительнымъ крючкомъ.
И начинаетъ понемногу
Моя Татьяна понимать
Теперь яснѣе, слава Богу,
Того, по комъ она вздыхать
Осуждена судьбою властной:
Чудакъ печальной и опасной,
Созданье ада иль небесъ,
Сей ангелъ, сей надменный бѣсъ,
Что жъ онъ? уже ли подражанье,
Ничтожный призракъ, иль еще
Москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ,
Чужихъ причудъ истолкованье,
Словъ модныхъ полный лексиконъ?...
Ужъ не пародія ли онъ?

Ужель загадку разрѣшила?
Уже ли *слово* найдено?
Часы бѣгутъ: она забыла,
Что дома ждутъ ее давно,
Гдѣ собралися два сосѣда
И гдѣ объ ней идетъ бесѣда.
«Какъ быть? Татьяна не дитя»,
Старушка молвила крехтя,
«Вѣдь Оленька ея моложе;
Пристроить дѣвушку, ей-ей
Пора; а что мнѣ дѣлать съ ней?
Всѣмъ на отрѣзъ одно и тоже:
Нейду. И все грустить она,
Да бродитъ по лѣсамъ одна».

«Не влюблена ль она?—Въ кого же?
Буяновъ сватался—отказъ.
Ивану Пѣтушкову тоже.
Гусаръ Пыхтинъ гостилъ у насъ;
Ужъ какъ онъ Танею прельщался,
Какъ мелкимъ бѣсомъ разсыпался!
Я думала: пойдетъ, авось,
Куда! и снова дѣло врозь».
— Что жъ, матушка, за чѣмъ же стало?
Въ Москву, на ярмарку невѣстъ!
Тамъ, слышно, много праздныхъ мѣстъ.—
«Охъ, мой отецъ, доходу мало».
— Довольно для одной зимы;
Нето ужъ дамъ хоть я взаймы.—

Татьяну въ самомъ дѣлѣ везутъ въ Москву, и она дѣйствительно находитъ себѣ самую приличную партію.

Пиръ Петра Великаго (1835).

Надъ Невою рѣзво вьются
Флаги пестрые судовъ;
Звучно съ лодокъ раздаются
Пѣсни дружныя гребцовъ;
Въ Царскомь домѣ пиръ веселый;
Рѣчь гостей хмѣльна, шумна;
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

Что пируетъ Царь великій
Въ Петербургѣ-городкѣ?
Отъ чего пальба и клики
И эскадра на рѣкѣ?
Озаренъ ли честью новой
Русскій штыкъ иль Русскій флагъ?
Побѣжденъ ли Шведъ суровой,
Мира ль проситъ грозный врагъ?

Иль въ отъятый край у Шведа
Прибылъ Брантовъ утлый ботъ,
И пошелъ на встрѣчу дѣда
Всей семьей нашъ юный флотъ,
И воинственные внуки
Стали въ строй предъ старикомъ,
И раздался въ честь науки
Пѣсень хоръ и пушекъ громъ?

Годовщину ли Полтавы
Торжествуетъ Государь,
День, какъ жизнь своей Державы
Спасъ отъ Карла Русскій Царь?
Родилаль Екатерина?
Имянинница ль Она,
Чудотворца-Исполина
Черноброваая жена?

Нѣтъ, онъ съ подданнымъ мирится;
Виноватому вину
Отпуская, веселится;
Кружку пѣнитъ съ нимъ одну;
И въ чело его цѣлуетъ,
Свѣтелъ сердцемъ и лицомъ;
И прощенье торжествуетъ,
Какъ побѣду надъ врагомъ.

Отъ того-то шумъ и клики
Въ Петербургѣ-городкѣ,
И пальба и громъ музыки,
И эскадра на рѣкѣ.
Отъ того то въ часъ веселой
Чаша Царская полна,
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

Памятникъ (1836).

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворной;
Къ нему не заростетъ народная тропа;
Вознесся выше онъ главою непокорной
Наполеонова столпа.
Нѣтъ! весь я не умру: душа въ завѣтной лирѣ
Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ —
И славенъ буду я, доколь въ подлунномъ мірѣ
Живъ будетъ хоть одинъ піитъ.
Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой,
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ:
И гордый внукъ Славянъ, и Финнъ и нынѣ дикой
Тунгузъ, и другъ степей Калмыкъ.
И долго буду я народу тѣмъ любезенъ,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ,
И милость къ падшимъ призывалъ.
Велѣнью Божію, о Муза, будь послушна!
Обиды не страшись, не требуй и вѣнца;
Хвалу и клевету пріемли равнодушно
И не оспаривай глупца.

XXXIII. ЛЕРМОНТОВЪ.

1814—1841

На смерть Пушкина (1837).

Погибъ поэтъ, невольникъ чести,
Палъ, оклеветанный молвой,
Съ свинцомъ въ груди и съ жаждой мести,
Поникнувъ гордой головой.
Не вынесла душа поэта
Позора мелочныхъ обидъ;

Возсталъ онъ противъ мнѣній свѣта
Одинъ, какъ прежде—и убитъ!
Убитъ!.... къ чему теперь рыданья,
Похвалъ и слезъ ненужный хоръ,
И жалкой лепетъ оправданья?—
Судьбы свершился приговоръ!
Не вы ль сперва такъ долго гнали
Его свободный, чудный даръ
И, для потѣхи, возбуждали
Чуть затаившійся пожаръ....
Что жъ? веселитесь!... Онъ мученій
Послѣднихъ перенесть не могъ.
Угасъ, какъ свѣточъ, дивный геній,
Увялъ торжественный вѣнокъ!....
Его убійца хладнокровно
Навелъ ударъ,—спасенья нѣтъ:
Пустое сердце бьется ровно,
Въ рукѣ не дрогнетъ пистолетъ.
И что за диво?... издалека,
Подобно сотнямъ бѣглецовъ,
На ловлю счастья и чиновъ
Заброшенъ къ намъ по волѣ рока,
Смѣясь, онъ дерзко презиралъ
Земли чужой языкъ и нравы:
Не могъ щадить онъ нашей славы,
Не могъ понять въ сей мигъ кровавый,
На что онъ руку подымалъ!

***

И онъ погибъ и взятъ могилой,
Какъ тотъ пѣвецъ невѣдомый, но милый,
Добыча ревности нѣмой....
Воспѣтый имъ съ такою чудной силой.
Сраженный, какъ и онъ, безжалостной рукой.
Зачѣмъ отъ мирныхъ нѣгъ и дружбы простодушной
Вступилъ онъ въ этотъ свѣтъ, завистливый и душный
Для сердца вольнаго и пламенныхъ страстей?
Зачѣмъ онъ руку далъ клеветникамъ безбожнымъ,
Зачѣмъ повѣрилъ онъ словамъ и ласкамъ ложнымъ—
Онъ, съ юныхъ лѣтъ постигнувшій людей!
И прежній снявъ вѣнокъ, они вѣнецъ терновый,
Увитый лаврами, надѣли на него;
Но иглы тайныя сурово
Язвили славное чело....
Отравлены его послѣднія мгновенья
Коварнымъ шопотомъ безчувственныхъ невѣждъ,
И умеръ онъ съ глубокой жаждой мщенья,
Съ досадой тайною обманутыхъ надеждъ...
Замолкли звуки дивныхъ пѣсенъ,
Не раздаваться имъ опять,
Пріютъ пѣвца угрюмъ и тѣсенъ
И на устахъ его печать!

Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодаго опричника и удалаго купца Калашникова (1837).

Грозный царь Иванъ Васильевичъ пируетъ съ боярами и опричниками. Видя, что одинъ опричникъ сидитъ въ задумчивости, царь спрашиваетъ его о причинѣ ея:

«Да объ чемъ тебѣ, молодцу, кручиниться?
Не истерся ли твой парчевой кафтанъ?
Не измялась ли шапка соболиная?
Не казна ли у тебя поистратилась?
Иль зазубрилась сабля закалёная?
Или конь захромалъ худо-кованный?
Или съ ногъ тебя сбилъ на кулачномъ бою,
На Москвѣ-рѣкѣ сынъ купеческій?»
Отвѣчаетъ такъ Кирибеевичъ,
Покачавъ головою кудрявою:
— Неродилась та рука заколдованная
Ни въ боярскомъ роду, ни въ купеческомъ!
Аргамакъ мой степной ходитъ весело;
Какъ стекло горитъ сабля вострая,
А на праздничный день, твоей милостью,
Мы не хуже другаго нарядимся.
— Какъ я сяду, поѣду на лихомъ конѣ
За Москву-рѣку покатитися,
Кушачкомъ подтянуся шолковымъ,
Заломлю на бочокъ шапку бархатную,
Чернымъ соболемъ отороченную,—
У воротъ стоятъ у тѣсовыхъ
Красны дѣвушки да молодушки,
И любуются, глядя, перешептываясь;

Лишь одна не глядитъ, не любуется,
Полосатой фатой закрывается....
— На святой Руси, нашей матушкѣ,
Не найти, не сыскать такой красавицы:
Ходитъ плавно—будто лебёдушка,
Смотритъ сладко—какъ голубушка,
Молвитъ слово—соловей поетъ.
Горятъ щеки ея румяныя,
Какъ заря на небѣ Божіемъ;
Косы русыя, золотистыя,
Въ ленты яркія заплетенныя,
По плечамъ бѣгутъ, извиваются,
Съ грудью бѣлою цалуются.
Во семьѣ родилась она купеческой,
Прозывается Аленой Дмитревной.
— Какъ увижу ее—и я самъ не свой:
Опускаются руки сильныя,
Помрачаются очи бойкія;
Скучно, грустно мнѣ, православный царь,
Одному по свѣту маяться.
Опостыли мнѣ кони легкіе,
Опостыли наряды парчевые,
И не надо мнѣ золотой казны;
Съ кѣмъ казною своей подѣлюся теперь?
Передъ кѣмъ покажу удальство свое?
Передъ кѣмъ я нарядомъ похвастаюсь?...
Отпусти меня въ степи приволжскія,
На житье на вольное, на казацкое.
Ужъ сложу я тамъ буйную головушку
И сложу на копье бусурманское;
И раздѣлятъ по себѣ злы Татаровья
Коня добраго, саблю острую
И сѣдельце бранное черкасское.
Мои очи слезныя коршунъ выклюетъ,
Мои кости сирыя дождемъ вымоетъ,
И безъ похоронъ горемычный прахъ
На четыре стороны развѣется.....
И сказалъ, смѣясь, Иванъ Васильевичъ:
«Ну, мой вѣрный слуга! я твоей бѣдѣ,
Твоему горю пособить постараюся.
Вотъ возьми перстенёкъ ты мой яхонтовый,
Да возьми ожерелье жемчужное.
Прежде свахѣ смышлёной покланяйся,
И пошли дары драгоцѣнные
Ты своей Алёнѣ Дмитревнѣ:
Какъ полюбишься—празднуй свадебку,
Не полюбишься—не прогнѣвайся».
— Охъ гой ты еси, царь Иванъ Васильевичъ!
Обманулъ тебя твой лукавый рабъ,
Не сказалъ тебѣ правды истинной,
Не повѣдалъ тебѣ, что красавица
Въ церкви Божіей перевѣнчана,
Перевѣнчана съ молодымъ купцемъ
По закону нашему, христіанскому...

Мѣсто дѣйствія переносится въ домъ купца Калашникова. Возвратившись изъ лавки, онъ ждетъ домой жену, которая ушла къ вечернѣ. Къ величайшему безпокойству купца, дѣтей его, няньки, молодая хозяйка не является. Наступаетъ ночь.

Вотъ онъ слышитъ, въ сѣняхъ дверью хлопнули,
Потомъ слышитъ шаги торопливые;
Обернулся, глядитъ—сила крестная!
Передъ нимъ стоитъ молодая жена,
Сама блѣдная, простоволосая,
Косы русыя, расплетенныя,
Снѣгомъ-инеемъ пересыпаны,
Смотрятъ очи мутныя, какъ безумныя;
Уста шепчутъ рѣчи непонятныя.
«Ужъ ты гдѣ моя жена шаталася?
На какомъ дворѣ, на площади,
Что растрепаны твои волосы,
Что одёжа твоя вся изорвана?
Ужъ гуляла ты, пировала ты,
Чай съ сынками все боярскими?...
Не на то предъ святыми иконами
Мы съ тобой, жена, обручалися,
Золотыми кольцами мѣнялися!...
Какъ запру я тебя за желѣзный замокъ,
За дубовую дверь окованную,
Чтобы свѣту Божьяго ты не видѣла,
Мое имя честное не порочила»...
И услышавъ то, Алёна Дмитревна,
Задрожала вся, моя голубушка,
Затряслась, какъ листочекъ осиновый,
Горько-горько она восплакалась,
Въ ноги мужу повалилася:
«Государь ты мой, красно-солнышко,
Иль убей меня, или выслушай!
Твои рѣчи—будто острый ножъ,
Отъ нихъ сердце разрывается.
Не боюся смерти лютыя,
Не боюся я людской молвы,
А боюсь твоей немилости.
«Отъ вечерни я домой шла ноничѣ

Вдоль по улицѣ одинёшенька,
И послышалось мнѣ, будто снѣгъ хруститъ;
Оглянулася—человѣкъ бѣжитъ.
Мои ноженьки подкосилися,
Шелковой фатой я закрылася.
И онъ сильно схватилъ меня за руки
И сказалъ мнѣ такъ тихо шопотомъ:
— Что пужаешься, красная красавица?
Я не воръ какой, душегубъ лѣсной,
Я слуга царя, царя грознаго,
Прозываюся Кирибѣевичемъ,
А изъ славной семьи изъ Малютиной...—
Испугалася я пуще прежняго;
Закружилась моя бѣдная головушка.
И онъ сталъ меня целовать-ласкать,
И цалуя, все приговаривалъ:
— Отвѣчай мнѣ, что тебѣ надобно,
Моя милая, драгоцѣнная!
Хочешь золота, али жемчугу?
Хочешь яркихъ камней, аль цвѣтной парчи?
Какъ царицу я наряжу тебя,
Станутъ всѣ тебѣ завидовать.
Лишь не дай мнѣ умереть смертью грѣшною:
Полюби меня, обними меня
Хоть единый разъ на прощаніе!
«И ласкалъ онъ меня, цаловалъ онъ меня:
На щекахъ моихъ и теперь горятъ,
Живымъ пламенемъ разливаются
Поцалуи его окаянные....
А смотрѣли въ калитку сосѣдушки,
Смѣючись, на насъ пальцемъ показывали...
«Какъ изъ рукъ его я рванулася
И домой стремглавъ бѣжать бросилась;
И остались въ рукахъ у разбойника
Мой узорный платокъ—твой подарочекъ,
И фата моя бухарская.
Опозорилъ онъ, осрамилъ меня,
Меня, честную, непорочную.
И что скажутъ злыя сосѣдушки?
И кому на глаза покажусь теперь?
«Ты не дай меня, свою вѣрную жену,
Злымъ охульникамъ на поруганіе!
На кого, кромѣ тебя, мнѣ надѣяться?
У кого просить стану помощи?
На бѣломъ свѣтѣ я сиротинушка:
Родной батюшка ужъ въ сырой землѣ,
Рядомъ съ нимъ лежитъ моя матушка,
А мой старшій братъ, самъ ты вѣдаешь,
На чужой сторонушкѣ пропалъ безъ вѣсти,
А меньшой мой братъ—дитя малое,
Дитя малое, неразумное....»

Мужъ намѣренъ мстить и призываетъ въ помощники двухъ меньшихъ братьевъ.

Надъ Москвой великой, златоглавою,
Надъ стѣной Кремлевской бѣлокаменной,
Изъ дальнихъ лѣсовъ, изъ за синихъ горъ,
По тесовымъ кровелькамъ играючи,
Тучки сѣрыя разгоняючи,
Заря алая подымается.
Разметала кудри золотистыя,
Умывается снѣгами разсыпчатыми.
Какъ красавица, глядя въ зеркальцо,
Въ небо чистое смотритъ, улыбается.
Ужъ за чѣмъ же ты, алая заря, просыпалася?
На какой ты радости разыгралася?
Какъ сходилися, собиралися
Удалые бойцы Московскіе
На Москву-рѣку, на кулачный бой,
Разгуляться для праздника, потѣшиться.
И пріѣхалъ царь со дружиною,
Со боярами и опричниками,
И велѣлъ растянуть цѣпь серебряную,
Чистымъ золотомъ въ кольцахъ спаянную.
Оцѣпили мѣсто въ двадцать пять саженъ
Для охотницкаго бою одиночнаго.
И велѣлъ тогда царь Иванъ Васильевичь
Кличь кликать звонкимъ голосомъ:
«Ой ужъ гдѣ вы, добры молодцы?
Вы потѣшьте царя нашего батюшку!
Выходите-ка во широкій кругъ:
Кто побьетъ кого, того царь наградитъ,
А кто будетъ побитъ, того Богъ проститъ!»
И выходитъ удалой Кирибѣевичь,
Царю въ поясъ молча кланяется,

Скидаетъ съ могучихъ плечъ шубу бархатную,
Подпершися въ бокъ рукою правою,
Поправляетъ другой шапку алую,
Ожидаетъ онъ себѣ противника...
Ни одинъ боецъ и не тронулся,
Лишь стоятъ да другъ друга подталкиваютъ.
На просторѣ опричникъ похаживаетъ,
Надъ плохими бойцами подсмѣиваетъ;
«Присмирѣли, не бойсь, призадумались!
Такъ и быть, обѣщаюсь, для праздника,
Отпущу живаго съ покаяніемъ,
Лишь потѣшу царя нашего батюшку.»
Вдругъ толпа раздалась на обѣ стороны,
И выходитъ Степанъ Парамоновичъ,
Молодой купецъ, удалой боецъ,
По прозванью Калашниковъ.
Поклонился прежде царю грозному,
Послѣ Бѣлому Кремлю да святымъ церквамъ,
А потомъ всему народу Русскому.
Горятъ очи его соколинныя,
На опричника смотрятъ пристально;
Супротивъ его онъ становится,
Боевыя рукавицы натягиваетъ,
Могучія плечи распрямливаетъ,
Да кудряву голову поглаживаетъ.
И сказалъ ему Кирибѣевичъ:
«А повѣдай мнѣ, добрый молодецъ,
Ты какого рода, племени,
Какимъ именемъ прозываешься?
Чтобы знать, по комъ панихиду служить,
Чтобы было чѣмъ и похвастаться.»
Отвѣчаетъ Степанъ Парамоновичъ:
«А зовутъ меня Степаномъ Калашниковымъ,
А родился я отъ честнова отца,
И жилъ я по закону Господнему;
Не позорилъ я чужой жены,
Не разбойничалъ ночью темною,
Не таился отъ свѣта небеснаго...
И промолвилъ ты правду истинную:
По одномъ изъ насъ будутъ панихиду пѣть,
И не позже, какъ завтра въ часъ полуденный;
И одинъ изъ насъ будетъ хвастаться,
Съ удалыми друзьями пируючи....
Не шутку шутить, не людей смѣшить
Къ тебѣ вышелъ я теперь, бусурманскій сынъ,
Вышелъ я на страшный бой, на послѣдній бой.
И услышавъ то Кирибѣевичъ,
Поблѣднѣлъ въ лицѣ, какъ осенній снѣгъ,
Бойки очи его затуманились,
Между сильныхъ плечъ пробѣжалъ морозъ,
На раскрытыхъ устахъ слово замерло...
Вотъ молча оба расходятся,
Богатырскій бой начинается.
Размахнулся тогда Кирибѣевичъ
И ударилъ въ-первой купца Калашникова,
И ударилъ его посередь груди—
Затрещала грудь молодецкая,
Пошатнулся Степанъ Парамоновичъ.
На груди его широкой висѣлъ мѣдный крестъ.
Со святыми мощами изъ Кіева,
И погнулся крестъ и вдавился въ грудь;
Какъ роса изъ-подъ него кровь закапала.
И подумалъ Степанъ Парамоновичъ:
«Чему быть суждено, то и сбудется;
Постою за правду до—послѣднева!»
Изловчился онъ, приготовился,
Собрался со всею силою
И ударилъ своего ненавистника
Прямо въ лѣвый високъ со всего плеча.
И опричникъ молодой застоналъ слегка,
Закачался, упалъ замертво;
Повалился онъ на холодный снѣгъ,
На холодный снѣгъ, будто сосенка,
Будто сосенка, во сыромъ бору
Подъ смолистый корень подрубленная.
И увидѣвъ то, царь Иванъ Васильевичъ
Прогнѣвался гнѣвомъ, топнулъ о землю.
И нахмурилъ брови черныя;
Повелѣлъ онъ схватить удалаго купца
И привесть его передъ лице свое.
Какъ возговорилъ православный царь:
«Отвѣчай мнѣ по правдѣ, по совѣсти,
Вольной волею, или нехотя,
Ты убилъ на-смерть мово вѣрнаго слугу,
Мово лучшаго бойца, Кирибѣевича?»
—Я скажу тебѣ, православный царь:

Я убилъ его вольной волею,
А за что, про что—не скажу тебѣ,
Скажу только Богу единому.
Прикажи меня казнить — и на плаху несть
Мнѣ головушку повинную;
Не оставь лишъ малыхъ дѣтушекъ,
Не оставь молодую вдову
Да двухъ братьевъ моихъ своею милостью...
«Хорошо тебѣ, дѣтинушка,
Удалой боецъ, сынъ купеческій,
Что отвѣтъ держалъ ты по совѣсти.
Молодую жену и сиротъ твоихъ
Изъ казны моей я пожалую,
Твоимъ братьямъ велю отъ сего же дня
По всему царству Русскому широкому
Торговать безданно, безпошлинно.
А ты самъ ступай, дѣтинушка,
На высокое мѣсто лобное,
Сложи свою буйную головушку.
Я топоръ велю наточить-навострить,
Палача велю одѣть-нарядить,
Въ большой колоколъ прикажу звонить,
Чтобы знали всѣ люди московскіе,
Что и ты не оставленъ моей милостью...
Какъ на площади народъ собирается,
Заунывно гудитъ-воетъ колоколъ,
Разглашаетъ всюду вѣсть недобрую.
По высокому мѣсту лобному,
Во рубахѣ красной съ яркой запонкой,
Съ большимъ топоромъ навостреннымъ,
Руки голыя потираючи,
Палачъ весело похаживаетъ,
Удалова бойца дожидается,
А лихой боецъ, молодой купецъ,
Со родными братьями прощается.
«Ужъ вы, братцы мои, други кровные,
Поцалуемтесь, да обнимемтесь
На послѣднее разставаніе,
Поклонитесь отъ меня Аленѣ Дмитревнѣ,
Закажите ей меньше печалиться,
Про меня моимъ дѣтушкамъ не сказывать.
Поклонитеся дому родительскому,
Поклонитесь всѣмъ нашимъ товарищамъ,
Помолитесь сами въ церкви Божіей,
Вы за душу мою, душу грѣшную!»
И казнили Степана Калашникова
Смертью лютою, позорною;
И головушка безталанная
Во крови на плаху покатилася.
Схоронили его за Москвой-рѣкой,
На чистомъ полѣ промежъ трехъ дорогъ:
Промежи тульской, рязанской, владимірской,
И бугоръ земли сырой тутъ насыпали,
И кленовый крестъ тутъ поставили.
И гуляютъ, шумятъ вѣтры буйные
Надъ его безъименной могилкою.
И проходятъ мимо люди добрые:
Пройдетъ старъ человѣкъ—перекрестится,
Пройдетъ молодецъ—пріосанится,
Пройдетъ дѣвица—пригорюнится,
А пройдутъ гусляры—споютъ пѣсенку.
Гей вы, ребята удалые,
Гусляры молодые,
Голоса заливные!
Красно начинали, красно и кончайте,
Каждому правдою и честью воздайте!
Тороватому боярину слава!
И красавицѣ боярынѣ слава!
И всему народу христіанскому слава!

Дума (1838).

Печально я гляжу на наше поколѣнье!
Его грядущее—иль пусто, иль темно;
Межъ тѣмъ, подъ бременемъ познанья и сомнѣнья
Въ бездѣйствіи состарится оно.
Богаты мы, едва изъ колыбели,
Ошибками отцовъ и позднимъ ихъ умомъ,
И жизнь ужъ насъ томитъ, какъ ровный путь безъ цѣли,
Какъ пиръ на праздникѣ чужомъ.
Къ добру и злу постыдно равнодушны,
Въ началѣ поприща мы вянемъ безъ борьбы;
Передъ опасностью позорно малодушны..
. . . .
Такъ тощій плодъ, до времени созрѣлый,
Ни вкуса нашего не радуя, ни глазъ,
Виситъ между цвѣтовъ, пришлецъ осиротѣлый,

И часъ ихъ красоты—его паденья часъ!
Мы изсушили умъ наукою безплодной,
Тая завистливо отъ ближнихъ и друзей
Надежды лучшія и голосъ благородный
Невѣріемъ осмѣянныхъ страстей.
Едва касались мы до чаши наслажденья,
Но юныхъ силъ мы тѣмъ не сберегли;
Изъ каждой радости, боясь пресыщенья,
Мы лучшій сокъ навѣки извлекли.
Мечты поэзіи, созданія искуства
Восторгомъ сладостнымъ нашъ умъ не шевелятъ;
Мы жадно бережемъ въ груди остатокъ чувства—
Зарытый скупостью и безполезный кладъ.
И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно,
Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ ни любви,
И царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ тайный,
Когда огонь кипитъ въ крови.
И предковъ скучны намъ роскошныя забавы,
Ихъ добросовѣстный, ребяческій развратъ;
И къ гробу мы спѣшимъ безъ счастья и безъ славы,
Глядя насмѣшливо назадъ.
Толпой угрюмою и скоро позабытой,
Надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда,
Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой,
Ни геніемъ начатаго труда.
И прахъ нашъ, съ строгостью судьи и гражданина,
Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ стихомъ,
Насмѣшкой горькою обманутаго сына
Надъ промотавшимся отцомъ.

Бэла (первая глава романа «Герой Нашего Времени» 1840).

Лермонтовъ ѣдетъ служить на Кавказъ. Во время труднаго переѣзда по горамъ онъ встрѣчается съ Максимомъ Максимычемъ, старымъ штабсъ-капитаномъ, служившимъ здѣсь уже нѣсколько лѣтъ по разнымъ крѣпостямъ. Максимъ Максимычъ разсказываетъ Лермонтову исторію Бэлы.

— Я стоялъ въ крѣпости за Терекомъ съ ротой—этому скоро пять лѣтъ. Разъ, осенью, пришелъ транспортъ съ провіантомъ; въ транспортѣ былъ офицеръ, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати пяти. Онъ явился ко мнѣ въ полной формѣ и объявилъ, что ему велѣно остаться у меня въ крѣпости. Онъ былъ такой тоненькій, бѣленькій; на немъ мундиръ былъ такой новенькій, что я тотчасъ догадался, что онъ на Кавказѣ у насъ недавно. «Вы, вѣрно», спросилъ я его, «переведены сюда изъ Россіи?» — Точно такъ, господинъ штабсъ-капитанъ, отвѣчалъ онъ. Я взялъ его за руку и сказалъ: «Очень радъ, очень радъ. Вамъ будетъ немножко скучно... ну, да мы съ вами будемъ жить по пріятельски. Да, пожалуста, зовите меня просто Максимъ Максимычъ, и пожалуста—къ чему эта полная форма? приходите ко мнѣ всегда въ фуражкѣ». Ему отвели квартиру, и онъ поселился въ крѣпости.

— А какъ его звали? спросилъ я Максима Максимыча.

— Его звали... Григорьемъ Александровичемъ *Печоринымъ*. Славный былъ малый, смѣю васъ увѣрить; только немножко страненъ. Вѣдь, напримѣръ, въ дождикъ, въ холодъ, цѣлый день на охотѣ, всѣ иззябнутъ, устанутъ, — а ему ничего. А другой разъ сидитъ у себя въ комнатѣ, вѣтеръ пахнетъ, увѣряетъ, что простудился; ставнемъ стукнетъ, онъ вздрогнетъ и поблѣднѣетъ; а при мнѣ ходилъ на кабана одинъ на одинъ; бывало, по цѣлымъ часамъ слова не добьешься, за то ужъ иногда какъ начнетъ разсказывать, такъ животики надорвешь со смѣху... Да-съ, съ большими странностями, и, должно быть, богатый человѣкъ: сколько у него было разныхъ дорогихъ вещицъ!...

— А долго онъ съ вами жилъ? спросилъ я опять.

— Да съ годъ. Ну да ужъ за то памятенъ мнѣ этотъ годъ; надѣлалъ онъ мнѣ хлопотъ, не тѣмъ будь онъ помянутъ! Вѣдь есть, право, этакіе люди, у

которыхъ на роду написано, что съ ними должны случаться разныя необыкновенныя вещи!

— Необыкновенныя? воскликнулъ я съ видомъ любопытства, подливая ему чаю.

— А вотъ я вамъ разскажу. Верстъ шесть отъ крѣпости жилъ одинъ мирной князь. Сынишко его, мальчикъ лѣтъ пятнадцати, повадился къ намъ ѣздить всякій день, бывало, то за тѣмъ, то за другимъ. И ужъ точно избаловали мы его съ Григорьемъ Александровичемъ. А ужъ какой былъ головорѣзъ, проворный на что хочешь: шапку ли поднять на всемъ скаку, изъ ружья ли стрѣлять. Одно было въ немъ нехорошо: ужасно падокъ былъ на деньги. Разъ для смѣха, Григорій Александровичъ обѣщался ему дать червонецъ, коли онъ ему украдетъ лучшаго козла изъ отцовскаго стада; и что жъ вы думаете: на другую же ночь притащилъ его за рога. А, бывало, мы вздумаемъ его дразнить, такъ глаза кровью нальются, и сейчасъ за кинжалъ. «Эй, Азаматъ, не сносить тебѣ головы», говорилъ я ему: «яманъ будетъ твоя башка!»

На свадьбѣ старшей сестры Азамата Печоринъ увидѣлъ Бэлу, младшую сестру. Онъ весь вечеръ не сводилъ съ нея глазъ.

— Только не одинъ Печоринъ любовался хорошенькой княжной: изъ угла комнаты на нее смотрѣли другіе два глаза, неподвижные, огненные. Я сталъ вглядываться, и узналъ моего стараго знакомаго Казбича. Онъ, знаете, былъ не то, чтобъ мирной, не то, чтобъ немирной. Подозрѣній на него было много, хоть онъ ни въ какой шалости не былъ замѣченъ. Бывало, онъ приводилъ къ намъ въ крѣпость барановъ и продавалъ дешево, только никогда не торговался: что запроситъ, давай,—хоть зарѣжь, не уступитъ. Говорили про него, что онъ любитъ таскаться за Кубань съ абреками, и, правду сказать, рожа у него была самая разбойничья; маленькій, сухой, широкоплечій... А ужъ ловокъ-то, ловокъ-то былъ, какъ бѣсъ! Бешметъ всегда изорванный, въ заплаткахъ, а оружіе въ серебрѣ. А лошадь его славилась въ цѣлой Кабардѣ,—и точно, лучше этой лошади ничего вздумать невозможно. Не даромъ ему завидовали всѣ наѣздники, и не разъ пытались ее украсть, только не удавалось. Какъ теперь гляжу на эту лошадь: вороная какъ смоль, ноги струнки, и глаза не хуже, чѣмъ у Бэлы; а какая сила! скачи хоть на 50 верстъ; а ужъ выѣзжена—какъ собака бѣгаетъ за хозяиномъ; голосъ его даже знала! Бывало, онъ ее никогда и не привязываетъ. Ужъ такая разбойничья лошадь!

— Въ этотъ вечеръ Казбичъ былъ угрюмѣе, чѣмъ когда нибудь, и я замѣтилъ, что у него подъ бешметомъ надѣта кольчуга. «Не даромъ на немъ эта кольчуга», подумалъ я: «ужъ онъ вѣрно что-нибудь замышляетъ».

Душно стало въ саклѣ, и я вышелъ на воздухъ освѣжиться. Ночь ужъ ложилась на горы, и туманъ начиналъ бродить по ущельямъ.

Мнѣ вздумалось завернуть подъ навѣсъ, гдѣ стояли наши лошади, посмотрѣть, есть ли у нихъ кормъ, и притомъ осторожность никогда не мѣшаетъ; у меня же была лошадь славная, и ужъ не одинъ кабардинецъ на нее умильно поглядывалъ, приговаривая; *якши тхе, чекъ якши!*

Пробираюсь вдоль забора, и слышу голоса; одинъ голосъ я тотчасъ узналъ: это былъ повѣса Азаматъ, сынъ нашего хозяина; другой говорилъ рѣже и тише. «О чемъ они тутъ толкуютъ?» подумалъ я: «ужъ не о моей ли лошадкѣ?» Вотъ присѣлъ я у забора и сталъ прислушиваться, стараясь не пропустить ни одного слова. Иногда шумъ пѣсенъ и говоръ голосовъ, вылетая изъ сакли, заглушали любопытный для меня разговоръ.

— Славная у тебя лошадь! говорилъ Азаматъ: если бъ я былъ хозяинъ въ домѣ и имѣлъ табунъ въ триста кобылъ, то отдалъ бы половину за твоего скакуна, Казбичъ!»

«А! казбичъ!» подумалъ я, и вспомнилъ кольчугу.

— «Да,» отвѣчалъ Казбичь послѣ нѣкотораго молчанія: «въ цѣлой Кабардѣ не найдешь такой. Разъ,—это было за Терекомъ—я ѣздилъ съ абреками отбивать русскіе табуны; намъ не посчастливилось, и мы разсыпались, кто куда. За мной неслись четыре казака; ужъ я слышалъ за собою крики гяуровъ и передо мною былъ густой лѣсъ. Прилегъ я на сѣдло, поручилъ себя Аллаху, и въ первый разъ въ жизни оскорбилъ коня ударомъ плети. Какъ птица нырнулъ онъ между вѣтвями; острыя колючки рвали мою одежду, сухіе сучья карагача били меня по лицу. Конь мой прыгалъ черезъ пни, разрывалъ кусты грудью. Лучше было бы мнѣ его бросить у опушки и скрыться въ лѣсу пѣшкомъ, да жаль было съ нимъ разстаться—и пророкъ вознаградилъ меня. Нѣсколько пуль провизжало надъ моей головою; я ужъ слышалъ, какъ спѣшившіеся казаки бѣжали по слѣдамъ.... Вдругъ предо мною рытвина глубокая; скакунъ мой призадумался—и прыгнулъ. Заднія его копыта оборвались съ противнаго берега, и онъ повисъ на переднихъ ногахъ. Я бросилъ поводья и полетѣлъ въ оврагъ; это спасло моего коня: онъ выскочилъ. Казаки все это видѣли, только ни одинъ не пустился меня искать: они вѣрно думали, что я убился до смерти, и я слышалъ, какъ они бросились ловить моего коня. Сердце мое облилось кровью: поползъ я по густой травѣ вдоль по оврагу,—смотрю: лѣсъ кончился, нѣсколько казаковъ выѣзжаютъ изъ него на поляну, и вотъ выскакиваетъ къ нимъ прямо мой Карагёзъ; всѣ кинулись за нимъ съ крикомъ; долго, долго они за нимъ гонялись, особенно одинъ раза-два чуть-чуть не накинулъ аркана ему на шею; я задрожалъ, опустилъ глаза и началъ молиться. Чрезъ нѣсколько мгновеній поднимаю ихъ—и вижу: мой Карагёзъ летитъ, развивая хвостъ, вольный какъ вѣтеръ, а гяуры далеко одинъ за другимъ тянутся по степи на измученныхъ коняхъ. Валлахъ! это правда, истинная правда! До поздней ночи я сидѣлъ въ своемъ оврагѣ. Вдругъ, что̀ жъ ты думаешь, Азама̀тъ? во мракѣ слышу, бѣгаетъ по берегу оврага конь, фыркаетъ, бьетъ копытами о землю и ржетъ; я узналъ голосъ моего Карагёза, это былъ онъ, мой товарищъ!... Съ тѣхъ поръ мы не разлучались.

— И слышно было, какъ онъ трепалъ рукою по гладкой шеѣ своего скакуна, давая ему разныя нѣжныя названья.

— Если бъ у меня былъ табунъ въ тысячу кобылицъ, сказалъ Азаматъ:—то отдалъ бы тебѣ его весь за твоего Карагёза.

— *Йокъ*, не хочу, отвѣчалъ равнодушно Казбичь.

— Послушай, Казбичъ, говорилъ, ласкаясь къ нему, Азаматъ:—ты добрый человѣкъ, ты храбрый джигитъ, а мой отецъ боится русскихъ и не пускаетъ меня въ горы; отдай мнѣ свою лошадь, и я сдѣлаю все, что ты хочешь, украду для тебя у отца лучшую его винтовку, или шашку, что̀ только пожелаешь,—а шашка его настоящая гурда: приложи лезвеемъ къ рукѣ, сама въ тѣло вопьется; а кольчуга—такая какъ твоя, ни почемъ.

Казбичъ молчалъ.

— Въ первый разъ, какъ я увидѣлъ твоего коня, продолжалъ Азаматъ:—когда онъ подъ тобой крутился и прыгалъ, раздувая ноздри, и кремни брызгами летѣли изъ-подъ копытъ его, въ моей душѣ сдѣлалось что̀-то непонятное, и съ тѣхъ поръ все мнѣ опостыло: на лучшихъ скакуновъ моего отца смотрѣлъ я съ презрѣніемъ, стыдно было мнѣ на нихъ показаться, и тоска овладѣла мной; и, тоскуя, просиживалъ я на утесѣ цѣлые дни, и ежеминутно мыслямъ моимъ являлся вороной скакунъ съ своей стройной поступью, съ своимъ гладкимъ, прямымъ, какъ стрѣла хребтомъ; онъ смотрѣлъ мнѣ въ глаза своими бойкими глазами, какъ будто хо-

тѣлъ слово вымолвить. Я умру, Казбичъ, если ты мнѣ не продашь его!» сказалъ Азаматъ дрожащимъ голосомъ.

Мнѣ послышалось, что онъ заплакалъ; а надо вамъ сказать, что Азаматъ былъ преупрямый мальчикъ, и ничѣмъ, бывало, у него слезъ не выбьешь, даже когда онъ былъ и помоложе.

Въ отвѣтъ на его слезы послышалось что̀-то въ родѣ смѣха.

— Послушай, сказалъ твердымъ голосомъ Азаматъ:—видишь, я на все рѣшаюсь. Хочешь, я украду для тебя мою сестру? Какъ она пляшетъ! какъ поетъ! а вышиваетъ золотомъ—чудо! не бывало такой жены и у турецкаго падишаха... Хочешь? дождись меня завтра ночью, тамъ, въ ущельѣ, гдѣ бѣжитъ потокъ: я пойду съ нею мимо въ сосѣдній аулъ—и она твоя. Неужели не стоитъ Бэла твоего скакуна?

— Долго, долго молчалъ Казбичъ, наконецъ, вмѣсто отвѣта, затянулъ старинную пѣсню въ полголоса.

Много красавицъ въ аулахъ у насъ,
Звѣзды сіяютъ во мракѣ ихъ глазъ.
Сладко любить ихъ—завидная доля;
Но веселѣй молодецкая воля.
Золото купитъ четыре жены,
Конь же лихой не имѣетъ цѣны:
Онъ и отъ вихря въ степи не отстанетъ,
Онъ не измѣнитъ, онъ не обманетъ.

Напрасно упрашивалъ его Азаматъ согласиться и плакалъ, и льстилъ ему, и клялся; наконецъ Казбичъ нетерпѣливо прервалъ его:

— Поди прочь, безумный мальчишка! Гдѣ тебѣ ѣздить на моемъ конѣ? На первыхъ трехъ шагахъ онъ тебя сброситъ, и ты разобьешь себѣ затылокъ о камни.

— Меня! крикнулъ Азаматъ въ бѣшенствѣ, и желѣзо дѣтскаго кинжала зазвенѣло объ кольчугу. Сильная рука оттолкнула его прочь и онъ ударился о плетень такъ, что плетень зашатался. «Будетъ потѣха!» подумалъ я, кинулся въ конюшню, взнуздалъ лошадей нашихъ и вывелъ ихъ на задній дворъ. Чрезъ двѣ минуты ужъ въ саклѣ былъ ужасный гвалтъ. Вотъ что̀ случилось: Азаматъ вбѣжалъ туда въ разорванномъ бешметѣ, говоря, что Казбичъ хотѣлъ его зарѣзать. Всѣ выскочили, схватились за ружья—и пошла потѣха! Крикъ, шумъ, выстрѣлы, только Казбичъ былъ уже верхомъ и вертѣлся среди толпы по улицѣ, какъ бѣсъ, отмахиваясь шашкой. «Плохое дѣло—въ чужомъ пиру похмѣлье,» сказалъ я Григорью Александровичу, поймавъ его за руку: «не лучше ли намъ поскорѣй убраться?

— Да погодите, чѣмъ кончится.

— Да ужъ, вѣрно, кончится худо; у этихъ азіатовъ все такъ: натянулись бузы—и пошла рѣзня!—Мы сѣли верхомъ и ускакали домой.

— А что̀ Казбичъ? спросилъ я нетерпѣливо у штабсъ-капитана.

— Да что̀ этому народу дѣлается! отвѣчалъ онъ, допивая стаканъ чаю:—вѣдь ускользнулъ!

— И не раненъ? спросилъ я.

— А Богъ его знаетъ! Живущи разбойники! Видалъ я-съ иныхъ въ дѣлѣ, напримѣръ: вѣдь весь исколотъ, какъ рѣшето, штыками, а все махаетъ шашкой.

Узнавши всю эту исторію отъ Максима Максимыча, Печоринъ захотѣлъ украсть Бэлу, и Азаматъ исполнилъ его желаніе, получивши въ награду Карагёза, лошадь Казбича. Когда Максимъ Максимычъ узналъ о похищеніи, онъ былъ встревоженъ и совѣтовалъ Печорину отпустить Бэлу. Тотъ не согласился.

— Да покажите мнѣ ее, сказалъ я.

— Она за этой дверью; только я самъ нынче напрасно хотѣлъ видѣть: сидитъ въ углу, закутавшись въ покрывало, не говоритъ и не смотритъ: пугливая, какъ дикая серна. Я нанялъ нашу духанщицу: она знаетъ по-татарски, будетъ ходить за нею и пріучитъ ее къ мысли, что она моя, потому что она никому не будетъ принадлежать, кромѣ меня,» —

прибавилъ онъ, ударивъ кулакомъ по столу.—Я и въ этомъ согласился... Что прикажете дѣлать? Есть люди, съ которыми непремѣнно должно соглашаться.

— А что? спросилъ я у Максима Максимыча: въ самомъ ли дѣлѣ онъ пріучилъ ее къ себѣ, или она зачахла въ неволѣ, съ тоски по родинѣ?

— Послушайте, отчего же съ тоски по родинѣ? Изъ крѣпости видны были тѣ же горы, что изъ аула,—а этимъ дикарямъ больше ничего не надобно. Да притомъ Григорій Александровичъ каждый день дарилъ ей что нибудь; первые дни она молча гордо отталкивала подарки, которые тогда доставались духанщицѣ и возбуждали ея краснорѣчіе. Ахъ, подарки! чего не сдѣлаетъ женщина за цвѣтную тряпичку... Ну, да это въ сторону... Долго бился съ нею Григорій Александровичъ, между тѣмъ учился по-татарски, и она начинала понимать по-нашему. Мало по малу она пріучилась на него смотрѣть, сначала исподлобья, искоса, и все грустила, напѣвала свои пѣсни въ полголоса, такъ что, бывало, и мнѣ становилось грустно, когда слушалъ ее изъ сосѣдней комнаты. Никогда не забуду одной сцены: шелъ я мимо и заглянулъ въ окно: Бэла сидѣла на лежанкѣ, повѣсивъ голову на грудь, а Григорій Александровичъ стоялъ передъ нею. «Послушай, моя пери,» говорилъ онъ: «вѣдь ты знаешь, что, рано или поздно, ты должна быть моею—отчего же только мучишь меня? Развѣ ты любишь какого нибудь чеченца? Если такъ, я тебя сейчасъ отпущу домой?» Она вздрогнула едва примѣтно и покачала головой.—«Или», продолжалъ онъ, «я тебѣ совершенно ненавистенъ?»—Она вздохнула.—«Или твоя вѣра запрещаетъ полюбить меня?»—Она поблѣднѣла и молчала.—«Повѣрь мнѣ, Аллахъ для всѣхъ племенъ одинъ и тотъ же, и если онъ мнѣ позволяетъ любить тебя, отчего же запретитъ тебѣ платить взаимностію?»—Она посмотрѣла ему пристально въ лицо, какъ будто пораженная этой новой мыслію; въ глазахъ ея выразились недовѣрчивость и желаніе убѣдиться. Что за глаза! они такъ и сверкали, будто два угля.

— Послушай, милая, добрая Бэла! продолжалъ Печоринъ: ты видишь, какъ я тебя люблю, я все готовъ отдать, чтобы тебя развеселить: я хочу, чтобъ ты была счастлива; а если ты снова будешь грустить, то я умру. Скажи, ты будешь веселѣй?—Она призадумалась, не спуская съ него черныхъ глазъ своихъ, потомъ улыбнулась ласково и кивнула головой въ знакъ согласія. Онъ взялъ ея руку и сталъ ее уговаривать, чтобъ она его поцаловала; она слабо защищалась и только повторяла: «поджалуста, не нада, не нада.» Онъ сталъ настаивать; она задрожала, заплакала. — «Я твоя плѣнница,» говорила она: «твоя раба, конечно, ты можешь меня принудить,»—и опять слезы.

— Григорій Александровичъ ударилъ себя въ лобъ кулакомъ и выскочилъ въ другую комнату. Я зашелъ къ нему; онъ, сложа руки, прохаживался угрюмо взадъ и впередъ. «Что, батюшка?» сказалъ я ему.—«Дьяволъ, а не женщина!» отвѣчалъ онъ: «только я вамъ даю мое честное слово, что она будетъ моя...» Я покачалъ головою. «Хотите пари?» сказалъ онъ: «черезъ недѣлю!»—Извольте!—Мы ударили по-рукамъ и разошлись.

— На другой день онъ тотчасъ отправилъ нарочнаго въ Кизляръ за разными покупками; привезено было множество разныхъ персидскихъ матерій, всѣхъ не перечесть.

— Какъ вы думаете, Максимъ Максимычъ, сказалъ онъ мнѣ, показывая подарки:—устоитъ ли азіатская красавица противъ такой батареи?»—Вы черкешенокъ не знаете, отвѣчалъ я; это совсѣмъ не то, что грузинки или закавказскія татарки,—совсѣмъ не то. У нихъ свои правила; онѣ иначе воспитаны.

Григорій Александровичъ улыбнулся и сталъ насвистывать маршъ.

— А вѣдь вышло, что я былъ правъ: подарки подѣйствовали только въ половину: она стала ласковѣе, довѣрчивѣе—да и только; такъ, что онъ рѣшился на послѣднее средство. Разъ утромъ онъ велѣлъ осѣдлать лошадь, одѣлся почеркесски, вооружился и вошелъ къ ней. «Бэла!» сказалъ онъ: «ты знаешь, какъ я тебя люблю. Я рѣшился тебя увезти, думая, что ты, когда узнаешь меня, полюбишь; я ошибся:—прощай! оставайся полной хозяйкой того, что я имѣю; если хочешь, вернись къ отцу—ты свободна. Я виноватъ передъ тобой и долженъ наказать себя. Прощай, я ѣду—куда? почему я знаю? Авось, недолго буду гоняться за пулей или ударомъ шашки: тогда вспомни обо мнѣ и прости меня». Онъ отвернулся и протянулъ ей руку на прощанье. Она не взяла руки, молчала. Только стоя за дверью, я могъ въ щель разглядѣть ея лицо: и мнѣ стало жаль—такая смертельная блѣдность покрыла это милое личико! Не слыша отвѣта, Печоринъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ двери; онъ дрожалъ—и сказать ли вамъ? я думаю, онъ въ состояніи былъ исполнить въ самомъ дѣлѣ то, о чемъ говорилъ шутя. Таковъ ужъ былъ человѣкъ, Богъ его знаетъ! Только едва онъ коснулся двери, какъ она вскочила, зарыдала и бросилась ему на шею.—Повѣрите ли? я, стоя за дверью, также заплакалъ, то есть, знаете, не то, чтобъ заплакалъ, а такъ—глупость!

Печоринъ постепенно узналъ, что Бэла полюбила его съ перваго раза и чувство ея усиливалось. Онъ былъ счастливъ. Четыре мѣсяца все шло хорошо. Печоринъ постоянно сидѣлъ дома, вовсе забылъ охоту. Но вдругъ онъ сталъ задумываться, скучать, сталъ чаще ходить на охоту, пропадалъ цѣлое утро! Охлажденіе его къ Бэлѣ тревожило и Максима Максимыча. Онъ сталъ выговаривать Печорину.

— «Послушайте, Максимъ Максимычъ», отвѣчалъ онъ: «у меня несчастный характеръ; воспитаніе ли меня сдѣлало такимъ, Богъ ли такъ меня создалъ,—незнаю; знаю только, что если я причиною несчастія другихъ, то я самъ не менѣе несчастливъ. Разумѣется, это имъ плохое утѣшеніе — только дѣло въ томъ, что это такъ. Въ первой моей молодости, съ той минуты, когда я вышелъ изъ опеки родныхъ, я сталъ наслаждаться бѣшено всѣми удовольствіями, которыя можно достать за деньги, и, разумѣется, удовольствія эти мнѣ опротивѣли. Потомъ пустился въ большой свѣтъ, и скоро общество мнѣ также надоѣло; влюблялся въ свѣтскихъ красавицъ, и былъ любимъ; но ихъ любовь только раздражала мое воображеніе и самолюбіе, а сердце осталось пусто... Я сталъ читать, учиться—науки также надоѣли; я видѣлъ, что ни слава, ни счастіе отъ нихъ не зависятъ нисколько, потому что самые счастливые люди—невѣжды, а слава—удача, и чтобъ добиться ее, надо быть ловкимъ. Тогда мнѣ стало скучно... Вскорѣ перевели меня на Кавказъ: это самое счастливое время моей жизни. Я надѣялся, что скука не живетъ подъ чеченскими пулями—напрасно; черезъ мѣсяцъ я такъ привыкъ къ ихъ жужжанью и къ близости смерти, что, право, обращалъ больше вниманія на комаровъ, и мнѣ стало скучнѣе прежняго, потому что я потерялъ почти послѣднюю надежду. Когда я увидѣлъ Бэлу, въ своемъ домѣ, когда въ первый разъ, держа ее на колѣнахъ, цаловалъ ея локоны, я, глупецъ, подумалъ, что она Ангелъ, посланный мнѣ сострадательной судьбой... Я опять ошибся: любовь дикарки немного лучше любви знатной барыни; невѣжество и простосердечіе одной такъ же надоѣдаютъ, какъ и кокетство другой. Если вы хотите, я ее еще люблю, я ей благодаренъ за нѣсколько минутъ довольно сладкихъ, я за нее отдамъ жизнь,—только мнѣ съ нею скучно... Глупецъ я, или злодѣй—не знаю; но то вѣрно, что я также очень достоинъ сожалѣнія, можетъ быть, больше, нежели она: во мнѣ душа испорчена свѣтомъ, воображеніе безпокойное, сердце ненасытное; мнѣ все мало къ;

печали я также легко привыкаю, какъ къ наслажденію, и жизнь моя становится пустѣе день отъ дня; мнѣ осталось одно средство: путешествовать. Какъ только будетъ можно, отправлюсь,— только не въ Европу, избави Боже!— поѣду въ Америку, Аравію, въ Индію,— авось гдѣ нибудь умру на дорогѣ! По крайней мѣрѣ, я увѣренъ, что это послѣднее утѣшеніе нескоро истощится, съ помощію бурь и дурныхъ дорогъ.»— Такъ онъ говорилъ долго, и его слова врѣзались у меня въ памяти, потому что въ первый разъ я слышалъ такія вещи отъ двадцати-пяти-лѣтняго человѣка, и, Богъ дастъ, въ послѣдній... Что за диво! Скажите-ка, пожалуста, продолжалъ штабсъ-капитанъ, обращаясь ко мнѣ,—вы вотъ, кажется бывали въ столицѣ, и недавно: не ужъ-то тамошняя молодежь вся такова?

Въ одну изъ отлучекъ Печорина Казбичъ попытался украсть Бэлу, но Печоринъ и Максимъ Максимычъ настигли его вблизи крѣпости. Видя, что ему нельзя увезти Бэлу, но и не желая, чтобы она досталась врагамъ, Казбичъ нанесъ ей смертельный ударъ и бросилъ на дорогѣ, а самъ ускакалъ. Офицеры привезли ее въ крѣпость, гдѣ она еще прожила нѣсколько дней и, не смотря на всѣ заботы окружающихъ, скончалась мучительною смертію. Спустя нѣкоторое время, Печоринъ переведенъ былъ на службу въ другое мѣсто, и Максимъ Максимычъ потерялъ его изъ виду.

Послѣднее новоселье (1841).

Межъ тѣмъ, какъ Франція, среди рукоплесканій
И кликовъ радостныхъ, встрѣчаетъ хладный прахъ
Погибшаго давно среди нѣмыхъ страданій
  Въ изгнаньѣ мрачномъ и въ цѣпяхъ;
Межъ тѣмъ, какъ міръ услужливой хвалою
Вѣнчаетъ поздняго раскаянья порывъ,
И вздорная толпа, довольная собою,
Гордится, прошлое забывъ,—
Негодованію и чувству давъ свободу,
Понявъ тщеславіе сихъ праздничныхъ заботъ,
Мнѣ хочется сказать великому народу:
  Ты жалкій и пустой народъ!
Ты жалокъ, потому что вѣра, слава, геній,
Все, все великое, священное земли,
Съ насмѣшкой глупою ребяческихъ сомнѣній
  Тобой растоптано въ пыли.
Изъ славы сдѣлалъ ты игрушку лицемѣрья,
Изъ вольности—орудье палача,
И всѣ завѣтныя отцовскія повѣрья
  Ты имъ рубилъ, рубилъ съ плеча,—
Ты погибалъ.... и онъ явился съ строгимъ взоромъ,
Отмѣченный божественнымъ перстомъ,
И признанъ за вождя всеобщимъ приговоромъ,
  И ваша жизнь слилася въ немъ,—
И вы окрѣпли вновь въ тѣни его державы,
И міръ трепещущій въ безмолвіи взиралъ
На ризу чудную могущества и славы,
  Которой васъ онъ одѣвалъ.
Одинъ,—онъ былъ вездѣ, холодный, неизмѣнный;
Отецъ сѣдыхъ дружинъ, любимый сынъ молвы,
Въ степяхъ Египетскихъ, у стѣнъ покорной Вѣны,
  Въ снѣгахъ пылающей Москвы.
А вы что дѣлали, скажите, въ это время,
Когда въ поляхъ чужихъ онъ гордо погибалъ?
Вы потрясали власть, избранную, какъ бремя,
  Точили въ темнотѣ кинжалъ!
Среди послѣднихъ битвъ, отчаянныхъ усилій,
Въ испугѣ не понявъ позора своего,
Какъ женщина, ему вы измѣнили
  И, какъ рабы, вы предали его!
Лишенный правъ и мѣста гражданина,
Разбитый свой вѣнецъ онъ снялъ и бросилъ самъ,
И вамъ оставилъ онъ въ залогъ роднаго сына—
  Вы сына выдали врагамъ!
Тогда, отяготивъ позорными цѣпями,

Героя увезли отъ плачущихъ дружинъ—
И на чужой скалѣ, за синими морями,
Забытый, онъ угасъ одинъ—
Одинъ, замученъ мщеніемъ безплоднымъ,
Безмолвною и гордою тоской,
И какъ простой солдатъ, въ плащѣ своемъ походномъ,
Зарытъ наемною рукой....

* * *

Но годы протекли, и вѣтряное племя
Кричитъ: «подайте намъ священный этотъ прахъ!
Онъ нашъ; его теперь, великой жатвы сѣмя,
Зароемъ мы въ спасенныхъ имъ стѣнахъ!»
И возвратился онъ на родину. Безумно,
Какъ прежде, вкругъ него тѣснятся и бѣгутъ
И въ пышный гробъ, среди столицы шумной,
Останки тлѣнные кладутъ.
Желанье позднее увѣнчано успѣхомъ!
И краткій свой восторгъ смѣнивъ уже другимъ,
Гуляя, топчетъ ихъ съ самодовольнымъ смѣхомъ
Толпа, дрожавшая предъ нимъ!

* * *

И грустно мнѣ, когда подумаю, что нынѣ
Нарушена святая тишина
Вокругъ того, кто ждалъ въ своей пустынѣ
Такъ жадно, столько лѣтъ — спокойствія и сна!
И если духъ вождя примчится на свиданье
Съ гробницей новою, гдѣ прахъ его лежитъ,
Какое въ немъ негодованье
При этомъ видѣ закипитъ!
Какъ будетъ онъ жалѣть, печалію томимый,
О знойномъ островѣ подъ небомъ дальнихъ странъ,
Гдѣ сторожилъ его, какъ онъ непобѣдимый,
Какъ онъ великій, океанъ!

«Не смѣйся надъ моей пророческой тоскою» (1841).

Не смѣйся надъ моей пророческой тоскою.
Я зналъ,—ударъ судьбы меня не обойдетъ,—
Я зналъ, что голова, любимая тобою,
Съ твоей груди на плаху перейдетъ.
Я говорилъ тебѣ: ни счастія, ни славы,
Мнѣ въ мірѣ не найти. Настанетъ часъ кровавый,
И я паду,—и хитрая вражда
Съ улыбкой очернитъ мой недоцвѣтшій геній,
И я погибну безъ слѣда
Моихъ надеждъ, моихъ мученій....
Но я безъ страха жду довременный конецъ;
Давно пора мнѣ міръ увидѣть новый.
Пускай толпа растопчетъ мой вѣнецъ,
Вѣнецъ пѣвца—вѣнецъ терновый—
Пускай! я имъ не дорожилъ!....

Родина (1841).

Люблю отчизну я, но странною любовью;
Не побѣдитъ ея разсудокъ мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордаго довѣрія покой,
Ни темной старины завѣтныя преданья
Не шевелятъ во мнѣ отраднаго мечтанья.
Но я люблю—за что̀, не знаю самъ—
Ея степей холодное молчанье,
Ея лѣсовъ безбрежныхъ колыханье,
Разливы рѣкъ ея, подобные морямъ;
Проселочнымъ путемъ люблю скакать въ телѣгѣ
И, взоромъ медленнымъ пронзая ночи тѣнь,
Встрѣчать по сторонамъ, вздыхая о ночлегѣ,
Дрожащіе огни печальныхъ деревень.
Люблю дымокъ спаленной жнивы,
Въ степи кочующій обозъ,
И на холмѣ, средь желтой нивы,
Чету бѣлѣющихъ березъ.
Съ отрадой, многимъ незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
Съ рѣзными ставнями окно;

И въ праздникъ, вечеромъ росистымъ,
Смотрѣть до полночи готовъ
На пляску съ топаньемъ и свистомъ,
Подъ говоръ пьяныхъ мужичковъ.

Выхожу одинъ я на дорогу (1841).

Выхожу одинъ я на дорогу;
Сквозь туманъ кремнистый путь блеститъ;
Ночь тиха; пустыня внемлетъ Богу,
И звѣзда съ звѣздою говоритъ.
Въ небесахъ торжественно и чудно!
Спитъ земля въ сіяньѣ голубомъ....
Что же мнѣ такъ больно и такъ трудно:
Жду ль чего? жалѣю ли о чемъ?
Ужъ не жду отъ жизни ничего я,
И не жаль мнѣ прошлаго ничуть,
Я ищу свободы и покоя:
Я бъ хотѣлъ забыться и заснуть....
Но не тѣмъ холоднымъ сномъ могилы
Я бъ желалъ на вѣки тамъ заснуть,—
Чтобъ въ груди дрожали жизни силы,
Чтобъ, дыша, вздымалась тихо грудь.
Чтобъ всю ночь, весь день мой слухъ лелѣя,
Про любовь мнѣ сладкій голосъ пѣлъ,
Надо мной чтобъ, вѣчно зеленѣя,
Темный дубъ склонялся и шумѣлъ.

XXXIV. КОЛЬЦОВЪ.

1809—1842.

Урожай (1835).

Краснымъ полымемъ
Заря вспыхнула;
По лицу земли
Туманъ стелится:
Разгорѣлся день
Огнемъ солнечнымъ,
Подобралъ туманъ
Выше темя горъ.
Нагустилъ его
Въ тучу черную.
Туча черная
Понахмурилась,
Понахмурилась—
Что задумалась,
Словно вспомнила
Свою родину....
Понесутъ ее
Вѣтры буйные
Во всѣ стороны
Свѣта бѣлаго.
Ополчается—
Громомъ, бурею,
Огнемъ, молніей,
Дугой, радугой;
Ополчилася—
И расширилась,
И ударила,
И пролилася
Слезой крупною—
Проливнымъ дождемъ
На земную грудь
На широкую.
И съ горы небесъ
Глядитъ солнышко;
Напилась воды
Земля досыта.
На поля, сады,
На зеленые,
Люди сельскіе
Не насмотрятся,
Люди сельскіе
Божьей милости
Ждали съ трепетомъ
И молитвою.
За-одно съ весной
Пробуждаются
Ихъ завѣтныя
Думы мирныя.
Дума первая:
Хлѣбъ изъ закрома
Насыпать въ мѣшки,
Убирать воза.
А вторая ихъ
Была думушка:
Изъ села гужомъ
Въ пору выѣхать.
Третью думушку
Какъ задумали—
Богу-Господу
Помолилися;
Чѣмъ-свѣтъ по полю
Всѣ разъѣхались,
И пошли гулять
Другъ за дружкою,
Горстью полною
Хлѣбъ раскидывать,
И давай пахать

Землю плугами,
Да кривой сохой
Перепахивать,
Бороны зубьемъ
Порасчёсывать....
Посмотрю пойду
Полюбуюся,
Что̀ послалъ Господь
За труды людямъ:
Выше пояса
Рожь зернистая
Дремитъ колосомъ
Почти до земли.
Словно Божій гость,
На всѣ стороны,
Дню веселому
Улыбается;
Вѣтерокъ по ней
Плыветъ-лоснится,
Золотой волной
Разбѣгается....
Люди сѐмьями
Принялися жать,
Косить по̀дъ корень
Рожь высокую.
Въ копны частыя
Снопы сложены;
Отъ возовъ всю ночь
Скрыпитъ музыка.
На гумнахъ, вездѣ,
Какъ князья, скирды
Широко сидятъ,
Поднявъ головы.
Видитъ солнышко—
Жатва кончена:
Холоднѣй оно
Пошло къ осени,
Но жарка свѣча
Поселянина
Предъ иконою
Божьей матери.

Косарь (1836).

Не возьму я въ толкъ,
Не придумаю....
Отчего же такъ
Не возьму я въ толкъ?
Охъ, въ несчастный день,
Въ безталанный часъ,
Безъ сорочки я
Родился на свѣтъ.
У меняль плечо
Шире дѣдова;
Грудь высокая—
Моей матушки.
На лицѣ моемъ
Кровь отцовская
Въ молокѣ зажгла
Зорю красную;
Кудри чо̀рныя
Лежатъ скобкою;
Что работаю—
Все мнѣ спорится;
Да въ несчастный день,
Въ безталанный часъ,
Безъ сорочки я
Родился на свѣтъ!
Прошлой осенью
Я за Грунюшку,
Дочку старосты,
Долго сватался;
А онъ, старый хрѣнъ,
Заупрямился!
За кого же онъ
Выдастъ Грунюшку—
Не возьму я въ толкъ,
Не придумаю...
Я ль за тѣмъ гонюсь,
Что отецъ ея
Богачомъ слыветъ?
Пускай домъ его—
Чаша полная!
Я ее хочу,
Я по ней крушусь:
Лицо бѣлое,
Заря алая—
Щеки полныя,
Глаза темные
Свели молодца
Съ ума-разума....
Ахъ, вчера по мнѣ
Ты такъ плакала!
Наотрѣзъ старикъ
Отказалъ вчера....
Охъ, не свыкнуться
Съ этой горестью!...
Я куплю себѣ
Косу новую;
Отобью ее,
Наточу ее—

И прости—прощай
Село родное!
Не плачь, Грунюшка:
Косой вострою
Не подрѣжусь я....
Ты прости, село,
Прости, староста,
Въ края дальніе
Пойдетъ молодецъ.
Что внизъ по Дону,
По набережью,
Хороши стоятъ
Тамъ слободушки!
Степь раздольная
Далеко вокругъ,
Широко лежитъ,
Ковылемъ-травой
Разстилается!...
Ахъ ты, степь моя,
Степь привольная!
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
Къ Морю-Черному
Понадвинулась!
Въ гости я къ тебѣ
Не одинъ пришелъ:
Я пришелъ самъ-другъ
Съ косой вострою;
Мнѣ давно гулять
По травѣ степной,
Вдоль и поперекъ
Съ ней хотѣлося....
Раззудись, плечо!
Размахнись, рука!
Ты пахни въ лицо,
Вѣтеръ съ полудня!
Освѣжи, взволнуй
Степь просторную.
Зажужжи, коса,
Засверкай кругомъ
Зашуми, трава,
Подкошоная;
Поклонись, цвѣты,
Головой землѣ!
Наряду съ травой
Вы засохнете,
Какъ по Грунѣ я
Сохну, молодецъ!
Нагребу копенъ,
Намечу стоговъ—
Дастъ казачка мнѣ
Денегъ пригоршни.
Я зашью казну,
Сберегу казну,
Ворочусь въ село—
Прямо къ старостѣ:
Не разжалобилъ
Его бѣдностью,
Такъ разжалоблю
Золотой казной

Лѣсъ (1837).

Что дремучій лѣсъ
Призадумался?
Грустью темною
Затуманился?
Что Бова-силачъ
Заколдованный,
Съ непокрытою
Головой въ бою,
Ты стоишь-поникъ
И не ратуешь
Съ мимолетною
Тучей-бурею;
Густолиственный
Твой зеленый шлемъ
Буйный вихрь сорвалъ—
И развѣялъ въ прахъ.
Плащъ упалъ къ ногамъ
И разсыпался....
Ты стоишь-поникъ,
И не ратуешь.
Гдѣ жъ дѣвалася
Рѣчь высокая,
Сила гордая,
Доблесть царская!
У тебя ль, было,
Дни—роскошество,
Другъ и недругъ твой
Прохлаждаются....
У тебя ль, было,
Поздно вечеромъ
Грозно съ бурею
Разговоръ пойдетъ—
Распахнетъ она
Тучу чорную,
Обойметъ тебя
Вѣтромъ-холодомъ,
И ты молвишь ей
Шумнымъ голосомъ:

«Вороти назадъ!
Держи около!»
Закружитъ она,
Разыграется,
Дрогнетъ грудь твоя,
Зашатаешься—
Встрепенувшися,
Разбушуешься
Только свистъ кругомъ,
Голоса и гулъ...
Буря всплачется
Лѣшимъ, вѣдьмою,
И несетъ свои
Тучи за море.
Гдѣжь теперь твоя
Мочь зеленая?
Почернѣлъ ты весь,
Затуманился:
Одичалъ, замолкъ—
Только въ непогодь,
Воешь жалобу
На безвременье....
Такъ-то, темный лѣсъ,
Богатырь-Бова!
Ты всю жизнь свою
Маялъ битвами.
Не осилили
Тебя сильные,
Такъ дорѣзала
Осень черная.
Знать, во время сна,
Къ безоружному
Силы вражія
Понахлынули;
Съ богатырскихъ плечь
Сняли голову—
Не большой горой,
А соломенкой.

Горькая доля (1837).

Соловьемъ залетнымъ
Юность пролетѣла.
Волной въ непогоду
Радость прошумѣла.
Пора золотая
Была, да сокрылась;
Сила молодая
Съ тѣломъ износилась,
Отъ кручины-думы
Въ сердцѣ кровь застыла;
Что любилъ, какъ душу—
И то измѣнило.
Какъ былинку, вѣтеръ
Молодца шатаетъ;
Зима лицо знобитъ,
Солнце-сожигаетъ.
До поры, до время,
Всѣмъ я весь изжился,
И кафтанъ мой синій
Съ плечь долой свалился!
Безъ любви, безъ счастья
По міру скитаюсь:
Разойдусь съ бѣдою—
Съ горемъ повстрѣчаюсь!
На крутой горѣ
Росъ зеленый дубъ:
Подъ горой теперь
Онъ лежитъ-гніетъ...

Лихача кудрявича (1837).

Первая пѣсня.

Съ радости-веселья
Хмѣлемъ кудри вьются;
Ни съ какой заботы
Они не сѣкутся.
Ихъ не гребень чешетъ—
Золотая доля,
Завиваетъ въ кольцы
Молодецка удаль.
Не родись богатымъ
А родись кудрявымъ;
По щучью велѣнью
Все тебѣ готово.
Чего душа хочетъ—
Изъ земли родится;
Со всѣхъ сторонъ прибыль
Ползетъ и валится.
Что шутя задумалъ—
Пошла шутка въ дѣло;
А тряхнулъ кудрями—
Въ одинъ мигъ поспѣло.
Не возьмутъ гдѣ лоскомъ,
Возьмутъ кудри силой;
А что худо-смотришь,
По водѣ поплыло!
Любо жить на свѣтѣ
Молодцу съ кудрями,

Весело на бѣломъ
Съ чорными бровями!
Во время, да въ пору,
Медомъ рѣчи льются;
И съ утра до ночи
Пѣсенки поются.
Про тѣ рѣчи, пѣсни,
Дѣвушки всѣ знаютъ—
И о кудряхъ зиму
Ночь не спятъ, гадаютъ.
Честь и слава кудрямъ!
Пусть ихъ волосъ вьется—
Съ ними все на свѣтѣ
Ловко удается!
Не подъ шапку горе
Головѣ кудрявой—
Разливайтесь, пѣсни!
Ходи, парень, браво!

Лихача кудрявича (1837).

Вторая пѣсня

Въ золотое время
Хмѣлемъ кудри вьются;
Съ горести-печали
Русыя сѣкутся.
Ахъ, сѣкутся кудри!
Любитъ ихъ забота
Полюбитъ забота—
Не чешетъ и гребень!
Не родись въ сорочкѣ
Не родись таланливъ:
Родись терпѣливымъ
И на все готовымъ.
Вѣкъ прожить—не поле
Пройдти за сохою;
Кручину, что тучу—
Не уноситъ вѣтромъ.
Зла бѣда, не буря—
Горами качаетъ,
Ходитъ невидимкой,
Губитъ безъ разбору.
Отъ ея напасти
Не уйдти на лыжахъ:
Въ чистомъ полѣ найдетъ,
Въ темномъ лѣсѣ сыщетъ;
Чуешь только сердцемъ
Придетъ, сядетъ рядомъ,
Объ руку съ тобою
Пойдетъ и поѣдетъ...
И щемитъ, и ноетъ,
Болитъ ретивое;
Все—изъ рукъ вонъ—плохо,
Нѣтъ ни въ чемъ удачи.
То—скосило градомъ,
То—сняло пожаромъ;
Чистъ кругомъ и легокъ,
Никому не нуженъ....
Къ старикамъ на сходку
Выйдти приневолятъ—
Старыя лаптишки
Безъ онучь обуешь,
Кафтанишка рваный
На плечи натянешь,
Бороду всклокочишь,
Шапку нахлобучишь,
Тихомолкомъ станешь
За чужія плечи....
Пусть не видятъ люди
Прожитова счастья.

Ахъ, зачѣмъ меня (1838).

Ахъ, зачѣмъ меня
Силой выдали
За немилова—
Мужа старова?
Небось весело
Теперь матушкѣ
Утирать мои
Слезы горькія!
Небось весело
Глядѣть батюшкѣ
На житье-бытье
Горемычное!
Небось сердце въ нихъ
Разрывается,
Какъ приду одна
На великой день;
Отъ дружка дары
Принесу съ собой:
На лицѣ—печаль,
На душѣ тоску!
Поздно, родные,
Обвинять судьбу,
Ворожить, гадать,
Сулить радости!
Пусть изъ-за моря
Корабли плывутъ,
Пущай золото

На полѣ сыплется:
Не расти травѣ
Послѣ осени;
Не цвѣсти цвѣтамъ
Зимой по снѣгу!

Путь (1839).

Путь широкій давно
Предо мною лежитъ,
Да нельзя мнѣ по немъ
Ни летать, ни ходить....
Кто же держитъ меня,
И что̀ кинуть мнѣ жаль?
И зачѣмъ до-сихъ поръ
Не стремлюся я вдаль?
Или доля моя
Сиротой родилась!
Иль со счастьемъ слѣпымъ
Безъ ума разошлась!
По лѣтамъ и кудрямъ
Не старикъ еще я:
Много думъ въ головѣ,
Много въ сердцѣ огня!
Много слугъ и казны
Подъ замками лежитъ;
И лихой-вороной
Ужъ осёдланъ стоитъ.
Да на путь—по душѣ—
Крѣпкой воли мнѣ нѣтъ,
Чтобъ въ чужой сторонѣ
На людей поглядѣть;
Чтобъ порой предъ бѣдой
За себя постоять
Подъ грозой роковой
Назадъ шагу не дать;
И чтобъ съ горемъ въ пиру,
Быть съ веселымъ лицомъ;
На погибель идти—
Пѣсни пѣть соловьемъ.

Что ты спишь, мужичокъ? (1839)

Что ты спишь, мужичокъ?
Вѣдь весна на дворѣ;
Вѣдь сосѣди твои
Работа́ютъ давно.
Встань, проснись, подымись,
На себя погляди:
Что ты былъ? и что сталъ?
И что есть у тебя?
На гумнѣ—ни снопа,
Въ закромахъ—ни зерна,
На дворѣ по травѣ—
Хоть шаромъ покати.
Изъ клѣтей домовой
Соръ метлою посмелъ,
И лошадокъ, за долгъ,
По сосѣдямъ развелъ.
И подъ лавкой сундукъ
Опрокинутъ лежитъ;
И погнувшись изба,
Какъ старушка, стоитъ.
Вспомни время свое:
Какъ катилось оно
По полямъ и лугамъ
Золотою рѣкой,—
Со двора и гумна
По дорожкѣ большой,
По селамъ, городамъ,
По торговымъ людямъ!
И какъ двери ему,
Растворяли вездѣ,
И въ почетномъ углу
Было мѣсто твое!
А теперь подъ окномъ
Ты съ нуждою сидишь,
И весь день на печи
Безъ просыпу лежишь.
А въ поляхъ, сиротой,
Хлѣбъ нескошенъ стоитъ,
Вѣтеръ точитъ зерно,
Птица клюетъ его!
Что ты спишь, мужичокъ?
Вѣдь ужь лѣто прошло,
Вѣдь ужь осень на дворъ
Черезъ прясло глядитъ.
Вслѣдъ за нею зима
Въ теплой шубѣ идетъ,
Путь снѣжкомъ порошитъ,
Подъ санями хруститъ.
Всѣ сосѣди на нихъ
Хлѣбъ везутъ, продаютъ,
Собираютъ казну,
Бражку ковшикомъ пьютъ.

XXXV. ГРИБОѢДОВЪ.

Горе отъ ума, комедія (1823).

Дочь барина чиновника въ минуту борепія утренняго свѣта съ темнотою ночи, въ своей

спальнѣ, занимается музыкою съ молодымъ человѣкомъ, чиновникомъ своего отца. Горничная передъ спальнею стоитъ на часахъ, и, чтобы кто не узналъ о ихъ несвоевременномъ занятіи музыкою и не перетолковалъ въ дурную сторону такой безкорыстной любви къ искусству, напоминаетъ имъ, что уже свѣтаетъ, и, чтобы вывести ихъ изъ меломаническаго самозабвенія, переводитъ часовую стрѣлку. Вдругъ входитъ самъ баринъ и отецъ, Фамусовъ, и начинаетъ очень любезно разговаривать съ горничною своей дочери, которая въ то время доигрывала послѣдній дуэтъ. Ф. уходитъ. Являются Софья и Молчалинъ. Лиза упрекаетъ ихъ за долговременное пребываніе въ гармоніи, разсказываетъ о приходѣ барина и о томъ, какъ она струсила. Входитъ Фамусовъ, застаетъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ и упрекаетъ Софью.

Всю ночь читаешь небылицы,
И вотъ плоды отъ этихъ книгъ!
А все Кузнецкій мостъ и вѣчные французы!
Оттуда моды къ намъ, и авторы, и музы,
Губители кармановъ и сердецъ!
Когда избавитъ насъ Творецъ
Отъ шляпокъ ихъ, чепцовъ, и шпилекъ, и булавокъ,
И книжныхъ и бисквитныхъ лавокъ?
С. Позвольте, батюшка: кружится голова;
Я отъ испугу духъ перевожу едва...
Изволили вбѣжать вы такъ проворно,— смѣшалась я...
Ф. Благодарю покорно!
Я скоро къ нимъ вбѣжалъ!
Я помѣшалъ, я испугалъ!
Я, Софья Павловна, разстроенъ самъ; день цѣлый
Нѣтъ отдыха: мечусь какъ словно угорѣлый;
По должности, по службѣ хлопотня:
Тотъ пристаетъ, другой, — всѣмъ дѣло до меня.
Но ждалъ ли новыхъ я хлопотъ, чтобъ былъ обманутъ?
С. *(сквозь слезы)* Кѣмъ батюшка?
Ф. Вотъ попрекать мнѣ станутъ,
Что безъ толку всегда журю!
Не плачь, я дѣло говорю.
Ужъ о твоемъ ли не радѣли
Объ воспитаньи съ колыбели?
Мать умерла — умѣлъ я принанять
Въ мадамъ Розье вторую мать;
Старушку золото въ надзоръ къ тебѣ приставилъ:
Умна была, нравъ тихій, рѣдкихъ правилъ;
Одно не къ чести служитъ ей:
За лишнихъ въ годъ пятьсотъ рублей
Сманить себя другими допустила.
Да не въ мадамѣ сила:
Не надобно другаго образца,
Когда въ глазахъ примѣръ отца.
Смотри ты на меня: не хвастаюсь сложеньемъ,
Однако бодръ и свѣжъ и дожилъ до сѣдинъ,
Свободенъ, вдовъ, себѣ я господинъ...
Монашескимъ извѣстенъ поведеньемъ...
. . . .
Ужасный вѣкъ! не знаешь, что начать?
Всѣ умудрились не по лѣтамъ,
А пуще дочери.—Да сами добряки!
Дались намъ эти языки!
Беремъ же побродягъ и въ домъ и по билетамъ,
Чтобъ нашихъ дочерей всему учить, всему:
И танцамъ, и пѣнью, и нѣжностямъ и вздохамъ,
Какъ будто въ жоны ихъ готовимъ скоморохамъ!
Ты, посѣтитель, что? Ты здѣсь, сударь, къ чему?
Безроднаго призрѣлъ и ввелъ въ мое семейство,
Далъ чинъ ассесора и взялъ въ секретари,
Въ Москву переведенъ черезъ мое содѣйство,—
И будь не я, коптѣлъ бы ты въ Твери!...

Софья разсказываетъ свой сонъ, желая намекнуть имъ на свою любовь къ какому-то робкому и бѣдному молодому человѣку. Отецъ совѣтуетъ ей соснуть и идетъ съ Молчалинымъ подписывать бумаги. Софья наединѣ съ Лизой. Изъ ихъ разговора мы узнаемъ, что она безъ памяти отъ скромнаго Молчалина и не очень дорожитъ своимъ добрымъ именемъ и общественнымъ мнѣніемъ. Лиза возстаетъ противъ ея любви и напоминаетъ ей о Чацкомъ, который нѣжно любилъ ее съ дѣтства и котораго и она любила; но Софья отзывается о Чацкомъ съ враждебностью, находя въ немъ только злословіе и боль-

ше ничего.—Является Чацкій. Три года путешествовалъ онъ и не видалъ ея; теперь спѣшитъ увидѣться. Онъ говоритъ съ ней о томъ, что она холодно принимаетъ его, тогда какъ онъ скакалъ сломя голову сорокъ пять часовъ... С. холодно надъ нимъ издѣвается,—и онъ начинаетъ разспрашивать у ней о знакомыхъ и дѣлать противъ нихъ сатирическія выходки. Выходитъ Ф. Софья пользуется случаемъ ускользнуть. Ч. разсѣянно отвѣчаетъ на пошлости Ф. и безпрестанно заводитъ съ нимъ рѣчь о Софьѣ; наконецъ спохватывается, что ему пора домой, и уходитъ. Ф. силится объяснить сонъ дочери и на кого изъ двухъ она метитъ—на Молчалина или на Чацкаго: одинъ нищій—другой франтъ, мотъ и сорванецъ и заключаетъ свою думу, а вмѣстѣ съ нею и первый актъ комедіи, восклицаніемъ.

Что за коммисія, Создатель,
Быть взрослой дочери отцомъ.

(Дѣйствіе 1-е.)

ДѢЙСТВІЕ 2-Е.

ЯВЛЕНІЕ 1-Е.

Фамусовъ и слуга

Ф. Петрушка! Вѣчно ты съ обновкой,
Съ разодраннымъ локтемъ! Достань-ка календарь.
Читай, не такъ, какъ пономарь,
А съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой.
Постой же... на листѣ черкни на записномъ,
Противу будущей недѣли:
Къ Прасковьѣ Ѳедоровнѣ въ домъ
Во вторникъ званъ я на форели.
Куда какъ чуденъ созданъ свѣтъ!
Пофилософствуй—умъ вскружится!
То бережешься, то обѣдъ,
Ѣшь три часа, а въ три дня не сварится!
Отмѣть-ка: въ тотъ же день... нѣтъ, нѣтъ...
Въ четвергъ я званъ на погребенье.
Охъ, родъ людской! пришло въ забвенье,
Что всякій долженъ самъ туда же лѣзть,
Въ тотъ ларчикъ, гдѣ ни стать ни сѣсть!
Но память по себѣ намѣренъ кто оставить
Житьемъ похвальнымъ—вотъ примѣръ:
Покойникъ былъ почтенный камергеръ,
Съ ключомъ, и сыну ключъ умѣлъ доставить;
Богатъ—и на богатой былъ женатъ;
Переженилъ дѣтей, внучатъ;
Скончался: всѣ о немъ съ прискорбьемъ вспоминаютъ:
Максимъ Петровичъ! миръ ему!
Что за тузы въ Москвѣ живутъ и умираютъ!
Пиши: въ четвергъ, одно ужъ къ одному,
А можетъ въ пятницу, а можетъ и въ субботу,
Я долженъ у вдовы, у докторши, крестить...

Въ это время приходитъ Чацкій и, по уходѣ слуги, начинаетъ разговоръ.

Вы что-то невеселы стали...
Скажите отчего? пріѣздъ не въ пору мой?
Ужъ Софьѣ Павловнѣ какой
Не приключилось-ли печали?
У васъ въ лицѣ, въ движеньяхъ, суэта.
Ф. Ахъ, батюшка! нашолъ загадку:
Не веселъ я!.. Въ мои лѣта
Не можно же пускаться мнѣ въ присядку.
Ч. Никто не приглашаетъ васъ;
Я только что спросилъ два слова
Объ Софьѣ Павловнѣ: быть можетъ, нездорова?
Ф. Тьфу, Господи прости! пять тысячъ разъ
Твердитъ одно и тоже!
То Софьи Павловны на свѣтѣ нѣтъ пригоже,
То Софья Павловна больна!
Скажи: тебѣ понравилась она?
Обрыскалъ свѣтъ, не хочешь ли жениться?
Ч. А вамъ на что?
Ф. Меня не худо бы спроситься:
Вѣдь я ей нѣсколько сродни;
По крайней мѣрѣ искони
Отцомъ не даромъ называли.
Ч. Пусть я посватаюсь, вы что бы мнѣ сказали?
Ф. Сказалъ бы я: во первыхъ, не блажи!
Имѣньемъ, братъ, не управляй оплошно;
А главное—поди-ка, послужи.

Ч. Служить бы радъ, прислуживаться тошно.
Ф. Вотъ то-то, всѣ вы гордецы!
Спросили бы, какъ дѣлали отцы,
Учились бы, на старшихъ глядя.
Мы, напримѣръ... или покойникъ дядя,
Максимъ Петровичъ: онъ не то на серебрѣ,
На золотѣ ѣдалъ; сто человѣкъ къ услугамъ;
Весь въ орденахъ; ѣзжалъ-то вѣчно цугомъ:
Вѣкъ при Дворѣ да при какомъ Дворѣ!
Тогда не то, что нынѣ,
При государынѣ служилъ Екатеринѣ!
А въ тѣ поры всѣ важны.... въ сорокъ пудъ...
Раскланяйся—тупеемъ не кивнутъ;
Вельможа въ случаѣ, тѣмъ паче,
Не какъ другой: и пилъ и ѣлъ иначе!
А дядя—что твой князь, что графъ?
Серьезный видъ, надменный нравъ;
Когда же надо подслужиться,
И онъ сгибался въ перегибъ.
На куртагѣ ему случилось оступиться:
Упалъ — да такъ, что чуть затылка не прошибъ...
Старикъ заохалъ... голосъ хрипкой...
Былъ Высочайшею пожалованъ улыбкой:
Изволили смѣяться... Что жъ онъ?
Привсталъ, оправился, хотѣлъ отдать поклонъ,
Упалъ въ другорядь ужъ нарочно;
А хохотъ пуще—онъ и въ третій также точно!
А? какъ по вашему? По нашему—смышленъ:
Упалъ онъ больно—всталъ здорово.
Зато, бывало, въ вистъ кто чаще приглашонъ?
Кто слышитъ при Дворѣ привѣтливое слово?
Максимъ Петровичъ! Кто предъ всѣми зналъ почотъ?
Максимъ Петровичъ! Шутка!
Въ чины выводитъ кто и пенсіи даетъ?
Максимъ Петровичъ!.. Да!.. Вы, нынѣшніе,—нутка!
Ч. И точно, началъ свѣтъ глупѣть,
Сказать вы можете, вздохнувши;
Какъ посравнить, да посмотрѣть
Вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій,—
Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ.
Какъ тотъ и славился, чья чаще гнулась шея,
Какъ не въ войнѣ, а въ мирѣ брали лбомъ,
Стучали объ полъ, не жалѣя!
Кому нужда—тѣмъ спѣсь, лежи они въ пыли:
А тѣмъ, кто выше—лесть, какъ кружево, плели.
Я не о дядюшкѣ о вашемъ говорю,
Его не возмутимъ мы праха.
Но между тѣмъ, кого охота заберетъ,
Хоть въ раболѣпствѣ самомъ пылкомъ,
Теперь, чтобы смѣшить народъ,
Отважно жертвовать затылкомъ!
А сверстничекъ, а старичокъ
Иной, глядя на тотъ скачокъ
И разрушаясь въ вѣтхой кожѣ,
Чай приговаривалъ: ахъ, еслибы мнѣ тоже!
Хоть есть охотники поподличать вездѣ,
Да нынче смѣхъ страшитъ и держитъ стыдъ въ уздѣ!

Сужденія Чацкаго удивляютъ и ужасаютъ Фамусова. Онъ готовъ считать молодаго человѣка и за карбонарія, и за проповѣдника вольности, не признающаго властей. Приходитъ полковникъ Скалозубъ. Узнавши объ этомъ отъ слуги, Ф. еще до появленія полковника, даетъ совѣтъ Чацкому.

Пожалуйста, сударь, при немъ остерегись:
Извѣстный человѣкъ, солидный,
И знаковъ тьму отличья нахваталъ:
Не по лѣтамъ и чинъ завидный:
Не нынче завтра-Генералъ!
Пожалуйста при немъ веди себя скромненько.
Эхъ, Александръ Андреичъ, дурно братъ!..
Ко мнѣ онъ жалуетъ частенько:
Я всякому, ты знаешь, радъ.
Въ Москвѣ прибавятъ вѣчно въ трое:
Вотъ будто женится на Софьюшкѣ. Пустое!
Онъ, можетъ быть, и радъ бы былъ душой,
Да надобности самъ не вижу я большой

Дочь выдавать, ни завтра, ни сегодня:
Вѣдь Софья молода... А впрочемъ власть Господня!
Пожалуйста при немъ не спорьты вкривь и вкось
И завиральныя идеи эти брось.
Однако нѣтъ его! Какую бы причину?
А! знать, пошолъ ко мнѣ въ другую половину *(поспѣшно уходитъ)*.

Чацкій *(оставшись одинъ)*. Какъ суетится! Что за прыть!
А Софья?.. Нѣтъ ли впрямъ тутъ жениха какого?
Съ которыхъ поръ меня дичится, какъ чужаго?
Какъ здѣсь бы ей небыть.—
Кто этотъ Скалозубъ? Отецъ имъ сильно бредитъ;
А можетъ быть, не только что отецъ...
Ахъ, тотъ скажи любви конецъ,
Кто на три года вдаль уѣдетъ!

(Приходятъ Фамусовъ и Скалозубъ)

Ф. Сергѣй Сергѣичъ, къ намъ сюда-съ
Прошу покорно,—здѣсь теплѣе,
Прозябли вы—согрѣемъ васъ,
Отдушничекъ откроемъ поскорѣе...

Скалозубъ *(густымъ басомъ)*
Зачѣмъ же лазить, напримѣръ,
Самимъ?.. Мнѣ совѣстно, какъ честный офицеръ!

Ф. Неужто для друзей не дѣлать мнѣ ни шагу?
Сергѣй Сергѣичъ дорогой!
Кладите шляпу, сдѣньте шпагу.
Вотъ вамъ софа, раскиньтесь на покой...

Ск. Куда прикажете, лишь только бы усѣсться.

(Всѣ трое садятся, Чацкій поодаль).

Ф. Ахъ, батюшка, сказать, чтобъ не забыть:
Позвольте намъ своими счесться,
Хоть дальними—наслѣдства не дѣлить...
Не знали вы, а я подавно,—
Спасибо научилъ двоюродный вашъ братъ:
Какъ вамъ доводится Настасья Николавна?

Ск. Не знаю-съ, виноватъ:
Мы съ нею вмѣстѣ не служили.

Ф. Сергѣй Сергѣичъ, это вы ли?
Нѣтъ, я передъ родней, гдѣ встрѣтится, ползкомъ;
Сыщу ее на днѣ морскомъ!
При мнѣ служащіе чужіе очень рѣдки:
Все больше сестрины, свояченицы дѣтки;
Одинъ Молчалинъ мнѣ не свой,
И то за тѣмъ, что дѣловой.
Какъ станешь представлять къ крестишку или къ мѣстечку,—
Ну, какъ не порадѣть родному человѣчку?
Однако братецъ вашъ мнѣ другъ и говорилъ,
Что вами выгодъ тьму по службѣ получилъ.

Ск. Въ тринадцатомъ году мы отличались съ братомъ—
Въ тридцатомъ егерскомъ, а послѣ въ сорокъ - пятомъ

Ф. Да, счастье, у кого есть эдакій сынокъ!
Имѣетъ, кажется, въ петличкѣ орденокъ?

Ск. За третье августа; засѣли мы въ траншею...
Ему данъ съ бантомъ, мнѣ на шею.

Ф. Любезный человѣкъ, и посмотрѣть, такъ хватъ!
Прекрасный человѣкъ двоюродный вашъ братъ!

Ск. Но крѣпко набрался какихъ-то новыхъ правилъ:
Чинъ слѣдовалъ ему, — онъ службу вдругъ оставилъ,
Въ деревнѣ книги сталъ читать.

Ф. Вотъ молодость!... читать... а послѣ хвать!
Вы повели себя исправно:
Давно полковники, а служите недавно,

Ск.. Довольно счастливъ я въ товарищахъ моихъ,
Вакансіи какъ разъ открыты:
То старшихъ выключатъ иныхъ,
Другіе, смотришь, перебиты.

Ф. Да, чѣмъ Господь кого поищетъ, вознесетъ!

Ск. Бываетъ, моего счастливѣе везетъ:
У насъ въ пятнадцатой дивизіи, не далѣ,

Объ нашемъ хоть сказать бригадномъ генералѣ.
Ф. Помилуйте, а вамъ чего не достаетъ?
Ск. Не жалуюсь, необходили;
Однако за полкомъ два года поводили.
Ф. Въ погонь ли за полкомъ?
За то, конечно, въ чомъ другомъ
За вами далеко тянуться!
Ск. Нѣтъ-съ, старѣе меня по корпусу найдутся:
Я съ восемь сотъ девятаго служу.
Да, чтобъ чины добыть, есть многіе каналы;
Объ нихъ какъ истинный философъ я сужу:
Мнѣ только бы досталось въ генералы.
Ф. И славно судите; дай Богъ здоровья вамъ
И генеральскій чинъ,—а тамъ—
Зачѣмъ откладывать бы дальше—
Рѣчь завести о генеральшѣ...
Ск. Жениться? Я ничуть не прочь.
Ф. Чтожъ? у кого сестра, племянница есть, дочь...
Въ Москвѣ вѣдь нѣтъ невѣстамъ перевода.
А, батюшка, признайтесь, что едва
Гдѣ сыщется еще столица, какъ Москва?
Ск. Дистанція огромнаго размѣра.
Ф. Вкусъ, батюшка, отмѣнная манера,
На все свои законы есть.
Вотъ, напримѣръ: у насъ ужъ изстари ведется,
Что по отцѣ и сыну честь;
Будь плохенькой, да если наберется
Душъ тысячки двѣ родовыхъ,
Тотъ и женихъ.
Другой хоть прытче будь, надутый всякимъ чванствомъ,—
Пускай себѣ, разумникомъ слыви,—
А въ семью не включать, на насъ не подиви!
Вѣдь только здѣсь еще и дорожатъ дворянствомъ!
Да это ли одно?.. возьмите вы хлѣбъ-соль:
Кто хочетъ къ намъ пожаловать—изволь:
Дверь отперта для званыхъ и незваныхъ,
Особенно изъ иностранныхъ;
Хоть честный человѣкъ, хоть нѣтъ,
Для насъ ровнехонько—про всѣхъ готовъ обѣдъ.
Возьмите вы, отъ головы до пятокъ,
На всѣхъ московскихъ есть особый отпечатокъ.
Извольте посмотрѣть на нашу молодежь,
На юношей, сынковъ и внучатъ:
Журимъ мы ихъ, а если разберешь—
Въ пятнадцать лѣтъ учителей научатъ!
А наши старички? Какъ ихъ возьметъ задоръ,
Засудятъ о дѣлахъ... что слово — приговоръ.
Вѣдь столбовые всѣ; въ усъ никому не дуютъ
И о правительствѣ иной разъ такъ толкуютъ,
Что еслибъ кто подслушалъ ихъ—бѣда!
Не то, чтобъ новизны вводили—никогда!
Спаси насъ, Боже! Нѣтъ! А придерутся
Къ тому, къ сему, а чаще ни къ чему.
Поспорятъ, пошумятъ... и разойдутся.
Прямые канцлеры въ отставкѣ по уму.
Я вамъ скажу: знать время не приспѣло,
Но что безъ нихъ не обойдется дѣло.
А дамы? Сунься кто, попробуй, овладѣй!
Судьи всему, вездѣ; надъ ними нѣтъ судей;
За картами, когда возстанутъ общимъ бунтомъ,
Дай Богъ терпѣнья! Вѣдь самъ я былъ женатъ!
Скомандовать велите передъ фрунтомъ!
Присутствовать пошлите ихъ въ сенатъ!
Ирина Власьевна! Лукерья Алексѣвна!
Татьяна Юрьевна! Пульхерія Андревна!
А дочекъ кто видалъ—всякъ голову повѣсь!
Его величество король былъ прусскій здѣсь:
Дивился не путемъ московскимъ онъ дѣвицамъ,
Ихъ благонравію, не лицамъ.
И точно!—Можно ли воспитаннѣе быть?
Умѣютъ же себя онѣ принарядить
Тафтицей, бархатцемъ и дымкой.
Словечка въ простотѣ не скажутъ, все съ ужимкой.

Французскіе романсы вамъ поютъ
И верхнія выводятъ нотки!
Къ военнымъ людямъ такъ и льнутъ:
А потому, что патріотки...
Рѣшительно скажу: едва
Другая сыщется столица, какъ Москва!
Ск. По моему сужденью,
Пожаръ способствовалъ ей много къ украшенью.
Ф. Не поминайте намъ! ужъ мало ли крехтятъ!
Съ тѣхъ поръ дороги, тротуары
Дома и все—на новый ладъ.
Ч. Дома новы, но предразсудки стары.
Порадуйтесь: не истребятъ
Ни годы ихъ, ни моды, ни пожары.
Ф. (*Чацкому*): Эй, завяжи на память узелокъ!
Просилъ я помолчать—не велика услуга.
(*Скалозубу*) Позвольте, батюшка, вотъ-съ Чацкаго, мнѣ друга,
Андрея Ильича покойнаго, сынокъ;
Не служитъ—то есть, въ томъ онъ пользы не находитъ;
Но захоти, такъ былъ бы дѣловой;
Жаль, очень жаль: онъ малый съ головой
И славно пишетъ, переводитъ....
Нельзя не пожалѣть, что съ эдакимъ умомъ....
Ч. Нельзя ли пожалѣть о комъ нибудь другомъ:
И похвалы мнѣ ваши досаждаютъ!
Ф. Не я одинъ—всѣ также осуждаютъ.
Ч. А судьи кто?... За древностію лѣтъ,
Къ свободной жизни ихъ вражда непримирима:
Сужденья черпаютъ изъ забытыхъ газетъ
Временъ Очаковскихъ и покоренья Крыма.
Всегда готовые къ журьбѣ,
Поютъ все пѣснь одну и ту же,
Не замѣчая о себѣ:
Что старѣе, то хуже.
Гдѣ, укажите намъ, отечества отцы,
Которыхъ мы должны принять за образцы?
Не эти ли, грабительствомъ богаты?
Защиту отъ суда въ друзьяхъ нашли, въ родствѣ,
Великолѣпныя соорудя палаты,
Гдѣ разливаются въ пирахъ и мотовствѣ
И гдѣ не воскресятъ кліенты-иностранцы
Прошедшаго житья подлѣйшія черты!
Да и кому въ Москвѣ не зажимали рты
Обѣды, ужины и танцы?
Не тотъ ли, вы къ кому меня, еще съ пеленъ
Для замысловъ какихъ-то непонятныхъ
Дитей возили на поклонъ,
Тотъ Несторъ негодяевъ знатныхъ,
Толпою окруженный слугъ?
Усердствуя, они, въ часы вина и драки,
И жизнь, и честь его не разъ спасали; вдругъ
На нихъ онъ вымѣнялъ борзыя три собаки!
Или—вонъ тотъ еще, который, для затѣй,
На крѣпостной балетъ согналъ на многихъ фурахъ
Отъ матерей, отцовъ отторженныхъ дѣтей?
Самъ погруженъ умомъ въ зефирахъ и амурахъ,
Заставилъ и Москву дивиться ихъ красѣ;
Но кредиторовъ тѣмъ не согласилъ къ отсрочкѣ:
Амуры и зефиры всѣ
Распроданы по одиночкѣ!
Вотъ тѣ, которые достигли до сѣдинъ!
Вотъ уважать кого должны мы на безлюдьи!
Вотъ наши строгіе цѣнители и судьи!
Теперь, пускай, изъ насъ одинъ,
Изъ молодыхъ людей, найдется врагъ исканій:
Не требуя ни мѣстъ, ни повышенья въ чинъ,
Въ науки онъ вперитъ умъ, алчущій познаній,
Или въ душѣ его самъ Богъ возбудитъ жаръ
Къ искусствамъ творческимъ, высокимъ и прекраснымъ,
Они тотчасъ: разбой! пожаръ!
И прослыветь у нихъ мечтателемъ опаснымъ!
Мундиръ! одинъ мундиръ! Онъ въ прежнемъ ихъ быту,
Когда-то укрывалъ—расшитый и красивый —

Ихъ слабодушіе, разсудка нищету.
И намъ за ними въ путь счастливый?
И въ жонахъ, въ дочеряхъ къ мундиру таже страсть.
Я самъ къ нему давно-ль отъ нѣжности отрекся?
Теперь ужъ въ это мнѣ ребячество не впасть;
Но кто-бъ тогда за всѣми не увлекся?
Когда изъ гвардіи, иные отъ Двора,
Сюда на время пріѣзжали:
Кричали женщины—ура!
И въ воздухъ чепчики бросали!
Ф. *(про себя).* Ужъ втянетъ онъ меня въ бѣду! *(Громко)*
Сергѣй Сергѣичъ! я пойду.
И буду ждать васъ въ кабинетѣ. *(Уходитъ).*
Ск. *(Чацкому).* Мнѣ нравится, при этой смѣтѣ,
Искусно какъ коснулись вы
Предубѣжденія Москвы
Къ любимцамъ, къ гвардіи, къ гвардейцамъ, къ гвардіонцамъ:
Ихъ золотцу, шитью — дивятся будто солнцамъ!
А въ первой арміи когда отстали? въ чемъ?
Все такъ прилажено, и тальи всѣ такъ узки,
И офицеровъ вамъ начтемъ,
Что даже говорятъ иные по французски!

Во время этого разговора Молчалинъ, собравшійся кататься верхомъ на лошади, падаетъ; Софья, узнавши объ этомъ, лишается чувствъ, и Чацкій, на этомъ основаніи, заключаетъ, что Софья любитъ Молчалина. Чацкій уходитъ. Софья приглашаетъ Скалозуба на вечеръ, гдѣ будутъ всѣ домашніе друзья и танцы подъ фортепьяно. Оставшись съ Лизой, Софья изъявляетъ свой страхъ за Молчалина. Лиза упрекаетъ ее въ неосторожности, и Молчалинъ беретъ ея сторону противъ Софьи. Оставшись наединѣ съ Лизой, Молчалинъ обнаруживаетъ, что онъ искренно любитъ ее, а Софью «по должности». *(Второе дѣйствіе).*

Чацкій рѣшается допытаться отъ Софьи, кого она любитъ. Софья расхваливаетъ Молчалина, и Чацкій убѣждается изъ этого, что она его и не любитъ и не уважаетъ... Лиза подходитъ къ барышнѣ и шепчетъ ей на ухо, что ее ждетъ Молчалинъ, и та хочетъ уйти. Чацкій проситъ у ней позволенія побыть минуту въ ея комнатѣ, но она пожимаетъ плечами, уходитъ къ себѣ и запирается. Чацкій, оставшись одинъ, увѣряется, что Софья любитъ Молчалина, и вымещаетъ свою досаду остротами. Потомъ онъ заводитъ разговоръ съ Молчалинымъ.

Намъ, Алексѣй Степанычъ, съ вами
Не удалось сказать двухъ словъ.
Ну, образъ жизни вашъ каковъ?
Безъ горя нынче? безъ печали?
М. По прежнему - съ.
Ч. А прежде какъ живали?
М. День-за-день—нынче какъ вчера.
Ч. Къ перу отъ картъ, и къ картамъ отъ пера?
И положонный часъ приливамъ и отливамъ?
М. По мѣрѣ я трудовъ и силъ,
Съ тѣхъ поръ, какъ числюсь по архивамъ,
Три награжденья получилъ.
Ч. Взманили почести и знатность?
М. Нѣтъ, свой талантъ у всѣхъ.
Ч. У васъ?
М. Два-съ: умѣренность и аккуратность.
Ч. Чудеснѣйшіе два и стоятъ нашихъ всѣхъ!
М. Вамъ не дались чины? по службѣ неуспѣхъ?
Какъ удивлялись мы...
Ч. Какое-жъ диво тутъ?
М. Жалѣли васъ.
Ч. Напрасный трудъ!
М. Татьяна Юрьевна разсказывала что-то,
Изъ Петербурга воротясь,
Съ министрами про вашу связь,
Потомъ разрывъ...
Ч. Ей почему забота?
М. Татьянѣ Юрьевнѣ?
Ч. Я съ нею не знакомъ.
М. Съ Татьяной Юрьевной?
Ч. Съ ней вѣкъ мы не встрѣчались.
Слыхалъ, что вздорная...
М. Да это, полно, та-ли съ?
Татьяна Юрьевна... извѣстная... притомъ
Чиновные и должностные
Всѣ ей друзья и всѣ родные!
Къ Татьянѣ Юрьевнѣ хоть разъ бы съѣздить вамъ.
Ч. На что же?

М. Такъ... Частенько тамъ
Мы покровительство находимъ, гдѣ не мѣтимъ.
Какъ обходительна, добра, мила, проста!
Балы даетъ, нельзя богаче,
Отъ Рождества и до поста,
И лѣтомъ праздники на дачѣ...
Ну, право, что бы вамъ въ Москвѣ у насъ служить....
И награжденья брать и весело пожить!
Ч. Когда въ дѣлахъ—я отъ веселій прячусь;
Когда дурачиться—дурачусь;
А смѣшивать два эти ремесла
Есть тьма искусниковъ,—я не изъ ихъ числа.
М. Простите. Впрочемъ тутъ не вижу преступленья,
Вотъ самъ Ѳома Ѳомичъ... знакомъ онъ вамъ?
Ч. Ну, что же?
М. При трехъ министрахъ былъ начальникъ отдѣленья,
Переведенъ сюда....
Ч. Хорошъ! Пустѣйшій человѣкъ изъ самыхъ безтолковыхъ!
М. Какъ можно? Слогъ его здѣсь ставятъ въ образецъ!
Читали вы?
Ч. Я глупостей не чтецъ,
А пуще образцовыхъ.
М. Нѣтъ, мнѣ такъ довелось съ пріятностью прочесть.
Не сочинитель я...
Ч. И по всему замѣтно.
М. Не смѣю моего сужденья произнесть.
Ч. Зачѣмъ же такъ секретно?
М. Въ мои лѣта недолжно смѣть
Свое сужденіе имѣть.
Ч. Помилуйте: мы съ вами не ребята!
Зачѣмъ же мнѣнія чужія только святы?
М. Вѣдь надобно жъ зависѣть отъ другихъ.
Ч. Зачѣмъ же надобно?
М. Въ чинахъ мы небольшихъ.
Ч. *(почти громко)*. Съ такими чувствами, съ такой душою—
Любимъ!... Обманщица смѣялась надо мной!

Между тѣмъ собираются гости. Молчалинъ услуживаетъ, составляетъ партію въ вистъ и пр. Чацкій язвительно колетъ имъ Софью, у которой вдругъ блеснула мысль отомстить ему, ославивъ его сумасшедшимъ.

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Чацкій, Софья и нѣсколько постороннихъ лицъ, которыя въ продолженіе сцены расходятся.

Ч. Ну, тучу разогналъ...
С. Нельзя ль не продолжать?
Ч. Чѣмъ васъ я напугалъ?
За то, что онъ *(М.)* смягчилъ разгнѣванную гостью,
Хотѣлъ я похвалить.
С. А кончили бы злостью.
Ч. Сказать вамъ, что я думалъ? вотъ:
Старушки всѣ народъ сердитый,—
Не худо, чтобъ при нихъ услужникъ знаменитый
Тутъ былъ, какъ громовой отводъ.
Молчалинъ! — Кто другой такъ мирно все уладитъ?
Тамъ моську во-время погладитъ!
Тутъ въ-пору карточку вотретъ!
Въ немъ Зогорѣцкій не умретъ.
Вы давеча его мнѣ исчисляли свойства,
Но многія забыли,—да? *(Уходитъ)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

Софья, потомъ Г. N.

С. *(просебя)* Ахъ, этотъ человѣкъ всегда
Причиной мнѣ ужаснаго разстройства!
Унизить радъ, кольнуть: завистливъ, гордъ и золъ.
Г. N. *(подходитъ)* Вы въ размышленьи?
С. Объ Чацкомъ.
Г. N. Какъ его нашли по возвращеньи?
С. Онъ не въ своемъ умѣ.
Г. N. Ужель съ ума сошелъ?
С. *(помолчавъ)* Не то, чтобы совсѣмъ....
Г. N. Однако есть примѣты?
С. *(Смотритъ на него пристально)* Мнѣ кажется.
Г. N. Какъ можно, въ эти лѣта!
С. Какъ быть! *(въ сторону)*
Готовъ онъ вѣрить!

А, Чацкій!... Любите вы всѣхъ въ шуты рядить,—
Угодноль на себѣ примѣрить? *(уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

Г. N. потомъ Г. D.

Г. N. Съ ума сошолъ!... Ей кажется?... вотъ-на!
Не даромъ, стало быть.... съ чего бъ взяла она!
Ты слышалъ?
Г. D. Что?
Г. N. Объ Чацкомъ?
Г. D. Что такое?
Г. N. Съ ума сошолъ!
Г. D. Пустое!
Г. N. Не я сказалъ, другіе говорятъ.
Г. D. А ты разславить это радъ?
Г. N. Пойду освѣдомлюсь: чай кто нибудь да знаетъ *(уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ.

Г. D. потомъ Загорѣцкій.

Г. D. Вѣрь болтуну!
Услышитъ вздоръ и тотчасъ повторяетъ!
Ты знаешь ли объ Чацкомъ?
З. Ну?
Г. D. Съ ума сошолъ!
З. А знаю, помню, слышалъ.
Какъ мнѣ не знать? примѣрный случай вышелъ:
Его въ безумные упряталъ дядя плутъ;
Схватили, въ жолтый домъ и на цѣпь посадили.
Г. D. Помилуй! онъ сейчасъ здѣсь въ комнатѣ былъ, тутъ!
З. Такъ съ цѣпи стало быть спустили.
Г. D. Ну, милый другъ, съ тобой не надобно газетъ.
Пойду-ка я расправлю крылья,
У всѣхъ повыспрошу; однако чуръ секретъ.

ЯВЛЕНІЕ СЕМНАДЦАТОЕ.

Загорѣцкій, потомъ Графиня внучка.

З. Который Чацкій тутъ? Извѣстная фамилья:
Съ какимъ-то Чацкимъ я когда-то былъ знакомъ.
Вы слышали объ немъ?
Гр. Вн. Объ комъ?
З. Объ Чацкомъ; онъ сейчасъ здѣсь въ комнатѣ былъ.
Гр. Вн. Знаю. Я говорила съ нимъ.
З. Такъ я васъ поздравляю: онъ сумасшедшій....
Гр. Вн. Что?
З. Да, сошолъ съ ума.
Гр. Вн. Представьте! я замѣтила сама,
И хоть пари держатъ,—со мной въ одно вы слово.

ЯВЛЕНІЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ.

Тѣже и Графиня бабушка.

Гр. Вн. Ахъ, grand' maman! вотъ чудеса! вотъ ново!
Вы не слыхали здѣшнихъ бѣдъ?
Послушайте! вотъ прелести! вотъ мило!
Гр. Б. Мой другъ, мнѣ уши заложило!
Скажи погромче....
Гр. Вн. Время нѣтъ.
Il vous dira toute l'histoire!
Пойду, спрошу. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ.

Загорѣцкій и Графиня бабушка.

Гр. Б. Что? Что? Ужъ нѣтъ ли здѣсь пожара?
З. Нѣтъ! Чацкій произвелъ всю эту кутерьму.
Гр. Б. Какъ? Чацкаго кто свелъ въ тюрьму?
З. Въ горахъ былъ раненъ въ лобъ,
Сошолъ съ ума отъ раны.
Гр. Б. Что? къ фармазонамъ въ клобъ
Пошелъ онъ? въ басурманы?
З. Ее не вразумишь! *(Уходитъ.)*
Гр. Б. Антонъ Антонычъ! Ахъ!
И онъ бѣжитъ; всѣ въ страхѣ, въ попыхахъ?

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТОЕ.

Графиня Бабушка и Князь Тугоуховскій.

Гр. Б. Князь, Князь! Охъ, этотъ князь,— по баламъ, самъ чуть дышитъ!
Князь, слышали?
Князь Т. А? хмъ?
Гр. Б. Онъ ничего не слышитъ;
Хоть, можетъ, видѣли: здѣсь полицмейстеръ былъ?
Кн. Т. Э? хмъ?
Гр. Б. Въ тюрьму-то, князь, кто Чацкаго схватилъ?
Кн. Т. И? Хмъ?
Гр. Б. Тесакъ ему да ранецъ!
Въ солдаты! — шутка ли: перемѣнилъ законъ!
Кн. Т. У? Хмъ?
Гр. Б. Да!... въ басурманахъ онъ
Ахъ, окаянный волтерьянецъ!
Что? а? Глухъ, мой отецъ! достаньте свой рожокъ!
Охъ, глухота большой порокъ!

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ

Тѣже и Хлестова, Софья, Молчалинъ и пр.

Хлестова. Съ ума сошелъ? прошу покорно!
Да невзначай! да какъ проворно!
Ты, Софья, слышала?
Платонъ Михайловичъ. Кто первый разгласилъ?
Наталья Дмитріевна. Ахъ, другъ мой, всѣ,
Пл. Мих. Ну, всѣ, такъ вѣришь поневолѣ;
А мнѣ сомнительно.
Фамусовъ *(входитъ)* О комъ? о Чацкомъ что ли?
Чего сомнительно? Я первый, я открылъ.
Давно дивлюсь я, какъ никто его не свяжетъ!
Попробуй о властяхъ—и невѣсть, что наскажетъ!
Чуть низко поклонись, согнись-ка кто кольцомъ
Хоть предъ какимъ ни есть лицомъ,
Такъ назоветъ онъ подлецомъ!...
Хл. Туда же изъ смѣшливыхъ.
Сказала что-то я, онъ началъ хохотать.
Молч. Мнѣ отсовѣтовалъ въ Москвѣ служить въ архивахъ.
Гр. Внучка. Меня модисткою изволилъ величать.
Нат. Дмитр. А мужу моему совѣтъ далъ жить въ деревнѣ!
Загорѣцкій. Безумный по всему!
Гр. Внучка. Я видѣла изъ глазъ.
Фам. По матери пошолъ, по Аннѣ Алексевнѣ:
Покойница съ ума сходила восемь разъ.
Хл. На свѣтѣ дивныя бываютъ приключенья!
Въ его лѣта съ ума спрыгнулъ!
Чай, пилъ не по лѣтамъ?
Княгиня. О, вѣрно!
Гр. Внучка. Безъ сомнѣнья.
Хл. Шампанское стаканами тянулъ.
Нат. Дмитр. Бутылками-съ, и пребольшими.
Загор. *(съ жаромъ).* Нѣтъ, бочками сороковыми.
Фам. Ну, вотъ! великая бѣда,
Что выпьетъ лишнее мущина!
Ученье — вотъ чума, ученость — вотъ причина,
Что нынче пуще. чѣмъ когда,
Безумныхъ развелось людей и дѣлъ и мнѣній...
Хл. И впрямъ съ ума сойдешь отъ этихъ отъ однихъ
Отъ пансіоновъ, школъ, лицеевъ... какъ бишь ихъ?
Да отъ ланкарточныхъ взаимныхъ обученій.
Княгиня. Нѣтъ, въ Петербургѣ Институтъ
Пе...да...го...ническій — такъ, кажется, зовутъ...
Тамъ упражняются въ расколахъ и безвѣрьи
Профессора! У нихъ учился нашъ родня,
И вышелъ, — хоть сейчасъ въ аптеку, въ подмастерья;
Отъ женщинъ бѣгаетъ и даже отъ меня;
Чиновъ нехочетъ знать, онъ химикъ, онъ ботаникъ,
Князь Ѳедоръ, мой племянникъ!

Скалозубъ. Я вас обрадую: всеобщая молва,
Что есть проэктъ насчетъ лицеевъ, школъ, гимназій;
Тамъ будутъ лишь учить по нашему: разъ, два,—
А книги сохранять такъ, для большихъ оказій.
Фам. Сергѣй Сергѣичъ! нѣтъ, ужъ если зло пресѣчь,—
Забрать всѣ книги бы, да сжечь.
Загор. *(Съ кротостью)*
Нѣтъ-съ, книги книгамъ рознь; а если бъ между нами
Былъ цензоромъ назначенъ я,
На басни бы налегъ. Охъ, басни смерть моя!
Насмѣшки вѣчныя надъ львами, надъ орлами!
Кто что ни говори, —
Хоть и животныя, а все таки цари.
Х. Отцы мои! ужъ и то въ умѣ разстроенъ,
Такъ все равно, отъ книгъ ли, отъ питья-ль.
А Чацкаго мнѣ жаль
По христіански, такъ, онъ жалости достоинъ,
Былъ острый человѣкъ; имѣлъ душъ сотни три.
Ф. Четыре.
Х. Три, сударь!
Ф. Четыреста!
Х. Нѣтъ, триста!
Ф. Въ моемъ календарѣ...
Х. Всѣ врутъ календари.
Ф. Какъ разъ четыреста! Охъ, спорить голосиста!
Х. Нѣтъ! триста! Ужъ чужихъ имѣній мнѣ не знать!
Ф. Четыреста, прошу понять!
Х. Нѣтъ, триста, триста, триста!

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ.

Тѣже и Чацкій.

Нат. Дмитр. Вотъ онъ!
Гр. Внучка. Шттъ!
Всѣ. Шттъ! *(Пятятся отъ него въ противную сторону).*
Хлестова. Ну, какъ съ безумныхъ глазъ
Затѣетъ драться онъ — потребуетъ къ раздѣлкѣ!
Фам. О, Господи! помилуй грѣшныхъ насъ!
(Опасливо). Любезнѣйшій! ты не въ своей тарелкѣ.
Съ дороги нуженъ сонъ. Дай пульсъ— ты нездоровъ!
Ч. Да, мочи нѣтъ! Мильонъ терзаній:
Груди отъ дружескихъ тисковъ,
Ногамъ отъ шарканья, ушамъ отъ восклицаній,
А пуще головѣ отъ всякихъ пустяковъ!
(Подходитъ къ Софьѣ).
Душа здѣсь у меня какимъ-то горемъ сжата,
И въ многолюдствѣ я потерянъ, самъ не свой.
Нѣтъ! не доволенъ я Москвой!
Х. Москва, вишь, виновата!
ф. Подальше отъ него *(Даетъ знакъ Софьѣ).*
Гмъ! Софья! Не глядитъ!
Софья. *(Чацкому).*
Скажите, что васъ такъ гнѣвитъ?
Ч. Въ той комнатѣ незначущая встрѣча:
Французикъ изъ Бордо, надсаживая грудь,
Собралъ вокругъ себя родъ вѣча,
И сказывалъ, какъ снаряжался въ путь
Въ Россію, къ варварамъ, со страхомъ и слезами;
Пріѣхалъ и нашолъ, что ласкамъ нѣтъ конца;
Ни звука Русскаго, ни Русскаго лица
Не встрѣтилъ; будто бы въ отечествѣ, съ друзьями:
Такой же толкъ у дамъ, такіе же наряды.
Онъ радъ, но мы не рады.
Умолкъ.—И тутъ со всѣхъ сторонъ
Тоска, и оханье, и стонъ:
«Ахъ, Франція! Нѣтъ въ мірѣ лучше края!»
Рѣшили двѣ княжны, сестрицы, повторяя
Урокъ, который имъ изъ дѣтства натверженъ.
Куда дѣваться отъ княжонъ?
Я одаль возсылалъ желанья

Смиренныя, однако вслухъ,
Чтобъ истребилъ Господь нечистый этотъ духъ
Пустаго, рабскаго, слѣпаго подражанья.
Чтобъ искру заронилъ онъ въ комъ нибудь съ душой,
Кто могъ бы словомъ и примѣромъ
Насъ удержать, какъ крѣпкою вожжей,
Отъ жалкой тошноты по сторонѣ чужой!
Пускай меня объявятъ старовѣромъ,
Но хуже для меня нашъ Сѣверъ во сто кратъ,
Съ тѣхъ поръ, какъ отдалъ все въ обмѣнъ на новый ладъ,
И нравы, и языкъ, и старину святую,
И величавую одежду—на другую,
По шутовскому образцу:
Хвостъ сзади, спереди какой-то чудный выемъ,
Разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ;
Движенья связаны и не краса лицу;
Смѣшные, бритые, сѣдые подбородки....
Какъ платье, волосы, такъ и умы коротки!
Ахъ! если рождены мы все перенимать,
Хоть у Китайцевъ бы намъ нѣсколько занять
Премудраго у нихъ незнанья иноземцевъ!
Воскреснемъ ли когда отъ чужевластья модъ?
Чтобъ умный, добрый нашъ народъ,
Хотя по языку, насъ не считалъ за Нѣмцевъ!
—«Какъ Европейское поставить въ параллель
Съ національнымъ,—странно что-то!
Ну какъ перевести: мадамъ и мадмуазель?
Ужель: сударыня! — забормоталъ мнѣ кто-то...
Вообразите, тутъ у всѣхъ
На мой же счетъ поднялся смѣхъ.
«Сударыня! ха! ха! ха! ха! прекрасно!
Сударыня! ха! ха! ха! ха! ужасно!
Я, разсердясь и жизнь кляня,
Готовилъ имъ отвѣтъ громовый;
Но всѣ оставили меня.
Вотъ случай вамъ со мною,—онъ не новый:
Москва и Петербургъ во всей Россіи то,
Что человѣкъ изъ города Бордо:
Лишь ротъ открылъ—имѣетъ счастье
Во всѣхъ княженъ вселять участье.
И въ Петербургѣ и въ Москвѣ
Кто недругъ выписныхъ лицъ, вычуръ, словъ кудрявыхъ,
Въ чьей по несчастью головѣ
Пять, шесть найдется мыслей здравыхъ,
И онъ осмѣлится ихъ гласно объявлять,
Глядь...

(Оглядывается: всѣ въ вальсѣ кружатся съ величайшимъ усердіемъ: старики разбрелись къ карточнымъ столамъ).

Наконецъ гости разъѣзжаются съ бала. Чацкому не найдутъ его кучера: онъ задержанъ въ сѣняхъ и по неволѣ подслушиваетъ толки о своемъ сумасшествіи. Это его изумляетъ: онъ далекъ отъ мысли, что онъ сумасшедшій. Вдругъ онъ слышитъ голосъ Софьи, которая, надъ лѣстницей, во второмъ этажѣ, со свѣчей въ рукахъ, въ полголоса зоветъ Молчалина. Лакей приходитъ и докладываетъ о каретѣ, но Чацкій прогоняетъ его и прячется за колонну. Лиза стучится въ дверь къ Молчалину и вызываетъ его. Молчалинъ, вышедши изъ своей комнаты, высказываетъ Лизѣ свои чувства, потомъ, когда является Софья, онъ падаетъ ей въ ноги. Софья приказываетъ ему встать, и чтобы заря не застала его въ домѣ; иначе она все разскажетъ отцу. Она заключаетъ изъявленіемъ радости, что сама все узнала, и что небыло тутъ свидѣтелей, подобно тому, какъ былъ Чацкій во время ея давишняго обморока. «Онъ здѣсь, притворщица!» кричитъ Чацкій, бросаясь къ ней изъ-за колонны. (Содержаніе разсказано большею частью словами Бѣлинскаго).

XXXVI. ГОГОЛЬ.

1808—1851.

Старосвѣтскіе помѣщики.

Въ Малороссіи, гдѣ-то въ захолустьѣ, жили два старичка, помѣщикъ и жена его. Ихъ звали Аѳанасій Ивановичъ Товстогубъ и Пульхерія Ивановна Товстогубиха.

Еслибы я, говоритъ Гоголь, былъ живописецъ и хотѣлъ изобразить на по-

лотнѣ Филемона и Бавкиду, я бы никогда не избралъ другаго оригинала, кромѣ ихъ. Аѳанасію Ивановичу было шестьдесятъ лѣтъ, Пульхеріи Ивановнѣ пятьдесятъ пять. Аѳанасій Ивановичъ былъ высокаго роста, ходилъ всегда въ бараньемъ тулупчикѣ, покрытомъ камлотомъ, сидѣлъ согнувшись и всегда почти улыбался, хотя бы разсказывалъ, или просто слушалъ. Пульхерія Ивановна была нѣсколько серьезна, почти никогда не смѣялась; но на лицѣ и въ глазахъ ея было написано столько доброты, столько готовности угостить васъ всѣмъ, что было у нихъ лучшаго, что вы, вѣрно, нашли бы улыбку уже черезъ-чуръ приторною для ея добраго лица. Легкія морщины на ихъ лицахъ были расположены съ такою пріятностію, что художникъ вѣрно укралъ бы ихъ. По нимъ можно было, казалось, читать всю жизни ихъ, ясную, спокойную, жизнь, которую вели старыя національныя, простосердечныя и вмѣстѣ богатыя фамиліи, всегда составляющія противоположность тѣмъ низкимъ малороссіянамъ, которые выдираются изъ дегтярей, торгашей, наполняютъ, какъ саранча, палаты и присутственныя мѣста, дерутъ послѣднюю копейку съ своихъ же земляковъ, наводняютъ Петербургъ ябедниками, наживаютъ наконецъ капиталъ и торжественно прибавляютъ къ фамиліи своей, оканчивающейся на *о*, слогъ *въ*. Нѣтъ, они не были похожи на этихъ презрѣнныхъ и жалкихъ твореній, такъ же какъ и всѣ малороссійскія старинныя и коренныя фамиліи. Нельзя было глядѣть безъ участія на ихъ взаимную любовь: они никогда не говорили другъ другу *«ты»*, но всегда *«вы»*: вы, Аѳанасій Ивановичъ; вы, Пульхерія Ивановна. «Это вы продавили стулъ, Аѳанасій Ивановичъ?»—«Ничего, не сердитесь, Пульхерія Ивановна; это я.» Они никогда не имѣли дѣтей, и оттого вся привязанность ихъ сосредоточилась на нихъ же самихъ. Когда-то, въ молодости, Аѳанасій Ивановичъ служилъ въ компанейцахъ, былъ послѣ секундъ-маіоромъ; но это уже было очень давно, уже прошло, уже самъ Аѳанасій Ивановичъ почти никогда не вспоминалъ объ этомъ. Аѳанасій Ивановичъ женился тридцати лѣтъ, когда былъ молодцомъ и носилъ шитый камзолъ; онъ даже увезъ довольно ловко Пульхерію Ивановну, которую родственники не хотѣли отдать за него; но объ этомъ уже онъ очень мало помнилъ; по-крайней-мѣрѣ никогда не говорилъ. Всѣ эти давнія, необыкновенныя происшествія давно превратились или замѣнились спокойною и уединенною жизнію, тѣми дремлющими и вмѣстѣ какими-то гармоническими грезами, которыя ощущаете вы, сидя на деревенскомъ балконѣ, обращенномъ въ садъ, когда прекрасный дождь роскошно шумитъ, хлопая по древеснымъ листьямъ, стекая журчащими ручьями и наговаривая дрему на ваши члены, а между - тѣмъ, радуга крадется изъ-за деревьевъ и въ видѣ полуразрушеннаго свода свѣтитъ матовыми семью цвѣтами на небѣ; или когда укачиваетъ васъ коляска, ныряющая между зелеными кустарниками, а степной перепелъ гремитъ, и душистая трава вмѣстѣ съ хлѣбными колосьями и полевыми цвѣтами лѣзетъ въ дверцы коляски, пріятно ударяя васъ по рукамъ и лицу. Онъ всегда слушалъ съ пріятною улыбкою гостей, пріѣзжавшихъ къ нему, иногда и самъ говорилъ, но болѣе распрашивалъ; онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ стариковъ, которые надоѣдаютъ вѣчными похвалами старому времени, или порицаніями новаго; онъ, напротивъ, распрашивая васъ, показывалъ большое любопытство и участіе къ обстоятельствамъ вашей собственной жизни, удачамъ и неудачамъ, которыми обыкновенно интересуются всѣ добрые старики, хотя оно нѣсколько похоже на любопытство ребенка, который въ то время, когда говоритъ съ вами, разсматриваетъ печатку вашихъ часовъ; тогда лицо его, можно сказать, дышало добротою.

Оба старика очень любили покушать. Обыкновенно, послѣ утренняго кофе, Аѳанасій Ива-

новичь ходилъ прогуливаться по двору и разговаривалъ съ прикащикомъ о хозяйствѣ.

Послѣ этого возвращался онъ въ покои и говорилъ, приблизившись къ Пульхеріи Ивановнѣ: «а что, Пульхерія Ивановна, можетъ быть пора закусить чего-нибудь». «Чего же бы теперь, Аѳанасій Ивановичь, закусить? развѣ коржиковъ съ саломъ, или пирожковъ съ макомъ, или, можетъ быть, рыжиковъ соленыхъ?—» «Пожалуй, хоть и рыжиковъ, или пирожковъ» отвѣчалъ Аѳанасій Ивановичь, — и на столѣ вдругъ являлась скатерть съ пирожками и рыжиками. За часъ до обѣда Аѳанасій Ивановичь закусывалъ снова, выпивалъ старинную серебряную чарку водки, заѣдалъ грибками, разными сушеными рыбками и прочимъ. Обѣдать садились въ двѣнадцать часовъ. Кромѣ блюдъ и соусниковъ, на столѣ стояло множество горшечковъ съ замазанными крышками, чтобы не могло выдыхаться какое-нибудь аппетитное издѣліе старинной вкусной кухни. За обѣдомъ обыкновенно шелъ разговоръ о предметахъ самыхъ близкихъ къ обѣду. «Мнѣ кажется, какъ будто эта каша», говаривалъ обыкновенно Аѳанасій Ивановичь: «не много пригорѣла; вамъ это не кажется, Пульхерія Ивановна?» «Нѣтъ, Аѳанасій Ивановичь; вы положите побольше масла, тогда она не будетъ казаться пригорѣлою, или вотъ возьмите этого соусу съ грибками и подлейте къ ней.»—«Пожалуй» говорилъ Аѳанасій Ивановичь, подставляя свою тарелку: «попробуемъ, какъ оно будетъ.» Послѣ обѣда Аѳанасій Ивановичь шелъ отдохнуть одинъ часикъ, послѣ чего Пульхерія Ивановна приносила разрѣзанный арбузъ и говорила: «вотъ попробуйте, Аѳанасій Ивановичь, какой хорошій арбузъ.»—«Да вы не вѣрьте, Пульхерія Ивановна, что онъ красный въ серединѣ» говорилъ Аѳанасій Ивановичь, принимая порядочный ломоть: «бываетъ что и красный да не хорошій.» Но арбузъ немедленно изчезалъ. Послѣ этого Аѳанасій Ивановичь съѣдалъ еще нѣсколько грушъ и отправлялся погулять по саду, вмѣстѣ съ Пульхеріей Ивановной. Пришедши домой, Пульхерія Ивановна отправлялась по своимъ дѣламъ, а онъ садился подъ навѣсомъ, обращеннымъ къ двору, и глядѣлъ, какъ кладовая безпрестанно показывала и закрывала свою внутренность, и дѣвки, толкая одна другую, то вносили, то выносили кучу всякаго дрязгу въ деревянныхъ ящикахъ, рѣшотахъ, ночевкахъ и въ прочихъ фрукто-хранилищахъ. Немного погодя, онъ посылалъ за Пульхеріей Ивановной, или самъ отправлялся къ ней и говорилъ: «чего бы такого поѣсть мнѣ, Пульхерія Ивановна?» «Чего же бы такого?» говорила Пульхерія Ивановна: «развѣ я пойду скажу, чтобы вамъ принесли вареников съ ягодами, которыхъ приказала я нарочно для васъ оставить?—» «И то добре» отвѣчалъ Аѳанасій Ивановичь; послѣ чего все это немедленно было приносимо и, какъ водится, съѣдаемо. Передъ ужиномъ Аѳанасій Ивановичь еще кое-что закушивалъ.

. . . .

Но интереснѣе всего казались для меня старички въ то время, когда бывали у нихъ гости. Тогда все въ ихъ домѣ принимало другой видъ. Эти добрые люди, можно сказать, жили для гостей. Все, что у нихъ было лучшаго, все это выносилось. Они наперерывъ старались угостить васъ всѣмъ, что̀ только производило ихъ хозяйство. Но болѣе всего пріятно мнѣ было то, что во всей ихъ услужливости не было никакой приторности. Это радушіе и готовность такъ кротко выражались на ихъ лицахъ, такъ шли къ нимъ, что по-неволѣ соглашался на ихъ просьбы. Онѣ были слѣдствіе чистой, ясной простоты ихъ добрыхъ, безхитростныхъ лицъ. Это радушіе вовсе не то, съ какимъ угощаетъ васъ чиновникъ казенной палаты, вышедшій въ люди вашими стараніями, называющій васъ благодѣтелемъ и ползающій у ногъ вашихъ. Гость никакимъ образомъ не былъ отпускаемъ въ тотъ же день: онъ долженъ былъ непремѣн-

но переночевать. «Какъ можно такою поздею порою отправляться въ такую дальнюю дорогу!» всегда говорила Пульхерія Ивановна (гость обыкновенно жилъ въ трехъ или въ четырехъ верстахъ отъ нихъ). «Конечно» говорилъ Аѳанасій Ивановичь: «неравно всякаго случая: нападутъ разбойники, или другой недобрый человѣкъ.»—«Пусть Богъ милуетъ отъ разбойниковъ!» говорила Пульхерія Ивановна: «и къ чему разсказывать этакое на ночь; разбойники, не разбойники, а время темное, негодится совсѣмъ ѣхать. Да и вашъ кучеръ, я знаю вашего кучера, онъ такой тендитный да маленькій, его всякая кобыла побьетъ; да притомъ теперь онъ уже, вѣрно, наклюкался и спитъ гдѣ-нибудь.

И гость долженъ былъ непремѣнно остаться; но, впрочемъ, вечеръ въ низенькой, теплой комнатѣ, радушный, грѣющій и усыпляющій разсказъ, несущійся паръ отъ поданнаго на столъ кушанья, всегда питательнаго и мастерски сготовленнаго, бываетъ для него наградою. Я вижу какъ теперь, какъ Аѳанасій Ивановичь, согнувшись, сидитъ на стулѣ со всегдашнею своею улыбкой и слушаетъ со вниманіемъ и даже наслажденіемъ гостя! Часто рѣчь заходила и о политикѣ. Гость, тоже весьма рѣдко выѣзжавшій изъ своей деревни, часто съ значительнымъ вниманіемъ и таинственнымъ выраженіемъ лица выводилъ свои догадки и разсказывалъ, что французъ тайно согласился съ англичаниномъ выпустить опять на Россію Бонапарта, или просто разсказывалъ о предстоящей войнѣ, и тогда Аѳанасій Ивановичь часто говаривалъ, какъ будто не глядя на Пульхерію Ивановну: «Я самъ думаю пойти на войну: почему жъ я не могу итти на войну?» «Вотъ уже и пошелъ!» прерывала Пульхерія Ивановна. «Вы не вѣрьте ему» говорила она, обращаясь къ гостю: «гдѣ уже ему, старому, итти на войну! его первый солдатъ застрѣлитъ! Ей Богу застрѣлитъ! Вотъ такъ-таки прицѣлится и застрѣлитъ.»—«Что жъ» говорилъ Аѳанасій Ивановичъ: «и я его застрѣлю.»—«Вотъ слушайте только, что онъ говоритъ!» подхватывала Пульхерія Ивановна: «куда ему итти на войну! И пистоли его давно уже заржавѣли и лежатъ въ коморѣ; если бъ вы ихъ видѣли тамъ, такіе, что прежде еще, нежели выстрѣлитъ, разорветъ ихъ порохомъ. И руки себѣ поотбиваетъ, и лицо искалечитъ и на-вѣки несчастнымъ останется!»—«Что жъ» говорилъ Аѳанасій Ивановичь: «я куплю себѣ новое вооруженіе; я возьму саблю или казацкую пику.»—«Это все выдумки; такъ вотъ вдругъ прійдетъ въ голову и начнетъ разсказывать» подхватывала Пульхерія Ивановна съ досадою: «я и знаю, что онъ шутитъ, а все таки непріятно слушать; вотъ этакое онъ всегда говоритъ; иной разъ слушаешь, слушаешь, да и страшно станетъ.» Но Аѳанасій Ивановичь, довольный тѣмъ, что нѣсколько напугалъ Пульхерію Ивановну, смѣялся, сидя согнувшись на своемъ стулѣ.

Жизнь старичковъ проходила однообразно, мирно и счастливо. Наконецъ счастіе ихъ было нарушено самымъ ничтожнымъ приключеніемъ. У Пульхеріи Ивановны была кошечка, къ которой старушка очень привыкла. Какъ-то однажды она убѣжала въ лѣсъ, куда ее сманили дикія кошки. Постепенно Пульхерія Ивановна забыла ее. Но однажды любимая кошечка пришла домой, тощая и голодная. Помѣщица покормила ее. Та поѣла съ жадностью—и снова ушла.

Задумалась старушка: «Это смерть моя приходила за мною!» сказала она сама себѣ и ничто не могло ее разсѣять: весь день она была скучна. Напрасно Аѳанасій Ивановичь шутилъ и хотѣлъ узнать, отчего она такъ вдругъ загрустила: Пульхерія Ивановна была безотвѣтна, или отвѣчала совершенно не такъ, что можно было удовлетворить Аѳанасія Ивановича. На другой день она замѣтно похудѣла.

«Что это съ вами, Пульхерія Ивановна? Ужъ не больны ли вы?»

«Нѣтъ, я не больна, Аѳанасій Ивановичь! я хочу вамъ объявить одно особенное происшествіе; я знаю, что я это-

го лѣта умру; смерть моя уже приходила за мною!»

Уста Аѳанасія Ивановича какъ-то болѣзненно искривились; онъ хотѣлъ однакожъ побѣдить въ душѣ своей грустное чувство и, улыбнувшись, сказалъ: «Богъ знаетъ, что̀ вы говорите, Пульхерія Ивановна; вы вѣрно, вмѣсто декохта, что часто пьете, выпили персиковой.»

«Нѣтъ, Аѳанасій Ивановичъ, я не пила персиковой» сказала Пульхерія Ивановна».

И Аѳанасію Ивановичу сдѣлалось жалко, что онъ такъ пошутилъ надъ Пульхеріей Ивановной, и онъ смотрѣлъ на нее, и слеза повисла на его рѣсницѣ.

«Я прошу васъ, Аѳанасій Ивановичъ, чтобы вы исполнили мою волю,» сказала Пульхерія Ивановна: «когда я умру, то похороните меня возлѣ церковной ограды. Платье надѣньте на меня сѣренькое, то, что съ небольшими цвѣточками по коричневому полю; атласнаго платья, что съ малиновыми полосками, не надѣвайте на меня: мертвой уже не нужно платье—на что̀ оно ей? а вамъ оно пригодится: изъ него сошьете себѣ парадный халатъ на-случай, когда пріѣдутъ гости, то чтобы можно было вамъ прилично показаться и принять ихъ.»

«Богъ знаетъ, что̀ вы говорите Пульхерія Ивановна!» говорилъ Аѳанасій Ивановичъ: «когда-то еще будетъ смерть, а вы уже стращаете такими словами.»

«Нѣтъ, Аѳанасій Ивановичъ, я уже знаю, когда моя смерть. Вы однакожъ не горюйте за мною: я уже старуха, и довольно пожила, да и вы уже стары, мы скоро увидимся на томъ свѣтѣ.»

Но Аѳанасій Ивановичъ рыдалъ, какъ ребенокъ.

«Грѣхъ плакать, Аѳанасій Ивановичъ. Не грѣшите и Бога не гнѣвите своею печалью. Я не жалѣю о томъ, что умираю, объ одномъ только жалѣю я (тяжелый вздохъ прервалъ на минуту рѣчь ея), я жалѣю о томъ, что не знаю, на кого оставить васъ, кто присмотритъ за вами, когда я умру. Вы какъ дитя маленькое: нужно, чтобы любило васъ то, которое будетъ ухаживать за вами.» При этомъ на лицѣ ея выразилась такая глубокая, такая сокрушительная сердечная жалость, что я не знаю, могъ ли бы кто-нибудь въ то время глядѣть на нее равнодушно.

«Смотри мнѣ, Явдоха» говорила она, обращаясь къ ключницѣ, которую нарочно велѣла позвать: «когда я умру, чтобы ты глядѣла за паномъ, чтобы берегла его, какъ глаза своего, какъ свое родное дитя. Гляди, чтобы на кухнѣ готовилось то̀, что̀ онъ любитъ; чтобы бѣлье и платье ты ему подавала всегда чистое; чтобы, когда гости случатся, ты принарядила его прилично, а то, пожалуй, онъ иногда выйдетъ въ старомъ халатѣ, потому-что и теперь часто позабываетъ онъ, когда бываетъ праздничный день, а когда будничный. Не своди съ него глазъ, Явдоха; я буду молиться за тебя на томъ свѣтѣ, и Богъ наградитъ тебя; не забывай же, Явдоха; ты уже стара, тебѣ недолго жить: не набирай грѣха на душу. Когда же не будешь за нимъ присматривать, то не будетъ тебѣ счастья на свѣтѣ; я сама буду просить Бога, чтобы не давалъ тебѣ благополучной кончины. И сама ты будешь несчастна, и дѣти твои будутъ несчастны, и весь родъ вашъ не будетъ имѣть ни въ чемъ благополучія Божія.»

Наконецъ она умерла. Мужъ былъ сильно пораженъ. Смерть спутницы долгой жизни потрясла все его существо. Онъ сдѣлался грустнѣе, задумчивѣе, часто плакалъ, какъ ребенокъ, и все думалъ о Пульхерьѣ Ивановнѣ. Однажды, во время прогулки по саду, ему показалось, что его зоветъ Пульхерія Ивановна. Бѣдный старикъ сталъ думать о смерти и наконецъ сошелъ въ могилу, куда звала его покойная жена.

Тарасъ Бульба.

Содержаніе. Къ Тарасу Бульбѣ, старому казацкому полковнику, пріѣхали два сына Остапъ и Андрей, учившіеся въ Кіевской бурсѣ. Для окончательнаго образованія, собственно казацкаго, отецъ хотѣлъ отправить ихъ въ Запорож-

скую сѣчь; но при видѣ ихъ рослости и красоты вспыхнулъ его воинскій духъ и онъ рѣшился ѣхать съ ними самъ. Послѣ короткихъ сборовъ послѣдовалъ отъѣздъ, къ величайшему огорченію матери, не успѣвшей полюбоваться на сыновей. Путники ѣхали по прекрасной степи. Они были задумчивы. Бульба вспоминалъ прежнихъ сподвижниковъ. Остапъ и Андрей — бурсацкую жизнь; у Андрея въ воспоминаніяхъ носился кромѣ того образъ Полячки, которая плѣнила его въ Кіевѣ. Пріѣхали въ сѣчь (гл. I и II). Разгульная жизнь казаковъ очень заинтересовала новичковъ. Чтобы дать сыновьямъ случай показать свою доблесть, Бульба хотѣлъ поднять Запорожцевъ на Турокъ или Татаръ. Онъ пришелъ къ Кошевому и сказалъ ему прямо.

«Что, кошевой, пора бы погулять Запорожцамъ?»

«Негдѣ погулять», отвѣчалъ кошевой, вынувши изо рту маленькую трубку и сплюнувъ на сторону.

«Какъ негдѣ? можно пойти на турещину или на татарву.»

«Не можно ни въ турещину, ни на татарву» отвѣчалъ кошевой, взявши опять хладнокровно въ ротъ свою трубку.

«Какъ не можно?»

«Такъ; мы обѣщали султану миръ.»

«Да вѣдь онъ бусурманъ: и Богъ и святое писаніе велитъ бить бусурмановъ.»

«Не имѣемъ права. Если бъ не клялись еще нашею вѣрою, то, можетъ-быть, и можно было бы; а теперь нѣтъ, не можно.»

«Какъ не можно? Какъ же ты говоришь: не имѣемъ права? Вотъ у меня два сына, оба молодые люди. Еще ни разу ни тотъ, ни другой не былъ на войнѣ, а ты говоришь — не имѣемъ права; а ты говоришь, не нужно итти Запорожцамъ.»

«Ну, ужъ не слѣдуетъ такъ.»

«Такъ стало-быть слѣдуетъ, чтобы пропадала даромъ казацкая сила, чтобы человѣкъ сгинулъ, какъ собака, безъ добраго дѣла, чтобы ни отчизнѣ, ни всему христіанству не было отъ него никакой пользы. Такъ на что̀ же мы живемъ, на какого чорта мы живемъ, растолкуй ты мнѣ это. Ты человѣкъ умный, тебя не даромъ выбрали въ кошевые, растолкуй мнѣ, на что̀ мы живемъ?»

Кошевой не далъ отвѣта на этотъ вопросъ. Это былъ упрямый казакъ. Онъ немного помолчалъ и потомъ сказалъ: «а войнѣ все-таки не бывать».

«Такъ не бывать войнѣ?» спросилъ опять Тарасъ.

«Нѣтъ.»

«Такъ ужъ и думать объ этомъ нечего?»

«И думать объ этомъ нечего.»

«Постой же ты, чортовъ кулакъ!» сказалъ Бульба про себя: «ты у меня будешь знать!» и положилъ тутъ же отомстить кошевому.

Сговорившись съ тѣмъ и другимъ, задалъ онъ всѣмъ попойку, и хмѣльные казаки, въ числѣ нѣсколькихъ человѣкъ повалили прямо на площадь, гдѣ стояли привязанныя къ столбу литавры, въ которыя обыкновенно били сборъ на раду; не нашедши палокъ, хранившихся всегда у довбиша, они схватили по полѣну въ руки и начали колотить въ нихъ. На бой прежде всего прибѣжалъ довбишъ, высокій человѣкъ съ однимъ только глазомъ, однако жъ не смотря на то̀ страшно заспаннымъ.

«Кто смѣетъ бить въ литавры?» закричалъ онъ.

«Молчи! возьми свои палки, да и колоти, когда тебѣ велятъ!» отвѣчали подгулявшіе старшины.

Довбишъ вынулъ тотчасъ изъ кармана палки, которыя онъ взялъ съ собою, очень хорошо зная окончаніе подобныхъ происшествій. Литавры грянули — и скоро на площадь, какъ шмели, стали собираться чорныя кучи Запорожцевъ. Всѣ собрались въ кружокъ, и послѣ третьяго пробитья показались наконецъ старшины: кошевой съ палицей въ рукѣ, знакомъ своего достоинства, судья съ войсковою печатью, писарь съ чернильницею и есаулъ съ жезломъ. Кошевой и старшины сняли шапки и раскланялись на всѣ стороны казакамъ, которые гордо стояли, подпершись руками въ бока.

«Что значитъ это собранье, чего хотите панове?» сказалъ кошевой. Брань и крики не дали ему говорить.

«Клади палицу! клади, чортовъ сынъ, сей же часъ палицу! не хотимъ тебя больше» кричали изъ толпы казаки. Нѣкоторые изъ трезвыхъ куреней хотѣли, какъ казалось, противиться; но курени и пьяные и трезвые пошли на кулаки. Крикъ и шумъ сдѣлались общими.

Кошевой хотѣлъ было говорить, но зная, что разъярившаяся, своевольная толпа можетъ за это прибить его насмерть, что̀ всегда почти бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, поклонился очень низко, положилъ палицу и скрылся въ толпѣ.

«Прикажете, панове, и намъ положить знаки достоинства?» сказали судья, писарь и есаулъ, и готовились тутъ же положить чернильницу, войсковую печать и жезлъ.

«Нѣтъ, вы оставайтесь» закричали изъ толпы: «намъ нужно было только прогнать кошеваго, потому что онъ баба, а намъ нужно человѣка въ кошевые.»

«Кого же выберете теперь въ кошевые? сказали старшины.

«Кукубенка выбрать!» кричала часть.

«Не хотимъ Кукубенка!» кричала другая: «рано ему: еще молоко не обсохло.»

«Шило пусть будетъ атаманомъ!» кричали одни: «Шило посадить въ кошевые!»

«Въ спину тебѣ Шило!» кричала съ бранью толпа: «что онъ за казакъ, когда прокрался, собачій сынъ, какъ татаринъ. Къ чорту въ мѣшокъ пьяницу Шила!»

«Бородатаго, Бородатаго посадимъ въ кошевые!»

«Не хотимъ Бородатаго!»

«Кричите Кирдягу!» шепнулъ Тарасъ Бульба нѣкоторымъ.

«Кирдягу! Кирдягу!» кричала толпа: «Бородатаго! Бородатаго! Кирдягу, Кирдягу! Шила! къ чорту съ Шиломъ! Кирдягу!»

Всѣ кандидаты, услышавши произнесенными свои имена, тотчасъ же вышли изъ толпы, чтобы не подать никакого повода думать, будто бы они помогали личнымъ участіемъ своимъ въ избраніи.

«Кирдягу! Кирдягу!» раздавалось сильнѣе прочихъ: «Бородатаго!» Дѣло принялись доказывать кулаками, и Кирдяга восторжествовалъ.

«Ступайте за Кирдягою! закричали. Человѣкъ десятокъ казаковъ отдѣлилось тутъ же изъ толпы; нѣкоторые изъ нихъ едва держались на ногахъ, — до такой степени успѣли нагрузиться, и отправились прямо къ Кирдягѣ объявить ему о его избраніи.

Кирдяга, хотя престарѣлый, но умный казакъ, давно уже сидѣлъ въ своемъ куренѣ и какъ-будто бы не вѣдалъ ни о чемъ происходившемъ.» Что. панове, что̀ вамъ нужно?» спросилъ онъ.

«Иди, тебя выбрали въ кошевые!»

«Помилосердствуйте, панове!» сказалъ Кирдяга: «гдѣ мнѣ быть достойну такой чести! гдѣ мнѣ быть кошевымъ! Да у меня и разума не хватитъ къ отправленію такой должности. Будто уже никого лучшаго не нашлось въ цѣломъ войскѣ?»

«Ступай же, говорятъ тебѣ!» кричали Запорожцы. Двое изъ нихъ схватили его подъ руки, и какъ онъ ни упирался ногами, но былъ наконецъ притащенъ на площадь, сопровождаемый бранью, подталкиваньями сзади кулаками, пинками и увѣщаньями: «не пяться же, чортовъ сынъ! принимай же честь, собака, когда тебѣ даютъ ее!» Такимъ образомъ введенъ былъ Кирдяга въ казачій кругъ.

«Что, панове!» провозгласили во весь народъ приведшіе его: «согласны ли вы, чтобы сей казакъ былъ у насъ кошевымъ?»

«Всѣ согласны!» закричала толпа, и отъ крика долго гремѣло все поле.

Одинъ изъ старшинъ взялъ палицу и поднесъ ее новоизбранному кошевому. Кирдяга, по обычаю, тотчасъ же отказался. Старшина поднесъ въ другой разъ, Кирдяга отказался и въ другой разъ,

и потомъ уже за третьимъ разомъ взялъ палицу.

Ободрительный крикъ раздался по всей толпѣ, и вновь далеко загудѣло отъ казацкаго крику все поле. Тогда выступило изъ средины народа четверо самыхъ старыхъ сѣдоусыхъ и сѣдочупрынныхъ казаковъ (слишкомъ старыхъ не было въ Сѣчи, ибо никто изъ Запорожцевъ не умиралъ своею смертiю) и взявши каждый въ руки земли, которая на ту пору отъ бывшаго дождя растворилась въ грязь, положили ее ему на голову. Стекла съ головы его мокрая земля, потекла по усамъ и по щекамъ и все лицо замарала ему грязью. Но Кирдяга стоялъ, не сдвинувшись, и благодарилъ казаковъ за оказанную честь.

Новый кошевой согласился пустить только молодыхъ. Во время приготовленій къ походу прибыли изъ гетманщины казаки съ вѣстію, что Поляки и жиды страшно притѣсняютъ Православныхъ. Вся Сѣчь заволновалась. Вспышка мщенія разразилась сначала надъ жидами, торговавшими въ Сѣчи. Потомъ положено было всѣмъ идти на Поляковъ (гл. III и IV). Война со всѣми ужасами опустошенія разлилась по юго-западнымъ частямъ Польши. Услышавъ о богатствѣ жителей города Дубно, кошевой рѣшилъ взять его, но первый натискъ казаковъ былъ отраженъ, и они принуждены были прибѣгнуть къ продолжительной осадѣ, которая вовсе не въ казацкомъ характерѣ. Отъ бездѣйствія началась скука. Въ это тяжолое время, въ одну темную ночь, въ лагерь казаковъ проникла Татарка и извѣстила Андрея, что та Полячка, которую онъ нѣкогда зналъ въ Кіевѣ, находится здѣсь въ осажденномъ городѣ и вмѣстѣ съ прочими жителями терпитъ ужасный голодъ. Подземнымъ ходомъ Андрей проникъ въ городъ и пораженъ былъ ужасными картинами голодной смерти. Онъ обрадовался Полячкѣ, пришелъ въ восторгъ отъ ея красоты и ужаснулся, узнавъ, какую участь она терпитъ. Панна тоже ему обрадовалась, потому что еще въ Кіевѣ любила его.

Отчего же ты такъ печальна? спросилъ ее казакъ.

Бросила прочь она отъ себя платокъ, отдернула падающіе на очи длинные волосы свои и вся разлилася въ жалостныхъ рѣчахъ, выговаривая ихъ тихимъ голосомъ, подобно тому, какъ вѣтеръ, поднявшись въ прекрасный вечеръ, пробѣжитъ вдругъ по густой чащѣ приводнаго тростника,—зашелестятъ, зазвучатъ и понесутся вдругъ унывно-тонкіе звуки, и ловитъ ихъ съ непонятной грустью остановившійся путникъ, не чуя ни погасающаго вечера, ни несущихся веселыхъ пѣсенъ народа, ни отдаленнаго стука гдѣ-то проѣзжающей телѣги.

«Не достойна ли я вѣчныхъ сожалѣній? не несчастна ли мать, родившая меня на свѣтъ? не горькая ли доля пришлась на часть мнѣ? не лютый ли ты палачъ мой, моя свирѣпая судьба? Всѣхъ ты привела къ ногамъ моимъ: лучшихъ дворянъ изо всего шляхетства, богатѣйшихъ пановъ, графовъ и иноземныхъ бароновъ и все, что ни есть цвѣтъ нашего рыцарства. Всѣмъ имъ было вольно любить меня, и за великое благо всякій изъ нихъ почелъ бы любовь мою. Стоило мнѣ только махнуть рукой, и любой изъ нихъ, красивѣйшій, прекраснѣйшій лицомъ и породою сталъ бы моимъ супругомъ. И ни къ одному изъ нихъ не причаровала ты моего сердца, свирѣпая судьба моя; а причаровала мое сердце мимо лучшихъ витязей земли нашей къ чуждому, ко врагу нашему. За что же ты, Пречистая Божья Матерь, за какіе грѣхи, за какія тяжкія преступленья такъ неумолимо и безпощадно гонишь меня? Въ изобиліи и роскошномъ избыткѣ всего текли дни мои; лучшія дорогія блюда и сладкія вина были мнѣ снѣдью. И на что все это было? къ чему оно все было? къ тому ли, чтобы наконецъ умереть лютою смертью, какой не умираетъ послѣдній нищій въ королевствѣ. И мало того, что осуждена я на такую страшную участь; мало того, что передъ концомъ своимъ должна видѣть, какъ станутъ умирать въ невыносимыхъ мукахъ отецъ и мать, для спасенья которыхъ двадцать разъ готова была бы отдать жизнь свою,—мало всего этого; нужно, чтобы передъ концомъ своимъ мнѣ довелось увидѣть и услышать слова и любовь, какой не видала я. Нужно, чтобы онъ рѣчами своими разодралъ на части мое сердце, чтобы горькая моя

часть была еще горьше, чтобы еще жалче было мнѣ моей молодой жизни, чтобы еще страшнѣе казалась мнѣ смерть моя и чтобы еще больше, умирая, попрекала я тебя, свирѣпая судьба моя, и тебя, прости мое прегрѣшеніе, святая Божья Матерь!»

И когда затихла она, безнадежное, безнадежное чувство отразилось въ лицѣ ея; ноющею грустью заговорила всякая черта его, и все, отъ печально-поникшаго лба и опустившихся очей, до слезъ, застывшихъ и засохнувшихъ по тихо-пламенѣвшимъ щекамъ ея, все, казалось, говорило: «нѣтъ счастья на лицѣ этомъ!»

«Не слыхано на свѣтѣ, не можно, не быть тому» говорилъ Андрей: «чтобы красивѣйшая и лучшая изъ женъ понесла такую горькую часть, когда она рождена на то, чтобы предъ ней, какъ предъ святыней, преклонилось все, что ни есть лучшаго на свѣтѣ. Нѣтъ, ты не умрешь, не тебѣ умирать, клянусь моимъ рожденіемъ и всѣмъ, что мнѣ мило на свѣтѣ, ты не умрешь! Если же будетъ уже такъ, и ничѣмъ, ни силой, ни молитвой, ни мужествомъ нельзя будетъ отклонить горькой судьбы, то мы умремъ вмѣстѣ, и прежде умру я, умру передъ тобой, у твоихъ прекрасныхъ колѣнъ, и развѣ уже мертваго меня разлучатъ съ тобою».

«Не обманывай, рыцарь, и себя и меня» говорила она, качая тихо прекрасной головой своей: «знаю, и, къ великому моему горю, знаю слишкомъ хорошо, что тебѣ нельзя любить меня, знаю я, какой долгъ и завѣтъ твой: тебя зовутъ отецъ, товарищи, отчизна,— а мы враги тебѣ».

«А что мнѣ отецъ, товарищи, отчизна»! сказалъ Андрей, встряхнувъ быстро головою и выпрямивъ весь прямой, какъ надрѣчный осокорь, станъ свой: «такъ если жъ такъ, такъ вотъ что: нѣтъ у меня никого. Никого! никого!» повторилъ онъ тѣмъ же голосомъ и съ тѣмъ движеньемъ руки, съ какимъ упругій, несокрушимый казакъ выражаетъ рѣшимость на дѣло неслыханное и невозможное для другаго. «Кто сказалъ, что моя отчизна Украйна? кто далъ мнѣ ее въ отчизны? Отчизна есть то̀, чего ищетъ душа наша, что̀ милѣе для нея всего. Отчизна моя—ты! Вотъ моя отчизна! И понесу я отчизну эту въ сердцѣ моемъ, понесу ее, пока станетъ моего вѣку, и посмотрю, пусть кто-нибудь изъ казаковъ вырветъ ее оттуда! и все, что ни есть, продамъ, отдамъ, погублю за такую отчизну».

На мигъ остолбенѣвъ, какъ прекрасная статуя, смотрѣла она ему въ очи и вдругъ зарыдала, и съ чудною женскою стремительностью, на какую бываетъ только способна одна безрасчетно-великодушная женщина, созданная на прекрасное сердечное движеніе, кинулась она къ нему на шею, обхвативъ его снѣгоподобными, чудными руками, и зарыдала. Въ это время раздались на улицѣ неясные крики, сопровождаемые трубнымъ и литаврнымъ звукомъ; но онъ не слышалъ ихъ, онъ слышалъ только, какъ чудныя уста обдавали его благовонной теплотой своего дыханія, какъ слезы ея текли ручьями къ нему на лицо и всѣ спустившіеся съ головы, пахучіе ея волосы опутали его всего своимъ темнымъ и блестящимъ шелкомъ.

Въ это время вбѣжала къ нимъ съ радостнымъ крикомъ татарка. «Спасены, спасены!» кричала она, не помня себя: «наши вошли въ городъ, привезли хлѣба, пшена, муки и связанныхъ запорожцевъ». Но не слышалъ никто изъ нихъ, какіе «наши» вошли въ городъ, что̀ привезли съ собою и какихъ связали Запорожцевъ. Полный чувствъ, вкушаемыхъ не на землѣ, Андрій поцѣловалъ въ благовонныя уста, прильнувшія къ щекѣ его, и не безотвѣтны были благовонныя уста. Онѣ отозвались тѣмъ же, и въ этомъ обоюдно-сліянномъ поцалуѣ ощутилось то̀, что одинъ только разъ въ жизни дается чувствовать человѣку.

И погибъ казакъ! пропалъ для всего казацкаго рыцарства; не видать ему

больше ни Запорожья, ни отцевскихъ хуторовъ своихъ, ни церкви Божіей. Украйнѣ не видать тоже храбрѣйшаго изъ своихъ дѣтей, взявшихся защищать ее. Вырветъ старый Тарасъ сѣдой клокъ волосъ изъ своей чупрыны и проклянетъ и день и часъ, въ который породилъ на позоръ себѣ такого сына.

Мучимые голодомъ, жители Дубна начали дѣлать вылазки. Частыя стычки съ ними обрадовали казаковъ, потому что доставляли имъ развлеченіе, но Тарасъ былъ печаленъ, потому что узналъ отъ жида Янкеля объ измѣнѣ сына. Скоро пришла изъ Запорожья вѣсть, что на Сѣчь напали Татары. Казаки принуждены были раздѣлиться на двѣ части. Одни отправились защищать свои жилища, другіе, подъ начальствомъ Тараса, остались продолжать осаду. Начались новыя стычки. Изъ города выѣхалъ гусарскій полкъ подъ предводительствомъ Андрія. Оторопѣлъ Тарасъ, увидя его. Любовь къ сыну смѣнилась въ немъ жаждою кары. Андрій остолбенѣлъ, увидѣвъ передъ собой страшнаго отца.

«Ну что жъ теперь мы будемъ дѣлать?» сказалъ Тарасъ, смотря прямо ему въ очи. Но ничего не могъ на то сказать Андрій и стоялъ, потупивши въ землю очи.

«Что, сынку! помогли тебѣ твои ляхи?

Андрій былъ безотвѣтенъ.

«Такъ продать? продать вѣру? продать своихъ? Стой же, слѣзай съ коня!»

Покорно, какъ ребенокъ, слѣзъ онъ съ коня и остановился ни живъ, ни мертвъ передъ Тарасомъ.

«Стой и не шевелись! Я тебя породилъ, я тебя и убью!» сказалъ Тарасъ и, отступивши шагъ назадъ, снялъ съ плеча ружье. Блѣденъ, какъ полотно, былъ Андрій; видно было, какъ тихо шевелились уста его и какъ онъ произносилъ чье-то имя; но это не было имя отчизны, или матери, или братьевъ—это было имя прекрасной полячки. Тарасъ выстрѣлилъ.

Какъ хлѣбный колосъ, подрѣзанный серпомъ, какъ молодой барашекъ, почуявшій сердцемъ смертельное желѣзо, повисъ онъ головой и повалился на траву, не сказавши ни одного слова.

Остановился сыноубійца и глядѣлъ долго на бездыханный трупъ. Онъ былъ мертвый прекрасенъ: мужественное лицо его, недавно исполненное силы и непобѣдимаго для женъ очарованья, все еще выражало чудную красоту; черныя брови, какъ траурный бархатъ, оттѣняли его поблѣднѣвшія черты. «Чѣмъ бы не казакъ?» сказалъ Тарасъ: «и станомъ высокій, и чернобровый, и лицо, какъ у дворянина и рука была крѣпка въ бою! Пропалъ! пропалъ безславно, какъ подлая собака!»

«Батько, что ты сдѣлалъ? это ты убилъ его?» сказалъ подъѣхавшій въ это время Остапъ.

Тарасъ кивнулъ головою.

Пристально поглядѣлъ мертвому въ очи Остапъ. Жалко ему стало брата, и проговорилъ онъ тутъ же: «предадимъ же, батько, его честно землѣ, чтобы не наругались надъ нимъ враги и не растаскали бы его тѣла хищныя птицы.»

«Погребутъ его и безъ насъ!» сказалъ Тарасъ: «будутъ у него плакальщики и утѣшницы!»

При новомъ натискѣ, Остапъ былъ взятъ въ плѣнъ, а Тарасъ тяжело раненъ. Онъ воротился на родину. Оправившись, старый казакъ рѣшился проникнуть въ Польшу, чтобы выручить или покрайней мѣрѣ видѣть своего Остапа. Усердіе жида Янкеля и червонцы Тараса дали ему возможность проникнуть въ темницу, но когда стоявшій на часахъ полякъ началъ бранить Запорожцевъ, Тарасъ не выдержалъ своего гнѣва и чуть было не погибъ самъ. На другой день Остапъ былъ казненъ, и Тарасъ съ восторгомъ видѣлъ его мужественную смерть. Черезъ нѣсколько времени Поляки заключили съ казаками миръ. Но Тарасъ не довѣрялъ ихъ искренности. Стараго казака тянуло въ Польшу справлять поминки по Остапѣ. Онъ собралъ охотниковъ. Но Польскій отрядъ настигъ казаковъ на берегу Днѣстра, у старой крѣпости.

Надъ самой кручей у Днѣстра-рѣки виднѣлась она своимъ оборваннымъ валомъ и своими развалившимися останками стѣнъ. Щебнемъ и разбитымъ кирпичемъ усѣяна была верхушка утеса, готовая всякую минуту сорваться и слетѣть внизъ. Тутъ-то съ двухъ сторонъ, прилежащихъ къ полю, обступилъ его

коронный гетманъ Потоцкій. Четыре дня бились и боролись казаки, отбиваясь кирпичами и каменьями. Но истощились запасы и силы, и рѣшился Тарасъ пробиться сквозь ряды. И пробились было уже казаки и, можетъ быть, еще разъ послужили бы имъ вѣрно быстрые кони, какъ вдругъ среди самаго бѣгу остановился Тарасъ и вскрикнулъ: «Стой! выпала люлька съ табакомъ; не хочу, чтобы и люлька досталась вражьимъ ляхамъ.» И нагнулся старый атаманъ и сталъ отыскивать въ травѣ свою люльку съ табакомъ, неотлучную сопутницу на моряхъ, и на сушѣ, и въ походахъ, и дома. А тѣмъ временемъ набѣжала вдругъ ватага и схватила его подъ могучія плечи. Двинулся было онъ всѣми членами, но уже не посыпались на землю, какъ бывало прежде, схватившіе его гайдуки. «Эхъ старость, старость!» сказалъ онъ, и заплакалъ дебелый старый казакъ. Но не старость была виною: сила одолѣла силу. Чуть не тридцать человѣкъ повисло у него по рукамъ и по ногамъ, «Попалась ворона!» кричали ляхи. «Теперь нужно только придумать, какую бы ему, собакѣ, лучшую честь воздать.» И присудили, съ гетманскаго разрѣшенія, сжечь его живаго въ виду всѣхъ. Тутъ же стояло голое дерево, вершину котораго разбило громомъ. Притянули его желѣзными цѣпями къ древесному стволу, гвоздемъ прибивши ему руки и и приподнявъ его повыше, чтобы отвсюду былъ виденъ казакъ, и принялись тутъ же раскладывать подъ деревомъ костеръ. Но не на костеръ глядѣлъ Тарасъ, не объ огнѣ онъ думалъ, которымъ собирались жечь его: глядѣлъ онъ, сердечный, въ ту сторону, гдѣ отстрѣливались казаки: ему съ высоты все было видно, какъ на ладони. «Занимайте, хлопцы, занимайте скорѣе!» кричалъ онъ:» горку, что за лѣсомъ: туда не подступятъ они! «Но вѣтеръ не донесъ его словъ. «Вотъ пропадутъ, пропадутъ ни за что!» говорилъ онъ отчаянно и взглянулъ внизъ, гдѣ сверкалъ Днѣстръ. Радость блеснула въ очахъ его. Онъ увидѣлъ выдвинувшіяся изъ-за кустарника четыре кормы, собралъ всю силу голоса и зычно закричалъ: къ берегу! къ берегу, хлопцы, спускайтесь подгорной дорожкой, что налѣво. У берега стоятъ челны, всѣ забирайте, чтобы не было погони.»

На этотъ разъ вѣтеръ дунулъ съ другой стороны, и всѣ слова были услышаны казаками. Но за такой совѣтъ достался ему тутъ же ударъ обухомъ по головѣ, который переворотилъ все въ глазахъ его.

Пустились казаки во всю прыть подгорной дорожкой; а ужъ погоня за плечами. Видятъ: путается и загибаетъ дорожка и много даетъ въ сторону извивовъ.

«А, товарищи! не куда пошло,» сказали всѣ, остановились на-мигъ, подняли свои нагайки, свиснули—и татарскіе ихъ кони, отдѣлившись отъ земли, распластавшись въ воздухѣ, какъ змѣи, перелетѣли черезъ пропасть и бултыхнули прямо въ Днѣстръ. Двое только не попали въ рѣку, грянулись съ вышины объ каменья и пропали тамъ навѣки съ конями, даже не успѣвши издать крику. А казаки уже плыли съ конями въ рѣкѣ и отвязывали челны. Остановились ляхи надъ пропастью, дивясь неслыханному казацкому дѣлу и думая: прыгать ли имъ или нѣтъ? Одинъ молодой полковникъ, живая, горячая кровь, родной братъ прекрасной полячки, обворожившей бѣднаго Андрея, не подумалъ долго и бросился со всѣхъ силъ съ конемъ за казаками. Перевернулся три раза въ воздухѣ съ конемъ своимъ и прямо грянулся на острые утесы. Въ куски изорвали его острые камни, попавшаго среди пропасти, и мозгъ его, смѣшавшись съ кровью, обрызгалъ росшіе по неровнымъ стѣнамъ провала кусты.

Когда очнулся Тарасъ Бульба отъ удара и взглянулъ на Днѣстръ, уже казаки были на челнахъ и гребли веслами; пули сыпались на нихъ сверху, но

не доставали. И вспыхнули радостныя очи у стараго казака.

«Прощайте, товарищи,» кричалъ онъ имъ сверху, «вспоминайте меня и будущей же весной прибывайте сюда вновь, да хорошенько погуляйте! Что взяли, чортовы ляхи? думаете есть что-нибудь на свѣтѣ, чего бы побоялся казакъ? Постой-же, придетъ время, будетъ время, узнаете вы что такое православная русская вѣра. Уже и теперь чуютъ дальные и близкіе народы; подымется изъ русской земли свой царь, и не будетъ въ мірѣ силы, которая бы не покорилась ему!...» А уже огонь подымался надъ костромъ, захватывалъ его ноги и разостлался пламенемъ по дереву... Да развѣ найдутся на свѣтѣ такіе огни и муки и сила такая, которая бы пересилила русскую силу.

Не малая рѣка Днѣстръ, и много на ней заводьевъ, рѣчныхъ густыхъ камышей, отмелей и глубокодонныхъ мѣстъ, блеститъ рѣчное зеркало, оглашенное звонкимъ ячаньемъ лебедей, и гордый гоголь быстро несется по немъ, и много куликовъ, краснозобыхъ турухтановъ и всякихъ иныхъ птицъ, въ тростникахъ и на прибрежьяхъ. Казаки быстро плыли на узкихъ двухрульныхъ чолнахъ, дружно гребли веслами, осторожно миновали отмели, всполашивая подымавшихся птицъ, и говорили про своего атамана.

Ревизоръ, Комедія (1836).

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Городничій приглашаетъ къ себѣ важнѣйшихъ чиновниковъ уѣзднаго городка и извѣщаетъ ихъ, что къ нимъ ѣдетъ Ревизоръ съ секретнымъ предписаніемъ обревизовать въ губерніи все, относящееся до гражданскаго управленія. Поэтому случаю городничій совѣтуетъ своимъ сослуживцамъ обратить вниманіе на нѣкоторые по ихъ части управленія безпорядки. Обращаясь къ Землянникѣ, попечителю Богоугодныхъ заведеній, онъ говоритъ:

Безъ сомнѣнія, проѣзжающій чиновникъ захочетъ прежде всего осмотрѣть подвѣдомственныя вамъ богоугодныя заведенія — и потому вы сдѣлайте такъ, чтобы все было прилично. Колпаки были бы чистые, и больные непоходили бы на кузнецовъ, какъ обыкновенно они ходятъ по домашнему въ будни; и тамъ, какъ слѣдуетъ, надписать предъ каждою кроватью по-латынѣ, или на другомъ какомъ языкѣ.... какъ признается нужно—это ужъ по вашей части, Христіанъ Ивановичъ *(лѣкарь)*—всякую болѣзнь, когда кто заболѣлъ, котораго дня и числа, какъ найдете лучше. *(Помолчавъ и покачавъ головой)*. У васъ больные такой крѣпкій табакъ курятъ, что всегда расчихаешься, когда войдешь. Да и лучше, если бы ихъ было меньше, потому что сейчасъ отнесутъ или къ дурному смотрѣнію, или къ неискуству врача.

Артемій Филиповичъ *(Земляника)*. На счетъ этого мы уже съ Христіаномъ Ивановичемъ распорядились, какъ нужно. Все зависитъ отъ образа леченія; я полагаю, что чѣмъ ближе къ натурѣ, тѣмъ лучше. Да и въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ убытчиться и выписывать дорогія лекарства для какого нибудь инвалида?.. Человѣкъ простой—если умретъ, то и такъ умретъ; если выздоровѣетъ, то и такъ выздоровѣетъ. При томъ и Христіану Ивановичу очень затруднительно было бъ съ ними изъясняться, потому что онъ незнаетъ по руски. Лучше же сберегу я казенной интересъ и уменьшеніемъ расходовъ увеличу сумму. Тогда и начальство, видя мое усердіе, безъ сомнѣнія, представитъ меня къ отличію въ поощреніе прочимъ *(обращаясь къ Христіану Ивановичу)*, то есть я разумѣю, что при этомъ и вамъ будетъ какое нибудь благоволеніе.

Христіанъ Ивановичъ *издаетъ звукъ отчасти похожій на букву и, и нѣсколько на е.*

Городничій. Вамъ тоже посовѣтовалъ бы, Аммосъ Ѳедоровичъ *(судья)*, обратить вниманіе на присутственныя мѣста. У васъ тамъ въ передней, куда обыкновенно являются просители, сторожа завели домашнихъ гусей съ маленькими

гусенками, которые такъ и шныряютъ подъ ногами. Оно, конечно, домашнимъ хозяйствомъ заводиться всякому похвально, и почему жъ сторожу и не завесть его? только, знаете, въ такомъ мѣстѣ не прилично... Я и прежде хотѣлъ вамъ это замѣтить, но все какъ-то позабывалъ. Кромѣ того дурно, что у васъ высушивается съ самомъ присутствіи всякая дрянь, и надъ самымъ шкапомъ съ бумагами охотничій арапникъ. Я знаю, вы любите охоту; но все на время лучше его принять, а тамъ какъ проѣдетъ Ревизоръ, вы пожалуй опять его можете повѣсить. Также засѣдатель вашъ... онъ, можетъ быть, очень хорошій человѣкъ и свѣдущій въ своемъ дѣлѣ, но отъ него, знаете, такой запахъ, какъ будто бы онъ только что вышелъ изъ винокуреннаго завода?... Это тоже не хорошо. Я хотѣлъ давно объ этомъ сказать вамъ, но былъ, не помню, чѣмъ-то развлеченъ. Есть такія средства, которыя могутъ это нѣсколько поправить, если ужъ это дѣйствительно, какъ онъ говоритъ, у него природный запахъ. Можно ему посовѣтовать ѣсть лукъ или чеснокъ, или что нибудь другое. Въ этомъ случаѣ можетъ помочь разными средствами или медикаментами Христіанъ Ивановичъ.

Хр. Ив. *издаетъ тотъ же звукъ.*

Амм. Ѳед. Нѣтъ, этого уже невозможно выгнать: онъ говоритъ точно, что какъ-то въ дѣтствѣ мамка его ушибла, и съ того времени отъ него отдаетъ немного водкой.

Городн. Да, я такъ только замѣтилъ вамъ. На счетъ же внутренняго распоряженія, и того, что называетъ въ письмѣ Андрей Ивановичъ грѣшками, я ничего не могу сказать. Да и странно говорить, потому что нѣтъ человѣка, который бы за собою не имѣлъ какихъ нибудь грѣховъ. Это уже такъ самимъ Богомъ устроено, и волтеріанцы напрасно противъ этого говорятъ.

Амм. Ѳед. Чтожъ вы полагаете, Антонъ Антоновичъ, грѣшками? Грѣшки грѣшкамъ рознь. У меня если есть грѣшки, то самые невинные! Вѣдь я, какъ вамъ извѣстно, беру взятки борзыми щенками.

Городн. Ну, щенками или чѣмъ другимъ, все взятки.

Амм. Ѳед. Э, нѣтъ, Антонъ Антоновичъ, это совсѣмъ не то. Вотъ у васъ, шуба стоитъ пятьсотъ рублей, да...

Г. Ну а что изъ того, что вы берете взятки борзыми щенками? За то вы въ Бога не вѣруете; вы въ церковь никогда не ходите; а я, по крайней мѣрѣ, въ вѣрѣ твердъ, и каждое Воскресенье бываю въ церкви. А вы.... О, я знаю васъ: вы, если начнете говорить о сотвореніи міра, то просто, волосы дыбомъ поднимаются.

Амм. Ѳед. Да вѣдь самъ собою дошелъ, собственнымъ умомъ.

Г. Ну въ этомъ случаѣ Богъ знаетъ: ежели слишкомъ много ума, то бываетъ иной разъ хуже, чѣмъ бы его совсѣмъ не было. Впрочемъ я такъ только упомянулъ объ уѣздномъ судѣ, а оно врядъ ли кто когда нибудь заглянетъ туда: это ужъ такое завидное мѣсто, самъ Богъ ему покровительствуетъ. А вотъ вамъ, Лука Лукичъ, такъ какъ смотрителю учебныхъ заведеній, нужно позаботиться, особенно насчетъ учителей. Они люди конечно ученые и воспитывались въ разныхъ коллегіяхъ, но имѣютъ очень странные поступки, натурально неразлучные съ ученымъ званіемъ. Одинъ изъ нихъ, напримѣръ вотъ этотъ, что имѣетъ толстое лицо... не вспомню его фамиліи, никакъ не можетъ обойтись, чтобы, взошедши на каѳедру, не сдѣлать гримасу—вотъ этакъ (*дѣлаетъ гримасу*). И потомъ начнетъ рукою изъ-подъ галстуха утюжить свою бороду. Конечно, если онъ ученику сдѣлаетъ такую рожу, то оно еще ничего, можетъ быть оно тамъ и нужно такъ, — объ этомъ я не могу судить; но вы посудите сами, если онъ сдѣлаетъ это посѣтителю – это можетъ быть очень худо. Г. Ревизоръ, или другой кто можетъ принять это на свой счетъ. Изъ этого чортъ знаетъ что можетъ произойти.

Лука Лукичъ. Ахъ, Боже мой! У меня совершенно изъ ума вышло.

Г. Тоже я долженъ вамъ замѣтить и объ учителѣ по исторической части. Онъ ученая голова—это видно, и свѣдѣній нахваталъ тьму, но только объясняетъ съ такимъ жаромъ, что не помнитъ себя. Я разъ слушалъ его... ну, покамѣсть говорилъ объ Ассиріянахъ и Вавилонянахъ—еще ничего, а какъ добрался до Александра Македонскаго, то я не могу вамъ сказать, что съ нимъ сдѣлалось, Я думалъ, что пожаръ. Ей-Богу! сбѣжалъ съ каѳедры и что силы есть, хвать стуломъ объ полъ. Оно конечно, Александръ Македонскій герой, но зачѣмъ же стулья ломать? Отъ этого убытокъ казнѣ.

Л. Л. Да, онъ горячъ; я ему это нѣсколько разъ уже замѣчалъ... Право я не знаю, что и дѣлать съ нимъ.

Г. Да. Таковъ уже неизъяснимый законъ судебъ: что умный человѣкъ или пьяница, или рожу такую состроитъ, что хоть святыхъ выноси.

Л. Л. Эко право хлопотливое дѣло.

Г. Это бы еще ничего хлопоты; худо что не знаешь, съ которой стороны ожидать его, когда и въ какое время. Инкогнито проклятое—вотъ что смущаетъ! Вдругъ заглянетъ: а! вы здѣсь, голубчики! А кто, скажетъ, здѣсь судья? Ляпкинъ-Тяпкинъ.—А! подать сюда Ляпкина-Тяпкина! А кто попечитель богоугодныхъ заведеній?—Земляника. А подать сюда Землянику! Вотъ что худо!

Въ это время приходитъ почтмейстеръ, и городничій проситъ его распечатывать письма, чтобы узнать, нѣтъ ли откуда нибудь жалобы. Почтмейстеръ и самъ это дѣлаетъ обыкновенно изъ одного невиннаго любопытства, и потому готовъ исполнить предложеніе городничаго. Безпокойство начальника города быстро возрастаетъ; его особенно тревожитъ проклятое инкогнито. Когда онъ высказываетъ свою тревогу, вбѣгаютъ два городскіе жителя, дворяне Бобчинскій и Добчинскій и, перебивая другъ друга, разсказываютъ присутствующимъ, что они видѣли въ одной гостинницѣ молодаго человѣка, который по всѣмъ примѣтамъ именно и есть ожидаемый ревизоръ. Городничій, вполнѣ повѣрившій имъ, дѣлаетъ наскоро нѣкоторыя распоряженія и съ Бобчинскимъ отправляется въ гостинницу.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Происходитъ въ гостинницѣ, въ номерѣ Хлестакова.

Осипъ. *(слуга Хл. лежитъ на барской постели)*. Чортъ побери, ѣсть такъ хочется—и въ животѣ трескотня такая, какъ будто бы цѣлый полкъ затрубилъ въ трубы. Вотъ, не доѣдемъ да и только домой,—что ты прикажешь дѣлать?... Второй мѣсяцъ пошелъ, какъ уже изъ Питера! Профинтилъ дорогою денежки, голубчикъ, теперь сидитъ и хвостъ подвернулъ, и не горячится. А стало бы, и очень бы стало на прогоны; нѣтъ, вишь ты, нужно въ каждомъ городѣ показать себя. (*Дразнитъ его*)! «Эй, Осипъ, ступай, посмотри комнату лучшую, да обѣдъ спроси самый лучшій, я не могу ѣсть дурнаго обѣда: мнѣ нуженъ лучшій обѣдъ.» Добро бы было въ самомъ дѣлѣ что нибудь путное, а то вѣдь елистратишка простой!... Съ проѣзжающимъ знакомится, а потомъ въ картишки, — вотъ тебѣ и доигрался!... Эхъ, надоѣла такая жизнь! Право, на деревнѣ лучше: оно хоть нѣтъ публичности, да и заботности меньше; возьмешь себѣ бабу, да и лежи весь вѣкъ на полатяхъ, да ѣшь пироги. Ну ктожъ споритъ—конечно—если пойдетъ на правду, такъ житье въ Питерѣ лучше всего. Деньги бы только были, а жизнь тонкая и политичная: кеатры, собаки тебѣ танцуютъ, и все, что хочешь. Разговариваетъ все на тонкой деликатности, что развѣ только дворянству уступитъ. Пойдешь на Щукинъ—купцы тебѣ кричатъ: почтенной; на перевозѣ въ лодкѣ съ чиновникомъ сядешь; компаніи захотѣлъ—ступай въ лавочку: тамъ тебѣ кавалеръ разскажетъ про лагери и объявитъ, что всякая звѣзда значитъ на небѣ такъ, какъ на ладони все видишь. Старуха офицерша забредетъ; горничная иной разъ заглянетъ такая... Фу фу, фу *(усмѣхается и трясетъ головой)*, галантерейное чортъ возьми, обхожденіе! Невѣжливаго слова никогда не услышишь: всякій тебѣ говоритъ *вы*. Наскучило

итти—берешь извощика, и сидишь себѣ какъ баринъ; а нехочешь заплатить ему,—изволь: у каждаго дома есть сквозные ворота, и ты такъ шмыгнешь, что тебя никакой дьяволъ не сыщетъ. Одно плохо: иной разъ славно наѣться, а въ другой чуть не лопнешь съ голоду, какъ теперь напримѣръ... А все онъ виноватъ!... что съ нимъ сдѣлаешь? Батюшка пришлетъ денежки; чѣмъ бы ихъ попридержать—и, куды!... пошелъ кутить: ѣздитъ на извощикѣ, каждый день ты доставай въ кеатръ билетъ, а тамъ черезъ недѣлю — глядь, и посылаетъ на толкучій продавать новый фракъ. Иной разъ все до послѣдней рубашки спуститъ, такъ что на немъ всего останется сертучишка, да шинелишка... Ей-Богу правда! И сукно такое важное, аглицкое! рублевъ полтораста ему одинъ фракъ станетъ, а на рынкѣ спуститъ рублей за двадцать, а о брюкахъ и говорить нечего — ни почемъ идутъ. А отчего? оттого, что дѣломъ не занимается: вмѣсто того, чтобы въ должность, а онъ идетъ гулять по прешпекту, въ картишки играетъ. Эхъ, еслибъ узналъ это старый баринъ! Онъ не посмотрѣлъ бы на то, что ты чиновникъ, а такихъ бы засыпалъ тебѣ, что дня бъ четыре ты почесывался. Коли служить, такъ служи!... Вотъ теперь трактирщикъ сказалъ, что не дамъ вамъ ѣсть, пока незаплатите за прежнее, а коли незаплатимъ... (*со вздохомъ*) Ахъ, Боже ты мой, хоть бы какія нибудь щи! Кажись, такъ бы теперь весь свѣтъ съѣлъ. Стучится, вѣрно это онъ идетъ. (*Поспѣшно схватывается съ постели*).

Въ самомъ дѣлѣ является Хлестаковъ и, побранивши Осипа за то, что валяется на барской постели, посылаетъ его за обѣдомъ. Осипъ идетъ не хотя, зная, что неприказано болѣе отпускать имъ обѣда.

Хлестаковъ (*одинъ*). Ужасно какъ хочется ѣсть. Такъ немножко прошелся; думалъ, не пройдетъ ли аппетитъ,—нѣтъ, чортъ возьми, не проходитъ. Да, еслибъ въ Пензѣ я не покутилъ, стало бы денегъ доѣхать домой. Пѣхотный капитанъ больше всего меня поддѣлъ; однакожъ, что ни говори, а удивительно бестія штосы срѣзываетъ. Всего какихъ нибудь четверть часа посидѣлъ и все обобралъ. Славно играетъ! Еслибъ еще гдѣ нибудь съ нимъ встрѣтиться. Впрочемъ, какъ же встрѣтиться? на это все нужно случай. Когда бъ въ самомъ дѣлѣ уже скорѣе доѣхать домой: надоѣло въ дорогѣ. Нарочно такой мерзкой городишка: въ другихъ, по крайней мѣрѣ, что нибудь бываетъ, а здѣсь ничего совершенно нѣтъ. Въ овошенной лавкѣ балыки еще сносные, но проклятые сидѣльцы очень мало даютъ на пробу. (*Насвистываетъ сначала изъ Роберта, потомъ: «не шей ты мнѣ матушка,» а наконецъ ни се, ни то*). Никто не хочетъ итти.

Уговариваетъ вошедшаго трактирнаго слугу принести обѣдъ и потомъ оставшись одинъ, говоритъ:

Это скверно, однакожъ, если онъ совсѣмъ ничего не дастъ ѣсть. Такъ хочется, какъ еще никогда не хотѣлось. Развѣ изъ платья что нибудь пустить въ оборотъ? Нѣтъ, не хочу; лучше немного поголодаю, да по крайней мѣрѣ пріѣду домой въ петербургскомъ костюмѣ. Жаль, что Іохимъ не далъ на прокатъ кареты, а хорошо бы пріѣхать домой въ каретѣ. Очень бы не дурно подкатить къ какому нибудь сосѣду помѣщику съ фонарями подъ крыльцо, а Осипа сзади одѣть въ ливрею. Какъ бы переполошились всѣ: кто такой, что такое? а лакей входитъ: «Иванъ Александровичъ Хлестаковъ, изъ Петербурга, прикажете принять?» Они, пентюхи, и не знаютъ, что такое значитъ: «прикажете принять». Къ нимъ если пріѣдетъ какой нибудь гусь помѣщикъ, то въ ту же минуту вылазитъ изъ брычки и, не говоря ни слова, такъ прямо медвѣдь и валится въ гостиную. Къ дочечкѣ какой нибудь хорошенькой подойдешь: «сударыня, какая....» Тьфу, (*плюетъ*), даже тошнитъ, такъ ѣсть хочется.

Слуга приноситъ обѣдъ. Хлестаковъ, хотя бранитъ и щи и жаркое, но ѣстъ съ жадностью. Осипъ докладываетъ, что

Городничій пріѣхалъ, освѣдомляется и спрашиваетъ о васъ.

Х. *(испугавшись)* Вотъ тебѣ на! Я, ей Богу, никакъ не думалъ про это... Эка бестія, трактирщикъ! Если въ самомъ дѣлѣ потащитъ въ тюрьму! Чтожъ? если благороднымъ образомъ, еще ничего, я, пожалуй, пойду... Нѣтъ, чтожъ я говорю: пойду? Тамъ вчера смотрѣли на меня двѣ купеческія дочери, офицеры тоже безпрестанно ходятъ.... Нѣтъ, я не соглашусь. Онъ не можетъ сдѣлать этого, или ужъ онъ будетъ послѣ этого такая скотина... Это можно какого нибудь мѣщанина, или ремесленника.... Нѣтъ, не поддаваться! *(Ободряется).* Что онъ можетъ мнѣ? Я скажу ему: какъ вы!... Я знать не хочу.... *(У дверей вертится ручка; Хлест. блѣднѣетъ).*

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Хлестаковъ, Городничій и Добчинскій.

(Городничій вошедъ останавливается. Оба въ испугѣ смотрятъ нѣсколько минутъ одинъ на другаго, выпучивъ глаза).

Городничій *(немного оправившись и протянувъ руки по швамъ).* Желаю здравствовать.

Хлест. *(кланяется).* Мое почтеніе...

Г. Извините.

Х. Ничего.

Г. Обязанность моя, какъ градоначальника здѣшняго города, заботиться о томъ, чтобы проѣзжающимъ и всѣмъ благороднымъ людямъ никакихъ притѣсненій...

Х. *(сначала немного заикается, но къ концу рѣчи говоритъ громко).* Да чтожъ дѣлать?.... Я не виноватъ... Я право заплачу... Мнѣ пришлютъ изъ деревни *(Бобчинскій выглядываетъ изъ дверей).* Онъ больше виноватъ: говядину мнѣ подаетъ такую твердую, какъ бревно; а супъ.... Онъ чертъ знаетъ чего плеснулъ туда; я долженъ былъ выбросить его въ окно. Онъ меня голодомъ по цѣлымъ днямъ... Чай такой странной: воняетъ рыбой, а не чаемъ. За что же я?... Вотъ новость!

Г. *(робѣя).* Извините, я, право, не виноватъ. На рынкѣ у меня говядина всегда хорошая. Привозятъ Холмогорскіе купцы, люди трезвые и поведенія хорошаго. Я ужъ не знаю, откуда онъ беретъ такую. Позвольте мнѣ предложить вамъ переѣхать со мною на другую квартиру.

Х. Нѣтъ, я не хочу; я знаю, что значитъ на другую квартиру, то есть въ тюрьму. За чѣмъ же меня?... Вы не имѣете права... Я покажу вамъ подорожную... Я чиновникъ, ѣду въ собственную мою деревню, въ Саратовскую губернію, служу по Министерству... Вы не смѣете... Я буду жаловаться.

Г. *(въ сторону).* О Боже мой! Все, все узналъ... Какой сердитый! Все разсказали проклятые купцы.

Х. *(Храбрясь).* Да какъ вы смѣете?... Меня самъ Министръ знаетъ... Нѣтъ, не пойду, Ей Богу не пойду, вотъ хоть вы со всей своей командой.... *(Въ сторону).* Неподдаваться, право не поддаваться, и если что нибудь.... то... *(Беретъ сзади рукою бутылку).*

Г. *(вытянувшись и дрожа всѣмъ тѣломъ).* Помилуйте, не погубите! Жена, дѣти маленькія... не сдѣлайте несчастнымъ человѣка.

Х. Нѣтъ, я не хочу. Вотъ еще! мнѣ какое дѣло? Отъ того, что у васъ жена и дѣти, я долженъ итти въ тюрьму,— вотъ прекрасно! *(Бобчинскій выглядываетъ въ дверь и въ испугѣ прячется).* Нѣтъ, благодарю покорно, не хочу.

Г. *(дрожа).* По неопытности, ей Богу, по неопытности! Недостаточность состоянія... Казеннаго жалованья не хватаетъ даже на чай и сахаръ. Если жъ и были какія взятки, то самая малость: къ столу что нибудь, да на пару платья. Что-же до унтеръ-офицерской вдовы, занимающейся купечествомъ, которую я будто бы высѣкъ, то это клевета, ей Богу, клевета! Это выдумали злодѣи

мои; это такой народъ, что на жизнь мою готовы покуситься.

Х. Да... Конечно... *(Въ размышленіи).* Я не знаю однакожъ, зачѣмъ вы говорите о злодѣяхъ, или о какой-то унтеръ-офицерской вдовѣ?... Я не знакомъ съ нею. Да мнѣ и дѣла нѣтъ къ ней. Унтеръ-офицерская жена совсѣмъ другое, а меня вы не смѣете высѣчь. До этого вамъ далеко... я заплачу вамъ деньги; у меня только теперь нѣтъ. Я потому и сижу здѣсь такъ долго, что ни копѣйки нѣтъ денегъ.

Г. *(въ сторону).* О тонкая штука! Экъ куда метнулъ! Какого туману напустилъ! Разбери кто хочетъ. Не знаешь, съ которой стороны и приняться. Попробовать развѣ на авось. *(Въ слухъ).* Если вы точно имѣете нужду въ деньгахъ, или въ чемъ другомъ, то я готовъ служить сію минуту. Моя обязанность помогать проѣзжающимъ.

Х. Такъ вы даете мнѣ въ займы?... О если такъ, то я сейчасъ готовъ расплатиться: мнѣ бы двѣсти рублей раздѣлаться только съ трактирщикомъ, а тамъ я, какъ только въ деревню, сейчасъ же и возвращу вамъ... это вдругъ.

Г. Помилуйте! я готовъ ожидать сколько угодно. Какъ можно, чтобы я осмѣлился назначить срокъ. Вотъ тутъ ровно двѣсти рублей, хоть и не трудитесь считать.

Х. *(принимая деньги).* Покорнѣйше благодарю; я вамъ очень благодаренъ. Меня, признаюсь, это чрезвычайно поощрило; у меня ужъ ни копѣйки небыло. Вы, какъ я вижу теперь, очень благородный человѣкъ, а прежде я думалъ... *(Кладетъ ихъ въ карманъ).*

Г. *(въ сторону).* Ну, слава Богу! по крайней мѣрѣ деньги взялъ. Теперь дѣло можетъ быть на-ладъ пойдетъ. Я таки ему, вмѣсто двухъ сотъ, четыреста ввернулъ.

Х. Эй, Осипъ! *(Осипъ входитъ).* Позови сюда трактирнаго слугу *(Къ Городничему и Добчинскому).* А что жъ вы стоите? Сдѣлайте милость садитесь. *(Добчинскому)* Садитесь, прошу покорнѣйше.

Г. Ничего, мы и такъ постоимъ.

Х. Садитесь пожалуста, я васъ прошу! *(Добчинскому)* Садитесь. *(Городн. и Доб. садятся. Бобчинскій выглядываетъ въ дверь).*

Г. *(въ сторону).* Онъ хочетъ, чтобы считали его инкогнитомъ. Хорошо, подпустимъ и мы турусы: прикинемся, какъ будто совсѣмъ и не знаемъ, что онъ за человѣкъ. *(Вслухъ).* Мы, прохаживаясь по дѣламъ должности, вотъ съ Петромъ Ивановичемъ Добчинскимъ, здѣшнимъ помѣщикомъ, зашли нарочно въ гостинницу, чтобы освѣдомиться, хорошоли содержатся проѣзжающіе, потому что я не такъ какъ иной городничій, которому ни до чего дѣла нѣтъ; но я, я, кромѣ должности, еще, по христіанскому человѣколюбію, хочу, чтобы всякому смертному оказывался хорошій пріемъ, и вотъ въ награду за ревностную службу случай доставилъ мнѣ такое пріятное знакомство съ вами.

Х. Я тоже самъ очень радъ. Безъ васъ, я, признаюсь, долго бы просидѣлъ здѣсь: совсѣмъ не зналъ, чѣмъ заплатить.

Г. *(въ сторону).* Да разсказывай себѣ! *(Вслухъ).* Осмѣлюсь ли спросить, куда и въ какія мѣста ѣхать изволите?

Х. Я ѣду въ Саратовскую губернію въ собственную деревню.

Г. *(въ сторону съ лицомъ, принимающимъ ироническое выраженіе).* Въ Саратовскую губернію! О, да ты штука! *(Вслухъ).* Да, пріятная прогулка для ума и сердца. Въ дорогѣ способности хорошо развиваются... и вы вѣрно такъ только по своей охотѣ ѣдете туда, для своего удовольствія.

Х. Нѣтъ, батюшка меня требуетъ; а мнѣ, признаюсь, въ Петербургѣ лучше бы...

Г. *(въ сторону).* Батюшка требуетъ... А! экія пули отливаетъ. А вѣдь какой маленькой... *(Вслухъ)* И на долгое время изволите ѣхать туда?

Х. Незнаю. Мнѣ не хотѣлось бы жить съ мужиками, помѣщики тоже не имѣ-

ютъ образованности; однакожъ отставку подалъ...

Г. *(въ сторону).* И въ отставку подалъ! Каково подвертываетъ! *(Вслухъ).* И прекрасно дѣлаете. Что служба? Однѣ хлопоты: ночь не спишь—стараешься для отечества, не жалѣешь ничего, а награда неизвѣстно еще когда будетъ *(Окидываетъ глазами комнату).* Какія большія пятна по угламъ; должно быть течь и сырость бываетъ, и стѣны тоже ужъ слишкомъ низенькія... Мнѣ кажется, эта комната для васъ не слишкомъ удобна.

Х. Скверная комната, и клопы такіе, какъ я еще нигдѣ не видывалъ: такъ, какъ собаки, канальи, кусаютъ.

Г. Скажите! Такой просвѣщенный гость, и претерпѣваетъ такое неудовольствіе отъ какихъ нибудь негодныхъ клоповъ, которымъ бы и на свѣтъ не слѣдовало родиться! Мнѣ кажется, сколько на мои слабыя глаза, или это мухи обпачкали, какъ будто бы даже темно въ этой комнатѣ.

Х. Да, совсѣмъ темно, и хозяинъ завелъ такое обыкновеніе: не отпускаетъ совсѣмъ свѣчей. Иногда что нибудь хочется сдѣлать—почитать, или такъ придетъ фантазія сочинить что нибудь; но не можно, потому что во... все темно.

Г. Осмѣлюсь ли просить васъ объ одномъ наивеличайшемъ одолженіи, котораго, безъ сомнѣнія, можетъ быть я недостоинъ?

Х. А что?

Г. Я бы дерзнулъ попросить васъ переѣхать ко мнѣ на домъ: у меня есть для васъ очень удобная комната.

Х. *(въ размышленіи).* Какъ, то есть къ вамъ?... Да у васъ какая комната?

Г. Прекрасная комната, и столъ тоже вы будете у меня имѣть—хоть не столичной, но хорошій столъ; припасы свѣжіе, не такіе, какіе отпускаютъ въ трактирѣ за деньги. Не откажите! а я ужъ такъ радъ буду гостю... У меня такой нравъ: гостепріимство съ самого дѣтства; все, что ни есть, готовъ предложить; особливо если притомъ гость такой просвѣщенный человѣкъ. Не подумайте что бы я говорилъ это изъ лести. Нѣтъ, не имѣю этого порока: отъ полноты души выражаюсь.

Х. Покорно благодарю васъ. Мнѣ тоже вы очень понравились.

Сдѣлавши распоряженіе о принятіи у себя въ домѣ дорогаго гостя, Городничій отправляется съ нимъ осматривать богоугодныя и другія учрежденія. Потомъ, сопровождаемые чиновниками, они приходятъ въ домъ городничаго; хозяинъ рекомендуетъ гостю свою жену и дочь. Хлестаковъ разсказываетъ имъ о своихъ необыковенныхъ успѣхахъ на литературномъ и служебномъ поприщахъ и возбуждаетъ: въ дамахъ восторгъ, въ чиновникахъ—страхъ. Завтракъ, которымъ угостили Ревизора въ больницѣ, нагналъ на него сонъ, и Хлестаковъ отправляется въ отведенную ему комнату отдохнуть.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Въ отсутствіе Хлестакова собираются городскіе чиновники въ мундирахъ для оффиціальнаго представленія, и когда онъ проснулся, представляются ему поодиначкѣ. Онъ проситъ у нихъ въ долгъ денегъ и тѣ даютъ ему охотно. За чиновниками являются купцы и слесарша съ жалобами, и Хлестаковъ обѣщаетъ всѣмъ защиту. Послѣ нихъ случайно входитъ въ комнату дочка городничаго. Хлестаковъ останавливаетъ ее, говоритъ ей, что счастливъ, встрѣчая ее, и изъясняетъ ей свою любовь. Въ эту минуту является жена городничаго, и гость проситъ у нея руки дочери, потомъ говоритъ просьбу свою и городничему. И мужъ и жена съ радостью соглашаются. Между тѣмъ, собираясь, по совѣту Осипа, уѣзжать отсюда, Хлестаковъ объявляетъ родителямъ невѣсты о своемъ намѣреніи на одинъ день съѣздить къ дядѣ. Его отпускаютъ съ искреннимъ желаніемъ скорѣйшаго свиданія.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Оставшись одни, Городничій и жена мечтаютъ о счастіи, которое имъ привалило.

Г. Что, Анна Андреевна? а? Думала ли ты что нибудь объ этомъ?... Экой богатый призъ, канальство! Ну, признайся откровенно—тебѣ и во снѣ не видѣлось... Просто, изъ какой нибудь Городничихи и вдругъ... Фу ты канальство!... съ какимъ дьяволомъ породнилась!

Анна Андр. Совсѣмъ нѣтъ: я давно это знала. Это тебѣ въ диковинку, потому что ты простой человѣкъ; никогда не видѣлъ порядочныхъ людей.

Г. Я самъ, матушка, порядочный человѣкъ. Какія мы съ тобой теперь птицы сдѣлались! а, Анна Андреевна? Высокаго полета, чортъ побери! Теперь же я задамъ перцу всѣмъ этимъ охотникамъ подавать просьбы и доносы. Эй, кто тамъ? (*Входитъ квартальной*). А, это ты, Иванъ Карповичъ. Призови-ка сюда, братъ, купцовъ. Вотъ я ихъ, каналій! Такъ жаловаться на меня! Вишь ты, проклятой Іудейской народъ!... Постойте жъ, голубчики! Прежде я васъ кормилъ до усовъ только, а теперь накормлю до бороды. Запиши всѣхъ, кто только ходилъ бить челомъ на меня, и вотъ этихъ больше всего писакъ, писакъ, которые закручивали имъ просьбы. Да объяви всѣмъ, чтобъ знали: что вотъ дискать какую честь Богъ послалъ Городничему, что выдаетъ дочь свою не то чтобы за какого нибудь простаго человѣка, а за такого чиновника, что и на свѣтѣ еще не было, что можетъ и прогнать всѣхъ въ городѣ, и въ тюрьму посадитъ,и все, что хочетъ. Всѣмъ объяви, чтобы всѣ знали. Кричи во весь народъ, валяй въ колокола, чортъ возьми! Ужъ когда торжество, такъ торжество. (*Кварт. уходитъ*). Такъ вотъ какъ, Анна Андреевна, а? Какъ же мы теперь, гдѣ будемъ жить?... Здѣсь или въ Питерѣ?

Анна Андр. Натурально въ Питерѣ. Какъ можно здѣсь оставаться!

Г. Ну въ Питерѣ, такъ въ Питерѣ; а оно хорошо бы и здѣсь. Что, вѣдь я думаю, ужъ городничество тогда къ чорту—а, Анна Андреевна?

Анна Андр. Натурально, что за городничество!

Г. Вѣдь оно, какъ ты думаешь, Анна Андреевна, теперь можно большой чинъ зашибить, потому что онъ за панибрата со всѣми Министрами, и во дворецъ ѣздитъ; — такъ по этому можетъ такое производство сдѣлать, что со временемъ и въ генералы влѣзешь. Какъ ты думаешь, Анна Андреевна — можно влѣзть въ генералы?

Анна Андр. Еще бы! конечно можно.

Г. А, чортъ возьми, славно быть генераломъ! Кавалерію повѣсятъ тебѣ черезъ плечо... А какую кавалерію лучше, Анна Андреевна, красную, или голубую?

Анна Андр. Ужъ конечно голубую лучше.

Г. Э! вишь чего захотѣла!... Хорошо и красную. Вѣдь почему хочется быть генераломъ? потому, что случится, поѣдешь куда нибудь—фельдъегеря и адъютанты поскачутъ вездѣ впередъ: лошадей! И тамъ на станціяхъ ни кому не дадутъ, все дожидается: всѣ эти Титулярные, капитаны, Городничіе; а ты себѣ и въ усъ не дуешь: обѣдаешь гдѣ нибудь у Губернатора, а тамъ— стой Городничій! Хе, хе, хе! (*заливается и помираетъ со смѣху*) вотъ что, канальство, заманчиво!

Анна Андр. Тебѣ все такое грубое нравится. Ты долженъ помнить, что жизнь нужно совсѣмъ перемѣнить, что твои знакомые будутъ не то, что какой нибудь судья—собачникъ, съ которымъ ты ѣздишь травить зайцевъ, или Земляника; напротивъ, знакомые твои будутъ съ самымъ тонкимъ обращеніемъ: Графы и всѣ свѣтскіе... Только я, право, боюсь за тебя: ты иногда вымолвишь такое словцо, какого въ хорошемъ обществѣ никогда не услышишь.

Г. Чтожъ? вѣдь слово не вредитъ.

Анна Андр. Да, хорошо, когда ты былъ Городничимъ; а тамъ вѣдь жизнь совершенно другая.

Г. Да, тамъ, говорятъ, есть двѣ рыбицы: ряпушка и корюшка, такія, что только слюнка потечетъ, какъ начнешь ѣсть.

Анна Андр. Ему все бы только рыбки! Я не иначе хочу, чтобъ нашъ домъ былъ первый въ столицѣ, и чтобъ у меня въ комнатѣ такое было амбре́, чтобъ нельзя было войти, и нужно бы только этакъ зажмурить глаза (*Зажмуриваетъ глаза и нюхаетъ*) Ахъ! какъ хорошо!

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же и купцы.

Г. А! здорово соколики!

Купцы *(кланяясь)* Здравія желаемъ, батюшка!

Г. Что, голубчики, какъ поживаете? какъ товаръ идетъ вашъ? Что самоварники, аршинники проклятые, жаловаться? жаловаться протоканаліи? жаловаться архибестіи! жаловаться разсусленныя бороды? Что? Много взяли?.. Вотъ думаютъ, такъ въ тюрьму его и засадятъ!.. Знаете ли вы, семь чертей и одна вѣдьма вамъ въ зубы, что...

Анна Андр. Ахъ, Боже мой, какія ты, Антоша, слова отпускаешь!

Г. *(съ неудовольствіемъ)*. А, не до словъ теперь!.. Знаете ли, что тотъ самый чиновникъ, которому вы жаловались, теперь женится на моей дочери?.. Что теперь скажете? Теперь я васъ всѣхъ скручу, такъ что ни одного волоска не останется въ вашихъ бородахъ... Мошенники! Вы только обманываете народъ, мошенники! Сдѣлаешь подрядъ съ казною, на сто тысячъ надуешь ее, поставивши гнилаго сукна, да потомъ пожертвуешь, каналья, двадцать аршинъ!... еслибъ знали, такъ бы тебѣ петлю навѣсили!... Брюхо суетъ впередъ,—и онъ купецъ; его не тронь. Мы, говоритъ, и дворянамъ не уступимъ. Да, дворянинъ... Ахъ, ты рожа! дворянинъ учится наукамъ: его хоть и сѣкутъ въ школѣ, да за дѣло, чтобы онъ зналъ полезное. А ты что?... Ты начинаешь плутнями, тебя хозяинъ бьетъ за то, что не умѣешь обманывать. Ты мальчишка еще, «Отче нашъ» незнаешь, а ужъ обмѣриваешь; а тамъ, какъ разопретъ тебѣ брюхо, да набьешь себѣ карманъ, такъ и заважничалъ!... Фу ты какая!.. Отъ того, что ты шестнадцать самоваровъ выдуешь въ день, такъ отъ того и важничаешь? Да я плевать на твою голову и на твою важность!

Купцы *(кланяясь)* Виноваты, Антонъ Антоновичъ!

Г. Жаловаться?... А кто тебѣ помогъ сплутовать, когда ты строилъ мостъ и написалъ дерева на двадцать тысячъ, тогда какъ его и на сто рублей не было? Я помогъ тебѣ, козлиная борода. Ты позабылъ это?... Я, показавши это на тебя, могъ бы тебя также, каналья, спровадить въ Сибирь. Что скажешь? —а?

Одинъ изъ купцовъ. Богу виноваты, Антонъ Антоновичъ. Лукавый попуталъ. И закаемся впередъ жаловаться. Всякое удовлетвореніе, какое хошь, готовы сдѣлать, не гнѣвись только.

Г. Не гнѣвись!... Вотъ ты теперь валяешься у ногъ моихъ. Отъ чего? отъ того, что мое взяло; а будь хошь немножко на твоей сторонѣ, такъ ты бы меня, каналья, втопталъ въ самую грязь, еще бы и бревномъ сверху навалилъ.

Купцы *(кланяются въ ноги)*. Не погуби, Антонъ Антоновичъ!

Г. Не погуби! теперь не погуби! А прежде что? Я бы васъ въ тюрьму *(махнувъ рукой)*; ну да Богъ проститъ! Встаньте, полно! Я не памятозлобенъ; только теперь смотрите—ухо востро! Я выдаю дочку свою не за какого нибудь простаго дворянина. Смотрите, что бъ поздравленіе было приличное, не то, чтобъ отбояриться какимъ нибудь балычкомъ, или головою сахару,—понимаешь? Ну, ступай же съ Богомъ!

(купцы уходятъ).

После купцовъ являются чиновники, знакомые, дамы; всѣ поздравляютъ городничаго и жену его, выслушиваютъ подробно исторію сватовства, просятъ продолжать знакомство и не оставить покровительствомъ. Между поздравленіями, выражаемыми громко, слышны и не совсѣмъ лестныя привѣтствія и желанія, но счастливцы ко всему этому глухи. Во время общей сумятицы вбѣгаетъ почтмейстеръ съ письмомъ. Оказалось, что оно написано Хлестаковымъ къ одному его пріятелю въ Петербургѣ, и содержитъ краткую характеристику чиновниковъ, съ которыми онъ только что познакомился. Изъ письма же оказалось, что Хлестаковъ вовсе не ревизоръ. Всѣ находятся въ крайнемъ изумленіи; Городничій удивляется, какъ это онъ, опытный человѣкъ, такъ жестоко обманулся. Въ эту минуту вхо-

дитъ жандармъ съ извѣстіемъ, что городничаго требуетъ къ себѣ пріѣхавшій изъ Петербурга чиновникъ. Общее изумленіе. Нѣмая сцена. Занавѣсъ опускается (*).

XXXVII. КНЯЗЬ ВЯЗЕМСКІЙ.

Старое поколѣніе (1841).

Смерть жатву жизни коситъ, коситъ,
И каждый день, и каждый часъ
Добычи новой жадно проситъ
И грозно разрываетъ насъ.
Какъ много ужъ именъ прекрасныхъ
Она отторгла у живыхъ!
И сколько лиръ виситъ безгласныхъ
На кипарисахъ молодыхъ!
Какъ много сверстниковъ не стало,
Какъ много младшихъ ужъ сошло,
Которыхъ утро расцвѣло,
Когда насъ знойнымъ полднемъ жгло!
А мы остались, уцѣлѣли
Изъ этой сѣчи роковой,
По смерти ближнихъ оскудѣли
И ужъ не рвемся въ жизнь, какъ въ бой.
Печально вѣкъ свой доживая,
Мы запоздавшей смѣны ждемъ,
Съ днемъ каждымъ сами умирая,
Пока не вовсе мы умремъ.
Сыны другаго поколѣнья,
Мы въ новомъ—прошлогодній цвѣтъ:
Живыхъ намъ чужды впечатлѣнья,
А нашимъ въ нихъ сочувствій нѣтъ.
Они, что любимъ—разлюбили;
Страстямъ ихъ—насъ не волновать;
Ихъ не было тамъ, гдѣ мы были,
Гдѣ будутъ—намъ ужъ не бывать!
Нашъ міръ—имъ храмъ опустошенный,
Имъ баснословье—наша быль,
И то, что пепелъ намъ священный,
Для нихъ одна нѣмая пыль.
Такъ, мы развалинамъ подобны
И на распутіи живыхъ
Стоимъ, какъ памятникъ надгробный
Среди обителей людскихъ.

У страха глаза велики (1859).

Есть люди,—и такихъ не мало,—
Вся жизнь ихъ безконечный страхъ,
Не божій, мудрости начало,
А страхъ больной съ бѣльмомъ въ глазахъ.
Глаза ихъ чѣмъ тупѣй и лживѣй,
Тѣмъ дальновиднѣй быть хотятъ.
Ихъ мудрость въ томъ, что все пугливѣй
Они на все и всѣхъ глядятъ.
Они живутъ въ особомъ мірѣ;
Имъ мало видѣть то, что есть:
Гдѣ прочимъ дважды два четыре,
Тамъ имъ съ испугу—пять и шесть.
У нихъ всегда, какъ отъ угара,
Въ глазахъ рябитъ, въ ушахъ звенитъ;
Имъ свѣчка—зарево пожара,
Набатомъ—каждый шумъ звучитъ.
Предусмотрительность ихъ мучитъ,
Но прозорливость ихъ смѣшна:
Она въ быка лягушку пучитъ,
И муху жалуетъ въ слона.
Огонь ли дальній домъ затронетъ?
У нихъ ужъ дѣйствуетъ труба,
И какъ во дни потопа, тонетъ
Ихъ неповинная изба.
Кто заболѣетъ въ дальнемъ царствѣ,
Хотя за тридевять земель,—
Они сидятъ ужъ на лекарствѣ
И лечь готовятся въ постель;
Закрыты ставни, чтобъ заразой
Къ нимъ внѣшній воздухъ не проникъ;
И смотритъ докторъ пучеглазый
Разъ двадцать на день ихъ языкъ.
Чтобъ оставаться невредимо,
Чтобъ съ мѣста тронуться, чтобъ встать,
Имъ напередъ необходимо
Себя зашить, запаковать.
Все озираясь, слѣва, справа,
На цыпкахъ выступаетъ трусъ,
Какъ будто подъ ногами лава
Иль землю взбудоражилъ трусъ.
Они готовы, въ ослѣпленьи,
Когдабъ ихъ страху волю дать,
На карантинномъ положеньи
Весь Божій міръ пересоздать.
Ихъ блажь себя дурманомъ кормитъ
И тотъ одинъ у нихъ съ умомъ,
Кто такъ себя захлороформитъ,
Чтобъ жизнь оцѣпенѣла въ немъ.
Нельзя глядѣть на нихъ безъ смѣха,

(*) Изъ Мертвыхъ Душъ нѣтъ отрывка, потому что, по ошибкѣ, первые отрывки изъ Гоголя оказались длинны.

Но грусти этотъ смѣхъ сродни;
Въ вратахъ добра, въ вратахъ успѣха,—
Какъ пугала, торчатъ они.
Благоразумія личиной
Свой малодушный умъ прикрывъ,
Они ложатся тяжкой льдиной
На каждый доблестный порывъ.
Стращаютъ мысль и упованья,
Развязкой горькой имъ грозя;
На всѣ вопросы, всѣ призванья
Одинъ отвѣтъ у нихъ: нельзя!
Нельзя! твердятъ сыны коснѣнья;
Но въ человѣческой груди
Къ чему жъ сей лозунгъ Провидѣнья:
«Трудись, надѣйся и гряди?»
Самонадѣянность насъ губитъ,
И мнительность—болѣзнь ума:
Одна теряться въ тучахъ любитъ,
Другой—что новость, то чума.
Мужъ благодушья, воли твердой
Равно умѣетъ пренебречь
Пылъ опрометчивости гордой
И робость, сей Дамокловъ мечъ.
Въ душѣ его благое пламя,
Великихъ дѣлъ святой закалъ;
Онъ высоко подъемлетъ знамя,
Которымъ путь свой указалъ.
Судебъ избранникомъ послушнымъ
Идетъ онъ вождь передовой,
Въ борьбѣ съ усердьемъ двоедушнымъ
И съ трусостью, поднявшей вой.—

Фонвизинъ.

ГЛАВА 1-я.

Исторія литтературы народа должна быть вмѣстѣ исторіею и его общежитія. Только въ соединеніи съ нею можетъ она имѣть для насъ нравственное достоинство и поучительную занимательность. Если на литтературѣ, разсматриваемой вами, не отражаются мнѣнія, страсти, оттѣнки, самые предразсудки современнаго общества; если общество, предстоящее наблюденію вашему, чуждо господству и вліянію современной литтературы, то можете заключить безошибочно, что въ эпохѣ, изучаемой вами, нѣтъ литтературы истинной, живой, которая не безъ причины названа выраженіемъ общества. Можно еще допустить, что въ нѣкоторомъ отношеніи литтература бываетъ двоякая: одна для народа то, что даръ слова для человѣка, то, чѣмъ передаетъ онъ себя ближнимъ и потомству; то чѣмъ онъ человѣкъ, то есть, существо мыслящее и чувствующее. Человѣкъ безъ сего способа выражать себя, и народъ, неимѣющій сей литтературы, существа неполныя, недостигающія цѣли бытія своего. Другую литтературу можно причислить къ искуствамъ изящнымъ: къ ваянію, живописи, къ музыкѣ. Она—въ разрядѣ вспомогательныхъ, уже благопріобрѣтенныхъ способностей, коими умъ человѣческій прихотливо выражаетъ мысль свою, коими народъ образующійся честолюбиво знаменуетъ усмѣхи свои на поприщѣ гражданственности и умственнаго усовершенствованія. Посреди безмолвія, оцѣпенѣнія, царствующаго при отсутствіи первой изъ сихъ литтературъ, можетъ возвыситься иногда голосъ автора, который сильно подѣйствуетъ на вниманіе общества, его окружающаго: общество отвѣчаетъ ему съ силою и быстротою потрясеннаго сочувствія, но сіе дѣйствіе случайно, скоропостижно и недолговременно: не имѣвъ предыдущаго, оно едва объемлетъ стѣсненные предѣлы настоящаго и теряется вмѣстѣ съ минутнымъ впечатлѣніемъ. Такъ сладкозвучный Ромбергъ или молніеносный смычекъ Паганини зажигаютъ восторгъ и оковываютъ вниманіе слушателей. Въ раздраженіи сокровеннѣйшихъ нервовъ своихъ, они сочувствуютъ гармоническимъ изліяніямъ повелительнаго чародѣя; но сіе сочувствіе, сія взаимность въ ощущеніяхъ, въ сотрясеніяхъ сокровенныхъ, были только насильственныя или покрайней мѣрѣ не естественныя, а искуственныя. Пора баснословныхъ чудесъ Орѳея миновалась: ни горы не тронутся съ мѣста, ни львы, ни люди не преобразуются. Звуки замолкли, раздраженные нервы утихли, и между виртуозомъ и слушателями его уже нѣтъ никакого нравственнаго соот-

вѣтствія. Литтература также имѣетъ своихъ виртуозовъ. Равно и между твореніемъ отличнымъ и народомъ, коего общество еще не готово для литтературы, или литтература еще не дозрѣла для общества, нѣтъ также обоюдности глубокой и постоянной. Концертъ отслушанъ, книга прочтена, и тотъ и другая возбудили нѣсколько благородныхъ соревнованій, но тѣмъ все и кончилось.— Обратимся теперь къ намъ: повѣримъ наше предположеніе добросовѣстно и внимательно, и выведемъ заключеніе. Нѣкоторыя наши явленія литтературныя: великолѣпныя оды Ломоносова; воспламененные, философическіе и сатирическіе гимны Державина; граціозныя шутки Богдановича; утонченности взыскательнаго общежитія, европеизмы, введены въ прозу и стихи наши Карамзинымъ и Дмитріевымъ; опыты Озерова, который умѣлъ иногда сочетать блескъ трагическихъ формъ Вольтера съ благозвучіемъ поэзіи Расина; лукавое простосердечіе и черты Русской насмѣшливости и замысловатости, ярко оттѣнившія произведенія Крылова; оригинальность заимствованій или завоеваній Жуковскаго, положившаго свою печать на подражанія, которыя въ свое время были смѣлыми новизнами; въ Пушкинѣ тотъ-же духъ, тѣ же пріемы поэтической притяжательности, еще болѣе принаровленные къ характеру времени и характеру Русскаго ума, и гораздо болѣе разнообразные въ своихъ движеніяхъ—всѣ сіи явленія, болѣе или менѣе, продолжительнѣе или кратковременнѣе, наносили рѣзкія впечатлѣнія на вниманіе общества нашего и возбуждали повсемѣстное сочувствіе. Со всѣмъ тѣмъ кажется, не страшась нареканія въ неблагодарности и несправедливости къ литературѣ отечественной, можно примѣнить ее ко второму разряду изъ двухъ описанныхъ выше. Такъ, она не есть жизнь народа нашего, а развѣ одна изъ блистательныхъ отраслей общежитія его; она не народный даръ слова, не народный глаголъ, а одно изящное выраженіе народа, какъ музыка или живопись.

Въ Русскомъ обществѣ и въ литературѣ Русской не было и нѣтъ по нынѣ сего обратнаго дѣйствія, сего перелива оттѣнковъ съ одного на другую, сей жизни, такъ сказать, общей въ двухъ тѣлахъ, сей взаимности, отъ коей литературы другихъ народовъ являются намъ столь исполненными движенія, страстей и личности. Нѣтъ сомнѣнія, Русское общество еще вполнѣ не выразилось литературою. Русскій народъ сильнѣе, плечистѣе, громогласнѣе своей литературы. Въ сравненіи съ нимъ она нѣсколько щедушна. Мѣсто, занимаемое имъ въ литературномъ мірѣ, не соотвѣтствуетъ тому, коимъ завладѣлъ онъ въ мірѣ политическомъ. Вы должны искать Русскихъ слѣдовъ въ исторіи Двора, въ исторіи походовъ, въ исторіи успѣховъ гражданственности; блестящія страницы могутъ здѣсь удовольствовать требованію честолюбія народнаго и явить, что сіе общество, хотя еще мало говорливое, имѣетъ во многихъ чертахъ свою физіогномію, свою нравственную самобытность. Одно книжное знакомство съ нимъ увлекло-бы васъ къ заключенію, что нѣтъ общества, а есть только народонаселеніе. Русское общество не воспитано на чтеніи отечественныхъ книгъ: вы не можете найти людей, которые чувствовали-бы по Державину, мыслили-бы по Княжнину, коихъ мнѣнія развились-бы и созрѣли подъ вліяніемъ такихъ-то или другихъ Русскихъ авторовъ. Это неоспоримо. Какое можетъ быть на народъ вліяніе литературы, неимѣющей эпопеи, театра, романовъ, философовъ, публицистовъ, моралистовъ, историковъ? ибо одинъ историкъ, и то историкъ давнопрошедшихъ столѣтій, историкъ отечества своего, какъ ни сильно выразилъ онъ умъ свой въ твореніи своемъ, какъ ни вѣрно воскресилъ онъ въ немъ наше прошедшее, но дѣйствіе его все же должно быть одностороннее и ограничено самыми предѣлами предначертаннаго ему

круга. Если же захотѣть найти непремѣнно господствующую черту нашей литературы, то должно остановиться на поэзіи лирической. Сіе соображеніе можетъ привести насъ къ заключенію, что и у насъ литература, или то, что изъ литературы имѣемъ, есть также однозвучное выраженіе общества. Общество наше, гражданственность наша образовались побѣдами. Не постепенными, не медленными успѣхами на поприщѣ образованности; не долговременными, постоянными, трудными заслугами въ дѣлѣ человѣчества и просвѣщенія,—нѣтъ: быстро и вооруженною рукою заняли мы почетное мѣсто въ числѣ Европейскихъ державъ. На поляхъ сраженій купили мы свою граммату дворянства. Громы Полтавской побѣды провозгласили наше уже безспорное водвореніе въ семейство Европейское. Сіи громы, сіи торжественныя, побѣдныя молебствія отозвались въ поэзіи нашей и дали ей направленіе. Слѣдующія эпохи, болѣе или менѣе ознаменованныя завоеваніями, войнами блестящими, питали въ ней сей духъ воинственный, сію торжественность, которая, можетъ быть, въ послѣдствіи времени была уже болѣе привычка и подражаніе, и потому неудовлетворительна; но на первую пору была она точно истинная, живая, и выражала совершенно главный характеръ нашего политическаго быта. Воинственная слава была лучшимъ достояніемъ Русскаго народа: упоенные, ослѣпленные ею, радѣли мы мало о другихъ родахъ славы. Военное достоинство было почти единою цѣлію, единымъ упованіемъ и средствомъ для высшаго званія народа, которое должно было въ началѣ сосредоточивать въ себѣ исключительно лучи просвѣщенія, медленно разливавшагося по нижнимъ ступенямъ общества. Военная дѣятельность удовлетворяла честолюбію народному и потребностямъ возникающаго гражданства. Торжественныя оды были плодами сего воинственнаго вдохновенія. Лира Ломоносова была отголоскомъ Полтавскихъ пушекъ. Напряженіе лирическаго восторга сдѣлалось послѣ него, и безъ сомнѣнія отъ него, общимъ характеромъ нашей поэзіи. Поэзіи философической, прозѣ умѣренной, которая болѣе размышляетъ, нежели чувствуетъ, болѣе способна хладнокровно судить, нежели пламенно пристраститься, тутъ не было мѣста. Ломоносовъ, Петровъ, Державинъ были бардами народа, почти всегда стоявшаго подъ ружьемъ,—народа, праздновавшаго побѣды, или готовившагося къ новымъ. «Тебя Бога хвалимъ!» была тема ихъ воинственныхъ пѣснопѣній. Они поэты присяжные, поэты-лауреаты побѣды еще болѣе, нежели Двора. Сію поэзію, такъ сказать, официальную, должно приписывать не столько характеру ихъ, сколько характеру эпохъ, въ которыя они жили. Ничего нѣтъ общаго въ нравственныхъ свойствахъ, въ образованіи, въ частныхъ обстоятельствахъ жизни трехъ нашихъ лириковъ, но лира ихъ настроена почти на одинъ ладъ. Кажется, слышишь одни и тѣ-же звуки, за исключеніемъ особенныхъ переливовъ и оттѣнковъ, которые образуютъ неминуемую принадлежность каждаго самостоятельнаго дарованія. Почему Кантеміръ, также поэтъ съ великимъ дарованіемъ, не имѣлъ послѣдователей, а лирическій нашъ тріумвиратъ подѣйствовалъ такъ сильно на склонности поэтовъ и второстепенныхъ? Потому, что для сатиры, для изслѣдованія, для суда общество не было еще готово. Кровь и умы тогда еще не довольно остыли и осѣлись. Это была пора молодости, волненія и восторженности. Кто и не имѣлъ на лирѣ своей могучихъ и звучныхъ струнъ, а туда-же карабкался и хотѣлъ *пиндарить*. Въ этомъ отношеніи сатира «Чужой толкъ» не только прекрасное литературное произведеніе, но и нравственное свидѣтельство и замѣчательная обличительная ссылка для поясненія современныхъ обстоятельствъ.

Лирическое, торжественное, хвалебное направленіе, данное поэзіи нашей, неизмѣнилось совершенно и въ новѣйшія

времена, когда другія потребности, другія усилія власти и гражданственности означились въ явленіяхъ болѣе миролюбивыхъ, но не менѣе сильныхъ для честолюбія народа могущественнаго и повелительнаго. Торжественность, на которую была настроена лира Ломоносова, отзывается иногда и въ лирѣ Жуковскаго, который изъ міра созерцанія и мечтательности вызываемъ бывалъ шумомъ побѣды и кликами празднующаго народа на торжество дѣйствительности; отзывается и въ лирѣ самаго Пушкина, коего геній своенравный, казалось бы, долженъ быть столь независимъ отъ господства, удручающаго другихъ. Въ эпилогѣ «Кавказскаго плѣнника» вы найдете краски, пріемы поэзіи, ему исключительно свойственной; но въ духѣ восторга, оживляющаго сію воинственную поэзію, вы поддадитесь какому-то обратному влеченію, вознесшему столь высоко въ свое время поэзію Ломоносова и Державина. Предупреждая всякія превратныя истолкованія изложеннаго здѣсь мнѣнія, спѣшу заявить, что замѣчаніе мое вовсе не есть критическое, или порицательное; я просто хотѣлъ опереть свое предположеніе на свидѣтельства, и долженъ былъ для оправданія своего предпочесть хотя изысканное, но яркое, другимъ свидѣтельствамъ, болѣе общимъ, но и менѣе убѣдительнымъ.

изъ главы VIII-й.

Въ комедіи «Недоросль» авторъ имѣлъ уже цѣль важнѣйшую: гибельные плоды невѣжества, худое воспитаніе и злоупотребленія домашней власти выставлены имъ рукою смѣлою и раскрашены красками самыми ненавистными. Въ «Бригадирѣ» авторъ дурачитъ порочныхъ и глупцовъ, язвитъ ихъ стрѣлами насмѣшки; въ «Недорослѣ» онъ уже не шутитъ, не смѣется, а негодуетъ на порокъ и клеймитъ его безъ пощады; если же и смѣшитъ зрителей картиною выведенныхъ злоупотребленій и дурачествъ, то и тогда внушаемый имъ смѣхъ не развлекаетъ отъ впечатлѣній болѣе глубокихъ и прискорбныхъ. И въ «Бригадирѣ» можно видѣть, что погрѣшности воспитанія Русскаго живо поражали автора; но худое воспитаніе, данное бригадирскому сынку, это полупросвѣщеніе, если и есть какое просвѣщеніе въ поверхностномъ знаніи Французскаго языка, въ поѣздкѣ въ чужіе краи, безъ нравственнаго, приготовительнаго образованія, должны были выдѣлать изъ него смѣшнаго глупца, чѣмъ онъ и есть. Невѣжество-же, въ коемъ росъ ***Митрофанушка***, и примѣры домашніе должны были готовить въ немъ изверга, какова мать его, ***Простакова***. Именно говорю изверга, и утверждаю, что въ содержаніи комедіи «Недоросль» и въ лицѣ ***Простаковой*** скрываются всѣ пружины, всѣ лютыя страсти, нужныя для соображеній трагическихъ; разумѣется, что трагедія будетъ не по Греческой или по Французской классической выкройкѣ, но не менѣе того, развязка можетъ быть трагическая. Какъ ***Тартюфъ*** Мольера стоитъ на межѣ трагедіи и комедіи, такъ и ***Простакова***. Отъ авторовъ зависѣло ее и его присвоить той или другой области. Характеръ и личность остались-бы тѣ-же, но только принаровленные къ узаконеніямъ и обычаямъ, существующимъ по одну или другую сторону литературной границы. Что можно назвать сущностью драмы «Недоросля?» Домашнее, семейное тиранство ***Простаковой***, содержащей у себя, такъ сказать, въ плѣну *Софью*, которую приноситъ она въ жертву корыстолюбію своему, выдавая насильно замужъ сперва за брата, а потомъ за сына. Какъ характеризована она самимъ авторомъ? ***Презлою фуріею, которой адскій нравъ дѣлаетъ несчастіе цѣлаго дома.*** Всѣ прочія лица второстепенны: иныя изъ нихъ совершенно посторонія, другія только примыкаютъ къ дѣйствію. Авторъ въ начертаніи картины, далъ лицамъ смѣшное направленіе; но смѣшное, хотя у него и на первомъ планѣ, не мѣшаетъ разглядѣть гнусное, ненавистное въ пер-

спективѣ. Въ семействахъ *Простаковыхъ*, когда, по несчастію, встрѣчаются онѣ въ мірѣ дѣйствительности, трагическія развязки не рѣдки. Архивы уголовныхъ дѣлъ нашихъ могутъ представить тому многочисленныя доказательства. Вотъ нравственная сторона творенія сего, и патріотическая мысль, одушевляющая оное, достойна уваженія и признательности! Можно сказать, что подобное исполненіе не только хорошее сочиненіе, но и доброе дѣло: что, впрочемъ, можно примѣнить и ко всякому изящному творенію, ибо нѣтъ сомнѣнія, что оно всегда имѣетъ нравственное дѣйствіе. Между тѣмъ и комическая сторона «Недоросля» не менѣе удачна. Въ сей драмѣ замѣтенъ одинъ недостатокъ, уже замѣченный выше: недостатокъ изобрѣтенія и недвижность событія. Изъ сорока явленій, въ числѣ коихъ нѣсколько довольно длинныхъ, едва-ли найдется во всей драмѣ треть, и то короткихъ, входящихъ въ составъ самаго дѣйствія и развивающихся изъ него, какъ изъ драматическаго клубка.

Первое дѣйствіе почти съ начала до конца ведено драматически. Въ трехъ первыхъ явленіяхъ мастерски выставленъ характеръ *Простаковой*. Первое явленіе заключается въ нѣсколькихъ словахъ, сказанныхъ ею, но они такъ выразительны, что его можно почесть прекраснымъ изложеніемъ не дѣйствія драмы, потому что не оно главное, но главнаго лица, которому все прочее служитъ одною обстановкою. Разговоръ ея съ портнымъ *Тришкою*, или лучше сказать, пожалованнымъ въ портные, исполненъ комической силы. Веселость автора совершенно принаровлена къ лицамъ, сцена совершенно Русская, снятая съ природы. Перепалка возраженій между госпожею и *портнымъ по неволѣ* оживлена драматическимъ кресчендо и кончается неодолимымъ возраженіемъ его: «*Да первой-то портной можетъ быть шилъ хуже и моего!*» Поболѣе такихъ явленій, — и Фонъ-Визинъ былъ-бы одинъ изъ остроумнѣйшихъ комиковъ. Характеръ мужа въ слѣдующемъ явленіи обрисовывается значительно и рѣзко: за исключеніемъ одного двусмыслія (неприличнаго и слишкомъ площаднаго), все явленіе очень хорошо. Вообще всѣ сцены, въ которыхъ является *Простакова*, исполнены жизни и вѣрности, потому что характеръ ея выдержанъ до конца съ неослабѣвающимъ искуствомъ, съ неизмѣняющеюся истиною. Смѣсь наглости и низости, трусости и злобы, гнуснаго безчеловѣчія ко всѣмъ и нѣжности, равно гнусной, къ сыну, при всемъ томъ невѣжество, изъ коего, какъ изъ мутнаго источника, истекаютъ всѣ сіи свойства, согласованы, въ характерѣ ея, живописцемъ смѣтливымъ и наблюдательнымъ. Въ послѣднихъ явленіяхъ авторъ показалъ еще болѣе искуства и глубокаго сердцевѣдѣнія. Когда *Стародумъ* прощаетъ *Простакову*, и она, вставъ съ колѣней, восклицаетъ: «Простилъ! ахъ, батюшка, простилъ. Ну, теперь-то дамъ я зорю канальямъ своимъ людямъ.» Тутъ слышенъ голосъ природы. Скупость ея прорывается весьма забавно въ сценѣ, когда *Правдинъ*, назначенный отъ правительства опекуномъ надъ деревнею ея, расчитывается съ учителями *Митрофанушки*. Тутъ уже не хвастаетъ она, какъ прежде, познаніями своего сына, и невольно говоритъ *Кутейкину*. «Да коль пошло на правду, чему ты выучилъ Митрофанушку?» Но послѣдняя черта довершаетъ полноту картины, сосредоточивая всѣ гибельные плоды злонравія ея и воспитанія, даннаго сыну. Лишенная всего, ибо лишилась власти дѣлать зло, она, бросаясь обнимать сына, говоритъ ему. «Одинъ ты остался у меня, мой сердечный другъ, Митрофанушка!» а онъ отвѣчаетъ ей: «Да отвяжись матушка, какъ навязалась!» Признаюсь, въ этой чертѣ такъ много истины, эта истина такъ прискорбна, почерпнута изъ такой глубины сердца человѣческаго, что по невольному движенію точно жалѣешь о виновной, какъ при казни преступника, забывая о преступленіи, сострадательно вздрагиваешь за несчастнаго. Въ начер-

танія характера *Простаковой* Фонъ-Визинъ былъ глубокимъ изслѣдователемъ и живописцемъ. Сказываютъ, что Французскій комикъ Пикаръ имѣлъ привычку излагать, въ видѣ романа и приготовительнаго труда, исторію главныхъ лицъ комедій своихъ. Этимъ способомъ судилъ онъ и другихъ комиковъ. Правило остроумное и полезное! Изъ того, что видимъ на сценѣ, мы коротко знаемъ *Простакову* и могли бы начертать полную біографію ея. Не всѣ комическіе портреты такъ поучительны и откровенны. У многихъ нашихъ комиковъ узнаешь о представленныхъ ими лицахъ только то, что сказано про нихъ на афишахъ. *Скотининъ* каррикатура; онъ въ родѣ театральныхъ тирановъ классической трагедіи и говоритъ о любви своей къ свиньямъ, какъ *Димитрій Самозванецъ* Сумарокова о любви къ злодѣйствамъ. Но сцена его съ *Митрофанушкою* и *Еремеевною* очень забавна. Вообще характеръ мамы, хотя вскользь обозначенный, удивительно вѣренъ: въ немъ много Русской холопской оригинальности. Пересказываютъ со словъ самого автора, что приступая къ упомянутому явленію, пошелъ онъ гулять, чтобы въ прогулкѣ обдумать его. У Мясницкихъ Воротъ набрелъ онъ на драку двухъ бабъ, остановился и началъ сторожить природу. Возвратясь домой съ добычею наблюденій, начерталъ онъ явленіе свое и вмѣстилъ въ него слово зацѣпы, подслушанное имъ на полѣ битвы. Роль *Стародума* можно раздѣлить на двѣ части: въ первой онъ рѣшитель дѣйствія и развязки, если не содѣйствіемъ, то волею своею; въ другой онъ лицо вставное, нравоученіе, подобіе хора въ древней трагедіи. Тутъ авторъ выразилъ нѣсколько истинъ, изложилъ нѣсколько мнѣній своихъ. Въ доказательство, что эта часть не идетъ къ дѣлу, напомнимъ, что въ представленіи многое выкидывается изъ роли *Стародума*. Былабы піеса написана хорошими стихами, то, вѣроятно, терпѣніе партера неутомилось бы отступленіями; но невыгода *Стародума* предъ древнимъ хоромъ въ томъ, что сей выражается поэзіею лирическою, а тотъ дидактическою прозою, которая скучна подъ конецъ. Въ прозѣ должно быть бережливѣе, не смотря на Дидерота, которому казалось, что на театрѣ можно разсуждать о важнѣйшихъ нравственныхъ запросахъ, не вредя быстрому и стремительному ходу драматическаго дѣйствія. Но дѣло въ томъ, что Дидеротъ проповѣдывалъ въ свою пользу: онъ, какъ и Фонъ-Визинъ, былъ нѣсколько декламаторъ и любилъ поучать. Можно еще прибавить, что многое изъ нравоученій *Стародума* хотя и весьма справедливо и назидательно, но довольно обыкновенно. Анатомія словъ любимое средство автора, выказывается и здѣсь. Сцену *Стародума съ Милономъ* можно назвать испытаніемъ въ курсѣ практической нравственности и сценою синонимовъ, въ которой, какъ въ словарѣ, разсѣкается значеніе словъ *неустрашимость* и *храбрость*. Нѣтъ сомнѣнія, что въ обществѣ встрѣчаются говоруны или поучители, подобные *Стародуму;* но правда и то, что они скучны и что отъ нихъ бѣгаешь. На сценѣ они еще скучнѣе, потому что въ театръ ѣздишь для удовольствія, а слушая ихъ, подвергаешься скукѣ добровольной. Между тѣмъ, первое явленіе пятаго дѣйствія приноситъ честь и писателю и Государю, въ царствованіе коего оно написано. Можетъ быть, замѣтимъ еще, что *Стародумъ*, разбогатѣвшій въ Сибири и нечаянно возвращающійся, чтобы обогатить племянницу свою, сбивается нѣсколько на непремѣнныхъ дядей Французской комедіи, которые для развязки комической интриги, падали изъ Америки золотымъ дождемъ на голову какого нибудь бѣднаго родственника.

Роли *Милона* и *Софьи* блѣдны. Хотя взаимная склонность ихъ одна изъ главныхъ завязокъ всего дѣйствія, но счастливой развязкѣ ея радуешься развѣ изъ безпристрастной любви къ ближнему. *Правдинъ* чиновникъ; онъ разрѣзы-

ваетъ мечемъ закона сплетеніе дѣйствія, которое должно-бъ быть развязано соображеніями автора, не полицейскими мѣрами намѣстника. Въ нашихъ комедіяхъ начальство часто занимаетъ мѣсто рока (fatum) въ древнихъ трагедіяхъ; но въ этомъ случаѣ должно допустить рѣшительное посредничество власти, ибо имъ однимъ можетъ быть довершено наказаніе *Простаковой*, которое было бы неполно, еслибы имѣніе осталось въ рукахъ ея. ***Кутейкинъ***, ***Цифиркинъ*** и ***Вральманъ*** забавныя каррикатуры; послѣдній и слишкомъ каррикатуренъ, хотя, къ сожалѣнію, и не совсѣмъ несбыточное дѣло, что въ старину Нѣмецъ кучеръ попалъ въ учители въ домъ *Простаковыхъ*.

Мнѣ случалось слышать, что Фонъ-Визина упрекали въ исключительной цѣли, съ которою будто начерталъ онъ лице ***Недоросля***, осмѣивая въ немъ неслужащихъ дворянъ. Кажется, это предположеніе вовсе неосновательно. Во-первыхъ: Фонъ-Визинъ не сталъ-бы мѣтить въ небывалое зло. Одни новые комики наши стали сочинять нравы и выдумывать лица. Дворянство наше винить можно не въ томъ, что оно не служитъ, а развѣ въ томъ, что оно иногда худо готовится къ службѣ, не запасаясь необходимыми познаніями, чтобъ быть ей полезнымъ. ***Недоросль*** не тѣмъ смѣшонъ и жалокъ, что шестнадцати лѣтъ онъ еще не служитъ: жалокъ былъ-бы онъ служа, не достигнувъ возраста разсудка; но смѣешься надъ нимъ отъ того, что онъ неучъ. Правда, что правило *Стародума*, по которому въ одномъ только случаѣ позволяется дворянину выходить въ отставку, ***когда онъ внутренно удостовѣренъ, что служба его прямой пользы отечеству не приноситъ***, слишкомъ исключительно. Дворянинъ предъ самымъ отечествомъ можетъ имѣть и безъ службы священныя обязанности. Дворянинъ, который усердно занимался-бы благоустройствомъ и возможнымъ нравственнымъ образованіемъ подвластныхъ себѣ, воспитаніемъ дѣтей, какою нибудь отраслью просвѣщенія или промышленности, былъ-бы немепѣе участникомъ въ общемъ дѣлѣ государстенной пользы и споспѣшникомъ видовъ благонамѣреннаго правительства, хотя и не былъ бы включенъ въ списки адресъ - календаря. Къ тому же, правило ***Стародума*** несбыточно въ исполненіи: въ государствѣ нѣтъ довольно служебныхъ мѣстъ для поголовнаго ополченія дворянства. Должно признаться, что и ***Правдинъ*** имѣетъ довольно странное понятіе о службѣ, говоря ***Митрофанушкѣ*** въ концѣ комедіи «Съ тобою, дружокъ, знаю что дѣлать: пошелъ-ка служить!» Ему сказать бы: «пошелъ-ка въ училище!» а то хорошій подарокъ готовитъ онъ службѣ въ лицѣ безграмотнаго повѣсы.

Успѣхъ комедіи «Недоросль» былъ рѣшительный. Нравственное дѣйствіе ея несомнѣнно. Нѣкоторыя изъ именъ дѣйствующихъ лицъ сдѣлались нарицательными и употребляются донынѣ въ народномъ обращеніи. Въ сей комедіи такъ много дѣйствительности, что провинціальныя преданія именуютъ еще и нынѣ нѣсколько лицъ, будто служившихъ подлинниками автору. Мнѣ самому случалось встрѣтиться въ провинціяхъ съ двумя или тремя живыми экземплярами ***Митрофанушки***, то есть, будто служившими образцемъ Фонъ-Визину. Вѣроятно, преданіе ложное, но и въ самыхъ ложныхъ преданіяхъ есть нѣкоторый отголосокъ истины. Въ «Бригадирѣ» есть тоже намеки на живыя лица, и между прочими на какого-то президента коллегіи, который любилъ великорослыхъ, и по росту опредѣлялъ подчиненныхъ своихъ на мѣста. Если правда, то князь Потемкинъ, послѣ перваго представленія «Недоросля», сказалъ автору: «Умри, Денисъ, или больше уже ничего не пиши!» то жаль, что эти слова оказались пророческими, и что Фонъ-Визинъ не писалъ уже болѣе для театра. Онъ далеко недошелъ до Геркулесовыхъ столповъ драматическаго искуства; можно сказать, что онъ и не создалъ Русской

комедіи, какова она быть должна; но и то, что онъ совершилъ, особенно-же при общихъ неудачахъ, есть уже важное событіе. Шлегель, разбирая творенія двухъ Британскихъ драматиковъ (Бьюмонтъ и Флетчеръ), говоритъ, что они соорудили прекрасное зданіе, но только въ предмѣстіяхъ поэзіи , тогда какъ Шекспиръ въ самомъ средоточіи столицы основалъ свою царскую обитель. Тоже скажемъ и о трудахъ Фонъ-Визина, прибавя, что наша столица еще мало застроивается, что если въ нѣкоторыхъ новѣйшихъ зданіяхъ и оказывается болѣе вкуса въ архитектурѣ, лучшая отдѣлка въ частныхъ принадлежностяхъ, то въ зодчествѣ Фонъ-Визина болѣе прочности, уютности и принаровки къ потребностямъ и климату отечественнымъ; наконецъ, что средоточная площадь столицы нашей еще пустынно ожидаетъ драматическихъ чертоговъ, для коихъ не родились достойные строители.

Странно, что направленіе, данное авторомъ нашимъ, имѣло мало послѣдователей въ литературномъ отношеніи: ибо нельзя назвать послѣдованіемъ ему то,что,сходно съ замѣчаніемъ одного остроумнаго критика, комедія наша расположилась въ лакейской какъ дома, или принесла лакейскіе нравы и языкъ въ гостиныя, потому что Фонъ-Визинъ и въ дворянскомъ семействѣ нашелъ Простаковыхъ. Наши комики переняли у него нѣкоторые пріемы, положенія, мѣстность, думая, что въ нихъ-то и заключается вся комическая сила; но она у него потому сила, что не изыскана, а коренная, природная. Напротивъ-же у его послѣдователей то-же самое есть безсиліе, потому что оно заимствованное и неестественное.

Я знаю у насъ только одну комедію, которая напоминаетъ комическія соображенія и производство Фонъ-Визина: это «Горе отъ ума». Сіе твореніе, имѣющее въ рукописи болѣе расхода, нежели многія печатныя книги (что впрочемъ почти неминуемо), при появленіи своемъ судимо было не только изустно, но и печатно двоякимъ предубѣжденіемъ, равно не знавшимъ мѣры ни въ похвалахъ, ни въ порицаніяхъ своихъ. Истина равно чужда Сеидамъ и Зоиламъ. Буду говорить о сей комедіи безпристрастно; моя откровенность тѣмъ свободнѣе будетъ, что она не связана прежними обязательствами. Я любилъ автора, уважалъ умъ и дарованія его; вѣроятно я одинъ изъ тѣхъ, которые живѣе и глубже были поражены преждевременнымъ и бѣдственнымъ концемъ его; но самъ авторъ зналъ, что я не безусловный поклонникъ комедіи его; вѣроятно, даже въ глазахъ его умѣренность моя сбивалась на недоброжелательство по щекотливости, свойственной авторскому самолюбію, и по сплетнямъ охотниковъ, всегда ищущихъ случая разводить честныхъ людей. Комедія Грибоѣдова не комедія нравовъ, а развѣ обычаевъ, и въ этомъ отношеніи многія части картины превосходны. Если искать вывѣски современныхъ нравовъ въ *Софіи*, единственномъ характерѣ въ комедіи, коей всѣ прочія лица одни портреты въ профиль, въ бюстъ или во весь ростъ, то должно сказать, что эта вывѣска поклепъ на нравы или исключеніе, неумѣстное на сценѣ. Дѣйствія въ драмѣ, какъ и въ твореніяхъ Фонъ-Визина, нѣтъ или еще и менѣе. Здѣсь почти всѣ лица эпизодическія, всѣ явленія выдвижныя: ихъ можно выдвинуть, вдвинуть, перемѣстить, пополнить, и нигдѣ не замѣтишь ни трещины, ни придѣлки. Самъ герой комедіи, молодой *Чацкій*, похожъ на *Стародума*. Благородство правилъ его почтенно; но способность, съ которою онъ ex-abrupto проповѣдуетъ на каждый попавшійся ему текстъ, нерѣдко утомительна. Слушающіе рѣчи его точно могутъ примѣнить къ себѣ названіе комедіи, говоря: «Горе отъ ума!» Умъ, каковъ *Чацкаго*, не есть завидный ни для себя, ни для другихъ. Въ этомъ главный порокъ автора, что, посреди глупцовъ разнаго свойства, вывелъ онъ одного

умнаго человѣка, да и то бѣшенаго и скучнаго. Мольеровъ *Альцестъ*, въ сравненіи съ *Чацкимъ*, настоящій Филинтъ, образецъ терпимости. Пушкинъ прекрасно характеризовалъ сіе твореніе, сказавъ: «*Чацкій* совсѣмъ не умный человѣкъ, но *Грибоѣдовъ* очень уменъ.» Сатирическій пылъ, согрѣвающій многія явленія, никогда не выдохнется; комическая веселость, съ которою изображены многія частности, будетъ смѣшить и тѣхъ, которые не станутъ искать въ сей комедіи зеркала современному. Если она не лучшая сатира наша въ литературномъ отношеніи, потому что небрежность языка и стихосложенія доведены въ ней иногда до непростительнаго своеволія, то по крайней мѣрѣ она сатира, лучше и живѣе всѣхъ прочихъ обдуманная. Замѣчательно, что сатирическое искуство автора отзывается не столько въ колкихъ и рѣзкихъ эпиграммахъ *Чацкаго*, сколько въ добродушныхъ рѣчахъ *Фамусова*. Продолжительная иронія утомительна: порицаніе подъ видомъ похвалы скоро становится приторно; но здѣсь авторъ такъ искусно, такъ глубоко вошелъ въ характеръ *Фамусова*, что никакъ не различишь насмѣшливости комика отъ замоскворѣцкаго патріотизма самого Фамусова. Таковъ, но не въ равной степени превосходства и *Скалозубъ*. По двумъ этимъ изображеніямъ можно заключить несомнѣнно, что въ Грибоѣдовѣ таился будущій комикъ. Онъ и творецъ «Недоросля» имѣютъ то свойственное имъ преимущество, что они прямо, такъ сказать живьемъ, перенесли на сцену черты, схваченныя ими въ мірѣ дѣйствительности. Они не переработывали своихъ пріобрѣтеній въ алхимическомъ горнилѣ общей комедіи, изъ коего все должно выходить въ какомъ-то изготовленномъ и заранѣе указанномъ видѣ. Самыя странности комедіи Грибоѣдова достойны вниманія: разширяя сцену, населяя ее народомъ дѣйствующихъ лицъ, онъ, безъ сомнѣнія, разширилъ и границы самаго искуства. Явленіе разъѣзда въ сѣняхъ, сіе послѣднее дѣйствіе свѣтскаго дня, издержаннаго на пустяки, хорошо и смѣло новизною своею. На театрѣ оно живописно и очень забавно. У насъ вообще мало думаютъ объ оживотвореніи сцены, о сценическихъ впечатлѣніяхъ, забывая, что не даромъ драма называется зрѣлищемъ и происходитъ предъ зрителями. Многія наши комедіи суть родъ разговоровъ въ царствѣ мертвыхъ. Предъ вами не міръ дѣйствительный, не люди, а тѣни безплотныя, безличныя. Все въ нихъ неосязательно, неопредѣлительно; все скользитъ по чувствамъ и по вниманію. Комедія наша не есть картина ни жизни внутренней, ни внѣшней. Она не смѣшивается съ толпою на площади и не проникаетъ въ сокровенныя таинства домашняго быта. Это что-то отвлеченное, умозрительное, условное, алгебраическая задача безъ примѣненія, гдѣ a и b и c и d мертвыя буквы и мертвыя лица. Скажемъ окончательно, что если «Горе отъ ума» твореніе и не совершенно зрѣлое, во многихъ частяхъ неизбѣгающее строжайшей критики, то не менѣе оно явленіе весьма замѣчательное въ драматической словесности нашей. По немъ должны мы жалѣть о ранней утратѣ писателя, который подавалъ большія надежды, имѣлъ многія весьма разнообразныя познанія, былъ одаренъ умомъ и пылкимъ и острымъ, и тою гордою независимостію, которая, пренебрегая тропами избитыми, порывается сама проложить слѣды свои по неиспытанной дорогѣ. Въ подобныхъ покушеніяхъ успѣхъ не всегда вѣренъ или полонъ, но и самыя покушенія сіи остаются въ памяти народной; признаки движенія, они прорѣзываются неизгладимыми чертами на поприщѣ умственной дѣятельности, тогда какъ и самые успѣхи посредственности, протоптанные въ свою очередь другими, не отдѣляются отъ грунта и другъ друга поглощаютъ. Вотъ почему комедія Грибоѣдова, въ цѣломъ не довольно обдуманная, въ частяхъ и особенно въ слогѣ часто худо исполненная, остается

всегда на виду; а многія другія комедіи театра нашего, осмотрительнѣе соображенныя, и правильнѣе написанныя, пропадаютъ безъ вѣсти, не возбудивъ къ себѣ никакого сочувствія общества. Живой живое и думаетъ; живой живое и любитъ. Можетъ быть, у насъ есть еще одна комедія, которую можно, не сравнивать, а издалека уподобить комедіямъ Фонъ-Визина: это «Вѣсти, или Убитый живой», сочиненіе графа Ростопчина. Въ ней нѣтъ изящной отдѣлки, нѣтъ искуства, въ ней не пробивается рука художника, но есть Русская веселость и довольно вѣрная съемка природы. Не понимаю, почему не имѣла она успѣха на сценѣ и совершенно упала въ первое представленіе. Вѣроятно, немногіе и читали ее, хотя она и напечатана. Авторъ «Мыслей въ слухъ на красномъ крыльцѣ» и такъ называемыхъ «Афишекъ 1812 года» заслуживалъ-бы оригинальностью своею болѣе любопытства и вниманія.

XXXVIII. Н. ПОЛЕВОЙ.

Московскій телеграфъ 1825 года.

№ V мартъ.

Евгеній Онѣгинъ, романъ въ стихахъ. Соч. *Александра Пушкина. Спб.*

Свободная пламенная Муза, вдохновительница Пушкина, приводитъ въ отчаяніе диктаторовъ нашего Парнаса и осѣдлыхъ критиковъ нашей словесности. Бѣдные! Только что успѣютъ они увѣрить своихъ кліентовъ, что въ силу такого или такого параграфа піитики, изданной въ такомъ-то году, поэма Пушкина не поэма, и что можно доказать это по всѣмъ правиламъ полемики, новыми рукоплесканіями заглушается охриплый шопотъ ихъ и всеобщій восторгъ заботитъ ихъ снова пріискивать доказательствъ на истертыхъ листочкахъ рѣченной піитики.

Въ самомъ дѣлѣ, на что это похоже! Довольно, что англинскіе критики не знали, что дѣлать съ Бейрономъ; не уже-ли и русскимъ придетъ такая-же горькая участь отъ Пушкина». Уже и хвалить его они не смѣютъ: кто боится попасть въ криво-толки, кто говоритъ, что ничего сказать не можетъ, кто просто отмалчивается. Но пока готовятся безмолвные громы ихъ, поспѣшимъ раздѣлить съ нашими читателями радость о новомъ, счастливомъ событіи на Парнасѣ нашемъ—о появленіи новаго поэтическаго произведенія любимца всѣхъ русскихъ читателей.

Давно уже съ нетерпѣніемъ ожидала публика *Онѣгина*; теперь отчасти и вполнѣ удовлетворилось желаніе читателей: *отчасти*, ибо издана только первая глава этого поэтическаго романа, *вполнѣ*, потому что изданіе Онѣгина положительно доказываетъ право Пушкина уже не просто на талантъ, но на что-то выше.

«Но что такое *Онѣгинъ*»? спросятъ критики, «что за поэма, въ которой есть главы какъ въ книгѣ? По какимъ правиламъ она составлена? Къ какому роду принадлежитъ?»

Онѣгинъ, Мм. Гг. *романъ въ стихахъ*, слѣдовательно въ романѣ позволяется употреблять раздѣленіе на главы; правила, руководствовавшія поэта, заключаются въ его творческомъ воображеніи; родъ, къ которому принадлежитъ романъ его, есть тотъ самый, къ которому принадлежитъ поэма Бейрона и Гёте.

Донъ-Жуанъ почитается однимъ изъ лучшихъ, и едва-ли не лучшимъ произведеніемъ Бейрона. Difficile est proprie communia dicere, сказалъ великій сей поэтъ, издавая Донъ-Жуана. Онъ чувствовалъ, какъ тяжело было ему бороться съ своимъ предметомъ, и тѣмъ славнѣе былъ его подвигъ, тѣмъ громче торжество.

Въ угодность привязчивымъ аристархамъ, согласимся, что по существу своему поэму, подобную Донъ-Жуану и Беппо, поэму, гдѣ нѣтъ постоянной за-

вязки, хода дѣйствій, съ начала ведомыхъ къ одной главной, ясной цѣли, гдѣ нѣтъ эпизодовъ, гладко вклеенныхъ, нельзя назвать ни эпическою, ни дидактическою поэмою; но это уже дѣло холоднаго разсудка, пріискивать надосугѣ, почему написанное не по извѣстнымъ правиламъ хорошо, и на всякій новый опытъ поэзіи прибирать ладъ и мѣру; не поэту-же спрашивать у піитиковъ: можно-ли дѣлать то или то! Его воображеніе летаетъ, не спрашиваясь піитикъ: падаетъ онъ, тогда торжествуйте побѣду школьныхъ правилъ; если-же полетъ его изумляетъ, очаровываетъ сердцà и души, дайте имъ насладиться *новымъ* торжествомъ ума человѣческаго: всякое новое пріобрѣтеніе Бейроновъ и Пушкиныхъ дѣлаетъ и намъ честь, ибо дѣлаетъ честь странѣ, которой онъ принадлежитъ, и вѣку, въ которомъ живетъ.

Тò самое высокое наслажденіе, въ которомъ человѣкъ, упоенный очаровательнымъ восторгомъ, не можетъ, не смѣетъ дать самому себѣ отчета въ своихъ чувствахъ: все *ограниченное*, въ наслажденіяхъ эстетическихъ, отвращаетъ человѣка — и въ неопредѣленномъ, неизъяснимомъ состояніи сердца человѣческаго заключена и тайна и причина такъ называемой романтической поэзіи.

Пушкинъ обѣщаетъ своимъ критикамъ написать поэму въ 25 пѣсенъ, въ которой будутъ выполнены всѣ условія, предписанныя покойнымъ Баттё. Тогда и мы обѣщаемся написать рецензію, которую начнемъ полнымъ и обстоятельнымъ разборомъ всѣхъ эпическихъ поэмъ, изслѣдуемъ всѣ подробности, какъ-то: правильно-ли превращеніе кораблей Энеевыхъ въ Нимфъ; сколько разъ долженъ былъ обѣжать Гекторъ Трою, чтобы утѣшить сына Пелеева, а кончимъ вѣрными доказательствами, что никто изъ новыхъ не сравнится даже и съ Аполлоніемъ Родосскимъ; разумѣется, что въ такомъ случаѣ не должно забывать избитыхъ эпиграфовъ vos exemplaria Graeca и проч. и проч.

Между тѣмъ, вѣрно никто изъ самыхъ задорныхъ критиковъ Пушкина, прочитавши новую поэму его, не откажетъ ему въ истинномъ, неподложномъ талантѣ. Зачѣмъ не пишетъ онъ Поэмъ въ силу правилъ Эпопеи? Та бѣда, что и поэтъ неволенъ въ направленіи своего восторга; что ему поется, то онъ поетъ...

Въ очеркахъ Рафаэля, видѣнъ художникъ, способный къ великому: его воля приняться за кисть—и великое изумитъ наши взоры; не хочетъ онъ—и никакія укоры критики не заставятъ его писать, что хотятъ другіе.

Въ музыкѣ есть особый родъ произведеній, называемыхъ capriccio—и въ поэзіи есть они: таковы Донъ-Жуанъ и Беппо Бейрона, таковъ и *Онѣгинъ* Пушкина. Вы слышите очаровательные звуки; они льются, измѣняются, говорятъ воображенію и заставляютъ удивляться силѣ и искуству Поэта. Соглашаемся, что по отрывку нельзя судить о цѣломъ; но кто въ произведеніяхъ Пушкина не находитъ поэзіи, съ тѣмъ не будемъ ничего говорить о поэзіи.

Содержаніе первой главы Онѣгина составляетъ рядъ картинъ чудной красоты, разнообразныхъ, всегда прелестныхъ, живыхъ. Герой романа есть только связь описаній.

Съ самаго начала Онѣгинъ скачетъ на почтовыхъ въ деревню своего дяди, богача, умирающаго, который оставляетъ племяннику все свое имѣніе. Тутъ поэтъ сказываетъ, кто такой Онѣгинъ; описываетъ его воспитаніе, знанія, свойства, день прежней петербургской его жизни, обѣдъ у Талона, пріѣздъ въ театръ, туалетъ Онѣгина, мимоходомъ, балъ, грусть, необходимое послѣдствіе разсѣянной жизни, и свое знакомство съ недовольнымъ жизнію Онѣгинымъ, который получаетъ письмо о болѣзни дяди, ѣдетъ къ нему въ деревню, не застаетъ его въ живыхъ, и получивъ богатство, не перестаетъ скучать. Поэтъ кончитъ шуткою.

Читатели видятъ, что Онѣгинъ принадлежитъ къ тому роду стихотвореній, въ которомъ донынѣ у насъ не было ничего сколько нибудь сноснаго. Шуточныя поэмы нашихъ стихотворцевъ сбивались въ плоскости, шутки ихъ оскорбляли благопристойность, улыбка походила на хохотъ тѣхъ героевъ, которыхъ они описывали, какъ то: трактирщиковъ, карточныхъ игроковъ или пьяницъ *); видно, Пушкину суждено быть *первымъ* и въ исполненіи поэмъ. Надобно сказать, что вообще новые поэты въ сочиненіяхъ сего рода открыли новыя стороны, неизвѣстныя старишнымъ сочинителямъ: *Налой* или *Похищенный локонъ* однообразны, поэтъ только смѣшитъ; но Бейронъ не смѣшитъ только, но идетъ гораздо далѣе. Среди самыхъ шутливыхъ описаній онъ рѣзкимъ стансомъ обнаруживаетъ сердце человѣка, веселость его сливается съ унылостью, улыбка съ насмѣшкою, и въ такомъ же положеніи какъ Бейронъ къ Попу, Пушкинъ находится къ прежнимъ сочинителямъ шуточныхъ русскихъ поэмъ. Онъ не кривляется, надувая эпическую трубу, не пародируетъ эпопеи, не сходитъ въ толпу черни: выбравъ героя изъ высшаго званія общества, онъ только рисуетъ съ неподражаемымъ искуствомъ различныя положенія и отношенія его съ окружающими предметами,—и здѣсь тайна прелести поэмы Пушкина. Но не смѣхъ возбуждаетъ передъ нами поэтъ; онъ освѣщаетъ предъ нами общество и человѣка: герой его—шалунъ съ умомъ; вѣтренникъ съ сердцемъ — онъ знакомъ намъ, мы любимъ его!

И съ какимъ неподражаемымъ умѣньемъ разсказываетъ нашъ поэтъ: переходы изъ забавнаго въ унылое, изъ веселаго въ грустное, изъ сатиры въ разсказъ сердца—очаровываютъ читателя. Мысли философа, опытнаго знатока и людей, и свѣта, отливаются въ яркихъ истинахъ: кажется, хочешь спросить, какъ успѣлъ подслушать поэтъ тайныя біенія сердца? гдѣ научился высказывать то, что̀ мы чувствовали и не умѣли объяснить?

Картины Пушкина полны, живы, увлекательны. Не выписывая изъ Онѣгина (ибо надобно переписать половину книги), мы укажемъ на изображеніе знаній Онѣгина (стр. 5), изображеніе С. Петербургскаго театра (стр. 14), кабинета Онѣгина (стр. 22), Пріѣздъ на балъ (стр. 29), Петербурга утромъ (стр. 29), похоронъ дяди (стр. 42). Насмѣшки его остры, умны, разительны: не можемъ не пересказать слѣдующихъ:

Мы всѣ учились понемногу,
Чему нибудь и какъ нибудь:
Такъ воспитаньемъ, слава Богу,
У насъ не мудрено блеснуть.

Онѣгинъ:

Читалъ Адама Смита,
И былъ глубокій экономъ,
То есть, умѣлъ судить о томъ,
Какъ Государство богатѣетъ
И чѣмъ живетъ, и почему
Не нужно золота ему,
Когда простой продуктъ имѣетъ.
Отецъ понять его не могъ
И землю отдавалъ въ залогъ...

«Главный признакъ изящнаго есть простота» сказалъ одинъ германскій философъ—и что же простѣе, добродушнѣе этой насмѣшки надъ толками людей, послѣдователей Смита? Тотъ же философъ говоритъ, что народная (nationale) словесность беретъ у воображенія то, что сильнѣе говоритъ уму и характеру народа» и эту народность, эту сообразность описанія современныхъ нравовъ Пушкинъ выразилъ мастерскимъ образомъ. Онѣгинъ не скопированъ съ французскаго или англійскаго; мы видимъ свое, слышимъ свои родныя поговорки, смотримъ на свои причуды,

(*) Нѣкто А. Н. не постыдился поставить Руслана и Людмилу въ рядъ съ Елисеемъ Майкова и съ Энеидой на изнанку. Невѣрующіе могутъ прочесть въ Mercure du XIX siecle, 77 livraison. 1864 отъ стр. 505—статью: Замѣчанія Россіянина, живущаго нынѣ въ Парижѣ, на Антологію Сен-Мора. Помнится, что эта статья была въ Вѣстникѣ Европы, безъ оговорокъ г. Редактора: кто можетъ, тотъ соглашается, говоритъ пословица; къ счастію, есть другая: дѣло мастера боится; это доказываетъ Вѣстникъ Европы.

которыхъ всѣ мы не чужды были нѣкогда.

Спѣшимъ оправдать Пушкина въ укоризнахъ, которыя дѣлаютъ ему нѣкоторые критики. Кромѣ того, что лишаютъ себя наслажденія, они стараются еще и другимъ передать мучительныя свои ощущенія. Они увѣряли всѣхъ и каждаго, что Русланъ взятъ изъ Аріоста, Кавказскій Плѣнникъ изъ Чайльдъ-Гарольда, Бахчисарайскій Фонтанъ изъ Гяура — предчувствуемъ, что Онѣгина осудятъ на подражаніе *Донъ-Жуану* и *Беппо* Бейрона, и *Дню* Парини. Читавшимъ Бейрона нечего толковать, какъ отдаленно сходство Онѣгина съ Донъ-Жуаномъ; но для людей, незнающихъ Бейрона или Парини, но которые любятъ повторять слышанное, скажемъ, что въ Онѣгинѣ есть стихи, которыми одолжены мы можетъ быть памяти поэта, но только не многими стихами и ограничивается сходство; характеръ героя, его положенія и картины, все принадлежитъ Пушкину и носитъ явные отпечатки подлинности, не передѣлки.

Мы не упоминаемъ о прелести вводныхъ мѣстъ (эпизодовъ) въ Онѣгинѣ, какъ то: обращеній поэта къ самому себѣ, воспоминаній и мечтаній его: изъ читавшихъ Онѣгина вѣрно на половину знаютъ его до сей поры почти наизусть; нечитавшихъ же мы не хотимъ лишать новости въ наслажденіи выпискою стансовъ 29, 30, 31, 32, 33, 34, 45, 49, 50, 58 и 59, ибо ихъ должно читать вполнѣ.

Не говоримъ и о стихахъ Пушкина: такой гармоніи, такого умѣнья управлять механизмомъ словъ и звуковъ не было и донынѣ еще нѣтъ ни у котораго изъ поэтовъ русскихъ, даже и у Жуковскаго.

Въ доказательство, какъ все оживляется подъ перомъ Пушкина, мы желали бы подробно разобрать приложенный въ началѣ Онѣгина *Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ*. Здѣсь переходы чувствъ и искуство выражаться, смотря по тому, кто и что говоритъ, неподражаемы. Содержаніе: книгопродавецъ проситъ поэта продать свою рукопись; поэтъ отвѣчаетъ на всѣ его предложенія: задумчивая мечтательность, яркія мысли выражаютъ пламенный характеръ поэта; познаніе свѣта, рѣзкія истины опыта обрисовываютъ характеръ книгопродавца.

Говорятъ, что безъ замѣчанія ошибокъ не бываетъ рецензіи: вотъ самое затруднительное обстоятельство для рецензента стихотвореній Пушкина — гдѣ взять ошибокъ? Нѣсколько риѳмъ можно назвать принужденными, немного выраженій неточными (напримѣръ: *вдыхаетъ лира*, *возбуждать улыбку*, *и воли напѣвъ живой)*; но оставимъ эту убогую добычу грядущимъ критикамъ: не думайте, что избранный изъ нихъ будетъ молчать, что онъ не явится—

je s'en presentere, n'en doutez-vous pas...

Въ то время, какъ мы благодаримъ поэта за новый порядокъ, шумъ всеобщихъ похвалъ, видъ запыленной кипы родимыхъ твореній, когда сочиненій Пушкина не наготовятся книгопродавцы на нетерпѣливыхъ читателей — все это возбуждаетъ *литературныхъ гагаръ*... Не повторить ли имъ въ задатокъ словъ поэта:

Гагары въ прозѣ и стихахъ!
Возитесь какъ хотите;
Но, право истинный талантъ не помрачите;
Удѣлъ его: сіять въ вѣкахъ!—

Русскій Вѣстникъ 1842 г. № 1.

Сочинитель «Ревизора» представилъ намъ собою печальный примѣръ, какое зло причинитъ человѣку съ дарованіемъ духъ партій и хвалебные вопли друзей, корыстныхъ прислужниковъ, и той безсмысленной толпы, которая является окрестъ людей съ дарованіемъ. Благодарить Бога надобно скорѣе за непріязнь, нежели за дружбу того народа, о которомъ говорилъ Пушкинъ:

«Ужъ эти мнѣ друзья, друзья!» Никто не сомнѣвается въ дарованіи г. Гоголя, и въ томъ, что у него есть свои без-

спорный участокъ въ области поэтическихъ созданій. Его участокъ—добродушная шутка, малороссійскій «жартъ», похожій нѣсколько на дарованіе г. Основьяненки, но отдѣльный и самобытный, хотя также заключающійся въ свойствахъ малороссіянъ. Въ шуткѣ своего рода, въ добродушномъ разсказѣ о Малороссіи, въ хитрой простотѣ взгляда на міръ и людей, г. Гоголь превосходенъ, неподражаемъ. Какая прелесть его описаніе ссоры Ивана Ивановича, его «Старосвѣтскіе помѣщики», его изображеніе запорожскаго казацкаго быта въ Тарасѣ Бульбѣ (исключая тѣ мѣста, гдѣ запорожцы являются героями и смѣшатъ каррикакурой на Донъ-Кихота), его исторія о носѣ, о продажѣ коляски!

Такъ и «Ревизоръ» его—фарсъ, который нравится именно тѣмъ, что въ немъ нѣтъ ни драмы, ни цѣли, ни завязки, ни развязки, ни опредѣленныхъ характеровъ. Языкъ въ немъ неправильный, лица уродливыя гротески, характеры—китайскія тѣни, происшествіе несбыточное и нелѣпое, но все вмѣстѣ уморительно-смѣшно, какъ русская сказка о тяжбѣ ерша съ лещомъ, какъ повѣсть о Дурнѣ, какъ малороссійская пѣсня:

Танцовала рыба съ ракомъ,
А петрушка съ пастарнакомъ.
А цибуля съ чеснокомъ...

Не думайте, чтобы такія созданія было легко писать, чтобы всякой могъ писать ихъ. Для нихъ надобно дарованіе особенное, надобно родиться для нихъ, и при томъ еще часто то, что вамъ кажется произведеніемъ досуга, дѣломъ минуты, слѣдствіемъ веселаго расположенія духа, бываетъ трудомъ тяжелымъ, долговременнымъ, слѣдствіемъ грустнаго расположенія души, борьбою рѣзкихъ противоположностей.

Съ «Ревизоромъ» обошлись у насъ весьма несправедливо. Справедливо поступила только публика вообще, которая увлекается впечатлѣніемъ общимъ, безотчетнымъ, и почти никогда въ немъ неошибается; но несправедливы были всѣ наши судьи и записные критики. Одни вздумали разбирать «Ревизора» по правиламъ драмы, чопорно оскорбились его шутками и языкомъ и сравняли его съ грязью. Другіе, напротивъ, мнимые друзья автора, увидѣли въ «Ревизорѣ» что-то Шекспировское, превознесли его, прославили, и вышла та же исторія, какая была съ Озеровымъ. Досадно вспомнить, какія были притомъ побужденія къ неумѣреннымъ похваламъ. Но если онѣ и были искренни, за то ошибочны; и посмотрите, какое зло онѣ причинили: видя осужденіе однихъ и похвалы другихъ, авторъ почелъ себя неузнаннымъ геніемъ, не понялъ направленія своего дарованія, и вмѣсто того, чтобы не браться за то, что ему не дано, усилить дѣятельность въ томъ направленіи, которое пріобрѣло ему общее уваженіе и славу вспомнить слова Сумарокова:

Слагай къ чему тебя влечетъ твоя природа,—
Лишь просвѣщеніе, писатель, дай уму,

началъ писать исторію, разсужденія о теоріи изящнаго, о художествахъ, принялся за фантастическіе, патетическіе предметы, точно такъ какъ Лафонтенъ нѣкогда доказывалъ, что онъ беретъ образцы у древнихъ классиковъ. Разумѣется, авторъ проигралъ свою тяжбу. Все, что здѣсь сказано, не выдумка наша и сказано не наобумъ: прочтите приложенное при новомъ изданіи «Ревизора» письмо автора, которое можно сохранить, какъ любопытную историческую черту, и какъ матерьялъ для исторіи человѣческаго сердца. Развѣ Шекспиръ только могъ бы такъ писать о себѣ и о своихъ твореніяхъ, и такъ говорить о характерѣ своего Гамлета, какъ г. Гоголь говоритъ о характерѣ Хлестакова. И съ тѣмъ вмѣстѣ письмо это дышитъ такою добродушною, поэтическою грустью.

«Но, скажутъ намъ: слѣдственно, чѣмъ же тутъ виноваты хвалители автора?— Тѣмъ, что не увлеки они самолюбія авторскаго въ ошибку, осужденія могли благодѣтельно подѣйствовать на автора и обратить его на прямой путь. Осу-

жденія не погубятъ никогда, а восхваленія часто и почти всегда губятъ насъ. Таковъ человѣкъ.

И какъ не имѣть столько уваженія къ самимъ себѣ, что изъ мелкаго расчета корысти не стыдиться показать себя надувателями мыльныхъ пузырей! Если же хваленія происходятъ отъ безотчетнаго увлеченія, какъ до такой степени не отдавать себѣ отчета въ своихъ понятіяхъ, не научиться изъ опытовъ прошедшаго не повторять въ каждомъ поколѣніи одну и ту же докучную сказку!

Мы сказали мнѣніе наше о литературныхъ достоинствахъ г. Гоголя, оцѣняя въ немъ, что составляетъ его безспорное достоинство. Повторимъ слова наши (выписана первая половина рецензіи, приведенной выше). Осмѣливаемся думать, что такого мнѣнія не назовутъ мнѣніемъ, которое внушило бы предубѣжденіе, пристрастіе, личность противъ автора. Тѣмъ откровеннѣе скажемъ мы, что «Похожденія Чичикова или Мертвыя души», подтверждая наше мнѣніе, показываютъ справедливость и того, что мы прибавили къ мнѣнію нашему о дарованіи г. Гоголя (выписана другая половина рецензіи). Похожденія Чичикова также любопытная замѣтка для исторіи литературы и человѣческаго сердца. Здѣсь видимъ, до какой степени можетъ увлечься съ прямой дороги дарованіе, и какія уродливости создаетъ оно, идя путемъ превратнымъ. Съ чего началъ «Ревизоръ», то кончилъ Чичиковъ».... Изъ всего, что пишетъ и что о самомъ себѣ говоритъ г. Гоголь, можно заключить, что онъ превратно смотритъ на свое дарованіе. Покупая созданія свои тяжкимъ трудомъ, онъ не думаетъ шутить, видитъ въ нихъ какія-то философическо-гуморическія творенія, почитаетъ себя философомъ и дидактикомъ, составляетъ себѣ какую-то ложную теорію искуства, и очень понятно, что почитая себя геніемъ универсальнымъ, онъ считаетъ самый способъ выраженія, или языкъ свой, оригинальнымъ и самобытнымъ. Можетъ быть, такое мнѣніе о самомъ себѣ необходимо по природѣ его, но мы не перестанемъ однакожъ думать, что, при совѣтахъ благоразумныхъ друзей г. Гоголь могъ бы убѣдиться въ противномъ. Вопросъ: производилъ ли бы онъ тогда, или нѣтъ, свои прекрасныя созданія, можетъ быть рѣшенъ положительно и отрицательно.

Легко моглобъ быть, что г. Гоголь отвергъ бы тогда все, что вредило ему, и также легко моглобы случиться, что разочарованный въ высокомъ мнѣніи о самомъ себѣ, онъ съ горестью бросилъ бы перо свое, какъ орудіе недостойной его величія шутки. Человѣкъ—загадка мудреная и сложная; но мы скорѣе склоняемся на первое изъ сихъ мнѣній,—сказать ли?—даже лучше желали бы, чтобъ г. Гоголь вовсе пересталъ писать, нежели, чтобы постепенно болѣе и болѣе онъ падалъ и заблуждался. По нашему мнѣнію, онъ ужъ и теперь далеко устранился отъ истиннаго пути, если сообразить всѣ сочиненія его, начиная съ «Вечеровъ на хуторѣ близь Диканьки» до «Похожденій Чичикова». Все, что губитъ ихъ, постепенно усиливается.

Мы совсѣмъ недумаемъ осуждать г. Гоголя за то, что онъ назвалъ «Мертвыя души» поэмою. Разумѣется, что такое названіе—шутка. Для чего запрещать шутку? Наше осужденіе «Мертвыхъ душъ» коснется болѣе важнаго.

Начнемъ съ содержанія—какая бѣдность! Не помнимъ, читали или слышали мы, что кто-то назвалъ «Мертвыя Души» *старой погудкой на новый ладъ*. Дѣйствительно, «Мертвыя души» сколокъ съ «Ревизора»—опять какой-то мошенникъ пріѣзжаетъ въ городъ, населенный плутами и дураками, мошенничаетъ съ ними, обманываетъ ихъ, боясь преслѣдованія, уѣзжаетъ тихонько, и—«конецъ поэмѣ»!—Надобно ли говорить, что шутка, въ другой разъ повторенная, становится скучна, а еще болѣе, если она растянута на 475 стра-

ницъ? Но если мы къ тому прибавимъ, что «Мертвыя Души», составляя грубую каррикатуру, держатся на небывалыхъ и несбыточныхъ подробностяхъ; что лица въ нихъ всѣ до одного небывалыя преувеличенія, отвратительные мерзавцы или пошлые дураки,—всѣ до одного, повторяемъ: что подробности разсказа наполнены такими выраженіями, что иногда бросаете книгу невольно; и наконецъ, что языкъ разсказа, какъ языкъ г. Гоголя въ «Римѣ», и «Ревизорѣ», можно назвать собраніемъ ошибокъ противъ логики и грамматики,—спрашиваемъ, что сказать о такомъ созданіи? Не должно ли съ грустнымъ чувствомъ видѣть въ немъ упадокъ дарованія прекраснаго, и пожалѣть еще объ одной изъ утраченныхъ надеждъ нашихъ, пожалѣть тѣмъ болѣе, что паденіе автора умышленно и добровольно? Каррикатура, конечно, принадлежитъ къ области искуства, но каррикатура не перешедшая за предѣлъ изящнаго. Русская повѣсть объ Еремушкѣ и повивальной бабушкѣ, какъ русская сказка о дьячкѣ Савушкѣ, романы Диккенса, неистовые романы новѣйшей французской словесности исключаются изъ области изящнаго, если и допустимъ въ низшій отдѣлъ искуства грубые фарсы, итальянскія буффонады, эпическія поэмы на *изнанку* (travesti), поэмы въ родѣ «Елисея». Можно ли не пожалѣть, что прекрасное дарованіе г. Гоголя тратится на подобныя созданія!

«Искуству нечего дѣлать, не въ чемъ разсчитываться съ «Мертвыми Душами».

Не будемъ болѣе говорить о слогѣ, объ образѣ выраженія, но скажемъ въ заключеніе: каково понятіе автора объ искуствѣ и цѣли его, если онъ думаетъ, что художникъ можетъ быть уголовнымъ судьей современнаго общества? Да если и положимъ, что такова дѣйствительно обязанность писателя, такъ развѣ выдумками на современное общество, развѣ небывалыми каррикатурами укажетъ онъ на зло и предупредитъ его? Беремъ на себя кажущееся смѣшнымъ автору названіе патріотовъ, даже «такъ называемыхъ патріотовъ,» пусть назовутъ насъ Кифами Мокіевичами,—но мы спрашиваемъ его: почему, въ самомъ дѣлѣ, современность представляется ему въ такомъ непріязненномъ видѣ, въ какомъ изображаетъ онъ ее въ «Мертвыхъ Душахъ», въ своемъ «Ревизорѣ»,—и для чего не спросить: почему думаетъ онъ, что каждый русскій человѣкъ носитъ въ глубинѣ души своей зародыши Чичиковыхъ и Хлестаковыхъ? Предвидимъ негодованіе поскорбленіе защитниковъ автора: они представятъ насъ поддѣльными патріотами, лицемѣрами, быть можетъ, чѣмъ нибудь еще хуже—вѣдь за такими бездѣлками у многихъ дѣло не станетъ!... Ихъ воля; но мы скажемъ прямо и утвердительно, что, приписывая предубѣжденіе автора доброму намѣренію, нельзя незамѣтить какого-то превратнаго взгляда на многое. Вы скажете, что Чичиковъ и городъ, гдѣ онъ является, не изображенія цѣлой страны, но посмотрите на множество мѣстъ въ «Мертвыхъ Душахъ»: Чичиковъ, выѣхавши отъ Ноздрева, ругаетъ его *нехорошими словами*—«что дѣлать» прибавляетъ авторъ, «русскій человѣкъ, да еще и въ сердцахъ!» Пьяный кучеръ Чичикова съѣхался съ встрѣчнымъ экипажемъ и начинаетъ ругаться—«русскій человѣкъ», прибавляетъ авторъ, «нелюбитъ сознаваться передъ другимъ, что онъ виноватъ!..» Изображается городъ; фризовая шинель (необходимая принадлежность города, по мнѣнію автора) плетется по улицѣ, «зная только одну (увы) слишкомъ протертую русскимъ забубеннымъ народомъ дорогу!» — Какіе-то купцы позвали на пирушку другихъ купцовъ— «пирушку на русскую ногу,» и «пирушка (прибавляетъ авторъ), какъ водится, кончилась дракой...» Спрашиваемъ, такъ ли изображаютъ, такъ ли говорятъ о томъ, что мило и дорого сердцу? Квасной патріотизмъ!. Милостивые государи, мы сами не терпимъ его, но позвольте сказать, что квасной патріотизмъ все

же лучше космополитизма... какого бы?... да мы понимаемъ другъ друга!

Аббаддона, романъ.

Въ одномъ изъ большихъ городовъ Германіи живетъ бѣдный поэтъ Рейхенбахъ, Онъ добываетъ себѣ скудное пропитаніе уроками, переводами и сочиненіями. Впрочемъ сочиненія, по неизвѣстности автора, ничего ему не доставляютъ. Единственное утѣшеніе, въ его тяжкой судьбѣ, приноситъ ему Генріетта, дѣвушка тоже бѣдная. Она живетъ съ матерью и обѣ содержатся трудами рукъ. Въ то время, когда начинается романъ, Рейхенбахъ пишетъ трагедію Арминій. Большаго она стоила ему труда. Наконецъ затруднительныя мѣста трагедіи были пройдены и піеса доведена до конца. Осчастливленный успѣхомъ поэтъ, не смотря на то, что поздняя ночь, идетъ къ Генріеттѣ и извѣщаетъ ее о своей радости, мечтахъ и надеждахъ. (Часть 1, глав. 1) Въ этомъ городѣ былъ театръ. Прежде онъ былъ королевскій, а теперь перешелъ въ руки Барона Калькопфа. Драматическое искусство процвѣтало. Особенный фуроръ производила актриса Элеонора. Однажды у директора театра было литературное собраніе. Въ немъ участвовали поставщики театральныхъ піесъ, главные актеры и музыканты. Собраніе было веселое и шумное, потому что въ винѣ не было недостатка. Послѣ шутокъ и пѣсенъ началось разсужденіе о выборѣ піесъ на предстоящій сезонъ. Особенно затруднялись выборомъ трагедіи. Въ это время вошелъ слуга и доложилъ, что явился Рейхенбахъ. Онъ принесъ написанную имъ трагедію. Его приняли было очень холодно и обращались съ нимъ насмѣшливо. Поэтъ хотѣлъ уйти домой, оскорбленный насмѣшками, но въ эту минуту опять вошелъ слуга и объявилъ о прибытіи актрисы Элеоноры.

Наскоро поправился Директоръ и побѣжалъ въ боковую комнату. «На помощь, господа, на помощь нашему Меценату!» сказалъ Вейсе, оправляясь передъ зеркаломъ. «Она не придетъ даромъ; выручитъ нашего Плутуса-Фебуса!» Всѣ встали изъ-за стола, спѣшили къ зеркаламъ, бросали трубки, поправляли волосы и наряды. Между тѣмъ въ ближней комнатѣ былъ уже слышенъ громкій разговоръ: женскимъ голосомъ, сердито говорилъ кто-то множество упрековъ; Директоръ учтиво въ чемъ-то оправдывался. Всѣ собесѣдники, кромѣ капельмейстера, ушли къ разговаривавшимъ.

Смѣшно стало теперь Вильгельму, и онъ забылъ свое горе. Онъ оставался въ опустѣлой комнатѣ, среди безпорядка бутылокъ, стакановъ, трубокъ, стульевъ. Его Арминій лежалъ тутъ-же на столѣ. Вильгельмъ слышалъ, какъ горделивость Директора и важность его собесѣдниковъ уничтожалась между тѣмъ отъ прихотей горделивой актрисы, говорившей повелительно, какъ будто она была на сценѣ, и представляла какую нибудь театральную Королеву.

— Чего-жъ ждать мнѣ?—думалъ Вильгельмъ.—Остаться ли слушать эти сплетни закулисныя, и имѣю ли я на это право? Но директоръ не сказалъ мнѣ ничего рѣшительнаго, и мой уходъ будетъ рѣшеніе судьбы моего *Арминія*, и — *моей*! — Тяжело вздохнулъ Вильгельмъ. — Святая, великая поэзія, ты безсмертное искусство, свѣтлое именами Омировъ и Шекспировъ! до чего ты унижено....

«Вы пишете стихи, какъ я замѣчаю? кто-то спросилъ Вильгельма. Онъ оборотился и увидѣлъ Капельмейстера.— «Простите нескромный вопросъ», важно продолжалъ капельмейстеръ, «но мы, кажется, можемъ быть полезны другъ другу. М. Г.—Я могу сдѣлать для васъ многое у г-на директора, и, еслибы потребовалось, то и у самаго г-на вице-суперъ-директора. Вопреки злымъ критикамъ, обругавшимъ мою послѣднюю оперу, я рожденъ возстановить вкусъ къ истинной музыкѣ въ Германіи. Этотъ воздушный Россини, этотъ пачкунъ Майербергъ— вздоръ, сударь, вздоръ! Міръ забылъ объ истинной оперѣ, міръ оглупѣлъ.... Вы слышали мой послѣдній Водевиль: *Женскій чепчикъ*? Вотъ свѣтлая заря того, что намъ надобно! »

— На афишѣ было однакожъ сказано, что музыка *набрана изъ разныхъ авторовъ* — улыбаясь отвѣчалъ Вильгельмъ. «Что же дѣлать съ дураками, если они видятъ то, чего нѣтъ, и не понимаютъ, что я возвысилъ, облагородилъ музыку этой дряни, Оберановъ, Майербрговъ, Герольдовъ, моими заим-

ствованіями. *Набрана*!... *Завоевана*, надобно-бъ было сказать.... Но, словомъ: мнѣ надобенъ текстъ для новой оперы, текстъ дьявольскій, съ привидѣніями, съ духами, съ чертями—сверхъ-естественное необходимо въ оперѣ. — Если бы вы не задорожились.... Этотъ дуракъ Шперлингъ проситъ съ меня, подумайте, 100 талеровъ!

— О, святая поэзія! гдѣ я? На рынкѣ, гдѣ торгуютъ тобою!—думалъ Вильгельмъ.

Онъ молчалъ, хотя капельмейстеръ продолжалъ свою болтовню объ оперѣ, о музыкѣ, о планѣ. Разговоръ въ ближней комнатѣ невольно увлекалъ все вниманіе Вильгельма; тамъ говорили такъ громко, что онъ не могъ проронить ни одного слова.

— Вы слишкомъ зазнались, г. директоръ театра; пора напомнить вамъ, что благородные артисты не рабы ваши; что есть люди, которые защитятъ ихъ отъ вашихъ своевольствъ и капризовъ!

«Но, разсудите, сударыня, какъ-же могу я удалить дѣвицу Жеоржетту и гдѣ найду я переводчика, который бы такъ скоро могъ перевесть для васъ эту трагедію? И, повѣрьте мнѣ, что она не произведетъ эффекта на сценѣ....

— Какъ же вы смѣли прислать ко мнѣ вашъ отвратительный фарсъ?

«Но онъ выдержалъ въ Парижѣ сто репрезентацій.

— Хоть бы тысячу! Какъ вы смѣли, спрашиваю я васъ?

«Но вы меня рѣжете, г-жа Элеонора: это лучшая моя роля изъ новыхъ пьесъ—говорилъ трагическій актеръ.

— И что же мнѣ теперь прикажите дѣлать съ моимъ, *Цимбелиномъ*, который совсѣмъ готовъ?—возражалъ Директоръ.

«Сожгите его, бросьте его! Гадкій переводъ! Я не хочу слышать....

— Но деньги за него....

«Какъ смѣете вы говорить мнѣ о вашихъ деньгахъ? Развѣ я должна входить въ ваши мелочные разсчеты и спекуляціи?—Я отказываюсь отъ васъ, М. Г. и мы увидимъ, мы увидимъ! А вы, г-нъ Вейссе, за вашу послѣднюю глупую пьесу можете навсегда раскланяться съ репертуаромъ: я говорю вамъ это—слышите ли вы—я говорю!

— Не угодно ли будетъ вамъ, сударыня, взглянуть на произведеніе одного молодаго поэта — возвысилъ въ это время голосъ свой Буффъ, произнося слова свои съ комическою важностію.— О, вѣрно, вы увидите въ этой новой звѣздѣ нашего Парнасса нѣчто вдохновительное, высокое, дышущее поэзіею Шекспировъ, Гёте и Шиллеровъ!

«Убирайтесь прочь съ вашею нелѣпою шуткою, господинъ Пумперникель!

— Я совсѣмъ не шучу, сударыня—продолжалъ Буффъ, съ неизмѣняемою важностью.

— Только что сейчасъ явился этотъ новый геній, этотъ Шиллеръ нашихъ временъ, къ г-ну Директору. Онъ, вѣроятно, еще здѣсь....

Дверь вдругъ растворилась настежъ. Этого не ожидалъ Вильгельмъ. Онъ увидѣлъ все собраніе въ другой комнатѣ: директора, гостей его, и Элеонору въ первый разъ въ комнатѣ, не въ видѣ театральной Королевы, какъ случалось ему видать ее прежде.

Элеонора играла довольно рѣдко, хотя всегда занимала первыя роли въ трагедіяхъ и драмахъ. Всѣ говорили, что у нея вовсе не замѣтно было дарованія трагической актрисы, какою упрямо и прихотливо почитала она себя. Говорили еще, что Элеонора красавица, но Вильгельмъ не могъ разсмотрѣть этого изъ отдаленнаго, возвышеннаго райка, и притомъ, посѣщая театръ весьма нечасто, по своимъ финансовымъ обстоятельствамъ, онъ, какъ юноша и поэтъ, увлекался зрѣлищемъ вообще, а не личикомъ артистокъ. Скажемъ ли еще: бѣдный Вильгельмъ, сочинитель *Аттилы* и *Тамерлана*, безжалостно сожженныхъ имъ, и *Ріэнзи*, брошеннаго дирекціею, никогда не ходилъ въ театръ, если давали трагедію. Трагедія раздирала сердце его оскорбительными меч-

тами и воспоминаніями, обманутыми надеждами. И притомъ настоящая трагедія почти согнана была со сцены кровавыми передѣлками французскихъ мелодрамъ, а Вильгельмъ былъ романтикъ, но совсѣмъ не романтикъ въ родѣ Ансело и Пиксерекура съ товарищами.

Словомъ: взглядъ на Элеонору имѣлъ для Вильгельма всю цѣну новости, а мысль, что его шутовски хотятъ представить этой извѣстной любимицѣ перваго министра, взбѣсила и безъ того раздраженное его самолюбіе.

— Они хотятъ унизить меня—думалъ онъ, задыхаясь отъ досады—но я унижу ихъ моею благородною увѣренностью въ томъ, что я *поэтъ*, и чувствую свое назначеніе *быть поэтомъ!*

«Сдѣлайте одолженіе, пожалуйте сюда, г-нъ Рейхенбахъ» — сказалъ ему Буффъ, низко кланяясь.—Директоръ, въ величайшемъ замѣшательствѣ, стоялъ у столика, сложа руки, и не препятствовалъ шуткѣ своего Пумперникеля.

Твердо, съ лицомъ, которое оживило негодованіе, съ рѣшительнымъ намѣреніемъ уничтожить глупую насмѣшливость этихъ пигмеевъ своею благородною гордостью, Вильгельмъ взялъ своего *Арминія*, и вошелъ въ комнату, гдѣ находились директоръ, Элеонора, собесѣдники ихъ.

— Не знаю, м. г.—сказалъ онъ директору—не знаю, съ вашего ли дозволенія призванъ я сюда; но вамъ не угодно было сказать мнѣ ничего рѣшительнаго, и я почелъ неучтивостью уйти, не получивъ вашего послѣдняго отвѣта.

Странное измѣненіе произошло въ это время въ выраженіи лица и словахъ Элеоноры. Директоръ не успѣлъ еще ничего отвѣчать Вильгельму, какъ она вдругъ сама вмѣшалась въ рѣчь, и сказала, обращаясь къ директору: «А какой отвѣтъ готовили вы, г-нъ директоръ?»

Вильгельмъ изумился, слыша этотъ голосъ: онъ былъ тихій, кроткій, дрожащій. »Неужели это говоритъ та дерзкая женщина, которую слышалъ я за минуту передъ этимъ?» Онъ съ любопытствомъ обратилъ глаза на Элеонору, и видъ ея изумилъ Вильгельма, еще болѣе, нежели изумило его неожиданное измѣненіе голоса Элеоноры.

. . . .

— Неужели вы сомнѣвались въ отвѣтѣ моемъ, сударыня?—отвѣчалъ директоръ, безъ всякаго замѣшательства, съ величайшею вѣжливостью.—Можетъ быть никто не оцѣняетъ такъ хорошо прекрасныхъ дарованій г-на Рейхенбаха, какъ оцѣняю ихъ я. Къ сожалѣнію, весьма недавно онъ удостоилъ меня своимъ личнымъ знакомствомъ, и я осмѣливаюсь гордиться этимъ.

Теперь съ изумленіемъ оборотились взоры всѣхъ, кромѣ Элеоноры, на директора, съ изумленіемъ, потому что голосъ его совсѣмъ не выражалъ шутки, или насмѣшки, но глубокое чувство почтительности и вѣжливаго уваженія. — «Безстыдный лжецъ и насмѣшникъ!» готовъ былъ сказать ему Вильгельмъ.— Что ты: дурачишь нас, или самъ ты сошелъ съ ума? — готовы были закричать другіе.

Дерзкій болѣе всѣхъ, Шперлингъ насмѣшливо обратился къ директору съ словами: «Кажется, вы не такъ говорили еще недавно?»

— И неужели вы не поняли *мистификаціи*, какую приготовили мы вамъ съ г-номъ Рейхенбахомъ? Неужели вы не замѣтили, кто игралъ комическую роль въ нашей комедіи? Это предметъ вамъ для водевиля, г-нъ Шперлингъ!— Онъ дружески взялъ Вильгельма за руку, и представляя его Элеонорѣ, сказалъ «Рекомендую вамъ, сударыня, г-на Рейхенбаха. Я уже давно имѣлъ удовольствіе знать одно изъ его твореній; но мнѣ пріятно познакомиться теперь съ его новымъ, прекраснымъ созданіемъ.

При этихъ словахъ директора, не просто изумленіе, но совершенно глупое удивленіе было на всѣхъ лицахъ.

Даже Буффъ смѣшался и забылъ свою шутливость, а трагическій актеръ походилъ на Жокрисса, а не на Гамлета.

(Отрывокъ заимствованъ изъ второй главы романа).

Исторія русскаго народа. (1833).

Уже все измѣнилось въ это время (по окончаніи войны Ливонской) при дворѣ Іоанна, измѣнился и самъ онъ: «благодать Господня отступила отъ Государя», какъ говорили современники. Народъ еще ничего не видѣлъ, не замѣчалъ, славилъ побѣды, величавшія имя Іоанна въ одно время на берегахъ Чернаго, Каспійскаго, Балтійскаго морей. Но уже Сильвестра и Адашева не было при Іоаннѣ; заслуженные, знаменитые люди подвергались его гнѣву и недовѣрчивости; новые любимцы тѣснились у трона. Смиреніе, преданность волѣ Бога, отнесеніе побѣдъ Его помощи, смѣнялось нестерпимою гордостью; Царь не слушалъ возраженій, и пепломъ и разореніемъ Ливоніи доказывалъ свою дальновидность, робость и безуміе совѣтниковъ, отвлекавшихъ его отъ войны Ливонской. Кровь еще не лилась на плахѣ палача и во มракѣ темницъ, но время нравственной погибели Іоанна сближалось быстро.

Когда по слову Царскому, Алексій Адашевъ отправился въ Ливонію, Сильвестръ предсталъ предъ Царя. Можетъ быть, Царь ожидалъ упрековъ, еще разъ потупилъ взоры предъ взорами сего старца, столько лѣтъ бывшаго вторымъ его провидѣніемъ. Но—Сильвестръ не упрекалъ, не совѣтовалъ; только смиренно просилъ: позволить ему удалиться отъ суеты міра, и въ отдаленной обители кончить дни, которыхъ уже не могъ онъ посвящать чести и пользѣ отечества. Іоаннъ хладнокровно выслушалъ предложеніе Сильвестра, далъ согласіе, и Сильвестръ удалился въ Кирилловскій Бѣлозерскій монастырь. Тамъ принялъ онъ иноческій чинъ, подъ именемъ Спиридона, и молился за благо Россіи, за спасеніе Царя.

Царь торжествовалъ между тѣмъ побѣды, и тщеславился униженіемъ непріятелей, привлеченныхъ силою оружія предъ тронъ его.

Германъ, бывшій епископъ Дерптскій, по договору долженъ былъ жить въ монастырѣ Фалькенаускомъ. Іоаннъ лишилъ его власти, вытребовалъ въ Москву; но былъ однакожъ доволенъ его покорностью и далъ ему помѣстье въ Россіи. Еще болѣе усладило его зрѣлище Фирстенберга, привезеннаго въ Москву: сего старца знаменитаго, и нѣсколько другихъ чиновниковъ, водили по Московскимъ улицамъ, говоря народу: «Вотъ ослушникъ Царя, бывшій начальникъ Латинскихъ Крыжаковъ.»—«По дѣломъ вамъ, Нѣмецкія собаки!» сказалъ съ горькою усмѣшкою бывшій Царь Казанскій — вы дали Русскимъ прутья, и они сперва высѣкли ими насъ, а теперь и ваша очередь наступила!» Но Іоаннъ остался доволенъ Фирстенбергомъ, далъ ему въ помѣстье городъ Любимъ, и старецъ въ грустномъ плѣну кончилъ безотрадные дни свои. Не такая участь ожидала благороднаго, мужественнаго Беля. Іоаннъ началъ укорять его въ вѣроломствѣ, въ клятвопреступленіи. «Нѣтъ! отвѣчалъ Бель: ты клевещешь: мы правы предъ тобой, а ты терзаешь насъ неправдою и безбожно пьешь кровь нашу!» Разгнѣванный Царь велѣлъ вести его на казнь, одумался, послалъ остановить свое повелѣніе: посланный увидѣлъ только холодный трупъ Беля — казнь уже была совершена.

Въ это время уже не было той, которая могла бы и безъ Сильвестра и Адашева умолить Іоанна, быть послѣднимъ союзомъ его съ добродѣтелью—не было Анастасіи! Еще въ цвѣтѣ лѣтъ, мать двухъ сыновъ, она была неизмѣнно любима Іоанномъ, и—прибавимъ съ горестью—радовалась вмѣстѣ съ своими родственниками, что наконецъ избавились и она и супругъ ея отъ опеки Адашевыхъ, Сильвестра, всѣхъ, кого Захарьины почитали врагами своими.

Но—бѣдна жизнь человѣческая исполненіемъ надеждъ!—Въ Ноябрѣ 1559 г. когда надобно было возвращаться съ богомолья изъ Можайска, Анастасія почувствовала себя нездоровою. Дурная дорога еще болѣе разстроила ея здоровье. Съ весною она поправилась. Въ Іюлѣ 1560 года, загорѣлся домъ Князя Пожарскаго на Арбатѣ; огонь распространился при сильномъ вѣтрѣ. Анастасія, едва оправившись отъ болѣзни, испугалась; Іоаннъ спѣшилъ оказать ей пособіе, и при заревѣ пожара, пожиравшаго Чертолье, Арбатъ, Новинское, самъ отвезъ ее въ село Коломенское, еле живую; воротился въ Москву, тушилъ пожаръ, вмѣстѣ съ Владиміромъ Андреевичемъ; сталъ у церкви Св. Леонтія на Успенскомъ вражкѣ, сказалъ, что не пуститъ огня далѣе къ Кремлю—и сдержалъ слово. Но через два дня, Іюля 19-го, новый пожаръ испепелилъ 20 дворовъ на большомъ посадѣ. Едва утушили его, загорѣлась Дмитровка; Іоаннъ и весь Дворъ его безстрашно тушили огонь, но Царь возвратился въ Кремль уже къ умирающей супругѣ. Что, если чувствуя смерть въ груди своей, Анастасія думала: такъ за 13 лѣтъ пожары предвѣщали славу и спасеніе моего супруга, а теперь предвѣщаютъ они, можетъ быть, погибель его? При дверяхъ гроба она могла отдать справедливость тѣмъ людямъ, удаленію которыхъ способствовала, и которые были столько лѣтъ Ангелами-хранителями Іоанна...

Рано утромъ 7-го Августа 1560 года, скончалась Анастасія, *«первая Царица Россійская.»*

Вся Москва стекала, провожая бренные останки ея въ Вознесенскую обитель, гдѣ гробъ Анастасіи поставили подлѣ гроба Елены Глинской. Нищіе собрались толпами, *не для милостыни:* они хотѣли почтить слезами мать всѣхъ сирыхъ и безпомощныхъ. Іоаннъ рыдалъ, едва могъ держаться на ногахъ; братья Юрій и Владиміръ поддерживали его подъ руки.

Мрачный и печальный удалился онъ въ свой Царскій чертогъ. И въ то время, когда смерть Анастасіи казалась ему какимъ-то нарушеніемъ естественныхъ законовъ, клевета воспользовалась пагубною мыслію и отравила душу Царя безумными подозрѣніями. Опасались горести Іоанна, чрезмѣрной скорби его. Августа 14-го, явились къ нему Митрополитъ, Духовенство, Бояре, умоляя щадить жизнь, драгоцѣнную для Россіи, не убивать себя печалью; утѣшиться славой русской земли, и надеждою, что Богъ пошлетъ ему вторую Анастасію. Іоаннъ явился среди Двора своего; видѣлъ вокругъ себя веселыя лица; всѣ спѣшили развлечь Царя забавами, дали мѣсто шутамъ и скоморохамъ, и Царь утѣшился. Черезъ недѣлю, онъ объявилъ, что намѣренъ сочетаться бракомъ съ сестрою Польскаго Короля; сомнѣвался только: не въ родствѣ ли онъ съ нею? Митрополитъ разувѣрилъ его въ этомъ сомнѣніи. Немного времени прошло, и разгульные, великолѣпные пиры начались во дворцѣ, гдѣ уже не было благочестивой Царицы. Можетъ быть, сначала Іоаннъ дѣйствительно хотѣлъ только забыть свое горе, и—забылъ самого себя. Ему было только тридцать пять лѣтъ; чувственныя забавы увлекли его; веселая жизнь скоро понравилась ему. Желая свободы, Іоаннъ спѣшилъ удалить свидѣтелей, которыхъ могъ устыдиться: братъ Государя Юрій, Владиміръ Андреевичъ, Царевичъ Казанскій Александръ, дотолѣ жившіе во дворцѣ, были переселены въ особенные домы. Дворецъ сдѣлался пристанищемъ тѣхъ людей, кого прежде отгоняли отъ Царя Дворское благочиніе, добродѣтель Царицы и строгая мудрость Адашевыхъ и Сильвестра.

На поприщѣ страстей труденъ только первый шагъ, но далѣе лежитъ широкій путь. Онъ ведетъ къ погибели, но погибель бываетъ скрыта отъ человѣка, а путь къ ней, до самаго края бездны, обольстителенъ. Новые любимцы Іоанна страшились Адашева, Сильвестра, дру-

зей ихъ, даже и въ удаленіи отъ Іоанна. Какой быстрый переходъ вдругъ совершила душа Царя на пути страстей своевластныхъ, когда онъ могъ внять клеветамъ на Адашева и Сильвестра—клеветамъ нелѣпымъ, безумнымъ, которымъ самъ не вѣрилъ впослѣдствіи! Развратники—и съ ними соединились вельможи, до толѣ благодушные, даже самые Захарьины—увѣрили Царя, что Адашевъ, Сильвестръ и друзья ихъ таятъ злые умыслы на него, что они ненавидѣли и *извели* Анастасію. Въ числѣ навѣтниковъ, были люди, отличенные подвигами, и—совершилось беззаконіе!

Собрали совѣтъ во дворцѣ. Тутъ были Митрополитъ, Епископы, Бояре—кромѣ опальныхъ.—Іоаннъ предложилъ совѣту преступленія своихъ злодѣевъ и измѣнниковъ, Адашева и Сильвестра. Какія были на нихъ обвиненія? Незнаемъ.—Митрополитъ и немногіе изъ бояръ дерзнули сказать, что надобно спросить преступниковъ, уличить ихъ. «Представьте ихъ, говорилъ Митрополитъ, мы должны выслушать, что будутъ они отвѣчать».—Крикъ негодованія заглушилъ сіи слова: «Развѣ не знаете, что діавольскою силою они волхвуютъ, и очаровавъ нѣкогда великаго Царя нашего, очаруютъ и насъ?» Да, можетъ быть, самые злодѣи не вынесли бы очарованія добродѣтели и доблести; можетъ быть, самъ Царь уступилъ бы волхвованію свѣтлыхъ взоровъ невинности. Совѣтъ заочно обвинилъ Адашева и Сильвестра, предоставляя Царю избрать наказаніе злодѣямъ. Іоаннъ не дерзнулъ опредѣлить смерти: велѣно было Сильвестра отвезти на покаяніе въ Соловецкій монастырь; Адашева лишить званія воеводы, и до времени заключить въ темницѣ того города, гдѣ застанетъ его повелѣніе Царское; оно застало его въ Феллинѣ. Безмолвно повиновался Адашевъ, но хотѣлъ оправдываться; письма его не допустили къ Царю; мужъ добродѣтельный не перенесъ своего безславія, своего позора; прошло немного времени и жестокая горячка прекратила дни бывшаго Правителя Русской земли. Участь Сильвестра осталась для насъ неизвѣстною. Вѣроятно, онъ угасъ въ тишинѣ монастырской келліи, забвенный всѣми. И объ немъ-ли можно было вспомнить современникамъ!

Гнѣвъ Царя постигъ всѣхъ другихъ *измѣнниковъ*. Кто были они? Знаменитый *Князь Михаилъ Воротынскій*, главноначальствовавшій подъ Казанью воевода; *Бояринъ Иванъ Шереметевъ*, о которомъ со страхомъ спрашивалъ Ханъ Крымскій, идя на Россію; братъ его, *Никита Шереметевъ;* безстрашный *Даніилъ Адашевъ*, ужаснувшій Девлета въ его собственномъ жилищѣ, первый изъ Русскихъ, огласившій побѣдою имя Русское на берегахъ Крыма. Отецъ Адашевыхъ не дожилъ до погибели дѣтей: онъ умеръ за четыре года прежде. Опала Царская коснулась всѣхъ, кто былъ въ родствѣ съ Адашевыми, кото подозрѣвали въ дружбѣ къ нимъ, или Сильвестру, знаменитыхъ и безвѣстныхъ: тестя Алексія Адашева и братьевъ жены его, Сатиныхъ; тестя Даніила Адашева, Петра Турова; Шишкиныхъ, отца съ дѣтьми; Князя Юрія Катина, князя Дмитрія Курлятева. Еще никого не казнили, не ссылали; добрые трепетали, но надѣялись; злые надѣялись, но трепетали. Народъ недоумѣвалъ; недоумѣніе продолжилось недолго.

Здѣсь даже и Историкъ можетъ повторить слова современника: «Кладу перстъ на уста, изумляюсь и плачу.»—*Гнѣвъ губитъ и разумныя* — говоритъ вѣнценосный мудрецъ, и, влагая рѣчь въ уста Премудрости, вѣщалъ святыя истины! «Страхъ Господень ненавидитъ неправды, досажденія, гордыни и пути лукавыхъ — ненавижу и я развращенные пути злыхъ: мои бываютъ — совѣтъ и утвержденіе, разумъ и крѣпость; мною царствуютъ Цари и сильные пишутъ правду, величаются Вельможи и держатъ землю Властители; но въ путяхъ правды хожу я, и живу посреди стезей оправданія»...

Конецъ VI тома.

XXXIX. НАДЕЖДИНЪ.

Отрывокъ изъ статьи экс-студента Никодима Надоумки.

Борскій, *сочиненіе А. Подолинскаго. Спб. 1829.*

(Статья 2. «Вѣстникъ Европы» 1820 г. № 7. Стр. 200—220.)

Прежде всего замѣтимъ, что Подолинскій возбуждалъ въ то время самыя блестящія ожиданія. Многіе думали, что въ немъ является достойный соперникъ Пушкина. Потому-то Надоумко и обращаетъ вниманіе на его поэму, которую превозносили до небесъ.

Эпиграфъ разбора, взятый изъ гораціевой, «Науки Стихотворства»:

Nunc satis est dixisse: ego mira poëmata pango, по обыкновенію опять заключаетъ въ себѣ двусмысленную колкость. Проще всего его надобно перевести: Теперь довольствуются словами: я пишу удивительныя поэмы; «но, по смыслу статей Надоумко, должно перевесть его такъ: «Просто скажу: объ удивительныхъ поэмахъ пишу я»,—т. е. Надоумко. Это еще болѣе язвительно, потому что относится уже не къ одному Подолинскому, а ко всѣмъ тогдашнимъ знаменитымъ поэтамъ.

Первая статья начинается общими размышленіями о тогдашней нашей поэзіи и оканчивается, разсказомъ содержанія поэмы Подолинскаго послѣ чего Надоумко начинаетъ вторую статью такъ (Изъ Очерковъ Гоголевскаго періода русской критики Современ. 1856 г.):

Спрашивается: что̀ за удовольствіе представлять подобныя кровавыя зрѣлища?... Ужасныя картины кровопролитія и убійствъ весьма рѣдки въ вещественной нашей жизни: какъ же могутъ онѣ обратиться во всеобщую прихоть вкуса? Справедливѣе бы, кажется, можно было упрекнуть насъ въ недостаткѣ вкуса, чѣмъ въ подобномъ развращеніи онаго. У насъ доселѣ, несмотря на неослабно распространяющіеся успѣхи просвѣщенія, господствуетъ еще какая-то мудреная апатія къ истинно изящнымъ наслажденіямъ. Наши театры полны бываютъ только при представленіяхъ Кіарини (фокусника) и изъ нашихъ періодическихъ изданій больше всѣхъ расходятся—«Московскія Вѣдомости». Не эта ли слишкомъ замѣтная скудость чувствительности вынуждаетъ нашихъ поэтовъ прибѣгать къ насильственнымъ средствамъ для пробужденія въ нашихъ непросыпныхъ душахъ привѣтнаго отклика?... Но отчего бы нашимъ поэтамъ не попытаться прибѣгнуть къ другому шумному, но болѣе надежному средству возбуждать эстетическое участіе?... Отчего бы не допустить имъ въ поэтическій механизмъ свой, кромѣ кинжала и яда, другихъ пружинъ, меньше смертоносныхъ, но не меньше дѣйствительныхъ?... Не могло ли бы съ избыткомъ замѣнить всю эту *романтическую* стукотню и рѣзню—существенное достоинство и величіе изображаемыхъ предметовъ, наставительная знаменательность драпировки, не ослѣпительная для умственнаго взора свѣтлость мыслей, не удушительная теплота ощущеній?... А этого-то по несчастію и не достаетъ въ нашихъ новыхъ поэтическихъ произведеніяхъ!—Они обращаются около предметовъ совершенно ничтожныхъ: одѣваются въ маскарадные костюмы, представляющіе уродливое смѣшеніе этнографическихъ и хронологическихъ противорѣчій; блестятъ пошлыми двуличневыми остротами; дышатъ чадными и нерѣдко смрадными чувствами. Отъ двухъ первыхъ обвинительныхъ пунктовъ не оправдится и Борскій. Что за предметъ для поэмы?... Ревнивый мужъ убиваетъ жену—лунатика и замерзаетъ самъ на ея могилѣ... Что тутъ интереснаго?... И въ психологическомъ отношеніи—это не великое дѣло, и въ эстетическомъ—не весьма занимательное зрѣлище! Будь это событіе историческое или по крайней мѣрѣ основанное на народномъ преданіи,—тогда бы оно могло имѣть для насъ важность истины или прелесть наслѣдственной собственности—прелесть роднаго... Но—*сочинять* нарочно такія *исторіи* значитъ изнурять воображеніе надъ пустяками!—Недостатокъ сей можно было бы, однако же, искупить счастливымъ выборомъ, живописною полнотою, изящною отдѣлкой поэтическаго *костюма*. Мы разумѣемъ

здѣсь подъ *костюмомъ* всѣ тѣ многочисленныя, многоразличныя черты и картины, кои сообщаютъ поэтическую *индивидуальность* повѣствованію, опредѣляя *мѣсто* и *время*, къ коимъ оно относится. Происшествіе, само по себѣ ничтожное, можетъ служить генію канвою для поэтическаго изображенія цѣлой эпохи, цѣлой страны, цѣлаго народа: и тогда ничтожность его совершенно теряется изъ виду. Такъ ли поступлено въ *Борскомъ?... Владиміръ Борскій* и весь причтъ *лицъ*, составляющихъ историческое бытіе сей поэмы, суть, какъ видно по именамъ и прозваніямъ, люди *русскіе*. Перемѣните сіи имена и прозванія—кто узнаетъ въ нихъ русскихъ?... Ни одной малѣйшей черты народнаго характера русскаго!—Переименуйте *Владиміра* въ *Адольфа*—это будетъ французъ во всѣхъ статьяхъ! О прекрасной *Еленѣ* и говорить нечего: она отлита въ обыкновенной формѣ *красавицъ*, заказываемыхъ для историческихъ романовъ â la Madame Ganlis. А добрый деревенскій *священникъ*!... Его дружеское отношеніе къ *Владиміру*, у насъ на святой Руси, есть совершенный анахронизмъ, взятый изъ будущаго, можетъ быть, XX вѣка!—Но пусть *историческая* живопись *Борскаго* слаба, неопредѣленна, безцвѣтна: не замѣняетъ ли онъ ее живописью *ландшафтной*?... Кажись бы, такъ и слѣдовало! Дѣйствіе совершается на цвѣтущихъ берегахъ широкаго Днѣпра, подъ благословеннымъ малороссійскимъ небомъ. Какая богатая сцена! какая неистощимая жатва для генія!... Сколько поэтическихъ красотъ могло бы представить живописное изображеніе величественнаго Днѣпра, носившаго на зыблющемся хребтѣ своемъ младенчествующую Русь въ колыбели! Сіи маститые холмы, на которыхъ возлегаетъ древняя матерь градовъ русскихъ; сіи сыпучіе пески, разстилающіеся перловою бахрамою вскрай водъ днѣпровскихъ, не освящены ли на каждомъ шагу воспоминаніями, драгоцѣннѣйшими для каждаго русскаго сердца?... И что же?... Величественнаго Днѣпра какъ будтобъ и не было. А мирная *идиллическая* жизнь добрыхъ нашихъ малороссіянъ, о ней и вовсе ни слуху, ни духу.—Такъ ли надобно поступать поэтамъ, провозглашающимъ себя поборниками *романтизма? Романтизмъ*, въ чистѣйшемъ своемъ знаменованіи, тѣмъ преимущественно и отличается отъ *классицизма*, что исчерпываетъ мощное лоно природы *всеобъемлющимъ* окомъ, со всѣхъ точекъ, во всѣхъ направленіяхъ. Посмотрите на творенія чуднаго Байрона!... Его «Чайльдъ-Гарольдъ» есть богатѣйшая ткань идеализированной исторіи человѣчества, убранная драгоцѣннѣйшими воспоминаніями, собранными изъ всѣхъ вѣковъ, подъ всѣми земными поясами. Его «Джауръ» дышетъ палящимъ зноемъ Востока; въ его «Мазепѣ» кипитъ буйная кровь сарматская; его «Каинъ» предстоитъ во всей суровой наготѣ первобытнаго міра. Отчего бы и *Борскому* не окостюмироваться равно полнымъ, равно вѣрнымъ, равно занимательнымъ образомъ?.. Это, право, сообщило бы ему больше *романтической* прелести и произвело бы живѣйшій и прочнѣйшій эффектъ, чѣмъ подобныя эвменидистическія сцены:

. . . . Изступленный
Онъ далѣ въ бѣшенствѣ бѣжитъ:
То здѣсь, то тамъ кинжалъ блеститъ
Въ рукѣ, луною озаренной—
Нѣтъ жертвы болѣ!
. . . .
. . . . Онъ стоитъ,
Недвиженъ взоръ, ужасенъ видъ—
Въ его рукѣ окровавленной
Рука *Елены*; но она
Уже недвижна и хладна
И костенѣетъ постепенно....

Отчего бы.... Но увы! это легко сказать, но легко ли сдѣлать?... Чтобы дать полную, опредѣленную, выразительную физіономію поэтической картинѣ, не довольно одного, юнаго, свѣжаго и мощнаго таланта: нужно еще *ученіе*.... — проклятое *ученіе*!... Безъ

него не обогнать ни на шагъ сильнаго, могучаго богатыря «Илью Муромца»!...

Искусство мыслить—ключъ къ искусству сочинять.

Такъ учивалъ въ старину Горацій! А у насъ теперь?

Не знавшій грамотѣ стихи кропаетъ смѣло!

«И для чего не такъ?... Я вольностью дышу!

Я знатенъ, я богатъ, я баринъ и.... пишу!»

Повторимъ снова приведенный нами эпиграфъ:

Nunc satis est dixisse: «ego mira poëmata pango:...»

Мудрецъ нашъ мыслитъ такъ: «предъ смѣлымъ награжденье!

Погибни всякій трудъ: могу и безъ него

Казаться знатокомъ, не зная ничего!»

«Но, говорятъ, поэтическій инстинктъ можетъ замѣнить для генія всю школьную пыль учености!—Природа-де познается не изъ книгъ и не за скамьями: сердце свое можно изучать самому, безъ указки профессорской; посему живописцемъ природы, исторіографомъ сердца легко сдѣлаться, не прошедши ни физики Страхова, ни исторіи Шрекка. Вѣдь *Гомеръ* и *Шекспиръ* не учились въ университетахъ!»—Просимъ извиненія, мм. гг.! *Гомеръ* учился всю жизнь свою: его «Иліада» и «Одиссея» написаны не по однимъ слухамъ, а съ собственныхъ долговременныхъ наблюденій надъ обычаями различныхъ странъ и народовъ. Что до *Шекспира*, то пора бы также перестать ссылаться на него какъ на образецъ генія-неуча. *Шекспиру* не совсѣмъ была чужда классическая древность, составлявшая издавна родовое наслѣдіе всѣхъ европейскихъ націй, и едва ли кому изъ нашихъ автодидактическихъ всезнаекъ удалось смести столько пыли со старинныхъ отечественныхъ лѣтописей, какъ творцу *Генриха IV* и двухъ *Ричардовъ*. *Гомеръ* и *Шекспиръ* знали, слѣдовательно, природу и сердце не по одному только инстинкту. Оттого-то ихъ творенія дышатъ поэтической истиною и составляютъ наслѣдственное богатство всего человѣчества. А наши молодые поэты? Они знаютъ природу и сердце лишь по наслышкѣ: вотъ почему и творенія ихъ представляютъ не исторію природы и сердца, а различныя исторіи о природѣ и о сердцѣ. Неестественность и нелѣпость составляютъ ихъ отличительное качество. Возмемся за *Борскаго*: ка́къ неудачно состеганы кусочки, изъ которыхъ сшита сія поэмка; рука художника не умѣла даже прикрыть швовъ, которые вездѣ въ глаза мечутся. *Владиміръ* есть единственный герой, или, лучше, единственное живое *лице* поэмы: ибо всѣ прочія суть *восковыя фигуры*. Его характеръ долженъ, слѣдовательно, быть средоточіемъ, изъ котораго должна развиваться вся поэма. Спрашивается: что это за характеръ?... Господь одинъ знаетъ. Въ *первой* главѣ *первой* части *Владиміръ* представляется состарѣвшимся юношею: по крайней мѣрѣ онъ такъ говоритъ самъ о себѣ:

Едва довѣрчивую младость
До половины отжилъ я,
Ужь знаю тягость бытія
И сердцу чуждо слово: радость!

Непонятно, отчего онъ такъ скоро состарѣлся. Его любовь не была любовь обманутая, разочарованная, безнадежная. Правда, онъ преслѣдуемъ былъ гнѣвомъ раздраженнаго отца; но сей гнѣвъ не разражался еще надъ нимъ въ убійственномъ проклятіи. Это доказываютъ собственныя чувства его при вскрытіи роковаго письма, заключающаго послѣднюю волю отца его:

. . . . долго онъ,
Въ волненьи страха перемѣнномъ,
Не смѣетъ робкою рукой
Раскрыть бумаги роковой.
Отца таинственныя строки
Его тревожатъ и страшатъ:
Черты завѣтныя хранятъ,
Быть можетъ, горькіе *упреки*!

Упреки! слышите ли! не болѣе?...

Это все, что только могъ онъ представить себѣ ужаснѣйшаго при видѣ таинственнаго завѣщанія. До того—онъ и о нихъ мало думалъ. Его тревожили только одни любовническія сомнѣнія о вѣрности Елены.

Не разъ, сомнѣньямъ предапа,
Моя душа изнемогала;
Теперь... опять... но нѣтъ, не знала
Притворства хитраго *она*!...

Статочное ли дѣло, чтобы подобныя сомнѣнія, которыя, по свидѣтельству опытныхъ знатоковъ любви, не разрушаютъ, а питаютъ блаженство любящихъ сердецъ, могли разоблачить до *ужасной наготы* всю *жизнь* для *Владиміра?*... И если бы это было правда, если, по собственному сознанію *Владиміра, въ крови* его уже не было

....Жара первыхъ впечатлѣній,

то какъ бы онъ, угрожаемый проклятіемъ скончавшагося отца, могъ сказать въ ту же пору:

Но если долго такъ она *(Елена)*
Обѣту пребыла вѣрна,
Ее отвергнуть я не смѣю!
Я на *преступную* главу
Проклятій новыхъ не сзову!

Нѣтъ! это не исторія сердца! Какъ бы, однако, то ни было, при окончаніи *первой* части поэмы *Владиміръ* женится.—Замѣтимъ, что сія первая, *седмиглавая*, часть есть не болѣе, какъ длинные сѣни съ переходами ко второй *пятиглавой*, части, составляющей главный корпусъ всего поэтическаго зданія *Борскаго*. И что же сія *вторая* часть? Тѣ же противорѣчія, та же невѣроятность, та же невозможность!...

Бракъ для *Елены* есть источникъ несчастія: она не можетъ изгнать изъ своей памяти того страшнаго мгновенія, когда

....озаренъ свѣчей вѣнчальной,
Ея супругъ, у алтаря,
Стоялъ недвижный, думы полный,
И принялъ, блѣдный и безмолвный,
Лобзанья жаркія ея.

Растерзанное сердце ея предается подозрѣніямъ ревности. Это очень естественно. Невозможно также было и *Владиміру*, коего несчастная *подозрительность* уже извѣстна, отозваться подобнымъ чувствомъ на неизъяснимую тоску *Елены*. Но естественно ли, вѣроятно ли, возможно ли по законамъ самаго необузданнаго поэтическаго своеволія, чтобы послѣ дышащаго истиннымъ огнемъ страсти разговора *Елены* съ *Владиміромъ*, составляющаго содержаніе *второй главы* второй части *Борскаго*, сей послѣдній могъ предаться столь страшному, столь несправедливому, столь неблагоразумному гнѣву:

....Въ чемъ еще сомнѣнье?
Я ей наскучилъ—мало ей
И дружбы и любви моей!
Быть можетъ, страстію позорной
Давно душа ея горитъ,
Но мыслитъ: мужа усыпитъ
Она любовію притворной...
Да, это вѣрно! мнѣ она
Не даромъ Римъ напоминала!
Она мечтала—та страна
Меня давно очаровала
И увлечетъ опять меня...
Ошиблась!—Здѣсь останусь я!
Я вижу замыселъ коварной —
Еще *открытіе* одно—
И пусть я гибну—все равно—
Я не щажу неблагодарной!...

И это *открытіе*?.. Это *открытіе*, отъ котораго зависѣла жизнь или смерть — столь ничтожно!... Бредъ *лунатика*.... бредъ безсвязный, безмысленный, безжизненный—и....

И вотъ сверкнуло лезвее
И кровь Елены на кинжалѣ—
И рана въ сердцѣ у нея!

Не всякъ ли видитъ, что поэту хотѣлось только довести *Владиміра* до убійства и до самоубійства, во чтобы то ни стало!... Онъ и успѣлъ въ томъ! Но какимъ новымъ фактомъ, какимъ новымъ открытіемъ можетъ все это обогатить *исторію сердца?*... Какъ вамъ угодно, гг. *романтики*, а намъ, слѣпымъ людямъ, кажется, что еслибы инстинктуальное знаніе *природы* и *сердца*

разрождается подобными слѣдствіями, то она — никуда не годится!

XL. МАЙКОВЪ.

1. Октава (1841).

Гармоніи стиха божественныя тайны
Не думай разгадать по книгамъ мудрецовъ:
У брега сонныхъ водъ, одинъ бродя, случайно
Прислушайся душой къ шептанью тростниковъ,
Дубравы говору: ихъ звукъ необычайной
Прочувствуй и пойми.... Въ созвучіи стиховъ
Невольно съ устъ твоихъ размѣрныя октавы
Польются, звучныя, какъ музыка дубравы.

2. Раздумье (1841).

Блаженъ, кто подъ крыломъ своихъ домашнихъ ларъ
Ведетъ спокойно вѣкъ! Ему обильный даръ
Прольютъ всѣ боги: лучъ его заблещетъ; нивы
Церера озлатитъ: акаціи, оливы
Вѣтвями домъ его обнимутъ, надъ прудомъ
Пирамидальные, стоящіе вѣнцомъ,
Густые тополи взойдутъ и засребрятся,
И лозы каждый годъ подъ осень отягчатся
Кистями сочными: ихъ Вакхъ благословитъ...
Не грозенъ для него свѣтильникъ Эвменидъ:
Безъ страха будетъ ждать онъ ужасовъ Эреба;
А здѣсь рука его на жертвенники неба
Повергнетъ не дрожа плоды, янтарный медъ,
Ихъ розъ гирляндами и миртомъ обовьетъ....
Но я бы не желалъ сей жизни безъ волненья:
Мнѣ тягостно ея размѣрное теченье.
Я втайнѣ бы страдалъ и жаждалъ бы порой
И бури, и тревогъ, и воли дорогой,
Чтобъ духъ мой крѣпнуть могъ въ бореніи мятежномъ,
И, крылья распустивъ, орломъ ширикобѣжнымъ,
При общемъ ужасѣ, надъ льдами горъ витать,
На бездну упадать и въ небѣ утопать.

3. Сонъ (1839).

Когда ложится тѣнь прозрачными клубами
На нивы желтыя, покрытыя скирдами,
На синіе лѣса, на влажный злакъ луговъ;
Когда надъ озеромъ бѣлѣетъ столпъ паровъ,
И въ рѣдкомъ тростникѣ, медлительно качаясь,
Сномъ чуткимъ лебедь спитъ, на влагѣ отражаясь,—
Иду я подъ родной соломенный мой кровъ,
Раскинутый въ тѣни акацій и дубовъ;
И тамъ, съ улыбкой на устахъ своихъ привѣтныхъ,
Въ вѣнцѣ изъ яркихъ звѣздъ и маковъ темноцвѣтныхъ,
И съ грудью бѣлою подъ черной кисеей,
Богиня мирная, являясь предо мной,
Сіяньемъ палевымъ главу мнѣ обливаетъ
И очи тихою рукою закрываетъ,
И, кудри подобравъ, главой склонясь ко мнѣ,
Лобзаетъ мнѣ уста и очи въ тишинѣ.

4. (1839)

Вхожу съ смущеніемъ въ забытыя палаты,
Блестящій нѣкогда, но нынѣ сномъ объятый
Пріютъ державныхъ думъ и царственныхъ забавъ.
Все пусто. Времени губительный уставъ

Во всемъ величіи здѣсь блещетъ: все мертвѣетъ!
Въ аркадахъ мраморныхъ молчанье цѣпенѣетъ:
Вкругъ гордыхъ колоннадъ съ старинною рѣзьбой
Ель пышно разрослась, и въ зелени густой
Подъ сѣнью древнихъ липъ и золотыхъ акацій,
Бѣлѣютъ кое-гдѣ статуи нимфъ и грацій.
Гремѣвшій водометъ изъ пасти мѣдныхъ львовъ
Замолкъ; широкій листъ виситъ съ нагихъ столбовъ,
Качаясь по вѣтру.... О, гдѣ въ аллеяхъ спящихъ
Красавицъ легкій рой, звонъ колесницъ блестящихъ?
Неслышно ужъ литавръ бряцанья: пирный звукъ
Умолкъ, и стихъ давно оружья бранный стукъ:
Но миръ, волшебный сонъ въ забытые чертоги
Вселились—новые, невѣдомые боги!

5. Искуство (1841).

Срѣзалъ себѣ я тростникъ у прибрежья шумнаго моря.
Нѣмъ, онъ забытый лежалъ въ моей хижинѣ бѣдной.
Разъ увидалъ его старецъ прохожій, къ ночлегу
Въ хижину къ намъ завернувшій. (Онъ былъ непонятенъ,
Чуденъ на нашей глухой сторонѣ.) Онъ обрѣзалъ
Стволъ и отверзтій надѣлалъ, къ устамъ приложилъ ихъ,
И оживленный тростникъ вдругъ исполнился звукомъ
Чуднымъ, какимъ оживлялся порою у моря,
Если внезапно зефиръ, зарябивъ его воды,
Трости коснется и звукомъ наполнитъ поморье.

6.

На мысѣ семъ дикомъ, увѣнчанномъ бѣдной осокой,
Покрытомъ кустарникомъ ветхимъ и зеленью сосенъ,
Печальный Мениксъ, престарѣлый рыбакъ, схоронилъ
Погибшаго сына. Его взлелѣяло море,
Оно же его и пріяло въ широкое лоно,
И на берегъ бережно вынесло мертвое тѣло.
Оплакавши сына, отецъ подъ развѣсистой ивой
Могилу ему ископалъ, и, накрывъ ее камнемъ,
Плетеную вершу изъ ивы надъ нею повѣсилъ—
Угрюмой ихъ бѣдности памятникъ скудный!

7. (1841).

Муза, богиня Олимпа, вручила двѣ звучныя флейты
Рощъ покровителю Пану и свѣтлому Фебу;
Фебъ прикоснулся къ божественой флейтѣ, и чудный
Звукъ полился изъ безжизненной трости. Внимали
Вкругъ присмирѣвшія воды, не смѣя журчаньемъ
Пѣсни тревожить, и вѣтеръ заснулъ между листьевъ
Древнихъ дубовъ, и заплакали, тронуты звукомъ,
Травы, цвѣты и деревья; стыдливыя нимфы
Слушали, робко толпясь межъ сильвановъ и фавновъ.
Кончилъ пѣвецъ, и помчался на огненныхъ коняхъ,
Въ пурпурѣ алой зари, на златой колесницѣ.
Бѣдный лѣсовъ покровитель напрасно старался припомнить
Чудные звуки, и ихъ воскресить своей флейтой:

Грустный, онъ трели выводитъ, но трели земныя....
Горькій безумецъ! ты думаешь, небо не трудно
Здѣсь воскресить на землѣ? Посмотри: улыбаясь,
Съ взглядомъ насмѣшливымъ слушаютъ нимфы и фавны.

8. (1841).

Дитя мое, ужъ нѣтъ благословенныхъ дней,
Поры душистыхъ липъ, сирени и лилей;
Не свищутъ соловьи, и иволги не слышно....
Ужъ полно! не плести тебѣ гирлянды пышной,
И незабудками головки не вѣнчать:
По утренней росѣ авроры не встрѣчать,
И поздно вечеромъ уже не любоваться,
Какъ теплые пары надъ озеромъ клубятся,
И звѣзды смотрятся сквозь нихъ въ его стеклѣ.
Не плющъ и не цвѣты віются по скалѣ,
А мохъ въ разсѣлинахъ пушится раннимъ снѣгомъ.
А ты, мой другъ, все тажъ: рѣзва, мила... Люблю,
Какъ разгорѣвшися и утомившись бѣгомъ,
Ты, вѣя холодомъ, врываешься въ мою
Глухую хижину, стряхаешь кудри снѣжны,
Хохочешь, и меня цѣлуешь звонко, нѣжно!

9. **Ангелъ и демонъ (1841).**

Подъемлютъ споръ за человѣка
Два духа мощные: одинъ—
Эдемской двери властелинъ
И вѣрный стражъ ея отъ вѣка;
Другой—во всемъ величьи зла,
Владыка сумрачнаго міра:
Надъ огненной его порфирой
Горятъ два огненныхъ крыла.
Но торжество кому жъ уступитъ
Въ пыли рожденный человѣкъ?
Вѣнецъ ли вѣчныхъ пальмъ онъ купитъ,
Иль чашу временную нѣгъ?
Господень ангелъ тихъ и ясенъ:
Его живитъ смиренья лучъ;
Но гордый демонъ такъ прекрасенъ,
Такъ лучезаренъ и могучъ!

10. **Клермонтскій соборъ (1853).**

Не свадьбу праздновать, не пиръ,
Не на воинственный турниръ
Блеснуть оружьемъ и конями,
Въ Клермонтъ нагорный притекли
Богатыри со всей земли.
Какъ лугъ, усѣянный цвѣтами,
Вся площадь, полная гостей,
Вздымалась массою людей,
Какъ перекатными волнами.
Лучъ солнца ярко озарялъ
Знамена, шарфы, перья, ризы,
Гербы, и ленты, и девизы,
Лазурь, и пурпуръ, и металлъ.
Подъ златотканнымъ балдахиномъ,
Средь духовенства властелиномъ,
Въ тіарѣ Папа возсѣдалъ.
У трона—герцоги, бароны
И красныхъ кардиналовъ рядъ,
Вокругъ ихъ—сирыхъ обороны—
Толпою рыцари стоятъ:
Въ узорныхъ латахъ Итальянцы,
Тяжелый Швабъ и рыжій Бриттъ
И Галлъ, отважный сибаритъ,
И въ шлемахъ съ перьями Испанцы;
И отдаленъ отъ всѣхъ старикъ,
Дерзавшій свергнуть Папства узы:
То обращенный еретикъ
Изъ фанатической Тулузы;
Здѣсь строй Норманновъ удалыхъ,
Какъ въ маскахъ, въ шлемахъ пудовыхъ,
Съ своей тяжелой алебардой.
На крыши взгромоздясь, народъ
Всѣхъ поименно ихъ зоветъ:
Все это львы, да леопарды,
Орлы, медвѣди, ястреба—
Какъ будто грозныя прозванья
Сама сковала имъ судьба,
Чтобъ обезсмертить ихъ дѣянья!
Надъ ними, стаей лебедей,
Слетѣвшихъ на берегъ зеленый,

Изъ ложъ кругомъ сіяютъ жены
Въ шелку, въ зубчатыхъ кружевахъ,
Въ алмазахъ, въ млечныхъ жемчугахъ.
Лишь шопотъ слышится въ собраньѣ.
Необычайная молва
Давно чудесныя слова
И непонятныя сказанья
Носила въ мірѣ. Видѣнъ крестъ
Былъ на небѣ. Несся стонъ съ востока.
Заря кроваваго потока
Имѣла видъ. Межъ блѣдныхъ звѣздъ
Какъ человѣческое было
Лицо луны, и слезы лило,
И вкругъ клубился дымъ и мгла....
Чео-то страшнаго ждала
Толпа, внимать готовясь Богу—
И били грозную тревогу
Со всѣхъ церквей колокола.
  Вдругъ звонъ затихъ—и на ступени
Престола Папы преклонилъ
Убогій пилигримъ колѣни;
Его съ любовью осѣнилъ
Святымъ крестомъ первосвященникъ,
И, помоляся небесамъ,
Пустынникъ говорилъ къ толпамъ:
  Смиренный нищій, бѣглый плѣнникъ
Предъ вами, сильные земли!
Темна моя, ничтожна доля;
Но движетъ мной иная воля.
Не мнѣ внимайте, короли:
Самъ Богъ, державствующій нами,
Къ моей склонился нищетѣ
И повелѣлъ мнѣ стать предъ вами,
И вамъ въ сердечной простотѣ
Сказать про плѣнъ, про тѣ мученья,
Что испыталъ и видѣлъ я.
Вся плоть истерзана моя,
Спина хранитъ слѣды ремня,
И язвамъ нѣту исцѣленья!
Взгляните: на рукахъ моихъ
Оковъ кровавыя запястья.
Въ темницахъ душныхъ и сырыхъ,
Безъ утѣшенья, безъ участья,
Провелъ я юности лѣта;
Копалъ я рвы, бряцая цѣпью,
Влачилъ я камни знойной степью,
За то, что вѣровалъ въ Христа!
Вотъ эти руки.... Но въ молчаньѣ
Вы потупляете глаза;
На грозныхъ лицахъ состраданья,
Я вижу, катится. слеза....
О, люди, люди, язвы эти
Смутили васъ на краткій часъ!
О, впечатлительныя дѣти!
Какъ слезы дешевы у васъ!
Ужель, чтобъ тронуть васъ, страдальцамъ
Къ вамъ надо нищими предстать?
Чтобъ васъ увѣрить, надо дать
Ощупать язвы вашимъ пальцамъ!
Тогда лишь бѣдствіямъ земнымъ,
Тогда неслыханнымъ страданьямъ,
Безчеловѣчнымъ истязаньямъ
Вы сердцемъ внемлете своимъ!...
А тѣхъ страдальцевъ милліоны,
Которыхъ вамъ не слышны стоны,
Къ которымъ мусульманинъ злой
Какъ къ агнцамъ трепетнымъ приходитъ,
И безпрепятственно уводитъ
Изъ нихъ рабовъ себѣ толпой;
Въ глазахъ у брата душитъ брата,
И неродившихся дѣтей
Во чревѣ рѣжетъ матерей,
И вырываетъ для разврата
Изъ ихъ объятій дочерей...
Я видѣлъ: блѣдныхъ, безоружныхъ,
Толпами гнали по степямъ,
Отсталыхъ старцевъ, женъ недужныхъ
Бичомъ стегали по ногамъ:
И Турокъ рыскалъ по пустынѣ,
Какъ передъ стадомъ гуртовщикъ.
Но мигъ—мнѣ памятный донынѣ,
Благословенный жизни мигъ,—
Когда окованнымъ, средь дыма
Прозрачныхъ утреннихъ паровъ,
Предстали намъ Ерусалима
Святые храмы безъ крестовъ!
Замолкли стоны и тревога,
И, позабывши прахъ и тлѣнъ,
Возславословили мы Бога
Въ виду Сіонскихъ древнихъ стѣнъ,
Гдѣ ждали насъ позоръ и плѣнъ!
Породнены тоской, чужбиной,
Латинецъ съ Грекомъ обнялись.
Всѣ, какъ сыны семьи единой,
Страдать безропотно клялись.
И Грекъ намъ далъ примѣръ великій.
Еврея, пѣвшаго псаломъ,
Съ коня спрыгнувши, Турокъ дикій

Ударилъ взвизгнувшимъ бичомъ:
Тотъ пѣлъ, и бровію не двинулъ!
Злодѣй страдальца опрокинулъ,
И вырвалъ бороду его....
Рванули съ воплемъ мы цѣпями,—
А онъ Евангелья словами
Господне славилъ торжество!
Въ куски изрубленное тѣло
Злодѣи побросали въ насъ:
Мы сохранили ихъ всецѣло,
И о душѣ его молясь,
Въ темницѣ, гдѣ страдали сами,
Могилу вырыли руками,
И на груди святой земли
Его останки погребли.
И онъ не встанетъ вѣдь предъ вами
Вамъ язвы обнажить свои
И выпросить у васъ слезами
Слезу участья и любви!
Увы, не разверзаютъ гробы
Святыя жертвы адской злобы!
Нѣтъ, и живое не прійдетъ
Къ вамъ одновѣрцевъ вашихъ племя—
Христу молящійся народъ:
Одинъ креста несетъ онъ бремя,
Одинъ онъ тернъ Христовъ несетъ!
Какъ рабъ евангельскій, израненъ,
Въ степи лежитъ больной, безъ силъ....
Иль ждете вы, чтобъ напоилъ
Его чужой Самаританинъ,
А вы, съ кошницей яствъ, бойцы,
Пройдете мимо, какъ слѣпцы?
О, нѣтъ, для васъ еще священны
Любовь и правда на землѣ!
Я вижу ужасъ вдохновенный
На вашемъ доблестномъ челѣ!
Возстань, о воинство Христово,
На мусульманъ войной суровой!
Да съ громомъ рушится во прахъ—
Созданье злобы и коварства—
Ихъ тяготѣющее царство
На христіанскихъ раменахъ!
Разбейте съ чадъ Христа оковы,
Дохнуть имъ дайте жизнью новой;
Они васъ ждутъ, чтобъ васъ обнять,
Край вашихъ ризъ облобызать!
Идите: ангелами мщенья,
Изъ храма огненнымъ мечомъ
Изгнавъ невѣрныхъ поколѣнья,
Отдайте Богу Божій домъ!
Тамъ благодарственные псальмы
Для васъ народы воспоютъ,
А падшимъ—мучениковъ пальмы
Вѣнцами ангелы сплетутъ!!!..
Умолкъ. Въ отвѣтъ какъ будто громы
Перекатилися въ горахъ.
То кликъ одинъ во всѣхъ устахъ:
«Идемъ, оставимъ женъ и домы!»
И въ умиленіи святомъ
Вокругъ желѣзные бароны
Въ восторгѣ плакали какъ жоны;
Врагъ любызался со врагомъ,
И руку жалъ герой герою,
Какъ левъ косматый, алча бою;
На общій подвигъ дамы съ рукъ
Снимали злато и жемчугъ;
Свой грошъ и нищіе бросали;
И радость всѣхъ была свѣтла.
Ее литавры возвѣщали,
И въ небесахъ распространяли
Со всѣхъ церквей колокола.

11. Дурочка Дуня. Идиллія (1851).

Всѣмъ довольна я, старушка—
Бога нечего гнѣвить!
Миръ въ семьѣ; есть деревушка—
Хоть мала, да можно жить.
У меня семья большая.
Дѣтки вкругъ насъ, стариковъ,
Словно роща молодая
Вкругъ дряхлѣющихъ дубковъ.
Но, какъ въ ясномъ небѣ тучка—
Къ намъ одна напасть пришла:
Наша младшая-то внучка
Просто дурочка была,
Вовсе здраваго понятья
Не имѣла: что ни дай
Ей, хоть шелковое платье—
Въ мигъ все въ пятнахъ, хоть бросай!
Да и съ виду: мы всѣ русы—
А она смугла, черна;
Да вплететъ какъ въ кудри бусы,
Алый шарфъ возьметъ она,
Запоетъ какъ басурманка,
Такъ глазами и блеститъ,
И хохочетъ.... ну, цыганка
Да и только—просто стыдъ!
Благородныя дѣвицы
Къ намъ пріѣдутъ. «Да поди!»

Говорю: тамъ всѣ сестрицы;
Только такъ хоть посиди.»
«Нѣтъ, ужъ, бабушка, мнѣ съ ними
Дѣлать нечего!» — «Какъ такъ?»
— «Что мнѣ съ этакими злыми!...»
И забьется на чердакъ.
Свадьба ль въ домѣ — все равно ей;
Посѣтитъ ли смерть кого,
Съ мертвецомъ въ одномъ покоѣ
Ляжетъ спать — и ничего!
Мать учить начнетъ, бывало,
Говоритъ, подъ-часъ и бьетъ —
Какъ къ стѣнѣ горохъ! ни мало,
То есть, ухомъ не ведетъ.
Ну, ее за то и гнали:
Вѣчно съ нею воркотня;
На хлѣбъ, на воду сажали....
Баловала только я.
И она какъ будто чуетъ,
И ко мнѣ одной идетъ:
Обойму ее, цѣлуетъ,
Руки крѣпко, крѣпко жметъ.
Надорветъ мое сердечко....
«Охъ, ты, бѣдная моя,
Нелюбимая овечка,
Сиротинка у меня!»
«Какъ у васъ хватаетъ духу
Гнать бѣдняжку?» говорю;
Да не слушаютъ старуху,
Сколько я ихъ ни журю.
Ей одно лишь любо было —
Нянчить маленькихъ дѣтей,
Все имъ сказки говорила
Про русалокъ да князей.
Гдѣ слова тогда берутся!
И дрожитъ сама-то вся,
Дѣти такъ и разревутся,
И унять потомъ нельзя.
Въ снѣгъ — на улицу, и скачетъ!
А возьмутъ ее домой —
Въ уголъ спрячется и плачетъ...
Домъ ей словно какъ чужой.
Все бы въ лѣсъ! Весною хлѣба,
Крупъ съ собою наберетъ,
Станетъ въ полѣ, смотритъ въ небо,
Журавлей къ себѣ зоветъ.
Мы видали, къ ней станицей
Птица всякая летитъ,
И она вѣдь съ каждой птицей
Особливо говоритъ....

Порча ль тутъ была отъ дѣтства,
Или разумъ ужъ такой —
Всѣ мы пробовали средства,
Да махнули и рукой.
И жила она немного.
Видимъ, нѣтъ ужъ въ ней пути.
Что лечить тутъ? противъ Бога
Человѣку не идти.
Докторовъ иныхъ бы нужно —
Повести бы по мощамъ...
Ну, да лѣтомъ недосужно —
Жатва, сѣвы, — знаешь самъ!
Вотъ и вышло: лѣтомъ стала
Пропадать она по днямъ.
Спросимъ: «гдѣ ты пропадала?»
Вздоръ разсказываетъ намъ —
Что была она далеко,
Въ неизвѣстныхъ сторонахъ,
Гдѣ зимы нѣтъ, гдѣ высоко
Горы въ самыхъ небесахъ;
Что у моря тамъ зеленый
Вѣчно лѣсъ ростетъ; что тамъ
Зрѣютъ жолтые лимоны
По высокимъ деревамъ;
Что тамъ городъ есть великій,
Гдѣ рабы со всякихъ странъ;
Царь въ томъ городѣ предикій,
И гонитель христіанъ;
Что онъ травитъ ихъ тамъ львами,
Чтобъ отъ вѣры отреклись;
Что ихъ кровь течетъ ручьями —
А они все не сдались;
Что тамъ чудные чертоги,
Разноцвѣтныхъ храмовъ рядъ,
Гдѣ все мраморные боги
Лѣтъ двѣ тысячи сидятъ;
Вавилонская царица
Тамъ какая-то жила,
И языческая жрица
Сожжена огнемъ была;
Да безумная невѣста....
Но всего не передать;
Есть ли гдѣ такое мѣсто,
Не могу тебѣ сказать....
Только видимъ — дѣвка бредитъ,
Увѣряетъ, что сама
Въ этотъ край совсѣмъ уѣдетъ,
Только вотъ пріидетъ зима.
Между тѣмъ прошла ужъ осень.
Дуня что-то все молчитъ;

Цѣлый день между двухъ сосенъ,
По дорогѣ въ лѣсъ, сидитъ.
Мать журила; запирали;
Да ничто неймется ей!
Разъ ушла она; мы ждали—
Нѣтъ. Ужь поздно. Мы за ней
Разослали по сосѣдямъ—
Нѣтъ нигдѣ! Дней пять прошло;
Какъ-то съ сыномъ лѣсомъ ѣдемъ;
Снѣгъ въ лѣсу-то размело...
«Взглянь-ко», говорю я: «Саша»—
А сама-то вся дрожу:
«Что тамъ? ужъ не Дуня-ль наша?»
Такъ и есть, она! Гляжу—
Къ старой сосенкѣ прижалась,
На рученки прилегла,
И, голубушка, казалось,
Крѣпкимъ сномъ она спала....
Я вотъ такъ тутъ и завыла!
Точно что оторвалось
Отъ души-то... Горько было,
А могилку рыть пришлось....
Послѣ все ужь мы узнали:
Къ намъ въ сосѣдство той весной
Графъ съ графиней пріѣзжали
Изъ чужихъ краевъ домой.
У графини, видишь, дѣтокъ
Былъ всего одинъ сынокъ;
Съ нашей былъ онъ однолѣтокъ—
Такъ, пятнадцатый годокъ.
Съ нимъ-то наша и сошлася,
Да, какъ глупое дитя,
Всякихъ толковъ набралася
Про заморскіе края.
И когда графиня снова
Поднялася въ свой вояжъ,
Ни кому ни молвя слова,
Дуня вздумала тудажъ!
Гдѣ-же ей пройдти лѣсами!
И большому мудрено,
Да зимой еще, снѣгами....
Такъ ужь, видно, суждено!
Не жилось ей, знать, на свѣтѣ...
Богъ не долго жить даетъ
Юродивымъ: Божьи дѣти—
Прямо въ рай онъ ихъ беретъ.
Безъ нея же запустѣнье
Стало вдругъ въ семьѣ моей;
И хотя соображенья
Вовсе не было у ней,
Хоть пути въ ней было мало,
И вся жизнь ея былъ бредъ,
Безъ нея жъ замѣтно стало,
Что души-то въ домѣ нѣтъ.

(Всѣ стихотворенія напечатаны съ изданія 1858 года.)

12. Приговоръ.

(Легенда о Констанскомъ соборѣ).

На соборѣ, на Констанскомъ,
Богословы засѣдали,
Осудивъ Іогана Гуса,
Казнь ему изобрѣтали.
Въ длинной рѣчи, докторъ черный,
Разобравъ всѣ истязанья,
Предлагалъ ему соборнѣ
Присудить колесованье,
Сердце, зла источникъ, кинуть
На съѣденье псамъ поганымъ,
А языкъ, какъ зла орудье,
Дать склевать нечистымъ вранамъ,
Самый трупъ предать сожженью,
Напередъ проклявъ трикраты,
И на всѣ четыре вѣтра
Бросить прахъ его проклятый...
Такъ по пунктамъ, на цитатахъ,
На соборныхъ уложеньяхъ,
Приговоръ свой докторъ черный
Строилъ въ твердыхъ заключеньяхъ;
И дивясь, какъ все онъ взвѣсилъ
Въ безпристрастномъ приговорѣ,
Восклицали: *bene*, *bene*!
Люди, опытные въ спорѣ.
Каждый чувствовалъ, что смута
Многихъ лѣтъ къ концу приходитъ,
И что докторъ изъ сомнѣній
Ихъ какъ изъ лѣсу выводитъ....
И не чаяли, что тутъ же
Ждетъ еще ихъ испытанье....
И случился грѣхъ великій!
Такъ гласитъ бытописанье:
Былъ при Кесарѣ въ тотъ вечеръ
Пажикъ розовый, кудрявый.
Въ рѣчи доктора немного
Онъ нашелъ себѣ забавы.
Онъ глядѣлъ, какъ мракъ густѣетъ
По готическимъ карнизамъ;
Какъ скользятъ лучи заката

Вкругъ по мантіямъ и ризамъ;
Какъ рисуются на мракѣ,
Краснымъ свѣтомъ облитые,
Усъ задорный, черепъ голый,
Лица добрыя и злыя....
Вдругъ въ открытое окошко
Онъ взглянулъ и оживился;
За пажомъ невольно Кесарь
Поглядѣлъ, развеселился.
За владыкой—рядъ за рядомъ,
Словно нива отъ дыханья
Вѣтерка, оборотилось
Тихо къ саду все собранье:
Грозный сонмъ князей Имперскихъ,
Отъ Сорбонны депутаты,
Трирскій, Литтихскій епископъ,
Кардиналы и прелаты—
Оглянулся даже папа!
И—суровый ликъ дотолѣ,
Мягкой, старческой улыбкой
Озарился по неволѣ.
Самъ ораторъ, докторъ черный,
Началъ путаться, сбиваться,
Вдругъ умолкнулъ и въ окошко
Сталъ глядѣть и—улыбаться.
И куда они глядѣли?
Что могло привлечь ихъ взоры?
Развѣ небо голубое
Или розовыя горы?
Но они таятъ дыханье,
И предавшись сладкимъ грёзамъ,
Точно слѣдуютъ душою
За искуснымъ виртуозомъ.
Дѣло въ томъ, что въ это время
Вдругъ запѣлъ въ кусту сирени
Соловей предъ темнымъ замкомъ,
Вечеръ празднуя весенній.
Онъ запѣлъ—и каждый вспомнилъ
Соловья такого жъ точно
Кто въ Неаполѣ, кто въ Прагѣ,
Кто надъ Рейномъ, въ часъ урочный,
Кто таинственную маску,
Блескъ луны и блескъ залива,
Кто трактировъ Швабскихъ Гебу—
Разливательницу пива.
Словомъ—всѣмъ пришли на память
Золотые сердца годы,
Золотыя грёзы счастья,
Золотые сны свободы.
Исторія не знаетъ,
Сколько длилося молчанье,
И въ какихъ странахъ витали
Души чернаго собранья...
Былъ въ собраньѣ этомъ старецъ;
Изъ пустыни вызванъ папой
И почтенъ за строгость жизни
Кардинальской красной шляпой.—
Вспомнилъ онъ, какъ тамъ, въ пустынѣ,
Миръ природы, птичекъ пѣнье
Укрѣпляли въ сердцѣ силу
Примиренья и прощенья;
И какъ шопотъ раздается
По пустой, огромной залѣ,
Такъ въ душѣ его два слова:
«Жалко Гуса!»—прозвучали.
Машинально, безотчетно
Поднялся онъ и, объятья
Всѣмъ присущимъ открывая,
Со слезами молвилъ: «братья!...»
Но, какъ будто перепуганъ
Звукомъ собственнаго слова,
Костылемъ ударилъ объ полъ
И упалъ на мѣстѣ снова.
«Пробудитесь!» возопилъ онъ,
Блѣдный, ужасомъ объятый:
«Дьяволъ, дьяволъ обошелъ насъ!
Это гласъ его проклятый!
Каюсь вамъ, отцы святые!
Льстивой пѣснью обаянный,
Позабылъ я пребыванье
На молитвѣ неустанной,—
И вошелъ въ меня нечистый!
Къ вамъ простеръ мои объятья,
Изъ меня хотѣлъ воскликнуть:
Гусъ невиненъ!!... Горе, братья!!!
Ужаснулося собранье;
Встало съ мѣстъ своихъ и хоромъ
«Да воскреснетъ Богъ!» запѣло
Духовенство всѣмъ соборомъ.
И, очистивъ духъ отъ бѣса
Покаяньемъ и проклятьемъ,
Всѣ упали на колѣни
Предъ серебрянымъ Распятьемъ:
И, возставъ, Іогана Гуса,—
Церкви Божьей во спасенье,
Въ назиданье Христіанамъ,—
Осудили на сожженье.
Такъ святая ревность къ вѣрѣ
Побѣдила ковы ада.

От соборнаго проклятья
Дьяволъ вылетѣлъ изъ сада,
И надъ озеромъ Констанскимъ,
Въ видѣ огненнаго змѣя,
Пролетѣлъ онъ надъ землею,
Въ лютой злобѣ, искры сѣя...
Это видѣли: три стража,
Двѣ монахини старушки,
И одинъ Констанскій ратманъ,
Возвращавшійся съ пирушки.

XLI. ОГАРЕВЪ.

Старый домъ.

Старый домъ, старый другъ, посѣтилъ я
Наконецъ въ запустѣньи тебя,
И былое опять воскресилъ я,
И печально смотрѣлъ на тебя.
Дворъ лежалъ предо мной неметеный,
Да колодезь валился гнилой,
И въ саду не шумѣлъ листъ зеленый—
Жолтый тлѣлъ онъ на почвѣ сырой.
Домъ стоялъ обвѣтшалый уныло,
Штукатурка обилась кругомъ,
Туча сѣрая сверху ходила
И все плакала, глядя на домъ.
Я вошолъ. Тѣ же комнаты были—
Здѣсь ворчалъ недовольный старикъ,
Мы бесѣды его не любили—
Насъ страшилъ его чорствый языкъ.
Вотъ и комнатка: съ другомъ, бывало,
Здѣсь мы жили умомъ и душой,
Много думъ золотыхъ возникало
Въ этой комнаткѣ прежней порой.
Въ нее звѣздочка тихо свѣтила,
Въ ней остались слова на стѣнахъ;
Ихъ въ то время рука начертила,
Когда юность кипѣла въ душахъ.
Въ этой комнаткѣ счастье былое,
Дружба свѣтлая выросла тамъ...
А теперь запустѣнье глухое,
Паутины висятъ по угламъ.
И мнѣ страшно вдругъ стало. Дрожалъ я.
На кладбищѣ я будто стоялъ.
И родныхъ мертвецовъ вызывалъ я,
Но изъ мертвыхъ никто не возсталъ.

Обыкновенная повѣсть.

Была чудесная весна!
Они на берегу сидѣли—
Рѣка была тиха, ясна,
Вставало солнце, птички пѣли;
Тянулся за рѣкою домъ,
Спокойно пышно зеленѣя;
Вблизи шиповникъ алый цвѣлъ,
Стояла темныхъ липъ аллея.
Была чудесная весна!
Они на берегу сидѣли—
Во цвѣтѣ лѣтъ была она,
Его усы едва чернѣли.
О, еслибъ кто увидѣлъ ихъ
Тогда, при утренней ихъ встрѣчѣ,
И лица бъ высмотрѣлъ у нихъ,
Или подслушалъ бы ихъ рѣчи—
Какъ былъ бы милъ ему языкъ,
Языкъ любви первоначальной!
Онъ вѣрно-бъ самъ, на этотъ мигъ,
Разцвѣлъ на днѣ души печальной!...
Я въ свѣтѣ встрѣтилъ ихъ потомъ:
Она была женой другова,
Онъ былъ женатъ, и о быломъ
Въ поминѣ не было ни слова.
На лицахъ видѣнъ былъ покой,
Ихъ жизнь текла свѣтло и ровно,
Они, встрѣчаясь, межъ собой
Могли смѣяться хладнокровно...
А тамъ, на берегу рѣки,
Гдѣ цвѣлъ тогда шиповникъ алый,
Одни простые рыбаки
Ходили къ лодкѣ обвѣтшалой
И пѣли пѣсни—и темно
Осталось, для людей закрыто,
Что было тамъ говорено,
И сколько было позабыто.

Изба.

Небо въ часъ дозора
Обходя, луна
Свѣтитъ сквозь узора
Мерзлаго окна.
Вечеръ зимній длится,
Дѣдушка въ избѣ
На печи ложится,
И ужъ спитъ себѣ.
Помолясь Богу,

Улеглася мать,
Дѣти по-немногу
Стали засыпать.
Только, за работой,
Молодая дочь
Борется съ дремотой
Во всю долгу ночь,
И лучина блѣдно
Передъ ней горитъ.
Все въ избушкѣ бѣдной
Тишиной томитъ;
Лишь звучитъ докучно
Болтовня одна
Прялки однозвучной
И веретена.

Дорога.

Тускло мѣсяцъ дальній
Свѣтитъ сквозь тумана,
И лежитъ печально
Снѣжная поляна.
Бѣлыя съ морозу,
Вдоль пути, рядами,
Тянутся березы
Съ голыми сучками.
Тройка мчится лихо,
Колокольчикъ звонокъ,
Напѣваетъ тихо
Мой ямщикъ съ просонокъ.
Я въ кибиткѣ валкой
Ѣду да тоскую:
Скучно мнѣ да жалко
Сторону родную.

Когда встрѣчаются со мной....

Когда встрѣчаются со мной
Подъ парчевою пеленой
И съ упряжью печальны дроги,
А мнѣ нельзя свернуть съ дороги,—
Мнѣ мысль о смерти тяжела.
Не то, чтобъ жизнь была мила;
Жить скучно—горе да сомнѣнье,
Бѣда извнѣ, внутри мученье,—
Да вотъ, когда воображу,
Что мертвый я въ гробу лежу,
Что крышкою его накрыли,
И въ крышку гвозди вколотили,
И въ землю гробъ спустили мой,
Да и засыпали землей—
Душѣ обидно такъ и больно
И тѣло дрожь беретъ невольно.

Монологи.

I. И ночь и мракъ! Какъ все томитель-но-пустынно!
Безсонный дождь стучитъ въ мое окно,
Блуждаетъ лучъ свѣчи, мѣняясь съ тѣнью длинной
И на сердцѣ печально и темно.
Былые сны! душѣ разстаться съ вами больно;
Еще ловлю я призраки вдали,
Еще желаніе въ груди кипитъ невольно;
Но жизнь и мысль убили сны мои.
Мысль, мысль! какъ страшно мнѣ теперь твое движенье!
Страшна твоя тяжелая борьба!
Грознѣй небесныхъ бурь несешь ты разрушенье,
Неумолима, какъ сама судьба.
Ты миръ невинности давно во мнѣ сломила,
Меня на вѣкъ въ броженье вовлекла,
За вѣрой вѣру ты въ моей душѣ сгубила,
Вчерашній свѣтъ мнѣ тмою назвала.
Отъ прежнихъ истинъ я отрекся правды ради,
Для свѣтлыхъ сновъ на ключъ я заперъ дверь,
Листъ за листомъ я рвалъ завѣтныя тетради,
И все, и все изорвано теперь.
Я долженъ надъ своимъ безсиліемъ смѣяться
И видѣть вкругъ безсиліе людей,
И трудно въ правдѣ мнѣ внутри себя признаться,
А правду высказать еще труднѣй.
Предъ истиной покой исчезъ,
И гордость личная и сны любви,
И впереди лежитъ пустынная дорога
Да тщетный жаръ еще горитъ въ крови.

II. Чего хочу?.. чего?... О! такъ желаній много,

Такъ къ выходу ихъ силѣ нуженъ путь,
Что кажется порой — ихъ внутренней тревогой
Сожжется мозгъ и разорвется грудь.
Чего хочу? Всего со всею полнотою!
Я жажду знать, я подвиговъ хочу,
Еще хочу любить съ безумною тоскою,
Весь трепетъ жизни чувствовать хочу!
А втайнѣ чувствую, что всѣ желанья тщетны,
И жизнь скупа, и внутренно я хилъ,
Мои стремленія замолкнутъ безотвѣтны,
Въ попыткахъ я запасъ растрачу силъ.
Я самъ себѣ кажусь, подавленный страданьемъ,
Какимъ - то жалкимъ, маленькимъ глупцомъ,
Среди безбрежности затеряннымъ созданьемъ,
Томящимся въ броженіи пустомъ....
Духъ въ юности обнять заразъ не въ нашей долѣ,
А чашу жизни пьемъ мы по глоткамъ,
О томъ, что выпито, мы все жалѣемъ болѣ;
Пустое дно все больше видно намъ;
И съ каждымъ днемъ душѣ тяжелѣ устарѣлость,
Больнѣе помнить и страшнѣй желать,
И кажется, что жить — отчаянная смѣлость;
Но биться пульсъ не может перестать.
И дальше я живу въ стремленьи безотрадномъ,
И жизни крестъ беру я на себя,
И весь душевный жаръ несу въ движеньи жадномъ,
За мигомъ мигъ хватая и губя.
И все хочу!... чего?.. О! такъ желаній много,
Такъ къ выходу ихъ силѣ нуженъ путь,
Что кажется порой — ихъ внутренней тревогой
Сожжется мозгъ и разорвется грудь.

III. Какъ школьникъ на скамьѣ, опять сижу я въ школѣ
И съ жадностью внимаю и молчу;
Пусть длиненъ знанья путь, но духъ мой крѣпокъ волей,
Не страшенъ трудъ—я вѣрю и хочу.
Вокругъ все юноши: учительское слово,
Какъ я, они всѣ слушаютъ въ тиши;
Для нихъ все истина, имъ все еще такъ ново;
Въ нихъ судитъ пылъ неопытной души.
Но я уже сюда явился съ мыслью зрѣлой,
Сомнѣніемъ испытанный боецъ,
Но не убитый имъ... Я съ призраками смѣло
И искренно расчелся наконецъ;
Я отстоялъ себя отъ внутренней тревоги,
Съ терпѣніемъ пустился въ новый путь
И не собьюсь теперь съ расчитанной дороги—
Свободна мысль и силой дышетъ грудь.
Что, Мефистофель мой, завистникъ закоснѣлый?
Отнынѣ власть твою разрушилъ я,
Болѣзненную власть насмѣшки устарѣлой;
Я скорбью многой выкупилъ себя.
Теперь товарищъ мнѣ иной духъ отрицанья,
Не тотъ насмѣшникъ черствый и больной,
Но тотъ всесильный духъ движенья и созданья,
Тотъ вѣчно юный, новый и живой.
Въ борьбѣ безстрашенъ онъ, ему губить—отрада,
Изъ праха онъ все строитъ вновь и вновь
И ненависть его къ тому, что рушить надо,
Душѣ свята, такъ какъ свята любовь.
(Печатано съ изд. Солдат. и Щепкина).

XLII ДОСТОЕВСКІЙ.

Бѣдные Люди. Романъ.

У одной старухи, промышляющей квартирами, живетъ бѣдный, забитый чиновникъ Макаръ Алек-

сѣевичъ Дѣвушкинъ. Его занятія состоятъ только въ переписываніи бумагъ. По сосѣдству съ нимъ живетъ дальняя его родственница Варенька Доброселова. Изъ послѣдующаго содержанія романа видно, что отецъ Вареньки былъ сначала управляющимъ въ помѣстьѣ одного князя, потомъ, лишившись мѣста, переселился въ Петербургъ, но здѣсь ему не посчастливилось. По смерти отца, Варенька съ матерью переселилась въ домъ дальней родственницы, Анны Ѳедоровны. У ней была племянница Саша, для которой Анна Ѳедоровна держала учителя, бѣднаго студента Покровскаго; у него всей родни былъ только отецъ, такой же забитый человѣкъ, какъ и Дѣвушкинъ, ктому же еще не всегда трезвый, а потому еще болѣе смиренный. Молодой Покровскій училъ Сашу, отчасти и Вареньку, потомъ давалъ ей читать книги, которыя много содѣйствовали ея развитію. Счастье Вареньки было непродолжительно: сначала умерла ея мать, а потомъ и Покровскій. Видя красоту и беззащитное положеніе сироты, Анна Ѳедоровна хотѣла этимъ воспользоваться для своихъ корыстныхъ цѣлей. Спасителемъ Вареньки явился Дѣвушкинъ. Предъявивши Аннѣ Ѳедоровнѣ какія-то родственныя права, онъ вывелъ сироту изъ этаго опаснаго дома, поселилъ ее на отдѣльной квартирѣ, близь собственнаго жилища. Между Дѣвушкинымъ и Варинькой самая нѣжная дружба. Они рѣдко видятся, большею частью въ церкви, но за то переписываются почти каждый день, доставляя письма чрезъ кухарокъ. Они другъ объ другѣ заботятся. Дѣвушкинъ посылаетъ Варенькѣ цвѣты, книги, конфекты; она заботится объ его здоровьѣ и даже, для сбереженія его, дѣлаетъ расходы изъ денегъ, получаемыхъ за работу. Она работаетъ постоянно, очень часто по почамъ.

Первый отрывокъ: (Макаръ Алексѣевичъ описываетъ Варенькѣ свою квартиру).

Постойте, я васъ потѣшу, маточка; опишу все въ будущемъ письмѣ сатирически, т. е. какъ они тамъ сами по себѣ, со всею подробностію. Хозяйка наша,—очень маленькая и нечистая старушенка, цѣлый день въ туфляхъ да въ шлафрокѣ ходитъ, и цѣлый день все кричитъ на Терезу. Я живу въ кухнѣ, или гораздо правильнѣе будетъ сказать вотъ какъ: тутъ подлѣ кухни есть одна комната (а у насъ, нужно вамъ замѣтить, кухня чистая, свѣтлая, очень хорошая), комнатка небольшая, уголокъ такой скромный... т. е. или еще лучше сказать, кухня большая въ три окна, такъ у меня вдоль поперечной стѣны перегородка, такъ что и выходитъ какъ бы еще комната, нумеръ сверхштатный; все просторное, удобное, и окно есть, и все,—однимъ словомъ, совершенно удобное. Ну, вотъ это мой уголочекъ. Ну, такъ вы и не думайте, маточка, чтобы тутъ что-нибудь такое иное и таинственный смыслъ какой былъ; что вотъ дескать кухня!—т. е. я, пожалуй, и въ самой этой комнатѣ за перегородкой живу, но это ничего; я себѣ ото всѣхъ особнякомъ, помаленьку живу, въ тихомолочку живу. Поставилъ я у себя кровать, столъ, комодъ, стульевъ парочку, образъ повѣсилъ. Правда, есть квартиры и лучше, можетъ-быть, есть и гораздо лучшія, да удобство-то главное; вѣдь это я все для удобства, и вы не думайте, что для другаго чего нибудь. Ваше окошко напротивъ, черезъ дворъ; и дворъ-то узенькій. васъ мимоходомъ увидишь—все веселѣе мнѣ горемычному, да и дешевле. У насъ здѣсь самая послѣдняя комната, со столомъ, 35 руб. ассигн. стоитъ. Не по карману! А моя квартира стоитъ мнѣ семь руб. ассигн. да столъ пять цѣлковыхъ: вотъ 24 съ полтиною, а прежде ровно 30 платилъ, за то во многомъ себѣ отказывалъ; чай пивалъ не всегда, а теперь вотъ и на чай и на сахаръ выгадалъ. Оно, знаете ли, родная моя, чаю не пить какъ-то стыдно; здѣсь все народъ достаточный, такъ и стыдно. Ради чужихъ и пьешь его, Варенька, для вида, для тона; а по мнѣ все равно, я не прихотливъ. Положите такъ, для карманныхъ денегъ—все сколько нибудь требуется—ну сапожишки какіе нибудь, платьишко—много ль останется? Вотъ и все мое жалованье. Я-то не ропщу и доволенъ. Оно достаточно. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ достаточно; награжденія тоже бываютъ.—Ну, прощайте, мой ангельчикъ. Я вамъ тамъ купилъ парочку горшковъ съ бальзаминчикомъ, и гераньку—не дорого. А вы, можетъ-быть, и резеду любите? Такъ и резеда есть, вы напишите; да знаете ли, все какъ можно подробнѣе напишите. Вы, впрочемъ, не думайте чего нибудь и не сомнѣвайтесь, маточка,

обо мнѣ, что я такую комнату нанялъ. Нѣтъ, это удобство заставило и одно удобство соблазнило меня. Я вѣдь, маточка, деньги коплю, откладываю; у меня денежка водится. Вы не смотрите на то, что я такой тихонькой, что, кажется, муха меня крыломъ перешибетъ. Нѣтъ, маточка, я про себя не промахъ, и характера совершенно такого, какъ прилично твердой и безмятежной души человѣку.

Второй отрывокъ. (Онъ же описываетъ остальныхъ жильцовъ квартиры).

Съ самаго ранняго утра, Варенька, у насъ возня начинается, встаютъ, ходятъ, стучатъ, — это поднимаются всѣ кому надо, кто по службѣ или такъ, самъ по себѣ; всѣ пить чай начинаютъ. Самовары у насъ хозяйскіе, большею частью, мало ихъ, ну такъ мы всѣ очередь держимъ; а кто попадетъ не въ очередь съ своимъ чайникомъ, такъ сейчасъ тому голову вымоютъ. Вотъ я было-попалъ въ первый разъ, да.... впрочемъ, что же писать? Тутъ-то я со всѣми и познакомился. Съ мичманомъ съ первымъ познакомился; откровенный такой, все мнѣ разсказалъ: про батюшку, про матушку, про сестрицу, что за тульскимъ засѣдателемъ, и про городъ Кронштадтъ. Обѣщалъ мнѣ во всемъ покровительствовать, и тутъ же меня къ себѣ на чай пригласилъ. Отъискалъ я его въ той самой комнатѣ, гдѣ у насъ обыкновенно въ карты играютъ. Тамъ мнѣ дали чаю и непремѣнно хотѣли, чтобъ я въ азартную игру съ ними игралъ. Смѣялись ли они, нѣтъ ли, надо мною, не знаю; только сами они всю ночь напролетъ проиграли, и когда я вошелъ, такъ тоже играли. Мѣлъ, карты, дымъ такой ходилъ по всей комнатѣ, что глаза ѣло. Играть я не сталъ, и мнѣ сейчасъ замѣтили, что я про философію говорю. Потомъ ужъ никто со мною и не говорилъ все время; да я, по правдѣ, и радъ былъ тому. Не пойду къ нимъ теперь; азартъ у нихъ, чистый азартъ! Вотъ у чиновника по литературной части бываютъ также собранія по вечерамъ. Ну, у того хорошо, скромно, невинно и деликатно; все на тонкой ногѣ.

Ну, Варенька, замѣчу вамъ еще мимоходомъ, что прегадкая женщина наша хозяйка, къ тому же сущая вѣдьма. Вы видѣли Терезу. Ну, что она такое на самомъ-то дѣлѣ? Худая какъ общипанный, чахлый цыпленокъ. Въ домѣ и людей-то всего двое: Тереза да Фальдони, хозяйской слуга. Я не знаю, можетъ быть, у него есть и другое какое имя, только онъ и на это откликается; всѣ его такъ зовутъ. Онъ рыжій, чухна какая-то, кривой, курносый, грубіянъ, все съ Терезой бранится, чуть не дерутся. Вообще сказать, жить мнѣ здѣсь не такъ, чтобы совсѣмъ было хорошо... Чтобъ этакъ всѣмъ разомъ ночью заснуть и успокоиться—этого никогда не бываетъ. Ужъ вѣчно гдѣ-нибудь сидятъ, да играютъ, а иногда и такое дѣлается, что задорно разсказывать. Теперь ужъ я все-таки пообвыкъ, а вотъ удивляюсь, какъ въ такомъ содомѣ семейные люди уживаются. Цѣлая семья бѣдняковъ какихъ-то у нашей хозяйки комнату нанимаетъ, только не рядомъ съ другими нумерами, а по другую сторону, въ углу, отдѣльно. Люди смирные! Объ нихъ никто ничего и не слышитъ. Живутъ они въ одной комнаткѣ, огородясь въ ней перегородкою. Онъ какой-то чиновникъ безъ мѣста, изъ службы лѣтъ семь тому исключенный за что-то. Фамилья его Горшковъ; такой сѣденькой, маленькой; ходитъ въ такомъ засаленномъ, въ такомъ истертомъ платьѣ, что больно смотрѣть; куда хуже моего! Жалкой, хилой такой (встрѣчаемся мы съ нимъ иногда въ коррндорѣ); колѣнки у него дрожатъ, руки дрожатъ, голова дрожитъ, ужъ отъ болѣзни что-ли какой, Богъ его знаетъ; робкій, боится всѣхъ, ходитъ стороночкой; ужъ я застѣнчивъ подъ-часъ, а этотъ еще хуже. Семейства у него—жена и трое дѣтей. Старшій, мальчикъ, весь въ отца, тоже такой чахлой. Жена была когда-то собою весьма недурна, и теперь замѣтно; ходитъ, бѣдная, въ такомъ жалкомъ отребьи. Они,

я слышалъ, задолжали хозяйкѣ; она съ ними что-то не слишкомъ ласкова. Слышалъ тоже, что у самого-то Горшкова непріятности есть какія-то, по которымъ онъ и мѣста лишился... процессъ не процессъ, подъ судомъ не подъ судомъ, подъ слѣдствіемъ какимъ-то что-ли— ужъ истинно не могу вамъ сказать. Бѣдны-то они бѣдны — Господи, Богъ мой! Всегда у нихъ въ комнатѣ тихо и смирно, словно и не живетъ никто. Даже дѣтей не слышно. И не бываетъ этого, чтобы когда-нибудь порѣзвились, поиграли дѣти, а ужъ это худой знакъ. Какъ-то мнѣ разъ, вечеромъ, случилось мимо ихъ дверей пройти; на ту пору въ домѣ стало что-то не по обычному тихо; слышу всхлипываніе, потомъ шопотъ, потомъ опять всхлипываніе, точно какъ-будто плачутъ, да такъ тихо, такъ жалко, что у меня все сердце надорвалось, а потомъ всю ночь мысль объ этихъ бѣднякахъ меня не покидала, такъ что и заснуть не удалось хорошенько.

Третій отрывокъ (Варенька описываетъ свое пребываніе въ пансіонѣ, куда ее отдалъ отецъ по пріѣздѣ въ Петербургъ).

Три мѣсяца спустя по пріѣздѣ нашемъ въ Петербургъ, меня отдали въ пансіонъ. Вотъ грустно-то было мнѣ сначала въ чужихъ людяхъ! Все такъ сухо, непривѣтливо было; гувернантки такія крикуньи, дѣвицы такія насмѣшницы, а я такая дикарка. Строго, взыскательно! Часы на все положенные, общій столъ, скучные учителя—все это меня сначала истерзало, измучило. Я тамъ и спать не могла. Плачу, бывало, цѣлую ночь, длинную, скучную, холодную ночь. Бывало, по вечерамъ всѣ повторяютъ или учатъ уроки; я сижу себѣ за разговорами или вокабулами, шевельнуться не смѣю, а сама все думаю про домашній нашъ уголъ, про батюшку, про матушку, про мою старушку-няню, про нянины сказки.... ахъ, какъ сгрустнется! Объ самой пустой вещицѣ въ домѣ, и о той съ удовольствіемъ вспоминаешь. Думаешь-думаешь, вотъ какъ-бы хорошо теперь было дома! Сидѣла бы я въ маленькой комнаткѣ нашей, у самовара, вмѣстѣ съ нашими; было бы такъ тепло, хорошо, знакомо. Какъ-бы, думаешь, обняла теперь матушку, крѣпко-крѣпко, горячо-горячо!—Думаешь-думаешь, да и заплачешь тихонько съ тоски, да въ груди слезы, и нейдутъ на умъ вокабулы. Къ завтрому урока не выучишь; всю ночь снятся учитель, мадамъ, дѣвицы; всю ночь во снѣ уроки твердишь, а на другой день ничего не знаешь. Поставятъ на колѣни, дадутъ одно кушанье. Я была такая невеселая, скучная. Сначала всѣ дѣвицы надо мной смѣялись, дразнили меня, сбивали, когда я говорила уроки, щипали, когда мы въ рядахъ шли къ обѣду или къ чаю, жаловались на меня ни за что ни про что гувернанткѣ. За то какой рай, когда няня прійдетъ, бывало, за мной въ субботу вечеромъ. Такъ и обниму, бывало, мою старушку въ изступленіи радости. Она меня одѣнетъ, укутаетъ, дорогою не поспѣваетъ за мной, а я ей все болтаю, болтаю, разсказываю. Домой приду веселая, радостная, крѣпко обниму нашихъ, какъ будто послѣ десятилѣтней разлуки! Начнутся толки, разговоры, розсказни; со всѣми здороваешься, смѣешься, хохочешь, бѣгаешь, прыгаешь. Съ батюшкой начнутся разговоры серьёзные, о наукахъ, о нашихъ учителяхъ, о французскомъ языкѣ, о грамматикѣ Ломонда —и всѣ мы такъ веселы, такъ довольны. Мнѣ и теперь весело вспоминать объ этихъ минутахъ. Я всѣми силами старалась учиться и угождать батюшкѣ. Я видѣла, что онъ послѣднее на меня отдавалъ, а самъ бился Богъ знаетъ какъ. Съ каждымъ днемъ онъ становился все мрачнѣе, недовольнѣе, сердитѣе: характеръ его совсѣмъ испортился: дѣла не удавались, долговъ была пропасть. Матушка, бывало, и плакать боялась, слово сказать боялась, чтобы не разсердить батюшку; сдѣлалась больная такая; все худѣла, худѣла и стала дурно

кашлять. Я, бывало, приду изъ пансіона—все такія грустныя лица; матушка потихоньку плачетъ, батюшка сердится. Начнутся упреки, укоры. Батюшка начнетъ говорить, что я ему не доставляю никакихъ радостей, никакихъ утѣшеній; что они изъ-за меня послѣдняго лишаются, а я до-сихъ-поръ не говорю по французски; однимъ словомъ, всѣ неудачи, всѣ несчастія, все, все вымѣщалось на мнѣ и на матушкѣ. А какъ можно было мучить матушку? Глядя на нее, сердце разрывалось, бывало; щеки ея ввалились, глаза впали, въ лицѣ былъ такой чахоточный цвѣтъ. Мнѣ доставалось больше всѣхъ. Начиналось всегда изъ пустяковъ, а потомъ ужь Богъ знаетъ до чего доходило; часто я даже не понимала, о чемъ идетъ дѣло. Чего не говорилось, чего не причиталось!.... И французскій языкъ, и что я большая дура, и что содержательница нашего пансіона нерадивая, глупая женщина; что она объ нашей нравственности не заботится; что батюшка службы себѣ до сихъ поръ не можетъ найдти, и что грамматика Ломонда скверная грамматика, а Запольскаго гораздо лучше; что на меня денегъ много бросили по пустому; что я видно безчувственная, каменная — однимъ словомъ я, бѣдная, изъ всѣхъ силъ билась, твердя разговоры и вокабулы, а во всемъ была виновата, за все отвѣчала! И это совсѣмъ не оттого, чтобы батюшка не любилъ меня; во мнѣ и матушкѣ онъ души не слышалъ. Но ужь это такъ характеръ былъ такой.

Четвертый отрывокъ. (Описаніе отца студента Покровскаго).

У насъ въ домѣ являлся иногда старичокъ, запачканный, дурно одѣтый, маленькой, сѣденькой, мѣшковатый, неловкій, однимъ словомъ странный до нельзя. Съ перваго взгляда на него можно было подумать, что онъ какъ будто чего-то стыдится, какъ будто ему себя самого совѣстно. Отъ того онъ все какъ-то ежился, какъ-то кривлялся; такія ухватки, ужимки были у него, что можно было почти не ошибаясь заключить, что онъ не въ своемъ умѣ. Прійдетъ, бывало, къ намъ да и станетъ въ сѣняхъ у стеклянныхъ дверей, и въ домъ войти не смѣетъ. Кто изъ насъ мимо пройдетъ, я или Саша, или изъ слугъ, кого онъ зналъ подобрѣе къ нему, то онъ сейчасъ машетъ, манитъ къ себѣ, дѣлаетъ разные знаки, и развѣ только, когда кивнешь ему головою и позовешь его—условный знакъ что въ домѣ нѣтъ никого посторонняго и что ему можно войти, когда ему угодно, только тогда старикъ тихонько отворялъ дверь, радостно улыбался, потиралъ руки отъ удовольствія и на цыпочкахъ прямо отправлялся въ комнату Покровскаго. Это былъ его отецъ.

Пятый отрывокъ. (Дѣвушкинъ разсказываетъ о большой непріятности по службѣ).

Матушка Варвара Алексѣевна!

Пишу вамъ внѣ себя. Я весь взволнованъ страшнымъ происшествіемъ. Голова моя вертится кругомъ. Я чувствую, что все вокругъ меня вертится. Ахъ, родная моя, что я разскажу вамъ теперь! Вотъ, мы и не предчувствовали этого. Нѣтъ, я не вѣрю, чтобы я не предчувствовалъ; я все это предчувствовалъ. Все это заранѣе слышалось моему сердцу! Я даже намедни во снѣ что-то видѣлъ подобное.

Вотъ что случилось!—Разскажу вамъ безъ слога, а такъ, какъ мнѣ на душу Господь положитъ. Пошелъ я сегодня въ должность. Пришелъ, сижу, пишу. А нужно вамъ знать, маточка, что я и вчера писалъ тоже. Ну, такъ вотъ, вчера подходитъ ко мнѣ Тимоѳей Ивановичъ, и лично изволитъ наказывать, что—вотъ дескать, бумага нужная, спѣшная. Перепишите, говоритъ, Макаръ Алексѣевичъ, почище, поспѣшно и тщательно; сегодня къ подписанію идетъ. — Замѣтить вамъ нужно, ангельчикъ, что вчерашняго дня я былъ самъ не свой, ни на что и глядѣть не хотѣлось; грусть, тоска такая напала! На сердцѣ холодно, на душѣ темно; въ памяти все вы были, моя бѣдная ясочка. Ну, вотъ, я и

принялся переписывать; переписалъ чисто, хорошо, только ужъ не знаю, какъ вамъ точнѣе сказать, самъ ли нечистый меня попуталъ, или тайными судьбами какими опредѣлено было, или просто такъ должно было сдѣлаться: — только пропустилъ я цѣлую строчку; смыслъ-то и вышелъ, Господь его знаетъ, какой, просто никакого не вышло. Съ бумагой-то вчера опоздали и подали ее на подписаніе его превосходительству только сегодня. Я, какъ ни въ чемъ не бывало, являюсь сегодня въ обычный часъ и располагаюсь рядкомъ съ Емельяномъ Ивановичемъ. Нужно вамъ замѣтить, родная, что я съ недавняго времени сталъ вдвое болѣе прежняго совѣститься и въ стыдъ приходить. Я въ послѣднее время и не глядѣлъ ни на кого. Чуть стулъ заскрипитъ у кого-нибудь, такъ ужъ я ни живъ, ни мертвъ. Вотъ точно такъ и сегодня, приникъ, присмирѣлъ, ежомъ сижу, такъ что Ефимъ Акимовичъ (такой задирала, какого и на свѣтѣ до него не было), сказалъ во всеуслышаніе: что̀, дескать, вы, Макаръ Алексѣевичъ, сидите сегодня такимъ у-у-у? да тутъ такую гримасу скорчилъ, что всѣ, кто около него и меня ни были, такъ и покатились со смѣху, и ужъ, разумѣется, на мой счетъ. И пошли, и пошли! Я и уши прижалъ и глаза зажмурилъ, сижу себѣ, не пошевелюсь. Таковъ ужъ обычай мой; они этакъ скорѣй отстаютъ. Вдругъ слышу шумъ, бѣготня, суетня; слышу — не обманываются ли уши мои? зовутъ меня, требуютъ меня, зовутъ Дѣвушкина. Задрожало у меня сердце въ груди, и уже самъ не знаю, чего я испугался: только знаю то, что я такъ испугался, какъ никогда еще въ жизни со мной не было. Я приросъ къ стулу,—и какъ ни въ чемъ не бывало, точно и не я. Но вотъ, опять начали; ближе и ближе. Вотъ ужъ надъ самымъ ухомъ моимъ: дескать, Дѣвушкина! Дѣвушкина! гдѣ Дѣвушкинъ? Подымаю глаза: передо мною Евстаѳій Ивановичъ; говоритъ: Макаръ Алексѣевичъ! къ его превосходительству, скорѣе! Бѣды вы съ бумагой надѣлали! Только это одно и сказалъ, да довольно, не правда ли, маточка, довольно сказано было? Я помертвѣлъ, оледенѣлъ, чувствъ лишился, иду—ну, да ужъ просто, ни живъ ни мертвъ отправился. Ведутъ меня черезъ одну комнату, черезъ другую комнату, черезъ третью комнату, въ кабинетъ — предсталъ! Положительнаго отчета, объ чемъ я тогда думалъ, я вамъ дать не могу. Вижу стоятъ его превосходительство, вокругъ него всѣ они. Я, кажется, не поклонился; позабылъ. Оторопѣлъ такъ, что и губы трясутся и ноги трясутся. Да и было отчего, маточка. Во-первыхъ, совѣстно; я взглянулъ на право въ зеркало, такъ просто было отъ-чего съ ума сойдти отъ того, что я тамъ увидѣлъ. А во-вторыхъ, я всегда дѣлалъ такъ, какъ будто бы меня и на свѣтѣ не было. Такъ что едва ли его превосходительство были извѣстны о существованіи моемъ. Можетъ быть, слышали, такъ, мелькомъ, что есть у нихъ въ вѣдомствѣ Дѣвушкинъ, но въ кратчайшія сего сношенія (sic!) никогда не входили.

Начали гнѣвно: какъ же это вы, сударь? Чего вы смотрите? нужная бумага, нужно къ спѣху, а вы ее портите. И какъ же вы это,—тутъ его превосходительство обратились къ Евстаѳію Ивановичу. Я только слышу, какъ до меня звуки словъ долетаютъ:—нерадѣніе! неосмотрительность! Вводите въ непріятности!—Я раскрылъ-было ротъ для чего-то. Хотѣлъ-было прощенія просить, да не могъ, убѣжать—покуситься не смѣлъ, и тутъ.... тутъ, маточка, такое случилось, что я и теперь едва перо держу отъ стыда.—Моя пуговка—ну ее къ бѣсу—пуговка, что висѣла у меня на ниточкѣ—вдругъ сорвалась, отскочила, запрыгала (я видно задѣлъ ее нечаянно), зазвенѣла, покатилась и прямо, такъ-таки прямо проклятая къ стопамъ его превосходительства, и это посреди всеобщаго молчанія! Вотъ и все было мое оправданіе, все извиненіе, весь отвѣтъ, все, что я собирался ска-

зать его превосходительству! Послѣдствія были ужасны! Его превосходительство тотчасъ обратили вниманіе на фигуру мою и на мой костюмъ. Я вспомнилъ, что̀ я видѣлъ въ зеркалѣ; я бросился ловить пуговку! Нашла на меня дурь! Нагнулся, хочу взять пуговку, катается, вертится, не могу поймать, словомъ, и въ отношеніи ловкости отличился. Тутъ ужъ я чувствую, что и послѣднія силы меня оставляютъ, что ужъ все, все потеряно! Вся репутація потеряна, весь человѣкъ пропалъ! А тутъ въ обоихъ ушахъ ни съ того, ни съ сего и Тереза и Фальдони, и пошло перезванивать. Наконецъ поймалъ пуговку, приподнялся, вытянулся, да ужъ коли дуракъ, такъ стоялъ бы себѣ смирно, руки по швамъ! Такъ нѣтъ же: началъ пуговку къ оторваннымъ ниткамъ прилаживать, точно отъ-того она и пристанетъ, да еще улыбаюсь, да еще улыбаюсь. Его превосходительство отвернулись сначала, потомъ опять на меня взглянули—слышу, говорятъ Евстафію Ивановичу: какъ же?... посмотрите, въ какомъ онъ видѣ!.... какъ онъ!.... что онъ!—Ахъ, родная моя, что ужъ тутъ—какъ онъ? Да что онъ? отличился, въ полномъ смыслѣ слова отличился! Слышу, Евстафій Ивановичъ говоритъ: не замѣченъ, ни въ чемъ не замѣченъ, поведенія примѣрнаго, жалованья достаточно, по окладу.... Ну облегчить его какъ-нибудь, говоритъ его превосходительство. Выдать ему впередъ....—Да забралъ, говорятъ, вотъ за столько-то времени впередъ забралъ. Обстоятельства вѣрно такія, а поведенія хорошаго и не замѣченъ.—Я, ангельчикъ мой, горѣлъ, я въ адскомъ огнѣ горѣлъ! Я умиралъ! — Ну, говорятъ его превосходительство громко, переписать же вновь поскорѣе; Дѣвушкинъ, подойдите сюда, перепишите опять вновь безъ ошибки; да послушайте: тутъ его превосходительство обернулись къ прочимъ, роздали приказанія разныя и всѣ разошлись. Только что разошлись они, его превосходительство посиѣшно вынимаютъ книжникъ и изъ него сторублевую; вотъ, говорятъ они—чѣмъ могу, считайте какъ хотите, возьмите.... да и всунулъ мнѣ въ руку. Я, ангелъ мой, вздрогнулъ, вся душа моя потряслась; не знаю, что было со мною; я было схватить ихъ ручку хотѣлъ. А онъ-то весь покраснѣлъ, мой голубчикъ, да—вотъ ужъ тутъ ни на волосокъ отъ правды не отступаю, родная моя: взялъ мою руку недостойную, да и потрясъ ее, такъ-таки взялъ да и потрясъ, словно ровнѣ своей, словно такому же какъ самъ, генералу. Ступайте, говоритъ; чѣмъ могу.... Ошибокъ не дѣлайте, а теперь грѣхъ пополамъ.

Шестой отрывокъ. Приключеніе съ Горшковымъ.

Маточка, Варвара Алексѣевна!

Сего числа случилось у насъ въ квартирѣ до-нельзя горестное, ни чѣмъ не объяснимое и неожиданное событіе. Нашъ бѣдный Горшковъ (замѣтить вамъ нужно, маточка), совершенно оправдался. Рѣшеніе-то ужъ давно какъ вышло, а сегодня онъ ходилъ слушать окончательную резолюцію. Дѣло для него весьма счастливо окончилось. Какая тамъ была вина на немъ за нерадѣніе и неосмотрительность—на все вышло полное отпущеніе. Присудили выправить въ его пользу съ купца знатную сумму денегъ, такъ что онъ и обстоятельствами-то сильно поправился, да и честь-то его отъ пятна избавилась, и все стало лучше,—однимъ словомъ, вышло самое полное исполненіе желанія. Пришелъ онъ сегодня въ три часа домой. На немъ лица не было, блѣдный какъ полотно, губы у него трясутся, а самъ улыбается—обнялъ жену, дѣтей. Мы всѣ гурьбою ходили къ нему поздравлять его. Онъ былъ весьма растроганъ нашимъ поступкомъ, кланялся на всѣ стороны, жалъ у каждаго изъ насъ руку, по нѣскольку разъ. Мнѣ даже показалось, что онъ и выросъ-то, и выпрямился-то, и что у него слезинки-то нѣтъ уже въ глазахъ. Въ волненіи былъ такомъ, бѣдный! Двухъ минутъ на мѣстѣ не

могъ простоять; бралъ въ руки все, что ему ни попадалось, потомъ опять бросалъ, безпрестанно улыбался и кланялся, садился, вставалъ, опять садился, говорилъ Богъ-знаетъ что такое—говоритъ: «честь моя, честь, доброе имя, дѣти мои»—и какъ говорилъ то! Даже заплакалъ. Мы тоже большею частію прослезились. Ратазяевъ видно хотѣлъ его ободрить и сказалъ—«что, батюшка, честь, когда нечего ѣсть; деньги, батюшка, деньги главное; вотъ за что Бога благодарите!»—и тутъ же его по плечу потрепалъ. Мнѣ показалось, что Горшковъ обидѣлся, т. е. не то, чтобы прямо неудовольствіе выказалъ, а только посмотрѣлъ какъ-то странно на Ратазяева, да и руку его съ плеча снялъ. А прежде бы этого не было, маточка! Впрочемъ, различные бываютъ характеры.—Вотъ я, напримѣръ, на такихъ радостяхъ гордецомъ бы не выказался; вѣдь чего, родная моя, иногда и поклонъ лишній и униженіе изъявляешь, не отъ чего инаго, какъ отъ припадка доброты душевной и отъ излишней мягкости сердца.... но впрочемъ не во мнѣ тутъ и дѣло!—Да, говоритъ, и деньги хорошо; слава Богу, слава Богу!... и потомъ все время, какъ мы у него были, твердилъ: слава Богу, слава Богу!... Жена его заказала обѣдъ поделикатнѣе, пообильнѣе. Хозяйка наша сама для нихъ стряпала. Хозяйка наша отчасти добрая женщина. А до обѣда, Горшковъ на мѣстѣ не могъ усидѣть. Заходилъ ко всѣмъ въ комнаты—звали-ль, не звали его. Такъ себѣ войдетъ, улыбнется, присядетъ на стулъ; скажетъ что-нибудь, а иногда и ничего не скажетъ и уйдетъ. У мичмана даже карты въ руки взялъ; его и усадили играть за четвертаго. Онъ поигралъ-поигралъ, напуталъ въ игрѣ какого-то вздора, сдѣлалъ три-четыре хода, и бросилъ играть. Нѣтъ, говоритъ, вѣдь я такъ, я, говоритъ, это только такъ—и ушелъ отъ нихъ. Меня встрѣтилъ въ корридорѣ, взялъ меня за обѣ руки, посмотрѣлъ мнѣ прямо въ глаза, только такъ чудно; пожалъ мнѣ руку и отошелъ и все улыбаясь, но какъ-то тяжело, странно улыбаясь, словно мертвый. Жена его плакала отъ радости; весело такъ все у нихъ, по праздничному. Пообѣдали они скоро. Вотъ послѣ обѣда онъ и говоритъ женѣ:—«Послушайте, душенька, вотъ я немного прилягу»—да и пошелъ на постель. Подозвалъ къ себѣ дочку, положилъ ей на головку руку, и долго-долго гладилъ по головѣ ребенка. Потомъ опять оборотился къ женѣ: а что жъ Петинька? Петя нашъ, говоритъ, Петинька?... Жена перекрестилась да и отвѣчаетъ, что вѣдь онъ же умеръ,—Да, да, знаю, все знаю, Петинька теперь въ царствѣ небесномъ.—Жена видитъ, что онъ самъ не свой, что происшествіе-то его потрясло совершенно и говоритъ ему: вы бы, душенька, заснули.—Да, хорошо, я сейчасъ... я немножко,—тутъ онъ отвернулся, полежалъ немного, потомъ оборотился, хотѣлъ сказать что-то. Жена не разслышала; спросила его — что мой другъ? А онъ не отвѣчаетъ. Она подождала немножко—ну, думаетъ, уснулъ, и вышла на часокъ къ хозяйкѣ. Черезъ часъ времени воротилась—видитъ, мужъ еще не проснулся и лежитъ себѣ не шелохнется. Она думала, что спитъ, сѣла и стала работать что-то. Она разсказываетъ, что она работала съ полчаса и такъ погрузилась въ размышленіе, что даже не помнитъ о чемъ она думала, говоритъ только, что она позабыла объ мужѣ. Только вдругъ она очнулась отъ какого-то тревожнаго ощущенія, и гробовая тишина въ комнатѣ поразила ее прежде всего. Она посмотрѣла на кровать и видитъ, что мужъ лежитъ все въ одномъ положеніи. Она подошла къ нему, сдернула одѣяло, смотритъ—а ужъ онъ холодёхонекъ—умеръ, маточка, умеръ Горшковъ, внезапно умеръ, словно его громомъ убило. А отъ-чего умеръ, Богъ его знаетъ. Меня это такъ сразило, Варинька, что я досихъ-поръ опомниться не могу. Не вѣрится что-то, чтобы такъ просто могъ умереть человѣкъ.: Этакой бѣдняга,

горемыка этотъ Горшковъ! Ахъ, судьба-то судьба какая. Жена въ слезахъ, такая испуганная. Дѣвочка куда-то въ уголъ забилась. У нихъ тамъ суматоха такая идетъ; слѣдствіе медицинское будутъ дѣлать.... ужъ не могу вамъ навѣрно сказать. Только жалко, охъ какъ жалко! Грустно подумать, что этакъ въ - самомъ-дѣлѣ ни дня, ни часа не вѣдаешь... Погибаешь этакъ ни за что...

Вашъ

Макаръ Дѣвушкинъ.

(Печатано съ перваго изданія.)

XLIII. ГРИГОРОВИЧЪ.

Антонъ-Горемыка. Повѣсть.

Въ самой глухой, отдаленной чащѣ «Троскинскаго» осинника работалъ мужикъ; онъ держалъ обѣими руками топоръ и рубилъ съ плеча высокіе кусты хвороста, глушившіе въ этомъ мѣстѣ лѣсъ непроходимою засѣкой. Наступала пора зимняя, холодная; мужикъ припасалъ топливо. Шагахъ въ пяти отъ него стояла высокая телѣга, припряженная къ сытенькой пѣгой кляченкѣ; поодаль, вправо, сквозь обнаженные сучья деревъ, виднѣлся полунагой мальчишка, карабкавшійся на вершину старой осины, увѣнчанную галочьими гнѣздами. Судя по опавшему лицу мужика, сгорбившейся спинѣ и потухшимъ глазамъ, смѣло можно было дать ему 50 или даже 55 лѣтъ отъ роду; онъ былъ высокъ ростомъ, бѣденъ грудью, сухощавъ, съ рѣдкою блѣдно-желтою бородою, въ которой нерѣдко проглядывала сѣдина, и такими же волосами. Одежда на немъ соотвѣтствовала какъ нельзя болѣе его наружности: все было до крайности дрябло и ветхо, отъ низенькой мѣховой шапки до коротенькаго овчиннаго полушубка, подпоясаннаго лыковой тесьмою. Стужа была сильная; несмотря на то, потъ обильными ручьями катился по лицу мужика; работа, казалось, приходилась ему по сердцу.

Кругомъ въ лѣсу царствовала тишина мертвая; на всемъ лежала печать глубокой, суровой осени: листья съ деревъ попадали и влажными грудами устилали застывавшую землю; всюду чернѣлись голые стволы деревъ, мѣстами выглядывали изъ-за нихъ красноватые кусты вербы и жимолости. Въ сторонѣ, яма съ стоячею водою покрывалась изумрудною плѣсенью: по ней уже не скользилъ водяной паукъ, не отдавалось кваканья лягушки, стона головастика; торчали одни лишь мшистые сучья, облѣпленные слизистою тиной, и гнилой, недавно свалившійся стволъ березы, перепутанный поблекшимъ лопушникомъ и длинными косматыми травами. Вдалекѣ, ни птичьяго голоска, ни пѣсни возвращающагося съ пашни батрака, ни блеянія пасущагося на пару стада: кромѣ однообразнаго стука топора нашего мужичка, ничто не возмущало спокойствія печальнаго лѣса.

.... Время отъ времени за лѣсомъ подымался пронзительный вой вѣтра; онъ рвался съ какимъ-то свирѣпымъ отчаяніемъ по замирающимъ полямъ, гудѣлъ въ глубокихъ колеяхъ проселка, подымалъ цѣлыя тучи листьевъ и сучьевъ, носилъ и крутилъ ихъ въ воздухѣ вмѣстѣ съ попадавшимися на встрѣчу галками и, взметнувшись наконецъ яростнымъ, шипящимъ вихремъ, ударялъ въ тощую грудь осинника.... И мужикъ прерывалъ тогда работу. Онъ опускалъ топоръ и обращался къ мальчику, сидѣвшему на осинѣ:

— Эй, Ванюшка! ишь куда забрался! того и гляди вѣтромъ снесетъ, ступай на земь!...

— Незамай, дядя Антонъ, откликался парнишка:—небось не снесетъ!

Дядя Антонъ, успокоенный каждый разъ такимъ увѣщаніемъ, бралъ топоръ, нахлобучивалъ поглубже на глаза шапку и снова принимался за работу. Такъ повторялось неоднократно, пока наконецъ возъ не наполнился до верху хворостомъ. Вниманіе мужика исключительно обратилось тогда къ племяннику; его

упорное неповиновеніе какъ бы впервые пришло ему въ голову, и онъ не на шутку разсердился.

— Ахъ ты, баловень! закричалъ онъ, стукая обухомъ топора въ осину:—долго ли говорить тебѣ? слѣзай, вотъ я-те озорника; поартачишься у меня, погоди!...

— А вотъ же не слѣзу, коли такъ, отвѣчалъ мальчуганъ, взбираясь выше и выше.

— Не слѣзешь?... ладно же, оставайся одинъ въ лѣсу, пусть-те ѣдятъ волки... проклятаго!...

Угроза, казалось, подѣйствовала на ребенка, онъ обхватилъ рученками коренастый стволъ дерева, приготовляясь спуститься на земь при первой попыткѣ дяди исполнить обѣщаніе.

— А бить не станешь? вымолвилъ онъ, наклонивъ изъ-за вѣтки кудрявую свою головку и глядя пристально на дядю.

— Ну, ну, слѣзай знай, слѣзай....

— Взаправду, не станешь?...

— Говорятъ не стану, ступай скорѣй!

Ванюшка спустился сажени на двѣ и опять повисъ на сучкѣ.

— И на лошадь, дядя Антонъ, посадишь?

— Ладно, ладно... ступай только.

— Не обманешь?

— Экой пострѣлъ, прости Господи! говорю, посажу, — чего еще?

Послѣднее обстоятельство окончательно успокоило парнишку; съ быстротою и ловкостію бѣлки проскользнулъ онъ между верхними сучьями и въ одно мгновеніе ока очутился на землѣ подлѣ дяди.

Вскорѣ возъ, навьюченный красноватымъ и сизымъ хворостомъ, медленно выѣзжалъ изъ лѣсу, скрыпя и покачиваясь изъ стороны въ сторону, какъ бы изловчаясь сбросить съ себя при первомъ косогорѣ лишнюю тяжесть. Ванюшка сидѣлъ верхомъ на пѣгашкѣ; онъ былъ вполнѣ счастливъ. Русыя его кудряшки, развѣваясь по вѣтру, открывали поминутно круглое свѣжее личико, сіяющее восторгомъ. Антонъ шелъ подлѣ, запустивъ одну руку за пазуху, другою упираясь въ оглоблю. Проколесивши добрый часъ по глинистымъ кочковатымъ полямъ, стлавшимся за лѣсомъ, путники наши выѣхали наконецъ на проселокъ и немного погодя услышали отдаленный шумъ мельницы. Возъ приближался къ тросвинской лощинѣ. Незамѣтная издалека и терявшаяся въ волнистыхъ линіяхъ мѣстности, лощина эта принимала вблизи довольно широкіе размѣры: на днѣ ея, поросшемъ конятникомъ и ветельникомъ, заваленномъ плитнякомъ и громадными угловатыми каменьями, шумѣла и пѣнилась рѣчка; вмѣсто моста, черезъ нее перекидывалась узенькая плотина, упиравшаяся однимъ концемъ въ старую водяную мельницу. Съ той стороны, откуда приближалась телѣга, мельница освобождалась совершенно отъ ветлъ, ограждавшихъ ее съ другихъ трехъ частей, такъ что амбары, клѣти, дворъ, толчея, навѣсы, виднѣлись какъ на ладони. Шлюзы были опущены; всѣ три постава работали безъ устали; главное зданіе, обдаваемое съ одного бока бѣлою шипящею пѣной, тряслось словно въ лихорадкѣ; мука, покрывавшая его кровлю, сыпалась въ воду и крутилась въ воздухѣ. Гулъ былъ страшный. Прежде чѣмъ спуститься съ уступистой кручи на берегъ, Антонъ остановилъ лошадь и указалъ племяннику на мельницу.

— Погляди-ка-сь, Ваня, не видать ли гдѣ мельника?

— Аксентія Семеныча? спросилъ ребенокъ.

— Экой дурень! нешто у насъ окромѣ него другой какой есть....

— Нѣтъ, дядя Антонъ, нѣту... а кто-то стоитъ... вонъ въ бѣлой-то рубахѣ... вонъ, вонъ руками-то размахиваетъ!...

— Ладно, не будь только онъ; того и смотри съ ярманки вернется, встрѣнется да денегъ станетъ просить, бѣда!

охъ-хо, хо! Ну, Ванюха, трогай да мотри, не больно круто спущай!..

Антонъ боялся мельника потому, что не заплатилъ ему за работу и даже сталъ ѣздить на другую мельницу, хотя она была гораздо дальше.

Дядя и племянникъ миновали барскій домъ, проѣхали все село и добрались до своей избушки, гдѣ оставалась жена Антона.

Хозяйка Антона была не одна: противъ краснаго угла избы, почернѣвшаго такъ, что едва можно было различить икону, сидѣла гостья, старуха лѣтъ пятидесяти. Свѣтъ изъ единственнаго свѣтлаго оконца падалъ прямо на нее. Сморщенное, желтоватое лицо старухи, осѣненное космами сѣдыхъ волосъ, кой-какъ скомканныхъ подъ клѣтчатый платокъ, ея каріе глаза, смотрѣвшіе изъ впадинъ своихъ зорко и проницательно, острый, тоненькій носъ, выдавшійся подбородокъ, лохмотья и клюка,— все это напоминало какъ нельзя лучше сказочную бабу-ягу или по крайней мѣрѣ деревенскую колдунью-знахарку. Но въ сущности ничего этого не было: старуха принадлежала просто-на-просто къ тѣмъ жалкимъ побирушкамъ, безъ семьи, роду и племени, которыя таскаются изъ села въ село, изъ деревни въ деревню, и кормятся мірскимъ подаяніемъ, или, какъ выражаются въ простонародьи, «грызутъ окна».

— Здорово, Архаровна, произнесъ Антонъ, видимо недовольный присутствіемъ гостьи.

— Здравствуй, кормилецъ ты мой, отвѣчала вздыхая старуха, и тотчасъ же наклонила голову и явила во всей своей наружности признаки величайшей немощи и скорби.

— Что-те давно не видать въ нашей сторонѣ, замѣтилъ мужикъ съ явной ироніей:—мы ужъ думали, ты и вовсе не пожалуешь....

— Асинька?...

— Аль оглохла, старая?

— Не слышу, кормилецъ...

— Что-те давно не видать? крикнулъ Антонъ.

— Пришла по хлѣбушко, родимый ты мой, простонала она жалобно:—не дадутъ ли на старость люди добрые...

— Да, что говорить, продолжалъ мужикъ, пристально на нее глядя:—что говорить, хлѣбца-то небось и всякому хочется... иной вотъ и не такъ чтобы больно нуждается, а глядишь, туда же канючитъ, словно и взаправду съ голоду...

— Съ голоду, касатикъ, о—охъ! съ голоду, отвѣчала она, принимая послѣднее слово какъ исключительно до нее относящееся;—на старости лѣтъ куды те горько, и помереть такъ негдѣ....

— И—ихъ, бабка, кажись, ужъ много больно берешь бѣдности на свою душу, вымолвилъ съ досадою хозяинъ:—вишь вонъ сказываютъ, будто ты даромъ что ходишь въ оборвышахъ да христарадничаешь, а богаче любаго изъ нашего брата... нагдысь орѣшкинскіе ребята говорили, у тебя вишь и залежныя денежки водятся .. правда, что ли?....

Онъ недовѣрчиво посмотрѣлъ ей въ лицо.

— Ась?... не слышу, родимый, произнесла недвижно старуха.

— Да полно, такъ ли? погоди, дайка разуться, авось тогда услышишь.

Сказавъ это, Антонъ подошелъ къ печкѣ и сталъ раздѣваться. Слова его, казалось, однако произвели на глухую старушонку не совсѣмъ обыкновенное дѣйствіе; лицо ея какъ бы внезапно оживилось, глаза, которые держала она постоянно опущенными, быстро поднялись и окинули избу. Хозяинъ подошелъ къ ней и сѣлъ на лавочку; лицо Архаровны выражало по прежнему скорбь и уныніе.

— Что ты баялъ, кормилецъ?

Антонъ повторилъ побирушкѣ слухи, носившіеся о ней на деревнѣ.

— И-и-и, проговорила она, качая сѣдою своею головою:—ишь вѣсть чего не скажутъ злые люди, на злую рѣчь слово купится...

— А что имъ, прибыль что ли какая?.. ишь ты сколько лѣтъ слоняешься по бѣлу свѣту да окна грызешь! куды

дѣвать деньги,—вѣстимо хоронишь на черный день...

— Въ чужой рукѣ ломоть великъ, касатикъ, иную пору и хлѣбушка нѣтути, нетокма что денегъ, по міру пойдешь, тѣстомъ возмешь... охъ-хо-хо!...

— Ладно, толкуй, отвѣчалъ смягчаясь Антонъ:—ну, да что тутъ, я только такъ къ слову молвилъ; если и водятся деньжонки, такъ извѣстно кому до того дѣло... Варвара! чего нахохлилась? собери обѣдать, смерть ѣсть хоцца, да чай и ребята проголодались.

Это обращалось къ хозяйкѣ дома, невзрачной бабенкѣ, молчаливо сидѣвшей въ углу на скамейкѣ поодаль отъ старухи. Она не принимала до сихъ поръ никакого участія въ разговорѣ и только изрѣдка поглядывала на мужа. Услыша слова его, она повернула къ нему изнуренное блѣдное лицо свое, вздохнула и сказала:

— Чего я тебѣ дамъ, Антонушка... охъ, ничего-то у насъ нѣту...

— Кажись, намедни лучку осталось?

— Нѣтъ не осталось,—нагдысь ребята весь поѣли... И она снова вздохнула.

— Ну, давай хлѣба, кваску... да полно тебѣ день-деньской хохлиться-то... инда тоска беретъ на тебя глядя...

Варвара поднялась, сняла съ полки чашку, нацѣдила въ кувшинчикъ кваску, потомъ вынула изъ столоваго ящика остатокъ ржанаго коровая, искалѣченную солоницу, ножъ, и молча уставила все это передъ мужемъ. Послѣ чего она тотчасъ же усѣлась на прежнее свое мѣсто, скрестила руки и стала смотрѣть на него съ какимъ-то притупленнымъ вниманіемъ.

— Эй ребятишки! крикнулъ Антонъ: — вы и взаправду завалились на печку,— ступайте сюда... а у меня тюря-то славная какая... э! постойте-ка, вотъ я ее всю съѣмъ... слѣзайте скорѣе съ печки... Ну, а ты, бабка, что̀-жъ, продолжалъ онъ голосомъ, въ которомъ незамѣтно уже было и тѣни досады:—аль съ хозяйкой надломила хлѣбушка?—чего отнѣкиваешься, рѣжь да ѣшь, коли подкладываютъ, бери ложку, — садись, — человѣкъ изъ ѣды живетъ, что съѣшь, то и поживешь...

— Спасибо, отецъ родной, и то хозяюшка твоя накормила, дай ей Господь Богъ много лѣтъ здравствовать...

Въ это время Аксюшка подбѣжала къ дядѣ, вспolзла къ нему на колѣни и обняла смуглую его шею тоненькими своими рученками.

— Эка дѣвчонка-то у меня баловливая какая, бабушка, вымолвилъ мужикъ, цѣлуя ребенка:—эка озорливая дѣвчонка-то, продолжалъ онъ, гладя ее по головѣ:—сядь-ка ты сюда, плутъ-дѣвка, сядь-ка поближе къ своему дядькѣ-то да поѣшь... ну, а Ванюшка гдѣ?...

— А онъ, дядя Антонъ, на улицу ушелъ къ ребятамъ.

— Ишь, пострѣлъ какой, прости Господи, только и наровитъ, какъ бы ему изъ дому прочь; погоди, Аксюшка, дай ему вернуться, вотъ мы ему съ тобой шею-то накостыляемъ... слышь, бабка, озорникъ-то мой отъ дому все отбивается.

— А Господь съ нимъ, незамай его, молвила Архаровна: — пущай его балуетъ пока невеличекъ...

— Какой невеличекъ!... поглядѣла бы ты на него: парнишка куды на смыслѣ, такой-то шустрый, рѣзвый, все разумѣетъ, даромъ отъ земли не видать; да я вѣдь посмѣялся, я не потачливъ, что̀ грѣха таить, а бить ихъ не бью... оба они дороги мнѣ больно, бабка, даромъ не родные, во-какъ, продолжалъ онъ, лаская Аксюшку: — во, не будь ихъ, такъ, кажись, и мнѣ и хозяйкѣ моей скорѣй бы жизнь опостыла; съ ними все какъ бы маленечко повеселѣе, право-ну!

— Вѣстимо, они теперь махочки, смыслу нѣтъ, а какъ подростутъ, такъ тебѣ же спасибо скажутъ, родимый, за добро твое...

— Э! бабка, было бы имъ ладно, а тамъ что̀ останется отъ моей бѣдности, то имъ и достанется...

— Чтожь, родимый, спросила вдругъ старуха:—братъ небось вѣсточку посылаетъ?...

— Нѣтъ, съ той самой поры, какъ въ солдаты взяли, ни слуху, ни духу; и жена и мужъ, — словно оба сгинули; мы лѣтось еще посылали къ нимъ грамотку да денегъ полтинничекъ; послѣдній отдали; ну, думали, авось что̀ и провѣдаемъ, никакого отвѣту: живы ли, здоровы ли, — Господь ихъ вѣдаетъ. Прошлый годъ солдаты у насъ стояли, ужь мы не мало понавѣдывались; не знаемъ, говорятъ, такого,—что̀ станешь дѣлать?.. Ну, а ты, старуха, кажись сказывала намъ, также не вѣдаешь ничего про сына-то своего съ того времени, какъ въ некруты пошелъ...

— Нѣтъ, родимый, ничего не вѣдаю, произнесла жалобно старуха и отвернулась...

Антонъ и жена его принялись утѣшать побирушку.

— Да, началъ мужикъ: —на старости лѣтъ вѣстимо одной-то горько: неравно помрешь и похоронить-то нѐкому...

— Охъ, нѐкому, кормилецъ, родимый ты мой, нѐкому...

— А вотъ намъ, коли молвить правду, не больно тошно, что брата нѣту: кабы да при теперешнемъ житьѣ, такъ съ нимъ не наплакаться стать; что̀ грѣха таить, пути въ немъ не было, мужикъ былъ плошный, неработящій, хмѣльнымъ дѣломъ началъ было напослѣдяхъ-то заниматься; вѣстимо, какого ужь тутъ ждать добра, что̀ ужь это за человѣкъ, коли да у роднаго брата захребетникомъ жилъ,—вотъ развѣ бабу его такъ жаль: славная была баба, смирная, работящая... ну, да видно во всемъ Богъ... на то Его есть воля... охъ-хо-хо...

Антонъ прислонилъ ложку къ закраинѣ чашки, уперся спиною въ стѣну и пересталъ ѣсть; долго сидѣлъ онъ такимъ образомъ, пригорюнясь и не произнося ни слова. Только изрѣдка ласкалъ онъ Аксюшку, которая, положивъ русую головку свою на грудь дяди, забавлялась мѣднымъ крестикомъ, висѣвшимъ у него за пазухой. Мало-по-малу добродушное, кроткое лицо мужика нахмурилось; вытянувшіяся черты его уже ясно показывали, что временная веселость и спокойствіе исчезли въ душѣ бѣдняка; въ нихъ четко проглядывало какое-то заботливое, тревожное чувство, котораго повидимому старался онъ не обнаруживать передъ женою, потому что то и дѣло поглядывалъ на нее искоса. Наконецъ Антонъ облокотился на столъ, взглянулъ еще разъ на жену, и сказалъ старухѣ голосомъ, который ясно показывалъ, что онъ приготовлялся вымолвить ей совсѣмъ другое.

— Вотъ, бабушка, такъ началъ мужикъ:—было времячко, живалъ вѣдь и я не хуже другихъ,—въ амбарѣ, бывало, всего настороженно вволюшку; хлѣбъ-то, бабушка, родился, помнится, самъ-шостъ да самъ-сёмъ, три коровы стояли въ клѣти, двѣ лошади, — продавалъ почитай что кажинную зиму мало-что на 60 рублевъ одной ржицы, да гороху рублевъ на 10, а теперь до того дошелъ, что радешенекъ, радешенекъ, коли сухаго хлѣбушка поснѣдаешь... тѣмъ только и пробавляешься, когда вотъ покойникъ какой на селѣ, такъ позовутъ псалтырь почитать надъ нимъ... все гривенку-другую дадутъ люди...

Онъ оглянулся на Варвару; та сидѣла, закрывъ лицо руками и нѣсколько отвернувшись отъ него; замѣтивъ, что слезы струились между ея пальцами, Антонъ замялся.

— Да, подхватилъ онъ громче прежняго:—да, бабушка, такъ во како дѣло-то,—во оно дѣло-то какое... а ты все на свою долю плачешься, того молъ нѣтъ, да того не хватаетъ... а мы вотъ и тутъ съ хозяйкой не унываемъ (онъ посмотрѣлъ на Варвару), не гнѣвимъ Господа Бога... грѣшно! знать ужь на то такая Его воля; супротивъ ея не станешь...

— О-о-охъ, вѣстимо, кормилецъ ты мой, Богъ далъ, Богъ и взялъ...

— Да, не знаешь, гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь, сказалъ мужикъ, стараясь

принять веселый видъ:—день дню розь, пивалъ пьяно да ѣдалъ сладко, а теперь возьмешь вотъ такъ-то хлѣбушка, подольешь кваску,—ничаво, думаешь, посоля схлебается! по комъ бѣда не ходила?... Эхъ Варвара, полно тебѣ, право; ну что ты себя понапрасну убиваешь, говорю, полно, горю не пособишь, правону не пособишь...

— Вѣстимо, касатка, отозвалась старуха:—вѣку только убавишь себѣ... охъ, что ваша бѣдность! у васъ хошь поплакать-то есть гдѣ... а вотъ у меня, горькой сироты, такъ и поплакать-то негдѣ...

— Ну въ томъ не больно велика утѣха; что вой, что не вой—все одно—живи коли сможется, помирай коли хочется... Э! старуха, горько жить на бѣломъ свѣтѣ нашему брату!...

— О-охъ, горько, родимый, такъ-то горько, что и сказать мудрено...

Варвара быстро приподнялась и вышла изъ избы.

— Вотъ, сказалъ Антонъ, посмотрѣвъ на дверь:—она-то, бабушка, крушитъ меня добре слезами-те своими, вишь баба плошная, квёлая... долго ли до грѣха?... теперь безъ нея, скажу тебѣ по душѣ... по душѣ скажу... куды!... пропали мы съ нею и съ ребятенками, совсѣмъ пропали!... вотъ вѣдь и хлѣбушко, что ѣшь, и тотъ—сказать горько—у Стегнѣя сосѣда вымолилъ; спасибо еще, что помогъ... охъ, а такое-ли было житье-то мое...

— Разсказываютъ, замѣтила Архаровна, повидимому не принимавшая до сихъ поръ никакого участія въ томъ, что говорилъ Антонъ: — сказываютъ Стегней-то богатъ добре!...

— Богатъ-то онъ богатъ... да вѣдь иной и богатой хуже нашего брата голыша...

— Мнѣ, кормилецъ, Савельевна говорила, что у него три лошади... да и медку вишь, сказываютъ, продавалъ по осень... и денегъ-то, чай, много...

— Ну Господь съ нимъ, отвѣчалъ откровенно Антонъ: — я тебѣ про свое горе говорю... эхъ доля моя, доля!.. вотъ почитай, пятый годъ такъ бьюсь и что ни день, то плоше да плоше...

— Все небось управляющій, касатикъ, не жалуетъ?

— Не жалуетъ?... охъ! этобы еще ништо; кого онъ жалуетъ? а живутъ же люди... нѣтъ, онъ злодѣй мнѣ напался, весь мой вѣкъ заѣдаетъ! съ бѣла свѣта долой гонитъ! — а что наше дѣло? вѣстимо, какое, терпишь да терпишь, мы вѣдь на то и родились, бабушка!... да!... Вотъ хоть теперь,—пришло время подушныя платить, гдѣ я ихъ возьму? отколѣ? онъ раззорилъ меня да пустилъ по міру, а стращаетъ теперь: въ солдаты, говоритъ, да на поселенье сошлю, не погляжу, говоритъ, что у те жена есть, — вонъ онъ что толкуетъ... Охъ! бабка, бабка, кабы былъ одинъ я, ну бы еще ништо, одна голова не бѣдна, а то съ ними-то что станется?... Да, прогнѣвилъ, знать, я чѣмъ Господа Бога!...

Въ это время управляющій помѣстьемъ, Никита Өедорычъ прислалъ за Антономъ. Эго требованіе сильно встревожило несчастнаго мужика.

Смущеніе бѣднаго мужика было такъ велико, что онъ нѣсколько времени ходилъ какъ угорѣлый по избѣ, заглядывалъ безъ всякой нужды во всѣ углы, поправлялъ то крышку кадки, то солоницу, то кочергу, и наконецъ вышелъ изъ дому, позабывъ даже накинуть на плечи полушубокъ. Вой Варвары сопровождалъ его до самой улицы. Вступивъ на барскій дворъ, гдѣ находился старый флигель, помѣщавшій контору и квартиру управляющаго, Антонъ увидѣлъ Никиту Өедоровича, который уже ожидалъ его на порогѣ. Приближаясь къ крыльцу, мужикъ почувствовалъ, что колѣни его тряслись и дыханіе спиралось у него въ горлѣ: ознобъ пронибалъ его до костей. Опустивъ голову, подошелъ онъ медленнымъ, робкимъ шагомъ къ управляющему. Это былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, т. е. отъ 40 до 50, средней полноты и средняго росту; огромная шарообразная голова его,

покрытая бѣлокурыми волосами, съ просѣдью, обстриженными ниже чѣмъ подъ гребенку, прикрѣплялась почти непосредственно къ плечамъ, что̀ дѣлало Никиту Ѳедорыча издалека весьма похожимъ на бульдога. Къ этому сходству не мало также способствовали густыя черныя брови, сѣрые глаза на выкатѣ, широкія калмыцкія скулы, пышный трехъярусный подбородокъ и коротенькія ноги на подобіе обруча, или какъ говорится, *кибитки*. Не смотря на всѣ эти мелочные недостатки, которые между прочимъ не представляли въ общемъ ничего отвратительнаго, фигура управляющаго нимало не теряла важности и той спокойной гордости, сіяющей всегда въ чертахъ человѣка, сознающаго въ себѣ чувство собственнаго достоинства. Фигура его имѣла, напротивъ того, какую-то пріятную соразмѣрность, стройность даже, и была чрезвычайно характерна. Но если всмотрѣться хорошенько, нельзя было не прочесть въ этихъ сѣрыхъ бойкихъ глазахъ, въ этой толстой, круглой головѣ, важно закинутой назадъ, въ этихъ толстыхъ, раздувшихся губахъ что-то столь наглое, дерзкое и подлое, что̀ невольно напоминало любимца-камердинера или дворецкаго, или вообще члена многочисленной семьи мерзавцевъ богатой избалованной дворни или аристократической передней. Въ настоящую минуту на немъ былъ сѣрый нанковый однобортный архалукъ, подбитый мерлушками и застегнутый до верху, пестрая шерстяная ермолка и синіе, непомѣрно широкіе шаровары. Изъ верхней петли архалука висѣла толстая золотая цѣпочка съ ключикомъ для часовъ. Онъ стоялъ въ дверяхъ, растопыривъ ноги, запустивъ одну руку въ карманъ шароваръ, другою поддерживая длинный чубукъ, изъ котораго, казалось, высасывалъ вмѣстѣ съ дымомъ все болѣе и болѣе чувство собственнаго достоинства.

— Что̀ жь ты, шутить что ли думаешь? сказалъ онъ Антону.—Всѣ внесли подушныя, ты одинъ ухомъ не ведешь, каналья! а? говорилъ ли я тебѣ, а? сказывай, говорилъ или не говорилъ—худо будетъ!... И управляющій закинулъ еще выше голову.

— Сказывали, Никита Ѳедорычь...

— Ну?

— Я докладывалъ вашей милости, отвѣчалъ мужикъ, потупляя голову:—какъ будетъ угодно... у меня подушныхъ нѣтъ... взять неоткуда... извольте дѣлать со мною что угодно: на то есть власть ваша... напишите барину, пущай наказать прикажетъ, а мнѣ взять, какъ передъ Богомъ, неоткудова...

— Ахъ ты плутъ, бестія этакая... изъ-за тебя стану я безпокоить барина... васъ только сѣки, да подушныхъ не бери... ну да что̀ тутъ толковать... не міру платить за тебя... знаю я васъ мошенниковъ... Лошадь жива?...

Антонъ обомлѣлъ; дрожь пробѣжала по всѣмъ его членамъ; онъ быстро взглянулъ на Никиту Ѳедорыча и произнесъ дрожащимъ голосомъ:

— Никита Ѳедорычь! никакъ ужь ты и совсѣмъ погубить меня хочешь?...

— Что?

— Никита Ѳедорычь! батюшка! продолжалъ мужикъ:—пожалѣй хоть ребятенокъ-то махонькихъ... и то почитай пустилъ ты насъ по міру...

— А вотъ, потолкуй-ка еще у меня, потолкуй, перебилъ управляющій, дѣлая движеніе впередъ:—я тебя погублю! завтра же веди лошадь въ городъ на ярманку, теперь пора зимняя, лошади не надо, произнесъ онъ лукаво: — да смотри: не будетъ у меня черезъ два дни подушныхъ въ конторѣ, такъ я не погляжу, что ты женатъ,—лобъ забрѣю, я и такъ миловалъ тебя, мерзавца!...

— Никита Ѳедорычь, а, Никита Ѳедорычь, сказалъ Антонъ, едва удерживаясь отъ слезъ: — батюшка!... И онъ повалился въ ноги.

— Э! этимъ меня не разжалобишь; пошелъ! чтобъ было, какъ приказываю, вотъ и все! Ступай! прибавилъ онъ, топнувъ ногой.

— Что̀ жь у меня-то останется, говорилъ отчаянно мужикъ:—какъ послѣд-

ную-то лошаденку продамъ?... и такъ по міру почитай...

— Ну, ну, ну... разговаривай, разговаривай... кабы не ярманка, такъ я бы не такъ еще съ тобой раздѣлался...

Въ это время дверь изъ квартиры управляющаго растворилась; изъ нее выглянуло вполовину желтое женское лицо, перевязанное бѣлою косынкою.

— Никита Ѳедорычь, а Никита Ѳедорычь! крикнула женщина пискливо:— ступай чай пить; что тебя не дождешься, ступай скорѣе...

Управляющій повернулся въ ту сторону и не дожидаясь дальнѣйшихъ возраженій мужика, поспѣшилъ къ самовару.

Домогаться милости Никиты Ѳедорыча было дѣломъ совершенно лишнимъ: по крайней мѣрѣ въ этомъ ни мало не сомнѣвались трoскинскіе крестьяне; Антонъ зналъ это еще лучше другихъ. Медленно покинулъ онъ дворъ и вышелъ на улицу. Сумерки, или *сутисочки*, какъ называютъ ихъ въ деревнѣ, начинали уже ложиться на землю; блѣдныя дымчатыя полосы тумана тамъ и сямъ окутывали поля и распускались по окрестности; въ воздухѣ замѣтно похолодѣло. Антонъ, самъ не зная почему, не пошелъ по улицѣ, а, обогнувъ ближнія за флигелемъ избы и крестьянскіе огороды, поплелся *задами*. . . .

Какъ ни тяжело было исполнить требованіе управляющаго, Антонъ поѣхалъ въ городъ на ярмарку продавать свою пѣгашку. Продать ему не удалось, потому что барышники совершенно сбили мужика съ толку. Это были отъявленные плуты, между тѣмъ какъ Антонъ, забитый горемъ и къ тому же неопытный, былъ и нерѣшителенъ и неопытенъ. Особенно увивались около него двое рыженькихъ, которые всячески отговаривали его продать лошадь. По ихъ совѣту Антонъ отправился ночевать на постоялый дворъ, гдѣ было много и другихъ гостей. Мучимый тяжелыми впечатлѣніями дня и горькими думами о томъ, что-то дѣлается дома, Антонъ заснулъ поздно и видѣлъ какой-то зловѣщій сонъ. Первою мыслью его, по пробужденіи, было посмотрѣть, чтó съ пѣгашкой.

Шумъ, произведенный Антономъ, разбудилъ не одного толстоватаго Ярославца: съ полатей послышались зѣвота, оханье, потягиванье; нѣсколько босыхъ ногъ свѣсились также съ печки. Вдругъ на дворѣ раздался такой пронзительный крикъ, что всѣ ноги разомъ вздрогнули и поскакали на земь вмѣстѣ съ туловищами. Въ эту самую минуту дверь распахнулась пастежь и въ избу вбѣжалъ сломя голову Антонъ... Лицо его было блѣдно какъ известь, волосы стояли дыбомъ, руки и ноги дрожали, губы шевелились безъ звука; онъ стоялъ посередь избы и глядѣлъ на всѣхъ страшными блуждающими глязами.

— Что тамъ? отозвалась хозяйка, просовывая голову между перекладинами полатей.

— Что ты?... эй, сватъ!... мужичокъ... дурманомъ прихватило, что ли?... экъ его разобрало... заговорили въ одно время мужики, окружая Антона.

— Что ты всѣхъ баламутишь? произнесъ грубо хозяинъ, оттолкнувъ перваго стоявшаго передъ нимъ мужика и хватая Антона за рубаху:—да ну, говори!... что буркалы-то выпучилъ....

— Увели!... могъ только вскрикнуть Антонъ:—лошаденку... ей Богу... кобылку пѣгую увели!...

— Ой ли?... братцы... ишь что баитъ... долго ли до грѣха... э! э! э!...

И всѣ, сколько въ избѣ ни было народа, не исключая даже Антона и самого хозяина, всѣ полетѣли стремглавъ на дворъ. Антонъ бросился къ тому мѣсту, куда привязалъ вечоръ пѣгашку, и, не произнося слова, указалъ на него дрожащими руками... оно было пусто; у столба болталась одна лишь веревка....

—Взаправду увели лошадь! ишь вотъ, вотъ и веревка-то разрѣзана, ножемъ разрѣзана... и... и... и... слышалось отовсюду.

Антонъ ухватился обѣими руками за волосы и зарыдалъ на весь дворъ.

— Братцы, говорилъ бѣдный мужикъ задыхающимся голосомъ... братцы! что вы со мною сдѣлали?... куды я пойду теперь?... братцы, если въ васъ душа

есть, отдайте мнѣ мою лошаденку... куды она вамъ?... ребятишки вишь у меня махонькіе... пропадемъ мы безъ нея совсѣмъ... братцы, въ Христа вы не вѣруете!...

Ничто не совершается такъ внезапно и быстро, какъ переходы внутреннихъ движеній въ простомъ народѣ: добро рядъ объ рядъ съ лихомъ, и часто одно вѣнчается другимъ почти мгновенно. Почти всѣ присутствующіе, принявшіе было въ началѣ горе Антона со смѣхомъ, теперь вдругъ какъ бы собща приняли въ немъ живѣйшее участіе; нашлись даже такіе, которые кинулись къ хозяину съ зардѣвшимися какъ кумачъ щеками, съ сверкающими глазами и сжатыми кулаками. Толстоватый Ярославецъ горячился пуще всѣхъ.

— Ты, хозяинъ, чего глядѣлъ? вскричалъ онъ, подступая къ нему:—разѣ такъ дѣлаютъ добрые люди? не што у *тѣе* постоялый дворъ, чтобы лошадей уводили?... нѣтъ, ты сказывай намъ теперь, куда задѣвалъ его лошадь, сказывай!...

— Да ты-то, тіе, тіе... охлестышъ ярославскій, пузатый, возразилъ не менѣе запальчиво хозяинъ:—мотри не больно пузырься... что ко мнѣ приступаешь?... мотри не на таковскаго наскочилъ!...

— Вѣстимо, вѣстимо, заговорили въ толпѣ:—онъ тебѣ дѣло баитъ; самъ ты мотри не скаль зубы-те! нешто вы на то дворы держите? этакъ у всѣхъ насъ пожалуй уведутъ лошадей, а ты небось останешься безъ отвѣта....

— Да что вы, ребята, отвѣчалъ хозяинъ, стараясь задобрить толпу:—что вы взаправду; разѣ я вамъ сторожъ какой дался? мое дѣло пустить на дворъ да отпустить, что потребуется... А кто ему не велѣлъ, продолжалъ онъ, указывая на Антона:—не спать здѣсь... вишь онъ всю ночь напролетъ пропилъ съ такимъ же безшабашнымъ, какъ самъ; онъ его и привелъ... а вы съ меня отвѣта хотите....

— Братцы! закричалъ Антонъ, отчаянно размахивая руками:—братцы, будьте отцы родные... онъ, онъ же и поилъ меня... вотъ какъ передъ Богомъ, онъ, и тотъ парень ему вишь знакомый... спросите хошь у кого... во Христа ты видно не вѣруешь!...

— Ребята, вымолвилъ Ярославецъ:—я самъ видѣлъ, какъ онъ вечоръ поилъ его... право слово, видѣлъ...

— А нешто я отнѣкиваюсь? пилъ съ ними, да, позвалъ меня товарищъ, самъ подносилъ; ну, и пилъ...

— Да ты его знаешь... того рыженькаго-то? чего прикидываешься?

— А отколь мнѣ знать его? эка лѣшій! нешто у меня здѣсь мало всякаго народу перебываетъ! такъ мнѣ всѣхъ и знать... я его впервинку и въ глаза-то вижу... да что́ вы его, братцы, слушаете? можетъ и лошадь-то у него крадена была..вы бы напередъ эвто-то развѣдали.

— Братцы, кобылка, какъ передъ Господомъ Богомъ, девятый годъ у меня стоитъ... спросите у кого хотите...

— Да, ишъ ловокъ больно! а у кого они спросятъ? экой прыткой какой! замѣтилъ хозяинъ.

— Что мнѣ теперь дѣлать? что дѣлать, братцы! воскликнулъ снова бѣдный мужикъ, ломая руки.

— Слушай, братъ, какъ бишь тебя?...

— Антонъ, родимый... какъ передъ Господомъ Богомъ, Антонъ.

— Ну, хорошо; слушай, Антонъ, сказалъ Ярославецъ, выступая впередъ:—коли такъ, вотъ что ты сдѣлай: бѣги прямо въ судъ, никого не слушай, ступай какъ есть въ судъ; ладно; сколько у те денегъ-то?...

— Ни полушки нѣтути, касатикъ, то-то и горе мое, кабы деньги были, такъ разѣ сталъ бы продавать послѣднюю лошаденку... нужда!...

— Какъ! у тебя денегъ нѣту, возразилъ хозяинъ, разгорячаясь:—ахъ ты мошенникъ! такъ какъ же ты приходишь на постой?... ты видно надуть меня хотѣлъ... братцы! вотъ вы за него стояли, меня еще тазать зачали бы-

ло... вишь онъ какой! онъ-то и есть мошенникъ!...

— Тебѣ, я чай, сказывалъ рыженькій... ахъ онъ... Господи! чѣмъ погрѣшился я передъ Тобою, произнесъ Антонъ, едва, едва держась на ногахъ.

— Да, теперь отвертываться да на другаго сваливать станешь... ахъ ты бездѣльникъ! да я самъ пойду въ судъ, самъ потащу тебя къ городничему, мнѣ и приказные-то всѣ люди знакомые, и становой!...

— Полно, хозяинъ, ты можетъ напраслину на него взводишь, ишь онъ какой мужик-атъ простой, куды ему чудить! и самъ, чай, не радъ, бѣдный; можетъ и самъ онъ не вѣдалъ, съ какимъ спознался человѣкомъ... послышалось въ толпѣ.

Но хозяинъ и слышать не хотѣлъ; сколько ни говорили ему, сколько ни увѣщевалъ его толстоватый Ярославецъ, принимавшій по видимому несчастіе Антона къ сердцу, онъ стоялъ на одномъ. Наконецъ всѣ присутствующіе бросили дворника, осыпавъ его напередъ градомъ ругательствъ, и снова обратились къ Антону, который сидѣлъ теперь посередь двора на перекладинѣ колодца и, закрывъ лицо руками, всхлипывалъ пуще прежняго.

— Слушай, братъ Антонъ, началъ одинъ изъ нихъ:—не печалься добре; гореваньемъ лошади не наживешь; твоему горю можно еще пособить; этако дѣло не впервинку случается; слушай: ступай-ка ты прямо, вотъ такъ-таки прямо и бѣги въ Заболотье... знаешь Заболотье?...

— Нѣтъ, кормилецъ, не знаю: я не здѣшній...

— Ну, да не што... ступай все прямо по большой дорогѣ; на десятой верстѣ, мотри не забудь—на десятой сверни вправо, да тамъ спросишь... Какъ придешь въ Зоболотье-то, понавѣдайся къ Ильюшкѣ Степняку... тамъ-то всякой укажетъ...

— Полно, кумъ, что баишь пустое? ну, зачѣмъ пойдетъ онъ въ Зоболотье? тутъ можетъ статься и ближе найдешь свою лошадь... послушай братъ Антонъ, ступай помимо всѣхъ въ Спасъ-на-Журавли, отсель всего верстъ двадцать станетъ... я знаю, тамъ спокон вѣка водятся мошенники... тамъ нагдысь еще накрыли коноводовъ... ступай туда...

— А какъ туда пройдти-то, касатикъ?...

— Какъ выйдешь за заставу, бери прямо по проселку влѣво, тамъ тебѣ будетъ село Завалье; какъ пройдешь Завалье-то, спроси Селезневъ колодезь...

— Эка, а Кокино-то и забылъ... замѣтилъ кто-то.

— Да, какъ пройдеш Завалье, спроси Кокинску слободу, обмолвился было маненько, ну, да нешто... а изъ Селезнева колодца пройдешь прямо въ Спасъ-на-Журавли... вотчина будетъ такая большая...

— Дядя Михѣка, а, дядя Михѣка, перебилъ высокій и плѣшивый мужикъ, придвигаясь медленно къ говорившему.

— Ну, что?

— А вотъ послушай ты меня старика, что я тебѣ скажу...

— Ну...

— Право слово, ему податнѣе будетъ сходить въ Котлы... вотъ какъ Богъ святъ податнѣе... Антонъ, право слово, ступай въ Котлы, оно что говорить, маненько подалѣе будетъ, да за то братъ вѣрнѣе; вотъ у насъ намедни у мужичка увели куцаго мерина, и мерин-атъ такой-то знатный, важнѣющій, сказывали въ Котлахъ вишь нашли...

— Э! эка ты, проворный какой! ну, куда ты его за 70-то верстъ посылаешь...

— А что? пойдетъ и за 200, коли лошади не отыщетъ, отвѣчалъ тотъ съ чувствомъ оскорбленнаго самолюбія.

— Полно, Антонъ, ступай, говорю, въ Спасъ-на-Журавли; тамъ какъ-разъ покончишь дѣло...

— И то, ступай въ Спасъ-на-Журавли! закричали многіе; въ Спасъ-на-Журавли ступай!...

— Да, какъ бы не такъ, возразилъ сурово хозяинъ:—я небось такъ вотъ и отпущу его вамъ въ угоду... онъ у меня пилъ, ѣлъ, а я его задаромъ отпущу; коли такъ, нуткась, ты хорохорился за него пуще всѣхъ, ну-кась заплати... что?... а! нелюбо?...

— Что?...

— А вотъ то-то,—теперь что? что?...

— Что мнѣ тебѣ дать?... сказалъ Антонъ, поспѣшно вставая:—бери, что хочешь, бери, не держи только...

— Давай полушубокъ!...

— Бери, Господь съ тобою...

— Такъ-то сходнѣе; придешь опять-отдамъ, не то пришли изъ деревни девять гривенъ... за постой да за ужинъ...

— Ахъ, ты *алочной* человѣкъ! пра, алочной! жалости въ тіе нѣтъ... сказалъ Ярославецъ:—ишь на дворѣ стужа какая... того и смотри, дождь еще пойдетъ... ишь засивѣрило, кругомъ обложило; ну, какъ пойдетъ онъ безъ одежды-то? ему изъ воротъ такъ и то выйдти холодно...

— А мнѣ что, онъ пилъ, ѣлъ...

— Тебѣ что! эхъ ты...

— Да ты-то что! ну отдай ему свой полушубокъ, коли жалѣешь...

— А я въ чемъ пойду?

— Ну вотъ то-то и есть; и всякой хлопочетъ, себѣ добра хочетъ...

— Куда же мнѣ идти теперь? перебилъ Антонъ, отдавая полушубокъ хозяину.

— Ступай въ Спасъ-на-Журавли! закричало нѣсколько голосовъ.

— Какъ выйдешь за заставу, бери прямо по проселку вправо... не забудь, Завалье, тамъ Кокино...

— Спасибо... отцы мои.... спасибо... бормоталъ Антонъ, выбѣгая безъ оглядки на улицу.

— Ступай все прямо!... ступай!.. кричали ему вслѣдъ мужики, выходя также за ворота:—ступай, ступай, авось лошадь найдешь...

— А врядъ ему найдти, замѣтилъ кто-то, когда Антонъ былъ уже довольно далеко:—вѣдь денегъ у него нѣту...

— Ой-ли? и то, и то... гдѣ жь тутъ найти! по пусту только измается, сердешный...

— Ну, да пущай его поищетъ, авось какъ-нибудь и набредетъ на слѣдъ... безъ денегъ вѣстимо плохо... да во всемъ милость Божія...

— Дядя Ѳедосѣй, найдетъ онъ лошадь, аль нѣтъ?

— Какъ тутъ найдешь, чорта съ два найдешь, слышь денегъ нѣту... напрасно набѣгается...

Въ это время Антонъ остановился у берега и крикнулъ:

— А куды пройдти къ заставѣ?

— Ступай, ступай все прямо по горѣ, мимо острога... ступай на гору, ступай вверхъ по горѣ... отвѣчали мужички въ одинъ голосъ.

И долго еще продолжали они такимъ образомъ кричать ему вслѣдъ; Антона и вовсе не было видно; уже давнымъ давно закрыла его гора, а они все еще стояли на прежнемъ мѣстѣ, не переставая кричать и размахивать на всѣ стороны руками.

Лошади, разумѣется, Антонъ не отыскалъ; между тѣмъ безъ денегъ нельзя и на глаза показываться Никитѣ Ѳедорычу. Возвращаясь домой, послѣ напрасныхъ поисковъ, Антонъ встрѣтилъ побирушку Архаровну и, зная, что у ней водятся деньги, просилъ помощи. Архаровна, благодарная за постоянно ласковый пріемъ, который она всегда встрѣчала въ домѣ Антона, обѣщалась исполнить его просьбу. Но когда они подходили къ тому мѣсту въ лѣсу, гдѣ были спрятаны деньги, на Горемыку бросился братъ его Ермолай и другой мужикъ Петръ, которые занимались воровствомъ и разбоемъ и добычу хранили у Архаровны. Они сначала въ темнотѣ приняли Антона за недобраго человѣка, покушающагося ихъ обокрасть, но когда Архаровна описала имъ затруднительное положеніе Горемыки, они обѣщались помочь ему. Имъ теперь это было легко, потому что нѣсколько часовъ тому назадъ Ермолай и Петръ ограбили и убили на большой дорогѣ купца. Они повели Антона съ собой въ кабакъ. Тамъ ихъ поймали: Антонъ сдѣлался невольнымъ участникомъ злодѣйства и по своей робости, простотѣ, никакъ не могъ оправдаться. Не избѣжала слѣдствія и Архаровна. Всѣ четверо сосланы въ Сибирь.

———

XLIV. ТУРГЕНЕВЪ.

Записки охотника.

ХОРЬ И КАЛИНЫЧЪ.

Кому случалось изъ Болховскаго уѣзда перебираться въ Жиздринскій, того, вѣроятно, поражала рѣзкая разница между породой людей въ Орловской губерніи и Калужской породой. Орловскій мужикъ невеликъ ростомъ, сутуловатъ, угрюмъ, глядитъ изъ подлобья, живетъ въ дрянныхъ осиновыхъ избенкахъ, ходитъ на барщину, торговлей не занимается, ѣстъ плохо, носитъ лапти. Калужскій оброчный мужикъ обитаетъ въ просторныхъ сосновыхъ избахъ, высокъ ростомъ, глядитъ смѣло и весело, лицомъ чистъ и бѣлъ, торгуетъ масломъ и дегтемъ и по праздникамъ ходитъ въ сапогахъ. Орловская деревня (мы говоримъ о восточной части Орловской губерніи) обыкновенно расположена среди распаханныхъ полей, близъ оврага, кое-какъ превращеннаго въ грязный прудъ. Кромѣ немногихъ ракитъ, всегда готовыхъ къ услугамъ, да двухъ-трехъ тощихъ березъ, деревца на версту кругомъ не увидишь; изба лѣпится къ избѣ, крыши закиданы гнилой соломой.... Калужская деревня, напротивъ, большею частью окружена лѣсомъ; избы стоятъ вольнѣй и прямѣй, крыты тесомъ; ворота плотно запираются, плетень на задворкѣ не разметанъ и не вывалился наружу, не зоветъ въ гости всякую прохожую свинью.... И для охотника въ Калужской губерніи лучше. Въ Орловской губерніи послѣдніе лѣса и площадя (*) исчезнутъ лѣтъ черезъ пять, а болотъ и въ поминѣ нѣтъ; въ Калужской, напротивъ, засѣки тянутся на сотни, болота на десятки верстъ, и не перевелась еще благородная птица — тетеревъ, водится добродушный дупель, и хлопотунья куропатка своимъ порывистымъ взлетомъ веселитъ и пугаетъ стрѣлка и собаку.

Въ качествѣ охотника посѣщая Жиздринскій уѣздъ, сошелся я въ полѣ и познакомился съ однимъ Калужскимъ мелкимъ помѣщикомъ, Полутыкинымъ, страстнымъ охотникомъ и, слѣдовательно, отличнымъ человѣкомъ. Водились за нимъ, правда, нѣкоторыя слабости: онъ, напримѣръ, сватался за всѣхъ богатыхъ невѣстъ въ губерніи и, получивъ отказъ отъ руки и отъ дому, съ сокрушеннымъ сердцемъ довѣрялъ свое горе всѣмъ друзьямъ и знакомымъ, а родителямъ невѣстъ продолжалъ посылать въ подарокъ кислые персики и другія сырыя произведенія своего сада; любилъ повторять одинъ и тотъ же анекдотъ, который, не смотря на уваженіе г-на Полутыкина къ его достоинствамъ, рѣшительно никогда никого не смѣшилъ; хвалилъ сочиненія Акима Нахимова и повѣсть: *Пинну*, заикался; называлъ свою собаку астрономомъ; вмѣсто *однако* говорилъ *одначе*, и завелъ у себя въ домѣ французскую кухню, тайна которой, по понятіямъ его повара, состояла въ полномъ измѣненіи естественнаго вкуса каждаго кушанья: мясо у этого искусника отзывалось рыбой, рыба — грибами, макароны — порохомъ; за то ни одна морковка не попадала въ супъ, не принявъ вида ромба, или трапеціи. Но, за исключеніемъ этихъ немногихъ и незначительныхъ недостатковъ, г-нъ Полутыкинъ былъ, какъ уже сказано, отличный человѣкъ.

Въ первый же день моего знакомства съ г. Полутыкинымъ, онъ пригласилъ меня на ночь къ себѣ.

— До меня верстъ пять будетъ, прибавилъ онъ: — пѣшкомъ идти далеко; зайдемте сперва къ Хорю. (Читатель позволитъ мнѣ не передавать его заиканья).

— А что такой Хорь?

— А мой мужикъ.... Онъ отсюда близехонько.

(*) Площадями называются въ Орловской губерніи большія сплошныя массы кустовъ. Орловское нарѣчіе отличается вообще множествомъ своебытныхъ, иногда весьма мѣткихъ, иногда довольно безобразныхъ, словъ и оборотовъ.

Мы отправились къ нему. Посреди лѣса, на расчищенной и разработанной полянѣ, возвышалась одинокая усадьба Хоря. Она состояла изъ нѣсколькихъ сосновыхъ срубовъ, соединенныхъ заборами; передъ главной избой тянулся навѣсъ, подпертый тоненькими столбиками. Мы вошли. Насъ встрѣтилъ молодой парень, лѣтъ двадцати, высокій и красивый.

— А, Ѳедя! дома Хорь? спросилъ его г-нъ Полутыкинъ.

— Нѣтъ. Хорь въ городъ уѣхалъ, отвѣчалъ парень, улыбаясь и показывая рядъ бѣлыхъ, какъ снѣгъ, зубовъ. — Телѣжку заложить прикажете?

— Да, братъ, телѣжку. Да принеси намъ квасу.

Мы вошли въ избу. Ни одна суздальская картина не залѣпляла чистыхъ бревенчатыхъ стѣнъ; въ углу передъ тяжелымъ образомъ въ серебряномъ окладѣ теплилась лампадка; липовый столъ недавно былъ выскобленъ и вымытъ; между бревнами и по косякамъ оконъ не скиталось рѣзвыхъ прусаковъ, не скрывалось задумчивыхъ таракановъ. Молодой парень скоро появился съ большой бѣлой кружкой, наполненной хорошимъ квасомъ, съ огромнымъ ломтемъ пшеничнаго хлѣба и съ дюжиной соленыхъ огурцовъ въ деревянной мискѣ. Онъ поставилъ всѣ эти припасы на столъ, прислонился къ двери и началъ съ улыбкой на насъ поглядывать. Не успѣли мы доѣсть нашей закуски, какъ уже телѣга застучала передъ крыльцомъ. Мы вышли. Мальчикъ лѣтъ пятнадцати, кудрявый и краснощекій, сидѣлъ кучеромъ и съ трудомъ удерживалъ сытаго пѣгаго жеребца. Кругомъ телѣги стояло человѣкъ шесть молодыхъ великановъ, очень похожихъ другъ на друга и на Ѳедю. — «Все дѣти Хоря»! замѣтилъ Полутыкинъ. — «Все Хорьки», подхватилъ Ѳедя, который вышелъ вслѣдъ за нами на крыльцо; и да еще не всѣ: Потапъ въ лѣсу, а Сидоръ уѣхалъ со старымъ Хоремъ въ городъ.... Смотри-же, Вася», продолжалъ онъ, обращаясь къ кучеру: — «духомъ сомчи: барина везешь. Только на толчкахъ-то, смотри, потише: и телѣгу-то попортишь, да и барское черево обезпокоишь!» — Остальные Хорьки усмѣхнулись отъ выходки Ѳеди. — «Посадить астронома!» торжественно воскликнулъ г-нъ Полутыкинъ. Ѳедя, не безъ удовольствія, поднялъ на воздухъ принужденно-улыбавшуюся собачку и положилъ ее на дно телѣги. Вася далъ вожжи лошади. Мы покатили. — «А вотъ это моя контора», сказалъ мнѣ вдругъ г-нъ Полутыкинъ, указывая на небольшой низенькій домикъ: — «хотите зайти?» — «Извольте». — «Она теперь упразднена», замѣтилъ онъ, слѣзая: — «а все посмотрѣть стоитъ.» — Контора состояла изъ двухъ пустыхъ комнатъ. Сторожъ, кривой старикъ, прибѣжалъ съ задворья — «Здравствуй, Миняичъ», проговорилъ г-нъ Полутыкинъ: «а гдѣ же вода?» Кривой старикъ исчезъ и тотчасъ вернулся съ бутылкой воды и двумя стаканами. «Отвѣдайте», сказалъ мнѣ Полутыкинъ: — «это у меня хорошая, ключевая вода». Мы выпили по стакану, при чемъ старикъ намъ кланялся въ поясъ. — «Ну, теперь, кажется, мы можемъ ѣхать, замѣтилъ мой новый пріятель. «Въ этой конторѣ я продалъ купцу Аллилуеву четыре десятины лѣсу за выгодную цѣну». Мы сѣли въ телѣгу и черезъ полчаса уже въѣзжали на дворъ господскаго дома.

— Скажите, пожалуйста, спросилъ я Полутыкина за ужиномъ: — отчего у васъ Хорь живетъ отдѣльно отъ прочихъ вашихъ мужиковъ?

— А вотъ отчего: онъ у меня мужикъ умный. Лѣтъ двадцать пять тому назадъ, изба у него сгорѣла; вотъ и пришелъ онъ къ моему покойному батюшкѣ и говоритъ: дескать, позвольте мнѣ, Николай Кузьмичъ, поселиться у васъ въ лѣсу на болотѣ. Я вамъ стану оброкъ платить хорошій. Да зачѣмъ тебѣ селиться на болотѣ? — Да ужъ такъ; только вы, батюшка, Николай Кузьмичъ, ни въ какую работу употреблять меня ужъ не извольте, а оброкъ положите,

какой сами знаете.—Пятьдесятъ рублевъ въ годъ!—Извольте.—Да безъ недоимокъ у меня, смотри. Извѣстно, безъ недоимокъ.... Вотъ онъ и поселился на болотѣ. Съ тѣхъ поръ Хоремъ его и прозвали.

— Ну и разбогатѣлъ? спросилъ я.

— Разбогатѣлъ. Теперь онъ мнѣ сто цѣлковыхъ оброка платитъ, да еще я, пожалуй, накину. Я ужъ ему не разъ говорилъ: откупись, Хорь; эй, откупись!... А, онъ бестія, меня увѣряетъ, что нечѣмъ, денегъ, дескать, нѣту... Да, какъ-бы не такъ!...

На другой день мы тотчасъ послѣ чаю опять отправились на охоту. Проѣзжая черезъ деревню, г-нъ Полутыкинъ велѣлъ кучеру остановиться у низенькой избы и звучно воскликнулъ: «Калинычъ!» — «Сей-часъ, батюшка, сей-часъ», раздался голосъ со двора:—«лапоть подвязываю». — Мы поѣхали шагомъ; за деревней догналъ насъ человѣкъ лѣтъ сорока, высокаго роста, худой, съ небольшой загнутой назадъ головкой. Это былъ Калинычъ. Его добродушное смуглое лицо, кое-гдѣ отмѣченное рябинами, мнѣ понравилось съ перваго взгляда. Калинычъ (какъ узналъ я послѣ) каждый день ходилъ съ бариномъ на охоту, носилъ его сумку, иногда и ружье, замѣчалъ, гдѣ садится птица, доставалъ воды, набиралъ земляники, устроивалъ шалаши, бѣгалъ за дрожками; безъ него г-нъ Полутыкинъ шагу ступить не могъ. Калинычъ былъ человѣкъ самаго веселаго, самаго кроткаго нрава, безпрестанно попѣвалъ въ полголоса, беззаботно поглядывалъ во всѣ стороны, говорилъ немного въ носъ, улыбаясь прищуривалъ свои свѣтлоголубые глаза и часто брался рукою за свою жидкую клиновидную бороду. Ходилъ онъ нескоро, но большими шагами, слегка подпираясь длинной и тонкой палкой. Въ теченье дня онъ не разъ заговаривалъ со мною, услуживалъ мнѣ безъ раболѣпства, но за бариномъ наблюдалъ, какъ за ребенкомъ. Когда невыносимый полуденный зной заставилъ насъ искать убѣжища, онъ свелъ насъ на свою пасѣку, въ самую глушь лѣса. Калинычъ отворилъ намъ избушку, увѣшанную пучками сухихъ душистыхъ травъ, уложилъ насъ на свѣжемъ сѣнѣ, а самъ надѣлъ на голову родъ мѣшка съ сѣткой, взялъ ножъ, горшокъ и головешку и отправился на пасѣку вырѣзать намъ сотъ. Мы запили прозрачный, теплый медъ ключевой водой и заснули подъ однообразное жужжанье пчелъ и болтливый лепетъ листьевъ.—Легкій порывъ вѣтерка разбудилъ меня... Я открылъ глаза и увидѣлъ Калиныча: онъ сидѣлъ на порогѣ полураскрытой двери и ножомъ вырѣзывалъ ложку. Я долго любовался его лицомъ, кроткимъ и яснымъ, какъ вечернее небо. Г-нъ Полутыкинъ тоже проснулся. Мы не тотчасъ встали. Пріятно послѣ долгой ходьбы и глубокаго сна лежать неподвижно на сѣнѣ: тѣло нѣжится и томится, легкимъ жаромъ пышетъ лицо, сладкая лѣнь смыкаетъ глаза. Наконецъ мы встали и опять пошли бродить до вечера. За ужиномъ я заговорилъ опять о Хорѣ да о Калинычѣ. «Калинычъ — добрый мужикъ,» сказалъ мнѣ г. Полутыкинъ:—усердный и услужливый мужикъ; хозяйство въ исправности одначе содержать не можетъ: я его все оттягиваю. Каждый день со мной на охоту ходитъ... Какое ужъ тутъ хозяйство,—посудите сами».—Я съ нимъ согласился, и мы легли спать.

На другой день г-нъ Полутыкинъ принужденъ былъ отправиться въ городъ по дѣлу съ сосѣдомъ Пичуковымъ. Сосѣдъ Пичуковъ запахалъ у него землю и на запаханной землѣ высѣкъ его же бабу. На охоту поѣхалъ я одинъ и передъ вечеромъ завернулъ къ Хорю. На порогѣ избы встрѣтилъ меня старикъ лысый, низкаго роста, плечистый и плотный—самъ Хорь. Я съ любопытствомъ посмотрѣлъ на этого Хоря. Складъ его лица напоминалъ Сократа: такой же высокій, шишковатый лобъ, такіе же маленькіе глазки, такой же курносый носъ. Мы вошли вмѣстѣ въ избу. Тотъ же Өедя принесъ мнѣ молока съ чернымъ хлѣбомъ.

Хорь присѣлъ на скамью и преспокойно поглаживая свою курчавую бороду, вступилъ со мною въ разговоръ. Онъ, казалось, чувствовалъ свое достоинство, говорилъ и двигался медленно, изрѣдка посмѣивался изъ-подъ длинныхъ своихъ усовъ.

Мы съ нимъ толковали о посѣвѣ, объ урожаѣ, о крестьянскомъ бытѣ.... Онъ со мной все какъ-будто соглашался; только потомъ мнѣ становилось совѣстно, и я чувствовалъ, что говорю не то... Такъ оно какъ-то странно выходило. Хорь выражался иногда мудрено, должно быть изъ осторожности... Вотъ вамъ образчикъ нашего разговора:

— Послушай-ка, Хорь, говорилъ я ему:—отчего ты не откупишься отъ своего барина?

— А для чего мнѣ откупаться? Теперь я своего барина знаю и оброкъ свой знаю... баринъ у насъ хорошій.

— Все же лучше на свободѣ? замѣтилъ я. Хорь посмотрѣлъ на меня сбоку.

— Вѣстимо, проговорилъ онъ.

— Ну, такъ отчего же ты не откупаешься? Хорь покрутилъ головой.

— Чѣмъ, батюшка, откупиться прикажешь?

— Ну, полно, старина...

— Попалъ Хорь въ вольные люди, продолжалъ онъ въ полголоса, какъ будто про себя:—кто безъ бороды живетъ, тотъ Хорю и набольшій.

— А ты самъ бороду сбрѣй.

— Что борода: борода—трава: скосить можно.

— Ну, такъ что жъ?

— А, знать, Хорь прямо въ купцы попадетъ; купцамъ-то жизнь хорошая, да и тѣ въ бородахъ.

— А что, вѣдь ты тоже торговлей занимаешься? спросилъ я его.

— Торгуемъ помаленьку маслишкомъ да дегтишкомъ... Что же телѣжку, батюшка, прикажешь заложить?

«Крѣпокъ ты на языкъ и человѣкъ себѣ-на-умѣ», подумалъ я.—Нѣтъ, сказалъ я вслухъ:—телѣжки мнѣ не надо; я завтра около твоей усадьбы похожу и, если позволишь, останусь ночевать у тебя въ сѣнномъ сараѣ.

— Милости просимъ. Да покойно ли тебѣ будетъ въ сараѣ? Я прикажу бабамъ послать тебѣ простыню и положить подушку. — Эй бабы! вскричалъ онъ, поднимаясь съ мѣста:—сюда, бабы!... А ты, Ѳедя, поди съ ними. Бабы, вѣдь, народъ глупый.

Четверть часа спустя, Ѳедя съ фонаремъ проводилъ меня въ сарай. Я бросился на душистое сѣно, собака свернулась у ногъ моихъ; Ѳедя пожелалъ мнѣ доброй ночи, дверь заскрипѣла и захлопнулась. Я довольно долго не могъ заснуть. Корова подошла къ двери, шумно дохнула раза два; собака съ достоинствомъ на нее зарычала; свинья прошла мимо, задумчиво хрюкая; лошадь гдѣ-то въ близости стала жевать сѣно и фыркать.... я наконецъ задремалъ.

На зарѣ Ѳедя разбудилъ меня. Этотъ веселый, бойкій парень очень мнѣ нравился да и, сколько я могъ замѣтить, у стараго Хоря онъ тоже былъ любимцемъ. Они оба весьма любезно другъ надъ другомъ подтрунивали. Старикъ вышелъ ко мнѣ на встрѣчу. Отъ того ли, что я провелъ ночь подъ его кровомъ, по другой ли какой причинѣ, только Хорь гораздо ласковѣе вчерашняго обошелся со мной.

— Самоваръ тебѣ готовъ, сказалъ онъ мнѣ съ улыбкой: — пойдемъ чай пить.

Мы усѣлись около стола. Здоровая баба, одна изъ его невѣстокъ, принесла горшокъ съ молокомъ. Всѣ его сыновья поочередно входили въ избу.— «Что у тебя за рослый народъ!» замѣтилъ я старику.

— Да, промолвилъ онъ, откусывая крошечный кусокъ сахару:—на меня, да на мою старуху жаловаться, кажись, имъ нечего.

— И всѣ съ тобой живутъ?

— Всѣ. Сами хотятъ, такъ и живутъ.

— И всѣ женаты?

— Вонъ одинъ, пострѣлъ, не женится, отвѣчалъ онъ, указывая на Ѳедю, который по-прежнему прислонился къ двери. Васька, тотъ еще молодъ, тому погодить можно.

— А что мнѣ жениться? возразилъ Ѳедя:—мнѣ и такъ хорошо. На что мнѣ жена? Лаяться съ ней, что ли?

— Ну, ужь ты... ужь я тебя знаю! кольца серебряныя носишь... Тебѣ бы все съ дворовыми дѣвками нюхаться... Полноте, безстыдники! продолжалъ старикъ, передразнивая горничныхъ.—Ужь я тебя знаю, бѣлоручка ты эдакой!

— А въ бабѣ-то что хорошаго?

— Баба—работница, важно замѣтилъ Хорь. — Баба мужику слуга.

— Да на что мнѣ работница?

— То-то чужими руками жаръ загребать любишь. Знаемъ мы вашего брата.

— Ну, жени меня, коли такъ. А? что! Чтожъ ты молчишь?

— Ну, полно, полно, балагуръ. Вишь, барина мы съ тобой безпокоимъ. Женю, небось... А ты, батюшка, не гнѣвись: дитятко, видишь, малое, разуму не успѣло набраться.

Ѳедя покачалъ головой....

— Дома Хорь? раздался за дверью знакомый голосъ,—и Калинычъ вошелъ въ избу съ пучкомъ полевой земляники въ рукахъ, которую нарвалъ онъ для своего друга Хоря. Старикъ радушно его привѣтствовалъ. Я съ изумленіемъ поглядѣлъ на Калиныча: признаюсь, я не ожидалъ такихъ «нѣжностей» отъ мужика.

Я въ этотъ день пошелъ на охоту часами четырьмя позднѣе обыкновеннаго и слѣдующіе три дня провелъ у Хоря. Меня занимали новые мои знакомые. Не знаю, чѣмъ я заслужилъ ихъ довѣріе, но они непринужденно разговаривали со мной. Я съ удовольствіемъ слушалъ ихъ и наблюдалъ за ними. Оба пріятеля нисколько не походили другъ на друга. Хорь былъ человѣкъ положительный, практическій, административная голова, раціоналистъ; Калинычъ, напротивъ, принадлежалъ къ числу идеалистовъ, романтиковъ, людей восторженныхъ и мечтательныхъ. Хорь понималъ дѣйствительность, то есть: обстроился, накопилъ деньжонку, ладилъ съ бариномъ и съ прочими властями; Калинычъ ходилъ въ лаптяхъ и перебивался кое-какъ. Хорь расплодилъ большое семейство, покорное и единодушное; у Калиныча была когда-то жена, которой онъ боялся, а дѣтей и не бывало вовсе. Хорь насквозь видѣлъ г-на Полутыкина; Калинычъ благоговѣлъ передъ своимъ господиномъ. Хорь любилъ Калиныча и оказывалъ ему покровительство; Калинычъ любилъ и уважалъ Хоря. Хорь говорилъ мало, посмѣивался и разумѣлъ про себя; Калинычъ объяснялся съ жаромъ, хотя и не пѣлъ соловьемъ, какъ бойкій фабричный человѣкъ.... Но Калинычъ былъ одаренъ преимуществами, которыя признавалъ самъ Хорь, напримѣръ: онъ заговаривалъ кровь, испугъ, бѣшенство, выгонялъ червей; пчелы ему дались, рука у него была легка. Хорь при мнѣ попросилъ его ввести въ конюшню новокупленную лошадь, и Калинычъ съ добросовѣстною важностью исполнилъ просьбу стараго скептика. Калинычъ стоялъ ближе къ природѣ; Хорь же—къ людямъ, къ обществу. Калинычъ не любилъ разсуждать и всему вѣрилъ слѣпо; Хорь возвышался даже до иронической точки зрѣнія на жизнь. Онъ много видѣлъ, много зналъ, и отъ него я многому научился. Напримѣръ: изъ разсказовъ узналъ я, что каждое лѣто, передъ покосомъ, появляется въ деревняхъ небольшая тележка особеннаго вида. Въ этой тележкѣ сидитъ человѣкъ въ кафтанѣ и продаетъ косы. На наличныя деньги онъ беретъ рубль двадцать пять копѣекъ—полтора рубля ассигнаціями; въ долгъ три рубля и цѣлковый. Всѣ мужики, разумѣется, берутъ у него въ долгъ. Черезъ двѣ—три недѣли онъ появляется снова и требуетъ денегъ. У мужика овесъ только-что скошенъ, ста-

ло быть, заплатить есть чѣмъ; онъ идетъ съ купцомъ въ кабакъ, и тамъ уже расплачивается. Иные помѣщики вздумали было покупать сами косы на наличныя деньги и раздавать въ долгъ мужикамъ по той же цѣнѣ; но мужики оказались недовольными и даже впали въ унынiе: ихъ лишали удовольствiя щелкать по косѣ, прислушиваться, перевертывать ее въ рукахъ и разъ двадцать спросить у плутоватаго мѣщанина-продавца: «а что, малый, коса-то не больно того?»—Тѣ же самыя продѣлки происходятъ и при покупкѣ серповъ, съ тою только разницей, что тутъ бабы вмѣшиваются въ дѣло и доводятъ иногда самого продавца до необходимости, для ихъ же пользы, поколотить ихъ. Но болѣе всего страдаютъ бабы вотъ при какомъ случаѣ. Поставщики матерiяла на бумажныя фабрики поручаютъ закупку тряпья особеннаго рода людямъ, которые въ иныхъ уѣздахъ называются иногда «орлами». Такой орелъ получаетъ отъ купца рублей двѣсти асс. и отправляется на добычу. Но, въ противность благородной птицѣ, отъ которой онъ получилъ свое имя, онъ не нападаетъ открыто и смѣло: напротивъ, «орелъ» прибѣгаетъ къ хитрости и лукавству. Онъ оставляетъ свою телѣжку гдѣ-нибудь въ кустахъ около деревни, а самъ отправляется по задворьямъ да по задамъ, словно прохожiй какой нибудь, или просто праздношатающiйся. Бабы чутьемъ угадываютъ его приближенье и крадутся къ нему на встрѣчу. Въ торопяхъ совершается торговая сдѣлка. За нѣсколько мѣдныхъ грошей баба отдастъ «орлу» не только всякую ненужную тряпицу, но даже часто мужнину рубаху и собственную понёву. Въ последнее время бабы нашли выгоднымъ красть у самихъ себя и сбывать такимъ образомъ пеньку, въ особенности «замашки»,—важное распространенiе и усовершенствованiе промышленности «орловъ». Но за то мужики, въ свою очередь, навострились, и при малѣйшемъ подозрѣнiи, при одномъ отдаленномъ слухѣ о появленiи «орла», быстро и живо приступаютъ къ исправительнымъ и предохранительнымъ мѣрамъ. И, въ самомъ дѣлѣ, не обидно ли? Пеньку продавать ихъ дѣло,—и они ее точно продаютъ—не въ городъ,—въ городъ надо самимъ тащиться,—а прiѣзжимъ торгашамъ, которые, за неимѣньемъ безмѣна, считаютъ пудъ въ сорокъ горстей—а вы знаете, что̀ за горсть и что̀ за ладонь у русскаго человѣка, особенно, когда онъ «усердствуетъ!»—Такихъ разсказовъ я, человѣкъ неопытный и въ деревнѣ не «живалый» (какъ у насъ въ Орлѣ говорится), наслушался вдоволь. Но Хорь не все разсказывалъ, онъ самъ меня расправшивалъ о многомъ. Узналъ онъ, что я былъ заграницей, и любопытство его разгорѣлось.... Калинычъ отъ него не отставалъ; но Калиныча болѣе трогали описанiя природы, горъ, водопадовъ, необыкновенныхъ зданiй, большихъ городовъ; Хоря занимали вопросы административные и государственные. Онъ перебиралъ все по порядку.—Что̀ у нихъ это тамъ есть также, какъ у насъ, аль иначе?... Ну, говори, батюшка,—какъ же?...—«А! ахъ, Господи, твоя воля!» восклицалъ Калинычъ во время моего разсказа. Хорь молчалъ, хмурилъ густыя брови и лишь изрѣдка замѣчалъ, что «дескать это у насъ не шло-бы, а вотъ это хорошо --это порядокъ».—Всѣхъ его разспросовъ я передать вамъ не могу, да и незачѣмъ; но изъ нашихъ разговоровъ я вынесъ одно убѣжденье, котораго, вѣроятно, никакъ не ожидаютъ читатели,—убѣжденье, что Петръ Великiй былъ по преимуществу русскiй человѣкъ, русскiй, именно, въ своихъ преобразованiяхъ. Русскiй человѣкъ такъ увѣренъ въ своей силѣ и крѣпости, что онъ не прочь и поломать себя; онъ мало занимается своимъ прошедшимъ и смѣло глядитъ впередъ. Что̀ хорошо, то̀ ему и нравится, что̀ разумно--того ему и подавай, а откуда оно идетъ — ему все равно. Его здравый смыслъ охотно подтрунитъ надъ сухопарымъ нѣмецкимъ разсудкомъ; но нѣмцы, по словамъ Хоря, любопытный народецъ, и поучиться

у нихъ онъ готовъ. Благодаря исключительности своего положенія, своей фактической независимости, Хорь говорилъ со мной о многомъ, чего изъ другаго рычагомъ не выворотишь, какъ выражаются мужики, жерновомъ не вымелешь. Онъ дѣйствительно понималъ свое положенье. Толкуя съ Хоремъ, я въ первый разъ услышалъ простую, умную рѣчь русскаго мужика. Его познанія были довольно, по-своему, обширны, но читать онъ не умѣлъ; Калинычъ—умѣлъ. «Этому шалопаю грамота далась», замѣтилъ Хорь:—«у него и пчелы отродясь не мерли.»—«А дѣтей ты своихъ выучилъ грамотѣ?»—Хорь помолчалъ: — «Ѳедя знаетъ». — «А другіе?»—«Другіе не знаютъ».—«А что?»—Старикъ не отвѣчалъ и перемѣнилъ разговоръ. Впрочемъ, какъ онъ уменъ ни былъ, водились и за нимъ многіе предразсудки и предубѣжденія. Бабъ онъ, напримѣръ, презиралъ отъ глубины души, а въ веселый часъ тѣшился и издѣвался надъ ними. Жена его, старая и сварливая, цѣлый день не сходила съ печи и безпрестанно ворчала и бранилась; сыновья не обращали на нее вниманія; по невѣстокъ она содержала въ страхѣ Божіемъ. Не даромъ въ русской пѣсенкѣ свекровь поетъ: «какой ты мнѣ сынъ, какой семьянинъ! не бьешь ты жены, не бьешь молодой...» Я разъ было вздумалъ заступиться за невѣстокъ, попытался возбудить состраданіе Хоря; но онъ спокойно возразилъ мнѣ, что «охота-де вамъ такими... пустяками заниматься,—пускай бабы ссорятся.... Ихъ что разнимать—то хуже, да и рукъ марать не стоитъ.» Иногда злая старуха, слѣзая съ печи, вызывала изъ сѣней дворовую собаку, приговаривая: «сюды, сюды, собачка!» и била ее по худой спинѣ кочергой, или становилась подъ навѣсъ и «лаялась», какъ выражался Хорь, со всѣми проходящими. Мужа своего она, однако же, боялась, и по его приказанію, убиралась къ себѣ на печь. Но особенно любопытно было послушать споръ Калиныча съ Хоремъ, когда дѣло доходило до г-на Полутыкина. «Ужъ ты, Хорь, у меня его не трогай», говорилъ Калинычъ. «А что-жь онъ тебѣ сапоговъ не сошьетъ?» возражалъ тотъ. — «Эка, сапоги!... на что мнѣ сапоги? Я мужикъ....»—«Да вотъ и я мужикъ, а вишь....» При этомъ словѣ Хорь подымалъ свою ногу и показывалъ Калинычу сапогъ, скроенный, вѣроятно, изъ мамонтовой кожи.—«Эхъ, да ты развѣ нашъ братъ!» отвѣчалъ Калинычъ. — «Ну, хоть-бы на лапти далъ: вѣдь, ты съ нимъ на охоту ходишь; чай, что̀ день, то лапти».—«Онъ мнѣ даетъ на лапти».—«Да, въ прошломъ году гривенникъ пожаловалъ».—Калинычъ съ досадой отворачивался, а Хорь заливался смѣхомъ, при чемъ его маленькіе глазки исчезали совершенно.

Калинычъ пѣлъ довольно пріятно и поигрывалъ на балалайкѣ. Хорь слушалъ, слушалъ его, загибалъ вдругъ голову на-бокъ и начиналъ подтягивать жалобнымъ голосомъ. Особенно любилъ онъ пѣсню: «доля ты моя, доля!» Ѳедя не упускалъ случая подтрунить надъ отцомъ. «Чего, старикъ, разжалобился?» Но Хорь подпиралъ щеку рукой, закрывалъ глаза и продолжалъ жаловаться на свою долю.... За то, въ другое время, не было человѣка дѣятельнѣе его: вѣчно надъ чѣмъ нибудь копается — телѣгу чинитъ, заборъ подпираетъ, сбрую пересматриваетъ. Особенной чистоты онъ, однако, не придерживался и на мои замѣчанія отвѣчалъ мнѣ однажды, что «надо-де избѣ жильемъ пахнуть».

— Посмотри-ка, возразилъ я ему:—какъ у Калиныча на пасѣкѣ чисто.

— Пчелы-бъ жить не стали, батюшка, сказалъ онъ со вздохомъ.

— А что̀, спросилъ онъ меня въ другой разъ:—у тебя своя вотчина есть?—«Есть». — «Далеко отсюда?» — «Верстъ сто».—«Что̀-жъ ты, батюшка, живешь въ своей вотчинѣ?»—«Живу».—«А больше, чай, ружьемъ пробавляешься?»—«Признаться, да».—«И хорошо, батюшка, дѣлаешь; стрѣляй себѣ на здоровье тетеревовъ, да старосту мѣняй почаще».

На четвертый день, вечеромъ, г. Полутыкинъ прислалъ за мной. Жаль мнѣ было разставаться съ старикомъ. Вмѣстѣ съ Калинычемъ сѣлъ я въ телѣгу. «Ну, прощай, Хорь, будь здоровъ, сказалъ я.... Прощай, Ѳедя».—«Прощай, батюшка, прощай, незабывай насъ». Мы поѣхали; заря только что разгоралась.—«Славная погода завтра будетъ», замѣтилъ я, глядя на свѣтлое небо. — «Нѣтъ, дождь пойдетъ», возразилъ мнѣ Калинычъ: «утки вонъ плещутся, да и трава больно сильно пахнетъ». — Мы въѣхали въ кусты. Калинычъ запѣлъ въ полголоса, подпрыгивая на облучкѣ, и все глядѣлъ да глядѣлъ на зорю....

На другой день я покинулъ гостепріимный кровъ г. Полутыкина.

Малиновая вода.

Въ началѣ августа жары часто стоятъ нестерпимые. Въ это время отъ двѣнадцати до трехъ часовъ самый рѣшительный и сосредоточенный человѣкъ не въ состояніи охотиться, и самая преданная собака начинаетъ «чистить охотнику шпоры», т. е. идетъ за нимъ шагомъ, болѣзненно прищуривъ глаза и увеличенно высунувъ языкъ; а въ отвѣтъ на укоризны своего господина униженно виляетъ хвостомъ и выражаетъ смущеніе на лицѣ, но впередъ не подвигается. Именно въ такой день случилось мнѣ быть на охотѣ. Долго противился я искушенію прилечь гдѣ нибудь въ тѣни, хоть на мгновеніе; долго моя неутомимая собака продолжала рыскать по кустамъ, хотя сама видимо ничего не ожидала путнаго отъ своей лихорадочной дѣятельности. Удушливый зной принудилъ меня, наконецъ, подумать о сбереженіи послѣднихъ нашихъ силъ и способностей. Кое-какъ дотащился я до рѣчки Исты, уже знакомой моимъ снисходительнымъ читателямъ, спустился съ кручи и пошелъ по желтому и сырому песку въ направленіи ключа, извѣстнаго во всемъ околодкѣ подъ названіемъ «Малиновой воды». Ключъ этотъ бьетъ изъ разсѣлины берега, превратившейся мало-по-малу въ небольшой, но глубокій оврагъ, и въ двадцати шагахъ оттуда съ веселымъ и болтливымъ шумомъ впадаетъ въ рѣку. Дубовые кусты разрослись по скатамъ оврага; около родника зеленѣетъ короткая, бархатная травка; солнечные лучи почти никогда не касаются его холодной, серебристой влаги. Я добрался до ключа; на травѣ лежала черпалка изъ бересты, оставленная прохожимъ мужикомъ на пользу общую. Я напился, прилегъ въ тѣнь и взглянулъ кругомъ. У залива, образованнаго впаденіемъ источника въ рѣку, и оттого вѣчно покрытаго мелкой рябью, сидѣли ко мнѣ спиной два старика: одинъ, довольно плотный и высокаго роста, въ темнозеленомъ опрятномъ кафтанѣ и пуховомъ картузѣ, удилъ рыбу; другой—худенькій и маленькій, въ мухояровомъ заплатанномъ сюртучкѣ и безъ шапки, держалъ на колѣняхъ горшокъ съ червями и изрѣдка проводилъ рукой по сѣдой своей головкѣ, какъ бы желая предохранить ее отъ солнца. Я вглядѣлся въ него попристальнѣе и узналъ въ немъ Шумихинскаго Степушку.

Прошу позволенія читателя представить ему этого человѣка.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ моей деревни находится большое село Шумихино, съ каменной церковью, воздвигнутой во имя преподобныхъ Козьмы и Даміана. Напротивъ этой церкви нѣкогда красовались обширныя господскія хоромы, окруженныя разными пристройками, службами, мастерскими, конюшнями, грунтовыми и каретными сараями, банями и временными кухнями, флигелями для гостей и управляющихъ, цвѣточными оранжереями, качелями для народа, и другими, болѣе или менѣе полезными, зданіями. Въ этихъ хоромахъ жили богатые помѣщики, и все у нихъ шло своимъ порядкомъ,—какъ вдругъ, въ одно прекрасное утро, вся эта благодать сгорѣла до-тла. Господа перебрались въ другое гнѣздо; усадьба запу-

стѣла. Обширное пепелище превратилось въ огородъ, кой-гдѣ загроможденный грудами кирпичей, остатками прежнихъ фундаментовъ. Изъ уцѣлѣвшихъ бревенъ на скорую руку сколотили избенку, покрыли ее барочнымъ тесомъ, купленнымъ лѣтъ за десять для построенія павильона на готическій манеръ, и поселили въ ней садовника Митрофана съ женой Аксиньей и семью дѣтьми. Митрофану приказали поставлять на господскій столъ, за полтораста верстъ, зелень и овощи; Аксиньѣ поручили надзоръ за тирольской коровой, купленной въ Москвѣ за большія деньги, но, къ сожалѣнію, лишенной всякой способности воспроизведенія, и потому со времени пріобрѣтенія не дававшей молока; ей же на руки отдали хохлатаго дымчатаго селезня, единственную «господскую» птицу; дѣтямъ, по причинѣ малолѣтства, не опредѣлили никакихъ должностей, что, впрочемъ, нисколько не помѣшало имъ совершенно облѣниться. У этого садовника мнѣ случалось раза два переночевать; мимоходомъ забиралъ я у него огурцы, которые, Богъ вѣдаетъ почему, даже лѣтомъ отличались величиной, дряннымъ водянистымъ вкусомъ и толстой желтой кожей. У него-то увидалъ я впервые Стёпушку. Кромѣ Митрофана съ его семьей, да стараго глухаго ктитора Герасима, проживавшаго Христа-ради въ коморочкѣ у кривой солдатки, ни одного двороваго человѣка не осталось въ Шумихинѣ, потому что Степушку, съ которымъ я намѣренъ познакомить читателя, нельзя было считать ни за человѣка вообще, ни за двороваго въ особенности.

Всякій человѣкъ имѣетъ хоть какое-бы то ни было положеніе въ обществѣ, хоть какія-нибудь да связи; всякому дворовому выдается если не жалованье, то, по крайней мѣрѣ, такъ называемое «отвѣсное». Степушка не получалъ рѣшительно никакихъ пособій, не состоялъ въ родствѣ ни съ кѣмъ, никто не зналъ о его существованіи. У этого человѣка даже прошедшаго не было; о немъ не говорили; онъ и по ревизіи едва-ли числился. Ходили темные слухи, что состоялъ онъ когда-то у кого-то въ камердинерахъ; но кто онъ, откуда онъ, чей сынъ, какъ попалъ въ число Шумихинскихъ подданныхъ, какимъ образомъ добылъ мухояровый, съ незапамятныхъ временъ носимый имъ, кафтанъ, гдѣ живетъ, чѣмъ живетъ,—объ этомъ рѣшительно никто не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, да и правду сказать, никого не занимали эти вопросы. Дѣдушка Трофимычъ, который зналъ родословную всѣхъ дворовыхъ въ восходящей линіи до четвертаго колѣна, и тотъ разъ только сказалъ, что, дескать помнится, Степану приходится родственницей турчанка, которую покойный баринъ, бригадиръ Алексѣй Романычъ, изъ похода въ обозѣ изволилъ привезти. Даже, бывало, въ праздничные дни, дни всеобщаго жалованья и угощенія хлѣбомъ-солью, гречишными пирогами и зеленымъ виномъ, по старинному русскому обычаю,—даже и въ эти дни Степушка не являлся къ выставленнымъ столамъ и бочкамъ, не кланялся, не подходилъ къ барской рукѣ, не выпивалъ духомъ стакана подъ господскимъ взглядомъ и за господское здоровье, стакана, наполненнаго жирною рукою прикащика; развѣ какая добрая душа, проходя мимо, удѣлитъ бѣднягѣ недоѣденный кусокъ пирога. Въ Свѣтлое Воскресенье съ нимъ христосовались, но онъ не подворачивалъ замасленнаго рукава, не доставалъ изъ задняго кармана своего краснаго яичка, не подносилъ его, задыхаясь и моргая, молодымъ господамъ или даже самой барынѣ. Проживалъ онъ лѣтомъ въ клети, позади курятника, а зимой въ предбанникѣ; въ сильные морозы ночевалъ на сѣновалѣ. Его привыкли видѣть, иногда даже давали ему пинка, но никто съ нимъ не заговаривалъ, и онъ самъ кажется, отъ роду рта не разинулъ. Послѣ пожара, этотъ заброшенный человѣкъ пріютился или, какъ говорятъ Орловцы, «притулился» у садовника Митрофана. Садовникъ не тронулъ его,

не сказалъ ему: живи у меня, да и не прогналъ его. Степушка и не жилъ у садовника: онъ обиталъ, виталъ на огородѣ. Ходилъ онъ и двигался безо всякаго шуму; чихалъ и кашлялъ въ руку, не безъ страха, вѣчно хлопоталъ и возился втихомолку, словно муравей: и все для ѣды, для одной ѣды. И точно, не заботься онъ съ утра до вечера о своемъ пропитаніи, — умеръ бы мой Степушка съ голоду. Плохое дѣло не знать поутру, чѣмъ къ вечеру сытъ будешь! То подъ заборомъ Степушка сидитъ и рѣдьку гложетъ, или морковь сосетъ, или грязный кочанъ капусты крошитъ; то ведро съ водой куда-то тащитъ и кряхтитъ; то подъ горшечкомъ огонекъ раскладываетъ и какіе-то черные кусочки изъ-за пазухи въ горшокъ бросаетъ; то у себя въ чуланчикѣ деревяшкой постукиваетъ, гвоздикъ приколачиваетъ, полочку для хлѣбца устроиваетъ. И все это онъ дѣлаетъ молча, словно изъ-за угла: глядь, ужь и спрятался. А то вдругъ отлучится дня на два; его отсутствія, разумѣется, никто не замѣчаетъ... Смотришь, ужь онъ опять тутъ, опять гдѣ-нибудь около забора подъ таганчикъ щепочки украдкой подкладываетъ. Лицо у него маленькое, глазки желтенькіе, волосы вплоть до бровей, носикъ остренькій, уши пребольшія, прозрачныя, какъ у летучей мыши, борода словно двѣ недѣли тому назадъ выбрита, и никогда ни меньше не бываетъ ни больше. Вотъ этого-то Степушку я встрѣтилъ на берегу Исты въ обществѣ другаго старика.

Я подошелъ къ нимъ, поздоровался и присѣлъ съ ними рядомъ. Въ товарищѣ Степушки я узналъ тоже знакомаго: это былъ вольноотпущенный человѣкъ графа Петра Ильича*** Михайло Савельевъ, по прозвищу Туманъ. Онъ проживалъ у Болховскаго чахоточнаго мѣщанина, содержателя постоялаго двора, гдѣ я довольно часто останавливался. Проѣзжающіе по большой Орловской дорогѣ молодые чиновники и другіе незанятые люди (купцамъ, погруженнымъ въ свои полосатыя перины, не до того) до сихъ поръ еще могутъ замѣтить въ недальнемъ разстояніи отъ большаго села Троицкаго огромный деревянный домъ въ два этажа, совершенно заброшенный, съ провалившейся крышей и наглухо забитыми окнами, выдвинутый на самую дорогу. Въ полдень, въ ясную, солнечную погоду, ничего нельзя вообразить печальнѣе этой развалины. Здѣсь нѣкогда жилъ графъ Петръ Ильичъ, извѣстный хлѣбосолъ, богатый вельможа стараго вѣку. Бывало, вся губернія съѣзжалась у него, плясала и веселилась наславу, при оглушительномъ громѣ доморощенной музыки, трескотнѣ бураковъ и римскихъ свѣчей; и, вѣроятно, не одна старушка, проѣзжая теперь мимо запустѣлыхъ боярскихъ палатъ, вздохнетъ и вспомянетъ минувшія времена и минувшую молодость. Долго пировалъ графъ, долго расхаживалъ, привѣтливо улыбаясь, въ толпѣ подобострастныхъ гостей; но имѣнья его, къ несчастію, не хватило на цѣлую жизнь. Разорившись кругомъ, отправился онъ въ Петербургъ искать себѣ мѣста и умеръ въ нумерѣ гостинницы, не дождавшись никакого рѣшенія. Туманъ служилъ у него дворецкимъ и еще при жизни графа получилъ отпускную. Это былъ человѣкъ лѣтъ семидесяти, съ лицомъ правильнымъ и пріятнымъ. Улыбался онъ почти постоянно, какъ улыбаются теперь одни люди Екатерининскаго времени—добродушно и величаво; разговаривая, медленно выдвигалъ и сжималъ губы, ласково щурилъ глаза и произносилъ слова нѣсколько въ носъ. Сморкался и нюхалъ табакъ онъ, тоже, не торопясь, словно дѣло дѣлалъ.

— Ну что, Михайло Савельичъ, началъ я:—наловилъ рыбы?

— А вотъ извольте въ плетушку заглянуть; двухъ окуньковъ залучилъ да головликовъ штукъ пять... Покажь Степка. Степушка протянулъ ко мнѣ плетушку.

— Какъ ты поживаешь, Степанъ? спросилъ я его.

— И... и... и... ничего—о, батюшка, помаленьку, отвѣчалъ Степанъ, запинаясь, словно пуды языкомъ ворочалъ.

— А Митрофанъ здоровъ?

— Здоровъ, ка-какъ же, батюшка.

Бѣднякъ отвернулся,

— Да плохо что-то клюетъ, заговорилъ Туманъ:—жарко больно; рыба-то вся подъ кусты забилась, спитъ... Надѣнь-ко червяка, Стёпа. (Степушка досталъ червяка, положилъ на ладонь, хлопнулъ по немъ раза два, надѣлъ на крючокъ, поплевалъ и подалъ Туману.) Спасибо, Степа... А вы, батюшка, продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ:—охотиться изволите?

— Какъ видишь.

— Такъ-съ... А что̂ это у васъ пѐсикъ аглицкій, или фурлянскій какой?

Старикъ любилъ при случаѣ показать себя: дескать, и мы живали въ свѣтѣ!

— Не знаю, какой породы, а хорошъ.

— Такъ-съ... А съ собаками изволите ѣздить?

— Своры двѣ у меня есть.

Туманъ улыбнулся и покачалъ головой.

— Оно точно, иной до собакъ охотникъ, а иному ихъ даромъ не нужно. Я такъ думаю, по простому моему разуму: собакъ больше для важности, такъ сказать, держать слѣдуетъ... И чтобы все ужь и было въ порядкѣ: и лошади чтобъ были въ порядкѣ, и псари, какъ слѣдуетъ, въ порядкѣ, и все. Покойный графъ — царство ему небесное—охотникомъ отродясь, признаться, не бывалъ, а собакъ держалъ и раза два въ годъ выѣзжать изволилъ. Соберутся псари на дворѣ въ красныхъ кафтанахъ съ галунами и въ трубу протрубятъ; ихъ сіятельство выдти изволятъ, и коня ихъ сіятельству подведутъ; ихъ сіятельство сядутъ, а главный ловчій имъ ножки въ стремена вдѣнетъ, шапку съ головы сниметъ и поводья въ шапкѣ подастъ. Ихъ сіятельство арапельникомъ этакъ изволятъ щелкнуть, а псари загогочутъ да и двинутся со двора долой. Стремянной-то за графомъ поѣдетъ, а самъ на шолковой своркѣ двухъ любимыхъ барскихъ собачекъ держитъ и этакъ наблюдаетъ, знаете... И сидитъ-то онъ, стремянной-то, высоко, высоко, на казацкомъ сѣдлѣ, краснощекій такой, глазищами такъ и водитъ... Ну, и гости, разумѣется, при этомъ случаѣ бываютъ. И забава, и почетъ соблюденъ... Ахъ, сорвался, азіятецъ! прибавилъ онъ вдругъ, дернувъ удочкой.

— А что, говорятъ, графъ таки пожилъ на своемъ вѣку? спросилъ я.

Старикъ поплевалъ на червяка и закинулъ удочку.

— Вельможественный былъ человѣкъ, извѣстно-съ. Къ нему, бывало, первыя, можно сказать, особы изъ Петербурга заѣзжали. Въ голубыхъ лентахъ, бывало, за столомъ сидятъ и кушаютъ. Ну, да ужь и угощать былъ мастеръ. Призоветъ, бывало, меня: «Туманъ», говоритъ, мнѣ къ завтрешнему числу живыхъ стерлядей требуется: прикажи достать, слышишь». — «Слушаю ваше сіятельство.»—Кафтаны шитые, парики, трости, духи, ладеколонъ перваго сорта, табакерки, картины этакія большущія, изъ самаго Парижа выписывалъ. Задастъ банкетъ,—Господи, владыко живота моего! фейверки пойдутъ, катанья! Даже изъ пушекъ палятъ. Музыкантовъ однихъ сорокъ человѣкъ на лицо состояло. Капельмейстера изъ нѣмцевъ держалъ, да зазнался больно нѣмецъ, съ господами за однимъ столомъ кушать захотѣлъ, такъ и велѣли ихъ сіятельство прогнать его съ Богомъ: у меня и такъ, говоритъ, музыканты свое дѣло понимаютъ. Извѣстно: господская власть. Плясать пустятся—до зари пляшутъ, и все больше лакосезъ-матрадура.... Э... э... э... попался братъ! (Старикъ вытащилъ изъ воды небольшаго окуня.) На-ко, Степа.—Баринъ былъ, какъ слѣдуетъ, баринъ, продолжалъ старикъ, закинувъ опять удочку:—и душа была тоже добрая. Побьетъ,

бывало, тебя; смотришь, ужъ и позабылъ.

. . . .

Да.... А все-таки хорошо было времячко! прибавилъ старикъ съ глубокимъ вздохомъ, потупился и умолкъ.

— А баринъ-то, я вижу, у васъ былъ строгъ? началъ я, послѣ небольшаго молчанія.

— Тогда это было во вкусѣ, батюшка, возразилъ старикъ, качнувъ головой.

— Теперь ужъ этого не дѣлается, замѣтилъ я, не спуская съ него глазъ.

Онъ посмотрѣлъ на меня съ боку.

— Теперь, вѣстимо, лучше, пробормоталъ онъ — и далеко закинулъ удочку.

Мы сидѣли въ тѣни; но и въ тѣни было душно. Тяжелый знойный воздухъ словно замеръ; горячее лицо съ тоской искало вѣтра, да вѣтра-то не было. Солнце такъ и било съ синяго, потемнѣвшаго неба; прямо передъ нами на другомъ берегу желтѣло овсяное поле, кой-гдѣ поросшее полынью, и хоть бы одинъ колосъ пошевельнулся. Немного пониже, крестьянская лошадь стояла въ рѣкѣ по колѣни и лѣниво обмахивалась мокрымъ хвостомъ; изрѣдка подъ нависшимъ кустомъ всплывала большая рыба, пускала пузыри и тихо погружалась на дно, оставивъ за собою легкую зыбь. Кузнечики трещали въ порыжѣлой травѣ; перепела кричали какъ-бы нехотя; ястреба плавно носились надъ полями и часто останавливались на мѣстѣ, быстро махая крыламп и распустивъ хвостъ вѣеромъ. Мы сидѣли неподвижно, подавленные жаромъ. Вдругъ, позади насъ, въ оврагѣ раздался шумъ: кто-то спускался къ источнику. Я оглянулся и увидалъ мужика лѣтъ пятидесяти, запыленнаго, въ рубашкѣ, въ лаптяхъ, съ плетеной котомкой и армякомъ за плечами. Онъ подошелъ къ ключу, съ жадностію напился и приподнялся.

— Э, Власъ! воскликнулъ Туманъ вглядѣвшись въ него:—здорово, братъ! Откуда Богъ принесъ?

— Здорово, Михайла Савельичъ, проговорилъ мужикъ, подходя къ намъ;—издалеча.

— Гдѣ пропадалъ? спросилъ его Туманъ.

— А въ Москву сходилъ, къ барину.

— Зачѣмъ?

— Просить его ходилъ.

— О чемъ его просить?

— Да чтобъ оброку сбавилъ, аль на барщину посадилъ, переселилъ, что-ли... Сынъ у меня умеръ, —такъ мнѣ одному теперь не справиться.

— Умеръ твой сынъ?

— Умеръ. Покойникъ, прибавилъ мужикъ, помолчавъ:—у меня въ Москвѣ въ извощикахъ жилъ; за меня, признаться, и оброкъ взносилъ.

— Да развѣ вы теперь на оброкѣ?

— На оброкѣ.

— Что-жъ твой баринъ?

— Что баринъ? Прогналъ меня. Говоритъ, какъ смѣешь прямо ко мнѣ идти: на то есть прикащикъ; ты, говоритъ, сперва прикащику обязанъ донести.... да и куда я тебя переселю? Ты, говоритъ, сперва недоимку за себя взнеси. Осерчалъ вовсе.

— Ну что-жь, ты и пошелъ назадъ?

— И пошелъ. Хотѣлъ, было, справиться, не оставилъ-ли покойникъ какого по себѣ добра, да толку не добился. Я хозяину-то его говорю: я, молъ, Филиповъ отецъ; а онъ мнѣ говоритъ: а я почемъ знаю? Да и сынъ твой ничего, говоритъ, не оставилъ; еще у меня въ долгу. Ну, я и пошелъ.

Мужикъ разсказывалъ намъ все это съ усмѣшкой, словно о другомъ рѣчь шла; но на маленькіе и съеженные его глазки навертывалась слезинка, губы его подергивало.

— Что-жь ты теперь, домой идешь?

— А то куда? Извѣстно, домой. Жена, чай, теперь съ голоду въ кулакъ свиститъ.

— Да ты бы... того... заговорилъ

внезапно Степушка, — смѣшался, замолчалъ, и принялся копаться въ горшкѣ.

— А къ прикащику пойдешь? продолжалъ Туманъ, не безъ удивленія взглянувъ на Степу.

— Зачѣмъ я къ нему пойду?... За мной и такъ недоимка. Сынъ-то у меня передъ смертію съ годъ хворалъ, такъ и за себя оброку не взнесъ.... Да мнѣ съ-пола-горя: взять-то съ меня нечего... Ужь братъ, какъ ты тамъ ни хитри,—шалишь. Безотвѣтная моя голова! (Мужикъ разсмѣялся). Ужь онъ тамъ какъ ни мудри, Кинтильянъ-то Семенычъ,—а ужь...

Власъ опять засмѣялся.

— Что-жь? это плохо, братъ Власъ, съ разстановкой произнесъ Туманъ.

— А чѣмъ плохо? Нѣ... (У Власа голосъ прервался) эка жара стоитъ, продолжалъ онъ, утирая лицо рукавомъ.

— Кто вашъ баринъ? спросилъ я:

— Графъ***, Валеріанъ Петровичъ.

— Сынъ Петра Ильича?

— Петра Ильича сынъ, отвѣчалъ Туманъ. Петръ Ильичъ , покойникъ, Власову-то деревню ему при жизни удѣлилъ.

— Что, онъ здоровъ?

— Здоровъ, слава Богу, возразилъ Власъ. Красный такой сталъ, лицо словно обложилось.

— Вотъ, батюшка, продолжалъ Туманъ, обращаясь ко мнѣ: — добро-бы подъ Москвой, а то здѣсь на оброкъ посадилъ.

— А почемъ съ тягла?

— Девяносто пять рублевъ съ тягла, пробормоталъ Власъ.

— Ну, вотъ, видите; а земли самая малость, только и есть, что господскій лѣсъ.

— Да и тотъ, говорятъ, продали, замѣтилъ мужикъ.

— Ну, вотъ, видите... Степа, дай-ка червяка... А, Степа? что ты, заснулъ, что-ли?

Степушка встрепенулся. Мужикъ подсѣлъ къ намъ. Мы опять пріумолкли. На другомъ берегу кто-то затянулъ пѣсню, да такую унылую... Пригорюнился мой бѣдный Власъ...

Чрезъ полчаса мы разошлись.

XLV. ГОНЧАРОВЪ.

Обыкновенная исторія. Романъ 1847 г.

Александръ Ѳедоровичъ Адуевъ, молодой, небогатый помѣщикъ, пріѣхалъ въ Петербургъ на службу. Тамъ уже давно служилъ дядя его, Петръ Ивановичъ, и уже занималъ теперь хорошее мѣсто. Остановившись въ конторѣ дилижансовъ, Александръ отправился къ дядѣ, но не нашелъ его дома и только оставилъ привезенныя изъ деревни письма. Дядя, возвратившись домой, перечиталъ эти письма, наполненныя просьбами и воспоминаніями, потомъ сталъ бриться. За этимъ дѣломъ засталъ его Александръ.

Онъ было бросился на шею къ дядѣ, но тотъ, пожимая мощной рукой его нѣжную, юношескую руку, держалъ его въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ себя, какъ будто для того, чтобы наглядѣться на него, а болѣе, кажется, за тѣмъ, чтобы остановить этотъ порывъ и ограничиться пожатіемъ.

— Мать твоя правду пишетъ, сказалъ онъ:—ты живой портретъ покойнаго брата: я бы узналъ тебя на улицѣ. Но ты лучше его. Ну, я безъ церемоніи буду продолжать бриться, а ты садись вотъ сюда — напротивъ, чтобъ я могъ видѣть тебя, и давай бесѣдовать.

За этимъ Петръ Иванычъ началъ дѣлать свое дѣло, какъ-будто тутъ никого небыло, и намыливалъ щеки, натягивая языкомъ то ту, то другую. Александръ былъ сконфуженъ этимъ пріемомъ и не зналъ, какъ начать разговоръ. Онъ приписалъ холодность дяди тому, что не остановился прямо у него.

— Ну, что твоя матушка? Здорова-ли? Я думаю постарѣла? спросилъ дядя, дѣлая разныя грамасы передъ зеркаломъ.

— Маменька, слава Богу, здорова, кланяется вамъ, и тетушка Марья Павловна тоже, сказалъ робко Александръ Ѳедорычъ.—Тетушка поручила мнѣ об-

нять васъ... Онъ всталъ и подошелъ къ дядѣ, чтобъ поцѣловать его въ щеку, или въ голову, или въ плечо, или, наконецъ, во что удастся.

— Тетушкѣ твоей пора-бы, съ лѣтами, быть умнѣе, а она, я вижу, все такая же дура, какъ была двадцать лѣтъ тому назадъ...

Озадаченный Александръ задомъ воротился на свое мѣсто.

— Вы получили, дядюшка, письмо?.. сказалъ онъ.

— Да, получилъ.

— Василій Тихонычъ Заѣзжаловъ, началъ Александръ Өедорычъ:—убѣдительно проситъ васъ справиться и похлопотать о его дѣлѣ...

— Да, онъ пишетъ ко мнѣ... У васъ еще не перевелись такіе ослы?

Александръ не зналъ, что и подумать—такъ его сразили эти отзывы.

— Извините, дядюшка... началъ онъ почти съ трепетомъ.

— Что?

— Извините, что я не пріѣхалъ прямо къ вамъ, а остановился въ конторѣ дилижансовъ... Я не зналъ вашей квартиры...

— Въ чемъ тутъ извиняться? Ты очень хорошо сдѣлалъ. Матушка твоя, Богъ знаетъ, что выдумала. Какъ-бы ты ко мнѣ пріѣхалъ, не знавши, можно-ли у меня остановиться, или нѣтъ? Квартира у меня, какъ видишь, холостая, для одного: зала, гостиная, столовая, кабинетъ, еще рабочій кабинетъ, гардеробная да туалетная—лишней комнаты нѣтъ. Я-бы стѣснилъ тебя, а ты меня... А я нашелъ для тебя, здѣсь-же въ домѣ, квартиру.

— Ахъ, дядюшка! сказалъ Александръ:—какъ мнѣ благодарить васъ за эту заботливость?

И онъ опять вскочилъ съ мѣста, съ намѣреніемъ словомъ и дѣломъ доказать свою признательность.

— Тише, тише, не трогай! заговорилъ дядя:—бритвы преострыя, того и гляди обрѣжешься самъ и меня обрѣжешь.

Александръ увидѣлъ, что ему, не смотря на всѣ усилія, не удастся въ тотъ день ни разу обнять и прижать къ груди обожаемаго дядю, и отложилъ это намѣреніе до другаго раза.

— Комната превеселенькая, началъ Петръ Ивановичъ:—окнами немного въ стѣну приходится, да вѣдь ты не станешь все у окна сидѣть; если дома, такъ займешься чѣмъ-нибудь, а въ окна зѣвать некогда. И недорога — сорокъ рублей въ мѣсяцъ. Для человѣка есть передняя. Надо пріучаться тебѣ съ самаго начала жить одному, безъ няньки; завести свое маленькое хозяйство, т. е. имѣть дома свой столъ, чай, словомъ, свой уголъ—un chez soi, какъ говорятъ французы. Тамъ ты можешь свободно принимать кого хочешь... Впрочемъ, когда я дома обѣдаю, то милости прошу и тебя, а въ другіе дни здѣсь молодые люди, обыкновенно, обѣдаютъ въ трактирѣ, но я совѣтую тебѣ посылать за своимъ обѣдомъ: дома покойнѣе и не рискуешь столкнуться Богъ знаетъ съ кѣмъ. Такъ-ли?

— Я, дядюшка, очень благодаренъ...

— Что за благодарность? вѣдь ты мнѣ родня? я исполняю свой долгъ. Ну, я теперь одѣнусь и поѣду: у меня и служба, и заводъ.

— Я не зналъ, дядюшка, что у васъ есть заводъ.

— Стеклянный и фарфоровый; впрочемъ, я не одинъ—насъ трое компаньоновъ.

— Хорошо идетъ?

— Да, порядочно; сбываемъ больше во внутреннія губерніи, на ярмарки. Послѣдніе два года хоть куда! Если-бъ еще этакъ лѣтъ пять, такъ и того... Одинъ компаньонъ, правда, не очень надеженъ — все мотаетъ, да я умѣю держать его въ рукахъ. Ну, до свиданія; ты теперь посмотри городъ, пофланируй, пообѣдай гдѣ-нибудь, а вечеромъ приходи ко мнѣ пить чай, я дома буду, тогда поговоримъ. Эй, Ва-

силій! ты покажешь ему комнату и поможешь ему тамъ устроиться.

«Такъ вотъ какъ здѣсь, въ Петербургѣ... думалъ Александръ, сидя въ новомъ своемъ жилищѣ: — если родной дядя такъ, чтожъ прочіе?...»

Молодой Адуевъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ въ сильной задумчивости, а Евсей говорилъ самъ съ собою, убирая комнату:

«Что это за житье здѣсь, ворчалъ онъ:—у Петра Иваныча кухня-то, слышь, разъ въ мѣсяцъ топится, люди-то у чужихъ обѣдаютъ... Эко, Господи! ну, народецъ, нечего сказать, а еще петербургскіе называются. У насъ и собака каждая изъ своей плошки лакаетъ».

Александръ, кажется, раздѣлялъ мнѣніе Евсея, хотя и молчалъ. Онъ подошелъ къ окну и увидѣлъ однѣ трубы, да крыши, да чорные, грязные, кирпичные бока домовъ... и сравнилъ съ тѣмъ, что видѣлъ, назадъ тому двѣ недѣли, изъ окна своего деревенскаго дома. Ему стало грустно. Онъ вышелъ на улицу—суматоха, всѣ бѣгутъ куда-то, занятые только собой, едва взглядывая на проходящихъ, и то развѣ для того, чтобъ не наткнуться другъ на друга. Онъ вспомнилъ про свой губернскій городъ, гдѣ каждая встрѣча, съ кѣмъ бы то ни было, по чему-нибудь интересна. То вотъ Иванъ Иванычъ идетъ къ Петру Петровичу—и всѣ въ городѣ знаютъ зачѣмъ. То Марья Мартыновна ѣдетъ отъ вечерни, то Аѳанасій Савичъ на рыбную ловлю. Тамъ проскакалъ, сломя голову, жандармъ отъ губернатора къ доктору, и всякій знаетъ, что ея превосходительство изволитъ родить, хотя, по мнѣнію разныхъ кумушекъ и бабушекъ, объ этомъ заранѣе знать не слѣдовало бы. Всѣ спрашиваютъ что: дочку или сына? Барыни готовятъ парадные чепцы. Вонъ Матвѣй Матвѣичъ вышелъ изъ дому, съ толстой палкой, въ шестомъ часу вечера, и всякому извѣстно, что онъ идетъ дѣлать вечерній моціонъ, что у него безъ того желудокъ не варитъ, и что онъ остановится непремѣнно у окна стараго совѣтника, который, также извѣстно, пьетъ въ это время чай. Съ кѣмъ ни встрѣтишься—поклонъ да пару словъ, а съ кѣмъ и некланяешься, такъ знаешь, кто онъ, куда и зачѣмъ идетъ, и у того въ глазахъ написано: и я знаю, кто вы, куда и зачѣмъ идете. Если наконецъ встрѣтятся незнакомые, еще невидавшіе другъ друга, то вдругъ лица обоихъ превращаются въ знаки вопроса; они остановятся и оборотятся назадъ раза два, а пришедши домой, опишутъ и походку и костюмъ новаго лица, и пойдутъ толки и догадки, и кто, и откуда, и зачѣмъ. А здѣсь такъ взглядомъ и сталкиваютъ прочь съ дороги, какъ будто всѣ враги между собою.

Александръ сначала съ провинціальнымъ любопытствомъ вглядывался въ каждаго встрѣчнаго и каждаго порядочно одѣтаго человѣка, принимая ихъ, то за какого нибудь министра или посланника, то за писателя: «не онъ ли? думалъ онъ:—не этотъ ли»? Но вскорѣ это надоѣло ему—министры, посланники, писатели встрѣчались на каждомъ шагу. Онъ посмотрѣлъ на домы—и ему стало еще скучнѣе: на него наводили тоску эти однообразныя каменныя громады, которыя, какъ колоссальныя гробницы, сплошною массою тянутся одна за другою. Вотъ кончается улица, сейчасъ будетъ приволье глазамъ, думалъ онъ—или горка, или зелень, или развалившійся заборъ,—нѣтъ, опять начинается та же каменная ограда одинакихъ домовъ съ четырьмя рядами оконъ. И эта улица кончилась, ее преграждаетъ опять то же, а тамъ новый порядокъ такихъ же домовъ. Заглянешь направо, на лѣво—всюду обступили васъ, какъ рать исполиновъ, дома, дома и дома, камень и камень, все одно да одно... нѣтъ простора и выхода взгляду: заперты со всѣхъ сторонъ, — кажется, и мысли и чувства людскія также заперты.

. . . .

На другой день вечеромъ, въ 11 часовъ, дядя прислалъ звать его пить чай.

— Я только-что изъ театра, сказалъ дядя, лежа на диванѣ.

— Какъ жаль, что вы не сказали мнѣ давича, дядюшка: я бы пошелъ вмѣстѣ съ вами.

— Я былъ въ креслахъ, кудажъ ты, на колѣни бы ко мнѣ сѣлъ? сказалъ Петръ Ивановичъ. Вотъ завтра поди-себѣ одинъ.

— Одному грустно въ толпѣ, дядюшка, не съ кѣмъ подѣлиться впечатлѣніемъ....

— И не зачѣмъ! надо умѣть, и чувствовать и думать, словомъ, жить одному; современемъ понадобится. Да еще тебѣ до театра надо одѣться прилично.

Александръ посмотрѣлъ на свое платье и удивился словамъ дяди.—Чѣмъ же я неприлично одѣтъ? думалъ онъ:—синій сюртукъ, синіе панталоны...

— У меня, дядюшка, много платья, сказалъ онъ:—шилъ Кёнигштейнъ; онъ у насъ на губернатора работаетъ.

— Нужды нѣтъ, все таки оно не годится, на дняхъ я завезу тебя къ своему портному; но это пустяки. Есть о чемъ важнѣе поговорить. Скажи-ка, за чѣмъ ты сюда пріѣхалъ?

— Я пріѣхалъ... жить.

— Жить? т. е. если ты подъ этимъ разумѣешь ѣсть, пить и спать, такъ не стоило труда ѣздить такъ далеко: тебѣ такъ не удастся ни поѣсть, ни поспать здѣсь, какъ тамъ, у себя; а если ты думалъ что нибудь-другое, такъ объяснись...

— Пользоваться жизнію, хотѣлъ я сказать, прибавилъ Александръ, весь покраснѣвъ:—мнѣ въ деревнѣ надоѣло—все одно и тоже...

— А! вотъ что! Что жъ, ты наймешь бель-этажъ на Невскомъ проспектѣ, заведешь карету, составишь большой кругъ знакомства, откроешь у себя дни?

— Вѣдь это очень дорого, замѣтилъ наивно Александръ.

— Мать пишетъ, что она дала тебѣ тысячу рублей: этого мало, сказалъ Петръ Ивановичъ.—Вотъ одинъ мой знакомый недавно пріѣхалъ сюда, ему тоже надоѣло въ деревнѣ; онъ хочетъ пользоваться жизнію, такъ тотъ привезъ пятьдесятъ тысячъ и ежегодно будетъ получать по стольку же. Онъ точно будетъ пользоваться жизнію въ Петербургѣ, а ты нѣтъ! ты не затѣмъ пріѣхалъ.

— По словамъ вашимъ, дядюшка, выходитъ, что я какъ будто самъ не знаю, зачѣмъ я пріѣхалъ.

— Почти такъ; это лучше сказано: тутъ есть правда; только все еще нехорошо. Неужели ты, какъ сбирался сюда, не задалъ себѣ этого вопроса: зачѣмъ я ѣду? Это было бы не лишнее.

— Прежде, нежели я задалъ себѣ этотъ вопросъ, у меня уже былъ готовъ отвѣтъ! съ гордостію отвѣчалъ Александръ.

— Такъ что же ты не говоришь? ну, зачѣмъ?

— Меня влекло какое-то неодолимое стремленіе, жажда благородной дѣятельности, во мнѣ кипѣло желаніе уяснить и осуществить...

Петръ Иванычъ приподнялся немного съ дивана, вынулъ изо рта сигару и навострилъ уши.

— Осуществить тѣ надежды, которыя толпились...

— Не пишешь ли ты стиховъ? вдругъ спросилъ Петръ Иванычъ.

— И прозой и стихами, дядюшка; прикажете принести?

— Нѣтъ, нѣтъ!... послѣ когда нибудь; я такъ только спросилъ.

— А что?

— Да ты такъ говоришь...

— Развѣ нехорошо?

— Нѣтъ, — можетъ быть, очень хорошо, да дико.

— У насъ профессоръ эстетики такъ говорилъ и считался самымъ краснорѣчивымъ профессоромъ, сказалъ смутившійся Александръ.

— О чемъ же онъ такъ говорилъ!

— О своемъ предметѣ.

— А!

— Какъ же, дядюшка, мнѣ говорить?

— Попроще, какъ всѣ, а не какъ профессоръ эстетики. Впрочемъ, этого вдругъ растолковать нельзя; ты послѣ самъ увидишь. Ты, кажется, хочешь сказать, сколько я могу припомнить университетскія лекціи и перевести твои слова, что ты пріѣхалъ сюда дѣлать карьеру и фортуну—такъ ли?

— Да, дядюшка, карьеру...

— И фортуну, прибавилъ Петръ Ивановичъ: что за карьера безъ фортуны? Мысль хороша, только... напрасно ты пріѣзжалъ.

— Отчего же? Надѣюсь, вы не по собственному опыту говорите это? сказалъ Александръ, глядя вокругъ себя.

— Дѣльно замѣчено. Точно, я хорошо обставленъ и дѣла мои недурны. Но сколько я посмотрю, ты и я — большая разница.

— Я никакъ не смѣю сравнивать себя съ вами...

— Не въ томъ дѣло; ты, можетъ быть, вдесятеро умнѣе и лучше меня... да у тебя, кажется, натура не такая, чтобъ поддалась новому порядку; а тамошній порядокъ—ой, ой! Ты, вонъ изнѣженъ и избалованъ матерью; гдѣ тебѣ выдержать все, что я выдержалъ? Ты, должно быть, мечтатель, а мечтать здѣсь некогда; подобные намъ ѣздятъ сюда дѣло дѣлать.

— Можетъ быть, я въ состояніи что нибудь сдѣлать, если вы не оставите меня своими совѣтами и опытностію...

— Совѣтовать боюсь. Я не ручаюсь за твою деревенскую натуру: выйдетъ вздоръ — станешь пенять на меня; а мнѣніе свое сказать, изволь—не отказываюсь, ты слушай или не слушай, какъ хочешь. Да нѣтъ! я не надѣюсь на удачу. У васъ тамъ свой взглядъ на жизнь: какъ переработаешь его? Вы помѣшались на любви, на дружбѣ, да на прелестяхъ жизни, на счастьи; думаютъ, что жизнь только въ этомъ и состоитъ: ахъ да охъ! плачутъ, хнычутъ да любезничаютъ, а дѣла не дѣлаютъ... какъ я отучу тебя отъ всего этого?—мудрено!

— Я постараюсь, дядюшка, приноровиться къ современнымъ понятіямъ. Уже сегодня, глядя на эти огромныя зданія, на корабли, принесшіе намъ дары дальнихъ странъ, я подумалъ объ успѣхахъ современнаго человѣчества, я понялъ волненіе этой разумно-дѣятельной толпы, готовъ слиться съ нею...

Петръ Ивановичъ, при этомъ монологѣ, значительно поднялъ брови и пристально посмотрѣлъ на племянника. Тотъ остановился.

— Дѣло, кажется, простое, сказалъ дядя: — а они, Богъ знаетъ, что заберутъ въ голову... «разумно-дѣятельная толпа!!» Право, лучше бы тебѣ остаться тамъ. Прожилъ бы ты вѣкъ свой славно; былъ бы тамъ умнѣе всѣхъ, прослылъ бы сочинителемъ и краснорѣчивымъ человѣкомъ, вѣрилъ бы въ вѣчную и неизмѣнную дружбу и любовь, въ родство, счастье, женился бы и незамѣтно дожилъ бы до старости и въ самомъ дѣлѣ былъ бы по своему счастливъ; а по здѣшнему ты счастливъ небудешь: здѣсь всѣ эти понятія надо перевернуть вверхъ дномъ.

— Какъ, дядюшка, развѣ дружба и любовь—эти священныя и высокія чувства, упавшія какъ-будто ненарочно съ неба въ земную грязь...

— Что?

Александръ замолчалъ.

— «Любовь и дружба въ грязь упали!» Ну, какъ ты этакъ здѣсь брякнешь?

— Развѣ онѣ не тѣ же и здѣсь, какъ тамъ? хочу я сказать.

— Есть и здѣсь любовь и дружба,— гдѣ нѣтъ этого добра? только не такая какъ тамъ, у васъ; современемъ увидишь самъ... Ты прежде всего забудь эти *священныя* да *небесныя* чувства, а приглядывайся къ дѣлу такъ, проще, какъ оно есть; право лучше, будешь и говорить проще. Впрочемъ, это не мое дѣло. Ты пріѣхалъ сюда; не ворочаться-же назадъ: если не найдешь чего искалъ, пеняй на себя. Я предупрежу тебя, что хорошо, по моему мнѣнію, что

дурно, а тамъ, какъ хочешь... Попробуемъ, можетъ быть, удастся что-нибудь изъ тебя сдѣлать. Да! матушка просила снабжать тебя деньгами... знаешь, что я тебѣ скажу: не проси у меня ихъ: это всегда нарушаетъ доброе согласіе между порядочными людьми. Впрочемъ, не думай, чтобъ я тебѣ отказывалъ: нѣтъ, если придется такъ, что другаго средства не будетъ, такъ ты, нечего дѣлать, обратись ко мнѣ... Все у дяди лучше взять, чѣмъ у чужаго, по-крайнѣй мѣрѣ безъ процентовъ. Да чтобъ не прибѣгать къ этой крайности, я тебѣ поскорѣй найду мѣсто, чтобъ ты могъ доставать деньги. Ну, до свиданья. Заходи по утру, мы переговоримъ, что̀ и ка̀къ начать.

Александръ Ѳедорычъ пошелъ домой.

— Послушай, не хочешь ли ты поужинать? сказалъ Петръ Ивановичъ ему въ слѣдъ.

— Да, дядюшка... я бы пожалуй...

— У меня ничего нѣтъ.

Александръ молчалъ. «Зачѣмъ же это обязательное предложеніе?» думалъ онъ.

— Стола я дома не держу, а трактиры теперь заперты, продолжалъ дядя. — Вотъ тебѣ и урокъ на первый случай — привыкай. У васъ встаютъ и ложатся по солнцу, ѣдятъ, пьютъ, когда велитъ природа; холодно, такъ надѣнутъ себѣ шапку съ наушниками, да и знать ничего не хотятъ; свѣтло — такъ день, темно — такъ ночь. У тебя вонъ слипаются глаза, а я еще за работу сяду: къ концу мѣсяца надо счеты свести. Дышете вы тамъ круглый годъ свѣжимъ воздухомъ, а здѣсь и это удовольствіе стоитъ денегъ — и все такъ! совершенные антиподы! Здѣсь вотъ и не ужинаютъ, особенно на свой счетъ, и на мой тоже. Это тебѣ даже полезно: не станешь стонать и метаться по ночамъ, а крестить мнѣ тебя нѣкогда.

— Къ этому, дядюшка, легко привыкнуть...

— Хорошо, если такъ. А у васъ все еще по старому: можно притти въ гости ночью и сей-часъ ужинъ состряпаютъ?

— Что жъ, дядюшка, надѣюсь этой черты порицать нельзя. Добродѣтель русскихъ...

— Полно! какая тутъ добродѣтель. Отъ скуки тамъ всякому мерзавцу рады: — «милости просимъ, кушай, сколько хочешь, только займи какъ-нибудь нашу праздность, помоги убить время, да дай взглянуть на тебя, все-таки что-нибудь новое; а кушанья не пожалѣемъ: это намъ здѣсь ровно ничего не стоитъ...» Препротивная добродѣтель!

Такъ Александръ легъ спать и старался разгадать, что̀ за человѣкъ его дядя. Онъ припомнилъ весь разговоръ; многаго не понялъ, другому не совсѣмъ вѣрилъ.

«Не хорошо говорю!» думалъ онъ: — «любовь и дружба не вѣчны?» не смѣется ли надо мною дядюшка? Неужели здѣсь такой порядокъ? Что же Софьѣ и нравилось во мнѣ особенно, какъ не даръ слова? А любовь ея неужели не вѣчна?... И неужели здѣсь въ самомъ дѣлѣ не ужинаютъ?»

Онъ еще долго ворочался въ постели: голова, полная тревожныхъ мыслей, и пустой желудокъ не давали ему спать.

. . . .

Петръ Иванычъ неожиданно явился въ комнату племянника и засталъ его за письмомъ.

— Я пришелъ посмотрѣть, какъ ты тутъ устроился, сказалъ дядя: — и поговорить о дѣлѣ.

Александръ вскочилъ и проворно что-то прикрылъ рукой.

— Спрячь, спрячь свой секретъ, сказалъ Петръ Иванычъ: — я отвернусь. Ну, спряталъ? А это что выпало? что это такое?

— Это, дядюшка, ничего... началъ было Александръ, но смѣшался и замолчалъ.

— Кажется, волосы! Подлинно ничего! ужъ я видѣлъ одно, такъ покажи и то, что̀ спряталъ въ рукѣ.

Александръ, точно уличенный школь-

никъ, невольно разжалъ руку и показалъ кольцо.

— Что это? откуда? спросилъ Петръ Иванычъ.

— Это, дядюшка, вещественные знаки... невещественныхъ отношеній...

— Что? что? дай-ка сюда эти знаки.

— Это залоги ..

— Вѣрно изъ деревни привезъ?

— Отъ Софьи, дядюшка, на память... при прощаньи...

— Такъ и есть. И это ты везъ за тысячу пятьсотъ верстъ?

Дядя покачалъ головой.

— Лучше бы ты привезъ еще мѣшокъ сушеной малины: ту, покрайней-мѣрѣ, въ лавочку сбыли, а эти залоги...

Онъ разсматривалъ, то волосы, то колечко; волосы понюхалъ, а колечко взвѣсилъ на рукѣ. Потомъ взялъ бумажку со стола, завернулъ въ нее оба знака, сжалъ все это въ компактный комокъ и—бацъ въ окно.

— Дядюшка! неистово закричалъ Александръ, схвативъ его за руку, но поздно: комокъ перелетѣлъ черезъ уголъ сосѣдней крыши, упалъ въ каналъ, на край барки съ кирпичами, отскочилъ, и прыгнулъ въ воду.

Александръ молча, съ выраженіемъ горькаго упрека, смотрѣлъ на дядю.

— Дядюшка! повторилъ онъ.

— Что?

— Какъ назвать вашъ поступокъ?

— Бросаніемъ изъ окна въ каналъ невещественныхъ знаковъ и всякой дряни и пустяковъ, чего ненужно держать въ комнатѣ....

— Пустяковъ, это пустяки!

— А ты думалъ что?—половина твоего сердца... Я пришелъ къ нему за дѣломъ, а онъ вонъ чѣмъ занимается— сидитъ да думаетъ надъ дрянью!

— Развѣ это мѣшаетъ дѣлу, дядюшка?

— Очень. Время проходитъ, а ты мнѣ до сихъ поръ еще и непомянулъ о своихъ намѣреніяхъ: хочешь ли ты служить, избралъ ли другое занятіе—ни слова! А все оттого, что у тебя Софья да знаки на умѣ. Вонъ, ты, кажется, къ ней письмо пишешь? Такъ?

— Да... я началъ было...

— А къ матери писалъ?

— Нѣтъ еще, я хотѣлъ завтра.

— Отчего же завтра? Къ матери завтра, а къ Софьѣ, которую черезъ мѣсяцъ надо забыть, сегодня...

— Софью? можно ли ее забыть?

— Должно. Не брось я твоихъ залоговъ, такъ, пожалуй, чего добраго, ты помнилъ бы ее лишній мѣсяцъ. Я оказалъ тебѣ вдвойнѣ услугу. Черезъ нѣсколько лѣтъ эти знаки напомнили бы тебѣ глупостъ, отъ которой бы ты краснѣлъ.

— Краснѣть отъ такого чистаго, святаго воспоминанія? Это значитъ не признавать поэзіи...

— Какая поэзія въ томъ, что глупо? поэзія, напримѣръ, въ письмѣ твоей тетки! жолтый цвѣтокъ, озеро, какая-то тайна... какъ я сталъ читать—мнѣ такъ стало нехорошо, что и сказать нельзя! чуть не покраснѣлъ, а ужь я ли не отвыкъ краснѣть!

— Это ужасно, ужасно, дядюшка! стало быть вы никогда не любили?

— Знаковъ терпѣть не могъ.

— Это какая-то деревянная жизнь! сказалъ въ сильномъ волненіи Александръ:—прозябеніе, а не жизнь! прозябалъ *безъ вдохновенья*, *безъ слезъ*, *безъ жизни*, *безъ любви*...

— И безъ волосъ! прибавилъ дядя.

— Какъ вы, дядюшка, можете такъ холодно издѣваться надъ тѣмъ, что есть лучшаго на землѣ? вѣдь это преступленіе...Любовь...святыя волненія!...

— Знаю я эту святую любовь: въ твои лѣта только увидятъ локонъ, башмакъ, подвязку, дотронутся до руки— такъ по всему тѣлу и побѣжитъ святая, возвышенная любовь, а дай-ка волю, такъ и того... твоя любовь, къ сожалѣнію, впереди; отъ этого никакъ не уйдешь, а дѣло уйдетъ отъ тебя, если не станешь имъ заниматься.

— Да развѣ любовь не дѣло?

— Нѣтъ: пріятное развлеченіе, толь-

ко ненужно слишкомъ предаваться ему, а то выйдетъ вздоръ. Отъ этого я и боюсь за тебя.—Дядя покачалъ головой.

— Я почти нашелъ тебѣ мѣсто; ты вѣдь хочешь служить? сказалъ онъ.

— Ахъ, дядюшка, какъ я радъ!

Александръ бросился и попаловалъ дядю въ щоку.

— Нашелъ таки случай! сказалъ дядя, вытирая щоку—какъ это я не остерегся! Ну, такъ слушай же. Скажи, что ты знаешь, къ чему чувствешъ себя способнымъ?

— Я знаю богословіе, гражданское, уголовное, естественное и народное права, дипломацію, политическую экономію, философію, эстетику, археологію...

— Постой, постой! а умѣешь ли ты порядочно писать по-русски? Теперь пока это нужнѣе всего.

— Какой вопросъ, дядюшка: умѣю ли писать по-русски! сказалъ Александръ и побѣжалъ къ комоду, изъ котораго началъ вынимать разныя бумаги, а дядя, между тѣмъ, взялъ со стола какое-то письмо и сталъ читать.

Александръ подошелъ съ бумагами къ столу и увидѣлъ, что дядя читаетъ письмо. Бумаги у него выпали изъ рукъ.

— Что это вы читаете, дядюшка? сказалъ онъ въ испугѣ.

— А вотъ тутъ лежало письмо, къ другу должно быть. Извини—мнѣ хотѣлось взглянуть, какъ ты пишешь.

— И вы прочитали его?

— Да, почти только двѣ вотъ строки осталось, сейчасъ дочитаю; а что? вѣдь тутъ секретовъ нѣтъ, иначе бы оно не валялось такъ...

— Что же вы теперь думаете обо мнѣ?...

— Думаю, что ты порядочно пишешь, правильно, гладко...

— Стало быть вы не прочли, что тутъ написано! съ живостію спросилъ Александръ.

— Нѣтъ, кажется, все, сказалъ Петръ Иванычъ, поглядѣвъ на обѣ страницы:—сначала описываешь Петербургъ, свои впечатлѣнія, а потомъ меня.

Благодаря своему дядѣ, Александръ скоро и мѣсто получилъ съ хорошимъ жалованьемъ и познакомился съ журналистомъ, который сталъ ему давать работу. Но его службѣ и литтературнымъ занятіямъ много мѣшала любовь его къ Надинькѣ Любецкой; за то молодые люди вполнѣ были счастливы. Въ глазахъ Адуева Надинька была идеаломъ. Но оказалось, что этотъ идеалъ обладалъ не всѣми совершенствами: дѣвушка полюбила Графа, на котораго всѣ указывали, какъ на прекраснаго жениха. Измѣну Надиньки Адуевъ считалъ обидою, преступленіемъ, жаловался на свою несчастную судьбу, на несбывшіяся надежды и никакія увѣщанія дяди и жены его (женился онъ не по любви, а видя въ этомъ свой долгъ) не могли примирить молодаго человѣка съ горькою дѣйствительностію. Около того же времени ему пришлось разочароваться и въ дружбѣ. Онъ однажды встрѣтилъ на улицѣ своего стариннаго друга.

Онъ сунулъ мнѣ (разсказываетъ Александръ) въ руку адресъ, сказалъ, что вечеромъ на другой день ожидаетъ меня къ себѣ—и исчезъ. Долго я смотрѣлъ ему вслѣдъ и все не могъ придти въ себя. Это товарищъ дѣтства, это другъ юности! хорошъ! Но потомъ подумалъ, что, можетъ быть, онъ все отложилъ до вечера и тогда посвятитъ время искренней, задушевной бесѣдѣ. «Такъ и быть, думаю, пойду.» Являюсь. У него было человѣкъ десять пріятелей. Онъ протянулъ мнѣ руку ласковѣе, нежели наканунѣ—это правда, но за то, не говоря ни слова, тотчасъ же пригласилъ сѣсть за карты. Я сказалъ, что не играю, и усѣлся на диванъ. «Не играешь? сказалъ онъ съ удивленіемъ:—что же ты дѣлаешь?» Хорошъ вопросъ! Вотъ я жду часъ, два, онъ не подходитъ ко мнѣ; я выхожу изъ терпѣнія. Онъ предлагалъ мнѣ то сигару, то трубку, жалѣлъ, что я не играю, что мнѣ скучно, старался занять меня—чѣмъ, какъ вы думаете? безпрестанно обращался ко мнѣ и разсказывалъ всякій свой удачный и неудачный выходъ. Я, наконецъ, не вытерпѣлъ, подошелъ къ нему и спросилъ, намѣренъ ли онъ удѣлить мнѣ сколько-нибудь времени въ этотъ вечеръ? А сердце у меня такъ и кипѣло, голосъ дрожалъ. Это его, ка-

жется, удивило. Онъ посмотрѣлъ на меня странно. «Хорошо, говоритъ, вотъ дай кончить пульку.» Какъ только онъ сказалъ мнѣ это, я схватилъ шляпу и хотѣлъ уйти, но онъ замѣтилъ и остановилъ меня. «Пулька кончается, сказалъ онъ: — сейчасъ будемъ ужинать.» Наконецъ кончили. Онъ сѣлъ подлѣ меня и зѣвнулъ: тѣмъ началась наша дружеская бесѣда. «Ты мнѣ что-то хотѣлъ сказать?» спросилъ онъ. Это было сказано такимъ монотоннымъ и безчувственнымъ голосомъ, что я, ничего не говоря, только посмотрѣлъ на него съ грустной улыбкой. Тутъ онъ вдругъ будто ожилъ и засыпалъ меня вопросами: «что съ тобой? да не нуждаешься ли ты въ чемъ? да не могу ли я тебѣ быть полезнымъ по службѣ?...» и т. п. Я покачалъ головой и сказалъ ему, что я хотѣлъ говорить съ нимъ не о службѣ, не о матеріальныхъ выгодахъ, а о томъ, что́ ближе къ сердцу: о золотыхъ дняхъ... дѣтства, объ играхъ, о проказахъ. Онъ, представьте! даже не далъ мнѣ договорить. «Ты еще все, говоритъ, такой же мечтатель!» потомъ вдругъ перемѣнилъ разговоръ, какъ будто считая его пустяками, и началъ серьёзно разспрашивать меня о моихъ дѣлахъ, о надеждахъ на будущее, о карьерѣ. какъ дядюшка. Я удивился, не вѣрилъ, чтобы въ человѣкѣ могло до такой степени огрубѣть сердце. Я хотѣлъ испытать въ послѣдній разъ, привязался къ вопросу его о моихъ дѣлахъ и началъ разсказывать о томъ, какъ поступили со мной. «Ты выслушай, что́ сдѣлали со мной *люди...*» началъ было я. «А что? вдругъ перебилъ онъ съ испугомъ: — вѣрно обокрали?» Онъ думалъ, что я говорю про лакеевъ: другаго горя онъ не знаетъ, какъ дядюшка: до чего можетъ окаменѣть человѣкъ! «Да сказалъ я: — люди обокрали мою душу...» Тутъ я заговорилъ о моей любви, о мученіяхъ, о душевной пустотѣ... я началъ было увлекаться и думалъ, что повѣсть моихъ страданій растопитъ ледяную кору, что еще въ глазахъ его не высохли слезы... какъ вдругъ онъ—разразился хохотомъ! смотрю, въ рукахъ у него платокъ: онъ во время разсказа моего все крѣпился, наконецъ не выдержалъ... Я въ ужасѣ остановился.

— Полно, полно, сказалъ онъ: — лучше выпей-ка водки, да станемъ ужинать. Человѣкъ! водки. Пойдемъ, пойдемъ, ха, ха, ха!.. есть славный... рост... ха, ха, ха!.. ростбифъ...

Дядя и тетка опять всѣми силами стараются успокоить его. Разочарованіе, равнодушіе къ жизни усиливаются въ немъ. Въ рукахъ дяди нашлось отличное лекарство. Онъ познакомилъ Александра съ молодой вдовой Тафаевой. Ея привязанность гораздо была сильнѣе любви Наденьки. Постоянными требованіями быть у ней, рѣшительно высказываемымъ намѣреніемъ выйти за него за мужъ, Тафаева наскучила Адуеву и онъ постепенно отдалился отъ нея и былъ вполнѣ радъ, когда могъ считать себя совершенно свободнымъ. Въ душѣ опять пустота и равнодушіе. Александръ даже къ дядѣ сталъ ходить рѣдко. Тотъ явился къ нему самъ.

Петръ Иванычъ засталъ Александра на диванѣ. Онъ, при входѣ дяди, привсталъ и сѣлъ.

— Ты нездоровъ? спросилъ Петръ Иванычъ.

— Такъ... отвѣчалъ Александръ, зѣвая.

— Что же ты дѣлаешь?

— Ничего.

— И ты можешь пробыть безъ дѣла?

— Могу.

— Я слышалъ, Александръ, сегодня, что будто у васъ Ивановъ выходитъ.

— Да, выходитъ.

— Кто же на его мѣсто?

— Говорятъ, Ивченко.

— А ты что?

— Я? ничего.

— Какъ ничего? Отчего же не ты?

— Не удостоиваютъ. Что же дѣлать: вѣрно не гожусь.

— Помилуй, Александръ, надо хлопотать. Ты бы съѣздилъ къ директору.

— Нѣтъ, сказалъ Александръ, тряся головой.

— Тебѣ, повидимому, все равно?

— Все равно.

— Да вѣдь тебя ужъ въ третій разъ обходятъ.

— Все равно: пусть!

— Вотъ посмотримъ, что-то ты скажешь, когда твой бывшій подчиненный станетъ приказывать тебѣ, или когда войдетъ, а тебѣ надо встать и поклониться.

— Что жь: встану и поклонюсь.

— А самолюбіе?

— У меня его нѣтъ.

— Однакожъ, у тебя есть же какіе-нибудь интересы въ жизни?

— Никакихъ. Были да прошли.

— Не можетъ быть: одни интересы смѣняются другими. Отчего жъ у тебя прошли, а у другихъ не проходятъ? Рано бы, кажется: тебѣ еще и тридцати лѣтъ нѣтъ...

Александръ пожалъ плечами.

Петру Иванычу ужъ и не хотѣлось продолжать этого разговора. Онъ называлъ все это капризами; но онъ зналъ, что, по возвращеніи домой, ему не избѣжать вопросовъ жены, и оттого нехотя продолжалъ:

— Ты бы развлекся чѣмъ-нибудь, посѣщалъ бы общество, сказалъ онъ:— читалъ бы.

— Не хочется, дядюшка.

— Про тебя ужъ начинаютъ поговаривать, что ты того... эдакъ... тронулся отъ любви, дѣлаешь Богъ знаетъ что, водишься съ какими-то чудаками... Я бы для одного этого пошелъ.

— Пусть ихъ говорятъ, что хотятъ.

— Послушай, Александръ, шутки въ сторону. Это все мелочи; можешь кланяться, или не кланяться, посѣщать общество, или нѣтъ—дѣло не въ томъ. Но вспомни, что тебѣ, какъ и всякому, надо сдѣлать какую-нибудь карьеру. Думаешь ли ты иногда объ этомъ?

— Какъ же не думаю: я ужъ сдѣлалъ.

— Какъ такъ?

— Я очертилъ себѣ кругъ дѣйствія и не хочу выходить изъ этой черты. Тутъ я хозяинъ: вотъ моя карьера.

— Это лѣнь.

— Можетъ быть.

— Ты не въ правѣ лежатъ на боку, когда можешь дѣлать что-нибудь, пока есть силы. Сдѣлано ли твое дѣло?

— Я дѣлаю дѣло. Никто не упрекнетъ меня въ праздности. Утро я занятъ въ службѣ, а трудиться сверхъ того—это роскошь, произвольная обязанность. Зачѣмъ я буду хлопотать?

— Всѣ хлопочутъ изъ чего-нибудь: иной потому, что считаетъ своимъ долгомъ дѣлать сколько есть силъ, другой изъ денегъ, третій изъ почета... Ты что за исключеніе?

— Почетъ, деньги! особенно деньги! Зачѣмъ онѣ? Вѣдь я сытъ, одѣтъ: на это станетъ.

— И одѣтъ-то теперь плохо, замѣтилъ дядя. — Да будто тебѣ только и надобно?

— Только.

— А роскошь умственныхъ и душевныхъ наслажденій, а искуство... началъ было Петръ Иванычь, поддѣлываясь подъ тонъ Александра.—Ты можешь идти впередъ: твое назначеніе выше; долгъ твой призываетъ тебя къ благородному труду... А стремленія къ высокому—забылъ?

— Богъ съ ними! Богъ съ ними! сказалъ съ безпокойствомъ Александръ. —И вы, дядюшка, начали дико говорить! Этого прежде не водилось за вами. Не для меня ли? Напрасный трудъ! Я стремился выше—вы помните? Что жъ вышло?

— Помню, какъ ты вдругъ съ разу въ министры захотѣлъ, а потомъ въ писатели. А какъ увидалъ, что къ высокому зданію ведетъ длинная и трудная дорога, а для писателя нуженъ талантъ, такъ и назадъ. Много вашей братьи пріѣзжаютъ сюда съ высшими взглядами, а дѣла своего подъ носомъ не видятъ. Какъ понадобится бумагу написать—смотришь, и того... Я не про тебя говорю: ты доказалъ, что можешь заниматься, а со временемъ и быть чѣмъ нибудь. Да скучно, долго

ждать. Мы вдругъ хотимъ; неудалось— и носъ повѣсили.

— Да я стремиться выше не хочу. Я хочу такъ остаться, какъ есть: развѣ я не въ правѣ избрать себѣ занятія, ниже ли оно моихъ способностей, или нѣтъ—что нужды? если я дѣлаю дѣло добросовѣстно—я исполняю свой долгъ. Пусть упрекаютъ меня въ неспособности къ высшему: меня нисколько не огорчило бы, если бъ это была и правда. Сами же вы говорили, что есть поэзія въ скромномъ удѣлѣ, а теперь сами же упрекаете, что я избралъ скромнѣйшій. Кто мнѣ запретитъ сойти нѣсколькими ступенями ниже и стать на той, которая мнѣ нравится? Я не хочу высшаго назначенія—слышите ли, не хочу!...

— Слышу! я не глухъ, только все это жалкіе софизмы.

— Нужды нѣтъ. Вотъ я нашелъ себѣ мѣсто и буду сидѣть на немъ вѣкъ. Нашелъ простыхъ, незатѣйливыхъ людей, нужды нѣтъ, что ограниченныхъ умомъ, играю съ ними въ шашки и ужу рыбу—и прекрасно! Пусть я по вашему буду наказанъ за это, пусть лишусь наградъ, денегъ, почета, значенія—всего, что такъ льститъ вамъ. Я навсегда отказываюсь...

— Ты, Александръ, хочешь притвориться покойнымъ и равнодушнымъ ко всему, а въ твоихъ глазахъ такъ и кипитъ досада: ты и говоришь, какъ будто не словами, а слезами. Много желчи въ тебѣ: ты не знаешь, на кого излить ее, потому что виноватъ только самъ.

— Пусть! сказалъ Александръ.

— Что-жъ ты хочешь? Человѣкъ долженъ же хотѣть чего нибудь?

— Хочу, чтобъ мнѣ не мѣшали быть въ моей темной сферѣ, не хлопотать ни о чемъ и быть покойнымъ.

— Да развѣ это жизнь?

— А по моему та жизнь, которою вы живете, не жизнь: стало быть, и я правъ.

— Тебѣ бы хотѣлось передѣлать жизнь по своему: я воображаю, хороша была бы. У тебя, я думаю, среди розовыхъ кустовъ, гуляли бы все по-парно любовники да друзья....

Александръ ничего не сказалъ.

Петръ Иванычъ молча глядѣлъ на него. Онъ опять похудѣлъ. Глаза впали. На щекахъ и на лбу появились преждевременныя складки.

Дядя испугался. Душевнымъ страданіямъ онъ мало вѣрилъ, но боялся, не кроется ли подъ этимъ уныніемъ начало какого-нибудь физическаго недуга. «Пожалуй, думалъ онъ, малый рехнется, а тамъ поди раздѣлывайся съ матерью: то-то заведется переписка! того гляди, еще прикатитъ сюда».

— Да ты, Александръ, разочарованный, я вижу, сказалъ онъ.

«Какъ бы, думалъ онъ, повернуть его назадъ, къ его любимымъ идеямъ. Постой-ка, я прикинусь....»

— Послушай, Александръ, сказалъ онъ:—ты очень опустился. Стряхни съ себя эту апатію. Не хорошо! И отчего? Ты, можетъ быть, принялъ слишкомъ горячо къ сердцу, что я иногда небрежно отзывался о любви, о дружбѣ. Вѣдь это я дѣлалъ шутя, больше для того, чтобъ умѣрить въ тебѣ восторженность, которая въ нашъ положительный вѣкъ какъ-то неумѣстна, особенно здѣсь, въ Петербургѣ, гдѣ все уравнено, какъ моды, такъ и страсти, и дѣла, и удовольствія, все взвѣшено, узнано, оцѣнено... всему назначены границы. Зачѣмъ одному отступать наружно отъ этого общаго порядка? Неужели ты думаешь, что я безчувственный, что я не признаю любви? Любовь—чувство прекрасное: нѣтъ ничего святѣе союза двухъ сердецъ, или дружба, напримѣръ.... Я внутренно убѣжденъ, что чувство должно быть постоянно, вѣчно...

Александръ засмѣялся.

— Что ты? спросилъ Петръ Иванычъ.

— Дико, дико говорите, дядюшка. Не прикажете ли сигару? закуримъ: вы будете продолжать говорить, а я послушаю.

— Да что съ тобой?

— Такъ ничего. Вздумали поддѣть

меня! А называли когда-то неглупымъ человѣкомъ! Хотите играть мной, какъ мячикомъ—это обидно. Не вѣкъ же быть юношей. Къ чему нибудь да пригодилась школа, которую я прошелъ. Какъ вы пустились ораторствовать! будто у меня нѣтъ глазъ? вы только устроили фокусъ, а я смотрѣлъ.

«Не за свое дѣло взялся, подумалъ Петръ Иванычъ:—къ женѣ послать».

— Приходи къ намъ, сказалъ онъ:—жена очень хочетъ видѣть тебя.

— Не могу, дядюшка.

— Хорошо ли ты дѣлаешь, что забываешь ее?

— Можетъ быть, очень дурно, но ради Бога извините меня и теперь не ждите. Погодите еще нѣсколько времени, приду.

— Ну, какъ хочешь, сказалъ Петръ Иванычъ. Онъ махнулъ рукой и поѣхалъ домой.

Разочарованный окончательно, похудѣвшій, утомленный неудачной борьбой, Александръ рѣшился уѣхать въ деревню, но и тамъ невинныя сельскія удовольствія пробудили въ немъ чувство только въ первое время. Адуевъ поѣхалъ обратно въ Петербургъ съ рѣшительнымъ намѣреніемъ поступить на службу снова. Тѣмъ временемъ Петръ Иванычъ достигъ генеральскаго чина, отличнаго жалованья и сорока тысячъ чистаго барыша съ завода. Но онъ не былъ счастливъ, потому что не могъ доставить любви своей женѣ. Она только привыкла къ нему. Рѣшась наконецъ всецѣло посвятить себя женѣ, онъ захотѣлъ оставить и службу и заводъ. Это было спустя четыре года послѣ вторичнаго пріѣзда Александра въ Петербургъ. Во время серьезнаго разговора между мужемъ и женой племянникъ вошелъ къ нимъ.

Глаза его сіяли радостію. Онъ съ особеннымъ чувствомъ поцаловалъ руку у тетки и пожалъ дядину руку...

— Откуда? спросилъ Петръ Иванычъ.

— Угадайте, отвѣчалъ Александръ значительно.

— У тебя сегодня какая-то особенная прыть, сказалъ Петръ Иванычъ, глядя на него вопросительно.

— Бьюсъ объ-закладъ, что не угадаете, говорилъ Александръ.

— Лѣтъ десять или двѣнадцать назадъ, однажды ты, я помню, вотъ этакъ же вбѣжалъ ко мнѣ, замѣтилъ Петръ Иванычъ:—еще разбилъ у меня что-то... Тогда я съ разу догадался, что ты влюбленъ, а теперь... ужели опять? Нѣтъ, не можетъ быть: ты слишкомъ уменъ, чтобъ...

Онъ взглянулъ на жену и вдругъ замолчалъ.

— Не угадываете? спросилъ Александръ.

Дядя глядѣлъ на него и все думалъ.

— Ужъ не... женишься ли ты? сказалъ онъ нерѣшительно.

— Угадали! торжественно воскликнулъ Александръ.—Поздравьте меня.

— Въ самомъ дѣлѣ? На комъ? спросили и дядя и тетка.

— На дочери Александра Степановича.

— Неужели? да вѣдь она богатая невѣста, сказалъ Петръ Иванычъ. — И отецъ... ничего?

— Я сейчасъ отъ нихъ. Отчего отцу не согласиться? напротивъ, онъ со слезами на глазахъ выслушалъ мое предложеніе; обнялъ меня и сказалъ, что теперь онъ можетъ умереть спокойно: что онъ знаетъ, кому ввѣряетъ счастье дочери... «Идите, говоритъ, только по слѣдамъ вашего дядюшки!»

— Онъ сказалъ это? Видишь: и тутъ не безъ дядюшки!

— А что сказала дочь? спросила Лизавета Александровна.

— Да... она... такъ, какъ, знаете, всѣ дѣвицы, отвѣчалъ Александръ: — ничего не сказала, только покраснѣла; а когда я взялъ ее за руку, такъ пальцы ея точно играли на фортепьяно въ моей рукѣ... будто дрожали.

— Ничего не сказала! замѣтила Лизавета Александровна:—неужели вы не взяли на себя труда вывѣдать у ней объ этомъ до предложенія? Вамъ все равно? Зачѣмъ же вы женитесь?

— Какъ зачѣмъ? не все же такъ шататься! Одиночество наскучило; пришла пора, ma tente, усѣсться на мѣстѣ, осно-

ваться, обзавестись своимъ домомъ, исполнить долгъ... Невѣста же хорошенькая, богатая... Да вотъ дядюшка скажетъ вамъ, зачѣмъ женятся: онъ такъ обстоятельно разсказываетъ...

Петръ Иванычъ, тихонько отъ жены, махнулъ ему рукой, чтобъ онъ не ссылался на него и молчалъ, но Александръ не замѣтилъ.

— А можетъ быть, вы не нравитесь ей? говорила Лизавета Александровна:— можетъ быть, она любить васъ не можетъ—что вы на это скажете?

— Дядюшка, что бы на это сказать? вы лучше меня говорите... Да вотъ я приведу ваши же слова, продолжалъ онъ, не замѣчая, что дядя вертѣлся на своемъ мѣстѣ и значительно кашлялъ, чтобъ замять эту рѣчь: — женишься по любви, говорилъ Александръ:—любовь пройдетъ и будешь жить привычкой; женишься не по любви—и придешь къ тому же результату: привыкнешь къ женѣ. Любовь любовью, а женитьба женитьбой; эти двѣ вещи не всегда сходятся, а лучше, когда не сходятся... Не правда ли, дядюшка? вѣдь вы такъ учили.

Онъ взглянулъ на Петра Иваныча и вдругъ остановился, видя, что дядя глядитъ на него свирѣпо. Онъ, съ разинутымъ ртомъ, въ недоумѣніи, поглядѣлъ на тетку, потомъ опять на дядю и замолчалъ. Лизавета Александровна задумчиво покачала головой.

— Ну, такъ ты женишься? сказалъ Петръ Иванычъ:—вотъ теперь пора, съ Богомъ! А то хотѣлъ было въ двадцать три года.

— Молодость, дядюшка, молодость?

— То-то молодость.

Александръ задумался и потомъ улыбнулся.

— Что ты? спросилъ Петръ Иванычъ.

— Такъ; мнѣ пришла въ голову одна несообразность...

— Какая?

— Когда я любилъ... отвѣчалъ Александръ въ раздумьи: —тогда женитьба не давалась...

— А теперь женишься, да любовь не дается, прибавилъ дядя, и оба они засмѣялись.

— Изъ этого слѣдуетъ, дядюшка, что вы правы, полагая привычку главнымъ...

Петръ Иванычъ опять сдѣлалъ ему звѣрское лице; Александръ замолчалъ, не зная, что подумать.

— Женишься на тридцать-пятомъ году, говорилъ Петръ Иванычъ:—это въ порядкѣ. А помнишь, какъ ты тутъ бѣсновался въ конвульсіяхъ, кричалъ, что тебя возмущаютъ неравные браки, что невѣсту влекутъ, какъ жертву, убранную цвѣтами и алмазами, и толкаютъ въ объятія пожилаго человѣка, большею частію некрасиваго, съ лысиной... Покажи-ко голову.

— Молодость, молодость, дядюшка! не понималъ сущности дѣла, говорилъ Александръ, заглаживая рукой волосы:

— Сущность дѣла! продолжалъ Петръ Иванычъ.—А бывало, помнишь, какъ ты былъ влюбленъ въ эту, какъ ее... Наташу, что ли? «Бѣшеная ревность, порывы, небесное блаженство»... Куда все это дѣвалось?..

— Ну, ну, дядюшка, полно-те! говорилъ Александръ, краснѣя.

— Гдѣ «колоссальная страсть, слёзы»?...

— Дядюшка!

— Что? полно предаваться «искреннимъ изліяніямъ», полно рвать желтые цвѣты! «одиночество наскучило»...

— О, если такъ, дядюшка, я докажу, что не я одинъ любилъ, бѣсновался, ревновалъ, плакалъ... позвольте, позвольте, у меня имѣется письменный документъ...

Онъ вынулъ изъ кармана бумажникъ и, порывшись довольно долго въ бумагахъ, вытащилъ какой-то ветхій, почти развалившійся и пожелтѣвшій листокъ бумаги.

— Вотъ, ma tante, сказалъ онъ:—доказательство, что дядюшка не всегда былъ такой разсудительный, насмѣшливый и положительный человѣкъ. И онъ вѣдалъ искреннія изліянія и передавалъ

ихъ не на гербовой бумагѣ, и притомъ особыми чернилами. Четыре года таскалъ я этотъ лоскутокъ съ собой и все ждалъ случая уличить дядюшку. Я было и забылъ о немъ, да вы же сами напомнили.

— Что за вздоръ? Я ничего не понимаю, сказалъ Петръ Иванычъ, глядя на лоскутокъ.

— А вотъ, вглядитесь.

Александръ поднесъ бумажку къ глазамъ дяди. Вдругъ лице Петра Иваныча потемнѣло.

— Отдай! отдай, Александръ! закричалъ онъ торопливо и хотѣлъ схватить лоскутокъ. Но Александръ проворно отдернулъ руку. Лизавета Александровна съ любопытствомъ смотрѣла на нихъ.

— Нѣтъ, дядюшка, не отдамъ, говорилъ Александръ,—пока не сознаетесь здѣсь, при тетушкѣ, что и вы когда-то любили, какъ я, какъ всѣ.... Или иначе, этотъ документъ передается въ ея руки, въ вѣчный упрекъ вамъ.

— Варваръ! закричалъ Петръ Иванычъ, что ты дѣлаешь со мной?

— Вы не хотите?

— Ну, ну, любилъ. Подай.

— Нѣтъ, позвольте, что вы бѣсновались, ревновали?

— Ну, ревновалъ, бѣсновался... говорилъ, морщась, Петръ Иванычъ.

— Плакали?

— Нѣтъ, не плакалъ.

— Неправда! я слышалъ отъ тетушки: признавайтесь.

— Языкъ не ворочается, Александръ: вотъ развѣ теперь заплачу.

— Ma tante! извольте документъ.

— Покажите, что это такое? спросила она, протягивая руку.

— Плакалъ, плакалъ! Подай, отчаянно возопилъ Петръ Иванычъ.

— Надъ озеромъ?

— Надъ озеромъ.

— И рвали желтые цвѣты?

— Рвалъ. Ну тебя совсѣмъ! Подай!

— Нѣтъ, не все: дайте честное слово, что вы предадите вѣчному забвенію мои глупости и не станете помнить о нихъ.

— Честное слово.

Александръ отдалъ лоскутокъ. Петръ Иванычъ схватилъ его, зажегъ спичку и тутъ же сжегъ бумажку.

— Скажите мнѣ, по крайней-мѣрѣ, что это такое? спросила Лизавета Александровна.

— Нѣтъ, милая, этого и на страшномъ судѣ не скажу, отвѣчалъ Петръ Иванычъ.—Да неужели я писалъ это? Быть не можетъ....

— Вы, дядюшка! перебилъ Александръ:—я, пожалуй, скажу, что̀ тутъ написано: я наизусть знаю: «ангелъ, обожаемая мною»...

— Александръ! на вѣкъ поссоримся! закричалъ Петръ Иванычъ сердито.

— Краснѣютъ, какъ преступленія—и чего! сказала Лизавета Александровна:—первой, нѣжной любви.

Она пожала плечами и отвернулась отъ нихъ.

— Въ этой любви такъ много... глупаго, сказалъ Петръ Иванычъ мягко, вкрадчиво.—Вотъ у насъ съ тобой и помину не было объ искренныхъ изліяніяхъ, о цвѣтахъ, о прогулкахъ при лунѣ... а вѣдь ты любишь же меня....

— Да, я очень... привыкла къ тебѣ, разсѣянно отвѣчала Лизавета Александровна.

Петръ Иванычъ началъ въ задумчивости гладить бакенбарды.

— Что, дядюшка, спросилъ Александръ шопотомъ:—это такъ и надо?

Петръ Иванычъ мигнулъ ему, какъ будто говоря: «молчи».

— Петру Иванычу простительно такъ думать и поступать, сказала Лизавета Александровна:—онъ давно такой, и никто, я думаю, не зналъ его другимъ; а отъ васъ, Александръ, я не ожидала этой перемѣны...

Она вздохнула.

— О чемъ же вы вздохнули, ma tante? спросилъ онъ.

— О прежнемъ Александрѣ, отвѣчала она.

— Неужели бы вы желали, ma tante, чтобъ я остался такимъ, какимъ былъ десять лѣтъ назадъ? возразилъ Алек-

сандръ.—Дядюшка правду говоритъ, что эта глупая мечтательность...

Лице Петра Иваныча начало свирѣпѣть. Александръ замолчалъ.

— Нѣтъ, не такимъ, отвѣчала Лизавета Александровна:—какъ десять лѣтъ, а какъ четыре года назадъ: помните, какое письмо вы написали ко мнѣ изъ деревни? Какъ вы хороши были тамъ!

— Я, кажется, тоже мечталъ тамъ, сказалъ Александръ.

— Нѣтъ, не мечтали. Тамъ вы поняли, растолковали себѣ жизнь; тамъ вы были прекрасны, благородны, умны.... Зачѣмъ не остались такими? за чѣмъ это было только на словахъ, на бумагѣ, а не на дѣлѣ? Это прекрасное мелькнуло, какъ солнце изъ-за тучъ—на одну минуту...

— Вы хотите сказать, ma tante, что теперь я... не уменъ... и... не благороденъ...

— Боже сохрани! нѣтъ! но теперь вы умны и благородны... по другому, не по моему...

— Что дѣлать, ma tante? сказалъ съ громкимъ вздохомъ Александръ:—вѣкъ такой. Я иду наравнѣ съ вѣкомъ: нельзя же отставать! Вотъ я сошлюся на дядюшку, приведу его слова...

— Александръ! свирѣпо сказалъ Петръ Иванычъ: пойдемъ на минуту ко мнѣ въ кабинетъ: мнѣ нужно сказать тебѣ одно слово.

Они пришли въ кабинетъ.

— Что это за страсть пришла тебѣ сегодня ссылаться на меня! сказалъ Петръ Иванычъ:—ты видишь въ какомъ положеніи жена?

— Что такое? съ испугомъ спросилъ Александръ.

— Ты ничего не замѣчаешь? А то, что я бросаю службу, дѣла—все, и ѣду съ ней въ Италію.

— Что вы, дядюшка, въ изумленіи воскликнулъ Александръ:—вѣдь вамъ нынѣшній годъ слѣдуетъ въ тайные совѣтники...

— Да видишь: тайная совѣтница-то плоха...

Онъ раза три задумчиво прошелся взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Нѣтъ, сказалъ онъ:—моя карьера кончена! дѣло сдѣлано: судьба не велитъ идти дальше... пусть!

Онъ махнулъ рукой.

— Поговоримъ лучше о тебѣ, сказалъ онъ:—ты, кажется, идешь по моимъ слѣдамъ:..

— Пріятно бы, дядюшка! прибавилъ Александръ.

— Да! продолжалъ Петръ Иванычъ:—въ тридцать съ небольшимъ лѣтъ—коллежскій совѣтникъ, хорошее казенное содержаніе, посторонними трудами заработываешь много денегъ, да еще вовремя женишься на богатой... да, Адуевы дѣлаютъ свое дѣло! ты весь въ меня, только недостаетъ боли въ поясницѣ...

— Да ужъ иногда колетъ... сказалъ Александръ, дотронувшись до спины.

— Все это прекрасно, разумѣется, кромѣ боли въ поясницѣ, продолжалъ Петръ Иванычъ:—я, признаюсь, не думалъ, чтобъ изъ тебя вышло что-нибудь путное, когда ты пріѣхалъ сюда. Ты все забиралъ себѣ въ голову замогильные вопросы, желалъ на небеса... но все прошло—и славу Богу! Я сказалъ бы тебѣ, продолжай идти во всемъ по моимъ слѣдамъ, только...

— Только что, дядюшка?

— Такъ... я хотѣлъ бы тебѣ дать нѣсколько совѣтовъ... на счетъ будущей твоей жены...

— Что такое? это любопытно.

— Да нѣтъ! продолжалъ Петръ Иванычъ, помолчавъ:—боюсь, какъ бы хуже не надѣлать. Дѣлай какъ знаешь самъ: авось догадаешься... Поговоримъ лучше о твоей женитьбѣ. Говорятъ, у твоей невѣсты двѣсти тысячъ приданаго—правда ли!

— Да! двѣсти отецъ даетъ, да сто отъ матери осталось.

— Такъ это триста! закричалъ Петръ Иванычъ почти съ испугомъ.

— Да еще онъ сегодня сказалъ, что всѣ свои пятьсотъ душъ отдастъ намъ

теперь же въ полное распоряженіе съ тѣмъ, чтобъ выплачивать ему восемь тысячъ ежегодно. Жить будемъ вмѣстѣ.

Петръ Иванычъ вскочилъ съ креселъ, съ несвойственною ему живостію.

— Постой, постой! сказалъ онъ: ты оглушилъ меня: такъ ли я слышалъ? повтори сколько?

— Пятьсотъ душъ и триста тысячъ денегъ... повторилъ Александръ.

— Ты... не шутишь?

— Какія шутки, дядюшка!

— И имѣніе... не заложено? спросилъ Петръ Иванычъ тихо, не двигаясь съ мѣста.

— Нѣтъ.

Дядя, скрестивъ руки на груди, смотрѣлъ нѣсколько минутъ съ уваженіемъ на племянника.

— И карьера, и фортуна! говорилъ онъ почти про-себя, любуясь имъ:—и какая фортуна! и вдругъ! все, все!... Александръ! гордо, торжественно прибавилъ онъ:—ты моя кровь, ты Адуевъ! такъ и быть, обними меня!

И они обнялись.

— Это въ первый разъ, дядюшка! сказалъ Александръ.

— И въ послѣдній! отвѣчалъ Петръ Иванычъ:—это необыкновенный случай. Ну, неужели тебѣ и теперь не нужно презрѣннаго металла? обратись же ко мнѣ хоть однажды.

— Ахъ! нужно, дядюшка: издержекъ множество. Если вы можете дать десять, пятнадцать тысячъ...

— На силу, въ первый разъ! провозгласилъ Петръ Иванычъ.

— И въ послѣдній, дядюшка: это необыкновенный случай! сказалъ Александръ.

(Конецъ романа).

XLVI. БОТКИНЪ.

Письма объ Испаніи.

КОРДОВА.

Послѣ скалъ Сіерры Морены природа начинаетъ значительно измѣняться: рощи оливъ, виноградники встрѣчаются чаще и чаще, и чѣмъ ближе къ Андалузіи, тѣмъ растительность сильнѣе. По краямъ дороги показывается наконецъ бирюзовая зелень алоэ, — мѣстами попадаются кактусы: характеръ пейзажа измѣнился; чувствуешь, что находишься уже подъ другимъ небомъ; климатъ, архитектура строеній, одежда, обычаи,— все говоритъ, что находишься въ другой странѣ. Вышитая пестрыми арабесками куртка смѣняетъ темные ламанческіе камзолы; народъ бойчѣе и опрятнѣе, селенія живописнѣе, женщины красивѣе и щеголеватѣе. Ихъ чудные черные волосы широкими клубами связаны на затылкѣ. Завѣтный испанскій балконъ исчезаетъ; дома низенькіе, почти безъ оконъ на улицу; внутри дома квадратный съ деревьями и цвѣтами дворикъ, окруженный галлереею и тонкими мавританскими колоннами: на этотъ дворъ выходятъ окна и двери комнатъ. На всемъ лежитъ мавританскій колоритъ и этотъ такъ силенъ, что до сихъ поръ городки и деревни Андалузіи имѣютъ восточный характеръ.

Кордова — совершенно мавританскій городъ. Невысокіе бѣлые дома безъ балконовъ и оконъ, узкія, вьющіяся улицы, по которымъ ходишь словно между стѣнами, оконъ нѣтъ, однѣ двери. Но если иная дверь отворена, то невольно остановишься и засмотришься. Садовъ въ городѣ нѣтъ, и нигдѣ не встрѣтишь зелени; кое-гдѣ, правда, изъ-за бѣлой стѣны поднимается вершина пальмы; при этомъ дневномъ безлюдьи, тишинѣ и однообразіи улицъ, какъ красиво и задумчиво рисуется вершина пальмы на темноголубомъ безоблачномъ небѣ и яркой бѣлизнѣ домовъ! ничто тутъ не напоминаетъ о нравахъ и обычаяхъ Европейскихъ. Каждая случайно отворенная дверь открываетъ очаровательный садикъ—тутъ и апельсинныя деревья и рѣдкіе цвѣты; онъ обыкновенно обнесенъ высокою стѣною, за которою скрыта вся зелень. За садомъ квадратный дворикъ; тонкія мавританскія колонны разноцвѣтнаго мрамора поддерживаютъ арабскіе

своды окружающей его галлереи, на которую выходятъ окна и двери жилыхъ комнатъ; посреди шумитъ фонтанъ въ мраморномъ бассейнѣ. Крыша этого двора (patio) состоитъ или изъ винограда, котораго густая зелень не пропускаетъ сквозь себя лучей солнца, или изъ холста. Въ этомъ прохладномъ дворѣ всегда сидитъ семейство. Ходя по улицамъ, которыхъ дома—высокія, сплошныя стѣны, вдругъ увидишь иную растворенную дверь, и невозможно не засмотрѣться въ нее! Одинъ житель Кордовы, съ которымъ я познакомился въ кофейной, водилъ меня въ нѣкоторые богатые дома: въ иныхъ по два сада, фруктовый и цвѣточный. Его же привѣтливости одолженъ я посѣщеніемъ и нѣкоторыхъ отличныхъ конюшенъ. Извѣстно, что Кордова славится своими заводами андалузскихъ лошадей. Что это за красивое благородное животное! Андалузскіе кони развиваются очень медленно и входятъ во всю свою силу только на седьмомъ году, но за-то и долго сохраняютъ ее: здѣсь часто двадцатилѣтнія лошади бодры, съ огнемъ. Это позднее развитіе, можетъ быть, происходитъ и отъ образа ихъ воспитанія: до трехъ-лѣтняго возраста ихъ постоянно держатъ въ полѣ, не даютъ стойловаго корма; онѣ предоставлены вольному, полудикому состоянію. Послѣ этого срока ихъ ловятъ; я видѣлъ нѣкоторыхъ, пойманныхъ на дняхъ: онѣ чрезвычайно пугливы и дики, косматы, худы, такія дрянныя, что трудно повѣрить, какъ изъ нихъ становятся впослѣдствіи эти сильные, превосходные андалузскіе кони. Но эта же превосходная форма отчасти причиною и ихъ главнаго недостатка, который заключается въ устройствѣ заднихъ ногъ: онѣ слишкомъ согнуты, и отъ этого слишкомъ далеко шагаютъ; въ скорой рыси заднія копыта безпрестанно задѣваютъ за переднія. Въ одной конюшнѣ я видѣлъ удивительнаго жеребца: только голова (какъ вообще у андалузской породы) была нѣсколько велика; шея гнулась крутой дугою, длинная грива висѣла словно крупный шелкъ, густой хвостъ почти касался земли; у него былъ гордый, крупный шагъ, который такъ цѣнятъ Испанцы; а галопъ такъ могучъ и порывистъ, что словно ему хотѣлось разбить землю подъ ногами. Хозяинъ цѣнилъ его въ 1,500 duros (тысячъ 6 асс.) Отличныя и крупныя лошади въ Испаніи очень дороги и рѣдки. Кстати: мнѣ случилось видѣть въ Мадритѣ скачку: онѣ введены тамъ въ подражаніе англійской модѣ; и такъ какъ испанская лошадь по самому устройству своему всего менѣе способна къ скачкѣ, то въ ней участвовали однѣ только лошади англійской породы, и вы не можете вообразить, какую каррикатурную противоположность представляли онѣ предъ красивыми андалузскими конями нѣкоторыхъ зрителей.

Я нанялъ себѣ красиваго андалузскаго коня, чтобъ посмотрѣть на окрестности. Кордова стоитъ въ полѣ, окруженная зубчатыми мавританскими стѣнами. Я былъ пораженъ невообразимою прозрачностію этого воздуха; его ярко-золотистымъ, сверкающимъ тономъ. Далеко извиваясь по полю, терялся Гвадалквивиръ, между густыми кустами олеандровъ, которые купами собираются у воды, ища освѣженія отъ удушающаго жара; алоэ принимаетъ совершенно африканскіе размѣры; на широкомъ полѣ одни только дерева пустыни — пальмы, поднимаютъ свои изящныя, нагнувшіяся вершины; вправо Сіерра-Морена; ея отлогіе, послѣдніе холмы покрыты густою зеленью; тутъ рощи оливъ и виноградники. Мили за три отъ Кордовы, въ одной долинѣ между горами, видѣлъ я чудесныя крупныя, душистыя розы, которыя ростутъ тутъ сами собой,—наслѣдство Мавровъ! Роза была ихъ любимымъ цвѣткомъ, и они всюду разводили ее. По отлогостямъ горъ расположены загородные дома кордованцевъ, окруженные апельсинными, лимонными деревами. И въ Кордовѣ и въ окрестностяхъ безпрестанно встрѣчаешь молодыхъ людей верхомъ; лицо у нихъ обыкновенно блѣдно-кофейнаго цвѣта и безъ малѣйшаго румянца; чер-

ные, сверкающіе глаза, станъ гибкій, движенія быстры и легки; ихъ щеголеватый костюмъ тѣмъ болѣе поражаетъ, что здѣсь все кромѣ одежды въ забросѣ и небреженіи. Эти majos (щоголи) верхомъ—заглядѣнье. Голова и грива лошади обыкновенно убраны лентами того же цвѣта, какъ куртка сѣдока, сѣдло и стремена восточныя; на ѣздокѣ цвѣтная, вышитая пестрыми арабесками куртка, синія или коричневыя въ обтяжку короткія штаны съ множествомъ металлическихъ пуговицъ по боковымъ швамъ; высокія до колѣнъ штиблеты (polaina), узорчато прошитыя шолкомъ, кисточками связанныя сверху и снизу икръ и открытыя въ срединѣ, такъ чтобъ видѣнъ былъ тонкій бѣлый чулокъ à jour; низкая съ загнутыми полями на-бекрень надѣтая шляпа. Мнѣ, вѣроятно, случится не разъ говорить объ андалузскомъ костюмѣ; несмотря на свою общепринятую форму, онъ удивительно разнообразенъ; каждый слѣдуетъ въ немъ своей фантазіи. И возлѣ такого щегольскаго caballero, у какого-нибудь мавританскаго портика, надъ которымъ раскинулись вѣтви пальмы, нѣсколько оборванныхъ нищихъ укрывались отъ солнца и съ гордымъ достоинствомъ смотрѣли на проѣзжаго иностранца. Я не знаю, какъ эти люди живутъ, но изъ всѣхъ нищихъ на свѣтѣ испанскій всѣхъ менѣе докучливъ и никогда не теряетъ своего достоинства.

Въ Андалузіи женщины выходятъ изъ домовъ только по вечерамъ, съ 8 и 9 часовъ; днемъ ихъ видно очень мало; у всѣхъ, которыя мнѣ попадались, были въ волосахъ съ боку свѣжіе цвѣты. Какія тонкія черты, что за чудный очеркъ головы и лица, какая невыразимая живость физіономій. Въ манерахъ и движеніяхъ андалузянокъ есть какая-то ловкость, какая-то удалая грація... это-то и называютъ Испанцы своимъ непереводимымъ sal espanola (соль испанская). Я уже говорилъ объ этомъ народномъ выраженіи, но и теперь все-таки не умѣю опредѣлить его... Это не французская грація, не наивность и простодушіе нѣмецкія, не античное спокойствіе красоты итальянской, не робкая и скучающая кокетливость русской дѣвушки... это въ отношеніи внѣшности тоже, что остроуміе относительно ума. Разумѣется, не всѣ женщины отличаются этою sal espanola, но за то у всѣхъ увлекательно дерзкій взглядъ и горячо-блѣдныя лица.

Кордова не даромъ была столицею самой блестящей эпохи мавританскаго владычества въ Испаніи: они выстроили здѣсь свою знаменитую мечеть. На этой прекрасной, исполненной классическихъ воспоминаній землѣ, развился одинъ изъ самыхъ лучшихъ цвѣтовъ магометанской жизни. Постоянная борьба съ христіанскими владѣтелями обнаружила въ испанскихъ арабахъ какой-то особенный рыцарственный характеръ, далеко превосходившій своими доблестями ихъ христіанскихъ соперниковъ. Еслибъ въ исторіи всегда побѣждали не смѣлость, сила и хитрость, а честность, образованность и трудолюбіе, то, конечно, арабы и теперь еще оставались бы владѣтелями Испаніи! Исторія незнаетъ никакого другаго права, кромѣ силы и хитрости.

Я не знаю ничего фантастичнѣе въ исторіи человѣчества, какъ это внезапное явленіе, этотъ чудный блескъ и исчезновеніе мавританскаго племени! Давно кочевали арабы въ Азіи бродячими племенами, занимаясь скотоводствомъ, земледѣліемъ и разбоемъ или нанимаясь въ службу у азіатскихъ и африканскихъ владѣтелей. Въ 610 году, по Р. Х., вдругъ просыпаются они на голосъ Магомета. Неслыханный доселѣ энтузіазмъ потрясъ дикія племена пустынь; до того времени неподвижныя, они встаютъ, какъ неотразимый вихрь, разносить по всей землѣ слово пророка. Въ нѣсколько лѣтъ исламизмъ владѣетъ уже отъ береговъ Атлантическаго океана до Гангеса. Но тутъ же совершается и перерожденіе ихъ воинственнаго духа: вдругъ овладѣваетъ ими страсть къ ученью, къ знаніямъ, и тѣже самые лю-

ди, которые въ пылу фанатизма сожгли великолѣпную библіотеку Александріи, начинаютъ теперь съ жадностію отыскивать и собирать памятники греческой и римской мудрости и распространять ихъ во множествѣ переводовъ. Знаменитый въ восточныхъ сказкахъ Арунъ-аль-Рашидъ принимаетъ въ Багдадѣ ученыхъ всѣхъ земель, безъ различія вѣры, ободряетъ и награждаетъ ихъ; сынъ его Аль-Мамунъ посвящаетъ всю свою жизнь, все свое богатство на служеніе наукамъ, дѣлаетъ изъ Двора своего академію, всюду заводитъ у себя школы и, побѣдивши греческаго императора Михаила III, заставляетъ его купить миръ данью, состоящею изъ греческихъ книгъ!... Самая исторія этого благороднаго племени походитъ на сказку Тысяча одной ночи. Ученыя путешествія, которыя впослѣдствіи предпринимали арабскіе ученые, безпрестанно увеличивали массу сочиненій вызванныхъ этимъ всеобщимъ направленіемъ къ знаніямъ и ученію. Всѣ сочиненія, какъ свои, такъ и переводныя, тщательно собираемы были въ библіотеки, входъ въ которыя открытъ былъ всякому. Въ одной арабской Испаніи было семьдесятъ публичныхъ библіотекъ. Калифъ Аль-Амедъ, напр., поручалъ управленіе главной биліотеки въ Кордовѣ брату своему,—это была самая почетная должность въ государствѣ. Библіотека Кордовы была такъ велика, что одинъ каталогъ ея имѣлъ 44 тома, въ 50 листовъ каждый. Арабы занимались астрономіею, медициною, математикою, ботаникою, музыкою, поэзіею; отъ нихъ переняли Испанцы и рыцарство и свою поэзію романсовъ, передавъ ее потомъ провансальскимъ труверамъ...

И всѣ сокровища знанія арабовъ погибли съ ихъ могуществомъ. Этотъ блестящій, поэтическій народъ исчезъ съ лица земли, не оставивъ по себѣ почти никакого слѣда, кромѣ немногихъ памятниковъ и кой-какихъ отрывковъ. Дикій, безумный фанатизмъ духовенства испанскаго хотѣлъ истребить даже самую память объ этомъ народѣ, разжигая противъ него и политическую и религіозную ненависть. Можно ли повѣрить теперь, что послѣ взятія Гренады католическими королями въ 1492 году духовенство испанское сожгло съ величайшею торжественностію груды книгъ, принесенныхъ сюда со всѣхъ сторонъ Испаніи на этотъ бѣдственный праздникъ. Современные историки считаютъ число томовъ, погибшихъ въ этотъ день, до милліона. Достаточно было, чтобъ рукопись заключала въ себѣ арабскія буквы: проклятое имя корана, которое давали безъ всякаго разбора, тотчасъ же осуждало ее на сожженіе.

Читая исторію арабовъ, и особенно исторію ихъ покоренія и изгнанія изъ Испаніи, нельзя безъ глубокой скорби видѣть, какъ умный, исполненный терпимости народъ, въ высшей степени промышленный, многосторонняя образованность котораго начинала уже измѣнять строгую и сухую догму исламизма, побѣждается и изгоняется варварскими, фанатическими Испанцами; какъ обработанная, богатая, населенная страна предается въ жертву инквизиціи и становится пустынею. А съ другой стороны, если подумать, что это блестящее арабское племя, за 1000 лѣтъ до насъ совершившее столько доблестныхъ подвиговъ, возвысившееся до такой образованности и оставившее по себѣ столь изящные памятники, теперь погружено въ такое глубокое варварство,—то, право, трудно не усомниться въ этомъ такъ называемомъ безконечномъ совершенствованіи, особенно, когда еще видишь, что на мѣстѣ исчезнувшей цивилизаціи владычествуютъ дикость, невѣжество и изувѣрство?

Но обратимся къ старымъ арабамъ.

Новая религія принесла съ собой особый родъ богопочитанія, а оно создало новую форму искуства. Но тогда арабы, какъ и германцы, нахлынувшіе на римскую имперію, не имѣли никакой самостоятельной образованности, и слѣдовательно невольно должны были

взять въ образецъ тѣ формы искуства, которыя нашли въ завоеванныхъ ими странахъ. То были большею частію зданія временъ упадка римскаго зодчества, и притомъ еще въ томъ искаженномъ видѣ, какой придало имъ древне-христіанское искуство. Должно замѣтить, что ихъ-то преимущественно исламизмъ и долженъ быть взять въ образецъ: — онъ, также какъ и христіанство, былъ врагомъ языческаго богослуженія. Къ этому присоединился еще и собственно восточный художественный элементъ. Даже на римскихъ постройкахъ въ Азіи и Африкѣ лежалъ всегда болѣе или менѣе ощутительный восточный колоритъ, и весьма естественно, что этотъ восточный элементъ еще болѣе развился у арабовъ въ завоеваніяхъ, при соприкосновеніи ихъ съ старыми образованными народами Азіи. А такъ какъ потомъ арабы начали уже развиваться самостоятельно, то изъ всѣхъ этихъ разнородныхъ элементовъ наконецъ образовалось то, что теперь обыкновенно зовется мавританскимъ стилемъ.

По своему источнику, искуство магометанское находится въ близкой связи съ древне-христіанскимъ искуствомъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ оно отличается отъ него въ одномъ, и это одно такъ важно, что чрезъ него именно задушено было въ самомъ зернѣ своемъ все дальнѣйшее совершенствованіе мусульманскаго искуства. Магометъ до такой спепени боялся, чтобъ арабы не воротились къ своему прежнему идолопоклонству, что непремѣннымъ догматомъ корана запретилъ правовѣрнымъ представлять въ живописи и ваяніи людей и животныхъ. Вотъ причина, почему эти оба искуства были совершенно пренебрежены арабами. Ихъ искуство самое любимое, самое задушевное — была поэзія. Изъ представительныхъ же искуствъ оставалась имъ одна архитектура: въ ней одной принуждена была въ внѣшнихъ формахъ разыгрываться пламенная фантазія ихъ. Но архитектура неразрывно связана съ религіозными идеями. Религіозныя же идеи арабовъ кружились около: «нѣтъ Бога кромѣ Бога, и Магометъ пророкъ Его; Богъ единъ, Богъ всемогущъ, накажетъ злыхъ, наградитъ добрыхъ». При такомъ одинакомъ догматѣ, негдѣ было разыгрываться религіозному воображенію; при этомъ ни миѳовъ, ни религіозныхъ преданій, — одно голое, сухое единство. Вотъ отчего архитектурные памятники арабовъ далеко не соотвѣтствуютъ ихъ образованности. Архитектура ихъ имѣетъ характеръ однообразный и совершенно чужда развитію, какое мы видимъ въ архитектурахъ древнихъ и новыхъ народовъ, которыхъ религіозныя понятія, по разнообразію своему и многосторонности, непремѣнно должны были принять миѳологическую форму и съ съ нею поэтическое содержаніе, а слѣдовательно и развитіе.

Итакъ, тогда какъ христіанство давало созданіямъ своимъ художниковъ новое, разнообразное и глубокое содержаніе, исламизмъ видѣлъ въ этихъ созданіяхъ одно только преступное подражаніе божественной творческой силѣ. И народу, одаренному самою пламенной фантазіей, магометанство навсегда закрыло высшую сферу искуства, ту, гдѣ художникъ свободно воплощаетъ индивидуальную мысль свою! На мѣстѣ образнаго представленія, которое въ религіяхъ и искуствахъ всѣхъ народовъ даетъ такое характеристическое значеніе памятникамъ, у арабовъ выступаетъ самый отвлеченный изъ всѣхъ символовъ, самое противухудожественное средство—писаніе, коранъ. Впрочемъ, навсегда оставшись при однихъ формахъ древне-христіанскаго зодчества, арабская архитектура запечатлѣла ихъ своимъ особеннымъ характеромъ. Я имѣю здѣсь въ виду высшее выраженіе мусульманской архитектуры—ея религіозные памятники—мечети. Въ нихъ особенно замѣтны два стиля: одинъ принадлежитъ древне-христіанской базиликѣ, другой болѣе приближается къ стилю византійскому. Памятники перваго

находятся въ Европѣ; второй, сдѣлавшійся потомъ общимъ мусульманскимъ, принадлежитъ Востоку. Но этимъ первообразамъ своей архитектуры арабская фантазія слѣдовала не рабски: она преобразила ихъ по своему, примѣшавъ еще къ нимъ нѣкоторыя формы архитектуры индѣйской. Всего болѣе оригинальность арабской фантазіи выразилась въ украшеніяхъ, въ подробностяхъ, гдѣ надобно было избѣгать всякихъ опредѣленныхъ формъ и образовъ, находящихся въ природѣ. То была задача, достойная арабской фантазіи, и она чудно разрѣшила ее, создавъ свои безконечно клубящіяся и перевивающіяся вершины линій и фигуръ, извѣстныхъ теперь подъ названіемъ арабесковъ.

Мечеть въ Кордовѣ принадлежитъ къ самымъ древнѣйшимъ постройкамъ арабовъ: она начата была въ концѣ восьмаго вѣка, вскорѣ послѣ завоеванія Кордовы. Первымъ дѣломъ арабовъ при завоеваніи всякаго города было тотчасъ же построить мечеть и завести школу. Въ противоположность всѣмъ народамъ, арабы, какъ въ своихъ колосальныхъ памятникахъ, такъ и въ простыхъ домахъ, не только пренебрегали наружностію, но словно съ намѣреніемъ дѣлали ее какъ можно проще, какъ можно обыкновеннѣе, сосредоточивая всю роскошь украшеній на одну внутренность зданія. Такъ наружность мечети (она до сихъ-поръ удержала свое названіе mezquita) нисколько не приготовляетъ къ тому поразительному впечатлѣнію, которое испытываешь, войдя въ нее. Вдругъ вступаешь въ лѣсъ мраморныхъ колоннъ, глаза разбѣгаются въ безчисленныхъ рядахъ ихъ, теряющихся въ сумрачной дали, рѣдкія, маленькія окна едва пропускаютъ свѣтъ, такъ что полу-сумракъ, царствующій здѣсь, еще болѣе увеличиваетъ необыкновенность впечатлѣнія. Верхъ этого огромнѣйшаго храма состоитъ изъ полукруглыхъ (подковою) аркъ (прорѣзанныхъ такой же формы маленькими арками), опирающихся на колонны изъ бѣлаго, желтаго, зеленаго мрамора, яшмы, порфира. Самымъ любимымъ украшеніемъ испанскихъ мавровъ была арка подковою; они расточали ее всюду. Спокойная и мягкая форма полукруга, употребляемая античнымъ и древне-христіанскимъ искуствомъ, словно не удовлетворяла ихъ: тревожный духъ восточныхъ племенъ требовалъ формы, которая представляла бы глазамъ живую игру силы и, дѣйствительно, въ арабской аркѣ есть что-то кокетливое смѣлое, игривое. Не стану говорить о прежнихъ украшеніяхъ мечети: довольно сказать, что и теперь еще, несмотря на христіанскую передѣлку средины ея, здѣсь осталось болѣе 900 колоннъ! При арабахъ храмъ днемъ и ночью освѣщался всячими лампадами; ихъ было нѣсколько тысячъ.

Словно ходишь по густому лѣсу колоннъ, разросшихся въ безчисленные, переплетающіеся своды. Онѣ не очень высоки, но чрезвычайно легки, изящны и безъ пьедесталей, — кажется, словно ростутъ изъ земли. Колонны большею частію взяты изъ античныхъ зданій, частію сдѣланы по ихъ образцу, но съ примѣсью арабской фантазіи. Надъ ними и подъ навѣсомъ главныхъ аркъ находятся еще небольшія четырехугольныя колонки, соединенныя межъ собою полукруглыми маленькими дугами, и сверхъ всего плоская дубовая крышка, нѣкогда украшенная роскошными рѣзными, золочеными арабесками. До 1528 года мечеть оставалась нетронутою, хотя и обращенною въ церковь, но тогда духовенство Кордовы, не смотря на сопротивленіе городоваго совѣта, выпросило у Карла V позволеніе продѣлать окно, и вмѣсто окна сдѣлало въ самой серединѣ мечети огромный придѣлъ, по величинѣ своей настоящій храмъ въ готическомъ стилѣ. Умный Карлъ V, узнавши объ этомъ, очень жалѣлъ, что не сохранили вполнѣ такого колоссальнаго и единственнаго въ Испаніи памятника арабскаго религіознаго зодчества. Христіанская пристройка удивитель-

но грандіозна: испанскій готизмъ отличается отъ германскаго своими великолѣпными, широкими формами, торжественностію и ясностію; но переходъ изъ этого высокаго и свѣтло вскинутаго свода въ низкіе, разсыпающіеся и уходящіе въ сумрачную даль своды мечети производитъ непріятное впечатлѣніе. Вездѣ въ другомъ мѣстѣ эта постройка составила бы превосходный соборъ (особенно замѣчательны тутъ деревянные рѣзные хоры испанскаго художника Pedro duque Cornejo, надъ которыми трудился онъ десять лѣтъ—работа истинно мастерская), но здѣсь она нарушаетъ только впечатлѣніе зодчества восточнаго. Кромѣ этого маленькіе придѣлы обезображиваютъ невыразимую простоту арабскаго храма, въ которомъ все дышало единствомъ Бога и отвращеніемъ къ идолопоклонству. Къ счастію остались возлѣ алтарей нѣкоторые слѣды богослуженія мечети: три или четыре фонтана, служившіе для омовенія, и mirhab, часовня созерцанія: довольно большая нишь, означавшая во всѣхъ мечетяхъ ту сторону, гдѣ находится Мекка; сюда должны были обращаться правовѣрные въ своихъ молитвахъ. Надобно видѣть, съ какою изящною роскошью украсила ее арабская фантазія! Вся она изъ самаго чистаго бѣлаго мрамора съ маленькими колонками, окруженными мозаикою изъ цвѣтныхъ кристалловъ; всюду разбросаны изрѣченія корана, буквы изъ золоченыхъ кристалловъ, и около всего этого вьются самые роскошные, самые капризные арабески.

Почти въ одно время съ мечетью, за пять миль отъ Кордовы, на берегу Гвадалквивира выстроенъ былъ арабами дворецъ. По сказаніямъ арабскихъ историковъ, это было зданіе великолѣпія удивительнаго, съ 4,300 колоннами. Теперь отъ него не осталось ни малѣйшаго слѣда. Да и сама Кордова при мавританскомъ владычествѣ имѣла 200,000 домовъ, 90,000 дворцовъ и 900 бань; 12,000 деревень служили ей предмѣстьями. Теперь въ Кордовѣ едва ли есть 30,000 жителей; городъ въ самомъ жалкомъ видѣ. Къ невѣжеству и фанатизму Испанцевъ присоединилось еще и землетрясеніе, которое въ 1589 году разрушило большую часть города.

Гостинница, въ которой стою я, есть вмѣстѣ и кофейная; хозяинъ-французъ, оставшійся въ Испаніи послѣ 1823 года. Ея мавританскій, съ тонкими, изящными колоннами дворъ (patio), густо покрытый виноградомъ съ огромными темными кистями, даетъ днемъ самую отрадную прохладу, которую еще увеличиваетъ бьющій посереди фонтанъ, обсаженный криномъ; по вечерамъ эти великолѣпные цвѣты имѣютъ запахъ упоительный, страшно раздражающій нервы и воображеніе. Днемъ patio обыкновенно пустъ, вечеромъ наполняется женщинами и мужчинами, приходящими освѣжаться апельсиннымъ, слегка замороженнымъ сокомъ (naranjada). Я, по обыкновенію, гдѣ можно, завтракаю и обѣдаю почти одними плодами; теперь время разнаго рода фигъ, дынь, гранатовъ, винограда, но увы! здѣшніе такъ сладки, что нѣтъ возможности ихъ ѣсть, и я тоскую по арагонскимъ персикамъ. Жители Кордовы теперь заняты на дняхъ разстрѣляннымъ здѣсь атаманомъ разбойниковъ, и я по этому случаю наслышался много подробностей о разбойникахъ испанскихъ. Но объ этомъ классическомъ предметѣ надобно говорить обстоятельно. Сегодня вечеромъ долженъ проѣхать здѣсь дилижансъ, въ которомъ я авось найду мѣсто до Севильи. Вотъ уже недѣля, какъ живу въ этой унылой Кордовѣ, и еслибъ не это длинное письмо къ вамъ, я давно бы смертельно соскучился. За то вы потерпите за меня.

Посылаю къ вамъ его изъ Севильи, куда пріѣхалъ вчера и засталъ великолѣпнѣйшую corrida de toros (бѣгъ быковъ); семь быковъ и 22 лошади остались на мѣстѣ; но эта corrida такъ поразила и взволновала меня, что я, рѣшительно, не въ состояніи теперь писать. До слѣдующаго письма.

СЕВИЛЬЯ.

Находясь въ самомъ сердцѣ Андалузіи, могу наконецъ положительно сказать: красота испанской природы, о которой столько наговорили намъ поэты, есть неболѣе какъ предразсудокъ. Я разумѣю здѣсь красоту природы въ томъ смыслѣ, какъ представляютъ ее себѣ видѣвшіе Италію. Правда, на югѣ Испаніи растительность такъ величава и могущественна, что передъ ней растительность самой Сициліи кажется сѣверною, но это только рѣдкими мѣстами; африканское солнце, такъ сказать, насквозь прожигаетъ эту землю; въ Алмеріи, напримѣръ, уже три года какъ не было дождя, и жители южныхъ береговъ Испаніи безпрестанно переселяются во французскія владѣнія Африки. Здѣсь часто случается, что на три мили въ окружности невозможно найти воды. Не думайте, однакожъ, чтобъ эта пламенная природа неимѣла своей особенной, только ей одной свойственной красоты. Она здѣсь не разлита всюду, какъ въ Италіи; въ ней нѣтъ мягкихъ, ласкающихъ итальянскихъ формъ: здѣсь она или уныла и дика, или поражаетъ своею тропическою, величавою роскошью. По дорогѣ изъ Кордовы въ Севилью, напримѣръ, возлѣ иного cortijo (*), (нѣтъ ничего, кромѣ одинокаго апельсиннаго дерева; но надобно видѣть, что это за могучій стволъ, и какъ широко раскинулось оно своими густыми вѣтвями; апельсинныя деревья Сициліи покажутся передъ нимъ не болѣе, какъ отростками. Здѣсь каждую минуту чувствуешь, что имѣешь подъ ногами огненную землю, нелюбящую золотой средины, на которой или корчится отъ зноя всякое растеніе, или тамъ, гдѣ влагѣ удастся охладить жгучіе лучи солнца, растительность вырывается на воздухъ, съ такою полнотою красоты и силы, съ такою роскошью, что здѣсь, особенно въ городахъ, эти чудные оазисы середи каменистыхъ пустынь производятъ совершенно особенное, электрическое впечатлѣніе, о которомъ не можетъ дать понятія краткая и ровная красота Италіи. Здѣсь и пустыня (despoplado), и голыя, рдѣющія на солнцѣ скалы, и растительность дышатъ какою-то сосредоточенной, пламенной энергіей.

. . . .

Въ самый день моего пріѣзда засталъ я здѣсь великолѣпный бѣгъ быковъ— *corrida de toros* (Испанцы не называютъ боемъ, а *бѣгомъ быковъ*). «Кстати вы пріѣхали: сегодня день быковъ!» (*dia de toros*,—такъ называется день, въ который дается бѣгъ). Этими словами встрѣтилъ меня хозяинъ гостинницы, въ которой остановился я. «Надобно заранѣе взять мѣсто, послѣ не достанешь; ваша милость охотникъ (*aficionado*)?—Я никогда еще невидалъ.—«Прекрасно! Нигдѣ въ Испаніи нѣтъ такихъ бѣговъ какъ въ Севильѣ; сегодня *шпагой* будетъ Чикланеро, ученикъ славнаго Монтеса.»—Наскоро пообѣдавъ, отправились мы въ циркъ. Дорогой встрѣтилъ я моихъ дорожныхъ товарищей Севильянъ—и едва узналъ ихъ; въ дилижансѣ они были въ сюртукахъ, а теперь въ щегольскихъ андалузскихъ костюмахъ.

Наконецъ увидѣлъ я эти знаменитыя корриды! Двѣ корриды въ теченіи двухъ недѣль,—это было слишкомъ для моихъ неопытныхъ нервовъ! Съ усиліемъ беру перо, чтобъ разсказать о моихъ впечатлѣніяхъ.

Ничто не можетъ дать такого полнаго понятія о наслажденіяхъ, страстяхъ, характерѣ и физіономіи испанскаго народа, какъ *corrida de toros*, самое высшее, самое любимое изъ его удовольствій. Никакая заманчивая афиша, никакая новая пьеса невозбудятъ въ народѣ такого живаго любопытства, какъ это простое и всегда однообразное объявленіе о бѣгѣ быковъ: извощикъ, *cigarrera* (*), водо-

(*) Такъ называются здѣсь маленькія фермы (дворики.)

(*) Женщина, работающая на сигарной фабрикѣ.

носъ пообѣдаютъ кускомъ хлѣба съ чеснокомъ или даже вовсе не будутъ обѣдать, но ужъ ни-за-что не пропустятъ бѣга. За четыре дня красныя афиши извѣщаютъ объ имѣющемъ быть *corso de toros*; тутъ же подробно объявляется, сколько быковъ будутъ поодиночкѣ выпущены въ циркъ, съ означеніемъ, съ какого каждый пастбища и кому принадлежитъ; за тѣмъ слѣдуютъ имена *picadores* (сражающихся на лошади съ копьями) и *matadores* (убивающихъ быка шпагами), участвующихъ въ боѣ.

Plaza de toros находится за городомъ: это большой циркъ, выстроенный амфитеатромъ и окруженный ступенями, безъ крыши, вслѣдствіе чего мѣста въ тѣни дороже мѣстъ на солнцѣ; для высшаго общества назначена верхняя галлерея: это самыя дорогія мѣста. Деревянный барьеръ, укрѣпленный толстыми столбами, отдѣляетъ отъ поля сраженія пространство шага въ два ширины: здѣсь убѣжище *toreros*,— общее названіе каждаго участвующаго въ циркѣ въ боѣ съ быкомъ. Когда быкъ сильно тѣснитъ или настигаетъ ихъ, они, поставя ногу на уступъ, сдѣланный въ заборѣ, прыгаютъ черезъ него съ удивительною быстротою и ловкостію.

Больше десяти тысячъ зрителей занимаютъ ступени въ галлерею амфитеатра, и, смотря на всѣ эти оживленныя лица, на страстность движеній, разговоровъ, физіономій, вамъ бы трудно было узнать здѣсь тѣхъ Испанцевъ, которыхъ вы считаете такимъ важнымъ и серьёзнымъ народомъ. Никакой театръ въ мірѣ не можетъ дать малѣйшаго понятія о томъ страстномъ ожиданіи, объ этомъ тревожномъ одушевленіи, какихъ исполнена публика передъ начатіемъ бѣга: да и дѣло здѣсь, правда, идетъ не о Рубини, не о Гризи или Фредерикѣ Леметрѣ, а о Севильѣ Пикадорѣ, о Чикланеро, *la primera espada de España* (первая шпага Испаніи), послѣ знаменитаго Монтеса, а наконецъ и сами дикіе быки: это тоже трагедіи очень почтенныя! Докторъ и хирургъ прибыли, священникъ съ дарами заняли мѣсто въ кулисахъ театра, пикадоры на лошадяхъ въ аренѣ; коррехидоръ (начальникъ города) подалъ знакъ изъ своей ложи, труба заиграла, ворота барьера отворились.

Быкъ, выходя изъ своего темнаго стойла, ослѣпленъ свѣтомъ, оглушенъ криками толпы; бодро выбѣгаетъ онъ на арену, съ любопытствомъ поднимаетъ голову, осматривается. Онъ пошелъ въ сторону — это плохой быкъ: хорошій быкъ долженъ тотчасъ же броситься на пикадора. Быкъ снова останавливается, съ удивленіемъ смотритъ вокругъ, понурилъ голову и сталъ взметывать песокъ передними ногами. По всему видно, что онъ не хочетъ биться; надобно будетъ раздражить его. *Chulos* подбѣгаютъ, размахивая своими капами (*); пикадоръ подъѣзжаетъ, становится передъ нимъ: быкъ долженъ биться.

Пикадоръ сидитъ на скверной лошади, глаза у ней завязаны. Онъ вооруженъ копьемъ, котораго остріе, длиной съ булавку, можетъ только уколоть, но не ранить быка; одежда его состоитъ изъ широкихъ замшевыхъ панталонъ, подбитыхъ желѣзомъ и деревомъ, которые защищаютъ ноги отъ ударовъ роговъ; отъ этого пѣшкомъ онъ едва можетъ передвигать ноги и когда бываетъ опрокинутъ вмѣстѣ съ лошадью, то не въ силахъ подняться безъ пособія chulos; на немъ андалузская куртка и сѣрая съ большими полями шляпа. Сѣдла у нихъ высокія, турецкой формы, стремена желѣзныя, на манеръ высокихъ галошъ; только съ помощію длинныхъ и острыхъ шпоръ управляютъ они своими бѣдными клячами. Пикадоръ становится всегда такъ, чтобъ имѣть быка съ правой стороны: когда быкъ бросается на лошадь и нагибаетъ голову для удара, пикадоръ долженъ остановить этотъ взмахъ упоромъ копья *непремѣнно* въ

(*) *Capa* на языкѣ цирка называется кусокъ красной ткани, махая которою chulo раздражаетъ быка.

затылокъ и въ ту же минуту отъѣхать влѣво. Если лошадь легка и поворотлива, а пикадоръ силенъ и искусенъ, то ударъ минуетъ лошадь: но это случается очень рѣдко. Если же пикадоръ не умѣлъ хорошо стать, если ударъ копья сдѣланъ неловко и немѣтко—горе ѣздоку, а главное—горе лошади! Быкъ поднимаетъ ее на рога и опрокидываетъ вмѣстѣ съ ѣздокомъ. Но въ это мгновеніе chulos окружаютъ ихъ: одни поднимаютъ пикадора, другіе, махая красными капами передъ глазами быка, стараются отвлечь его вниманіе отъ пикадора: глупое животное бросается на нихъ, chulos мгновенно разсыпаются въ стороны. Но разъ, назадъ тому нѣсколько лѣтъ, съ знаменитымъ пикадоромъ Хуаномъ Севилья случилось слѣдующее: выпущенный въ арену быкъ былъ превосходной андалузской породы, силы и легкости неимовѣрной. Грозно выбѣжавши на арену, онъ тотчасъ же напалъ на пикадора, нанесъ лошади страшный ударъ рогами и опрокинулъ ее вмѣстѣ съ сѣдокомъ. Chulos по обыкновенію бросились отвлекать его въ сторону; но быкъ, противъ обыкновенія, не обращая на нихъ вниманія, устремился на пикадора, съ дикою яростію началъ его топтать, бодать рогами въ ноги; и вдругъ замѣтя, что удары его только скользили по нимъ, онъ перескакиваетъ на другую сторону и наклоняетъ голову: ударъ рога приходился пикадору прямо въ грудь. Хуанъ Севилья, мгновенно приподнявшись съ отчаяннымъ усиліемъ, одною рукою схватываетъ быка за ухо, а другою запускаетъ пальцы свои въ ноздри быку и въ тоже время прижимаетъ свою голову къ головѣ бѣшеннаго животнаго. Напрасно быкъ его трясъ, топталъ ногами, билъ объ землю: никакими усиліями не могъ онъ освободиться отъ пикадора, и наконецъ, побѣжденный человѣкомъ въ этой страшной борьбѣ, обратился на chulos. Севилья отпустилъ его; всѣ думали, что его подымутъ замертво, но только что поставили его на ноги, какъ взбѣшенный Севилья выхватываетъ у одного chulos капу, и, едва переступая ногами, отъ тяжести своихъ подбитыхъ желѣзомъ панталонъ, хочетъ снова привлечь къ себѣ быка. Насильно вырвали у него капу. Ему подвели лошадь: дрожа отъ гнѣва, бросается онъ съ копьемъ своимъ на быка среди цирка, не расчитывая своего положенія. Сшибка двухъ противниковъ была ужасна, и быкъ и лошадь пали на колѣни....

Согласитесь, что здѣсь слава не пріобрѣтается даромъ.

Обыкновенно въ циркѣ два пикадора; два и три другихъ ждутъ за барьеромъ, чтобъ замѣнить ихъ въ случаѣ смерти, раны или сильнаго ушиба. Двѣнадцать chulos разсыпаны на аренѣ; они всѣ пѣшкомъ и должны безпрестанно помогать другъ другу. Одни изъ нихъ, какъ я сказалъ, отвлекаютъ быка, другіе поднимаютъ пикадора и раненую лошадь: рога быка цѣликомъ проткнули ей животъ.... Вы думаете, что она не двинется уже съ мѣста! — Напротивъ: что нужды, что бѣдное животное ранено на смерть, что кровь льется изъ двухъ его зіяющихъ ранъ, что внутренности его висятъ и влачатся по землѣ, что его ноги путаются въ нихъ,— ничего: пока лошадь можетъ держаться на ногахъ, она годится еще для удара. Если лошадь подняться не въ состояніи, пикадоръ выходитъ съ арены и тотчасъ же въѣзжаетъ въ нее на свѣжей лошади.

Андалузскіе быки знамениты своею дикою яростію: они невысоки, съ ногами очень тонкими и такъ легки, что догоняютъ лошадь на бѣгу и иногда перепрыгиваютъ черезъ трехъ-аршинный барьеръ; шерсть у нихъ гладкая и лоснящаяся, рога длинные и заостренные. Если быкъ хорошъ, — на языкѣ цирка это значитъ не трусъ,—то одинъ оставляетъ на мѣстѣ пять и шесть лошадей и какъ мячи катаетъ пикадоровъ по землѣ. Тогда-то раздаются страстныя рукоплесканія: — bravo! bravo! bravo! кричатъ со всѣхъ сторонъ. Но не умеръ

ли пикадоръ? не ушибся ли, не раненъ ли? Э! объ этомъ никто не заботится; это дѣло священника и хирурга. Правда, что это не часто случается, да главное въ томъ, что объ этомъ никто не думаетъ. Но какъ хорошъ, красивъ быкъ, когда, опрокинувъ трехъ-четырехъ пикадоровъ, онъ одинъ гордо бѣгаетъ по завоеванной имъ аренѣ! Chulos не смѣетъ болѣе раздражать его; его бѣшеные, налившіеся кровью глаза исполнены дикаго торжества; арена пуста, на ней лежатъ только трупы убитыхъ имъ лошадей; въ ярости онъ снова поднимаетъ ихъ на окровавленные рога свои, взбрасываетъ, раздираетъ.

Подаютъ знакъ бандерильерамъ.

Ловкіе, быстрые, увертливые, одѣтые великолѣпно, на манеръ Фигаро въ Севильскомъ цирюльникѣ, — шолковые чулки, башмаки, атласная съ шитьемъ куртка и штаны,—бандерильеры (banderilleros) выбѣгаютъ на арену, держа въ рукахъ двѣ коротенькія палочки, или, точнѣе, стрѣлки съ загнутымъ остріемъ, обернутыя цвѣтной разрѣзанной бумагой. Бандирильеро прямо бѣжитъ къ быку, который, удивленный такою дерзостію, вскачь бросается на него. Ужъ быкъ держитъ его почти между рогами, но въ ту самую минуту, когда онъ наклоняетъ голову, чтобъ поднять его на рога, бандирильеро втыкаетъ ему двѣ свои стрѣлки, по обѣимъ сторонамъ шеи, быстрымъ, мгновеннымъ, невѣроятно увертливымъ движеніемъ корпуса уклоняется отъ удара и убѣгаетъ. Замѣтьте, что онъ не можетъ воткнуть свои стрѣлки иначе, какъ ставши совершенно близко и прямо передъ быкомъ, почти между рогами его. Какое нибудь развлеченіе, малѣйшая нерѣшимость, сомнѣніе тотчасъ могутъ погубить его. За однимъ бандерильеро, при мнѣ, быкъ бросился въ погоню; уже бандерильеро поднималъ одну ногу на барьеръ, какъ быкъ настигъ его и взбросилъ на воздухъ.... бандерильеро всталъ невредимъ, только атласная куртка на лѣвомъ боку была разорвана: онъ попалъ между рогами. Если бандерильеро, втыкая стрѣлки, по несчастію упалъ, то долженъ лежать безъ движенія. Быкъ рѣдко бьетъ лежачаго, не изъ великодушія, а потому, что, нанося ударъ, онъ большею частію закрываетъ глаза и такимъ образомъ пройдетъ по человѣку, не замѣтя его. Но иногда онъ останавливается, начинаетъ его обнюхивать, точно ли онъ мертвъ, и потомъ, отойдя нѣсколько, наклоняетъ голову, чтобъ поднять его на рога. Но chulos и товарищи бандерильера тотчасъ же отталкиваютъ его въ сторону.

Надобно видѣть быка, который, чувствуя въ шеѣ боль отъ воткнутыхъ крючковъ стрѣлокъ, носится съ ними по аренѣ, трясетъ ихъ, прыгаетъ, яростно мычитъ; тутъ прибѣгаетъ другой бандерильеро и втыкаетъ ему двѣ другія стрѣлки, потомъ третій, четвертый. Если же быкъ не изъ храбрыхъ, если онъ не тотчасъ же нападаетъ на пикадоровъ, а болѣе отходитъ отъ нихъ въ сторону,—fuego, fuego! (огня, огня!) раздается со всѣхъ сторонъ,—надобно раздражить быка огнемъ. Тогда бандерильеры втыкаютъ ему стрѣлки, обвитыя фейерверкомъ съ фитилемъ изъ тлѣющаго трута. Фейерверкъ загарается, трещитъ, хлопаетъ, жжетъ шею быка, — и что за прыжки, что за удивительные скачки тогда дѣлаетъ быкъ, и что за безумный хохотъ овладѣваетъ зрителями!

Наконецъ ярость животнаго достигла высшей степени, и теперь только должна начаться настоящая битва, битва одинъ на одинъ: — звукъ трубы вызываетъ матадора. Бѣшеное животное мечется по аренѣ, *chulos* и *banderilleros* скрылись, арена пуста. Тогда входитъ на нее матадоръ въ самомъ великолѣпномъ андалузскомъ костюмѣ, красный плащъ небрежно накинутъ налѣвое плечо, въ правой рукѣ держитъ онъ короткую шпагу, въ лѣвой красное покрывало (*muleta*). Онъ идетъ съ важностію, каждый шагъ его обдуманъ и расчитанъ. Онъ шпагой отдаетъ честь коррехидору,

городовому правленію и останавливается.

Тутъ наступаетъ минута торжественная. Быкъ, задыхаясь отъ бѣшенства, завидя матадора, бѣжитъ на него — и, словно почуя страшнаго врага, вдругъ останавливается, наблюдаетъ его, расчитываетъ свой ударъ. Чикланеро молодъ, прекрасенъ, одѣтъ въ атласъ, бархатъ и золото, гибокъ, сложенъ удивительно. Онъ сбрасываетъ съ плеча красный плащь; каждое движеніе его исполнено рѣшительности и хладнокровія. Подумайте объ игрѣ, которую играетъ этотъ человѣкъ, подумайте, что рѣдкій матадоръ умираетъ въ постелѣ, а почти всѣ оканчиваютъ жизнь свою на полѣ битвы! и отчего зависитъ его жизнь? отъ одного невѣрнаго шага, отъ одного чуть-чуть уклончиваго движенія быка, отъ малѣйшаго камешка, который покатится у него подъ ногами. Ошибка въ расчетѣ на одинъ шагъ,—и его ждетъ неизбѣжная смерть; онъ сдѣлаетъ два круга по аренѣ—на рогахъ у быка, какъ это случилось съ Ромеро, въ свое время «первой шпагой Испаніи». Удалясь на старости лѣтъ на родину, честно жилъ онъ плодами своихъ прежнихъ подвиговъ, какъ, не знаю по случаю какого-то торжества, Марія Луиза, жена Карла IV и мать покойнаго короля, желая придать этому торжеству больше блеска, непремѣнно захотѣла, чтобъ Ромеро участвовалъ въ «бѣгѣ быковъ», назначенномъ по этому случаю. Ромеро отказался: — «я ужь состарѣлся — говорилъ онъ—Богъ сохранилъ меня отъ столькихъ опасностей, не должно искушать милосердіе Божіе». Но тутъ замѣшался капризъ женщины и королевы, надобно было сдѣлать по ея желанію, и глава матадоровъ погибъ жертвою своей сговорчивости. Неизвѣстно, что именно, какой неожиданный случай обманулъ его опытность и обычную ловкость: быкъ уловилъ его, поднялъ на рога и, словно зная какого врага побѣдилъ онъ, бѣшено помчался съ нимъ по аренѣ.

Но въ корридахъ есть свои законы, какъ въ дуэли; нарушить ихъ также постыдно, какъ постыдно измѣннически убить своего противника; напримѣръ, матадоръ долженъ наносить быку ударъ неиначе, какъ въ то мѣсто, гдѣ оканчивается шея и начинается спинной хребетъ. Ударъ долженъ быть сверху внизъ. Въ тысячу разъ почетнѣе для матадора умереть, нежели нанести ударъ снизу, сбоку или сзади. Шпага матадора не длинна, но широка, толста и остра съ обѣихъ сторонъ; рукоять ея очень мала, для того, чтобъ при ударѣ можно было упирать ее въ ладонь. Но чтобъ убить быка матадоръ долженъ сперва узнать въ подробности его характеръ. Отъ этого знанія зависятъ не только слава и мастерство, но самая жизнь матадора. Каждый быкъ имѣетъ свой особенный характеръ, который необходимо узнать. Быки вообще раздѣляются на прямыхъ, простыхъ, ясныхъ (*trancos*, *sencillos*, *claros*), на раздражительныхъ (*de sentido*) и хищныхъ (*abantos*); на тѣхъ, которые легко поддаются обману мулеты (кусокъ красной ткани на деревѣ, которую держитъ матадоръ въ лѣвой рукѣ), и на такихъ, которые, напротивъ, не упускаютъ изъ виду движеній человѣка. Есть быки коварные (*cobardes*), которые наносятъ удары неожиданные, не подавая о нихъ прежде ни малѣйшаго вида. Кромѣ этого бываютъ быки, которые хорошо видятъ вблизи и дурно вдали, и наоборотъ, наконецъ, такіе, которые хорошо видятъ однимъ глазомъ и дурно другимъ, и проч. Всѣ эти особенности каждаго быка долженъ всякій *torero*, а тѣмъ болѣе матадоръ, изучить тутъ же на мѣстѣ, въ аренѣ, потому что первое и необходимое условіе бѣга, чтобъ быки никогда прежде не были въ циркѣ, даже для шутки, какъ это случается на деревенскихъ праздникахъ съ молодыми быками (*novillos*), о чемъ я уже говорилъ. Такого рода опытный быкъ дѣлается очень опаснымъ.

Нельзя представить себѣ ничего увлекательнѣе этого страшно волнующаго зрѣлища, когда матадоръ и быкъ приближаются другъ къ другу; каждый на-

блюдаетъ за своимъ противникомъ. Безпрестанно мѣняютъ они свои маневры, словно отгадывая взаимныя намѣренія. Иногда быкъ не тотчасъ устремляется на матадора, а подходитъ медленно, чтобъ взять себѣ больше пространства и напасть на своего противника только тогда, когда онъ будетъ къ нему такъ близко, что не можетъ уклониться отъ натиска. Словно по какому-то предчувствію, быкъ не вдругъ бросается на матадора: или, можетъ быть, это спокойное, грозное по своему хладнокровію ожиданіе его удара внушаетъ быку нѣкоторую робость. Почти всегда онъ останавливается передъ матадоромъ и всматривается въ него; съ видомъ угрозы трясетъ головою, скребетъ копытомъ землю и не хочетъ двинуться впередъ; иногда начинаетъ медленно отступать, стараясь привлечь матадора на средину цирка, гдѣ онъ не въ состояніи отъ него уйти. Иной быкъ, вмѣсто того, чтобъ по обыкновенію нападать прямо, подходитъ съ боку медленно, прикидываясь усталымъ, и, расчитавъ удобное для удара разстояніе, вдругъ, мгновенно бросается на матадора. Но это исключеніе: большею частію быкъ останавливается прямо передъ нимъ. Оба стоятъ какъ вкопанные, каждый слѣдитъ за движеніями своего противника. Малѣйшее движеніе головою, ухомъ, взглядъ въ сторону, все это для опытнаго и искуснаго матадора вѣрные признаки намѣреній его врага. Матадоръ взмахиваетъ мулетой и опускаетъ ее, закрывая ею отъ быка свои ноги. Это движеніе раздражило быка, онъ бросается на матадора; сила взмаха такова, что ударъ, кажется, разбилъ бы цѣлую стѣну... легкимъ, почти незамѣтнымъ движеніемъ тѣла уклонился матадоръ отъ удара, подставивъ ему свою мулету и поднявъ ее надъ рогами бѣшенаго животнаго.

Но матадоръ только еще изучаетъ своего врага; нѣсколько разъ повторяетъ онъ эти такъ называемыя pases de muleta, и, уже вполнѣ узнавши быка, располагается нанести ему смертельный ударъ. Онъ становится прямо противъ него и ждетъ. Эти минуты надобно видѣть, надобно испытать ихъ: восклицанія, остроты умолкаютъ, десять тысячъ зрителей словно каменѣютъ, ни одинъ вздохъ не прерываетъ мертвой томительной тишины. Въ эти минуты юное, прекрасное лицо Чикланеро покрывается матовою блѣдностью, изъ которой ярко сверкали его большіе, черные глаза, ноздри расширялись. Быкъ дѣлаетъ шагъ впередъ и снова останавливается; они такъ близко другъ къ другу, что матадоръ уже прицѣливается шпагою... еще секунда—и быкъ бросается.... но въ то самое мгновеніе, какъ быкъ дѣлаетъ головой размахъ, чтобъ поднять матадора на рога, онъ, чрезъ его наклоненную голову, вонзаетъ ему всю шпагу въ то мѣсто. гдѣ оканчивается шея и начинается хребетъ... быкъ вдругъ прерываетъ свой взмахъ, нѣсколько капель крови брызнули ему на шею, ноги его дрожатъ, подгибаются, быкъ падаетъ безъ движенія. Надобно видѣть, что за минута бѣшенаго восторга слѣдуетъ за томительными, невыносимо—тяжкими минутами битвы! Словно каждый избавился отъ давившаго его кошемара; дикій, необузданный энтузіазмъ овладѣваетъ зрителями, какъ будто каждый празднуетъ свое избавленіе отъ смертной опасности. Что передъ этимъ восторгомъ всѣ возможные восторги театральной публики! никогда никакой актеръ въ мірѣ не получалъ себѣ такой награды. Съ лицомъ, на которомъ медленно исчезаетъ блѣдность, обходитъ матадоръ циркъ, привѣтствуемый зрителями. Къ нему летятъ шляпы, его встрѣчаютъ восторженныя рукоплесканія: — bravo bravo Chiclanero! Понятно, что для такихъ минутъ обожанія рискуютъ жизнію. Но отличный ударъ случается не всегда; на двѣнадцати убитыхъ быкахъ я видѣлъ его только четыре раза. Если ударъ вѣренъ, то есть, если лезвіе, пройдя между шеей и хребтомъ, достало до сердца, быкъ тотчасъ падаетъ, словно пораженный молніею; но

чаще всего матадоръ принужденъ раза два, иногда три повторять свой ударъ. Можетъ быть, въ энтузіазмѣ зрителей за отличный ударъ участвуетъ и благодарность за избавленіе ихъ отъ непріятнаго зрѣлища смертныхъ страданій быка; чрезвычайно тяжело видѣть, какъ сильно раненый быкъ начинаетъ шататься по аренѣ, пренебрегая капами chulos, жалобно мычитъ, захлебываясь своею кровью, ищетъ мѣста умереть, сгибаетъ переднія ноги, ложится, протягиваетъ голову и умираетъ; если же смертныя судороги продолжаются, къ нему сзади подкрадывается cachetero и даетъ ударъ кинжала въ затылокъ, чтобъ покончить его страданія. Замѣчательно, что у быка всегда есть любимое мѣсто въ аренѣ — это то, на которомъ онъ остановился тотчасъ по выходѣ изъ стойла въ арену: иногда съ трудомъ можно заставить его съ него сойти. Большею частію онъ идетъ умирать на это мѣсто или ложится возлѣ убитой имъ лошади. Послѣ этого отворяются одни изъ воротъ барьера, выѣзжаетъ пара роскошно убранныхъ муловъ, вывозятъ постепенно трупы убитыхъ лошадей и быка; на кровавые слѣды посыпаютъ песку и впускаютъ новаго быка; такъ продолжается до шести и даже до восьми быковъ. Это называется полубѣгомъ (media corrida); въ прежнее время полная коррида состояла изъ 16 быковъ.

Я не въ состояніи описать того мучительнаго, невыносимаго волненія, которое овладѣло мною при боѣ матадора съ первымъ быкомъ: при второмъ, третьемъ, четвертомъ оно усиливалось. Бой каждаго быка не есть одно только повтореніе предъидущаго: я ужъ сказалъ, что каждый быкъ имѣетъ свои особенности, свой характеръ, и потому бой съ каждымъ представляетъ свои случайности, свои неожиданности; каждый бой есть отдѣльная, новая драма. А этотъ красивый, великолѣпный юноша съ своею маленькою шпагою противъ животнаго, разъяреннаго до бѣшенства,—юноша, котораго жизнь зависитъ отъ малѣйшей невѣрности руки, потому что во время удара одинъ рогъ быка проходитъ у него подъ мышкою и разъ даже вырвалъ у него платокъ, выставившійся изъ кармана на груди.... волненіе мое сдѣлалось невыносимымъ; но я не въ силахъ былъ отвести свои глаза отъ цирка; въ головѣ у меня мутилось, я готовъ былъ упасть въ обморокъ и не могъ дождаться смерти пятаго быка. Когда я вышелъ изъ цирка, солнце закатывалось, въ воздухѣ разливался чудный золотистый паръ, вечерній прохладный вѣтерокъ напоенъ былъ запахомъ апельсинныхъ деревьевъ.

При второмъ бѣгѣ я былъ уже нѣсколько покойнѣе и хотя въ страшномъ волненіи, но могъ досмотрѣть его до конца. Послѣ него выпущенъ былъ въ циркъ молодой быкъ (novillo) для забавы зрителей: толпы бросились на арену. На рогахъ у быка надѣты были деревянные шары, обтянутые кожей, чтобъ удары его не могли быть смертельны. Боже мой! всякій наперерывъ старался раздражить быка плащами, поясами, шляпой; сколько плащей разлетѣлось въ куски, сколько въ этой свалкѣ истопталъ быкъ народу! нѣсколько человѣкъ вынесены были безъ чувствъ, Но за то и сколько смѣху, остротъ, радостнаго хохота....

LXVII. БѢЛИНСКІЙ.

(ум. 1848.)

(Изъ перваго тома, изъ статьи: **Литературныя мечтанія**, напечатанной въ Молвѣ 1834 года.)

Я правду о тебѣ поразскажу такую,
Что хуже всякой лжи. Вотъ, братъ, рекомендую:
Какъ этакихъ людей учтивѣе зовутъ?...

Горе отъ ума.

Есть ли у васъ хорошія книги?—Нѣтъ, но у насъ есть великіе писатели.
—Такъ, по крайней мѣрѣ, у васъ есть словесность?—Напротивъ, у насъ есть только книжная торговля.

Баронъ Брамбеусъ.

Помните ли вы то блаженное время, когда въ нашей литературѣ пробуди-

лось было какое-то дыханіе жизни, когда появлялся талантъ за талантомъ, поэма за поэмою, романъ за романомъ, журналъ за журналомъ, альманахъ за альманахомъ: то прекрасное время, когда такъ гордились настоящимъ, такъ лелѣяли себя будущимъ, и, гордые нашею дѣйствительностію, а еще болѣе сладостными надеждами, твердо были увѣрены, что имѣемъ своихъ Байроновъ, Шекспировъ, Шиллеровъ, Вальтеръ-Скоттовъ? Увы! гдѣ ты, о **bon vieu temps**, гдѣ вы, мечты отрадныя, гдѣ ты надежда-обольститель! какъ все перемѣнилось въ столь короткое время! Какое ужасное, раздирающее душу разочарованіе послѣ столь сильнаго, столь сладкаго обольщенія! Подломились ходульки нашихъ литературныхъ атлетовъ, рухнули соломенныя подмостки, на кои, бывало, карабкалась золотая посредственность, а вмѣстѣ съ тѣмъ умолкли, заснули, исчезли и тѣ немногія и небольшія дарованія, которыми мы такъ обольщались во время оно. Мы спали и видѣли себя Крезами, а проснулись Ирами! Увы! какъ хорошо идутъ къ каждому изъ нашихъ геніевъ и полугеніевъ сіи трогательныя слова поэта:

Не разцвѣлъ и отцвѣлъ
Въ утрѣ пасмурныхъ дней!

Да—прежде и нынѣ, тогда и теперь! Великій Боже!.... Пушкинъ, поэтъ русскій по преимуществу, Пушкинъ, въ сильныхъ и мощныхъ пѣсняхъ котораго впервые пахнуло вѣяніе жизни русской, игривый и разнообразный талантъ котораго такъ любила и лелѣяла Русь, къ гармоническимъ звукамъ котораго она такъ жадно прислушивалась и на кои отзывалась съ такою любовію, Пушкинъ, авторъ Полтавы и Годунова—и Пушкинъ, авторъ Анжело и другихъ мертвыхъ безжизненныхъ сказокъ!... Козловъ, задумчивый пѣвецъ страданій Чернеца, стоившихъ столькихъ слезъ прекраснымъ читательницамъ, этотъ слѣпецъ, такъ гармонически передававшій намъ бывало свои роскошныя видѣнія, и Козловъ — авторъ балладъ и другихъ стихотвореній, длинныхъ и короткихъ, напечатанныхъ въ Библіотекѣ для Чтенія, и о коихъ только и можно сказать, что въ нихъ все обстоитъ благополучно, какъ уже было замѣчено въ Молвѣ!..., какая разница!.... Много бы, очень много, могли мы прибрать здѣсь такихъ печальныхъ сравненій, такихъ горестныхъ контрастовъ, но.... Словомъ, какъ говоритъ Ламартинъ:

Les dieux etaient tombés, les trônes etaient vides!

Какіе же новые боги заступили вакантныя мѣста старыхъ? Увы, они смѣнили ихъ, не замѣнивъ! Прежде наши аристархи, заносившіеся юными надеждами, всѣхъ обольщавшими въ то время, восклицали въ чаду дѣтскаго, простодушнаго упоенія: «Пушкинъ—сѣверный Байронъ, представитель современнаго человѣчества!» Нынѣ, на нашихъ литературныхъ рынкахъ, наши неутомимые герольды вопіютъ громко: «Кукольникъ, великій Кукольникъ, Кукольникъ-Байронъ, Кукольникъ отважный соперникъ Шекспира! на колѣна передъ Кукольникомъ». Теперь Баратынскихъ, Подолинскихъ, Языковыхъ, Туманскихъ, Ознобишиныхъ смѣнили гг. Тимофеевы, Ершовы; на поприщѣ ихъ замолкнувшей славы величаются гг. Брамбеусы, Булгарины, Гречи, Калашниковы, по пословицѣ, на безлюдьи и Ѳома дворянинъ. Первые или подчуютъ насъ изрѣдка старыми погудками на старый же ладъ, или хранятъ скромное молчаніе; послѣдніе размѣниваются комплиментами, называютъ другъ друга геніями и кричатъ во всеуслышаніе, чтобы поскорѣе раскупали ихъ книги. Мы всегда были слишкомъ неумѣренны въ раздачѣ лавровыхъ вѣнковъ генія, въ похвалахъ корифеямъ нашей поэзіи: это нашъ давнишній порокъ; по крайней мѣрѣ, прежде причиною этого было невинное обольщеніе, происходившее изъ благороднаго источника—любви къ родному; нынѣ же рѣшительно все основано на

корыстныхъ разсчетахъ; сверхъ того, прежде еще и было чѣмъ похвастаться; нынѣ же.... Отнюдь не думая обижать прекрасный талантъ г-на Кукольника, мы все таки не запинаясь можемъ сказать утвердительно, что между Пушкинымъ и имъ, г-номъ Кукольникомъ, пространство неизмѣримое, что ему, г-ну Кукольнику, до Пушкина.

Какъ до звѣзды небесной далеко!

Да—Крыловъ и г. Зиловъ, Юрій Милославскій Загоскина и Черная Женщина г-на Греча, Послѣдній Новикъ Лажечникова и Стрѣльцы г-на Масальскаго и Мазепа г-на Булгарина, повѣсти Одоевскаго, Марлинскаго, Гоголя—и повѣсти, съ позволенія сказать, г-на Брамбеуса!!!.... Что все это означаетъ! Какія причины такой пустоты въ нашей литературѣ? Или въ самомъ дѣлѣ—у насъ нѣтъ литературы?....

Pas de grâce!
Hugo Marion de Lorme.

Да—у насъ нѣтъ литературы!

«Вотъ прекрасно! вотъ новость!» слышу я тысячу голосовъ, въ отвѣтъ на мою дерзкую выходку. А наши журналы, неусыпно подвизавшіеся за насъ на ловитвѣ европейскаго просвѣщенія; а наши альманахи, наполненные геніальными отрывками изъ недоконченныхъ поэмъ, драмъ, фантазій; а наши библіотеки, биткомъ набитыя многими тысячами книгъ россійскаго сочиненія; а наши Гомеры, Шекспиры, Гёте, Вальтеръ-Скотты, Байроны, Шиллеры, Бальзаки, Корнели, Мольеры, Аристофаны? Развѣ мы не имѣемъ Ломоносова, Хераскова, Державина, Богдановича, Петрова, Дмитріева, Карамзина, Крылова, Батюшкова, Жуковскаго, Пушкина, Баратынскаго и пр. и пр. А! что вы на это скажете?»

А вотъ что, милостивые государи: хотя я и не имѣю чести быть барономъ, но у меня есть своя фантазія, въ слѣдствіе которой я упорно держусь той роковой мысли, что, не смотря на то, что нашъ Сумароковъ далеко оставилъ за собою въ трагедіяхъ господина Корнеля и господина Расина, а въ притчахъ господина Лафонтена; что нашъ Херасковъ, въ прославленіи на лирѣ громкой славы Россовъ, сравнялся съ Гомеромъ и Виргиліемъ, и подъ щитомъ Владиміра и Іоанна по добру и здорову пробрался во храмъ безсмертія (*); что нашъ Пушкинъ въ самое короткое время успѣлъ стать на ряду съ Байрономъ и сдѣлаться представителемъ человѣчества; не смотря на то, что нашъ неистощимый Ѳаддей Венедиктовичъ Булгаринъ, истинный бичъ и гонитель злыхъ пороковъ, уже десять лѣтъ доказываетъ въ своихъ сочиненіяхъ, что не годится плутовать и мошенничать человѣку comme il faut, что пьянство и воровство суть грѣхи непростительные, и который своими нравоописательными и нравственно-сатирическими (не правильнѣе ли полицейскими) романами и народно-юмористическими статейками на цѣлыя столѣтія двинулъ впередъ наше гостепріимное отечество по части нравоисправленія; не смотря на то, что нашъ юный левъ поэзіи, нашъ могущественный Кукольникъ, съ перваго прыжка догналъ всеобъемлющаго исполина Гёте, и только со втораго поотсталъ немного отъ Крюковскаго; не смотря на то, что нашъ достопочтенный Николай Ивановичъ Гречъ (вкупѣ и въ любѣ съ Ѳаддеемъ Венедиктовичемъ) разанатомировалъ, разнялъ по суставамъ нашъ языкъ и представилъ его законы въ своей тройственной грамматикѣ—этой истинной скиніи завѣта, куда кромѣ его, Николая Ивановича Греча, и друга его, Ѳаддея Венедиктовича, еще доселѣ не ступала нога ни одного профана; тотъ Николай Ивановичъ Гречъ, который во всю жизнь свою не дѣлалъ грамматическихъ ошибокъ и только въ своемъ дивномъ поэтическомъ созданіи—Черная Женщина—еще въ первый разъ, по уликѣ чувствительнаго князя Шаликова, поссорился съ грамматикою, видно увлекшись слишкомъ разыгравшеюся фантазіею; не смотря на то, что г. Калашниковъ заткнулъ за поясъ Купера

(*) Т. е. во Всеобщую исторію Г. Кайданова.

въ роскошныхъ описаніяхъ безбрежныхъ пустынь русской Америки — Сибири, и въ изображеніи ея дикихъ красотъ; не смотря на то, что нашъ геніальный баронъ Брамбеусъ своею толстою фантастическою книгою на смерть пришлепнулъ Шамполіона и Кювье, двухъ величайшихъ шарлатановъ и надувателей, которыхъ невѣжественная Европа имѣла глупость почитать доселѣ великими учеными, а въ ѣдкомъ остроуміи смялъ подъ ноги Вольтера, перваго въ мірѣ остроумца и балагура,—не смотря, говорю я, на убѣдительное и краснорѣчивое опроверженіе нелѣпой мысли, будто у насъ нѣтъ для литературы, опроверженіе, такъ умно и сильно провозглашенное въ Библіотекѣ Чтенія глубокомысленнымъ азіятскимъ критикомъ Тютюн-джи-Оглу;—не смотря на все на это, повторяю: у насъ нѣтъ литературы!!.. Уфъ! усталъ! Дайте перевести духъ — совсѣмъ задохнулся!... Право, отъ такого длиннаго періода поперхнется въ горлѣ даже и у барона Брамбеуса, который и самъ мастакъ на великіе періоды...

Что такое литература?

Одни говорятъ, что подъ литературою какого - либо народа должно разумѣть весь кругъ его умственной дѣятельности, проявившейся въ письменности. Въ слѣдствіе сего нашу, напримѣръ, литературу составятъ: Исторія Карамзина и Исторія гг. Эмина и С. Н. Глинки, историческія розысканія Шлецера, Эверса, Каченовскаго и статья г. Сенковскаго объ Исландскихъ Сагахъ, Физики Велланскаго и Павлова и «Разрушеніе Коперниковой Системы» съ брошюркою о клопахъ и тараканахъ; Борисъ Годуновъ Пушкина и нѣкоторыя сцены изъ историческихъ драмъ со штями и анисовкою, оды Державина и Александроида г. Свѣчина и пр. Если такъ, то у насъ есть литература, и литература богатая громкими именами и не менѣе того громкими сочиненіями.

Другіе подъ словомъ литература понимаютъ собраніе извѣстнаго числа изящныхъ произведеній, то-есть, какъ говорятъ Французы chef d' oeuvres de literature. И въ этомъ смыслѣ у насъ есть литература, ибо мы можетъ похвалиться бо́льшимъ или меньшимъ числомъ сочиненій Ломоносова, Державина, Хемницера, Крылова, Грибоѣдова, Батюшкова, Жуковскаго, Пушкина, Озерова, Загоскина, Лажечникова, Марлинскаго, кн. Одоевскаго, и еще нѣкоторыхъ другихъ. Но есть ли хотя одинъ языкъ на свѣтѣ, на коемъ бы не было сколькихъ нибудь образцовыхъ художественныхъ произведеній, хотя народныхъ пѣсенъ? Удивительно ли, что въ Россіи, которая обширностію своею превосходитъ всю Европу, а народонаселеніемъ каждое европейское государство, отдѣльно взятое, удивительно ли, что въ этой новой Римской Имперіи явилось людей съ талантами болѣе, нежели, напримѣръ, въ какой нибудь Сербіи, Швеціи, Даніи и другихъ крохотныхъ земелькахъ? Все это въ порядкѣ вещей, и изъ всего этого еще отнюдь не слѣдуетъ, чтобы у насъ была литература.

Но есть еще третье мнѣніе, не похожее ни на одно изъ обоихъ предыдущихъ, мнѣніе, въ слѣдствіе котораго литературою называется собраніе такого рода художественно-словесныхъ произведеній, которыя суть плодъ свободнаго вдохновенія и дружныхъ (хоть и не условленныхъ) усилій людей, созданныхъ для искусства, дышущихъ для одного его и уничтожающихся внѣ его, вполнѣ выражающихъ и воспроизводящихъ въ своихъ изящныхъ созданіяхъ духъ того народа, среди котораго они рождены и воспитаны, жизнію котораго они живутъ и духомъ котораго дышатъ, выражающихъ въ своихъ творческихъ произведеніяхъ его внутреннюю жизнь до сокровеннѣйшихъ глубинъ и біеній. Въ исторіи такой литературы нѣтъ и не можетъ быть скачковъ; напротивъ, въ ней все послѣдовательно, все естественно, нѣтъ никакихъ насильственныхъ или принужденныхъ переломовъ, произшедшихъ отъ какого-нибудь чуждаго вліянія. Такая литература не можетъ въ одно и

и то же время быть и французскою и нѣмецкою и англійскою и италіянскою. Это мысль не новая: она давно была высказана тысячу разъ. Казалось бы, не для чего и повторять ее. Но увы! какъ много есть пошлыхъ истинъ, которыя у насъ должно твердить и повторять каждый день во всеуслышаніе! У насъ, у которыхъ такъ зыбки, такъ шатки литературныя мнѣнія, такъ темны и загадочны литературные вопросы; у насъ, у которыхъ одинъ недоволенъ второю частію Фауста, а другой въ восторгѣ отъ Черной Женщины, одинъ бранитъ кровавые ужасы Лукреціи Борджіа, а тысячи услаждаютъ себя романами гг. Булгарина и Орлова, у насъ, у которыхъ публика есть настоящее изображеніе людей послѣ вавилонскаго столпотворенія, гдѣ

Одинъ кричитъ арбуза,
А тотъ соленыхъ огурцовъ;

наконецъ, у насъ, у которыхъ такъ дешево продаются и покупаются лавровые вѣнки генія, у которыхъ всякая смышленость, вспомоществуемая дерзостію и безстыдствомъ, пріобрѣтаетъ себѣ громкую извѣстность, нагло ругаясь надъ всѣмъ святымъ и великимъ человѣчества подъ какою-нибудь баронскою маскою; у насъ, у которыхъ купчая крѣпость на цѣлую литературу и всѣхъ ея геніевъ доставляетъ тысячи подписчиковъ на иной торговый журналъ; у насъ, у которыхъ нелѣпыя бредни, воскрешающія собою позабытую ученость Тредьяковскихъ и Эминыхъ, громогласно объявляются всемірными статьями, долженствующими произвести рѣшительный переворотъ въ русской исторіи?... Нѣтъ: пиши, говори, кричи всякій, у кого есть хоть сколько-нибудь безкорыстной любви къ отечеству, къ добру и истинѣ; не говорю познаній, ибо многіе печальные опыты доказали намъ, что, въ дѣлѣ истины, познанія и глубокая ученость совсѣмъ не одно и то же съ безпристрастіемъ и справедливостію...

. . . .

(Изъ третьяго тома изъ статьи: *Горе отъ ума* комедія Грибоѣдова, напечатанной въ Отечеств. Зап. 1840 года.)

Трагедія или комедія, какъ и всякое художественное произведеніе, должна представлять собою особый, замкнутый въ самомъ себѣ міръ, т. е. должна имѣть единство дѣйствія, выходящее не изъ внѣшней формы, но изъ идеи, лежащей въ ея основаніи. Она не допускаетъ въ себя ни чуждыхъ своей идеѣ элементовъ, ни внѣшнихъ толчковъ, которые бы помогали ходу дѣйствія, но развивается имманентно, т. е. изнутри самой себя. какъ дерево развивается изъ зерна. Поэтому, всякая піеса въ драматической формѣ, вполнѣ выражающая и вполнѣ исчерпывающая свою идею, цѣлая и оконченная въ художественномъ значеніи, т. е. представляющая собою отдѣльный и замкнутый въ самомъ себѣ міръ, есть или трагедія или комедія, смотря по сущности ея содержанія, но нисколько не смотря на ея объемъ и величину, хотя бы она простиралась не далѣе пяти страницъ. Такъ напр., пьесы Пушкина: «Моцартъ и Сальери» «Скупой Рыцарь», «Русалка», «Борисъ Годуновъ» и «Каменный Гость»—суть трагедіи во всемъ смыслѣ этого слова, какъ выражающія, въ драматической формѣ, идею торжества нравственнаго закона, и представляющія, каждая въ отдѣльности, совершенно особый и замкнутый въ самомъ себѣ міръ.

Теперь посмотримъ, какимъ образомъ комедія можетъ представлять собою особый замкнутый въ самомъ себѣ міръ; для чего бросимъ бѣглый взглядъ на высокохудожественное произведеніе въ этомъ родѣ,—на комедію Гоголя «Ревизоръ».

Въ основаніи «Ревизора» лежитъ таже идея, что и въ «Ссорѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ»: въ томъ и другомъ произведеніи поэтъ выразилъ идею отрицанія жизни, идею призрачности, получившую, подъ его художническимъ рѣзцомъ, свою объективную дѣйствительность. Разница между ними не въ основной идеѣ, а въ моментахъ жизни, схваченныхъ поэтомъ.

въ индивидуальностяхъ и положеніяхъ дѣйствующихъ лицъ. Во второмъ произведеніи, мы видимъ пустоту, лишенную всякой дѣятельности; въ «Ревизорѣ» пустоту, наполненную дѣятельностію мелкихъ страстей и мелкаго эгоизма. Чтобы произведенія его были художественны, т. е. представляли собою особый замкнутый въ самомъ себѣ міръ, онъ взялъ изъ жизни своихъ героевъ такой моментъ, въ которомъ сосредоточивалась вся цѣлостность ихъ жизни, ея значенія, сущность, идея, начало и конецъ: въ первомъ—ссору двухъ пріятелей, во второмъ—ожиданіе и пріемъ ревизора. Все чуждое этой ссорѣ и этому ожиданію и пріему ревизора не могло войдти въ повѣсть и комедію, и та и другая начаты съ начала и кончены въ концѣ; намъ не нужно знать подробности дѣтства обоихъ друзей—враговъ, ни того, что было съ ними послѣ, какъ ихъ видѣлъ поэтъ: мы знаемъ это изъ повѣсти, потому что знаемъ этихъ героевъ съ головы до ногъ, знаемъ всю сущность ихъ жизни, вполнѣ исчерпанную поэтомъ въ описаніи ихъ ссоры. Такъ точно, на что намъ знать подробности жизни городничаго до начала комедіи? Ясно и безъ того, что онъ въ дѣтствѣ былъ ученъ на мѣдныя деньги, игралъ въ бабки, бѣгалъ по улицамъ, и какъ сталъ входить въ разумъ, то получилъ отъ отца уроки въ житейской мудрости, т. е. въ искуствѣ нагрѣвать руки и хоронить концы въ воду. Лишенный въ юности всякаго религіознаго, нравственнаго и общественнаго образованія, онъ получилъ въ наслѣдство отъ отца и отъ окружающаго его міра слѣдующее правило вѣры и жизни: въ жизни надо быть счастливымъ, а для этого нужны деньги и чины, а для пріобрѣтенія ихъ взяточничество, казнокрадство, низкопоклонничество и подличанье передъ властями, знатностію и богатствомъ, ломанье, скотская грубость передъ низшими себя. Простая философія! Но замѣтьте, что въ немъ это не развратъ, а его нравственное развитіе, его высшее понятіе о своихъ объективныхъ обязанностяхъ; онъ мужъ, слѣдовательно долженъ прилично содержать жену; онъ отецъ, слѣдовательно долженъ дать хорошее приданое за дочерью, чтобы доставить ей хорошую партію и тѣмъ, устроивъ ея благосостояніе, выполнить священный долгъ отца. Онъ знаетъ, что средства его для достиженія этой цѣли грѣшны передъ Богомъ, но онъ знаетъ это отвлеченно, головою, а не сердцемъ, и онъ оправдываетъ себя простымъ правиломъ всѣхъ пошлыхъ людей: «не я первый, не я послѣдній, всѣ такъ дѣлаютъ». Это практическое правило жизни такъ глубоко вкоренено въ немъ, что обратилось въ правило нравственное; онъ почелъ бы себя выскочкою, самолюбивымъ гордецомъ, если бы, хотя позабывшись, повелъ себя честно въ продолженіи недѣли. Да оно и страшно быть «выскочкою»: всѣ пальцы уставятся на васъ, всѣ голоса подымутся противъ васъ; нужна большая сила души и глубокіе корни нравственности, чтобъ бороться съ общественнымъ мнѣніемъ. И не Сквозники-Дмухановскіе увлекаются могучимъ водоворотомъ этой магической фразы «всѣ такъ дѣлаютъ» и, какъ Молоху, приносятъ ей въ жертву и талатны, и силы души, и внѣшнее благосостояніе. Нашъ городничій былъ не изъ бойкихъ отъ природы, и потому «всѣ такъ дѣлаютъ» было слишкомъ достаточнымъ аргументомъ для успокоенія его мозолистой совѣсти; къ этому аргументу присоединился другой, еще сильнѣйшій для грубой и низкой души: «жена, дѣти, казеннаго жалованья не станетъ на чай и сахаръ».

Вотъ вамъ и весь Сквозникъ-Дмухановскій до начала комедіи. Что касается до формъ, въ какихъ онъ выражался и проявлялся до того, онѣ все тѣ же, все его же, какъ и во время комедіи. Такъ же нетрудно понять, что съ нимъ было и по окончаніи комедіи, какъ онъ дожилъ свой вѣкъ. Художественная обрисовка характера въ томъ и состоитъ,

что если онъ данъ вамъ поэтомъ въ извѣстный моментъ своей жизни, вы уже сами можете разсказать всю его жизнь и до и послѣ этого момента. Конецъ «Ревизора» сдѣланъ поэтомъ опять не произвольно, по вслѣдствіе самой разумной необходимости: онъ хотѣлъ показать намъ Сквозника-Дмухановскаго всего, какъ онъ есть, и мы видѣли его всего, какъ онъ есть. Но тутъ скрывается еще другая, не менѣе важная и глубокая причина, выходящая изъ сущности піесы. Въ комедіи, какъ выраженіи случайностей, все должно выходить изъ идеи случайностей и призраковъ, и только чрезъ это получать свою необходимость: почтенный нашъ городничій жилъ и вращался въ мірѣ призраковъ; но какъ у него необходимо были свои понятія о дѣйствительности, хотя и отвлеченныя, и сверхъ того самый основательный страхъ дѣйствительности, извѣстной подъ именемъ уголовнаго суда, то и должно было выйдти комическое столкновеніе, какъ сшибка естественнаго влеченія сердца къ воровству и плутнямъ съ страхомъ наказанія за воровство и плутни, страхомъ, который увеличивался еще и нѣкоторымъ безпокойствомъ совѣсти. У страха глаза велики, говоритъ мудрая русская пословица: удивительно ли, что глупый мальчишка, промотавшійся въ дорогѣ, трактирный денди, былъ принятъ городничимъ за ревизора? Глубокая идея! Не грозная дѣйствительность, а призракъ, фантомъ, или, лучше сказать, тѣнь отъ страха виновной совѣсти, должны были наказать человѣка призраковъ. Городничій Гоголя не карикатура, не комическій фарсъ, не преувеличенная дѣйствительность, и въ то же время нисколько не дуракъ, но, по своему, очень и очень умный человѣкъ, который въ своей сферѣ очень дѣйствителенъ, умѣетъ ловко взяться за дѣло—своровать и концы въ воду схоронить, подсунуть взятку и задобрить опаснаго ему человѣка. Его приступы къ Хлестакову, во второмъ актѣ,—образецъ подъяческой дипломатіи. И такъ, конецъ комедіи долженъ совершиться тамъ, гдѣ городничій узнаётъ, что онъ былъ наказанъ призракомъ, и что ему еще предстоитъ наказаніе со стороны дѣйствительности, или, по крайней мѣрѣ, новые хлопоты и убытки, чтобы увернуться отъ наказанія со стороны дѣйствительности. И потому приходъ жандарма съ извѣстіемъ о пріѣздѣ истиннаго ревизора прекрасно оканчиваетъ піесу и сообщаетъ ей всю полноту и всю самостоятельность особаго, замкнутаго въ самомъ себѣ, міра. Въ художественномъ произведеніи нѣтъ ничего произвольнаго и случайнаго, но все необходимо и логически вытекаетъ изъ его идеи. Каждое лицо въ немъ, способствуя развитію главной идеи, въ то же время есть и само себѣ цѣль, живетъ своею особною жизнію. Далѣе мы изъ «Ревизора» разовьемъ подробно эту идею, а пока замѣтимъ мимоходомъ, что вслѣдствіе этого взгляда на искусство, Мольеръ—такой же художникъ, какъ Гомеровъ Тирсисъ—красавецъ, и такъ же похожъ на Шекспира, какъ титулярный совѣтникъ Поприщинъ на Фердинанда VIII, короля испанскаго. Конечно Французы правы, что ставятъ Мольера выше Корнеля и Расина: онъ дѣйствительно былъ человѣкъ съ большимъ талантомъ, съ неистощимою живостію и остротою французскаго ума; онъ истощилъ все богатство разговорнаго французскаго языка, воспользовался всею его граціозною игривостію для выраженія смѣшныхъ противорѣчій; онъ подмѣтилъ и вѣрно схватилъ многія черты своего времени. Но онъ великъ въ частностяхъ, а не въ цѣломъ; но его дѣйствующія лица не дѣйствительныя существа, а карикатуры, такъ же какъ его произведенія—сатиры, а не комедіи, такъ же какъ самъ онъ поэтъ мѣстами, а не художникъ, который потому художникъ, что творитъ цѣлое, стройное зданіе, выросшее изъ одной идеи. Напримѣръ, въ его «Скупомъ», Гарпагонъ конечно хорошъ, какъ мастерски написанная карикатура, но всѣ другія лица—резонёры,

ходячія сентенціи о томъ, что скупость есть порокъ; ни одно изъ нихъ не живетъ своею жизнію и для самого себя, но всѣ придуманы, чтобы лучше оттѣнить собою героя quasi—комедіи. То же и въ «Тартюфѣ»: всѣ лица присочинены для главнаго, и самъ Тартюфъ такъ нехитеръ, что могъ обмануть только одного человѣка, и то потому, что этотъ одинъ—пошлый дуракъ. Завязка и развязка мнимыхъ комедій Мольера никогда не выходитъ изъ основной идеи и взаимныхъ отношеній дѣйствующихъ лицъ, но всегда придумывается, какъ рама для картины, не создается, какъ необходимая форма. Это оттого, что у него никогда не было идеи, и поэзія для него никогда не была сама себѣ цѣль, но средство исправлять общество осмѣяніемъ пороковъ. Какой это художникъ!...

. . . .

(Изъ одиннадцатаго тома изъ статьи: *Взглядъ на русскую литературу* въ 1847 году, напечат. въ Современникѣ 1848 года.)

Остается упомянуть еще о нападкахъ на современную литературу и на натурализмъ вообще съ эстетической точки зрѣнія, во имя чистаго искусства, которое само себѣ цѣль и внѣ себя не признаетъ никакихъ цѣлей. Въ этой мысли есть основаніе, но ея преувеличенность замѣтна съ перваго взгляду. Мысль эта чисто-нѣмецкаго происхожденія; она могла родиться только у народа созерцательнаго, мыслящаго и мечтающаго, и никакъ не могла бы явиться у народа практическаго, общественность котораго для всѣхъ и каждаго представляетъ широкое поле для живой дѣятельности. Что̀ такое чистое искусство, этого хорошо не знаютъ сами поборники его, и оттого оно является у нихъ какимъ-то идеаломъ, а не существуетъ фактически. Оно въ сущности есть дурная крайность другой дурной крайности, т. е. искусства дидактическаго, поучительнаго, холоднаго, сухаго, мертваго, котораго произведенія не иное что, какъ риторическія упражненія на заданныя темы. Безъ всякаго сомнѣнія, искусство прежде всего должно быть искусствомъ, а потомъ уже оно можетъ быть выраженіемъ духа и направленія общества въ извѣстную эпоху. Какими бы прекрасными мыслями ни было наполнено стихотвореніе, какъ бы ни сильно отзывалось оно современными вопросами, но если въ немъ нѣтъ поэзіи,—въ немъ не можетъ быть ни прекрасныхъ мыслей и никакихъ вопросовъ, и все, что̀ можно замѣтить въ немъ, это развѣ прекрасное намѣреніе, дурно выполненное. Когда въ романѣ или повѣсти нѣтъ о́бразовъ и лицъ, нѣтъ характеровъ, нѣтъ ничего типическаго, — какъ бы вѣрно и тщательно ни было списано съ натуры все, что̀ въ немъ разсказывается, читатель не найдетъ тутъ никакой натуральности, не замѣтитъ ничего вѣрно подмѣченнаго, ловко схваченнаго. Лица будутъ перемѣшиваться между собою въ его глазахъ: въ разсказѣ онъ увидитъ путаницу непонятныхъ происшествій. Невозможно безнаказанно нарушать законы искусства. Чтобы списывать вѣрно съ натуры, мало умѣть писать, т. е. владѣть искусствомъ писца или писаря; надобно умѣть явленія дѣйствительности провѣсти черезъ свою фантазію, дать имъ новую жизнь. Хорошо и вѣрно изложенное слѣдственное дѣло, имѣющее романическій интересъ, не есть романъ, и можетъ служить развѣ только матеріяломъ для романа, т. е. подать поводъ написать романъ. Но для этого онъ долженъ проникнуть мыслію во внутреннюю сущность дѣла, отгадать тайныя душевныя побужденія, заставившія эти лица дѣйствовать такъ, схватить ту точку этого дѣла, которая составляетъ центръ круга этихъ событій, даетъ имъ смыслъ чего-то единаго, полнаго, цѣлаго, замкнутаго въ самомъ себѣ. А это можетъ сдѣлать только поэтъ. Кажется, чего бы легче было вѣрно списать портретъ человѣка. И иной цѣлый вѣкъ упражняется въ этомъ родѣ живописи, а все не можетъ списать знако-

маго ему лица такъ, чтобы и другіе узнали, чей это портретъ. Умѣть списать вѣрно портретъ есть уже своего рода талантъ, но этимъ не оканчивается все. Обыкновенный живописецъ сдѣлалъ очень сходно портретъ вашего знакомаго, сходство не подвергается ни малѣйшему сомнѣнію въ томъ смыслѣ, что вы не можете не узнать съ разу, чей это портретъ, а все какъ-то недовольны имъ, вамъ кажется, будто онъ и похожъ на свой оригиналъ, и непохожъ на него. Но пусть съ него же сниметъ портретъ Тыриновъ или Брюлловъ —и вамъ покажется, что зеркало далеко не такъ вѣрно повторяетъ образъ вашего знакомаго, какъ этотъ портретъ, потому что это будетъ уже не только портретъ, но и художественное произведеніе, въ которомъ схвачено не одно внѣшнее сходство, но вся душа оригинала. Итакъ, вѣрно списывать съ дѣйствительности можетъ только талантъ, и какъ бы ни ничтожно было произведеніе въ другихъ отношеніяхъ, но чѣмъ болѣе оно поражаетъ вѣрностію натурѣ, тѣмъ несомнѣннѣе талантъ его автора. Что не все должно оканчиваться вѣрностію натурѣ, особенно въ поэзіи,—это другой вопросъ. Въ живописи, по свойству и сущности этого искуства, одно умѣнье вѣрно писать съ натуры можетъ служить часто признакомъ необыкновеннаго таланта. Въ поэзіи это не совсѣмъ такъ: не умѣя вѣрно писать съ натуры, нельзя быть поэтомъ, но и одного этого умѣнья тоже мало, чтобъ быть поэтомъ, покрайней мѣрѣ замѣчательнымъ. Обыкновенно говорятъ, что вѣрное списываніе съ натуры предметовъ ужасныхъ (наприм. убійства, казни и т. п.), безъ мысли и художественности, возбуждаетъ отвращеніе, а не наслажденіе. Это больше, чѣмъ несправедливо, это ложно. Зрѣлище убійства или казни есть такой предметъ, который самъ по себѣ не можетъ доставлять наслажденія, и въ произведеніи великаго поэта читатель наслаждается не убійствомъ, не казнію, а мастерствомъ, съ какимъ то или другое изображено поэтомъ; слѣдовательно, это наслажденіе эстетическое, а не психологическое, смѣшанное съ невольнымъ ужасомъ и отвращеніемъ, тогда какъ картина высокаго подвига, или счастія любви доставляетъ наслажденіе болѣе сложное, и потому полное, столько же эстетическое, какъ и психологическое. Но человѣкъ безъ таланта никогда вѣрно не изобразитъ убійства или казни, хоть бы онъ тысячу разъ имѣлъ случай изучить этотъ предметъ въ дѣйствительности; все, что можетъ онъ сдѣлать,—это болѣе или менѣе вѣрное его описаніе, но никогда не представитъ онъ вѣрной его картины. Описаніе его можетъ возбуждать сильное любопытство, но не наслажденіе. Если же, не имѣя таланта, онъ пустится писать картину такого событія, она всегда произведетъ только одно отвращеніе, но не потому, что вѣрно списана съ натуры, а по причинѣ противоположной, потому что мелодрама не есть драматическая картина, театральный эффектъ не есть выраженіе чувства.

Но, вполнѣ признавая, что искуство прежде всего должно быть искуствомъ, мы тѣмъ не менѣе думаемъ, что мысль о какомъ-то чистомъ, отрѣшенномъ искуствѣ, живущемъ въ собственной сферѣ, неимѣющей ничего общаго съ другими сторонами жизни, есть мысль отвлеченная, мечтательная. Такого искуства никогда и нигдѣ не бывало. Безъ всякаго сомнѣнія жизнь раздѣляется и подраздѣляется на множество сторонъ, имѣющихъ свою самостоятельность; но эти стороны сливаются одна съ другою живымъ образомъ, и нѣтъ между ними рѣзкой, раздѣляющей ихъ черты. Какъ ни дробите жизнь, она всегда едина и цѣльна. Говорятъ: для науки нуженъ умъ и разсудокъ, для творчества—фантазія, и думаютъ, что этимъ порѣшили дѣло начисто, такъ что хоть сдавай его въ архивъ. А для искуства не нужно ума и разсудка? А ученый можетъ обойдтись безъ фантазіи? Неправда! Истина въ томъ, что въ иску-

ствѣ фантазія играетъ самую дѣятельную и первенствующую роль; а въ наукѣ—умъ и разсудокъ. Бываютъ, конечно, произведенія поэзіи, въ которыхъ ничего не видно, кромѣ сильной, блестящей фантазіи; но это вовсе не общее правило для художественныхъ произведеній. Въ твореніяхъ Шекспира, не знаешь, чему больше дивиться—богатству ли творческой фантазіи, или богатству всеобъемлющаго ума. Есть роды учености, которые не только не требуютъ фантазіи, но которымъ эта способность могла бы только вредить; но никакъ этого нельзя сказать объ учености вообще. Искусство есть воспроизведеніе дѣйствительности, повторенный, какъ-бы вновь созданный міръ: можетъ ли же оно быть какою-то одинокою, изолированною отъ всѣхъ чуждыхъ ему вліяній дѣятельностію? Можетъ ли поэтъ не отразиться въ своемъ произведеніи какъ человѣкъ, какъ характеръ, какъ натура,—словомъ, какъ личность? Разумѣется, нѣтъ, потому что и самая способность изображать явленія дѣйствительности безъ всякаго отношенія къ самому себѣ—есть опять таки выраженіе натуры поэта. Но и эта способность имѣетъ свои границы. Личность Шекспира просвѣчиваетъ сквозь его творенія, хотя и кажется, что онъ такъ-же равнодушенъ къ изображенному имъ міру, какъ и судьба, спасающая или судящая его героевъ. Въ романахъ Вальтера-Скотта невозможно не увидѣть въ авторѣ человѣка, болѣе замѣчательнаго талантомъ, нежели сознательно-широкимъ пониманіемъ жизни, тори, консерватора и аристократа по убѣжденію и привычкамъ. Личность поэта не есть что-нибудь безусловное, особо стоящее, внѣ всякихъ вліяній извнѣ. Поэтъ прежде всего человѣкъ, потомъ гражданинъ своей земли, сынъ своего времени. Духъ народа и времени на него не могутъ дѣйствовать менѣе, чѣмъ на другихъ. Шекспиръ былъ поэтомъ старой веселой Англіи, которая, въ продолженіи немногихъ лѣтъ, вдругъ сдѣлалась суровою, строгою, фанатическою. Пуританское движеніе имѣло сильное вліяніе на его послѣднія произведенія, наложивъ на нихъ отпечатокъ мрачной грусти. Изъ этого видно, что родись онъ десятилѣтіями двумя позже,—геній его остался бы тотъ же, но характеръ его произведеній былъ бы другой. Поэзія Мильтона явно произведеніе его эпохи: самъ того не подозрѣвая, онъ въ лицѣ своего гордаго и мрачнаго сатаны написалъ апоѳеозу возстанія противъ авторитета, хотя и думалъ сдѣлать совершенно другое. Такъ сильно дѣйствуетъ на поэзію историческое движеніе обществъ. Вотъ отчего теперь исключительно-эстетическая критика, которая хочетъ имѣть дѣло только съ поэтомъ и его произведеніемъ, не обращая вниманія на мѣсто и время, гдѣ и когда писалъ поэтъ, на обстоятельства, подготовившія его къ поэтическому поприщу и имѣвшія вліяніе на его поэтическую дѣятельность, потеряла теперь всякой кредитъ, сдѣлалась невозможною. Говорятъ: духъ партій, сектантизмъ вредятъ таланту, портятъ его произведенія. Правда! И потому-то онъ долженъ быть органомъ не той или другой партіи или секты, осужденной можетъ быть на эфемерное существованіе, обреченной изчезнуть безъ слѣда, но сокровенной думы всего общества, его, можетъ быть, еще неяснаго самому ему стремленія. Другими словами: поэтъ долженъ выражать не частное, но общее и необходимое, которое даетъ колоритъ и смыслъ всей его эпохѣ. Какъ же разсмотритъ онъ въ этомъ хаосѣ противорѣчащихъ мнѣній, стремленій, которое изъ нихъ дѣйствительно выражаетъ духъ его эпохи? Въ этомъ случаѣ, единственнымъ вѣрнымъ указателемъ больше всего можетъ быть его инстинктъ, темное безсознательное чувство, часто составляющее всю силу геніяльной натуры: кажется, идетъ на удачу, вопреки общему мнѣнію, наперекоръ всѣмъ принятымъ понятіямъ и здравому смыслу, а между тѣмъ идетъ прямо туда, куда надо идти,—и вскорѣ даже тѣ, которые громче другихъ кричали про-

тивъ него, волею или неволею, а идутъ за нимъ, и уже не понимаютъ, какъ же можно было бы идти не по этой дорогѣ. Вотъ почему иной поэтъ только до тѣхъ поръ и дѣйствуетъ могущественно, даетъ новое направленіе цѣлой литературѣ, пока просто, инстинктивно, безсознательно, слѣдуетъ внушенію своего таланта: а лишь только начнетъ разсуждать и пустится въ философію,—глядь и споткнулся, да еще какъ!... И обезсилѣетъ вдругъ богатырь, точно Самсонъ, лишенный волосъ, и—онъ, который шелъ впереди всѣхъ, тащится теперь въ заднихъ отсталыхъ рядахъ, въ толпѣ своихъ прежнихъ противниковъ, а теперь новыхъ союзниковъ, и вмѣстѣ съ ними вооружается на собственное дѣло; да ужъ поздно: не его волею сдѣлано оно, не его волею и пасть ему, оно выше его самаго, и нужнѣе обществу, нежели онъ самъ теперь.... И больно, и жалко, и смѣшно смотрѣть на даровитаго поэта, захотѣвшаго сдѣлаться плохимъ резонёромъ!..

Въ наше время, искуство и литература больше, чѣмъ когда - либо прежде, сдѣлались выраженіемъ общественныхъ вопросовъ, потому что въ наше время эти вопросы стали общѣе, доступнѣе всѣмъ, яснѣе, сдѣлались для всѣхъ интересомъ первой степени, стали во главѣ всѣхъ другихъ вопросовъ. Это, разумѣется, не могло не измѣнить общаго направленія искуства во вредъ ему. Такъ, самые геніальные поэты, увлекаясь рѣшеніемъ общественныхъ вопросовъ, удивляютъ иногда теперь публику сочиненіями, которыхъ художественное достоинство нисколько не соотвѣтствуетъ ихъ таланту или по крайней мѣрѣ обнаруживается только въ частностямъ, а цѣлое произведеніе слабо, растянуто, вяло, скучно. Вспомните романы Жоржа Санда: «Le Meunier d'Angebault», «Le Péche de Monsieur Antoine», «Isidore». Но и здѣсь бѣда произошла собственно не отъ вліянія современныхъ общественныхъ вопросовъ, а отътого, что авторъ существующую дѣйствительность хотѣхъ замѣнить утопіею и вслѣдствіе этого заставилъ искуство изображать міръ, существующій только въ его воображеніи. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ характерами возможными, съ лицами всѣмъ знакомыми, онъ вывелъ характеры фантастическіе, лица небывалыя, и романъ у него смѣшался со сказкою, натуральное заслонилось неестественнымъ, поэзія смѣшалась съ риторикою. Но изъ этого еще нѣтъ причины вопить о паденіи искуства: тотъ же Жоржъ Сандъ послѣ «Le Meunier d'Angibault» написалъ «Теверино», а послѣ «Изидоры» и «Le Péche de Monsieur Antoine»—«Лукрецію Флоріани». Порча искуства, вслѣдствіе вліянія современныхъ общественныхъ вопросовъ могла бы скорѣе обнаружиться на талантахъ низшей степени, но и тутъ она обнаруживается только въ неумѣніи отличать существующее отъ небывалаго, возможное отъ невозможнаго, и еще болѣе—въ страсти къ мелодрамѣ, къ натянутымъ эффектамъ. Что особенно хорошо въ романахъ Евгенія Сю?—вѣрныя картины современнаго общества, въ которыхъ больше всего видно вліяніе современныхъ вопросовъ. А что составляетъ ихъ слабую сторону, портитъ ихъ до того, что отбиваетъ всякую охоту читать ихъ?—Преувеличенія, мелодрама, эффекты, небывалые характеры въ родѣ принца Родольфа,—словомъ, все ложное, неестественное, не натуральное,—а все это выходитъ отнюдь не изъ вліянія современныхъ вопросовъ, а изъ недостатка таланта, котораго хватаетъ только на частности и никогда на цѣлое произведеніе. Съ другой стороны, мы можемъ указать на романы Диккенса, которые такъ глубоко проникнуты задушевными симпатіями нашего времени, и которымъ это нисколько не мѣшаетъ быть превосходными художественными произведеніями.

Мы сказали, что чистаго, отрѣшеннаго, безусловнаго, или, какъ говорятъ философы, абсолютнаго искусства никог-

да и нигдѣ не бывало. Если нѣчто подобное можно допустить, такъ это развѣ художественныя произведенія тѣхъ эпохъ, въ которыя искусство было главнымъ интересомъ, исключительно занимавшимъ образованнѣйшую часть общества. Таковы, напримѣръ, произведенія живописи итальянскихъ школъ въ XVI столѣтіи. Ихъ содержаніе, повидимому, преимущественно религіозное; но это большею частію миражъ, а на самомъ дѣлѣ предметъ этой живописи—красота, какъ красота, больше въ пластическомъ или классическомъ, нежели въ романтическомъ смыслѣ этого слова. Возьмемъ, напримѣръ, мадону Рафаэля, этотъ chef-d'oeuvre итальянской живописи XVI вѣка. Кто не помнитъ статьи Жуковскаго объ этомъ дивномъ произведеніи, кто съ молодыхъ лѣтъ не составилъ себѣ о немъ понятія по этой статьѣ? Кто, стало-быть, не былъ увѣренъ, какъ въ несомнѣнной истинѣ, что это произведеніе по превосходству романтическое, что лицо мадоны — высочайшій идеалъ той неземной красоты, которой таинство открывается только внутреннему созерцанію, и то въ рѣдкія мгновенія чистаго, восторженнаго вдохновенія?... Авторъ предлагаемой статьи недавно видѣлъ эту картину. Не будучи знатокомъ живописи, онъ не позволилъ бы себѣ говорить объ этой удивительной картинѣ съ цѣлію—опредѣлить ея значеніе и степень ея достоинства; но какъ дѣло идетъ только о его личномъ впечатлѣніи и о романтическомъ или неромантическомъ характерѣ картины, — то онъ думаетъ, что можетъ позволить себѣ на этотъ счетъ нѣсколько словъ. Статьи Жуковскаго онъ не читалъ уже давно, можетъ быть больше десяти лѣтъ, но какъ до того времени онъ читалъ и перечитывалъ ее со всѣмъ страстнымъ увлеченіемъ, со всею вѣрою молодости, и зналъ ее почти наизусть,—то и подошелъ къ знаменитой картинѣ съ ожиданіемъ уже извѣстнаго впечатлѣнія. Долго смотрѣлъ онъ на нее, оставлялъ, обращался къ другимъ картинамъ и снова подходилъ къ ней. Какъ ни мало знаетъ онъ толку въ живописи, но первое впечатлѣніе его было рѣшительно и опредѣленно въ одномъ отношеніи: онъ тотчасъ же почувствовалъ, что послѣ этой картины трудно понять достоинства другихъ и заинтересоваться ими. Два раза былъ онъ въ дрезденской галлереѣ, и въ оба видѣлъ только эту картину, даже когда смотрѣлъ на другія и когда ни на что не смотрѣлъ. И теперь, когда ни вспомнитъ онъ о ней, она словно стоитъ передъ его глазами, и память почти замѣняетъ дѣйствительность. Но чѣмъ дальше и пристальнѣе всматривался онъ въ эту картину, чѣмъ больше думалъ тогда и послѣ, тѣмъ болѣе убѣждался, что мадона Рафаэля и мадона, описанная Жуковскимъ подъ именемъ рафаэлевой,—двѣ совершенно различныя картины, неимѣющія между собою ничего общаго, ничего сходнаго. Мадона Рафаэля—фигура строго классическая и нисколько не романтическая. Лицо ея выражаетъ ту красоту, которая существуетъ самостоятельно, не заимствуя своего очарованія отъ какого-нибудь нравственнаго выраженія въ лицѣ. На этомъ лицѣ, напротивъ, ничего нельзя прочесть. Лицо мадоны, равно и вся ея фигура, исполнены невыразимаго благородства и достоинства. Это дочь царя, проникнутая сознаніемъ и своего высокаго сана и своего личнаго достоинства. Въ ея взорѣ есть что-то строгое, сдержанное, нѣтъ благости и милости, но нѣтъ и гордости, презрѣнія, а вмѣсто всего этого какое-то не забывающее своего величія снисхожденіе. Это—какъ бы сказать—idéal sublime du comme il faut. Но ни тѣни неуловимаго, таинственнаго, туманнаго, мерцающаго,—словомъ, романтическаго; напротивъ, во всемъ такая отчетливая, ясная опредѣленность, оконченность, такая строгая правильность и вѣрность очертаній, и вмѣстѣ съ этимъ такое благородство, изящество кисти! Религіозное созерцаніе выразилось въ этой картинѣ только въ лицѣ божественнаго младенца, но

созерцаніе, исключительно свойственное только католицизму того времени. Въ положеніи младенца, въ протянутыхъ къ предстоящимъ (разумѣю зрителей картины) рукахъ, въ расширенныхъ зрачкахъ глазъ его видны гнѣвъ и угроза, а въ приподнятой нижней губѣ горделивое презрѣніе. Это не Богъ прощенія и милости, не искупительный агнецъ за грѣхи міра,—это Богъ судящій и карающій... Изъ этого видно, что и въ фигурѣ младенца нѣтъ ничего романтическаго, напротивъ, его выраженіе такъ просто и опредѣленно, такъ уловимо, что сразу понимаешь отчетливо, что̀ видишь. Развѣ только въ лицахъ ангеловъ, отличающихся необыкновеннымъ выраженіемъ разумности и задумчиво созерцающихъ явленіе Божества, можно найдти что нибудь романтическое.

Всего естественнѣе искать такъ-называемаго искусства—у Грековъ. Дѣйствительно, красота, составляющая существенный элементъ искусства, была едва ли не преобладающимъ элементомъ жизни этого народа. Оттого, искуство его ближе всякаго другаго къ идеалу такъ называемаго чистаго искуства. Но тѣмъ не менѣе красота въ немъ была больше существенною формою всякаго содержанія, нежели самимъ содержаніемъ. Содержаніе же ему давали и религія и гражданская жизнь, но только всегда подъ очевиднымъ преобладаніемъ красоты. Стало-быть, и самое греческое искуство только ближе другихъ къ идеалу абсолютнаго искуства, но нельзя назвать его абсолютнымъ, т. е. независимымъ отъ другихъ сторонъ національной жизни. Обыкновенно ссылаются на Шекспира и особенно на Гёте, какъ на представителей свободнаго, чистаго искуства, но это одно изъ самыхъ неудачныхъ указаній. Что Шекспиръ—величайшій творческій геній, поэтъ по преимуществу, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія; но тѣ плохо понимаютъ его, кто изъ-за его поэзіи не видитъ богатаго содержанія, неистощимаго рудника уроковъ и фактовъ для психолога, философа, историка, государственнаго человѣка и т. д. Шекспиръ все передаетъ черезъ поэзію, но передаваемое имъ далеко отъ того, чтобы принадлежать одной поэзіи. Вообще характеръ новаго искуства—перевѣсъ важности содержанія надъ важностію формы, тогда какъ характеръ древняго искуства—равновѣсіе содержанія и формы. Ссылка на Гёте еще неудачнѣе, нежели ссылка на Шекспира. Мы докажемъ это двумя примѣрами. Въ «Современникѣ» прошлаго года напечатанъ былъ переводъ гётевскаго романа Wahlverwandschaften, о которомъ и на Руси было иногда толковано печатно; въ Германіи же онъ пользуется страшнымъ почетомъ, о немъ написаны тамъ горы статей и цѣлыя книги. Не знаемъ, до какой степени понравился онъ русской публикѣ, и даже понравился ли онъ ей: наше дѣло было познакомить ее съ замѣчательнымъ произведеніемъ великаго поэта. Мы даже думаемъ, что романъ этотъ больше удивилъ нашу публику, нежели понравился ей. Въ самомъ дѣлѣ, тутъ многому можно удивиться! Дѣвушка переписываетъ отчеты по управленію имѣніемъ; герой романа замѣчаетъ, что въ ея копіи, чѣмъ дальше, тѣмъ больше почеркъ ея становится похожъ на его почеркъ. «Ты любишь меня!» восклицаетъ онъ, бросаясь ей на шею. Повторяемъ: такая черта не одной нашей, но и всякой другой публикѣ не можетъ не показаться странною. Но для нѣмцевъ она нисколько не странна, потому что это черта нѣмецкой жизни, вѣрно схваченная. Такихъ чертъ въ этомъ романѣ найдется довольно; многіе сочтутъ, пожалуй, и весь романъ не за что̀ иное, какъ за такую черту.... Не значитъ ли это, что романъ Гёте написанъ до того подъ вліяніемъ нѣмецкой общественности, что внѣ Германіи онъ кажется чѣмъ-то странно необыкновеннымъ? Но «Фаустъ» Гёте конечно вездѣ—великое созданіе. На него въ особенности любятъ указывать какъ на образецъ чистага искуства, не подчиняющагося ниче-

му, кромѣ собственныхъ, одному ему свойственныхъ законовъ. И однакожь не въ осудъ будь сказано почтеннымъ рыцарямъ чистаго искуства — «Faустъ» есть полное отраженіе всей жизни современнаго ему нѣмецкаго общества. Въ немъ выразилось все философское движеніе Германіи въ концѣ прошлаго столѣтія. Недаромъ послѣдователи школы Гегеля цитовали безпрестанно, въ своихъ лекціяхъ и философскихъ трактатахъ, стихи изъ «Фауста». Недаромъ также, во второй части «Фауста», Гёте безпрестанно впадалъ въ аллегорію, часто темную и непонятную по отвлеченности идей. Гдѣ жь тутъ чистое искуство?

Мы видѣли, что и греческое искуство только ближе всякаго другаго къ идеалу такъ называемаго чистаго искуства, но не осуществляетъ его вполнѣ; что̀ же касается до новѣйшаго искуства, оно всегда было далеко отъ этого идеала, а въ настоящее время еще больше отдалилось отъ него; но это-то и составляетъ его силу. Собственно художественный интересъ не могъ не уступить мѣсто другимъ важнѣйшимъ для человѣчества интересамъ, и искуство благородно взялось служить имъ, въ качествѣ ихъ о̀ргана. Но отъ этого оно нисколько не перестало быть искуствомъ, а только получило новый характеръ. Отнимать у искуства право служить общественнымъ интересамъ, значитъ не возвышать, а унижать его, потому что это значитъ—лишать его самой живой силы, т. е. мысли, дѣлать его предметомъ какого-то сибаритскаго наслажденія, игрушкою праздныхъ лѣнивцевъ. Это значитъ даже убивать его, чему доказательствомъ можетъ служить жалкое положеніе живописи нашего времени. Какъ будто не замѣчая кипящей вокругъ него жизни, съ закрытыми глазами на все живое, современное, дѣйствительное, это искуство ищетъ вдохновенія въ отжившемъ прошедшемъ, беретъ оттуда готовые идеалы, къ которымъ люди давно уже охолодѣли, которые никого уже не интересуютъ, не грѣютъ, ни въ комъ не пробуждаютъ живаго сочувствія.

Платонъ считалъ униженіемъ, профанаціею науки приложеніе геометріи къ ремесламъ. Это понятно въ такомъ восторженномъ идеалистѣ и романтикѣ, гражданинѣ маленькой республики, гдѣ общественная жизнь была такъ проста и немногосложна; но въ наше время она не имѣетъ даже оригинальности милой нелѣпости. Говорятъ, Диккенсъ своими романами сильно способствовалъ въ Англіи улучшенію учебныхъ заведеній, въ которыхъ все основано было на безпощадномъ драньѣ розгами и варварскомъ обращеніи съ дѣтьми. Что̀ же тутъ дурнаго, спросимъ мы, если Диккенсъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ какъ поэтъ? Развѣ отъ этого романы его хуже въ эстетическомъ отношеніи? Здѣсь явное недоразумѣніе: видятъ, что искуство и наука не одно и то же, а не видятъ, что ихъ различіе вовсе не въ содержаніи, а только въ способѣ обработывать данное содержаніе. Философъ говоритъ силлогизмами, поэтъ—о̀бразами и картинами, а говорятъ оба они одно и тоже. Политико - экономъ, вооружаясь статистическими числами, доказываетъ, дѣйствуя на умъ своихъ читателей или слушателей, что положеніе такого-то класса въ обществѣ много улучшилось или много ухудшилось, вслѣдствіе такихъ-то и такихъ-то причинъ. Поэтъ, вооружаясь живымъ и яркимъ изображеніемъ дѣйствительности, показываетъ, въ вѣрной картинѣ, дѣйствуя на фантазію своихъ читателей, что положеніе такого-то класса въ обществѣ дѣйствительно много улучшилось или ухудшилось отъ такихъ-то и такихъ-то причинъ. Одинъ доказываетъ, другой показываетъ, и оба убѣждаютъ, только одинъ логическими доводами, другой—картинами. Но перваго слушаютъ и понимаютъ немногіе, другаго—всѣ. Высочайшій и священнѣйшій интересъ общества есть его собственное благосостояніе, равно простертое на каждаго изъ его членовъ. Путь къ этому благосостоянію — сознаніе, а сознанію

искуство можетъ способствовать неменьше науки. Тутъ и наука и искуство равно необходимы, и ни наука не можетъ замѣнить искуства, ни искуство науки.

Дурное, ошибочное пониманіе истины не уничтожаетъ самой истины. Если мы видимъ иногда людей, даже умныхъ и благонамѣренныхъ, которые берутся за изложеніе общественныхъ вопросовъ въ поэтической формѣ, не имѣя отъ природы ни искры поэтическаго дарованія, изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что такіе вопросы чужды искуству и губятъ его. Если бы эти люди вздумали служить чистому искуству, ихъ паденіе было бы еще разительнѣе. Плохъ, напримѣръ, былъ забытый теперь романъ «Панъ Подстоличъ», вышедшій назадъ тому больше десяти лѣтъ и написанный съ похвальною цѣлію—представить картину состоянія бѣлорусскихъ крестьянъ; но все же онъ не былъ совсѣмъ безполезенъ, и хоть съ страшною скукою, но прочли же его иные. Конечно авторъ лучше достигъ бы своей благородной цѣли, если бы содержаніе своего романа изложилъ въ формѣ записокъ или замѣтокъ наблюдателя, не пускаясь въ поэзію; но если бы онъ взялся написать романъ чисто поэтическій, онъ еще меньше достигъ бы своей цѣли. Теперь многихъ увлекаетъ волшебное словцо: «направленіе»; думаютъ, что все дѣло въ немъ, и не понимаютъ, что въ сферѣ искуства, во первыхъ, никакое направленіе гроша не стоитъ безъ таланта, а вовторыхъ, самое направленіе должно быть не въ головѣ только, а прежде всего въ сердцѣ, въ крови пишущаго, прежде всего должно быть чувствомъ, инстинктомъ, а потомъ уже, пожалуй, и сознательною мыслію, что для него, этого направленія, такъ же надобно родиться, какъ и для самаго искуства. Идея вычитанная или услышанная и, пожалуй, понятая какъ должно, но не проведенная черезъ собственную натуру, не получившая отпечатка вашей личности, есть мертвый капиталъ не только для поэтической, но и всякой литературной дѣятельности. Какъ ни списывайте съ натуры, какъ ни сдобривайте вашихъ списковъ готовыми идеями и благонамѣренными «тенденціями», но если у васъ нѣтъ поэтическаго таланта, — списки ваши никому не напомнятъ своихъ оригиналовъ, а идеи и направленія останутся общими риторическими мѣстами.

. . . .

КОНЕЦЪ.

УКАЗАТЕЛЬ

ДЛЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИХЪ ЗАМѢЧАНІЙ.

А. ОБЩІЯ СВОЙСТВА СЛОВЕСНАГО ПРОИЗВЕДЕНІЯ (СОЧИНЕНІЯ).

1. РАЗЛИЧНЫЕ СПОСОБЫ РАЗВИТІЯ МЫСЛИ.

а) Прямое, отвлеченное разсужденіе.

Польза путешествій 209-10 стр.
Что нужно автору? 330.
Отчего въ Россіи мало авторскихъ талантовъ? 331.
Мысли объ уединеніи 333.
Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ 351.
Понятіе о литературѣ 506.

б) Подтвержденіе мысли дѣйствительными фактами.

Розыскъ Св. Димитрія Ростовскаго 139.
Разборъ трагедіи Сумарокова «Димитрій Донской». 347.
Разборъ «Недоросля» и «Горя отъ ума» 509—15.
Разборъ романа «Евгеній Онѣгинъ». 515—18.
Разборъ «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ» 518—21.
Разборъ поэмы «Борскій» 528—32.

в) Изложеніе дѣйствительныхъ фактовъ, проникнутое мыслью.

Опытъ повѣствованія о Россіи 317.
Исторія Россійская 322.
Исторія Государства Россійскаго 335.
Исторія русскаго народа 525.
Письма объ Испаніи 588.

г) Изложеніе дѣйствительныхъ фактовъ, проникнутое чувствомъ.

Слово о Полку Игоревѣ 61.
Переписка Іоанна Грознаго съ Игуменомъ Козмою и Кн. Курбскимъ 104—119.
Письма Кн. Курбскаго къ Іоанну 119—123.

д) Поэтическая мысль, развитая подъ вліяніемъ чувства.

О милый другъ, теперь съ тобою радость 384.
Голосъ съ того свѣта 387.
Таинственный посѣтитель 391.

Въ обители ничтожества унылой 402
Стансы 446.
Чернь 446.
Памятникъ 454.
На смерть Пушкина 454.
Дума 459.
Послѣднее новоселье 466.
Родина 467.
Выхожу одинъ я на дорогу 468.
Косарь 469.
Горькая доля 471.
Ахъ, зачѣмъ меня 472.
Путь 473.
Старое поколѣніе 505.
Раздумье 532.
Дитя мое 534.
Когда встрѣчаются со мной 541.
Монологи 541.

е) Мысль, выраженная въ образѣ (символѣ), безъ участія чувства.

Пчела и курица 304.
Мышь, удалившаяся отъ свѣта 342.
Лиса проповѣдница 342.
Волкъ и Ягненокъ 432.
Волкъ на псарнѣ 433.
Ручей 433.
Слонъ на воеводствѣ 434.
Мірская сходка 435.
Волкъ и Журавль 436.
Волки и Овцы 437.
Кукушка и пѣтухъ 438.

ж) Мысль, проникнутая чувствомъ и выраженная въ образѣ (символѣ).

Всѣхъ цвѣточковъ болѣ 342.
Путешественникъ 385.
Пловецъ 385.
Яворъ къ прохожему 402.
Возрожденіе 438.
Лѣсъ 470.
Искуство 533.

з) Мысль, воплощенная въ художественномъ образѣ.

Бѣдная Лиза 327.
Рыбаки 365.
Пустодомы 371.
Ивиковы журавли 382.
Цыгане 449.
Борисъ Годуновъ 441.
Евгеній Онѣгинъ 449.
Пиръ Петра Великаго 454.
Пѣсня про Царя Ивана Васильевича 455.
Бэла 460.
Урожай 468.
Что ты спишь мужичокъ? 473.
Горе отъ ума 473.
Старосвѣтскіе помѣщики 485.
Тарасъ Бульба 489.
Ревизоръ 496.
Клермонтскій соборъ 534.
Приговоръ 538.
Старый домъ 540.
Обыкновенная повѣсть 540.
Изба 540.
Дорога 541.
Бѣдные люди 542.
Антонъ Горемыка 551.
Хорь и Калинычъ 561.
Малиновая вода 568.
Обыкновенная исторія 573.

2. ГЛАВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ СОЧИНЕНІЯ.

а) Предметы и явленія міра физическаго.

Рѣка 314б (столб.)
Водопадъ 312а, 395а—6б.
Лѣсъ 470б—1а.
Степь 470а.
Осень 550б.
Утро 457б.
Полдень 568а, 572а.
Вечеръ 386а, 388аб, 532а.
Ночь 367б—8а, 397а.
Сѣверное сіяніе 219а.
Буря на морѣ 24а, 25а, 153б, 385 б.
Проливной дождь 468аб.
Урожай 468а—9б.
Описаніе мѣстности 299-300, 325, 595аб, 438б, 551б, 561, 568, 588—9.
Естественныя богатства страны 221.
Картина грозныхъ явленій природы 218б.

Конь 468аб, 589.
Беззаботность птички 439а.
Наружность человѣка 388а, 456а, 550а, 552а, 555а, 590аб.
Голодъ 339б—41б.
Смерть 451аб, 495—6.
Опустѣлый домъ 452, 532б — 3а, 540а, 568б—9а.
Крестьянская изба 540б—1а.
Дорога 541.

б) Предметы и явленія изъ жизни человѣческой.

Счастливая жизнь 311, 455б, 471б—2а, 532а.
Жизнь въ связи съ природою 536—8.
Полевыя работы 468б — 9а, 470а.
Жизнь крестьянина 473аб, 550—560, 569б—70а.
Характеристика крестьянъ 562, 563, 565, 566—7, 572—3.
Жизнь старинныхъ помѣщиковъ 485—9.
Картины несчастія и бѣдности 315б—6а, 543.
Войско 81б, 157а.
Полководецъ-герой 312б—3а, 316б.
Единоборство 294, 458.
Сраженіе 10а, 12б, 14а, 15б, 20б, 64б, 68а, 295.
Казнь 459аб.
Бой быковъ 595—600.
Величіе и могущество царское 126а.
Воинственный и политическій геній 447а—9б, 466б.
Блестящее общество 534б.
Вельможа 476, 570—1.
Хитрый царедворецъ 414б—5б.
Блестящій праздникъ 454а.
Роскошная жизнь 304б, 315б.
Пиръ 407аб, 412б—3а.
Гордость богача 267б.
Барыня помѣщица 274—5.
Помѣщикъ 561б.
Надмѣнность 268а.
Ханжество 268а—71, 273.
Лесть 240а.
Честный гражданинъ 240б.
Юродивый 410—11.
Одушевленіе состраданіемъ 536б.
Любовь дикарки 464—5а.
Грусть дѣвушки въ одиночествѣ 545—6.
Разочарованіе 439—40, 453, 459б—60, 465, 541б—2.
Устраха глаза велики 505аб.
Раздраженіе отъ неудачъ 545б—6а.
Старое отжившее поколѣніе 505а.
Состояніе общества въ извѣстный періодъ 439б, 478.

в) Чувства, пробуждаемыя предметами и явленіями.

1. чувство религіозное.

Благоговѣніе къ Творцу 123б—4а, 218—22, 385б.
Надежда на будущую жизнь 386—7.
Чувство грѣховности предъ Богомъ 144—5, 154, 160б, 184а, 185.
Мученіе совѣсти 444.

2. эстетическое чувство.

Восхищеніе красотами природы 314а, 317а, 324б—5а.
Впечатлѣніе музыки и пѣнія 366б—7б.

3. сочувствіе къ человѣчеству.

Любовь къ добродѣтели 309, 313.
Сожалѣніе къ чужому бѣдствію 127б.
Возбужденіе состраданія 315б.
Презрѣніе къ неразвитой толпѣ 446б—7а, 535.
Негодованіе на уклоненіе отъ идеала 455а, 459б—60а, 466а—7а.

4. патріотическое чувство.

Любовь къ отечеству 467б.
Восторгъ къ государю 226, 316.
Радость по поводу улучшеній 233б, 236б.
Радость мирнаго гражданина 269б—70.
Раскаяніе измѣнника 83а.

Горесть о неудачахъ надъ врагами 155а.
Вражда къ иноземному 351б—6а, 418, 484—5.
Любовь къ родинѣ 398аб.

5. дружба. 360а — 1б, 365 — 71, 580б—1б.

6. любовь.

Пробужденіе любви 361а.
Постоянство любви 384б, 387б.
Счастливая, беззаботная любовь 388б—9а.
Мечты любящей души 391а.
Разлука 82а, 328б, 449а.
Измѣна любви 342а.
Грусть отъ любви несчастной 456а, 459б—60а, 469б—70а.
Горесть женщины, назначенной другому 291б.
Женщина въ плѣну 146б.
Грусть жены, выданной замужъ насильно 472б.
Борьба любви и долга 360 — 2, 492—3.
Горесть о смерти возлюбленной 108б.

7. общія смѣшанныя чувства.

Радость счастливаго человѣка 471б—2а.
Сантиментальность 323—35, 341—2, 361а, 400б—1а.
Элегическое настроеніе души 305б—6.
Разочарованіе 450аб, 467б, 541б—2, 580б—4а.
Горесть бѣдныхъ и несчастныхъ и покорность судьбѣ 542 — 50, 552 – 5.

г) Картины воображенія.

1. воспоминаніе 539а, 540а.
2. игривыя мечты 344б—7а.
3. картина отдаленнаго будущаго 397а, 451б—2а.
4. одушевленіе бездушной природы: Зловѣщія примѣты 61б, 62б, 63а, 83б, 84, 289.

Сочувствіе природы человѣку 63а, 64а, 69б, 81б, 147а, 156б.
Олицетвореніе предметовъ вещественныхъ: рѣки 69а, 146б, 220а; дерева 147а, 180б; лѣса 470б—1а; водопада 395а; огня 222б; сна 536б; смерти 171—8, 305б, 306а.
Впечатлѣніе музыки на природу 533б.

5. олицетвореніе предметовъ духовнаго міра.

Нравственныя понятія 100, 391 б—2а.
Добродѣтели 130—2.
Науки 220б.
Совѣсть 383б.
Счастье 309б, 311б.
Горе 198—200, 472.

6. аналогія между предметами физическими и духовными.

Жизнь въ образѣ путешествія 385 а.
— — — плаванія по морю 385 б.
Красота въ образѣ цвѣтка 342.
Дружба 402.
Поэзія въ образѣ свирѣли 438 б.
Лѣсъ-богатырь 470.
Беззаботность птички 439 а.
Сравненія, см. стр. 5-ю указателя.

7. чудесное.

Чудовищныя существа 10, 11, 13—14, 15—16, 17б, 22б, 25а, 29, 30а, 31, 33б, 34—5, 67б, 68а, 69а, 167б, 200б, 302, 539—40.
Образы изъ миѳологіи 61—70, 287—97, 382—4, 392—3, 398—400, 533аб.
Появленіе тѣни 290а, 370б.
Видѣніе 289—90, 295а.
Вѣщій сонъ 65б, 145а, 160.

3. ВЫРАЖЕНІЕ СЛОВЕСНЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ (СЛОГЪ).

а) Народныхъ:

Пѣсненный языкъ 1—39, 145—156, 180—2.
Онъ же подъ вліяніемъ книжнымъ, 157—172, 182—5, 194—200.
Сказочный языкъ 173—9, 186—194.

б) Искуственныхъ:

Пріемы народнаго языка, внесенные въ произведенія художественныя 455—9, 468—73, 550—60.
Разговорный языкъ 101б—4а, 107б, 108а, 109—114, 431—8.
Смѣсь книжнаго съ разговорнымъ 104—114
Простая прозаическая рѣчь 223—5, 327—9, 351б—6а, 402—22.
Книжная искуственная рѣчь 89б, 115, 121—2, 225—7, 335—41.
Высокій поэтическій слогъ 218—9, 237—9, 289—97, 305—15, 382—4, 441—4, 534б—6б.
Шуточный слогъ 297—303.
Сравненіе прямое 64б, 77б, 88а, 213а, 220б, 221а, 224б, 230а, 256б, 291б, 314, 440б, 459б.
Отрицательное 61б, 62а, 82а, 150аб, 180б.

(Различные виды поэтическихъ оборотовъ рѣчи: метафоръ, эпитетовъ, тавтологій можно найти въ любомъ стихотвореніи. См. особенно слѣдующія страницы.

а) для выраженій народныхъ: 1—28, 145—156, 445—9, 468—73.
б) для выраженій художественныхъ 218—22, 288—97, 305—17, 382—92, 398—402, 438—54, 532—41.

Стихотворный размѣръ.

Тоническій (народный) 1—29, 145—185, 286—9, 455б—9б, 468а—73б.
Силлабическій 132—9, 144, 211—8.
Метрико-тоническій:
4-хъ стопный ямбъ 218—21, 439—41б, 446, 534б—6б.
4-хъ стопный хорей 536а—40а.
5-ти стопный хорей 468а.
6-ти стопный ямбъ 277—86, 289—97, 441б—6а, 447—9, 459б—60а, 467б, 532—3.
Дактиль 533аб.

4. ФОРМА ИЗЛОЖЕНІЯ.

а) Монологическая.

Разсказъ отъ лица самого писателя 45—53, 61—70, 78—85, 201—7, 317—22, 335—41, 382—4, 385—6, 390—1, 449—54, 455—9, 485—9, 525—8, 534—41, 542—550.
Разсужденія писателя 139—44, 330—5, 347—56, 506—22, 525—8, 605—15.
Чувствованія писателя 132—5, 144—5, 180—5, 211—22, 305—17, 343, 387, 391, 398—402, 438—9, 446, 449, 454, 459, 466, 467, 468, 505, 532—3.
Рѣчь отъ писателя къ присутствующимъ 40—3, 54—8, 70—5, 101—4, 207—10, 225—37.
Обращеніе его къ отсутствующимъ (посланіе, письмо) 76—8, 94—6, 101—23, 223—5, 239—40, 263—9, 322—7, 398, 401, 447—9.

б) Разговорная.

Разговоры выводимыхъ писателемъ лицъ 123—32, 135—9, 237—9, 241—63, 269—74, 277—89, 356—65, 371—9, 441—6, 473—85, 496—504, 552—5, 557б—60б.
Письма выводимыхъ лицъ 263—9, 422—31, 542—50.

в) Форма смѣшанная 365—71, 402—22, 449—54, 460—6, 489—96, 522—5, 550—588.

Б. НАРОДНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

1. ОСТАТКИ МИѲИЧЕСКАГО ЭПОСА.

Имена боговъ 2а, 62, 63б, 64б, 68а, 75а, 76а.
Свойства ихъ 22б, 25а, 30, 31, 38.
Остатки религіозныхъ обрядовъ 1а, 2а, 54а, 72б—73а.
Баба-Яга 32—3, 35а.
Обрядныя пѣсни 1—3.
Понятія народа о происхожденіи міра и человѣка 157б—60б.

2. БОГАТЫРСКІЙ И ИСТОРИЧЕСКІЙ ЭПОСЪ.

Физическія свойства богатырей.

Богатыри-оборотни 5б, 6.
Сила богатырей 8б, 26б; сонъ 9а; быстрота ѣзды 9а; оружіе 21а; богатырскій конь 9а, 11а, 171б, 180а.

Душевныя ихъ свойства.

Опасности не боятся 10а.
Щадятъ врага 11б.
Съ побѣжденнымъ великодушны 11б.
Служатъ на защиту отечества 9, 11б.
Почитаютъ родителей 27б, 28а, 170а.
Названные братья 14б, 26б.
Отношенія богатыря къ князю 10б, 19б.
Свойства ихъ враговъ 10, 11, 13—14, 15—16, 17б, 29, 34—35, 171а.

Бытъ общественный.

Различіе между бытомъ звѣролова и земледѣльца 5, 6а, 7аб, 8.
Различіе сословій 3, 26.
Плата дани 7б.
Гербовая бумага 148а.
Неправосудіе 192—4.
Взглядъ народа на правду и обманъ 187, 188а.
Положеніе бѣдняка и вдовы 173б, 175а, 186б.
Богатство города 23б.
Богатство частнаго человѣка 4, 11а, 19б.
Пиры. Пѣніе на пирахъ 21б, 22а.
Хвастовство на пирахъ 23а.
Пирующіе бьются объ закладъ 22б, 27а.
Игра въ шахматы 21б.
Пьянство, какъ утѣха въ горѣ 196а.

Бытъ семейный.

Почтеніе къ родителямъ 4а, 9а, 15а, 162а, 166а.
Богатый и бѣдный братья 186а.
Женщина чародѣйка 17а, 19а.
— оборотень 18—19а.
— богатырь 19б—22а.
Участіе женщины въ княжескихъ пирахъ 18а.
Положеніе женщины замужней 3б, 4аб, 181—2.

Христіанскій элементъ въ народномъ эпосѣ.

Богатырь получаетъ чудесную силу 8б.
Въ опасности обращается съ молитвою къ чудотворцамъ 9а, 25а.
Совершаетъ подвиги: раздѣляетъ имѣніе церквамъ и нищимъ 24б; строитъ церкви 26.
Святой-богатырь 166б, 170.
Язычество въ видѣ грубой коры на тѣлѣ 170.
Старчище-пилигримище 27а.
Богатырей истребляетъ неземная сила 28б.
Произведенія народнаго эпоса, образовавшіяся подъ вліяніемъ христіанства:
Духовные стихи 157—172.

Духовные разсказы 173—179.
Раскольничьи стихи 182—186.
Повѣсть Горе-Злочастіе 194—201.

Животный эпосъ.

Сочувствіе природы человѣку 63а, 64а, 69б, 147а, 153а, 155, 156б.
Животныя дѣйствуютъ какъ люди 4б, 33а, 35—8, 189—194.
Собираются на добычу 6б, 152б, 153а, 182а.
Чудовищная птица Черногаръ 171.
Змѣй предлагаетъ невѣсту 33б.

Эпическіе пріемы изложенія и слога.

Вѣщій сонъ 6б, 65б, 145а, 160.
Зловѣщія примѣты 61б, 62б, 63а.
Чудесное оружіе 13б.
Испытаніе силы стрѣльбою 21а.
Чудесное излечиваніе 188а, 189.
Чудесный напитокъ 29б.
Опредѣленное количество 5а, 9а, 157а.
Синонимы 4б, 5а и т. д.
Прямое сравненіе и отрицат., см. указатель стр. 5.
Анахронизмы 20а, 29б, 30б, 32а.
Слова, внесенныя цивилизаціею 146б, 147а.
Риѳмы 152—4.

В. ИСКУСТВЕННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

1. СОЧИНЕНІЯ УЧЕНЫЯ.

Описанія путешествій.

Письма русскаго путешественника 323—7.
Письма объ Испаніи 588—600.

Исторія.

Разсказъ объ отдѣльномъ событіи 78—85, 85—9, 84—94.
Историческій элементъ въ сочиненіи описательномъ 590—2.
Лѣтопись 45—54.
Исторія народа 317б—23, 335б—41б, 525—7.
Изложеніе, проникнутое религіознымъ чувствомъ 78—85.
Изложеніе съ поучительнымъ характеромъ 335—40.
Характеристика 325б—6, 414б—5.

Разсужденіе 139—44, 330—5, 351—6, 506—9б, 608—15.

Критика 347—51, 509а—22, 528—32, 604—8.

Ораторская рѣчь.

Общія свойства:
Доказательства изъ Св. Писанія 96а, 101б, 115—7, 207а, 232б.
Изъ Св. Отцевъ 54б, 104—114.
Изъ языческихъ писателей 209б.
Изображеніе недостатковъ 44а, 45, 73, 74—6, 161б, 213б—4, 233б, 234—5.
Сравненіе съ прежнимъ лучшимъ 95а, 109—12, 209а.
Прямое наставленіе 71б—2а, 78а, 105, 113б, 197б.
Виды рѣчей:
Церковная проповѣдь догматическая 58, 96—101б.
Правоучительная 40.
Обличительная 43, 70—6, 227—37.
Похвальное слово 41, 207—10.
Наставленіе дѣтямъ 54, 101—4.
Свѣтская похвальная рѣчь 225—7.

2. СОЧИНЕНІЯ ПОЭТИЧЕСКІЯ.

Общія свойства поэзіи.

Виды прекраснаго въ природѣ см. выше въ указателѣ предметовъ и явленій міра физическаго.
Виды прекраснаго въ духовной жизни см. также между предметами и явленіями изъ жизни человѣческой и ниже между идеалами.

Комическое 241—63, 259б, 473—85, 500—2.
Идеалъ положительный:
Богатырь 5—28, 150—1.
Князь-богатырь 48—53.
Князь-богатырь и мудрый правитель 54—8.
Стародумъ, Правдинъ 249—63.
Непустовъ 269—74.
Честонъ 277—86.
Фелица 306б—7а, 308—9.
Бренской—идеалъ друга 360—1.
Волынскій—усердный слуга отечеству 417б—24б.
Старый цыганъ (въ Цыганахъ) 439—41.
Казбичъ (въ Бэлѣ) 461аб.
Бэла 460—6.
Чацкій 473—85.
Тарасъ Бульба 489—96.
Петръ Ивановичъ Адуевъ 573—88.
Типы народной поэзіи:
Бѣдная вдова 173.
Солдатъ и смерть 176.
Горькій пьяница 179.
Шемякинъ судъ 186.
Сказка о Правдѣ и Кривдѣ 187.
Сказка о Ершѣ Ершовичѣ 189.
Горе-Злочастіе 194.
Исторія о Фролѣ Скобѣевѣ 201.
Типы художественные:
Бригадиръ, Сынъ, Совѣтница и пр. 241—9.
Простакова, Митрофанъ, Скотининъ, Учители, Нянька 249—63.
Трифонъ и Акулина Сидоровна (въ Живописцѣ Новикова) 263б—6а.
Начеркалъ, Простосердъ, Незрѣлъ, Купецъ (тамже) 266б—7б.
Мотъ, Надмѣнъ, Плохъ, Ханжа 268.
Ханжахина, Вѣстникова, Чудихина 269—74.
Барыня-помѣщица 274—5.
Верхолетъ, Хвастунъ, Чванкина 277—86.
Вельможа 307—9, 314—6, 447—9, 570—1.
Кн. Радугинъ, Княгиня и Инквартусъ 371—9.
Алеко 439—41.
Шуйскій и Воротынскій — бояре 441—2.
Онѣгинъ-разочарованный 449—54.
Печоринъ 460—6.
Фамусовъ, Молчалинъ, Скалозубъ и пр. 473—85.
Аѳанасій Ивановичъ и Пульхерія Ивановна 485—9.
Городничій, Хлестаковъ, Осипъ, Судья, Учители, Купцы, Барыни уѣзднаго города 496—504.
Дѣвушкинъ, Покровскій, Горшковъ, Хозяйка квартиръ съ мебелью и пр. 542—549.
Горемыка, Побирушка, Управляющій 550—560.
Крестьяне—практикъ и идеалистъ 561—8.
Степушка—крестьянинъ и Туманъ—дворецкій прежняго времени 568—71.
Молодой Адуевъ—романтикъ 573.
Вдохновеніе 446аб.
Искуство 533, 590—2.
Отношеніе его къ дѣйствительности 608а—15.
Происхожденіе поэзіи 438б.
Значеніе поэта для общества 317б, 446, 449, 454.
Литература 506—7а, 604—5.
Виды: а) поэзіи эпической:
Героическая поэма 289—97а.
Пародія на героическую поэму 297—302.
Историческая поэма 61—9, 455б—9б, 489—96.
Лирическая поэма 439—41.
Идиллія 365—71, 536б—8б.
Баллада 382б — 4а, 387б — 90б, 390б—1а, 391б, 392б—3б.
Художественная былина 445—9.
Художественная сказка 344б—7а.
Романъ историческій 402б—22б.
Романъ современный 449 — 54, 460—6, 522—5, 542—50, 573.
Повѣсть 327б — 9а, 393б — 8а, 485б—9б, 550—60.
Нравоописательный очеркъ 561—73.

б) **Поэзіи лирической:**
Переложеніе псалмовъ 132б—5а.
Ода религіозная 218б—9б, 534б—6б.
Ода философская 305б—6б, 309б—12а.
Ода похвальная и торжественная 219б—22а, 306б—9б, 312—4, 454а.
Ода-сатира 314—6б, 447а—9а.
Элегія 384а, 386—7, 398а—401а, 402б, 449а, 467б, 468а, 469—71, 472б—3а, 534а.
Сатира 211—8, 447, 459, 466а—7а, 505аб.
Стихотвореніе антологическое 402а, 438аб, 532—3.
Пѣсня художественно - народная 469—73.
Пѣсня въ подражаніе народной 341—2.
в) Поэзіи драматической:
Духовная драма 123—32, 135б—9а.
Трагедія 237—9, 356а—65.
Комедія 371—9, 472б—85б, 496—504.
Комическая опера 286—9а.
г) Поэзіи дидактической:
Посланіе въ стихахъ 239б.
Басня 240б—1а, 303—5. 342б,—4, 431—8.